3674

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

Сук. тип. 384 — 33000,0.

Отд IV
М 891
К 228
532 03

83
1454

МЕТОДИЧЕСКАЯ

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

съ приложеніемъ

1) Стилистики и теоріи прозы

въ связи

съ приготовительнымъ курсомъ

логики;

2) теоріи поэзіи,

3) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній.

(Третье изданіе III-го тома «Русской хрестоматіи», вновь дополненное).

ПОСОБІЕ

при практическомъ изученіи теоріи словесности, логики
и при руководствованіи въ сочиненіяхъ

учениковъ V, VI, VII и VIII классовъ

среднихъ учебныхъ заведеній.

Удостоена м. преміи Императора Петра Великаго.

Часть I.

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СТИЛИСТИКИ И ТЕОРІИ ПРОЗЫ.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°., Леонтьевскій пер., свой домъ.
1883.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ [1]).

Въ третье изданіе внесена вновь теорія описаній (приведенная въ связь съ теоріей слога и начатками логики), а также пополненъ отдѣлъ поэзіи. Въ теорію ея внесено извлеченіе изъ Поэтики Аристотеля, безъ которой изученіе теоріи драмы не можетъ быть сколько нибудь цѣннымъ. Это извлеченіе заключаетъ все существенное теоріи драмы (II ч., стр. 14—27). Здѣсь положенія Аристотеля приведены въ порядокъ, наиболѣе удобный для усвоенія ихъ учениками средней школы. Въ этомъ расположеніи я слѣдовалъ Лаасу [2]), согласно съ которымъ и предпосылаю каждому § „Поэтики" его изложеніе и разъясненіе. Текстъ выдержекъ „Поэтики" привожу я въ переводѣ Ордынскаго, мѣстами исправленномъ; въ выноскахъ же для учениковъ классическихъ школъ прилагаю и текстъ оригинала. — Сверхъ того, въ теорію драмы внесено вновь опредѣленіе различныхъ ея видовъ (II ч., стр. 28).

Краткое опредѣленіе поэзіи, прежде помѣщенное въ началѣ ея теоріи, замѣнено полнымъ ея опредѣленіемъ, приведен-

---

[1]) Дабы не вводить въ излишніе расходы тѣ школы, гдѣ уже пріобрѣтено прежнее изданіе, — въ оглавленіи, наряду со страницами 3-го изданія указаны страницы 2-го.

[2]) Der deutsche Aufsatz v. Ernst Laas. Berl. 1868 и Der deutsche Unterricht auf höheren Lehranstalten. Berl. 1872.

нымъ въ связь съ теоріей слога и помѣщеннымъ въ концѣ теоріи поэзіи, такъ-какъ оно можетъ быть понято и усвоено учащимися уже послѣ знакомства со всѣми видами поэзіи (II ч., стр. 30).

Число образцовъ умножено. Внесены вновь „Ивиковы журавли" въ отд. эпическихъ произведеній, съ примѣчаніями, и въ отд. произведеній драматическихъ „Эдипъ-царь" Софокла, какъ трагедія, наиболѣе удобная для изученія теоріи Аристотеля, который, поясняя свои положенія, неоднократно ссылается именно на эту трагедію [1]).

Іюнь. 1883.

Левъ Поливановъ.

---

1) Разборъ этой трагедіи Кудрявцева помѣщенъ въ отдѣлѣ «Разсужденій».

О ХРЕСТОМАТІИ, КАКЪ ПОСОБІИ ПРИ УЧЕНІИ ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЯЗЫКУ ВЪ СТАРШИХЪ КЛАССАХЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ І-МУ ИЗДАНІЮ).

«Авторы помогаютъ согражданамъ лучше мыслить и говорить».

Карамзинъ.

Цѣль этого тома хрестоматіи—дать разнообразный и содержательный матеріалъ, обработанный методически для основательнаго изученія и усвоенія какъ слога образцовыхъ писателей, такъ и литературныхъ формъ вообще.

Усвоеніе ихъ дѣло не легкое, какъ показываетъ практика нашихъ школъ. Предоставивъ въ недавнемъ прошломъ эту часть языкоученія чутью учащихся, мы было разучили ихъ писать; но не много успѣли они и тогда, когда для поправленія зла мы внесли теоретическое ученіе словесности въ одинъ изъ среднихъ классовъ школы: для указанной цѣли (усвоенія литературныхъ формъ) это ученіе приноситъ мало пользы даже при практическомъ методѣ изученія теоріи, т. е. при извлеченіи ея самими учащимися изъ разбора образцовъ. И понятно: цѣлью этой части курса поставлено сознательное усвоеніе все же *теоріи*; цѣль эта достигается, приноситъ свою долю пользы, но не освобождаетъ русскаго учителя отъ обязанности *перенести силу этого ученія на собственныя письменныя работы учащихся*.

Какъ скоро обязанность *такъ* воспользоваться теоріей словесности сознана,—ясно представляется все различіе, какое должны получить при ея изученіи проза и поэзія: теорія поэзіи, по ознакомленіи съ ея важнѣйшими положеніями, тѣмъ и оканчиваетъ свое дѣло; на ней не лежитъ обязанности руководить учениковъ въ ихъ собственныхъ работахъ, такъ какъ школа не готовитъ поэтовъ. Совсѣмъ иное положеніе теоріи прозы, по самой сущности своей предназначенной служить руководительницею учащихся на пути къ г р а м о т н о с т и въ полномъ смыслѣ этого слова.

Такая грамотность возможна лишь при дѣйствительномъ усвоеніи прозаическихъ формъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. начиная элементарной техникой отрывистой и періодической рѣчи и кончая полнымъ умѣніемъ облекать мысли въ изящную форму, столь же разнообразную, какъ могутъ быть разнообразны предметы изложенія; умѣніемъ *владѣть* вполнѣ свободно логическимъ расположеніемъ сочиненія и его выраженіемъ.

Все это не можетъ быть пріобрѣтено учащимися ни чрезъ изученіе теоріи слога и прозы, ни помощію самыхъ кропотливыхъ разборовъ для вывода этой теоріи изъ нѣсколькихъ образцовъ. Не можетъ быть пріобрѣтено оно и самымъ большимъ количествомъ письменныхъ упражненій, если они ведутся послѣ изученія теоріи прозы, хотя бы и при руководствованіи ея общими положеніями, но уже отвлеченными отъ тѣхъ забытыхъ образцовъ, которые временно послужили въ одномъ изъ среднихъ классовъ (V-мъ классѣ гимназіи) средствомъ къ ея изученію.

Отъ этого происходитъ большое зло: въ теченіи почти всего послѣдующаго курса, когда развитіе учащихся идетъ быстрыми шагами, и умъ ихъ обогащается новыми познаніями, все болѣе и болѣе получающими строго-научный характеръ, они — при своихъ письменныхъ работахъ, въ которыхъ конечно и это развитіе, и эти познанія непремѣнно должны находить свое выраженіе,— не имѣютъ для руководствованія ничего, кромѣ тѣхъ бѣдныхъ положеній дѣтской теоріи прозы, съ какими ихъ оставили послѣ V-го класса.

Но можетъ быть, это неестественное положеніе столь важной части курса продолжается (въ гимназіяхъ по крайней мѣрѣ) не болѣе $1^1/_2$ года, т. е. до 2-го полугодія VII-го класса, когда учащійся уже можетъ начать пользоваться руководствомъ проходимой тамъ *логики*?

Нѣтъ ничего ошибочнѣе предположенія, что ученикъ, приступившій къ изученію логики послѣ того, какъ $1^1/_2$ года не расширялъ области своихъ наблюденій надъ словеснымъ выраженіемъ логической стороны образцовой рѣчи, сумѣетъ освоиться съ положеніями этой науки на столько, чтобы легко признавать ея законы въ произведеніяхъ слова и сознательно примѣнять ихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Кто изъ преподававшихъ логику не знаетъ, какъ предательски скрыты желѣзныя обручи этой математической науки въ формахъ изящной прозы?—Съ полною увѣренностію можно утверждать, что кто не основалъ изученія словесности, на первыхъ же шагахъ его, на логикѣ, кто не велъ методически послѣдовательно изученія прозаическихъ формъ рука-объ-руку съ ней во все продолженіе курса,—тотъ не отучитъ уже своихъ учениковъ отъ привычки писать сочиненія какъ Богъ на душу положитъ, подтасовывая наскоро составляемый „планъ", нерѣдко изготовленный уже послѣ окончанія сочиненія.

Замѣчая, что теорія словесности, преподанная въ V классѣ, остается бѣднымъ средствомъ *усвоенія* литературныхъ формъ для учениковъ послѣдующихъ классовъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ другому средству, которое можетъ быть оправдано лишь какъ мѣра палліативная: дабы придать работамъ учениковъ приличный видъ стройнаго сочиненія, ихъ обязываютъ писать разсужденія по разъ-на-всегда данному шаблону, заимствованному изъ старой реторики. Здѣсь не мѣсто говорить о степени примѣнимости этой мѣры въ нашихъ школахъ [1]. Укажу только, насколько она недостаточна для достиженія той цѣли, какую ставитъ себѣ современная средняя школа.

---

[1] Отсылаю читателя къ моей статьѣ: «Реторика въ европейскихъ школахъ» въ I т. «Учебно-вспитательной Библіотеки», изд. Учебнаго Отдѣла Моск. Общ. распр. техн. зн. (1876, стр. 458 — 472, или въ отдѣльномъ изданіи: «Отечественный языкъ», т. I, того же года).—См. также статью г. Басистова въ II-мъ томѣ «Учебно-воспитательной Библіотеки», 1878: «Матеріалы къ рѣшенію вопроса: что надобно дѣлать, чтобы ознакомить учениковъ съ разсужденіями?» (стр. 146—181).

Если ограничиться при сочиненіяхъ этимъ реторическимъ средствомъ, то 1) естественный ростъ самаго нѣжнаго изъ органовъ человѣческаго духа—слова—задерживается въ тѣхъ упражненіяхъ, которыхъ образовательная сила именно и состоитъ въ *совмѣстномъ развитіи мысли и слова;* 2) вносится всегда вредный разладъ между теоріей и практикой, такъ какъ реторическія схемы не совпадаютъ даже съ той краткой теоріей, которая нынѣ проходится въ V классѣ; 3) производится упражненіе въ одной изъ прозаческихъ формъ (разсужденіи), такъ что окончившій курсъ не умѣетъ изящно изложить повѣствованія или описанія, ибо упражняется въ нихъ лишь въ низшихъ и одномъ изъ среднихъ классовъ; 4) и въ этой одной прозаической формѣ привыкаетъ къ рутинѣ, которая не оказываетъ надлежащей помощи при сочиненіи на тему, не прилаженную къ реторической схемѣ, что обыкновенно и оказывается, но слишкомъ поздно, при испытаніи зрѣлости.

Лучше поступаютъ тѣ преподаватели, которые ведутъ письменныя упражненія не рѣшаясь долго держать учениковъ на реторическихъ схемахъ, или вовсе умѣя избѣжать потребности въ нихъ. Они пытаются ненадежное руководствованіе ими замѣнить личнымъ руководствованіемъ, выбирая для задачъ темы, которыя вводили бы учащихся въ различныя комбинаціи логическаго построенія сочиненій. Этотъ способъ состоитъ изъ: 1) *предварительнаго разъясненія* темы и расположенія сочиненія по ней, при задаваніи ея, и 2) *разъясненій при исправленіи сочиненій.* Это самый разумный путь руководствованія. Мною предлагаемое пособіе и предназначается для содѣйствія такому способу обученія, но имѣетъ въ виду освободить его отъ той случайности, которой легко подвергается обучающій этимъ способомъ, и отъ лишней траты времени, которая свойственна ему.

Не желательно, чтобы *предварительныя разъясненія* при задаваніи темы оставались безплодны, а это бываетъ такъ, когда учитель избѣгаетъ касаться подробностей будущаго сочиненія: разъясненія невольно получаютъ характеръ общихъ мѣстъ, если учитель избѣгаетъ предупредить въ нихъ самое изобрѣтеніе мыслей; съ другой стороны они лишаютъ задачу возможной для учениковъ самостоятельности, если касаются подробностей будущаго сочиненія, предвосхищая трудъ ихъ собственной изобрѣтательности.

Дабы предварительныя разъясненія были вразумительны, необходимъ опредѣленный предметъ, на который было бы при этомъ обращено вниманіе какъ учащаго, такъ и учащихся; предметъ этотъ долженъ быть весь передъ глазами обоихъ; такимъ предметомъ должна служить статья хрестоматіи, какъ сочиненіе, котораго всѣ части уже готовы, наблюдать который удобно безъ недоразумѣній между руководящимъ и руководимыми; въ то же время статья эта не есть то будущее сочиненіе, къ написанію котораго готовитъ учитель; она только *образецъ* будущаго сочиненія; логическій путь, пройденный ея авторомъ, можетъ быть пройденъ ученикомъ въ его собственномъ сочиненіи на тему, *аналогичную съ темою образца*; всѣ пріемы автора образца поняты ученикомъ въ связи съ потребностями темы этого образца и потому не могутъ быть перенесены ученикомъ въ его сочиненіе всецѣло: сознательное отступленіе отъ образца будетъ не менѣе поучительно, какъ и слѣдованіе ему.

Таково 1-е употребленіе статей хрестоматіи при руководствованіи ученическими сочиненіями.

Эта первая цѣль статей хрестоматіи потребовала тщательнаго вы-

бора образцовъ, такъ сказать, разнообразнаго типа, въ отдѣлахъ: описаній и разсужденій [1].

Но самый выборъ этихъ типическихъ образцовъ долженъ быть не случайный. Я не терялъ изъ виду тѣсную связь этого выбора съ теоріею словесности: вотъ почему послѣдовательное изученіе образцовъ, выбранныхъ согласно со степенью развитія и познаній учащихся отъ V-го класса до послѣдняго (VIII-го гимназическаго) я даю возможность производить съ помощію постепенно расширяющагося приложенія теоріи слога и прозаическихъ сочиненій, элементы которой проходятся въ V-мъ классѣ и окончательное усвоеніе которой *совпадаетъ съ ученіемъ логики въ VII и VIII классахъ*. Мнѣ удалось это сдѣлать, благодаря тому, что самую теорію слога я основалъ на элементахъ логики и на логикѣ же основалъ теорію прозы.

Но было бы еще недостаточнымъ дать по одному образцу каждаго типа, не показавъ, какъ видоизмѣняются литературные пріемы въ каждомъ изъ нихъ. Выше было упомянуто, что самыя отступленія отъ образца поучительны не менѣе слѣдованія ему; нужно слѣдовательно учащемуся показать, что̀ ведетъ къ видозмѣненіямъ и логическаго пути, и пріемовъ изложенія въ статьяхъ подобныхъ, но не одинакихъ: отсюда потребность въ нѣскольхихъ статьяхъ, подобныхъ по предмету, но различныхъ по цѣли авторовъ, а также подобныхъ по цѣли, но различныхъ по предметамъ. Группировка статей хрестоматіи потребовала не меньшей заботы, какъ и выборъ ихъ.

При такой группировкѣ статей учащемуся предоставляется возможность дѣлать множество плодотворныхъ наблюденій надъ пріемами образцовыхъ писателей. Сличеніе сопоставленныхъ статей, подобныхъ по формѣ или по содержанію, даетъ возможность писать не одни близкія подражанія образцамъ; но научиться цѣлесообразному примѣненію въ собственныхъ сочиненіяхъ всевозможныхъ пріемовъ, свободно выбирая ихъ изъ статей образцовыхъ прозаиковъ. Съ этою цѣлію особыми примѣчаніями я руковожу въ этихъ наблюденіяхъ; съ тою же цѣлію въ *указатель*, сопровождающемъ *оглавленіе*, я кратко обозначилъ, какого рода логическія, стилистическія и др. наблюденія удобны при каждой статьѣ отд. „Описаній“, „Повѣствованій“ и „Разсужденій“. Таково 2-е употребленіе статей методической хрестоматіи при руководствованіи ученическими сочиненіями.

Такое живое обращеніе съ произведеніями отечественнаго слова на высотѣ его служенія логическимъ цѣлямъ подъ перомъ лучшихъ авторовъ изящной прозы, и только оно, можетъ перенести силу теоретическаго ученія словесности на собственныя письменныя работы учащихся; съ другой стороны только оно можетъ придать цѣну той опытности, какую пріобрѣтетъ учащійся, упражняясь въ собственныхъ сочиненіяхъ, и сдѣлать эту опытность не безсознательнымъ дѣломъ набивающаго руку ремесленника, но сознательнымъ искусствомъ проходящаго хорошую школу ученика.

Имѣю право назвать эту школу хорошею потому, что въ ней учатъ прежде всего сами образцовые писатели. Дѣло учителя—дѣло посредни-

---

[1] Въ нашей учебной литературѣ уже есть опытъ такого методическаго подбора матеріала во 2-й части Хрестоматіи Басистова; но въ ней обработанъ для цѣлей подражанія образцамъ лишь отдѣлъ *описаній*, и книга предназначена для учениковъ III, IV и V классовъ.

ка между ними и учащимися. Дабы сдѣлать возможнымъ такое дѣло учителя, я и составилъ эту хрестоматію.

Въ то самое время, когда всякій заботливый учитель при историческомъ курсѣ литературы обязываетъ учениковъ читать прозу Нестора, Мономаха, Кирилла Туровскаго, Даніила Заточника, Серапіона, Аѳанасія Никитина, Грознаго, Сильвестра, Стоглава, Курбскаго, Прокоповича и проч., неужели же на эти $1^1/_2$ или 2 года простительно учениковъ удалить отъ современной прозы,—въ годы, когда именно образуется слогъ ихъ, когда требованія отъ задаваемыхъ имъ ежемѣсячно сочиненій усиливаются? Не направляемые въ своихъ опытахъ никакими образцами изящной прозы, отложивъ въ сторону тѣ хрестоматіи, по которымъ наскоро ознакомили ихъ съ теоріей прозы, они или замѣтно оскудѣваютъ въ формахъ своихъ сочиненій или—что̀ едва ли не хуже—невольно обращаются за образцами къ ходячимъ произведеніямъ журналистики и въ своихъ сочиненіяхъ отражаютъ ихъ пошибъ.

Стремясь удовлетворить главной цѣли, я въ то же время не упускалъ изъ виду и нужную полноту курса теоріи словесности: какъ теоріи слога, такъ и теоріи прозы и поэзіи. Соглано съ меньшимъ значеніемъ послѣдней въ курсѣ гимназіи, — и образцамъ, предназначеннымъ для ея изученія, дано мною менѣе мѣста. Всѣ отдѣлы теоріи словесности изложены въ сжатыхъ очеркахъ, помѣщенныхъ въ соотвѣствующихъ мѣстахъ книги, дабы учащіеся могли ими пользоваться какъ учебниками, заключающими сводъ важнѣйшихъ положеній теоріи, но пользоваться не иначе, какъ *послѣ* изученія образцовъ. Для этой цѣли въ виду каждаго отдѣла теоріи прозы я назначаю нѣсколько образцовъ съ руководящими при ихъ разборѣ замѣтками, которыя приготовляютъ къ усвоенію положеній теоріи. Таковы выводы о слогѣ поэтическомъ въ отличіи отъ прозаическаго и описанія простаго отъ художественнаго (стр. 67), о повѣствованіи въ отличіи отъ описанія (стр. 389), о техникѣ изложенія повѣствованія (стр. 174, 176); объ элементахъ разсужденій: стр. 409 и выноски на стр. 417—420, 430—441, 445—448 и др., о построеніи ораторскихъ произведеній (стр. 631 и 632). Съ тою же цѣлію введены мною примѣчанія къ „Энеидѣ“ Виргилія для теоріи эпоса; примѣчанія, руководящія извлеченіемъ идеи лирическаго произведенія (стр. 111, 119, 120), и выбранныя мѣста изъ собственныхъ объясненій Гоголя комедіи и комическаго для теоріи драматическихъ произведеній.

Указанное выше, главное назначеніе моей хрестоматіи не было бы достигнуто вполнѣ безъ другаго, не менѣе важнаго ея назначенія.

Ученики нашихъ среднихъ школъ мало читаютъ образцовыхъ прозаиковъ. Изучить на каждое положеніе теоріи словесности по одному образцу еще не значитъ читать ихъ достаточно. Такое упрощеніе знакомства съ писателями оказываетъ менѣе вреда относительно поэтовъ, такъ какъ, во 1-хъ новѣйшихъ поэтовъ ученики читаютъ и безъ побужденія со стороны школы, а во 2-хъ съ ними ученики встрѣчаются снова въ историческомъ курсѣ новой литературы, гдѣ невозможно обойтись безъ чтенія ея произведеній. Нельзя того же сказать о прозаикахъ. Не бывъ внимательными ихъ читателями, ученики сразу становятся при историческомъ изученіи литературы ихъ судьями; при томъ даже и такое знакомство съ ихъ произведеніями можетъ коснуться очень не многихъ изъ нихъ: изъ новыхъ—собственно одного Карамзина. Неужели же послѣ V класса, т. е съ тѣхъ поръ, какъ начинается историческое изученіе литературы, возможно оставить учащихся безъ чтенія новѣйшихъ отечественныхъ

историковъ и мыслителей уже не только ради формы ихъ сочиненій, но съ цѣлію пробудить вкусъ къ самымъ предметамъ ихъ сочиненій?

Вотъ почему я внесъ въ отдѣлы „Повѣствованій“ и „Разсужденій“, кромѣ образцовъ, удобныхъ для уясненія теоріи прозы и для наблюденія литературныхъ формъ, цѣлый рядъ статей — какъ матеріалъ для чтенія внѣкласснаго.

Первое мѣсто здѣсь занимаетъ „Исторія Государства Россійскаго“, Карамзина, напечатанная въ выдержкахъ, сдѣланныхъ не съ цѣлію историческаго изученія его труда (чему мѣсто въ историческихъ хрестоматіяхъ), но для ознакомленія учащагося юношества съ *лучшими мѣстами* этого историка-художника. Полагаю, эту часть отдѣла „Повѣствованій“ оцѣнитъ каждая школа, считающая своею обязанностію дать въ руки учениковъ одно изъ лучшихъ произведеній русской прозы, и каждый учитель, основывающій литературное образованіе своихъ учениковъ не только на изученіи учебниковъ теоріи и исторіи словесности, не только на чтеніи образцовъ, избранныхъ въ интересѣ этихъ наукъ, но и на знакомствѣ, такъ сказать безкорыстномъ, съ самыми произведеніями литературы. При неудовлетворительности ученическихъ библіотекъ въ нашихъ школахъ и при невозможности имѣть въ нихъ большое количество экземпляровъ многотомныхъ ученыхъ сочиненій, въ цѣломъ и недоступныхъ ученику, такое назначеніе даваемой въ руки хрестоматіи неизбѣжно, особенно если школа считаетъ нужнымъ хотя наиболѣе капитальныя изъ такихъ произведеній сдѣлать обязательнымъ внѣкласснымъ чтеніемъ воспитанниковъ. Соображенія, по которымъ въ историческій же отдѣлъ хрестоматіи внесены мною двѣ главы, печатаемыя здѣсь впервые, изъ труда проф. П. Н. Кудрявцева, мною объяснены во вступительной замѣткѣ къ нимъ[1] (стр. 306).

Въ тѣхъ же видахъ внѣкласснаго приватнаго чтенія, съ цѣлію сдѣлать возможнымъ для учителя и руководство и контроль такого чтенія, внесенъ у меня богатый выборъ историческихъ характеристикъ въ отдѣлѣ „Разсужденій“ (Карамзина, Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, Аксакова, Костомарова и пр.). Затерянные въ большихъ и по большей части недоступныхъ ученику средней школы книгахъ эти образцовыя страницы русской прозы могутъ быть прочитаны съ большою пользою, въ особенности тогда, когда двѣ-три изъ нихъ будутъ избраны для класснаго изученія и дадутъ такимъ образомъ ключъ къ обращенію съ подобными страницами исторіи. Наконецъ съ тою же цѣлію пробужденія любознательности и умѣнія уже на скамьѣ гимназической приняться за чтеніе статей отвлеченнаго содержанія изъ области литературной и вообще художественной критики, я собралъ, какъ мнѣ кажется весьма содержательный рядъ статей (стр. 572—626); сюда внесенъ разборъ „Эдипа Царя“ Кудрявцева и значительная часть Лессингова „Лаокоона“, составляющая законченное цѣлое (въ 7-ми главахъ). Статья проф. Рулье: „Взаимодѣйствіе явленій природы“, выбранная мною изъ памятныхъ Москвѣ его публичныхъ лекцій, представляетъ увлекательное разсужденіе, способное глубоко затронуть интересъ къ знакомству съ природою и внести плодотворную мысль въ естественноисторическія познанія.

Если учитель воспользуется этими статьями для того, чтобы дать

---

1) Считаемъ долгомъ выразить благодарность племяннику покойнаго профессора П. П. Копосову, обязательно предоставившему намъ право напечатать эти главы.

учащимся почувствовать удовольствіе отъ серьезнаго чтенія, то онъ поможетъ имъ сдѣлать значительный шагъ въ образованіи, *тотъ шагъ, необходимость котораго такъ сильно чувствуется въ нашихъ ученикахъ, готовящихъ себя къ университетскому курсу.*

Я выше сказалъ, что назначеніе хрестоматіи, какъ пособія при руководствованіи ученическими сочиненіями, не можетъ быть достигнуто безъ этого, втораго ея назначенія—дать содержательный матеріалъ серьезнаго чтенія. И дѣйствительно: по законамъ душевной организаціи самый слогъ учащихся находится въ неразрывной связи съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ складомъ. Варварскій слогъ всегда бываетъ слѣдствіемъ варварства, въ которомъ коснѣютъ учащіеся. Никакія ухищренія практическаго разсудка, на который такъ разсчитываютъ реторическія правила, не сдернутъ съ учащихся звѣриной шерсти невѣжества, если умъ и сердце не будутъ задѣты за живое идеями представителей просвѣщенія, создавшихъ и просвѣщенный языкъ для своего народа. Образцовые писатели должны быть для учащагося этими представителями. Должно ввести идеи ихъ въ разумѣніе учащихся, помочь имъ вращать въ собственныхъ опытахъ эти идеи, *не заслоняя формы содержаніемъ*, а влагая въ форму всегда достойное содержаніе *и тѣмъ ее опредѣляя*, —и учащіеся заговорятъ языкомъ просвѣщенныхъ людей, а не варваровъ.

Скажу болѣе. Въ среднихъ и старшихъ классахъ всѣ признаютъ нужнымъ давать темы серьезнаго содержанія—разсужденія изъ области нравственной, исторической, литературной... Но не затронувъ интереса къ разсужденіямъ въ этой области, изъ коей почерпаютъ темы, можно ли обращаться къ нимъ? Считаю прямо вреднымъ обращеніе темы на предметъ, пока учащійся не почувствуетъ потребности говорить о немъ: всякое вынужденіе слова помимо возбужденія мыслительной способности самимъ предметомъ—есть противное природѣ и потому вредное насиліе, безплодная жертва извнѣ принятой системѣ, и при ученіи родному слову—положительно безнравственное дѣло, отучающее приводить въ движеніе лучшій органъ духа не иначе, какъ при внутренней потребности дѣйствовать имъ, слѣдовательно пріучающее говорить тогда, когда не созрѣлъ импульсъ къ рѣчи, а потому упражненіе въ *словѣ* безплодное, совершаемое по внѣшнему побужденію, подобно пляскѣ Миньоны подъ палкой шармащика.

Полагаю достаточнымъ этихъ указаній тому, кто, привыкнувъ имѣть дѣло съ хрестоматіями, довольствующимися возможно меньшимъ выборомъ образцовъ, необходимыхъ для прохожденія курса теоріи, поспѣшилъ бы упрекнуть меня за слишкомъ большой объемъ издаваемой мною книги, тѣмъ болѣе, что цѣна ея не превышаетъ обычную цѣну подобныхъ ей хрестоматій, назначаемыхъ для всѣхъ старшихъ классовъ, если принять во вниманіе, что она включаетъ въ себѣ учебникъ *теоріи словесности* (каковые обыкновенно продаются по цѣнѣ отъ 50 к. до 1 р.)

Менѣе отступленій отъ общепринятаго представляетъ поэтическій отдѣлъ моей хрестоматіи. Здѣсь я не имѣлъ въ виду предлагать матеріалъ для внѣкласснаго чтенія. Выше мною указано, почему я не считалъ нужнымъ включать его въ *хрестоматію.* Прибавлю, что появившіяся и вновь появляющіяся изданія, доступныя по цѣнѣ и обработкѣ, уже сдѣлали доступными русскихъ поэтовъ каждому грамотному: таковы изданія многихъ сочиненій Пушкина, «Русская Библіотека» и т. п., и что произведенія новѣйшихъ поэтовъ въ старшихъ классахъ, по моему мнѣнію, должны читаться по возможности не въ отрывкахъ. Все же, доступное возрасту предшествующему, въ характерныхъ выдержкахъ дано мною уже

во II т. моей хрестоматіи (для III и IV класс.), гдѣ часть книги, разсчитанная на обязательное внѣклассное чтеніе, числомъ поэтическихъ произведеній перевѣшиваетъ прозаическія. Слѣдовательно учащіеся по моей хрестоматіи приступаютъ къ теоріи поэзіи, уже прочитавъ всѣ доступныя возрасту части произведеній Пушкина (Русл. и Людм., Кавк. Плѣнн., Галубъ, Братья разбойники, Полтава, Мѣдн. Всадн., Арапъ П. В., Капит. дочка); Жуковскаго (Сидъ, многія баллады); Крылова (басни) и т. д. Поэтому въ поэтическомъ отдѣлѣ этого тома я предлагаю лишь по одному-двумъ образцамъ каждаго вида поэтическихъ произведеній, при чемъ старался выбрать наиболѣе удобныя для извлеченія изъ нихъ теоретическихъ положеній; здѣсь я избѣгалъ въ особенности тѣхъ образцовъ, которые *удобнѣе читаются при историческомъ курсѣ литературы*. За то тѣ произведенія, которыя въ историческомъ курсѣ или не могутъ получить вовсе мѣста (какъ напр. «Скупой рыцарь», «Тарасъ Бульба»), или могутъ быть читаемы прежде историко-литературнаго ихъ освѣщенія (какъ напр. Евгеній Онѣгинъ) мною представлены вполнѣ или въ большихъ выдержкахъ; въ послѣднемъ случаѣ имѣлись въ виду важнѣйшіе моменты ихъ фабулы.

Мнѣ остается пожелать, чтобы обученіе отечественной словесности въ нашихъ среднихъ школахъ болѣе и болѣе принимало тотъ характеръ, при которомъ, кромѣ пріобрѣтенія опредѣленныхъ для каждаго класса теоретическихъ, а затѣмъ историко-литературныхъ свѣдѣній, ученики побуждались бы къ чтенію отечественныхъ писателей; чтобы въ стѣнахъ средней школы образовалось своего рода *общественное мнѣніе, по которому малое знакомство съ ними считалось бы дѣломъ постыднымъ*, какъ мы то видимъ въ школахъ европейскихъ. Дабы это могло осуществиться, нужно дать къ тому сподручныя средства. Въ предисловіи ко II-му тому хрестоматіи я указалъ, какъ можетъ хрестоматія послужить этому дѣлу въ среднихъ классахъ; повторяю это снова въ отношеніи къ классамъ старшимъ, гдѣ, по моему мнѣнію, хрестоматія, должна принять на себя заботу о прозаикахъ, уже уступая поэтовъ отдѣльнымъ изданіямъ.

Л. П.

Второе изданіе напечатано другими шрифтами, нежели 1-е; при чемъ имѣлось въ виду теорію слога, прозы и поэзіи сдѣлать болѣе удобною для чтенія, отпечатавъ ее болѣе крупнымъ шрифтомъ, статьи же хрестоматіи—крупнымъ шрифтомъ болѣе сжатымъ, дабы уменьшить по возможности размѣръ книги. Для удобства тѣхъ школъ, въ которыхъ будутъ употребляться книги обоихъ изданій—въ оглавленіи наряду со страницами 2-го изданія указаны страницы 1-го.—Въ отдѣлѣ «Разсужденій» прибавлены двѣ новыя статьи.

Л. П.

ОГЛАВЛЕНІЕ И УКАЗАТЕЛЬ I ЧАСТИ.

	Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Предисловіе	I.	I.
Теорія слога.	I.	I.

Теорія.

Описаніе простое и художественное.—Выборъ признаковъ въ описаніи простомъ и его расположеніе. — Описаніе систематическое.—Чѣмъ сообщается единство описанію простому?—Выборъ признаковъ въ описаніи художественномъ и его расположеніе. — Чѣмъ сообщается ему единство? — Выраженіе душевнаго настроенія автора.— Типическое описаніе (художественная характеристика). — Языкъ описаній.—Описанія смѣшанныя.	—	3

Описанія.

Описанія простыя (предметовъ и явленій).

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Классная комната, гр. *Л. Толстаго* .	(простѣйшій планъ описанія).....		
Комната въ деревенскомъ домѣ, *Тургенева*		1	5
Постоялый дворъ, *Тургенева*.........	(выборъ признаковъ и расположеніе, согласные съ осн. мыслью).	2	6
Уралъ, *Пушкина*..................	(для сравненія плана описаній: условія	—	7
Рейнъ, по *Мендельсону* и *Ф. Миллеру*.	его составленія).................	3	—
Волга, изъ очерковъ *Перетятковича*.	....	5	9
Плаваніе по Нилу, *Норова*..........	(путевыя замѣтки, какъ матеріалъ для переработки по образцу предъидущихъ описаній)...................	10	14
Баобабъ, *Ковалевскаго*	(описаніе дерева; планъ въ зависимости отъ частей предмета)............	17	21
Гиппопотамъ, *Норова*.............	(расположеніе частей несистематическаго	18	22
Крокодилъ, *его же*	скаго описанія.................	—	23
Гагара, *С. Аксакова*..............	(описаніе въ 1-й части систематическое; во 2-й—несистематическое).........	19	24
Новая земля, *Латкина*.............	(описаніе систематическое)..........	21	25
Африканская пустыня, изъ *хрестоматіи Галахова*	(описаніе предмета и явленія).........	23	27
Обвалъ, *Пушкина*................	(описаніе явленія, краткое)...........	24	28
Водопады Майпуре, *А. Гумбольдта*...	(научное описаніе предмета, какъ явленія)	—	29
Осень, *С. Аксакова*..............	(описаніе явленія сложнаго)..........	27	31
Москва въ XVI столѣтіи, *Карамзина* .	(для сравненія выбора признаковъ, груп-	28	33
Древняя Москва, *Соловьева*.........	пировки ихъ и расположенія).........	29	—
Москва въ XVII вѣкѣ, *Щебальскаго*..	....	30	35
Троицкая Лавра, *Карамзина*.........	(описаніе, соединенное съ повѣствованіемъ).	32	36
Византія, *Иловайскаго*............	....	37	41
Софійскій храмъ, *Иловайскаго*	(для сравненія плана и предметовъ опи-	40	43
Мечеть въ Кордовѣ, *Боткина*........	санія краткаго и полнаго; выраженіе	41	44
Севильскій соборъ, *Боткина*	въ томъ и другомъ)...............	42	46
Севильскій соборъ, *Григоровича*......	....	44	47

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Пирамиды, *Ковалевскаго*	(краткость и полнота (многосторонность) описанія въ зависимости отъ отношенія автора къ описываемому предмету; расположеніе въ зависимости отъ предмета и отъ основной мысли автора).	47	51
Пирамиды, *Норова*		49	53
Рафаэлева Мадонна, *Шевырева*	(описанія картинъ)	54	59
„Преображеніе" Рафаеля, *Шевырева*..	....	55	—
Картина Иванова, *Гоголя*	....	57	62
Сикстова капелла, *Шевырева*	(описанія храмовъ)	58	63
Московскій Успенскій соборъ, *Филарета*		59	64

Описанія художественныя (предметовъ и явленій).

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Днѣпръ, *Гоголя*		61	66
Описаніе художественное въ отличіи отъ простаго. (Особенности каждаго изъ нихъ по матеріалу, цѣли и выраженію. — Свойства языка поэтическаго: средства изобразительности, въ сравненіи „Урала" Пушкина съ „Днѣпромъ" Гоголя		62	67
Новороссійская степь, *Гоголя*	(для сравненія съ предъидущимъ описаніемъ въ отношеніи цѣли и чувствъ авторовъ	67	72
Новороссійскія степи, *Пассека*	(для сравненія съ предъидущимъ описаніемъ по выбору моментовъ наблюденія; связь между частями описанія)..	68	73
Сенъ-Готардъ, *Жуковскаго*	(группировка представленій въ зависимости отъ ощущеній автора; образецъ эскиза)	70	76
Горная дорога, стихотвореніе *Жуковскаго*. (Изъ Шиллера)	(описаніе аллегорическое)...	72	77
Bergllied v. Schiller	....	73	78
„Горная дорога". Шиллера	(разборъ, выясняющій представленія описанія, по Дюнцеру	74	79
Кавказъ, *Пушкина*	(сравненіе выбора представленій въ зависимости отъ точки зрѣнія)	76	82
Кавказъ, *Лермонтова*		77	—
Роща, *Тургенева*	(для изученія выраженія представленій: эпитеты и сравненія).	77	83
Березовая и осиновая рощи, *Тургенева*.	(сравненіе съ 3-мя предъидущими описаніями по размѣру моментовъ наблюденія. Детали)	78	84
Садъ, *Гоголя*	(выборъ представленій въ зависимости отъ основной мысли статьи—Звукоподражаніе)	80	86
Тарантъ, *Жуковскаго*	(выборъ представленій въ зависимости отъ настроенія автора. Субъективность такого описанія)	81	88
Гранада, *Боткина*	(объясненіе разнообразныхъ представленій указаніемъ одного господствующаго признака)	82	89
Прудъ, *Тургенева*	....	84	90
Село, *его же*	(описанія подъ вліяніемъ чувствъ)	—	—
Заброшенная усадьба, *его же*	....	—	91
Церковь ночью, *его же*	....	84	—
Усадьба старосвѣтскихъ помѣщиковъ, *Гоголя*.	(особенности стилистическаго и синтаксическаго выраженія. Выборъ признаковъ въ виду отношенія автора къ предметамъ описанія)	—	—
Дворянская усадьба, *Тургенева*	(для сравненія съ предъидущимъ описаніемъ)	87	93
Дорога въ степь, *Тургенева*	(раздѣленіе описанія въ зависимости отъ отношенія автора къ описываемымъ предметамъ; полнота описанія)	88	95

		Стр. 2 изд.	Стр. 1 изд.
Кремль. *Муравьева*	(статья писателя реторической школы: выборъ словъ и теченіе рѣчи, соотвѣтствующіе предмету описанія и настроенію автора)	89	96
Троицкая Лавра ночью, *его же*	(для сравненія съ предъидущимъ описаніемъ)	91	98
Петербургъ, *Пушкина*	(для опредѣленія цѣлей двухъ описаній	93	99
Воронежъ, *Никитина*	подобныхъ предметовъ)	—	100
Рейхенбахъ, *Карамзина*		94	101
Рейнскій водопадъ, *его же*	(для того же	95	102
Рейнскій водопадъ, *Жуковскаго*		96	103
Шаффгаузенъ и Рейнскій водопадъ (изъ путевыхъ замѣтокъ) *Гёте*	(какъ матеріалъ для переработки по образцу одного изъ предъидущихъ описаній: 1) простаго и 2) художественнаго)	97	104
Кивачъ, *Н. Дмитріева*	(для сравненія въ отношеніи выбора	100	107
Водопадъ, *Державина*	признаковъ, плана и слога)	102	109
Водопады Иматрскій и Нарвскій *Муравьева*	(описаніе отдѣльное и сравнительное)	103	110
Нарвскій водопадъ, стих. *кн. Вяземскаго*	(описаніе съ цѣлью лирическаго выраженія чувства)	104	111
Пожаръ зимняго дворца, *Жуковскаго*	(описаніе сложнаго явленія)	105	112
Самумъ, изъ *хрестоматіи Галахова*	(для сравненія съ предъидущимъ въ отношеніи выбора явленій и моментовъ наблюденія)	106	115
Пожаръ въ лѣсу, *Тургенева*	(общее и частное въ описаніи)	108	117
Передъ дождемъ, *его же*	(описаніе явленія въ двухъ отношеніяхъ)	—	—
Лѣтній дождь, *его же*	(метафоры въ описаніи)	109	118
Обвалъ, стих. *Пушкина*	(описаніе съ цѣлями лирическаго выраженія чувства: извлеченіе идеи стихотворенія изъ разбора описанныхъ представленій и выраженія ихъ)	110	119
Весенній вечеръ, *Тургенева*	(раздѣленіе и подраздѣленіе описанія въ зависимости отъ измѣненія признаковъ предмета въ различные моменты изображаемаго явленія	111	120
Майскій вечеръ, *его же*	(для сравненія съ предъидущимъ описаніемъ въ отношеніи раздѣленія)	—	—
Іюльское утро, *его же*	(для сравненія съ предъидущимъ опис).	112	121
Утро въ рощѣ, *его же*	(для сравненія съ предъидущимъ опис)	—	—
Іюльскій день, *его же*	(для сравненія съ предъидущимъ опис).	113	122
Жаркій полдень, *его же*	(выраженіе и расположеніе въ описаніи явленія)	114	123
Іюльская ночь, *его же*	(то же)	115	124
Воробьиная ночь, *его же*	(то же)	116	125
Украинская ночь, *Гоголя*	(особенности слога, вызванныя выраженіемъ чувствъ автора)	—	—
Ночь на Днѣпрѣ, *его же*	(то же. Трехчленное сравненіе)	117	126
Наступленіе весны, гр. *Л. Толстаго*	(краткое описаніе сложнаго явленія, отличающееся полнотою)	—	127
Весна, *Григоровича*	(для стилистическаго разбора)	118	128
Зимній день. *С. Аксакова*	(соединеніе цѣлей описанія простаго и художественнаго)	119	129
Дорога, *Гоголя*	(для стилистическаго разбора)	122	130
Лѣсъ и степь, *Тургенева*	(единство чувства въ цѣломъ рядѣ картинъ; стилистическія средства, къ тому служащія,—съ разборомъ)	123	133
Полѣсье, *его же*	(то же, безъ разбора)	128	138
Щитъ Ахиллеса (изъ „Иліады“ Гомера), *Гнѣдича*	(описаніе въ повѣствованіи)	132	142
Щитъ Энея (изъ „Энеиды“ Виргилія), *Шершеневича*	(для сравненія съ предъидущимъ описаніемъ)	136	147

		Стр. 2 изд.	Стр. 1 изд.
Жизнь, *Гоголя*	(поэтическая характеристика)	141	152
Видѣнія, *Тургенева*:			
„ Римъ	...	143	154
„ На Волгѣ	...	144	156
„ Парижъ	(для сравненія съ 4-мя предъидущими	146	157
„ Шварцвальдъ	описаніями	—	158
„ Lago maggiore	...	147	—
Драконъ, изъ поэмы гр. *А. Толстаго*	(образъ предмета въ движеніи)	148	159

Повѣствованія.

Теорія.

Повѣствованіе прозаическое и поэтическое.

I. Повѣствованіе прозаическое.—Историческая проза.—История. Повѣствованіе простое и художественное.—Соединеніе того и другаго въ исторіи.—Историческія обозрѣнія.—Исторія повѣствовательная и умозрительная.—Цѣль философской исторіи.—Прагматическая исторія.—Отличіе ея отъ философской.—Доктринерство въ исторіи.—Психологическій элементъ въ исторіи.—Историческая характеристика.—Исторія всемірная, частная и спеціальная). Біографія и автобіографія. Некрологъ 159 171

II. Повѣствованіе поэтическое и прозаическое со стороны изобрѣтенія и выраженія.—Описательный элементъ исторіи.—Рѣчи въ исторіи.—Ораторскій элементъ въ исторіи.

Лѣтопись. Записки, или мемуары 160 173

Повѣствованіе прозаическое.

Изъ „Исторіи Малой Россіи“ *Бантыша-Каменскаго*:			
1. Борьба казаковъ съ Поляками	(связность разсказа при расположеніи хронологическомъ: переходныя мысли; аналитическое отношеніе между мыслями—развитіе мысли; отношеніе противоположности. Синтаксическое выраженіе переходныхъ мыслей: аналитическое и синтетическое отношеніе мыслей въ сложномъ предложеніи)	162	174
2. Тарасъ Трясила	(образецъ прагматическаго изложенія. Вводящія и переходныя мысли. Планъ повѣствованія)	164	176
Изъ „Исторіи Государства Россійскаго“, *Карамзина*:			
1. Успѣхи Татаръ при Донскомъ	(для сравненія съ предъидущимъ повѣствованіемъ)	166	179
2. Состояніе Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III	(образецъ обозрѣнія)	168	180
3. Бракъ Іоанна III съ Софіею	(художественное повѣствованіе историческаго факта)	174	187
4. Покореніе Твери	(простое повѣствованіе историческаго факта)	181	194
5. Возстановленіе русской государственной независимости	(художественное повѣствованіе историческаго факта, приведеннаго въ связь съ характеристикой главнаго дѣйствующаго лица)	182	196
6. Первое посольство въ Константинополь	(прямая рѣчь въ повѣствованіи)	191	202

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
7. Обозрѣніе политической дѣятельности Іоанна III	(элементъ разсужденія въ обозрѣніи: періодическій слогъ, вызываемый логическими требованіями обозрѣнія)	192	203
8. Общій характеръ царствованія Василія	(для сравненія съ предъидущимъ)	195	207
9. Перемѣна Іоанна IV	(повѣствованіе о дѣйствіяхъ историческихъ лицъ и ихъ отношеніяхъ между собою, приведенное въ связь съ характеристикой главнаго дѣйствующаго лица)	205	208
10. Учрежденіе опричнины	(отрывокъ чисто повѣствовательный, для наблюденія синтаксическаго выраженія такого повѣствованія)	212	215
11. Іоаннъ IV во время опричнины	(то же)	216	220
12. Земскій соборъ при Іоаннѣ IV	(краткое повѣствованіе: рѣчь прямая и косвенная)	218	221
13. Жестокости Іоанна IV	(образецъ повѣствованія анекдотическаго)	219	222
14. Сыноубійство	(живое воспроизведеніе внѣшняго дѣйствія и внутренняго состоянія историческаго лица въ одной сценѣ, и ея послѣдствія)	220	224
15. Завоеваніе Сибири	(художественное повѣствованіе: рядъ сценъ разнообразнаго характера	222	226
16. Смерть Іоанна IV	(единство тона, сообщаем. разсказу теченіемъ періодической рѣчи)	228	231
17. По смерти Іоанна Грознаго	(повѣствованіе сложное: сужденіе автора о событіи по аналогіи съ ему подобными; очеркъ настроенія народнаго, описаніе новаго правительства; двѣ краткія характеристики: Θеодора и Годунова — 1-я въ указаніи согласія свойствъ; 2-я въ указаніи ихъ противорѣчія)	230	234
18. Вѣнчаніе Годунова на царство	(художественное воспроизведеніе сцены вѣнчанія)	235	269
19. Первые два года царствованія Бориса Годунова	(повѣствованіе простое, какъ раскрытіе мысли, поставленной во главѣ отрывка)	—	239
20. Послѣднія пять лѣтъ царствованія Бориса Годунова	(2-я гл. XI тома съ небольшими пропусками, какъ образецъ сложнаго повѣствованія, воспроизводящаго драматическое положеніе главнаго лица, съ выдержками изъ источниковъ по примѣчаніямъ Карамзина, и примѣченіями стилистическими)	237	—
21. Бѣдственное положеніе Россіи при Тушинскомъ ворѣ	(образецъ простаго повѣствованія въ формѣ очерка)	266	237
22. Крамола въ Москвѣ при В. Шуйскомъ	(очеркъ въ связи съ художественнымъ воспроизведеніемъ сцены)	270	276
23. Бѣдствія Москвы во время междуцарствія	(художественное повѣствованіе)	271	278
Азовскій походъ, *Соловьева*	(повѣствованіе отрывистаго слога)	276	283
Призывъ Петра Великаго, *его же*	(очеркъ общественнаго движенія, подкрѣпленный рядомъ примѣровъ)	277	285
Гераклій, *Кудрявцева*	(сложное художественное повѣствованіе, заключающее обозрѣніе, изображеніе дѣйствій лица и оцѣнку его)	289	288

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Сліяніе Римлянъ съ Лонгобардами, *его же*	(Историческое обозрѣніе внутренней стороны народной жизни)........	294	292
Карлъ V на Вормскомъ сеймѣ, *его же*.	(сопоставленіе дѣйствій лица съ общественнымъ движеніемъ)	297	296
Францискъ I и Карлъ V, *его же*......	(художественное воспроизведеніе личнаго столкновенія государей, какъ эпизодъ, характеризующій обѣ личности)........	301	300
Отреченіе отъ престола Карла V и его смерть, *его же*........	(Дѣйствія лица, объясняемыя характеромъ его)........	305	304
Возвышеніе папской власти, изъ неизданнаго сочиненія *П. Н. Кудрявцева*: „Папство и Имперія".	(образецъ художественной исторіи).		
Предварител. замѣчанія, *Л. П.*	....	307	306
1. Франконскій императорскій домъ и отношенія его къ папскому престолу	1........	309	309
	2........	312	311
	3........	315	315
2. Григорій VII и Генрихъ IV.....	1........	321	321
	2........	326	326
	3........	332	333
	4........	336	337
	5........	241	342
Изъ біографическаго очерка: М. В. „Ломоносовъ", *Ламанскаго*........	(образецъ біографіи).		
	I........	343	345
	II........	355	356
	III........	357	358
Изъ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя," періодъ 2-й, *Н. М*........	(то же)		
	I........	358	359
	II........	366	368
	III........	370	371
Изъ „Воспоминаній" *С. Аксакова*....	(образецъ автобіографіи).		
	I........	373	380
	II........	382	383
Повѣствованіе поэтическое	(для различенія отъ прозаическаго).		
Изъ повѣсти: „Тарасъ Бульба". *Гоголя*.			
1. Послѣдняя ночь въ отеческомъ домѣ........		384	386
Повѣствованіе въ отличіи отъ описанія: группировка и расположеніе повѣствованій. Ихъ содержаніе........		387	389
2. Сборы въ походъ........	(для сличенія съ прозаическимъ повѣствованіемъ о подобныхъ же событіяхъ)........	388	391
3. Атаманъ........	(поэтическое воспроизведеніе лица, какъ представителя народа, при идеализаціи на основаніи народной поэзіи)	392	395
4. Смерть Андрія........	(поэтическое воспроизведеніе въ повѣствовательной формѣ драматическаго столкновенія........	395	397
5. Казнь казаковъ........	(для сличенія съ прозаическимъ повѣствованіемъ того же содержанія)....	398	400
6. Судьба Тараса........	(смерть героя, какъ слѣдствіе его личныхъ свойствъ)........	401	403

Разсужденія.

Теорія.

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Что такое разсужденіе?—Раздѣленіе понятія.—Разчлененіе.—Опредѣленіе субстанціальное и генетическое, реальное и вербальное. — Недостатки опредѣленія.—Полное опредѣленіе.—Опредѣленіе отношеній.—Неполное опредѣленіе (Locatio, различеніе, объясненіе, логич. описаніе, характеристика).—Доказательство.—Дедукція и индукція.—Основныя формы темъ разсужденій.—Доказательство прямое и непрямое.—Провѣрка доказательства.—Изслѣдованіе.—Примѣръ.—Свидѣтельство.		407	409
Семейство кошекъ, *Сѣверцева*	(раздѣленіе и полн. опредѣленіе)	414	417
Левъ, *Тэна*	(locatio и представитель рода типъ	415	418
С.-Бернардская собака, *Рулье*	(раздѣленіе и неполное опредѣленіе чрезъ описаніе)	416	419
Дичь, *С. Аксакова*	(опредѣленіе и раздѣленіе понятія)	417	420
Древне-греческія галеры, *Грановскаго*.	(различеніе, distinctio — признаки существенные и производные—свойства)	—	—
Формы общественной жизни въ Греціи и Римѣ, *Леонтьева*	(опредѣленіе генетическое).	—	421
Феодализмъ, *Гизо*	(опредѣленіе полное)	418	422
Рабство, *Соловьева*	(опредѣленіе генетическое и субстанціональное)	419	—
Греческій царь героическаго періода, *Леонтьева*	(опредѣленіе чрезъ описаніе)	420	423
Древне-греческое вече, *его же* / Древне-русское вѣче, *Сергѣевича*	(опредѣленія для сравненія)	421	424
Апоѳеоза, *Благовѣщенскаго*		—	425
Кліентство, *его же*		423	426
Баобабъ, *Рулье*	(логическ., описаніе, какъ замѣна опредѣленія, для сравненія съ описаніемъ въ собств. смыслѣ въ отд. I, стр 21)	425	428
Нидерланды, *Тэна*	(логическое описаніе; признаки индивидуальные въ связи съ существенными признаками рода)	426	430
Нилъ, *Рулье*	(то же, для сравненія съ описаніемъ „Плаваніе по Нилу“, въ отд., I, стр. 14, и съ логическимъ описаніемъ „Баобабъ“)	428	432
Русская государственная область, *Соловьева.*	(два опредѣленія—неполныхъ: объясненіе и логич. описаніе, съ цѣлями доказательства *сужденія*, выражающаго тему)	430	434
Способности души, *Юркевича*	(раздѣленіе, различеніе, неполное опредѣленіе по отношенію къ другимъ понятіямъ)	432	436
Твердость и упрямство, *Жуковскаго*	(различеніе)	433	437
Юность и старость, *Карамзина*	(различеніе, по отношенію къ другому понятію)	434	438
Непостоянство и привычка, *его же*	(опредѣленіе самаго отношенія, какъ отвлеченнаго понятія)	—	439
Теорія и практика, *Жуковскаго*	(различеніе)	435	—
Идеалисты и скептики, *Карамзина*	(опредѣленіе противоположныхъ понятій)	436	—
Вдохновеніе и восторгъ, *Пушкина*	(различеніе)	—	—
Темпераменты, *Юркевича*	(рядъ опредѣленій во взаимной связи; образцовый примѣръ)	—	441
Общеполезныя знанія, *Карамзина*	(опредѣленія)	439	444
Сила науки, *Жуковскаго*	(опредѣленія)	440	—
Сила науки, *Соловьева*	(опредѣленія)	—	445
Необходимость различенія существеннаго отъ случайнаго при сужденіи о человѣкѣ, *его же*	(различеніе двухъ понятій, сходныхъ по		

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
	признаку, существенному для одного и несущественному для другаго).....	441	—
Необходимость различенія существеннаго отъ случайнаго при сужденіи о человѣкѣ, *Никитенко*	(различіе двухъ понятій по различному соотношенію одинакихъ признаковъ..	442	446
Въ чемъ состоитъ новизна высказываемаго? *Пушкина*	(опредѣленіе понятія въ связи съ опредѣленіемъ другаго; аналогія)........	—	447
Идеалъ, *Кавелина*..........	(опредѣленія)	—	—
Утопія, *Чичерина*.................	(опредѣленія)	443	—
Служеніе истинѣ, *Бѣлинскаго*.......	(опредѣленіе понятія въ связи съ опредѣленіемъ другаго)................	443	448
Великіе люди, *Грановскаго*..........	....	—	—
Великіе люди, *А. Градовскаго*........	(опредѣленія одного и того же понятія;	444	449
Великіе люди, *Герье* (по Гегелю).....	сравни также въ ст. *Кудрявцева*, стр.	445	450
Великіе люди, *Гизо*	326, и *Грановскаго*: 468)...........	446	451
Мѣрило при сужденіи о великихъ людяхъ *Н. Полеваго*........... ..	....	448	453
Критикъ, *Жуковскаго*........	(опредѣленіе; различеніе)	449	454
Свойства поэта, *С. Джонсона*.........	(опредѣленіе)........................	451	456
Живопись, *Шевырева*................	(опредѣленіе)................... ..	452	457
Искусство и промышленность, *его же*.	(опредѣленіе двухъ понятій во взаимной связи)........................	455	460
Поэзія въ ряду другихъ искусствъ, *его же*	(неполное опредѣленіе въ связи съ другими видами того же рода).........	456	461
Благородное, пошлое, низкое, по *Шиллеру*.........................	(опредѣленіе 3-хъ понятій во взаимной связи)...........................	—	—
Вѣра, *Сергіевскаго*................	(неполное опредѣленіе въ связи съ другимъ понятіемъ).................	458	463
Человѣкъ чувства и человѣкъ ума, *Карамзина*....................	(опредѣленіе двухъ типовъ)........	459	464
Два характера, *его же*..............	(параллельная характеристика 2-хъ лицъ, въ связи съ описаніемъ и повѣствованіемъ).......	461	466
Людовикъ XIV, какъ представитель своего народа, *Соловьева*.........	(краткая характеристика чрезъ опредѣленіе рода)...................	462	467
Лафонтенъ и Крыловъ, *Пушкина*....	(то же, относительно 2-хъ лицъ).. ...	—	—
Алкивіадъ, *Грановскаго*............	(характеристика)	463	468
Пирръ, *его же*....................	(характеристика).	465	470
Петръ Великій, *Кавелина*...........	(характеристики для сравненія)	466	471
Петръ Великій, *Соловьева*	(характеристики для сравненія)	467	472
Петръ I и Екатерина II, *кн. Вяземскаго*	(сравнительная характеристика 2 лицъ).	469	474
Іоаннъ Грозный, *Карамзина*.........	....	470	476
Іоаннъ Грозный, *Костомарова*	(характеристики для сравненія).......	473	478
Іоаннъ IV, *К. Аксакова*............	....	475	481
Іоаннъ Грозный, *Соловьева*	....	477	482
Василій Іоанновичъ, *Карамзина*.....	(характеристика)...................	482	549
Іоаннъ III, *его же*.................	(характеристика; различеніе. Образецъ рѣчи періодической)........	483	488
Людовикъ, XI, *Вальтеръ-Скотта*	(характеристика; историческая оцѣнка лица)	485	491
Карлъ V, *Кудрявцева*...............	(характеристика; историческая оцѣнка)	488	493
Лютеръ, *его же*....................	(характеристика; историческая оцѣнка)	489	495
Юстиніанъ, *его же*.................	(характеристика)	491	497
Маргарита Нидерландская, *его же* ..	(характеристика)	492	498
Василій Іоанновичъ Шуйскій, *Карамзина*	(характеристика)	—	—
Англичане, Нѣмцы, Итальянцы, Испанцы и Французы XVII в., *Соловьева*....	(5 краткихъ характеристикъ)...... ..	493	499
Караванъ послѣ самума, *Ковалевскаго*	(описаніе, какъ матеріалъ для сравнительной характеристики).........	495	501

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Черты русскаго народа въ личностяхъ русскихъ поэтовъ, *Гоголя*	(характеристика народа на основаніи краткой характиристики 4-хъ лицъ).	496	502
Спарта, *Соловьева*	(логическое описаніе быта)	498	504
Аѳиняне времени Перикла, *Грановскаго*	(то же)	499	505
Важнѣйшая черта государственной жизни Китая, *Соловьева*	(то же)	501	507
Общество передъ судомъ поэта, *Гоголя*	(статья моральнаго содержанія, въ формѣ воззванія къ поэту, основанная на характеристикѣ)	502	508
О любви къ отечеству, *Карамзина*	(статья, заключающая всѣ элементы разсужденія)	503	509
Логическій разборъ разсужденія Карамзина		505	511
Важность воспитанія въ предѣлахъ отечества, *Карамзина*	(разсужденіе. Тема: „Воспитаніе отрока въ предѣлахъ отечества внушаетъ любовь къ нему“)	507	513
Что́ утверждаетъ могущество государства, *Жуковскаго*	(разсужденіе. Тема: „Устройство внутреннее утверждаетъ могущество государства“)	508	514
Что разрушаетъ государство	(выясненіе примѣрами темы: „Внутренняя слабость государства разрушаетъ его“; матеріалъ для разсужденія)	—	—
Основный законъ здравой политики, *Жуковскаго*	(выясненіе сравненіемъ и противоположеніемъ главнаго понятія темы: „Замѣна обветшалаго новымъ по указаніямъ исторіи есть основной законъ здравой политики“)	509	515
Значеніе великихъ умовъ прошлыхъ временъ для образованнаго человѣка, *Маколея*	(выясненіе сравненіемъ темы: „Великіе умы прошлыхъ временъ—благодѣтельны для образованнаго человѣка“)	—	516
Изъ предисловія къ „Исторіи Государства Россійскаго,“ *Карамзина*	(статья, заключающая всѣ элементы разсужденія)	510	—
Трудности изученія исторіи, *Соловьева*	(доказател. прямое; сравненіе).	514	521
Сознаніе Русскими пользы ученія самобытно, *его же*	(подтвержденіе темы свидѣтельствомъ)	516	522
О счастливѣйшемъ времени жизни, *Карамзина*	(доказат. непрямое и прямое)	—	523
Два условія развитія личности, *Соловьева*	(доказательство путемъ цѣлесообразнаго опредѣленія подлежащаго (*личность*) и понятій сказуемаго: *развивается расширеніемъ жизненной сферы*)	518	525
Условія исторической жизни народовъ, *его же*	(доказательство темы: „Природа, родоначальникъ, преданіе—и движеніе суть необходимыя условія исторической жизни народовъ“)	519	—
Необходимость исторіи для характеристики народа, *Кудрявцева*	(доказательство непрямое темы: „Физіономія народа опредѣляется только его исторіей,“ и сравненіе)	521	527
Нравственность литературнаго произведенія, *Баратынскаго*	(доказательство непрямое сложной темы: „Правдивое изображеніе характеровъ смѣшанныхъ, вызывающее сочувствіе читателя, дѣлаетъ литературное произведеніе нравственнымъ“)	522	529
Отвѣтственность писателя, *Гоголя*	(доказательство темы: „Поэтъ на попри-		

		Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
	щѣ слова долженъ быть безукоризненно нравственнымъ“)	524	531
Слова поэта суть уже дѣла его, *Жуковск.*	(доказательство темы, выраженной въ заглавіи)	526	532
Польза поэзіи, *его же*	(доказательство темы: „Поэзія служитъ къ совершенствованію человѣка“)	527	534
Личная и народная самостоятельность, какъ силы, движущія общества и народы, *Соловьева*	(доказательство темы: „Личная и народная самостоятельность суть силы, движущія общества и народы“)	528	535
Историческіе законы и историческія лица, *Грановскаго*	(доказательство темы: „Событія историческія слѣдуютъ извѣстнымъ законамъ, не лишающимъ историческія лица ихъ самостоятельности“)	530	536
Ученія софистовъ и Сократа, *Соловьева*.	(изложеніе и оцѣнка обоихъ ученій на основаніи тезиса: „Благосостояніе *общества* требуетъ сохраненія правъ *личности*“)	531	537
Вечеръ у Кантеміра, *Батюшкова*	(разсужденіе въ формѣ діалога, для извлеченія тезиса и его доказательства въ формѣ монологической)	535	542
Взаимодѣйствіе явленій природы, *Рулье*	(сложное разсужденіе для извлеченія тезиса и составленія плана разсужденія.— Часть этого разсужденія, стр. 555 556, можетъ быть читаема какъ самостоятельное разсужденіе)	544	549
Языкъ, *Юркевича*	(опредѣленіе и доказательство)	551	556
Важнѣйшее условіе хорошаго перевода поэтовъ, *Жуковскаго*	(разсужденіе, въ которомъ ищется подлежащее къ сказуемому, выраженному въ заглавіи)	552	557
Языкъ русскихъ поэтовъ, *Гоголя*	(рядъ опредѣленія чрезъ сравненія)		558
Григорій Турскій, *Гизо*	(характеристика литературнаго произведенія)	553	—
Русскіе лѣтописцы, *Карамзина*	(опредѣленія рода литературныхъ произведеній)	555	560
Древніе и новые историки, *Грановскаго*.	(распространенное различеніе двухъ понятій)	—	—
Исторія Карамзина, *Пушкина*	(характеристика литературнаго произведенія)	558	564
Значеніе и польза изученія классической древности, *Граноскаго*.	(доказательство чрезъ различеніе (объекта) одного изъ понятій темы отъ понятія съ нимъ смежнаго и чрезъ опредѣленія отношенія къ субъекту).	559	564
Значеніе и польза изученія классической древности, *Леонтьева*	(опредѣленіе антитезиса и доказательство прямое чрезъ опредѣленіе понятій; примѣръ)	560	565
Значеніе идей въ исторіи, *Герье*	(доказательство путемъ опредѣленія главнаго понятія темы, выясненнаго двумя характерными примѣрами)	565	571
Рафаэлева Мадонна (отрывокъ изъ письма), *Жуковскаго*	(описаніе и объясненіе картины)	568	572
„Недоросль“ и „Горе отъ ума,“ *Гоголя*.	(образецъ логическаго описанія двухъ поэтическихъ произведеній)	569	574
„Эдипъ царь“ Софокла, *Кудрявцева*	(образецъ разбора (выясненія идеи) поэтическаго произведенія)	572	578
Басни Крылова, *Гоголя*	(характеристика произведеній одного поэта)	583	589
Сочиненія Александра Пушкина, *его же*		586	592
О сценическомъ художествѣ, *Крюкова*.	(опредѣленіе)	588	594

	Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Сценическое исскуство, *Бѣлинскаго*.. (то же, для сравненія)	590	596
Различіе между изящными искусствами и науками, *М. Павлова* (сравнительное опредѣленіе)	592	599
О границахъ живописи и поэзіи, *Лессинга* (съ нѣм.) (сложное разсужденіе).		
I	596	602
II	597	603
III	601	608
IV	606	613
V	610	617
VI	614	621
VII	615	622

Ораторскія произведенія.

Теорія.

Общія правила краснорѣчія	623	629
Правила церковнаго краснорѣчія	626	632
Слово по освященіи храма явленія Божiей Матери Преподобному Сергію, *Филарета*	627	633
Разборъ слова Филарета	633	639
Слово въ Великій Пятокъ, *Иннокентія*	634	640
Изъ слова похвальнаго Государю И. Петру Великому, *Ломоносова:*		
а) Приступъ	—	641
б) Предложеніе и раздѣленіе	637	643
в) Трудолюбіе Петра	638	644
г) Патетическая часть и д) заключеніе	639	645
Разборъ похвальнаго слова Ломоносова	640	—
Изъ „Слова похвальнаго И. Екатеринѣ II,“ *Карамзина*:		
1. Избраніе Румянцева	641	648
2. Законодательство Екатерины	642	—
3. Значеніе народныхъ училищъ	644	651

ТЕОРІЯ СЛОГА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ КРАТКОЙ ЛОГИКОЙ.

§ 1. Слогъ, или стиль [1] есть способъ выраженія мыслей, различаемый въ выборѣ словъ, въ построеніи и въ соединеніи предложеній.

ВЫБОРЪ СЛОВЪ.

(ПРЕДСТАВЛЕНІЕ И ПОНЯТІЕ. ИХЪ ВЫРАЖЕНІЕ) *.

§ 2. Предметы производятъ извѣстное дѣйствіе на внѣшнія чувства человѣка (зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ). Это дѣйствіе наз. впечатлѣніемъ. Впечатлѣніе оставляетъ въ душѣ умственный слѣдъ, называемый представленіемъ [2].

Представленія нѣсколькихъ подобныхъ предметовъ сравниваются между собою. При этомъ одни признаки оказываются общими у всѣхъ сравниваемыхъ предметовъ, другіе—принадлежащими только каждому изъ нихъ въ отдѣльности, частными, или отличительными. Способность нашего ума, называемая разсудкомъ, можетъ соединять общіе признаки, удаляя (отвлекая) частные, и такъ образуетъ общее представленіе или понятіе.

Напр. ребенокъ, знакомый съ одною *церковью* роднаго села, гдѣ впервые узналъ это именованіе и предметъ, имъ обозначенный, имѣетъ лишь представленіе о церкви и считаетъ ея отличительные признаки (деревянная, сѣрая, одноглавая, и т. п.) принадлежащими церкви наравнѣ съ признаками общими (строеніе, увѣнчанное крестомъ, заключающее алтарь, а въ немъ престолъ и т. д.). Когда же будетъ имѣть случай видѣть нѣсколько другихъ церквей (изъ различнаго матеріала, различныхъ размѣровъ, формъ, цвѣтовъ и т. д.) то составитъ себѣ общее представленіе о церкви, въ которое войдутъ лишь признаки, общіе всѣмъ церквамъ.

Если сравниваются нѣсколько представленій одного и того же предмета, то и въ нихъ мы различаемъ признаки, принадлежащіе этому пред-

---

* См. предварительно стилистическій разборъ ст. «Днѣпръ» (стр. 67).

[1] Отъ греч. στῦλος — въ значеніи металлической палочки, служившей для писанія и рисованія. Въ этомъ значеніи усвоено это слово и латинскимъ языкомъ (stilus), гдѣ оно приняло и переносное значеніе *почерка*, а затѣмъ и способа выражанія мыслей. Въ новѣйшихъ языкахъ значеніе этого слова распространено еще болѣе, будучи прилагаемо ко внѣшнимъ особенностямъ выраженія въ области всѣхъ искусствъ.

[2] Способность нашего ума, вызывающая представленія, называется воображеніемъ. Помощію фантазіи человѣкъ можетъ создавать и новыя представленія, по образцу представленій, доставляемыхъ ему дѣйствительностію (см стр. 71).

мету во всѣ моменты наблюденія, отъ другихъ, принадлежащихъ ему лишь въ отдѣльные моменты: первые называются постоянными его признаками, вторые—случайными. Изъ постоянныхъ признаковъ слагается общее представленіе этого одного предмета, или единичное понятіе (см. разборъ ст. „Уралъ“ и „Днѣпръ“, стр. 67).

Слова первоначально выражали представленія, отмѣчая случайные признаки предметовъ (слова *копыто*, *крыло* живописуютъ предметъ, какимъ онъ представляется въ моментъ дѣйствія коня, копающаго землю, и птицы, прикрывающей птенцовъ своихъ); побужденіемъ къ именованію предметовъ по этимъ случайнымъ признакамъ служитъ то, что они частымъ повтореніемъ своимъ въ предметѣ бросались въ глаза, будучи характеристическими при наглядномъ знакомствѣ съ предметомъ. Но съ теченіемъ времени слова теряютъ способность выражать наглядныя представленія и служатъ знаками понятій: большинство словъ понимается нами безъ сознанія того признака, по которому называютъ они предметы или дѣйствія: ожерелье (ср. горло), рѣка (ср. рѣять).

Тѣмъ не менѣе потребность передавать и живыя представленія наряду съ понятіями остается неизмѣнною. Отсюда необходимость въ такихъ средствахъ языка, которыя возвратили бы слову его способность выражать живыя представленія. Для того служитъ слогъ изобразительный. Это есть слогъ поэтическихъ произведеній и потому онъ можетъ быть также названъ поэтическимъ.

Средства изобразительности, живописуя предметы и дѣйствія, выдвигаютъ случайные признаки: изъ постоянныхъ они изображаютъ признаки отличительные. Для того служатъ:

1) *Эпитеты* Одни изъ нихъ именуютъ случайные признаки предметовъ: такое опредѣленіе, которое выражаетъ признакъ, вызываемый въ воображеніи слушателя или читателя, дабы имя предмета не осталось выраженіемъ отвлеченнаго понятія, наз. эпитетомъ (Ἐπίθετον отъ ἐπιτίθημι прилагаю): солнце *жаркое*, *голубое* небо, *теплая* ночь, *темное* лоно рѣки, *черный* лѣсъ, *длинная* тѣнь, *синій* Днѣпръ.

Эти эпитеты должно отличать отъ эпитетовъ постоянныхъ, сопровождающихъ имена предметовъ въ языкѣ народной поэзіи какъ постоянное ихъ опредѣленіе. Назначеніе первыхъ изобразить предметъ въ моментъ впечатлѣнія, произведеннаго имъ на человѣка; назначеніе вторыхъ—обозначить одинъ изъ постоянныхъ признаковъ предмета, наиболѣе характеризующихъ его (лебедь *бѣлая*, море *синее*, рыбка—*золотыя перья*, туръ—*золотые рога*)[1]. Съ тѣми и другими (называемыми эпитетами языка изобразительнаго epitheta ornantia) не должно смѣшивать опредѣлительныя слова, служащія къ измѣненію самаго понятія, именованіе котораго сопровождаютъ (ограничивая объемъ его), слѣд. не имѣющія цѣлію изобразительность рѣчи (epitheta necessaria): книга—*русская* книга.

2) *Сравненіе*. Случайный признакъ предмета выдвигается и тѣмъ, что говорящему вспоминается другой предметъ, имѣющій съ первымъ одинъ или нѣсколько общихъ признаковъ, и онъ сопоставляетъ оба предмета: Средь *ночи* виденъ Днѣпръ, какъ средь *дня* (Гог.) Сближеніе основано здѣсь на общемъ признакѣ *описываемой* ночи и *всякаго* дня—свѣтѣ. Свѣтъ—

[1] Изъ этихъ примѣровъ видно, что эпитетъ народнаго языка можетъ быть выраженъ какъ именемъ прилагательнымъ, такъ и именемъ существительнымъ съ сопровождающимъ его прилагательнымъ (рыба *золотыя перья*, а не *золотоперая*). Этотъ способъ выраженія эпитета соотвѣтствуетъ прилагательнымъ сложнымъ эпитетовъ Гомера. Языку народныхъ русскихъ пѣсенъ не вполнѣ чужды и такія сложныя прилагательныя (шатеръ *бѣлополотняный*, топоры *дроворубные*),

постоянный признакъ дня, но случайный признакъ ночи. Такое сопоставленіе именъ двухъ предметовъ по общимъ признакамъ наз. *сравненіемъ*.

Вопросы для разбора сравненій: 1) Какой предметъ изображается? 2) Съ какимъ предметомъ сравнивается? 3) По какимъ признакамъ, общимъ у обоихъ предметовъ? 4) У котораго изъ обоихъ предметовъ эти признаки постоянные, и у котораго случайные? 5) Какіе же случайные признаки выдвинуты этимъ сравненіемъ въ описываемомъ предметѣ?

Сравненіе бываетъ *простое* и *распространенное* (примѣръ см. въ ст. «Днѣпръ» Гоголя и «Роща» Тургенева, стр. 68 и 83, вын.).

Къ особенностямъ слога народной поэзіи принадлежатъ сравненія *отрицательныя*:

Ужъ не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травкѣ шелковой:
Ходитъ красна дѣвица душа.

См. также въ статьѣ Гоголя: «Ночь на Днѣпрѣ» (стр. 126).

3) Замѣна одного понятія другимъ, образующая *тропы*, (τρόπος отъ τρέπω обращаю), а именно;

А) *Метафору* (μεταφορά отъ μετά и φέρω—пере-ношу), когда замѣна произошла по общему обоему признаку [1]. Слѣд. метафора есть разультатъ сравненія; она называетъ лишь тотъ предметъ (свойство или дѣйствіе), съ которымъ произошло сравненіе: «Зелено-*кудрые* (лѣса)! Они *толпятся* къ водамъ и, наклонившись, *глядятъ* въ нихъ и *не наглядятся*, и не *налюбуются* свѣтлымъ своимъ *зракомъ*, и *усмѣхаются* ему, и *привѣтствуютъ* его, кивая вѣтвями»... Здѣсь неодушевленному предмету приписаны свойства и дѣйствія предмета одушевленнаго. Такая метафора назыв. *олицетвореніемъ* (προσωποποιία).

Вопросы для разбора метафоръ: 1) Какой предметъ (свойство или дѣйствіе) изображается? 2) Именованіемъ какого другаго предмета (св. или дѣйствія) замѣняется? 3) По какимъ общимъ признакамъ? и т. д., какъ при сравненіяхъ.

Б) *Метонимію* (μετωνυμία изъ μετά и ὄνομα), когда замѣна сдѣлана по отношенію:«Идетъ или не идетъ его (Днѣпра) величавня *ширина*» (измѣреніе вм. измѣряемаго); «съ *свинцомъ* въ груди» (матеріалъ вм. предмета изъ него сдѣланнаго);«читаю *Гоголя*» (авторъ вм. его произведенія).

Вопросы для разбора метонимій: 1). Какой предметъ изображается? 2). Какой именуется? 3). Какое отношеніе между обоими.

В) *Синекдоху* (συνεκδοχή отъ δέχομαι, воспринимаю), когда замѣна понятій сдѣлана по количеству (единство вм. множества): «все спитъ—*и человѣкъ, и звѣрь, и птица.*»

Замѣна понятій иногда сопровождается

4) *Гиперболой* (ὑπερβολή отъ ὑπερβάλλω перебрасываю), когда предмету приписывается признакъ въ степени бо́льшей, нежели онъ имѣетъ его на самомъ дѣлѣ): «нѣтъ рѣки равной Днѣпру въ мірѣ»; «водяные холмы».

5) Предметы и дѣйствія могутъ также живописаться *описательными выраженіями*: «Долина—*долинъ красота*» (Жуков.).«Онъ *поклонъ ведетъ* по ученому, онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны»

---

[1] Отъ метафоры должно отличать аллегорію, которая состоитъ также въ замѣнѣ однихъ понятій другими по общимъ имъ признакамъ: метафора есть плодъ непосредственнаго творчества фантазіи; аллегорія же—усилій разсудка, подъискивающаго наглядный образъ для иносказательнаго выраженія мысли; метафора большею частію ограничивается однимъ словомъ, аллегорія же состоитъ изъ цѣлаго ряда иносказаній Она имѣетъ мѣсто въ притчахъ, басняхъ, загадкахъ. Примѣръ аллегоріи представляетъ стих. Шиллера «Горная дорога» (стр.77.)

(был.). Здѣсь глаголъ *ведетъ*, сопровождающій имя дѣйствія (поклонъ), живописуетъ наглядный признакъ поклона медленнаго, низкаго.

6) Изобразительности способствуетъ также антитеза (ἀντίθησις, противоположеніе): «мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ» (Тург.).

7) Звуковая сторона слова можетъ также содѣйствовать изобразительности при описаніи звуковъ сюда относятся слова звукоподражательныя (лязгъ, визгъ, стукъ) или выборъ словъ, въ коихъ преобладаютъ звуковъ: сходные со звуками, которые описываются: «то мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался» (Крыл)....«Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ меня привѣтствовалъ» (Пушк.) См. также ст. «Садъ» Гоголя, вып. (стр. 86).

Общее представленіе становится понятіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова тогда, когда сознается зависимость признаковъ его образующихъ, и въ числѣ ихъ различаются одинъ или нѣсколько такихъ, которые необходимо присущи понятію, и безъ которыхъ уничтожается самое понятіе (признаки существенные). Напр. въ понятіи *церковь* различаемъ существенный признакъ *мѣсто для совершенія литургіи*, отъ котораго зависятъ другіе признаки.

§ 3. Выработанныя изъ представленій понятія могутъ быть въ свою очередь сравниваемы между собою, если имѣютъ достаточное къ тому основаніе (понятія *домъ*, *церковь*, *башня* могутъ быть сравниваемы, имѣя общіе признаки). Изъ открываемыхъ при этомъ сравненіи общихъ ихъ признаковъ слагается новое понятіе съ меньшимъ числомъ признаковъ, нежели сколько ихъ входило въ каждое изъ сравниваемыхъ понятій (вышеупомянутыя понятія по сравненіи другъ съ другомъ образуютъ новое понятіе *строеніе*). Постепенное отвлеченіе признаковъ служитъ къ образованію родовыхъ (высшихъ) понятій, въ отношеніи къ которымъ понятія, послужившія къ ихъ образованію, называются видовыми (низшими): понятіе *дерево*—родовое въ отношеніи къ понятію *береза*, но видовое въ отношеніи къ высшему —*растеніе*. — Совокупность признаковъ, входящихъ въ какое-либо понятіе, называется его содержаніемъ. Всѣ низшія понятія или представленія, разумѣемыя подъ какимъ-либо понятіемъ, составляютъ его объемъ. Объемъ и содержаніе находятся въ обратномъ отношеніи (признаковъ у березы болѣе, нежели у дерева вообще; березъ менѣе, нежели деревьевъ).

Понятія, слагаемыя чрезъ сравненіе различныхъ предметовъ, называются общими въ отличіе отъ понятій единичныхъ.

Общія понятія о предметахъ выражаются въ языкѣ существительными нарицательными (рѣка); единичныя—именами собственными (Волга, Уралъ, Рейнъ) или же нарицательными съ мѣстоименіями (*эта* береза, *мой* отецъ).

§ 4. Вѣрное выраженіе понятій есть необходимое условіе слога прозаическаго. Составляя противоположность слогу поэтическому, прозаическій слогъ избѣгаетъ замѣны выраженія одного понятія другимъ и стремится къ опредѣленному обозначенію каждаго понятія ему соотвѣтствующимъ словомъ. Высшей степени такой опредѣленности проза достигаетъ въ терминахъ, т. е. общепринятыхъ именованіяхъ понятій, установленныхъ каждою наукой. Таковы термины географическіе: равнина, долина, плоскогорье, степь, пустыня и т. п.

По объему (а слѣдовательно и по содержанію) различаются слова, обозначающія понятія родовыя, видовыя и единичныя (человѣкъ, поэтъ, Пушкинъ); видовое понятіе при выраженіи нерѣдко удерживаетъ имя родоваго, при-

лагая къ нему опредѣлительное слово, и въ такомъ случаѣ выражается двумя словами (*чувство—эстетическое чувство, берегъ—берегъ моря*).

По *содержанію* выражаемыхъ понятій различаются и слова, допускающія взаимную замѣну по своему объему, т. е. синонимы. «Русскіе, остановленные на *пути* своемъ, разсыпались въ стороны отъ *дороги*» (Но «какъ ты хороша подъ часъ, далекая, далекая *дорога!* Сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ». «Установился санный *путь*»).

Смѣшеніе синонимовъ принадлежитъ позднѣйшему періоду языка, когда выражаемыя словами представленія уступили мѣсто понятіямъ, т. е. когда различныя точки зрѣнія на предметъ, выражаемыя синонимами, были подведены подъ общія понятія о самомъ предметѣ [1]. Потому точному уясненію синонимовъ способствуетъ знаніе стариннаго народнаго языка, гдѣ съ большею ясностію является первоначальное значеніе словъ. Напримѣръ синонимы *трудъ* и *работа* первоначально отличались весьма рѣзко, выражая различныя представленія: слово *трудъ*, кромѣ нынѣшняго значенія, употреблялось въ смыслѣ бѣдствія, болѣзни, страданія: «беззаконіе и *трудъ* посредѣ его и неправда» (Пс. LIV ст. II.); „черпахуть ми синее вино съ *трудомъ* (болѣзнью, отравою) смѣшено" (Сл. о п. И.); такъ и у Пушк.: «Сулитъ мнѣ *трудъ* и горе грядущаго волнуемое море».—Слово *работа* означало не только „дѣло", но и „рабство": «Ольга прочая люди овыхъ изби, а другія *работѣ* предасть" (Лавр. лѣт.); «Словомъ именуется *свобода*, а горши египетскія *работы*» (Житіе св. Филиппа митр.).

Отъ синонимовъ въ собственномъ смыслѣ должно отличать такія слова, которыя употребляются у насъ въ одномъ значеніи, но различаются по происхожденію, т. е. слова русскія и церковнославянскія и областныя (*лобъ* и *чело: глаза* и *очи; парень* и *паробокъ*), иногда различаемыя лишь по этимологической формѣ (*вѣтеръ* и *вѣтръ*). Слогъ пользуется этими однозначащими словами для выраженія различныхъ оттѣнковъ рѣчи, сообщающей величіе словами церковно-славянскими («и жало *мудрыя* змѣи въ *уста* замершія мои вложилъ *десницею* кровавой»), или мѣстный колоритъ («*паробки* и *дивчины* собрались на Сорочинскую ярмарку»), или сообщая рѣчи оттѣнокъ вѣжливости («*изволили* смѣяться»).

Употребленіе одного и того же слова въ различныхъ значеніяхъ производитъ омонимы:

„Замѣтимъ тогдашнее *расположеніе* умовъ.... Москвитяне не были совершенно довольны государемъ" (Кар.); „заслужить чье либо *расположеніе*".

Слѣдовательно слова, не составляющія терминовъ, могутъ измѣнять свое значеніе по мѣсту, занимаемому въ ряду другихъ словъ предложенія.

Соотвѣтствіе словъ выражаемымъ понятіямъ по ихъ объему и содержанію и по взаимному между ними отношенію въ рѣчи называется точностію слога.

Полное соотвѣтствіе словъ выражаемымъ понятіямъ сообщаетъ слогу сжатость. Сжатость переходитъ въ лаконизмъ, если производится опущеніемъ важныхъ членовъ предложенія (эллипсисами); такова надпись на памятникѣ Петра Великаго: „Петру I-му Екатерина II-я", и многія изреченія Суворова.

Сжатость прозаическаго слога нарушаютъ:

1) плеаназмъ (πλεονάζω, излишествую), т. е. выраженіе особымъ словомъ понятія, уже выраженнаго другими словами: „мертвый трупъ", „видѣть глазами".

---

1 См. Ист. гр. Буслаева, т. II.

Въ языкѣ разговорномъ и поэтическомъ плеоназмъ допускается съ цѣлью сообщить рѣчи особую силу: „я видѣлъ *собственными глазами*". „О поле, поле! кто тебя усѣялъ *мертвыми костями?*"

2) тавтологія (τὸ αὐτό то же, λόγος слово), соединеніе словъ подобнаго значенія безъ нужды въ различеніи оттѣнковъ.

Если тавтологія состоитъ въ сочетаніи словъ одного корня, то нарушаетъ благозвучіе рѣчи: „повсемѣстное размѣщеніе войскъ по помѣстьямъ этого округа..."

Въ языкѣ народной поэзіи тавтологія обоихъ видовъ составляетъ весьма обычный способъ выраженія: „путь-дороженька, прямоѣзжая да прямохожая, жилъ-былъ; онъ мосты мостилъ крѣпко-на-крѣпко, дѣльно-надѣльно".

О ПРЕДЛОЖЕНІИ.

(СУЖДЕНІЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНІЕ).

§ 5. Изъ сочетанія понятій образуется сужденіе, которое есть отвѣтъ на вопросъ, соединимы ли два понятія между собою или несоединимы. Согласно съ этимъ, сужденія бываютъ утвердительныя (щука есть рыба, солнце грѣетъ) или отрицательныя (китъ не рыба, ледъ не грѣетъ). Сужденіе состоитъ изъ двухъ понятій: подлежащаго (щука, солнце; китъ, ледъ), сказуемаго (рыба, грѣетъ); взаимное ихъ отношеніе указывается связкой, которая или выражается глаголомъ вспомогательнымъ (есть), иногда подразумѣваемымъ (щука — рыба, китъ не (есть) рыба), или окончаніемъ глагола (грѣе*тъ*).

Сужденія бываютъ:

По качеству: утвердительныя и отрицательныя (примѣры выше).

По количеству (т. е. по объему подлежащаго): 1) общія („*поэты* обладаютъ творчествомъ"), 2) частныя („*нѣкоторые люди* обладаютъ поэтическимъ творчествомъ") и 3) единичныя („*Пушкинъ* былъ поэтъ"). Сужденіе общее („*поэты* обладаютъ творчествомъ"), будучи сопоставлено съ другимъ общимъ, котораго подлежащее имѣетъ большій объемъ („*люди* обладаютъ умомъ"), можетъ быть разсматриваемо какъ частное въ отношеніи 1-го общаго.

По тому, какъ допускается связь сказуемаго съ подлежащимъ: 1) рѣшительныя, или категорическія «янтарь оказываетъ электричество»; 2) условныя, или гипотетическія, когда связь сказуемаго съ подлежащимъ допускается лишь при предполагаемой истинности извѣстнаго основанія; слѣдовательно въ такомъ сужденіи различаются двѣ части: основаніе и слѣдствіе: „Если потереть янтарь (основаніе), то онъ окажетъ электричество" (слѣдствіе); и 3) раздѣлительныя, гдѣ допускается связь подлежащаго съ однимъ изъ двухъ или нѣсколькихъ сказуемыхъ („Или учись прилежно, или откажись отъ надежды быть образованнымъ человѣкомъ").

По степени достовѣрности заключающихся въ сужденіи истинъ (или по модальности): 1) дѣйствительныя (ассерторическія): „сегодня я съ вами пирую, друзья: веселье намъ пѣсни заводитъ"; 2) возможныя (проблематическія): „а завтра, быть можетъ, тамъ буду и я, откуда никто не приходитъ", и 3) необходимыя (аподиктическія), истинность которыхъ доказана, чѣмъ они отличаются отъ дѣйствительныхъ, только заявляющихъ фактъ. Тако-

вы всѣ строго-научныя истины („сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ").

§ 6. Сужденіе выражается предложеніемъ. Но не всякое предложеніе есть полное сужденіе. Предложеніе безличное, выражая безотчетное чувство говорящаго, можетъ ограничиться выраженіемъ одного понятія („И вѣрится, и плачется"). Отсутствіе подлежащаго въ такихъ предложеніяхъ объясняется тѣмъ, что говорящій выражаетъ здѣсь дѣйствіе, не сознавая предмета, которому оно могло бы быть приписано.

Распространенное предложеніе можетъ выражать болѣе, нежели одно сужденіе. Таковы напр. предложенія слитныя: „золото, серебро и платина суть благородные металлы" (т. е. золото есть благородный металлъ; серебро есть благородный металлъ; платина есть бл. мет.) [1]. То же видимъ въ простомъ предложеніи при сравненіи: „платина тяжеле золота" (=золото есть тяжелый металлъ; платина болѣе тяжелый металлъ), при исключеніи всѣхъ другихъ соподчиненныхъ подлежащему или сказуемому понятій того же рода: „одинъ Богъ вѣченъ" (=Богъ вѣченъ, всѣ другія существа не вѣчны: здѣсь исключеніе въ подлежащемъ); „этотъ поэтъ пишетъ только прозой" (=онъ не пишетъ стиховъ; исключеніе въ сказуемомъ); при изъятіи (обратномъ исключенію) одного понятія изъ объема подлежащаго или сказуемаго: „всякая вода годна для питья, кромѣ морской"; „хорошъ этотъ ученикъ, только не въ игрѣ"; при ограниченіи: „судья, какъ судья, не долженъ принимать подарковъ".

§ 7. Предложеніе служитъ не только логической цѣли — выраженію связи понятій, но видоизмѣняется согласно различнымъ отношеніямъ лица говорящаго къ предмету рѣчи и къ лицу, къ которому обращена рѣчь; извѣстная степень участія чувства при выраженіи мысли также вліяетъ на это выраженіе. Отсюда—1) предложенія вопросительныя, обращенія и восклицательныя („Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи!"); 2) измѣненіе естественнаго словорасположенія, т. е. инверсія (inversio): „и какъ чудна она, эта дорога!" См. также ст. „Жизнь" (стр. 152); 3) градація (gradatio), т. е. расположеніе словъ въ видахъ постепеннаго усиленія впечатлѣнія, которое должно быть произведено на читателя или слушателя („Быть можетъ, лѣтъ двадцать, и двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ"); 4) эллипсисъ („Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ, церковь.... темные бревенчатые дома—сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ.... нигдѣ ничего").

О СОЕДИНЕНІИ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

(ОТНОШЕНІЕ МЕЖДУ СУЖДЕНІЯМИ. УМОЗАКЛЮЧЕНІЕ И ЕГО ВЫРАЖЕНІЕ. РѢЧЬ ОТРЫВИСТАЯ *

§ 8. Выражаемыя предложеніями сужденія могутъ находиться въ двоякомъ отношеніи:

I. Аналитическомъ, когда принятіе одного обязываетъ насъ принять или отвергнуть другое. Въ такомъ отношеніи находятся сужденія:

---

[1] Предложенія. распространенныя второстепенными членами, также скрываютъ соединеніе нѣсколькихъ сужденій.

* См. предварительно примѣчанія къ ст. «Борьба казаковъ съ Поляками» (стр. 174) и «Тарасъ Трясила» (стр. 176).

1) Тождественныя, когда содержаніе одного изъ сужденій иначе выражается или подробнѣе раскрывается въ другомъ сужденіи(„треугольникъ есть плоскость—треугольникъ есть величина о двухъ измѣреніяхъ"; „Богъ всемогущъ—Высочайшее существо всесильно").

2) Подчиненныя, которыя при одномъ подлежащемъ различаются объемомъ сказуемаго („люди имѣютъ разумъ; люди способны различать истину отъ заблужденія"); того и другаго вмѣстѣ („люди не всевѣдущи; ученые не свободны отъ заблужденій").

3) Противоположныя, т. е. одинакія по содержанію подлежащаго и сказуемаго, но различныя по качеству; они не могутъ быть вмѣстѣ истинны; поэтому истинность одного изъ нихъ обязываетъ признать ложность другаго („человѣкъ имѣетъ свободную волю; ложно, что онъ ее не имѣетъ").

4) Противорѣчащія, т. е. сужденія одинакія по содержанію подлежащаго и сказуемаго, но различныя и по количеству, и по качеству; такія сужденія не могутъ быть ни оба истинны, ни оба ложны („всѣ люди смертны; Кай безсмертенъ". „Человѣкъ не знаетъ будущаго; Кай знаетъ будущее").

5) Превращенныя, когда подлежащее 1-го сужденія служитъ сказуемымъ 2-го, а сказуемое 1-го подлежащимъ 2-го. Превращеніе сужденій общихъ отрицательныхъ возможно безъ всякихъ измѣненій въ объемѣ понятій (превращеніе чистое): „Человѣкъ не есть существо всемогущее—всемогущее существо не есть человѣкъ"; общеутвердительное сужденіе лишь тогда способно къ чистому превращенію, когда его подлежащее и сказуемое суть понятія тождественныя («квадратъ есть равносторонній прямоугольникъ; равносторонній прямоугольникъ есть квадратъ»); во всѣхъ другихъ случаяхъ превращеніе должно сопровождаться обращеніемъ общаго сужденія въ частное («квадратъ есть прямоугольникъ; *нѣкоторые* прямоугольники квадраты»).

6) По модальности различаемъ слѣдующее отношеніе выражаемыхъ сужденіями истинъ:

что̀ необходимо—то возможно и дѣйствительно,
что̀ дѣйствительно—то возможно,
что̀ невозможно—то не дѣйствительно,
что̀ не дѣйствительно—то не необходимо.

II. Синтетическомъ, когда принятіе одного сужденія не обязываетъ къ принятію другаго, порождаемаго новымъ познаніемъ («солнце освѣщало равнину; войска двигались стройными колоннами»). Связь такихъ сужденій основывается на извѣстномъ отношеніи по мѣсту или времени выражаемыхъ ими явленій и предметовъ (какъ то видимъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ) или на противоположности ихъ содержанія (богатство часто содѣйствуетъ праздности; бѣдность—трудолюбію).

§ 9. Соединеніемъ сужденій, находящихся въ аналитическомъ отношеніи, слагается умозаключеніе, или выводъ одного сужденія изъ другаго.

Выводъ одного сужденія изъ другаго безъ помощи третьяго называется умозаключеніемъ непосредственнымъ (отсюда умозаключенія тожества, подчиненія, противоположенія, противорѣчія, превращенія и модальности; каждая пара сужденій въ выше приведенныхъ

примѣрахъ составляетъ непосредственное умозаключеніе (напр. «люди не всевѣдущи, слѣдовательно ученые не свободны отъ заблужденій»).

§ 10. Предложенія слѣдуютъ одно за другимъ или безъ грамматической связи, или соединяясь въ предложенія сложныя. Преобладаніе первыхъ производитъ рѣчь отрывистую (образцы «Лѣсъ и степь» Тургенева (стр. 133), «Азовскій походъ» Соловьева) (стр. 283). Предложенія безъ грамматической связи тѣмъ не менѣе подчиняются законамъ логическаго отношенія сужденій.

§ 11. Аналитическое отношеніе сужденій и при отрывистой рѣчи можетъ сохранить полную ясность.

Къ умозаключеніямъ тождества относится такъ называемое развитіе мысли, т. е. вторичное ея выраженіе съ раскрытіемъ содержанія подлежащаго или сказуемаго въ рядѣ сужденій. Примѣромъ развитія мысли можетъ служить статья «Поэзія въ ряду другихъ искусствъ», (стр. 461), гдѣ въ I-й части развита мысль: «всѣ искусства идутъ въ порядкѣ историческаго движенія народовъ»; во II-й, какъ и въ I-й, раскрыто сказуемое; въ I-й—и подлежащее.

Развитіе мысли чаще выражается или рѣчью отрывистою, или предложеніемъ слитнымъ: въ 1-мъ случаѣ нерѣдко въ формѣ симметрическаго расположенія отрывистыхъ предложеній, облегчающаго восріятіе сложнаго содержанія ряда сужденій, какъ одного цѣлаго: «Въ сіе время (возрастъ зрѣлый) дѣйствуетъ и торжествуетъ геній: ясный взоръ на міръ (генія — *мыслителя*) открываетъ истину; воображеніе сильное (генія *художника*) представляетъ ея черты живо и разительно; вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума (обоихъ) человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзаетъ наконецъ простирать руку къ потомству (раскрытіе сказуемаго *торжествуетъ*).

Отъ развитія мысли должно отличать перифразъ, т. е. повтореніе мысли въ иной формѣ, безъ раскрытія содержанія подлежащаго или сказуемаго («Наука исторіи хочетъ понять явленіе, а не судить его; она изучаетъ, а не произноситъ приговоры»).

Отъ строго логическаго развитія мысли, изчерпывающаго въ рядѣ сужденій весь объемъ главнаго сужденія должно отличать неполное развитіе, гдѣ изъ объема главнаго сужденія, раскрываются лишь нѣкоторые виды, какъ примѣръ; такія сужденія находятся въ отношеніи подчиненія: «Наука не могла бы существовать, если бы въ человѣкѣ не было никакихъ безкорыстныхъ интересовъ. Сталъ ли бы естествоиспытатель съ такою настойчивостію употреблять годы на изслѣдованіе микроскопическихъ насѣкомыхъ, если бы искалъ только знаній, имѣющихъ практическое приложеніе? Зачѣмъ было бы астроному гоняться со своею трубой за едва видною звѣздой третьей величины?» Здѣсь изъ объема понятія главнаго сужденія *наука* въ неполномъ развитіи указаны для примѣра лишь два вида: *зоологія* («естествоиспытатель») и *астрономія*; сужденія, развивающія объединены здѣсь одинаковою формою—вопросительною.

Какъ при приведеніи примѣра (для подтвержденія частнымъ фактомъ общей истины), такъ и при умозаключеніи подчиненія (т. е. вывода частнаго изъ общаго) мысль переходитъ отъ общаго къ частному. И умозаключеніе подчиненія можетъ быть выражено безъ грамматическаго соединенія образующихъ его сужденій: «Для завоевателей единственнымъ средствомъ поддержанія своего положенія было сохраненіе своего военнаго, дружиннаго устройства: Спарта представляла военное положеніе, казацкую сѣчь со своими общими столами, съ раздѣленіемъ членовъ по палаткамъ..» (подчиненіе въ подлежащемъ и сказуемомъ).

Сужденія, при неясномъ опредѣленіи объема и содержанія образующихъ ихъ понятій кажущіяся противорѣчащими, оказываются согласными при ихъ разъясненіи. На такомъ ихъ свойствѣ основывается такъ называемое уступительное отношеніе мыслей. Въ такомъ отношеніи находится явленіе, указанное второй мыслью, противоположное слѣдствіямъ, какихъ можно ожидать отъ причины, указанной въ первой мысли. Возможность такихъ явленій объясняетя тѣмъ, что они имѣютъ другую причину, не указанную въ первой мысли:

«Рабство продолжалось и въ новомъ христіанскомъ мірѣ; но все же въ христіанствѣ, поднявшемъ личное значеніе человѣка, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности» (Сол.) «Первые дни по смерти тирана бываютъ счастливѣйшими для народовъ... Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое» (Карамз.).

Сужденія превращенныя выражаются безъ грамматической связи: «Всякое изученіе, вызываемое и поддерживаемое одними практическими интересами, не можетъ имѣть научнаго характера. Наука не могла бы существовать, если бы въ человѣкѣ не было другихъ, болѣе широкихъ и безкорыстныхъ интересовъ». (Здѣсь, какъ и всегда въ литературномъ изложеніи, превращенныя сужденія выражаются помощію перифраза). Здѣсь превращеніе чистое, такъ какъ сужденіе отрицательное.

Отношеніе сужденій по модальности, какъ сужденій, требующихъ доказательства или подтвержденія, слѣд. распространеннаго изложенія нерѣдко въ цѣломъ рядѣ второстепенныхъ сужденій,—не требуетъ союзныхъ реченій для своего выраженія. Логическое отношеніе однако же указывается нарѣчіями изъ указательныхъ корней *потому, отсюда, такъ*.. «Не могло папство, не совершивъ всего круга своего развитія, отказаться отъ своей самостоятельности (сужденіе аподиктическое, развитое въ цѣломъ рядѣ сужденій, см. стр. 323). *Отсюда-то* проистекали и вѣковыя стремленія къ духовному полновластію... *Отсюда* же и постоянное стремленіе папства держать въ своихъ рукахъ всю строгую цензуру нравовъ...» (Здѣсь связь по закону: что̀ необходимо, то и дѣйствительно).

§ 12. При синтетическомъ отношеніи между сужденіями связь указывается связью самихъ предметовъ, о которыхъ высказываются сужденія («Теченіе Урала быстро; мутныя воды наполнены рыбой всякаго рода; берега большею частію глинистые... Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышомъ») или дѣйствій («Царевна Софія въѣхала въ Москву 12 ноября, рано поутру, при стеченіи народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви: принявъ его благословеніе, она пошла къ матери Іоанновой, гдѣ увидѣлась съ женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе»). Въ этомъ примѣрѣ одно сложное предложеніе образовалось грамматическимъ соединеніемъ трехъ предложеній, которыми выражаются сужденія, находящіяся также въ синтетическомъ отношеніи между собою (по времени: «принявъ благословеніе, она пошла къ матери Іоанновой»; по мѣсту и времени: «гдѣ увидѣлась съ женихомъ». (Примѣромъ рѣчи отрывистой, состоящей изъ ряда предложеній, выражающихъ сужденія, находящіяся въ связи по мѣсту и времени, можетъ служить ст. «Воронежъ» (стр. 100).

Нерѣдко авторъ намѣренно избѣгаетъ соединенія предложеній союзами, что̀ придаетъ рѣчи силу и быстроту. Такой способъ выраженія наз. безсоюзіемъ (ἀσύνδετον). Прим. см. въ ст. «Дорога» Гоголя (стр. 131) и «Жизнь» его же (стр. 152).

Связность изложенія ряда сужденій, находящихся въ синтетическомъ отношеніи, достигается

переходными мыслями. Онѣ могутъ быть выражаемы въ формѣ отдѣльныхъ предложеній (см. вын. къ ст. «Борьба казаковъ», стр. 174) или придаточныхъ; въ послѣднемъ случаѣ онѣ находятся съ предъидущими сужденіями въ аналитическомъ отношеніи: «*Покончивъ съ однимъ врагомъ* (общее обозначеніе фактовъ, выше изложенныхъ въ цѣломъ рядѣ предложеній), онъ обратилъ оружіе противъ другаго...» «*Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій для человѣка* (обобщеніе предъидущихъ мыслей статьи), словесность возвышаетъ и нравственное достоинство государствъ» (Кар.). Переходныя мысли связываютъ одну группу мыслей съ другою группою, слѣд. отдѣльныя части статьи. Примѣры переходныхъ мыслей см. въ ст. Карамзина: «Послѣднія пять лѣтъ царствованія Бориса Г.» (стр. 241) и Кудрявцева: «Францискъ и Карлъ V» (стр. 300).

Сужденія противоположныя, находящіяся въ синтетическомъ отношеніи, должно отличать отъ противоположныхъ при аналитическомъ отношеніи: вторыя противоположны по качеству связки (*есть* и *не есть*), первыя же по реальному содержанію подлежащихъ или сказуемыхъ. Такія противоположныя сужденія весьма часто встрѣчаются при сравненіяхъ и параллеляхъ. Они сообщаютъ рѣчи выразительность: сопоставляя одно сужденіе съ другимъ, ему противоположнымъ по содержанію, они образуютъ періодъ противоположительный, (§ 17,4), хотя бы оба сужденія и не связывались союзомъ. При союзѣ: «Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая—справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности» (Кар.). Безъ союза: «(Юноша), волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самаго избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаетъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду». Въ послѣднемъ періодѣ почти каждому понятію протазиса соотвѣтствуетъ противоположное понятіе аподозиса:

юноша........................ волнуемый темными желаніями	человѣкъ, искушенный опытами.
съ небреженіемъ ступаетъ....	любитъ благодарить со слезами...
на цвѣты....................	за малѣйшую отраду.
которыми природа и судьба (по воззрѣнію юности) украшаетъ стезю	...Небо...

Или же, чередуясь попарно, противоположныя сужденія принимаютъ симметрическое словорасположеніе. Параллель въ сравнительной характеристикѣ (Эраста и Леонида) служитъ примѣромъ такого сопоставленія сужденій (см. отд. разсужденій: «Два характера» (стр. 466).

Если указывается противоположеніе сужденій, требующихъ развитія, довольно распространеннаго, то между обоими членами такого распространеннаго противоположенія полагаютъ переходныя мысли:

«Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи (1-я мысль). Растеніе цвѣтетъ и даетъ плодъ въ данную, намъ заранѣе извѣстную пору; животное не можетъ ни растянуть, ни сократить возрастовъ своей жизни (развитіе 1-й мысли). *Такого правильнаго опредѣленнаго порядка нѣтъ въ исторіи* (переходная мысль). Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не

сказанъ (2-я мысль противоположнаго содержанія съ 1-й мыслью): десять лѣтъ или десять вѣковъ—все равно...» и т. д. (развитіе 2-й мысли).

Противоположеніе нерѣдко служитъ къ усиленію мысли. Въ такомъ случаѣ для противоположенія избирается то понятіе, выраженію котораго авторъ желаетъ придать силу:

«Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; *не потомки Рюриковы, не князья и вельможи*, имъ гонимые, *не дѣти и друзья ихъ*, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ *презрѣнный бродяга*, именемъ младенца, давно лежащаго въ могилѣ» (противоположеніе подлежащему). «*Не для того только* судьба назначила Генриха III, *чтобы* его рукою *возвысить внѣшнее величіе* имперіи: нѣтъ, въ немъ лежала *возможность возвеличенія* имперіи *болѣе глубокаго*, облагороженія *болѣе внутренняго*—словомъ—возвышенія имперіи въ отношеніи нравственномъ» (противоположеніе логическому подлежащему: *возможность возвеличенія въ отношеніи нравственномъ*): «Дѣло Григорія VII было направлено *не противъ лицъ*... истинное дѣло Григорія было *противъ понятій*, противъ всего современнаго ему общества» (усиленіе понятій въ сказуемомъ).

Самое естественное грамматическое выраженіе противоположенія—противительные союзы, но при противоположеніи сказуемыхъ слитнаго предложенія, для болѣе сжатаго выраженія мысли, противительное отношеніе можетъ пользоваться и формою грамматическаго подчиненія дѣепричастнаго предложенія главному: «Такъ тяжкій млатъ, *дробя стекло*, куетъ булатъ» (дробитъ стекло, *но* куетъ булатъ); «изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность, Іоаннъ оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность къ славѣ».

§ 13. Умозаключеніе посредственное образуется, когда изъ одного сужденія выводится другое помощію третьяго:

Люди способны ошибаться;
ученые—люди;
—
слѣд. ученые способны ошибаться.

Такое умозаключеніе называется силлогизмомъ.

Оба сужденія, изъ которыхъ выводится новое сужденіе, называются посылками (propositiones praemissae); выводимое изъ нихъ сужденіе—заключеніемъ (conclusio). Та изъ посылокъ, въ которой находится сказуемое заключенія, называется большею посылкою (propositio major); другая, содержащая подлежащее заключенія, называется меньшею посылкою (propositio minor). Если посылки сужденія категорическія, то и силлогизмъ называется категорическимъ (какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ).

Каждая посылка категорическаго силлогизма состоитъ изъ двухъ понятій: одного, входящаго въ составъ заключенія, другаго—въ заключеніе не входящаго, но вводимаго въ посылки для того, чтобы свести оба понятія заключенія въ одно сужденіе. Это понятіе называется среднимъ терминомъ (terminus medius). Обозначивъ подлежащее (subjectum) заключенія буквою S, а сказуемое (praedicatum) буквою P, средній же терминъ буквою M, получимъ слѣдующую формулу приведеннаго силлогизма:

$$\begin{array}{c} M - P \\ \underline{S - M} \\ S - P \end{array}$$[1]

[1] Это формула такъ называемой *1-й фигуры* силлогизма. Всѣхъ же фи-

§ 14. При литературномъ изложеніи силлогизма по большей части не всѣ три сужденія, входящія въ составъ его, находятся на лицо. Каждое изъ нихъ можетъ подразумѣваться [1]: «Можно ли хвалить болѣзнь? а старость сестра ея» (Кар.) (подразумѣвается заключеніе: «нельзя хвалить старости»); «какъ въ жизни народовъ настоящее есть обыкновенно результатъ всего предшествующаго, такъ и исторія ищетъ въ прошедшей жизни народа твердыхъ основаній для заключенія о послѣдующихъ ей явленіяхъ» (подразумѣвается меньшая посылка: «исторія познаетъ жизнь народовъ»); «обращаться съ словомъ нужно честно: оно есть высшій подарокъ Бога человѣку» (Гог.) (подразумѣвается большая посылка: «съ высшимъ даромъ Божіимъ нужно обращаться честно»). Изъ этихъ же примѣровъ видно, что словесное выраженіе сужденій, входящихъ въ силлогизмъ, весьма разнообразно: такъ отрицательное сужденіе: «нельзя хвалить болѣзни» получило форму вопросительнаго предложенія: «можно ли хвалить болѣзнь?»; общія свойства старости и болѣзни указаны метафорой («сестра»); большая посылка 2-го силлогизма при словесномъ выраженіи получила другое подлежащее сравнительно съ заключеніемъ; въ 3-мъ силлогизмѣ заключеніе получило грамматическую форму безличнаго предложенія (которое можетъ быть обращено въ личное: «слово требуетъ честнаго обращенія»).

Отсюда видимъ, что словесное выраженіе отдѣльныхъ понятій, входящихъ въ силлогизмъ, стремится не только къ обозначенію ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ болѣе полному разъясненію: достигая цѣлей логическаго вывода, словесное выраженіе силлогизма не забываетъ и раскрытія содержанія понятій; даже вноситъ новыя понятія, съ цѣлью сообщить нерѣдко новый фактъ, въ то же время опуская тѣ понятія, которыя легко могутъ подразумѣваться. Изъ тѣхъ же примѣровъ видимъ, что сужденія силлогизма, получившія свое словесное выраженіе, могутъ быть грамматически между собою связаны, образуя сложное предложеніе (въ 1-мъ примѣрѣ союзомъ *а*, во 2-мъ: *какъ—такъ и*), и не имѣть такой связи (какъ въ 3-мъ примѣрѣ).

§ 15. Если бóльшая посылка умозаключенія есть сужденіе условное, то и умозаключеніе называется **условнымъ**. Въ немъ большая посылка состоитъ уже не изъ двухъ понятій, но изъ двухъ сужденій, находящихся въ отношеніи **основанія и слѣдствія**; меньшая посылка или утверждаетъ основаніе — тогда въ заключеніи утверждается слѣдствіе (modus ponens),—или она отрицаетъ слѣдствіе—тогда въ заключеніи отрицается основаніе (modus tollens).

гуръ—4. Онѣ различаются по мѣсту, какое занимаетъ среднiй терминъ въ посылкахъ, а именно: во 2-й фигурѣ онъ занимаетъ мѣсто сказуемаго въ обѣихъ посылкахъ, въ 3-й—мѣсто подлежащаго; 4-я фигура есть обращеніе 1-й:

2-я фигура.	*3-я фигура.*	*4-я фигура.*
P—M	M—P	P—M
S—M	M—S	M—S
S—P	S—P	S—P
Матерія дѣлима; душа не дѣлима:	Магометане не христіане; магометане—монотеисты	Дикіе суть люди; люди—существа разумныя:
слѣд. душа не матерія.	слѣд. *нѣкоторые* монотеисты не христіане.	слѣд. *нѣкоторыя* существа разумныя дики.

[1] Силлогизмъ, въ которомъ опущена одна изъ посылокъ, наз. **энтимемой** (отъ ἐν θυμῷ).

Modus ponens:	Modus tollens:
Если человѣкъ совершаетъ преступленіе, то теряетъ спокойствіе совѣсти.	Если человѣкъ поступаетъ нравственно, то сохраняетъ спокойствіе совѣсти.
Борисъ Годуновъ совершилъ преступленіе:	Борисъ Годуновъ не сохранилъ спокойствія совѣсти:
слѣд. Борисъ Годуновъ потерялъ спокойствіе совѣсти.	слѣд. Борисъ Годуновъ не поступалъ нравственно.

Отъ утвержденія же слѣдствія къ утвержденію основанія или отъ отрицанія основанія къ отрицанію слѣдствія заключать нельзя: ибо одно и то же слѣдствіе можетъ имѣть нѣсколько основаній. Неправильно было бы умозаключеніе: «Если печка натоплена, то въ комнатѣ тепло; въ комнатѣ тепло, слѣдовательно печка натоплена», или «печка не натоплена, слѣдовательно въ комнатѣ не тепло», такъ какъ тепло и холодъ комнаты могутъ зависѣть не отъ одного топленія печи.

Если бóльшая посылка умозаключенія есть сужденіе раздѣлительное, то и умозаключеніе называется раздѣлительнымъ. Меньшая посылка такого умозаключенія или утверждаетъ одинъ изъ членовъ дѣленія— тогда заключеніемъ отрицаются всѣ остальные,—или отрицаетъ всѣ члены дѣленія кромѣ одного — тогда въ заключеніи утверждается этотъ членъ:

Счастливѣйшее время жизни есть или молодость, или зрѣлый возрастъ, или старость.	Счастливѣйшее время жизни есть или молодость, или зрѣлый возрастъ, или старость.
Счастливѣйшее время жизни—возрастъ зрѣлый:	Молодость и старость не счастливѣйшіе возрасты жизни:
слѣд. молодость и старость не счастливѣйшіе возрасты жизни.	слѣд. счастливѣйшій возрастъ жизни зрѣлый возрастъ.

Соединеніе въ бóльшей посылкѣ обѣихъ формъ — условной и раздѣлительной—производитъ умозаключеніе условно-раздѣлительное (или лемму: дилемму, трилемму или полилемму—смотря по числу членовъ раздѣленія). Меньшая посылка отрицаетъ всѣ члены дѣленія—тогда заключеніе отрицаетъ основаніе. Конечно, это будетъ правильно лишь при условіи, чтобы члены раздѣленія большей посылки изчерпывали всѣ возможныя слѣдствія основанія:

Дилемма Сократа:	*Трилемма Лейбница*:
Если смерти должно страшиться, то или потому, что мы будемъ жить и послѣ нея, или потому, что мы по смерти не будемъ жить.	Если существующій міръ не наилучшій, то Богъ или не зналъ наилучшаго, или не могъ, или не хотѣлъ создать такого.
Въ обоихъ случаяхъ страш. нечего:	Но Богъ всевѣдущъ, всемогущъ и благъ:
слѣд. страшиться смерти не должно.	слѣд. существующій миръ наилучшій.

Примѣръ литературнаго выраженія умозаключенія раздѣлительнаго: «Надлежало или повиноваться государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ: не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться кесарю (отвергается второй членъ дѣленія). Однимъ словомъ, рождалось самодержавіе» (утверждается 1-й членъ).

ПЕРІОДЪ.

§ 16. Противоположность рѣчи отрывистой (выше § 10) представ-

ляетъ рѣчь періодическая. Она получила свое названіе отъ періода, особой формы построенія и сочетанія предложеній.

Простроеніе періода должно удовлетворять двумъ условіямъ: логическому и музыкальному. Первое состоитъ въ томъ, чтобы періодъ представлялъ по содержанію выражаемой имъ мысли законченное цѣлое; второе въ томъ, чтобы законченность логическая совпадала съ законченностью ритмическаго ряда. Такое важное значеніе звуковой стороны періода объясняется тѣмъ, что построеніе его опредѣлено древними реторами, слѣдовательно стремилось удовлетворить требованіямъ *устнаго произношенія*. Условія порядка словъ и соединенія ихъ, а также требованія ритма при построеніи періода см. въ теоріи ораторскихъ произведеній (стр. 630).

Періодъ можетъ состоять изъ предложеній, какъ грамматически связанныхъ, такъ и лишенныхъ этой связи. Но въ послѣднемъ случаѣ составляющія его предложенія по большей части имѣютъ симметрическое словорасположеніе.

Проза новыхъ языковъ выработала періодъ подъ вліяніемъ языковъ древнихъ и потому сохранила указанныя выше условія его построенія. Но въ новое ученіе о періодѣ внесено наблюденіе какъ логическаго отношенія выражаемыхъ имъ сужденій, такъ и синтаксическаго ихъ построенія.

Въ періодахъ новѣйшихъ писателей ритмъ представляетъ двѣ важнѣйшія формы:

1) одно ясно различаемое пресѣченіе голоса, которому предшествуетъ постепенное его повышеніе, и за которымъ слѣдуетъ пониженіе. Тогда періодъ состоитъ изъ двухъ частей: первая называется протазисъ (protasis), вторая—аподозисъ (apodosis). Въ періодѣ: «Когда же пойдутъ.. Днѣпръ («Днѣпръ» Гоголя, стр. 66) аподозису: «страшенъ тогда Днѣпръ» предшествуетъ распространенный протазисъ.

Такой періодъ наз. восходящимъ. Въ немъ второстепенныя мысли предшествуютъ важнѣйшимъ и слѣдовательно при подчиненіи—придаточныя предложенія предшествуютъ главнымъ. Ему противоположенъ періодъ нисходящій, въ которомъ замѣчаемъ обратный порядокъ (примѣръ восходящаго пер.: «Когда же пойдутъ .. Днѣпръ»; примѣръ нисходящаго въ концѣ ст. «Лѣсъ и степь»: „А осенній... надъ ней" стр. 137).

2) рядъ ритмическихъ колебаній голоса, производимыхъ цѣлымъ рядомъ повышеній и пониженій въ симметрично-расположенныхъ предложеніяхъ или частяхъ одного предложенія,—составляющихъ одно логическое цѣлое и потому принимаемыхъ за одинъ періодъ. См выше примѣръ на *развитіе мысли* («въ сіе время... къ потомству» § 11). Таковы и столь обыкновенныя у Карамзина слитныя предложенія многихъ сказуемыхъ («Борисъ исполнялъ... ссылкою», стр. 242), или при многихъ однородныхъ второстепенныхъ членахъ предложенія: „Государство, оставивъ Бога, можетъ быть нѣкоторое время оставлено себѣ по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій" (Фил.).

Въ періодахъ такого построенія нерѣдко замѣчаемъ намѣренное повтореніе союза (πολυσύνδετον) передъ каждымъ изъ соединяемыхъ предложеній или членовъ предложенія: «*И* конь скакалъ, *и* влекся волъ, *и* своего верблюда велъ степной купецъ» (Пушк.), или же повтореніе одного и того же слова (или словъ одного корня) въ началѣ каждаго предложенія: «*туманы* подъ ногами, *туманенъ* видъ полей и горъ, *туманы* надъ водами». Объединеніе мыслей этимъ способомъ разсчитано на впечатлѣніе звуковою стороною рѣчи, и потому обыкновенно встрѣчается въ стихотво-

реніяхъ или въ произведеніяхъ, имѣющихъ характеръ ораторскій: «Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ среди вялой и бабьей свѣтской жизни» (Гог.). Примѣръ періода, состоящаго изъ несвязанныхъ союзами предложеній, объединенныхъ симметрическимъ построеніемъ предложеній: «Нѣкоторые умерли въ оковахъ, другіе потонули въ морѣ, немногіе возвратились въ отечество, и всѣ лишились имѣнія». «Одно лучше другаго—вотъ благо; одному лучше, нежели другому—вотъ счастіе» (Кар.).

§ 17. По логическому и синтаксическому составу періоды 1-го рода (т. е. состоящіе изъ двухъ частей) раздѣляются на слѣдующіе виды:

1. Винословный. Въ одной части высказывается причина, въ другой—слѣдствіе. Синтаксическое выраженіе его: причина выражается въ формѣ придаточнаго предложенія обстоятельственнаго причины; союзъ *такъ-какъ—то* (когда причина выражена въ протазисѣ, а слѣдствіе въ аподозисѣ). Но чаще придаточныя предложенія принимаютъ форму сокращенныхъ дѣепричастныхъ:

«Обогативъ Европу, распространивъ мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, || сіи два открытія (Америки и пути въ Индію) имѣли сильное вліяніе на судьбу державъ» (Кар.). Період нисходящій: «Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія и справедливо хотѣлъ именоваться отцомъ народа, уменьшивъ его тягости; отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою» (Кар.).

Причина можетъ быть выражена и въ формѣ придаточнаго опредѣлительнаго предложенія, сокращеннаго посредствомъ причастія, прилагательнаго или имени существительнаго (приложенія): «Воспитанный вблизи папскаго престола и исполненный всею современною книжною мудростію своего вѣка въ духѣ Римской церкви, || Гильдебрандъ принялъ въ себя идею папства во всей полнотѣ ея» (Кудр.).

«Одаренный отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, богатыми физическими силами, съ ранняго дѣтства знакомый съ разсказами о промыслахъ на морѣ и океанѣ, || Ломоносовъ не могъ не привязаться со страстью своей пылкой души къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его съ собою на промыслы» (Лам.).

«Гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, || Іоаннъ (III) любилъ пышную торжественность; уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми» (Кар.).

«Поэтъ въ прямомъ значеніи сего званія, || онъ (В. Скоттъ) будетъ жить во всѣ времена благотворителемъ души человѣческой» (Жук.).

«Человѣкъ плоти и крови [1], || онъ (Іоаннъ IV) не сознавалъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда...» (Сол.).

Безъ грамматической связи: «Своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами, || —выросъ Грозный» (Сол.).

Если слѣдствію въ аподозисѣ предшествуетъ союзъ заключительный (*слѣдовательно* или *и такъ*), то винословный періодъ получаетъ названіе заключительнаго: «Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце; слѣдовательно всѣ могутъ наслаждаться плодами искусства и науки» (Кар.).

---

[1] Вм.: «будучи человѣкъ плоти...» какъ и выше: «будучи поэтомъ... будучи воспитанъ...» и «будучи гордъ и величавъ...»

2) Относительный. Въ немъ протазисъ относится къ аподозису или какъ подлежащее къ сказуемому (распространенное членами, раскрывающими винословное отношеніе между ними), при союзѣ *кто — тотъ* (рядъ примѣровъ см. въ словѣ Филарета (стр. 637), или же, выражая внѣшнюю связь по мѣсту (*гдѣ, куда, откуда—тамъ, туда, оттуда*) или по времени (*когда—тогда*), скрываетъ и подъ нею винословное значеніе:

„*Гдѣ* священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: *тамъ* сохраняютъ вѣрность отечеству...“ (Фил.).

„*Когда* въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго двора Людовикова, указывая на гробъ великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ глаголомъ вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями неба: *тогда*, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствія ихъ на слушателей...“ (Кар.).

Безъ союза см. пер Ломоносова: „Я въ полѣ межъ огнемъ... въ пламени“ (стр. 645).

3) Условный. Въ одной части высказывается причина предполагаемая, въ другой—ея слѣдствіе. Синтаксическое выраженіе его: союзъ *если* и *если бы* въ протазисѣ, и *то* въ аподозисѣ:

Если жизнь народа была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи: *то* весь пылъ, все сильное юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ“ (Гог.).

„*Если бы* Монголы сдѣлали у насъ то же, что̀ въ Китаѣ и въ Индіи, и что̀ Турки въ Греціи; *если бы*, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города: *то* могли бы существовать и донынѣ въ видѣ государства“ (Кар.)

Или же сказуемое протазиса принимаетъ форму повелительнаго наклоненія:

«Приведите въ движеніе одну силу: || всѣ другія, съ нею сходныя и къ ней близкія, пробудятся, придутъ въ сотрясеніе, начнутъ дѣйствовать» (Жук.). «Предложи человѣку быть счастливымъ и добрымъ, или быть счастливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго?» (Кар.).

Періодъ нисходящій: «Автору надобно имѣть доброе, нѣжное сердце, если онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ нашей души; если хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; если хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ» (Кар.).

Примѣчаніе. Союзъ *если* не служитъ непремѣннымъ признакомъ періода условнаго. Этому союзу наша проза сообщила болѣе разнообразное значеніе. Такъ онъ можетъ получить значеніе союза уступительнаго (при союзѣ *все же, все-таки* въ аподозисѣ): «*Если* главныя основы эпоса остаются неизмѣнны, *все же*, по требованію развивающихся поколѣній, или вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, иногда цѣлые отдѣлы древнѣйшей народной поэзіи вымираютъ, оставивъ по себѣ только слабые слѣды» (Бусл.).

4) Противоположительный. Здѣсь мысли протазиса и аподозиса находятся въ отношеніи противоположности (объ этомъ отношеніи, его синтаксическомъ выраженіи и примѣры выше въ § 12).

5) Уступительный. Здѣсь мысли находятся въ отношеніи кажущагося противорѣчія (см. выше § 11). Обычные союзы: *хотя—но*; *хотя—*

однако; *пусть—но* (*однако*); или же такіе обороты: *знаю, что... но; согласимся, что... однако же* и т. п.

«*Хотя* Анастасія, воспитанная безъ отца въ тишинѣ и уединеніи, увидѣла себя какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ перенесенною на ѳеатръ мірскаго величія: *однако* не забылась, не измѣнилась въ душѣ съ обстоятельствами...» (Кар.) «*Знаю, что* битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума, что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: *но* исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ» (Кар.).

«*Согласимся, что* дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей, ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи: *однако жъ* смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи любопытны не менѣе другихъ» (Кар.).

Протазисъ у уступительнаго періода можетъ принять и форму придаточнаго предложенія сокращеннаго: «Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго русскаго» (Кар.).

6) Раздѣлительный. Въ основу его полагается сужденіе раздѣлительное (§ 5). Синтаксической связью частей здѣсь служитъ союзъ *или—или*, а также оборотъ *можетъ быть.... а можетъ быть и* и т. п.

«Поэту оставалось два средства: *или* натянуть сколько можно выше свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само по себѣ не сохраняетъ сильнаго жара: *или* быть вѣрну одной истинѣ, быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истина рѣзка и смѣла, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе» (Гог.).

«*Можетъ быть*, Юстиніанъ приносилъ съ собою на престолъ и готовые замыслы, постигнутые имъ еще въ прежнее правленіе, для которыхъ теперь только наступило время совершенія; *можетъ быть и* то, что неясные зачатки прежнихъ идей зрѣли и укрѣплялись въ немъ по мѣрѣ того, какъ благопріятствовали обстоятельства» (Кудр.).

7) Соединительный. Въ періодѣ восходящемъ вторая мысль, помѣщенная въ аподозисѣ, усиливаетъ мысль протазиса. Для того служитъ союзъ *не только—но и:*

«Іоаннъ *не только* учредилъ единовластіе, до времени оставивъ права князей владѣтельныхъ однимъ Украинскимъ или бывшимъ Литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ,—*но* былъ *и* первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи» (Кар.).

Къ періодамъ соединительнымъ относятся слитныя предложенія, имѣющія въ протазисѣ многія подлежащія, объединенныя въ аподозисѣ однимъ общимъ понятіемъ:

«Купечество менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ, — *однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія* могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество....» (Кар.).

Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединеніе рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе двора, изображающаго величіе народа — *однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ* имѣютъ въ предметѣ общую пользу» (Кар.).

8) Изъяснительный. Въ аподозисѣ этого періода усиливается мысль протазиса указаніемъ какого-либо значительнаго слѣдствія. Грамматическая связь обѣихъ частей такого періода—союзъ *что* (или *чтобы*), съ предъидущимъ указательнымъ нарѣчіемъ *такъ* или мѣстоименіемъ *такой, ая, ое: такъ—что, такой (ая ое)—что:*

«Сильная мысль, истинная красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и наполняють ее *такимъ* чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ, *что* она въ сіи счастливыя минуты забываетъ вовсе иное земное счастіе» (Кар.).

«Духъ чистѣйшаго незлобія и кротости долженъ проникать величавыя рѣчи старца *такъ*, *чтобы* молодежь ничего не нашлась сказать ему въ возраженіе, почувствовавъ, что неприличны будутъ ея рѣчи, и что сѣдина есть уже святыня» (Гог.).

9) Сравнительный, заключающій распространенное сравненіе. Въ восходящемъ періодѣ то, съ чѣмъ сравнивается, помѣщается въ протазисѣ; главный предметъ мысли въ аподозисѣ (союзы *какъ—такъ, подобно тому, какъ — такъ и, что—то* и т. д.); въ нисходящемъ—порядокъ обратный (вторая часть періода начинается указательной частицей):

«*Какъ* плавающій въ небѣ ястребъ, давши много круговъ сильными крылами, вдругъ останавливается, распластанный среди воздуха на одномъ мѣстѣ, и бьетъ оттуда стрѣлой на раскричавшагося у самой дороги самца-перепела: *такъ* Тарасовъ сынъ Остапъ налетѣлъ вдругъ на хорунжаго и сразу накинулъ ему на шею веревку» (Гог.).

«*Что* дыханіе хлада для цвѣтущихъ растеній, *то* излишне строгая критика для юныхъ способностей души» (Кар.).

Нисходящій: «Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлыхъ истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо сильнѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина: *такъ* остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры, думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту наслажденія» (Кар.).

Если обоимъ сравниваемымъ предметамъ рѣчи авторъ желаетъ придать равное значеніе, то сравненіе наз. параллелью, и между ними не полагается союза:

«Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу и военную славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихотворство, испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ» (Бат.).

Если при параллели цѣль автора указать не сходство и различіе,—а противоположность сравниваемыхъ предметовъ, то сравнительный періодъ обращается въ противоположительный (см. выше, § 12).

При параллели или наблюдается симметрія въ выборѣ и расположеніи отдѣльныхъ понятій (какъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ) или же части періода получаютъ форму хіазма, т. е. обратное расположеніе подобныхъ понятій въ связуемыхъ предложеніяхъ:

«Чтобы утвердить славу мужественнаго, смѣлаго, грознаго *Петра*, должна была чрезъ сорокъ лѣтъ послѣ него царствовать *Екатерина:* чтобы предуготовить славу кроткой, человѣколюбивой, просвѣщенной *Екатерины*, долженствовалъ царствовать *Петръ*» (Кар.).

«*Русскій народъ* достоинъ знать свою *исторію; исторія*, вами написанная, достойна *Русскаго народа*» (Имп Никол. I Карамзину).

10. Смѣшанный періодъ образуется отъ соединенія двухъ или болѣе формъ, выше разсмотрѣнныхъ:

«Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь, увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, *такъ что* исторія едва-ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ» (Кар.)—соединеніе формъ періодовъ сравнительнаго и изъяснительнаго.

Примѣръ соединенія формъ относительнаго и противительнаго пер. представляетъ вышеуказанный періодъ Ломоносова («Я въ полѣ.. тысяча», стр. 645).

Соединеніе формъ относительнаго и раздѣлительнаго періодовъ:

«Тамъ, *гдѣ* надо было дѣйствовать на сердце, въ Аѳинахъ или внѣ Аѳинъ, тамъ, *гдѣ* надо было запугать *или* убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ *или* начальствовать надъ войскомъ,—*тамъ* Алкивіадъ былъ великій художникъ» (Гран.)

Изъ указанныхъ двухъ формъ періода—восходящаго и нисходящаго — первая наиболѣе удовлетворяетъ выразительности слога. Не только обѣ главныя части періода – протазисъ и аподозисъ – соблюдаютъ въ немъ переходъ отъ второстепенныхъ мыслей къ важнѣйшимъ, но и при распространеніи каждой изъ этихъ частей наблюдается словорасположеніе въ порядкѣ градаціи, т. е. въ виду постепеннаго усиленія впечатлѣнія, которое должно быть произведено понятіями, составляющими сужденія. Примѣры см. въ вышеприведенномъ періодѣ изъяснительномъ, а также въ протазисѣ 1-го періода Карамзина въ ст: «Послѣднія пять лѣтъ царствованія Бориса Г.» («Достигнувъ цѣли.... коварствомъ», стр. 241 и 242).

АРХАИЗМЫ. ВАРВАРИЗМЫ. НЕОЛОГИЗМЫ. ПРОВИНЦІАЛИЗМЫ.

§ 18. Кромѣ требованій логическихъ и условій благозвучія, на слогъ вліяетъ ростъ языка, постепенно измѣняющаго какъ свой словарь, такъ и синтаксическій строй. Многіе слова и обороты мало по малу выходятъ изъ употребленія. Эпоха преобразованія русскаго литературнаго языка, произведенная Ломоносовымъ и его послѣдователями, исключила значительную часть словаря древне-русскаго литературнаго языка, въ основу котораго былъ положенъ языкъ церковно-славянскій, а также ограничила употребленіе не малаго количества словъ, возмѣстивъ ихъ обильнымъ запасомъ изъ языка народнаго русскаго. Остатки церковно-славянскаго и древнерусскаго языка, находящіе порою мѣсто въ языкѣ новыхъ писателей, называются архаизмами.

Значеніе словъ и выраженій церковнославянскихъ—какъ архаизмовъ—получило начало послѣ раздѣленіи Ломоносовымъ элементовъ церковнославянскаго и русскаго въ литературномъ языкѣ.

Въ своемъ разсужденіи «О пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ» Ломоносовъ говоритъ:

«Какъ матеріи, которыя словомъ человѣческимъ изображаются, различествуютъ по мѣрѣ разной своей важности: такъ и россійскій языкъ чрезъ употребленіе книгъ церковныхъ по приличности имѣетъ разныя степени: высокій, посредственный и низкій. Сіе происходитъ отъ трехъ родовъ реченій россійскаго языка. Къ первому причитаются, кои хотя обще употребляются мало, а особливо въ разговорахъ, однако всѣмъ грамотнымъ людямъ вразумительны, напр. *отверзаю, Господень, насажденный, взываю.* Неупотребительныя и весьма обветшалыя отсюда исклю-

чаются: *обаваю* [1], *рясны* [2], *овогда* [3], *свѣнѣ* [4] и симъ подобныя. Ко второму принадлежатъ, которыя у древнихъ Славянъ и нынѣ у Россіянъ обще употребительны, напр. *Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю*. Къ третьему роду относятся, которыхъ нѣтъ въ остаткахъ славянскаго языка, т. е. въ церковныхъ книгахъ, напр: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презрѣнныя слова, которыхъ ни въ какомъ штилѣ употребить непристойно, какъ только въ подлыхъ комедіяхъ.»

«Отъ разсудительнаго употребленія и разбору сихъ трехъ родовъ реченій, раждаются три штиля—высокій, посредственный и низкій. Первый составляется изъ реченій славенороссійскихъ, т. е. употребительныхъ въ обоихъ нарѣчіяхъ и изъ славенскихъ, Россіянамъ вразумительныхъ и не весьма обветшалыхъ. Симъ штилемъ составляться должны героическія поэмы, оды, прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ, которымъ они отъ обыкновенной простоты къ важному великолѣпію возвышаются. Симъ штилемъ преимуществуетъ россійскій языкъ предъ многими нынѣшними европейскими, пользуясь языкомъ славенскимъ изъ книгъ церковныхъ.»

«Средній штиль состоять долженъ изъ реченій больше въ россійскомъ языкѣ употребительныхъ, куда можно принять нѣкоторыя реченія славенскія въ высокомъ штилѣ употребительныя, однако съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ. Равнымъ образомъ употребить въ немъ можно низкія слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься въ подлость. И словомъ, въ семъ штилѣ должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тѣмъ теряется, когда реченіе славенское положено будетъ подлѣ россійскаго простонароднаго. Симъ штилемъ писать всѣ театральныя сочиненія, въ которыхъ требуется обыкновеное человѣческое слово къ живому представленію дѣйствія. Однако можетъ и перваго рода штиль имѣть въ нихъ мѣсто, гдѣ потребно изобразить геройство и высокія мысли; въ нѣжностяхъ должно отъ того удаляться. Стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи сего штиля больше должны держаться. Въ прозѣ предлагать имъ пристойно описанія дѣлъ достопамятныхъ и ученій благородныхъ.»

«Низкій штиль принимаетъ реченія третьяго рода, т. е. которыхъ нѣтъ въ славенскомъ діалектѣ, смѣшивая со средними, а отъ славенскихъ обще неупотребительныхъ вовсе удаляться, по пристойности матеріи, каковы суть: комедіи, увеселительныя эпиграммы, пѣсни; въ прозѣ — дружескія письма, описанія обыкновенныхъ дѣлъ. Простонародныя низкія слова могутъ имѣть въ нихъ мѣсто по разсмотрѣнію».

Такъ распредѣляетъ Ломоносовъ словарь обоихъ языковъ; за тѣмъ онъ указываетъ тѣ особенности церковно-славянскаго синтаксиса, которыя желаетъ удержать за русскимъ литературнымъ языкомъ:

«Сколько въ высокой поэзіи служатъ однимъ реченіемъ славенскимъ сокращенныя мысли, какъ причастіями и дѣепричастіями, въ обыкновенномъ россійскомъ языкѣ неупотребительными, то всякъ чувствовать можетъ, кто въ сочиненіи стиховъ испыталъ свои силы».

Употребленіе славянизмовъ съ указанными Ломоносовымъ цѣлями, хотя въ меньшей степени, встрѣчается и у новѣйшихъ писателей: у Жуковскаго («*Богамъ отвратившимся* [5], поздно ввѣряться надеждѣ»), у Пушкина («Таковъ вамъ положенъ предѣлъ, *его жъ* никто не преступаетъ»).

[1] Чарую.—[2] Бахрома.—[3] Тип.—[4] Кромѣ.—[5] Дат. самостоятельный.

Объ употребленіи новѣйшими писателями многихъ церковнославянскихъ словъ на ряду съ русскими говорено выше (см. § 4.

Архаизмы, состоящіе изъ словъ древне-русскаго языка, допускаются въ современномъ слогѣ съ цѣлію сообщить изложенію колоритъ древней эпохи, о которой повѣствуется. Таковы многія выраженія «Исторіи» Карамзина: «Смиренное платье» (трауръ), «копать борозды» (вести траншеи), «кувшины съ зельемъ» (гранаты), «взявъ ихъ землю на щитъ», «стояли Россіяне на костяхъ», «связать душу Василіеву крестомъ и евангеліемъ»[1].

§ 19. Общеніе съ другими народами, въ особенности же подчиненіе чужеземному вліянію въ какой-либо области знанія, вноситъ въ языкъ иностранныя слова, или варваризмы[2]. Литературный языкъ до-петровской эпохи многочисленными грецизмами свидѣтельствуетъ о византійскомъ вліяніи; въ XVI и XVII вѣкахъ у южно-русскихъ писателей встрѣчаемъ полонизмы; въ эпоху Петра Великаго русскій языкъ принялъ массу словъ голландскихъ и нѣмецкихъ (германизмы); французское вліяніе со временъ императрицы Елизаветы внесло въ русскій языкъ галлицизмы. Употребленіе иностранныхъ словъ для обозначенія понятій, которымъ нѣтъ соотвѣствующихъ выраженій въ родномъ языкѣ, неизбѣжно, но составляетъ большой недостатокъ слога, если распространяется на понятія, имѣющія равносильное выраженіе на родномъ языкѣ (*респектъ* вм. «уваженіе», *руина* вм. «развалина», *депансы* вм. «расходы»...). Варваризмы распространяются и на синтаксическій строй рѣчи (...«а имъ печатный каждый листъ *быть кажется* святымъ», Дм.—«Имѣя право выбирать оружіе, жизнь его была въ моихъ рукахъ» Пушк.).

Въ эпоху возникновенія или преобразованія литературнаго языка вліяніе языка чужаго народа, способнаго передать цѣнный вкладъ образованности, можетъ оказать важную услугу. Въ исторіи славянскихъ языковъ мы видимъ два такихъ момента: 1) при возникновеніи славянской письменности и 2) при созданіи Ломоносовымъ русскаго литературнаго языка. О первомъ, въ упомянутомъ выше трактатѣ, Ломоносовъ говоритъ:

«Въ древнія времена, когда Славенскій народъ не зналъ употребленія письменно изображать свои мысли, которыя тогда были тѣсно ограничены для невѣдѣнія многихъ вещей и дѣйствій, ученымъ народомъ извѣстныхъ: тогда и языкъ его не могъ изобиловать такимъ множествомъ реченій и выраженій разума, какъ нынѣ читаемъ. Сіе богатство болѣе всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славенскій для славословія Божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила эллинскаго слова коль высоко почитаются, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѳеновъ и другихъ въ эллинскомъ языкѣ героевъ, витійствовали великіе христіанскія церкви учители и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно вникнувшимъ въ книги церковныя на славенскомъ языкѣ, коль много мы отъ переводу ветхаго и новаго завѣта, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней Дамаскиновыхъ и другихъ творцовъ каноновъ видимъ въ славенскомъ языкѣ греческаго изобилія, и оттуда умножаемъ довольство россійскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достоинствомъ велико и къ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славенскаго

---

[1] См. Буслаева «О преподованіи отечеств. яз.», стр. 441—436.—[2] Отъ греч. βάρβαρος чужой.

сродно. При семъ, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившіе съ греческаго языка книги на славенскій не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять въ переводъ свойствъ греческихъ, славенскому языку странныхъ: однако оныя чрезъ долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли въ обычай. И такъ что̀ предкамъ нашимъ казалось невразумительно, то намъ нынѣ стало пріятно и полезно».

Временное подчиненіе синтаксическаго строя русскаго литературнаго языка латинскому, которое видимъ въ произведеніяхъ Ломоносова [1], представляетъ второй моментъ благотворнаго воздѣйствія на нашъ языкъ— языка чужаго. Благотворная сторона этого воздѣйствія состоитъ въ томъ, что рѣчь наша получила опредѣленный способъ сочиненія и подчиненія предложеній, такъ какъ Ломоносовъ усвоилъ нашему языку точность въ употребленіи союзовъ и другихъ союзныхъ реченій, которая сохранилась въ немъ и послѣ того, когда все несвойственное русскому языку въ Ломоносовскомъ синтаксисѣ (напр. латинское словорасположеніе) было отвергнуто позднѣйшими писателями.

Менѣе ощутительна польза вліянія *живыхъ* иностранныхъ языковъ. Обогащая словарь нѣкоторыми реченіями отвлеченнаго содержанія, терминами въ области наукъ и ремеслъ, живые языки однако же болѣе способны подавить самостоятельность въ развитіи языка, предлагая готовыя формы для тѣхъ понятій и отношеній, для которыхъ народъ могъ бы выработать собственное выраженіе, переживая потребность въ нихъ одновременно съ тѣми народами, языки которыхъ такъ легко наполняютъ словарь его варваризмами.

Ломоносовъ указываетъ въ вышеупомянутомъ разсужденіи на архаизмы, какъ на средство противодѣйствовать варваризмамъ: «Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славенскаго языка купно съ россійскимъ отвратятся *дикія и странныя слова нелѣпости*, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя неприличности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственную красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ».

§ 20. Живой языкъ каждаго народа не составляетъ разъ навсегда замкнутаго ряда словъ и выраженій, но продолжаетъ обогащаться новыми, благодаря творчеству народа и отдѣльныхъ лицъ. Отсюда возможность новыхъ словъ (неологизмовъ [2]).

Неологизмы входятъ во всеобщее употребленіе, если составлены въ духѣ языка. Таковы введенныя Карамзинымъ и его современниками слова: промышленность, переворотъ (по образцу фр. révolution), развитіе (по обр: développement), утонченный (raffiné), сосредоточить (concentrer), трогательно (touchant), занимательно (interessant) и Пушкинымъ: временщикъ.

§ 21. Какъ архаизмы употребляются новѣйшими писателями для сообщенія повѣствованію колорита старшины, такъ для сообщенія рѣчи мѣстнаго колорита употребляются слова областныя, т. е. слова народнаго языка, употребляемыя лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Такія слова наз. провинціализмами [3]. Слова народныя, общеупотребительныя въ крестьянскомъ сословіи, наз. просторѣчіемъ.

---

[1] См. его Похвальное слово (стр. 641). — [2] Отъ греч. νέος — новый и λόγος—слово. —[3] Отъ лат. provincia—область.

Примѣры провинціализмовъ обильны въ повѣстяхъ Гоголя изъ малороссійскаго быта: *бандура* (струнный инструментъ), *барвинокъ* (растеніе), *варенуха* (водка, вареная съ пряностями и плодами), *вечерять* (ужинать), *галушки* (клёцки), *жинка* (жена), *жупанъ* (кафтанъ), *казанъ* (котелъ), *коханка* (возлюбленная), *люлька* (трубка), *очкуръ* (шнурокъ, которымъ стягиваютъ шаровары), *пасичникъ* (пчеловодъ), *паробокъ* (парень), *пекло* (адъ), *повѣтъ* (уѣздъ), *рада* (народное собраніе), *саламата* (толокно), *свитка* (полукафтанье), *смушки* (мерлушки), *хлопецъ* (мальчикъ), *цыбуля* (лукъ), *черевики* (башмаки), *чуприна* (клокъ волосъ на маковкѣ), *чумакъ* (обозникъ), *швецъ* (сапожникъ).

Примѣры народныхъ словъ: «Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему (Плюшкину) на рабочій дворъ, гдѣ заготовлено было на заказъ всякаго дерева и посуды,—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ нибудь въ Москву на Щепной дворъ..., гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки, и прочій дрязгъ...“ (Гог.).

ОПИСАНІЯ.

ОПИСАНІЯ.

Описаніе простое и художественное.—Выборъ признаковъ въ описаніи простомъ и его расположеніе.—Описаніе систематическое.—Чѣмъ сообщается единство описанію простому?—Выборъ признаковъ въ описаніи художественномъ и его расположеніе.—Чѣмъ сообщается ему единство?—Выраженіе душевнаго настроенія автора.—Типическое описаніе (художественная характеристика).—Языкъ описаній.—Описанія смѣшанныя.

§ 1. Описаніе есть изчисленіе признаковъ предмета, отличающихъ его отъ другихъ предметовъ, ему подобныхъ.

Предметомъ описанія можетъ быть и явленіе.

§ 2. Описанія бываютъ простыя и художественныя.

Простое описаніе имѣетъ цѣлію дать общее представленіе или понятіе о предметѣ (или явленіи) и потому останавливается на признакахъ постоянныхъ или на измѣненіи признаковъ, составляющемъ постоянное свойство этого предмета.

Описаніе художественное имѣетъ въ виду дать представленіе предмета (или явленія) въ извѣстный моментъ, и потому выдвигаетъ признаки случайные.

§ 3. Въ описаніи простомъ выборъ признаковъ зависитъ отъ мысли, положенной въ основаніе описанія [1].

Если расположеніе выдержано строго по частямъ или принадлежностямъ предмета, то описаніе называется систематическимъ. Такой однообразный порядокъ видимъ въ научныхъ описаніяхъ животныхъ, растеній, странъ и т. п. по частямъ ихъ [2].

Примѣчаніе. Въ числѣ описаній простыхъ должно отличать такія, которыя расположены въ порядкѣ зависимости признаковъ одного отъ другаго. Такія описанія, имѣя цѣлію указывать причинную связь признаковъ, относятся къ области разсужденій (см. § 3 теоріи разсужденій: о „логическомъ описаніи" и примѣч. къ ст. „Нидерланды".

[1] См. вын. къ ст. «Постоялый дворъ» Тургенева (стр. 6).

[2] См. опис. «Крокодилъ», «Гагара», «Новая земля»

Единство простому описанію даетъ самый предметъ описанія, или же мысль, положенная въ его основу [1].

§ 4. Въ описаніи художественномъ расположеніе зависитъ отъ точки зрѣнія, съ которой предметъ представляется и открываетъ взорамъ свои части, и отъ момента, въ который предметъ представляется [2]. Слѣдовательно единство описанію художественному придаетъ лицо автора: все описывается какъ его представленіе.

Художественное описаніе, кромѣ изображенія предметовъ и явленій (объектовъ), заключаетъ въ себѣ явно [3] или скрытно [4] выраженіе личныхъ чувствъ автора (субъекта). Поэтому такими описаніями пользуется лирическая поэзія.

§ 5. Если художественное описаніе многосторонне, т. е. изображаетъ предметъ въ нѣсколько характерныхъ моментовъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія: то оно можетъ достигнуть и цѣлей описанія прозаическаго (простаго), т. е. дать матеріалъ, приспособленный къ образованію общаго представленія или понятія [5].

Примѣчаніе. Если авторъ художественнаго описанія соединитъ съ изобразительностію цѣль „описанія логическаго“ (см. теорію разсужденій, § 3), положивъ въ основу существенный признакъ предмета или явленія: то описаніе называется художественной характеристикой, ибо возводитъ изображаемый предметъ въ типъ [6]. Признаки, изъ коихъ слагается типъ, будучи случайными (въ томъ смыслѣ, что составляютъ принадлежность нагляднаго представленія предмета въ извѣстный моментъ), выбираются въ цѣляхъ выдвинуть наиболѣе характеристическія постоянныя свойства предмета и такимъ образомъ послужить къ раскрытію его сущности.

§ 6. Языкъ описаній простыхъ—прозаическій, а художественныхъ—изобразительный [7].

§ 7. Оба рода описаній могутъ соединяться вмѣстѣ [8].

Многія изъ описаній, входящихъ въ исторію, въ географическія сочиненія, путешествія—соединяютъ эти оба рода, т. е. онтосятся къ описаніямъ смѣшаннымъ.

---

1 См. разборъ ст. «Уралъ» Пушкина (послѣ ст. Гоголя «Днѣпръ»).
2 См. «Рейнскій водопадъ» Карамзина и Жуковскаго.
3 См. послѣднюю часть опис. Тургенева: «Роща».
4 См. разборъ стих. Пушкина «Обвалъ» и опис. «Село».
5 См. «Новороссійскія степи» Пассека.
6 См. «Жизнь» Гоголя и «Видѣнія» Тургенева.
7 См. разборъ описаній «Уралъ» и «Днѣпръ».
8 См. «Рейнскій водопадъ» Карамзина.

ОПИСАНІЯ ПРОСТЫЯ.

Классная комната *.

Налѣво отъ двери были двѣ полочки: одна наша дѣтская, другая Карла Ивановича, *собственная*. На нашей были всѣхъ сортовъ книги учебныя и неучебныя: однѣ стояли, другія лежали; коллекція книгъ на полочкѣ Карла Ивановича если не была такъ велика, какъ на нашей, то была еще разнообразнѣе.

На другой стѣнѣ висѣли ландкарты, всѣ почти изорванныя, но искусно подклеенныя рукою Карла Ивановича.

На третьей стѣнѣ, въ срединѣ которой была дверь въ низъ, съ одной стороны висѣли двѣ линейки: одна изрѣзанная, наша; другая новенькая, *собственная*; съ другой—черная доска, на которой кружками отмѣчались наши большіе проступки и крестиками маленькіе. Налѣво отъ доски былъ уголъ, въ который насъ ставили на колѣни.

По срединѣ комнаты стоялъ столъ, покрытый оборванной черной клеенкой, изъ подъ которой во многихъ мѣстахъ виднѣлись края, изрѣзанные перочинными ножами. Кругомъ стола было нѣсколько некрашенныхъ, но отъ долгаго употребленія залакированныхъ табуретовъ.

Послѣдняя стѣна была занята тремя окошками. Вотъ какой былъ видъ изъ нихъ: прямо подъ окнами дорога, за дорогой стриженная липовая аллея, изъ за которой кое-гдѣ виднѣется плетеный частоколъ; черезъ аллею виденъ лугъ, съ одной стороны котораго гумно, а напротивъ лѣсъ; далеко въ лѣсу видна избушка сторожа; изъ окна направо видна часть террасы, на которой сиживали обыкновенно большіе до обѣда.

Изъ соч. гр. Л. Толстаго.

Комната въ деревенскомъ домѣ **.

Небольшая, низенькая комнатка была очень чиста и уютна. Въ ней пахло недавно выкрашеннымъ поломъ, ромашкой и мелиссой. Вдоль

---

* Простѣйшій планъ описанія—по частямъ описываемаго предмета. Описаніе предмета состоитъ въ перечисленіи признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ подобныхъ предметовъ.

** Ср. съ предъидущимъ описаніемъ.

стѣнъ стояли стулья съ задками въ видѣ лиръ. Въ одномъ углу возвышалась кроватка подъ кисейнымъ пологомъ, и кованый сундукъ съ круглою крышей. Въ противоложномъ углу горѣла лампадка передъ большимъ темнымъ образомъ Николая Чудотворца; крошечное фарфоровое яичко на красной лентѣ висѣло на груди святаго, прицѣпленное къ сіянію. На окнахъ банки съ прошлогоднимъ вареньемъ, тщательно завязанныя, сквозили зеленымъ свѣтомъ; на бумажныхъ ихъ крышкахъ было написано крупными буквами: „кружовникъ". Подъ потолкомъ, на длинномъ шнуркѣ, висѣла клѣтка съ короткохвостымъ чижомъ; онъ безпрестанно чирикалъ и прыгалъ, и клѣтка безпрестанно качалась и дрожала: конопляныя зерна съ легкимъ стукомъ падали на полъ. Въ простѣнкѣ, надъ небольшимъ комодомъ, висѣли довольно плохіе фотографическіе портреты въ разныхъ положеніяхъ, сдѣланные заѣзжимъ художникомъ: Ермоловъ [1], въ буркѣ, грозно хмурился на отдаленныя Кавказскія горы, изъ-подъ шелковаго башмачка для булавокъ, падавшаго ему на самый лобъ.

Тургеневъ.

Постоялый дворъ *.

На большой дорогѣ, въ одинаковомъ почти разстояніи отъ двухъ уѣздныхъ городовъ, чрезъ которые она проходитъ, еще недавно стоялъ обширный постоялый дворъ, очень хорошо извѣстный троичнымъ извощикамъ, обознымъ мужикамъ, купеческимъ прикащикамъ, мѣщанамъ, торговцамъ и вообще всѣмъ многочисленнымъ и разнороднымъ проѣзжимъ, которые во всякое время года накатываютъ наши дороги.

Кромѣ своего выгоднаго мѣстоположенія, постоялый дворъ бралъ многимъ: отличной водой въ двухъ глубокихъ колодцахъ со скрипучими колесами и желѣзными бадьями на цѣпяхъ; просторнымъ дворомъ, съ сплошными тесовыми навѣсами на толстыхъ столбахъ; обильнымъ запасомъ хорошаго овса въ подвалѣ; теплой избой съ огромнѣйшей русской печью—и наконецъ двумя довольно чистыми комнатками съ красно-лиловыми, снизу нѣсколько оборванными бумажками на стѣнахъ, деревяннымъ крашенымъ диваномъ, такими же стульями и двумя горшками гераніума на окнахъ, которыя впрочемъ никогда не отпирались.

Другія еще удобства представлялъ этотъ постоялый дворъ: куз-

---

[1] Портретъ извѣстнаго генерала.

* Планъ этого описанія сдѣланъ также по частямъ описываемаго предмета. Выборъ признаковъ въ зависимости отъ мысли, положенной въ основаніе описанія: перечислены лишь тѣ изъ нихъ, которые объясняютъ *удобство* постоялаго двора для проѣзжихъ (что указано во введеніи и заключеніи описанія). Потому послѣдовательность въ расположеніи частей слѣдуетъ порядку потребностей проѣзжающихъ вощиковъ: сначала необходимое для лошадей, потомъ—для успокоенія самихъ проѣзжающихъ и—для ихъ нуждъ.

ница была отъ него близко; наконецъ и поѣсть въ немъ можно было хорошо... Словомъ, много было причинъ, почему въ томъ дворѣ не переводились всякаго рода постояльцы.

Тургеневъ.

Уралъ *.

Яикъ, по указу Екатерины II переименованный въ Уралъ, выходитъ изъ горъ, давшихъ ему нынѣшнее его названіе; течетъ къ югу вдоль ихъ цѣпи, до того мѣста, гдѣ нѣкогда положено было основаніе Оренбургу, и гдѣ теперь находится Орская крѣпость; тутъ, раздѣливъ каменистый хребетъ ихъ, поворачиваетъ на западъ и, протекши болѣе двухъ тысячъ пятисотъ верстъ [1], впадаетъ въ Каспійское море.

Онъ орошаетъ часть Башкиріи [2], составляетъ почти всю юговосточную границу Оренбургской губерніи; справа примыкаютъ къ нему заволжскія степи; слѣва простираются печальныя пустыни, гдѣ кочуютъ орды дикихъ [3] племенъ. извѣстныхъ у насъ подъ именемъ Киргизъ-Кайсаковъ.

Его теченіе быстро, мутныя воды наполнены рыбой всякаго рода, берега большею частію глинистые, песчаные и безлѣсные, но въ мѣстахъ поемныхъ [4] удобные для скотоводства. Близъ устья обросъ онъ высокимъ камышомъ, гдѣ кроются кабаны и тигры.

На сей рѣкѣ въ XV столѣтіи явились Донскіе казаки, разъѣзжавшіе по Хвалынскому морю [5]. Они зимовали на ея берегахъ, въ то время еще покрытыхъ лѣсомъ и безопасныхъ по своему уединенію; весною снова пускались въ море, разбойничали до глубокой осени и къ зимѣ возвращались въ Яикъ.

Пушкинъ.

Рейнъ.

Нѣтъ ни одной рѣки, на берегахъ которой было бы такое пол-

* Описаніе это предпослано двумъ слѣдующимъ («Рейнъ» и «Волга»), какъ предлагающее во всей простотѣ планъ, почти тождественный у всѣхъ сихъ описаній. Сравненіе ихъ между собою наглядно объясняетъ, что планъ описаній зависитъ съ одной стороны отъ того рода предметовъ, которые они разсматриваютъ (въ этомъ сходство этихъ 3-хъ описаній), съ другой—отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго предмета (въ этомъ ихъ различіе). — Относительно выбора признаковъ и выраженія сличи съ худож. описаніемъ Гоголя «Днѣпръ».

[1] Авторъ не упоминаетъ о второмъ главномъ поворотѣ Урала (близъ Уральска) на югъ, потому что, опредѣляя направленіе рѣки, имѣлъ въ виду лишь связь теченія ея съ горами.—[2] Авторъ такъ назвалъ часть Оренбургской губерніи, населенную Башкирами.—[3] Слово «дикіе» здѣсь употреблено не въ первоначальномъ его значеніи (какъ именованіе свойства народовъ на нижайшей ступени развитія, т. е. звѣроловъ), но какъ синонимъ, опредѣляющій имя народа вообще необразованнаго, грубаго.—[4] *По-ем-ныхъ* мѣстахъ,—которыя *по-н-им-аются* вешнею водою.—[5] *Хвалынское* м.—Каспійское м.

ное гармоническое соединеніе искусства съ природою, историческихъ воспоминаній съ настоящими событіями.

Въ величественной и прекрасной центральной области могущественнаго альпійскаго пояса, на скалистыхъ вершинахъ, виситъ болѣе 300 ледниковъ, воды которыхъ съ бѣшеною, неистовою силою стремятся въ Рейнъ. По выходѣ изъ горъ, эти бурные истоки Альповъ успокоиваются и очищаются, образуя до 15 большихъ и прекраснѣйшихъ озеръ — глубокихъ изумрудныхъ бассейновъ, съ одной стороны окруженныхъ неприступными скалами, а съ другой — близълежащими холмами виноградниковъ и зеленѣющими лугами; одно изъ нихъ обширно, какъ море. Свѣтлыя, какъ кристаллъ, воды вытекаютъ изъ этихъ озеръ, — и соединясь въ одно русло, мощныя, но мирныя волны ихъ струятся по роскошнымъ полямъ, мимо великолѣпныхъ замковъ, высокихъ соборовъ, богатыхъ искусствомъ городовъ, которымъ они приносятъ богатые грузы. Высокія горы, покрытыя лѣсами, теряются, когда рѣка вступаетъ въ далекую равнину и съ неудержимою силой и быстротой стремится къ морю, чтобы излить въ него свои воды.

У колыбели Рейна раздаются пѣсни бѣдныхъ, но свободныхъ и веселыхъ пастуховъ, а при устьѣ его строитъ себѣ пловучіе дома тоже свободный, но притомъ богатый, трудолюбивый народъ, объѣздившій отдаленныя страны и моря, надъ которыми когда-то господствовалъ. Гдѣ можно найти еще такую рѣку, которая имѣла бы при своемъ истокѣ Швейцарію, а при устьѣ Голландію, — рѣку, которая отъ истока до устья орошала бы плодородныя, цивилизованныя земли? Если другія рѣки гораздо шире и обильнѣе водою, за то воды Рейна чисты, всегда полны и почти неизмѣнны, а потому и ширина его въ мѣру, весьма удобна для судовъ и сплава лѣса, для сообщенія народовъ между собою; однако она не раздѣляетъ оба берега такъ, чтобы съ одного не было видно другаго, или чтобы звукъ голоса не долеталъ до противоположнаго берега.

Рейнъ по справедливости можетъ назваться рѣкою средней Европы. У его альпійскихъ источниковъ сходятся Бургундія, Италія, Ю. Германія. Понижаясь къ океану, онъ протекаетъ между сѣверной Франціей и равнинами древней Саксоніи и доходитъ до Британскихъ острововъ. Изъ прекрасной равнины средняго Рейна, центральной области, окруженной стѣною горъ, естественные водные пути ведутъ чрезъ длинные узкіе скалистые проходы во внутренность Германіи и Франціи. Мозель съ лѣвой стороны, Майнъ съ правой соединяютъ Францію и Лотарингію. Собственно Рейнъ и его берега служатъ великими путями сообщенія и торговли между югомъ и сѣверомъ, между Голландіей и Швейцаріей, Англіей и Италіей, и будутъ получать тѣмъ большее значеніе, чѣмъ болѣе будутъ входить въ тѣсныя и оживленныя сношенія различные члены европейской государственной системы.

Рейнъ должно назвать поистинѣ *нѣмецкой рѣкой*, потому что отъ

источниковъ и до устья онъ почти всегда протекалъ по нѣмецкимъ областямъ. На немъ достигла высшаго своего развитія нѣмецкая жизнь; на немъ лежали самые большіе и величественные нѣмецкіе города, которые, какъ напр. Майнцъ и Кельнъ, по справедливости можно назвать метрополіями[1] нѣмецкой земли и народа, какъ въ умственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи.

По Мендельсону и Ф. Миллеру.

Волга.

Вода въ рѣкѣ слѣдуетъ закону тяжести. Поэтому она располагается по земной поверхности и направляется въ своемъ движеніи сообразно склону, возвышеніямъ и вообще неровностямъ почвы, по которой протекаетъ. Если источники, питающіе рѣку, текутъ съ невысокихъ горъ, то она въ своемъ верхнемъ теченіи будетъ имѣть малое паденіе, и движеніе ея вслѣдствіе этого будетъ медленное. Послѣднее свойство составляетъ общую принадлежность всѣхъ рѣкъ, текущихъ съ Волжскаго плоскогорья, ибо высота его вообще простирается отъ 800 до 900 ф. и только въ весьма немногихъ мѣстахъ доходитъ до 1000 ф. Кромѣ этого свойства, столь важнаго для судоходства рѣкъ въ верхнемъ теченіи ихъ, рѣки восточной европейской равнины имѣютъ еще особенность, отличающую ихъ отъ рѣкъ западной Европы: онѣ въ своемъ теченіи дѣлаютъ частые дугообразные повороты, такъ что въ цѣломъ образуется волнообразная линія. Это явленіе зависитъ отчасти отъ медленнаго теченія рѣки, отчасти отъ свойства грунта, по которому она пролагаетъ свое русло.

Всѣ особенности рѣкъ восточной равнины проявляются и въ самой значительной изъ нихъ — Волгѣ.

Волга вытекаетъ изъ двухъ небольшихъ озеръ, расположенныхъ около Валдайскихъ горъ. Направленіе ея до г. Зубцова юговосточное, совершенно сходное съ послѣднимъ ея поворотомъ отъ г. Царицына къ Каспійскому морю. Отъ Зубцова до г. Твери Волга течетъ въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіи. Рѣкою Тверцой, которая впадаетъ съ сѣверо-западной стороны ея, Волга отклоняется отъ направленія, принятаго ею, къ своему первоначальному юго-восточному направленію. Но не долго она остается вѣрна ему: скоро она снова поворачиваетъ на сѣверо-востокъ и продолжаетъ такимъ образомъ свое теченіе до впаденія въ нее съ сѣверо-западной стороны Мологи. Соединившись съ Мологой, Волга опять поворачиваетъ къ юго-востоку и на этотъ разъ гораздо долѣе остается въ принятомъ направленіи. Здѣсь она дѣлаетъ нѣсколько значительныхъ изгибовъ и съ обѣихъ

[1] *Метрополія* (μητρόπολις) — мѣсто, изъ котораго выселяются колоніи; здѣсь — метафорически.

сторонъ принимаетъ довольно много притоковъ, между которыми встрѣчается и такой значительный, какъ рѣка Ока, впадающая съ юго-западной стороны. Отъ впаденія Оки до р. Казанки Волга, говоря вообще, течетъ въ восточномъ направленіи; отъ устья же Казанки она вдругъ поворачиваетъ на югъ и на протяженіи семидесяти верстъ удерживаетъ это направленіе, пока быстрымъ и стремительнымъ теченіемъ рѣки Камы не отклоняется отъ этого пути къ юго-западному направленію, которому и отдается на нѣкоторое время, какъ будто оставаясь подъ вліяніемъ напора водъ наибольшаго изъ своихъ притоковъ. Не доходя Тетюшъ[1]), Волга поворачиваетъ на югъ и, извиваясь, течетъ въ этомъ направленіи до Симбирска, за которымъ начинаетъ поворачивать на юго-востокъ, какъ бы подготовляясь къ Самарской лукѣ— огромному изгибу, совершаемому ею около Ставрополя[2]. Это рѣзкое отклоненіе отъ пути производится Самарскою грядою, которая направляется отъ Уральскихъ предгорій на западъ къ Волгѣ, пересѣкаетъ ее и тянется до Дона и Оки, образуя замѣчательный водораздѣлъ. Нѣсколько выше Сызрани кончается Самарская лука, и Волга поворачиваетъ прямо на югъ; впрочемъ она течетъ недолго въ этомъ направленіи, отклоняясь скоро къ юго-западу, и этому направленію остается уже вѣрна на очень большое протяженіе, дѣлая только иногда болѣе или менѣе значительные изгибы на своемъ пути. Не достигнувъ г. Царицына, Волга отдѣляетъ отъ себя самый большой изъ своихъ рукавовъ—Ахтубу, который течетъ съ лѣвой стороны параллельно ей до самаго моря. За Царицынымъ Волга дѣлаетъ послѣдній поворотъ, сперва на востокъ, потомъ, не измѣняя совершенно этому направленію, отклоняется нѣсколько къ югу и въ юго-восточномъ направленіи «медленно, какъ будто утомленная долгимъ путемъ своимъ, катитъ свои струи по пустыннымъ и низменнымъ равнинамъ, пока морская пасть не поглощаетъ ее окончательно[3].»

Вслѣдствіе такого извилистаго теченія, длина Волги удвоивается, и она орошаетъ на пути своемъ страны со свойствами чрезвычайно разнообразными во многихъ отношеніяхъ. Устье Волги отстоитъ отъ ея начала по прямой линіи на разстояніи 210 миль, между тѣмъ какъ со всѣми извилинами теченіе ея простирается на 430 миль. Слѣдовательно, благодаря изгибамъ, развитіе рѣчной области превосходитъ двойное пространство прямолинейнаго разстоянія Волги, чрезъ что и площадь рѣчнаго бассейна ея достигаетъ огромной величины; она равняется 30 тысячамъ квадратныхъ миль.

Обратимся къ разсмотрѣнію ея береговаго строенія.

Отъ впаденія Мологи берега Волги принимаютъ видъ болѣе опредѣленный и постоянный, чѣмъ это было доселѣ; правый берегъ го-

---

[1] *Тетюши* — городъ Казанской губ. — [2] *Ставрополь*—городъ Самарской губ.—[3] Изъ Ф. Мюллера.

воря вообще, становится болѣе возвышеннымъ и утесистымъ, лѣвый же—низменнымъ. Особенно рельефно выступаетъ это различіе въ береговомъ развитіи Волги отъ того мѣста, гдѣ въ нее впадаетъ рѣка Ока: отсюда правый берегъ носитъ названіе нагорной стороны, а лѣвый—луговой. Эта особенность въ береговомъ строеніи Волги не составляетъ исключительной ея принадлежности, но есть общее свойство всѣхъ рѣкъ на Руси.

Возвышенный берегъ, сопровождающій Волгу отъ рѣки Мологи съ правой стороны, представляетъ продолженіе флецовыхъ[1] холмовъ, которые попадались и выше. Отъ устья Оки эти холмы поднимаются до 150 ф. и тянутся грядами до рѣки Камы. Получивъ отсюда видъ настоящихъ флецовыхъ горъ, которыя тянутся рядами на нѣсколько верстъ въ ширину, они примыкаютъ къ Волгѣ своей восточной стороною и образуютъ крутые, обрывистые берега отъ 8 до 20 саженъ высоты. Берега эти прорѣзываются въ большомъ количествѣ широкими и глубокими лощинами, по которымъ въ Волгу стекаетъ снѣжная и дождевая вода. Внутренній составъ нагорнаго берега образуется изъ глинистаго, известковаго и песчанаго сланца[2]; по временамъ берегъ круто спускается къ Волгѣ и оканчивается известью, рухлякомъ и гипсомъ. Въ сѣверной части луки нагорный берегъ сталкивается съ Самарской грядой, и здѣсь, противъ г. Ставрополя, совмѣстно они образуютъ знаменитыя по своей живописности Жигулевскія горы. По высотѣ—онѣ самыя высокія изъ приволжскихъ горъ: болѣе 100 саж. надъ уровнемъ Волги. Господствующая въ ихъ составѣ порода—известнякъ, во многихъ мѣстахъ обнаженный и ярко бѣлѣющій среди зелени, его окружающей. При влажности воздуха или передъ непогодою горы окутываются туманомъ и служатъ жителямъ своего рода барометромъ. За Самарской лукой горный берегъ возвышается и круто спускается къ рѣкѣ. Горы, его образующія въ этихъ мѣстахъ, носятъ разныя названія; по высотѣ онѣ иногда достигаютъ до 500 ф. (Змѣевы и Ушьи); внутренній составъ ихъ—кварцъ и песчаникъ.

Подъ Саратовымъ горы обнажены и жителями прозываются Лысыми горами; онѣ уже указываютъ на близость степей. Нѣсколько выше 50° Общій Сыртъ—эта естественная граница между Азіей и Европой—примыкаетъ къ правому берегу Волги и, принявъ южное направленіе, помогаетъ образованію праваго нагорнаго берега, который тянется вплоть до Царицына. Высота его отъ Камышина не болѣе 10 саженъ надъ уровнемъ рѣки, къ которой онъ спускается крутыми обрывами. Внутренній составъ волжскаго берега около Царицына и ниже—глинистый сланецъ, песчаникъ и известь. Поверхность степи, простирающейся по обѣимъ сторонамъ Волги внутрь страны, состоитъ изъ глинистой поч-

---

[1] *Флецъ*—одна изъ породъ земнаго пласта.—[2] *Сланецъ*—минералъ слоистаго сложенія, мягкій.

вы, которая покрыта многочисленными солончаковыми растеніями. Около Енотаевска [1] глинистая почва начинаетъ переходить въ песчаную, наполненную соляными озерами и болотами.

Лѣвая или луговая сторона Волги, простирающаяся вплоть до Каспійскаго моря, представляетъ низменность, которая отъ Костромы до р. Камы тянется непрерывной волнообразной равниной, и далѣе до Общаго Сырта прорѣзывается отрогами Урала. Быть можетъ, вслѣдствіе этой низменности, рѣчная долина Волги, по мѣрѣ ея приближенія къ морю, постепенно расширяется; особенно замѣтно это расширеніе весною, въ полую воду. Во время своего теченія Волга нерѣдко образуетъ острова, которые имѣютъ большей частью продолговатый видъ: передняя часть, обращенная къ верховьямъ рѣки, обыкновенно выше и обрывистѣе, а задняя сторона ихъ покатa и нѣсколько сужена. Эти особенности волжскихъ островoвъ находятся въ тѣсной связи съ дѣйствіемъ и напоромъ рѣчной воды во время ея теченія: передняя сторона мало по малу размывается, между тѣмъ какъ противоположная часть увеличивается въ длину новыми отложеніями рѣки; потому острова эти склонны къ постепенному удаленію по рѣчному теченію; даже иногда, въ очень большую воду, они изчезаютъ совершенно съ Волги. Острова эти большею частію покрыты кустарникомъ и деревьями и придаютъ рѣкѣ чрезвычайно живописный видъ. «Нужно самому быть здѣсь,» говоритъ одинъ изъ путешественниковъ, «нужно самому ихъ видѣть, чтобы понять всю очаровательную красоту ихъ, понять, какую жизнь они придаютъ широкой Волгѣ.»

Особенно прелестную по разнообразію картину представляетъ долина р. Волги весной, въ полую воду. Раннею весною, когда Волга выступаетъ изъ береговъ, деревья и кустарники, покрывающіе во многихъ мѣстахъ ея берега и острова, еще голы и не успѣли одѣться листомъ. Прибывающая рѣка постепенно заливаетъ всѣ острова, берега, луга и покрывающій ихъ разнообразный лѣсъ. Прибыль воды обыкновенно длится болѣе мѣсяца,—убыль же начинается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Самарской губерніи) въ іюнѣ. Въ эту пору деревья уже одѣты листомъ и ярко зеленѣютъ. Но такъ какъ отъ воды свободны только вершины деревъ, то онѣ и покрываются зеленью прежде, остальныя же вѣтви, что подъ водою, остаются голы. Но вотъ Волга стала убывать: тогда вѣтви, по мѣрѣ выступленія своего изъ воды, начинаютъ покрываться небольшими листочками. Въ это время на одномъ и томъ же деревѣ можно видѣть и зрѣлый листъ, и молодой, а на иныхъ деревьяхъ уже распустившійся цвѣтъ. Вслѣдствіе изобилія влаги въ здѣшнихъ мѣстахъ растительный процессъ совершается чрезвычайно скоро.

Уже въ началѣ обзора теченія Волги говорилось о притокахъ, при-

[1] *Енотаевскъ*—городъ Астраханской губ.

нимаемыхъ ею на своемъ пути; нѣкоторые изъ нихъ не безъ вліянія на самое направленіе волжскаго теченія. Между ними самое видное мѣсто принадлежитъ Окѣ и Камѣ. Каждая изъ этихъ рѣкъ вмѣстѣ съ притоками образуетъ особую и значительную рѣчную область; въ особенности это можно отнести къ рѣкѣ Камѣ, которую нѣкоторые путешественники даже прозвали малою Волгою. Въ то время, какъ самая Волга беретъ начало недалеко отъ Балтійскаго моря и впадаетъ въ отдаленное Каспійское,—двумя названными притоками своими она, какъ бы двумя руками, распростертыми по направленію къ Ледовитому и Черному морямъ, захватываетъ огромныя пространства, находящіяся въ значительномъ отдаленіи отъ нея. Кама съ своими притоками орошаетъ страну, по своему характеру рѣзко отличающуюся отъ остальныхъ областей волжскихъ. Она течетъ около средняго Урала, слѣдовательно сближаетъ горныя Уральскія страны съ Волгою. Эти страны врядъ ли бы достигли того развитія и получили то огромное значеніе, какое они имѣютъ въ настоящее время, если бы по нимъ не протекала р. Кама, вливающая свои воды въ Волгу. Другимъ своимъ притокомъ, Окою, Волга вторгается въ Черноморскую область, соприкасается на югѣ съ Днѣпромъ и Дономъ и чрезъ нихъ входитъ въ сообщеніе съ Чернымъ моремъ.

Кромѣ своей громадности, обилія водъ и величины своихъ притоковъ, рѣка Волга привлекаетъ къ себѣ вниманіе также и разнообразіемъ странъ, по которымъ она протекаетъ во время своего длиннаго пути. Зачинается она въ странѣ съ бѣдною, глинисто-песчаною почвою и долго течетъ по такимъ же малоплодороднымъ землямъ. Только подходя къ Камѣ, она вступаетъ въ богатую черноземную страну, принадлежащую къ плодороднѣйшимъ областямъ, омываемымъ Волгою. Нѣкоторыя мѣстности этой черноземной полосы—между рѣками Камой и Самарой—были уже въ древнѣйшее время, не взирая на вѣроятность невысокаго развитія земледѣлія у населявшаго ихъ народа, житницею для сосѣднихъ странъ въ неурожайные годы. На всемъ этомъ пространствѣ превосходные луга, плодоносныя поля и прекрасные дубовые лѣса безпрерывно смѣняютъ другъ друга. Около Саратова уже слой чернозема оказывается не такъ толстъ, какъ въ области р. Самары, а еще далѣе, прорѣзываясь чрезъ Общій Сыртъ, Волга вступаетъ въ песчаныя и негостепріимныя степи, примыкающія къ Каспійскому морю, въ которое наконецъ она и «втечетъ семьюдесятъ жерелъ», по выраженію нашей начальной лѣтописи.

Нѣкоторыми особенностями своими Волга рѣзко отличается отъ другихъ европейскихъ рѣкъ и съ давнихъ временъ уже напоминала путешественникамъ великую африканскую рѣку. Она, подобно Нилу, ежегодно затопляетъ огромныя земельныя пространства по луговой сторонѣ, насыщаетъ почву влагой и, возвращаясь къ обычному своему руслу, оставляетъ послѣ себя на всемъ протяженіи, куда только заходили ея воды, удобрительныя вещества, состоящія изъ землистыхъ и

другихъ частицъ, которыми волжская вода, хотя въ меньшей мѣрѣ, но также насыщена, какъ и воды Нила. Вслѣдствіе этого условія луговая сторона Волги, особенно въ сухіе годы, гораздо плодороднѣе нагорной. Подобно Нилу, Волга мѣняетъ довольно часто судоходность своихъ рукавовъ, притомъ въ томъ же направленіи—отъ востока къ западу. Но при всемъ сходствѣ есть между ними и большое различіе. Нилъ впадаетъ въ Средиземное море, по берегамъ котораго издавна жили народы-дѣятели въ историческомъ развитіи человѣка, и этимъ открывалъ своимъ прибрежнымъ жителямъ доступъ къ сношеніямъ съ образованными людьми; напротивъ Волга вливаетъ воды свои въ Каспійское море, окруженное степями и дикими племенами, и потому далеко не служила проводникомъ цивилизаціи для племенъ, живущихъ по ней.

(Сост. изъ очерковъ Г. Перетятковича: „Поволжье въ XV и XVI в.“).

Плаваніе по Нилу *.

Я спѣшилъ увидѣть освященныя вѣками воды Нила, и съ восходомъ солнца, одинъ, безъ докучныхъ свидѣтелей, ступилъ на его берегъ.

Какой внезапный переходъ природы отъ истощенія къ роскошному плодородію! Я переступилъ только нѣсколько шаговъ, и все передо мною перемѣнилось. Какъ не узнать Нила? Вотъ его чародѣйство! Желтыя струи его быстро катились въ огромномъ руслѣ. Востокъ горѣлъ пурпуровымъ свѣтомъ зари, а горизонтъ рѣзко отдѣлялся плоскою черною линіею берега, покрытаго яркою зеленью рисовыхъ посѣвовъ. Рощи стройныхъ пальмъ разсѣкали великолѣпными вершинами лазурный небосклонъ. Едва первые лучи солнца блеснули изъ-за отдаленной пустыни, какъ вдругъ тишина, царствовавшая вокругъ меня, была нарушена звонкимъ голосомъ муэзина [1], возвѣщавшаго съ высоты минарета, стихомъ Корана, восходъ царя свѣтилъ; по его голосу быстро начали выходить изъ жилищъ пробужденные поклонники пророка; весь берегъ покрылся смуглыми Египтянами и черными Арабами, потянулись верблюды и ослы, и все пришло въ движеніе.

Дагабія, или барка, которую наняли мнѣ, была не очень благообразна, но за большимъ выѣздомъ изъ Александріи другой не было. Подрядъ былъ сдѣланъ за 250 піастровъ ($62\frac{1}{2}$ р.), а когда я перебрался, то хозяинъ набавилъ еще 50 піастровъ. Дагабіи не совсѣмъ безопасны для плаванія. На крышѣ каюты сидитъ съ трубкою во рту рулевой и за огромностію парусовъ едва видитъ, куда должно править. Часто, по сродной Арабамъ лѣни, онъ правитъ, двигая руль спиною. Издали видъ этихъ барокъ довольно живописенъ.

Съ захожденіемъ солнца вѣтеръ затихъ, и Нилъ, будучи тогда освѣщаемъ косвенно, принялъ вмѣсто желтаго голубой цвѣтъ. Водовороты весьма сильны при каждой излучинѣ берега. Насъ потащили гужомъ. Прозрачность неба, тихій вѣтеръ, величественная плоскость земли, ничѣмъ не нарушаемая тишина Нила, отражавшаго какъ въ зеркалѣ рощи стройныхъ пальмъ,—все это давло какую-то торжественность этой живой кар-

---

* Описаніе изъ путевыхъ замѣтокъ—въ случайномъ порядкѣ хронологическомъ—можетъ служить матеріаломъ для переработки по образцу предъидущихъ статей.

[1] *Муэзинъ*—служитель при мечети.

тинѣ. Женщины, живописно драпированныя въ синихъ тканяхъ, съ водоносами на головѣ, пробирались въ сумеркахъ къ деревнѣ, куда направлялось также нѣсколько навьюченныхъ верблюдовъ.

Ночь мрачная, но звѣздная застала меня на развалинахъ Саиса. Необычайная яркость звѣздъ прельщала взоръ. Красота этого неба объясняетъ пламенную любовь Египтянъ къ астрономіи и къ астрологіи. Созвѣздіе треугольника напомнило мнѣ древнее сказаніе, что природа образовала подъ этимъ созвѣздіемъ Нижній Египетъ въ видѣ буквы дельты (Δ).

Съ легкимъ вѣтеркомъ, на разсвѣтѣ, мы продолжали плаваніе. Берега здѣсь такъ плоски, что, плывя по Нилу, видишь по обѣимъ сторонамъ только двѣ самыя тонкія линіи чернозема, украшенныя яркою зеленію, какъ двѣ ленты, отдѣляющія его воды отъ горизонта. Не видя почти земли, кажется, что плывешь по морю или по воздуху, и только букеты пальмъ обозначаютъ берега. Всѣ деревни Арабовъ, которыя я видѣлъ, состоятъ изъ мазанокъ, склеенныхъ изъ вязкой грязи Нила; отъ того эти деревни сливаются съ цвѣтомъ земли, и берегъ кажется необитаемымъ; однако и въ этихъ грубыхъ мазанкахъ можно различить арабское зодчество: двери съ огивами [1], мечетные купола, четвеpосторонція башни, — но все это строеніе минутное, потому что каждое наводненіе разрушаетъ его такъ же скоро, какъ оно построено.

Около Ешлиме, гдѣ Нилъ дѣлаетъ поворотъ, образуя большую отмель, мы переправились на восточную сторону; наши матросы, нагіе, влекли насъ черезъ Нилъ. Тутъ восточный берегъ становится песчанымъ, а западный сохраняетъ тотъ же черный цвѣтъ. По немъ разсѣяны огромные сикоморы [2]. Буйволы и верблюды бродили по лугамъ. Мы съ трудомъ пробирались между мелями; издали мелькали изъ-за стройныхъ пальмъ не менѣе стройные минареты, которые, кажется, образованы по ихъ рисунку. Шибуръ отличается отъ прочихъ селеній красотою мѣстоположенія на крутомъ берегу и живописностію деревъ, его отѣняющихъ; тутъ одинъ сикоморъ, растущій на самой оконечности берега конечно видѣлъ не менѣе двухъ столѣтій: онъ имѣетъ въ окружности около четырехъ человѣческихъ обхватовъ; тутъ красивая мечеть, обнесенная зубчатою стѣною; возлѣ видны разрушенные водопроводы.

У Кафръ-Геджази мы провели ночь. Передъ отплытіемъ я выходилъ на берегъ любоваться, какъ солнце вставало изъ-за песочнаго океана Ливійской пустыни. Съ большимъ трудомъ мы обогнули мысъ. Тутъ при поворотѣ Нила, я имѣлъ случай замѣтить, какъ онъ наноситъ плодоносную землю. Его черный илъ рѣзко отдѣляется отъ кореннаго песочнаго русла. Послѣ долгаго отдыха я съ трудомъ могъ побѣдить лѣнь моего Араба и принудить его къ отплытію. Я видѣлъ на берегу жестокую битву цѣлой стаи орловъ за растерзаннаго ягненка. Эти орлы превосходятъ своею величиною самыхъ большихъ орловъ Европы. Большая часть изъ нихъ были желтоватые, и только одинъ, не принимавшій участія въ дракѣ, вѣроятно уже пресыщенный царь, былъ бѣлый.

Терране занимаетъ мѣсто древняго Terenuthis. Въ этомъ мѣстечкѣ, порядочно обстроенномъ изъ кирпичей, и гдѣ живутъ нѣсколько Европейцевъ, производится довольно значительная торговля натромъ [3], по близости натровыхъ озеръ, которыя не истощились до сихъ поръ отъ самой глубокой древности. Эти озера отстоятъ на 14 часовъ пути отъ береговъ

---

[1] *Огива*—остроконечная арка.—[2] *Сикоморъ*—дерево (ficus sycomorus).—[3] *Натръ*—щелочная соль.

Нила на западъ и находятся въ обширной пустынѣ, которая носила названіе провинціи. Эта пустыня драгоцѣнна для христіанъ: въ первые вѣка церкви въ ней укрывалось безчисленное множество отшельниковъ. Ихъ уединенные скиты превратились со временемъ во столько же монастырей, которыхъ число возрасло слишкомъ до ста. Развалины этихъ священныхъ обителей разбросаны теперь по далекому пространству безжизненной пустыни. Изъ нихъ осталось только три бѣдные пріюта, называемые монастырями, гдѣ живутъ нѣсколько греческихъ и коптскихъ монаховъ.

Противоположно хребту, на которомъ основаны сіи монастыри, тянется другой хребетъ. Лощина, образуемая этими высотами, простирается отъ самыхъ пирамидъ до Средиземнаго моря. Тутъ находятъ множество окаменѣлыхъ деревьевъ и раковинъ. По всѣмъ вѣроятностямъ это есть древнее русло Нила. Это русло называютъ доселѣ „безводной рѣкой".

Цѣпь холмовъ, покрытая наносными песками Ливіи, уже совсѣмъ приблизилась къ западному берегу. Ожиданіе увидѣть пирамиды приводило меня въ волненіе.... Возлѣ Вардана, украшеннаго мечетію, среди пальмовой рощи, я видѣлъ переправу нѣсколькихъ Арабовъ черезъ Нилъ на тростниковомъ плотѣ, съ подвязанными внизу горшками, которыхъ отверстія опрокинуты въ воду; этотъ способъ плаванія есть наслѣдіе древнихъ Египтянъ и замѣченъ Страбономъ [1]. Послѣ Вардана на западномъ берегу Нила видно рѣзкое сочетаніе песковъ Ливіи съ чернымъ тукомъ Нила: во многихъ мѣстахъ одерживаетъ побѣду пустыня, и ея видъ необозримъ. Вскорѣ оба берега дѣлаются пусты. Кое-гдѣ стада верблюдовъ бродили по берегу, но только что мы начали огибать островокъ, намъ открылись пирамиды. Тутъ я потерялъ изъ виду все другое.... [2].

Огромная работа, достойная древнихъ Египтянъ, предпринята теперь на этомъ важномъ пунктѣ. Руководимый первоначальною идеей французской коммиссіи, Мегметъ-Али [3] рѣшился перепрудить оба рукава Нила двумя каменными плотинами со шлюзами такъ, чтобы вода въ этихъ двухъ рукавахъ всегда была возвышена на 21 футъ, между тѣмъ какъ плаваніе имѣло бы направленіе чрезъ боковые каналы посредствомъ шлюзовъ съ двойными воротами. Цѣль этого предпріятія въ томъ, чтобъ доставить пространству Дельты орошеніе водою, независимое отъ разливовъ Нила, который не всегда равно щедръ. Такимъ образомъ чудная почва Дельты будетъ въ состояніи выдержать три и даже четыре посѣва въ годъ. Таково плодородіе Египта!... До сей поры настоящая работа еще не начиналась.

Въ третьемъ часу ночи, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, мы побѣдили сильное теченіе и направились къ восточному берегу. Съ разсвѣтомъ мы поплыли прямо въ Каиръ, — и вотъ онъ предсталъ намъ въ радужномъ свѣтѣ востока. На синей грудѣ горъ Мокатама рисуется меньшая гора съ цитаделью Каира; отъ ея подошвы сходитъ уступами въ цвѣтущую долину весь Каиръ, котораго высокіе минареты перемѣшаны съ пальмами, а надъ ними господствуетъ огромный куполъ мечети Султана Гассана. Это разнообразное сліяніе фантастическихъ зданій, одѣтыхъ таинственнымъ свѣтомъ зари, въ виду Нила и пирамидъ, живо представило моему воображенію столицу фараоновъ.

Мы прошли мимо мѣстечка Варнакъ, совершенно одѣтаго померанцевыми и лимонными деревьями въ цвѣту и въ плодахъ, и это 12-го декабря! Отсюда, въ одномъ мѣстѣ, всѣ три пирамиды видны въ растворѣ; по мѣрѣ

---

[1] *Страбонъ*—греческій географъ I в. до Р. Х.—[2] См. статью „Пирамиды" въ этомъ отдѣлѣ.—[3] *Мегметъ-Али*—египетскій намѣстникъ султана въ 1834 и 1835 г., когда Норовъ посѣтилъ Египетъ.

нашего плаванія, пирамиды скрывались одна за другою, и наконецъ большая поглотила прочія въ своемъ исполинскомъ шатрѣ.

Рядъ пирамидъ, возвышающійся далѣе на югъ отъ большихъ пирамидъ, отстоитъ отъ Каира на разстояніи пяти часовъ ѣзды. Мы выѣхали изъ Каира послѣ ранняго обѣда съ намѣреніемъ ночевать въ Сахарѣ, куда мы имѣли рекомендательное письмо къ одному французскому офицеру, поселившемуся на предѣлахъ пустыни со времени Бонапартовой экспедиціи. Переправясь черезъ Нилъ и вышедъ на берегъ, мы направились, по обработанному тщательно чернозему, на деревеньку Бени-Юзефъ.... Богатые посѣвы, букеты пальмъ, группы Бедуиновъ, навьюченные верблюды, развлекали меня безпрестанно до деревни Абузиръ, расположенной уже при подошвѣ каменной гряды, на которой возносятся другія пирамиды, означающія конецъ земли плодоносной и начало безпредѣльной пустыни, какъ бы предѣлъ между жизнію и смертію. Девять каменныхъ громадъ ограничиваютъ горизонтъ.

Оставя грозныя поля Сахары, я невольно опять былъ привлеченъ необъятною массою большихъ пирамидъ и, проведя нѣсколько часовъ въ изысканіяхъ, очень поздно пустился въ обратный путь. Глубокая ночь застигла насъ возлѣ Гизе. Не смотря на ясность неба, темнота ночей въ Египтѣ необычайная; съ трудомъ добрались мы чрезъ водоемины и вязкую почву до Гизе.

Дагабія ожидала меня. Вѣтеръ былъ очень крутъ и порывистъ. Мы поплыли или, лучше сказать, помчались. Песочная пыль, поднимаемая вѣтромъ изъ Ливійскихъ степей, закрывала отъ глазъ окрестность. Изъ-за облаковъ этой пыли мелькали то громады пирамидъ, то вершины пальмъ. Пирамиды отъ отраженія высились огромнѣе обыкновеннаго.

Возлѣ Датура встаетъ опять цѣлый рядъ исполинскихъ пирамидъ. Какъ не вспомнить высокаго изреченія Египтянъ, которые говорили, что ихъ дома—гостинницы, а гробы настоящія жилища? [1] Пустыня и плодородіе, жизнь и смерть безпрестанно были въ глазахъ Египтянъ. Такимъ образомъ сама природа, представляя имъ малое пространство земли плодородной для живущихъ и неизслѣдимыя пустыни и цѣпи нагихъ скалъ для ихъ мертвецовъ, воспламенивъ ихъ воображеніе, подала имъ мысль создать тѣ памятники, которые не перестанутъ удивлять родъ человѣческій.

Пустынная дикость восточнаго берега съ цѣпью Аравійскихъ горъ очень живописна. Я оставлю подробности описанія обоихъ береговъ и поведу читателя столько же быстро, какъ наше плаваніе, до глубины Нубіи.

Мы приближались къ селенію Сераріе, окруженному яркою зеленью; оно находится въ небольшомъ заливѣ. Оттуда Нилъ круто поворачиваетъ къ Аравійскимъ горамъ, которыя пестрѣютъ безчисленнымъ множествомъ пещеръ. Нилъ тутъ очень широкъ, и берега его весьма живописны столько своимъ очертаніемъ, сколько и роскошью произрастеній. Тутъ Аравійскія горы уже сходятъ отвѣсно въ Нилъ и представляютъ рѣзкую противоположность съ необъятностію противнаго берега.

Вотъ мы уже проходимъ у самой подошвы Птичьей горы, которая не могла быть видна, пока мы не обогнули мыса, но еще за часъ плаванія до нея гора эта представилась намъ, какъ призракъ, чрезъ отраженіе. Нилъ прорылъ глубокія пещеры въ подошвахъ этихъ скалъ, и стаи птицъ

---

[1] Діодоръ Сицилійскій 1, 2, 3. *Діодоръ Сицилійскій*—греческій историкъ I в. до Р. Х.

Красногвардейская ЦБС
Белгородской области

съ крикомъ безпрестанно влетали туда на ночлегъ, оправдывая тѣмъ названіе горы. Она раздвоена на два уступа. На самой высотѣ видно строеніе; кирпичный куполъ выглядываетъ изъ-за ограды земляныхъ стѣнъ. Это коптскій монастырь, посвященный Пресвятой Богородицѣ. Сюда вначалѣ уединился Св. Антоній. Нѣсколько братій, сопровождаемыхъ вѣрною собакою, привѣтствовали насъ съ грозныхъ вершинъ и знаками приглашали насъ подъ свой кровъ. Въ самое это время солнце погружалось за безпредѣльную цѣпь Ливіи, и вѣтеръ насъ оставлялъ. Я велѣлъ поворотить къ монастырскимъ скаламъ, но мы нигдѣ не находили пріюта для нашей дагабіи по причинѣ крутизны.

Къ семи часамъ утра мы дошли не далѣе Миніэта. По ту сторону Нила горы опять очень близко подходятъ къ берегу и далеко тянутся бѣлою полосою, а потомъ, нѣсколько отступая, оставляютъ мѣсто для земли обработанной, гдѣ видно нѣсколько селеній. Въ свою очередь западный берегъ дѣлается пустъ. Чѣмъ болѣе мы подвигаемся, тѣмъ Нилъ дѣлается шире. У подошвы скалъ видны обширныя пещеры, правильно высѣченныя въ известковомъ камнѣ и поддерживаемыя огромными подпорами. Отсюда начинаются тѣ древнія каменоломни, которыя столь долгое время служили убѣжищемъ умершимъ для міра святымъ отшельникамъ. Сіи мѣста прославились въ христіанскомъ мірѣ подъ названіемъ уединеній Өиваидскихъ, хотя собственно Өиваида начинается еще нѣсколько далѣе.

Противу селенія Бардиса (южнѣе Сіота) вѣтеръ насъ оставилъ, и мы пристали къ берегу. Мы простояли всю ночь и поутру потянулись гужомъ вдоль берега, который далеко сохраняетъ названіе Бардиса. Отсюда пальмовые лѣса становятся роскошнѣе, вѣтви деревъ гораздо гуще и шире. Я ходилъ гулять подъ ихъ тѣнію и, найдя между ними много деревъ Gummi Arabicum, набралъ запасъ гумми. Въ поляхъ много самороднаго индиго. Я пожалѣлъ, что не занимался ботаникою. Какая земля, и какъ мало рукъ для ея воздѣлыванія!

Тутъ же, на близъ-лежащихъ отмеляхъ посреди Нила, я увидѣлъ въ первый разъ крокодиловъ. Два большихъ, изъ которыхъ одинъ огромный, а третій молодой, спали подъ полуденнымъ солнцемъ. При наступленіи ночи, когда мы причаливали къ берегу у прекраснаго пальмоваго лѣса, внезапный шумъ, какъ отъ падающихъ тѣлъ въ воду, обратилъ наше вниманіе: то было нѣсколько крокодиловъ, которые, съ появленіемъ нашимъ, бросились въ воду. У деревни Тукъ къ намъ вышелъ бесѣдовать одинъ туземецъ; онъ разсказывалъ, какъ три ночи сряду посѣщаетъ ихъ берегъ гиппопотамъ, т. е. рѣчная, или собственно нильская лошадь, и опустошаетъ ихъ пшеничныя поля, что вся деревня стережетъ его. Это знаменитое животное, предметъ столькихъ разсказовъ, и которое доселѣ еще такъ мало изслѣдовано, есть бегемотъ, такъ краснорѣчиво описанный въ книгѣ Іова. Чѣмъ далѣе поднимаешься къ Нилу, тѣмъ болѣе теряется то роскошное разнообразіе береговъ его, которое видно отъ Александріи до Каира.

1-го февраля мы были уже за Өивами. Къ 8 часамъ утра слѣдующаго дня мы плыли мимо Дарауе. Здѣсь, и даже нѣсколько прежде того, всѣ жители уже настоящіе Негры. Переходъ изъ Египта въ Нубію, или Эөіопію древнихъ, обозначается рѣзко. Зной солнца и вертикальность его сильно даетъ чувствовать приближеніе къ тропику. Когда я писалъ эти

---

[1] VIII, 40—41.

строки, въ 8 часовъ утра, лучъ солнца проникъ на меня мимо навѣса, и я обернулся, думая, что возлѣ меня развели огонь.

Какъ великолѣпенъ предѣлъ Египта! На восточномъ берегу высится гранитная гора, покрытая развалинами древней Сіены и нынѣшняго Ассуана; съ запада подобная же гора съ разрушеннымъ замкомъ. Обѣ эти горы напоминаютъ тѣ двѣ горы, о которыхъ жрецы египетскіе говорили Геродоту, и гдѣ, по ихъ словамъ, скрывались источники Нила [1]. Передъ вами, посреди Нила, встаетъ таинственный островъ Элефантисъ, цвѣтущій какъ садъ, и смотрится съ своими высокими пальмами въ зеркальныя воды Нила, который, сломивъ преграды скалъ, заграждавшихъ ему теченіе изъ Эѳіопіи, успокоивается, входя въ Египетъ, для того, чтобы *созидать* землю и благотворить; онъ разстилается здѣсь очень широко. Кругомъ чернѣютъ разбросанныя подводныя скалы и свидѣтельствуютъ о торжествѣ той рѣки, благороднѣе которой, какъ сказалъ Сенека [2], природа никогда не представляла очамъ человѣческимъ.

На другой день солнце едва всходило, когда меня увѣдомили, что губернаторъ прислалъ мнѣ четырехъ лошадей для моего проѣзда берегомъ на ту сторону пороговъ. Надобно было также переносить изъ дагабіи все мое имущество и отправлять впередъ на верблюдахъ, потому что переправа черезъ пороги не всегда безопасна. Только около 9 часовъ мы совсѣмъ собрались. Обозъ съ верблюдами отправился прямою дорогою, а мнѣ подвели великолѣпно убраннаго по мамелюковскому вкусу арабскаго коня, и сверхъ того нужное число отличныхъ лошадей для моей свиты. Только что я сѣлъ на лошадь, какъ замѣтилъ, что имѣю дѣло съ животнымъ, столь же пламеннымъ, какъ и климатъ, въ которомъ оно возращено. Мы отправились по знойнымъ гранитнымъ горамъ, мимо развалинъ стараго арабскаго Ассуана, живописно вѣнчающаго береговую скалу. Горы, гдѣ, какъ полагаютъ, были нѣкогда золотая и изумрудная руды, граничатъ Ассуанъ съ востока. Мы ѣхали по тѣмъ знаменитымъ каменоломнямъ, которыя дарили древній Египетъ столькими обелисками, колоссальными статуями и колоннами.

Отъ этого мѣста начинается Нубія. Выбравшись на песчаную долину, наши лошади начали рваться, увидѣвъ себя на свободѣ. Мой проводникъ, отличный наѣздникъ, безпрестанно ратовалъ передо мною, кружа свое копье, и привлекая мое вниманіе, какъ вдругъ блеснулъ несравненный Нилъ, и развернулся волшебный островъ *Филе*, названный Арабами по разительному великолѣпію его храмовъ—*островомъ острововъ*.

Самое пламенное, своевольное воображеніе не создаетъ мѣста болѣе фантастическаго, какъ островъ Филе. Чтобы достойно описать его, надобно заимствовать краски у Аріоста и Данте. Разсвирѣпѣвшій Нилъ, сломивъ гранитныя преграды, набросалъ здѣсь въ хаотическомъ безпорядкѣ скалы, одну огромнѣе другой. Пространнѣйшія образуютъ два острова: первый изъ нихъ Филе, оттѣненный роскошною зеленью, увѣнчанъ всею важностію пирамидальнаго зодчества египетскаго, слитою съ привлекательной красотой римскаго; другой—Бекіе—представляетъ лишь слабый остатокъ своего величія, одну арку среди разрушенія и хижинъ Нубійцевъ. Изъ трещинъ скалъ, почернѣвшихъ отъ времени и волнъ, и встающихъ какъ великаны или чудовища, возносятся огромныя пальмы, а по берегамъ разстилается

---

[1] Lib II. c. 28.— [2] Quaest. Natur. IV, 2. Hunc nobilissimum amnem natura extulit ante humani generis oculos.

яркая зелень луговъ. Окрестность оглашается гуломъ скачущихъ водъ Нила по порогамъ, которыхъ часть видна съ острова. Суда всегда пристаютъ съ восточной стороны. Чтобы видѣть зданія и окрестности Филе во всей ихъ прелести, надобно глядѣть на нихъ съ Нила при восходящемъ или заходящемъ солнцѣ. Со всѣхъ сторонъ этотъ видъ волшебный. Днемъ вся окрестность какъ бы въ пламени, и самая тѣнь имѣетъ красноватый отливъ; въ полдень, отъ падающихъ отвѣсно лучей солнца, карнизы пилоновъ [1] одѣваютъ ихъ стѣны съ верху до низу тѣнью, тогда какъ всѣ другіе предметы отражаютъ ослѣпительный свѣтъ.

Въ то время, какъ я любовался, полный восторга, съ одного пилона острова Филе великолѣпіемъ природы и зодчества, я услышалъ громкія восклицанія со стороны пороговъ, и вскорѣ изъ-за черныхъ подводныхъ камней явилась моя дагабія, наполненная толпою Эѳіоповъ. Самъ ветхій шейхъ [2] лоцмановъ, Нептунъ этого берега, пришелъ возвѣстить мнѣ благополучное прибытіе; со всѣмъ тѣмъ дагабія была повреждена на носу.

Я провелъ весь вечеръ на террасѣ внутренняго пилона Изидина храма. Шумъ пороговъ, болѣе слышный ночью, началъ навѣвать на меня сонъ, когда я оставилъ таинственные храмы Изиды, и въ темнотѣ едва добрелъ по развалинамъ до великолѣпнаго пропилея [3] восточнаго берега, гдѣ стояла моя дагабія. Тамъ, въ пристроенныхъ къ гордому языческому храму скромныхъ монашескихъ кельяхъ нашелъ я успокоеніе.

Я плылъ въ глубь Нубіи. Мы начали входить въ мрачное русло, называемое вратами Келабше. Тутъ Нилъ течетъ между разодранными отвѣсными скалами, которыя свидѣтельствуютъ о бывшемъ здѣсь сильномъ переворотѣ природы. Теченіе образуетъ во многихъ мѣстахъ водовороты вокругъ подводныхъ камней. Мало по малу узкія полосы земли съ яркими лужайками начинаютъ мелькать по чернотѣ скалъ; кой-гдѣ появляются шалаши бѣдныхъ Нубійцевъ, которые, завидя плывущую дагабію, выбѣгаютъ нагіе съ сверкающими глазами, съ блестящими яркою бѣлизною зубами, съ женами, влачащими за собою черныя покрывала—и представляютъ картины Дантовскія. По новѣйшимъ наблюденіямъ, это грозное мѣсто лежитъ подъ самыми тропиками Рака,—и вотъ мы уже вступаемъ въ *жаркій поясъ*.

За Герфъ-Гусейномъ слѣдуютъ низкіе каменистые берега; сперва западный берегъ, а потомъ и восточный засыпаны песками, но далѣе на этихъ ярко-желтыхъ пескахъ растутъ очень густыя деревья. Отсюда берега представляютъ ту же самую картину до самаго Дакке, гдѣ отдѣльные хребты горъ высятся изъ-за плоской безжизненной степи, за которой взоръ ни на чемъ не остановится. Восточный мысъ образованъ изъ гранита; вообще Нубійскія горы состоятъ изъ аспида, песчаника, кварца и преимущественно изъ базальта. Далѣе окрестности становятся плоски и песчаны, только вдали видно нѣсколько небольшихъ горъ. Селенія встрѣчаются рѣдко; нѣкоторыя изъ нихъ опустѣли: ихъ жители были изгнаны безпрестаннымъ сближеніемъ песковъ къ берегу; другіе тщетно борются съ тифономъ [4], поливая песокъ; плоды трехъ-четырехъ финиковыхъ деревъ, возращенныхъ уже на самомъ краю Нила, остаются ихъ единственнымъ пропитаніемъ.

Отъ Сіала берега Нила опять начинаютъ облекаться скалами. Вскорѣ Нилъ дѣлаетъ изгибистый поворотъ на востокъ. При самомъ поворотѣ

---

[1] *Пилоны*—массивныя стѣны въ родѣ башенъ при входѣ въ храмъ. — [2] *Шейхъ*—старшина арабскаго племени. Здѣсь—метафорически.—[3] *Пропилеи* въ греч. архитектурѣ—галлерея, ведущая въ зданіе.—[4] *Тифонъ*—вихорь въ пустынѣ, олицетворенный у Египтянъ въ образѣ Тифона.

Нила видны на голой скалѣ, которой коснулись уже пески пустыни, развалины стараго Наэбата. Далѣе узкія полосы плодоносной земли, засѣянной бобами и дуррою [1], тянутся по самымъ краямъ берега и даже подмываются водою; остальная часть берега поглощена песками.

На западѣ открывается наконецъ цѣль путешественниковъ въ Нубіи,—это знаменитыя скалы Ипсамбула, которыя неожиданно являются послѣ низкаго берега. Мы очень быстро подходили къ нимъ, какъ вдругъ на самомъ краю Нила, выдвинулись изъ скалы четыре сидящіе исполина. День уже склонялся къ вечеру. Большіе пороги Нила находились не болѣе какъ въ пятидесяти верстахъ. Вѣтеръ былъ сильный, попутный; желаніе скорѣе достичь до предѣла моего путешествія заставило меня рѣшиться пролетѣть мимо этихъ чудесъ, тѣмъ болѣе, что я не удовлетворилъ бы своего любопытства ночью. Я не могъ отвести глазъ отъ этихъ гигантовъ, которые вскорѣ, показавъ мнѣ профиль великаго Сезостриса [2], скрылись въ свои ущелья.

Мнѣ предложили два способа видѣть большіе пороги: доѣхать до извѣстнаго мѣста на одной изъ барокъ съ лоскутными парусами, или слѣдовать пустынею на дромадерахъ. Я выбралъ послѣднее. Дромадеры появились не прежде, какъ черезъ часъ и пошли передъ нами. Ѣзда на дромадерахъ показалась мнѣ не столь безпокойною, какъ мнѣ ее описывали. Шагъ этого животнаго покоенъ: малая рысь, если это непродолжительно, довольно сносна, но большую—могутъ выносить только жители пустынь. Вскорѣ вокругъ насъ обнаружилась необозримая пустыня ярко-желтаго цвѣта, изъ котораго выказывался каменный плитнякъ; кой-гдѣ бѣлѣлись кости животныхъ, растерзанныхъ гіенами или львами. Солнце жгло насъ отвѣсными лучами. Шумъ пороговъ становился уже слышенъ. Поднявшись на первые хребты горъ, я увидѣлъ вдали черныя груды камней, изъ за которыхъ сверкалъ Нилъ. Чѣмъ далѣе мы подвигались, тѣмъ мрачнѣе становилась картина. За тремя островами открываются милліоны черныхъ безобразныхъ камней, по которымъ скачутъ съ шумомъ дробящіяся волны Нила. Мѣстахъ въ трехъ или четырехъ быстрота Нила ужасна, и отъ сопротивленія камней поднимается водяная пыль.

Не стремясь разгадывать тайну истоковъ Нила, которая и для насъ, такъ много разгадавшихъ, все еще остается тайною, я отсюда предпринялъ обратный путь.

Утомленный путемъ и зноемъ, я раскупорилъ здѣсь послѣднюю бутылку кипрскаго вина, которая у меня оставалась, и выпивъ съ моими спутниками за славу Россіи, начертилъ надъ пропастью, на стѣнѣ скалы Эбширъ, обращенной къ родному сѣверу:

Alme sol! possis nihil Russia visere majus! [3]

Норовъ.

Баобабъ*.

Баобабъ—древнѣйшій жилецъ міра. Баобабу, находящемуся на

---

[1] *Дурра*—растеніе изъ сем. сложноцвѣтныхъ.—[2] *Сезострисъ*—имя египетскаго царя; подъ этимъ именемъ разумѣютъ двухъ царей: Сетоса I и Рамзеса II (XV и XIV в. до Р. Х.).—[3] „Благотворное солнце! да не встрѣтишь ты ничего выше Россіи!“ Авторъ подражаетъ здѣсь Горацію (Carm. saecul.:

Alme sol! possis nihil urbe Roma visere majus! (9).

* Описаніе предмета другаго рода; планъ въ зависимости отъ самаго предмета (общій видъ, листья, плоды и стволъ).

одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса, Гумбольдтъ считаетъ гораздо за 5000 лѣтъ. Толщина его, около 30 фут. въ діаметрѣ, безобразна: онъ не имѣетъ соотвѣтствующаго роста, стройности, граціозности вѣтвей, ихъ густоты, роскоши и соразмѣрности частей; это огромная масса, оканчивающаяся тонкими вѣтвями; это—слонъ, мамонтъ растительности. Цвѣтъ его коры красивый, металлическій, стальной.

Особенно поражаетъ въ боабабѣ то, что въ одно время вы видите на немъ распускающіеся листья, цвѣты и плоды. Зелень довольно мелкая, жидкая; цвѣты бѣлые, прелестные: средина цвѣтка махровая, какъ у штокрозы; края загнуты назадъ, какъ у лиліи; запахъ тонкій, миндальный; плодъ—кокосовый орѣхъ; скорлупа довольно тонкая: подъ нею мучнистое вещество, пріятное, кисловатое, очень прохладительное, и множество косточекъ, которыя Арабы иногда пережигаютъ вмѣсто кофе.

Баобабъ большею частію дуплистъ: внутри его свободно укрывается нѣсколько человѣкъ отъ солнечныхъ лучей и отъ непогоды во время періодическихъ дождей. Къ нему всегда приплетаются стволами и даже совсѣмъ въ него вростаютъ нѣсколько другихъ деревьевъ, особенно много ползучихъ растеній и паразитовъ [1] и увеличиваютъ его тѣнь. Въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе Арабы высматриваютъ баобабы, гдѣ водятся пчелы, и вынимаютъ медъ, предоставляя дупло дальнѣйшей обработкѣ періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящіе колодцы, въ которыхъ сохраняется вода въ самое сухое время года. Такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду.

Е. Ковалевскій.

Гиппопотамъ*.

Гиппопотамъ есть четвероногое животное, принадлежащее къ роду амфибій, нѣсколько похожее на носорога. Обыкновенный ростъ его одна сажень въ вышину и слишкомъ двѣ сажени въ длину. Кожа его гладкая и похожая на кожу носорога, имѣетъ сѣрый цвѣтъ и такъ толста, что ружейная пуля не можетъ ее пробить даже вблизи. Я купилъ въ Нубіи щитъ изъ кожи гиппопотама; эти щиты очень уважаемы, потому что гиппопотамы показываются довольно рѣдко.

Будучи неуязвляемы, они не иначе ловятся, какъ въ западню. Для этого вырываютъ яму и, прикрывъ ее легкими перекладинами, закладываютъ ихъ снопами пшеницы, маиса и другихъ любимыхъ яствъ

---

[1] *Паразиты*—растенія, живущія на другихъ растеніяхъ.

* Сравненіе этого описанія съ слѣдующимъ даетъ понятіе о расположеніи частей несистематическаго описанія; для этого слѣдуетъ наблюдать переходы отъ одной части къ другой (здѣсь: „будучи неуязвляемы...“; тамъ: „изъ этого можно видѣть...“).

этого животнаго; даже и попавшись въ эту яму, гиппопотамъ долго сопротивляется, потому что его не иначе можно прострѣлить или произить, какъ сквозь уши, въ ноздри или въ ротъ, который однако вооруженъ ужасными клыками, изъ коихъ два горизонтальные, на оконечности нижней челюсти. Замѣчательно, что кожа на брюшной части гиппопотама еще толще, чѣмъ гдѣ-либо, и сморщена.

Онъ плаваетъ очень искусно и свободно ходитъ по дну рѣки. Онъ сильнѣе въ водѣ, чѣмъ на землѣ, и довольно смиренъ, когда на него не нападаютъ, но въ послѣднемъ случаѣ, говорятъ, онъ потоплялъ барки съ людьми. Крикъ его похожъ на скрипъ деревянныхъ колесъ.

Норовъ.

Крокодилъ.

Говорятъ, что крокодилы достигаютъ слишкомъ до 30 футовъ длины, но я не видалъ болѣе, какъ въ $2^1/_2$ сажени (или $17^1/_2$ фут.) и около 5 и 6 ф. въ окружности. Они походятъ издали на длинную глыбу черной земли, и иногда ихъ трудно различить отъ берега, если они не лежатъ на песчаныхъ отмеляхъ.

Изъ этого можно видѣть, съ какою осторожностію надобно сходить на берега. Со всѣмъ тѣмъ, жители Нила, привыкшіе къ тому, очень рѣдко дѣлаются ихъ добычею; несчастные примѣры бываютъ только съ дѣтьми и животными, которыя приходятъ пить. Мнѣ разсказывали, что крокодилы очень хорошо замѣчаютъ мѣста водопоевъ и нарочно плескаютъ воду на берегъ, котораго илистый тукъ дѣлается чрезвычайно скользкимъ. Бѣдные ослы всего чаще достаются имъ въ добычу; крокодилъ быстро бросается на упавшее животное, а иногда сшибаетъ его ударомъ хвоста и увлекаетъ на дно рѣки. Говорятъ что крокодилъ не можетъ съѣдать свою жертву въ водѣ, не задохнувшись, что онъ закапываетъ трупъ на днѣ, пока онъ придетъ въ порчу, и тогда вытаскиваетъ для съѣденія на берегъ. Въ убитыхъ крокодилахъ находили часто цѣльные трупы проглоченныхъ дѣтей.

Чешуя образуетъ со всѣхъ сторонъ какъ бы настоящую желѣзную броню; вблизи она имѣетъ темно-зеленоватый отливъ. Спина украшена особенною грядою чешуи, съ полосами поперекъ. Брюхо желтоватаго цвѣта. Лапы образованы какъ у ящерицы, но съ пятью острыми когтями. Пасть крокодила чрезвычайно длинная и идетъ до ушей, которыя обозначаются небольшими отверстіями, прикрытыми мясистыми губами. Зубы устроены какъ пилы, до двадцати въ нижней и нѣсколько менѣе въ верхней челюсти. Крокодилъ двигаетъ одну верхнюю челюсть; глаза его узкіе, небольшіе, но сверкающіе, съ выпуклостію и сближенные къ темени. Гортань имѣетъ свойство сжиматься. Долго полагали, что у крокодиловъ нѣтъ языка, но теперь извѣстно, что ихъ языкъ очень углубленъ въ пасти и весьма небольшой.

Норовъ.

Гагара*.

Длина этой утки отъ носа до хвоста или, лучше сказать, до ногъ—ибо хвостовыхъ перьевъ у гагаръ нѣтъ—11 вершковъ. Носъ, длиною въ вершокъ, темно-свинцоваго цвѣта, тонкій и къ концу очень острый и крѣпкій. Голова небольшая, продолговатая; вдоль ея, по лбу, лежитъ полоса темно-коричневаго цвѣта, оканчивающаяся позади затылочной кости хохломъ, вокругъ всей шеи, вышиною слишкомъ въ вершокъ, похожимъ болѣе на старинные брыжжи или ожерелье, ржаваго, а къ корню темно-коричневаго цвѣта. Шея длинная, сверху темно-пепельная; спина пепельно-коричневая, которая какъ будто оканчивается торчащими изъ зада ногами, темно-свинцоваго цвѣта сверху и бѣловото-желтаго снизу, съ рѣдкими, неправильными, темными пятнами. Ноги гагары, отъ лапокъ до хлупи [1], не кругловаты, но совершенно плоски; три ножные пальца, соединенные между собою крѣпкими глухими перепонками,—почти свинцоваго цвѣта и тоже плоскіе, а не круглые, какъ бываютъ у всѣхъ птицъ; но выше послѣдняго сгиба ноги, отъ котораго начинается лапка, есть четвертый палецъ, въ видѣ крошечной плоской лопатки, съ такимъ же ногтемъ. Крылья, относительно величины самой птицы, не уступающей кряковой уткѣ, очень узки и малы. Цвѣтъ ихъ пепельно-коричневый; съ обѣихъ краевъ первыя перья бѣлыя, а посрединѣ крыльевъ, поперекъ идетъ полоса, пальца въ три шириною, коричневаго цвѣта; такого же цвѣта и три правильныя пера. Брюхо отъ ногъ до самаго хохла или ожерелья покрыто бѣлыми, мелкими, серебристыми перьями, имѣющими съ перваго взгляда видъ волосъ,—такъ они тонки; подъ перьями лежитъ превосходный, густой и нѣжный пухъ дикаго цвѣта. Подбой крыльевъ ярко-бѣлый.

Гагары вполнѣ утки-рыбалки, и такъ пахнутъ рыбой, что ѣсть ихъ почти невозможно, а потому охотники не стрѣляютъ гагаръ,—развѣ для того, чтобы разрядить ружье, или для пуха, который не уступаетъ гоголиному. Русскій народъ однако [2] зналъ хорошо Гагару, только подъ именемъ крохаля (безъ сомнѣнія это имя древнѣйшее), потому что крохаль живетъ до сихъ поръ въ поговоркѣ или присловьѣ народномъ. Когда хотятъ выразить чью-нибудь заботливость и любовь къ другому лицу, то говорятъ: онъ (или она) дрожитъ надъ ней, какъ крохаль. Это означаетъ

---

* Первая часть этого описанія систематическая. Вторая (съ новой строки)—по расположенію подобна обоимъ предъидущимъ описаніямъ.

[1] *Хлупь*, или *хлупъ*—кончикъ крестца у птицы.—[2] Этимъ союзомъ (*однако*) сдѣланъ переходъ отъ указанія, какъ пользуется гагарой человѣкъ, къ описанію ея нрава, такъ же какъ выше союзомъ *потому* сдѣланъ естественный переходъ отъ пищи этой птицы къ указанію этого пользованія. Далѣе нравы гагары даютъ поводъ автору перейти къ описанію собственныхъ наблюденій жизни этихъ птицъ, ихъ внѣшней физіономіи, а въ связи съ этимъ — послѣ описанія ногъ и крыльевъ — къ особенностямъ движенія этой птицы.

или сильную привязанность селезня крохаля къ уткѣ, или особенную горячность послѣдней къ утятамъ, подмѣченную народомъ. Къ сожалѣнію, я не знаю коротко нравовъ этой утки, которые непремѣнно должны быть замѣчательны, чему доказательствомъ служитъ особенность въ плоскости ногъ и въ свиваніи гнѣздъ, плавающихъ по водѣ. Я нашелъ одинъ разъ такое гнѣздо: гагара, сидя на немъ какъ на лодкѣ, плавала по маленькому озеру, находившемуся посреди огромнаго камыша: увидя меня въ близкомъ растояніи, гагара сползла, или свалилась въ воду и нырнула. Яицъ было девять, величиной и фигурой похожихъ на куриныя, блѣдно-зеленоватаго цвѣта, съ крапинками. Во время общаго весенняго прилета птицы, я никогда не замѣчалъ пролетныхъ гагаръ стаями: онѣ оказываются какъ-то нечаянно, всегда въ одиночку и всегда очень поздно весною. Глубокіе пруды, особенно материки прудовъ, большія озера съ камышами—вотъ обыкновенное ихъ мѣстопребываніе. Гагары почти не могутъ ходить, а могутъ только присѣсть на свои ноги и то на мели, отъ чего получаютъ странную посадку, ибо сидятъ, запрокинувшись назадъ, въ полустоячемъ положеніи, поднявъ свой острый носъ кверху. Онѣ имѣютъ въ крыльяхъ перья коротенькія, отъ чего самыя крылья кажутся не такъ коротки. Вообще гагары летаютъ, особенно поднимаются, сначала трудно, пока не разлетятся, и только одна крайность можетъ заставить ихъ подняться съ воды; по большей части отъ всякой опасности онѣ отдѣлываются упорнымъ ныряньемъ, въ чемъ уступаютъ только однимъ гоголямъ. Впрочемъ нѣкоторые охотники видали ихъ летающими высоко и быстро цѣлыми станицами.

Есть еще порода маленькихъ гагаръ, которыя втрое меньше большихъ, совершенно съ ними схожи станомъ и перомъ, но, кажется, безъ хохловъ. Эта порода, напротивъ, всегда попадалась мнѣ станичками: онѣ летаютъ гораздо рѣзвѣе.

Названіе гагары объяснить я не умѣю[1].

Иногда смѣшиваютъ гагаръ съ гоголями по прямизнѣ и длинѣ вытянутыхъ шей; но между ними не мало существенной разницы во многихъ отношеніяхъ.

С. Аксаковъ.

Новая земля *.

Новая земля отдѣлена отъ материка островомъ Вайгачемъ и двумя проливами: Югорскимъ шаромъ и проливомъ Вайгачскимъ, называв-

---

[1] Названіе *галка*, *гусь*, *гагара*, *гагакъ*, *гагачъ*, *гоголь*—звукоподражательны *говору*, *гому*, (*го-го*) этихъ птицъ. *Голкъ* — шумъ, *гулъ*, *Голанить* — шумѣть (К. Рулье).

* Описаніе страны систематическое. Сличи съ послѣдующимъ (Афр. пустыня). Относительно выбора признаковъ и выраженія сличи съ худож. описаніями Кавказа Пушкина и Лермонтова въ отд. «Описаній художественныхъ».

шимся въ старину Желѣзными воротами. Югорскій шаръ шириной около 5, мѣстами до 15 верстъ, а проливъ Вайгачскій отъ 60 до 70 верстъ. Какъ островъ Вайгачъ, такъ и Новую землю считаютъ продолженіемъ Уральскаго хребта. И дѣйствительно, отрасль горъ, называемая хребтомъ Самоѣдскимъ, отдѣляющаяся отъ Уральскаго хребта, тянется къ Югорскому шару, который его перерѣзываетъ. Островъ Вайгачъ, по своему положенію, представляетъ дальнѣйшее протяженіе хребта, такъ же, какъ и Новая земля. Каменистое дно сказанныхъ проливовъ и одинаковое минеральное образованіе горныхъ хребтовъ, проходящихъ по всему Вайгачу и Новой землѣ, убѣждаютъ въ этомъ изслѣдователей. Новую землю раздѣляетъ на-двое Маточкинъ проливъ; южная часть ея, оканчивающаяся Кусовымъ носомъ, находится подъ 71°; сѣверную же оконечность, никѣмъ впрочемъ не извѣданную, ставятъ подъ 77° широты.

Новая земля—необитаемая пустыня; тамъ царство зимы суровой, продолжающейся около 9 мѣсяцевъ. Промышленники пріѣзжаютъ сюда на лѣто и нерѣдко остаются на зимовку. Зимовки предвидѣнныя сходятъ съ рукъ довольно счастливо; но бываютъ зимовки неожиданныя: разобьетъ судно, затретъ льдомъ—тогда, при недостаткѣ припасовъ и теплаго помѣщенія, несчастные рѣдко спасаются, и спасаются только немногіе. На Новой землѣ свирѣпствуетъ цынга—болѣзнь, истребительница смѣлыхъ промышленниковъ и путешественниковъ. Уже многіе поплатились ей жизнью въ глубокихъ снѣговыхъ сугробахъ этого дальняго острова.

Не смотря на ужасный климатъ этой страны каменистой и почти лишенной всякой растительности, въ ней водится множество оленей, песцовъ, волковъ и бѣлыхъ медвѣдей; на короткое лѣто прилетаетъ туда безчисленное множество птицъ: гусей, лебедей, утокъ, гагаръ и чаекъ. Изъ путешествія Пахтусова видно, что тамъ моховыя пространства мѣстами покрыты множествомъ незабудокъ. Это цвѣтокъ сѣвера.

Долго думали, что на Новой землѣ есть серебряная руда, и что названіе губы Серебрянки произошло отъ серебра, которое въ ней находили. Преданіе говоритъ, что Славяне новгородскіе, посѣщая Югорію за дорогими звѣриными шкурами, доставали въ Новой землѣ чистое серебро; другое преданіе гласитъ, что отъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго было повелѣніе искать серебряную руду на берегахъ губы Серебрянки. Но всего вѣроятнѣе, что эта губа получила названіе по обманчивому виду береговыхъ горъ, содержавшихъ много сѣрнаго колчедана, сланца и слюды, блескъ которыхъ и привлекалъ неопытныхъ надеждою открыть тамъ серебряную руду. Теперь уже достовѣрно извѣстно, что на Новой землѣ нѣтъ этой руды, а преданія... чего не разсказываютъ они, переходя изъ рода въ родъ?

Многіе полагаютъ, что двинскіе мореходцы первые открыли Но-

вую землю; это доказывается тѣмъ, что англійскіе мореплаватели XVI вѣка, стараясь открыть путь въ Индію черезъ Сѣверный океанъ и попадая на Новую землю, находили на ней кресты съ славянскими надписями. Открытый Русскими, этотъ островъ названъ Новой землей, и это названіе осталось за нимъ. Что обитатели Двинской области съ давнихъ временъ упражняются въ мореплаваніи, и что Новая земля была имъ извѣстна за долго до открытія ея Англичанами — въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Въ любопытномъ обозрѣніи путешествій Ф. П. Литке, составляющемъ введеніе къ описанію четырекратнаго путешествія его въ Сѣверный океанъ, изложены въ порядкѣ попытки двинскихъ мореплавателей. О поѣздкахъ на Печору и въ Югръ, или Югорію, Новгородцевъ XI столѣтія, даже за Желѣзныя ворота, или Вайгачскій проливъ, говоритъ преподобный Несторъ, который полагаетъ, что Чудскій народъ, называемый Печорою, былъ подвластенъ Славянамъ еще до Рюрика. Нѣтъ сомнѣнія, что когда Новгородцы ходили въ Вайгачскій проливъ, то знали и посѣщали Новую землю.

Латкинъ.

Африканская пустыня *.

Африканскія пустыни, по чрезвычайной бѣдности растеній и животныхъ, имѣютъ видъ безжизненный и однообразный. Въ однихъ мѣстахъ онѣ представляютъ огромныя пространства, перерѣзанныя глубокими ущеліями, черными сѣроватыми скалами, въ другихъ — ровную поверхность, покрытую глубокимъ, желтоватымъ пескомъ, и только въ нѣкоторыхъ, особенно счастливо расположенныхъ долинахъ попадаются углубленія, наполненныя дождевою водою, а подлѣ растутъ финиковыя пальмы, и разбросаны кусты мимозъ, подъ которыми Арабъ разбиваетъ свою палатку. Круглый годъ надъ этою однообразною поверхностью пылаетъ солнце. Такова общая картина пустыни, не даромъ сравниваемой съ моремъ. И въ самомъ дѣлѣ, она имѣетъ большое съ нимъ сходство. Во время сильнаго сѣвернаго и восточнаго вѣтровъ, на ней подымаются, и движутся песчаныя волны, будто на морѣ. Иногда песокъ поднимается вверхъ столбами, на подобіе морскихъ тифоновъ. Освященные палящимъ солнцемъ, они кажутся огненными, носятся съ удивительною быстротою по поверхности пустыни и наводятъ ужасъ на изумленнаго путешественника.

Куда ни обратится глазъ, вездѣ видитъ раскаленный песокъ, а вдали въ этой пустынѣ нерѣдко представляются великолѣпныя карти-

* Части этого описанія, общія съ предъидущимъ, распространены описаніемъ явленій. Въ выраженіи замѣтно также различіе (сравненіе пустыни съ моремъ—пріемъ художественный), Послѣдняя часть (жители пустыни) связана съ предъидущею противоположеніемъ («не такъ...»), подобно переходу къ такой же части въ предъидущемъ описаніи Новой земли («Не смотря на...»)

ны: огромныя рѣки, озера, деревья, цѣлые города; эти призраки то остаются на одномъ мѣстѣ, то приближаются, то удаляются; туземцы называютъ ихъ „чортовымъ моремъ“. Начинаются они съ 9-ти часовъ утра, въ полдень достигаютъ полной красоты и прекращаются въ три часа пополудни. Великолѣпны эти явленія, но ихъ великолѣпіе не можетъ заставить путника забыть о тѣхъ ужасныхъ лишеніяхъ, съ которыми онъ встрѣчается среди этого песчанаго моря, мертваго своимъ однообразіемъ.

Не такъ разсуждаетъ Бедуинъ, постоянный житель пустыни. Онъ сильно привязанъ къ своей негостепріимной родинѣ, ни за что не промѣняетъ ее и готовъ пожертвовать всѣмъ, чтобы сохранить свою свободу. Такая же любовь къ родинѣ замѣтна и въ животныхъ, населяющихъ пустыню, особенно въ газеляхъ. Обреченныя довольствоваться скудною пищею пустыни, но одаренныя за то особенною терпѣливостію, они скоро хилѣютъ на чужбинѣ — и роскошная пища ея не замѣнитъ имъ тощей, но родной травы. Новая родина покажется имъ тѣсною въ сравненіи съ безграничною пустыней.

Изъ хрестоматіи Галахова.

Обвалъ *.

Дорога шла черезъ обвалъ [1], обрушившійся въ концѣ іюня 1827 года. Таковые случаи бываютъ обыкновенно каждые семь лѣтъ. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелье на цѣлую версту и запрудила Терекъ. Часовые, стоявшіе ниже, слышали ужасный грохотъ и увидѣли, что рѣка быстро мелѣла и въ четверть часа совсѣмъ утихла и истощилась. Терекъ прорылся сквозь обвалъ не прежде, какъ черезъ два часа. То-то былъ онъ ужасенъ!

Мы круто поднимались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ которымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможности ѣзды на колесахъ.

Въ это время услышалъ я глухой грохотъ. „Это обвалъ“, сказали мнѣ. Я оглянулся и увидѣлъ въ сторонѣ груду снѣга, которая осыпалась и медленно съѣзжала съ крутизны. Малые обвалы здѣсь не рѣдки. Въ прошломъ году русскій извощикъ ѣхалъ по Крестовой горѣ; обвалъ оборвался: страшная глыба свалилась на его повозку, поглотила телѣгу, лошадь и мужика, перевалилась черезъ дорогу и покатилась въ пропасть съ своею добычею.

Пушкинъ.

---

* Описаніе явленія двоякое: по разсказамъ другихъ, и по собств. наблюденію. Ср. съ стих. «Обвалъ» того же автора (въ отд. «Описаній художественныхъ»).

[1] т. е. черезъ мѣсто бывшаго обвала.

Водопады Майпуре *.

Отъ высокаго горнаго кряжа Кунавами протѣсняется между источниками рѣкъ Сипапо и Вентуари гранитный хребетъ далеко къ западу, къ горамъ Уніама. Съ этого хребта стекаютъ четыре ручья, которые какъ бы ограничиваютъ водопады Майпуре: на восточномъ берегу Ореноко-Сипапо и Санаріопо, на западномъ—Камейи и Топаро. Тамъ, гдѣ находится миссіонерская деревенька Майпуре, горы образуютъ какъ бы пространный заливъ, отверзтый къ юго-западу.

Рѣка съ шумомъ и пѣной несется теперь по восточному горному склону. Далеко на западѣ можно еще отличить старый, оставленный берегъ. Между обѣими цѣпями холмовъ разстилается пространное травянистое поле, на которомъ іезуиты выстроили изъ пальмовыхъ пней небольшую церковь. Поле это возвышается едва на 30 футовъ надъ верхнимъ уровнемъ рѣки.

Геогностическій [1] характеръ страны, островная форма скалъ Кери и Око, углубленія, вымытыя водою въ первой, и находящіяся рѣшительно на одной высотѣ съ замѣчательными такими же углубленіями на противулежащемъ островѣ Уивитари,—всѣ эти явленія доказываютъ, что прежде Ореноко наполнялъ и всю эту бухту, теперь сухую. Вѣроятно, воды его, пока цѣла была сѣверная тина, составляли тутъ обширное озеро. Отъ постепеннаго уменьшенія, вóды отступили наконецъ совершенно къ восточной горной цѣпи. Предположеніе это подкрѣпляется многими обстоятельствами. Ореноко, какъ Нилъ при Филэ и Сіенѣ, имѣетъ замѣчательное свойство окрашивать красновато-бѣлыя гранитныя массы, которыя омываетъ тысячелѣтія, въ черный цвѣтъ. Насколько хватаютъ воды его, гранитный берегъ вездѣ покрытъ свинцово-цвѣтной, содержащей марганецъ, а можетъ быть и углеродъ, оболочкой, проникающей въ существо камня едва на десятую часть линіи. Эта чернота и вышеупомянутыя вымоины обозначаютъ прежнее состояніе водъ Ореноко. Существованіе ихъ (что̀ впрочемъ замѣчается и въ Европѣ во всѣхъ рѣчныхъ ложахъ) показываетъ, что и потоки, величинѣ которыхъ мы теперь изумляемся, только бѣдные остатки страшнаго количества водъ довременности.

Даже и отъ грубыхъ туземцевъ Гвіаны не ускользнули эти простые факты. Они вездѣ обращали наше вниманіе на слѣды прежняго стоянія водъ. По разсказамъ весьма достовѣрныхъ людей, на травянистомъ полѣ близъ Уруаны, находится отдѣльная гранитная скала, на которой, на вы-

---

* Статья эта требуетъ отъ читателя знакомства съ физикой и физической географіей, а потому назначается для учениковъ VIII класса.—Это описаніе явленія природы, взятаго въ предѣлахъ времени, раздвинутыхъ помощію изслѣдованія до грандіозныхъ размѣровъ. Сравни съ художественными описаніями водопадовъ въ отд. «Худож. описаній».

[1] *Геогнозія*—ученіе о внутреннемъ строеніи твердой земной коры.

сотѣ 80 футовъ, высѣчены почти рядами изображенія солнца, мѣсяца и разныхъ животныхъ, въ особенности крокодиловъ и удавовъ. Безъ подмостокъ теперь никто не можетъ добраться до нихъ по этой отвѣсной стѣнѣ, заслуживающей тщательнѣйшаго изслѣдованія будущихъ путешественниковъ. Точно на такихъ же недоступныхъ высотахъ находятся и гіероглифическія начертанія въ горахъ Уруаны и Энкарамады.

Спросите туземцевъ: какъ же могли высѣчь эти изображенія — они отвѣтятъ вамъ, что это сдѣлано во времена высокаго стоянія водъ, потому что отцы ихъ плавали тогда на этой высотѣ. Стало быть, это высокое стояніе водъ современно этимъ грубымъ памятникамъ человѣческаго искусства. Оно намекаетъ на прежнее весьма отличное распредѣленіе текучаго и твердаго, на состояніе земной поверхности, котораго не должно однако жъ смѣшивать съ тѣмъ, когда первое растительное убранство нашей планеты и исполинскія тѣла вымершихъ земныхъ и пелагическихъ [1] животныхъ хаотической довременности нашли могилы въ отвердѣвавшей земной корѣ.

Водопады Майпуре — не однократное паденіе большой массы водъ, какъ водопадъ Ніагары, низвергающійся съ высоты во 140 футовъ, и не рѣчныя, тѣснины, не проходы, чрезъ которые протокъ протѣсняется съ усиленной быстротой, какъ Манзерическій Понго рѣки Амазонокъ: водопады Майпуре — безчисленные ряды маленькихъ каскадовъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, какъ ступени. Раудаль (такъ называютъ Испанцы этотъ родъ водопадовъ) образуется архипелагомъ островковъ и скалъ, которые такъ стѣсняютъ рѣчное ложе, имѣющее 8000 футовъ ширины, что для фарватера часто не остается и 20 футовъ. Восточная сторона въ настоящее время далеко непроходимѣе и опаснѣе западной.

Опаснѣйшія и труднѣйшія ступени: Пуримарими и Маними. Они въ девять футовъ вышины. — Съ удивленіемъ открылъ я, посредствомъ барометрическихъ измѣреній (геодезическая нивеллировка, по недоступности мѣста, по зловредности воздуха, наполненнаго безчисленными роями москитовъ [2], невозможна), что все паденіе Раудаля, отъ устья Камейи до устья Топаро, только отъ 28 до 30 футовъ. Я говорю: съ удивленіемъ, потому что изъ этого явствуетъ, что страшный шумъ и яростное клокотаніе рѣки — слѣдствіе стѣсненія русла безчисленными скалами и островами, слѣдствіе противнаго теченія, порождаемаго формой и положеніемъ скалистыхъ массъ. Въ справедливости этого, въ незначительной высотѣ всего паденія — убѣждаетъ всего лучше сходъ отъ деревеньки Майпуре черезъ скалу Маними къ рѣчному ложу.

Отсюда представляется великолѣпнѣйшая картина. Взору вдругъ открывается пѣнящаяся поверхность въ милю длиною. Черныя, какъ же-

---

[1] *Пелагическій* (отъ πέλαγος, море) — въ морѣ образованный, морской. —
[2] *Москиты* — двукрылыя насѣкомыя изъ рода комаровъ.

лѣзо, скалистыя массы поднимаются изъ нея какъ развалины или замки. Каждый островъ, каждый камень убранъ роскошными деревьями. Густой туманъ вѣчно носится надъ водною поверхностью. Сквозь дымчатое облако пѣны прорѣзываются вершины высокихъ пальмъ. Преломляются во влажномъ воздухѣ лучи яркаго вечерняго солнца — начинаются оптическія чары. Разноцвѣтныя радуги то появляются, то изчезаютъ по прихоти малѣйшаго вѣтерка.

Вокругъ потоки долгаго дождливаго времени нанесли на голыя скалы острова растительной земли. Покрытые меластомами, дрозеріями, маленькими сребролистными мимозами и папоротниками—они образуютъ среди обнаженныхъ камней прекраснѣйшіе цвѣтники. Они напоминаютъ Европейцу такъ называемыя жителями Альпъ Courtils—покрытыя цвѣтами гранитныя глыбы, одиноко выдающіяся изъ ледниковъ Савойи.

Въ продолженіи пяти дней, которые мы провели близъ водопадовъ, насъ удивляло то, что шумъ ихъ ночью слышался втрое сильнѣе, чѣмъ днемъ. То же явленіе замѣчается и при всѣхъ европейскихъ водопадахъ. Что же причиною этого въ пустынѣ, гдѣ ничто не нарушаетъ покоя природы?—вѣроятно, потоки поднимающагося теплаго воздуха, которые, вслѣдствіе неравномѣрнаго смѣшенія эластической среды, мѣшаютъ днемъ распространенію звука, разнообразно преломляя звуковыя волны; во время же ночнаго охлажденія земной коры —прекращаются.

А. Гумбольдтъ.

Осень *.

Осень, глубокая осень! Сѣрое небо, низкія, тяжелыя влажныя облака; голы и прозрачны становятся сады, рощи и лѣса. Все видно насквозь въ самой глухой древесной чащѣ, куда лѣтомъ не проникалъ глазъ человѣческій. Старыя деревья давно облетѣли, и только молодыя отдѣльныя березки сохраняютъ еще свои увядшіе желтоватые листья, блистающіе золотомъ, когда тронутъ ихъ косые лучи невысокаго осенняго солнца. Ярко выступаютъ сквозь красноватую сѣть березовыхъ вѣтвей вѣчно зеленыя, какъ будто помолодѣвшія ели и сосны, освѣженныя холоднымъ воздухомъ, мелкими, какъ паръ, дождями и влажными ночными туманами. Устлана земля сухими, разновидными и разноцвѣтными листьями, мягкими и пухлыми въ сырую погоду, такъ что не слышно шелеста отъ ногъ осторожно ступающаго охотника, и жесткими, хрупкими въ морозы, такъ что далеко вскакиваютъ птицы и звѣри отъ шероха человѣческихъ шаговъ. Если тихо въ воздухѣ, то слышны на большомъ

---

* Описаніе сложнаго явленія, отличающееся количествомъ указанныхъ признаковъ. Не смотря на обобщеніе явленій (описана русская осень *вообще*), мѣстами описаніе это достигаетъ художественной изобразительности. — Сличи съ описаніемъ «Зимній день» того же автора въ отд. «Описаній художественныхъ» и съ другими описаніями временъ года въ томъ же отдѣлѣ.

разстояніи осторожные прыжки зайца и бѣлки и всякихъ лѣсныхъ звѣрковъ, легко различаемые опытнымъ и чуткимъ ухомъ звѣролова.

Синицы всѣхъ родовъ, не улетающія на зиму, кромѣ синицы придорожной, которая скрылась уже давно, пододвинулись къ жилью человѣческому, особенно синица московка, называемая въ Петербургѣ новогородской синицей, въ Оренбургской же губерніи—бѣскомъ. Звонкій пронзительный ея свистъ уже часто слышенъ въ домѣ сквозь затворенныя окна. Снигири также выбрались изъ лѣсной чащи и появились въ садахъ и огородахъ, и скрипучее ихъ пѣнье, не лишенное какой-то пріятной мелодіи, тихо раздается въ голыхъ кустахъ и деревьяхъ.

Еще не улетѣвшіе дрозды, съ чоканьемъ и визгами собравшись въ большія стаи, улетаютъ въ сады и уремы, куда манятъ ихъ ягоды бузины, жимолости, и еще болѣе красныя кисти рябины и калины. Любимыя ими ягоды черемухи давно высохли и свалились, но онѣ не пропадутъ даромъ: всѣ будутъ подобраны съ земли жадными гостями.

Вотъ шумно летитъ станица черныхъ дроздовъ и прямо въ паркъ. Одни разсядутся по деревьямъ, а другіе опустятся на землю и распрыгаются во всѣ стороны. Сначала притихнутъ часа на два, въ тихомолку удовлетворяя своему голоду, а потомъ, насытясь, набивъ свои зобы, соберутся въ кучу, усядутся на нѣсколькихъ деревьяхъ и примутся пѣть, потому что это пѣвчіе дрозды. Хорошо поютъ не всѣ, а вѣроятно старые; иные только взвизгиваютъ; но общій хоръ очень пріятенъ: изумитъ и обрадуетъ онъ того, кто въ первый разъ его услышитъ, потому что давно замолкли птичьи голоса, и въ такую позднюю осень не услышишь прежняго разнообразнаго пѣнія, а только крики птицъ, и то большею частью дятловъ, снигирей и бѣсковъ.

Рѣка приняла особенный видъ, какъ будто измѣнилась, выпрямилась въ своихъ изгибахъ, стала гораздо шире, потому что вода видна сквозь голые сучья наклонившихся ольховыхъ вѣтвей и безлистные прутья береговыхъ кустовъ, а еще болѣе потому, что пропалъ отъ холода водяной цвѣтъ, и что прибрежныя водяныя травы, побитыя морозомъ, завяли и опустились на дно. Въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ, имѣющихъ глинистое и особенно песчаное дно, вода посвѣтлѣла и стала прозрачна, какъ стекло; но рѣки и рѣчки, припруженныя, текущія медленно, получаютъ голубовато-зеленый, непріятный, какъ-будто мутный цвѣтъ. Впрочемъ, это оптическій обманъ; вода въ нихъ совершенно свѣтла, но дно покрыто осѣвшею шмарою [1], мелкимъ зеленымъ мохомъ, или коротенькимъ водянымъ шелкомъ — и вода получаетъ зеленый цвѣтъ отъ своей подкладки, точно какъ хрусталь или стекло, подложенное зеленой фольгой, кажется зеленымъ. Весной (лѣтомъ это не замѣтно) вода мутна сама по себѣ, да и весеннее водополье по-

[1] *Шмара*—тина, ряска, цвѣтъ воды.

крываетъ дно новыми слоями ила и земли, на поверхности которыхъ еще не образовался мохъ; когда же, по слитіи полой воды, запрудятъ пруды, сонныя воды такихъ рѣкъ цвѣтутъ безпрестанно, а цвѣтъ, плавая массами и клочьями по водяной поверхности, наполняетъ въ то же время мелкими своими частицами (процессомъ цвѣтенія) всю воду и дѣлаетъ ее густою и мутною, отчего и незамѣтно отраженіе дна.

Вотъ такую-то осень люблю я, не только какъ охотникъ, но какъ страстный любитель природы во всѣхъ ея измѣненіяхъ.

С. Аксаковъ.

Москва въ XVI столѣтіи.

Чѣмъ ближе къ столицѣ, тѣмъ болѣе селеній и людей встрѣчалось глазамъ путешественника. Все оживлялось: на дорогѣ обозы, вокругъ частыя поля, луга, представляли картину человѣческой дѣятельности. Необозримая Москва величественно возвышалась на равнинѣ, съ блестящими куполами своихъ несмѣтныхъ храмовъ, съ красивыми башнями, съ бѣлыми стѣнами кремлевскими, съ рѣдкими каменными домами, окруженными темною грудою деревянныхъ зданій, среди зеленыхъ садовъ и рощей. Окрестные монастыри казались маленькими прелестными городками. Въ слободахъ жили кузнецы и другіе ремесленники, которые непрестаннымъ употребленіемъ огня могли быть опасны въ сосѣдствѣ: разселенные на большомъ пространствѣ, они сѣяли хлѣбъ и косили траву предъ домами, на обѣихъ сторонахъ улицы. Одинъ Кремль считался городомъ: всѣ иныя части Москвы, уже весьма обширной, назывались предмѣстіями, ибо не имѣли никакихъ укрѣпленій, кромѣ рогатокъ. На крутоберегой Яузѣ стояло множество мельницъ. Неглинная, будучи запружена, уподоблялась озеру и наполняла водою ровъ кремлевскій. Нѣкоторыя улицы были тѣсны и грязны; но сады вездѣ чистили воздухъ, такъ что въ Москвѣ не знали никакихъ заразительныхъ болѣзней, кромѣ наносныхъ. Въ 1520 году, какъ пишутъ, находилось въ ней 41,500 домовъ, изчисленныхъ по указу великаго князя, а сколько жителей—неизвѣстно: но можно полагать ихъ гораздо за 100 т. Въ Кремлѣ, въ разныхъ улицахъ, въ огромныхъ деревянныхъ домахъ (между многими, отчасти также деревянными церквами) жили знатнѣйшіе люди—митрополитъ, князья, бояре. Гостинный дворъ (тамъ же, гдѣ и нынѣ, на площади Китая-города), обнесенный каменною стѣною, прельщалъ глаза не красотою лавокъ, но богатствомъ товаровъ, азіатскихъ и европейскихъ. Зимою хлѣбъ, мясо, дрова, лѣсъ, сѣно обыкновенно продавались на Москвѣ-рѣкѣ, въ лавкахъ или шалашахъ.

Карамзинъ.

Древняя Москва *.

Среди обширной и пустынной страны, гдѣ, казалось, такъ недавно

* Пріемъ въ началѣ этого описанія—общій съ описаніемъ Карамзина (сто-

человѣкъ началъ подчинять природу своей волѣ, гдѣ такъ рѣдко встрѣчались небольшія села и деревни, и большія огороженныя села, города, западный путешественникъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда же покажется тотъ знаменитый городъ, который давалъ имя цѣлой странѣ, въ которомъ пребывалъ неограниченный владыка ея. И вотъ передъ нимъ развертывалась Москва и вдали производила сильное и выгодное впечатлѣніе: на неизмѣримомъ пространствѣ черная громада домовъ, но надъ этою черною громадою поднималось безчисленное множество церковныхъ главъ и колоколенъ, и выше всѣхъ поднимался Кремль, жилище великаго государя, съ бѣлою каменною стѣною, наполненный бѣлыми каменными церквами съ позолоченными главами, и посрединѣ высокій бѣлый столбъ съ золотою главою,—Иванъ Великій, гигантъ, благодаря скромной высотѣ другихъ зданій. Эта бѣлизна кремлевской стѣны и церквей, рѣзко выдающаяся въ противоположность массѣ черныхъ деревянныхъ домовъ, и большое количество каменныхъ зданій сравнительно съ другими городами дали происхожденіе извѣстному эпитету, который до сихъ поръ остается за Москвою — *бѣлокаменная*.

Издали Москва поражала великолѣпіемъ, красотою, особенно лѣтомъ, когда къ красивому разнообразію церквей присоединялась зелень многочисленныхъ садовъ и огородовъ. Но впечатлѣніе перемѣнялось, когда путешественникъ въѣзжалъ внутрь безпредѣльнаго города: его поражала бѣдность жилищъ съ слюдяными окнами; бѣдность, малые размѣры тѣхъ самыхъ церквей, которыя издали производили такое пріятное впечатлѣніе; обширные пустыри, нечистота, грязь улицъ, хотя и мощеныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревомъ. Издали казавшаяся великолѣпнымъ Іерусалимомъ, внутри Москва являлась бѣднымъ Виѳлеемомъ, по выраженію одного путешественника.

Церкви были небольшія; но въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись церкви значительной величины, окруженныя другими поменьше и огороженныя стѣнами; то были монастыри, которыхъ было очень много въ Москвѣ; монастыри виднѣлись преимущественно въ концахъ города, или обозначали границы городскихъ частей, указывали исторію распространенія города: монастыри, являвшіеся въ срединѣ города, прежде были загородными. Нѣкоторые загородные монастыри были окружены крѣпкими каменными стѣнами съ высокими башнями и опоясывали Москву рядомъ укрѣпленій.

лица описывается въ ея постепенномъ появленіи взорамъ путешественника); отличается же отъ предъидущаго к о н т р а с т а м и, помощію которыхъ авторъ ярче оттѣнилъ отличительныя признаки Москвы (среди *пустынной* страны—на *неизмѣримомъ* пространствѣ... *громада* домовъ; *великолѣпіе*, *красота* издали—*бѣдность*, *нечистота*... вблизи). Въ послѣдней части, въ описаніи замѣчается элементъ разсужденія: изъ 2 періодовъ въ 1-мъ протазисъ также находится въ отношеніи контраста къ своему аподозису; во 2-мъ протазисъ выражаетъ слѣдствіе.—Ср. ст.: «Москва, какъ столица Россіи» въ отд.: «Разсужденій».

Если рядъ загородныхъ монастырей представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то кремль, царственный замокъ, жилище великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположенъ былъ царскій дворецъ—пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству. Если церковь была единственнымъ памятникомъ общественнымъ, если каждый человѣкъ со средствами имѣлъ сильныя побужденія оставить по себѣ такой памятникъ, то человѣкъ съ самыми большими средствами въ государствѣ, именно великій государь, долженъ былъ отличаться ревностію въ построеніи и украшеніи церквей, имѣлъ значеніе всероссійскаго церковнаго старосты; понятно, что около его жилища было такъ много церквей.

С. Соловьевъ.

Москва въ XVII вѣкѣ. *.

Много въ Россіи городовъ, которые древнѣе Москвы, но нѣтъ ни одного, который бы такъ долго и такъ крѣпко былъ связанъ со всѣми свѣтлыми и темными днями русскаго народа. Съ XIV вѣка она уже дѣлается средоточіемъ и государственной силы, и православной святыни. Съ которой бы стороны ни подходилъ или ни подъѣзжалъ къ ней русскій человѣкъ—завидѣвъ маковки ея церквей, онъ снималъ шапку и набожно совершалъ крестное знаменіе. «Святая», «бѣлокаменная» и «златоглавая» были названія, которыя народъ издавна придавалъ древней своей столицѣ. Онъ могъ бы прибавить еще: живописная, потому что въ самомъ дѣлѣ мало городовъ, которые представляли бы болѣе прекрасное зрѣлище, нежели Москва съ Поклонной горы, съ Воробьевыхъ высотъ или съ вершины кремлевскаго холма.

Это былъ чрезвычайно обширный, особенно по тогдашнихъ понятіямъ, городъ, разбросанный по холмамъ и ложбинамъ, вдоль извилинъ Москвы-рѣки и впадающихъ въ нее Яузы и Неглинной. Изящною постройкою онъ впрочемъ не отличался и, за исключеніемъ нѣсколькихъ строеній въ Кремлѣ, да большей части разсѣянныхъ по городу церквей, весь онъ былъ деревянный; бревенчатые дома, которые по теперешнимъ понятіямъ можно бы назвать избами, съ высокими гонтовыми[1] либо соломенными крышами, то тѣсно жались одинъ къ другому вдоль кривыхъ, узкихъ улицъ и неправильныхъ площадей, то оставляли голые пустыри и болотины, на которыхъ спокойно пощипывали траву городскія коровы, или полоскались домашнія птицы. Мѣстами широко раскидывались, точ-

---

* Сличи съ предъидущими двумя описаніями со стороны приступа и переходовъ отъ одной части къ другой («впрочемъ»... «Но если смотрѣть...»)

[1] *Гонтъ*—короткія дранки.

но отдѣльныя усадьбы, хоромы какого-нибудь знатнаго боярина или князя, со множествомъ службъ, хозяйственныхъ построекъ, съ садами и огородами; другія села и усадьбы примыкали къ городу, окружая его зеленою лентою своихъ садовъ; нѣкоторыя изъ этихъ селъ впослѣдствіи вошли въ черту города, какъ-то: Сущево, Хамовники и др.

Но (если смотрѣть на Москву съ одной изъ сосѣднихъ высотъ) посреди этого муравейника домовъ, глазъ останавливался на группѣ каменныхъ, бѣлыхъ церквей, стройныхъ колоколенъ, золоченыхъ куполовъ, которая красовалась на высокомъ холмѣ при одной изъ крутыхъ извилинъ Москвы-рѣки: это былъ Кремль. Здѣсь были тѣ старинные соборы, гдѣ совершалось вѣнчаніе на царство государей нашихъ, гдѣ стояли ихъ гробницы, гдѣ совершалъ богослуженіе патріархъ, глава греко-россійской церкви, гдѣ лежали мощи святыхъ угодниковъ, глубоко чтимыя русскимъ народомъ. Тамъ же находились колокольня Ивана-Великаго, Царь-пушка и большой колоколъ [1],—предметы, которыми наши предки гордились такъ же, какъ древніе Греки своимъ колоссомъ родосскимъ или дельфійскимъ храмомъ.

Таковъ былъ общій видъ Москвы въ половинѣ XVII вѣка.

Щебальскій.

Троицкая лавра *).

Верстъ за семь до Троицы открываются, среди зелени лѣсовъ, златыя главы церквей ея, вокругъ огромной колокольни, подобной величественному столпу.—Я взъѣхалъ на гору Волкушу... Русскіе патріоты! это мѣсто должно быть вамъ извѣстно. Здѣсь архимандритъ монастыря Троицкаго благословлялъ и кропилъ святою водою достойныхъ сыновъ Россіи, которые съ вождемъ Пожарскимъ и съ гражданиномъ Мининымъ шли освободить Москву отъ чужестранныхъ тирановъ!... Я сталъ на вершинѣ горы—и воображеніе представило глазамъ моимъ ряды многочисленнаго войска подъ сѣнію распущенныхъ знаменъ, украшенныхъ именемъ городовъ, которыхъ добрые жители шли подъ ними: Нижняго Новгорода, Дорогобужа, Вязьмы, Ярославля, Владиміра и проч. Мнѣ казалось, что я вижу сановитаго Пожарскаго, среди мужественныхъ воеводъ его, и слышу громъ оружія, которому черезъ нѣсколько дней надлежало грянуть во имя отечества!... Русскіе были тогда сиротами: не имѣли государя и сражались за одну Россію.

Лавра со всѣхъ сторонъ окружена горами, покрытыми нѣкогда дремучимъ лѣсомъ. Святый Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріятели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную *юдоль плача*, въ самой цвѣтущей юности удалился отъ свѣта, который представлялъ ему горестное зрѣлище злодѣйствъ и бѣдствій. Здѣсь мракъ лѣсовъ и дикое уединеніе, оградивъ его своею тишиною, не мѣшали святому юношѣ мирно бесѣдовать съ Творцомъ природы; здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ без-

---

[1] Нынѣшній большой колоколъ отлитъ позже (при Имп. Аннѣ).

* Это описаніе, соединенное съ *повѣствованіемъ*, можетъ послужить матеріаломъ для переработки, по образцу 3-хъ предшествующихъ описаній Москвы, въ краткое описаніе.—Ср. съ худож. описаніемъ кремля Муравьева.

молвіи пустынь, гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божію!*.,. Но *святый угодникъ*, какъ говоритъ почтенный историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынѣ, не могъ сокрыть имени своего*. Мірскія добродѣтели ищутъ славы: она сама находитъ небесную святость и не щадитъ ея скромности. Скоро уединеніе благочестиваго Сергія сдѣлалось извѣстнымъ, и многіе старцы захотѣли молиться вмѣстѣ съ юношей. Вотъ происхожденіе сея обители, смиренной въ своемъ началѣ, славной и великолѣпной впослѣдствіи! — то есть, судьбу ея можно нѣкоторымъ образомъ уподобить жребію самой христіанской религіи.

Я обошелъ сперва вокругъ стѣны монастырской и готическихъ башенъ ея. Глубокій ровъ, высокія стѣны и самое положеніе монастыря дѣлали его нѣкогда лучшею крѣпостью нашего государства. Въ XV и XVI вѣкѣ монахи ограждали себя каменными стѣнами не столько отъ мірскихъ соблазновъ, сколько отъ грозныхъ непріятелей, которые искали у нихъ сокровищъ. Всѣ старинные монастыри вокругъ Москвы построены на высокихъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія не для хорошихъ видовъ, о которыхъ не думали святые отшельники, но для удобнѣйшей защиты.— Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны, но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятеля, *гдѣ* два сильныя чувства, любовь къ отечеству и вѣра вооружаютъ защитниковъ.

Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ стихотворца, привѣтствуютъ васъ —

Одинъ съ угрюмостью своей,
Другой съ улыбкою веселой!

Соборъ Троицкій основанъ еще при князѣ Василіи Дмитріевичѣ, слѣдственно въ началѣ XV вѣка; онъ въ свое время казался безъ сомнѣнія великолѣпнымъ, а теперь малѣйшая изъ приходскихъ церквей въ Москвѣ болѣе его. Итальянскій архитекторъ Аристотель [1], родомъ изъ Болоньи, привезъ къ намъ вкусъ счастливаго вѣка Медицисовъ[2] въ княженіе Іоанна Васильевича и построилъ въ Москвѣ соборъ Успенскій, служившій образцомъ и для Успенскаго собора Лавры, храма величественнаго; прежде того въ Россіи не имѣли идеи о хорошей архитектурѣ.—Изъявивъ христіанское усердіе къ святынѣ Троицкаго монастыря, я съ любопытствомъ осматривалъ достопамятности церквей и ризницъ. Два образа, даръ царей Іоанна и Годунова Троицкому собору, осыпаны рѣдкой величины драгоцѣнными камнями. Тутъ же русскіе патріоты съ особенной вѣрою прикладываются къ образу Сергія, написанному на отломкѣ гробовой доски его и бывшему во всѣхъ походахъ съ государемъ Петромъ Великимъ и еще съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Иностранцы, которые видали богатство итальянскихъ и испанскихъ монастырей, могутъ еще подивиться богатству троицкой ризницы, большимъ серебрянымъ паникадиламъ, подсвѣчникамъ и другимъ украшеніямъ здѣшнихъ церквей. Серебряная рака[3] чудотворца Сергія есть конечно самая драгоцѣнная гробница въ свѣтѣ. Кромѣ щедрости государей, кромѣ 100,000 душъ, бывшихъ во владѣніи у сего монастыря, вклады частныхъ людей также не мало способствовали его великолѣпію.

---

[1] *Аристотель Фіоравенти*, архитекторъ, приглашенный въ 1475 г. Іоанномъ III въ Москву.—[2] *Медичи*—флорентійская фамилія, прославившаяся покровительствомъ искусствамъ и наукамъ (Косма Медичи род. 1389 г., Лоренцо—1448).—[3] *Рака*—гробница для мощей.

Между колокольнею и Троицкимъ соборомъ стоитъ каменный обелискъ, сооруженный Митрополитомъ Платономъ [1]. Тамъ на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ изображены *четыре* эпохи славы его и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи [2].

Когда Димитрій, вдохновенный любовію къ отечеству, осмѣлился наконецъ, чрезъ 150 лѣтъ удивительной робости славянскаго потомства, сразиться съ Татарами, онъ спѣшилъ принять совѣтъ и благословеніе Сергія, который не только утвердилъ его въ семъ великомъ предпріятіи, но далъ ему и двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, явившихъ себя героями на полѣ сраженія. Хотя радость народа и торжество Димитрія были кратковременны; хотя злобный Тохтамышъ скоро послѣ того опустошилъ Россію, взялъ и выжегъ Москву: однако жъ на полѣ Куликовскомъ изчезло гибельное суевѣріе Русскихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичомъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться*. Такимъ образомъ великодушный князь Александръ, герой на берегахъ Невы, ужасъ Шведовъ и храбрыхъ Нѣмецкихъ рыцарей, унижался передъ Батыемъ и Сартакомъ—не стыдился смиренно молить ихъ о помилованіи Россіи! Богатыри его не дерзали поднять руки на Татарина! Но Димитрій далъ примѣръ, и великій князь Іоаннъ имъ воспользовался; свергнулъ иго, и—Москва въ стѣнахъ своихъ увидѣла плѣнныхъ князей татарскихъ.

Въ мятежное царствованіе Шуйскаго Троицкій монастырь былъ осажденъ Поляками, которые требовали, чтобы онъ сдался Лжедимитрію, извѣстному подъ именемъ Тушинскаго. Архимандритъ Іосафъ съ воеводами Долгорукимъ и Голохвастовымъ изъявили непріятелю одно презрѣніе. Начались приступы, кровопролитныя сраженія, и монахи вмѣстѣ съ малочисленными стрѣльцами умирали на стѣнахъ; святые гимны христіанскіе, которые день и ночь не умолкали въ храмахъ Троицы, были для Русскихъ гимнами битвы. Дѣло невѣроятное! цѣлая армія болѣе года осаждала монастырь, истощила всѣ усилія и, наконецъ, отступила. Троицкая обитель увѣнчала подвигъ свой тѣмъ, что отправила къ царю всѣ церковныя сокровища: ибо ему нужны были деньги для содержанія войска.

Когда недостойные бояре и гнусные измѣнники свели съ престола несчастнаго Шуйскаго и впустили Поляковъ въ Москву злодѣйствовать, тогда троицкіе патріоты, архимандритъ Діонисій и келарь[3] Авраамій Палицынъ писали грамоты во всѣ города, молили гражданъ вспомнить отечество. Трубецкой, ими убѣжденный, собралъ войско и приступилъ къ Москвѣ; но не могъ или не хотѣлъ усмирить мятежниковъ въ своей арміи. Пожарскій остановился въ Ярославлѣ: Келарь Палицынъ спѣшилъ къ нему, заклиналъ его не медлить, самъ отправился съ войскомъ къ столицѣ, былъ въ сраженіяхъ и способствовалъ побѣдамъ. Казаки, требуя жалованья, взбунтовались: начальники Троицкаго монастыря, не имѣя денегъ, прислали имъ ризы, стихари, жемчужныя эпитрахили; мятежники были тронуты, ничего не взяли и клялись быть вѣрными.—Столица освободилась отъ ига; юный Михаилъ царствовалъ, но польскій королевичъ Владиславъ называлъ

---

[1] *Платонъ*—митрополитъ московскій при Имп. Александрѣ I.—[2] *Ниже слѣдуетъ* отступленіе, въ которомъ авторъ *повѣствуетъ* объ этихъ четырехъ эпохахъ славы монастыря: при Димитріи Донскомъ, при Шуйскомъ, при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и при Петрѣ В.—[3] *Келарь*—монахъ, завѣдывающій монастырскими припасами, а прежде—и всѣми монастырскими вотчинами и вообще не духовными дѣлами монастыря.

себя царемъ русскимъ и скоро осадилъ Москву; не могъ взять ея, и приступилъ къ Троицкому монастырю — но тамъ были еще живы побѣдители Сапѣги и пана Лисовскаго: храбрые иноки снова явились на стѣнахъ съ каларемъ Авраамiемъ, такъ славно отразили Владислава, что онъ потерялъ надежду завоевать престолъ россійскій — заключилъ перемиріе съ монастыремъ и требовалъ мира съ Россіею.

Наконецъ юный Петръ два раза находилъ въ стѣнахъ Троицкихъ убѣжище отъ злобы стрѣльцовъ. Здѣсь вооружился онъ мечомъ правосудія для наказанія заговорщиковъ и твердостію прекратилъ умыслы Софiина властолюбія.

Однимъ словомъ, Троицкая лавра съ самаго основанія своего была истинною русскою защитою, и благочестивые старцы ея не только молитвами, но и дѣломъ ревностно служили отечеству. Вообще должно отдать справедливость россійскому духовенству: оно во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ изъявляло геройскій патріотизмъ.

Я съ любопытствомъ взглянулъ на троицкія пушки, бросавшія громъ на Поляковъ, и разсматривалъ остатки оружія, которыми ихъ разили храбрые иноки. Здѣсь была особенная палата, наполненная бердышами, мечами и пищалями, но генералъ-фельдцейгмейстеръ Шуваловъ по указу Императрицы Елизаветы Петровны взялъ сіе древнее оружіе въ Петербургъ; осталась только нѣкоторая часть его на память монастырю.

Въ лаврѣ двѣ библіотеки: одна принадлежитъ семинаріи, а другая монастырю; первая состоитъ изъ 6000 книгъ иностранныхъ и русскихъ, историческихъ, нравоучительныхъ, богословскихъ и проч.; а во второй однѣ церковныя книги и рукописи. Въ Россіи, подобно какъ и во всѣхъ другихъ земляхъ, монахи во время общаго невѣжества были почти единственными хранителями любопытныхъ манускриптовъ. Всѣ историческія рукописи были изъ троицкой библіотеки посланы къ Екатеринѣ Великой, которая столь ревностно занималась нашею исторіею.

Къ любопытнымъ вещамъ въ лаврѣ принадлежитъ и большой колоколъ, въ 4000 пудъ вѣсомъ, первый въ Россіи и цѣломъ свѣтѣ, такъ что и славный китайскій[1] не можетъ съ нимъ равняться. Вѣроятно, что онъ и навсегда останется первымъ: вкусъ къ огромнымъ колокаламъ проходитъ. Троицкіе всѣ называются особенными именами: Годуновъ, Лебедь, Переспоръ, и проч.—Видъ колокольни (превышающей двумя или тремя саженями Ивана Великаго) отмѣнно хорошъ; монастырскія окрестности живописны.

Еще недавно сломанъ Троицкій каменный дворецъ царя Ивана Васильевича. Архитектура нынѣшняго дворца не показываетъ древности. Странно, что въ архивѣ монастырскомъ не нашлось никакихъ записокъ о его построеніи. Знаютъ только, что онъ назывался Писаревскимъ, и что Тихонъ Писаревъ былъ Троицкимъ Архимандритомъ около 1720 года; слѣдственно можно заключить, что онъ и построенъ въ это время; внутри же украшенъ лѣпною работою при Елизаветѣ Петровнѣ. Зала, расписанная бирюзовою краскою, представляетъ въ барельефахъ всѣ побѣды Петра Великаго съ девизами[2], не худо вымышленными. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на барельефы и читалъ надписи. Въ двухъ комнатахъ стоятъ алебастровыя изображенія всѣхъ нашихъ князей и государей отъ самаго Рюрика, сдѣланныя съ медалей, которыя не очень [3] удачно изобрѣтены художникомъ. Напримѣръ, Святославъ, чудесный герой своего

---

[1] Колоколъ въ Пекинѣ вѣситъ 3000 п.—[2] *Девизъ*—надпись, заключающая сжато выраженную мысль.—[3] *въ ориг*: не весьма.

времени, столь прекрасно и живо описанный Несторомъ, изображенъ какимъ-то смиреннымъ игумномъ: ни одной черты геройской! Лицо Годунова характернѣе другихъ; онъ есть также вымыселъ, какъ думаю; въ его время у насъ не писали портретовъ, воображая, что это грѣхъ, и что одни лица святыхъ достойны живописи. Любопытно знать, когда и съ кого былъ написанъ первый портретъ въ Россіи.

Троицкая Семинарія, заведенная при государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ, есть одно изъ главныхъ духовныхъ училищъ въ Россіи. Въ ней всѣхъ учениковъ около 400, изъ которыхъ 150 на полномъ казенномъ содержаніи. Кромѣ древнихъ языковъ, здѣсь учатъ французскому и нѣмецкому. Это похвально: кому надобно проповѣдовать, тотъ долженъ знать Боссюэта и Массильона [1].

Въ лаврѣ погребены многіе знаменитые люди, и читая списокъ ихъ, я нашелъ множество именъ, которыхъ уже нѣтъ въ нашихъ дворянскихъ книгахъ.—Мнѣ показали гробъ славнаго архимандрита Діонисія. Я спросилъ, гдѣ лежатъ кости добродѣтельнаго келаря Авраамія, и къ сожалѣнію услышалъ, что преосвященный Платонъ, любя великихъ мужей Россіи, напрасно искалъ его могилы; время сокрыло ее завѣсою тайны.—Въ часовнѣ, при церкви Сошествія св. Духа, стоитъ гробъ ученаго Грека Максима[2], еще болѣе добродѣтельнаго, нежели ученаго. Онъ противился браку Великаго князя Василія Ивановича съ княжною Глинской, находя его незаконнымъ, былъ сосланъ въ заточеніе, возвращенъ при Іоаннѣ и жилъ въ Троицкомъ монастырѣ, когда царь послѣ своей тяжкой болѣзни, съ царицею и сыномъ пріѣхалъ въ сію обитель. Узнавъ о намѣреніи его отправиться въ Кирилловскій монастырь, философъ Максимъ всячески уговаривалъ государя остаться въ Москвѣ, доказывая, что Богъ во всѣхъ мѣстахъ равно присутствуетъ, и что гораздо лучше царствовать добродѣтельно, нежели скитаться по отдаленнымъ монастырямъ. Видя же, что Іоаннъ не принимаетъ его совѣта, онъ предсказалъ ему кончину царевича.

Подлѣ Успенскаго собора вростаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ: царь Борисъ, супруга его, сынъ Θеодоръ и несчастная Ксенія. На лѣвой сторонѣ отъ собора, съ краю, лежитъ царица; подлѣ нея Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія [3], а въ четвертомъ Θеодоръ.

Всякій, кто знаетъ исторію отечества, кто умѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: «вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе»[4].

Два дня прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ.

Карамзинъ.

---

[1] *Боссюэтъ* († 1704) и *Массильонъ* († 1742)—французскіе проповѣдники.—[2] *Максимъ Грекъ*—ученый, вызванный въ Москву В. Кн. Василіемъ Іоанновичемъ.—[3] *Ксенія*—дочь Бориса Годунова.—[4] см. статьи Карамзина о Борисѣ Годуновѣ въ отдѣлѣ «Повѣствованій».

Византія.

Когда Константинъ Великій задумалъ перенести на востокъ столицу Римской имперіи, онъ долго искалъ для нея наилучшаго мѣста. Вниманіе его останавливалось на разныхъ городахъ. Ему нравилось положеніе древнихъ Сардъ[1] на берегахъ золотоноснаго Пактола; привлекала его также и богатая Ѳессалоника[2]; приходило ему на умъ построить столицу на мѣстѣ столь прославленной Трои, или выбрать для нея виѳинскій городокъ Халкедонъ; но онъ не повторилъ ошибки, въ которую впалъ основатель этого городка. Говорятъ, персидскій царь Дарій во время своего похода въ Скиѳію, осмотрѣвъ берега Ѳракійскаго Боспора, сказалъ объ основателѣ Халкедона, что онъ былъ слѣпъ, потому что не выбралъ такой превосходной мѣстности, какую занимала Византія. Во время Константина этотъ послѣдній городъ представлялъ печальныя развалины, будучи разрушенъ лѣтъ за сто передъ тѣмъ въ эпоху междоусобныхъ войнъ, раздиравшихъ имперію. На немъ-то великій императоръ остановилъ свой выборъ и основалъ здѣсь другой Римъ, другой вѣчный городъ.

Изъ Чернаго моря въ Мраморное ведетъ узкій проливъ, который змѣею извивается между гористыми берегами. Со стороны Чернаго моря берега эти круты, мѣстами обнажены, скалисты и представляютъ довольно дикій видъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ очерки ихъ болѣе и болѣе смягчаются, и особенно живописнымъ является болѣе возвышенный европейскій берегъ. Довольно богатая растительность покрываетъ его вершины и скаты; тутъ между прочимъ красуются широковѣтвистые платаны и кедры, и привлекаютъ своею темною зеленью рощи пирамидальныхъ кипарисовъ. Тамъ, гдѣ проливъ, или такъ называемый Боспоръ Ѳракійскій, сливаетъ свои воды съ водами Мраморнаго моря, онъ отдѣляетъ отъ себя вѣтвь, которая далеко врѣзывается въ европейскій берегъ. Этотъ длинный и узкій заливъ еще у древнихъ носилъ названіе Керасъ, т. е. рогъ, такъ какъ къ концу онъ нѣсколько загибается и напоминаетъ бычачій рогъ. Впослѣдствіи ему дали названіе Золотаго рога. Полуостровъ или уголъ, омываемый съ одной стороны Мраморнымъ моремъ, а съ другой Золотымъ рогомъ, и упирающійся своею вершиною въ Боспоръ, есть то мѣсто, на которомъ раскинулся дивный городъ.

Константинополь подобно древнему Риму расположенъ на семи холмахъ, и подобно ему былъ раздѣленъ на четырнадцать частей. Эти семь холмовъ представляютъ гребень, который перерѣзывается долинами. Холмъ, залегающій на оконечности полуострова, есть главная часть города, или Византійскій акрополь. Здѣсь сосредоточивались важнѣйшія и наиболѣе великолѣпныя постройки, такъ какъ почти весь

---

[1] *Сарды*—столица древняго Лидійскаго царства.—[2] *Ѳессалоника*—македонскій городъ, въ римскую эпоху—столица Македоніи.

этотъ холмъ былъ занятъ императорскимъ дворцомъ и примыкавшими къ нему храмами и площадями. Дворецъ представлялъ цѣлый лабиринтъ роскошныхъ залъ, покоевъ, портиковъ, перистилей, храмовъ, часовенъ, внутреннихъ дворикoвъ, термъ [1], садовъ и т. п. Основанный Константиномъ Великимъ, онъ потомъ постепенно расширялся и увеличивался новыми постройками, которыя совершены разными императорами. Внутренности залъ и покоевъ были изукрашены золотомъ и мозаичными изображеніями; галлереи и площадки представляли пріятную перспективу своими мраморными колоннадами разныхъ цвѣтовъ, а также мраморными и бронзовыми статуями. Разныя отдѣленія этого дворца-лабиринта носили разныя названія.

Извнѣ къ дворцовымъ зданіямъ примыкали Ипподромъ [2] и форумъ Августеонъ. Ипподромъ представлялъ выровненную продолговатую площадь, обнесенную стѣнами, украшенную посрединѣ рядомъ нѣсколькихъ громадныхъ колоннъ и обелисковъ. При началѣ Ипподрома находился особый дворецъ, съ эстрады котораго императоръ и его дворъ смотрѣли на ристанія. Форумъ Августеонъ, т. е. Священный, представлялъ площадь, окруженную галлереей изъ аркадъ; посрединѣ онъ имѣлъ четырехугольную тріумфальную арку съ большимъ крестомъ наверху, по бокамъ котораго стояли фигуры Константина и его матери Елены. Изъ числа статуй и колоннъ, красовавшихся на этомъ форумѣ, особенно замѣчательна колоссальная конная статуя Императора Юстиніана, изображеннаго въ видѣ Ахиллеса.

Одною своею стороною форумъ Августеонъ примыкалъ къ первому святилищу Византіи, храму св. Софіи. Въ оградѣ императорскаго дворца заключалось много изящныхъ храмовъ и базиликъ, но всѣ они далеко уступали Св. Софіи, которая служила вмѣстѣ и придворнымъ императорскимъ храмомъ, и главною соборною церковью всей столицы. Греки любили давать своимъ храмамъ имена въ честь божественныхъ свойствъ и добродѣтелей. Такъ неподалеку отъ св. Софіи, или премудрости Божіей, находится храмъ св. Ирины, т. е. храмъ мира, или согласія, построенный Константиномъ В. Далѣе къ западу на IV-мъ холмѣ находился величественный храмъ св. Апостоловъ, въ которомъ погребались византійскіе императоры. Многіе замѣчательные храмы, монастыри, термы, водопроводы, форумы, монументальныя колонны и статуи были разсѣяны по обширной Византіи. Было еще и нѣсколько особыхъ дворцовъ.

Весь Константинополь былъ окруженъ стѣнами со многими башнями: но особенною крѣпостію и массивностію отличались большія стѣны, защищавшія его съ сухаго пути; онѣ были двойныя и опирались однимъ концомъ въ Золотой Рогъ, а другимъ въ берегъ Мраморнаго

---

[1] *Термы*—горячіе и теплые ключи, бани.—[2] *Ипподромъ*—ἱππόδρομος, циркъ

моря. Изъ многихъ воротъ, заключавшихся въ этихъ большихъ стѣнахъ, наиболѣе знамениты Золотыя, названныя такъ по своимъ украшеніямъ; они прилегали къ сторонѣ Мраморнаго моря. Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, внутри города, на VII холмѣ, расположенъ былъ Студійскій монастырь Іоанна Крестителя, одинъ изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ монастырей цареградскихъ. Монастырь этотъ замѣчателенъ для насъ по своему послѣдующему вліянію на русское монашество [1] и на русскую письменность. За большими стѣнами лежало Пегійское предмѣстье съ загороднымъ дворцомъ и храмомъ Богородицы. Пегійскимъ онъ названъ по источникамъ, тамъ находившимся. За тѣми же стѣнами расположены были и другіе селенія и монастыри. Между прочимъ на берегу Золотаго Рога за Влахернами лежало предмѣстье съ монастыремъ св. мученика Меамы. Въ этомъ предмѣстьѣ обыкновенно проживали русскіе торговцы, приходившіе въ Константинополь на своихъ лодкахъ однодеревкахъ. Золотой Рогъ служилъ превосходною гаванью, въ которой находили себѣ удобную стоянку многочисленныя торговыя и военныя суда. На другой сторонѣ этого залива, тамъ, гдѣ онъ соединяется съ Боспоромъ, лежало предмѣстье Галата, носившее прежде названіе Сике [2], т. е. смоковницы. Отъ этого предмѣстья къ оконечности Константинопольскаго полуострова, въ случаѣ надобности, протягивались желѣзныя цѣпи, которыя запирали входъ въ Золотой Рогъ. На противоположной сторонѣ Боспора лежало другое большое предмѣстье, или пригородъ Константинополя — Хризополисъ, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Скутари. По обоимъ берегамъ Боспора разсѣяны были селенія, монастыри, загородныя виллы и т. п.

Иловайскій.

Софійскій храмъ *.

Какое перо въ состояніи изобразить красоту Софійскаго храма! Извнѣ, съ трехъ сторонъ, его окружали величественные закрытые портики, или притворы, а внутри онъ представляетъ чрезвычайно пріятную перспективу: это продолговатый овалъ, по бокамъ обрамленный двухъ-ярусной колоннадой. Нижніе ряды колоннъ поддерживаютъ верхнюю галлерею, которая идетъ вокругъ стѣнъ внутри всего храма, за исключеніемъ абсида, или алтарной части. Эта галлерея составляла обычную принадлежность византійскихъ церквей и называлась гинекеемъ [3], потому что назначалась для женскаго пола, который у Грековъ

---

[1] Уставъ Студійскаго монастыря введенъ св. Θеодосіемъ въ Кіево-печерскій монастырь; уставъ этотъ сдѣлался потомъ общимъ для всѣхъ монастырей русскихъ.—[2] ὁ συχῆ.

* Сличеніе плана этого описанія съ слѣдующимъ укажетъ вновь зависимость плана отъ особенностей описываемыхъ предметовъ. См. прим. къ статьѣ «Уралъ».

[3] *Гинекей*—γυναικεῖον.

слушалъ богослуженіе отдѣльно отъ мужскаго. Надъ серединною частью зданія возвышается обширный куполъ очень мало выпуклый, у основанія своего имѣющій многочисленные просвѣты и потому кажущійся необыкновенно легкимъ. По гармоніи частей, изящной простотѣ и выдержанности стиля [1], Софійскій храмъ и въ настоящее время представляетъ первое зданіе въ мірѣ; римскій соборъ св. Петра далеко уступаетъ ему въ этомъ отношеніи. Но должно представить себѣ, какое сильное впечатлѣніе производилъ этотъ храмъ своими внутренними украшеніями, т. е. разноцвѣтными мраморами и роскошными мозаиками, которые покрывали его стѣны! Строитель Софіи Юстиніанъ I[2] имѣлъ полное право въ день освященія храма воскликнуть: «Слава Всевышнему, который удостоилъ меня совершить это дѣло. Я превзошелъ тебя, Соломонъ!» Со времени мусульманскаго ига внутреннія украшенія скрыты подъ густымъ слоемъ штукатурки, а снаружи зданіе обезображено разными пристройками.

Иловайскій.

Мечеть въ Кордовѣ.

Мечеть въ Кордовѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ Арабовъ: она начата была въ концѣ VIII вѣка, вскорѣ послѣ завоеванія Кордовы. Первымъ дѣломъ Арабовъ при завоеваніи всякаго города было тотчасъ же построить мечеть и завести школу.

Въ противоположность всѣмъ народамъ, Арабы какъ въ своихъ колоссальныхъ памятникахъ, такъ и въ простыхъ домахъ не только пренебрегали наружностью, но словно съ намѣреніемъ дѣлали ее какъ можно проще, какъ можно обыкновеннѣе, сосредоточивая всю роскошь украшеній на одну внутренность зданія. Такъ наружность мечети нисколько не приготовляетъ къ тому поразительному впечатлѣнію, которое испытываешь, войдя въ нее. Вдругъ вступаешь въ лѣсъ мраморныхъ колоннъ: глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ ихъ, теряющихся въ сумрачной дали; рѣдкія маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полусумракъ, царствующій здѣсь, еще болѣе увеличиваетъ необыкновенность впечатлѣнія.

Верхъ этого огромнѣйшаго храма состоитъ изъ полукруглыхъ, подковою, арокъ, опирающихся на колонны изъ бѣлаго, желтаго, зеленаго мрамора, яшмы, порфира. Самымъ любимымъ украшеніемъ испанскихъ Мавровъ была эта арка подковою; они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античнымъ и древнехристіанскимъ искусствомъ, словно не удовлетворяла ихъ: тревожный духъ восточныхъ племенъ требовалъ формы, которая представ-

---

[1] т. е. стиля *византійскаго*.—[2] *Юстиніанъ* I, византійскій императоръ († 565).

ляла бы глазамъ живую игру силы; и дѣйствительно, въ арабской аркѣ есть что-то смѣлое, игривое.

Не стану говорить о прежнихъ украшеніяхъ мечети. Довольно сказать, что и теперь еще, не смотря на христіанскую передѣлку средины ея, здѣсь осталось болѣе 900 колоннъ! При Арабахъ храмъ днемъ и ночью освѣщался висячими лампадами; ихъ было нѣсколько тысячъ.

Ходишь словно по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные, переплетающіеся своды. Онѣ не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и безъ пьедесталовъ,—кажется, словно растутъ изъ земли. Колонны большею частью взяты изъ античныхъ зданій, частію сдѣланы по ихъ образцу, но съ примѣсью арабской фантазіи. Надъ ними и подъ навѣсомъ главныхъ арокъ находятся еще небольшія четырехугольныя колонки, соединенныя межъ собою полукруглыми маленькими дугами, и сверхъ того плоская дубовая крыша, нѣкогда украшенная роскошными рѣзными, золочеными арабесками.

До 1528 года мечеть оставалась нетронутою, хотя и обращенною въ церковь, но тогда духовенство Кордовы, не смотря на сопротивленіе городоваго совѣта, выпросило у Карла V [1] позволеніе продѣлать окно, и вмѣсто окна сдѣлало въ самой срединѣ мечети огромный придѣлъ, по величинѣ своей настоящій храмъ въ готическомъ стилѣ. Умный Карлъ V, узнавши объ этомъ, очень жалѣлъ, что не сохранили вполнѣ такого колоссальнаго и единственнаго въ Испаніи памятника арабскаго религіознаго творчества. Въ другомъ мѣстѣ эта пристройка составила бы превосходный соборъ, но здѣсь она нарушаетъ только впечатлѣніе зодчества восточнаго. Кромѣ этого, маленькіе придѣлы обезображиваютъ невыразимую простоту арабскаго храма, въ которомъ все дышало единствомъ.

Къ счастію остались возлѣ алтарей нѣкоторые слѣды богослуженія мечети: три или четыре фонтана, служившіе для омовенія, и часовня созерцанія—довольно большая нишь, означавшая во всѣхъ мечетяхъ ту сторону, гдѣ находится Мекка; сюда должны были обращаться правовѣрные въ своихъ молитвахъ. Надобно видѣть, съ какою изящною роскошью украсила ее арабская фантазія! Вся она изъ самаго чистаго бѣлаго мрамора съ маленькими колонками, окруженными мозаикою изъ цвѣтныхъ кристалловъ; всюду разбросаны изреченія Корана; буквы изъ золоченыхъ кристалловъ, и около всего этого вьются самые роскошные, самые капризные арабески.

Боткинъ.

---

1 *Карлъ* V—германскій императоръ (1519—58 г.); какъ испанскій король, называется Карломъ I (см. о немъ въ отд. «Повѣствованій»).

Севильскій соборъ*.

Въ концѣ XIV вѣка соборный причтъ вздумалъ на мѣстѣ арабской мечети, обращенной въ церковь, построить новый храмъ, но такой, подобнаго какому не было въ цѣломъ мірѣ. Неизвѣстно, кто былъ его архитекторомъ, но замѣчательно то, что на постройку его почтенный причтъ отдалъ всѣ свои доходы, оставя себѣ одно только необходимое, и черезъ 90 лѣтъ міръ имѣлъ зданіе, по огромности своей уступившее впослѣдствіи одному только храму св. Петра въ Римѣ.

Внутренность храма состоитъ изъ пяти сводовъ самаго чистаго готическаго стиля, раздѣленныхъ колоннами; средній сводъ высоты неимовѣрной: внутренность готическихъ храмовъ Германіи, Франціи, Англіи, даже самаго Миланскаго собора бѣдна передъ этою страшною громадою; колонны, толщиною съ башни, кажутся тонкими и легкими въ неимовѣрной высотѣ этихъ сводовъ; 80 огромныхъ расписныхъ оконъ освѣщаютъ храмъ; боковыя трубы органа походятъ на трубы пароходовъ, но подъ сводами храма звуки этихъ по истинѣ іерихонскихъ трубъ разносятся мелодически. Вокругъ идутъ придѣлы, каждый въ обыкновенную церковь, но колоссальность зданія такова, что ихъ не замѣчаешь. Главный алтарь (retablo) посреди церкви и съ трехъ сторонъ, во всю страшную вышину, покрытъ рѣзьбою изъ дерева въ самомъ фантастическомъ готическомъ вкусѣ: это безчисленныя башни, ниши, статуи, вѣтви самой тщательной работы. Посреди алтаря похоронено было прежде тѣло Христофора Колумба; памятника нѣтъ: только на мѣдной доскѣ, покрывающей могилу, вырѣзаны слова: «Кас-

---

* Сличеніе плана и отдѣльныхъ предметовъ этого описанія съ планомъ и предметами слѣдующаго описанія того же храма (Д. Григоровича) послужитъ къ составленію понятія о различіи описанія краткаго и полнаго. По составленіи обоихъ плановъ, слѣдуетъ отыскать соотвѣтствующія части обоихъ, и тогда это различіе ясно: ряду отдѣльныхъ распространенныхъ частей описанія Д. Григоровича здѣсь соотвѣтствуетъ рядъ предложеній, раздѣленныхъ точкою съ запятой («Внутренность храма—работы»). Отдѣльная часть описанія Боткина («Художественное богатство собора») соотвѣтствуетъ второй половинѣ описанія общаго вида собора въ статьѣ Д. Григоровича («Тутъ можете вы прослѣдить...») Слѣдуетъ сличить и отдѣльныя выраженія общихъ понятій 1-го описанія съ выраженіемъ частныхъ понятій 2-го:

«Картины первоклассныхъ художниковъ»	—«Антоній Падуанскій».
«Сколько... тутъ произведеній искусствъ»	—«скульптурныя изображенія сценъ изъ ветхаго и новаго завѣта и святыхъ... рѣзьба, колонны, мозаика, рѣдкія картины» и пр.
«Сколько... тутъ великолѣпія»	—«изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора...», «...драгоцѣнными подсвѣчниками».

тильѣ и Леону новый міръ далъ Колумбъ». Впослѣдствіи тѣло Колумба перевезено было въ соборъ Гаванны[1].

Художественное богатство собора поразительно. Картины первоклассныхъ художниковъ наполняютъ придѣлы, залы, галлереи... не знаешь, куда смотрѣть: я цѣлую недѣлю ходилъ въ соборъ и каждую недѣлю выходилъ оттуда съ новымъ изумленіемъ: столько разсыпано тутъ произведеній искусства, великолѣпія, изящества, разсыпано съ тою величавою небрежною роскошью, о которой можетъ дать понятіе одна Италія. Описывать Севильскій соборъ нѣтъ возможности—для этого надо было бы написать цѣлую книгу.

Въ предѣлахъ его соединены всѣ стили: и строгій готическій[2], и стиль возрожденія[3], и особенный испанскій[4], отличающійся самою безумною расточительностію украшеній; тутъ есть и рококо[5]... каждый вѣкъ строилъ свой придѣлъ, и при всемъ томъ соборъ еще не вполнѣ отдѣланъ. Эти храмы среднихъ вѣковъ строились какими-то титанами: въ наше время подобныя зданія невѣроятны, невозможны....

Но въ противоположность всѣмъ готическимъ церквамъ въ Европѣ, наружность собора очень проста: безъ великолѣпныхъ порталовъ, безъ кружевныхъ башенъ. Колокольнею ему служитъ бывшій арабскій минаретъ, построенный архитекторомъ аль-Геборъ, будто бы изобрѣтателемъ алгебры; въ XVI вѣкѣ подняли ее на нѣсколько этажей: теперь это самая оригинальная, изящная колокольня въ мірѣ.

Боткинъ.

Севильскій соборъ*.

Сверху[6] соборъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти террасы, окруженныя каменными балясинами и идущія одна за другою, это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ[7]—принадлежатъ одному строенію. Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія.

Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго обще-

---

[1] Гробъ Колумба открытъ 15 сентября 1877 г. не въ Гаваннѣ, гдѣ его прежде предполагали, но въ Санъ-Доминго.—[2] *Готическій* стиль—германскій съ XIII в.; отличительныя его особенности: остроконечная арка и стрѣльчатыя башни.—[3] Стиль *возрожденія* (ренессансъ), въ XVI в. смѣнившій ст. готическій, состоялъ въ подражаніи италіанскимъ архитекторамъ, пользовавшимся античными формами.—[4] Называемый здѣсь *plateresco*.—[5] Стиль *рококо*—черезъ-чуръ изукрашенный, смѣнившій въ концѣ XVI в. ренессансъ.

* См. примѣчаніе къ предъидущему описанію.

[6] Съ колокольни, которая примыкаетъ къ собору (см. конецъ предъидущаго описанія).—[7] *Контрфорсъ*—боковой устой для поддержки зданія.

характернаго стиля. Онъ начатъ еще Арабами. Главная часть мечети и теперь совершенно цѣла: она выходитъ во дворъ, сохранившій прежнее свое назначеніе сада; цѣлъ даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе; дворъ обсаженъ громадными апельсинными деревьями; они, говорятъ, посажены еще Арабами. Въ XIV столѣтіи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причтъ, владѣвшій тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было по обѣщанію. Основаніемъ плану служила такая мысль: «построить храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому міръ удивился бы!» Надо сказать, цѣль была достигнута. Для выполненія ея конечно много способствовали громадныя средства, но сравнительно съ тѣмъ, чтò осуществилось, средствъ однихъ было мало; къ такому результату могло привести только религіозное увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи постройка собора замедлялась и наконецъ вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже не кончится.

Приподнявъ кожаный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ. Его поддерживаютъ ряды колоннъ, которыя у капителей кажутся тоненькими, между тѣмъ какъ у основанія онѣ толщиною съ башню. Средній сводъ высоты необъятной; подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня [1]. По всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восемьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовенъ; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе, и строилось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія. Тутъ можете вы прослѣдить всевозможные стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до напыщеннаго рококо, который, попавъ подъ руку испанскимъ художникамъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сценъ изъ ветхаго и новаго завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ; колонны,

---

[1] *Ивановская колокольня* въ московскомъ кремлѣ имѣетъ $38\frac{1}{2}$ саж. вышины.

карнизы и фронтоны[1] изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины; мозаика и рѣдкія картины украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ уставлены кромѣ того распятіями, маленькими статуйками, драгоцѣнными подсвѣчниками, складнями[2], дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами перво-класснѣйшихъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи: тутъ между прочимъ и знаменитый св. Антоній Падуанскій Мурильо[3], картина, которую многіе считаютъ лучшимъ его произведеніемъ.

Но желаніе дать обо всемъ этомъ хотя даже приблизительное понятіе было бы безуміемъ. Бывая здѣсь каждый день впродолженіи круглаго года, все-таки невозможно всего высмотрѣть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростію, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмидесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ священнаго писанія; живопись принадлежитъ лучшей эпохѣ процвѣтанія живописи на стеклѣ; оригиналами служили рисунки первыхъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ мастеровъ эпохи возрожденія[4]. Такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутренней стѣны, то солнце освѣщаетъ ихъ попеременно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни войдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, спускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія; изламываясь на прихотливыхъ, мелкихъ граняхъ колоннъ, проходя сквозь облака ладона, закрадываясь въ глубокіе смуглые барельефы и завитки изъ дерева, захватывая мѣстами мозаику и позолоту, бросая пестрыя пятна на каменныя плиты пола съ изображеніемъ гербовъ и надписями, на живописныя группы преклоненныхъ молельщиковъ,—лучи эти дополняютъ магическій эффектъ собора, невольно приводятъ самаго равнодушнаго зрителя къ ощущенію чего-то близкаго экстазу[5].

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда—это иконостасъ (retablo) и хоръ, мѣсто, гдѣ органъ, и куда во время службы собирается причтъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ средину главнаго свода.

Retablo отгороженъ высокой бронзовой рѣшеткой во вкусѣ бога-

---

[1] *Фронтонъ*—треугольная частьстѣны, примыкающая къ обоимъ склонамъ крыши.—[2] *Складни*—складныя иконы.—[3] *Мурильо*—Испанскій живописецъ († 1682).—[4] См. стр. 47, выноску 3-ю.—[5] Описаніе различныхъ украшеній храма подъ лучомъ солнца даетъ живое представленіе внутренности храма и потому составляетъ художественную часть этого описанія.

тѣйшаго renaissance[1]: за нею, во всю ширину свода, отъ колоннъ до колоннъ идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой: тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ аналоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, драгоцѣнной столько же по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ, все пространство между колоннами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можно судить уже по тому, что на retablo изображенъ весь ветхій и новый завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймою, изрытой какъ медовый сотъ, покрытой херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами[2]. Страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе, чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, свободно отъ рутины, дышетъ чѣмъ-то индивидуальнымъ, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенія. Барельефы, въ которыхъ фигуры вышиною около аршина, выполнены чуть-ли еще не съ бóльшимъ мастерствомъ.

Хоръ точно также весь деревянный. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ исполосовано высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзьбой; все, что только могла придумать готика, все, что присоединило къ ней потомъ пламенное воображеніе испанскихъ художниковъ, является здѣсь въ самомъ полномъ, самомъ пышномъ видѣ. Толстые томы гравюръ, десятки тысячъ фотографій, цѣлыя коллекціи гипсовыхъ слѣпковъ конечно не передадутъ вполнѣ невѣроятное изобиліе этихъ деталей, которыя при безконечномъ разнообразіи формъ сливаются все-таки въ одно гармоническое, очаровательное цѣлое. Глядя на такія работы, невольно падаешь духомъ, когда мысленно переносишься къ тому, что̀ теперь производится въ томъ же родѣ....

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ. Трубы его, толстыя какъ колонны, украшены также деревянною рѣзьбою. Въ хорѣ участвуютъ болѣе ста пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя подтягиваютъ дискантомъ, въ то же время перелистывая пудовыя нотныя книги, воздвигнутыя на вертящихся скульптурныхъ аналояхъ. Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ: человѣческіе голоса и звуки органа теряются въ отдаленіи; прислушиваешься—точно поютъ нѣсколько серафимовъ, ко-

---

[1] См. стр. 47, выноску 3.—[2] *Химера*—баснословное чудовище съ передомъ льва и задомъ дракона; также—вообще фантастическое изображеніе.

торые скрылись гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой высотѣ главнаго свода.

Между хоромъ и retablo возвышается бронзовый подсвѣчникъ. Его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилой какого-нибудь важнаго прелата; онъ служитъ поддержкою восковой свѣчи, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу: это цѣлая мачта.

Въ годъ сжигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе таинства причащенія выходитъ до восемнадцати литровъ [1]; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пятисотъ службъ. По этому предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ севильскаго собора.

Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ. Здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одна изъ нихъ помѣщается на особыхъ народныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Рѣзные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоцѣнною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ.

Словомъ, описать соборъ и все, что̀ въ немъ заключается, невозможно. Повторяю вамъ: при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ, и мысли путаются.

Д. Григоровичъ.

Пирамиды *.

Пирамиды, когда на нихъ глядишь издали, поражаютъ своимъ величіемъ, тѣмъ болѣе, что воображеніе заранѣе приготовлено къ чудесному, но по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ нимъ, онѣ сжимаются, мельчаютъ, принимаютъ обыкновенный видъ, и наконецъ вамъ представляется огромная, конусообразная масса обтесанныхъ камней, сложенныхъ одинъ на другой уступами и выведенныхъ въ одну точку вверхъ. Нѣкогда пирамиды были одѣты плитами. Все пространство внутри ихъ выполнено такими же камнями, кромѣ двухъ-трехъ комнатъ, большею частію расположенныхъ одна надъ другою, до которыхъ съ трудомъ можно достигнуть ползкомъ, съежившись, по темнымъ и низкимъ кор-

---

[1] *Литръ* $^2/_{25}$ русскаго ведра.

* Описаніе краткое сравнительно съ послѣдующимъ описаніемъ того же предмета, Норова. Сличеніе обоихъ должно выяснить причину этой краткости, насколько она раскрывается изъ самаго отрывка; для этого слѣдуетъ сравнить чувства и думы обоихъ авторовъ, возбуждаемыя описываемыми предметами.

ридорамъ, да еще, можетъ быть, нѣсколькихъ неизвѣданныхъ подземелій.

Основаніемъ пирамидъ служитъ срѣзанная и сглаженная скала. Входъ стережетъ гигантскій сфинксъ [1] съ задумчивой физіономіей, избитый временемъ и, кажется, сокрушающійся о томъ, что оно не совсѣмъ истребило его и допустило быть свидѣтелемъ другой эпохи, жалкой эпохи, другихъ событій, невѣроятныхъ событій для сфинкса фараоновыхъ временъ.

До сихъ поръ несправедливо считали пирамиды высочайшимъ зданіемъ въ мірѣ: колокольня въ Ревелѣ друмя-тремя футами выше ихъ. Изчислено, что если разобрать одну пирамиду, то изъ камней ея можно складать невысокую стѣну вокругъ всей Франціи. Боже мой, сколько труда, сколько поту и крови человѣческой пролито! Теперь самымъ справедливымъ мнѣніемъ считается, что эти пирамиды служили гробницами фараоновъ; такъ вотъ для какой суетной цѣли [2] жертвовали тысячами людей! Но пусть лучше за насъ говоритъ самъ Геродотъ [3]. Вотъ какъ строились пирамиды:

«Передъ начатіемъ работъ Хеопсъ [4] закрылъ храмъ и запретилъ жертвоприношенія; все было устремлено къ одной цѣли. Нѣкоторые изъ Египтянъ были осуждены тесать камни въ аравійскихъ горахъ и доставлять ихъ оттуда къ Нилу; другіе перевозили эти камни черезъ рѣку, тащили ихъ изъ Ливіи къ мѣсту построекъ. Сто тысячъ человѣкъ, перемѣняемыхъ каждые три мѣсяца, были безпрестанно заняты работами, и десять лѣтъ едва были достаточны для того только, чтобы устроить дорогу для перевозки камней. Сооруженіе самой пирамиды, носящей имя Хеопса, продолжалось 20 лѣтъ [5]». Къ этому надо прибавить, что механическія пособія не были извѣстны во время фараоновъ. Изображенія на стѣнахъ древнихъ храмовъ сохранили намъ въ точности тогдашній способъ перевозки камней: тысяча человѣкъ, запряженныхъ веревками въ полозья, перевозятъ на себѣ колонну или камень.

Признаюсь, я смотрѣлъ не съ восторгомъ, къ которому былъ подготовленъ всѣми описаніями путешествій по Египту, но съ невольнымъ ужасомъ на эту громаду, свидѣтельствующую въ теченіи пяти тысячъ лѣтъ о тиранствѣ фараоновъ [6].

Е. Ковалевскій.

---

[1] *Сфинксъ*—см. ниже стр. 54, строка 9 сверху.—[2] Сличи съ выноской 1-й 54 стр. описанія Норова и съ строками 12—14 стр. 53.—[3] *Геродотъ*—греческій историкъ V в. до Р. Х. — [4] *Хеопсъ*—царь Египта (1182—1132 до Р. Х.)—[5] CXXIV.—[6] Взглядъ автора на произведеніе религіознаго искусства Египтянъ представляетъ рѣзкую противоположность со взглядомъ на тотъ же предметъ Норова (стр. 54, вын. 1-я и 55 стр., вын.).

Пирамиды.

Послѣ Вардана, на западномъ берегу Нила, видно рѣзкое сочетаніе песковъ Ливіи съ чернымъ тукомъ Нила; во многихъ мѣстахъ одерживаетъ побѣду пустыня, и ея видъ необозримъ. Вскорѣ оба берега дѣлаются пусты; кой-гдѣ стада верблюдовъ бродили по дикому берегу, но только что мы начали огибать островокъ, который лежитъ противъ Ашмуна,—намъ открылись пирамиды... Тутъ я потерялъ изъ виду все другое....

Взглядъ на сіи чудесныя громады внушаетъ какую-то гордость человѣку, показывая ему, до какой степени онъ могущъ, что дѣла рукъ его, ненавидимыя стихіями, существуютъ съ младенческихъ вѣковъ земли [1]. Если какой-нибудь земной памятникъ можетъ говорить о нетлѣніи, то это пирамиды! И такъ высокая цѣль Египтянъ безпрестанно напоминать о будущемъ,—исполнена.

Двѣ большія пирамиды были уже совсѣмъ видны, но игрою отраженія атмосферы онѣ казались закругленными снизу, въ видѣ скирдъ. Высота ихъ даетъ уже полное понятіе о ихъ огромности. Вскорѣ онѣ обозначаются правильными конусами,—должно бъ сказать *пирамидами*, потому что эта геометрическая фигура получила отъ нихъ свое названіе. При поворотѣ у Таліе онѣ представляются въ концѣ перспективы Нила, и уже совсѣмъ обрисованныя, высятся въ ихъ настоящей ливійской красотѣ, среди голаго песка. Вершина большей пирамиды примѣтно тупа, другія же совершенно остроконечны. Мѣняющіяся тѣни дня поперемѣнно даютъ разные оттѣнки бокамъ пирамидъ; онѣ дѣлаются то голубыми, то лиловыми, то желтыми, а между нихъ начинаетъ открываться синій хребетъ горъ Мокатама...

По странной игрѣ оптики [2], замѣченной уже многими путешественниками пирамиды, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, кажутся какъ бы менѣе огромными, чѣмъ издали. Это происходитъ, по моему мнѣнію, отъ того, что издали онѣ имѣютъ лазоревый цвѣтъ дальности, рѣзко обозначающій ихъ на пустынномъ пространствѣ и на ясномъ горизонтѣ, но съ приближеніемъ къ нимъ, онѣ принимаютъ желтоватый цвѣтъ тѣхъ камней, изъ которыхъ построены, и такимъ образомъ сливаются съ тѣмъ же желтымъ цвѣтомъ песчаной пустыни, которая ихъ окружаетъ.

Очеркъ сфинкса обозначается, какъ скоро проѣдешь уединенную деревеньку Бедуиновъ, расположенную у подножія каменной гряды, на которой основаны пирамиды, и откуда начинается Ливійская пустыня. Онъ виденъ и прежде, но по его огромности думаешь ви-

---

[1] Сравни со взглядомъ автора предъидущаго описанія на тотъ же предметъ.—[2] *Оптика*—вообще ученіе о свѣтѣ; въ тѣсномъ смыслѣ — всѣ явленія, зависящія отъ прямолинейнаго распространенія свѣта.

дѣть груду развалинъ, — какъ вдругъ онъ предстаетъ лицомъ къ лицу, вперивъ огромныя очи на изумленнаго пришельца....

Ни одинъ изъ нашихъ европейскихъ рисунковъ не можетъ дать настоящаго понятія ни о пирамидахъ, ни о сфинксѣ: напримѣръ, во всѣхъ картинахъ черты сфинкса уродливы, между тѣмъ какъ въ натурѣ онѣ исполнены высокой задумчивости; эта задумчивость, чѣмъ болѣе вы на него глядите, переходитъ къ вамъ въ душу, приготовляетъ васъ къ чему-то сверхъестественному и дѣлаетъ приближеніе къ пирамидамъ истинно торжественнымъ. Здѣсь все говоритъ вамъ о мірѣ быломъ, о мірѣ чудесъ.... Этотъ дивный придверникъ, глубоко засыпанный прахомъ столькихъ поколѣній, подъемлетъ изъ него колоссальную главу свою и давно, давно глядитъ на святой востокъ [1].

Сфинксъ изсѣченъ изъ скалы у подошвы пирамидъ. Всѣмъ извѣстно, что изваяніе сфинксовъ изображаетъ по большей части голову человѣческую съ львинымъ покоющимся туловищемъ, и что ихъ лицо часто представляетъ портреты фараоновъ... Онъ занесенъ пескомъ сзади по самый затылокъ. Новѣйшіе путешественники Кальо и Сальтъ отрывали его изъ песку спереди до его подошвы; теперь онъ виденъ до оконечности шеи, потому что Кальо опять его засыпалъ, не желая, чтобъ другіе пользовались его трудами. Вслѣдствіе открытій этихъ двухъ путешественниковъ мы теперь знаемъ, что между двухъ лапъ этого колосса образованъ небольшой храмъ, при входѣ котораго лежитъ левъ, обращенный лицомъ къ сфинксу; видны также остатки другихъ львовъ. Въ преддверіи храма стоитъ гранитный жертвенникъ, къ которому сходъ по 32 ступенямъ, и на которомъ видны еще слѣды огня отъ жертвоприношеній. Еще подалѣе—другой жертвенникъ. Въ грудь сфинкса вдѣлана большая гранитная доска съ гіероглифическими начертаніями, гдѣ между прочимъ видно кольцо, изображающее имя фараона Тутмозиса III. Отъ подошвы простертыхъ лапъ сфинкса до темени 65 футовъ. Лѣвая лапа испещрена греческими надписями въ честь нѣкоторыхъ боговъ... Спина сфинкса, занесенная пескомъ, нѣсколько обозначается. Возлѣ праваго плеча виденъ большой провалъ въ подземелье. Длина колосса—болѣе 100 футовъ. Лицо сфинкса сохранило слѣды красной краски, которой оно было покрыто; та же красная краска видна въ храмѣ, находящемся у ногъ чудовища.

По грудамъ разрушенія и глыбамъ песку достигъ я большой пирамиды. Чтобъ судить о непомѣрной огромности пирамидъ, надобно по-

---

[1] Одушевленіе сфинкса (отсюда метафоры: *подъемлетъ и глядитъ*) имѣетъ цѣлію указать на связь былыхъ языческихъ временъ (когда сфинксъ изваянъ) съ будущимъ распространеніемъ христіанства до предѣловъ Египта: отъ того «глядитъ *на востокъ*». Вообще во всемъ описаніи авторъ стоитъ на высотѣ историческаго взгляда.

дойти къ самой ихъ подошвѣ. Далѣе, глядя отъ сфинкса, я не могъ имѣть настоящаго понятія объ ихъ колоссальности. Та же самая игра оптики, о которой я говорилъ, продолжается и тутъ. Надобно встать не на углахъ пирамиды, а по срединѣ одной изъ ея сторонъ, противъ перпендикуляра, опущеннаго отъ макушки на основаніе. Тутъ огромность ея подавляетъ самое воображеніе. Хотя эти отесанные камни показываютъ трудъ чьихъ-то рукъ, но вы едва вѣрите, чтобъ это было сдѣлано руками человѣческими; все это кажется вамъ сверхъестественнымъ для человѣка. Для сооруженія такой массы воображеніе подымаетъ изъ праха уже цѣлыя поколѣнія и невольно переноситъ васъ въ міръ идеальный[1]. Одинъ древній писатель[2], говоря о пирамидахъ, воскликнулъ: «Конечно, посредствомъ ихъ люди восходили къ богамъ, или боги нисходили кь людямъ[3]».

Большіе уступы ведутъ теперь на верхъ пирамиды. Это напоминаетъ сказанное Геродотомъ, какимъ образомъ созидались эти огромные памятники. Вотъ его слова: „Эта пирамида (большая) была построена уступами. Начавъ ее такимъ образомъ строить, камни подымали на первый уступъ посредствомъ машинъ, сдѣланныхъ изъ короткихъ кусковъ дерева: когда камень былъ доведенъ до этого уступа, его вкладывали въ другую машину, которая находилась на первомъ уступѣ; оттуда поднимали его посредствомъ третьей машины. Такихъ машинъ было столько же, сколько и уступовъ. По окончаніи этого труда пирамиды были облекаемы мраморомъ или гранитомъ, такъ что всѣ стороны были совершенно гладки. Эта работа производилась отъ верху до низу. Остатки такой мраморной одежды еще до сей поры видны на вершинѣ второй пирамиды. Не время совлекло съ пирамидъ ихъ великолѣпную одежду; вѣки не касалися ихъ: но это сдѣлали руки варваровъ[4]. Почти всѣ общественныя зданія Каира построены изъ остатковъ величія пирамидъ. Множество малыхъ пирамидъ и древнихъ пристроекъ были совершенно разрушены.

Входъ въ большую пирамиду находится съ сѣвера. Онъ извѣстенъ былъ Страбону и Плинію[5]. Нагроможденные обломки, при отысканіи входа, и нанесенный на нихъ изъ Ливійской пустыни песокъ образовали передъ нимъ большой холмъ, на который я взъѣхалъ верхомъ къ самому отверстію, нѣкогда столь таинственному.

Пока Арабы зажигали факелы и свѣчи, я сидѣлъ на отваленныхъ

---

[1] Историческій взглядъ автора усматриваетъ въ памятникахъ египетскаго искусства ту идею, которую оно было въ состояніи выразить и выразило.— [2] Philo Bysant.—[3] L. II. § 125.—[4] *Варваровъ*—необразованныхъ, которые, не имѣя высшихъ идей, не умѣютъ уважать идеи другихъ, а слѣд. и памятники, эти идеи выражающіе.—[5] *Страбонъ* см. стр. 16, выноску 1-ю; *Плиній*—римскій натуралистъ I в. по Р. Х.

гигантскихъ камняхъ, смотря въ страшную глубь и не вѣря самъ себѣ, что я проникну въ это баснословное святилище древняго міра.

Наконецъ я вступилъ въ мрачную внутренность. Два Бедуина шли передо мною съ факелами, и два позади. Этотъ каналъ, чрезъ который проникаютъ въ пирамиду, имѣетъ квадратное образованіе, высотою меньше обыкновеннаго роста человѣческаго, такъ что я долженъ былъ идти съ наклоненною головою; онъ опускается довольно покато подъ наклономъ слишкомъ 26°. Всѣ бока канала обложены большими плитами гранита, удивительно плотно и чисто связанными. Чтобъ не слишкомъ скользить по быстрому наклону, высѣчены на полу на каждомъ большомъ шагу, зарубы, но примѣтно, что эти зарубы принадлежатъ позднѣйшему времени, и что ихъ прежде не было. Пройдя около сорока большихъ шаговъ, я увидѣлъ, что каналъ прегражденъ большимъ гранитнымъ камнемъ. Эта преграда была нарочно устроена зодчимъ пирамиды, чтобъ остановить святотатственное любопытство потомства; но напрасно! Камень этотъ представилъ непреодолимую преграду, но за то, смежные съ нимъ камни, не гранитные, были пробиты, и гранитъ былъ обойденъ кругомъ съ правой стороны. Этотъ проходъ уже не такъ легокъ; должно было ложиться ницъ и ползти по грудамъ обломковъ, въ чаду горизонтально наклоненныхъ факеловъ и въ знойной духотѣ. Мы однако проползли небольшое пространство и вступили въ другой каналъ такого же размѣра, но который идетъ уже кверху также подъ угломъ 26°. Тутъ уже не видно было того слабаго луча дневнаго, который дотолѣ мерцалъ позади. Глубокій мракъ окружалъ насъ, и духота доходила до 30 градусовъ. Этотъ второй каналъ простирается на 55 шаговъ. Усталость отъ побѣжденнаго препятствія и постоянно согбенное положеніе чрезмѣрно истощаютъ силы. Наконецъ мы вышли изъ этого заключенія на малую платформу, и къ немалому моему удивленію я вдругъ увидѣлъ передъ собою высоко-выходящую и длинную галлерею самой странной наружности, сколько позволяла видѣть темнота; а горизонтально передо мною шелъ во мракѣ третій каналъ, подобный пройденнымъ. Направо въ стѣнѣ былъ виденъ квадратный нишъ; изъ этого ниша идетъ на самое дно пирамиды узкій спускъ, называемый колодеземъ. Большая галлерея вся обложена краснымъ гранитомъ и суживается кверху. Длина ея имѣетъ 59 большихъ шаговъ, высота 27 футовъ и отъ 7 до 8 въ ширину. Идущій подъ эту галлерею каналъ, образуя пустоту, препятствуетъ доступу къ галлереѣ; должно имѣть съ собою лѣстницу или подниматься съ пособіемъ людскихъ плечъ.

Послѣдуемъ прежде, куда легче пройти, — во мракъ нижняго канала. Надобно опять сгибаться и пройти такимъ образомъ пространство въ 127 футовъ; тогда вы войдете въ небольшую четверостороннюю комнату, 17-ти футовъ въ длину и 14-ти въ ширину, которую привыкли называть погребальною комнатою царицы. Тутъ нѣтъ

ничего любопытнаго кромѣ свода, который сложенъ пирамидально; тамъ налѣво виденъ узкій каналъ, ведущій въ погребальный сводъ.

Выйдя изъ этого гробоваго мѣста, послѣдуемъ въ верхній нишъ. Я уже сказалъ, что нужны особыя пособія, чтобы подняться туда. Съ помощію четырехъ Арабовъ, изъ которыхъ два, взлѣзши впередъ, готовились принять меня, а два поднимали на плечахъ снизу, упираясь о боковые уступы, я достигъ до вышесказаннаго подъема, на которомъ высѣчены упоры для ногъ. Дойдя до оконечности этой галлереи, я ступилъ на платформу, оттуда я вошелъ въ довольно большой покой, который называютъ погребальнымъ покоемъ царя. Вся эта комната составлена изъ большихъ камней краснаго гранита; потолокъ ея плоскій. Здѣсь все вниманіе обращаетъ на себя стоящій поперекъ, предъ восточною стѣною, саркофагъ. или гробница, также изъ гранитнаго камня, безъ всякихъ украшеній. На этой гробницѣ нѣтъ уже крыши, и прахъ мертвеца, если онъ тутъ былъ, давно уже развѣянъ. Нѣсколько летучихъ мышей, встревоженныхъ свѣтомъ нашихъ факеловъ, устремились навстрѣчу намъ. Достойно замѣчанія, что эта гробница по своей величинѣ не могла пройти въ узкій каналъ, который насъ привелъ сюда. Это ведетъ къ заключенію, что въ пирамидѣ есть еще много путей неизвѣстныхъ.

Усталость, а болѣе всего удушливая атмосфера заставляла меня предпринять обратный путь, послѣ полутора часа пребыванія въ этомъ таинственномъ заключеніи.

Выйдя изъ этого вѣковаго мрака и приведя нѣсколько въ порядокъ множество мыслей, пробужденныхъ во мнѣ симъ труднымъ путемъ, я невольно спросилъ себя: что же я нашелъ въ этой исполинской горѣ, нагроможденной цѣлымъ народомъ? Гробницу,—и то еще не совсѣмъ достовѣрно, гробница ли это. Можетъ ли быть, чтобы такая громада, превышающая все, что̀ доселѣ созидали люди, была воздвигнута для единственной цѣли—сохранить отъ бренія нѣсколько царскихъ труповъ!..[1]

Входъ на вершину большой пирамиды не представляетъ особенныхъ затрудненій, но онъ не безъ опасности, по величинѣ камней, образующихъ уступы. Эти камни не менѣе аршина въ ширину, но почти всегда болѣе; съ 42-й ступени отъ низу, уступы примѣтно увеличиваются и доходятъ до полутора аршина. Достигнувъ съ чрезвычайнымъ утомленіемъ вершины, я былъ довольно удивленъ, найдя тамъ обширную платформу почти въ 5 саж. квадратнаго пространства. Пирамида была остроконечная; это разрушеніе принадлежитъ еще вѣкамъ отдаленнымъ.

Видъ съ высоты пирамидъ торжественъ. Вся священная въ древности дельта, образованная расходящимися рукавами Нила, лежитъ передъ вами на сѣверѣ; она испещрена селеніями, пальмовыми рощами и яркою зеленью полей, рѣзко обрисованныхъ на тучномъ черноземѣ Ни-

---

1 Это сомнѣніе раздѣляютъ и другіе, изучавшіе исторію искусства.

ла. Этотъ Нилъ теряется какъ бы въ вѣчности, протягиваясь блестящей полосою на сѣверъ и на югъ. Съ востока весь Каиръ, съ купами мечетей, прислоненъ къ скаламъ Мокатами; далѣе цѣпь горъ Аравійскихъ заслоняетъ библейское море Чермное, которое безъ того могло бы быть видно, находясь менѣе ста верстъ отъ пирамидъ. Югъ и западъ обречены смерти. Безконечные пески ливійскіе уходятъ за горизонтъ, на западъ отъ пирамидъ; макушка второй пирамиды, еще увѣнчанная мраморомъ, кажется въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ. На югъ цѣлыя группы другихъ пирамидъ идутъ по направленію къ изчезнувшему въ пескѣ и подъ лѣсомъ пальмъ Мемфису. Гробы пережили столицу фараоновъ! Усталость физическая и умственная отъ воспоминаній, подавляющихъ воображеніе, заставила меня провести около двухъ часовъ на вершинѣ пирамиды. Тутъ я прочелъ множество именъ путешественниковъ всѣхъ вѣковъ, начертанныхъ на камняхъ; имя Наполеона, какъ по своей громкости, такъ и по крѣпкой рѣзьбѣ, бросается въ глаза.

Спускъ съ пирамиды страшнѣе, чѣмъ подъемъ. Надобно спускаться задомъ, и все по той же причинѣ, чтобъ высота не вскружила головы и чтобъ не споткнуться. Уже нѣсколько человѣкъ заплатили за этотъ сходъ своею жизнію. При моемъ нисхожденіи я занимался счетомъ уступовъ и сосчиталъ ихъ въ числѣ 202-хъ по сѣверовосточному углу.

По моему измѣренію, большая пирамида имѣетъ $100^1/_2$ саженъ въ основаніи и 70 саженъ въ вышину. Весь храмъ св. Петра въ Римѣ, считая тутъ же и крестъ, помѣстится въ пирамиду, которая сверхъ того превышаетъ крестъ храма св. Петра на нѣсколько саженей.

Проходя мимо подошвы второй пирамиды, я посѣтилъ одну любопытную гробницу, изсѣченную въ скалѣ. Двѣ гіены промчались мимо насъ возлѣ большой пирамиды...

Переправясь чрезъ Нилъ и вышедъ на берегъ нѣсколько ниже Джизе, мы направились по обработанному тщательно чернозему на деревеньку, мимо пальмовыхъ рощъ. Съ плотины называемой *Черный мостъ* и принадлежащей къ одному изъ каналовъ, разсѣкающихъ эту плодоносную плоскость, я невольно остановился полюбоваться видомъ большихъ пирамидъ, которыя отсюда такъ великолѣпно рисуются. Ихъ строгій колоссальный очеркъ, встающій изъ Ливійской пустыни разительно противорѣчилъ веселому ландшафту, окружавшему меня. [1].

Норовъ.

---

[1] Описаніе это отличается многосторонностію: авторъ описываетъ пирамиды съ Нила издали, отъ подошвы, внутри, сверху, и наконецъ съ канала. Выборъ точекъ зрѣнія при описаніи зависитъ 1) отъ предмета, т. е. свойствъ его и его обстановки (здѣсь: оптическое вліяніе на общій видъ пир.— руководило выборомъ 1-й и 2-й точекъ зрѣнія; устройство пирамиды—3-й и 4-й) и 2) отъ мысли, которая положена въ основаніе описанія (здѣсь: послѣдній видъ— съ 5-й точки зр., изящно заканчивающій описаніе,—представляетъ мертвыя пирамиды въ контрастѣ съ мѣстностью, полною жизни.

Рафаэлева Мадонна*.

Послѣдній, 156-й разъ Рафаэль принимался за кисть для изображенія Мадонны. Плодомъ этого послѣдняго, почти предсмертнаго вдохновенія была Мадонна Сикстова (Madonna di san Sisto), вѣнецъ Дрезденской галлереи.

Лучшій эстампъ ея принадлежитъ Мюллеру, но извѣстно, что славный граверъ кончилъ жизнь въ домѣ сумасшедшихъ, жертвою неразрѣшимой задачи передать рѣзцомъ невыразимое [1]. Передъ этою Мадонною Корреджіо почувствовалъ свое призваніе и воскликнулъ: an che io son pittore! (и я живописецъ!). Она одушевляла и нашего Жуковскаго: въ ней нашелъ онъ идеалъ своей поэзіи [2].

Богоматерь здѣсь не сидитъ, а шествуетъ изъ глубины небесной, наполненной Ангелами, прямо къ тому, кто ее созерцаетъ. Чудная сила перспективы и глубина мысли [3] сочетались здѣсь въ одномъ дѣйствіи: чѣмъ болѣе смотрите, тѣмъ ближе Богоматерь подходитъ къ вамъ, и на рукахъ, «какъ на престолѣ, смиренно и свободно [4],» несетъ она Спасителя человѣкамъ: въ очахъ ея сіяетъ божественный разумъ цѣломудрія, а въ очахъ младенца божественный разумъ премудрости [5]. Сложена на землю тіара папы: св. Сикстъ является здѣсь не папою, а благоговѣйнымъ старцемъ молельщикомъ. Лучъ отъ Мадонны просіялъ необыкновенною красотою на лицѣ великомученицы Варвары, которая улыбается, бесѣдуя съ двумя ангелами о чистѣйшей, и выражая тѣмъ мысль, что только въ невинности этихъ младенцевъ можно созерцать такое небесное видѣніе [6].

Шевыревъ.

„Преображеніе" Рафаэля.**

Мы можемъ по превосходной гравюрѣ Іордана изучить въ подроб-

---

* Авторъ обоихъ описаній («Мадонны» и «Преображенія») пользуется во введеніяхъ къ нимъ ознакомленіемъ читателя съ гравюрами описываемыхъ картинъ. По цѣли описаніе сличи съ разборомъ той же картины Жуковскаго (въ отд. «Разсужденій»).

1 О гравюрѣ упоминается настолько, насколько это нужно для выраженія неподражаемаго *искусства*, съ какимъ исполненъ сюжетъ картины, 156-й разъ избранный однимъ Рафаэлемъ; въ послѣдующемъ описаніи Гоголь во введеніи напротивъ останавливаетъ вниманіе на самомъ *сюжетѣ*, никогда никѣмъ не исполнявшемся дотолѣ.—2 Вторая часть введенія указываетъ на *силу впечатлѣнія*, производимаго картиною.—3 т. е. внѣшнее; достоинство изображенія (сила перспективы) сочеталось съ внутреннимъ (глубиною мысли); здѣсь игра словъ, т. е. собственнаго значенія (*глубина* фона картины вслѣдствіе сильной перспективы) и переноснаго (*глубина* мысли).—4 Слова Жуковскаго изъ его письма о той же картинѣ (см. отд. «Разсужденій»).—5 Въ обоихъ главныхъ лицахъ картины авторъ понялъ олицетвореніе двухъ высшихъ качествъ христіанскаго идеала.—6 Въ обоихъ второстепенныхъ лицахъ авторъ понялъ олицетвореніе двухъ добродѣтелей, необходимыхъ людямъ для постиженія обоихъ свойствъ идеала.

** О введеніи см. примѣч. (*) къ предъидущей статьѣ.

ности это великое произведеніе. Гравюра Іоардана имѣетъ то достоинство, что, чѣмъ болѣе въ нее вглядываешься, тѣмъ болѣе выступаетъ оригиналъ въ памяти того, кто имѣлъ счастіе его видѣть. Іорданъ употребляетъ свой штрихъ не такъ, какъ употребляютъ его многіе граверы. Онъ не любуется штрихомъ своимъ, не щеголяетъ имъ, но, сохраняя его мягкость и красоту, передаетъ имъ покорно выраженіе картины и всегда помнитъ, что для этой цѣли только и данъ штрихъ граверу. Такое сомоотверженіе гравера въ пользу подлинника и есть творчество въ нашемъ Іорданѣ. Семнадцать лѣтъ съ промежутками трудился онъ надъ эстампомъ Преображенія, и его постоянству и самоотверженію мы обязаны этимъ чудомъ гравировальнаго искусства[1].

По сказанію евангельскому мы знаемъ, что въ то самое время, какъ Преображеніе совершалось на Ѳаворѣ, внизу горы, нѣкто изъ народа привелъ сына своего, одержимаго бѣсомъ, къ апостоламъ и просилъ объ изцѣленіи, но они не могли изцѣлить его. Здѣсь направо отъ зрителя виденъ бѣснующійся; судороги исказили его лицо и члены; онъ окруженъ своей семьей и народомъ. Отецъ держитъ сына и всѣми чертами лица выражаетъ изумленіе, что апостолы отказываются изцѣлить его. По сторонамъ сестра и мать. Фигуру матери обыкновенно называютъ Форнариною[2]; но сличая эти черты съ извѣстными портретами Форнарины, нельзя не сказать, что здѣсь всѣ частности лица потерялись совершенно въ красотѣ идеала. Она постановлена на колѣнахъ передъ апостолами; ея просьба болѣе похожа на приказаніе: такова просьба Римлянки. Тѣлодвиженія окружающей группы народа напоминаютъ Римлянъ; кто видалъ ихъ на улицахъ Рима, тотъ отгадаетъ ихъ и на этой картинѣ.

Трудно опредѣлить имена апостоловъ. Ближе къ зрителю изображенъ Андрей Первозванный, по первенству призванія. За нимъ Матѳей простертою вверхъ рукою указываетъ на изцѣляющаго въ знакъ того, что онъ первый благовѣствовалъ о немъ. Ѳома съ видомъ сомнѣнія смотритъ на бѣсноватаго. А гдѣ же Іуда? Лицомъ предателя Рафаэль не хотѣлъ обезобразить своего великаго произведенія: Іуда отвернулся; намъ видны только его волосы. Но какъ удостовѣряемся мы, что это именно будущій предатель?—по разговору, который происходитъ между нимъ и двумя апостолами: одинъ изъ нихъ выражаетъ сокрушеніе, а другой всплеснулъ руками и какъ бы въ ужасѣ говоритъ: „какъ могъ сказать ты это?“ Видно по этимъ жестамъ, что Іуда сказалъ слово противъ Учителя.

---

[1] О гравюрѣ сообщено болѣе, чѣмъ то необходимо для цѣли описанія, но не упущена связь съ самимъ описаніемъ. Связь эта раскрыта въ словахъ: *кто имѣлъ счастіе*... *мягкость и красоту*..., *самоотверженіе въ пользу*..., *семнадцать лѣтъ*.—[2]) *Форнарина*—дочь пекаря (отъ итал. *forno*, печь, *fornaro*, пекарь), съ которой Рафаэль писалъ и большую часть своихъ мадоннъ.

На горѣ при тайнѣ Ѳаворской присутствуютъ двое въ одеждахъ архидіаконовъ: Св. Лаврентій и Юліанъ. Живописецъ уступилъ желанію Кардинала Юлія Медичи, будущаго папы Климента VII, который, заказывая картину, хотѣлъ, чтобы святой его и дядя его, Лаврентія, были изображены на ней.

Преображеніе Господне представлено въ ту минуту, когда послышался гласъ съ небеси: „Сей есть сынъ Мой возлюбленный,—Того послушайте". Пали ницъ апостолы. Слова церковной пѣсни: "яко же можаху[1]" выражены въ нихъ различною степенью возможности каждаго изъ нихъ созерцать тайну Преобразившагося. Ближе всѣхъ и прямо созерцаютъ ее Илія и Моисей. Согласно типу византійскихъ иконъ и преданію церковной пѣсни, которая поетъ, что Спаситель показалъ ученикамъ славу свою, Рафаэль изобразилъ Его во славѣ; но эту славу представилъ онъ какъ художникъ, обязанный удовлетворить требованіямъ своего искусства[2], чудно соткавши ее изъ лучей свѣта и воздуха. Какъ бы пріемля голосъ съ неба, Спаситель простираетъ объятія къ Отцу, и эти объятія обращаются въ благословеніе на все человѣчество.

Порицали на этой картинѣ совмѣщеніе двухъ дѣйствій, будто бы нарушающее единство. Легко порицать и великія произведенія; труднѣе понимать глубокій смыслъ ихъ. А безъ этого соединенія земли и неба, какъ бы художникъ провелъ насъ, посредствомъ живыхъ образовъ, по этой лѣствицѣ душевнаго состоянія человѣка, помимо паденія отчаяннаго и смертельнаго[3], котораго онъ и не хотѣлъ показать на своей картинѣ, отъ паденія несчастнаго въ бѣсноватомъ, черезъ группы недоумѣвающаго народа, черезъ степени еще не пріявшихъ Духа апостоловъ, до пророковъ и до самого Преображеннаго, гдѣ Божество уже соединяется съ человѣчествомъ[4].

Послѣднее, что̀ писалъ Рафаэль на этой картинѣ и въ своей жизни, былъ ликъ Спасителя. Вазари[5] говоритъ, что въ немъ онъ какъ бы сосредоточилъ всѣ силы генія и искусства и, окончивъ его, уже не бралъ болѣе кисти.

Шевыревъ.

---

[1] *«яко же можаху»* — слова тропаря на Преображеніе: «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ Своимъ славу Твою, яко же можаху (видѣть ее). Да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ Твой присносущный молитвами Богородицы. Свѣтодавче, слава Тебѣ».—[2] *Требованіямъ своего искусства*, т. е. доступнаго зрѣнію.—[3] Низшая степень паденія не нашла своего выраженія въ картинѣ; авторъ упоминаетъ о ней для полноты выраженія своей богословской теоріи душевнаго состоянія человѣка.—[4] т. е. высшая ступень возвышенія человѣка. — [5] *Вазари* — ученикъ Микель-Анжело († 1574), написавшій «Жизнеописаніе знаменитѣйшихъ живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ».

Картина Иванова «Явленіе Христа народу*.»

Предметъ картины [1] значительный. Изъ евангельскихъ мѣстъ взято самое труднѣйшее для исполненія, доселѣ еще не бранное никѣмъ изъ художниковъ, даже прежнихъ богомольно-художественныхъ вѣковъ, а именно—первое появленіе Христа народу.

Картина изображаетъ пустыню на берегу Іордана. Всѣхъ виднѣе Іоаннъ Креститель, проповѣдующій и крестящій во имя Того, котораго еще никто не видалъ изъ народа. Его обступаетъ толпа нагихъ и раздѣвающихся, одѣвающихся и одѣтыхъ, выходящихъ изъ водъ, и готовыхъ погрузиться въ воды; въ толпѣ этой стоятъ и будущіе ученики самого Спасителя. Все, отправляя свои различныя тѣлесныя движенія, устремляется внутреннимъ ухомъ къ рѣчамъ пророка, какъ-бы схватывая изъ устъ его каждое слово и выражая на лицахъ различныя чувства: на однихъ уже полная вѣра, на другихъ еще сомнѣніе; третьи колеблются; четвертые понурили головы въ сокрушеніи и покаяніи; есть и такіе, на которыхъ видна еще кора и безчувственность сердечная.

Въ это самое время, когда все движется такими различными движеніями, показывается Тотъ самый, во имя Котораго уже совершилось крещеніе,—и здѣсь настоящая минута [2] картины. Предтеча взятъ именно въ тотъ мигъ, когда, указавши на Спасителя перстомъ, произноситъ: «Се Агнецъ, вземляй грѣхи міра!» И вся толпа, не оставляя выраженія лицъ своихъ, устремляется или глазомъ, или мыслью къ Тому, на Котораго указалъ пророкъ. Сверхъ прежнихъ, не успѣвшихъ сбѣжать съ лицъ впечатлѣній, пробѣгаютъ по всѣмъ лицамъ новыя впечатлѣнія [3]: чуднымъ свѣтомъ освѣтились лица передовыхъ избранныхъ, тогда какъ другіе стараются еще войти въ смыслъ непонятныхъ словъ, недоумѣвая, какъ можетъ одинъ брать на себя грѣхъ всего міра, а

---

*) Описаніе этой картины слѣдуетъ сличить съ 3-мя слѣдующими описаніями предметовъ того же рода и открыть какъ общее въ пріемахъ авторовъ, такъ и отличительное

[1] Она находится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ.

[2] *Настоящая минута*—т. е. важнѣйшее лицо въ минуту, избранную художникомъ для изображенія. Что̀ картина являетъ въ одинъ моментъ, то изложено авторомъ въ двухъ частяхъ: въ первой сосредоточиваетъ онъ вниманіе на первомъ ея планѣ, т. е. на Іоаннѣ Крестителѣ (лицѣ, которое было важнѣйшимъ въ минуту, предшествовавшую появленію Спасителя, и на его окружающихъ; во второй описываетъ всѣхъ въ отношеніи къ Спасителю. Въ первой части во всѣхъ окружающихъ Іоанна описано все то, что̀ во второй разумѣется подъ словами: «прежнихъ, не успѣвшихъ сбѣжать съ лица впечатлѣній» (это предложеніе есть мысль, связующая обѣ части описанія).—[3] *Новыя впечатлѣнія*—тѣ, которыя не могутъ быть поняты смотрящимъ на картину, прежде нежели онъ не всмотрится въ главное лицо всей сцены, стоящее на заднемъ планѣ. Итакъ авторъ слѣдуетъ въ описаніи той естественной послѣдовательности, которой слѣдуетъ невольно всякій, смотрящій на картину.

третьи сомнительно колеблютъ головой, говоря: «отъ Назарета пророкъ не приходитъ.» А Онъ, въ небесномъ спокойствіи и чудномъ отдаленіи, тихою и твердою стопою уже приближается къ людямъ.

Гоголь.

Сикстова капелла.

1-го ноября 1512 года, на изумленіе всему Риму, была открыта капелла Сикстова, на потолкѣ и верхней части стѣнъ которой художникъ изобразилъ судьбы міра и человѣчества [1].

Архитектурная и особенно ваятельная стихія проявилась въ этомъ твореніи Микель-Анжело [2]. На потолкѣ онъ изобразилъ рельефомъ другой потолокъ. Колоссальныя пластическія [3] фигуры поддерживаютъ его, выражая въ своихъ усиліяхъ разныя степени человѣческой силы. На потолкѣ, въ четырехъ большихъ углубленіяхъ и въ пяти малыхъ, изображено сотвореніе міра и первыя событія священной исторіи. Здѣсь носится Богъ Отецъ, создатель свѣта; тамъ движеніемъ руки уравниваетъ Онъ море; далѣе ставитъ солнце и луну, окруженный младенцами—бодрымъ днемъ и темною ночью, или носится, указывая, гдѣ быть растеніямъ. Вотъ, окруженный сонмомъ силъ небесныхъ, перстомъ влагаетъ свою Божественную силу въ новосозданнаго Адама. Исполнена жизни творящая рука Божія, и замѣтно, какъ рука человѣка принимаетъ живую силу отъ вѣчнаго источника жизни. Здѣсь и созданіе жены, и грѣхопаденіе, и изгнаніе изъ рая, и драматическая картина потопа, и другія событія священной исторіи. Ниже по стѣнамъ капеллы представлены пророки и сивиллы, [4] и родословная Спасителя отъ Аминадава [5] до Іосифа. Пророки и сивиллы—высшая степень величаваго стиля въ италіанской живописи. Чтобы въ этомъ убѣдиться, остановимъ особенное вниманіе на изображеніи пророка Іереміи и сивиллы Дельфійской. Іеремія представленъ въ глубоко-грустной думѣ сидящимъ какъ бы надъ пепелищемъ Іерусалима; сивилла, идеальный образъ прекрасной женщины, изображеніе, напоминающее стихи самого Микель-Анжело: «могущество прекраснаго лица возноситъ меня къ небу; нѣтъ мнѣ на землѣ другаго наслажденія.... Если созданіе согласно съ своимъ Создателемъ, то къ нему восхожу я въ божественныхъ мысляхъ.»

Но отдавая всю справедливость колоссальному величію искусства въ этихъ произведеніяхъ Микель-Анжело, нельзя не замѣтить, что здѣсь вездѣ нарушены преданія: поклонникъ скульптуры ввелъ язычество въ

[1] Во введеніи сразу указана общая мысль описываемаго храма, такъ что все описаніе получаетъ видъ развитія этой мысли..—[2] *Микель-Анжело*—италіанскій художникъ (1474—1564).—[3] *Пластика*—скульптура.—[4] *Сивиллы*—вѣщія женщины, по вѣрованіямъ древнихъ Грековъ и Римлянъ.—[5] *Аминадавъ*—праправнукъ Іакова.

христіанскую живопись—и позднѣе, въ той же капеллѣ, на картинѣ Страшнаго суда, изобразилъ Спасителя въ видѣ гнѣвнаго Аполлона [1].

Шевыревъ.

Московскій Успенскій Соборъ*.

Этотъ соборъ, какъ первопрестольный въ Россіи, заключаетъ въ себѣ и полную идею Вселенской Церкви [2]: она является на иконостасѣ, выражена въ куполахъ и на стѣнахъ, и въ алтарѣ.

Взгляните на верхній ярусъ иконостаса [3]. Вы увидите мысль первоначальной церкви до закона Моисеева; но вмѣстѣ и связь ея съ новозавѣтною:—рядъ Праотцевъ и Патріарховъ, Адамъ, Сиѳъ, Энохъ, Ной и Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и прочіе, стоятъ по обѣимъ сторонамъ иконы Господа Саваоѳа, который изъ лона своего рождаетъ Предвѣчное Слово.—Ярусомъ ниже изображена церковь ветхозавѣтная отъ Моисея до Христа, коего была предзнаменованіемъ, и потому на срединѣ икона Знаменія Божіей Матери, проявляющей въ лонѣ своемъ Предвѣчнаго Младенца, ибо тогда еще не рожденъ былъ на землѣ, а только предсказывали о немъ Пророки, написанные здѣсь по сторонамъ, съ хартіями своихъ пророчествъ въ рукѣ; такимъ образомъ предвѣчное и временное рожденіе Бога Слова изображены глубоко и таинственно. Еще ниже двѣнадцать главныхъ праздниковъ, почерпнутые изъ жизни Христовой и Богоматери—эта повѣсть евангельская въ лицахъ, исполненіе ожиданія праотцевъ и видѣній пророческихъ. Въ четвертомъ ярусѣ картина собственно Церкви христіанской, и отъ того Спаситель написанъ посрединѣ сидящимъ на престолѣ, въ образѣ вѣчнаго Архіерея, ходатая о грѣхахъ нашихъ; по сторонамъ же стоятъ пречистая Его Матерь и Предтеча, какъ два образца совершенства человѣческаго, и ближайшіе заступники наши: одна «честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ,» другой — по словамъ Самого Господа—«большій изъ всѣхъ рожденныхъ женами;» ихъ молитвенное положеніе называется обыкновенно Деисусомъ, отъ греческаго слова деисисъ [4] (молитва), и подлѣ нихъ расположены всѣ Апостолы, начиная съ двухъ верховныхъ, какъ проповѣдники ученія Христова и строители его церкви. Такъ все постепенное ея развитіе начертано отъ верху и до низу, на внутренней стѣнѣ [5] храма, которая

---

[1] Въ заключеніи указанъ недостатокъ описаннаго храма съ точки зрѣнія требованій православнаго церковнаго искусства.

* Пріемъ этого описанія сходенъ съ пріемомъ автора предъидущей статьи, слѣд. отношеніе самаго описанія къ введенію то же (см. выноску 1-ю, стр. 63), но двоякая идея этого храма потребовала двухъ частей описанія.

[2]... *и* полную идею церкви, т. е. кромѣ государственой идеи («какъ первопрестольный»).—[3] Рисунокъ этого иконостаса можно видѣть въ «Памятникахъ московской древности» Снѣгирева.—[4] Δέησις,—[5] т. е. на иконостасѣ.

замѣнила таинственную завѣсу Соломонова, раздранную въ часъ искупленія.

Взгляните, надъ нами, въ большомъ куполѣ и во всѣхъ главахъ, изображена отчасти та же мысль—тамъ Господь Вседержитель окруженъ сперва небесными Силами, потомъ Праотцами, Патріархами, потомъ Пророками и Апостолами; наконецъ лики Мучениковъ и Исповѣдниковъ покрываютъ столбы храма, въ знаменіе, что кровію мучениковъ утвердилась Церковь, и отъ того доселѣ кладетъ она мощи ихъ въ основаніе своихъ престоловъ.

Кругомъ всѣ стѣны исписаны дѣяніями Святыхъ или притчами евангельскими въ лицахъ. Не многіе знали грамоту, когда началъ строиться храмъ сей, а всѣхъ надобно было учить закону Божію; потому издавна принята была въ церквахъ стѣнная живопись вмѣсто мертвыхъ буквъ, чтобы всякій молящійся христіанинъ могъ самъ прочесть сію живую повѣсть. Всѣхъ же лицъ въ цѣломъ соборѣ слишкомъ двѣ тысячи; отцы наши хотѣли, чтобы вся торжествующая на небесахъ Церковь призирала на молитву воинствующей на землѣ. Когда же откроются царскія двери, которыя выражаютъ иконою Благовѣщенія и Евангелистовъ радостную вѣсть о нашемъ спасеніи, то и на стѣнахъ алтаря представятся лики Святителей, тамъ гдѣ приносили они безкровную [1] жертву, и сія самая жертва изображена въ таинственныхъ видахъ. Такова священная полнота соборнаго храма.

Теперь [2] обратите вниманіе на нижній рядъ мѣстныхъ иконъ, великолѣпно украшенныхъ, какъ предметы ближайшаго чествованія; мы подойдемъ къ каждой изъ нихъ, ибо каждая, кромѣ святыни, имѣетъ еще занимательность историческую, а всѣ вмѣстѣ они выражаютъ мысль единодержавія, образовавшагося отъ системы удѣловъ: всѣ почти перенесены изъ удѣльныхъ княженій, по мѣрѣ ихъ покоренія и слiянія въ одно цѣлое. Глубока была мысль—соединить въ общемъ святилищѣ мѣстную святыню городовъ: народы, разставаясь съ своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска—собрался священный сей иконостасъ.

Филаретъ.

---

[1] *Безкровная жертва*—таинство Евхаристіи.—[2] Словомъ *теперь* авторъ переходитъ къ раскрытію второй (государственной) идеи храма.

ОПИСАНІЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ.

Днѣпръ.

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни зашелохнетъ, ни прогремитъ: глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ [1], и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть; никто, кромѣ солнца и голубаго неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ.

Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ—и человѣкъ, и звѣрь, и птица, а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него — развѣ погаснетъ въ небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими вóронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею, — напрасно: нѣтъ ничего въ мірѣ, чтó бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ среди дня, виденъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ!

Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый міръ—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско: разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и заломивъ шапку; а она, рыдая,

---

[1] *Зракъ*—ц.-сл.: лицо.

бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила, и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Гоголь.

ОПИСАНІЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВЪ ОТЛИЧІИ ОТЪ ПРОСТАГО.

(ОСОБЕННОСТИ КАЖДАГО ИЗЪ НИХЪ ПО МАТЕРІАЛУ, ЦѢЛИ И ВЫРАЖЕНІЮ. — СВОЙСТВА ЯЗЫКА ПОЭТИЧЕСКАГО: СРЕДСТВА ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ).

I. Въ отношеніи матеріала. Сравнивая описаніе Урала (4-я статья I отд.) Пушкина съ описаніемъ Днѣпра Гоголя, мы замѣчаемъ различіе между ними. Оба автора изчисляютъ признаки рѣкъ, но у Гоголя признаки мѣняются при каждомъ новомъ моментѣ, въ который представленъ Днѣпръ: 1) въ тихій день, 2) въ темную ночь и 3) во время бури; Пушкинъ же не даетъ намъ образа Урала въ какіе нибудь опредѣленные моменты, указываетъ признаки, которые принадлежатъ этой рѣкѣ постоянно (признаки постоянные). Желая показать читателю три различныя картины, Гоголь останавливается на тѣхъ признакахъ, коими представленія одного и того же предмета отличались одно отъ другаго (такіе признаки называются случайными).

Представленіе есть умственный слѣдъ впечатлѣнія (т. е. дѣйствія предметовъ на наши чувства).

Предметы дѣйствуютъ на наши чувства всѣми своими признаками, какъ постоянными, такъ и случайными. Слѣд., ограничиваясь признаками постоянными (длина Урала, степь съ одной, и пустыня съ другой стороны, глинистые берега, мутныя воды и пр.), Пушкинъ не заботился о томъ, чтобы читатель представилъ себѣ Уралъ, какимъ онъ бываетъ въ одинъ моментъ. Гоголь же имѣлъ цѣлью дать представленія Днѣпра. Сверхъ того Гоголь при описаніи своемъ не имѣлъ въ виду всего Днѣпра. Онъ описываетъ рѣку настолько, насколько она видна глазу съ той точки зрѣнія, откуда могла быть наблюдаема; Пушкинъ же не ограничивается одной точкой зрѣнія, а описываетъ Уралъ во всемъ его протяженіи на 2500 в. Во всю длину рѣка не можетъ производить одновременно впечатлѣніе на наблюдателя, слѣдовательно и такое колоссальное представленіе въ дѣйствительности невозможно.

Изъ біографіи Пушкина мы знаемъ, что онъ былъ на Уралѣ, хотя и не изслѣдовалъ его отъ истока до устья; собиралъ свѣдѣнія объ этой рѣкѣ, слушалъ разсказы о ней, читалъ описанія ея. Все это дало ему много представленій всѣхъ мѣстностей этой рѣки въ различные моменты. Сличая эти представленія, авторъ отвлекаетъ всѣ случайные признаки, соединивъ постоянные признаки всѣхъ частей рѣки. Изъ соединенія ихъ образовалось общее представленіе. Это общее представленіе Урала и составляетъ матеріалъ Пушкинскаго описанія.

II. По цѣли. Представленія вызываются воображеніемъ; общія представленія вырабатываются разсудкомъ. Цѣль Гоголя—вызвать въ воображеніи читателей картину Днѣпра; цѣль Пушкина указать признаки, которые объяснили бы ему, почему на Уралѣ появились казаки. Большая часть признаковъ Урала, указанныхъ Пушкинымъ, объясняютъ это: уединенное положеніе (дававшее имъ безопасное убѣжище), рыба всякаго рода (доставлявшая имъ пищу), впаденіе въ Каспійское море (дававшее возможность выплывать въ море разбойничать), глинистая почва бе-

реговъ (не представлявшая особеннаго неудобства казакамъ, такъ какъ землепашество не составляло источника ихъ благосостоянія).

Которое же изъ обоихъ описаній лучше? — Хороши оба, каждое въ отношеніи къ своей цѣли. Если Уралъ не рисуется такъ живо нашему воображенію какъ Днѣпръ, за то мы получаемъ болѣе полное познаніе его; если Днѣпръ живо представляется воображенію, то мы не знаемъ ни его длины, ни направленія его теченія, ни почвы его береговъ. Оба описанія цѣлесообразны. Первое можно сравнить съ ландкартой, которая даетъ понятіе о мѣстности, второе — съ пейзажемъ, изображающимъ ее.

III. По выраженію. Оба автора выразили свой матеріалъ въ словѣ, и выборъ словъ у обоихъ различный. У Пушкина слова выражаютъ понятія, у Гоголя—представленія. Изобразительности Гоголь достигъ:

1) самимъ обозначеніемъ случайныхъ признаковъ изображаемыхъ имъ предметовъ; для того сопровождаетъ онъ имена существительныя опредѣлительными словами: солнцу *жаркому, голубаго* неба, *лѣтней, теплой* ночи, въ *темномъ* лонѣ, *черный* лѣсъ, *древле-разломанныя* горы, *длинною* тѣнью, *синій* (опредѣленіе, повторяемое Гоголемъ нѣсколько разъ, съ цѣлію нѣсколько разъ вызвать въ воображеніи читателя случайный признакъ Днѣпра, принадлежащій ему теплой ночью), *плавнымъ* разливомъ, *серебряную* струю, *синія* тучи. Такія опредѣленія, выражающія признакъ, вызываемый въ воображеніи читателя, дабы имя предмета не осталось выраженіемъ отвлеченнаго понятія, наз. *эпитетомъ* (ἐπίθετον отъ ἐπιτίθημι прилагаю)[1].

2) Случайный признакъ предмета выдвигается на 1-й планъ и тѣмъ, что автору вспоминается другой предметъ, имѣющій съ нимъ одинъ или нѣсколько общихъ признаковъ, и онъ сопоставляетъ оба предмета: «*Средь ночи* (виденъ Днѣпръ) *какъ средь дня*». Сравненіе это основано на общемъ признакѣ *такой* ночи и *всякаго* дня—свѣтѣ. Свѣтъ—постоянный признакъ дня, но случайный признакъ ночи. Упоминая день, Гоголь тѣмъ самымъ выдвигаетъ признакъ—свѣтъ, характеризующій изображаемую ночь — «Струя вспыхиваетъ, *будто полоса дамасской сабли*:» здѣсь сравненіе струи съ клинкомъ сабли основано на общемъ ихъ признакѣ—яркомъ блескѣ; такой блескъ—постоянный признакъ дамасской сабли (эти сабли отличаются чистотою стали), но много нужно случайностей, чтобы такъ блеснула струя рѣки ночью: для этого нуженъ свѣтъ луны, положеніе струи подъ лучомъ ея и пр.); вотъ отчего сравненіе это удачно изображаетъ случайный признакъ струи—блескъ.—«Пойдутъ *горами* синія тучи» (величина, очертаніе, цвѣтъ—постоянные для горы, случайные для тучи) Такое сопоставленіе двухъ предметовъ по общимъ имъ признакамъ—наз. сравненіемъ.

Описаніе Гоголя оканчивается распространеннымъ сравненіемъ Днѣпра въ бурю съ трогательной сценой проводовъ казака. Это сравненіе, основанное на сличеніи столь повидимому далекихъ представленій, однако же передаетъ, какъ нельзя лучше, признаки изображаемой картины. Главный общій признакъ этихъ обѣихъ картинъ — то *душевное ощущеніе*, которое производятъ онѣ на зрителя Не упоминая ни однимъ словомъ объ ощущеніи тоски, которое возбудитъ во всякомъ горчайшая минута изъ жизни старой казачки, авторъ даетъ живое представленіе тѣхъ ощущеній сердца, какія возбуждены были въ душѣ его картиною бури. Это

[1] Ясно, въ чемъ состоитъ разборъ стилистическій: *жаркому, голубому, плавнымъ* и пр.—прилагательныя съ этимологической точки зрѣнія, опредѣленія—съ синтаксической, признаки—съ логической, и эпитеты—съ стилистической.

важнѣйшій признакъ, который роднитъ оба сравниваемыя представленія; за нимъ слѣдуетъ рядъ *внѣшнихъ признаковъ*, сходныхъ у обоихъ: какъ казачка то подбѣгаетъ къ сыну, то возвращается, отводимая назадъ, и снова бросается впередъ на отъѣзжающаго сына: такъ и волны то порывисто ударяются о горы, то отбѣгаютъ назадъ отъ нихъ; какъ непоколебимо переноситъ (разгульный и бодрый, подбоченившись и заломивъ шапку) сынъ ея объятія: такъ же непоколебимо даютъ отпоръ волнамъ эти горы, мрачныя, какъ тотъ всадникъ на своемъ ворономъ конѣ; буря завываетъ подобно тому, какъ стонетъ мать. Легко объяснить и самую причину возникновенія подобнаго сравненія. Возникновеніе въ воображеніи автора стараго представленія сценъ изъ казацкаго быта[1] вполнѣ естественно на берегахъ Днѣпра, которые видали нерѣдко подобныя сцены (казаки жили на берегахъ Днѣпра и его островѣ). Слезы матери примѣнены къ волнамъ рѣки въ духѣ народной поэзіи. Такъ въ одной пѣснѣ [2] народъ поетъ:

Лежитъ тѣло бѣлое,
Тѣло бѣлое молодецкое....
....
Вкругъ его вьются три ластушки:
Первая ластушка—родимый батюшка,
А вторая ластушка—родима матушка,
А третья ластушка—молода жена;
Гдѣ отецъ плачетъ—тутъ ключи текутъ,
А гдѣ мать плачетъ—Волга матушка прошла:
А гдѣ жена плачетъ—роса утренняя:
Солнышко взойдетъ—вся роса опадетъ!

Содружество (ассоціація) представленій (плачущей матери и волнъ рѣки) подсказано поэту народной пѣсней, выражающей также всю силу скорби матери.

Грамматическое обозначеніе сравненія—союзы (*будто* полоса сабли, *какъ* средь дня, *такъ* убивается мать) или творительный падежъ (тучи пойдутъ *горами*).

3) Лѣса называются *зелено-кудрыми*. Понятіе, выраженное этимъ эпитетомъ, замѣняетъ понятіе *зелено-лиственные*, по общему признаку листьевъ у изображаемыхъ имъ деревьевъ и у кудрей человѣка—расположенію ихъ мелкихъ прядей. Этотъ признакъ, рисующій прибрежные кусты и деревья, составляетъ необходимую принадлежность кудрей, но будучи приписанъ предмету, въ которомъ не составляетъ признака постояннаго, выдвигаетъ случайный признакъ предмета, не называя его. Такая замѣна одного понятія другимъ по общему имъ признаку, наз. метафорой (μεταφορά изъ μετά и φέρω пере-ношу). Ея отличіе отъ сравненія ясно: при сравненіи упоминаются оба предмета, свойства или дѣйствія: какъ сравниваемые, такъ и тѣ, съ коими сдѣлано сравненіе (*струя—полоса сабли, тучи—горы*); метафора же есть результатъ сравненія; она называетъ лишь тотъ предметъ, свойство или дѣйствіе, съ которыми сдѣлано сравненіе (зелено-*кудрые*).

Въ разобранной метафорѣ неодушевленному предмету приписано свойство предмета одушевленнаго, т. е. она заключаетъ олицетвореніе. Это олицетвореніе повлекло за собою цѣлый рядъ другихъ метафорическихъ

---

[1] Гоголь воспроизвелъ такую картину еще въ «Тарасѣ Бульбѣ» (См. отд. «Повѣствованій».—[2] Чт. въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1860, III.

выраженій: *толпятся* (по общему признаку—тѣсному расположенію), *глядять-не-наглядятся, не налюбуются* свѣтлымъ своимъ зракомъ *и усмѣхаются, и привѣтствуютъ* его, *кивая* вѣтвями (по сходному положенію надъ зеркальной поверхностью воды и по движенію); здѣзды *горятъ* (по яркому свѣту); и *отдаются* въ Днѣпрѣ (употреблено выраженіе, въ собственномъ смыслѣ означающее отраженіе звука, вмѣсто *отражаются*, собственнаго выраженія о свѣтѣ; будучи перенесено на свѣтъ, слово *отдается* выдвигаетъ признакъ Днѣпра—темное его русло, кажущееся *во время тихой ночи* пустымъ, глубокимъ пространствомъ, необходимо нужнымъ для того, чтобы могло родиться эхо звука); горы *силятся* закрыть его хотя длинною тѣнью своею: здѣсь дѣйствіе неподвижныхъ горъ замѣнено дѣйствіемъ живаго существа, которое сопровождается движеніемъ, такъ какъ этимъ живѣе рисуется общій ихъ признакъ—движеніе отбрасываемой тѣни.

4) «Идетъ его величавая *ширина*» (вм. движется вода рѣки). Здѣсь вмѣсто понятія *вода* именовано свойство воды—ширина. Замѣна произведена не по общему признаку обоихъ понятій, ибо они суть понятія несравнимыя; но между обоими понятіями есть извѣстное *отношеніе* (ширина есть свойство воды, т. е. водной поверхности),—отношеніе измѣряемаго (вода) къ измѣренію (ширина). Языкъ, замѣняя измѣряемое его измѣреніемъ, разомъ далъ уму читателя оба понятія (вода сама собою здѣсь понимается) и не оставилъ образъ предмета отвлеченнымъ; выдвинувъ его характеристическій признакъ — ширину. Замѣна одного понятія другимъ, по извѣстному между ними отношенію, наз. метонимiей (μετωνυμία изъ μετά и ὄνομα).

5) При выраженіи: „все спитъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица“[1], вооображенію легче представить себѣ одинъ предметъ, нежели многіе; потому замѣна общаго частнымъ, множественнаго числа единственнымъ, синекдоха, — (συνεκδοχή отъ δέχομαι, воспринимаю) способствуетъ изобразительности.

Послѣднія три средства изобразительности, состоящія въ *замѣнѣ* одного понятія другимъ, наз. тропами (τρόπος отъ τρέπω, обращаю).

6) Употребленіе въ двухъ мѣстахъ слова *міръ* вмѣсто *окрестности* („вьется по зеленому *міру*“.... „молнія освѣщаетъ цѣлый *міръ*“) указываетъ характеристическія свойства выражаемыхъ обоими словами понятій—далекое пространство. Этотъ признакъ не въ одинаковой степени принадлежитъ обоимъ предметамъ: *міръ* несравненно въ большей степени обладаетъ этимъ признакомъ. Такой тропъ, приписывающій предмету признакъ въ степени большей, нежели онъ имѣетъ его на самомъ дѣлѣ, называется гиперболой (ὑπερβολή, отъ ὑπερβάλλω, перебрасываю). — Къ гиперболическимъ же выраженіямъ должно отнести: „нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ,“ „водяные холмы“.... Употребленіе такихъ выраженій объясняется или сильнымъ возбужденіемъ воображенія у автора или тѣмъ, что авторъ искусственно придумывалъ ихъ по привычкѣ къ фигуральнымъ выраженіямъ, предписывавшимся реторикой. Зная характеръ Гоголя и принимая въ разсчетъ то, что „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ (откуда взятъ этотъ отрывокъ) писаны имъ въ молодости,—слѣдуетъ приписать большое употребленіе фигуральныхъ выраженій пылкости молодаго, сильно возбуждавшагося воображенія.

Описывая звѣзды, Гоголь говоритъ: „Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво отрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды....“

---

[1] Ср. Поученіе Мономаха: «почиваетъ и звѣрь, и птици и человѣци».

Эта картина даетъ представлевіе, не могшее явиться вслѣдствіе воспріятія въ дѣйствительности. Она заимствована Гоголемъ изъ народной пѣсни. Въ ней поется:

Отчего у насъ здѣзды частыя?
—Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ. (Стихъ о Голуб. кн.).

Какъ же могла въ народной пѣснѣ явиться такая картина, даже подобія которой не представляетъ дѣйствительность?

Всѣ выраженія, указанныя выше, основаны на дѣйствіи воображенія, въ которомъ являются наряду съ одними представленіями другія, имъ подобныя. Если Гоголь и не видѣлъ самъ сцены прощанія казачки съ сыномъ, то, какъ любитель и знатокъ малороссійской народной поэзіи и самъ Малороссъ по происхожденію, не разъ слышалъ малороссійскія пѣсни [1]. Одна изъ нихъ:

Стоитъ мѣсяцъ надъ горою, да сонца немае;
Мати сына въ дороженьку слезно проводжае.
„Прощай, милый мой сыночку, да не забавляйся!
Чрезъ четыре недѣлоньки до дому вертайся“.
—Радъ бы я, матусенько, скорѣйше вернуться;
Да вже що-сь мой *вороненькій* въ воротахъ зпоткнувся.
Ой Богъ знае, коли вернусь, въ якую годину:
Пріими жъ мою Марусеньку, якъ родну дытину.
Пріими ей, матусенько, и всѣ въ Божіей волѣ!
Бо кто знае: чи живъ вернусь, чи ляжу на полѣ?“ (*чи* вопр. частица)
—„Ой рада я Марусеньку за родну приняти,
Да не такъ вона мене буде шановати (уважать)“.
—Ой не плачьте, не журитесь, въ тугу не вдавайтесь:
Загравъ мой конь вороненькій: назадъ сподѣвайтесь (надѣйтесь, ожидайте меня назадъ).

Въ другой пѣснѣ подобнаго же содержанія читаемъ:

„Вернись, сынку, до домоньку!
Змыю тебѣ головоньку!“
—Мене, нене, змыютъ дожчи,
А розчешутъ густы терны,
А высушатъ буйны вѣтры!“

И такъ знакомыя представленія возникли въ воображеніи Гоголя при описаніи бури на Днѣпрѣ. А народъ, поющій эти пѣсни, передавалъ въ нихъ представленія знакомыхъ ему впечатлѣній, часто предлагавшихся дѣйствительностью.

Инаго рода представленія въ картинѣ Бога, сотрясающаго ризы. Дѣйствительность мало участвуетъ своими образами въ созданіи ея. Если народъ, поющій пѣсню о Голубиной книгѣ (см. выше), воспитавъ свое воображеніе на византійскихъ иконахъ, изображавшихъ нѣчто подобное приведенной картинѣ, воспроизвелъ въ пѣснѣ нѣкоторыя черты этихъ иконъ, то тѣ художники, которые создали эти иконы, значительно перерабо-

---

[1] Онъ собиралъ малоросс. пѣсни. Они вошли въ составъ изданныхъ Максимовичемъ.

тали знакомыя имъ представленія и создавали новыя: служащая къ тому способность ума называется фантазіей; дѣятельность ея—творчество.

О теченіи рѣчи (въ описаніи Гоголя) см. прим. къ ораторскимъ произведеніямъ.

Новороссійская степь *.

Степь, чѣмъ далѣе [1], тѣмъ становилась прекраснѣе. Тогда весь югъ, все то пространство, которое составляетъ нынѣшнюю Новороссію, до самаго Чернаго моря, было зеленою, дѣвственною пустынею. Никогда плугъ не проходилъ по неизмѣримымъ волнамъ дикихъ растеній; одни только кони, скрывавшіеся въ нихъ, какъ въ лѣсу, вытаптывали ихъ. Ничего въ природѣ не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелено-золотымъ океаномъ, по которому брызнули милліоны разныхъ цвѣтовъ. Сквозь тонкіе высокіе стебли травы скользили голубыя, синія и лиловыя волошки [2]; желтый дрокъ выскакивалъ вверхъ своею пирамидальною верхушкою; бѣлая кашка [3] зонтико-образными шапками пестрѣла на поверхности; занесенный Богъ знаетъ откуда колосъ пшеницы наливался въ гущѣ. Подъ тонкими ихъ корнями шныряли куропатки, вытянувъ свои шеи. Воздухъ былъ наполненъ тысячью разныхъ птичьихъ свистовъ. Въ небѣ неподвижно стояли ястребы, распластавъ свои крылья и неподвижно устремивъ глаза свои въ траву. Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался Богъ вѣсть въ какомъ дальнемъ озерѣ. Изъ травы подымалась мѣрными взмахами чайка и роскошно купалась въ синихъ волнахъ воздуха. Вонъ она пропала въ вышинѣ и только мелькаетъ черною точкою! Вонъ она перевернулась крылами и блеснула [4] передъ солнцемъ!... Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!

Вечеромъ вся степь совершенно перемѣнялась. Все пестрое пространство ея охватывалось послѣднимъ яркимъ отблескомъ солнца и постепенно темнѣло, такъ что видно было, какъ тѣнь перебѣгала на немъ, и она становилась темно-зеленою; испаренія подымались гуще; каждый цвѣтокъ, каждая травка испускала амбру [5], и вся степь курилась благовоніемъ. По небу изголуба-темному, какъ будто исполинскою кистью, наляпаны были широкія полосы изъ розоваго золота;

---

* Планъ этого описанія подобенъ плану предъидущаго: цѣль автора дать три представленія предмета; различіе же состоитъ въ томъ, что въ описаніи Днѣпра 3-я часть противополагается первымъ двумъ (по производимымъ ощущеніямъ), здѣсь же тонъ описанія одинъ во всѣхъ частяхъ его.

[1] т. е. *чѣмъ далѣе ѣхали казаки* (Тарасъ Бульба и его сыновья, см. 1-ю статью отд. повѣствованій художественныхъ).—[2] *Волошка*—василекъ.—[3] *Кашка*—тысячелистникъ.—[4] *Блеснула*—вм. мелькнула.—[5] *Амбра*—благовонное вещество, находимое по взморью, какъ полагаютъ оставляемое кашелотами (китами); ароматъ ея обнаруживается лишь при куреніи ею. Здѣсь—метонимія (вещество вм. свойства).

изрѣдка бѣлѣли клоками легкія и прозрачныя облака, и самый свѣжій, обольстительный, какъ морскія волны, вѣтерокъ едва колыхался по верхушкамъ травы и чуть дотрогивался до щекъ. Вся музыка, звучавшая днемъ, утихала и смѣнялась другой. Пестрые суслики выпалзывали изъ норъ своихъ, становились на заднія лапки и оглашали степь свистомъ. Трещаніе кузнечиковъ становилось слышнѣе. Иногда слышался изъ какого-нибудь уединеннаго озера крикъ лебедя и, какъ серебро, отдавался въ воздухѣ.

Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлегъ, разводили огонь и ставили на него котелъ, въ которомъ варили себѣ кулишъ [1]; паръ отдѣлялся и косвенно дымился на воздухѣ. Поужинавъ, казаки ложились спать, пустивши по травѣ спутанныхъ коней своихъ; они раскидывались на свиткахъ [2]. На нихъ прямо глядѣли ночныя звѣзды. Они слышали своимъ ухомъ весь безчисленный міръ насѣкомыхъ, наполнявшихъ траву; весь ихъ трескъ, свистъ, стрекотанье,— все это звучно раздавалось среди ночи, очищалось въ свѣжемъ воздухѣ и убаюкивало дремлющій слухъ. Если же кто-нибудь изъ нихъ подымался и вставалъ на время, то ему представлялась степь, усѣянная блестящими искрами свѣтящихся червей. Иногда ночное небо въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось дальнимъ заревомъ отъ выжигаемаго по лугамъ и рѣкамъ сухаго тростника, и темная вереница лебедей, летѣвшихъ на сѣверъ, вдругъ освѣщалась серебряно-розовымъ свѣтомъ, и тогда казалось, что красные платки летали по темному небу.

Гоголь.

Новороссійскія степи *.

Много приволья и простора жизни среди степей. Я видѣлъ ихъ въ мартѣ, предвозвѣстникѣ южной весны. Солнце горѣло высоко и жарко.

---

[1] *Кулишъ*—кашица, размазня.—[2] *Свитка*—широкая, длинная одежда безъ перехвата.

* Сходство этого описанія съ предъидущимъ описаніемъ степи Гоголя состоитъ въ томъ, что выборъ моментовъ, въ которые изображена она, не сдѣланъ на основаніи различныхъ ощущеній автора (какъ въ описаніи Днѣпра), но на основаніи естественныхъ измѣненій самого предмета въ различные моменты; различіе же состоитъ въ томъ, что Пассекъ расширилъ предѣлы наблюденія какъ по времени (тамъ—различная пора сутокъ, здѣсь—временъ года), но и по пространству (здѣсь изображается не одна какая нибудь мѣстность степи), чѣмъ и объясняется множ. число въ заглавіи статьи («степи»); потому Пассекъ знакомитъ со степью полнѣе и, давая 5 живыхъ *представленій* ея, въ то же время приближается по цѣли къ описаніямъ, дающимъ *понятіе* о предметѣ. Этою цѣлью объясняется многосторонность изображенія степей въ каждый изъ моментовъ: вездѣ описана какъ природа, такъ и человѣкъ, согласно вступительной мысли статьи: «много приволья и простора жизни...» Связь между частями художественно соблюдена чрезъ указаніе явленій, связующихъ жизнь растеній одной поры года съ ихъ жизнью другой поры (призывъ *новой* весны..., богатыя

Воздухъ дышалъ свѣжестію. Бѣлыя облака какъ-то неспокойно бѣжали по синевѣ неба. Птицы неслись то вереницами, то нестройными стадами, и ихъ крикъ и свистъ не умолкали ни днемъ, ни ночью. Жаворонокъ разсыпался пѣснію. Рѣки въ разливѣ своемъ обхватили луга до вершины деревъ, залили острова и перешагнули черезъ гранитъ пороговъ; ручьи съ шумомъ сновались по всѣмъ лугамъ и оврагамъ. Новая свѣжая зелень пробивалась сквозь отжившія травы; высокіе почернѣвшіе остовы бурьяна безжизненно смотрѣли на призывъ новой весны.

Человѣкъ весело выходилъ изъ жилья и радовался, смотря на Божій міръ, радовался, смотря на зеленѣющія пажити [1], воздѣланныя его трудомъ и богатыя будущею жатвою.

Я видѣлъ степи въ маѣ. Солнце одиноко и знойно горѣло въ лазури неба; воздухъ полонъ нѣги и благоуханія; ночи холодны и живительны. Травы, полныя жизни, цвѣтутъ и незримо вырабатываютъ зерно новой жизни для новой весны. Птицы зажили семьями и заботливо укрываются въ густотѣ травы.

Природа погружена въ тайны жизни, и все живое, будто затаивъ дыханіе, наслаждается въ самомъ себѣ; кругомъ тишина отрадная, невыразимая... Вѣрно въ это время поэтъ слышалъ, какъ мотылекъ колыхался надъ травою, и какъ змѣя, скользя, дотрогивалась до стебля травы [2]. Кажется, небо, упиваясь наслажденіемъ, едва переводитъ дыханіе, и цѣлый океанъ цвѣтовъ и зелени затихъ и курится благоуханіемъ.

Въ сентябрѣ уже кончена жатва; поля отягощены золотыми снопами хлѣба. Заговарили токи, и полное зерно обильно сыплется изъ-подъ цѣповъ и копытъ [3] лошадей. Увядающія травы желтѣютъ: однѣ бережно хранятъ сѣмя будущаго поколѣнія; другія открываютъ свои сокровищницы, и легкій вѣтеръ прилетаетъ за сѣменемъ, уноситъ его и заранѣе отводитъ ему мѣсто для колыбели и могилы, для смерти и воскресенія.

Серебристый ковыль волнуется широкимъ озеромъ и, кажется, пле-

---

будущей жатвой—въ 1-й части; вырабатываютъ зерно *новой* жизни *для новой весны* во 2-й части;... хранятъ сѣмя *будущаго* поколѣнія..., колыбели,.. *воскресенія*—въ 3-й ч.; *бережетъ жизнь другаго лѣта* въ 4-й ч... Переходъ отъ 4-й части къ 5-й намѣренно рѣзокъ; отъ того 5-я часть начинается краткими отрывистыми предложеніями, и 4-я часть не заключаетъ мыслей, подготовляющихъ къ картинѣ зимы, что̀ согласно съ главной мыслью статьи: раскрыть признаки *жизни*...; зимою же жизнь временно скрывается.

[1] *Пажить*—лугъ и пастбище вообще, пустошь.—[2] Гиперболическое указаніе на чуткость поэта. Сравни выраженіе Баратынскаго о Гете въ одѣ «На смерть Гете (строфа 4-я)—[3] *Изъ подъ копытъ*—молотьба производится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лошадьми, которыхъ гоняютъ кругомъ по току, устланному развязанными снопами.

щетъ на желтый берегъ увядающей зелени. Птицы вывели изъ травной глуши свою молодую семью, учатъ дѣтей хитростямъ жизни и слетаются въ стада. Солнце горитъ одиноко; полдень зноенъ; утро и вечеръ прохладны; воздухъ замѣтно сухъ, день коротокъ; зари почти нѣтъ: близка южная осень.

По ноябрьскому небу тяжело носятся сѣрыя облака. Земля смочена, и дождь снова накрапываетъ; солнце не лелѣетъ земли своей любовію: едва проглянетъ, и скроется на цѣлый день. Туманъ потомъ разлился по окрестности. Травы увяли; новая зелень хлѣбовъ среди угасающей жизни наводитъ уныніе, какъ предсмертный румянецъ лѣта. Въ вышинѣ слышны крики гусей и журавлей; дрофы ходятъ огромными стадами; аисты сбираются на взморьѣ тысячами: одно стадо поджидаетъ другое, чтобъ было не такъ грустно покинуть родныя степи и летѣть на чужбину.

Жилье человѣка обставлено скирдами хлѣба: собранъ разсѣянный трудъ цѣлаго лѣта; надъ хатаю чаще и долѣе вьется сѣроватый дымъ; по токамъ слышенъ стукъ цѣповъ и топотъ конскій; тяжелый плугъ снова бороздитъ ниву.

Январь. Рѣки скованы уже льдомъ. Южныя степи забѣлѣлись, какъ сибирскія тундры. Съ запада налетаютъ снѣжныя тучи, засыпаютъ курганы и овраги: метель бьетъ въ окно поселянина и, завывая, будто проситъ пріюта. Съ востока набѣгаетъ ураганъ, со свистомъ взметаетъ волны снѣга, своенравно сбиваетъ ихъ въ сугробы, заметаетъ рвы и холмы. Вольный сынъ степей, онъ привыкъ здѣсь жить съ вольными кочевыми народами, еще недавно гулялъ съ ватагами Татаръ и казаковъ; онъ хочетъ простора, а предъ нимъ жилье человѣка, запасы труда—и онъ, какъ хищникъ, кидается на нихъ, рветъ, мечетъ, хочетъ увлечь съ собой, и утомленный бѣжитъ далѣе... А въ жильѣ свѣтится огонь: человѣкъ, привыкнувъ къ степнымъ непогодамъ, спокойно занятъ своимъ дѣломъ и не страшится набѣговъ. Буря утихла; небо безоблачно и холодно: солнце свѣтитъ сквозь миріады сверкающихъ былинокъ; высокій бурьянъ стоитъ недвижимо и свѣтитъ радужно оледенѣлыми вѣтвями. Степь безпредѣльна и подъ саваномъ снѣга укрываетъ и бережетъ жизнь другаго лѣта.

Пассекъ.

Сенъ-Готардъ *).

Въ два дни [1] моего путешествія чрезъ Сенъ-Готардъ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ. Близъ Альторфа [2] всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, между которыми въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейса еще спокойна. У Амстега все становится мрачнѣе: горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе; дорога вьется надъ пропастями, въ которыхъ Рейса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанныя каскады; когда я шелъ, небо было туманно; вершины горъ, изчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными; но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейсы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость: наконецъ у Gestinen изчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травою, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало по малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями; камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится наконецъ столь узкою, что одна только Рейса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно. Поперекъ долины, надъ самымъ каскадомъ, изгибается *Чортовъ мостъ* [3]: къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь вкруть, упирается въ скалу, которую пробила насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну; но что же?... Мое счастіе и здѣсь меня не покинуло: солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматъ [4] въ самую минуту, какъ я выходилъ изъ-подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ

---

* Группировка сложныхъ представленій горной мѣстности (о разнообразіи которой авторъ предупреждаетъ читателя вводной мыслію статьи) сдѣлана здѣсь по тѣмъ ощущеніямъ, которыя возбуждаются отдѣльными пунктами этой мѣстности. Раздѣльность въ изображеніи видовъ, представляемыхъ каждымъ изъ этихъ пунктовъ, достигается указаніемъ рѣзкихъ особенностей каждаго; авторъ намѣренно выдвигаетъ ихъ, ограничиваясь двумя-тремя чертами при описаніи каждаго. Таковъ пріемъ (эскизъ), единственно возможный при описаніи мѣстности, собравшей на ограниченномъ пространствѣ массу разнообразныхъ предметовъ, полное изчисленіе которыхъ со многими признаками произвело бы въ воображеніи читателя смѣшеніе.

[1] Два *дни* и два *дня*: первая форма встрѣчается какъ у старыхъ писателей (Карамзина, Жуковскаго), такъ и новыхъ (Тургенева).—[2] *Альторфъ* — главный городъ швейцарскаго кантона Ури, близъ Фирвальштетскаго оз.—[3] *Чортовъ мостъ*—каменный, черезъ Рейсу въ С. Готардскомъ проходѣ, черезъ одну скалу на другую, на высотѣ 95′ надъ рѣкою, 25′ длиною, построенный въ 1830 г.; ниже подъ нимъ разрушенный старый Чортовъ мостъ, построенный въ 1718 г. Жуковскій путешествовалъ по Швейцаріи въ 1821 году, слѣд. видѣлъ старый мостъ.—[4] *Андерматъ*—деревня у С. Готардскаго прохода, на высотѣ 4438′.

быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ послѣ густаго мрака пещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея—веселая деревня. Зрѣніе обмануто: думаешь, что передъ тобою низкіе дерновые пригорки, но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину, и близкія къ снѣжной вершинѣ Сенъ-Готарда.

Я ночевалъ въ Андерматѣ, который черезъ минуту послѣ моего прихода изчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и окруженный ею взошелъ я на вершину Сенъ - Готардской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени! Здѣсь она ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ; кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончается земля и начинается небо; предъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава изчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе, растреснутые утесы; съ одной стороны озеро и тихій ручей; съ другой стороны также озеро и такой же тихій ручей: это Тессинъ и Рейса; здѣсь они навсегда разлучаются; отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ и наконецъ близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейсы клубились туманныя облака, и небо сдѣлалось ярко-лазурнымъ, когда я, спустившись въ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной итальянской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже; ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны,—и наконецъ предъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквами, замками, уже имѣющими характеръ итальянскій.

Я не долго отдыхалъ въ Айроло, ибо надо было засвѣтло дойти до Aldazzio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ чрезъ Тессинъ и ночевать потомъ въ Faido. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни. Какое разнообразіе въ зрѣлищахъ [1]!...

Жуковскій.

Горная дорога.

Надъ страшною бездной дорога бѣжитъ,
Межъ жизнью и смертію мчится:

---

[1] Сличи заключеніе съ вступительной мыслью. Ср. ниже стих. «Горная дорога».

Толпа великановъ ее сторожитъ,
Погибель надъ нею гнѣздится.
Страшись побужденья лавины ужасной;
Въ молчаньи пройди по дорогѣ опасной.

Тамъ *мостъ* черезъ бездну отважной дугой
Съ скалы на скалу перегнулся;
Не смертною былъ онъ поставленъ рукой,--
Кто смертный къ нему бы коснулся?
Потокъ подъ него разъяренный бѣжитъ,
Сразить его рвется и ввѣкъ не сразитъ.

Тамъ грозно раздавшись, стоятъ *ворота*;
Мнишь: область тѣней предъ тобою;
Пройди ихъ — долина, долинъ красота;
Тамъ осень играетъ съ весною.
Пріютъ сокровенный! желанный предѣлъ!
Туда бы отъ жизни ушелъ, улетѣлъ.

Четыре *потока* оттуда шумятъ —
Не зрѣли ихъ выхода очи.
Стремятся они на востокъ, на закатъ,
Стремятся къ полудню, къ полночи;
Рождаются вмѣстѣ; родясь, разстаются,
Бѣгутъ безъ возврата и ввѣкъ не сольются.

Тамъ въ блескѣ небесъ два *утеса* стоятъ,
Превыше всего, что̀ земное;
Кругомъ облака золотыя кипятъ,
Ѳѳира семейство младое;
Ведутъ хороводы въ странѣ голубой;
Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной.

Царица сидитъ высоко и свѣтло
На вѣчно-незыблемомъ тронѣ,
Чудесной красой обвиваетъ чело,
И блещетъ въ алмазной коронѣ;
Напрасно тамъ солнцу сіять и горѣть:
Ее золотитъ, но не можетъ согрѣть.

Жуковскій.

Bergl ied.

Am Abgrund leitet der schwindlichte *Steg*,
Er führt zwischen Leben und Sterben;
Es sperren die Riesen den einsamen Weg
Und drohen dir ewig Verderben;
Und willst du die schlafende Löwin nicht wecken,
So wandle still durch die Strasse der Schrecken.

Es schwebt eine *Brücke*, hoch über den Rand
Der furchtbaren Tiefe gebogen;
Sie ward nicht erbauet von Menschenhand,
Es hätte sich's keiner verwogen.
Der Strom braust unter ihr spät und früh,
Speit ewig hinauf und zertrümmert sie nie.

Es öffnet sich schwarz ein schauriges *Thor*,
Du glaubst dich im Reiche der Schatten;
Da thut sich ein lachend Gelände hervor,
Wo der Herbst und der Frühling sich gatten;
Aus des Lebens Mühen und ewiger Qual
Möcht' ich fliehen in dieses glückselige *Thal*.

Vier *Ströme* brausen hinab in das Feld,
Ihr Quell, der ist ewig verborgen;
Sie fliessen nach allen vier Strassen der Welt—
Nach Abend, Nord, Mittag und Morgen;
Und wie die Mutter[1] sie rauschend geboren,
Fort fliehn sie und bleiben sich ewig verloren.

Zwei *Zinken* ragen in's Blaue der Luft,
Hoch über der Menschen Geschlechter,
Drauf tanzen, umschleiert mit goldenem Duft,
Die Wolken, die himmlischen Töchter.
Sie halten dort oben den einsamen Reihn,
Da stellt sich kein Zeuge, kein irdischer ein.

Es sitzt die Königin hoch und klar
Auf unvergänglichem Throne.
Die Stirn umkränzt sie sich wunderbar
Mit diamantener Krone;
Drauf schiesst die Sonne die Pfeile von Licht,
Sie vergolden sie nur und erwärmen sie nicht.

Schiller.

„ГОРНАЯ ДОРОГА" ШИЛЛЕРА.

(ПО ДЮНЦЕРУ).

Это стихотвореніе явилось въ 1804 г. вслѣдствіе занятій Шиллера драмой „Вильгельмъ Телль". Шиллеръ послалъ его къ Гёте, какъ загадку для разрѣшенія. Это стихотвореніе изображаетъ „пріятное восхожденіе на Готардъ". Такъ рѣшилъ его смыслъ Гёте. Оно изображаетъ величавыя сцены природы, встрѣчаемыя при восхожденіи на Готардъ до самой вершины его, въ сказачномъ тонѣ, отъ котораго становится жутко. Дабы сохранить за стихотвореніемъ характеръ загадки, заглавіе не называетъ описываемаго мѣста. Пѣснь Миньоны[2] („Ты знаешь ли край"?) носилась передъ Шиллеромъ, когда онъ писалъ это стихотвореніе, особенно ея послѣдняя строфа.

Съ мѣстностью Шиллеръ ознакомился изъ писемъ Гёте къ нему и его разсказовъ, а также изъ его писемъ во время путешествія на Готардъ, которыя печатались въ 1786 г. въ журналѣ „Горы" (die Horen), изъ „Исторіи Швейцарцевъ" Іоганна Мюллера и „Писемъ о Швейцаріи" Мейнерса и др.

Строфа 1-я. Дорога отъ Амстега черезъ Вазенъ и Гешененъ и черезъ Шеллененскій проходъ, окруженный высокими гранитными скалами до Чортова моста въ $1^1/_4$ час. разстоянія отъ прохода. Гёте такъ описываетъ эту дорогу, начиная

---

[1] *Mutter*—не переведенная Жуковскимъ метафора. Здѣсь должно разумѣть ту гору, на которой образуются источники этихъ рѣкъ.

[2] См. Хрестом. для III и IV классовъ.

отъ Вазена, въ „Поэзіи и правдѣ моей жизни“: „Скалы становились все могущественнѣе и страшнѣе; дорога отъ Чортовой скалы (обломка скалы, направо отъ ледника) до Чортова моста становится все затруднительнѣе“. Въ дневникѣ, веденномъ во время поѣздки въ Швейцарію 1797 г. и сообщенномъ Шиллеру, Гёте пишетъ о дорогѣ за Гешененомъ: „Странные виды въ глубину открываются позади. На нашей сторонѣ гранитныя стѣны, которыхъ сухія мѣста имѣли сѣрный цвѣтъ, а влажныя—фіолетовый. Сегодня первое солнце освѣтило путь и пѣнистую Рейсу между страшными обломками гранита. Трудный всходъ. Сосны совсѣмъ изчезаютъ“. Мюллеръ говоритъ о дорогѣ за Гештиненомъ (1, 11): „По обѣ стороны стоятъ огромныя голыя скалы, по порогамъ бурлитъ Рейса, на берегахъ разбросаны обломки скалъ, оторванные отъ Готарда временемъ, снѣгомъ, воздухомъ или сильными сотрясеніями почвы; такъ продолжается до самаго моста, облитаго водяной пылью“. *Телль* Шиллера говоритъ Іоанну Паррицидѣ (V, 2):

„Вы подымаетесь на встрѣчу Рейсѣ, которая въ безумномъ бѣгѣ стремится съ горы.—Вдоль пропасти идетъ дорога, и много крестовъ обозначаютъ ее, воздвигнутыхъ въ память путешественниковъ, погибшихъ подъ лавинами.—И если вы счастливо миновали этотъ путь, полный ужасовъ, если гора не ниспослала вамъ бури съ своей ледяной вершины....“ Мейнерсъ насчитываетъ между Гештиненомъ и Чортовымъ мостомъ только восемь такихъ крестовъ.

„Чѣмъ болѣе приближаешься къ Чортову мосту“, говоритъ онъ, „чѣмъ отвѣснѣе становятся скалы: тѣмъ съ большей силой пробирается Рейса по своей узкой и неровной долинѣ“. Долина Рейсы, шумъ которой слышенъ далеко внизу, называется „долиною грохота“ (Krachenthal). Шиллеръ говоритъ, что дорога вдоль нея „межъ жизнью и смертію мчится“, т. е. что она угрожаетъ погибелью тому, кто оступится. Великаны, заступающіе путь—Шеллененскія скалы; онѣ представляются ужасающемуся путнику разбойниками, сторожащими путешественника. Но тамъ еще спитъ львица. Сохрани Богъ разбудить ее; потому должно „въ молчаніи пройти“ по дорогѣ. Народное названіе, испорченное слово *львица* (Löwin), на мѣстномъ нарѣчіи обозначаетъ *лавину*, чѣмъ Гёте и воспользовался для своей загадки. Эта игра словъ не переводима.

Строфа 2. Чортовъ мостъ, прежде называвшійся Пыльнымъ мостомъ, „такъ какъ Рейса обдаетъ его водяною пылью, красиво низвергаясь на 80 фут. ниже его, что Шиллеръ нашелъ у Мюллера. Старый мостъ былъ такъ узокъ, что три человѣка другъ возлѣ друга съ трудомъ могли пройти по немъ; его и теперь видно, на 20 ф. ниже вновь выстроеннаго моста. „Оставляешь за собою страшно нависшія скалы, которыя ежеминутно угрожаютъ паденіемъ“, замѣчаетъ Мейнерсъ. „Влѣво подымаются цѣлыя стѣны скалъ такой ужасной вышины, что не смѣешь поднять взора вверхъ, опасаясь упасть въ Рейсу, бушующую подъ ногами.—Вправо разгнѣванная четырьмя или пятью водопадами Рейса встрѣчаетъ другую стѣну скалъ, у подошвы которыхъ волны ея постояннымъ прибоемъ промыли большія углубленія“. Что мостъ выстроенъ демономъ, какъ говоритъ народное сказаніе, поэтъ не упоминаетъ для того, чтобъ не выдать смысла загадки.

Строфа 3-я. Урнеръ-Лохъ и видъ на долину Урнера, или Урзернера. Гёте описываетъ дорогу за Чортовымъ мостомъ въ „Поэзіи и правдѣ“ такъ: „Съ трудомъ шли мы дальше; ужасающая дикость усиливалась; плоскость обращается въ горы, углубленія въ пропасти. Проводникъ привелъ меня къ Урнеръ-Лоху (въ 1707 г. взорванная штоль-

на[1] въ 180 ф. длины, 16 ф. ширины и 14 ф. вышины), черезъ который я прошелъ угрюмо: все видѣнное доселѣ было такъ величаво, а эта темнота уничтожала все впечатлѣніе. Но хитрый проводникъ конечно предвидѣлъ то пріятное изумленіе, которое ожидало меня при выходѣ. Слегка пѣнящаяся рѣка извивалась здѣсь кротко по плоской долинѣ, правда—окруженной горами, но достаточно широкой и приглашающей къ поселенію на ней. Надъ чистенькимъ мѣстечкомъ Урзеренъ, съ церковью, расположеннымъ въ равнинѣ, поднималась сосновая рощица, тщательно сберегаемая, такъ-какъ она охраняетъ обитателей ея подошвы отъ падающихъ сверху лавинъ. Зеленѣющіе луга долины снова украшены вдоль рѣки ивой; здѣсь снова можно любоваться давно не видѣнной растительностью". А въ письмахъ, упомянутыхъ выше, онъ пишетъ, что долина эта замѣчательна тѣмъ, что на такой высотѣ доставляетъ прекрасныя пастбища. „Здѣсь не растутъ деревья; лишь ракитовые кусты окаймляютъ рѣчку, а по горамъ переплетаются кустарники. Эта мѣстность полюбилась мнѣ и заинтересовала меня болѣе всѣхъ другихъ, когда либо мною видѣнныхъ; быть можетъ, ей даютъ особенную цѣну старыя воспоминанія, или это таинственное, невыразимо пріятное чувство возникаетъ при видѣ такого множества чудесъ природы, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ". Мюллеръ говоритъ, что вся природа здѣсь какъ бы улыбается: „Все здѣсь зелено; на всемъ пространствѣ колышется высокая трава, оживленная всякаго рода цвѣтами; черезъ все это извивается Рейса; вотъ прекрасная деревня Урзеренъ близъ луга; по холмамъ пасется скотъ; надъ селеніемъ стоитъ древняя заповѣдная роща, вѣрная охрана отъ снѣжныхъ лавинъ; вся долина окружена окаменѣвшей дикостью". В. Телль у Шиллера описываетъ дорогу за Чортовымъ мостомъ такъ:

„Когда счастливо вы миновали ихъ, то передъ вами открываются въ скалахъ ворота; издревле ни одинъ лучъ не освѣщалъ ихъ. Вы проходите черезъ нихъ, и они приводятъ васъ въ веселую долину радости".

„Тамъ осень играетъ (обнимается) съ весною". Такъ какъ зима продолжается почти восемь мѣсяцевъ, то лѣтніе мѣсяцы замѣняютъ и осень, и весну. Здѣсь и лѣтомъ бываетъ иногда холодно.

Строфа 4. Начало четырехъ рѣкъ, которыя текутъ на всѣ четыре стороны свѣта и никогда не находятъ другъ друга. „Не вдалекѣ отъ этого дома (госпиталя на Готардѣ) находятся два маленькія озера", пишетъ Гете (въ приведенныхъ „Письмахъ изъ Швейцаріи"), изъ которыхъ одно (озеро Луцендро) изливаетъ Течино по ущельямъ и долинамъ въ Италію, другое (Стелла) такимъ же образомъ изливаетъ Рейсу въ Фирвальдтштетское озеро. Недалеко отсюда (на горѣ Криспальтъ, къ сѣверу-востоку отъ Готарда) беретъ свое начало Рейнъ и бѣжитъ къ востоку; если же присоединить сюда Рону, берущую свое начало у подошвы Фурки и текущую на западъ черезъ Валлисъ, то дѣйствительно здѣсь стоишь на перекресткѣ горъ и рѣкъ, которыя расходятся во всѣ четыре стороны свѣта". Рѣки начинаются въ ледникахъ; настоящихъ ихъ источниковъ нельзя открыть. О семи озерахъ на Готардѣ замѣчаетъ Шеухцеръ, что частію начальными ихъ источниками служатъ ручьи, стекающіе съ болѣе высокихъ горъ, частію источники эти скрыты въ собственной богатой родниками глубинѣ этихъ озеръ. Гете въ своихъ

---

[1] *Штольна*—горизонтальная выработка въ рудникѣ, имѣющая выходъ на поверхность.

письмахъ о снѣжномъ ледникѣ Роны говоритъ, что онъ широко овладѣлъ вершиной одной горы и непрерывно спускается до той долины, гдѣ изъ него вытекаетъ Рона. Въ „В. Теллѣ“ упоминаются не источники рѣкъ, а озера С. Готардской вершины. Родившись въ высотѣ горы, они стекаютъ внизъ, не встрѣчаясь болѣе никогда другъ съ другомъ. Хотя воды Рейсы далѣе соединяются съ Рейномъ, но посредствомъ р. Ааръ.

Строфа 5. Вершины скалъ Проза и Фіендо, на которыхъ поэтъ заставляетъ облака водить хороводы, подобно пляскамъ вѣдьмъ на Блоксбергѣ. Эпитетъ „золотыя“ не можетъ быть объясненъ упомянутымъ въ слѣдующей строфѣ освѣщеніемъ солнца, но есть поэтическое описаніе образовъ эльфъ, представляющихся поэту. „Тамъ не былъ, не будетъ свидѣтель земной“—гипербола поэта.

Строфа 6. Муттгорнъ со своимъ вѣчнымъ льдомъ, озолоченный лучами солнца. Здѣсь поэтъ представляетъ себѣ царицу горъ. „Готардъ, хотя и не высочайшая гора въ Швейцаріи“, пишетъ Гёте въ „Письмахъ о Швейцаріи“, „но онъ удерживаетъ за собой значеніе царственной горы надъ всѣми другими потому, что величайшія цѣпи горъ сходятся у него и прислоняются къ нему. Если не ошибаюсь, то я слышалъ отъ г. Витенберга въ Бернѣ, видѣвшаго съ высочайшей высоты вершины всѣхъ прочихъ горъ, что всѣ онѣ какъ будто преклоняются передъ ней“.

Кавказъ. *

Онъ [1] видитъ — Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ бѣжитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь Черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы Калмыковъ.
Вдали—Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.
Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ,
Стоитъ Бешту остроконечный,
И зеленѣющій Машукъ,
Машукъ — податель струй цѣлебныхъ;
Вокругъ ручьевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой...

Пушкинъ.

Кавказъ.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая [2] пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,

* Картина Кавказа, точка зрѣнія которой измѣняется, ибо она изображена, какъ представляется ѣдущему путешественнику. Мѣстность оживлена изображеніемъ животныхъ, какъ водопадъ у Державина (см. ниже).

[1] Путешественникъ, сопровождающій русское войско во время войны за Кавказомъ.—[2] *Изгнанникъ рая*—демонъ (отрывокъ изъ поэмы «Демонъ» Лермонтова).

Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ [1]
И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой [2] на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ....

Лермонтовъ.

Роща *.

Жара заставила насъ наконецъ войти въ рощу; я бросился подъ высокій кустъ орѣшника, надъ которымъ молодой, стройный кленъ

---

[1] *Дарьяльское ущелье*, гдѣ течетъ Терекъ (ср. «Кавказъ», стих. Пушкина въ «Хрестоматіи для III и IV классовъ»).—[2] *Съ косматой гривой* — промахъ поэта противъ правды естественноисторической: львицы не имѣютъ гривы.

* Простота описанной картины и ограниченность горизонта зрѣнія дали возможность автору изобразить деревья рощи до мельчайшихъ подробностей. Послѣ 1-й части, гдѣ нѣсколькими эпитетами живо намѣчены признаки рощи, во 2-й части авторъ изображаетъ подробно деревья, подъ которыми онъ лежалъ, глядя вверхъ. Эта часть замѣчательна сравненіями (*неба* съ *моремъ*, *деревьевъ* съ *водяными растеніями*, отдѣльнаго *листка* на фонѣ неба съ *рыбкою* въ водѣ, *облаковъ* съ *волшебными пловучими островами*, движенія листьевъ съ *зыбью*); всѣ сравненія гармонируютъ одно съ другимъ, образуя какъ бы другую воображаемую картину, на ряду съ картиною дѣйствительною.

Напротивъ, разнородность сравненій сообщаетъ слогу изысканность (κατάχρησις злоупотребленіе), что можно видѣть, напр., въ слѣдующемъ описаніи Д. Григоровича *Вскрытія Оки:* «Въ самую полночь послышался неожиданно страшный трескъ, сопровождаемый ударами, какъ будто тысячи исполинскихъ молотовъ заколотили разомъ въ берега и ледяную поверхность рѣки; трескъ этотъ весьма похожій на то, какъ будто разрушилось вдругъ нѣсколько сотенъ избъ, мгновенно смѣнился глухимъ, постепенно возвышающимся гуломъ, который заходилъ посреди ночи, подобно освирѣпѣлому вѣтру, ломающему на пути своемъ столѣтніе дубы, срывающему кровли».

Синтаксически сравненія выражены такъ: *вамъ кажется*, что..., *словно* корни, *напоминая* игру рыбьяго плеска, *какъ будто*... островами проходятъ облака. Тѣмъ же средствомъ (сравненіемъ) пользуется авторъ далѣе въ концѣ описанія, гдѣ онъ изображаетъ свое душевное состояніе—дѣятельность воображенія: воспоминанія, мѣрно смѣняющія одно другое (*какъ облака* по небу... *вереницей*); чувства сердца (метафоры *тихо* и *сладко* и описаніе чувства изображеніемъ внѣшняго его выраженія—улыбки, сравниваемой съ *лазурью*).—Расположеніе 2-й части: сначала внѣшнія впечатлѣнія, потомъ душевныя. Расположеніе всего описанія: сопоставленіе чувствъ, возбуждаемыхъ природою (2-я часть) съ чувствами, возбужденными крестьяниномъ—Касьяномъ (въ 1-й части) открываетъ основную

красиво раскинулъ свои легкія вѣтки. Касьянъ присѣлъ па толстый конецъ срубленной березы. Я глядѣлъ на него. Листья слабо колебались въ вышинѣ, и ихъ жидкозеленоватыя тѣни тихо скользили взадъ и впередъ по его щедушному тѣлу, кое-какъ закутанному въ темный армякъ, по его маленькому лицу. Онъ не поднималъ головы.

Наскучивъ его безмолвіемъ, я легъ на спину и началъ любоваться мирною игрой перепутанныхъ листьевъ на далекомъ свѣтломъ небѣ. Удивительно пріятное занятіе лежать на спинѣ въ лѣсу и глядѣть вверхъ. Вамъ кажется, что вы смотрите въ бездонное море, что оно широко разстилается подъ вами, что деревья не поднимаются отъ земли, но словно корни огромныхъ растеній, спускаются, отвѣсно падаютъ въ тѣ стеклянно-ясныя волны; листья на деревьяхъ то сквозятъ изумрудами. то сгущаются въ золотистую, почти черную зелень; гдѣ-нибудь, далеко, далеко, оканчивая собою тонкую вѣтку, неподвижно стоитъ отдѣльный листокъ на голубомъ клочкѣ прозрачнаго неба, и рядомъ съ нимъ качается другой, напоминая своимъ движеніемъ игру рыбьяго плеска, какъ будто движеніе то самовольное и не производится вѣтромъ. Волшебными подводными островами тихо наплываютъ и тихо проходятъ бѣлыя круглыя облака... И вотъ вдругъ все это море, этотъ лучезарный воздухъ, эти вѣтки и листья, обагренные солнцемъ — все заструится, задрожитъ бѣглымъ блескомъ, и поднимется свѣжее трепещущее лепетаніе, похожее на безконечный мелкій плескъ внезапно набѣжавшей зыби.

Вы не двигаетесь—вы глядите, и нельзя выразить словами, какъ радостно и тихо и сладко становится на сердцѣ. Вы глядите — та глубокая, чистая лазурь возбуждаетъ на устахъ вашихъ улыбку, невинную какъ она сама; какъ облака по небу, и какъ будто вмѣстѣ съ ними, медлительной вереницей проходятъ по душѣ счастливыя воспоминанія; и все вамъ кажется, что взоръ вашъ уходитъ дальше и дальше и тянетъ васъ самихъ за собой въ ту спокойную сіяющую бездну, и невозможно оторваться отъ этой вышины, отъ этой глубины [1].

Тургеневъ.

Березовая и осиновая рощи *.

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ мелкій дождь, смѣняемый по временамъ

мысль статьи, мысль, господствующую въ «Запискахъ охотника», откуда описаніе это взято. «Переходъ отъ 1-й части ко 2-й: «Наскучивъ безмолвіемъ...»

[1] Метафора *глубины* послѣ слова собственнаго значенія *вышины* возвращаетъ читателя къ началу описанія (море), сообщая ему единство образовъ.

* Въ первой части этого описанія размѣры моментовъ, измѣняющихъ представленія, менѣе, нежели въ трехъ предъидущихъ описаніяхъ (три поры сутокъ въ «Степи» Гоголя; времена года въ «Степяхъ» Пассека; безъ вѣтра и при по-

теплымъ солнечнымъ сіяніемъ: была непостоянная погода. Небо то все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то вдругъ мѣстами разчищалось на мгновенье [1], и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучъ показывалась лазурь, ясная и ласковая, какъ прекрасный глазъ [2]. Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли [3] надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка; лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли; березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно-играющій лучъ зимняго солнца;—и украдкой, лукаво начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла: лишь кой-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только что омытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы.

Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я прошелъ черезъ высокую осиновую рощу [4]. Я, признаюсь, не слишкомъ

рывѣ его—въ «Рощѣ» Тургенева): здѣсь моменты непостоянной погоды измѣняютъ картину безпрестанно.— Это описаніе отличается также деталями (подробностями). Особенною отдѣлкою отличается выраженіе такого оттѣнка въ шумѣ листьевъ, который уловимъ лишь для чуткаго уха знатока природы. Словарь не имѣетъ словъ для выраженія такихъ тонкихъ впечатлѣній, а потому поэтъ находитъ выраженіе ихъ въ указанныхъ ниже средствахъ изобразительнаго слога.

[1] Все дальнѣйшее описаніе березовой рощи расположено въ виду этихъ измѣненій *свѣта*.—[2] Сличи сравненіе улыбки съ лазурью въ предъидущемъ описаніи.—[3] *Шумѣли*—общее обозначеніе шума листьевъ не удовлетворило автора и онъ описываетъ отличительный шумъ листьевъ въ изображаемый моментъ чрезъ рядъ отрицательныхъ сравненій (не трепетъ весны, не говоръ лѣта, не лепетанье поздней осени) и метафорой (болтовня) съ 2 эпитетами (едва слышная, дремотная).—[4] Осиновая роща описана чертами, болѣе общими,

люблю это дерево—осину—съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащи́мъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ, и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ,—или когда, въ ясный вѣтренный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ-будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска.

Тургеневъ.

Садъ *.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохшій, казалось, одинъ освѣжалъ обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными [1] куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или гро-

---

нежели березовая, такъ-какъ здѣсь описаніе ея составляетъ часть второстепенную: осина изображена въ 2 момента, выбранные въ виду двухъ противоположныхъ впечатлѣній (пріятнаго и непріятнаго), ею производимыхъ: ими исключительно руководился авторъ при выборѣ признаковъ въ этомъ второстепенномъ описаніи.

* Въ виду выраженной въ концѣ статьи мысли о соединеніи дикихъ силъ природы съ правильною искусственностію и безвкусіемъ помѣщичьихъ затѣй, 1-я часть описанія даетъ представленіе однихъ силъ природы; тому же посвящена и 3-я часть. Въ средней же (2-й) части сопоставлены произведенія природы съ остатками прежней отдѣлки сада. Здѣсь—при изображеніи растительности, «страшной глушины»—длинное придаточное предложеніе къ подлежащему *чапыжникъ* замѣчательно з в у к о п о д р а ж а т е л ь н ы м ъ стеченіемъ шипящихъ и свистящихъ звуковъ (густой *щ*етиною вытыкав*ш*ій изъ-за ивы и*с*о*х*шіе отъ стра*ш*ной глу*ш*ины, перепутав*ш*іе*ся* ли*ст*ья и *с*учья), изображающимъ трескъ сушняка, который слышится, когда, раздвигая вѣтви пройдешь по такому глухому мѣсту; свистящіе звуки изчезаютъ, какъ только авторъ въ слѣдующемъ предложеніи перешелъ къ описанію свѣжей вѣтви клена и встрѣчаются до конца періода въ количествѣ, значительно меньшемъ, нежели то обыкновенно бываетъ въ русской рѣчи; тутъ замѣтно преобладаніе звуковъ плавныхъ и гласныхъ.

[1] *Трепетолистными*—сложный эпитетъ. Это одна изъ тѣхъ особенностей слога, которая въ болѣе раннихъ произведеніяхъ Гоголя показываетъ то сильное впечатлѣніе, какое произвелъ на него Гнѣдичевскій переводъ Гомера. Ср. примѣчанія къ «Тарасу Бульбѣ» (въ отд. «Художественныхъ повѣствованій»).

зою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица [1]. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ.

Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, сіявшее, какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его—бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перила, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, чапыжникъ [2], густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья,—и наконецъ молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ.

Въ сторонѣ у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ, осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и не вполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями.

Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному часто безъ толку труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и даетъ чудную теплоту [2] всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Гоголь.

---

[1] Детали Гоголевскихъ описаній не всегда состоятъ изъ типическихъ признаковъ (каковы напр. въ описаніяхъ Тургенева, въ любой чертѣ которыхъ каждый читатель узнаетъ природу средней Россіи, всякому знакомую породу деревьевъ, птицъ и т. п.). Гоголь сверхъ того даетъ образы, отличающіеся оригинальностію, какъ «игра природы»: къ числу ихъ должно отнести описанную здѣсь сломленную березу. Образъ ея авторъ подмѣтилъ въ дѣйствительности (см. письма Гоголя) и перенесъ цѣликомъ въ описаніе сада Плюшкина, со всею его исключительной индивидуальностью. —[2] *Чапыжникъ* — кустарникъ (отъ областнаго *чапать* — цѣплять).—[3] *Теплота*— метафора, весьма употребительная въ языкѣ художниковъ. Она означаетъ не рѣзкое и успокоивающее впечатлѣніе гармонически сочетаемыхъ красокъ и линій.

Тарантъ *.

Тарантъ небольшой, веселый городокъ, въ глубинѣ пышной долины.—Заказавъ въ трактирѣ обѣдъ, пошли мы бродить; день былъ жаркій, обѣщалъ грозу (но онъ не сдержалъ обѣщанія), и солнце, щадя насъ, безпрестанно пряталось за облака и наводило свѣтъ и тѣнь на окружавшіе насъ утесы. Изъ трактира, который стоитъ въ самой глубинѣ долины, окруженной тополями, полѣзли мы на вершину горы, по тропинкѣ, весьма крутой, но хорошо отдѣланной для гуляющихъ, къ такъ называемому Храму Солнца; этотъ храмъ достоинъ своего имени только по прелестному виду, которымъ наслаждаешься съ его порога, а не по своей архитектурѣ: онъ изъ коры, покрытъ соломою, и на скамейку, которая внутри его манитъ къ себѣ усталаго, нельзя сѣсть: такъ она пыльна и нечиста. Съ этого мѣста самый обширный видъ на Тарантъ [1], но самый живописный—изъ оконъ развалившагося замка: подъ стѣнами развалинъ большой прудъ; влѣво церковь; за прудомъ весь городокъ съ кудрявыми утесами, его окружающими, и все чрезвычайно оживлено; природа не хотѣла здѣсь быть ужасною, и самые дикіе утесы свои скрыла она подъ веселою зеленью разнообразныхъ деревьевъ. Впечатлѣніе, которое она здѣсь производитъ, есть какое-то веселое, спокойное довольство; радуешься настоящею минутою, не мечтая о далекомъ: веселая, живая, разнообразная существенность, не смѣшанная ни съ чѣмъ идеальнымъ! Заслуживъ свой аппетитъ, мы весьма вкусно обѣдали въ трактирѣ, и между тѣмъ, какъ мы ѣли свѣжихъ форелей, нѣсколько менестрелей [2] играли на арфахъ и пѣли: Freut euch des Lebens! и Komm! am Rhein, da wachsen unsere Reben [3] и польскій Огинскаго. Вир-

* Описаніе, противоположное предъидущему по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія изображены здѣсь. Оно замѣчательно умѣньемъ автора передать изящно ощущенія даже низшихъ чувствъ (вкусъ форелей...). Изящество это достигается легкимъ шутливымъ тономъ описанія (обѣщавшій грозу день не сдержалъ обѣщанія, *изъ трактира полѣзли мы на вершину* горы; *Храмъ* Солнца покрытъ *соломою* и со скамейкою, на которую нельзя сѣсть...: *заслуживъ* свой аппетитъ; сопоставленіе удовольствія отъ *свѣжихъ форелей* съ удовольствіемъ отъ *музыки... виртуозы* были не перваго класса... *менестрели*...), который однако же не переходитъ въ плоскій фельетонный тонъ: самыя чувства сдержанно названы *веселымъ спокойнымъ довольствомъ*, *существенностью, не смѣшанною ни съ чѣмъ идеальнымъ*. Согласно господствовавшему настроенію сдѣланъ и выборъ признаковъ, на которыхъ онъ останавливаетъ вниманіе: «природа не хотѣла быть ужасною и *скрыла* дикіе утесы подъ веселою зеленью (и выше: кудрявыми утесами); храмъ со скамейкою, *на которую нельзя сѣсть*; такъ она *пыльна и нечиста*». Сопоставленіе этого описанія съ предъидущими наглядно объясняетъ субъективность художественныхъ описаній въ отличіе отъ объективности описаній простыхъ. Расположеніе описанія—въ порядкѣ времени.

[1] *Тарантъ*—городокъ въ Саксоніи.—[2] *Менестрели* (изъ лат. ministeriales)—бродячіе пѣвцы (въ средніе вѣка во Франціи и Англіи)—[3] т. е: «Радуйтесь жизни»! «На Рейнъ! тамъ растутъ наши лозы!»

туозы были не перваго класса, но, признаюсь, я слушалъ съ большимъ удовольствіемъ; всѣ эти мелодіи были знакомцы стараго времени.

Жуковскій.

Гранада *.

Въ жизнь мою не забуду того впечатлѣнія, какое испыталъ я, когда на другой день послѣ моего пріѣзда сюда, пошелъ я по Гранадѣ. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ привыкнувъ видѣть около себя природу суровую, почти всюду сожженную солнцемъ, небо постоянно яркое и знойное, не находя мѣста, гдѣ бы прохладиться отъ жару,—вдругъ неожиданно найти городъ, утонувшій въ густой, свѣжей зелени садовъ, гдѣ на каждомъ шагу бѣгутъ ручьи и разносится прохлада.... Нѣтъ! это можно оцѣнить только здѣсь, подъ этимъ африканскимъ солнцемъ.

По городу только и слышался шумъ воды и журчанье фонтановъ въ садахъ. Здѣсь первая комната въ каждомъ домѣ—садъ. Часто попадаются садики снаружи, обнесенные желѣзными рѣшетчатыми заборами и наполненные густыми купами цвѣтовъ, надъ которыми блестятъ струйки фонтановъ; цвѣты и на террасѣ, и на балконахъ; а когда я подошелъ къ холму Альямбры, до самаго верха покрытому густою рощею, я не умѣю передать этого ощущенія. Три дня горной дороги верхомъ подъ этимъ знойнымъ солнцемъ просто сожгли меня: голова моя и все тѣло горѣли. Теперь же передо мной было море самой свѣжей зелени; прохлада, отраднѣйшая прохлада охватила меня. Лучи солнца не проникали сквозь гущу листьевъ; ручьи журчали со всѣхъ сторонъ; по дорожкамъ фонтаны били самою чистою холодною водою. Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ прохладнѣе становилась тѣнь. Никогда я не видалъ такого разнообразія, такой свѣжей зелени. Дикій виноградъ обвивался около дубовъ; олеандръ сплетался съ сѣвернымъ серебристымъ тополемъ; изъ плакучей ивы весело торчали вѣтви душистаго лавра, гранаты возлѣ вязовъ, алоэ возлѣ липъ и каштановъ—всюду смѣшивалась растительность юга и сѣвера.

Вотъ климатъ Гранады, и вотъ одно изъ ея очарованій: это огонь и ледъ, зной и прохлада, и чѣмъ жаръ жгучѣе, тѣмъ сильнѣе таетъ снѣгъ на Сіеррѣ, и тѣмъ стремительнѣе бѣгутъ ручьи и фонтаны. Это сліяніе воды и огня дѣлаетъ климатъ Гранады единственнымъ въ мірѣ. Прибавьте къ этому, что если вѣтеръ со стороны Сіерры-Невады, то, не смотря на весь зной солнца, воздухъ наполненъ прохладой. Въ этихъ густыхъ аллеяхъ рѣдко кого встрѣчаешь—самая пустынная тишина, но все вокругъ журчитъ и шелеститъ, словно роща живетъ и дышетъ.

---

* Разнообразныя представленія этого описанія приводятся къ единству тѣмъ, что авторъ рѣзко выдвинулъ одинъ господствующій признакъ описываемой мѣстности.

Мѣстами стоятъ скалы, покрытыя зеленымъ мохомъ; по инымъ тоненькими сверкающими ленточками бѣгутъ ключи. Это не походитъ ни на какой садъ въ Европѣ,—это задумчивость сѣвера, слитая съ влажною, сверкающею красотою юга.

Я легъ на прохладный мохъ перваго попавшагося камня и долго лежалъ, вслушиваясь въ журчаніе ручьевъ, словно въ какія-то неясныя, но сладкія душѣ мелодіи. Какъ понималъ я скорбь Мавровъ, когда изгоняли ихъ изъ Гранады! Въ 1772 г. пріѣзжалъ въ Испанію посолъ марокскаго владѣтеля. Онъ былъ Мавръ и попросилъ позволенія ѣхать назадъ черезъ Гранаду. Войдя въ Альямбру, онъ началъ молиться, заплакалъ и, ударяя себя въ грудь, горестно вскричалъ: «Какъ могли мои предки потерять такое блаженство!» Я помню, какъ одинъ Мавръ въ Танхерѣ, едва объяснявшійся по-испански, сказалъ мнѣ, что въ семьѣ его хранится ключъ отъ ихъ дома въ Гранадѣ, который заперли они при изгнаніи. Мавры надѣются когда-нибудь воротиться въ Гранаду!

Боткинъ.

Прудъ.

Широкій прудъ дышалъ на насъ прохладой; прохладой вѣяло и отъ сырого обрывистаго берега: и тѣмъ слаще была она, что тамъ, надъ головою, въ золотистой и темной лазури, надъ купами деревьевъ ощутительнымъ бременемъ нависъ неподвижный зной. Вода не колыхалась около плота; въ тѣни, падавшей на нее съ раскидистыхъ прибрежныхъ кустовъ, блестѣли, какъ крохотныя свѣтлыя пуговки, водяные паучки, описывавшіе свои вѣчные круги; лишь изрѣдка чуть замѣтная рябь шла отъ поплавковъ, когда рыба «шалила» съ червякомъ.

Тургеневъ.

Село *.

Село съ своими избушками и скирдами, зелеными коноплянниками и тощими ракитами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханныхъ черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; во стѣ шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду росли старыя, безплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя вороньими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домикѣ (бывшей гос-

* Изъ выбора признаковъ легко извлекается отношеніе автора къ описываемому предмету, хотя онъ нигдѣ не упоминаетъ о своихъ чувствахъ

водской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, покашливая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои.

Тургеневъ.

Заброшенная усадьба *).

Старый прудъ давно пересталъ быть прудомъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ его прорвало, и съ тѣхъ поръ его забросили. Только по ровному и плоскому дну оврага, нѣкогда затянутаго жирнымъ иломъ, да по остаткамъ плотины можно было догадаться, что здѣсь былъ прудъ. Тутъ же существовала усадьба. Она давнымъ-давно изчезла. Двѣ огромныя сосны напоминали о ней; вѣтеръ вѣчно шумѣлъ и угрюмо гудѣлъ въ ихъ высокой, тощей зелени... Въ народѣ ходили таинственные слухи о страшномъ преступленіи, будто бы совершенномъ у ихъ корня; поговаривали также, что тутъ прежде стояла сосна, которая въ бурю повалилась и задавила дѣвочку. Все мѣсто около стараго пруда считалось нечистымъ; пустое и голое, но глухое и мрачное, даже въ солнечный день, — оно казалось еще мрачнѣе и глуше отъ близости дряхлаго дубоваго лѣса, давно вымершаго и засохшаго. Рѣдкіе сѣрые остовы громадныхъ деревьевъ высились какими-то унылыми призраками надъ низкой порослью [1] кустовъ. Жутко было смотрѣть на нихъ: казалось, злые старики сошлись и замышляютъ что-то недоброе. Узкая, едва протоенная дорожка вилась въ сторонѣ. Безъ особенной нужды никто не проходилъ мимо стараго пруда.

Тургеневъ.

Церковь ночью.

Помнится, однажды поздней ночью, въ Москвѣ, я подошелъ къ рѣшетчатому окну старенькой церкви и прислонился къ неровному стеклу. Было темно, подъ низкими сводами позабытая лампадка едва теплилась краснымъ огонькомъ передъ древнимъ образомъ, и смутно виднѣлись однѣ только губы святаго лика, сторогія, скорбныя; угрюмый мракъ надвигался кругомъ и, казалось, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый лучъ ненужнаго свѣта...

Тургеневъ

Усадьба старосвѣтскихъ помѣщиковъ.

Я очень люблю скромную жизнь тѣхъ уединенныхъ владѣтелей отдаленныхъ деревень, которыхъ въ Малороссіи обыкновенно называютъ старосвѣтскими, которые, какъ дряхлые живописные домики, хороши

---

* Всѣ признаки подготовляютъ къ заключительнымъ словамъ, выражающимъ чувство, возбуждаемое мѣстностью: «*Жутко* было смотрѣть»...

[1] *Поросль*—молодые побѣги отъ корня. Далѣе антитеза: *старики*.

своею простотою и совершенною противоположностью съ новенькимъ гладенькимъ строеніемъ, котораго стѣнъ не промылъ еще дождь, крыши не покрыла зеленая плѣсень, и лишенное штукатурки крыльцо не показываетъ своихъ красныхъ кирпичей [1]. Я иногда люблю сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни, гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ за частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, за плетень сада, наполненнаго яблонями и сливами, за деревенскія избы, его окружающія, пошатнувшіяся на сторону, осѣненныя вербами, бузиною и грушами [2]. Жизнь ихъ скромныхъ владѣтелей [3] такъ тиха, такъ тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желанія и тѣ неспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ [4], вовсе не существуютъ, и ты ихъ видѣлъ только въ блестящемъ, сверкающемъ сновидѣніи.

Я отсюда вижу низенькій домикъ съ галлереею изъ маленькихъ почернѣлыхъ деревянныхъ столбиковъ, идущею вокругъ всего дома, чтобы можно было, во время грома и града, затворить ставни оконъ,

---

[1] Сложное предложеніе, въ которомъ авторъ допустилъ наряду съ 2-мя придаточными пр., связанными съ главнымъ—мѣстоименіемъ *который* (*«которыхъ* называютъ....» и *которые* хороши...») еще три придаточныхъ къ одному изъ нихъ, присоединенныя тѣмъ же мѣстоименіемъ: въ 1 мъ изъ нихъ мѣстоименіе это на лицо (*котораго* стѣнъ не промылъ еще дождь), а въ двухъ остальныхъ оно подразумѣвается (*котораго* крыши не покрыла плѣсень....» и *«котораго* крыльцо не показываетъ кирпичей»). Замѣчательно, что въ эту капризную форму отлился поэтическій образъ, представляющій не менѣе капризный поворотъ мысли автора, допустившаго сравненіе старосв. помѣщиковъ съ предметомъ (дряхлыми домиками), который описанъ черезъ новое сравненіе, а именно черезъ противоположеніе съ третьимъ предметомъ (новенькимъ строеніемъ), описаннымъ опять только отрицательно, т. е. указаніемъ противоположныхъ ему признаковъ (характеризующихъ дряхлость) которые и возвращаютъ мысль къ первому главному предмету сравненія. Такому трехъ-членному сравненію можно указать—въ синтаксической области—аналогію въ двойномъ отрицаніи. Какъ двойное отрицаніе не вполнѣ тождественно утвержденію, отличаясь отъ него тонкимъ оттѣнкомъ: такъ избранное Гоголемъ вдвойнѣ-отрицательное сравненіе (старички хороши *противуположностью* съ новымъ строеніемъ, которое *не* старо) очевидно намѣренно не упрощено въ одно положительное.—[2] Это 2-е предложеніе, уже не отступающее отъ общепринятой формы подчиненія, тѣмъ не менѣе оригинально по расположенію мыслей, въ немъ выраженныхъ: все вниманіе отвлечено къ придаточнымъ предложеніямъ 2-й степени, замысловато присоединеннымъ къ придаточному 1-й степени и разрывающимъ его два раза, такъ-какъ они относятся къ 3-мъ членамъ этого придаточнаго; при всемъ этомъ къ послѣднему изъ этихъ членовъ (избы) отнесенъ цѣлый рядъ предложеній (три), заканчивающихъ періодъ обильнымъ рядомъ признаковъ этого второстепеннаго предмета второстепенной (по синтаксическому выраженію) мысли.—[3] *Ихъ* (*избъ*) *владѣтелей*—владѣльцевъ всей деревни, старосвѣтскихъ помѣщиковъ.—[4] *Страсти*, *желанія*—выходящія за указанные выше предѣлы уединенной сферы. *Порожденія злаго духа*—авторъ такъ называетъ всѣ помышленія и чувства, переступающія предѣлы указанной сферы, впадая въ тонъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ подъ обаяніемъ внушаемой ими симпатіи.

не замочась дождемъ. За нимъ душистая черемуха цѣлые ряды низенькихъ фруктовыхъ деревьевъ, потопленныхъ багрянцемъ вишенъ и яхонтовымъ [1] моремъ сливъ, покрытыхъ свинцовымъ матомъ; развѣсистый кленъ, въ тѣни котораго разостланъ для отдыха коверъ; передъ домомъ просторный дворъ съ низенькою свѣжею травкою, съ протоптанною дорожкою отъ амбара до кухни и отъ кухни до барскихъ покоевъ; длинношейный гусь, пьющій воду съ молодыми и нѣжными какъ пухъ гусятами; частоколъ, обвѣшанный связками сушеныхъ грушъ и яблокъ и провѣтривающимися коврами; возъ съ дынями, стоящій возлѣ амбара; отпряженный волъ, лѣниво лежащій возлѣ него, — все это для меня имѣетъ неизъяснимую прелесть, можетъ быть, отъ того, что я уже не вижу ихъ, [2] и что намъ мило все то, съ чѣмъ мы въ разлукѣ [3]. Какъ бы то ни было, но даже когда бричка моя подъѣзжала къ крыльцу этого домика, душа принимала удивительно пріятное и спокойное состояніе; лошади весело подкатывали [4] подъ крыльцо; кучеръ преспокойно слѣзалъ съ козелъ и набивалъ трубку, какъ будто бы онъ пріѣзжалъ въ собственный домъ свой; самый лай, который поднимали флегматическіе барбосы, бровки и жучки, былъ пріятенъ моимъ ушамъ.

Но болѣе всего мнѣ нравились самые владѣтели этихъ скромныхъ уголковъ, старички и старушки, заботливо выходившіе навстрѣчу. Ихъ лица мнѣ представляются и теперь иногда въ шумѣ и толпѣ, среди модныхъ фраковъ, и тогда вдругъ на меня находитъ полусонъ и мерещится былое. На лицахъ у нихъ всегда написана такая доброта, такое радушіе и чистосердечіе, что невольно отказываешься, хотя по крайней мѣрѣ на короткое время, отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній и незамѣтно переходишь всѣми чувствами въ низменную буколическую жизнь.

Гоголь.

Дворянская усадьба *.

Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, ко-

---

[1] *Яхонтъ*, иначе: лалъ, рубинъ. *Яхонтъ голубой* — сапфиръ. — [2] Тонкая насмѣшка, находящаяся въ связи съ словами «*иногда* люблю сойти въ сферу этой жизни» и «*на минуту* забываешься», и противоположная словамъ: «я *очень* люблю жизнь... все это имѣетъ ***неизъяснимую прелесть***». Это двойственное отношеніе автора къ изображаемой жизни составляетъ особенность повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики», въ которой сочувственное отношеніе къ изображаемому еще не вытѣснено исключительно отрицательнымъ, какъ то видимъ позже въ «Мертвыхъ душахъ». — [3] Снова періодъ, въ протазисѣ котораго придаточныя предложенія разрываютъ главное 5 разъ. Въ этихъ придаточныхъ предложеніяхъ изображены всѣ части картины помѣщичьей усадьбы, характеризующія жизнь ея владѣтелей искуснымъ выборомъ признаковъ. — [4] *Въ подл: подкачивали* отъ *качать*; здѣсь *подкатывали* отъ *катать, катить*.

* Тургеневъ здѣсь подражалъ предъидущему описанію Гоголя: 1) въ предметѣ описанія, 2) въ выборѣ признаковъ, 3) въ синтаксическомъ построеніи

торыми, двадцать-пять, тридцать лѣтъ тому назадъ [1], изобиловала наша великорусская Украйна? Теперь онѣ попадаются рѣдко, а лѣтъ черезъ десять и послѣднія изъ нихъ, пожалуй, изчезнутъ безслѣдно. Проточный прудъ, заросшій лозникомъ и камышами, приволье хлопотливыхъ утокъ, къ которымъ изрѣдка присосѣживается осторожный «чирокъ», за прудомъ садъ съ аллеями липъ, этой красы и чести нашихъ черноземныхъ равнинъ, съ заглохшими грядами «шпанской» земляники, со сплошной чащей крыжовника, смородины, малины, посреди которой, въ томный часъ неподвижнаго полуденнаго зноя, ужъ непремѣнно мелькнетъ пестрый платочекъ дворовой дѣвушки и зазвенитъ ея пронзительный голосокъ; тутъ же амбарчикъ на курьихъ ножкахъ, оранжерейка, плохонькій огородъ, со стаей воробьевъ на тычинкахъ и прикорнувшей кошкой близъ провалившагося колодца; дальше кудрявыя яблони надъ высокой, снизу зеленой, кверху сѣдой травой; жидкія вишни, груши, на которыхъ никогда не бываетъ плода; потомъ клумбы съ цвѣтами— макомъ, піонами, анютиными глазками, крыжантами, «дѣвицей-въ-зелени»; кусты татарской жимолости, дикаго жасмина, сирени и акацiи, съ непрестаннымъ пчелинымъ, шмелинымъ жужжаніемъ въ густыхъ, пахучихъ, липкихъ вѣткахъ; наконецъ, господскій домъ, одноэтажный, на кирпичномъ фундаментѣ, съ зеленоватыми стеклами въ узкихъ рамкахъ, съ покатой, нѣкогда крашеной крышей, съ балкончикомъ, изъ котораго повыпадали кувшино-образныя перила, съ кривымъ мезониномъ, съ безголосой старой собакой въ ямѣ подъ крыльцомъ; за домомъ широкій дворъ съ крапивою, полынью и лопухами по угламъ, службы съ захватанными дверями, съ голубями и галками на пробуравленныхъ соломенныхъ крышахъ, погребокъ съ заржавѣлымъ флюгеромъ, двѣ-три березы съ грачиными гнѣздами на голыхъ верхнихъ

предложеній, 4) въ тонѣ (юморъ). Въ послѣднемъ отношеніи видимъ сходство у обоихъ авторовъ въ двойственномъ отношеніи къ описываемому: сочувственномъ и отрицательномъ (здѣсь «аллеями *липъ*, *этой красы*»..., но вслѣдъ за тѣмъ: «*и чести* нашихъ черноземныхъ равнинъ»; «*томный* часъ полуденнаго зноя», и затѣмъ: «*пронзительный* голосокъ»; у Гоголя: я *очень люблю*, но далѣе: «*иногда* люблю; *на минуту* забываешься;» «все это для меня имѣетъ *неизъяснимую прелесть*», но тотчасъ: «...отъ того, что я уже *не вижу ихъ*;» «душа принимала удивительно *пріятное* и *спокойное* состояніе», «невольно отказываешься отъ всѣхъ дерзкихъ мечтаній,»—и рядомъ съ этимъ жизнь эта названа *низменною*. Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» двойственность выдержана во всей повѣсти съ сохраненіемъ равной силы обоихъ чувствъ; у Тургенева, едва мелькнувшее сочувствіе къ родной обстановкѣ переходитъ въ насмѣшку, которая преобладаетъ, а чѣмъ далѣе къ концу, тѣмъ болѣе проникаетъ все изображеніе усадьбы и въ особенности дома: см. эпитеты (напр. *сбродная* мебель), сравненія (напр. печи, *что твои слоны*), антитезы (напр. *фрукты* и *миѳологическій сюжетъ* на картинѣ; *прусакъ* и *зеркальная рама*), частныя описанія (напр. портреты хозяевъ съ выраженіемъ *испуга*, и притомъ: *суроваго*).

[2] Писано въ 1867 году.

сучьяхъ,—а тамъ уже дорога съ подушечками мягкой пыли по колеямъ—и поле, и длинные плетни коноплянниковъ, и сѣренькія избушки деревни, и крики гусей съ отдаленныхъ заливныхъ луговъ.... знакомо ли тебѣ все это, читатель?...

Въ самомъ домѣ все немножко на̀-бокъ, немножко расшаталось—а ничего! стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что твои слоны, мебель сбродная, домодѣльщина; бѣловатыя, протоптанныя дорожки бѣгутъ отъ дверей по крашенымъ поламъ; въ передней чижи и жаворонки въ крошечныхъ клѣткахъ; въ углу столовой громадные англійскіе часы въ видѣ башни, съ надписью: «Strike—silent» [1]; въ гостиной портреты хозяевъ, написанные масляными красками съ выраженіемъ суроваго испуга на кирпичнаго цвѣта лицахъ—а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цвѣты и фрукты, либо миѳологическій сюжетъ; вездѣ пахнеть кваскомъ, яблокомъ, олифой, кожей; мухи гудятъ и звенятъ подъ потолкомъ и на окнахъ; бойкій прусакъ внезапно заиграетъ усиками изъ-за зеркальной рамы.... Ничего! жить можно—и даже очень недурно можно жить.

Тургеневъ.

Дорога въ степь *.

Вотъ вы собрались въ отъѣзжее поле въ степь. Верстъ десять пробирались вы по проселочнымъ дорогамъ,—вотъ наконецъ большая. Мимо безконечныхъ обозовъ, мимо постоялыхъ двориковъ съ шипящимъ самоваромъ подъ навѣсомъ, раскрытыми настежь воротами и колодеземъ, отъ одного села до другаго, черезъ необозримыя поля, вдоль зеленыхъ коноплянниковъ, долго-долго ѣдете вы. Сороки перелетаютъ съ ракиты на ракиту; бабы, съ длинными граблями въ рукахъ бредутъ въ поле; прохожій человѣкъ въ поношенномъ нанковомъ кафтанѣ, съ котомкой за плечами, плетется усталымъ шагомъ; грузная помѣщичья карета, запряженная шестерикомъ рослыхъ и разбитыхъ лошадей, плыветъ вамъ навстрѣчу. Изъ окна торчитъ уголъ подушки, а на запяткахъ, на кулькѣ, придерживаясь за веревочку, сидитъ бокомъ лакей въ шинели, забрызганный до самыхъ бровей. Вотъ уѣздный городокъ съ деревянными кривыми домишками, безконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строеніями, стариннымъ мостомъ надъ глубокимъ оврагомъ.... Далѣе, далѣе!... Пошли степныя мѣста. Глянешь съ горы—какой видъ! Круглые, низкіе холмы, распаханные и засѣянные до верху, разбѣгаются широкими волнами; заросшіе куста-

---

[1] *Strike*—къ бою, *silent*—безъ боя.

* Отношеніе автора къ описываемому сравни съ тѣмъ же въ предъидущихъ описаніяхъ. На немъ основывается раздѣленіе этой статьи на 2 части.—Въ 1-й части являются представители всѣхъ сословій русскаго народа въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

ми овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшія рощи; отъ деревни до деревни бѣгутъ узкія дорожки; церкви бѣлѣютъ; между лозняками сверкаетъ рѣчка, въ четырехъ мѣстахъ перехваченная плотинами; далеко въ полѣ гуськомъ торчатъ драхвы [1]; старенькій господскій домъ съ своими службами, фруктовымъ садомъ и гумномъ пріютился къ небольшому пруду. Но далѣе, далѣе ѣдете вы.... Холмы все мельче и мельче, дерева почти не видать. Вотъ она, наконецъ—безграничная необозримая степь!

Тургеневъ.

Кремль *.

Отрадно стоять на высотахъ Кремля въ часъ всенощной, когда на зовъ златоглаваго великана внезапно и со всѣхъ сторонъ откликаются его безчисленныя дѣти, и ходитъ гулъ ихъ въ дрогнувшемъ эѳирѣ, серебристый, многоглагольный, слитый не изъ однихъ звуковъ, но изъ чувствъ и мыслей, и словъ, которыя однако же не опускаются до земли: языкъ неба плаваетъ въ небѣ, обтекая столицу своимъ мѣднымъ гимномъ. Это священные кимвалы полчищъ ангельскихъ, стражей русской земли, вѣчно бодрствующихъ надъ богохранимымъ градомъ, для отогнанія лукавыхъ князей тьмы. А между тѣмъ, подъ сѣнію благовѣствующаго неба, сладко успокоивается земля, какъ бы на лонѣ у матери, и свѣтелъ вечерній ликъ бѣлокаменной Москвы и синихъ водъ ея, и зеленыхъ садовъ, въ послѣдній часъ угасающаго дня, который будто нехотя разстается съ нею, убирая какъ невѣсту своенравными цвѣтами; гдѣ только можно, медлятъ запоздалые лучи его, догорая то золотомъ на сонмѣ куполовъ и крестовъ, то дѣвственнымъ румянцемъ на стѣнахъ храмовъ, то воздвигая бѣлые призраки башенъ изъ массы зданій. Но эти призраки, подымаясь какъ бы изъ тьмы временъ, гласятъ о славномъ минувшемъ: это—громадная лѣтопись нашего царства, каменныя грани, которыя ставили предки на рубежѣ вѣковъ, ознаменованныхъ великими дѣяніями, чтобы при видѣ ихъ потомки укрѣплялись молитвою на новые подвиги. Прямо противъ Кремля—церковь Черниговскихъ Чудотворцевъ, гдѣ долго покоились святыя мощи Князя Михаила и боярина Ѳеодора, кровію запечатлѣвшихъ вѣру во Христа предъ

---

[1] *Драхва*—большая степная птица.

* Статья писателя реторической школы (А. Н. Муравьевъ, ум. 1874 г.). Слогъ ея отличается красивымъ теченіемъ рѣчи (см. въ примѣчаніяхъ отдѣла „ораторскія произведенія"); фигуральныя выраженія, служа и изобразительности, порою направлены къ тому, чтобы сообщить описанію величавый тонъ, согласно съ предметомъ, въ немъ изображаемымъ, и настроеніемъ автора: средствомъ къ тому служатъ нѣкоторыя выраженія библейскаго стиля.—Историческія воспоминанія не помѣщены отдѣльно, въ видѣ отступленій (какъ у Карамзина въ «Троицкой Лаврѣ»), но связаны съ изображеніемъ напоминающихъ ихъ памятниковъ, согласно мысли: «это—громадная лѣтопись нашего царства».

дикимъ Батыемъ; далѣе, позади величественныхъ храмовъ Пятницы, всѣхъ Скорбящихъ и Климента, папы римскаго, главу коего перенесъ св. Владиміръ изъ покоренной Корсуни, яснѣютъ вдали древнія башни Симонова, память первой побѣды надъ Татарами; Сергій, молитвенно двинувшій рать Донскаго на Мамая, указалъ и мѣсто для обители благородному князю. Лѣвѣе одиноко возстаетъ величавая колокольня Новоспасская и съ нею воспоминаніе другаго конечнаго торжества надъ Монголами: это—бѣгство послѣдняго хана Ахмата и паденіе Золотой Орды, два вѣка тяготѣвшей надъ Россіею, и величіе Іоанна, собирателя Руси, соорудившаго обитель въ лѣто сверженія ига. И третья славная обитель виднѣется правѣе Симонова, изъ толпы церквей, Донскаяименемъ и отголоскомъ первой побѣды. Сергій и витязь, сокрушитель Мамая, опять дѣйствуютъ чрезъ два столѣтія уже подъ стѣнами Москвы. Икона, сопутствовавшая доблестному Князю Донскому въ часъ рѣшительной битвы, и самый образъ святаго пустынножителя оградили здѣсь станъ ратный послѣдняго изъ дома Рюрикова, и какъ нѣкогда съ полей Куликовскихъ Мамай, такъ бѣжалъ съ Воробьевскихъ высотъ Девлетъ-Гирей Крымскій, оттолѣ пожиравшій взорами Москву. Такою славою побѣдъ увѣнчанъ горизонтъ ея! Отъ подошвы сихъ живописныхъ горъ, нынѣ осѣненныхъ мирною рощей, скромно течетъ Москва рѣка, какъ римскій Тибръ, свидѣтель столькихъ браней, вся упоенная вражьей кровью; но зарева и битвы будто забыты ею: ихъ унесла съ собою мимотекущая волна; она же весело кропитъ зеленые берега свои, усѣянные нивами и садами, и синей лентой вьется между ними, доколѣ мало по малу не втекаетъ въ пышную ограду храмовъ и палатъ. Тогда, ударяя звонкой струею въ каменныя арки моста, какъ-бы въ струны гуслей, плещетъ она и подъ сѣдую стѣну Кремля, который любитъ смотрѣться въ ея зеркалѣ со всѣми своими куполами и бойницами; полная его златоверхою славой, она опять ударяется волнами въ другія арки, журча свою тихую пѣснь, и какъ рѣзвое дитя, скользитъ сквозь нихъ, отъ величаваго надзора древней матери столицы опять въ привольное лоно своихъ рощъ и полей, къ стадамъ, пасущимся на зеленыхъ лугахъ Симонова.

Вотъ засыпаетъ Кремль, и Москва у ногъ его; вокругъ ходитъ по небу луна, какъ бы на стражѣ его святыни, и бодрствуютъ при свѣтѣ лампадъ лики святыхъ у входа въ каждый храмъ. Отрадно для взоровъ и сердца такое сліяніе свѣта небеснаго съ земнымъ,—и тамъ, куда не достигаетъ широкій лучъ мѣсяца, заслоненный громадой соборовъ или уступомъ высокаго терема, тамъ яркой звѣздою горитъ во мракѣ богатый вѣнчикъ надъ иконой, и озаренное имъ лицо Пречистой Дѣвы привѣтливо улыбается божественнымъ Младенцемъ мимоходящему поклоннику [1]. Все тихо и будто мертво, если только можетъ

---

1) Сравни подобное представленіе въ ст. Тургенева: «Церковь ночью.»

быть мертво въ Кремлѣ, гдѣ живы и самые усопшіе, спящіе въ ракахъ, какъ бы на ложахъ ночныхъ. Подъ южной стѣною не плеснетъ ни одна струя Москвы рѣки, не слышно и поздняго гула на двухъ ея мостахъ, опоясавшихъ Кремль:—лишь изрѣдка легкій вѣтеръ зашевелитъ звеньями крестовыхъ цѣпей на соборныхъ главахъ, и Спасская башня, одна ведущая рѣчь за всѣхъ зубчатыхъ сестеръ своихъ, начнетъ считать боемъ часовъ мимотекущее время, или подымается внезапно отъ Ивана Великаго протяжный окликъ часовыхъ, чтобы, отозвавшись во всѣхъ вратахъ и бойницахъ, опять оставить сѣдой Кремль его ночному безмолвію, его безмятежной святынѣ, гдѣ отъ избытка небеснаго земное кажется излишнимъ.

Муравьевъ.

Троицкая Лавра ночью *.

Лѣтняя ночь осѣнила Лавру, и сквозь прозрачный сумракъ еще въ большемъ величіи возвышались древніе соборы и башни. Двѣ изъ нихъ, какъ два бѣлые исполина, стояли по краямъ юной ограды, надъ которою устроена длинная галлерея отъ архіерейскихъ покоевъ. Я ходилъ по ней уединенно и наслаждался картиною ночи.

Все засыпало въ Лаврѣ послѣ долгаго всенощнаго бдѣнія; еще, быть можетъ, иные старцы стояли на молитвѣ въ кельяхъ, но тайною оставалась ихъ молитва. Мало по малу утихала окрестность, такъ что и слабѣйшій слышался шорохъ, и воздухъ наполнялся странными звуками, которые доступны слуху только въ совершенной тишинѣ ночи. Свѣжесть ея росистыхъ испареній растворялась еще ароматнымъ запахомъ сѣна, скошеннаго кругомъ ограды. Съ одной стороны высокій архіерейскій теремъ и готическая трапеза Св. Сергія, гдѣ передъ его иконою теплилась одинокая лампада, закрывали отъ меня прочія зданія Лавры; но въ тѣсномъ ихъ промежуткѣ легко стремилась къ небу величественная колокольня въ златомъ вѣнцѣ своемъ, и двѣ златыя главы Троицкаго собора, надъ мощами святыхъ двухъ игуменовъ, сіяли въ ясномъ небѣ, какъ ихъ невечерняя слава.

Молодой мѣсяцъ, въ колыбели облаковъ, выглядывалъ изъ-за остроконечной крыши древней водяной башни и кротко озарялъ предо мною окрестность. Садъ монастырскій, у самой подошвы высокой стѣны, обсаженный аллеями липъ и окруженный прудомъ Келарскимъ и Московскою дорогою; за ними, на крутомъ берегу рѣчки Кончуры и на лѣтописныхъ высотахъ Волкуши, пять церквей Троицкаго посада съ ихъ слободами, а еще далѣе обширныя поля и рощи, разсѣянныя по оврагамъ,—какой пространный обзоръ развивался съ высокой террасы!

*) О слогѣ см. примѣчаніе къ предъидущему описанію.

Кое-гдѣ между деревьевъ еще мелькали огни въ домахъ посадскихъ, постепенно угасая; иногда нечаянно отзывался вдали человѣческій голосъ и казался близкимъ посреди всеобщаго безмолвія, или внезапный лай чуткихъ собакъ обличалъ невидимое присутствіе мимо идущихъ запоздалыхъ богомольцевъ. Иногда топотъ копытъ и стукъ колесъ глухо будилъ гулъ на сосѣднемъ мосту, и встревоженный сторожъ сонною рукой начиналъ стучать въ свою доску; или былъ слышенъ пронзительный крикъ ворона въ башнѣ и шумъ его крылъ, біющихъ о желѣзную крышу. Изрѣдка заливался вдали почтовый колокольчикъ по московской дорогѣ и звонко приближался къ Лаврѣ, которая отъ времени до времени отвѣчала ему гармоническою октавою своего часоваго колокола, и потомъ все опять замолкало.

Это только впечатлѣнія внѣшнія, но кто выразитъ всѣ тайныя чувства, волнующія грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они простаютъ къ сердцу и нейдутъ съ языка! Часто нѣмѣетъ онъ и для выраженія одного великаго подвига, а здѣсь пять славныхъ вѣковъ подавляютъ душу грузомъ своихъ событій; здѣсь представляются воображенію двѣ таинственныя лѣствицы: одна, по безчисленнымъ ступенямъ дѣяній, глубоко нисходитъ на дно священной старины русской; другая молитвенно возводитъ къ небу, рядомъ чудесныхъ подвиговъ Св. Сергія, уже въ ангельскомъ его санѣ заступника своей родинѣ,—и въ созерцаніи обѣихъ смущается мысль, блуждая въ дольнихъ, теряясь въ горнихъ! Сочувствіе сихъ двухъ міровъ: былаго, гдѣ все ужъ обратилось въ призракъ, и вѣчнаго, гдѣ все живетъ не нашею жизнію, проникаетъ невольнымъ трепетомъ душу въ столь торжественныя минуты и кладетъ на уста молитву, сію связь и языкъ всѣхъ временъ и міровъ!

Муравьевъ.

Петербургъ.

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампады,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла[1],
И, не пуская тьму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ;
Люблю воинственную живость

---

1 *Адмиралтейская игла* — шпиль надъ зданіемъ Адмиралтейства.

Потѣшныхъ марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красивость,
Въ ихъ стройно зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда полночная царица
Даруетъ сына въ царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.
Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра![1]

Пушкинъ.

Воронежъ *.

День гаснетъ. Облаковъ громада
Покрыта краской золотой;
Отъ луга влажною струей
Плыветъ душистая прохлада;
Надъ самымъ озеромъ тростникъ
Сквозной оградою поникъ.
Порой куда-то пронесется
Со свистомъ стая куликовъ,
И снова тишь. Въ тѣни кустовъ
Рыбачій челнъ не покачнется.
Вдоль гати тянется обозъ,
Скрипятъ колеса. За волами
Шагаютъ чумаки съ кнутами;
Кипитъ народомъ перевозъ:
Паромъ отчалили лѣниво;
Ушами лошади пугливо
Прядутъ; рабочіе кричатъ,
И плещетъ по водѣ канатъ.
Шлагбаумъ, съ образомъ часовня,
Избушки, баня, колокольня
Съ крестомъ и галкой на крестѣ,
И на прибрежной высотѣ
Плетни, поникнувшія ивы—
Все опрокинуто въ рѣкѣ.
Бѣлѣютъ мойки[1] въ далекѣ,
Луками выгнулись заливы.
А тамъ кусты, деревья, нивы,
Да чуть примѣтный сквозь туманъ
Средь поля чистаго курганъ.

Тому давно, въ глуши суровой,
Шумѣлъ тутъ грозно лѣсъ дубовый,
Съ пустыннымъ вѣтромъ рѣчи велъ,
И плавалъ въ облакахъ орелъ;
Синѣла степь безгранной далью,
И притаясь за валъ съ пищалью,
Зажечь готовый свой маякъ,
Татаръ выглядывалъ казакъ.
Но вдругъ все жизнью закипѣло,
Въ лѣсу желѣзо зазвенѣло—
И падалъ дубъ; онъ отжилъ вѣкъ...
И вмѣсто звѣря, человѣкъ
Въ пустынѣ воцарился смѣло.
Проснулись воды, и росли,

[1] Ср. описаніе того же автора:
«Городъ скучный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, мрачный видъ,
Цвѣтъ небесъ зеленоблѣдный....
Скука, холодъ и гранитъ...»

* Это картина Воронежа со стороны рѣки,—съ Черновскаго моста, гати и пригородной слободы Придачи (Прим. М. де-Пуле.)

[1] *Мойки*—мѣста на рѣкѣ для стирки бѣлья.

Гроза Азова, корабли [1].
Тѣ дни прошли. Уединенно
Теперь подъ кровлей обновленной,
Стоитъ на островѣ нагомъ
Безмовный прадѣдовскій домъ,
Цейхгаузъ [2] старый. Тихи воды.
Гдѣ былъ Петра пріютъ простой,
Купецъ усердною рукой
Одинъ почтилъ былые годы:
Часовню выстроилъ, и въ ней
Затеплилъ набожно елей.
Но городъ выросъ. Въ изголовье
Онъ положилъ степей приволье,
Плечами горы придавилъ,
Болота камнями покрылъ.
Одно пятно: въ семьѣ громадной
Высоко поднятыхъ домовъ,
Какъ нищіе въ толпѣ нарядной,
Торчатъ избенки бѣдняковъ....

Никитинъ.

Рейхенбахъ *.

Сильный шумъ прервалъ нить моихъ размышленій. „Что̀ это значитъ?“ спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая.—„Мы приближаемся къ Рейхенбаху“, отвѣчалъ онъ, „славнѣйшему альпійскому водопаду“. Хотя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно, однако жъ мнѣ очень хотѣлось видѣть первый [3] изъ альпійскихъ водопадовъ...

Чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти на высокій пригорокъ и спуститься съ него по зеленой травѣ, увлаженной водяною пылью, летящею отъ каскада.

Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однако жъ я подошелъ къ самому кипящему водоёму, или той яростію воды ископанной ямѣ, въ которую Рейхенбахъ падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину водоема и опять вверхъ поднимается, будучи отвержена его вѣчно кипящею пучиною, и распространяя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!.. Рейнъ [4] и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякій, имѣющій чувство, но никто не можетъ изобразить васъ кистію или словами. Я почти совсѣмъ чувствъ ли-

---

[1] *Варіантъ*:.... И вдругъ
Все пробудилося вокругъ.
Рабочій людъ кишитъ толпами:
Нашъ царь, нашъ плотникъ и матросъ
Нежданно жизнь сюда занесъ.
И падалъ лѣсъ подъ топорами,
Визжали пилы, и росли,
Гроза Азова, корабли.

[2] *Цейхгаусъ*—военная кладовая (Zeughaus).

* Ср. съ описаніями водопадовъ ниже, по плану и способу выраженія.

[3] *Первый*—по высотѣ паденія.—[4] *Рейнъ*—какъ рѣка, на коей Рейнскій водопадъ.

шился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* [1] паденія.... Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и притомъ съ такими порывами вихря, производимаго въ воздухѣ силою падающей воды, что, боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякій, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки: ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось, и вода текла съ меня ручьями.

Карамзинъ.

Рейнскій водопадъ *.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась, и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ.

Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разныя звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу, феноменъ, дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію—давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ. Я наслаждался... Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ, но это время показалось мнѣ минутою.

Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что̀ составляетъ прекрасное, величественное зрѣлище.

Послѣ сильныхъ ощущеній мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада

[1] Тавтологія съ цѣлью звукоподражанія.

* Описаніе художественное въ 1-й и 2-й частяхъ, простое — въ 3-й ч.

съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромныя камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ[1], непреклонному среди бѣдствій и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока),—а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся, но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ.

Карамзинъ.

Рейнскій водопадъ *.

Изъ Цюриха поѣхалъ я въ Шафгаузенъ, чтобы взглянуть на Рейнскій водопадъ.

Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреди котораго чернѣется нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плѣняешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ.

Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлереи, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины: стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа, и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую фор-

---

[1] Сравненіе приводится, какъ слова другаго писателя (поэта); самъ же авторъ, на сей разъ имѣя цѣлью дать болѣе точное *понятіе* о водопадѣ, избѣгаетъ фигуральныхъ выраженій.

* Сравненіе этого описанія съ предъидущимъ описаніемъ того же предмета другимъ авторомъ покажетъ различіе дѣйствія, какое произвелъ водопадъ на обоихъ («я наслаждался»—у Карамзина; «онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ»—у Жуковскаго). Слѣдуетъ сличить средства изобразительности при описаніи водопада съ галлереи у обоихъ авторовъ, а также количество признаковъ у того и другаго.

му; но безъ лучей все теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, бьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, разшибаются въ дребезги; словомъ—картина неописанная. На галлереѣ можно стоять безъ малѣйшей опасности, но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Здѣсь Рейнскій водопадъ достоинъ своей славы.

Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ; со временемъ они изчезнутъ. Одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и вѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура. Она была выкрашена, но краску смыло водою; осталась одна надпись: Deus mea spes (Богъ моя надежда). Мысль прекрасная!

Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеръ-обскурѣ; на бумагѣ представляется все паденіе: вода волнуется, солнце свѣтитъ и изчезаетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и слышный издали шумъ довершаетъ очарованіе [1].

Жуковскій.

Шаффгаузенъ и Рейнскій водопадъ *.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Гёте).

„Рано утромъ, въ половинѣ седьмаго, я выѣхалъ, чтобъ осмотрѣть Рейнскій водопадъ. Зеленый цвѣтъ воды. Причина этого.

Высоты были покрыты туманомъ, внизу же было ясно. Замокъ Лауфенъ являлся на половину въ туманѣ. Водяной паръ водопада смѣшивался съ туманомъ и поднимался съ нимъ вмѣстѣ вверхъ. Мысли объ Оссіанѣ [2]. При сильныхъ внутреннихъ ощущеніяхъ туманъ нравится. Мы проѣхали Унвизенъ, деревню съ виноградниками наверху и полями внизу.

Небо мало по малу разъяснилось; туманъ лежалъ только на высотахъ.

Лауфенъ. Спускаешься внизъ, стоишь на известковой скалѣ.

Явленія Рейнскаго водопада, какъ онъ представляется съ деревянной постройки. Водою отточенныя скалы, стоящія въ серединѣ водопада и обливаемыя его водами. Напоромъ воды сверху и снизу онѣ совершенно за-

---

[1] *Очарованіе*—необычнымъ видомъ картины на бумагѣ, передающей какъ движеніе, такъ и звуки, его сопровождающіе.—Авторъ воспользовался описаніемъ вида въ камеръ-обскурѣ, какъ средствомъ дать читателю *представленіе* общаго вида водопада; Карамзинъ даетъ *понятіе* объ общемъ видѣ (съ Цюрихскаго берега).

* Эти отрывочныя замѣтки великаго поэта могутъ служить матеріаломъ для переработки учениками въ полное описаніе «Рейнскаго водопада,» Заключая много намековъ, онѣ могутъ руководить при изобрѣтеніи и послужить для распространенія, съ сохраненіемъ плана Гёте или съ измѣненіемъ его, въ формѣ описанія простаго или художественнаго.

[2] *Оссіанъ*—шотландскій пѣвецъ. Ему приписаны народныя шотландскія поэмы, изданныя въ XVIII в. Макферсономъ. Дивная природа Шотландіи—съ ея горами, лишенными растительности, озерами, водопадами, туманами—воспроизведена въ этихъ поэмахъ, гдѣ дѣйствуютъ фантастическія лица, иногда являющіяся въ видѣніяхъ неясными образами.

ливаются. Стремительныя волны, пѣна паденія, пѣна въ котловинѣ и кипящій водоворотъ въ ней.

Невольно вспоминается стихъ:

И воетъ, и свищетъ, и бьетъ и шипитъ...[1]"

Стремящіяся воды кажутся зелеными, но слѣдующая за ними пѣна является слабо пурпуровою. Внизу утекаютъ пѣнящіяся волны, направо и налѣво ударяясь о берегъ; движеніе передается далѣе, и вода снова принимаетъ свой зеленый цвѣтъ.

Мысли, возбужденныя силою водопада. Неизчерпаемость воды—символъ неослабной силы. Разрушеніе, сохраненіе, непоколебимость, движеніе, непосредственное спокойствіе послѣ паденія.

Стѣсненіе на томъ брегу мельницами, здѣсь—галлереей. Сумѣли же скрыть лучшій видъ на этотъ великолѣпный феноменъ природы!

Окрестность. Виноградники, поле, роща.

До этихъ поръ былъ туманъ,—обстоятельство, благопріятное для наблюденія отдѣльныхъ частей. Явилось солнце, и все было прекрасно освѣщено вкось, сзади. Солнечный свѣтъ отдѣлилъ массы, очертилъ [2] все стоящее на переднемъ и заднемъ планахъ и воплотилъ ужасное движеніе. Стремленіе потоковъ другъ противъ друга казалось сильнѣе, потому что направленія и раздѣленія ихъ стали виднѣе. Сильные брызги массъ въ глубинѣ, теперь освѣщенные, вырисовывались болѣе на тонкомъ парѣ; нецѣльная радуга образовалась на этихъ парахъ.

Чѣмъ долѣе наблюдаешь, тѣмъ сильнѣе кажется движеніе... Продолжительное чудовищное явленіе должно казаться намъ возрастающимъ. Совершенство должно насъ сначала настроить, а потомъ мало по малу тянуть къ себѣ: такъ и красивые люди кажутся намъ все красивѣе, и разумные—все разумнѣе.

Море рождаетъ море. Если захочешь воспроизвести въ воображеніи источники океана, то они должны представиться именно такими.

Послѣ нѣкотораго успокоенія, провожаешь потокъ мысленно до его начала и сопровождаешь его снова внизъ. ..

При спускѣ внизъ къ плоскому берегу—мысли о новомодномъ вкусѣ къ паркамъ.

Во всякой мѣстности похвально помогать природѣ, если она представляетъ къ тому данныя: но безумно пытаться реализировать иную мечту, потому что сами величайшія явленія природы могутъ оказаться ниже идеи.

Мы переѣхали на другую сторону.

Водопадъ спереди (en face) сохраняетъ великолѣпный видъ; можно его назвать и прекраснымъ. Болѣе ясно виденъ уступъ паденія и разнообразіе его въ ширину. Можно сравнить разнообразныя его дѣйствія: необузданность его водъ справа, и служеніе ихъ для практическихъ цѣлей—слѣва.

---

[1] «Кубокъ,» баллада Шиллера (см. «Русскую Хрестом.» для III и IV кл.)—

[2] Сравни у Жуковскаго: «лучи... даютъ нѣкоторую видимую форму.» Противоположность впечатлѣнія при освѣщеніи водопада солнцемъ у обоихъ авторовъ наглядно показываетъ намъ различіе склада ума обоихъ: Жуковскій, какъ романтикъ, воображеніе котораго воспитано на образахъ, лишенныхъ осязательной формы, воспринимаетъ сильнѣе такіе образы. Гёте, воображеніе котораго воспитано на изученіи классическаго искусства, воспринимаетъ живѣе пластическіе образы.

Надъ водопадомъ видна прекрасная стѣна скалы; направо замокъ Лауфенъ. Я стоялъ такъ, что замокъ Вёртъ и плотина находились на первомъ планѣ влѣво отъ меня... И съ этой стороны находятся известковыя скалы; вѣроятно и скалы, стоящія въ срединѣ паденія,—того же состава.

Въ 10 часовъ возвратился я снова на этотъ берегъ при сіяніи солнца. Водопадъ все еще освѣщался сзади, вкось. Чудныя массы свѣта и тѣни падали отъ Лауфенской скалы, о также и отъ скалы, стоящей въ срединѣ паденія.

Я снова взошелъ на мостки у водопада и почувствовалъ, что недавнее впечатлѣніе было уже уничтожено: бушеваніе казалось сильнѣе, причемъ я могъ замѣтить, какъ нервы быстро возвращаются къ прежнему своему состоянію. Радуга явилась въ высшей своей красотѣ; спокойной своей стопой упиралась она въ громадную массу пѣны, которая, угрожая ей разрушеніемъ, каждую минуту должна созидать ее вновь.

Размышленія о безопасности рядомъ съ ужасающей силой.

Солнце, поднимаясь выше, увеличивало массу свѣта и тѣни, и такъ какъ тумана уже не было, то пѣна являлась могущественнѣе, возносясь надъ яркой землей къ ясному небу. Темный, зеленый цвѣтъ рѣки выступилъ рельефнѣе.

Мы отправились назадъ.

Глядя на приближеніе рѣки къ водопаду, находишь ее спокойной, мелкой и незначительной. Такова всякая сила, приготовляющаяся покойно къ потрясающему дѣйствію. Я вспомнилъ войска, отправляющіяся въ битву.

У воротъ гостинницы встрѣтилъ я двухъ Французовъ, которыхъ уже видѣлъ у водопада. Одинъ изъ нихъ былъ повидимому удовлетворенъ водопадомъ, другой же сказалъ: C'est asez joli, mais pas si joli, que l'on me l'avait dit“ [1]. Желалъ бы познакомиться съ идеями этого господина и его масштабомъ.

При вечернемъ солнцѣ видѣлъ я водопадъ сверху и сзади; направо—мельницы, подо мной—замокъ Лауфенъ, предо мной—великая, чудная, но отсюда доступная во всѣхъ своихъ частяхъ, интересная и понятная сцена природы. Видно, какъ рѣка приближается и бурлитъ, и видно, какъ она падаетъ...

Мы пошли далѣе, обойдя замокъ Вёртъ. Паденіе было освѣщено вечернимъ солнцемъ и къ выгодѣ картины, и къ ея невыгодѣ. Зеленый цвѣтъ болѣе глубокихъ теченій былъ ярокъ, какъ и рано утромъ, но пурпуровый цвѣтъ пѣны и водяной пыли былъ теперь гораздно ярче.

Мы приблизились еще болѣе. Видъ великолѣпенъ, но чувствуешь, что не вынести борьбы съ этимъ чудовищемъ.

Мы снова взошли на галлерею, и намъ вновь показалось, что въ первый разъ видимъ эту картину. Игра цвѣтовъ въ водоворотѣ была великолѣпна. Радуга, казалось, непрестанно скатывалась съ большой затопленной скалы, образуясь въ пыли низвергающейся пѣны. Заходящее солнце окрасило часть движущихся массъ желтымъ цвѣтомъ; глубина потоковъ являлась зеленою, а вся пѣна и пыль ея ярко-пурпуровыми. На всякой высотѣ и глубинѣ ожидаешь развитія новой радуги.

Еще великолѣпнѣе была игра цвѣтовъ въ моментъ изчезновенія солнца, и всѣ движенія, казалось, дѣлались болѣе быстрыми, дикими, искрометными. Легкіе набѣги вѣтра живѣе закручивали края падающей пѣны;

[1] «Хорошо, но не такъ, какъ мнѣ о томъ говорили.»

борьба паровъ усиливалась. Хотя явленіе оставалось все тѣмъ же, но зритель страшится, что его уничтожитъ безмѣрная сила, и ежеминутно ожидаетъ какой-то катастрофы.“

Кивачъ *.

Отъ села Воронова до мѣста назначенія добираются водою вверхъ по рѣкѣ Сунѣ. Въ Вороновѣ ожидала насъ лодка съ шестью гребцами, крестьянами этой деревни. Рѣка Суна шириною отъ 20 до 60 саженъ; каменные берега ея, покрытые большею частію почвой, зелены и красивы, особенно правый, который, сколько я припомню, болѣе гористъ. На срединѣ пути есть пороги, которые пугаютъ нѣкоторыхъ боязливыхъ дамъ; но прежде чѣмъ онѣ успѣютъ ахнуть, лодка переѣзжаетъ черезъ порогъ съ едва замѣтнымъ колебаніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ берега, лодку тянутъ бичевою; напоръ воды такъ силенъ, что на веслахъ, противъ теченія плыть чрезвычайно тяжело. За нѣсколько верстъ до водопада рѣка уже покрыта пѣною, плывущею отъ кипучей бездны. Версты за три до мѣста лодка начинаетъ дрожать. Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что повидимому къ тому нѣтъ никакой причины. Въ лѣсу тишина мертвая, вѣтеръ не шелохнется; шума водопада за поворотомъ рѣки да за лѣсомъ не слышно, а лодка дрожитъ. Значитъ, вода и самая почва сотрясаются отъ паденія громадной массы воды. Но вотъ вы слышите дикій шумъ. Шумъ этотъ все болѣе и болѣе увеличивается, хотя водопада все еще не видно.

Наконецъ, круто повернувъ по рѣкѣ, мы очутились почти передъ самымъ жерломъ его. Здѣсь, на самой водѣ, устроена платформа, на которую выходятъ изъ лодки—и предъ вами Кивачъ! Сначала въ недоумѣніи вы какъ будто не знаете, куда себя дѣвать. Прямо на васъ несется съ высоты шести или семи саженъ водяная гора. Гора эта съ четырьмя уступами, изъ которыхъ послѣдній, самый большой и совершенно отвѣсный, падаетъ возлѣ васъ въ бездну. Огромнѣйшія деревья окружающаго дремучаго лѣса, сброшенныя сверху водопада, стоймя низвергаются въ эту бездну и совершенно скрываются въ ней; далеко отъ нея они снова поднимаются на поверхность воды. Бездна эта реветъ, клокочетъ, пѣнится и брызжетъ вверхъ, такъ что брызги взлетаютъ не только выше черныхъ скалъ, стоящихъ по бокамъ водопада, но даже выше растущаго на нихъ лѣса, а скалы эти возвышаются саженъ на восемь надъ поверхностію воды. Растрескавшіяся мѣстами, онѣ чрезвычайно красивы; правая имѣетъ большое сходство съ головой слона.

---

* Описаніе это можетъ послужить по расположенію частей образцомъ для передѣлки матеріала путевыхъ замѣтокъ Гёте въ описаніе «Рейнскаго водопада.»

Кивачъ—водопадъ въ Олонецкой губ., близъ Петрозаводска.

Съ нижней площадки вы поднимаетесь вверхъ по очень удобной лѣстницѣ, идущей прямо по обрыву скалы, и входите въ прекрасный двухъ-этажный лѣтній домъ, устроенный по случаю посѣщенія водопада Государемъ Императоромъ. Въ немъ нѣсколько комнатъ, оклеенныхъ красивыми обоями, даже кухня. Изъ этого павильона выходите вы на балконъ. Передъ глазами вашими верхняя часть водопада, а нижняя подъ ногами. Это второй видъ водопада. Рѣка съ самаго верхняго уступа несется передъ вами и у вашихъ ногъ разсыпается въ безднѣ, орошая окрестныя скалы милліардами брызговъ.

Къ крайнему сожалѣнію, погода совершенно испортилась, когда мы прибыли на Кивачъ. Небо покрылось тучами, пошелъ дождь. Наступила темная ночь. Видъ Кивача измѣнился. Между черными скалами, посреди чернаго сосноваго лѣса, подъ тьмою ночи мчалась бѣлая снѣговая масса и разсыпалась внизу: это была уже не вода, а снѣговая рѣка, вся бѣлая отъ пѣны. Не смотря на дождь, я нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и не безъ ужаса смотрѣлъ на эту грозную природу. Ночная тьма висѣла надъ лѣсомъ, и грохотъ воды гремѣлъ въ тиши дикой природы.

Долго я любовался дикою ночью среди дремучаго лѣса. Наконецъ мы легли спать, съ тѣмъ чтобы завтра утромъ отправиться назадъ; но я не могъ сомкнуть глазъ по совершенной непривычности положенія. Отъ паденія воды, скала и стоящее на ней зданіе сотрясались. Непомѣрный шумъ, который отъ движенія воздуха, или отъ большаго или меньшаго напора воды нѣсколько измѣнялся, наконецъ, этотъ подземный гулъ, этотъ ужасающій голосъ бездны—не давали покоя. Проворочавшись почти всю ночь, я очень обрадовался, когда на вершинахъ деревьевъ замѣтилъ первые лучи солнца. Я немедленно вышелъ на балконъ.

День былъ чудный, свѣжій послѣ вчерашняго дождя. Я слѣдилъ, какъ солнце, вставая, кралось съ вершинъ деревьевъ все ниже и ниже; наконецъ освѣтило верхнюю часть водопада и заиграло радугами въ брызгахъ, которые извергала бездна. Радуги эти переходили съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ солнечнаго движенія. Напившись чаю, мы переѣхали на ту сторону, то есть на скалу, которая похожа на слоновую голову.

На ея вершинѣ построенъ бельведеръ, изъ котораго третій видъ на водопадъ. Когда я взглянулъ внизъ, сердце у меня замерло. Вся рѣка была ниже насъ, а клокочущая бездна подъ ногами реветъ, крутится и высылаетъ прямо въ лицо столбъ водяной пыли. Съ ужасомъ я смотрѣлъ на эти мчащіяся массы воды, а между тѣмъ мои гребцы карабкались по отвѣсному берегу прямо надъ первымъ уступомъ водопада и сбрасывали туда огромныя деревья.

У Державина [1] прекрасно и чрезвычайно вѣрно описанъ внѣшній видъ водопада.

Н. Дмитріевъ.

Водопадъ *.

(Изъ оды того же имени).

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

Шумитъ—и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ зыбкимъ сводомъ древъ, какъ сномъ
Покрыты, волны тихо льются,
Рѣкою млечною влекутся[2].
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ.
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ,
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ [3].
О, водопадъ [4]! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Вѣтрами-ль сосны пораженны
Ломаются въ тебѣ въ куски[5];
Громами-ль камни отторженны
Стираются тобой въ пески;
Сковать-ли воду льды дерзаютъ,—
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ [6].
Волкъ рыщетъ вкругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ,
И шерсть на немъ щетиной зрится;

---

[1] См. слѣдующую статью.

* Сличи съ предъидущимъ описаніемъ того же водопада Н. Дмитріева. Въ описаніи Державина мѣстность оживлена во 2-й половинѣ живымъ изображеніемъ животныхъ.

Слѣдуетъ различать нѣкоторыя свойства устарѣвшаго слога, каковы прилаг. и причастныя опредѣленія краткой формы (алмазна, пораженны, отторженны, стеклянна, горду, жарку, яры), слоговаго измѣненія словъ ради размѣра (четыремя, становится, идетъ, ушми) и устарѣвшіе обороты (въ ничто вмѣняя, подстрекаемъ бывъ) отъ особенностей высокаго слога, сообщающаго величавый тонъ всему описанію; таковы ц. слав. формы основъ (*сре*бра, *дре*въ, *бре*гамъ, м*ла*товъ, падущихъ) ц. славянскія слова (дерзаютъ, зрится).

[2] Когда ѣдешь вверхъ по рѣкѣ Сунѣ, образующей водопадъ (Кивачъ), то подъ сводомъ деревъ вода, покрытая пѣной, льется какъ молоко или сливки. *Объясн. Державина*.—[3] Хотя отъ Канчезерскаго завода до пороговъ верстъ 20, но въ сильную погоду по вѣтру иногда слышно бываетъ дѣйствіе заводскихъ машинъ; тогда шумъ ихъ сливается съ ревомъ водъ въ какую-то дикую гармонію.—[4] Послѣдующія строфы (до послѣдней) имѣютъ форму обращенія къ водопаду.—[5] Державинъ приказалъ на вершинѣ порога срубить сосну, бросить ее въ стремленіе воды: черезъ нѣсколько минутъ выплыли изъ жерла одни обломки ея или щепы (*Объясн. Державина*). Въ весеннюю водополь паденіе воды бываетъ столь сильно, что большія бревна, пущенныя съ порога, на двое и больше переламываются (*Путешествіе Озерецковскаго*).—[6] Кивачъ никогда не замерзаетъ, а водныя капли падаютъ дѣйствительно, какъ стеклянная пыль, въ которой отраженіе солнечныхъ лучей производитъ удивительную игру свѣта (*Об. Державина*).

Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ водъ твоихъ падущихъ ревъ;
Рога за спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревъ;
Ее страшитъ вкругъ шумъ, бурь свистъ [1]
И хрупкій подъ ногами листъ.
Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ;
Крутую гриву, жарку морду
Поднявъ, храпитъ, ушми прядетъ
И, подстрекаемъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлябь твою стремится.

Подъ наклоненнымъ кедромъ внизъ,
При страшной сей красѣ природы,
На голомъ пнѣ, который свисъ
Съ утеса горъ на яры воды,
Я вижу—нѣкій мужъ сѣдой
Склонился на руку главой...

Державинъ.

Водопады Иматрскій и Нарвскій*.

Рѣка Вокша[2], довольно широкая въ обыкновенномъ своемъ теченіи, втѣсняется здѣсь въ узкое русло и по отлогой покатости, наполненной камнями, съ шумомъ стремится на разстояніи четверти версты, доколѣ не находитъ себѣ пространнаго ложа. Утесистые, зеленые берега ея покрыты съ одной стороны лѣсомъ, съ другой англійскимъ садомъ; четыре малыя бесѣдки стоятъ по краямъ водоската; у его начала виденъ вдали лѣсистый островъ, внизу же, противъ поворота рѣки, лежитъ на горѣ селеніе: такова Иматра.

Но дико и отрадно смотрѣть изъ нижней бесѣдки [3] на шумное страданіе волнъ: съ какимъ ужасомъ скачутъ онѣ одна надъ другою, какъ бѣлое стадо испуганныхъ овецъ; съ какимъ отчаяніемъ отрываются отъ пучины длинные плески, какъ сѣдые локоны, которые рветъ на себѣ терзаемый духъ этой бездны, и какъ наконецъ его измученныя дѣти, всѣ изрѣзанныя камнями, исторгшись изъ сего адскаго русла, одною широкою волною разстилаются по мягкому ложу. Если природа хотѣла олицетворить здѣсь чувство скрытаго въ ея нѣдрахъ ужаса,—она достигла цѣли и досказала его глухимъ ревомъ бурной стихіи. Человѣкъ, склоняясь надъ бездною, жадно прислушивается къ дикому говору волнъ и будто хочетъ разобрать въ порывѣ отчаянія одной изъ стихій тотъ дивный языкъ, который отъ него утаила природа подъ печатію своего безмолвнаго величія.

Посѣтивъ въ началѣ весны Нарвскій водопадъ, я имѣю нынѣ случай сравнить его съ Иматрою. Обоими славятся окрестности на-

---

[1] Сочетаніе 4-хъ односложныхъ словъ въ цѣлію звукоподражанія.
* Первый изъ этихъ водопадовъ описанъ отдѣльно, второй—въ сравненіи съ первымъ. Во 2-й части (гдѣ это сравненіе) дополнено изображеніе внѣшняго вида 1-го водопада.
[2] Р. *Вокша* въ Выборгской губ., близъ озера Саймы.—[3] Ср. съ 1-ю частью описанія Рейнскаго водопада Карамзина и со 2-ю ч. описанія Жуковскаго.

шей сѣверной столицы. Но воды Нарвы падаютъ однимъ широкимъ уступомъ, а воды Иматры тѣснятся по долгому скату. Первое впечатлѣніе Нарвы сильнѣе, какъ и самое паденіе, но скоротечно; впечатлѣніе Иматры продолжительно, какъ зрѣлище долгаго страданія. Одинаково слышенъ издали ревъ обоихъ; но въ Нарвѣ—это голосъ гнѣвной рѣки, встрѣтившей препоны, въ Иматрѣ—это вопль казни и мученій; все пусто и уныло окрестъ нея, какъ лобное мѣсто. Напротивъ того, въ Нарвѣ есть жизнь и посреди бунтующей влаги: рука человѣческая воздвигла тамъ мельницу на острову, раздѣлившемъ водопадъ, и невдалекѣ виденъ городъ съ его двумя замками. Казалось, самая рѣка такъ сильно раскачала свои волны, чтобы разбить только каменную печать, которую два враждебныя племени [1] положили на берегахъ ея. Одинокая башня рыцарей, вся въ развалинахъ, какъ ихъ орденъ, доселѣ грозится на многобашенный Ивань-городъ, поставленный гранію грознаго царя на рубежѣ Меченосцевъ. Промежду нихъ съ шумомъ несется бурный потокъ, какъ пронеслись съ шумомъ великія событія сихъ твердынь, когда умолкла кровавая между ними бесѣда.

Муравьевъ.

Нарвскій водопадъ*.

Несись съ неукротимымъ гнѣвомъ,
Мятежной влаги властелинъ [2]!
Надъ тишиной окрестной ревомъ
Господствуй, бурный исполинъ!

Жемчужною кипящій лавой,
За валомъ низвергая валъ,
Сердитый, дикій, величавый,
Перебѣгай ступени скалъ!

Дождь брызжетъ отъ упорной сшибки
Волны, сразившейся съ волной,
И влажный дымъ, какъ облакъ [3] зыбкій,
Вдали ихъ представляетъ бой.

Все разъяреннѣй, все угрюмѣй
Летитъ, какъ геній непогодъ:
Я мыслью погружаюсь въ шумѣ
Междоусобно-бурныхъ водъ.

Но какъ вокругъ все безмятежно,
И, утомленныя тобой,
Какъ чувства отдыхаютъ нѣжно,
Любуясь сельской тишиной!

Твой ясный берегъ чуждъ смятенью,
На немъ цвѣтетъ весны краса,
И вмѣстѣ миру [4] и волненью [5]
Свѣтлѣютъ тѣ же небеса.

---

[1] Русское и германское (здѣсь Іоаннъ III основалъ Ивань-городъ, какъ оплотъ противъ Меченосцевъ).

* Все описаніе основано на сопоставленіи «исполина мятежной влаги» съ «окрестной тишиной». Послѣдняя строфа заключаетъ сравненіе описаннаго явленія природы съ явленіемъ въ душѣ человѣка (гдѣ сопоставлена «страсть» съ «святилищемъ души».) Основаніе сравненія явствуетъ изъ сопоставленія стиховъ: «Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный, одинъ свирѣпствуетъ *въ глуши*» со стихомъ: «(страсть) поглощается въ себѣ». Поэтъ въ порывѣ страстнаго увлеченія желаетъ мятежному водопаду господства надъ тишиной окрестностей (см. строфу 1-ю).

[2] Ср. вын. 4-ю на 109 стр.—[3] *Облакъ*—ц. сл. форма сущ: *облако*.—[4] т. е. спокойной мѣстности береговъ.—[5] т. е. водопаду.

Но ты, созданье тайно бури,
Игралище глухой волны,
Ты не зерцало[1] ихъ лазури,
Вотще блестящей съ вышины.

Противорѣчіе природы,
Подъ грознымъ знаменемъ тревогъ,
Въ залогѣ вѣчной непогоды
Ты бытія пріялъ залогъ[2].

Ворвавшись въ сей предѣлъ спокойный,
Одинъ свирѣпствуешь въ глуши,
Какъ вдоль пустыни вихорь знойный,
Какъ страсть въ святилищѣ души.

Какъ ты, внезапно разразится,
Какъ ты, растетъ она въ борьбѣ,
Терзаетъ лоно, гдѣ родится [3],
И поглощается въ себѣ.

Кн. Вяземскій.

Пожаръ зимняго дворца *).

17-е декабря 1837 года ознаменовалось симъ бѣдственнымъ произшествіемъ.

Было восемь часовъ вечера. Государь Императоръ съ Ея Величествомъ Императрицею, съ Ихъ Высочествами Наслѣдникомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ и Великою Княжною Маріею Николаевною находился въ театрѣ, когда ему донесено было, что въ Зимнемъ дворцѣ горитъ. Государь немедленно покинулъ театръ и вмѣстѣ съ Великими Князьями отправился на мѣсто пожара. Повидимому не представлялось большой трудности остановить его дѣйствіе, но онъ уже началъ распространяться; уже фельдмаршальская зала была вся въ огнѣ; зала Петра Великаго загоралась, и пламя начинало показываться въ Бѣлой залѣ.

Первою заботою Государя Императора была безопасность его семейства. Великіе Князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи и Великія Княжны Ольга и Александра Николаевны находились въ Зимнемъ дворцѣ: имъ было приказано немедленно переѣхать въ собственный Его Величества дворецъ. Въ это время Государыня Императрица уже возвратилась изъ театра. Она была встрѣчена въ Большой Морской Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, посланнымъ къ ней отъ Государя Императора съ извѣщеніемъ о случившемся. «Гдѣ дѣти?» былъ первый вопросъ Ея Величества.—«Государь приказалъ перевезти ихъ въ собственный дворецъ; онъ желалъ, чтобы и Ваше Величество ѣхали туда же.»—«Но перевезены ли дѣти?»—«Еще нѣтъ, но скоро.»—«Скажите Государю, что мое мѣсто тамъ, гдѣ мои дѣти,

---

1 *Зерцало*—ц.сл. сущ. *зеркало*.—2 т. е. существуешь подъ условіемъ вѣчной непогоды—3 Сердце.

* Описаніе сложнаго явленія. Оно состоитъ въ измѣненіяхъ представленій по мѣрѣ распространенія пожара. Дѣйствія и чувства лицъ, въ отношеніи къ которымъ изображено явленіе, вносятъ въ описаніе элементъ повѣствовательный.

и что я до тѣхъ поръ не покину дворца, пока они не будутъ отправлены,» отвѣчала Государыня и поѣхала на пожаръ. На лѣстницѣ она была встрѣчена всѣми дѣтьми своими; младшихъ несли на рукахъ, полусонныхъ. Государыня отпустила ихъ, а сама прямо пошла къ одной изъ своихъ фрейлинъ, которая жила въ нижнемъ этажѣ и лежала въ постелѣ больная. Императрица при себѣ отправила ее изъ дворца и потомъ уже вошла (вмѣстѣ съ Великою Княжною Маріею Николаевною) въ свои комнаты, отъ коихъ пожаръ еще былъ далеко.

Долго изъ оконъ, обращенныхъ на внутренній дворъ, смотрѣла она, какъ на противоположной сторонѣ свирѣпствовало пламя, какъ оно разрушило Бѣлую и Фельдмаршальскую залы и какъ начало приближаться къ той сторонѣ, гдѣ жило Императорское семейство. Наконецъ явился Государь Императоръ и говорилъ Императрицѣ и Великой Княжнѣ: «уѣзжайте, чрезъ минуту огонь будетъ здѣсь». Они простились. Государь опять пошелъ на пожаръ. А Государыня рѣшилась переѣхать въ домъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, изъ оконъ коего можно было глазами слѣдовать за дѣйствіемъ пламени. Но прежде, нежели совсѣмъ оставить дворецъ, она захотѣла проститься съ своимъ погибающимъ жилищемъ: вошла въ свой кабинетъ и въ дѣтскія горницы, въ коихъ при свѣтѣ пожарнаго зарева все еще было такъ спокойно, и помолившись въ послѣдній разъ въ малой дворцовой церкви, въ коей столько времени все семейство ея собиралось на молитву, съ благодарною горестію покинула тѣ мѣста, гдѣ на каждомъ шагу являлись ей милыя воспоминанія, гдѣ она встрѣчена была невѣстою, гдѣ была привѣтствована Императрицею, гдѣ провела мирные, первые годы супружескаго и материнскаго счастія, о коемъ молится вся Россія. Въ домѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Государыня пробыла до той минуты, въ которую Наслѣдникъ извѣстилъ Ея Величество, что для спасенія дворца не осталось никакой надежды.

Вторымъ распоряженіемъ Государя Императора было послать за войсками; первый батальонъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, какъ ближайшій, явился прежде другихъ, и въ одну минуту знамена гвардейскія и всѣ портреты, украшавшіе залу Фельдмаршальскую и галлерею 1812 года, сняты и вынесены. Въ то же время закладены были кирпичомъ двѣ двери, дабы отдѣлить пылающую часть дворца отъ той, куда еще пламя не успѣло проникнуть; а часть собравшагося войска была отправлена на кровлю, дабы, разломавъ ее, успѣшнѣе противодѣйствовать расширенію пожара. Но здѣсь всѣ усилія остались тщетны. Густой дымъ, развиваясь по всему чердаку, препятствовалъ видѣть и дышать и не допустилъ никого приступить къ дѣлу. Тогда стало очевидно, что спасеніе дворца уже невозможно. Государь Императоръ, не желая подвергать опасности солдатъ, которые дѣйствовали съ неимовѣрною отважностію и съ удивительнымъ

самоотверженіемъ, отдалъ повелѣніе, чтобы всѣ сошли съ кровли и спѣшили спасать изъ внутреннихъ комнатъ то, что спасти было возможно. Воля Его Величества была исполнена съ быстротою и точностію, достойными удивленія. Всѣ отъ генерала до простаго солдата принялись за дѣло; никто себя не жалѣлъ. Священныя утвари, образа и ризы обѣихъ церквей, Императорскіе бриліанты, картины, драгоцѣнныя убранства дворца и всѣ вещи, принадлежащія Царской фамиліи, были взяты и отнесены, частію къ Александровской колоннѣ, частію въ Адмиралтейство.

Въ это время Государь Императоръ былъ увѣдомленъ, что въ Галерной гавани загорѣлось нѣсколько хижинъ. Онъ немедленно послалъ на спасеніе оныхъ Наслѣдника. А самъ рѣшившись пожертвовать главнымъ зданіемъ Зимняго дворца, которымъ пламя совершенно овладѣло, приказалъ исключительно обратить всѣ усилія на защиту Эрмитажа. Немедленно крыши галлерей, соединяющихъ сіе отдѣленіе дворца съ главнымъ корпусомъ, были разрушены, всякое сообщеніе между ними прервано. Такимъ образомъ пожаръ не достигъ къ Эрмитажу, хотя все пламя стремилось прямо на него по направленію сильнаго вѣтра. Здѣсь особенно оказалась неустрашимая спокойность пожарныхъ и солдатъ; они, можно сказать, вступили въ рукопашный бой съ огнемъ и отважно закладывали окна и двери, не смотря на пламя и дымъ, которые съ ними боролись, но ихъ не отразили. Всѣ они дѣйствовали подъ особеннымъ надзоромъ Его Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Между тѣмъ пожаръ, усиливаемый порывистымъ вѣтромъ, бѣжалъ по потолкамъ верхняго этажа; они разомъ во многихъ мѣстахъ загорались, и падая съ громомъ, зажигали полы и потолки средняго яруса, которые въ свою очередь низвергались огромными огненными грудами на крѣпкіе своды нижняго этажа, большею частію оставшагося цѣлымъ. Зрѣлище, по сказанію очевидцевъ, было неописанное: посреди Петербурга вспыхнулъ волканъ. Сначала обнята была пламенемъ та сторона дворца, которая обращена къ Невѣ; противоположная сторона представляла темную громаду, надъ коею пылало и дымилось ночное небо; отсюда можно было слѣдовать за постепеннымъ распространеніемъ пожара; можно было видѣть, какъ онъ, пробираясь по кровлѣ, проникнулъ въ верхній ярусъ, какъ въ среднемъ ярусѣ все еще было темно (только горѣло нѣсколько ночниковъ, и люди бѣгали со свѣчами по комнатамъ) въ то время, какъ надъ нимъ все уже пылало и разрушалось; какъ вдругъ загорѣлись потолки и начали падать съ громомъ, пламенемъ, искрами и вихремъ дыма, и какъ наконецъ потоки огня полилися отвсюду, наполнили внутренность зданія и бросились въ окна. Тогда вся громада дворца представляла огромный костеръ, съ котораго пламя то всходило къ небу высокимъ столбомъ, подъ тяжкими тучами чернаго дыма, то волновалось какъ

море, коего волны вскакивали огромными, зубчатыми языками, то вспыхивало снопомъ безчисленныхъ ракетъ, которыя сыпали огненный дождь на всѣ окрестныя зданія[1]. Въ этомъ явленіи было что-то невыразимое: дворецъ и въ самомъ разрушеніи своемъ какъ будто неприкосновенно вырѣзывался со всѣми своими окнами, колоннами и статуями неподвижною черною громадою на яркомъ трепетномъ пламени. А во внутренности его происходило что-то неестественное: какая-то адская сила тамъ господствовала, какіе-то враждебные духи, слетѣвшіе на добычу и надъ ней разыгравшіеся, бѣшено мчались повсюду, сталкивались, разлетались, прядали съ колонны на колонну, прилипали къ люстрамъ, бѣгали по кровлѣ, обвивались около статуй, выскакивали въ окна и боролись съ людьми, которые мелькали черными тѣнями, пробѣгая по яркому пламени.

И въ то время, когда сей ужасный пожаръ представлялъ такую разительную картину борьбы противоположныхъ силъ, разрушенія и гибели, другая картина приводила въ умиленіе душу своимъ торжественнымъ, тихимъ величіемъ. За цѣпью полковъ, окружавшихъ дворцовую площадь, стоялъ народъ безчисленною толпою въ мертвомъ молчаніи. Передъ глазами его горѣло жилище Царя: общая всѣмъ святыня погибала; объятая благоговѣйною скорбію, толпа стояла неподвижно; слышны были одни глубокіе вздохи, и всѣ молились за Государя.

Пожаръ, начавшійся въ 8 часовъ вечера, продолжался во всей своей силѣ до восхожденія солнца.

Жуковскій.

Самумъ *.

Предъ наступленіемъ самума воздухъ дѣлается въ высшей степени удушливымъ, какъ передъ бурей; животныя предчувствуя недоброе, выражаютъ безпокойство и боязливость; къ ночи зной усиливается; караванъ, застигнутый непогодою, спѣшитъ укрыться въ безопасное мѣсто, пока есть возможность, пока есть еще свѣтлыя звѣзды, указывающія дорогу. Но вотъ изчезла послѣдняя звѣздочка, и необозримая равнина покрылась густымъ туманомъ. Прошла ночь, на востокѣ появилось уже

---

[1] Ср. «Рейнскій водопадъ» того же автора, гдѣ находимъ общія выраженія съ этимъ описаніемъ: дѣйствія двухъ стихій (воды и огня) изображаются сходными сравненіями и метафорами: «Мимо тебя летаютъ .. какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, бьются, подымаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, разшибаются въ дребезги».

* При описаніи самума авторъ особенное вниманіе обратилъ на дѣйствіе его на человѣка: потому выбралъ явленія по отношенію къ путникамъ. Согласно свойству описаннаго явленія, здѣсь представлены измѣненія во *многіе моменты*.

солнце, но его не видно за туманомъ, который дѣлается все гуще и гуще и наконецъ распространяетъ такой мракъ, что нѣтъ возможности различать предметы даже на разстояніи ста шаговъ. Вслѣдъ за этимъ подымается съ юга, или съ юго-запада, легкій, но довольно жгучій вѣтеръ. Мало-по-малу онъ усиливается до того, что въ состояніи сорвать путника съ верблюда. Караванъ долженъ остановиться, да и верблюды отказываются продолжать путь: вытянувъ шеи, фыркая и издавая жалобные вопли, бѣдныя животныя опускаются на землю. Арабы торопливо сносятъ мѣхи съ водою въ мѣста, защищенныя отъ вѣтра; сами же какъ можно плотнѣе закутываются въ плащи и укрываются за тюками. Въ караванѣ водворяется мертвая тишина, а между тѣмъ въ пустынѣ уже бушуетъ самумъ. Доски сундуковъ распадаются съ сильнымъ трескомъ; песокъ, мелкій какъ пыль, носится по поверхности густыми тучами, проникаетъ чрезъ всѣ отверстія, даже чрезъ сукно и, падая на тѣло человѣка, производитъ страшныя мученія; путешественники начинаютъ чувствовать головную боль, дыханіе становится прерывистымъ, грудь волнуется, растрескавшіяся губы обливаются кровью, языкъ совершенно высыхаетъ, во всемъ тѣлѣ чувствуется зной и зудъ, самая кожа трескается отъ жара и наполняется жгучимъ пескомъ, что еще увеличиваетъ страданіе путниковъ. Несчастные выбиваются изъ силъ, испускаютъ пронзительные вопли, которые доходятъ до бѣшеныхъ криковъ, потомъ мало-по-малу слабѣютъ и наконецъ совсѣмъ утихаютъ.

Прошла буря, но въ караванѣ по прежнему мертвая тишина. У немногихъ достало силъ перенести такія страшныя мученія, и можетъ быть, къ счастію, потому что оставшіеся въ живыхъ должны подвергнуться той же участи, вынеся еще цѣлый рядъ страданій. Представьте себѣ путника, пережившаго эту грозную бурю. Мало-по-малу приходитъ онъ въ себя, поднимается съ большими усиліями, и первая мысль, явившаяся въ его головѣ, это—мысль о жизни. Но жизни осталось въ немъ немного. Жажда сожигаетъ его внутренность. Онъ сбирается съ послѣдними силами, приползаетъ къ мѣхамъ съ надеждой найти въ нихъ воду, но не находитъ ни одной капли. Самумъ уничтожилъ все. Не видя вокругъ себя помощи, онъ рѣшается бѣжать отъ мѣста смерти, но и для этого не находитъ средствъ. Его верблюдъ палъ. Онъ пробуетъ идти, но послѣ нѣсколькихъ шаговъ на ногахъ дѣлаются раны; жгучій песокъ растравляетъ ихъ; нѣтъ силъ выносить мученія—и страдалецъ падаетъ на землю безъ всякой надежды на помощь, потому что каждый изъ его спутниковъ заботится только о себѣ: старается отыскать болѣе сильнаго верблюда и, захвативъ съ собою воды, если она есть, добраться до ближайшаго ручейка. Не каждому удается это. Иногда верблюдъ отстаетъ отъ прочихъ и, совершенно выбившись изъ силъ, падаетъ на землю, а путникъ одинъ, безпомощный, остается среди пустыни. Вокругъ себя онъ видитъ голую землю; вдали ему представля-

ются мѣстечки, окруженныя водою, пальмовые лѣса, рѣки, покрытыя судами, однимъ словомъ все, что̀ соединяется съ мыслью о водѣ [1]. Но всѣ эти видѣнія—обманъ, еще болѣе усиливающій страданія умирающаго. Проѣзжающій караванъ, найдя тѣло несчастнаго, считаетъ своею обязанностію предать его погребенію; но чаще это исполняетъ вѣтеръ. Въ пустынѣ нерѣдко можно встрѣтить кучи песку, изъ которыхъ торчатъ кости погибшаго. Арабъ, поравнявшись съ такимъ памятникомъ, творитъ краткую, но жаркую молитву объ избавленіи его отъ подобной участи.

Изъ Хрестоматіи Галахова.

Пожаръ въ лѣсу *.

Мы подъѣхали почти къ самой чертѣ пожара. Я слѣзъ и пошелъ ему навстрѣчу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бѣжалъ по рѣдкому сосновому лѣсу противъ вѣтра. Онъ подвигался неровной чертой или, говоря точнѣе, сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ. Дымъ относило вѣтромъ. Былъ поземный пожаръ, который только брилъ траву и, не разыгрываясь, шелъ дальше, оставляя за собой черный и дымящійся, но даже не тлѣющій слѣдъ. Правда, иногда тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная сухими сучьями, онъ вдругъ и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадалъ и бѣжалъ впередъ, по прежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не разъ замѣтилъ, какъ кругомъ охваченный дубовый кустъ съ сухими, висячими листами, оставался нетронутымъ, только снизу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не могъ понять, отчего сухіе листья не загорались.... Пожаръ все-таки производилъ свое дѣйствіе: зайцы какъ-то безпорядочно бѣгали взадъ и впередъ, безо всякой нужды возвращаясь въ сосѣдство огня; птицы попадали въ дымъ и кружились; лошади оглядывались и фыркали; самый лѣсъ какъ бы гудѣлъ,—да и человѣку становилось неловко отъ внезапно бьющаго ему въ лицо жара....

Тургеневъ.

Передъ дождемъ **.

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому было еще верстъ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣ-

---

[1] Путнику представляется миражъ.

* Послѣ краткаго вступленія, въ первой части при описаніи явленія авторъ переходитъ отъ общаго къ частностямъ: огонь бѣжалъ по лѣсу (общее обозначеніе мѣста явленія); неровной чертой (общее обозначеніе вида огня), брилъ траву (общее обозначеніе его дѣйствія); мѣстами вспыхивалъ и воздымался (частныя явленія), дубовый кустъ оставался нетронутымъ (отдѣльный предметъ), сухія листья не загорались (части этого предмета).—Во 2-й части среди живыхъ существъ упомянутъ лѣсъ, такъ-какъ онъ здѣсь олицетворенъ (потому послѣ опи-

жала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ навстрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозняками [1], поднялся въ гору и въѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми [2] мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ; дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшихъ глубокія продольныя рытвины—слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія—и гроза разразилась. Дождь полилъ ручьями.

Тургеневъ.

Лѣтній дождь *.

День былъ жаркій, свѣтлый, лучезарный день, не смотря на перепадавшіе дождики. По ясному небу плавно неслись, не закрывая солнца, низкія, дымчатыя тучи и по временамъ роняли на поля обильные потоки внезапнаго и мгновеннаго ливня. Крупныя сверкающія капли сыпались быстро, съ какимъ-то сухимъ шумомъ, точно алмазы; солнце играло сквозь имъ мелькающую сѣтку; трава, еще недавно взволнованная вѣтромъ, не шевелилась, жадно поглощая влагу; орошенныя деревья томно трепетали всѣми своими листочками; птицы не переставали пѣть, и отрадно было слушать ихъ болтливое щебетанье при свѣжемъ гулѣ или ропотѣ пробѣгавшаго дождя. Пыльныя дороги дымились и слегка пестрѣли подъ рѣзкими ударами частыхъ брызгъ. Но вотъ тучка пронеслась, запорхалъ вѣтерокъ, изумрудомъ и золотомъ начала переливать трава.... Прилипая другъ къ дружкѣ, засквозили листья деревьевъ.... Сильный запахъ поднялся отовсюду....

Тургеневъ.

санія тревоги животныхъ, словомъ *самый* переходъ къ тревогѣ лѣса, а за тѣмъ тотчасъ переходъ союзомъ *да и* къ ощущеніямъ человѣка).

** Явленіе природы здѣсь описано двояко: само по себѣ и по его вліянію на животныхъ.

[1] *Лозникъ*, или *лознякъ*—мелкій ивнякъ.—[2] Ср. эту метафору съ метафорами во 2-й части ст: «Лѣсъ и стѣпь» того же автора.

* Выборъ метафоръ при описаніи явленія природы сообщаетъ (въ описаніи 1-го момента) изображаемымъ здѣсь растеніямъ одушевленіе (обоюдныя выраженія: *взволнованная*; *жадно*, *томно*). То же замѣчаемъ въ описаніи дождя (*ропотъ*).

Обвалъ *.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И блещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.

Оттоль сорвался разъ обвалъ,
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.

Вдругъ истощась и присмирѣвъ,
О, Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты затопилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.

И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ,
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.

И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,
Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ [1].

---

* Ср. съ описаніемъ обвала того же автора въ отд. «Описаній простыхъ». (стр. 28). Описаніемъ явленія здѣсь воспользовался поэтъ для цѣлей лирическаго стихотворенія, идея котораго ясна изъ выбора представленій, ихъ сопоставленія и стилистическаго выраженія (какъ и въ «Водопадѣ» кн. Вяземскаго, стр. 109).

Положеніе поэта на склонѣ къ Тереку. Онъ описываетъ обвалъ, бывшій близъ этого мѣста. Терекъ, главный предметъ описанія, изображенъ въ поэтическомъ олицетвореніи въ моментъ униженія (Вдругъ истощась... и далѣе). Черты униженія и борьбы описаны въ явленіяхъ рѣки подъ снѣгомъ обвала: звуковъ ея (ревъ), силы напора водъ (упорный гнѣвъ) разлива ихъ (освирѣпѣвъ), брызговъ ихъ подъ обледенѣвшимъ снѣгомъ. Въ послѣдней строфѣ—высшая степень униженія выражена въ описаніи пути черезъ обвалъ и ѣдущихъ по немъ: въ этомъ ихъ описаніи также видимъ градацію (постепенное усиленіе въ выраженіи мыслей): скачущій гордый *конь*, проложившій черезъ рѣку дорогу, не такъ оскорбляетъ свободный Терекъ, какъ влекущійся *волъ*, и этотъ не такъ, какъ *верблюдъ*, служащій для выгодъ *купца*, ведущаго его. Послѣдніе 2 стиха, какъ сильный контрастъ, изображаютъ освобожденный Терекъ. Сопоставленіе *купца* (служителя низменнымъ корыстнымъ цѣлямъ) съ *Эоломъ* (богомъ вѣтра), жильцомъ небесъ—служитъ для этого контраста.—Въ олицетвореніи Терека нельзя не видѣть чертъ характера тѣхъ непокорныхъ горцевъ, коимъ свойственъ такой взглядъ на торговлю и другія явленія жизни.—Поэтъ представляетъ идеальными чертами дикій народъ, который, храня независимость, не выноситъ подчиненія власти, хотя бы и блестящей: «*Оттоль*» (т. е. съ блестящихъ вершинъ) сорвался разъ обвалъ» (строфа 2-я).—Поэтъ былъ пораженъ красотой явленія: отсюда его сочувствіе Тереку (стилистическое выраженіе этого сочувствія—форма обращенія къ нему, съ той строфы, гдѣ начинается описаніе его униженія и борьбы: «о, Терекъ!»). Разрушительная сила сопротивленія получила поэтическое выраженіе въ образѣ наводненія («затопилъ, освирѣпѣвъ, свои берега»).—Это стихотвореніе

Весенній вечеръ *.

За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда... вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше и выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ вѣтокъ, къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ... Вотъ самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается; слегка повѣяло теплой сыростію; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ—не всѣ вдругъ—по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все темнѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга, соловей щелкнулъ въ первый разъ.

Тургеневъ.

Майскій вечеръ **.

Уже вечерѣло. Солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую въ полверстѣ отъ сада: тѣнь отъ нея безъ конца тянулась черезъ неподвижныя поля. Мужикъ ѣхалъ рысцой на бѣлой лошади по темной, узкой дорожкѣ вдоль самой рощи: онъ весь былъ ясно ви-

---

вызвано мыслями о борьбѣ русскихъ войскъ съ горцами; сравни съ балладой Лермонтова «Споръ» (въ Хрест. для III и IV кл.).

[1] Ср. въ «Спорѣ» Лермонтова:

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы
Да цари-орлы.

* Это описаніе явленія расположено въ порядкѣ измѣненія признаковъ въ каждый изъ наблюдаемыхъ моментовъ, служащихъ основаніемъ раздѣленія статьи на части. Выбранные признаки въ каждый моментъ описываютъ какъ видъ деревьевъ и состояніе воздуха, такъ и дѣйствія птицъ: на этомъ основано подраздѣленіе частей описанія.

** Это описаніе явленія, изображеннаго тѣмъ же авторомъ въ предъидущей статьѣ, весьма отличается отъ нея: здѣсь описанъ одинъ моментъ вечера (начало его, что выражено во вступительной мысли: «вечерѣло»). Потому раздѣленіе статьи основано не на измѣненіяхъ признаковъ во времени, но на расположеніи ихъ въ пространствѣ. Наиболѣе авторъ остановился здѣсь на освѣщеніи картины (проѣзжаго мужика и рощи). Картина оживлена изображеніемъ животныхъ (въ этомъ сходство съ предъидущимъ описаніемъ).

денъ, весь, до заплаты на плечѣ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни; пріятно, отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи съ своей стороны забирались въ рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ а листва ихъ почти синѣла, и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; вѣтеръ совсѣмъ замеръ; запоздалыя пчелы лѣниво и сонливо жужжали въ цвѣтахъ сирени; мошки толклись столбомъ надъ одинокою, далеко протянутою вѣткою.

Тургеневъ.

Іюльское утро *.

Свѣжая струя пробѣжала по моему лицу. Я открылъ глаза: утро зачиналось. Еще нигдѣ не румянилась заря, но уже забѣлѣлось на востокѣ. Все стало видно, хотя смутно видно, кругомъ. Блѣдно-сѣрое небо свѣтлѣло, холодѣло, синѣло; звѣзды то мигали слабымъ свѣтомъ, то изчезали; отсырѣла земля, запотѣли листья, кой-гдѣ стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкій, ранній вѣтерокъ уже пошелъ бродить и порхать надъ землею. Тѣло мое отвѣтило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно всталъ и пошелъ во-свояси, вдоль задымившейся рѣки. Не успѣлъ я отойти двухъ верстъ, какъ уже полились кругомъ меня по широкому мокрому лугу и спереди, по зазеленѣвшимся холмамъ, отъ лѣсу до лѣсу, и сзади, по длинной пыльной дорогѣ, по сверкающимъ, обагреннымъ кустамъ, и по рѣкѣ, стыдливо синѣвшей изъ-подъ рѣдѣющаго тумана—полились сперва алые, потомъ красные, золотые потоки молодаго горячаго свѣта... Все зашевелилось, проснулось, запѣло, зашумѣло, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зардѣлись крупныя капли росы; мнѣ навстрѣчу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдругъ, мимо меня, прогоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувшій табунъ...

Тургеневъ.

Утро въ рощѣ **.

Надъ самой кручью широкаго оврага находился небольшой березовый „заказъ“. Молодыя деревья росли очень тѣсно: ни чей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ; не густая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую

* Здѣсь два момента утра (въ чемъ сходство съ первымъ изъ двухъ предъидущихъ описаній); въ каждый моментъ подробно описываются всѣ части картины (въ чемъ сходство съ предъидущимъ описаніемъ); авторъ здѣсь упоминаетъ и о собственныхъ ощущеніяхъ (въ этомъ различіе его отъ обоихъ предъидущихъ описаній).

** Ср. съ предъидущимъ описаніемъ того же явленія.

траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и не яркимъ свѣтомъ; вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью, жизнью и той невинной торжественностію первыхъ мгновеній утра, когда все уже такъ свѣтло и такъ еще безмолвно. Только и слышались, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями, да въ самой рощѣ двѣ-три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ это у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ, крѣпкимъ запахомъ; чистый легкій воздухъ переливался прохладными струями. Утромъ, славнымъ лѣтнимъ утромъ вѣяло отъ всего; все глядѣло и улыбалось утромъ, точно румяное, только-что вымытое личико проснувшагося ребенка.

Тургеневъ.

Іюльскій день *.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась на долго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце—не огнистое, но раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ зарей [1], но свѣтлое и привѣтно лучезарное—мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованнаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи.—и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ [2], разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они также лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не

* Бо́льшіе предѣлы времени (весь день) и бо́льшее пространство наблюдаемой мѣстности (описываемый горизонтъ широкъ) отличаютъ предметъ этого описанія отъ предъидущихъ. Авторъ слѣдитъ за всѣми измѣненіями неба въ I-й (бо́льшей части); во II-й описываетъ воздухъ; изъ видимаго на землѣ даетъ лишь одно представленіе (дороги черезъ пашню).

[1] Описаніе посредствомъ изображенія противоположныхъ признаковъ подобнаго предмета, какъ въ статьѣ того же автора «Березовая и осиновая рощи»).—

[2] Сравненіе это сличи съ сравненіями въ «Рощѣ» того же автора.

темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ кой-гдѣ протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака изчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черноватыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца, на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо; алое сіяніе стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „паритъ" по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты—несомнѣнный признакъ постоянной погоды—высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ чрезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба...

Тургеневъ.

Жаркій полдень *.

Погода была прекрасная, еще прекраснѣе, чѣмъ прежде, но жара все не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокія и рѣдкія облака, изжелта-бѣлыя, какъ весенній запоздалый снѣгъ, плоскія, продолговатыя, какъ опустившіеся паруса [1]. Ихъ узорчатые края, пушистые и легкіе, какъ хлопчатая бумага, медленно, но видимо измѣнялись съ каждымъ мгновеніемъ: они таяли, эти облака, и отъ нихъ не падало тѣни. Мы долго бродили съ Касьяномъ по ссѣчкамъ [2]. Молодые отпрыски, еще не успѣвшіе вытянуться выше аршина, окружили своими тонкими, гладкими стебельками почернѣвшіе низкіе пни; круглые губчатые наросты съ сѣрыми каймами, тѣ самые наросты, изъ которыхъ вывариваютъ трутъ, лѣпились къ этимъ пнямъ; земляника пускала по нимъ свои розовые усики; грибы тутъ же тѣсно сидѣли семьями. Ноги безпрестанно путались и цѣплялись въ длинной травѣ, пресыщенной горячимъ солнцемъ; всюду рябило въ глазахъ отъ рѣзкаго металлическаго сверканія молодыхъ красноватыхъ листьевъ на деревцахъ; всюду пестрѣли голубые гроздья журавлинаго гороху, золотыя чашечки куриной слѣпоты, на половину лиловые, на половину желтые цвѣты иванада-марьи; кой-гдѣ возлѣ заброшенныхъ дорожекъ, на которыхъ слѣды колесъ обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дровъ, потемнѣвшихъ отъ вѣтра и дождя, сложенныя саженями;

* Описаніе это богато отдѣльными частными представленіями. Авторъ дѣлаетъ ихъ легко доступными для воображенія группировкой то по самому роду (облака, деревья, травы, дрова) то по измѣненію въ состояніи воздуха (при порывахъ вѣтра).

[1] Сличи это сравненіе съ указаннымъ въ «Рощѣ». Авторъ тонко различаетъ всѣ формы облаковъ.—[2] *Ссѣчка*—мѣсто вырубленнаго лѣса.

слабая тѣнь падала отъ нихъ косыми четвероугольниками,—другой тѣни не было нигдѣ. Легкій вѣтерокъ то просыпался, то утихалъ: подуетъ вдругъ прямо въ лицо и какъ будто разъиграется,—все весело зашумитъ, закиваетъ и задвижется кругомъ; граціозно закачаются гибкіе концы папортниковъ:—обрадуешься ему... но вотъ ужъ онъ опять замеръ, и все опять стихло. Одни кузнечики дружно трещатъ, словно озлобленные,—и утомителенъ этотъ непрестанный, кислый и сухой звукъ. Онъ идетъ къ неотступному жару полудня; онъ словно рожденъ имъ, словно вызванъ имъ изъ раскаленной земли.

Тургеневъ.

Іюльская ночь.

Ночь приближалась и росла, какъ грозовая туча; казалось, вмѣстѣ съ вечерними парами отовсюду поднималась и даже съ вышины лилась[1] темнота. Мнѣ попалась какая-то неторная заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая впередъ. Все кругомъ быстро чернѣло и утихало,—одни перепела изрѣдка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своихъ мягкихъ крыльяхъ, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула въ сторону. Я вышелъ на опушку кустовъ и побрелъ по полю межой. Уже я съ трудомъ различалъ отдаленные предметы: поле неясно бѣлѣло вокругъ; за нимъ, съ каждымъ мгновеніемъ надвигаясь громадными клубами, вздымался угрюмый мракъ. Глухо отдавались мои шаги въ застывающемъ воздухѣ. Поблѣднѣвшее небо стало опять синѣть,—но то уже была синева ночи. Звѣздочки замелькали, зашевелились на немъ.

Что̀ я было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ. Обогнулъ бугоръ и очутился въ неглубокой, кругомъ распаханной лощинѣ. Странное чувство тотчасъ овладѣло мною. Лощина эта имѣла видъ почти правильнаго котла съ пологими боками; на днѣ ея торчало стоймя нѣсколько большихъ бѣлыхъ камней,—казалось, они сползли туда для тайнаго совѣщанія,—и до того въ ней было нѣмо и глухо, такъ плоско, такъ уныло висѣло надъ ней небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то звѣрокъ слабо и жалобно пискнулъ между камней. Я поспѣшилъ выбраться назадъ на бугоръ. До сихъ поръ я все еще не терялъ надежды сыскать дорогу домой; но тутъ я окончательно удостовѣрился въ томъ, что заблудился совершенно и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестныя мѣста, почти совсѣмъ потонувшія во мглѣ, пошелъ себѣ прямо, по звѣздамъ—на-удалую... Около получаса шелъ я такъ, съ трудомъ переставляя ноги. Казалось, отъ роду не бывалъ я въ такихъ пустыхъ мѣстахъ: нигдѣ не мерцалъ огонекъ, не слышалось никакого звука. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ; поля безконечно

---

[1] Сличи эту метафору съ подобными въ другихъ описаніяхъ того же автора («Лѣсъ и степь»: «деревья *облитыя* тѣнью»).

тянулись за полями; кусты словно вставали вдругъ изъ земли передъ самымъ моимъ носомъ. Я все шелъ, и уже собирался-было прилечь гдѣ-нибудь до утра, какъ вдругъ очутился надъ страшной бездной.

Я быстро отдернулъ занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумракъ ночи, увидѣлъ далеко подъ собою огромную равнину. Широкая рѣка огибала ее уходящимъ отъ меня полукругомъ; стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцая, обозначили ея теченіе. Холмъ, на которомъ я находился, спускался вдругъ почти отвѣснымъ обрывомъ; его громадныя очертанія отдѣлялись, чернѣя, отъ синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, въ углу, образованномъ тѣмъ обрывомъ и равниной, возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, подъ самой кручью холма, краснымъ пламенемъ горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. Вокругъ нихъ копошились люди, колебались тѣни, иногда ярко освѣщалась передняя половина маленькой кудрявой головы... Я узналъ наконецъ, куда я зашелъ.

Тургеневъ

Воробьиная ночь.

Я легъ. Скоро я замѣтилъ, что ко мнѣ въ комнату безпрестанмо западали какіе-то слабые отсвѣты... я приподнялся и глянулъ въ окно. Переплетъ его четко отдѣлялся отъ таинственно и смутно-бѣлѣвшихъ стеколъ. Гроза, подумалъ я: и точно была гроза, но она проходила очень далеко, такъ что и грому не было слышно; только на небѣ непрерывно вспыхивали неяркія, длинныя, словно развѣтвленныя молніи; они не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, какъ крыло умирающей птицы. Я всталъ, подошелъ къ окну и простоялъ тамъ до утра... Молніи не прекращались ни на мгновеніе; была, что называется въ народѣ, «воробьиная ночь». Я глядѣлъ на нѣмое песчаное поле, на темную массу Нескучнаго сада, [1], на желтоватые фасады далекихъ зданій, тоже какъ будто вздрагивавшихъ при каждой слабой вспышкѣ... Я глядѣлъ—и не могъ оторваться. Утро стало заниматься; алыми пятнами выступила заря. Съ приближеніемъ солнца все блѣднѣли и сокращались молніи: онѣ вздрагивали все реже и рѣже и изчезли наконецъ, затопленныя отрезвляющимъ и несомнительнымъ свѣтомъ возникшаго дня.

Тургеневъ.

Украинская ночь *.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее. Съ середины неба глядитъ мѣсяцъ. Необъят-

---

[1] *Нескучный садъ*—большой паркъ въ Москвѣ, примыкающій къ берегу рѣки.

* По своеобразному теченію благозвучной рѣчи, по повторяющемуся въ

ный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. Земля вся въ серебряномъ свѣтѣ; и чудный воздухъ—и прохладно-душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ океанъ благоуханій. Божественная ночь! очаровательная ночь!

Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Весь ландшафтъ спитъ. А вверху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ видѣній стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! очаровательная ночь!

И вдругъ—все ожило; и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья, и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще болѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хатъ; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благочестивые люди уже спятъ... гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна; передъ порогами иныхъ только хатъ запоздалая семья совершаетъ свой поздній ужинъ.

Гоголь.

Ночь на Днѣпрѣ *.

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. Будто дамасскою дорогою и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Любо глянуть съ середины Днѣпра на высокія горы, на зеленые лѣса! Горы тѣ не горы: подошвы у нихъ нѣтъ; внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина, и подъ ними, и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣснаго дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и подъ волосами высокое небо. Тѣ луга не луга: то-

---

концѣ двухъ первыхъ частей восклицанію, по силѣ чувства, которымъ проникнуто, описаніе это напоминаетъ лирическую пѣснь. Восторженное чувство 1-й и 2-й частей находитъ свое высшее выраженіе въ началѣ 3-й части, затѣмъ переходитъ къ концу ея въ успокоеніе, при описаніи жилищъ человѣка.

* Одно изъ оригинальнѣйшихъ описаній по сказочному тону сравненій, переходящихъ къ концу въ чудовищный образъ «лѣснаго дѣда». Всѣми сравненіями рисуются три вида, представляющіеся плывущему по Днѣпру, на разнообразные берега его. Форма сравненія—трехъ-членная: 1) именуется главный предметъ изображенія, 2) онъ отрицается, 3) именуется другой предметъ, съ которымъ сравнивается главный предметъ. Выборъ выраженій—въ духѣ украинскихъ сказокъ; тонъ рѣчи—тонъ простодушнаго сказочника (особенно ясный въ послѣднемъ предложеніи)—составляетъ противоположность съ предъидущимъ описаніемъ того же явленія тѣмъ же авторомъ.

зеленый поясъ, перепоясавшій по срединѣ круглое небо, и въ верхней половинѣ, и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяцъ.

Гоголь.

Наступленіе весны *.

Весна долго не открывалась. Послѣднія недѣли поста стояла ясная, морозная погода. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью доходило до семи градусовъ; постъ былъ такой, что на возахъ ѣздили безъ дороги. Пасха была на снѣгу.

Вдругъ на второй день Святой понесло теплымъ вѣтромъ, надвинулись тучи, и три дня и три ночи лилъ бурный и теплый дождь. Въ четвергъ вѣтеръ затихъ, и надвинулся густой сѣрый туманъ, какъ бы скрывая тайны совершавшихся въ природѣ перемѣнъ. Въ туманѣ полились воды, затрещали и сдвинулись льдины, быстрѣе двинулись мутные вспѣнившіеся потоки, и на самую красную горку[1], съ вечера, разорвался туманъ, тучи разбѣжались барашками, прояснѣло, и открылась настоящая весна.

На утро поднявшееся яркое солнце быстро съѣло тонкій ледокъ, подернувшій воды, и весь теплый воздухъ задрожалъ отъ наполнившихъ его испареній отжившей земли. Зазеленѣла старая и вылѣзающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой березы, и на обсыпанной золотымъ цвѣтомъ лозинѣ[2] загудѣла выставленная облетавшаяся пчела. Залились невидимые жаворонки надъ бархатомъ зеленей[3] и обледенѣвшимъ жнивьемъ, заплакали чибисы надъ налившимися бурою неубравшеюся водой низами и болотами, и высоко пролетѣли съ весеннимъ гоготаньемъ журавли и гуси. Заревѣла на выгонахъ облѣзлая, только мѣстами еще не перелинявшая скотина, заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волну блеющихъ матерей, побѣжали быстроногіе ребята по просыхающимъ съ отпечатками босыхъ ногъ тропинкамъ, затрещали на пруду веселые голоса бабъ съ холстами, и застучали по дворамъ топоры мужиковъ, налаживающихъ сохи и бороны.

Пришла настоящая весна.

Гр. Л. Толстой.

---

* Изображеніе явленій наступившей весны (3-я часть) въ этомъ описаніи замѣчательно своею полнотою: дѣйствіе весны на воду, воздухъ, растительный міръ и въ особенности на животныхъ и крестьянъ различныхъ возрастовъ и обоихъ половъ, въ такомъ краткомъ очеркѣ, потребовало выбора особенно выразительныхъ метафоръ, эпитетовъ и синонимовъ; таковы же сказуемыя, описывающія звуки, производимые животными).

1 *Красная горка* — вторникъ на Ѳоминой. — 2 *Лозина*—такъ называютъ ветлу, иву и вербу.—3 *Зеленя̀* (мн. ч.)—озими.

Весна. *.

Апрѣль приближался къ концу. Весна была ранняя, дружная; снѣгъ давно сбѣжалъ съ полей. Повсюду, направо и налѣво отъ дороги, вдали и вблизи, по всѣмъ буграмъ, скатамъ, зеленѣли озими, освѣщенныя косвенными золотыми лучами; тонкія полоски межей были еще темны; надъ ними, вмѣсто тучныхъ кустовъ кашки, донника, ежевики и шиповника, лоснились покуда пунцовые прутья и подымались ноздреватые, пересохнувшіе стебли прошлаго года; гдѣ-гдѣ развѣ развертывался и сквозилъ мягкій, какъ бархатъ, листъ земляники. Но какъ уже хорошо было въ полѣ! Тишина необыкновенная. Такъ тихо, что ни одна былинка не покачнетъ головкой; а чувствуешь между тѣмъ, слышишь даже, что весь этотъ неоглядный просторъ земли и воздуха наполненъ жизнію и движеніемъ. Напрягаешь слухъ, жадно прислушиваешься... и — странно! звуки эти радостно даже какъ-то отдаются въ душѣ и тѣшатъ ее... Совсѣмъ не то, что въ городѣ. Въ блестящей глубинѣ небеснаго свода не видать жаворонка, но воздухъ наполненъ его переливами. Въ каждой бороздѣ, въ чащѣ мелкой травы, въ озимяхъ слышится пискъ, шерохъ. Далеко въ рощахъ воркуетъ горлинка, и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто дикіе голуби. Все оживаетъ: въ самой тонкой вѣткѣ, въ самыхъ нѣжныхъ стебелькахъ движется свѣжій сокъ, хлынувшій изъ корня, которому такъ тепло теперь подъ землею, нагрѣтою солнцемъ. Миріады насѣкомыхъ роями жужжатъ въ воздухѣ, снуютъ и качаются на гибкихъ травкахъ молодой зелени. Солнце вездѣ и всюду: солнце насквозь пронизываетъ густыя чащи, не успѣвшія еще заслониться листомъ; солнце донимаетъ въ глубинѣ лѣсовъ и овраговъ остатки рыхлаго, почернѣвшаго снѣга; солнце жаркими лучами обливаетъ поля, гдѣ сквозь рѣдкую еще зелень блистаютъ новые отпрыски озимаго хлѣба, и желтѣетъ прошлогоднее дотлѣвающее жнивье. Съ какимъ наслажденіемъ выставляешь на вешнее солнце спину и обнаженную руку! Въ воздухѣ уже не чувствуешь той проникающей сырости, которая замѣтна въ первую весеннюю пору,

---

* Описаніе весны съ точки зрѣнія городскаго жителя. Отъ того оно носитъ слѣды наивнаго выраженія чувствъ («слышишь *даже*, что просторъ земли и воздуха наполненъ жизнью и движеньемъ»... «*странно!* звуки эти *радостно даже* какъ-то отдаются въ душѣ и *тѣшатъ ее*»...; это отчасти отражается и въ выборѣ сравненій (мягкій какъ *бархатъ* листъ земляники); многія изъ выраженій при передачѣ представленій природы принадлежатъ къ числу общеупотребительныхъ (*золотыми* лучами, *миріады* насѣкомыхъ, небеснаго *свода*); особенно это замѣчается при передачѣ звуковъ животныхъ (пискъ, шерохъ, воркуетъ, жужжитъ); сравни въ этомъ отношеніи съ описаніями Тургенева и С. Аксакова.— Періоду, описывающему дѣйствія солнечныхъ лучей, придаютъ разнообразіе синонимы сказуемыхъ (пронизываетъ, донимаетъ, обливаетъ), а единство—фигура ἀναφορά (повтореніе одного слова—здѣсь подлежащаго *солнце*—въ началѣ нѣсколькихъ предложеній).

когда рѣки въ разливѣ: рѣки вступили въ берега свои. Вода сквозитъ и отражаетъ чистую синеву неба; лѣса—особенно, если смотрѣть на нихъ съ боку—видимо почти опушились. Еще два-три такіе дня, и птицы, которыя поминутно встрѣчаются съ соломинкой или перышкомъ въ носу, начнутъ вить свои гнѣзда въ защитѣ подъ куполами и сводами молодыхъ листьевъ.

Григоровичъ.

Зимній день *.

Въ 1813 году, съ самаго Николина дня, установились трескучіе, декабрьскіе морозы, особенно съ зимнихъ поворотовъ, когда, по народному выраженію, солнышко пошло на лѣто, а зима на морозъ. Стужа росла съ каждымъ днемъ, и 29 декабря ртуть застыла и опустилась въ стеклянный шаръ. Птица мерзла на лету и падала на землю уже окоченѣлою. Вода, взброшенная вверхъ изъ стакана, возвращалась оледенѣлыми брызгами и сосульками, а снѣгу было очень мало всего на вершокъ, и не прикрытая земля промерзла на три четверти аршина. Врывая столбы для постройки рижнаго[1] сарая, крестьяне говорили, что не запомнятъ, когда бы такъ глубоко промерзла земля, и ожидали[2] въ будущемъ году богатаго урожая озимыхъ хлѣбовъ. Воздухъ былъ сухъ, тонокъ, жгучъ, пронзителенъ, и много хворало народу отъ жестокихъ простудъ и воспаленій; солнце вставало и ложилось съ огненными ушами, и мѣсяцъ ходилъ по небу, сопровождаемый крестообразными лучами; вѣтеръ совсѣмъ упалъ, и цѣлые вороха хлѣба оставались не вѣянными, такъ что и дѣваться съ ними было некуда. Съ трудомъ пробивали пешнями[3] и топорами проруби въ пруду; ледъ былъ толщиною слишкомъ въ аршинъ, и когда доходили до воды, то она, сжатая тяжелою ледяною корою, била какъ изъ фонтана, и тогда только успокоивалась, когда широко затопляла прорубь, такъ что для чищенья ея надобно было подмащивать мостки. Скотъ грѣлся постоянно ѣдою, корма выходило втрое противъ обыкновеннаго, и какъ отъ лѣтней засухи уродилось мало травъ и соломы, то крестьяне начинали охать и бояться, что корму, по-

---

* Это описаніе замѣчательно соединеніемъ точности простаго описанія съ изобразительностію художественнаго. 1-я часть напоминаетъ слогъ лѣтописи: описаніе необычайныхъ явленій природы выразительнѣе при простомъ языкѣ разсказа. Описаніе давно жданнаго снѣга принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ художественной прозы. Все описаніе проникнуто чувствомъ, которое, будучи отраженіемъ чувствъ всего населенія («хотя мнѣ, какъ страстному охотнику»—«я также радовался снѣгу»), даетъ ему особенную цѣну и силу. Къ этому присоединяется своеобразная привязанность къ явленіямъ зимы (сцена въ сумерки), характеризующая сѣвернаго жителя. Послѣдняя картина (въ комнатѣ) отличается задушевностью и личной чертой автора—привязанностью къ домашнему углу.

[1] *Рига* — постройка для сушки хлѣба съ печью. — [2] Въ ориг: *и надѣялись*...—[3] *Пешня*—желѣзный ломъ съ деревянной рукоятью.

жалуй, не хватитъ и до Алексѣя Божьяго человѣка[1]. Стали бить лишнюю скотину, и мясо такъ подешевѣло, что говядину продавали по три копѣйки ассигнаціями, а баранину по двѣ копѣйки за фунтъ. Достаточные крестьяне уже не обѣдали безъ свѣжинки; но скоро стали замѣчать, что отъ мясной пищи прибавляются больные, и стали опасаться ея.

Великолѣпенъ былъ видъ зимней природы. Морозъ выжалъ влажность изъ древесныхъ сучьевъ и стволовъ; и кусты, и деревья ,даже камыши и высокія травы опушились густымъ инеемъ, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая ихъ только холоднымъ блескомъ алмазныхъ огней. Красны, ясны и тихи стояли короткіе зимніе дни, похожіе, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой; а какъ-то не весело, безпокойно становилось на душѣ, да и народъ пріунылъ. Болѣзни, безвѣтріе, безснѣжіе и впереди безкормица для скота. Какъ тутъ не пріуныть? Всѣ молились о снѣгѣ, какъ лѣтомъ о дождѣ.

И вотъ наконецъ пошли косички по небу, морозъ началъ сдавать[2], померкла ясность синяго неба, потянулъ западный вѣтеръ, и пухлая. бѣлая туча, незамѣтно подвигаясь, заволокла со всѣхъ сторонъ горизонтъ. Какъ будто сдѣлавъ свое дѣло, вѣтеръ опять утихъ, и благодатный снѣгъ началъ прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю. Радостно смотрѣли крестьяне на порхающія въ воздухѣ пушистыя снѣжинки, которыя, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снѣгъ началъ идти съ деревенскаго ранняго обѣда, шелъ безпрестанно, часъ отъ часу сильнѣе и гуще.

Я всегда любилъ смотрѣть на тихое паденіе, или опущеніе снѣга. Чтобы вполнѣ насладиться этою картиной, я вышелъ въ поле, и чудное зрѣлище представилось глазамъ моимъ: все безграничное пространство вокругъ меня представляло видъ снѣжнаго потока: будто небеса разверзлись, разсыпались снѣжнымъ пухомъ и наполнили весь воздухъ движеніемъ и выразительною тишиной. Наступали длинные зимніе сумерки; падающій снѣгъ начиналъ закрывать всѣ предметы и бѣлымъ мракомъ одѣвалъ землю. Хотя мнѣ, какъ страстному ружейному охотнику, мелкоснѣжье было выгодно, и стрѣльба тетеревовъ съ подъѣзда, не смотря на стужу, была удобна и добычлива, но, видя общее уныніе и сочувствуя общему желанію, я также радовался снѣгу. Я воротился домой, но не въ душную комнату, а въ садъ, и съ наслажденіемъ ходилъ по дорожкамъ, осыпаемый снѣжными хлопьями. Засвѣтились огоньки въ крестьянскихъ избахъ, и блѣдные лучи легли поперекъ улицы; предметы смѣшивались, утонули въ потемнѣвшемъ воздухѣ. Я вошелъ въ домъ, но и тамъ долго стоялъ у окошка до тѣхъ поръ, покуда нельзя было различать опускающихся снѣжинокъ...

---

[1] *День Алексѣя Бож. чел.*—17-го марта.—[2] *Сдавать*—здѣсь гл. средняго залога въ значеніи *убавляться*.

Длинна зимняя ночь и особенно въ деревнѣ, гдѣ ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь бѣлагѣ дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любилъ встрѣчать безъ свѣчки зимній разсвѣтъ. Въ этотъ день я проснулся еще ранѣе и сейчасъ пошелъ узнать, что̀ дѣлается на дворѣ. На дворѣ была совершенная тишина. Воздухъ сталъ мягокъ, и, не смотря на двѣнадцати-градусный морозъ, мнѣ показалось тепло. Высыпались снѣжныя тучи, и только изрѣдка какія-то запоздавшія снѣжинки падали мнѣ на лицо. Въ деревнѣ давно проснулась жизнь; во всѣхъ избахъ свѣтились огоньки, и топились печи, а на гумнахъ, при свѣтѣ пылающей соломы, молотили хлѣбъ. Гулъ рѣчей и стукъ цѣповъ съ ближнихъ овиновъ долеталъ до моего слуха. Я засмотрѣлся, заслушался и не скоро воротился въ свою теплую комнату.

Я сѣлъ противъ окна на востокъ и сталъ дожидаться свѣта: долго нельзя было замѣтить никакой перемѣны. Наконецъ показалась особенная бѣлизна въ окнахъ; побѣлѣла изразцовая печка, и обозначился у стѣны шкафъ съ книгами, котораго до тѣхъ поръ нельзя было различить. Въ другой комнатѣ, дверь въ которую была отворена, уже топилась печка. Гудя и потрескивая, и похлопывая заслонкой, она освѣщала дверь и половину горницы какимъ-то веселымъ, отраднымъ и гостепріимнымъ свѣтомъ. Но бѣлый день вступалъ въ свои права, и освѣщеніе отъ топящейся печки постепенно изчезало... Какъ хорошо было на душѣ! Спокойно, тихо и свѣтло... Какія-то неясныя, теплыя мечты наполняли душу....

С. Аксаковъ.

Дорога *.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное [1] въ словѣ *дорога*! и какъ чудна она сама, эта дорога[2]! Ясный день, осенніе

---

* По тону это описаніе напоминаетъ «Украинскую ночь» того же автора. Лиризмъ сообщаетъ слогу особенности, обращающія на себя вниманіе. Таковы многіе обороты (напр. 1-го предложенія), восклицательная форма большинства предложеній (ср. съ примѣчаніемъ къ описанію Тургенева «Лѣсъ и степь», стр. 133) и смѣлость метафоръ (*звучно*, *совершается*).—Быстрота смѣняющихся въ дорогѣ представленій нашла свое выраженіе въ оригинальномъ сопоставленіи общаго взгляда на окружающее (ясный день, холодный воздухъ) съ частными мелкими чертами, случайно мелькающими въ глазахъ (осенніе листья... огонекъ.... верста), ощущеній иногда даже противуположнаго характера (слышатся и «*не бѣлы снѣги*», и *сапъ* лошадей), а также въ эллипсисахъ (ἔλλειψις отъ ἐλλείπω выпускаю) и въ отрывочности предложеній (ἀσύνδετον) («проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ, церковь.... темные бревенчатые дома... сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ...; нигдѣ ничего»...). Быстрая смѣна впечатлѣній внѣшнихъ производитъ быстрые переходы и въ ощущеніяхъ душевныхъ: отъ того слогъ отъ величаваго быстро переходитъ къ наивному просторѣчію («какое странное, и манящее, и несущее...» и затѣмъ: «шапку на уши»; «дышетъ въ самыя *очи* холодное ночное дыханіе и убаюки-

листья, холодный воздухъ... Покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу. Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены, и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ соблазнительно крадется дремота, и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся и «не бѣлы снѣги,» и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся—пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церковь съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ—будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души—все спитъ. Одинъ одинешенекъ развѣ гдѣ нибудь въ окошкѣ брежжетъ огонекъ; мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ—что до нихъ? А ночь! небесныя силы! Какая ночь совершается [3] въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно [4] и ясно раскинувшееся!... Но дышетъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь, и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый сосѣдъ [5]. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего; вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цыфрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небо-

---

ваетъ тебя...» и затѣмъ: «и вотъ уже дремлешь, и забываешься, *и храпишь*, и *ворочается сердито*, *почувствовавъ на себѣ тяжесть*, *бѣдный*, *притиснутый къ углу* сосѣдъ..»: «*какъ звѣзда блеститъ* въ сторонѣ *крестъ* церкви» и затѣмъ: «*болтовня* мужиковъ, и невыносимый *аппетитъ въ желудкѣ*.»)

Такими антитезами авторъ въ самомъ перечисленіи признаковъ, описываемыхъ предметовъ и дѣйствій проводитъ основную мысль описанія, выраженную во вступительномъ восклицаніи; въ заключеніи же мы видимъ важное значеніе такого физическаго и душевнаго состоянія въ жизни поэта: вырывая его изъ колеи правильной обыденной жизни, дорога пробуждаетъ въ немъ творчество.

[1] Ср. р. ед. ч. для выраженія неуловимости признаковъ, выражаемыхъ этими прилагательными. Предложенія *безъ сказуемаго глагольнаго или именнаго въ прямомъ падежѣ*—для выражені яощущенія, противоположнаго ясно сознаваемому сужденію, которое всегда выражается въ формѣ съ такимъ сказуемымъ.— [2] Обычная у Гоголя перестановка (inversio).

[3] *Совершается*—весьма многозначительная метафора, сближающая происходящія въ ночномъ небѣ явленія съ важнымъ событіемъ или таинствомъ.—[4] *Звучно*. Характеръ этой метафоры одинъ съ метафорой «звѣзды *отдаются* въ Днѣпрѣ» (см. «Днѣпръ» Гоголя). — [5] Въ противоположность отрывочнымъ предложеніямъ, видимъ здѣсь повтореніе союза *и* передъ каждымъ новымъ предложеніемъ (πολυσύνδετον); первое сообщаетъ разсказу быстроту, второе—задерживаетъ вниманіе на описаніи одновременныхъ представленій.

склонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ [1]. Покрѣпче въ теплую шинель!... Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ!... Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. «Полегче! легче!» слышится голосъ; телѣга спускается съ кручи: внизу плотина широкая и широкій, ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, предъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ.... Боже! Какъ ты хороша подъ-часъ, далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній [2]!

Гоголь.

Лѣсъ и степь *.

Охота съ ружьемъ и собакой прекрасна сама по себѣ.... но положимъ, вы не родились охотникомъ: вы все-таки любите природу; вы, слѣдовательно, не можете не завидовать нашему брату.... слушайте.

1. Знаете ли вы, напримѣръ, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо.... На темно-сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный неясный шепотъ ночи; деревья слабо шумятъ облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга.... Вы ѣдете — ѣдете мимо церкви, съ горы направо, черезъ плотину.... Прудъ едва начинаетъ дымиться.

---

[1] Снова ἀσύνδετον.—[2] Дорога дѣйствовала на Гоголя благотворно и въ физическомъ отношеніи. См. письмо его къ Жуковскому, 1845, янв. 22: «О себѣ скажу, что дорога мнѣ сдѣлала добро», а также NF 2 апрѣля: «Лѣто мнѣ слѣдуетъ провести въ путешествіяхъ и переѣздахъ: это дѣйствуетъ на меня хорошо».

* Это описаніе полнаго годоваго круга природы средней Россіи (отъ весны до весны), въ 8-ми отдѣльныхъ картинахъ, замѣчательно цѣльностью. Отъ описанія Пассека («Новороссійская степь»), съ которымъ имѣетъ сходство по этому полному обзору всѣхъ измѣненій временъ года, оно отличается какъ содержаніемъ, такъ и формою: цѣльность описанію Пассека придаетъ единство мысли (обозначеніе котораго см. въ прим. къ нему); описанію же Тургенева—единство чувства, выразившееся въ тонѣ разсказа (см. вын. къ 6-й части) и мѣстами въ восклицательной и вопросительной формѣ, вездѣ же—въ формѣ обращенія къ читателю.

Вамъ холодно немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучеръ посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре.... Край неба алѣетъ; въ березахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдъ. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля [1]. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ; передразсвѣтный вѣтеръ подулъ,—и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо! Далеко видно кругомъ. Вонъ за рощей деревня; вонъ подальше другая съ бѣлой церковью, вонъ березовый лѣсокъ на горѣ; за нимъ болото, куда вы ѣдете.... Живѣе, кони, живѣе! Крупной рысью впередъ!... Версты три осталось, не больше.

Солнце быстро поднимается; небо чисто.... Погода будетъ славная. Стадо потянулось изъ деревни къ вамъ навстрѣчу. Вы взобрались на гору.... Какой видъ! Рѣка вьется верстъ на десять, тускло синѣя сквозь туманъ, за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологіе холмы; вдали чибисы съ крикомъ вьются надъ болотомъ; сквозь влажный блескъ, разлитый въ воздухѣ, ясно выступаетъ даль.... Не то, что лѣтомъ. Какъ вольно дышетъ грудь, какъ быстро движутся члены, какъ крѣпнетъ весь человѣкъ, охваченный свѣжимъ дыханіемъ весны!...

2. А лѣтнее, іюльское утро? Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ,—васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и «кашки» [2]; вдали стѣной дубовый лѣсъ и блеститъ, и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца.... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая рожь, узкими полосками краснѣетъ гречиха. Вотъ заскрипѣла телѣга; шагомъ пробирается мужикъ, ставитъ заранѣе лошадь въ тѣнь.... Вы поздоровались съ нимъ, отошли—звучный лязгъ косы раздается за вами. Солнце все выше и выше. Быстро сохнетъ трава. Вотъ уже жарко стало. Проходитъ часъ, другой.... Небо темнѣетъ по краямъ: колючимъ зноемъ пышетъ неподвижный воздухъ.—Гдѣ бы, братъ, тутъ напиться? спрашиваете вы у косаря.—«А вонъ въ оврагѣ колодезь». Сквозь густые кусты орѣшника, перепутанные цѣпкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: подъ самымъ

---

[1] Ср. подобный рядъ краткихъ предложеній у Гоголя въ предъидущей статьѣ (стр. 132, 7-я строка св.)—[2] Здѣсь обращаютъ вниманіе оригинальныя метонимія (запахъ ночи, горечью полыни, медомъ гречихи).

обрывомъ таится источникъ: дубовый кустъ жадно раскинулъ надъ водою свои лапчатые сучья; большіе серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытаго мелкимъ бархатнымъ мохомъ.

Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вамъ лѣнь пошевельнуться. Вы въ тѣни, вы дышете пахучей сыростью; вамъ хорошо, а противъ васъ кусты раскаляются и словно желтѣютъ на солнцѣ. Но что это? Вѣтеръ внезапно налетѣлъ и промчался; воздухъ дрогнулъ кругомъ; ужъ не громъ ли? Вы выходите изъ оврага.... что за свинцовая полоса на небосклонѣ? Зной ли густѣетъ? туча ли надвигается?... Но вотъ слабо сверкнула молнія.... Э, да это гроза! Кругомъ еще ярко свѣтитъ солнце, охотиться еще можно. Но туча растетъ; передній ея край вытягивается рукавомъ, наклоняется сводомъ. Трава, кусты, все вдругъ потемнѣло.... Скорѣй! вонъ, кажется, виднѣется сѣнной сарай.... скорѣй!... Вы добѣжали, вошли.... Каковъ дождикъ? Каковы молніи? Кой-гдѣ сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сѣно.... Но вотъ солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, какъ весело сверкаетъ все кругомъ, какъ воздухъ свѣжъ и жидокъ, какъ пахнетъ земляникой и грибами!...

3. Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный: вдали ложится мягкій паръ, теплый на видъ [1]; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потокомъ жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни.... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожитъ въ огнистомъ морѣ заката.... Вотъ оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни изчезаютъ, воздухъ наливается мглою. Пора домой, въ деревню, въ избу, гдѣ вы ночуете. Закинувъ ружье за плечи, быстро идете вы, не смотря на усталость. А между тѣмъ наступаетъ ночь; за двадцать шаговъ уже не видно: собаки едва бѣлѣютъ во мракѣ. Вонъ надъ черными кустами край неба смутно яснѣетъ.... что это? пожаръ?... нѣтъ, это выходитъ луна, а вонъ внизу, направо уже мелькаютъ огоньки деревни. Вотъ наконецъ и ваша изба. Сквозь окошко видите вы столъ, покрытый бѣлой скатертью, горящую свѣчу, ужинъ [2].

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. Весело пробираться по узкой дорожкѣ, между двумя стѣнами высокой ржи. Колосья тихо бьютъ васъ по лицу, васильки цѣпляются за ноги, перепела кричатъ кругомъ, лошадь бѣжитъ лѣнивой рысью. Вотъ и лѣсъ. Тѣнь и тишина. Статныя осины высоко лепечутъ надъ вами; длинныя висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій

---

[1] Такъ различаетъ знатокъ природы оттѣнки паровъ: для него паръ извѣстной температуры имѣетъ и извѣстный, отличающій его видъ.— [2] Богатый средствами изобразительности въ началѣ, слогъ этой части совершенно простъ въ концѣ, согласно съ выражаемыми представленіями утомленнаго охотника.

дубъ стоитъ какъ боецъ подлѣ красивой липы [1]. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ [2] въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ [3]; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью; онъ идетъ къ запаху [4] ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ.... Лѣсъ глохнетъ.... неизъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кой-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочитъ; собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ....

5. И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьевъ мирно бѣлѣетъ недвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не шевелятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ. Спокойно дышетъ грудь, а на душу находитъ странная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тѣмъ любимые образы, любимыя лица, мертвыя и живыя, приходятъ на память; давнымъ-давно заснувшія впечатлѣнія неожиданно просыпаются; воображеніе рѣетъ и носится какъ птица [5], и все такъ ясно движется и стоитъ передъ глазами. Сердце то вдругъ задрожитъ и забьется, страстно бросится впередъ [6], то безвозвратно потонетъ въ воспоминаніяхъ. Вся жизнь развертывается легко и быстро, какъ свитокъ; всѣмъ своимъ прошедшимъ, всѣми чувствами, силами, всей своей душою владѣетъ человѣкъ. И ничто кругомъ ему не мѣшаетъ—ни солнца нѣтъ, ни вѣтра, ни шуму [7].

---

[1] Олицетвореніе, согласное съ грамматическимъ родомъ обоихъ существительныхъ. — [2] *Висятъ* — метафора по признаку *неподвижности*, постоянному для висячаго предмета и случайному для мухи: выразительное описаніе полета лѣсныхъ желтыхъ мухъ, которыя по долгу держатся неподвижно на одномъ мѣстѣ.—Изобразительность достигается здѣсь антитезою (ἀντίθεσις).—[3] Легкое впечатлѣніе на слухъ смѣло сближено съ легкимъ впечатлѣніемъ на обоняніе.—[4] Сличи съ сравненіемъ воспоминаній въ «Рощѣ» того же автора («какъ облака по небу и будто вмѣстѣ съ ними проходятъ воспоминанія»). Сравненіе съ другимъ предметомъ выдвигаетъ и другой признакъ *такихъ* воспоминаній.—[5] Продолжая сравненіе съ птицей, авторъ намекаетъ на чувства, сопровождающія его мысли: желанія, мысли объ ожидаемомъ (бросится впередъ) и сожалѣнія, мысли о прошломъ (потонетъ).—[6] Гиперболическимъ выраженіемъ этимъ и начинается, и оканчивается описаніе картины осенняго дня. Этимъ выдвигается главная причина описаннаго состоянія души и тѣла: отсутствіе сильныхъ, рѣзкихъ впечатлѣній («вѣ-

6. А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце ужъ не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго, небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долинъ, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе покоробленные листья; когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, тихо вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ, вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней [1]?

7. Хороши также лѣтніе туманные дни, хотя охотники ихъ и не любятъ. Въ такіе дни нельзя стрѣлять; птица, выпорхнувъ у васъ изъ подъ ногъ, тотчасъ же изчезнетъ въ бѣловатой мглѣ неподвижнаго тумана. Но какъ тихо, какъ невыразимо тихо все кругомъ! Все проснулось, и все молчитъ. Вы проходите мимо дерева—оно не шелохнется, оно нѣжится. Сквозь тонкій паръ, ровно разлитый въ воздухѣ, чернѣется передъ вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкій лѣсъ; вы подходите—лѣсъ превращается въ высокую грядку полыни на межѣ. Надъ вами, кругомъ васъ—всюду туманъ... Но вотъ вѣтеръ слегка шевельнется—клочокъ блѣдно-голубаго неба смутно выступитъ сквозь рѣдѣющій, словно задымившійся паръ; золотисто-желтый лучъ ворвется вдругъ, заструится длиннымъ потокомъ, ударитъ по полямъ, упрется въ рощу... и вотъ опять все заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но какъ несказанно великолѣпенъ и ясенъ становится день, когда свѣтъ наконецъ восторжествуетъ, и послѣднія волны согрѣтаго тумана то скатываются и разстилаются скатертями, то взвиваются и изчезаютъ въ глубокой, нѣжно-сіяющей вышинѣ!...

8. А въ зимній день ходить по высокимъ сугробамъ за зайцами, дышать морознымъ, острымъ воздухомъ; невольно щуриться отъ ослѣпительнаго мелкаго сверканья мягкаго снѣга, любоваться зеленымъ цвѣ-

---

тра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума») производитъ внутреннюю работу.—[1] Картина осенняго дня на рѣкѣ въ формѣ одного періода нисходящаго (гдѣ придаточныя предложенія въ концѣ); онъ раздѣленъ на два вопроса, согласно двумъ частямъ картины (суша и вода). Форму этого нисходящаго періода сравни съ формою періода восходящаго въ описаніи Гоголя «Днѣпръ» («когда же пойдутъ по небу синія тучи.....) Въ главномъ предл. періода Тургенева эллипсисъ сказуемаго. Форма періода, которую приняла въ этой части рѣчь автора, объясняется болѣе напряженнымъ тономъ возбужденнаго чувства; тѣмъ же объясняется и вопросительная форма образующихъ его предложеній. Эта часть «Лѣса и степи» составляетъ высшую точку градаціи, по которой расположена вся статья. Слѣдующія затѣмъ части понижаютъ тонъ, какъ то видимъ нерѣдко въ художественныхъ описаніяхъ подъ вліяніемъ чувства, къ каковымъ принадлежитъ и это (на подобное decrescendo указано выше въ 3-й части этой статьи, вып. 2-я, стр. 135).

томъ неба надъ красноватымъ лѣсомъ!.. А первые весенніе дни, когда кругомъ все блеститъ и обрушается, сквозь тяжелый паръ талаго снѣга уже пахнетъ согрѣтой землей, на проталинкахъ, подъ косымъ лучомъ солнца, довѣрчиво поютъ жаворонки, и съ веселымъ шумомъ и ревомъ, изъ оврага въ оврагъ клубятся потоки[1]!...

Однако пора кончить... Кстати заговорилъ я о веснѣ: весной легко разставаться, весной и счастливыхъ тянетъ въ даль.

Тургеневъ.

Полѣсье *.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ «Полѣсья» напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: «Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла», говоритъ природа человѣку,—«я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть». Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ, ласкаетъ; оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ не чуждой... Неизмѣнный мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности...[2]

Стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полѣсье. Длинными сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля—все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки, и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья вис.ѣлъ вдали надъ ними. Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ—отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и величавымъ, вѣяло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, но жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между пустыми тростниками; на днѣ ея смутно виднѣлись круглые бугры игристаго моха, а берега

---

[1] Эта часть, снова усиливающая тонъ рѣчи, обрывается въ періодѣ, оригинально заключая статью.

* Описаніе сложнаго предмета подъ вліяніемъ чувства. Оно печатается здѣсь въ выдержкахъ.

[2] Это введеніе сразу указываетъ, какое настроеніе будетъ во всемъ описаніи руководить выборомъ признаковъ.

то изчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣлѣли разсыпчатымъ и мелкимъ пескомъ. Мимо самаго дворика шла уѣздная, торная дорога[1].

Я покормилъ лошадей и переправился черезъ рѣку. Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я наконецъ по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ. Я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Полѣсье приняло насъ въ свои нѣдра[2].

Съ окраины, ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно: онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный, троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сиворонокъ пролеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались; впереди свѣтлѣло, тарантасъ выѣзжалъ на разчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенка съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ; невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ разстилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшникомъ; утки взлетывали попарно — и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами. — «Га, га, га, га», неожиданно поднимался протяжный крикъ: то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась какъ вкопанная на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мной собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдно-синему лѣсному воздуху: знать мужичокъ промышлялъ углю на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору

---

[1] Эта первая картина даетъ общій видъ огромнаго лѣса. — [2] Это — переходная часть къ описанію внутренности смѣшаннаго лѣса.

всегда тихо; только идетъ тамъ высоко надъ головою какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ.... Ѣдешь, ѣдешь—не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ; хочется ему вздохнуть полной грудью—и давитъ эта пахучая сырость и гниль....[1]

Верстъ пятнадцать ѣхали мы шагомъ, изрѣдка рысцой.... Солнце уже садилось, когда я наконецъ выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село.... Я остановился у старосты.... На другой день рано отправился я въ телѣжкѣ, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей съ старостинымъ сыномъ и другимъ крестьяниномъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками[2].

Лѣсъ синѣлъ сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба—десятинъ двѣсти, не больше считалось распаханнаго поля вокругъ села, но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь.... Лѣсъ, въ который вступали, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ Татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрное могли скрываться въ его захолустьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могучія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усѣянный мертвыми иглами, покрывалъ землю; голубика росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоля[3], стѣснялъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокій наметъ сосновыхъ вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо текла внизъ тяжелая прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ безъ тѣни и безъ свѣта жегъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху, какъ по ковру....

У одного майдана[4] Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня. «Медвѣдь воды хотѣлъ достать», промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на самой серединѣ ямы, затянутой мелкимъ мохомъ.—«Это слѣдъ его лапы?» спросилъ я.—«Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ, прорубилъ ногтями-то»[5].

---

[1] Эта часть (внутренность лѣса) расположена въ порядкѣ различныхъ измѣненій картины, вслѣдствіе движенія по лѣсу лица наблюдающаго: выбраны картины различнаго характера (густая растительность, поляна, болото, снова глушь); всѣ картины оживлены описаніемъ животныхъ и явленіями, напоминающими присутствіе человѣка.—[2] Переходная часть къ описанію стараго хвойнаго лѣса.—[3] *Выхухоль*—пахучее насѣкомоядное животное.—[4] *Майданъ*—мѣсто, гдѣ гнали деготь.—[5] Въ этой части, при описаніи стараго хвойнаго лѣса, еще болѣе усилено выраженіе того тяжелаго чувства, которое указано во введеніи. Эта картина уже не оживляется изображеніемъ животныхъ: указаны лишь слѣды пребыванія хищнаго звѣря. Жуткое чувство смягчено однако присутствіемъ спутниковъ.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ захотѣлось пить.—«Посидите маленько», сказалъ Егоръ,—«я схожу за водой; тутъ колодезь недалеко». Онъ ушелъ, я остался одинъ[1].

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтями на колѣни и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово, печально—нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновенье, на этомъ мѣстѣ я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шерохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ, опустилъ голову, точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку.... Я закрылъ глаза рукою—и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь...

Вотъ мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ... Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій... потомъ, какъ молнія въ ночи, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній... потомъ начали наростать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише подымались однообразные годы—и камнемъ на сердце опустилась грусть...

— «Вотъ вамъ вода», раздался за мною звучный голосъ Егора: «пейте съ Богомъ». Я невольно вздрогнулъ; живая эта рѣчь поразила меня, радостно потрясла все мое существованіе... Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой, протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой... Я всталъ...[2]

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Какъ только жара свалила, въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. «Ступайте вонъ, безпокойные живые», казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его; онъ не отзывался Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухѣ, слышимъ мы—ясно раздается его: «тпру, тпру» въ близкомъ отъ насъ оврагѣ... Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно

---

[1] Переходъ къ новой части, гдѣ полное одиночество содѣйствуетъ полному развитію того мрачнаго настроенія, которое проходитъ чрезъ все описаніе Полѣсья. Подъ вліяніемъ этого настроенія самыя воспоминанія мрачны (см эпитеты молодости). Ср. съ воспоминаніями въ «Рощѣ» и въ 5-й части «Лѣса и степи» того же автора.—[2] Переходъ, своей рѣзкостью усиливающій значеніе предъидущей части.

разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдѣльно стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ на изнанку, и такъ и остались, придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались на телѣгу и покатили домой[1].

Я сидѣлъ, покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и всѣ мои недавнія мечтанія и сожалѣнія потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ густыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно, заснуть, заснуть[2]...»

Тургеневъ.

Щитъ Ахиллеса *.

(Изъ Иліады Гомера, XVIII, 468—616)

Къ мѣхамъ приступилъ онъ [3].
Всѣ на огонь обратилъ ихъ и дѣйствовать далъ повелѣнье.
Разомъ въ отверстья горнильныя двадцать мѣховъ задыхали,
Разнымъ изъ дулъ ихъ дыша раздувающимъ пламень дыханьемъ:
Или порывнымъ, служа поспѣшавшему, или спокойнымъ,
Смотря на волю творца и на нужду творимаго дѣла.
Самъ онъ въ огонь распыхавшійся мѣдь некрушимую ввергнулъ.
Олово бросилъ, сребро, драгоцѣнное злато; и послѣ
Темную наковальню посадилъ на столпъ, и въ десницу
Молотъ огромнѣйшій взялъ, и клещи захватилъ онъ другою.
И въ началѣ работалъ онъ щитъ, и огромный, и крѣпкій,
Весь украшая изящно; кругомъ его вывелъ онъ ободъ

---

[1] Послѣдняя часть—новое видоизмѣненіе лѣса при вѣтрѣ.—[2] Заключеніе—усталость послѣ сильныхъ ощущеній (ср. съ окончаніемъ 3-й части «Лѣса и степи») Душевное возбужденіе разрѣшается въ возбужденіе потребностей физическихъ, что̀ согласно съ печальной мыслію введенія: «проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности».

* Особенности этого описанія указаны Лессинговомъ его разборомъ, въ «Лаокоонѣ (см. отд. «Разсужденія»).

Крузіусъ (одинъ изъ издателей «Иліады») предлагаетъ такое расположеніе изображеній на щитѣ Ахиллеса:

[3] Гефестъ.

Бѣлый, блестящій, тройной; и придѣлалъ ремень сребристый.
Щитъ изъ пяти составилъ листовъ, и на кругѣ обширномъ
Множество дивнаго богъ по замысламъ творческимъ сдѣлалъ.

Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
Солнце, въ пути неистомное, полный серебряный мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо:
Видны въ ихъ сонмѣ Плеяды, Гіады[1] и мощь Оріона[2]
Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
Тамъ[3] онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона[4],
И единый чуждается мыться въ волнахъ Океана.
Тамъ же два града представилъ онъ ясноречивыхъ народовъ.
Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись:
Тамъ невѣстъ изъ чертоговъ, свѣтильниковъ яркихъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсней при кликахъ, по стогнамъ[5] градскимъ провожаютъ;
Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ, свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.

Далѣе много народа толпится на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пенѣ,
Мздѣ за убійство[6]. И клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброходствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча, на тесанныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга[7];
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ;
Съ ними встаютъ, и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ предъ ними лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ[8].

Городъ другой облежали двѣ сильныя рати народовъ,
Страшно сверкая оружіемъ. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане съ ними должны раздѣлиться

---

[1] *Плеяды*—семь звѣздъ въ созвѣздіи Быка на южномъ небѣ. Они указываютъ начало и конецъ поры мореплаванія (πλέω—плыву). *Гіады*—того же созвѣздія, указывающія начало поры дождей.—[2] *Оріонъ*—созвѣздіе изъ звѣздъ первой величины, расположенное противъ Медвѣдицы сѣвернаго неба (у Грековъ—Арктосъ), олицетворенное въ образѣ охотника.—[3] т. е. на сѣверномъ небѣ.—[4] Голова Медвѣдицы обращена къ Оріону.—[5] *Стогны*—улицы.—[6] *Пеня*—денежное взысканіе, взимавшееся какъ выкупъ за кровавую месть.—[7] Судъ публичный, въ присутствіи геронтовъ.—[8] Вѣроятно ее платили обѣ стороны, какъ позднѣе въ Аѳинахъ.

Всѣми богатствами, сколько цвѣтущій ихъ градъ заключаетъ.
Тѣ не склонялись еще и готовились къ тайной засадѣ.
Стѣну стеречь по забраламъ супругъ поставивъ любезныхъ,
Юныхъ сыновъ и мужей, которыхъ постигнула старость,
Сами выходятъ; вождями ихъ идутъ Арей[1] и Паллада[2],
Оба златые, одѣтые оба златою одеждой.
Видъ ихъ прекрасенъ, въ доспѣхахъ величественъ: сущіе боги!
Всѣмъ отличны они, человѣки далеко ихъ ниже.
Къ мѣсту пришедшіе, гдѣ имъ казалась удобной засада,
Къ брегу рѣчному, гдѣ былъ водопой табуновъ разнородныхъ,
Тамъ засѣдаютъ они, прикрываясь блестящею мѣдью.
Два соглядатая ихъ, отдѣлясь, впереди засѣдаютъ.
Смотрятъ кругомъ, не узрятъ ли овецъ и воловъ подходящихъ.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тѣшась цѣвницею звонкой, идутъ, не предвидя коварства.
Быстро, увидѣвши ихъ, нападаютъ засѣвшіе мужи;
Грабятъ и гонятъ рогатыхъ воловъ и овецъ среброрунныхъ:
Цѣлое стадо угнали, и пастырей стада убили.
Въ станѣ, какъ скоро услышали крикъ и тревогу при стадѣ,
Вои[3], на площади стражей стоящіе, быстро на коней
Бурныхъ вскочили, на крикъ поскакали и въ мигъ принеслися;
Строемъ становятся, битвою бьются по брегу рѣчному;
Колютъ другъ друга, метая стремительно мѣдныя копья.
Рыщутъ и Злоба[4], и Смута[5], и страшная Смерть[6] между ними:
Держитъ она то пронзеннаго, то не пронзеннаго ловитъ,
Или убитаго за ногу тѣло волочитъ по сѣчѣ;
Риза на персяхъ ея обагровлена кровью людскою.
Въ битвѣ, какъ люди живые, они нападаютъ и бьются,
И одинъ предъ другимъ увлекаютъ кровавые трупы.

Сдѣлалъ въ немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ; на немъ землепашцы
Гонятъ яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ, обращаясь;
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубобразднаго пара.
Нива, хотя и златая, чернѣется сзади орущихъ,
Вспаханной нивѣ подобясь: такое онъ диво представилъ.

Далѣе выдѣлалъ поле съ высокими нивами; жатву

---

[1] *Арей* (Ἄρης)—богъ войны.—[2] *Паллада*—Аѳина; здѣсь—какъ богиня войны (съ копьемъ, въ шлемѣ).—[3] *Вой*—воинъ.—[4] [5] [6] Ἔρις, Κυδοιμός, Κήρ.

Жали наемники, острыми въ дланяхъ серпами блистая.
Здѣсь полосой безпрерывною падаютъ горстни густыя;
Тамъ перевязчики ихъ въ снопы перевязлами вяжутъ;
Три перевязчика ходятъ за жнущими. Сзади ихъ дѣти,
Горстая быстро колосья, одни за другими въ охапкахъ [1]
Вяжущимъ ихъ подаютъ. Властелинъ между ними, безмолвно,
Съ палицей въ длани, стоитъ на браздѣ, и душой веселится;
Вѣстники одаль подъ тѣнію дуба трапезу готовятъ;
Въ жертву[2] заклавши вола, вкругъ него суетятся,
Бѣлую сѣютъ муку для сладостной вечери жнущимъ.
Сдѣлалъ на немъ отягченный гроздіемъ садъ виноградный,
Весь золотой,—лишь однѣ виноградныя кисти чернѣлись;
И стоялъ онъ на сребряныхъ, рядомъ стоящихъ подпорахъ.
Около саду и ровъ темносиній, и бѣлую стѣну
Вывелъ изъ олова; къ саду одна пролегала тропинка [3],
Коей носильщики ходятъ, когда виноградъ собираютъ.
Тамъ и дѣвицы и юноши, съ дѣтской веселостью сердца,
Сладостный плодъ носили въ прекрасно-плетеныхъ корзинахъ.
Въ кругѣ ихъ отрокъ прелестный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко перстами бряцалъ, припѣвая прекрасно подъ струны
Голосомъ нѣжнымъ: они жъ вокругъ его, пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ и крикомъ и топотомъ ногъ, хороводомъ несутся.

Тамъ же и стадо представилъ воловъ, воздымающихъ роги:
Ихъ онъ изъ злата одниxъ, а другихъ изъ олова сдѣлалъ.
Съ ревомъ волы изъ оградъ вымываясь, мчатся на паству,
Къ шумной рѣкѣ, къ камышу густому, по влажному брегу.
Слѣдомъ за стадомъ и пастыри идутъ, четыре, златые,
И за ними слѣдуютъ девять псовъ быстроногихъ.
Два густогривые льва на переднихъ воловъ нападаютъ [4];
Тяжко мычащаго ловятъ быка; и ужасно реветъ онъ,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотаютъ; напрасно трудятся
Пастыри львовъ испугать, быстроногихъ псовъ подстрекая.
Псы ихъ не слушаютъ; львовъ трепеща, не берутъ ихъ зубами,
Близко подступятъ, залаютъ на нихъ и назадъ убѣгаютъ.

Далѣе—сдѣлалъ роскошную паству Гефестъ знаменитый
Въ тихой долинѣ прелестной, несчетныхъ овецъ сребрурунныхъ

---

[1] у Гнѣд: охапахъ.—[2] т. е. для ужина рабочихъ.—[3] Гнѣд: тропина.—Согласно съ свидѣтельствомъ путешественниковъ, что львы имѣютъ обыкновеніе нападать попарно (Vailant Путешествіе въ Африку).

Стойла, подъ кровлей хлѣва и смиренныя пастырей кущи.
Тамъ же Гефестъ знаменитый извилъ хороводъ разновидный,
Оному равный, какъ древле въ широкоустроенномъ Кноссѣ
Выдѣлалъ хитрый Дедалъ [1] Аріаднѣ прекрасноволосой.
Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, и ихъ чистотою какъ масломъ блистаютъ;
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ прелестные всѣхъ украшаютъ,
Сихъ—золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
Если скудельникъ [2] его испытуетъ, легко ли кружится;
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.
Купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головохода [3],
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ.

Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана [4],
Коимъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ окружилъ велелѣпный.

Такъ изукрашенно выдѣлавъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Сдѣлалъ Гефестъ и броню, яснѣе, чѣмъ огненный пламень;
Сдѣлалъ и тяжкій шеломъ, Пелеіона [5] главѣ соразмѣрный,
Пышный, кругомъ изукрашенный, гребнемъ златымъ повершенный;
Послѣ изъ олова гибкаго сдѣлалъ ему и поножи.—

И когда всѣ доспѣхи сковалъ Олимпійскій художникъ;
Взявъ, предъ Пелидовой матерью ихъ положилъ онъ на землю.
И какъ ястребъ, она съ осребреннаго снѣгомъ Олимпа
Бросилась, мча отъ Гефеста блестящіе сыну доспѣхи.

Гнѣдичъ.

---

[1] *Дедалъ*—аѳинскій бѣглецъ, построившій Миносу лабиринтъ.—[2] *Скудельникъ*—горшечникъ—[3] т. е. фигляры.—[4] Описат. выраженіе. Ср. выше къ ст. 486.—[5] Ахиллеса, сына Пелея и Ѳетиды.

Щитъ Энея *.

(Изъ VIII пѣсни „Энеиды“ Виргилія, 608—731).

Вотъ и богиня Венера прекрасная въ тучахъ воздушныхъ [1],
Къ сыну [2] съ дарами несется и, сына увидѣвъ въ долинѣ,
Гдѣ у рѣки одинокій въ прохладѣ искалъ онъ покоя,
Взорамъ предстала его и рѣчь обратила такую:
«Вотъ обѣщанье мое—искусной рукою супруга
Сдѣланный даръ для тебя; не страшись же ни горныхъ Лаврентовъ [3]
Въ битву съ собой вызывать, ни храбраго Турна не бойся»!
Такъ сказала, и, сына обнявъ, Цитерейская матерь [4]
Яркіе блескомъ доспѣхи подъ дубомъ вблизи положила.
Онъ же, въ восторгѣ отъ чести такой и отъ дара богини,
Налюбоваться не можетъ и жадный свой взоръ устремляетъ
То на оружье одно, то вновь на другое, дивится;
То обращаетъ въ рукахъ, то глядитъ, то вновь обращаетъ
Страшный, косматый шеломъ, извергающій пламя [5]; то панцырь
Твердый изъ мѣди, огромный, багряный, блестящій подобно

---

* Описаніе это также вставлено въ повѣствованіе. 1-я часть приведеннаго отрывка и послѣднія три строки—повѣствовательныя. Оцѣнку этого описанія см. въ «Лаокоонѣ» Лессинга (въ отд. «Разсужденій»).

Въ описаніи Виргилія видимъ слѣдующія изображенія (раздѣленныя Ладевигомъ трихотомически): I. Земля, II. Подземный міръ, III. Море.—Историческіе картины, изображаютъ: 1) время царей, 2) республики, 3) время Августа; изъ первой эпохи: а) Волчица, Ромула и Рема, б) Похищеніе Сабинянокъ и послѣдовавшій затѣмъ союзъ Ромула и Тація (2 картины), в) Смерть Метта Фуфетія; изъ второй: а) Осада Рима Порсенною, б) Осада Капитолія и его спасеніе гусями и Манліемъ (2 картины), в) Праздничныя процессіи въ Римѣ; изъ третьей: а) Битва при Акціумѣ, б) Бѣгство Антонія, в) Троекратный тріумфъ Августа. Картины изъ каждой эпохи избраны такъ, что онѣ выдвигаютъ наиболѣе характеристическія черты каждой эпохи (ср. съ «Видѣніями» Тургенева): во время царей—храбрость, но храбрость, соединенную съ грубой, не щадящей народныхъ правъ силой и жестокостью; въ эпоху республики—разцвѣтъ любви къ отечеству и свободѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ выработаннаго и получившаго опредѣленную форму богопочитанія; во время Августа развитіе военнаго искусства, заботу о блестящемъ богопочитаніи и всемірное могущество. Во всѣ 3 эпохи боги являютъ свое попеченіе о Римѣ: въ обѣ первыя—лишь посредственно: черезъ волчицу и гусей, въ третью—выступаютъ непосредственнно на благо любимцу своему, Августу.—Въ Тартарѣ является Катилина, который составилъ во время консульства Цицерона заговоръ противъ республики.—Въ Элизіумѣ—Катонъ, славный строгой нравственносью и любовью къ отечеству.

[1] Въ облакахъ эфира.—[2] *Сыну*—Энею.

[3] *Лавренты*—народъ близъ Тибра. Царь ихъ Латинъ готовъ былъ приплывшему къ нимъ по разрушеніи Трои Энею дать разрѣшеніе основать здѣсь городъ и отдавалъ дочь Лавинію въ жены, но царица обѣщала уже ея руку сыну царя Рутуловъ—Турну. Возгорается война между пришельцами и туземцами.—[4] *Цитерейская матерь* — Венера особенно была чествуема на Цитерѣ, островѣ Эгейскаго моря.—[5] т. е. блестящій.

Сизому облаку, въ солнечномъ блескѣ горящему ярко:
То обращаетъ онъ мечъ роковой, то наножниковъ пару
Гладкихъ, литаго электра[1], украшенныхъ золотомъ чистымъ;
То копіе, то щитъ красы неописанной, дивной.

Богъ огнесильный[2], которому ясно грядущее время,
Такъ начерталъ на щитѣ италійскія войны и Римлянъ
Славные подвиги всѣ и все поколѣнье Асканья[3],
Будущій родъ и длинной чредой совершенныя битвы.

Тамъ начерталъ онъ образъ чреватой волчицы, въ пещерѣ
Марса лежащей на зелени свѣжей, — и двое малютокъ,
Смѣло припавши къ сосцамъ и рѣзвяся, сосутъ безъ боязни.
Гибкую шею она повернувъ къ нимъ и голову нѣжно,
То одного, то другаго ласкаетъ и гладитъ ихъ тѣло
Мягкимъ лизаньемъ. Тамъ виденъ и Римъ, совершенье великихъ
Цирковыхъ игръ, и отъ зрѣлища женъ похищенье сабинскихъ,
Необычайное дѣло. И новая брань угрожаетъ
Римлянамъ юнымъ и старому Тацію[4], строгимъ Сабинамъ.
Вотъ и цари, межъ собою оставивъ бранное дѣло,
Предъ алтаремъ повелителя Зевса съ оружіемъ въ длани
Стоя, союзъ заключаютъ отъ вепрей закланною жертвой.
Тутъ же и Метта[5] несчастнаго трупъ, колесницею быстрой
Страшно растерзанный врознь: о, зачѣмъ измѣнилъ ты, Албанецъ,
Клятвѣ твоей! такъ измѣнника члены, казненнаго Тулломъ[6],
По лѣсу кони разносятъ, и кровью терновникъ росится.
Вотъ и Порсенна[7] грозно подъ Римомъ стоитъ, и Тарквиній[8],
Римомъ отверженный, вновь домогается царства; Порсенна
Сильною ратью грозитъ осажденнымъ и жметъ ихъ упорно;
Смѣло бросаются въ сѣчу потомки Энея, свободу
Болѣе жизни любя. А Порсенна въ досадѣ и гнѣвѣ:
Онъ негодуетъ на то, что Коклесъ[9] безстрашный разрушилъ
Мостъ, и, оковы расторгнувъ, Клелія[10] дѣва обратно
Бросилась въ Тибровы волны. Тарпейскаго замка блюститель
Манлій[11] стоитъ на вершинѣ утеса у Зевсова храма:

---

[1] *Электръ* — electrum (янтарь), здѣсь — янтарнаго цвѣта металлическій сплавъ. — [2] Вулканъ. — [3] *Асканій* — сынъ Энея. — [4] *Тацій* — царь Сабинскій, послѣ соправитель Ромула. — [5] *Меттъ* — предводившій албанскимъ войскомъ въ войнѣ Римлянъ съ Веентами. — [6] *Туллъ* — царь римскій, по приказанію котораго былъ казненъ Меттъ за двоедушіе въ битвѣ съ веентами. — [7] *Порсенна* — царь этрурскій, возставшій съ Римлянами за изгнанныхъ Тарквиніевъ. — [8] *Тарквиній* Гордый. — [9] *Горацій Коклесъ* — одинъ защищавшій мостъ въ битвѣ съ Порсенною. — [10] *Клелія* — одна изъ дѣвицъ, отданныхъ въ заложницы Порсеннѣ. — [11] *Манлій* — M. Manlius Capitolinus, спасшій Капитолій при нашествіи Галловъ, послѣ, по подозрѣнію въ домогательствѣ единовластія, сброшенный съ Тарпейской скалы.

Онъ Капитолій высокій хранитъ; тамъ виденъ стоящій
Ромуловъ бѣдный чертогъ, ощетинившій кровлю соломой[1].
У позлащеннаго портика храма тамъ гусь серебристый,
Съ мѣста на мѣсто летая, поетъ приближеніе Галловъ.
И по терновнику Галлы взобравшись, ужъ заняли крѣпость,
Въ мракѣ скрываясь густомъ и пользуясь ночью удобно;
Кудри у нихъ золотыя; на нихъ золотые доспѣхи
И полосатыя ткани сіяютъ; у нихъ ожерелья
Чистаго золота блещутъ на шеяхъ бѣломолочныхъ;
По два метательныхъ дрота сверкаютъ въ рукахъ, а щиты ихъ
Длинные тѣло совсѣмъ покрываютъ. А вотъ начерталъ онъ
Пляшущихъ Марса жрецовъ[2], обнаженныхъ Луперковъ и Зевса
Руноносящихъ жрецовъ[3] и щиты, упавшіе съ неба[4].
Сонмъ непорочныхъ матронъ, возсѣдая въ покойныхъ повозкахъ[5],
Ѣдетъ по города стогнамъ, священный обрядъ совершая.
Далѣе виденъ и Тартаръ съ его ужасающей тьмою,[6]
И высокій Плутоновъ чертогъ и казни злодѣевъ.
Онъ и тебя не забылъ, Катилина[7], подъ страшнымъ утесомъ
Съ трепетомъ ждущаго казни и грознаго образа фурій[8].
Праведныхъ тѣни видны въ сторонѣ[9] и Катона[10]
Образъ: здѣсь всѣмъ изрекаетъ онъ судъ. Въ срединѣ
Выгибъ щита украшаетъ изъ золота море, широкихъ
Водъ полосу разливая; лазурныя волны сѣдою
Пѣной катятся; сребристая стая дельфиновъ кружится
Между валовъ и хвостами взметаетъ кипящія воды.
А посрединѣ два флота видны; корабельныя груди
Кованы мѣдью блестятъ: то образъ Актійскаго боя[11].

---

[1] Хижина Ромула, крытая соломой принадлежала къ числу достопамятностей Капитолія; ее тщательно сберегали въ позднѣйшее время, перекрывая свѣжей соломой, когда тооказывалось нужнымъ.—[2] *Саліи*—жрецы Марса.—[3] *Жреiовъ Зевса*—фламиновъ, носившихъ шапки, на маковкѣ которыхъ (apex) была утверждена заостренная оливковая палочка; она утверждалась на головѣ двумя бѣлыми шерстяными завязками. *Луперки* — жрецы Пана, во время праздника Луперкалій бѣгали по городу, прикрытые лишь небольшимъ поясомъ (licium), и ударяли встрѣчныхъ козьей шкурой.—[4] *Щиты, упавшіе съ неба*: Въ царствованіе Нумы, какъ о томъ пишетъ Т. Ливій, упалъ съ неба щитъ, отъ сохраненія котораго зависѣло процвѣтаніе Рима. Чтобы не похитили или не подмѣнили его, Нума заказалъ сдѣлать 11 такихъ же щитовъ, которые охранялись жреческой коллегіей Саліевъ.—[5] *Повозка* — pilentum, экипажъ съ балдахиномъ, подвѣсный и потому покойный на ходу.—[6] *Тартаръ*—подземное царство, мѣстопребываніе злыхъ.—[7] *Катилина* — заговорщикъ противъ респуб лики,—[8] *Фуріи*—миѳологическія существа, карательницы преступниковъ.—[9] т. е. въ *Элизіумѣ*, мѣстопребываніи добрыхъ.—[10] *Катонъ*—Порцій Катонъ Старшій; строгій судія нравовъ и потому прозванный *Censorius* и *Sapiens*. Виргилій ему приписалъ значеніе Миноса, Судьи надъ душами умершихъ.—[11] Бой при *Акціумѣ*—побѣда Октавіана надъ Антоніемъ и Клеопатрою въ 31 г. до Р. Х.

Словно кипятъ берега у Левкаты[1], кипитъ кораблями
Стройно покрытое море, и волны, какъ золото, блещутъ.
Вотъ и Августъ Цезарь въ брань за собой увлекаетъ
Храбрыхъ сыновъ италійскихъ, сенатъ, народъ и пенатовъ,
Даже могучихъ боговъ. Стоитъ на кормѣ онъ высокой,
Бодро красуясь. На свѣтломъ челѣ его пламя двойное
Брызжетъ потоками свѣта; надъ теменемъ яркой звѣздою
Блещетъ родное свѣтило[2]. А далѣе витязь Агриппа[3],
Волей небесной и вѣтромъ попутнымъ ведомый, морскія
Рати ведетъ съ торжествомъ, и прекрасное знаменье брани
На величавомъ сіяетъ челѣростральной короной.
Вотъ побѣдитель Востока отъ краснаго моря Антоній
Мчится съ богатой добычею брани знаменъ и доспѣховъ;
Онъ за собою ведетъ иноземныя рати, Египетъ,
Силы Востока и Бактровъ далекихъ, и.... о беззаконье[4]!
Съ нимъ и жена Египтянка[5]. Всѣ устремляются вмѣстѣ.
Тысячи веселъ бьютъ по волнамъ; корабли треконечной
Грудью валы разсѣкаютъ: кипятъ опѣненныя воды.
Въ полное море плывутъ—и подумаешь, будто Циклады[6],
Съ дна океана сорвавшись, свободно несутся; иль вмѣстѣ
Горы съ горами, сойдясь, громадами по морю мчатся:
Такъ громадно герои стремятся на башняхъ пловучихъ.
Сыплютъ летучіе дроты и стрѣлы; зажженная пакля
Всюду летитъ, и новая кровь обагряетъ Нептуна
Влажное поле. Царица, своей окруженная ратью,
Къ брани зоветъ, на отеческомъ систрѣ играя[7]; не видитъ,
Какъ позади ея двѣ змѣи[8] шипятъ въ ожиданьи.
Вотъ и чудовищный образъ Египта боговъ, и Анубисъ[9],
Лаятель страшный, подняли оружіе противъ Нептуна,
Противъ Венеры и противъ Минервы; въ срединѣ
Сѣчи свирѣпствуетъ Марсъ, въ стальныя закованный латы;

---

[1] *Левката*—мысъ острова того же имени.—[2] т. е съ звѣздою Юлія на шлемѣ. Вскорѣ по смерти Цезаря, явилась комета, въ которую, по римскому вѣрованію, обращена была душа Цезаря, принятаго на небо. Въ память его Августъ носилъ изображеніе звѣзды на шлемѣ. Ср. образъ Августа, здѣсь данный современникомъ его, съ образомъ Юлія Цезаря въ «Видѣніяхъ» Тургенева (стр. 144).—[3] *Агриппа*—зять Августа, получившій послѣ побѣды надъ Секстомъ Помпеемъ вѣнецъ съ изображеніемъ корабельныхъ носовъ, *ростральную корону* (corona rostrata),—[4] *О, беззаконье!*—не только потому, что Антоній взялъ въ жены иностранку, но и потому, что взялъ съ собою въ битву женщину, что было воспрещено у Римлянъ.—[5] *Клеопатра*—египетская царица, жена Антонія.—[6] *Циклады*—Цикладскіе острова.—[7] *Систръ*—sistrum, металлическій инструментъ, игрой на которомъ Египтяне сопровождали служеніе Изидѣ.—[8] *Змѣи*—которыми Клеопатра умертвила себя послѣ битвы при Акціумѣ.—[9] *Анубисъ*— египетское божество съ собачьей головой.

А съ воздушныхъ высотъ стремятся свирѣпыя фурьи[1],
И растерзавши одежду, Распря въ восторгѣ несется,
А за нею Беллона[2] бичомъ окровавленнымъ хлещетъ.
И на битву взирая съ высотъ, Аполлонъ стрѣловержецъ
Лукъ напрягаетъ тугой: и внезапнымъ сраженные страхомъ
Тылъ обратили Индѣйцы, Арабы, Сабейцы, и съ ними
Дѣти Египта. Царица же, къ вѣтрамъ попутнымъ взывая,
Парусъ раскинула бѣлый и вотъ попускаетъ канаты[3].
Богъ огнесильный представилъ ее, средь сѣчи кровавой
Блѣдностью страшной покрытую, въ страхѣ будущей смерти;
Море уноситъ ее и Япигсъ[4], вѣтеръ попутный;
А на встрѣчу бѣгущимъ Нилъ выступаетъ громадный,
Плачетъ о горѣ царицы и, лоно раскрывъ, призываетъ
Всѣхъ побѣжденныхъ въ изгибы широкой лазурной одежды,
Имъ предлагая защиту—спокойныя воды. А Цезарь,
Трижды вѣнчанный побѣдою, въ стѣны великаго Рима
Трижды вступаетъ, и, выполнивъ славно обѣтъ свой безсмертный,
Триста храмовъ великихъ богамъ посвящаетъ онъ въ Римѣ.
Городъ дрожитъ отъ восторга, отъ игръ, отъ рукоплесканій;
Хоры молящихся женъ во всѣхъ раздаются святыняхъ;
Всюду стоятъ алтари божествамъ, и предъ алтарями
Въ жертву закланныхъ тельцовъ громады на стогнахъ трепещутъ.
Самъ же онъ, сидя у входа во храмъ бѣлоснѣжнаго Феба,
Отъ покоренныхъ народовъ пріемлетъ дары, украшая
Ими врата величавыя храма[5]; и длинной чредою
Тянется рядъ побѣжденныхъ племенъ, межъ собою различныхъ
Сколько роднымъ языкомъ, настолько броней и одеждой.
Здѣсь Нумидійское племя и въ длинной волнистой одеждѣ
Жителей странъ африканскихъ представилъ великій ковалель[6].
Тамъ стрѣлоносныхъ Гелоновъ[7], Карійцевъ, Лелеговъ[8]; тамъ тихо
Воды Евфрата текутъ, тамъ народъ отдаленный Морины[9],
Образъ двурогаго Рейна[10] и неукротимые Даги[11],
И Араксъ[12], расторгающій мостъ, раздраженный волною.

---

[1] Виргилій и въ другомъ мѣстѣ изображаетъ фурію Алекто крылатою.—[2] *Беллона* — римская богиня войны.—[3] *Попускаетъ* — переводчикъ употребилъ здѣсь областное слово: «попускать»—ослаблять, опускать.—[4] *Япигсъ* — Japyx, сынъ Дедала царствовавшій въ Ю. Италіи. Его именемъ называется западно-сѣверо-западный вѣтеръ.—[5] Августъ въ храмѣ Аполлона повѣсилъ золотые вѣнцы, которые должны были подносить ему при тріумфѣ покоренные народы.—[6] т. е. Вулканъ.—[7] *Гелоны*—скиѳскій народъ на Борисѳенѣ.—[8] Имена малоазіатскихъ народовъ.—[9] *Морины*—(Morini) на крайнемъ сѣверѣ Галліи, противъ береговъ Британіи.—[10] *Двурогій Рейнъ*—самъ Рейнъ и западный его рукавъ Vahalis.—[11] *Даги* (Dahae)—скиѳскій народъ на берегу Каспійскаго моря.—[12] *Араксъ*—на берегахъ этой рѣки жилъ народъ, столь же дикій и неукротимый, какъ и сама рѣка, не выносившая мостовъ.

Такъ Эней разсматривалъ щитъ, творенье Вулкана,
Матери даръ; непонятнымъ дѣяньямъ дивяся въ восторгѣ,
Онъ на плечи поднялъ и судьбу и славу потомковъ.

Изъ пер. Шершеневича

Жизнь *.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ:

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него: палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушимая тлѣніемъ[1].

Раскинула вольныя колоніи веселая Греція[2]. Кипятъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ; мраморъ страстный дышетъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ.... Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія мелькаютъ перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близъ Родоса и Корциры, представляя выгибающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувъ свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

---

* Картина, представляющая олицетвореніе древняго міра. Въ отдѣльныхъ частяхъ ея выдвинуты важнѣйшія черты каждаго изъ изображенныхъ народовъ. Выборъ этихъ признаковъ даетъ каждой части значеніе поэтической характеристики какъ природы каждой страны, такъ и каждаго народа (о характеристикахъ см. отд. «Разсужденій»), а въ сопоставленіи ихъ всѣхъ съ картиною Палестины—значеніе характеристики всего древняго міра. Всѣ эти картины представлены сномъ *сына пустыни*, какъ лица, непричастнаго ни одной изъ изображенныхъ жизней.

[1] См. въ отд. «Простыхъ описаній»: «Плаваніе по Нилу» и «Пирамиды».— [2] Оба эпитета (вольныя, веселая) находятся въ согласіи съ нижеописанными чертами Греціи и съ рѣчью ея во 2-й части.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра[1].

И говоритъ[2] Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ: «Народы, слушайте! я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти! Далеко-далеко до воскресенія! да и будетъ ли когда воскресеніе?... Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько нибудь продлить свое бѣдное существованіе».

И говоритъ ясный какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ Грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ слышалось дыханіе цѣвницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышетъ все согласіемъ. Все—въ мірѣ, все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! мчись на колесницѣ проворно, правя конями на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія,—умѣй быть достойнымъ наслажденія»!

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка; оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе—въ гигантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ нерасказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? слышишь-ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краю міра? Все, что̀ ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ

---

[1] Всѣ три картины представлены, какъ явленія современныя: это нужно для общей картины. Общая же картина нужна для сопоставленія съ рожденіемъ Спасителя. Потому всѣ олицетворенныя фигуры изображены неподвижными.—[2] Здѣсь начинается 2-я часть, гдѣ въ рѣчахъ каждаго изъ олицетворенныхъ народовъ излагается его міросозерцаніе (пониманіе счастія въ жизни и судьбы по смерти).

и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь наконецъ небо».

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Грецiя свои влажныя отъ наслажденія прекрасныя очи, къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; и многолюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко на небѣ стоитъ звѣзда, и весь міръ осiялъ чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Грецiя; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли.

Гоголь.

ВИДѢНІЯ *.

Римъ **.

Что это чернѣетъ на окраинѣ ночнаго неба? Высокія ли арки громаднаго моста? Надъ какой рѣкой онъ перекинутъ? Зачѣмъ онъ порванъ мѣстами? Нѣтъ, это не мостъ, это древній водопроводъ. Кругомъ священная земля Кампаніи, а тамъ вдали Албанскія горы—и вершины ихъ и сѣдая спина стараго водопровода слабо блестятъ въ лучахъ только-что взошедшей луны...

Мы внезапно взвились и повисли на воздухѣ передъ уединенной развалиной. Никто бы не могъ сказать, чѣмъ они были прежде: гробницей, чертогомъ, башней... Черный плющъ обвивалъ ее всею своею

---

* Изъ фантастическаго повѣствованія «Призраки». Поэтъ носится надъ Европой съ чудовищнымъ призракомъ. Въ отдѣльныхъ картинахъ, представляющихся ему съ высоты полета (такова внѣшняя точка зрѣнія), искусно выдвинуты важнѣйшіе признаки созерцаемыхъ явленій, согласно впечатлѣнію, производимому на поэта. Эти господствующіе признаки каждой сцены (различныхъ странъ и народовъ) даютъ каждой картинѣ значеніе поэтической характеристики такъ же, какъ и въ предъидущей статьѣ Гоголя.—** Авторъ воспроизвелъ здѣсь картину, лишь намѣченную Гоголемъ въ другой статьѣ словами:... «Иностранецъ узнаетъ его (Римъ), когда мало по малу... начинаетъ выдвигаться древній Римъ, гдѣ темной аркой, гдѣ мраморнымъ карнизомъ...., гдѣ цѣлымъ портикомъ...; громадно воздымается онъ среди тысячелѣтнихъ плющей, алое и открытыхъ равнинъ.... и уже не видитъ иноземецъ нынѣшнихъ тѣсныхъ улицъ и переулковъ, весь объятый древнимъ міромъ; въ памяти его возстаютъ образы цезарей; криками и плесками древней толпы поражается ухо...» («Римъ». Полн. собр. соч. Гоголя. Т. III, стр. 271). Ср. также ст. Гоголя: «Жизнь».

мертвенной силой—а внизу раскрывался, какъ зѣвъ, полуобрушенный сводъ. Тяжелымъ запахомъ погреба вѣяло мнѣ въ лицо отъ этой груды мелкихъ, тѣсно сплоченныхъ камней, съ которыхъ давно свалилась гранитная оболочка стѣны[1].

Я задумался.—Divus Caius Iulius Caesar! воскликнулъ я вдругъ; Divus Caius Iulius Caesar! повторилъ я протяжно: Caesar!

Послѣднія отзвучія моего голоса не успѣли еще замереть, какъ мнѣ послышалось...

Мнѣ трудно сказать, что̀ именно. Сперва мнѣ послышался смутный, ухомъ едва уловимый, но безконечно повторявшійся взрывъ трубныхъ звуковъ и рукоплесканій. Казалось, гдѣ-то, страшно далеко, въ какой-то бездонной глубинѣ, внезапно зашевелилась несмѣтная толпа—и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, какъ бы сквозь сонъ, сквозь подавляющій, многовѣковой сонъ. Потомъ воздухъ заструился и потемнѣлъ надъ развалиной... Мнѣ начали мерещиться тѣни, миріады тѣней, милліоны очертаній, то округленныхъ какъ шлемы, то протянутыхъ какъ копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этихъ копьяхъ и шлемахъ—и эта армія, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно... Несказанное напряженіе, напряженіе, достаточное для того, чтобы приподнять цѣлый міръ, чувствовалось въ ней; но ни одинъ образъ не выдавался ясно[2]... И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто трепетъ пробѣжалъ кругомъ, какъ будто отхлынули и разступились какія-то громадныя волны... „Caesar, Caesar venit![3]" зашумѣли голоса, подобно листьямъ лѣса, на который внезапно налетѣла буря... прокатился глухой ударъ—и голова блѣдная, строгая, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ опущенными вѣками, голова императора стала медленно выдвигаться изъ-за развалины[4]...

На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы—и я тотчасъ же умру.—Эллисъ[5]! простоналъ я: я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима... Прочь, прочь отсюда!

— Малодушный! шепнула она—и мы умчались. Я успѣлъ еще услыхать за собою желѣзный, громовый на этотъ разъ, крикъ легіоновъ... потомъ все потемнѣло.

---

[1] Сгруппированы черты разрушенія.—[2] Въ видимыхъ чертахъ видѣнія символически указаны двѣ черты римскаго общества: завоевательная сила массы и безначительность отдѣльнаго лица.—[3] «Цезарь, Цезарь приближается!»—[4] Въ 4-хъ чертахъ этого лица указаны важнѣйшія черты характера Цезаря.—[5] *Эллисъ* — имя существа, съ которымъ носится поэтъ.

На Волгѣ.

Мы находились надъ плоскимъ берегомъ. Налѣво тянулись, терялись въ безконечности скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо, въ такую же безконечность уходила, ровная гладь великой, многоводной рѣки. Недалеко отъ берега большія, темныя барки тихонько переваливались на якоряхъ, слегка двигая остріями своихъ мачтъ, какъ указательными перстами. Съ одной изъ этихъ барокъ долетали до меня звуки разливистаго голоса[1], и на ней же горѣлъ огонекъ, дрожа и покачиваясь въ водѣ своимъ длиннымъ, краснымъ отраженьемъ. Кой-гдѣ, и на рѣкѣ, и въ поляхъ, непонятно для глаза, близко ли, далеко ли—мигали другіе огоньки: они то жмурились, то вдругъ выдвигались лучистыми крупными точками: безчисленные кузнечики немолчно стрекотали не хуже лягушекъ понтійскихъ болотъ, и подъ безоблачнымъ, но низко нависшимъ темнымъ небомъ изрѣдка кричали невѣдомыя птицы.

И мы вдругъ полетѣли черезъ Волгу, въ косвенномъ направленіи надъ самой водой, низко и порывисто, какъ ласточки передъ бурей. Широкія волны тяжко журчали подъ нами, рѣзкій рѣчной вѣтеръ билъ насъ своимъ холоднымъ, сильнымъ крыломъ... высокій правый берегъ скоро началъ воздыматься передъ нами въ полумракѣ. Показались крутыя горы съ большими разсѣлинами. Мы приблизились къ нимъ[2].

Сперва все оставалось безмолвнымъ, какъ и передъ римской развалиной—но вдругъ возлѣ самаго моего уха раздался грубый бурлацкій смѣхъ—и что-то со стономъ упало въ воду и стало захлебываться... Я оглянулся: никого нигдѣ не было видно... но съ берега отпрянуло эхо—и разомъ, и отовсюду поднялся оглушительный гамъ. Чего только не было въ этомъ хаосѣ звуковъ: крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ и топоровъ, трескъ какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрипъ снастей и колесъ, и лошадиное скаканіе, звонъ набата и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачъ, моленіе жалобное, отчаянное—и повелительныя восклицанія, предсмертное хрипѣнье и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски... „Бей, вѣшай! топи! рѣжь! любо! любо! такъ, не жалѣй!"—слышалось явственно—слышалось даже прерывистое дыханіе запыхавшихся людей, а между тѣмъ, кругомъ, насколько глазъ доставалъ, ничего не показывалось, не измѣнялось: рѣка катилась мимо, таинственно почти угрюмо; самый берегъ казался пустыннѣй и одичалѣй—и только[3].

---

[1] Бурлацкая пѣсня.—[2] Двѣ картины Волги, состоящія изъ характеристическихъ признаковъ этой рѣки (ночью): съ большой высоты и надъ водою.—[3] Черты разбойничьихъ неистовствъ, какъ поэтическая характеристика грубостихійной силы народныхъ массъ, коихъ не коснулась гражданственность. Сопоставлено съ народными массами (предъидущаго описанія), соединенными силою односторонней гражданственности дохристіанской эпохи.

— Степанъ Тимофеичъ[1]! Степанъ Тимофеичъ идетъ!—зашумѣло вокругъ—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!—Я по прежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ будто громадное тѣло надвигается прямо на меня...—Фролка! гдѣ ты, песъ?—загремѣлъ страшный голосъ... Зажигай со всѣхъ концовъ—да въ топоры ихъ бѣлоручекъ!

На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновеніе что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ... Я лишился чувствъ[2].

Парижъ.

Я увидѣлъ подъ собою громаду столпившихся зданій, полную блеска, движенія, грохота... Я увидѣлъ Парижъ.

Я прежде бывалъ въ Парижѣ, и потому тотчасъ узналъ мѣсто, къ которому направлялась Эллисъ. Это былъ Тюльерійскій садъ, съ его старыми каштановыми деревьями, желѣзными рѣшетками, крѣпостнымъ рвомъ и звѣроподобными зуавами на часахъ. Минуя дворецъ, минуя церковь св. Роха, на ступеняхъ которой первый Наполеонъ въ первый разъ пролилъ французскую кровь, мы остановились высоко надъ италіанскимъ бульваромъ, гдѣ третій Наполеонъ сдѣлалъ то же самое, и съ тѣмъ же успѣхомъ[3]. Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины въ пышныхъ платьяхъ, тѣснились по панелямъ; раззолоченные рестораны и кофейныя горѣли огнями; омнибусы, кареты всѣхъ родовъ и видовъ сновали вдоль бульвара; все такъ и кипѣло, и сіяло, все, куда ни падалъ взоръ... Но, странное дѣло! мнѣ не захотѣлось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотѣлось приблизиться къ этому человѣческому муравейнику. Казалось, горячій, тяжелый, рдяный паръ подымался оттуда, не то пахучій, не то смрадный: ужъ очень много жизней сбилось тамъ въ одну кучу. Я колебался... Но вотъ рѣзкій, какъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, голосъ уличной лоретки[4] внезапно долетѣлъ до меня; какъ наглый языкъ, высунулся онъ наружу, этотъ голосъ; онъ кольнулъ меня, какъ жало гадины. Я тотчасъ представилъ себѣ каменное, скулистое, жадное, плоское парижское лицо, ростовщичьи глаза, бѣлила, румяны, взбитые волосы и букетъ яркихъ поддѣльныхъ цвѣтовъ подъ остроконечной шляпой, выскребленные ногти въ родѣ когтей, безобразный кринолинъ... Я представилъ себѣ также и нашего брата степняка[5], бѣгущаго дрян-

---

[1] Имя извѣстнаго разбойника—Разина.—[2] Сравни съ заключительными словами автора въ предъидущемъ описаніи.—[3] Воспоминанія о coup d'etat 4 Декабря 1851 г.—[4] *Лоретка*—праздная женщина, ведущая безнравственную жизнь.—[5] Одного изъ праздно-проживающихъ въ Парижѣ Русскихъ.

ной припрыжкой за куклой... Я представилъ себѣ, какъ онъ, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается подражать въ манерахъ гарсонамъ [1] Вефура, пищитъ, подслуживается, юлитъ—и чувство омерзенія охватило меня [2]...

Шварцвальдъ [3].

Горы, все горы... и лѣсъ, прекрасный, старый, могучій лѣсъ. Ночное небо ясно: я могу признать каждую породу деревьевъ; особенно великолѣпны пихты съ ихъ бѣлыми прямыми стволами. Кое-гдѣ на опушкахъ виднѣются дикія козы; стройно и чутко стоятъ онѣ на своихъ тонкихъ ножкахъ и прислушиваются, красиво повернувъ головки и насторoживъ большія трубчатыя уши. Развалина башни печально и слѣпо выставляетъ съ вершины голаго утеса свои полуобрушенные зубцы; надъ старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звѣздочка. Изъ небольшаго, почти чернаго озера поднимается, какъ таинственная жалоба, стенящее уканіе маленькихъ жабъ. Мнѣ чудятся другіе звуки, длинные, томные, подобные звукамъ эоловой арфы... Вотъ она, страна легендъ! Тотъ же самый тонкій лунный дымъ, который поразилъ меня въ Швецингенѣ, разлитъ здѣсь повсюду, и чѣмъ дальше расходятся горы, тѣмъ гуще этотъ дымъ. Я насчитываю пять, шесть, десять различныхъ тоновъ, различныхъ пластовъ тѣни по уступамъ горъ, и надъ всѣмъ этимъ безмолвнымъ разнообразіемъ задумчиво царитъ луна. Воздухъ струится мягко и легко. Мнѣ самому легко и какъ-то возвышенно спокойно и грустно [4]...

Lago maggiore [5].

„Оглянись", сказала мнѣ Эллисъ, „и успокойся". Я послушался, и, помню, первое мое впечатлѣніе было до того сладостно, что я могъ только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкій не то свѣтъ, не то туманъ обливалъ меня со всѣхъ сторонъ. Сперва я не различалъ ничего: меня слѣпилъ этотъ лазоревый блескъ—но вотъ понемногу начали выступать очертанія прекрасныхъ горъ, лѣсовъ; озеро раскинулось подо мною съ дрожавшими въ глубинѣ звѣздами, съ ласковымъ ропотомъ прибоя. Запахъ померанцевъ обдалъ меня волной—и вмѣстѣ съ нимъ и тоже какъ будто волною пронеслись

---

[1] *Гарсонъ*—лакей парижскаго ресторана.—[2] Отрицательныя черты уличной жизни Парижа временъ Наполеона III.—[3] *Шварцвальдъ*—горный хребетъ въ Ю. З. Германіи (въ Баденѣ и Виртембергѣ).—[4] Живой контрастъ пустынной горной природы съ предъидущей картиной многолюднаго города. —[5] *Lago maggiore*—озеровъ Ломбардіи.

сильные, чистые звуки, такъ и потянули меня внизъ — и я началъ спускаться... спускаться къ роскошному мраморному дворцу, привѣтно бѣлѣвшему среди кипарисной рощи. Звуки лились изъ его настежъ раскрытыхъ оконъ; волны озера, усѣяннаго пылью цвѣтовъ, плескались въ его стѣны—и прямо напротивъ, весь одѣтый темной зеленью померанцевъ и лавровъ, весь облитый лучезарнымъ паромъ, весь усѣянный статуями, стройными колоннами, портиками храмовъ, поднимался изъ лона водъ высокій круглый островъ[1].

Тургеневъ.

Драконъ*.

—Довольно намъ—сказалъ я,—рыскать зря!
Взойдемъ сперва на ближнюю вершину,
Чтобъ мѣстность обозрѣть. Такъ говоря,

Сошелъ съ коня я. Къ дикому ясмину
Его за поводъ Гвидо[2] привязалъ,
И брони снявъ, мы темную долину

Покинули. Держась за ребра скалъ,
Мы лѣзли вверхъ, и лишь на полъ-дорогѣ,
Среди уступа, сдѣлали привалъ.

Отъ устали мои дрожали ноги;
Межъ тѣмъ густой, поднявшійся туманъ
Долину скрылъ и горные отроги.

И сталъ я думать, грустью обуянъ:
—Нѣтъ, не поспѣть мнѣ во время въ Кьявенну
И не повесть друзей на вражій станъ!

Въ туманѣ тутъ, мнѣ показалось, стѣну
Зубчатую увидѣлъ я. Она,
Согнутая во многія колѣна,

---

1 Поэтъ сопоставляетъ съ предъидущей картиной дикой природы—не менѣе прекрасную и украшенную искусствомъ южную природу.

* Изъ поэмы, гдѣ отъ лица разсказчика выражена скорбь Гвельфа о Миланѣ, вслѣдствіе раздоровъ павшемъ въ XII в. отъ меча Германцевъ. Описанный здѣсь драконъ былъ «Кесаря свирѣпаго предтеча».

Описаніе предлагаетъ образъ дракона въ различныхъ положеніяхъ; въ каждый изъ моментовъ чудовище открываетъ новыя черты воображенію читателя. Этому помогаетъ форма разсказа. Слѣд. это описаніе пользуется и всѣми выгодами художественнаго повѣствованія. Форма стихотворная—терцины.

2 *Гвидо*—спутникъ лица, которое разсказываетъ.

Съ крутой скалы спускалася до дна
Ущелія, наполненнаго мглою,
И имъ была отъ насъ отдѣлена.

—Другъ,—я сказалъ,—ты съ этою страною
Давно знакомъ; вглядись и распознай:
Какой я замокъ вижу предо мною?

А онъ въ отвѣтъ:—Мнѣ вѣдомъ этотъ край,
Но замка нѣтъ отсюда до Кьявенны
Ни одного. Обмануты мы, чай,

Игрой тумана. Часто перемѣны
Онъ странныя являетъ между горъ,
И создаетъ то башни въ нихъ, то стѣны.

Такъ онъ ко мнѣ. Но устремивъ мой взоръ
Передъ собой, я напрягалъ вниманье;
Туманъ же все рѣдѣлъ съ недавнихъ поръ;

И только онъ разсѣялся—не зданье
Намъ показалъ свободный солнца свѣтъ,
Но чудное въ утесѣ изваянье:

Что̀ я стѣной считалъ, то былъ хребетъ
Чудовища, какому и примѣра,
Я полагалъ, среди живущихъ нѣтъ.

И я, глазамъ едва давая вѣру,
Ко Гвидо обратился:—Долженъ быть
Сей памятникъ, столь дивнаго размѣра,

Тебѣ извѣстенъ; онъ, конечно, нить
Намъ въ руки дастъ, чтобъ выбраться отсюда.
Спѣши жъ по немъ нашъ путь сообразить!

Но онъ въ отвѣтъ:—Клянусь, сего я чуда
Не зналъ досель, и никогда о немъ
Не слыхивалъ отъ здѣшняго я люда.

Не христіанскимъ думаю рѣзцомъ
Звѣрь вытесанъ. Мы древняго народа
Узнаемъ трудъ, коль ближе подойдемъ.

—А не могла-ль—замѣтилъ я—природа
Подобіе чудовища создать,
Какъ создаетъ она иного рода
Диковины?... Но только лишь сказать
Я то успѣлъ, самъ понялъ, сколь напрасна
Такая мысль. Не случая печать

Являли члены гадины ужасной.
Но каждая отчетливо въ ней часть
Изваяна рукой казалась властной:

Сомкнутая, поднявшись, щучья пасть
Ждала какъ-будто жертвы терпѣливо,
Чтобъ на нее, отверзшися, напасть;

Глаза глядѣли тускло и сонливо;
На вытянутой шеѣ поднята,
Костлявая въ зубцахъ торчала грива;

Скрещенныя вдоль длиннаго хребта,
Лежали въ складкахъ кожаныя крылья;
Подъ брюхомъ—лапъ виднѣлася чета.

Спинныхъ чешуй казалось изобилье
Нескладной кучей раковинъ морскихъ
Иль старой черепицей, мхомъ и пылью

Покрытою. А хвостъ, въ углахъ кривыхъ,
Терялся въ темной безднѣ. И когда бы
Я долженъ былъ рѣшить: къ числу какихъ

Тотъ звѣрь породъ принадлежитъ,—то я бы
Его крылатой щукою назвалъ
Иль помѣсью отъ ящера и жабы.

И самъ себя еще я вопрошалъ:
Къ чему могъ быть тотъ памятникъ воздвигнутъ?
Какъ вдругъ отъ страшной мысли задрожалъ,

Внезапнымъ опасеніемъ постигнутъ.
—А что́—сказалъ я—если этотъ звѣрь
Не каменный, но адомъ былъ изрыгнутъ,

Чтобъ за грѣхи насъ наказать? Повѣрь,
Коль Гвельфовъ онъ, имперцамъ на потѣху,
Присланъ терзать—онъ съ насъ начнетъ теперь!

Но вѣтрено предавшись Гвидо смѣху:
—Не много же—сказалъ—получитъ адъ
Отъ своего созданія успѣху!

Смотри, какъ смирно ласточки сидятъ
На головѣ недвижной, а на гривѣ
Чирикаетъ веселыхъ пташекъ рядъ.

Ужели ихъ мы будемъ боязливѣй?
Смотри еще: со цвѣтомъ этихъ скалъ
Цвѣтъ идола одинъ; не схожѣй въ нивѣ

Двѣ полосы! И громко продолжалъ
Смѣяться онъ,—какъ вдругъ, внизу, тревожно
Нашъ конь, къ кусту привязанный, заржалъ;

И видѣть намъ съ уступа было можно,
Какъ бился онъ на привязи своей,
Подковами взметая прахъ подножный.

Я не сводилъ съ чудовища очей,
Но жизни въ немъ не замѣчалъ ни мало—
Когда внезапно, молніи быстрѣй,

Изъ сжатыхъ устъ, крутясь, явилось жало,
Подобное мечу о двухъ концахъ,
На воздухѣ мелькая, задрожало—

И спряталось. Невыразимый страхъ
Мной овладѣлъ.—Бѣжимъ—сказалъ я,—Гвидо,
Бѣжимъ, пока мы не въ его когтяхъ!

Но робости не показавъ и вида,
—Ты знаешь самъ, маэстро,—молвилъ онъ,
Какая то для ратника обида

Была бы, если бъ, куклой устрашенъ,
Онъ убѣжалъ. Я жъ объ закладъ побьюся,
Что на яву тебѣ приснился сонъ;

Взгляни еще на идола, не труся:
Изваянный тотъ звѣрь, а не живой,
И доказать я то тебѣ берусь!

Тутъ камень взявъ, онъ сильною рукой
Съ размаха имъ пустилъ повыше уха
Въ чудовище. Раздался звукъ такой,

Такъ рѣзко брякнулъ камень и такъ сухо,
Какъ если бы о кожаный ты щитъ
Хватилъ мечомъ. Тутъ втягиваться брюхо

Его какъ будто стало. Новый видъ
Глаза пріяли, тусклые дотоль:
Казалось, огнь зеленый въ нихъ горитъ.

Межъ тѣмъ, сжимаясь медленно все болѣ,
Сталъ подбираться къ туловищу хвостъ,
Тащась изъ бездны словно по неволѣ.

Крутой хребетъ, какъ черезъ рѣку мостъ,
Такъ выгнулся, и мерзостнаго гада
Еще страшнѣй явился страшный ростъ.

И вотъ глаза зардѣли какъ лампады;
Подъ тяжестью ожившею утесъ
Затрепеталъ,—и сдвинулась громада

И поползла.... Мохъ, травы, корни лозъ,
Все, что́ сростись съ корой успѣло змѣя,
Все выдернувъ, съ собою онъ понёсъ.

Сырой землей запахло; мы жъ, не смѣя
Дохнуть, лежали ницъ, покуда онъ
Сползалъ съ высотъ, чѣмъ далѣ, тѣмъ быстрѣе;

И слышался подъ нимъ такой же стонъ,
Какъ если съ горъ на тормазѣ желѣзномъ
Съѣзжалъ бы возъ, каменьемъ нагруженъ.

Отвѣтный гулъ по всѣмъ пронесся безднамъ,
И не могло намъ въ мысль уже прійти
Искать спасенья въ бѣгствѣ безполезномъ.

Равно жъ какъ тормазъ на своемъ пути
Все болѣ накаляется отъ тренья,
Такъ, гдѣ драконъ лишь начиналъ ползти,

Мгновенно сохли травы и коренья,
И дымный тамъ за нимъ тащился слѣдъ,
И сыпался гранитъ отъ сотрясенья.

—О Гвидо, Гвидо, сколько новыхъ бѣдъ
Навлекъ на край невѣрьемъ ты упорнымъ!
Такъ я къ нему; а Гвидо мнѣ въ отвѣтъ:

Винюся я въ своемъ поступкѣ вздорномъ...
Но вонъ, смотри: тамъ конь внизу бѣжитъ,
За нимъ же змѣй ущельемъ вьется горнымъ!

Плачевный тутъ представился намъ видъ:
Сорвавшійся съ поводьевъ, устрашенный,
Предсмертной пѣной бѣлою покрытъ,

Нашъ конь скакалъ, спасаясь отъ дракона,
Скакалъ во всю отчаянную прыть,
И бились о бока его стремена.

Но чудище, растянутое въ нить,
Разинутою пастью норовило,
Какъ бы ловчѣй бѣгущаго схватить;

И вотъ оно, нагнавъ его, схватило
За самую за холку поперекъ,
И со сѣдломъ и сбруей проглотило,

Какъ жаба муху. Судороги ногъ
Лишь видѣли мы въ пасти на мгновенье—
И конь изчезъ. Едва дышать я могъ,—

Столь сильное на сердце впечатлѣнье
То зрѣлище мнѣ сдѣлало. А тамъ,
Въ ущельѣ, виться продолжали звенья

Змѣинаго хребта, и долго намъ
Онъ виденъ былъ, съ своею гривой странной,
Влекущейся по камнямъ и кустамъ,

Свое мѣняя мѣсто безпрестанно,
То изчезая въ темной глубинѣ,
То вновь являясь гдѣ-нибудь нежданно.

И Гвидо, обращаяся ко мнѣ,
Сказалъ:—когда бъ я, столько виноватый,
Но столь въ своей раскаянный винѣ,

Смѣлъ дать совѣтъ: мы, времени безъ траты,
Должны уйти, туда, на выси горъ,
Гдѣ дружелюбно будемъ мы пріяты

Отъ камнетесовъ, что съ недавнихъ поръ
Выламываютъ мраморъ, изъ него же[1]
Въ Кьявеннѣ новый строится соборъ;

А змѣй, по мнѣ, не на вершинахъ ложе,
Но близъ долинъ, скорѣе изберетъ,
Гдѣ можетъ жить, вседневно жертвы множа.

Я юношѣ довѣрился, и вотъ
Карабкаться мы кверху стали снова,
И въ полдень лишь достигли до высотъ.

---

[1] Изъ *негоже*—ц. сл. относ. мѣстоименіе.

Нигдѣ кругомъ жилища никакого
Не видно было. Нѣсколько озёръ
Свѣтилося, одно возлѣ другаго;

Ближайшее на полускатѣ горъ
Раскинулось, предъ нами недалеко;
Когда же внизъ отвѣсно палъ нашъ взоръ,—

У нашихъ ногъ, какъ въ ендовѣ глубокой,
Узнали мы поляну, гдѣ вчера
Насъ жеребій войны постигъ жестокій;

И поняли мы тутъ, что до утра
Всю ночь мы вкругъ побоища плутали,
Пока насъ тьмы морочила пора.

Разбросаны, внизу еще лежали
Тѣла друзей, и кони между нихъ
Убитые. Мѣстами отблескъ стали

Отсвѣчивалъ межъ злаковъ полевыхъ,
И сытыя сидѣли птицы праздно
На кучахъ тѣлъ и броней боевыхъ.

Вдругъ крикъ межъ нихъ поднялся несуразный,
И началось маханье черныхъ крылъ,
И перелетъ тревожный. Безобразный

То змѣй отъ горъ извивы къ нимъ влачилъ
И къ полю ползъ, кровь издали почуя.
Тутъ жалости мнѣ передать нѣтъ силъ,

Объявшей насъ, и словъ не нахожу я
Сказать, какой намъ холодъ сердце сжалъ,
Когда пришлось, безсильно негодуя,

Смотрѣть, какъ онъ немилосердно жралъ
Товарищей, и съ ними, безъ разбора,
Тѣла коней издохшихъ поглощалъ.

Иль, вскинувъ пасть, стремительно и скоро
Хваталъ воронъ крикривыхъ на лету,
За трупы съ нимъ не прерывавшихъ спора.

Картину я когда припомню ту,
Набросить на нее хотѣлъ бы тѣнь я,
Но въ прежнемъ все стоитъ она свѣту!

Въ насъ съ ужасомъ мѣшалось омерзѣнье,
Когда подъ кровью скорчившійся змѣй,
Жуя тѣла, кривился въ наслажденьи;

И съ чавканьемъ зубастыхъ челюстей
Въ безвѣтріи къ намъ ясно долетали
Доспѣховъ звякъ и хрупанье костей.

Между людьми на свѣтѣ есть едва ли,
Кто бы такое горе ощутилъ,
Какъ въ этотъ часъ мы съ Гвидо ощущали.

И долго ль звѣрь безчестье наносилъ
Тѣламъ, инаго ждавшимъ погребенья—
Не вѣдаю. Съ утра лишенный силъ,

На землю я упалъ въ изнеможеньи,
И осѣнилъ меня глубокій сонъ,
И низошло мнѣ на душу забвенье.

Когда рукою Гвидо разбуженъ,
Я поднялся, въ долинахъ ужъ стемнѣло,
На западѣ жъ багровый небосклонъ

Пылалъ пожаромъ. Озеро горѣло,
Въ полу-горѣ, какъ въ золотомъ огнѣ,
И обратился къ другу я несмѣло:

—Въ какой, скажи, о Гвидо, мы странѣ?
Какое съ нами горе иль обида
Случилася? Скажи мнѣ все, зане

Въ моей душѣ звучитъ какъ панихида,
Но въ памяти нѣтъ мысли ни одной!
И прежде, чѣмъ успѣлъ отвѣтить Гвидо,

Я вспомнилъ все: съ имперцами нашъ бой,
И смерть вождя, и бѣгство отъ дракона.
—Гдѣ онъ?—вскричалъ я—гдѣ нашъ недругъ злой?

Намъ отъ него возможна ль оборона?
Иль намъ бѣжать въ ущелій тѣсноту,
И спрятаться во глубь земнаго лона?

Но Гвидо, палецъ приложа ко рту,
—Смотри,—шепнулъ мнѣ съ видомъ опасенья,—
Смотри сюда, на эту высоту!

И, слѣдуя руки его движенью,
Страшилище я снова увидалъ,
Какъ, медленно свои вращая звенья,

Оно всползало, межъ померкшихъ скалъ,
На верхъ одной, отъ прочихъ отдѣленной,
Чтò солнца лучъ послѣдній освѣщалъ.

Свой гордо зѣвъ поднявъ окровавленный,
На острый верхъ взобравшійся драконъ,
Какъ нѣкій царь, съ зубчатою короной

Явился тамъ. Закатомъ озаренъ,
Какъ выкованъ изъ яркой красной мѣди,
На небѣ такъ вырѣзывался онъ.

Клянусь, ни львы, ни тигры, ни медвѣди,
Столь не страшны! Никто бъ не изобрѣлъ
Такую тварь, хотя-бъ въ горячкѣ бреда?

Когда жъ совсѣмъ изчезъ во мракѣ долъ,
А ночь вверху лишь только наступала,
Свои онъ крылья по вѣтру развелъ,

И кожа ихъ, треща, затрепетала,
Подобно какъ въ рукахъ у нашихъ женъ,
Раскрывшися, трепещутъ опахала.

Его хребетъ казался напряженъ,
И, на когтяхъ все подымаясь выше,
Пуститься въ летъ готовился драконъ.

Межъ тѣмъ кругомъ все становилось тише,
И все темнѣй. И вотъ онъ взвизгнулъ вдругъ,
Летучія какъ взвизгиваютъ мыши,

И сорвался. Насъ охватилъ испугъ,
Когда, носясь у насъ надъ головами,
Онъ въ сумеркахъ чертилъ за кругомъ кругъ,

И воздухъ билъ угластыми крылами,
Не какъ орелъ, въ поднебесьи паря,
Но вверхъ и внизъ метаяся зубцами,

Неровный летъ являлъ нетопыря,
И виденъ былъ отчетисто для ока
На полосѣ, гдѣ скрылася заря.

Насъ поражалъ то близко, то далеко,
То возлѣ насъ, то гдѣ нибудь съ высотъ,
Зловѣщій визгъ, пронзительно-жестокій.

Такъ не одинъ свершалъ онъ поворотъ,
Иль крылья вдругъ поджавъ, какъ камень вѣскій,
Бросался внизъ, и возмущенныхъ водъ

Средь озера намъ слышалися всплески,
И онъ опять взлеталъ, и каждый разъ
Пускалъ опять своей визгъ зловѣще-рѣзкій.

Проклятый звѣрь чутьемъ искалъ ли насъ,
Или леталъ по воздуху безъ цѣли—
Не знали мы; но, не смыкая глазъ,

На сторожѣ всю ночь мы просидѣли,
Усталостью совсѣмъ изнурены,
(Вторыя сутки мы уже не ѣли!)

Гр. А. Толстой.

ПОВѢСТВОВАНІЯ.

ПОВѢСТВОВАНІЯ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ ПРОЗАИЧЕСКОЕ И ПОЭТИЧЕСКОЕ.

I. Повѣствованіе прозаическое. Историческая проза. Исторія.

1. Какъ описанія, по цѣли и по матеріалу своему, дѣлятся на простыя и художественныя (см. стр 3), такъ и повѣствованія могутъ быть простыми и художественными: первыя имѣютъ цѣлію дать ясное понятіе о событіяхъ, вторыя—дать живое ихъ представленіе [1].

2. Историческое повѣствованіе соединяетъ обѣ цѣли: оно не только излагаетъ общія черты событій (что̀ соотвѣтствуетъ цѣли простаго описанія, изчисляющаго постоянные признаки предметовъ), какъ то видимъ въ историческихъ обозрѣніяхъ, но въ изложеніи своемъ можетъ воспроизводить, съ большею или меньшею полнотою, и тѣ черты событій, которыя составляютъ принадлежность лишь изображаемаго момента (что̀ уже соотвѣтствуетъ художественному описанію, воспроизводящему случайные признаки предметовъ).

Историческое повѣствованіе получило свое имя отъ науки, которой служитъ формою изложенія,—исторіи.

3. Исторія не ограничивается повѣствованіемъ о событіяхъ, но указываетъ и связь одного событія съ другимъ, изслѣдуя причины событій и указывая ихъ слѣдствія или же выводитъ значеніе событій для жизни народа и человѣчества: отсюда элементъ разсужденія въ исторіи.

Смотря по тому, которая изъ этихъ цѣлей преобладаетъ въ историческомъ сочиненіи, оно можетъ быть причислено или къ произведеніямъ школы повѣствовательной или умозрительной. Къ первой принадлежатъ произведенія по изложенію изобразительныя (историки-колористы); изложеніе вторыхъ — болѣе отвлеченное; историки перваго рода останавливаются болѣе на событіяхъ, исполненныхъ драматической занимательности; историки втораго рода—„въ сжатомъ изложеніи передаютъ внутреннюю истину явленій“); потому выводамъ своимъ придаютъ значеніе *сужденій необходимыхъ*.

---

[1] Различіе повѣствованія отъ описанія см. въ прим. къ 1-му отрывку изъ «Тараса Бульбы» (въ отд. Повѣствованій поэтическихъ.»

Необходимость событія—вотъ что имѣетъ въ виду историкъ втораго рода. Она объясняется имъ изъ высшаго порядка вещей, какъ высшая необходимость. Исторія, имѣющая цѣлію раскрытіе такой необходимости, называется философскою. Мысль, что разумъ управляетъ міромъ, впервые высказана Анаксагоромъ (греч. философомъ V в. до Р. Х., другомъ Перикла). Въ новое время эта мысль получила религіозное направленіе, по которому управляетъ міромъ Провидѣніе.

5. Къ историческимъ сочиненіямъ повѣствовательной школы относятся и такія, которыя возсоздаютъ внѣшній образъ былаго положенія вещей на основаніи причинной связи, лежащей въ природѣ ихъ. Такая исторія называется прагматическою (отъ πράγμα, res). Съ нею не должно смѣшивать повѣствовательной исторіи, построенной безъ вниманія къ этой внутренней связи событій, изложенной въ порядкѣ только хронологическомъ или же только художественномъ (когда событія располагаются въ виду большаго удобства изобразительности, напр. по контрастамъ).

Въ прагматической исторіи слѣдовательно указывается также необходимость событій, какъ и въ философской, но здѣсь раскрывается необходимость эмпирическая (доступная наблюденію, напр. въ извѣстныхъ особенностяхъ націй, ихъ учрежденій и т. п.), а тамъ усматривается высшая необходимость (понимаемая историками различно, согласно той философской системѣ, которой слѣдуютъ они, и тѣмъ вѣрованіямъ, какія они имѣютъ).

6. Выборъ фактовъ и ихъ комбинація даетъ возможность историку-прагматику воспользоваться ими для какихъ-нибудь субъективныхъ цѣлей; такъ Полибій (греч. историкъ II в. до Р. Х.) въ своей „Исторіи Рима, Греціи и Востока“ имѣлъ въ виду военную технику; Тацитъ (римскій историкъ 54—117 г. по Р. Х.) шагъ за шагомъ указываетъ въ исторіи паденія Римской имперіи послѣдствія деспотизма и порчи нравовъ. Чѣмъ одностороннѣе историкъ, тѣмъ болѣе впадаетъ онъ въ доктринерство (слѣпую приверженность къ мнѣніямъ одной какой либо партіи и потому предвзятость мнѣній), отсюда—возможность тенденціозной исторіи: политической (у историка-публициста), вѣроисповѣдной (напр. у католика, протестанта) и т. п.

7. Такъ какъ исторія имѣетъ дѣло съ духовною природою людей и народовъ, то, будь она повѣствовательною или философскою, она необходимо должна изслѣдовать проявленіе свободной человѣческой воли, а такъ какъ духъ проявляетъ свою свободу въ потребностяхъ, наклонностяхъ и страстяхъ людей: то исторія ищетъ ближайшихъ причинъ событій въ изслѣдованіи этихъ свойствъ духа народовъ и лицъ (психологическій элементъ исторіи). Потому въ исторію входитъ опредѣленіе душевныхъ свойствъ лица или народа, называемое характеристикой.

8. Конечная цѣль исторіи—самопознаніе. Смотря по тому, какая сфера человѣческаго общества познается въ ней, она можетъ быть всемірною, исторіею государства, сословія. И всякое учрежденіе, предполагающее значительное число лицъ, соединенныхъ во имя извѣстной цѣли, имѣетъ нужду въ самопознаніи: отсюда возможность спеціальной исторіи (военная исторія, исторія Академіи и т. п.).

9. Повѣствованіе о жизни отдѣльнаго лица, отъ рожденія его до смерти, называется біографіею (жизнеописаніемъ).—Если біографія написана тѣмъ лицомъ, жизнь котораго въ ней изложена, то она назыв. автобіографіей.—Краткое извѣстіе о жизни лица, написанное по

поводу его смерти, вскорѣ послѣ нея, называется некрологомъ (отъ νεκρος покойникъ и λόγός слово).

II. Повѣствованіе поэтическое и прозаическое (со стороны изобрѣтенія и выраженія).

10. Историческія сочиненія повѣствовательной школы, излагающія событія наглядно, приближаются къ поэтическому повѣствованію, отличаясь отъ него тѣмъ, что изобрѣтеніе у историка ограничено требованіями достовѣрности [1] (потому главный матеріалъ его повѣствованія—*сужденія дѣйствительныя* и *категорическія*), лишь изрѣдка—*возможныя* и *гипотетическія*), —тогда какъ изобрѣтеніе поэта свободно.

11. Воспроизводя событія, какъ историкъ, такъ и поэтъ, даютъ представленіе о внѣшности дѣйствующихъ лицъ и предметовъ ихъ обстановки: потому въ повѣствованіе входитъ, какъ составная его часть, описаніе.

12. Воспроизводя дѣйствія лицъ, какъ историкъ, такъ и поэтъ, нерѣдко выводятъ ихъ говорящими. Историкъ рѣже обращается къ этой формѣ: передавая лишь дѣйствительное, онъ можетъ вводить рѣчи лицъ только тогда, когда онѣ ему извѣстны изъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ; поэтъ же свободно создаетъ эти рѣчи. При этомъ историкъ въ своемъ выраженіи чаще довольствуется косвенною рѣчью, поэтъ предпочитаетъ рѣчь прямую. Прямая рѣчь требуетъ при передачѣ ея соблюденія особенностей времени, народности, сословія, къ которымъ принадлежитъ изображаемое лицо, а также возраста, темперамента и личныхъ идіотизмовъ [2] слога.

13. Историческія сочиненія такимъ образомъ соединяютъ въ себѣ всѣ роды прозы: описаніе, повѣствованіе и разсужденіе, а древніе историки (за ними же и новые до половины нашего вѣка), пользуясь возможностію приводить рѣчи лицъ и не соблюдая указанныхъ выше условій ихъ изложенія, вводили въ исторію элементъ ораторскій: при этомъ они украшали эти рѣчи согласно требованіямъ реторики [3].

14. Первоначальная форма историческихъ сочиненій есть лѣтопись (т. е. погодная запись событій, безъ различенія важнѣйшихъ отъ менѣе важныхъ, въ порядкѣ хронологическомъ, безъ указанія связи событій Образцомъ лѣтописи служитъ русская начальная лѣтопись, приписываемая преподобному Нестору (1056—1114). Записками, или мемуарами наз. повѣствованіе очевидца о событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ принималъ участіе или которыхъ былъ свидѣтелемъ (см. въ исторической хрестоматіи Галахова, ч. II: записки Глинки о 1812 г., стр. 202—212.

15. Формою художественнаго повѣствованія пользуется эпическая поэзія.

---

[1] Путь, которымъ опредѣляется достовѣрность источника, называется исторической критикою..—[2] *Идіотизмъ* ἰδιωτισμός особенность рѣчи—отъ ἰδιώτης единоличный членъ государства (первоначальное значеніе — *приватное лицо*); ἰδίός лично кому свойственный, индивидуальный —[3] См. въ отд. «Ораторскія произведенія.»

ПОВѢСТВОВАНІЯ ПРОЗАИЧЕСКІЯ *.

ИЗЪ „ИСТОРІИ МАЛОЙ РОССІИ" **.

1. Борьба казаковъ съ Поляками ***.

Польскіе сановники надѣялись уже совершенно овладѣть Малороссіею, полагая, что казнію Павлюка [1] устрашенъ народъ воинственный,

* Здѣсь помѣщены только такіе отрывки историческихъ сочиненій, въ которыхъ видимъ исключительно повѣствовательный элементъ, или въ которыхъ онъ составляетъ основу изложенія. Отрывки историческихъ сочиненій описательныя и разсужденія—помѣщены въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ, для удобнѣйшаго изученія изложенія.

** *Димитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій* извѣстенъ историческими и біографическими сочиненіями. Его «Исторія Малой Россіи» вышла въ Москвѣ, въ 1822 г. (въ 4 частяхъ).

*** Изъ конца гл. XIII-й.—Въ этомъ отрывкѣ авторъ воздерживается отъ сужденій о повѣствуемыхъ событіяхъ и предоставляетъ фактамъ говорить самимъ за себя (ср. простыя описанія). Факты расположены въ этомъ отрывкѣ хронологически, но при изложеніи ихъ связность разсказа достигается: 1) переходными мыслями («вскорѣ удостовѣрились они въ противномъ»—мысль, которою авторъ указываетъ противоположность послѣдующихъ мыслей предъидущимъ: «ослабивъ... силы гетмана...» — мысль, указывающая въ предъидущемъ ближайшую причину послѣдующаго факта: «неимовѣрно, чтобы Поляки увеличили еще мученія слѣдующимъ злодѣйствомъ.:..» — мысль, связующая рядъ фактовъ высшей жестокости, достовѣрность коихъ авторъ заподозрѣваетъ и которыя потому передаетъ словами лѣтописи, — съ изложеніемъ предъидущихъ вполнѣ достовѣрныхъ фактовъ); 2) аналитическимъ отношеніемъ мыслей по закону логическаго тожества («наконецъ побѣда увѣнчала усилія»—общая мысль, за которою слѣдуетъ ея развитіе; «а данное Поляками... обѣщаніе было нарушено..» общая мысль, за нею—ея развитіе; «жестокость превосходитъ всякое описаніе»—общая мысль, за нею ея развитіе), или по закону противоположности (...«полагая, что устрашенъ народъ воинственный— ...казаки подняли оружіе»).

Синтаксическое выраженіе переходныхъ мыслей: или это—отдѣльныя *синтаксическія цѣлыя* («Вскорѣ удостовѣрились они въ противномъ»; «неимовѣрно, чтобъ... злодѣйствомъ, прочія превыщающимъ»), или это—*придаточныя предложенія* съ указательнымъ мѣстоименіемъ («Ослабивъ *такимъ* образомъ силы... гетмана... когда онъ исполнялъ священную *сію* обязанность....»), или и безъ такого мѣстоименія («которые пребывали въ безпечности»: выше указаны факты, которые здѣсь и обобщены въ выраженіи «пребывали въ безпечности»). Отъ такихъ придаточныхъ предложеній должно отличать тѣ придаточныя, кои не указываютъ на предъидущіе факты, но заключаютъ въ себѣ новые факты («расположивъ войска свои по городамъ» и «распустивъ нѣкоторую часть»); такія придаточныя обстоятельственныя времени, находясь въ синтетической связи съ предъидущимъ синтаксическимъ цѣлымъ и съ своими главными, способствуютъ связности изложенія въ предѣлахъ сложнаго предложенія. Если придаточное предложеніе, внося новый фактъ, въ то же время излагаетъ причину высказаннаго въ главномъ, то служитъ аналитической связи внутри сложнаго предложенія («предувѣдомленные о томъ лазутчиками жидами»).

[1] *Павлюкъ*—гетманъ малороссійскій, разбитый (1637 г.) и окруженный Поляками, сдался на мирныя условія, но Поляки вопреки обѣщанію, схватили его, отправили въ Варшаву, гдѣ содрали съ него кожу и набили ее мякиною.

сражавшійся за свободу. Вскорѣ удостовѣрились они въ противномъ. При наступленіи весны казаки подняли снова оружіе противъ своихъ утѣснителей, избрали себѣ въ предводители Стефана Остраницу и Леона Гуна, отличавшагося въ войскѣ своимъ благоразуміемъ и опытностію, со всѣхъ сторонъ созывали къ себѣ на помощь ратныхъ людей, отправили приглашенія къ Донскимъ казакамъ, въ Волынь, Покутію, Подолію и даже въ Крымъ. Не трудно было имъ одержать верхъ надъ отдѣльными отрядами польскими, которые, послѣ строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, пребывали въ совершенной безпечности. Ослабивъ такимъ образомъ силы начальствовавшаго въ Украйнѣ гетмана Николая Потоцкаго, казаки принудили его расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ, въ степи, при рѣчкѣ Старицѣ. Здѣсь излили они все мщеніе за страдальческую смерть своихъ единоземцевъ, съ ожесточеніемъ устремились на смертоносныя орудія, проложили себѣ дорогу въ станъ непріятельскій по грудамъ убитыхъ товарищей, вступили въ ручной бой съ Поляками. Сіи послѣдніе оборонялись одними саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ. Наконецъ побѣда увѣнчала усилія защитниковъ отечества. Поляки обратились въ бѣгство, оставя имъ въ добычу всю свою артиллерію. Въ сей битвѣ палъ съ 4727 казаками храбрый вождь Гуна. Непріятель, по показанію одного малороссійскаго лѣтописателя, лишился болѣе одиннадцати тысячъ человѣкъ. Остраница, желая воспользоваться безпорядочнымъ отступленіемъ Потоцкаго, слѣдовалъ за нимъ до самаго Полоннаго, мѣстечка Волынской губерніи. Тамъ снова казаки напали на противниковъ, тщетно ожидавшихъ пособія отъ Конецпольскаго, и полководецъ польскій нашелся принужденнымъ предложить миръ тому самому народу, котораго не за долго предъ тѣмъ почиталъ совершенно побѣжденнымъ!

Данное Поляками казакамъ обѣщаніе оставить ихъ при прежнихъ польскихъ вольностяхъ и не мстить за претерпѣнное пораженіе было нарушено въ томъ же году. Гетманъ Остраница, расположивъ войска свои по городамъ, для охраненія оныхъ, и распустивъ нѣкоторую часть, отправился съ многими полковниками и старшинами, безъ всякой стражи, въ Каневъ, желая принесть благодарственныя Богу моленія за дарованную ему побѣду; но когда онъ въ монастырѣ тамошнемъ исполнялъ священную сію обязанность, Поляки, предувѣдомленные о томъ лазутчиками жидами, воспользовались оплошностію предводителя казаковъ, пробрались ночью проселочными дорогами къ монастырю, овладѣли онымъ безъ всякаго сопротивленія, захватили въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Остраницею, тридцать семь первѣйшихъ Малороссіянъ, а обитель Каневскую разграбили и предали огню.

Несчастные узники везены были съ чрезвычайною поспѣшностію въ простыхъ телѣгахъ до самой Варшавы. Тамъ представлены народу въ видѣ плѣнныхъ. Жестокости, которымъ они были подвергнуты, превос-

ходятъ всякое описаніе: всадники влекли ихъ по стогнамъ [1] града на веревкахъ, потомъ обременили оковами, ввергли въ подземныя тюрьмы, откуда выведены они были на казнь неслыханную, безчеловѣчную! Сначала шествовало римское духовенство, котораго главы, окружая несчастныя жертвы, уговаривали ихъ, для спасенія душъ, принять вѣру католическую: твердые у самой даже могилы въ правилахъ своихъ, Малороссіяне молились Богу по своей вѣрѣ, и тѣмъ отвѣчали на дѣлаемыя имъ представленія. Воины, слѣдовавшіе за ними, разгоняли народъ, въ подобныхъ случаяхъ всегда любопытный и безмолвный. Вскорѣ открылось мѣсто казни, наполненное оруженосцами. Палачи, стоя подлѣ смертоносныхъ орудій, ожидали новыхъ жертвъ своихъ; мученическій вѣнецъ сіялъ надъ главами послѣднихъ. Гетманъ Остраница, генеральный обозный Сурмила и три полковника были колесованы: имъ переломали сначала руки и ноги, потомъ медленно тянули изъ нихъ по колесамъ жилы до самой кончины. Три полковника и двое обозныхъ пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; семь есауловъ и пять сотниковъ прибиты гвоздями къ доскамъ, облиты смолою и медленно сожжены огнемъ; семь хорунжихъ растерзаны желѣзными лапами; девять старшинъ четвертованы. Неимовѣрно, чтобы Поляки увеличили еще мученія сихъ страдальцевъ слѣдующимъ злодѣйствомъ, прочія превысшавшимъ: „Во время казни“, по словамъ одного малороссійскаго лѣтописателя, „прибывшія въ Варшаву съ малолѣтними дѣтьми жены сихъ казацкихъ чиновниковъ, тщетно наполняли воздухъ воплемъ и рыданіями, желая смягчить сердца, ожесточенныя убійствами; онѣ скоро умолкли... Плачевная смерть постигла и невинныхъ малютокъ, бродившихъ и ползавшихъ около труповъ: они положены на желѣзныя рѣшетки, подъ которыми находившіеся уголья раздуваемы были шапками и метлами, и такимъ образомъ кончили жизнь въ виду отцовъ своихъ!»

---

2. Тарасъ Трясила *.

Гоненіе на исповѣдавшихъ вѣру греческую продолжалось [1]. Сеймъ

---

[1] *Стогны* — улицы.

* Изъ начала той же главы. Ср. прим. къ предъидущему отрывку. — Въ этомъ отрывкѣ видимъ образчикъ прагматическаго повѣствованія. Во 2-й части предъидущіе факты являются какъ причина послѣдующихъ фактовъ (распоряженій правительства польскаго), а изъ этихъ фактовъ выведено слѣдствіе (Запорожцы вышли изъ повиновенія); слѣдствіе выведено изъ природы вещей (потребностей людей, привыкшихъ къ грабежу). Это слѣдствіе и составляетъ главное содержаніе отрывка: потому все предъидущее можно разсматривать какъ введеніе въ повѣствованіе. Слѣдующая часть (4-я) излагаетъ послѣдствія побѣды. Главное дѣйствующее лицо повѣствованія—Тарасъ Трясила. Повѣствованіе оканчивается *проблематическимъ сужденіемъ* автора о судьбѣ Тараса. Возможность факта основана на свойствѣ Запорожцевъ.

[1] Общая мысль, имѣющая значеніе вводной. Въ слѣдующемъ затѣмъ

конституціями своими, въ 1623 и 1627 годахъ, откладывалъ примиреніе уніатовъ съ неуніатами, явнымъ образомъ покровительствуя первымъ. Потомки Острожскаго сдѣлались гонителями православія: они построили въ Константинополѣ Доминиканскій костелъ; основали въ Острогѣ, 1624 года, коллегіумъ[1] іезуитскій. Дворянство польское непомѣрною гордостію, жестокостію, возстановило противъ себя народъ. Тогдашній современникъ Бопланъ, жившій долгое время въ Малороссіи, повѣствуетъ, что крестьяне доведены были до совершеннаго разоренія, исправляли три дня въ недѣлю барщину, также по мѣрѣ земель давали нѣкоторый оброкъ хлѣбомъ, каплунами, курами, цыплятами; удѣляли десятаго барана, десятую свинью и десятый улей пчелъ, отъ всѣхъ полевыхъ плодовъ десятину и черезъ три года третьяго быка; возили дрова, исполняли тысячу другихъ обременительныхъ повинностей и, сверхъ того, платили наличными деньгами. Къ довершенію бѣдствій народа не одни храмы, но цѣлыя области поступали на откупъ къ жидамъ, которые, взимая съ крестьянъ положенную владѣльцами дань, увеличивали оную для собственной пользы.

Правительство принуждено было взять дѣятельныя мѣры для прекращенія общаго ропота[2]. Польское войско увеличено въ Малороссіи; на Запорожьѣ поставленъ гетманъ, нѣкто Грицко, преданный утѣснителямъ своей отчизны; строжайше воспрещено казакамъ тревожить на морѣ невѣрныхъ. Сіе послѣднее средство, противное политикѣ государственной, ибо лишало отчаянныхъ людей, къ грабежамъ и убійствамъ привыкшихъ, главнаго источника ихъ существованія, послужило во вредъ Польшѣ[3]. Запорожцы вышли изъ повиновенія, умертвили своего предводителя, избрали другаго—Тараса Трясилу, выступили съ значительнымъ числомъ орудій къ Переяславлю, и вскорѣ небольшой отрядъ ихъ увеличился до тридцати тысячъ человѣкъ: столь Малороссіяне жаждали свергнуть носимое ими иго.

На берегахъ Трубежа и Альты побѣда ожидала сыновъ Украйны[4]. Поляками предводительствовалъ славный гетманъ Конецпольскій, мужъ опытный въ ратномъ дѣлѣ; Малороссіянами управляло отчаяніе. Они рѣшились умереть или сохранить независимость и въ семъ твердомъ

развитіи ея отвлеченное подлежащее *гоненіе* объяснено частнымъ указаніемъ гонителей (сеймъ, потомки Острожскаго, дворянство польское, откупщики-жиды) и повѣствованіемъ о гоненіи (сеймъ откладывалъ примиреніе, потомки Острожскаго построили костелъ и основали коллегіумъ іезуитскій, дворянство польское возстановило народъ,—мысль, въ свою очередь развитая подробностями по Боплану; жиды взимали дань).

[1] Школу.—[2] Общая мысль, имѣющая значеніе вводной во 2-ю часть. Ниже—ея развитіе въ трехъ синтаксическихъ цѣлыхъ.—[3] «*Сіе* послѣднее средство... послужило во вредъ Польшѣ»—переходная мысль.—[4] Вводная мысль 3-й части, которая повѣствуетъ о Переяславской битвѣ въ двухъ частяхъ: А) событія, предшествующія битвѣ, и Б) самая битва.

намѣреніи, окопавшись у Переяславля въ укрѣпленномъ лагерѣ, спокойно ожидали непріятеля, который не разъ уже испыталъ ихъ мужество. Конецпольскій прямо повелъ атаку на станъ казацкій, нѣсколько дней сряду старался ворваться въ оный, но тщетно. Повидимому Малороссіяне, оборонявшіеся отчаянно, не осмѣливались дѣйствовать наступательно; не такъ было[1]. Планъ кампаніи оказался обдуманнымъ со стороны вождя ихъ, и хитрость взяла верхъ надъ искусствомъ[2]. Вскорѣ наступилъ праздникъ, Поляками именуемый *Панскимъ тѣломъ*: начались увеселенія въ лагерѣ непріятельскомъ, сопровождаемыя пушечною пальбою. Конецпольскій мнилъ устрашить казаковъ громомъ орудій, но вмѣсто того одушевилъ своихъ противниковъ новою храбростію[3]. Наступила ночь. Гетманъ казацкій вывелъ ползкомъ знатную часть пѣхоты изъ стана и на разсвѣтѣ ударилъ съ двухъ сторонъ на лагерь польскій, вломился въ средину онаго, предалъ острію меча множество Поляковъ, обратилъ остальныхъ въ бѣгство, перетопилъ значительную часть въ рѣкѣ, овладѣлъ обозомъ и артиллеріею ихъ. Конецпольскій лишился въ семъ дѣлѣ однихъ дворянъ до трехъ сотъ человѣкъ.

Битва Переяславская, названная казаками *Тарасовою ночью*, открыла имъ путь къ новымъ торжествамъ[4]. Значительная часть Малороссіи была очищена отъ Поляковъ; болѣе всѣхъ пострадали арендаторы тамошніе. Нѣсколько тысячъ жидовъ пали подъ ударами мстящихъ Украинцевъ: ихъ умерщвляли безъ всякой пощады, припѣвая ругательства, коими они обременяли христіанъ при продажѣ пасочныхъ хлѣбовъ. Надлежало бы предводителю Малороссіянъ вооруженной рукой охранять тогда свободу подвластнаго ему народа, но онъ, довольствуясь одержанной побѣдою, не помышлялъ о послѣдующемъ и обратилъ оружіе противъ невѣрныхъ[5]. Вскорѣ казаки пустились на многихъ ладіяхъ въ море Черное и, упоенные пораженіемъ Поляковъ, дерзнули ночью войти въ самый проливъ Константинопольскій, овладѣли двумя непріятельскими галерами, причинили значительный вредъ турецкому флоту, возвратились съ богатою добычею. Обладатель мусульманъ не удовольствовался обѣщаніями посланника польскаго, отправилъ тайное повелѣніе къ хану ворваться въ Польшу съ сильнымъ войскомъ; полководцы Сигизмундовы умѣли отразить хищныхъ Татаръ.

---

[1] Переходная мысль отъ А къ Б, выраженная чрезъ противоположеніе (потому: «не такъ было»)—[2] Общая мысль, далѣе развитая въ повѣствованіи опять въ двухъ частяхъ: А) дѣйствія Поляковъ и Б) дѣйствія казаковъ.—[3] Заключительная мысль части А («одушевилъ храбростію») служитъ переходною къ Б.—[4] Общая мысль 4-й части. Ниже — ея развитіе въ двухъ частяхъ: А) мщеніе казаковъ и Б) походъ на Турокъ.—[5] Переходная мысль отъ А къ Б, выраженная чрезъ противоположеніе.—[6] Фактъ внѣ связи съ предъидущимъ.

Неизвѣстно, какая участь постигла Тараса. Должно полагать, что онъ былъ смѣненъ безпокойными Запорожцами, не любившими долго повиноваться одному начальнику, или, можетъ быть, выданъ ими Полякамъ.

Бантышъ-Каменскій.

ИЗЪ „ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО“*.

1. Успѣхи Татаръ при Донскомъ**.

Еще Мамай отлагалъ до удобнѣйшаго времени дѣйствовать всѣми силами противъ великаго князя[1] (ибо въ Ордѣ снова свирѣпствовала тогда язва), однако жъ не упускалъ случая вредить Россіянамъ. Сосѣди Нижегородской области, Мордва, взялись указать Моголамъ безопасный путь въ ея предѣлы, и царевичъ, именемъ Арапша, съ береговъ Синяго, или Аральскаго моря пришедши служить Мамаю, выступилъ съ ханскими полками. Дмитрій Суздальскій извѣстилъ о томъ великаго князя, который немедленно собралъ войско защитить тестя, но долго ждавъ Моголовъ, и надѣясь, что они раздумали идти къ Нижнему, послалъ воеводъ своихъ гнаться за ними, а самъ возвратился въ столицу. Сіе ополченіе состояло изъ ратниковъ переславскихъ, юрьевскихъ, муромскихъ и ярославскихъ: князь Дмитрій Константиновичъ присоединилъ къ нимъ Суздальцевъ подъ начальствомъ сына Іоанна и другаго князя, Симеона Михайловича. Къ несчастію, умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ. Повѣривъ слухамъ, что Арапша далеко, они вздумали за рѣкою Пьяною, на степи Перевозской [2], тѣшиться ловлею звѣрей, какъ дома въ мирное время. Воины слѣдовали сему примѣру безпечности: утомленные зноемъ, сняли съ себя латы и нагрузили ими телѣги; спустивъ одежду съ плечъ, искали прохлады; другіе разсѣялись по окрестнымъ селеніямъ, чтобы пить крѣпкій медъ или пиво. Знамена стояли уединенно: копья, щиты, лежали грудами на травѣ. Однимъ словомъ, вездѣ представлялась глазамъ веселая карна [3] охоты, пиршества, гульбища: скоро представилась иная. Князья

---

* Предисловіе къ «Исторіи Государства Россійскаго» см. въ отд. «Разсужденій».

** Изъ 1-й гл. V т.—Этотъ отрывокъ безпристрастно и правдиво излагаетъ факты, подобно отрывкамъ изъ «Исторіи Малой Россіи». Успѣхъ непріятеля объясненъ въ мысли переходной отъ описанія ополченія къ повѣствованію о его дѣйствіяхъ («Умъ предводителей не отвѣтствовалъ числу воиновъ»).

1 Димитрія Іоанновича. Описанное событіе относится къ 1376 г. — 2 Въ восточной части Нижегородской губ.—3 Матеріалъ для столь подробной картины историкъ заимствовалъ изъ лѣтописи (Никон. лѣт. IV, 51).

Мордовскіе тайно подвели Арапшу, о коемъ говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ карла станомъ, но великанъ мужествомъ, хитръ на войнѣ и свирѣпъ до крайности. Арапша съ пяти сторонъ ударилъ на Россіянъ столь внезапно и быстро, что они не могли ни изготовиться, ни соединиться, и въ общемъ смятеніи бѣжали къ рѣкѣ Пьянѣ, устилая путь своими трупами и неся непріятеля на плечахъ [1]. Погибло множество воиновъ и бояръ: князь Симеонъ Михайловичъ былъ изрубленъ; князь Іоаннъ Дмитріевичъ утонулъ въ рѣкѣ, которая прославилась симъ несчастіемъ (осуждая безразсудность воеводъ Дмитріевыхъ, древніе Россіяне говорили въ пословицу: *за Пьяною люди пьяны*). Татары, одержавъ совершенную побѣду, оставили за собою плѣнниковъ съ добычею и на третій день явились подъ стѣнами Нижняго Новгорода, гдѣ царствовалъ ужасъ: никто не думалъ обороняться. Князь Дмитрій Константиновичъ ушелъ въ Суздаль; а жители спасались въ лодкахъ вверхъ по Волгѣ. Непріятель умертвилъ всѣхъ, кого могъ захватить; сжегъ городъ и, такимъ образомъ наказавъ его за убіеніе пословъ Мамаевыхъ, удалился, обремененный корыстію. Сынъ Дмитрія Константиновича, чрезъ нѣсколько дней пріѣхавъ на сіе горестное пепелище, старался прежде всего обновить обгорѣлую каменную церковь Св. Спаса, чтобы схоронить въ ней тѣло своего несчастнаго брата Іоанна, утонувшаго въ рѣкѣ.

---

2. Состояніе Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III*.

Наконецъ мы видимъ предъ собою цѣль долговременныхъ усилій Москвы: сверженіе ига, свободу отечества. Предложимъ читателю нѣкоторыя мысли о тогдашнемъ состояніи Россіи, слѣдствіи ея двувѣковаго порабощенія [2].

Было время [3], когда она, рожденная, возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ, основаннымъ на развалинахъ западной имперіи народами германскими: имѣя тотъ же характеръ, тѣ же законы, обычаи, уставы государственные, сообщенные намъ варяжскими или нѣмецкими князьями, явилась въ новой политической системѣ Европы съ существенными правами на знаменитость, съ важною выгодою быть подъ вліяніемъ Греціи, единственной державы, не ниспроверженной

---

[1] Августа 2-го.

* Изъ 4-й гл. V-го тома. Образчикъ обозрѣнія исторической эпохи. Поэтому здѣсь преобладаетъ выраженіе понятій высшихъ (родовыхъ), и изложеніе не имѣетъ въ виду нагляднаго изображенія фактовъ.

[2] Вступленіе — [3] Очеркъ Руси до раздробленія ея.

варварами. Правленіе Ярослава Великаго есть, безъ сомнѣнія, сіе счастливое для Россіи время: утвержденная и въ христіанствѣ, и въ порядкѣ государственномъ, она имѣла наставниковъ совѣсти, училища, законы, торговлю, многочисленное войско, флотъ, единодержавіе и свободу гражданскую. Что̀ въ началѣ XI вѣка была Европа?—театромъ помѣстнаго (феодальнаго) тиранства, слабости вѣнценосцевъ, дерзости бароновъ, рабства народнаго, суевѣрія, невѣжества. Умъ Альфреда [1] и Карла Великаго блеснулъ во мракѣ, но не надолго: осталась ихъ память: благодѣтельныя учрежденія и замыслы изчезли вмѣстѣ съ ними [2].

Но раздѣленіе нашего отечества и междоусобныя войны, истощивъ его силы, задержали Россіянъ и въ успѣхахъ гражданскаго образованія [3]. Мы стояли или двигались медленно, когда Европа стремилась къ просвѣщенію. Крестовые походы сообщили ей свѣдѣнія и художества Востока; оживили, распространили ея торговлю. Селенія и города откупились отъ утѣснительной власти бароновъ; государи по собственному движенію давали гражданамъ права и выгоды, благопріятныя для общей пользы, для промышленности и для самыхъ нравовъ; лучшая исправа (полиція) земская начинала обуздывать силу, ограждать безопасностію пути, жизнь и собственность. Обрѣтеніе Юстиніанова кодекса въ Амальфи [4] было счастливою эпохою для европейскаго правосудія: понятія людей о семъ важномъ предметѣ гражданства сдѣлались яснѣе, основательнѣе. Всеобщее употребленіе языка латинскаго доставляло способъ и духовнымъ, и мірянамъ черпать мысли и познанія въ твореніяхъ древнихъ, уцѣлѣвшихъ въ наводненіе варварства. Однимъ словомъ, съ половины XI вѣка состояніе Европы ясно перемѣнилось въ лучшее, а Россія со временъ Ярослава до самого Батыя орошалась кровію и слезами народа. Порядокъ, спокойствіе, столь нужные для успѣховъ гражданскаго общества, непрестанно нарушались мечомъ и пламенемъ княжескихъ междоусобій, такъ что въ XIII вѣкѣ мы уже отставали отъ державъ западныхъ въ государственномъ образованіи [5].

Нашествіе Батыево испровергло Россію [6]; могла угаснуть и послѣдняя искра жизни—къ счастію, не угасла [7]: имя, бытіе сохранилось;

---

[1] *Альфредъ Великій*—король англійскій († 904) сопоставленъ здѣсь съ Карломъ Великимъ, какъ законодатель, основатель школъ, покровитель торговли.—[2] Россія, возвеличенная единовластіемъ, представлена въ сравненіи съ западною Европою.—[3] Очеркъ Руси отъ Ярослава до Іоанна Калиты.—[4] *Амальфи*—городъ въ Италіи, при Салернскомъ заливѣ. — [5] Авторъ указываетъ здѣсь причину задержки русской гражданственности въ раздѣленіи Руси послѣ Ярослава. Съ главною мыслію статьи эта часть приведена въ связь ниже, гдѣ указано содѣйствіе ига возстановленію единодержавія.— [6] Вступительная мысль этой части представляетъ нашествіе Татаръ, какъ новое бѣдствіе, кромѣ вышесказаннаго (раздѣленія Руси): этимъ объясняется гиперболическое выраженіе *испровергло*. Этой 1-й половиной вступительной мысли обѣщается указаніе злой стороны ига.—[7] Этой 2-й половиной вступительной мысли обѣщается указаніе благой стороны ига.

открылся только новый порядокъ вещей, горестный для человѣчества, особенно при первомъ взорѣ: дальнѣйшее наблюденіе открываетъ и въ самомъ злѣ причину блага, и въ самомъ разрушеніи пользу цѣлости.

Сѣнь варварства, омрачивъ горизонтъ Россіи, сокрыла отъ насъ Европу, [1] въ то самое время, когда благодѣтельныя свѣдѣнія и навыки болѣе и болѣе размножались, народъ освобождался отъ рабства, города входили въ тѣсную связь между собою для взаимной защиты въ утѣсненіяхъ; изобрѣтеніе компаса распространило мореплаваніе и торговлю; ремесленники, художники, ученые, ободрялись правительствами; возникли университеты для высшихъ [2] наукъ; разумъ пріучался къ созерцанію, къ правильности мыслей; нравы смягчались; войны утратили свою прежнюю свирѣпость; дворянство уже стыдилось разбоевъ, и благородные витязи славились милосердіемъ къ слабымъ, великодушіемъ, честію; обходительность, людскость, учтивость сдѣлались извѣстны и любимы. Въ сіе же время Россія, терзаемая Моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не изчезнуть: намъ было не до просвѣщенія!

Еслибы Моголы у насъ сдѣлали то же, что̀ въ Китаѣ, въ Индіи, или что̀ Турки въ Греціи; еслибы, оставивъ степь и кочеваніе, переселились въ наши города: то могли бы существовать и донынѣ въ видѣ государства [3]. Къ счастію, суровый климатъ Россіи удалилъ отъ нихъ сію мысль. Ханы желали единственно быть нашими господами *издали*, не вмѣшивались въ дѣла гражданскія, требовали только серебра и повиновенія отъ князей. Но такъ называемые *послы ординскіе и баскаки*, представляя въ Россіи лицо хана, дѣлали, что̀ хотѣли; самые купцы, самые бродяги монгольскіе обходились съ нами, какъ съ слугами презрительными. Что долженствовало быть слѣдствіемъ?—нравственное униженіе людей. Забывъ гордость народную, мы выучились низкимъ хитростямъ рабства, замѣняющимъ силу въ слабыхъ, обманывая Татаръ, болѣе обманывали и другъ друга; откупаясь деньгами отъ насилія варваровъ, стали корыстолюбивѣе и безчувственнѣе къ обидамъ, къ стыду, подверженные наглостямъ иноплеменныхъ тирановъ. Отъ времени Василія Ярославича до Іоанна Калиты (періодъ самый несчастнѣйшій!) отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ [4], нежели на государство; сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ: не только чужіе, но и

---

[1] Авторъ приступаетъ къ повѣствованію о злыхъ слѣдствіяхъ ига снова сравненіемъ Руси съ западною Европою послѣ воздѣйствія на Русь обоихъ бѣдствій: результатъ его—картина обратнаго отношенія сравниваемыхъ предметовъ (см. вып. 2, стр. 181).—[2] Въ подл: *вышнихъ*. — [3] Этимъ предположеніемъ авторъ переходитъ къ изчисленію печальныхъ фактовъ.—[4] С. Соловьевъ считаетъ это выраженіе слишкомъ рѣзкимъ, въ виду извѣстій о состояніи общественной безопасности на Руси во времена позднѣйшія (напр. XVII в.) и сосѣднихъ государствъ въ XIV же вѣкѣ.

свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Когда же сія страшная тьма неустройства начала проясняться, оцѣпенѣніе миновало, и законъ, душа гражданскихъ обществъ, воспрянулъ отъ мертваго сна: тогда надлежало прибѣгнуть къ строгости, неизвѣстной древнимъ Россіянамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жестокія судныя казни[1] означаютъ ожесточеніе сердецъ и бываютъ слѣдствіемъ частыхъ злодѣяній. Добросердечный Мономахъ говорилъ дѣтямъ: «не убивайте виновнаго; жизнь христіанина священна»; не менѣе добросердечный побѣдитель Мамаевъ, Дмитрій[2], установилъ торжественную смертную казнь, ибо не видалъ иного способа устрашать преступниковъ. Легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства: но въ XIV столѣтіи уже вѣшали татей. Россіянинъ Ярославова вѣка зналъ побои единственно въ дракѣ; иго татарское ввело тѣлесныя наказанія[3]: за первую кражу клеймили, за вины государственныя сѣкли кнутомъ. Былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? Мы видѣли злодѣянія и въ нашей древней исторіи: но сіи времена представляютъ намъ черты гораздо ужаснѣйшаго свирѣпства въ изступленіяхъ княжеской и народной злобы; чувство угнетенія, страхъ, ненависть, господствуя въ душахъ, обыкновенно производятъ мрачную суровость во нравахъ. Свойства народа изъясняются всегда обстоятельствами; однако жъ дѣйствіе часто бываетъ долговременнѣе причины: внуки имѣютъ нѣкоторые добродѣтели и пороки своихъ дѣдовъ, хотя живутъ и въ другихъ обстоятельствахъ. Можетъ быть, самый нынѣшній характеръ Россіянъ еще являетъ пятна, возложенныя на него варварствомъ Моголовъ[4].

Нѣкоторые думали, что суевѣріе обезоруживало насъ противъ сихъ тирановъ; что Россіяне видѣли въ нихъ бичъ гнѣва небеснаго и не дерзали возстать на исполнителей вышней мести, подобно какъ чернь донынѣ мыслитъ, что нельзя обыкновенными средствами угасить пожара, произведеннаго молніею. Исторія не доказываетъ того: Россіяне неоднократно изъявляли самую безразсудную дерзость въ усиліяхъ свергнуть иго; не доставало согласія и твердости. Но замѣтимъ, что вмѣстѣ съ благородными чувствами ослабѣла въ насъ тогда и храбрость, питаемая народнымъ честолюбіемъ. Прежде князья дѣйствовали мечомъ, въ сіе время — низкими хитростями, жалобами въ Ордѣ. Древніе полководцы наши, воспаляя мужество въ воинахъ, говорили имъ о стыдѣ и

---

[1] Истязанія были на Руси и ранѣе (о нихъ упоминается въ «Русской правдѣ»), были и по всей Европѣ.—[2] *Установилъ*—не въ смыслѣ «ввелъ», такъ какъ еще Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича.—[3] Выводъ, выраженный въ формѣ *сужденія дѣйствительнаго* безъ достаточнаго для того основанія (см. прим. 2-е). — [4] Сужденіе *проблематическое*, въ которомъ невѣжество Руси, приписанное выше двумъ причинамъ (изъ коихъ одна — *посредственное* вліяніе монгольскаго ига), объясняется *непосредственнымъ* воздѣйствіемъ Монголовъ.—

славѣ: герой Донской битвы о вѣнцахъ мученическихъ [1]. Если мы въ два столѣтія, ознаменованныя духомъ рабства, еще не лишились всей нравственности, любви къ добродѣтели, къ отечеству: то прославимъ дѣйствіе вѣры; она удержала насъ на степени людей и гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ уничиженіи имени русскаго мы возвышали себя именемъ христіанъ и любили отечество, какъ страну православія [2].

Внутренній государственный порядокъ измѣнился [3]. Все, что имѣло видъ свободы и древнихъ гражданскихъ правъ, стѣснилось, изчезало. Князья, смиренно пресмыкаясь въ Ордѣ, возвращались оттуда грозными властелинами: ибо повелѣвали именемъ царя верховнаго. Совершилось при Моголахъ легко и тихо, чего не сдѣлалъ ни Ярославъ Великій, ни Андрей Боголюбскій, ни Всеволодъ III: въ Владимірѣ и вездѣ, кромѣ Новгорода и Пскова, умолкъ вѣчевой колоколъ, гласъ вышняго народнаго законодательства, столь часто мятежный, но любезный потомству Славяно-Россовъ. Сіе отличіе и право городовъ древнихъ уже не было достояніемъ новыхъ: ни Москвы, ни Твери, коихъ знаменитость возникла при Моголахъ. Только однажды упоминается въ лѣтописяхъ о вѣчѣ московскомъ, какъ дѣйствіи чрезвычайномъ, когда столица угрожаемая свирѣпымъ непріятелемъ, оставленная государемъ, видѣла себя въ крайности безъ начальства. Города лишились права избирать тысяцкихъ, которые важностію и блескомъ своего сана возбуждали зависть не только въ княжескихъ чиновникахъ, но и въ князьяхъ [4].

Происхожденіе нашихъ бояръ теряется въ самой глубокой древности [5]: сіе достоинство могло быть еще старѣе княжескаго, означая витязей и гражданъ знатнѣйшихъ, которые въ славянскихъ республикахъ предводительствовали войсками, судили и рядили землю. Хотя оно не было, кажется, никогда наслѣдственнымъ, а только личнымъ; хотя въ Россіи давалось послѣ государемъ [6]: но каждый изъ древнихъ городовъ имѣлъ своихъ особенныхъ бояръ, какъ знатнѣйшихъ чиновниковъ народныхъ, и самые княжескіе бояре пользовались какимъ-то правомъ независимости: такъ въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV вѣка обыкновенно подтверждалась законная свобода бояръ переходить изъ службы одного князя къ другому; недовольный въ Черниговѣ бо-

---

[1] См. рѣчь Изяслава II-го (т. II И. Г. Р.) и рѣчь Димитрія въ описаніи Куликовской битвы («Хрест. для III и IV кл.»).—[2] Историкъ слѣдитъ за тѣми нравственными свойствами народа, которыя какъ падали, такъ и развивались отъ изображаемаго историческаго явленія.—[3] Авторъ переходитъ къ 1-му благому слѣдствію ига: усиленію единовластія.—[4] Вѣчевой колоколъ еще былъ во Владимірѣ и при Іоаннѣ Калитѣ (Прим. Кар.) — [5] Отступленіе: историческій очеркъ одного изъ сословій.—[6] Владиміръ Св. въ 993 г. сдѣлалъ одного храбраго юношу и его отца великими мужами или боярами (прим. Кар.)

яринъ съ своею многочисленною дружиною ѣхалъ въ Кіевъ, въ Галичъ, въ Владиміръ, гдѣ находилъ новыя помѣстья и знаки всеобщаго уваженія. Однимъ словомъ, сіи государственные сановники издревле казались народу мужами верховными и, занимая вездѣ первыя мѣста вокругъ престоловъ, составляли у насъ нѣкоторую аристократію. Но когда южная Россія обратилась въ Литву; когда Москва начала усиливаться, присоединяя къ себѣ города и земли; когда число владѣтельныхъ князей уменьшилось, а власть государева сдѣлалась неограниченнѣе въ отношеніи къ народу: тогда и достоинство боярское утратило свою древнюю важность. Гдѣ бояринъ Василія Темнаго, имъ оскорбленный, могъ искать иной службы въ отечествѣ? Уже и слабая Тверь готовилась зависѣть отъ Москвы. Власть народная также благопріятствовала силѣ бояръ, которые, дѣйствуя чрезъ князя на гражданъ, могли и чрезъ послѣднихъ дѣйствовать на перваго,—сія опора изчезла. Надлежало или повиноваться государю, или быть измѣнникомъ, бунтовщикомъ; не оставалось средины и никакого законнаго способа противиться князю. Однимъ словомъ, рождалось самодержавіе [1].

Сія перемѣна, безъ сомнѣнія непріятная для тогдашнихъ гражданъ и бояръ, оказалась величайшимъ благодѣяніемъ судьбы для Россіи [2]! Удержавъ нѣкоторыя обыкновенія свободы, естественной только въ малыхъ областяхъ, предки наши не могли обуздывать ими воли государя единодержавнаго, каковъ былъ Владиміръ Святый или Ярославъ Великій, но пользовались оными во время раздробленія государства, и бореніе двухъ властей, княжеской съ народною, еще болѣе ослабляло силу его. Если Римъ спасался диктаторомъ въ случаѣ великихъ опасностей, то Россія, обширный трупъ послѣ нашествія Батыева, могла ли инымъ способомъ оживиться и воскреснуть въ величіи? Требовалось единой и тайной мысли для намѣренія, единой руки для исполненія: ни шумные сонмы народные, ни медленныя думы аристократіи не произвели бы сего дѣйствія. Народъ и въ самомъ уничиженіи ободряется и совершаетъ великое, но служа только орудіемъ, движимый, одушевляемый силою правителей. Власть боярская производила у насъ только *боярскія смуты*. Совѣтъ Вельможъ иногда внушаетъ мудрость государю, но часто волнуется страстями. Бояре не рѣдко питали междоусобіе князей россійскихъ; не рѣдко даже судились съ ними въ Ордѣ, обнося ихъ предъ ханами. Самодержавіе, искоренивъ сіи злоупотребленія, устранило важныя препятствія на пути Россіи къ независимости, и такимъ образомъ возникало вмѣстѣ съ единодержавіемъ до временъ Іоанна III, которому надле-

---

[1] Умозаключеніе раздѣлительное («надлежало — самодержавіе»). —[2] Этимъ изложеніе возвращается къ повѣствованію о благихъ слѣдствіяхъ ига (см. вып. 5-ю, стр. 184).

жало совершить то и другое.... Лучше, если бы кто нибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастіе возстановленіемъ единовластія въ Россіи и правилами самодержавія, ей свойственнаго, оградилъ ея внѣшнюю безопасность и внутреннюю тишину: но въ два вѣка не случилось того. Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ княжескихъ междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя?—вѣроятно, погибелью нашего отечества[1]. Литва, Польша, Венгрія, Швеція, могли бы раздѣлить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытіе и вѣру, которыя спаслись Москвою: Москва же обязана своимъ величіемъ ханамъ.

Однимъ изъ достопамятныхъ слѣдствій татарскаго господства надъ Россіею было возвышеніе нашего духовенства, размноженіе монаховъ и церковныхъ имѣній[2]. Политика хановъ, утѣсняя народъ и князей, покровительствовала церковь и ея служителей; изъявляла особенное къ нимъ благоволеніе: ласкала митрополитовъ и епископовъ; снисходительно внимала ихъ смиреннымъ моленіямъ, и часто изъ уваженія къ пастырямъ прелагала гнѣвъ на милость къ паствѣ. Мы видѣли, какъ св. Алексѣй Митрополитъ успокоивалъ отечество своимъ ходатайствомъ въ Ордѣ. Знатнѣйшіе люди, отвращаемые отъ міра всеобщимъ государственнымъ бѣдствіемъ, искали мира душевнаго въ святыхъ обителяхъ, и мѣняя одежду княжескую, боярскую, на мантію инока, способствовали тѣмъ знаменитости духовнаго сана, въ коемъ даже и государи обыкновенно заключали жизнь. Ханы подъ смертною казнію запрещали своимъ подданнымъ грабить, тревожить монастыри, обогащаемые вкладами, имѣніемъ движимымъ и недвижимымъ. Всякій, готовясь умереть, что нибудь отказывалъ церкви, особенно во время язвы, которая столь долго опустошала Россію. Владѣнія церковныя, свободныя отъ налоговъ ордынскихъ и княжескихъ, благоденствовали... Кромѣ тогдашней набожности, соединенной съ высокимъ понятіемъ о достоинствѣ монашеской жизни, одни мірскія преимущества влекли людей толпами изъ селъ и городовъ въ тихія, безопасныя обители, гдѣ слава благочестія награждалась не только уваженіемъ, но и достояніемъ, гдѣ гражданинъ укрывался отъ насилія и бѣдности, не сѣялъ и пожиналъ! Весьма немногіе изъ нынѣшнихъ монастырей россійскихъ были основаны прежде или послѣ Татаръ;—всѣ другіе остались памятникомъ сего времени...

Такимъ образомъ, имѣвъ вредныя слѣдствія для нравственности Россіянъ, но благопріятствовавъ власти государей и выгодамъ духовенства, господство Моголовъ оставило ли какіе иные слѣды въ народныхъ

---

[1] Проблематическое сужденіе введено для подтвержденія предъидущаго также проблематическаго сужденія («могло пройти...»).—[2] Авторъ переходитъ ко 2-му благому слѣдствію ига.

обычаяхъ, въ гражданскомъ законодательствѣ, въ языкѣ Россіянъ[1]? Слабые обыкновенно заимствуютъ отъ сильныхъ. Князья, бояре, купцы, ремесленники наши живали въ улусахъ, а вельможи и купцы ординскіе въ Москвѣ и другихъ городахъ. Но Татары были сперва идолопоклонники, послѣ Магометане: мы называли ихъ обычаи *погаными*; и чѣмъ удобнѣе принимали византійскіе, освященные для насъ христіанствомъ, *тѣмъ болѣе* гнушались татарскими, соединяя ихъ въ нашемъ понятіи съ ненавистнымъ зловѣріемъ. Къ тому же, не смотря на униженіе рабства, мы чувствовали свое гражданское превосходство въ отношеніи къ народу кочующему. Слѣдствіемъ было, что Россіяне вышли изъ-подъ ига болѣе съ европейскимъ, нежели азіатскимъ характеромъ. Европа насъ не узнавала не потому, что она въ сіи 250 лѣтъ измѣнилась, а потому, что мы остались, какъ были[2]..... Не ослѣпляясь народнымъ самолюбіемъ, скажемъ, что Россіяне сихъ вѣковъ въ сравненіи съ другими Европейцами могли по справедливости казаться невѣждами; однако жъ не утратили всѣхъ признаковъ гражданскаго образованія и доказали, сколько оно *живуще* подъ самыми сильными ударами варварства!

Человѣкъ, преодолѣвъ жестокую болѣзнь[3], увѣряется въ дѣятельности своихъ жизненныхъ силъ и тѣмъ болѣе надѣется на долголѣтіе: Россія, угнетенная, подавленная всякими бѣдствіями, уцѣлѣла и возстала въ новомъ величіи, такъ что исторія едва ли представляетъ намъ два примѣра въ семъ родѣ. Вѣря Провидѣнію, можемъ ласкать себя мыслію, что оно назначило Россіи быть долговѣчною.

---

3. Бракъ Іоанна III съ Софіею *.

Судьба Іоанна ознаменовалась новымъ величіемъ посредствомъ брака, важнаго и счастливаго для Россіи: ибо слѣдствіемъ онаго бы-

---

[1] Этимъ вопросомъ авторъ переходитъ къ очерку гражданственности Русскихъ, сохраненной ими во время ига.—[2] Въ подл.: «не для того, что..., а мы остались....»—[3] Этимъ сравненіемъ начинается заключеніе (долговѣчность Россіи).

* Изъ второй главы VI-го тома. Содержаніе вступленія этого отрывка—въ связи съ очеркомъ царствованія Іоанна III, которымъ Карамзинъ начинаетъ главу. Здѣсь разсказываемый фактъ (бракъ съ Софіею) разсматривается, какъ осуществленіе перваго изъ двухъ, указанныхъ тамъ, результатовъ Іоаннова царствованія (*величія* и славы). Въ виду этого—извлечены изъ источниковъ и черты событія. Въ концѣ вступленія понятіе *величіе* логически раздѣлено.—Въ слѣдующей за тѣмъ 1-й части повѣствованія о сватовствѣ предпосланъ очеркъ событій въ Византіи (соображенія папы, которыя и указаны причиною сватовства).—Въ II части указываются мнѣніе царя и общественное мнѣніе Русскихъ о сватовствѣ, какъ причина принятія предложенія папы. Въ III части повѣствуется пріѣздѣ о Софіи, обрученіи и вѣнчаніи. Источники дали возможность изоб-

ло то, что Европа съ любопытствомъ и съ почтеніемъ обратила взоръ на Москву, дотолѣ едва извѣстную; что государи и народы просвѣщеннѣйшіе захотѣли нашего дружества; что мы, вступивъ въ непосредственныя сношенія съ ними, узнали много новаго, полезнаго какъ для внѣшней силы государственной, такъ и для внутренняго гражданскаго благоденствія [1].

Послѣдній императоръ греческій, Константинъ Палеологъ, имѣлъ двухъ братьевъ, Димитрія и Ѳому, которые подъ именемъ Деспотовъ господствуя въ Пелопонесѣ или Мореѣ, ненавидѣли друга друга, воевали между собою и тѣмъ довершили торжество Магомета II: Турки владѣли Пелопонесомъ. Димитрій искалъ милости въ султанѣ, отдалъ дочь свою въ сераль и получилъ отъ него въ удѣлъ городъ Энъ во Ѳракіи; но Ѳома, гнушаясь невѣрными, съ дѣтьми, съ знатнѣйшими Греками ушелъ изъ Корфу въ Римъ. Ѳома умеръ въ Римѣ. Сыновья его, Андрей и Мануилъ, жили благодѣяніями новаго папы Павла II, не заслуживая оныхъ своимъ поведеніемъ, весьма легкомысленнымъ и соблазнительнымъ, но юная сестра ихъ, дѣвица, именемъ Софія, одаренная красотою и разумомъ, была предметомъ общаго доброжелательства. Папа искалъ ей достойнаго жениха, и замышляя тогда воздвигнуть всѣхъ государей европейскихъ на опаснаго для самой Италіи Магомета II, хотѣлъ симъ бракомъ содѣйствовать видамъ своей политики. Къ удивленію многихъ, Павелъ обратилъ взоръ на великаго князя Іоанна, по совѣту, можетъ быть, славнаго кардинала Виссаріона: сей ученый Грекъ издавна зналъ единовѣрную Москву и возрастающую силу ея государей, извѣстныхъ и Риму по дѣламъ ихъ съ Литвою, съ Нѣмецкимъ орденомъ, и въ особенности по Флорентійскому собору, гдѣ митрополитъ нашъ Исидоръ представлялъ столь важное лицо въ церковныхъ преніяхъ[2]. Отдаленность, благопріятствуя баснословію, рождала слухи о несмѣтномъ богатствѣ и многочисленности Россіянъ. Папа надѣялся вопервыхъ чрезъ царевну Софію, воспитанную въ правилахъ Флорентійскаго соединенія, убѣдить Іоанна къ принятію оныхъ и тѣмъ подчинить себѣ нашу церковь; вовторыхъ, лестнымъ для его честолюбія свойствомъ съ Палеологами возбудить въ немъ ревность къ освобожденію Греціи отъ ига магометанства. Вслѣдствіе сего намѣренія кардиналъ Виссаріонъ, въ качествѣ нашего едино-

---

разить только поѣздку Софіи со всѣми подробностями, въ живой картинѣ. Судьба Ивана Фрязина и флорентійскаго вопроса составляютъ содержаніе IV-й части.— Заключеніе выводитъ слѣдствія брака Іоанна III.—Источники автора указаны ниже въ примѣчаніяхъ.

[1] Историкъ привѣтствуетъ государственную *силу*, какъ условіе гражданскаго *благоденствія*. Такъ онъ объясняетъ ея значеніе и вездѣ въ своей исторіи.—[2] *Флорентійскій соборъ*, созванный папою Евгеніемъ IV, въ 1438—39 г. (послѣдняя попытка къ примиренію греческой церкви съ латинскою).

вѣрца, отправилъ Грека, именемъ Юрія, съ письмомъ къ великому князю (въ 1469 году), предлагая ему руку Софіи, знаменитой дочери Деспота Морейскаго, которая будто бы отказала двумъ женихамъ, королю французскому и герцогу медіоланскому, не желая быть супругою государя латинской вѣры. Вмѣстѣ съ Юріемъ пріѣхали въ Москву два Венеціанина, Карлъ и Антонъ, братъ и племянникъ Ивана Фрязина, денежника или монетчика, который уже давно находился въ службѣ великаго князя, переселясь къ намъ, какъ вѣроятно, изъ Тавриды и принявъ вѣру греческую.

Сіе важное посольство весьма обрадовало Іоанна; но слѣдуя правиламъ своего обыкновеннаго хладнокровнаго благоразумія, онъ требовалъ совѣта отъ матери, митрополита Филиппа, знатнѣйшихъ бояръ: всѣ думали согласно съ нимъ, что самъ Богъ посылаетъ ему столь знаменитую невѣсту, *отрасль царственнаго древа, коего тѣнь покоила* нѣкогда *все христіанство* православное, нераздѣленное; что сей благословенный союзъ, напоминая Владиміровъ, сдѣлаетъ Москву какъ бы новою Византіею и дастъ монархамъ нашимъ права императоровъ греческихъ. Великій князь желалъ чрезъ собственнаго посла удостовѣриться въ личныхъ достоинствахъ Софіи, и велѣлъ для того Ивану Фрязину ѣхать въ Римъ, имѣя довѣренность къ сему венеціанскому уроженцу, знакомому съ обычаями Италіи. Посолъ возвратился благополучно, осыпанный ласками Павла II и Виссаріона; увѣрилъ Іоанна въ красотѣ Софіи и вручилъ ему живописный образъ ея вмѣстѣ съ листами отъ папы для свободнаго проѣзда нашихъ пословъ въ Италію за невѣстою... Между тѣмъ сей папа умеръ, и слухъ пришелъ въ Москву, что мѣсто его заступилъ Калистъ; великій князь въ 1472 году, генваря 17, отправилъ того же Ивана Фрязина со многими людьми въ Римъ, чтобы привезти оттуда царевну Софію, и далъ ему письмо къ новому папѣ. Но дорогою узнали послы, что преемникъ Павловъ называется Сикстомъ: они не хотѣли возвратиться для переписанія грамоты; вычистивъ въ ней имя Калиста, написали Сикстово, и въ маѣ прибыли въ Римъ. Папа, Виссаріонъ и братья Софіины приняли ихъ съ отмѣнными почестями.

...Іюня 12 собралися кардиналы для переговоровъ съ россійскими послами, которые увѣряли папу о ревности ихъ монарха къ благословенному соединенію церквей. Сикстъ IV, такъ же какъ и Павелъ II, имѣя надежду изгнать Магомета изъ Царяграда, хотѣлъ, чтобы государь московскій склонилъ хана Золотой Орды воевать Турцію. Послы Іоанновы отвѣтствовали, что Россіи легко воздвигнуть Татаръ на султана; что они своимъ несмѣтнымъ числомъ могутъ еще подавить Европу и Азію; что для сего нужно только послать въ Орду тысячъ десять золотыхъ ефимковъ и богатые, особенные дары хану, коему удобно сдѣлать впаденіе въ султанскія области чрезъ Паннонію; но что король венгерскій едва ли согласится пропустить столь многочисленное вой-

ско чрезъ свою державу, что сіи вѣроломные наемники, въ случаѣ неисправнаго платежа, бываютъ злѣйшими врагами того, кто ихъ нанялъ; что побѣда Татаръ оказалась бы равно бѣдственной и для Турокъ, и для христіанъ. Однимъ словомъ, послы московскіе старались доказать, что неблагоразумно искать помощи въ Ордѣ, и папа удовольствовался надеждою на собственныя силы Іоанна, единовѣрца Грековъ и естественнаго непріятеля ихъ утѣснителей [1]. Такъ говорятъ церковныя лѣтописи римскія о посольствѣ московскомъ. Дѣйствительно ли великій князь манилъ папу обѣщаніями принять уставъ Флорентійскаго собора, или Иванъ Фрязинъ клеветалъ на государя, употребляя во зло его довѣренность, или католики, обманывая самихъ себя, не то слышали и писали, что̀ говорилъ посолъ нашъ,—сіе остается неяснымъ.

Папа далъ Софіи богатое вѣно и послалъ съ нею въ Россію легата, именемъ Антонія, провождаемаго многими Римлянами; а царевичи Андрей и Мануилъ отправили посломъ къ Іоанну Грека Димитрія. Невѣста имѣла свой особенный дворъ, чиновниковъ и служителей: къ нимъ присоединились и другіе Греки, которые надѣялись обрѣсти въ единовѣрной Москвѣ второе для себя отечество. Папа взялъ нужныя мѣры для безопасности Софіи на пути, чтобы во всѣхъ городахъ встрѣчали царевну съ надлежащею честью, давали ей съѣстные припасы, лошадей, проводниковъ, въ Италіи и Германіи, до самыхъ областей московскихъ. 24 іюня она выѣхала изъ Рима, сентября 1 прибыла въ Любекъ, откуда 10 числа отправилась на лучшемъ кораблѣ въ Ревель; 21 сентября вышла тамъ на берегъ и жила девять дней, пышно угощаемая на иждивеніе ордена. Гонецъ Ивана Фрязина спѣшилъ изъ Ревеля чрезъ Псковъ и Новгородъ въ Москву съ извѣстіемъ, что Софія благополучно переѣхала море. Посолъ московскій встрѣтилъ ее въ Дерптѣ, привѣтствуя именемъ государя и Россіи [2].

Между тѣмъ вся область Псковская была въ движеніи: правители готовили дары, запасъ, медъ и вина для царевны; разсылали всюду гонцовъ; украшали суда, лодки; и 11 октября выѣхали на Чудское озеро, къ устью Эмбаха, встрѣтить Софію, которая со всѣми ея многочисленными спутниками тихо подъѣзжала къ берегу. Посадники, бояре, вышедши изъ судовъ и наливъ виномъ кубки, ударили челомъ своей будущей великой княгинѣ. Достигнувъ наконецъ земли Русской, гдѣ Провидѣніе сулило ей жить и царствовать, видя знаки любви, слыша усердныя привѣтствія Россіянъ, она не хотѣла медлить часу на берегу Ливонскомъ: степенный посадникъ принялъ ее и всѣхъ бывшихъ съ

---

[1] Всѣ сіи любопытныя подробности находятся въ Райнальдѣ (Annal Eccl. 1471). Къ сожалѣнію, онъ сгорѣлъ у меня въ Москвѣ вмѣстѣ съ моею библіотекою во вр. нашествія Французовъ (Прим. Карамз.).—[2] См. Никон., Ростовск., Архивск.., Псковск. лѣт. и Арнта Liefl. Chr. (Прим. Кар.).

нею на суда. Два дни плыли озеромъ; ночевали у св. Николая въ Устьяхъ; и 13-го октября остановились въ монастырѣ Богоматери: тамъ игуменъ съ братіею отслужилъ за Софію молебенъ; она одѣлась въ *царскія ризы*, и встрѣченная псковскимъ духовенствомъ у городскихъ воротъ, пошла въ соборную церковь, гдѣ народъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на папскаго легата Антонія, на его червленую одежду, высокую епископскую шапку, перчатки, и на серебряное литое распятіе, которое несли предъ нимъ. Къ соблазну нашихъ христіанъ правовѣрныхъ, сей легатъ, вступивъ въ церковь, не поклонился святымъ иконамъ; но Софія велѣла ему приложиться къ образу Богоматери, замѣтивъ общее негодованіе. Тѣмъ болѣе народъ плѣнился царевною, которая съ живѣйшимъ усердіемъ молилась Богу, наблюдая всѣ обряды греческаго закона. Изъ церкви повели ее въ великокняжескій дворецъ. По тогдашнему обыкновенію гостепріимство изъявлялось дарами: бояре и купцы поднесли Софіи пятьдесятъ рублей деньгами, а Ивану Фрязину десять рублей. Признательная къ усердію Псковитянъ, она чрезъ пять дней, выѣзжая оттуда, сказала имъ ласково: «Спѣшу къ моему и вашему государю: благодарю чиновниковъ, бояръ и весь великій Псковъ за угощеніе, и рада при всякомъ случаѣ ходатайствовать въ Москвѣ по дѣламъ вашимъ».—Въ Новгородѣ была ей такая же встрѣча отъ архіепископа, посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и купцовъ; но царевна спѣшила въ Москву, гдѣ Іоаннъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ[1].

Уже Софія находилась въ пятнадцати верстахъ отъ столицы, когда великій князь призвалъ бояръ на совѣтъ, чтобы рѣшить свое недоумѣніе. Легатъ папскій, желая имѣть болѣе важности въ глазахъ Россіянъ, во всю дорогу ѣхалъ съ латинскимъ *крыжомъ*: т. е. предъ нимъ въ особенныхъ саняхъ везли серебряное распятіе, о коемъ мы выше упоминали. Великій князь не хотѣлъ оскорбить легата, но опасался, чтобы Москвитяне, увидавъ сей торжественный обрядъ иновѣрія, не соблазнились, и желалъ знать мнѣніе бояръ. Нѣкоторые думали, согласно съ нашимъ посломъ, Иваномъ Фрязинымъ, что не должно запрещать того изъ уваженія къ папѣ; другіе, что доселѣ въ землѣ русской не оказывалось почестей латинской вѣрѣ; что примѣръ и гибель Исидора[2] еще въ свѣжей памяти. Іоаннъ отнесся къ митрополиту Филиппу, и сей старецъ съ жаромъ отвѣтствовалъ: «Буде ты позволишь въ благовѣрной Москвѣ нести крестъ передъ латинскимъ епископомъ, то онъ внидетъ въ единыя врата, а я, отецъ твой, изъиду другими вонъ изъ града. Чтить вѣру чуждую есть унижать собственную». Великій князь немедленно послалъ боярина Ѳеодора Давидовича взять

---

[1] См. Арх. Псковск. лѣт. т. 6981 (Пр. Карамз.).—[2] Исидоръ, по возвращеніи съ Флорентійскаго собора въ Москву (1441) обличенъ царемъ, народомъ и соборомъ епископовъ въ отступничествѣ отъ православія, заключенъ подъ стражу, но бѣжалъ въ Римъ, гдѣ сталъ кардиналомъ († 1462).

крестъ у легата и спрятать въ сани. Легатъ повиновался, хотя и съ неудовольствіемъ: тѣмъ болѣе спорилъ Иванъ Фрязинъ, осуждая митрополита. «Въ Италіи (говорилъ онъ) честили пословъ великокняжескихъ: слѣдственно въ Москвѣ надобно честить папскаго». Сей Фрязинъ, будучи въ Римѣ, таилъ перемѣну вѣры своей, сказывался католикомъ, и въ самомъ дѣлѣ, принявъ греческій законъ въ Россіи только для мірскихъ выгодъ, внутренно исповѣдывалъ латинскій, считая насъ суевѣрами. Но бояринъ Ѳеодоръ Даниловичъ исполнилъ повелѣніе государя.

Царевна въѣхала въ Москву 12 ноября, рано поутру, при стеченіи любопытнаго народа. Митрополитъ встрѣтилъ ее въ церкви: принявъ его благословеніе, она пошла къ матери Іоанновой, гдѣ увидѣлась съ женихомъ. Тутъ совершилось обрученіе, послѣ чего слушали обѣдню въ деревянной соборной церкви Успенія (ибо старая каменная была разрушена, а новая не достроена). Митрополитъ служилъ со всѣмъ знатнѣйшимъ духовенствомъ и великолѣпіемъ греческихъ обрядовъ; наконецъ обвѣнчалъ Іоанна съ Софіею, въ присутствіи его матери, сына, братьевъ, множества князей и бояръ, легата Антонія, Грековъ и Римлянъ. На другой день легатъ и посолъ Софіиныхъ братьевъ, торжественно представленные великому князю, вручили ему письма и дары.

Въ то время, когда дворъ и народъ праздновали свадьбу государя, главный пособникъ сего счастливаго брака Иванъ Фрязинъ вмѣсто чаемой награды заслужилъ оковы. Возвращаясь первый разъ изъ Рима чрезъ Венецію и называясь великимъ бояриномъ московскимъ, онъ былъ обласканъ дожемъ[1] Николаемъ Троно, который, узнавъ отъ него о тѣсныхъ связяхъ Россіянъ съ Моголами Золотой орды, вздумалъ отправить туда посла чрезъ Москву, чтобы склонить хана къ нападенію на Турцію. Сей посолъ, именемъ Иванъ Батистъ Тревизанъ, дѣйствительно пріѣхалъ въ нашу столицу съ грамотою отъ дожа къ великому князю и съ просьбою, чтобы онъ велѣлъ проводить его къ хану Ахмату; но Иванъ Фрязинъ уговорилъ Тревизана не отдавать государю ни письма, ни обыкновенныхъ даровъ; обѣщалъ и безъ того доставить ему нужное для путешествія въ орду, и пришедши съ нимъ къ великому князю, назвалъ сего посла купцомъ венеціанскимъ, своимъ племянникомъ. Ложь ихъ открылась прибытіемъ Софіи: легатъ папскій и другіе изъ ея спутниковъ, зная лично Тревизана — зная также, съ чѣмъ онъ посланъ въ Москву — сказали о томъ государю. Іоаннъ, взыскательный, строгій до суровости, въ гнѣвѣ своемъ за дерзкій обманъ, велѣлъ Фрязина оковать цѣпями, сослать въ Коломну, домъ разорить, жену и дѣтей взять подъ стражу, а Тревизана казнить смертію.

---

[1] *Дожъ* — глава Венеціанской республики.

Едва легатъ папскій и Греки могли спасти жизнь сего послѣдняго усерднымъ за него ходатайствомъ, умоливъ государя, чтобы онъ прежде обослался съ сенатомъ и дожемъ венеціанскимъ.

Ласкаемый въ Москвѣ, посолъ римскій, согласно съ даннымъ ему отъ папы наставленіемъ, домогался, чтобы Россія приняла уставъ Флорентійскаго собора. Можетъ быть, Іоаннъ, во время сватовства искавъ благосклонности папы, давалъ сію надежду словами двусмысленными, но будучи уже супругомъ Софіи, не хотѣлъ о томъ слышать. Лѣтописецъ говоритъ, что легатъ Антоній имѣлъ пренія съ нашимъ митрополитомъ Филиппомъ, но безъ малѣйшаго успѣха; что митрополитъ, опираясь на особую мудрость какого-то Никиты, московскаго книжника, ясно доказалъ истину греческаго исповѣданія, и что Антоній, не находя сильныхъ возраженій, самъ прекратилъ споръ, сказавъ: «нѣтъ книгъ со мною». Пробывъ одиннадцать недѣль въ Москвѣ, легатъ и посолъ Софіиныхъ братьевъ отправились назадъ въ Италію съ богатыми дарами для папы и царевичей отъ великаго князя, сына его и Софіи, которая, по извѣстію нѣмецкихъ историковъ, обѣщавъ Сиксту IV наблюдать внушенныя ей правила западной церкви, обманула его и сдѣлалась въ Москвѣ ревностною христіанкою вѣры греческой.

Главнымъ дѣйствіемъ сего брака (какъ мы уже замѣтили) было то, что Россія стала извѣстнѣе въ Европѣ, которая чтила въ Софіи племя древнихъ императоровъ византійскихъ и, такъ сказать, провождала ее глазами до предѣловъ нашего отечества; начались государственныя сношенія, пересылки; увидѣли Москвитянъ дома и въ чужихъ земляхъ, говорили объ ихъ странныхъ обычаяхъ, но угадывали и могущество. Сверхъ того, многіе Греки, пріѣхавши къ намъ съ царевною, сдѣлались полезны въ Россіи своими знаніями въ художествахъ и языкахъ, особенно въ латинскомъ, необходимомъ тогда для внѣшнихъ дѣлъ государственныхъ; обогатили спасенными отъ турецкаго владычества книгами московскія церковныя библіотеки и способствовали велелѣпію нашего двора сообщеніемъ ему пышныхъ обрядовъ византійскаго, такъ что съ сего времени столица Іоаннова могла дѣйствительно именоваться новымъ Царемъ-градомъ, подобно древнему Кіеву. Слѣдственно паденіе Греціи, содѣйствовавъ возрожденію наукъ въ Италіи, имѣло счастливое вліяніе и на Россію. Нѣкоторые знатные Греки выѣхали къ намъ послѣ изъ самаго Константинополя.... Софія звала къ себѣ и братьевъ, но Мануилъ предпочелъ дворъ Магомета II, уѣхалъ въ Царьградъ и тамъ, осыпанный благодѣяніями султана, провелъ остатокъ жизни въ изобиліи: Андрей же два раза пріѣзжалъ въ Москву и выдалъ дочь свою Марію за сына Василія Михайловича Верейскаго, однако жъ возвратился въ Римъ. Кажется, что онъ былъ недоволенъ великимъ княземъ, ибо въ духовномъ завѣщаніи отказалъ свои права на Восточную имперію не ему, а иновѣр-

нымъ государямъ Кастиліи, Фердинанду и Елисаветѣ [1], хотя Іоаннъ, по свойству съ царями греческими, принялъ и гербъ ихъ, орла двуглаваго, соединивъ его на своей печати съ московскимъ: т. е. на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой всадникъ, попирающій дракона, съ надписью: «Великій Князь, Божіею милостію Государь всея Руси[2]».

4. Покореніе Твери *.

Хитрою внѣшнею политикою утверждая безопасность государства, Іоаннъ возвеличилъ его внутри новымъ успѣхомъ единовластія. Онъ уже покорилъ Новгородъ, взялъ Двинскую землю, завоевалъ Пермь отдаленную; но въ осьмидесяти верстахъ отъ Москвы видѣлъ Россійское особенное княжество, державу равнаго себѣ государя, по крайней мѣрѣ именемъ и правами. Со всѣхъ сторонъ окруженная московскими владѣніями, Тверь еще возвышала независимую главу свою, какъ малый островъ среди моря, ежечасно угрожаемый потопленіемъ.

Князь Михаилъ Борисовичъ, шуринъ Іоанновъ, зналъ опасность и не вѣрилъ ни свойству, ни грамотамъ договорнымъ, коими сей государь утвердилъ его независимость: надлежало по первому слову смиренно оставить тронъ или защитить себя иноземнымъ союзомъ. Одна Литва могла служить ему опорою, хотя и весьма слабою, какъ то свидѣтельствовалъ жребій Новагорода; но личная ненависть Казимирова къ великому князю, примѣръ бывшихъ тверскихъ владѣтелей, искони друзей Литвы, и легковѣріе надежды, вселяемое страхомъ въ малодушныхъ, обратили Михаила къ королю; будучи вдовцомъ, онъ вздумалъ жениться на его внукѣ и вступилъ съ нимъ въ тѣсную связь. Дотолѣ Іоаннъ, въ нужныхъ случаяхъ располагая тверскимъ войскомъ, оставлялъ шурина въ покоѣ: узнавъ же о семъ тайномъ союзѣ, и, какъ вѣроятно, обрадованный справедливымъ поводомъ къ разрыву, немедленно объявилъ Михаилу войну (въ 1485 году). Сей князь, затрепетавъ, спѣшилъ умилостивить Іоанна жертвами: отказался отъ имени *равнаго* ему брата, призналъ себя *младшимъ*, уступилъ Москвѣ нѣкоторыя земли, обязался всюду ходить съ нимъ на войну. Тверской епископъ былъ посредникомъ, и великій князь, желая обыкновенно казаться умѣреннымъ, долготерпѣливымъ, отсрочилъ гибель сей державы. Въ мирной договорной грамотѣ, тогда написанной, сказано, что Михаилъ разрываетъ союзъ съ королемъ и безъ вѣдома Іоаннова не долженъ имѣть съ нимъ никакихъ сношеній... ни съ россійскими бѣглецами; что онъ

---

[1] См. Дю-Канжа Hist. Bysant., стр. 248. Елисавета Кастильская извѣстнѣе подъ именемъ Изабеллы (Пр. Карамз.)—[2] См. Собр. Государ. Гр. т. I. 333. Вел. Кн. началъ употреблять сей гербъ съ 1497 г. (Пр. Кар.).

* Изъ 4-й главы VI-го тома.

клянется за себя и за дѣтей своихъ во вѣки не поддаваться Литвѣ; что великій князь обѣщаетъ не вступаться въ Тверь и проч. Но сей договоръ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ тверской независимости: Іоаннъ въ умѣ своемъ рѣшилъ ея судьбу, какъ прежде новогородскую; началъ тѣснить землю и подданныхъ Михаиловыхъ: если они чѣмъ нибудь досаждали Москвитянамъ, то онъ грозилъ и требовалъ ихъ казни; а если Москвитяне отнимали у нихъ собственность и дѣлали имъ самыя несносныя обиды, то не было ни суда, ни управы. Михаилъ писалъ и жаловался: его не слушали. Тверитяне, видя, что уже не имѣютъ защитника въ своемъ государѣ, искали его въ московскомъ... Что оставалось Михаилу? Готовить себѣ убѣжище въ Литвѣ. Онъ послалъ туда вѣрнаго человѣка: его задержали, и представили Іоанну письмо Михаилово къ королю, достаточное свидѣтельство измѣны и вѣроломства: ибо князь тверской обѣщалъ не сноситься съ Литвою, а въ семъ письмѣ возбуждалъ еще Казимира противъ Іоанна. Несчастный Михаилъ отправилъ въ Москву епископа и князя Холмскаго съ извиненіями: ихъ не приняли. Іоаннъ велѣлъ намѣстнику новогородскому, боярину Якову Захарьевичу, идти со всѣми силами ко Твери, а самъ, провождаемый сыномъ и братьями, выступилъ изъ Москвы 21 августа со многочисленнымъ войскомъ и съ огнестрѣльнымъ снарядомъ (ввѣреннымъ искусному Аристотелю); сентября 8 осадилъ Михаилову столицу и зажегъ предмѣстье. Чрезъ два дня явились къ нему всѣ тайные его доброжелатели тверскіе, князья, бояре, оставивъ государя своего въ несчастіи. Михаилъ видѣлъ необходимость или спасаться бѣгствомъ или отдаться въ руки Іоанну; рѣшился на первое, и ночью ушелъ въ Литву. Тогда епископъ, князь Михаилъ Холмскій съ другими князьями, боярами и земскими людьми, сохранивъ до конца вѣрность къ ихъ законному властителю, отворили городъ Іоанну, вышли и поклонились ему, какъ общему монарху Россіи. Великій князь послалъ бояръ своихъ и дьяковъ взять присягу съ жителей; запретилъ воинамъ грабить; 15 сентября въѣхалъ въ Тверь, слушалъ литургію въ храмѣ Преображенія и торжественно объявилъ, что даруетъ сіе княжество сыну, Іоанну Іоанновичу; оставилъ его тамъ и возвратился въ Москву. Черезъ нѣкоторое время онъ послалъ бояръ своихъ въ Тверь, въ Старицу, Зубцовъ, Опоки, Клинъ, Холмъ, Новогородокъ, описать всѣ тамошнія земли и раздѣлить ихъ на сохи для платежа казенныхъ податей.

Столь легко изчезло бытіе Тверской знаменитой державы, которая отъ временъ святаго Михаила Ярославича именовалась *великимъ* княженіемъ и долго спорила съ Москвою о первенствѣ. Ея народъ, уступая другимъ Россіянамъ въ промышленности, славился мужествомъ и вѣрностію къ государямъ. Князья тверскіе имѣли до 40,000 коннаго войска; но будучи врагами московскихъ, не хотѣли участвовать

въ великомъ подвигѣ нашего освобожденія и тѣмъ лишились права на общее сожалѣніе въ ихъ бѣдствіи.

---

5. Возстановленіе русской государственной независимости.

Покореніе Новагорода есть важная эпоха сего славнаго княженія; слѣдуетъ другая еще важнѣйшая—торжественное возстановленіе нашей государственной независимости, соединенное съ конечнымъ паденіемъ Большой, или Золотой Орды. Тутъ ясно открылась мудрость Іоанновой политики, которая неусыпно искала дружбы хановъ таврическихъ, чтобы силою ихъ обуздывать Ахмата и Литву. Не долго Зенебекъ господствовалъ въ Тавридѣ: Менгли-Гирей изгналъ его, воцарился снова и прислалъ извѣстить о томъ Іоанна, который немедленно отправилъ къ нему гонца съ поздравленіемъ, а скоро (въ 1480 году) и боярина, князя Ивана Звенца. Сей посолъ долженъ былъ сказать хану, что великій князь изъ особенной къ нему дружбы принялъ къ себѣ не только изгнаннаго царя Зенебека, но и двухъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ.... жившихъ прежде въ Литвѣ, дабы отнять у нихъ способъ вредить ему; что государь согласенъ дѣйствовать съ Менгли-Гиреемъ противъ Ахмата, если онъ будетъ ему поборникомъ противъ Казимира Литовскаго. На сихъ условіяхъ надлежало послу заключить союзъ съ ханомъ: для чего и дали ему *шертную* или клятвенную грамоту съ повелѣніемъ изъяснить вельможамъ крымскимъ, сколь усердно государь доброжелательствуетъ ихъ царю. Сверхъ того бояринъ Звенецъ имѣлъ порученіе отдать хану наединѣ тайную грамоту, утвержденную крестнымъ цѣлованіемъ и золотою печатью: сею грамотою, по желанію Менгли-Гирея написанною, великій князь обязывался дружески принять его въ Россіи, буде онъ въ третій разъ лишится престола; не только обходиться съ нимъ, какъ съ государемъ вольнымъ, независимымъ, но и способствовать ему всѣми силами къ возвращенію царства. Испытавъ непостоянство судьбы, умный, добрый Менгли-Гирей хотѣлъ взять мѣры на случай ея новыхъ превратностей и заблаговремено изготовить себѣ убѣжище; сія печальная мысль расположила его къ самому вѣрному дружеству съ Іоанномъ. Бояринъ Звенецъ успѣлъ совершенно въ дѣлѣ своемъ: заключили союзъ, искренностію и политикой утвержденный, условились вмѣстѣ воевать или мириться; наблюдать всѣ движенія Ахмата и Литвы; тайно или явно мѣшать ихъ замысламъ, вреднымъ для той или другой стороны; наконецъ обѣимъ державамъ, Москвѣ и Крыму, дѣйствовать какъ единой во всѣхъ случаяхъ.

Увѣренный въ дружбѣ Менгли-Гирея и въ собственныхъ силахъ, Іоаннъ, по извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, рѣшился вывести Ахмата изъ заблужденія и торжественно объявилъ свободу Россіи слѣ-

дующимъ образомъ. Сей ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ требовать дани. Ихъ представили къ Іоанну: онъ взялъ *басму* [1] (или образъ царя), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами; велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: «спѣши объявить царю видѣнное тобою; что сдѣлалось съ его *басмою* и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ.» Ахматъ воскипѣлъ яростію. «Такъ поступаетъ рабъ нашъ, князь московскій!» говорилъ онъ своимъ вельможамъ и началъ собирать войско. Другіе лѣтописцы, согласнѣе съ характеромъ Іоанновой осторожности и съ послѣдствіями, приписываютъ ополченіе ханское единственно внушеніямъ Казимировымъ. Съ ужасомъ видя возрастающее величіе Россіи, сей государь послалъ одного служащаго ему князя татарскаго, именемъ Акирея Муратовича, въ Золотую Орду, склонять Ахмата къ сильному впаденію въ Россію, обѣщая съ своей стороны сдѣлать то же. Время казалось благопріятнымъ: Орда была спокойна; племянникъ Ахматовъ, именемъ Касыда, долго споривъ съ дядею о царствѣ, наконецъ съ нимъ примирился. Злобствуя на великаго князя за его ослушаніе [2] и недовольный умѣренностію даровъ его, ханъ условился съ королемъ, чтобы Татарамъ идти изъ волжскихъ улусовъ къ Окѣ, а Литовцамъ къ берегамъ Угры, и съ двухъ сторонъ въ одно время вступить въ Россію. Первый сдержалъ слово, и лѣтомъ (въ 1480 году) двинулся къ предѣламъ московскимъ со всею ордою, съ племянникомъ Касыдою, съ шестью сыновьями и множествомъ князей татарскихъ. Къ ободренію враговъ нашихъ служила тогда и несчастная распря Іоаннова съ братьями...

Услышали въ Москвѣ о походѣ Ахмата, который шелъ медленно, ожидая вѣстей отъ Казимира. Іоаннъ все предвидѣлъ: какъ скоро Золотая Орда двинулась, Менгли-Гирей, вѣрный его союзникъ, по условію съ нимъ напалъ на Литовскую Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ содѣйствія съ Ахматомъ. Зная же, что сей послѣдній оставилъ въ своихъ улусахъ только женъ, дѣтей и старцевъ, Іоаннъ велѣлъ крымскому царевичу Нордоулату и воеводѣ звенигородскому, князю Василію Ноздроватому, съ небольшимъ отрядомъ сѣсть на суда и плыть туда Волгою, чтобы разгромить беззащитную Орду или по крайней мѣрѣ устрашить хана. Москва въ нѣсколько дней наполнилась ратниками. Передовое войско уже стояло на берегу Оки. Сынъ великаго князя, Младый Іоаннъ, выступилъ со всѣми полками изъ столицы въ Серпуховъ 8 іюня; а дядя его, Андрей Меньшій—изъ своего удѣла. Самъ государь еще оставался въ Москвѣ недѣль шесть; наконецъ, свѣдавъ о приближеніи Ахмата къ Дону, 28 іюля отправился въ Коломну, поручивъ храненіе столицы дядѣ своему Михаилу Андрееви-

[1] *Басма*—тисненіе, изображеніе, снимокъ (Пр. Кар.). — [2] Потому, что Іоаннъ не захотѣлъ ѣхать къ нему въ Орду (Пр. Кар.).

чу Верейскому и боярину князю Ивану Юрьевичу, духовенству, купцамъ и народу. Кромѣ митрополита находился тамъ архіепископъ ростовскій Вассіанъ, старецъ ревностный ко славѣ отечества. Супруга Іоаннова выѣхала съ дворомъ своимъ въ Дмитровъ, откуда на судахъ удалилась къ предѣламъ Бѣлаозера; а мать его, инокиня Марѳа, внявъ убѣжденіямъ духовенства, къ утѣшенію народа осталась въ Москвѣ.

Великій князь принялъ самъ начальство надъ войскомъ прекраснымъ и многочисленнымъ, которое стояло на берегахъ Оки рѣки, готовое къ битвѣ. Вся Россія съ надеждою и страхомъ ожидала слѣдствій. Іоаннъ былъ въ положеніи Дмитрія Донскаго, шедшаго сразиться съ Мамаемъ: имѣлъ полки лучше устроенные, воеводъ опытнѣйшихъ, болѣе славы и величія; но зрѣлостію лѣтъ, природнымъ хладнокровіемъ, осторожностію располагаемый не вѣрить слѣпому счастію которое иногда бываетъ сильнѣе доблести въ битвахъ, онъ не могъ спокойно думать, что одинъ часъ рѣшитъ судьбу Россіи; что всѣ его великодушные замыслы, всѣ успѣхи медленные, постепенные, могутъ кончиться гибелію нашего войска, развалинами Москвы, новою тягчайшею неволею отечества, и единственно *отъ нетерпѣнія*: ибо Золотая Орда нынѣ или завтра долженствовала изчезнуть по ея собственнымъ, внутреннимъ причинамъ разрушенія. Димитрій побѣдилъ Мамая, чтобы видѣть пепелъ Москвы и платить дань Тохтамышу; гордый Витовтъ, презирая остатки Кипчакскаго ханства, хотѣлъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ, и погубилъ рать свою на берегахъ Ворсклы. Іоаннъ имѣлъ славолюбіе не воина, а государя; а слава послѣдняго состоитъ въ цѣлости государства, не въ личномъ мужествѣ; цѣлость, сохраненная осмотрительною уклончивостью, славнѣй гордой отважности, которая подвергаетъ народъ бѣдствію. Сіи мысли казались благоразуміемъ великому князю и нѣкоторымъ изъ бояръ, такъ что онъ желалъ, если можно, удалить рѣшительную битву.

Ахматъ, слыша, что берега Оки къ Рязанскимъ предѣламъ вездѣ заняты Іоанновымъ войскомъ, пошелъ отъ Дона мимо Мценска, Одоева и Любутска къ Угрѣ[1], въ надеждѣ соединиться тамъ съ королевскими полками, или вступить въ Россію съ той стороны, откуда его не ожидали. Великій князь, давъ повелѣніе сыну и брату идти къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, самъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ жители посадовъ перебиралися въ Кремль съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ и, видя Іоанна, вообразили, что онъ бѣжитъ отъ хана. Многіе кричали въ ужасѣ: „Государь выдаетъ насъ Татарамъ! отягощалъ землю налогами и не платилъ дани ордынской! разгнѣвалъ царя и не стоитъ за отечество!“ Сіе неудовольствіе народное, по словамъ одного лѣтописца, столь огорчило великаго князя, что онъ

[1] *Угра*—рѣка, вытекающая въ Смоленской губ. и впадающая въ Оку на 11 верстъ выше Калуги.

не въѣхалъ въ Кремль, но остановился въ Красномъ селѣ, объявивъ, что прибылъ въ Москву для совѣта съ матерью, духовенствомъ и боярами. „Иди же смѣло на врага!“ сказали ему единодушно всѣ духовные и мірскіе сановники. Архіепископъ Вассіанъ, сѣдой, ветхій старецъ, въ великодушномъ порывѣ ревностной любви къ отечеству, воскликнулъ: „Смертнымъ ли бояться смерти? Рокъ неизбѣженъ. Я старъ и слабъ, но не убоюся меча татарскаго, не отвращу лица моего отъ его блеска.“ Іоаннъ желалъ видѣть сына и велѣлъ ему быть въ столицѣ съ Даніиломъ Холмскимъ. Сей пылкій юноша не поѣхалъ, отвѣтствуя родителю: „ждемъ Татаръ“; а Холмскому: „лучше мнѣ умереть здѣсь, нежели удалиться отъ войска“. Великій князь уступилъ общему мнѣнію и далъ слово крѣпко противоборствовать хану. Въ сіе время онъ помирился съ братьями, коихъ послы находились въ Москвѣ; обѣщалъ жить съ ними дружно, надѣлить ихъ новыми волостями, требуя единственно, чтобы они спѣшили къ нему съ своею воинскою дружиною для спасенія отечества. Мать, митрополитъ. архіепископъ Вассіанъ, добрые совѣтники, а всего болѣе опасность Россіи, къ чести обѣихъ сторонъ, прекратили вражду единокровныхъ.— Іоаннъ взялъ мѣры для защиты городовъ; отрядилъ Дмитровцевъ въ Переславль, Москвитянъ въ Дмитровъ; велѣлъ сжечь посады вокругъ столицы, и 3 октября, принявъ благословеніе отъ митрополита, поѣхалъ къ войску. Никто ревностнѣе духовенства не ходатайствовалъ тогда за свободу отечества и за необходимость утвердить оную мечомъ...

Іоаннъ пріѣхалъ въ Кременецъ,[1] городокъ на берегу Лужи, и далъ знать воеводамъ, что будетъ оттуда управлять ихъ движеніями. Полки наши, расположенные на шестидесяти верстахъ, ждали непріятеля, отразивъ легкій передовой отрядъ его, который искалъ переправы черезъ Угру. 8 октября, на восходѣ солнца, вся сила ханская подступила къ сей рѣкѣ. Сынъ и братъ великаго князя стояли на противномъ берегу. Съ обѣихъ сторонъ пускались стрѣлы: Россіяне дѣйствовали и пищалями. Ночь прекратила битву. На другой, третій и четвертый день опять сражались издали. Видя, что наши не бѣгутъ и стрѣляютъ мѣтко, въ особенности изъ пищалей, Ахматъ удалился за двѣ версты отъ рѣки, сталъ на обширныхъ лугахъ и распустилъ войско по Литовской землѣ для собранія съѣстныхъ припасовъ. Между тѣмъ многіе Татары выѣзжали изъ стана на берегъ и кричали нашимъ: „Дайте путь царю, или онъ силою дойдетъ до великаго князя, а вамъ будетъ худо.“

Миновало нѣсколько дней. Іоаннъ совѣтовался съ воеводами: всѣ изъявляли бодрость, хотя и говорили, что силы непріятельскія велики. Но онъ имѣлъ двухъ любимцевъ, боярина Ощеру и Григорія Мамона,

---

[1] *Кременецъ*—нынѣ уѣздный городъ Волынской губ.

коего мать была сожжена княземъ Іоанномъ Можайскимъ за мнимое волшебство; сіи, какъ сказано въ лѣтописи, тучные вельможи любили свое имѣніе, женъ и дѣтей гораздо болѣе отечества, и не преставали *шептать* государю, что лучше искать мира. Они смѣялись надъ геройствомъ нашего духовенства, которое, не имѣя понятія о случайностяхъ войны, хочетъ кровопролитія и битвы; напоминали великому князю о судьбѣ его родителя Василія Темнаго, плѣненнаго Татарами; не устыдились думать, что государи московскіе, издревле обязывая себя клятвою не поднимать руки на хановъ, не могутъ безъ вѣроломства воевать съ ними. Сіи внушенія дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, что были согласны съ правилами собственнаго опасливаго ума Іоаннова. Любимцы его жалѣли своего богатства,—онъ жалѣлъ своего величія, снисканнаго трудами осьмнадцати лѣтъ, и не увѣренный въ побѣдѣ, мыслилъ сохранить оное дарами, учтивостями, обѣщаніями. Однимъ словомъ, государь послалъ боярина Ивана Ѳедоровича Товаркова съ мирными предложеніями къ Ахмату и князю ординскому Темиру. Но царь не хотѣлъ слушать ихъ, отвергнулъ дары и сказалъ боярину: «я пришелъ сюда наказать *Ивана* за его неправду, за то, что онъ не ѣдетъ ко мнѣ, не бьетъ челомъ и уже *девять* лѣтъ не платилъ дани. Пусть самъ явится предо мною: тогда князья наши будутъ за него ходатайствовать, и я могу оказать ему милость». Темиръ также не взялъ даровъ, отвѣтствуя, что Ахматъ гнѣвенъ, и что Іоаннъ долженъ у *царскаго стремени* вымолить себѣ прощеніе. Великій князь не могъ унизиться до такой степени раболѣпства. Получивъ отказъ, Ахматъ сдѣлался снисходительнѣе и велѣлъ объявить Іоанну, чтобы онъ прислалъ сына или брата, или хотя вельможу Никифора Басенка, угодника ординскаго. Государь и на то не согласился. Переговоры кончились.

Свѣдавъ объ нихъ, митрополитъ Геронтій, архіепископъ Вассіанъ и Паисій, игуменъ Троицкій, убѣдительными грамотами напоминали великому князю обѣтъ его стоять крѣпко за отечество и вѣру....

Прочитавъ письмо Вассіана, достойное великой души безсмертнаго мужа, Іоаннъ, какъ сказано въ лѣтописи, *исполнился веселія, мужества и крѣпости*; не мыслилъ болѣе о средствахъ мира, но мыслилъ единственно о средствахъ побѣды и готовился къ битвѣ. Скоро прибыли къ нему братья его Андрей и Борисъ, съ ихъ многочисленною дружиною: не было ни упрековъ, ни извиненій, ни условій; единокровные обнялись съ видомъ искренней любви, чтобы вмѣстѣ служить отечеству и христіанству.

Прошло около двухъ недѣль въ бездѣйствіи. Россіяне и Татары смотрѣли другъ на друга чрезъ Угру, которую первые называли *поясомъ Богоматери*, охраняющимъ московскія владѣнія. Ахматъ послалъ лучшую конницу къ Городищу Опакову и велѣлъ ей украдкою переплыть Оку: воеводы Іоанновы не пустили Татаръ на свой берегъ. Ахматъ злобился; грозилъ, что морозы откроютъ ему путь черезъ рѣки; ждалъ

Литовцевъ и зимы. О Литовцахъ не было слуха; но въ исходѣ октября настали сильные морозы: Угра покрылась льдомъ, и великій князь приказалъ всѣмъ нашимъ воеводамъ отступить къ Кременцу, чтобы сразиться съ ханомъ на поляхъ Боровскихъ, удобнѣйшихъ для битвы.

Такъ говорилъ онъ; такъ, вѣроятно, и мыслилъ. Но бояре и князья изумились, а воины оробѣли, думая, что Іоаннъ страшится и не хочетъ битвы. Поляки не отступали, но бѣжали отъ непріятеля, который могъ ударить на нихъ съ тылу. Сдѣлалось чудо, по словамъ лѣтописцевъ: Татары, видя лѣвый берегъ Угры оставленный Россіянами, вообразили, что они манятъ ихъ въ сѣти и вызываютъ на бой, приготовивъ засады: объятый страннымъ ужасомъ, ханъ спѣшилъ удалиться. Представилось зрѣлище удивительное: два воинства бѣжали другъ отъ друга, никѣмъ не гонимыя! Россіяне наконецъ остановились; но Ахматъ ушелъ во-свояси, разоривъ въ Литвѣ двѣнадцать городовъ за то, что Казимиръ не далъ ему помощи. Такъ кончилось сіе послѣднее нашествіе ханское на Россію: царь не могъ ворваться въ ея предѣлы; не вывелъ ни одного плѣнника московскаго. Только сынъ его Амуртоза на возвратномъ пути захватилъ часть нашей Украйны, но былъ немедленно изгнанъ оттуда братьями великаго князя, посланными съ войскомъ вслѣдъ за непріятелемъ. Одинъ лѣтописецъ казанскій удовлетворительно изъясняетъ сіе бѣгство Ахматово, сказывая, что крымскій царевичъ Нордоулатъ и князь Василій Ноздроватый счастливо исполнили повелѣніе Іоанново: достигли Орды, взяли Юртъ Батыевъ (вѣроятно Сарай), множество плѣнниковъ, добычи, и могли бы въ конецъ истребить сіе гнѣздо нашихъ злодѣевъ, еслибы уланъ [1] Нордоулатовъ, именемъ Обуязъ, не помѣшалъ тому своими представленіями. «Что дѣлаешь?» сказалъ онъ своему царевичу: «вспомни, что сія древняя Орда есть наша общая мать; всѣ мы отъ нея родились. Ты исполнилъ долгъ чести и службы московской: нанесъ ударъ Ахмату: довольно; не губи остатковъ». Нордоулатъ удалился, а ханъ, свѣдавъ о разореніи улусовъ[2], оставилъ Россію, чтобы защитить свою собственную землю. Сіе обстоятельство служитъ къ чести Іоаннова ума: заблаговременно взявъ мѣры отвлечь Ахмата отъ Россіи, великій князь ждалъ ихъ дѣйствія, и для того не хотѣлъ битвы. Но всѣ другіе лѣтописцы славятъ единственно милость Божію и говорятъ: «Да не похвалятся легкомысленные страхомъ ихъ оружія! Нѣтъ, не оружіе и не мудрость человѣческая, но Господь спасъ нынѣ Россію!» Іоаннъ, распустивъ войско, съ сыномъ и съ братьями пріѣхалъ въ Москву славословить Всевышняго за побѣду, данную ему безъ кровопролитія. Онъ не увѣнчалъ себя лаврами, какъ побѣдитель Мамаевъ, но утвердилъ вѣнецъ на главѣ своей и незави-

---

[1] *Уланы*—такъ называлась прежде азіатская милиція; въ XVII в. уланы, полки легкой кавалеріи, введены въ регулярныя европейскія войска.—[2] *Улусъ*—поселеніе кочевниковъ монгольскихъ.

симость государства. Народъ веселился, а митрополитъ уставилъ особенный ежегодный праздникъ Богоматери и крестный ходъ іюня 23 въ память освобожденія Россіи отъ ига Моголовъ: ибо здѣсь конецъ нашему рабству. Ахматъ имѣлъ участь Мамая[1]....

Замѣтимъ тогдашнее расположеніе умовъ. Не смотря на благоразумныя мѣры, взятыя Іоанномъ для избавленія отъ злобы Ахматовой; не смотря на бѣгство непріятеля, на цѣлость войска и державы,— Москвитяне, веселясь и торжествуя, не были совершенно довольны государемъ: ибо думали, что онъ не явилъ въ семъ случаѣ свойственнаго великимъ душамъ мужества и пламенной ревности жертвовать собою за честь, за славу отечества. Осуждали, что Іоаннъ, готовясь къ войнѣ послалъ супругу въ отдаленныя сѣверныя земли, думая о личной ея безопасности болѣе, нежели о столицѣ, гдѣ надлежало ободрить народъ присутствіемъ великокняжескаго семейства. Строго осуждали и Софію, что она безъ всякой явной опасности бѣгала съ знатнѣйшими женами боярскими изъ мѣста въ мѣсто, не хотѣла даже остаться и въ Бѣлозерскѣ, уѣхала далѣе къ морю, и на пути позволяла многочисленнымъ слугамъ своимъ грабить жителей, какъ непріятелей. И такъ славнѣйшее дѣло Іоанново для потомства, конечное сверженіе ханскаго ига, въ глазахъ современниковъ не имѣло полной чистой славы, обнаруживъ въ немъ, по ихъ мнѣнію, боязливость или нерѣшительность, хотя сія мнимая слабость происходитъ иногда отъ самой глубокой мудрости человѣческой, которая не есть Божественная и, предвидя многое, знаетъ, что не предвидитъ всего.

---

7. Первое посольство въ Константинополь.

Менгли-Гирей[2] прислалъ Іоанну въ даръ яхонтовый перстень Магомета II и старался утвердить султана Баязета[3] въ благосклонномъ къ намъ расположеніи. Хотя посолъ турецкій и не доѣхалъ до Москвы, однако жъ Іоаннъ рѣшился тогда отправить своего въ Константинополь, чтобы изъявить признательность султану за его доброе намѣреніе, и поручилъ сіе дѣло Михаилу Андреевичу Плещееву; ханъ крымскій далъ ему письма и вожатыхъ[4]. Цѣлію посольства было доставить нашимъ купцамъ безопасность и свободу въ торговлѣ съ областями султанскими: по крайней мѣрѣ въ бумагахъ онаго не упоминается ни о чемъ иномъ; сказано только, чтобы Плещеевъ въ изъявленіяхъ Іоаннова дружества къ Баязету и къ юному сыну его, Магмеду Шихзодѣ, Кафинскому султану, строго наблюдалъ достоинство

---

[1] Въ сей день бываетъ въ Москвѣ крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь (Пр. Кар.).—[2] *Менли-Гирей*—ханъ татарскій изъ династіи Гиреевъ, происходившихъ отъ Тохтамыша.—[3] *Баязетъ* II—сынъ Магомета II-го, наслѣдовавшій ему въ 1481 г.—[4] въ 1497 году.

великаго князя; чтобы *правилъ имъ поклонъ стоя, не на колѣнахъ*, и никому изъ другихъ пословъ не уступалъ мѣста: чтобы говорилъ единственно султану, а не пашамъ и проч. Плещеевъ, исполняя въ точности наказъ государевъ, своею гордостію удивилъ дворъ Баязетовъ. Обласканный пашами въ Константинополѣ и слыша, что его на другой день представятъ султану, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ ихъ даровъ, которые состояли въ драгоцѣнной одеждѣ, ни десяти тысячъ оттоманскихъ денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и сказалъ присланному отъ нихъ чиновнику: „Мнѣ съ пашами нѣтъ рѣчи; ихъ платья не надѣну; денегъ не хочу; буду говорить только съ султаномъ. Однако жъ Баязетъ отпустилъ Плещеева съ ласковою отвѣтною грамотою и сдѣлалъ все, чего требовалъ Іоаннъ въ разсужденіи нашихъ купцовъ. „Государь Россійскій," писалъ онъ Менгли-Гирею, съ коимъ искренно желаю быть въ любви, прислалъ ко мнѣ какого-то невѣжу; для сего не посылаю моихъ людей въ Россію, опасаясь, чтобы ихъ тамъ не оскорбили. Уважаемый отъ востока до Запада, не хочу подвергнуть себя такому стыду. Пусть сынъ мой, правитель Кафы, сносится съ Іоанномъ." Но соблюдая учтивость, Баязетъ не жаловался самому великому князю на его посла и писалъ къ нему слѣдующее: „Ты отъ чистаго сердца прислалъ *добраго* мужа къ *моему порогу;* онъ видѣлъ меня и вручилъ мнѣ твою грамоту, которую я приложилъ къ своему сердцу, видя, что желаешь быть намъ другомъ. Послы и гости твои да ѣздятъ часто въ мою землю: они увидятъ и скажутъ тебѣ нашу правду, равно и сей, ѣдущій назадъ въ свое отечество. Дай Богъ, чтобы онъ благополучно возвратился съ *нашимъ великимъ поклономъ* къ тебѣ и ко всѣмъ друзьямъ твоимъ; ибо кого ты любишь, того и мы любимъ." Столь мирно и дружелюбно началось государственное сношеніе Россіи съ Оттоманскою державою! Ни та, ни другая не могла предвидѣть, что судьба готовитъ ихъ къ ужасному взаимному противоборству, коему надлежало рѣшить паденіе магометанскихъ царствъ въ мірѣ и первенство христіанскаго оружія!

---

8. Обозрѣніе политической дѣятельности Іоанна III*.

Іоаннъ III принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить на долго судьбу народовъ: онъ

---

* Изъ 7-й гл. VI-го тома.—Это обозрѣніе помѣщено здѣсь вслѣдъ за описаніемъ кончины Іоанна III (27 октября 1505 г., въ первомъ часу ночи, 66 лѣтъ отъ рожденія).—Введеніе указываетъ кратко общее значеніе Іоаннова государствованія въ связи съ событіями всей Европы (гдѣ «началась новая эпоха»).—Въ главной части обозрѣвается политическая дѣятельность Іоанна въ сравненіи съ дѣятельностію предшественниковъ («Россія около трехъ вѣковъ—

есть герой не только россійской, но и всемірной исторіи. Не теряясь въ сомнительныхъ умствованіяхъ метафизики, не дерзая опредѣлить вышнихъ намѣреній Божества, внимательный наблюдатель видитъ счастливыя и бѣдственныя эпохи въ лѣтописяхъ гражданскаго общества, какое-то согласное теченіе мірскихъ случаевъ[1] къ единой цѣли, или связь между оными для произведенія какого-нибудь главнаго дѣйствія, измѣняющаго состояніе рода человѣческаго[2]. Іоаннъ явился на ѳеатрѣ политическомъ въ то время, когда новая государственная система вмѣстѣ съ новымъ могуществомъ государей возникла въ цѣлой Европѣ на развалинахъ системы феодальной, или помѣстной. Власть королевская усилилась въ Англіи, во Франціи. Испанія свободная отъ ига Мавровъ, сдѣлалась первостепенною державою. Португалія цвѣла, пріобрѣтая богатство успѣхами мореплаванія и важными для торговли открытіями. Раздѣленная Италія хвалилась по крайней мѣрѣ флотами, купечествомъ, искусствами, науками и тонкою политикою[3]. Безпечность и равнодушіе императора Фридерика IV[4], не могли успокоить Германіи, волнуемой междоусобіями; но сынъ его Максимиліанъ уже готовилъ въ умѣ своемъ счастливую перемѣну для ея внутренняго состоянія, которой надлежало возвысить достоинство императорское, униженное слабодушіемъ Рудольфовыхъ преемниковъ, и поставить домъ австрійскій на вышнюю степень величія. Венгрія, Богемія, Польша, управляемыя тогда Гедиминовымъ родомъ, составляли какъ бы одну державу и вмѣстѣ съ Австріею могли обуздывать ужасное для христіанъ властолюбіе Баязета. Соединеніе трехъ государствъ сѣверныхъ, обѣщая имъ силу и важность въ политической системѣ Европы, было предметомъ усилій короля датскаго[5]. Республика Швейцарская, основанная любовію къ вольности, безопасная въ оградѣ твердынь Альпій-

---

не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ»): въ двухъ періодахъ очерчена вся политическая дѣятельность Іоанна въ общихъ чертахъ (въ 1-мъ—перечисленіемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствій какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, во 2-мъ—раскрытіемъ въ нихъ національной политики); эта часть оканчивается выводомъ («Слѣдствіемъ было то... враговъ внѣшнихъ»). 2-я половина этой статьи можетъ служить образцомъ **періодическаго слога**, гдѣ форма періода вызывается логическими требованіями совмѣстнаго обозрѣнія многихъ сторонъ предмета.

[1] *Мірскихъ случаевъ*—событій въ мірѣ. Карамзинъ часто употребляетъ слово *случай* въ значеніи *событіе*, не различая въ первомъ отсутствіе признака необходимости, что̀ въ данномъ предложеніи противорѣчитъ смыслу опредѣляемыхъ словъ: «теченіе *къ единой цѣли*».—[2] См. теор. повѣств. § 3.—[3] Въ этомъ сужденіи видимъ послѣдовательность историка при объясненіи истиннаго величія государства: *раздѣленное* государство не можетъ *славиться*, и потому сказано: «хвалились»; потому же прибавлено и «по крайней мѣрѣ.»—[4] «*Фридрихъ IV*—послѣдній германскій императоръ, вѣнчанный въ Римѣ († 1485)—[5] Дочь Вальдемара IV-го, Маргарита, въ супружествѣ съ Гакономъ VIII Норвежскимъ, соединила чрезъ Кальмарскій союзъ (1397) всѣ три Скандинавскія державы подъ своимъ скипетромъ; это продолжалось и при Христофѣ до его смерти († 1448 г.)

скихъ, но побуждаемая честолюбіемъ и корыстію, хотѣла славы участвовать въ распряхъ монарховъ сильнѣйшихъ и заслуживала оную храбростію своихъ пастырей. Ганза, сей торговый и воинскій союзъ осьмидесяти пяти городовъ нѣмецкихъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ и весьма достопамятный въ отношеніи къ древней Россіи—пользовалась всеобщимъ уваженіемъ государей и народовъ. Личная слава Плеттенбергова возвысила достоинство ордена ливонскаго и нѣмецкаго.— Кромѣ успѣховъ власти монархической и разумной политики, которая произвела сношенія между самыми отдаленными государствами; кромѣ лучшаго гражданскаго состоянія, если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ державъ—вѣкъ Іоанновъ ознаменовался великими открытіями. Гутенбергъ и Фаустъ изобрѣли книгопечатаніе [1], которое болѣе всего способствовало распространенію знаній, едва ли уступая въ важности и пользѣ изобрѣтенію буквъ. Колумбъ открылъ новый міръ [2], привлекательный для хищнаго корыстолюбія и торговли, любопытный для испытателей естества и для философа, который, видя тамъ человѣчество въ состояніи дикой природы и всѣ начальныя степени ума гражданскаго, исторіею Америки объяснилъ для себя всемірную. Драгоцѣнныя произведенія Индіи достигали Азова чрезъ Персію и море Каспійское, путемъ многотруднымъ, медленнымъ, невѣрнымъ: сія страна, древнѣйшая населеніемъ, образованіемъ, художествами, скрывалась отъ Европейцевъ какъ бы за щитомъ непроницаемымъ, и темные объ ней слухи рождали басни о несмѣтныхъ ея богатствахъ. Смѣлые порывы нѣкоторыхъ мореплавателей обойти Африку увѣнчались наконецъ совершеннымъ успѣхомъ, и Васко-де-Гама, оставивъ за собою мысъ Доброй Надежды, съ такимъ же восторгомъ увидѣлъ берегъ Индіи, съ какимъ Христофоръ Колумбъ Америку [3]. Сіи два открытія, обогативъ Европу, распространивъ ея мореплаваніе, умноживъ промышленность, свѣдѣнія, роскошь и пріятности гражданской жизни, имѣли сильное вліяніе на судьбу державъ. Политика сдѣлалась хитрѣе, дальновиднѣе, многосложнѣе: при заключеніи государственныхъ договоровъ министры смотрѣли на географическіе чертежи и вычисляли торговые прибытки, основывая на нихъ государственное могущество; родились новыя связи между народами; однимъ словомъ, началась новая эпоха, если не для мирнаго счастія людей, то по крайней мѣрѣ для ума, для силы правительствъ, и для общественнаго духа государствъ благопріятная.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ граж-

---

[1] Первая напечатанная ими книга—Библія, вышла въ 1455 и 1456 году.—
[2] Христофоромъ Колумбомъ открыта Вестъ-Индія въ 1492 и 93 гг., устье Ориноко въ 1498, и берегъ Гондурасъ и Костарика въ 1502 г.—[3] *Васко-де-Гама* прибылъ въ Калькуту въ маѣ 1498 г.

данской жизни народовъ. Хотя ничто не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго [1]. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги ханскаго. Великодушный Дмитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюдалъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни [2], заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность Новогородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь Сибирскихъ и Норвежской Лапландіи, — изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства [3]. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ

---

[1] Періодъ уступительный, въ протазисѣ котораго указано подготовленіе предшественниками Іоанна III той перемѣны, которая въ аподозисѣ означена метафорой: *вышла изъ сумрака тѣней*. Дальнѣйшій рядъ синтаксическихъ цѣлыхъ — до изложеній дѣйствій Іоанна — есть развитіе протазиса. — [2] Это сравненіе находится въ связи съ вышеуказанной метафорой: *сумрака тѣней*.—[3] Рядъ періодовъ (три), симметрично построенныхъ, составляетъ развитіе аподозиса вышеуказаннаго уступительнаго періода. Симметрія ихъ состоитъ въ томъ, что у всѣхъ протазисы выражены въ формѣ причастной или дѣепричастной. Она сообщаетъ изложенію форму параллелизма.—Во всѣхъ сихъ періодахъ аподозисы заключаютъ сужденія историка о дѣйствіяхъ Іоанна (сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей Европы; далъ себѣ мудрыя правила; изобрѣлъ благоразумнѣйшую систему войны и мира): протазисы 2-хъ первыхъ періодовъ изла-

вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа [1]. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила голову свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

---

9. Общій характеръ царствованія Василія *.

Государствованіе Василія казалось только продолженіемъ Іоаннова. Будучи подобно отцу ревнителемъ самодержавія, твердымъ, непреклоннымъ, хотя и менѣе строгимъ, онъ слѣдовалъ тѣмъ же правиламъ въ политикѣ внѣшней и внутренней; рѣшилъ [2] важныя дѣла въ совѣтѣ бояръ учениковъ и сподвижниковъ Іоанновыхъ; ихъ мнѣніемъ утверждая собственное, являлъ скромность въ дѣйствіяхъ монархической власти, но умѣлъ повелѣвать; любилъ выгоды мира, не страшась войны, и не упуская случая къ пріобрѣтеніямъ важнымъ для государственнаго могущества; менѣе славился воинскимъ счастіемъ, болѣе опасною для враговъ хитростію; не унизилъ Россіи, даже возвеличилъ оную, и послѣ Іоанна еще казался достойнымъ самодержавія.

гаютъ данныя, обѣщающія противоположныя сужденія о дѣйствіяхъ Іоанна (рожденный и воспитанный въ Ордѣ, безъ ученія,.. руководимый однимъ умомъ). протазисъ 3-го—данныя согласныя съ дѣйствіями, изложенными въ аподозисѣ (возстановляя Россію, губя царство Батыя, обрывая Литву, сокрушая Новгородъ, захватывая удѣлы, расширяя предѣлы Россіи). Кромѣ того 1-й изъ сихъ періодовъ обращая на себя вниманіе тѣмъ, что, будучи восходящимъ, послѣ главныхъ предложеній присоединяетъ члены нисходящіе, заключающіе описаніе фактическихъ основаній указанныхъ сужденій (чтимый, ласкаемый, не уступая первенства).—[1] Ту же форму замѣчаемъ въ періодѣ: «Бракосочетаніемъ... дѣла чуждыя»; здѣсь такое же противоположеніе протазиса съ аподозисомъ, какъ въ указанныхъ выше 2-хъ періодахъ, и такой же, какъ въ 1-мъ изъ нихъ, нисходящій членъ съ указаніемъ фактическихъ проявленій (дѣйствуя... народа) того дѣйствія, которое изложено въ главномъ предложеніи («искалъ орудій для...»)

* Изъ 1-й гл. VII тома.—Новый образецъ общаго обозрѣнія (см. предъидущую статью). Параллелизмъ предложеній ср. съ указаннымъ на стр. 206-й.—

[2] *Рѣшилъ*—у Карамзина, какъ форма несовершеннаго вида (вм. *рѣшалъ*).

10. Перемѣна Іоанна IV*.

Приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ царя и въ судьбѣ царства.

И Россіяне современные и чужеземцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, изображаютъ сего юнаго, тридцатилѣтняго вѣнценосца, какъ примѣръ монарховъ благочестивыхъ, мудрыхъ, ревностныхъ ко славѣ и счастію государства. Такъ изъясняются первые: «Обычай Іоанновъ есть соблюдать себя чистымъ предъ Богомъ. И въ храмѣ, и въ молитвѣ уединенной, и въ совѣтѣ боярскомъ, и среди народа у него одно чувство: *да властвую, какъ Всевышній указалъ властвовать своимъ истиннымъ помазанникамъ!* Судъ нелицемѣрный, безопасность каждаго и общая, цѣлость порученныхъ ему государствъ, торжество вѣры, свобода христіанъ, есть всегдашняя дума его. Обремененный дѣлами, онъ не знаетъ иныхъ утѣхъ, кромѣ совѣсти мирной, кромѣ удовольствія исполнять свою обязанность; не хочетъ обыкновенныхъ *прохладъ* царскихъ. Ласковый къ вельможамъ и народу—любя, награждая всѣхъ по достоинству—щедростію искореняя бѣдность, а зло примѣромъ добра, сей *Богомъ рожденный* царь желаетъ въ день страшнаго суда услышать гласъ милости: *ты еси царь правды!* и отвѣтствовать съ умиленіемъ: *се азъ и люди, яже далъ ми еси ты!* Не менѣе хвалятъ его и наблюдатели иноземные, Англичане, пріѣзжавшіе въ Россію для торговли. «Іоаннъ»— пишутъ они—«затмилъ своихъ предковъ и могуществомъ, и добродѣтелію; имѣетъ многихъ враговъ и смиряетъ ихъ. Литва, Польша, Швеція, Данія, Ливонія, Крымъ, Ногаи, ужасаются русскаго имени. Въ отношеніи къ подданнымъ онъ удивительно снисходителенъ, привѣтливъ: любитъ разговаривать съ ними, часто даетъ имъ обѣды во дворцѣ и, не смотря на то, умѣетъ быть повелительнымъ; скажетъ боярину: *иди!* и бояринъ *бѣжитъ;* изъявитъ досаду вельможѣ, и вельможа въ отчаяніи, скрывается, тоскуетъ въ уединеніи, отпускаетъ волосы въ знакъ горести, пока царь не объявитъ ему прощенія. Однимъ словомъ, нѣтъ народа въ Европѣ, болѣе Россіянъ преданнаго своему государю, коего они равно страшатся и любятъ. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Іоаннъ во все входитъ, все рѣшитъ; не скучаетъ дѣлами и

---

* Изъ 3-й главы VIII-го тома. Карамзинъ съ удовольствіемъ приступалъ къ изложенію царствованія Іоанна IV, при описаніи котораго его художественный талантъ могъ найти обильную пищу. «Оканчиваю Василія Ивановича» (писалъ онъ къ Тургеневу) «и мысленно уже смотрю на Грознаго: какой славный характеръ для *исторической живописи*! Жаль, если выдамъ исторію безъ сего любопытнаго царствованія: тогда она будетъ, *какъ павлинъ безъ хвоста*». Повѣствованіе объ этомъ царствованіи отличается изобразительностію.

* Повѣствованіе это имѣетъ главною цѣлію объяснить сообщаемые факты душевными свойствами Іоанна IV. (Сравни характеристики Іоанна Грознаго въ отд. «Разсужденій»).

не веселится ни звѣриной ловлею, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: какъ служить Богу, и какъ истреблять враговъ Россіи».

Вѣроятно-ли, чтобы государь любимый, обожаемый, могъ съ такой высоты блага, счастія, славы, низвергнуться въ бездну ужасовъ тиранства? Но свидѣтельства добра и зла равно убѣдительны, неопровержимы; остается только представить сей удивительный феноменъ въ его постепенныхъ измѣненіяхъ[1].

Исторія не рѣшитъ вопроса о нравственной свободѣ человѣка; но предполагая оную въ сужденіи своемъ о дѣлахъ и характерахъ, изъясняетъ тѣ и другіе вопервыхъ природными свойствами людей, вовторыхъ обстоятельствами или впечатлѣніями предметовъ, дѣйствующихъ на душу. Іоаннъ родился съ пылкими страстями, съ воображеніемъ сильнымъ, съ умомъ еще болѣе острымъ, нежели твердымъ или основательнымъ. Худое воспитаніе, испортивъ въ немъ естественныя склонности, оставило ему способъ къ исправленію въ одной вѣрѣ: ибо самые дерзкіе развратители царей не дерзали тогда касаться сего святаго чувства. Друзья отечества и блага въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ умѣли ея спасительными ужасами тронуть, поразить его сердце; исхитили юношу изъ сѣтей нѣги, и съ помощію набожной, кроткой Анастасіи увлекли на путь добродѣтели. Несчастныя слѣдствія Іоанновой болѣзни растроили сей прекрасный союзъ, ослабили власть дружества, изготовили перемѣну. Государь возмужалъ: страсти зрѣютъ вмѣстѣ съ умомъ, и самолюбіе дѣйствуетъ еще сильнѣе въ лѣтахъ совершенныхъ. Пусть довѣренность Іоаннова къ разуму бывшихъ наставниковъ не умалилась, но довѣренность его къ самому себѣ увеличилась: благодарный имъ за мудрые совѣты, государь пересталъ чувствовать необходимость въ дальнѣйшемъ руководствѣ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость принужденія, когда они, не измѣняя старому обыкновенію, говорили смѣло, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ и не думали угождать его человѣческой слабости. Такое прямодушіе казалось ему непристойною грубостію, оскорбительною для монарха. Напримѣръ, Адашевъ и Сильвестръ не одобряли войны Ливонской, утверждая, что надобно прежде всего искоренить невѣрныхъ, злыхъ враговъ Россіи и Христа; что Ливонцы, хотя и не греческаго исповѣданія, однако жъ христіане, и для насъ не опасны; что Богъ благословляетъ только войны справедливыя, нужныя для цѣлости и свободы государствъ. Дворъ былъ наполненъ людьми преданными симъ двумъ любимцамъ; но братья Анастасіи не любили ихъ, также и многіе обыкновенные завистники, не терпящіе никого выше себя.

---

[1] Несомнительными доказательствами свирѣпства Іоаннова служатъ (кромѣ чужеземныхъ историковъ) сказанія нашихъ лѣтописцевъ, извѣстія Курбскаго, самыя Іоанновы письма и такъ называемые *Синодики*, которые сей государь разсылалъ по монастырямъ, вписывая въ оные имена убитыхъ имъ людей, женъ, младенцевъ, и веля молить за нихъ, какъ за *невинныхъ страдальцевъ* (пр. Кар.).

Послѣдніе не дремали, угадывали расположеніе Іоаннова сердца и внушали ему, что Сильвестръ и Адашевъ суть хитрые лицемѣры: проповѣдуя небесную добродѣтель, хотятъ мірскихъ выгодъ; стоятъ высоко предъ трономъ и не даютъ народу видѣть царя, желая присвоить себѣ успѣхи, славу его царствованія, и въ то же время препятствуютъ симъ успѣхамъ, совѣтуя государю быть умѣреннымъ въ счастіи: ибо внутренно страшатся оныхъ, думая, что избытокъ славы можетъ дать ему справедливое чувство величія, опасное для ихъ властолюбія. Они говорили: „кто сіи люди, дерзающіе предписывать законы царю великому и мудрому, не только въ дѣлахъ государственныхъ, но и въ домашнихъ, семейственныхъ, въ самомъ образѣ жизни; дерзающіе указывать ему, какъ обходиться съ супругою, сколько пить и ѣсть въ мѣру?“ ибо Сильвестръ, наставникъ Іоанновой совѣсти, всегда требовалъ отъ него воздержанія, умѣренности въ физическихъ наслажденіяхъ, къ коимъ юный монархъ имѣлъ сильную склонность. Іоаннъ не унималъ злословія, ибо уже скучалъ излишно строгими нравоученіями своихъ любимцевъ и хотѣлъ свободы; не мыслилъ оставить добродѣтели: желалъ единственно избавиться отъ учителей и доказать, что можетъ безъ нихъ обойтись. Бывали минуты, въ которыя природная его пылкость изливалась въ словахъ нескромныхъ, въ угрозахъ. Пишутъ, что скоро по завоеваніи Казани онъ въ гнѣвѣ на одного воеводу, сказалъ вельможамъ: „теперь уже не боюсь васъ!“ Но великодушіе, оказанное имъ послѣ болѣзни, совершенно успокоило сердца. Тринадцать цвѣтущихъ лѣтъ жизни, проведенныхъ въ ревностномъ исполненіи святыхъ царскихъ обязанностей, свидѣтельствовали, казалось, неизмѣнную вѣрность въ любви ко благу. Хотя государь уже перемѣнился въ чувствѣ къ любимцамъ, но не перемѣнялся замѣтно въ правилахъ. Благочиніе царствовало въ кремлевскомъ дворцѣ, усердіе и смѣлая откровенность въ думѣ. Только въ дѣлахъ двусмысленныхъ, гдѣ истина или добро не были очевидны, Іоаннъ любилъ противорѣчить совѣтникамъ. Такъ было до весны 1560 года.

Въ сіе время холодность государева къ Адашеву и къ Сильвестру столь явно обнаружилась, что они видѣли необходимость удалиться отъ двора. Первый, занимавъ дотолѣ важнѣйшее мѣсто въ думѣ и всегда употребляемый въ переговорахъ съ европейскими державами, хотѣлъ еще служить царю инымъ способомъ: принялъ санъ воеводы и поѣхалъ въ Ливонію; а Сильвестръ, отъ чистаго сердца давъ государю благословеніе, заключился въ одномъ пустынномъ монастырѣ. Друзья ихъ осиротѣли, непріятели восторжествовали; славили мудрость царя и говорили: „нынѣ ты уже истинный самодержецъ, помазанникъ Божій; единъ управляешь землею; открылъ свои очи и зришь свободно на все царство!“ Но сверженные любимцы казались имъ еще страшными. Вопреки извѣстной государевой немилости, Адашева честили въ войскѣ; самые граждане Ливонскіе изъявляли отмѣнное къ нему

уваженіе; все покорялось его уму и добродѣтели. Не менѣе и Сильвестръ, уже монахъ смиренный, блисталъ добродѣтелями христіанскими въ пустынѣ: иноки съ удивленіемъ видѣли въ немъ примѣръ благочестія, любви, кротости. Царь могъ узнать о томъ, раскаяться, возвратить изгнанниковъ: надлежало довершить ударъ и сдѣлать государя столь несправедливымъ, столь виновнымъ противъ сихъ мужей, чтобы онъ уже не могъ и мыслить объ искреннемъ мирѣ съ ними. Кончина царицы подала къ тому случай.

Іоаннъ былъ растерзанъ горестію: всѣ вокругъ его проливали слезы—или отъ истинной жалости, или въ угодность царю печальному—и въ сихъ-то слезахъ явилась гнусная клевета подъ личиною усердія, любви, будто-бы приведенной въ ужасъ открытіемъ неслыханнато злодѣйства. „Государь!“ сказали Іоанну: „ты въ отчаяніи, Россія также, а два изверга торжествуютъ: добродѣтельную царицу извели Сильвестръ и Адашевъ, ея враги тайные *и чародѣи:* ибо они безъ чародѣйства не могли бы такъ долго владѣть умомъ твоимъ.“ Представили доказательства, которыя не убѣждали и самыхъ легковѣрныхъ, но государь зналъ, что Анастасія со времени его болѣзни не любила ни Сильвестра, ни Адашева; думалъ, что они также не любили ее, и принялъ клевету, можетъ быть, желая оправдать свою къ нимъ немилость, если не вѣрными уликами въ ихъ злодѣйствѣ, то хотя подозрѣніемъ. Свѣдавъ о семъ доносѣ, изгнанники писали царю, требуя суда и очной ставки съ обвинителями. Послѣдняго не хотѣли враги ихъ, представляя ему, что они, какъ василиски ядовитые, могутъ однимъ взоромъ снова очаровать его и любимые народомъ, войскомъ, всѣми гражданами, произвести мятежъ; что страхъ сомкнетъ уста доносителямъ. Государь велѣлъ судить обвиняемыхъ заочно; митрополитъ, епископы, бояре, многіе другіе иные духовные и свѣтскіе чиновники собралися для того во дворцѣ. Въ числѣ судей были и коварные монахи, Вассіанъ, Бѣскій, Мисаилъ Сукинъ, главные злодѣи Сильвестровы. Читали не одно, но многія обвиненія, изъясняемыя самимъ Іоанномъ въ письмѣ къ князю Андрею Курбскому: „Ради спасенія души моей“—пишетъ царь—„приближилъ я къ себѣ іерея Сильвестра, надѣясь, что онъ по своему сану и разуму будетъ мнѣ поспѣшникомъ въ благѣ; но сей лукавый лицемѣръ, обольстивъ меня сладкорѣчіемъ, думалъ единственно о мірской власти и сдружился съ Адашевымъ, чтобы управлять царствомъ безъ царя, ими презираемаго. Они снова вселили духъ своевольства въ бояръ; раздали единомышленникамъ города и волости; сажали, кого хотѣли, въ думу; заняли всѣ мѣста своими угодниками. Я былъ невольникомъ на тронѣ. Могу ли описать претерпѣнное мною въ сіи дни уничиженія и стыда? Какъ плѣнника, влекутъ царя съ горстію воиновъ сквозь опасную землю непріятельскую (Казанскую) и не щадятъ ни здравія, ни жизни его; вымышляютъ дѣтскія *страшила*, чтобы привести въ ужасъ мою душу, велятъ мнѣ быть выше естества человѣческаго, запрещаютъ ѣздить по святымъ обителямъ,

не дозволяютъ карать Нѣмцевъ... Къ симъ беззаконіямъ присоединяется измѣна; когда я страдалъ въ тяжкой болѣзни, они, забывъ вѣрность и клятву, въ упоеніи самовластія хотѣли, мимо сана моего, взять себѣ иного царя, и нетронутые, не исправленные нашимъ великодушіемъ, въ жестокости сердецъ своихъ, чѣмъ платили намъ за оное? новыми оскорбленіями: ненавидѣли, злословили царицу Анастасію и во всемъ доброхотствовали князю Владиміру Андреевичу. Итакъ удивительно ли, что я рѣшился наконецъ не быть младенцемъ въ лѣтахъ мужества и свергнуть иго, возложенное лукавымъ попомъ и неблагодарнымъ слугою Алексіемъ?" и проч. Замѣтимъ, что Іоаннъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи, и тѣмъ свидѣтельствуетъ нелѣпую ложь сего доноса. Всѣ иные упреки отчасти сомнительны, отчасти безразсудны въ устахъ тридцатилѣтняго самодержца, который признаніемъ своей бывшей неволи открываетъ тайну своей жалкой слабости. Адашевъ и Сильвестръ могли какъ люди ослѣпиться честолюбіемъ; но государь симъ нескромнымъ обвиненіемъ уступилъ имъ славу прекраснѣйшаго въ исторіи царствованія. Увидимъ, какъ онъ безъ нихъ властвовалъ; и если не Іоаннъ, но любимцы его отъ 1547 до 1560 года управляли Россіею: то для счастія подданныхъ и царя надлежало бы симъ добродѣтельнымъ мужамъ не оставлять государственнаго кормила; лучше неволею творить добро, нежели волею зло. Но гораздо вѣроятнѣе, что Іоаннъ, желая винить ихъ, клевещетъ на самого себя; гораздо вѣроятнѣе, что онъ искренно любилъ благо, узнавъ его прелесть, и наконецъ, увлеченный страстями, только обузданными, не искорененными, измѣнилъ правиламъ великодушія, сообщеннымъ ему мудрыми наставниками: ибо легче перемѣниться, нежели такъ долго принуждать себя — и кому? государю самовластному, который однимъ словомъ всегда могъ расторгнуть сію мнимую цѣпь неволи. Адашевъ, какъ совѣтникъ, не одобряя войны Ливонской, служилъ Іоанну какъ подданный, какъ министръ и воинъ, усерднымъ орудіемъ для успѣховъ ея; слѣдственно государь *повелѣвалъ* и, вопреки его жалобамъ, не былъ рабомъ любимцевъ [1].

Выслушавъ бумагу о преступленіяхъ Адашева и Сильвестра, нѣкоторые изъ судей объявили, что сіи злодѣи уличены и достойны казни; другіе, потупивъ глаза, безмолвствовали. Тутъ старецъ митрополитъ Макарій, близостію смерти и саномъ первосвятительства утверждаемый въ обязанности говорить истину, сказалъ царю, что надобно призвать и выслушать судимыхъ. Всѣ добросовѣстные вельможи согласились съ симъ мнѣніемъ; но *сонмъ губителей*, по выраженію Курбскаго, возопилъ противъ онаго, доказывая, что люди, осуждаемые чувствомъ государя велемудраго, милостиваго, не могутъ представить никакого законнаго оправданія; что ихъ присутствіе и козни опасны; что спокой-

---

[1] Ср. ст. С. Соловьева «Іоаннъ Грозный» въ отдѣлѣ «Разсужденій».

ствіе царя и отечества требуютъ немедленнаго рѣшенія въ семъ важномъ дѣлѣ. Итакъ рѣшили, что обвиняемые виновны. Надлежало только опредѣлить казнь, и государь, еще желая имѣть видъ милосердія, умѣрилъ оную: послали Сильвестра на дикій островъ Бѣлаго моря, въ уединенную обитель Соловецкую, и велѣли Адашеву жить въ новопокоренномъ Феллинѣ, коего взятію онъ способствовалъ тогда своимъ умомъ и распоряженіями: но твердость и спокойствіе сего мужа досаждали злобнымъ гонителямъ: его заключили въ Дерптѣ, гдѣ онъ чрезъ два мѣсяца умеръ горячкою, къ радости своихъ непріятелей, которые сказали царю, что *обличенный измѣнникъ отравилъ себя ядомъ*... мужъ незабвенный въ нашей исторіи, краса вѣка и человѣчества, по вѣроятному *сказанію его друзей*: ибо сей знаменитый временщикъ явился вмѣстѣ съ добродѣтелію царя и погибъ съ нею... Феноменъ удивительный въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи, изъясняемый единственно неизмѣримою силою искренняго благолюбія, коего божественное вдохновеніе озаряетъ умъ естественный въ самой тмѣ ночи, и вѣрнѣе науки, вѣрнѣе ученой мудрости руководствуетъ людей къ великому.—Обязанный милости Іоанновой нѣкоторымъ избыткомъ, Адашевъ зналъ одну роскошь благодѣянія: питалъ нищихъ, держалъ въ своемъ домѣ десять прокаженныхъ, и собственными руками обмывалъ ихъ, усердно исполняя долгъ христіанина и всегда памятуя бѣдность человѣчества.

Отселѣ начало злу, и такимъ образомъ. Уже не было двухъ главныхъ дѣйствователей благословеннаго Іоаннова царствованія; но друзья ихъ, мысли и правила оставались: надлежало, истребивъ Адашева, истребить и духъ его, опасный для клеветниковъ добродѣтели, противный самому государю въ сихъ новыхъ обстоятельствахъ. Требовали клятвы отъ всѣхъ бояръ и знатныхъ людей не держаться стороны удаленныхъ, наказанныхъ *измѣнниковъ* и быть вѣрными государю. Присягнули одни съ радостію, другіе съ печалію, угадывая слѣдствія, которыя и открылись немедленно. Все, что̀ прежде считалось достоинствомъ и способомъ угождать царю, содѣлалось предосудительно, напоминая Адашева и Сильвестра. Говорили Іоанну: „Всегда ли плакать тебѣ о супругѣ? Найдешь другую, равно прелестную; но можешь неумѣренностію въ скорби повредить своему здравію безцѣнному. Богъ и народъ требуютъ, чтобы ты въ земной горести искалъ и земнаго утѣшенія.“ Іоаннъ искренно любилъ супругу, но имѣлъ легкость во нравѣ, несогласную съ глубокими впечатлѣніями горести. Онъ безъ гнѣва внималъ утѣшителямъ—и чрезъ восемь дней по кончинѣ Анастасіи митрополитъ, святители, бояре, торжественно предложили ему искать невѣсты: законы пристойности были тогда не строги. Раздавъ по церквамъ и для бѣдныхъ нѣсколько тысячъ рублей въ память усопшей, пославъ богатую милостыню въ Іерусалимъ, въ Грецію, государь 18 августа объявилъ, что намѣренъ жениться на сестрѣ короля польскаго.

Съ сего времени умолкъ плачъ во дворцѣ. Начали забавлять царя,

сперва бесѣдою пріятною, шутками, а скоро *свѣтлыми* пирами; напоминали другъ другу, что вино радуетъ; смѣялись надъ старымъ обычаемъ умѣренности, называли постничество лицемѣріемъ. Дворецъ уже казался тѣснымъ для сихъ шумныхъ сборищъ: юныхъ царевичей, брата Іоаннова Юрія и казанскаго царя Александра перевели въ особенные домы. Ежедневно вымышлялись новыя потѣхи, игрища, на коихъ трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностію. Еще многіе бояре, сановники не могли вдругъ перемѣниться въ обычаяхъ; сидѣли за свѣтлою трапезою съ лицомъ туманнымъ, уклонялись отъ чаши, не пили и вздыхали; ихъ осмѣивали, унижали: лили имъ вино на голову. Между новыми любимцами государевыми отличались бояринъ Алексѣй Басмановъ, сынъ его кравчій Ѳеодоръ, князь Аѳанасій Вяземскій, Василій Грязной, Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, готовые на все для удовлетворенія своему честолюбію. Прежде они подъ личиною благонравія терялись въ толпѣ обыкновенныхъ царедворцевъ, но тогда выступили впередъ и, по симпатіи зла, вкрались въ душу Іоанна, пріятные ему какою-то легкостію ума, искусственною веселостію, хвастливымъ усердіемъ исполнять, предупреждать его волю, какъ божественную, безъ всякаго соображенія съ иными правилами, которыя обуздываютъ и благихъ царей, и благихъ слугъ царскихъ,—первыхъ въ ихъ желаніяхъ, вторыхъ въ исполненіи оныхъ. Старые друзья Іоанновы изъявляли любовь къ государю и добродѣтели: новые только къ государю и казались тѣмъ любезнѣе. Они сговорились съ двумя или съ тремя монахами, заслужившими довѣренность Іоаннову, людьми хитрыми, лукавыми, коимъ надлежало снисходительнымъ ученіемъ ободрять робкую совѣсть царя и своимъ присутствіемъ какъ бы оправдывать безчиніе шумныхъ пировъ его. Курбскій въ особенности именуетъ здѣсь Чудовскаго Архимандрита Левкія, главнаго угодника придворнаго. Мнимая, прозрачная завѣса тайны не скрываетъ слабостей вѣнценосца: люди съ изумленіемъ спрашивали другъ друга, какимъ гибельнымъ наитіемъ государь, дотолѣ примѣръ воздержанія и чистоты душевной, могъ унизиться до распутства?

Сіе безъ сомнѣнія великое зло произвело еще ужаснѣйшее. Развратники, указывая царю на печальныя лица важныхъ бояръ, шептали: „Вотъ твои недоброхоты! Вопреки данной ими присягѣ, они живутъ Адашевскимъ обычаемъ, сѣютъ вредные слухи, волнуютъ умы, хотятъ прежняго своевольства.“ Такіе ядовитые навѣты растравляли Іоанново сердце, уже безпокойное въ чувствѣ своихъ пороковъ; взоръ его мутился; изъ устъ вырывались слова грозныя. Обвиняя бояръ въ злыхъ намѣреніяхъ, въ вѣроломствѣ, въ упорной привязанности къ ненавистной памяти мнимыхъ измѣнниковъ, онъ рѣшился быть строгимъ и сдѣлался мучителемъ, коему равнаго едва ли найдемъ въ самыхъ Тацитовыхъ лѣтописяхъ!... Не вдругъ, конечно, разсвирѣпѣла душа, нѣкогда боголюбивая: успѣхи добра и зла бываютъ постепенны; но лѣтописцы не

могли проникнуть въ ея внутренность: не могли видѣть въ ней боренія совѣсти съ мятежными страстями: видѣли только дѣла ужасныя, и называютъ тиранство Іоанново *чуждою бурею*, какъ бы изъ нѣдръ ада посланною возмутить, истерзать Россію. Оно началося гоненіемъ всѣхъ ближнихъ Адашева: ихъ лишали собственности, ссылали въ мѣста дальнія. Народъ жалѣлъ о невинныхъ, проклиная ласкателей, новыхъ совѣтниковъ царскихъ; а царь злобился и хотѣлъ мѣрами жестокими унять дерзость. Жена знатная, именемъ Марія, славилась въ Москвѣ христіанскими добродѣтелями и дружбою Адашева: сказали, что она ненавидитъ и мыслитъ чародѣйствомъ извести царя; ее казнили, вмѣстѣ съ пятью сыновьями, а скоро и многихъ иныхъ, обвиняемыхъ въ томъ же....

---

11. Учрежденіе опричнины *.

...Измѣна Курбскаго и замыселъ Сигизмундовъ потрясти Россію произвели одну кратковременную тревогу въ Москвѣ. Но сердце Іоанново не успокоилось, болѣе и болѣе кипѣло гнѣвомъ, волновалось подозрѣніями. Всѣ добрые вельможи казались ему тайными злодѣями, единомышленниками Курбскаго: онъ видѣлъ предательство въ ихъ печальныхъ взорахъ, слышалъ укоризны или угрозы въ ихъ молчаніи; требовалъ доносовъ и жаловался, что ихъ мало: самые безстыдные клеветники не удовлетворяли его жаждѣ къ истязанію. Какая-то невидимая рука еще удерживала тирана: жертвы были предъ нимъ, и еще не издыхали, къ его изумленію и мукѣ. Іоаннъ искалъ предлога для новыхъ ужасовъ—и вдругъ, въ началѣ зимы 1564 года, Москва узнала, что царь ѣдетъ, неизвѣстно куда, съ своими ближними, дворянами, людьми приказными, воинскими, поименно созванными для того изъ самыхъ городовъ отдаленныхъ, съ ихъ женами и дѣтьми[1]. 3 декабря, рано, явилось на кремлевской площади множество саней: въ нихъ сносили изъ дворца золото и серебро, святыя иконы, кресты, сосуды драгоцѣнные, одежды, деньги. Духовенство, бояре, ждали государя въ церкви Успенія; онъ пришелъ и велѣлъ митрополиту служить обѣдню; молился съ усердіемъ; принялъ благословеніе отъ

---

* Изъ 2-й гл. IX тома. — Отрывокъ чисто повѣствовательный.—Въ синтаксическомъ отношеніи представляетъ нѣсколько образцовъ прямой рѣчи и слитныхъ предложеній со многими сказуемыми, столь обычными въ повѣствованіи Карамзина. Обстоятельность повѣствованія, сообщающая разсказу живость и наглядность, объясняется обиліемъ источниковъ (указанныхъ ниже).

1 См Александро-Невск. лѣт. Сіе любопытное происшествіе описано также бывшими любимцами царя—Іоанномъ Таубе и Элертомъ Крузе, въ ихъ донесеніи герцогу Курляндскому Кетлеру. Оно было прислано мнѣ изъ Кенигсбергскаго архива въ 1811 г. ... (пр. Кар.)

Аѳанасія, милостиво далъ цѣловать руку свою боярамъ, чиновникамъ, купцамъ; сѣлъ въ сани съ царицею, съ двумя сыновьями, съ Алексѣемъ Басмановымъ, Михаиломъ Салтыковымъ, княземъ Аѳанасіемъ Вяземскимъ[1], Иваномъ Чеботовымъ, съ другими любимцами, и провождаемый цѣлымъ полкомъ вооруженныхъ всадниковъ, уѣхалъ въ село Коломенское[2], гдѣ жилъ двѣ недѣли за распутьемъ: ибо сдѣлалась необыкновенная оттепель, шли дожди, и рѣки вскрылись. 17 декабря онъ съ обозами своими переѣхалъ въ село Тайнинское, оттуда въ монастырь Троицкій, а къ Рождеству въ Александровскую слободу [3]. Въ Москвѣ, кромѣ митрополита, находились тогда многіе святители; они вмѣстѣ съ боярами, вмѣстѣ съ народомъ—не зная чтò думать о государевомъ необыкновенномъ таинственномъ путешествіи—безпокоились, унывали, ждали чего-нибудь чрезвычайнаго и, безъ сомнѣнія, не радостнаго. Прошелъ мѣсяцъ.

3 генваря вручили митрополиту Іоаннову грамоту, присланную съ чиновникомъ Константиномъ Поливановымъ. Государь описывалъ въ ней всѣ мятежи, неустройства, беззаконія боярскаго правленія во время его малолѣтства; доказывалъ, что и вельможи, и приказные люди расхищали тогда казну, земли, помѣстья государевы: радѣли о своемъ богатствѣ, забывая отечество; что сей духъ въ нихъ не измѣнился; что они не перестаютъ злодѣйствовать; воеводы не хотятъ быть защитниками христіанъ, удаляются отъ службы, даютъ хану, Литвѣ, Нѣмцамъ, терзать Россію, а если государь, движимый правосудіемъ, объявляетъ гнѣвъ недостойнымъ боярамъ и чиновникамъ, то митрополитъ и духовенство вступаются за виновныхъ, грубятъ, стужаютъ ему. «Вслѣдствіе чего»—писалъ Іоаннъ—«не хотя терпѣть великихъ измѣнъ, мы отъ великой жалости сердца оставили государство и поѣхали, куда Богъ укажетъ[4] намъ путь». Другую грамоту прислалъ онъ къ гостямъ, купцамъ и мѣщанамъ: дьяки Путило Михайловъ и Андрей Васильевъ въ собраніи народа читали оную велегласно. Царь увѣрялъ добрыхъ Москвитянъ въ своей милости, сказывая, что опала и гнѣвъ его не касаются народа.

Столица пришла въ ужасъ: безначаліе казалось всѣмъ еще страшнѣе тиранства. «Государь насъ оставилъ!» вопилъ народъ: «мы гибнемъ! Кто будетъ нашимъ защитникомъ въ войнахъ съ иноплеменными! Какъ могутъ быть овцы безъ пастыря?» Духовенство, бояре, сановники, приказные люди, проливая слезы, требовали отъ митрополита, чтобы онъ умилостивилъ Іоанна, никого не жалѣя и ничего не

---

[1] См. донесеніе Таубе и Крузе... Они пишутъ, что Іоаннъ велѣлъ Салтыкову, Чеботову и нѣкоторымъ дьякамъ идти изъ слободы въ Москву пѣшкомъ, раздѣвъ ихъ до нага. (Кар.)—[2] *Село Коломенское*—недалеко отъ Москвы.—[3] *Александровская слобода*—нынѣ Александровъ, городъ Влад. губ.—[4] См. Алекс.-Невск. лѣт. (пр. Кар.).

страшася. Всѣ говорили ему одно: «Пусть царь казнитъ своихъ лиходѣевъ: въ животѣ и смерти воля его; но царство да не останется безъ главы! Онъ нашъ владыка, Богомъ данный: иного не вѣдаемъ. Мы всѣ *съ своими головами* ѣдемъ за тобою *бить челомъ государю* и *плакаться»*. То же говорили купцы и мѣщане, прибавляя: «Пусть царь укажетъ намъ своихъ измѣнниковъ; мы сами истребимъ ихъ!» Митрополитъ немедленно хотѣлъ ѣхать къ царю, но въ общемъ совѣтѣ положили, чтобы архипастырь остался блюсти столицу, которая была въ неописанномъ смятеніи. Всѣ дѣла пресѣклись; суды, приказы, лавки, караульни опустѣли. Избрали главными послами святителей Новгородскаго Пимена и Чудовскаго архимандрита Левкія; но за ними отправились и всѣ другіе епископы... за духовенствомъ вельможи... всѣ бояре, окольничіе, дворяне и приказные люди, прямо изъ палатъ митрополитовыхъ, не заѣхавъ къ себѣ въ домы; также и многіе гости, купцы, мѣщане, *чтобы ударить челомъ государю и плакаться*. Святители остановились въ Слотинѣ, пославъ доложить о себѣ Іоанну; онъ велѣлъ имъ ѣхать въ Александровскую слободу съ приставами, и 5 генваря впустилъ ихъ во дворецъ. Сказавъ царю благословеніе отъ митрополита, епископы слезно молили его снять опалу съ духовенства, съ вельможъ, дворянъ, приказныхъ людей, не оставлять государства, царствовать и дѣйствовать, какъ ему угодно; молили наконецъ, чтобы онъ дозволилъ боярамъ видѣть очи царскія. Іоаннъ впустилъ и бояръ, которые съ такимъ же умиленіемъ, съ такою же силою убѣждали царя сжалиться надъ Россіею, возвеличенною его побѣдами и мудрыми устами, славною мужествомъ ея народа многочисленнаго, богатою сокровищами природы, еще славнѣйшею благовѣріемъ. «Когда», сказали вмѣстѣ и духовные и государственные сановники—«когда ты не уважаешь мірскаго величія и славы, то вспомни, что, оставляя Москву, оставляешь святыни храмовъ, гдѣ совершались чудеса Божественной къ тебѣ милости, гдѣ лежатъ цѣлебныя мощи угодниковъ Христовыхъ. Вспомни, что ты блюститель не только государства, но и церкви: первый единственный монархъ православія! Если удалишься, кто спасетъ истину, чистоту нашей вѣры? Кто спасетъ милліоны душъ отъ погибели вѣчной [1]»? Царь отвѣтствовалъ съ своимъ обыкновеннымъ многорѣчіемъ: повторилъ всѣ извѣстные упреки боярамъ въ ихъ своевольствѣ, нерадѣніи, строптивости; ссылался на исторію; доказывалъ, что они издревле были виновниками кровопролитія, междоусобія въ Россіи, издревле врагами державныхъ наслѣдниковъ Мономаховыхъ: хотѣли (обвиненіе новое!) извести царя, супругу, сыновей его.... Бояре безмолвствовали. «Но» — продол-

---

[1] См. Таубе и Крузе. Ошибка ихъ состоитъ единственно въ томъ, что они приписываютъ сію рѣчь митрополиту, который, по нашему достовѣрнѣйшему извѣстію, оставался въ Москвѣ (пр. Кар.).

должалъ царь — «для отца моего митрополита Аѳанасія, — для васъ, богомольцевъ нашихъ, архіепископовъ и епископовъ соглашаюсь паки *взять свои государства*; а на какихъ условіяхъ, — вы узнаете.» Условія состояли въ томъ, чтобы Іоанну невозбранно казнить измѣнниковъ опалою, смертію, лишеніемъ достоянія, безъ всякаго стуженія [1], безъ всякихъ претительныхъ докукъ со стороны духовенства. Въ сихъ десяти словахъ Іоаннъ изрекъ гибель многимъ боярамъ, которые предъ нимъ стояли: казалось, что никто изъ нихъ не думалъ о своей жизни; хотѣли единственно возвратить царя царству — всѣ со слезами благодарили, славили Іоаннову милость: вельможи и духовенство, у коего отнималъ государь древнее, святое право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія [2]...

Москва съ нетерпѣніемъ ждала царя; и долго говорили, что онъ занимается тайнымъ дѣломъ съ людьми ближними; угадывали оное не безъ боязни. Наконецъ, 2 февраля, Іоаннъ торжественно въѣхалъ въ столицу и на другой день созвалъ духовенство, бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ [3]. Видъ его изумилъ всѣхъ. Опишемъ здѣсь наружность Іоаннову. Онъ былъ великъ ростомъ, строенъ; имѣлъ *высокія* плеча, крѣпкія мышцы, широкую грудь, прекрасные волосы, длинный усъ, носъ римскій, глаза небольшіе, сѣрые, но свѣтлые, проницательные, исполненные огня, и лицо нѣкогда пріятное [4]. Въ сіе время онъ такъ измѣнился, что нельзя было узнать его: на лицѣ изображалась мрачная свирѣпость; всѣ черты исказились; взоръ угасъ; а на головѣ и въ бородѣ не осталось почти ни одного волоса, отъ неизъяснимаго дѣйствія ярости, которая кипѣла въ душѣ его. Снова изчисливъ вины бояръ и подтвердивъ согласіе остаться царемъ, Іоаннъ много разсуждалъ о должности вѣнценосцевъ блюсти спокойствіе державъ, брать всѣ нужныя для того мѣры — о кратковременности жизни, о необходимости видѣть далѣе гроба, и предложилъ уставъ *опричнины* [5]: имя, дотолѣ неизвѣстное! Іоаннъ сказалъ, что онъ для своей и госу-

---

[1] *Стуженіе* — уступка. — [2] См. Таубе и Крузе (пр. Кар.) — [3] Кубасовъ (авторъ хронографа, въ XVII в.), въ своемъ хронографѣ, доведенномъ имъ до избранія царя Мих. Ѳеод., такъ описываетъ Іоанна: «Царь Иванъ образомъ нелѣпымъ очи имѣя сѣры и усъ протягновенъ, покляпъ (крюковатый), возрастомъ бяше великъ, сухо тѣло имѣя, плещи высоки, груди широки, мышцы толсты», Въ «Подробной лѣтописи», изд. г. Львовымъ: «Онъ былъ человѣкъ зѣло видный, высокаго и крѣпкаго корпуса, и всѣ члены его тѣла зѣло были изрядны; лицо ни малаго на себѣ свирѣпства не казало... Очи имѣлъ не весьма великія, но свѣтлыя и проницательныя, носъ не малый выгнутый: взгляды всякой живости исполнены». Сія лѣтопись новаго слога сочинена въ царств. Петра Великаго (по мнѣнію нѣкоторыхъ, знаменитымъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ).. Современный итальянецъ, слуга Іоанновъ, говоритъ о семъ юномъ царѣ: bello di corpo (пр. Кар.) — [4] Таубе и Крузе (пр. Кар.) — [5] Уставъ этотъ помѣщенъ въ Ал.-Невск. лѣт.

дарственной безопасности учреждаетъ особенныхъ тѣлохранителей. Такая мысль никого не удивила: знали его недовѣрчивость, боязливость, свойственную нечистой совѣсти; но обстоятельства удивили, а слѣдствія привели въ новый ужасъ Россію. 1) Царь объявлялъ своею собственностію города Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Ярославецъ, Суходровью, Медынь, Суздаль, Шую, Галичъ, Юрьевецъ, Балахну, Вологду, Устюгъ, Старую Русу, Каргополь, Вагу, также волости московскія и другія съ ихъ доходами; 2) выбиралъ 1000 тѣлохранителей изъ князей, дворянъ, дѣтей боярскихъ, и давалъ имъ помѣстья въ сихъ городахъ, а тамошнихъ вотчинниковъ и владѣльцевъ переводилъ въ иныя мѣста; 3) въ самой Москвѣ взялъ себѣ улицы Чертольскую, Арбатскую съ Сивцевымъ врагомъ, половину Никитской съ разными слободами, откуда надлежало выслать всѣхъ дворянъ и приказныхъ людей, не записанныхъ въ царскую тысячу; 4) назначилъ *особенныхъ* сановниковъ для услугъ своихъ: дворецкаго, казначеевъ, ключниковъ, даже поваровъ хлѣбниковъ, ремесленниковъ; 5) наконецъ, какъ бы возненавидѣлъ славныя воспоминанія кремлевскія и священные гробы предковъ, не хотѣлъ жить въ великолѣпномъ дворцѣ Іоанна III: указалъ строить новый за Неглинной, между Арбатомъ и Никитской улицей, и подобно крѣпости оградить высокою стѣною[1]. Сія часть Россіи и Москвы, сія тысячная дружина Іоаннова, сей новый дворъ, какъ отдѣльная собственность царя, находясь подъ его непосредственнымъ вѣдомствомъ, были названы *опричниною*; а все остальное—то есть все государство—*земщиною*, которую Іоаннъ поручалъ *боярамъ земскимъ*, князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому и другимъ, велѣвъ старымъ государственнымъ чиновникамъ—конюшему, дворецкому, казначеямъ, дьякамъ—сидѣть въ ихъ приказахъ, рѣшить всѣ дѣла гражданскія, а въ важнѣйшихъ относиться къ боярамъ, коимъ дозволялось въ чрезвычайныхъ случаяхъ, особенно по ратнымъ дѣламъ, ходить съ докладомъ къ государю: то есть Іоаннъ повидимому желалъ какъ бы удалиться отъ царства, стѣснивъ себя въ маломъ кругу частнаго владѣтеля, и въ доказательство, что *государево* или *государственное* уже не одно знаменуютъ въ Россіи, требовалъ себѣ изъ казны земской 100,000 рублей за издержки его путешествія отъ Москвы до слободы Александровской[2]!—Никто не противорѣчилъ: воля царская была закономъ. Обнародовали новое учрежденіе.

4 февраля Москва увидѣла исполненіе *условій*, объявленныхъ царемъ духовенству и боярамъ въ Александровской слободѣ[3]. Начались казни мнимыхъ измѣнниковъ, которые будто бы вмѣстѣ съ Курбскимъ умышляли на жизнь Іоанна, покойной царицы Анастасіи и дѣтей его.

---

[1] Въ продолж. «Царственной книги»; въ «Морозовской лѣт.»—[2] Таубе и Крузе:—[3] Таубе и Крузе; Ал Невск. лѣт.

12. Іоаннъ IV во время опричнины*.

Хотя новый дворецъ уподобился неприступной крѣпости, но Іоаннъ не считалъ себя въ немъ безопаснымъ: по крайней мѣрѣ не взлюбилъ Москвы, и съ того времени жилъ большею частію въ слободѣ Александровской, которая сдѣлалась городомъ, украшенная церквами, домами, лавками каменными. Тамошній славный храмъ Богоматери сіялъ снаружи разными цвѣтами, серебромъ и золотомъ; на всякомъ кирпичѣ былъ изображенъ крестъ[1]. Царь жилъ въ большихъ палатахъ, обведенныхъ рвомъ и валомъ; придворные, государственные, воинскіе чиновники, въ особенныхъ домахъ. Опричники имѣли свою улицу; купцы также. Никто не смѣлъ ни въѣхать, ни выѣхать оттуда безъ вѣдома Іоаннова; для чего въ трехъ верстахъ отъ *Слободы*[2], прозванной *Неволею*, обыкновенно стояла воинская стража.—Въ семъ грозноувеселительномъ жилищѣ, окруженномъ темными лѣсами, Іоаннъ посвящалъ большую часть времени церковной службѣ, чтобы непрестанною набожною дѣятельностію успокоивать душу. Онъ хотѣлъ даже дворецъ обратить въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ самыхъ злѣйшихъ, назвалъ *братіею*, себя игуменомъ, князя Аѳанасія Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисіархомъ [3], далъ имъ *тафьи*, или скуфейки, и черныя рясы, подъ коими носили они богатые, золотомъ блестящіе кафтаны съ собольею опушкою[4]; сочинилъ для нихъ уставъ монашескій и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову: Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и съ Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ заутренѣ; братья спѣшили въ церковь; кто не являлся, того наказывали осьмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ [5]. Въ 8 часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ 10 садились за братскую трапезу всѣ, кромѣ Іоанна, который, стоя, читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія[6]. Между тѣмъ братья ѣли и пили до-сыта; всякій день казался праздникомъ; не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ

---

* Изъ той же главы.—Слогъ такой же, какъ и въ предъидущемъ отрывкѣ.—Отличается отъ него тѣмъ, что здѣсь изложены дѣйствія Іоанна, обычныя въ описываемую эпоху, тамъ же—единичные факты: потому здѣсь преобладаютъ глаголы несовершеннаго вида, тамъ же—совершеннаго.

[1] Петрея Historien (пр. Кар.).—[2] Въ «Житіи Св. Филиппа Митрополита« (въ рукописи современной): «въ своемъ любимомъ дому, въ Слободѣ... словомъ именуется *свобода* (ибо *слобода* и *свобода* есть одно слово), а горши Египецкія *работы*» (пр. Кар.)—[3] Симъ греческимъ именемъ назывались у насъ въ монастыряхъ пономари... (пр. Кар.).—[4] См. Таубе и Крузе. (пр. Кар.).—[5] Въ «Подробной лѣт.» (пр. Кар.).—[6] Таубе и Крузе; Петрей.

трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ—то есть царь—обѣдалъ послѣ[1]; бесѣдовалъ съ любимцами о законѣ; дремалъ или ѣхалъ въ темницу пытать какого нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его; онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія; шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго [2]. Въ 8 часовъ шли къ вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ, одинъ за другимъ, разсказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ—и день его начинался молитвою[3]! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ, иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени или обѣдни[4]! Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ называемыми *объѣздами*, посѣщалъ монастыри, и ближніе, и дальніе; осматривалъ крѣпости на границѣ [5]; ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю [6]; между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами: ибо земскіе бояре, мнимо-уполномоченные правители государства, не смѣли ничего рѣшить безъ его воли. Когда пріѣзжали къ намъ знатные послы иноземные, Іоаннъ являлся въ Москвѣ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и торжественно принималъ ихъ въ новой кремлевской палатѣ, близъ церкви св. Іоанна[7], являлся тамъ и въ другихъ важныхъ случаяхъ, но рѣдко. Опричники, блистая въ своихъ златыхъ одеждахъ, наполняли дворецъ, но не заграждали пути къ престолу и старымъ боярамъ: только смотрѣли на нихъ спѣсиво, величаясь, какъ подлые рабы въ чести недостойной.

---

13. Земскій соборъ при Іоаннѣ IV*.

Въ іюлѣ 1566 года Іоаннъ явилъ Россіи зрѣлище необыкновенное: призвалъ въ Земскую Думу не только знатнѣйшее духовенство, бояръ, окольничихъ, всѣхъ другихъ сановниковъ, казначеевъ, дьяковъ, дворянъ *первой* и *второй статьи*[8], но и гостей, купцовъ, помѣщиковъ иногородныхъ: отдалъ имъ на судъ переговоры наши съ Литвою и спрашивалъ, что дѣлать: мириться или воевать съ королемъ? Въ собраніи находилось 339 человѣкъ. Всѣ отвѣтствовали—духовенство за

---

1 Въ «Подробн. лѣт.»: «Всегда по прочтеніи *Отче нашъ* и при благословеніи трапезы садится кушать, и тогда имѣлъ охоту разговаривать о законахъ греч. исповѣданія и о прочихъ; имѣлъ особливую остроту и память отъ Божеств. писанія» (пр. Кар.);—2 Таубе и Крузе.—3 Ibid.—4 Ibid.—5 Ал. Невск. лѣт.—6 Ibid.—7 Ibid.

* Изъ той же главы.—Въ заключеніи авторъ высказалъ свое мнѣніе о событіи.

8 См. «Собр. Госуд. Грамотъ» и Ал.-Невск. лѣт. Грамота писана 2 іюля (пр. Кар.).

себя, бояре, сановники, граждане также особенно, но единогласно — что государю безъ вреда для Россіи уже нельзя быть снисходительнѣе; что Рига и Венденъ необходимы намъ для безопасности Юрьева, или Дерпта, самаго Пскова и Новагорода, коихъ торговля стѣснится и *затворится*, если сіи города ливонскіе останутся у короля; что государи вольны видѣться на границѣ для тишины христіанъ, но что Сигизмундъ повидимому намѣренъ только длить время, дабы между тѣмъ устроить запутанныя дѣла въ своемъ отечествѣ, примириться съ цесаремъ, умножить войско въ Ливоніи. Духовенство прибавило: „Государь! твоя власть дѣйствовать, какъ вразумитъ тебя Богъ; намъ должно молиться за царя, а совѣтовать непристойно". Воинскіе чины изъявили готовность пролить кровь свою въ битвахъ; граждане вызывались отдать царю послѣднее достояніе на войну, если гордый Сигизмундъ отвергнетъ предлагаемыя ему условія для мира. Была ли свобода во мнѣніяхъ, была ли искренность въ отвѣтѣ сей Земской или Государственной Думы? Но совѣщаніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна не среди опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ Россіянъ знаменитѣйшихъ: явленіе достойное лучшихъ временъ Іоаннова царствованія!

---

11. Жестокости Іоанна IV *.

...Когда въ ужасахъ душегубства Россія цѣпенѣла, во дворцѣ раздавался шумъ ликующихъ: Іоаннъ тѣшился съ своими палачами и *людьми веселыми*, или скоморохами, коихъ присылали къ нему изъ Новагорода и другихъ областей вмѣстѣ съ медвѣдями! Послѣдними онъ травилъ людей и въ гнѣвѣ, и въ забаву: видя иногда близъ дворца толпу народа, всегда мирнаго, тихаго, приказывалъ выпускать двухъ или трехъ медвѣдей и громко смѣялся бѣгству, воплю устрашенныхъ гонимыхъ, даже терзаемыхъ ими; но изувѣченныхъ всегда награждалъ; давалъ имъ по золотой деньгѣ и болѣе [1]. Одною изъ главныхъ утѣхъ его были также многочисленные шуты, коимъ надлежало смѣшить царя прежде и послѣ убійствъ, и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ними славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, недовольный какою-то шуткою, царь вылилъ на него мису горячихъ щей: бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать. Іоаннъ ударилъ его ножомъ... обливаясь кровію,

---

* Изъ 3-й гл. IX т.—Этотъ отрывокъ, состоящій изъ ряда случаевъ, кратко разсказанныхъ, имѣетъ характеръ анекдотическій.

[1] См. Гваньини. Онъ пишетъ, что сіе бывало большею частію въ зимнее время, когда Іоаннъ изъ двора своего видѣлъ людей, катающихся на льду рѣки или пруда. Въ Архивск. Новг. лѣт. Малиновскгао (пр. Кар.).

Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. „Изцѣли слугу моего добраго", сказалъ царь: „я поигралъ съ нимъ неосторожно".—*Такъ неосторожно* (отвѣчалъ Арнольфъ), *что развѣ Богъ и твое Царское Величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія*". Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться. Въ другой разъ, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, пришелъ къ нему воевода Старицкій, Борисъ Титовъ,—поклонился до земли и величалъ его, какъ обыкновенно. Царь сказалъ: „будь здравъ, любимый мой воевода: ты достоинъ нашего жалованья"—и ножомъ отрѣзалъ ему ухо. Титовъ, не изъявивъ ни малѣйшей чувствительности къ боли, съ лицомъ покойнымъ благодарилъ Іоанна за милостивое наказаніе: желалъ ему царствовать счастливо[1]!—Иногда тиранъ сластолюбивый, забывая голодъ и жажду, вдругъ отвергалъ яства и питіе, оставлялъ пиръ, громкимъ кликомъ сзывалъ дружину, садился на коня и скакалъ плавать въ крови. Такъ онъ изъ-за роскошнаго обѣда устремился растерзать литовскихъ плѣнниковъ, сидѣвшихъ въ московской темницѣ. Пишутъ, что одинъ изъ нихъ, дворянинъ Быковскій, вырвалъ копье изъ рукъ мучителя и хотѣлъ заколоть его, но палъ отъ руки царевича Іоанна, который вмѣстѣ съ отцомъ усердно дѣйствовалъ въ такихъ случаяхъ, какъ бы для того, чтобы отнять у Россіянъ и надежду на будущее царствованіе! Умертвивъ болѣе ста человѣкъ, тиранъ при обыкновенныхъ восклицаніяхъ дружины: *гайда! гайда!* съ торжествомъ возвратился въ свои палаты и снова сѣлъ за трапезу[2]... Однако жъ и въ сіе время, и на сихъ пирахъ убійственныхъ, еще слышался иногда голосъ человѣческій, вырывались слова великодушной смѣлости. Мужъ храбрый, именемъ Молчанъ Митьковъ, нудимый Іоанномъ выпить чашу крѣпкаго меда, воскликнулъ въ горести: „о царь! ты велишь намъ вмѣстѣ съ тобою пить медъ, смѣшанный съ кровію нашихъ братьевъ, христіанъ правовѣрныхъ!" Іоаннъ вонзилъ въ него свой острый жезлъ[3]. Митьковъ перекрестился и съ молитвою умеръ.

Таковъ былъ царь; таковы были подданные! Ему ли, имъ ли должны мы наиболѣе удивляться? Если онъ не всѣхъ превзошелъ въ мучительствѣ, то они превзошли всѣхъ въ терпѣніи, ибо считали власть государеву властію Божественною, и всякое сопротивленіе беззаконіемъ; приписывали тиранство Іоанново гнѣву небесному и каялись въ грѣхахъ своихъ; съ вѣрою, съ надеждою ждали умилостивленія, но не боялись и смерти, утѣшаясь мыслію, что есть другое бытіе для счастія добродѣтели, и что земное служитъ ей только искушеніемъ: гибли, но спасли для насъ могущество Россіи: ибо сила народнаго повиновенія есть сила государственная.

---

[1] См. Гваньини. [2] — Ibid.—[3] См. въ рукописи Библ. Синод. и у Курбск. (пр. Кар.)

Довершимъ картину ужасовъ сего времени: голодъ и моръ помогали тирану опустошать Россію. Казалось, что земля утратила силу плодородія: сѣяли, но не сбирали хлѣба; и холодъ, и засуха губили жатву. Дороговизна сдѣлалась неслыханная: четверть ржи стоила въ Москвѣ 60 алтынъ или около девяти нынѣшнихъ рублей серебряныхъ[1]. Бѣдные толпились на рынкахъ, спрашивали о цѣнѣ и вопили въ отчаяніи. Милостыня оскудѣла: ее просили и тѣ, которые дотолѣ сами питали нищихъ. Люди скитались какъ тѣни: умирали на улицахъ, на дорогахъ. Не было явнаго возмущенія, но были страшныя злодѣйства; голодные тайно убивали и ѣли другъ друга[2]! Отъ изнуренія силъ, отъ пищи неестественной родилась прилипчивая, смертоносная болѣзнь въ разныхъ мѣстахъ. Царь приказалъ заградить многіе пути: конная стража ловила всѣхъ ѣдущихъ безъ письменнаго вида, неуказною дорогою, имѣя повелѣніе жечь ихъ вмѣстѣ съ товарами и лошадьми[3]. Сіе бѣдствіе продолжалось до 1572 года.

15. Сыноубійство.

Въ старшемъ, любимомъ сынѣ своемъ Іоаннѣ царь готовилъ Россіи *втораго себя*: вмѣстѣ съ нимъ занимаясь дѣлами важными, присутствуя въ Думѣ, объѣзжая государство, вмѣстѣ съ нимъ и сластолюбствовалъ, и губилъ людей[4], какъ бы для того, чтобы сынъ не могъ стыдить отца, и Россія не могла ждать ничего лучшаго отъ наслѣдника. Юный царевичъ, не бывъ вдовцомъ, имѣлъ тогда уже третью супругу, Елену Ивановну, роду Шереметевыхъ[5]: двѣ первыя, Сабурова и Параскева Михайловна Соловая, были пострижены... Но изъявляя страшное въ юности ожесточеніе сердца и необузданность, оказывалъ умъ въ дѣлахъ и чувствительность ко славѣ или хотя къ безславію отечества. Во время переговоровъ о мирѣ[6], страдая за Россію, читая горесть и на лицахъ бояръ — слыша, можетъ быть, и всеобщій ропотъ—царевичъ исполнился ревности благородной, пришелъ къ отцу и требовалъ, чтобы онъ послалъ его съ войскомъ изгнать непріятеля, освободить Псковъ, возстановить честь Россіи. Іоаннъ въ волненіи гнѣва закричалъ: «мятежникъ! ты вмѣстѣ съ боярами хочешь свергнуть меня съ престола!» и поднялъ руку. Борисъ Годуновъ хотѣлъ удержать ее: царь далъ ему нѣсколько ранъ острымъ жезломъ

---

[1] См. Лѣт. Димитрія Ростовскаго.—[2] См. въ бумагахъ, сообщаемыхъ изъ Мекленбургскаго Шверинскаго Архива, письмо изъ Москвы отъ 24 іюня 1570 г., писанное сановникомъ польскаго короля, бывшимъ тогда въ Москвѣ для заключенія мира,—[3] См. Морозовск. лѣт.

[4] Гваньини и Одерборнъ.—[5] Поссевинъ и Д. Хитрей.—[6] Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Карамзинъ выписываетъ цѣлый рядъ извѣстій какъ иностранцевъ, такъ и русской лѣтописи объ этомъ событіи.

своимъ и сильно ударилъ имъ царевича въ голову. Сей несчастный упалъ, обливаясь кровью. Тутъ изчезла ярость Іоаннова. Поблѣднѣвъ отъ ужаса, въ трепетѣ, въ изступленіи онъ воскликнулъ: «я убилъ сына!» и кинулся обнимать, цѣловать его; удерживалъ кровь, текущую изъ глубокой язвы; плакалъ, рыдалъ, звалъ лѣкарей; молилъ Бога о милосердіи, сына о прощеніи. Но судъ небесный совершился!... Царевичъ, лобызая руки отца, нѣжно изъявлялъ ему любовь и состраданіе; убѣждалъ его не предаваться отчаянію; сказалъ, что умираетъ вѣрнымъ сыномъ и подданнымъ... жилъ четыре дня, и скончался 19 ноября, въ ужасной слободѣ Александровской... Тамъ, гдѣ столько лѣтъ лилась кровь невинныхъ, Іоаннъ, обагренный сыновнею, въ оцѣпенѣніи сидѣлъ неподвижно у трупа, безъ пищи и сна нѣсколько дней... 22 ноября вельможи, бояре, князья, всѣ въ одеждѣ черной, понесли тѣло въ Москву. Царь шелъ за гробомъ до самой церкви Св. Михаила Архангела, гдѣ указалъ ему мѣсто между памятниками своихъ предковъ. Погребеніе было великолѣпно и умилительно. Всѣ оплакивали судьбу державнаго юноши, который могъ бы жить для счастія и добродѣтели, если бы рука отцовская, на зло природѣ, безвременно не ввергла его въ развратъ и могилу! Человѣчество торжествовало: оплакивали и самого Іоанна!... Обнаженный всѣхъ знаковъ царскаго сана, въ ризѣ печальной, въ видѣ простаго, отчаяннаго грѣшника, онъ бился о гробъ и землю съ воплемъ пронзительнымъ.

Такъ правосудіе Всевышняго Мстителя и въ семъ мірѣ караетъ иногда исполиновъ безчеловѣчія, болѣе для примѣра, нежели для ихъ исправленія: ибо есть, кажется, предѣлъ во злѣ, за коимъ уже нѣтъ истиннаго раскаянія; нѣтъ свободнаго, рѣшительнаго возврата къ добру: есть только мука, начало адской, безъ надежды и перемѣны сердца. Іоаннъ стоялъ уже далеко за симъ роковымъ предѣломъ: исправленіе *такого* мучителя могло бы соблазнить людей слабыхъ... Нѣсколько времени онъ тосковалъ ужасно; не зналъ мирнаго сна: ночью, какъ бы устрашаемый привидѣніями, вскакивалъ, падалъ съ ложа, валялся среди комнаты, стеналъ, вопилъ; утихалъ только отъ изнуренія силъ; забывался въ минутной дремотѣ на полу, гдѣ клали для него тюфякъ и изголовье; ждалъ и боялся утренняго свѣта, боялся видѣть людей и явить имъ на лицѣ своемъ муку сыноубійцы [1].

Въ семъ душевномъ волненіи Іоаннъ призвалъ знатнѣйшихъ мужей государственныхъ и сказалъ торжественно, что ему, столь жестоко наказанному Богомъ, остается кончить дни въ уединеніи монастырскомъ; что меньшій его сынъ Өедоръ неспособенъ управлять Россіею, и не могъ бы царствовать долго; что бояре должны избрать государя достойнаго, коему онъ немедленно вручитъ державу и сдастъ царство. Всѣ изумились: одни вѣрили искренности Іоанновой и были

[1] Поссевинъ и Одерборнъ.

тронуты до глубины сердца; другіе опасались коварства, думая, что государь желаетъ только вывѣдать ихъ тайныя мысли, и что ни имъ, ни тому, кого они признали бы достойнымъ вѣнца, не миновать лютой казни. Единодушнымъ отвѣтомъ было: «не оставляй насъ; не хотимъ царя, кромѣ Богомъ даннаго, тебя и твоего сына!» Іоаннъ какъ бы невольно согласился носить еще тягость правленія; но удалилъ отъ глазъ своихъ всѣ предметы величія, богатства и пышности; отвергнулъ корону и скипетръ; облекъ себя и дворъ въ одежду скорби; служилъ панихиды и каялся; послалъ 10,000 рублей въ Константинополь, Антіохію, Александрію, Іерусалимъ, къ патріархамъ, да молятся объ успокоеніи души царевича — и самъ наконецъ успокоился!

16. Завоеваніе Сибири *.

Начиная описаніе Ермаковыхъ подвиговъ, скажемъ, что они, какъ все необыкновенное, чрезвычайное, сильно дѣйствуя на воображеніе людей, произвели многія басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ съ истиною и подъ именемъ лѣтописаній обманывали самыхъ историковъ. Такъ, напримѣръ, сотни Ермаковыхъ воиновъ, подобно Кортецовымъ или Пизарровымъ [1], обратились въ тысячи, мѣсяцы дѣйствія въ годы, плаваніе трудное въ чудесное. Оставляя баснословіе, слѣдуемъ въ важнѣйшихъ обстоятельствахъ грамотамъ и достовѣрнѣйшему современному повѣствованію [2] о семъ завоеваніи любопытномъ, дѣйствительно удивительномъ, если и не чудесномъ.

Атаманы плыли четыре дня вверхъ по рѣкѣ Чусовой, быстрой, каменистой, опасной, до хребта Уральскаго и между горами, подъ сѣнію ихъ скалъ навислыхъ; два дни рѣкою Серебряною и достигли ею такъ называемаго *пути Сибирскаго*; остановились и, не зная, что̀ ожидало ихъ впереди, для своей безопасности сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя *Кокуя-городка*; видѣли только пустыни или малочисленныхъ жителей мирныхъ и черезъ волокъ перевезлися оттуда до рѣки Журавли. Сіи мѣста еще и нынѣ ознаменованы памятниками Ермака: скалы, пещеры, слѣды укрѣпленій называются его именемъ; ладіи тяжелыя, оставленныя имъ между Серебряною и Баранчею, еще не совсѣмъ истлѣли, какъ увѣряютъ, и надъ ихъ гніющими днами растутъ высокія деревья. Жаравлею и Тагиломъ вошли атаманы въ рѣку

---

* Изъ 6-й гл. IX тома.—Въ этомъ повѣствовованіи авторъ переноситъ воображеніе читателя изъ Сибири въ Москву и оттуда снова въ Сибирь, не забывая значеніе и этого эпизода для исторіи *государства*.

[1] *Фернардесъ Кортесъ*—завоеватель Мексики, которую и принялъ во владѣніе Испаніи именемъ Карла V въ 1519 г. — *Франсиско Пизарро*—завоеватель Перу, получившій полномочіе Карла V въ 1529 г. управлять открытыми и завоеванными имъ землями.—[2] т. е. Строгановскому лѣтописцу.

Туру, уже въ область Сибирскаго царства, гдѣ въ первый разъ обнажили мечъ завоеванія... Опустошивъ улусы и селенія внизъ по Турѣ, атаманы взяли въ плѣнъ Кучумова сановника Таузака, который, искренностію спасая жизнь, сообщилъ имъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія о землѣ своей и, будучи за то освобожденъ, извѣстилъ ея царя, что предсказаніе сибирскихъ волхвовъ сбывается: ибо сіи кудесники уже давно, какъ пишутъ, вопили на стогнахъ о неминуемомъ скоромъ паденіи его державы отъ нашествія христіанъ. Таузакъ описывалъ казаковъ людьми чудесными, воинами неодолимыми, *стрѣляющими огнемъ смертоноснымъ* на вылетъ сквозь латы. Но Кучумъ[1], лишенный зрѣнія, имѣлъ душу твердую: рѣшился стать мужественно за царство и вѣру, собралъ войско изъ всѣхъ улусовъ, выслалъ племянника Маметкула въ поле съ многочисленною конницею, самъ укрѣпился въ Засѣкѣ, на Иртышѣ, подъ горою Чувашьею, преграждая атаману путь къ Искеру.

Завоеваніе Сибири во многихъ отношеніяхъ сходствуетъ съ завоеваніемъ Мексики и Перу: также горсть людей, стрѣляя огнемъ, побѣждала тысячи, вооруженныя стрѣлами и копьями: ибо сѣверные Моголы и Татары не умѣли воспользоваться изобрѣтеніемъ пороха, и въ концѣ XVI вѣка дѣйствовали единственно оружіемъ временъ Чингисовыхъ. Каждый богатырь Ермаковъ шелъ на толпу непріятелей, смертоносною пулею убивалъ одного, а страшнымъ звукомъ пищали своей разгонялъ двадцать и тридцать[2]. Такъ въ первой битвѣ на берегу Тобола въ урочищѣ Бабасанѣ, Ермакъ, стоя въ окопѣ, нѣсколькими залпами остановилъ стремленіе десяти или болѣе тысячъ всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслися во весь духъ потоптать его: онъ самъ ударилъ на нихъ и, довершивъ побѣду, открылъ себѣ путь къ устью Тобола, хотя и не совсѣмъ безопасный: ибо жители, занявъ крутой берегъ сей рѣки, называемый *Долгимъ Яромъ*, стрѣлами осыпали ладіи казаковъ. Второе, менѣе важное дѣло было въ шестнадцати верстахъ отъ Иртыша... Третья битва, на Иртышѣ, жаркая, упорная, стоила жизни нѣкоторому числу Ермаковыхъ сподвижниковъ, доказавъ, что независимость отечества мила и варварамъ: сибирскіе

---

[1] Въ Ремезовск. лѣт. сказано, что еще задолго до Кучума разныя небесныя знаменія предвѣстили гибель Сибирскаго царства; что на воздухѣ являлся городъ съ христіанскими колокольнями; вода въ Иртышѣ казалась кровавою, Тобольскій мысъ выбрасывалъ золотыя и серебряныя искры...; что сіи знаменія умножились при Кучумѣ, что нерѣдко приходилъ отъ Иртыша бѣлый волкъ, а отъ Тобола черная гончая собака, и грызлись между собою; что волкъ, какъ толковали кудесники, означалъ ханскую силу, а собака—россійскую, которой надлежало побѣдить и пр. (пр. Кар.).—[2] Кучумъ (по Абульгази) господствовалъ 40 л. въ Сибири.—[3] Въ Строган. лѣт.: «Единому козаку противитися съ десятми или съ двадцатми или съ тридесятми погаными.» (Пр. Кар.). Изъ той же лѣтописи и другія подробности.

защитники изъявили неустрашимость и твердость: ввечеру уступили Россіянамъ побѣду, но только до новаго кровопролитія, имѣя еще и доблесть и надежду[1]... Сія главная, кровопролитнѣйшая битва, въ коей пало 107 добрыхъ казаковъ, донынѣ поминаемыхъ въ соборной тобольской церкви, рѣшила господство Россіи отъ Каменнаго хребта до Оби и Тобола.

26 октября Ермакъ, уже знаменитый для исторіи, отпѣвъ молебенъ, торжественно вступилъ въ Искеръ, или въ городъ Сибирь, который стоялъ на высокомъ берегу Иртыша, укрѣпленный съ одной стороны крутизною, глубокимъ оврагомъ, а съ другой—тройнымъ валомъ и рвомъ. Тамъ побѣдители нашли великое богатство, если вѣрить лѣтописцу: множество золота и серебра, азіатскихъ парчей, драгоцѣнныхъ камней, мѣховъ, и все братски раздѣлили между собою. Городъ былъ пустъ: овладѣвъ царствомъ, наши витязи еще не видали въ немъ людей; имѣя золото и соболей, не имѣли пищи: но 30 октября явились къ нимъ Остяки, съ княземъ своимъ Боаромъ, съ дарами и припасами; клялися въ вѣрности, требовали милосердія и покровительства. Скоро явилось множество Татаръ съ женами и дѣтьми, коихъ Ермакъ обласкалъ, успокоилъ, и всѣхъ отпустилъ въ ихъ прежнія юрты, обложивъ легкою данію. Сей бывшій атаманъ разбойниковъ, оказавъ себя героемъ неустрашимымъ, вождемъ искуснымъ, оказалъ необыкновенный разумъ и въ земскихъ учрежденіяхъ, и въ соблюденіи воинской подчиненности, вселивъ въ людей грубыхъ, дикихъ довѣренность къ новой власти, и строгостію усмиряя своихъ буйныхъ сподвижниковъ, которые, преодолѣвъ столько опасностей, въ землѣ завоеванной ими, *на краю свѣта*, не смѣли тронуть ни волоса у мирныхъ жителей...

...Отъ предѣловъ Березовыхъ до Тобола утвердивъ господство Россіи, Ермакъ благополучно возвратился въ Искеръ, тихій и спокойный.

Тогда единственно, по сказанію лѣтописца, сей витязь счастливый далъ знать Строгановымъ, что Богъ помогъ ему одолѣть Салтана, взять его столицу, землю и царевича, а съ народовъ присягу вѣрности; написалъ и къ Іоанну, что его бѣдные опальные казаки, угрызаемые совѣстію, исполненные раскаянія, шли на смерть и присоединили знаменитую державу къ Россіи, во имя Христа и великаго государя, *на вѣки вѣковъ, доколѣ Всевышній благоволитъ стоять міру*; что они ждутъ указа и воеводъ его: сдадутъ имъ царство Сибирское, и безъ всякихъ условій, готовые умереть или въ новыхъ подвигахъ чести или на плахѣ, какъ будетъ угодно ему и Богу. Съ сею грамотою поѣхалъ въ Москву второй атаманъ, первый сподвижникъ Ермака Тимоѳеева, первый съ нимъ въ думѣ и въ сѣчахъ, Иванъ

---

[1] Здѣсь опущено описаніе битвы.

Кольцо, не боясь своего торжественнаго осужденія на лютую казнь преступника....

....Восхищенные вѣстію атамановъ, Строгановы спѣшили въ Москву донести государю о всѣхъ подробностяхъ и молили его утвердить Сибирь за Россіею: ибо они, какъ частные люди, не имѣли способовъ удержать столь обширное завоеваніе. Явились и послы Ермаковы, атаманъ Кольцо съ товарищами, *бить челомъ Іоанну царствомъ Сибирскимъ*, драгоцѣнными соболями, черными лисицами и бобрами. Давно, какъ пишутъ, не бывало такого веселія въ Москвѣ унылой: государь и народъ *воспрянули духомъ*. Слова: «новое царство послалъ Богъ Россіи!» съ живѣйшею радостію повторялись во дворцѣ и на Красной площади. Звонили въ колокола, пѣли молебны благодарственные, какъ въ счастливыя времена Іоанновой юности, завоеваній казанскаго и астраханскаго. Молва увеличивала славу подвига: говорили о безчисленныхъ воинствахъ, разбитыхъ казаками; о множествѣ народовъ, ими покоренныхъ; о несмѣтномъ богатствѣ, ими найденномъ. Казалось, что Сибирь упала тогда съ неба для Россіянъ: забыли ея давнишнюю извѣстность и самое подданство, чтобы тѣмъ болѣе славить Ермака. Опала сдѣлалась честію: оглашенный преступникъ, Иванъ Кольцо, смиренно наклоняя свою повинную голову предъ царемъ и боярами, слышалъ милость, хвалу, имя добраго витязя, и съ слезами лобызалъ руку Іоаннову. Государь жаловалъ его и другихъ сибирскихъ пословъ деньгами, сукнами, камками; немедленно отрядилъ воеводу, князя Семена Дмитріевича Болховскаго, чиновника Ивана Глухова и 500 стрѣльцовъ къ Ермаку; дозволилъ Ивану Кольцу на возвратномъ пути искать охотниковъ для переселенія въ новый край Тобольскій и велѣлъ епископу Вологодскому отправить туда девять священниковъ съ ихъ семействами для христіанскаго богослуженія....

Около двухъ лѣтъ господствуя въ Сибири, казаки успѣли завести торговлю съ самыми отдаленными азіатскими странами, издревле славными богатствомъ и купечествомъ. Уже караваны бухарскіе ходили къ нимъ мимо Арала, сквозь степи Киргизъ-Кайсаковъ, путемъ безъ сомнѣнія давно проложеннымъ (можетъ быть, еще во времена Чингисовы или его наслѣдниковъ), оживляя пустынную сибирскую столицу зрѣлищемъ дѣятельной ярмарки и доставляя тамъ Россіянамъ, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь, плоды восточнаго ремесла, нужные или пріятные для воиновъ, которые не берегли жизни, но любили наслаждаться ею. Ожидая тогда купцовъ бухарскихъ и свѣдавъ, что изгнанникъ Кучумъ не даетъ имъ дороги въ степи Вагайской, гдѣ онъ снова дерзнулъ явиться, пылкій Ермакъ съ пятидесятью казаками спѣшилъ ихъ встрѣтить: искалъ цѣлый день, не видалъ ни каравана, ни слѣдовъ непріятеля, и на возвратномъ пути расположился ночевать въ шатрахъ, оставивъ лодки свои у берега, близъ Вагайскаго устья, гдѣ Иртышъ, дѣлясь надвое, течетъ весьма кривою излучиною къ востоку и прямымъ искусствен-

нымъ каналомъ, называемымъ *Ермаковою перекопью*, но вырытымъ, какъ надобно думать, въ древнѣйшія времена, ибо гладкіе берега его не представляютъ уже ни малѣйшихъ слѣдовъ копанія[1]. Тамъ же, къ югу отъ рѣки, среди низкаго луга, возвышается холмъ, насыпанный, по общему преданію, руками дѣвичьими для жилища царскаго. Между сими памятниками какого-то забытаго вѣка надлежало погибнуть новому завоевателю Сибири, съ коего начинается ея несомнительная исторія — погибнуть отъ своей оплошности, изъяснимой единственно неодолимымъ дѣйствіемъ Рока. Ермакъ зналъ о близости врага и, какъ бы утомленный жизнію, погрузился въ глубокій сонъ съ своими удалыми витязями, безъ наблюденія, безъ стражи. Лилъ сильный дождь; рѣка и вѣтеръ шумѣли, тѣмъ болѣе усыпляли казаковъ: а непріятель бодрствовалъ на другой сторонѣ рѣки; его лазутчики съискали бродъ, тихо приблизились къ стану Ермакову, видѣли сонныхъ, взяли у нихъ три пищали съ лядунками и представили своему царю въ удостовѣреніе, что можно наконецъ истребить непобѣдимыхъ. *Заиграло Кучумово сердце*, какъ сказано въ лѣтописи: онъ напалъ на Россіянъ полумертвыхъ (въ ночи 5 августа) и всѣхъ перерѣзалъ, кромѣ двухъ: одинъ бѣжалъ въ Искеръ; другой, самъ Ермакъ, пробужденный звукомъ мечей и стономъ издыхающихъ, воспрянулъ.... увидѣлъ гибель, махомъ сабли еще отразилъ убійцъ, кинулся въ бурный глубокій Иртышъ и, не доплывъ до своихъ лодокъ, утонулъ отягченный желѣзною бронею, данною ему Іоанномъ.... Конецъ горькій для завоевателя; ибо, лишаясь жизни, онъ могъ думать, что лишается и славы!... Нѣтъ, волны Иртыша не поглотили ее: Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!

Сей герой—ибо отечество благодарное давно изгладило имя разбойника предъ Ермаковымъ—сей герой погибъ безвременно, но совершивъ главное дѣло: ибо Кучумъ, зарѣзавъ 49 сонныхъ казаковъ, уже не могъ отнять Сибирскаго царства у великой державы, которая единожды навсегда признала оное своимъ достояніемъ. Ни современники, ни потомство не думали отнимать у Ермака полной чести сего завоеванія, величая доблесть его не только въ лѣтописаніяхъ, но и въ святыхъ храмахъ, гдѣ мы еще и нынѣ торжественно молимся за него и за дружину храбрыхъ, которые вмѣстѣ съ нимъ пали на берегахъ Иртыша. Тамъ имя сего витязя живетъ и въ названіи мѣстъ, и въ преданіяхъ изустныхъ; тамъ самыя бѣдныя жилища украшаются изображеніемъ *Атамана Князя*. Онъ былъ видомъ благороденъ, сановитъ, росту средняго, крѣпокъ мышцами, широкъ плечами; имѣлъ лицо плоское, но пріятное, бороду черную, волосы темные, кудрявые, глаза свѣтлые, быстрые—зерцало души пылкой, сильной, ума проницатель-

[1] По баснословному сказанію Ремезовск. лѣт., Ермакъ сдѣлалъ сію перекопь длиною около версты, отъ 1 до 4 или 5 авг., т. е. въ 3 или въ 4 дня... (пр. Кар.).

наго. Тѣло Ермаково (13 августа) приплыло къ селенію Епанчинскимъ Юртамъ, въ 12 верстахъ отъ Абалака, гдѣ Татаринъ Янишъ, внукъ князька Бегиша, ловя рыбу, увидѣлъ въ рѣкѣ ноги человѣческія, петлею вытащилъ мертваго, узналъ его по желѣзнымъ латамъ съ мѣдною оправою, съ золотымъ орломъ на груди, и созвалъ всѣхъ жителей деревни видѣть исполина бездушнаго....

Вѣсть о гибели вождя привела въ неописанный ужасъ Россіянъ въ Сибири: ихъ было около ста пятидесяти, казаковъ и воиновъ московскихъ, вмѣстѣ съ остатками иноземной Строгоновской дружины, подъ главнымъ начальствомъ атамана Матвѣя Мещеряка. Съ Ермакомъ все для нихъ кончилось: и смѣлость великодушная, и надежда. Опасаясь Кучума, Сейдека, Карачи, жителей, голода, они рѣшились идти назадъ въ Россію.... Убивъ Ермака, Кучумъ не дерзнулъ приступить къ Искеру; свѣдавъ о бѣгствѣ казаковъ, все еще, для него страшныхъ, непобѣдимыхъ, и въ крѣпости и въ ладіяхъ громоносныхъ, не мыслилъ тревожить ихъ плаванія, и вслѣдъ за сыномъ своимъ Алеемъ вошелъ въ пустой городъ Сибирскій снова царствовать и снова лишиться царства.... Тамъ не осталось Россіянъ; остались ихъ прахъ и могилы: они звали мстителей; тѣни Ермака и его усопшихъ сподвижниковъ манили Россіянъ довершить легкое завоеваніе края неизмѣримаго, отъ каменнаго пояса до Сѣверной Америки и Восточнаго океана, гдѣ въ теченіи вѣковъ надлежало сойтися предѣламъ нашего отечества съ предѣлами Испанскихъ владѣній; гдѣ ожидали насъ не только богатые рудники, драгоцѣнные плоды звѣроловства, выгодная мѣна китайская, но и слава мирнаго гражданскаго образованія дикихъ народовъ, и счастливый способъ искоренять преступленія людей безъ душегубства, оставлять жизнь и злодѣямъ, безвредно и еще не безкорыстно для государства населять ими пустыни—ихъ руками, отъ узъ свободными, извлекать сокровища изъ нѣдръ земли, и нерѣдко исправлять сихъ злосчастныхъ, къ утѣшенію человѣчества. Скоро увидимъ[1] возвращеніе Россіянъ, ихъ дальнѣйшія побѣды и завоеванія въ новомъ мірѣ Сибирскомъ, уже въ царствованіе Іоаннова преемника.

---

17. Смерть Іоанна IV*.

Приступимъ къ описанію часа торжественнаго, великаго!... Мы видѣли жизнь Іоаннову, увидимъ конецъ ея, равно удивительный, желанный для человѣчества, но страшный для воображенія: ибо тиранъ умеръ, какъ жилъ—губя людей, хотя въ современныхъ преданіяхъ и не именуются его послѣднія жертвы[1]. Можно ли вѣрить безсмертію и

---

[1] Въ главѣ о царствованіи Ѳеодора Іоанновича.

* Изъ 7-й гл. IX тома.—[1] Одерборнъ.

не ужаснуться *такой* смерти?... Сей грозный часъ, давно предсказанный Іоанну и совѣстію, и невинными мучениками, тихо близился къ нему, еще не достигшему глубокой старости, еще бодрому въ духѣ, пылкому въ вожделѣніяхъ сердца. Крѣпкій сложеніемъ, Іоаннъ надѣялся на долголѣтіе: но какая тѣлесная крѣпость можетъ устоять противъ свирѣпаго волненія страстей, обуревающихъ мрачную жизнь тирана? Всегдашній трепетъ гнѣва и боязни, угрызеніе совѣсти безъ раскаянія, гнусные восторги.... мука стыда, злоба безсильная въ неудачахъ оружія, наконецъ адская казнь сыноубійства истощили мѣру силъ Іоанновыхъ: онъ чувствовалъ иногда болѣзненную томность, предтечу удара и разрушенія, но боролся съ нею и не слабѣлъ замѣтно до зимы 1584 года. Въ сіе время явилась комета съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ между церковію Іоанна Великаго и Благовѣщенія: любопытный царь вышелъ на Красное крыльцо, смотрѣлъ долго, измѣнился въ лицѣ и сказалъ окружающимъ: *вотъ знаменіе моей смерти*[1]! Тревожимый сею мыслію, онъ искалъ, какъ пишутъ, астрологовъ, мнимыхъ волхвовъ, въ Россіи и въ *Лапландіи*, собралъ ихъ до шестидесяти; отвелъ имъ домъ въ Москвѣ, ежедневно посылалъ любимца своего Бѣльскаго толковать съ ними о кометѣ и скоро занемогъ опасно: вся внутренность его начала гнить [2], а тѣло пухнуть. Увѣряютъ, что астрологи предсказали ему неминуемую смерть черезъ нѣсколько дней, именно 18 марта, но что Іоаннъ велѣлъ имъ молчать, съ угрозою сжечь ихъ всѣхъ на кострѣ, если будутъ нескромны. Въ теченіи февраля мѣсяца онъ еще занимался дѣлами; но 10 марта велѣно было остановить посла литовскаго на пути въ Москву, *ради недуга государева* [3]. Еще самъ Іоаннъ далъ сей приказъ; еще надѣялся на выздоровленіе, однако жъ созвалъ бояръ и велѣлъ писать завѣщаніе; объявилъ царевича Θеодора наслѣдникомъ престола и монархомъ; избралъ знаменитыхъ мужей—князя Ивана Петровича Шуйскаго (славнаго защитою Пскова), Ивана Θеодоровича Мстиславскаго (сына родной племянницы великаго князя Василія), Никиту Романовича Юрьева (брата первой царицы, добродѣтельной Анастасіи), Бориса Годунова и Бѣльскаго [4]—въ совѣтники и блюстители державы, да облегчаютъ юному Θеодору (слабому тѣломъ и душою) бремя заботъ государственныхъ; младенцу Димитрію съ матерію назначилъ въ удѣлъ городъ Угличъ и ввѣрилъ его воспитаніе одному Бѣльскому; изъявилъ благодарность всѣмъ боярамъ и воеводамъ; называлъ ихъ своими друзьями и сподвижниками въ завоеваніи царствъ невѣрныхъ, въ побѣдахъ, одержанныхъ надъ Ливонскими рыцарями, надъ ханомъ и султаномъ, убѣждалъ Θеодора царствовать *благочестиво, съ любовію и милостію*,

---

[1] См. Арх. Ростовск. лѣт., Латух. Степенную книгу, Лѣтопись Львова и Горсея... (пр. Кар.).—[2] Одерборнъ и Горсей.—[3] Въ дѣлахъ Польскихъ.—[4] Степенная книга. Одерборнъ, Гейденштейнъ и очевидецъ Горсей.

совѣтовалъ ему и пяти главнымъ вельможамъ удаляться отъ войны съ христіанскими державами; говорилъ о несчастныхъ случаяхъ войны литовской и шведской; жалѣлъ объ истощеніи Россіи; предписалъ уменьшить налоги, освободить всѣхъ узниковъ, даже плѣнниковъ литовскихъ и нѣмецкихъ. Казалось, что онъ, готовясь оставить тронъ и свѣтъ, хотѣлъ примириться съ совѣстію, съ человѣчествомъ, съ Богомъ—отрезвился душою, бывъ дотолѣ въ упоеніи зла, и желалъ спасти юнаго сына отъ своихъ гибельныхъ заблужденій; казалось, что лучъ святой истины въ преддверіи могилы освѣтилъ наконецъ сіе мрачное, хладное сердце; что раскаяніе и въ немъ подѣйствовало, когда ангелъ смерти невидимо предсталъ ему съ вѣстію о вѣчности..

Но въ то время, когда безмолвствовалъ Дворецъ въ печали (ибо о всякомъ умирающемъ вѣнценосцѣ искренно и лицемѣрно дворъ печалится); когда любовь христіанская умиляла сердце народа; когда, забывъ свирѣпость Іоаннову, граждане столицы молились въ храмахъ о выздоровленіи царя; когда молились о немъ самыя опальныя семейства, вдовы, сироты людей, невинно избіенныхъ... что̀ дѣлалъ онъ, касаясь гроба? Въ минуты облегченія приказывалъ носить себя на креслахъ въ палату, гдѣ лежали его сокровища дивныя [1]; разсматривалъ каменья драгоцѣнные, и 15 марта показывалъ ихъ съ удовольствіемъ англичанину Горсею, ученымъ языкомъ знатока описывая достоинство алмазовъ и яхонтовъ!... Каялся ли грѣшникъ? думалъ ли о близкомъ грозномъ судѣ Всевышняго?

Уже силы недужнаго изчезали, мысли омрачались: лежа на одрѣ въ безпамятствѣ, Іоаннъ громко звалъ къ себѣ убитаго сына, видѣлъ его въ воображеніи, говорилъ съ нимъ ласково... 17 марта ему стало лучше отъ дѣйствія теплой ванны, такъ что онъ велѣлъ послу литовскому немедленно ѣхать изъ Можайска въ столицу, и на другой день (если вѣрить Горсею) сказалъ Бѣльскому[2]: «объяви казнь лжецамъ астрологамъ: нынѣ по ихъ баснямъ мнѣ должно умереть, а я чувствую себя гораздо бодрѣе». *Но день еще не миновалъ*, отвѣтствовали ему астрологи. Для больнаго снова изготовили ванну: онъ пробылъ въ ней около трехъ часовъ, легъ на кровать, всталъ, спросилъ шахматную доску и, сидя въ халатѣ на постели, самъ разставилъ шашки; хотѣлъ играть съ Бѣльскимъ... вдругъ упалъ и закрылъ глаза навѣки, между тѣмъ, какъ врачи терли его крѣпительными жидкостями, а митрополитъ—исполняя, вѣроятно, давно извѣстную волю Іоаннову,—читалъ молитвы постриженія надъ издыхающимъ, названнымъ въ монашествѣ Іоною[3]... Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ: ждали, что̀ будетъ, не дерзая спрашивать. Іоаннъ ле-

---

1 Одерборнъ.—2 Горсей и лѣт. Львова.—3 Главныя обстоятельства кончины Іоанновой взяты изъ Горсея. Наши лѣтописцы и Хитрей свидѣтельствуютъ о постриженіи. См. также Одерборна и Гейденштейна... (пр. Кар.).

жалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: „не стало государя!“ раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно... отъ того ли, какъ пишутъ, что зналъ слабость Ѳеодорову и боялся худыхъ ея слѣдствій для государства, или платя христіанскій долгъ жалости усопшему монарху, хотя и жестокому?... На третій день совершилось погребеніе великолѣпное въ храмѣ св. Михаила Архангела; текли слезы; на лицахъ изображалась горесть, и земля тихо приняла въ свои нѣдра трупъ Іоанновъ! Безмолствовалъ судъ человѣческій предъ Божественнымъ—и для современниковъ опустилась на ѳеатръ завѣса; память и гробы остались для потомства.

Между иными тяжкими опытами Судьбы, сверхъ бѣдствій удѣльной системы, сверхъ ига Моголовъ, Россія должна была испытать и грозу самодержца-мучителя; устояла съ любовію къ самодержавію, ибо вѣрила, что Богъ посылаетъ и язву, и землетрясеніе, и тирановъ; не преломила желѣзнаго скиптра въ рукахъ Іаонновыхъ, и двадцать-четыре года сносила губителя, вооружаясь единственно молитвою и терпѣніемъ, чтобы въ лучшія времена имѣть Петра Великаго, Екатерину Великую (исторія не любитъ именовать живыхъ). Въ смиреніи великодушномъ страдальцы умирали на лобномъ мѣстѣ, какъ Греки въ Термопилахъ за отечество, за вѣру и вѣрность, не имѣя и мысли о бунтѣ. Напрасно нѣкоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Іоаннову, писали о заговорахъ, будто бы уничтоженныхъ ею: сіи заговоры существовали единственно въ смутномъ умѣ царя, по всѣмъ свидѣтельствамъ нашихъ лѣтописей и бумагъ государственныхъ. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы звѣря изъ вертепа слободы Александровской, еслибы замышляли измѣну, взводимую на нихъ столь же нелѣпо, какъ и чародѣйство. Нѣтъ, тигръ упивался кровію агнцевъ—и жертвы, издыхая въ невинности, послѣднимъ взоромъ на бѣдственную землю требовали справедливости, умилительнаго воспоминанія отъ современниковъ и потомства!

---

18. По смерти Іоанна Грознаго *.

„Первые дни по смерти тирана“ (говоритъ римскій исто-

* Начало 1-й гл. X тома.—Въ началѣ высказано общее явленіе при аналогичныхъ описаннымъ обстоятельствахъ. Затѣмъ авторъ воспроизводитъ по источникамъ (указаннымъ ниже) настроеніе народа въ первое время по кончинѣ Іоанна; дѣлаетъ очеркъ новаго правительства и мятежа. Здѣсь же авторъ знакомитъ читателя съ личностью Бориса Годунова, сначала сообщая взглядъ современниковъ на него. Картина удаленія Димитрія и ссылка Бѣльскаго изложена безъ указанія на одно лицо, которое руководило бы всѣми этими дѣйствіями. Въ концѣ авторъ выясняетъ тайную власть Годунова надъ новымъ царемъ и пред-

рикъ[1],) „бываютъ счастливѣйшими для народовъ": ибо конецъ страданія есть живѣйшее изъ человѣческихъ удовольствій.

Но царствованіе жестокое часто готовитъ царствованіе слабое: новый вѣнценосецъ, боясь уподобиться своему ненавистному предшественнику и желая снискать любовь общую, легко впадаетъ въ другую крайность—въ послабленіе, вредное государству. Сего могли опасаться истинные друзья отечества тѣмъ болѣе, что знали необыкновенную кротость наслѣдника Іоаннова, соединенную въ немъ съ умомъ робкимъ, съ набожностію безпредѣльною, съ равнодушіемъ къ мірскому величію. На громоносномъ престолѣ свирѣпаго мучителя Россія увидѣла *постника и молчальника*, болѣе для келліи и пещеры, нежели для власти державной рожденнаго: такъ въ часы искренности говорилъ о Ѳеодорѣ самъ Іоаннъ, оплакивая смерть любимаго, старшаго сына[2]. Не наслѣдовавъ ума царственнаго, Ѳеодоръ не имѣлъ и сановитой наружности отца, ни мужественной красоты дѣда и прадѣда: былъ роста малаго, дряблъ тѣломъ, лицомъ блѣденъ[3]; всегда улыбался, но безъ живости; двигался медленно, ходилъ неровнымъ шагомъ, отъ слабости въ ногахъ; однимъ словомъ, изъявлялъ въ себѣ преждевременное изнеможеніе силъ естественныхъ и душевныхъ. Угадывая, что двадцатисемилѣтній государь, осужденный природою на всегдашнее малолѣтство духа, будетъ зависѣть отъ вельможъ или монаховъ, многіе не смѣли радоваться концу тиранства, чтобы не пожалѣть о немъ во дни безначалія, козней и смутъ боярскихъ, менѣе губительныхъ для людей, но еще бѣдственнѣйшихъ для великой державы, устроенной сильною, нераздѣльною властію царскою... Къ счастію Россіи, Ѳеодоръ, боясь власти какъ опаснаго повода къ грѣхамъ, ввѣрилъ кормило государства рукѣ искусной—и сіе царствованіе, хотя не чуждое беззаконій, хотя и самымъ ужаснымъ злодѣйствомъ омраченное, казалось современникамъ милостію Божіею, благоденствіемъ, златымъ вѣкомъ[4]: ибо наступило послѣ Іоаннова!

Новая пентархія, или Верховная Дума, составленная умирающимъ Іоанномъ изъ *пяти вельможъ*, была предметомъ общаго вниманія, на-

---

лагаетъ краткую его характеристику, въ основаніи которой положенъ контрастъ его дарованій съ порочностію. Этотъ взглядъ, заимствованный у лѣтописца, развитъ далѣе Карамзинымъ во всемъ повѣствованіи о Борисовомъ царствованіи.

[1] Тацитъ.—[2] «Іоаннъ»—говоритъ Петрей—«часто укорялъ Ѳеодора тѣмъ, что онъ созданъ былъ звонаремъ, а не царемъ»: ибо Ѳеодоръ любилъ звонить въ колокола, пріученный къ тому самимъ отцомъ: «о мирскихъ же ни о чемъ попеченіе имѣя» (пр. Кар.) Тутъ же ссылка на повѣсть патр. Іова.—[3] См. Написаніе о Царехъ, въ Русск. Достопам. (Тутъ же ссылка на Флетчера). Въ Моск. Арханг. соборѣ надъ гробницею Ѳеодора видимъ его изображеніе (пр. Кар.).—[4] Ссылка на Морозовскую лѣтопись, гдѣ между прочимъ сказано: «все православное Христіанство начаша отъ скорби бывшія утѣшатися, и тихо и безмятежно жити».

дежды и страха. Князь Мстиславскій отличался единственно знатностію рода и сана, будучи старшимъ бояриномъ и воеводою. Никиту Романовича Юрьева уважали какъ брата Анастасіи и дядю государева, любили какъ вельможу благодушнаго, не очерненнаго даже и злословіемъ въ бѣдственныя времена кровопійства. Въ князѣ Шуйскомъ чтили славу великаго подвига ратнаго, отважность и бодрость духа. Бѣльскаго, хитраго, гибкаго, ненавидѣли какъ перваго любимца Іоаннова. Уже знали рѣдкія дарованія Годунова, и тѣмъ болѣе опасались его: ибо онъ тоже умѣлъ снискать особенную милость тирана, былъ зятемъ гнуснаго Малюты Скуратова, свойственникомъ и другомъ (едвали искреннимъ) Бѣльскаго.—Пріявъ власть государственную, Дума Верховная въ самую первую ночь (18 марта) выслала изъ столицы многихъ извѣстныхъ услужниковъ Іоанновой лютости, другихъ заключила въ темницы[1], а къ родственникамъ вдовствующей царицы, Нагимъ, приставила стражу, обвиняя ихъ въ злыхъ умыслахъ (вѣроятно, въ намѣреніи объявить юнаго Димитрія наслѣдникомъ Іоанновымъ). Москва волновалась, но бояре утишили сіе волненіе: торжественно присягнули Өеодору вмѣстѣ со всѣми чиновниками и въ слѣдующее утро письменно обнародовали его воцареніе. Отряды воиновъ ходили изъ улицы въ улицу; пушки стояли на площадяхъ[2]. Немедленно пославъ гонцовъ въ области съ указомъ молиться о душѣ Іоанновой и счастливомъ царствованіи Өеодора, новое правительство созвало великую Думу Земскую, знатнѣйшее духовенство, дворянство и всѣхъ людей именитыхъ, чтобы взять нѣкоторыя общія мѣры для государственнаго устройства. Назначили день царскаго вѣнчанія[3]; соборною грамотою утвердили его священные обряды; разсуждали о благосостояніи державы; о средствахъ облегчить народныя тягости. Тогда же послали вдовствующую царицу съ юнымъ сыномъ, отца ея, братьевъ, всѣхъ Нагихъ въ городъ Угличъ, давъ ей царскую услугу, стольниковъ, стряпчихъ, дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ для обереганія[4]. Добрый Өеодоръ, нѣжно прощаясь съ младенцемъ Димитріемъ, обливался горькими слезами, какъ бы невольно исполняя долгъ, болѣзненный для своего сердца. Сіе удаленіе царевича, единственнаго наслѣдника державы, могло казаться блестящею ссылкою, и пѣстунъ Димитріевъ Бѣльскій, не желая въ ней участвовать, остался въ Москвѣ; онъ надѣялся законодательствовать въ Думѣ, но увидѣлъ грозу надъ собою.

Между тѣмъ, какъ Россія славила благія намѣренія новаго правительства, въ Москвѣ коварствовали зависть и беззаконное властолюбіе: сперва носились темные слухи о великой опасности, угрожающей юно-

[1] Въ Никон. лѣт.: «По представленіи царя тоежъ нощи Б. Ө. Годуновъ съ совѣтники возложи измѣну на Нагихъ... и иныхъ многихъ поимаху, коихъ жаловалъ царь Иванъ»... (пр. Кар.).—[2] Ссылка па Горсея.—[3] Ссылка на Горсея, на Собр. Госуд грамотъ и на Никон. лѣт.—[4] Ссылка на Морозовскую лѣт.

му монарху, и скоро наименовали и человѣка, готоваго злодѣйствомъ изумить Россію: сказали, что Бѣльскій будто бы отравилъ Іоанна, мыслитъ погубить и Ѳеодора, умертвить всѣхъ бояръ; возвести на престолъ своего друга и совѣтника—Годунова[1]! Тайными виновниками сей клеветы считали князей Шуйскихъ, а Ляпуновыхъ и Кикиныхъ, дворянъ рязанскихъ, ихъ орудіями, возмутителями народа легковѣрнаго, который, принявъ оную за истину, хотѣлъ усердіемъ спасти царя и царство отъ умысловъ изверга. Вопль бунта раздался изъ конца въ конецъ Москвы, и двадцать тысячъ вооруженныхъ людей, чернь, граждане, дѣти боярскіе, устремились къ Кремлю, гдѣ едва успѣли затворить ворота, собрать нѣсколько стрѣльцовъ для защиты и Думу для совѣта въ опасности незапной. Мятежники овладѣли въ Китаѣ-городѣ тяжелымъ снарядомъ, обратили Царь-пушку къ воротамъ Флоровскимъ[2] и хотѣли разбить ихъ, чтобы вломиться въ крѣпость. Тогда государь выслалъ къ нимъ князя Ивана Мстиславскаго, боярина Никиту Романовича, дьяковъ Андрея и Василія Щелкаловыхъ, спросить, что виною мятежа, и чего они требуютъ. „Бѣльскаго"! отвѣтствовалъ народъ: „выдайте намъ злодѣя! Онъ мыслитъ извести царскій корень и всѣ роды боярскіе!» Въ тысячу голосовъ вопили: «Бѣльскаго!» Сей несчастный вельможа, изумленный обвиненіемъ, устрашенный злобою народа, искалъ безопасности въ государевой спальнѣ[3], трепеталъ и молилъ о спасеніи. Ѳеодоръ зналъ его невинность; знали оную и бояре: но, искренно или притворно ужасаясь кровопролитія, вступили въ переговоры съ мятежниками; склонили ихъ удовольствоваться ссылкою мнимаго преступника и немедленно выслать Бѣльскаго изъ Москвы, Народъ, восклицая: „да здравствуетъ царь съ вѣрными боярами!" мирно разошелся по домамъ; а Бѣльскій съ того времени воеводствовалъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

Отъ такой постыдной робости, отъ такого униженія самодержавной власти чего ожидать надлежало? Козней въ Думѣ, своевольства въ народѣ, безпорядка въ правленіи. Бѣльскаго удалили: Годуновъ остался для мести! Мятежники не требовали головы его, не произнесли его имени, уважая въ немъ царицына брата: но онъ видѣлъ умыселъ клеветниковъ; видѣлъ, что дерзкіе виновники сего возмущенія готовятъ ему гибель, и думалъ о своей безопасности. Дотолѣ дядя царскій, по древнему уваженію къ родственному старѣйшинству, могъ считать себя первымъ вельможею: такъ мыслилъ и Дворъ и народъ; такъ мы-

---

[1] См. Никон. лѣт. и другія, Въ Латухинск. Степенной кн: «Діаволъ вложи мнѣніе въ народѣ, яко Бѣльскій со своими совѣтники извелъ ц. I В... и царство прочитъ совѣтнику своему Борису: начальницы, глаголютъ, тому, по заводу Шуйскихъ бояръ, были Рязанцы Ляпуновы и Кикины». Сей мятежъ былъ еще до коронаціи Ѳеодоровой... около 10 мая (пр. Карамз.)—[2] Нынѣ *Спасскимъ*.—
[3] Ссылка на Бауса.

слилъ и лукавый дьякъ государственный Андрей Щелкаловъ, стараясь снискать довѣренность боярина Юрьева и надѣясь вмѣстѣ съ нимъ управлять Думою. Знали власть Годунова надъ сестрою нѣжною, добродѣтельною Ириною, уподобляемою лѣтописцами Анастасіи (ибо тогда не было инаго сравненія въ добродѣтеляхъ женскихъ; знали власть Ирины надъ Өеодоромъ, который въ семъ мірѣ истинно любилъ, можетъ быть, одну супругу; но Годуновъ, казалось, выдалъ друга: радовались его безсилію или боязливости, не угадывая, что онъ вѣроятно притворствовалъ въ дружбѣ къ Бѣльскому, внутренно опасаясь въ ней тайнаго совмѣстника, и воспользуется симъ случаемъ для утвержденія своего могущества: ибо Өеодоръ мягкосердечный, обремененный державою, испуганный мятежомъ, видя необходимость мѣръ строгихъ для государственнаго устройства, и не имѣя ни проницанія въ умѣ, ни твердости въ волѣ, искалъ болѣе, нежели совѣтника или помощника, искалъ, на кого возложить всю тягость правленія, съ отвѣтственностію предъ единымъ Богомъ, и совершенно отдался смѣлому честолюбцу, ближайшему къ сердцу его милой супруги. Безъ всякой хитрости, слѣдуя единственно чувству, зная умъ, не зная только злыхъ, тайныхъ наклонностей Годунова, Ирина утвердила союзъ между царемъ, неспособнымъ властвовать, и подданнымъ, достойнымъ власти. Сей мужъ знаменитый находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ тѣлесной и душевной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вельможъ (такъ говоритъ лѣтописецъ[1]) Борисъ не имѣлъ только... добродѣтели; хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для нея выгодою—и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борисову.

Первымъ дѣйствіемъ Годунова было наказаніе Ляпуновыхъ, Кикиныхъ, и другихъ главныхъ возмутителей московской черни; ихъ послали въ дальніе города и заключили въ темницы. Народъ молчалъ или славилъ правосудіе царя; Дворъ угадывалъ виновника сей закон-

---

[1] Въ Морозовской лѣт.: «Бысть бо вышереченный Борисъ Ө. одаренъ отъ Бога возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ *паче всѣхъ человѣкъ*: образомъ своимъ и дѣлы множество людей превзошелъ, и никто же бѣ ему отъ царскаго сигклита подобенъ въ благолѣпіи лица его и въ разсужденіи ума его, велерѣчивъ зѣло... Но врагъ свою злобу въ немъ положилъ, лукавство и властолюбіе: Богъ убо человѣка устрояетъ на добро, а врагъ поощряетъ на зло—а сей Борисъ не уклонися на добродѣтель, но лукавство, и на вражіе коварство умъ свой изострилъ» (пр. Кар.).

ной строгости, и съ безпокойствомъ взиралъ на Бориса, коего рѣшительное владычество открылось не прежде Θеодорова царскаго вѣнчанія, отложеннаго ради шестинедѣльнаго моленія объ усопшемъ вѣнценосцѣ до 31 мая [1].

19. Вѣнчаніе Годунова на царство *.

Наконецъ Борисъ вѣнчался на царство еще пышнѣе и торжественнѣе Θеодора, ибо пріялъ утварь Мономахову изъ рукъ вселенскаго патріарха. Народъ благоговѣлъ въ безмолвіи; но когда царь, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства, какъ бы забывъ уставъ церковный, среди литургіи воззвалъ громогласно: «Отче, великій патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго», и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: «отдамъ и сію послѣднюю народу [2]»: тогда единодушный восторгъ прервалъ священнодѣйствіе: слышны были только клики умиленія и благодарности въ храмѣ; бояре славословили монарха, народъ плакалъ. Увѣряютъ, что новый вѣнценосецъ, тронутый знаками общей къ нему любви, тогда же произнесъ и другой важный обѣтъ: щадить жизнь и кровь самыхъ преступниковъ и единственно удалять ихъ въ пустыни Сибирскія [3]. Однимъ словомъ, никакое царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей.—Осыпанный въ дверяхъ церковныхъ золотомъ изъ рукъ Мстиславскаго, Борисъ въ коронѣ, съ державою и скипетромъ спѣшилъ въ царскую палату занять мѣсто варяжскихъ князей на тронѣ Россіи, чтобы милостями, щедротами и государственными благодѣяніями праздновать сей день великій.

20. Первые два года царствованія Бориса Годунова**.

Въ усердной любви къ гражданскому образованію Борисъ превзошелъ всѣхъ древнѣйшихъ вѣнценосцевъ Россіи, имѣвъ намѣреніе

---

1 Такъ у Горсея. Въ *Ядрѣ Росс. Исторіи* замедленіе коронаціи приписано мятежу народа московскаго (прим. Кар).

* Изъ I-й гл. XI тома.

2 Въ *Исторіи* современника, знаменитаго келаря Авраамія Палицына: «И во время литургіи, стоя подъ рукою св. Патріарха, не вѣмы чего ради, испусти сицевъ глаголъ зѣло высокъ: «се Отче В. Патр. Іовъ, Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ—и тряся верхъ срачицы на себѣ: и сію послѣднюю, рече, раздѣлю со всѣми». См. также Латух. Степенную книгу и хронографы (пр. Кар.)—3 см. Бера и Петрея. Сей обѣтъ, говорятъ они, далъ Борисъ на 5 лѣтъ (пр. Кар.).

** Изъ 1-й гл. XI тома.—Подобно тому, какъ царствованіе Іоанна Грознаго представлено у Карамзина въ двухъ періодахъ его жизни, противоположныхъ между собою, такъ и царствованіе Бориса Годунова въ его изложеніи по-

завести школы и даже *университеты*, чтобы учить молодыхъ Россіянъ языкамъ европейскимъ и *наукамъ*: въ 1600 году онъ посылалъ въ Германію Нѣмца Іоанна Крамера, уполномочивъ его искать тамъ и привезти въ Москву профессоровъ и докторовъ. Сія мысль обрадовала въ Европѣ многихъ ревностныхъ друзей просвѣщенія: одинъ изъ нихъ, учитель правъ, именемъ Товія Лонціусъ, писалъ къ Борису (въ генварѣ 1601): «Ваше Царское Величество хотите быть истиннымъ отцомъ отечества и заслужить всемірную, безсмертную славу. Вы избраны Небомъ совершить дѣло великое, новое для Россіи: просвѣтить умъ вашего народа несмѣтнаго, и тѣмъ возвысить его душу вмѣстѣ съ государственнымъ могуществомъ, слѣдуя примѣру Египта, Греціи, Рима и знаменитыхъ державъ европейскихъ, цвѣтущихъ искусствами и науками благородными». Сіе важное намѣреніе не исполнилось, какъ пишутъ, отъ сильныхъ возраженій духовенства, которое представило царю, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ закона и языка; что разность языковъ можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для церкви; что во всякомъ случаѣ неблагоразумно ввѣрить ученіе юношества католикамъ и лютеранамъ. Но оставивъ мысль заводить *университеты* въ Россіи, царь послалъ 18 молодыхъ *боярскихъ людей* въ Лондонъ, въ Любекъ и во Францію учиться языкамъ иноземнымъ, также, какъ молодые Англичане и Французы ѣздили тогда въ Москву учиться русскому. Умомъ естественнымъ понявъ великую истину, что народное образованіе есть сила государственная, и видя несомнительное въ ономъ превосходство другихъ европейцевъ, онъ звалъ къ себѣ изъ Англіи, Голландіи, Германіи, не только лѣкарей, художниковъ, ремесленниковъ, но и людей чиновныхъ въ службу. Такъ посланникъ нашъ Микулинъ сказалъ въ Лондонѣ тремъ путешествующимъ баронамъ нѣмецкимъ, что если они желаютъ изъ любопытства видѣть Россію, то царь съ удовольствіемъ приметъ ихъ и съ честію отпуститъ; но если, любя славу, хотятъ служить ему умомъ и мечомъ въ дѣлѣ воинскомъ, наравнѣ съ князьями владѣтельными, то удивятся его ласкѣ и милости. Въ 1601 году Борисъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ принялъ въ Москву 35 ливонскихъ дворянъ и гражданъ, изгнанныхъ изъ отечества Поляками. Они не смѣли идти во дворецъ, будучи худо одѣты; царь велѣлъ сказать имъ: хочу видѣть людей, а не платье»; обѣдалъ съ ними, утѣшалъ ихъ и тронулъ до слезъ увѣреніемъ, что будетъ вмѣсто отца: дворянъ сдѣлаетъ князьями, мѣщанъ дворянами, далъ каждому, сверхъ богатыхъ тканей и со-

---

лучило расположеніе по контрасту: выдерживая этотъ пріемъ, авторъ въ изображеніи 1-го періода царствованія (1598—1600) выдвигаетъ свѣтлыя стороны героя своего повѣствованія. Заключеніе этой статьи есть переходъ къ повѣствованію о перемѣнѣ въ душѣ Бориса, произведенной голосомъ совѣсти, запятнанной убіеніемъ царевича Димитрія.

болей, пристойное жалованье и помѣстье, не требуя въ возмездіе ничего, кромѣ любви, вѣрности и молитвы о благоденствіи его дома.

Признательность иноземцевъ къ милостямъ царя не осталась безплодною для его славы: мужъ ученый Фидлеръ, житель Кенигсбергскій (братъ одного изъ Борисовыхъ медиковъ), сочинилъ ему въ 1602 году на латинскомъ языкѣ похвальное слово, которое читала Европа, и въ коемъ ораторъ уподобляетъ своего героя Нумѣ, превознося въ немъ законодательную мудрость, миролюбіе и *чистоту нравовъ*. Сію послѣднюю хвалу дѣйствительно заслуживалъ Борисъ, ревностный наблюдатель всѣхъ уставовъ церковныхъ и правилъ благочинія, трезвый, воздержный, трудолюбивый, врагъ забавъ суетныхъ и примѣръ въ жизни семейной, супругъ, родитель нѣжный, особенно къ милому, ненаглядному сыну, котораго онъ любилъ до слабости, ласкалъ непрестанно, называлъ своимъ повелителемъ, не пускалъ никуда отъ себя, воспитывалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, даже училъ наукамъ: любопытнымъ памятникомъ географическихъ свѣдѣній сего царевича осталась ландкарта Россіи, изданная подъ его именемъ въ 1614 году Нѣмцемъ Герардомъ. Готовя въ сынѣ достойнаго монарха для великой державы и заблаговременно пріучая всѣхъ любить Ѳеодора, Борисъ въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ давалъ ему право ходатая, заступника, умирителя, ждалъ его слова, чтобы оказать милость и снисхожденіе, дѣйствуя и въ семъ случаѣ безъ сомнѣнія какъ искусный политикъ, но еще болѣе какъ страстный отецъ, и своимъ семейственнымъ счастіемъ доказывая, сколь неизъяснимо сліяніе добра и зла въ сердцѣ человѣческомъ.

Но время приближалось, когда сей мудрый властитель, достойно славимый тогда въ Европѣ за свою разумную политику, любовь къ просвѣщенію, ревность быть истиннымъ отцомъ отечества,—наконецъ за благонравіе въ жизни общественной и семейственной, долженъ былъ вкусить горькій плодъ беззаконія и сдѣлаться одною изъ удивительныхъ жертвъ суда небеснаго. Предтечами были внутреннее безпокойство Борисова сердца и разные бѣдственные случаи, коимъ онъ еще усильно противоборствовалъ твердостію духа, чтобы вдругъ оказать себя слабымъ и какъ бы безпомощнымъ въ послѣднемъ явленіи своей судьбы чудесной.

21. Послѣднія пять лѣтъ царствованія Бориса Годунова. *)

Достигнувъ цѣли, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты самодержца усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, ко-

* 2-я гл. XI-го тома (съ небольшими пропусками). Здѣсь излагается 1600—1605 годы царствованія Бориса.—Введеніе. Форма его—вопросительный пе-

варствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его—величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.

Первые два года сего царствованія казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка или съ ея возстановленія[1]: она была на высшей степени своего новаго могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія и справедливо хотѣлъ именоваться отцомъ народа, уменьшивъ его тягости; отцомъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою[2]. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; синклитъ, уважаемый царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое царемъ набожнымъ, — однимъ словомъ, всѣ

ріодъ, за которымъ слѣдуетъ отвѣтъ. Аподозисъ періода состоитъ изъ 2-хъ вопросовъ: 1-й имѣетъ въ виду Годунова, какъ царя, 2-й—какъ человѣка. Протазисъ состоитъ изъ придаточныхъ предложеній въ дѣепричастной, столь любимой Карамзинымъ, формѣ; дополненія 2-го изъ нихъ расположены съ соблюденіемъ градаціи. Какъ протазисъ, такъ и аподозисъ подготовляютъ къ отвѣту, который слѣдуетъ за этимъ періодомъ. Такъ-какъ отвѣтъ здѣсь—сужденіе раздѣлительное («по крайней мѣрѣ не долго»—«или не наслаждался вовсе или наслаждался не долго»), то и подготовляющій къ нему періодъ заключаетъ данныя, какъ основанія того и другаго сказуемаго: положительный отвѣтъ обѣщаютъ: «достигнувъ цѣли», «и возникнувъ изъ ничтожности... до высоты самодержца», «усиліями неутомимыми»; дополненіе «и хитростію неусыпною» служитъ уже переходомъ къ указанію обѣщающихъ отрицательный отвѣтъ дѣйствій Бориса: «...коварствомъ», «происками», «злодѣйствомъ»; къ тому же служитъ обобщающее ихъ придаточное предложеніе: «купленнымъ столь *дорогою цѣною*» въ 1-мъ вопросѣ, эпитетъ «чистѣйшимъ» (удовольствіемъ), усиливающій требованія истиннаго счастія, во 2-мъ вопросѣ. Періодъ оканчивается придаточнымъ предложеніемъ («благодаря... заслуживая любовь»), вновь обѣщающимъ отвѣтъ положительный.

Согласно раздѣлительному сужденію введенія, и вся статья излагаетъ двѣ поры царствованія Бориса: 1-ю, повидимому счастливую пору, и 2-ю пору—несчастную. О 1-й авторъ не распространяется здѣсь, такъ какъ изобразилъ ее въ предъидущей главѣ: словами «Россія любила своего вѣнценосца, долго стараясь забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въ ономъ» онъ оканчиваетъ повѣствованіе объ этой эпохѣ. Сужденіемъ: «Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной» переходитъ къ изложенію 2-й эпохи царствованія, несчастнаго пятилѣтія, составляющаго главный предметъ повѣствованія въ этой главѣ.

[1] Современникъ, келарь Троицкой Сергіевой Лавры Авраамій. Маржеретъ.—
[2] Маржеретъ.

государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ[1]. Итакъ не удивительно, что Россія, по сказанію современниковъ[2], любила своего вѣнценосца, желая забыть убіеніе Димитрія или сомнѣваясь въономъ!

Но вѣнценосецъ зналъ свою тайну и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ, отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ въ извѣстные дни и часы выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя[3]; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей—какъ бы для того, чтобы лицомъ монарха не напомнить имъ лицо бывшаго раба Іоаннова—онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою во храмахъ о государѣ и государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на трапезахъ и вечеряхъ, за чашами, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи „слуги Божія, царя, Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, самодержца всей восточной страны и сѣверной; о царицѣ и дѣтяхъ ихъ; о благоденствіи и тишинѣ отечества и церкви подъ скиптромъ единаго христіанскаго вѣнценосца въ мірѣ; чтобы всѣ иные властители передъ нимъ уклонялись и рабски служили ему, величая имя его отъ моря до моря и до конца вселенныя; чтобы Россіяне всегда съ умиленіемъ славили Бога за такого монарха, коего умъ есть пучина мудрости, а сердце исполнено любви и долготерпѣнія; чтобы всѣ земли трепетали меча нашего, а земля Русская непрестанно высилась и расширялась; чтобы юныя, цвѣтущія вѣтви Борисова дому возрасли благословеніемъ небеснымъ и непрерывно осѣняли оную до скончанія вѣковъ!“[4] То-есть, святое дѣйствіе души человѣческой, ея таинственное сношеніе съ Небомъ[5], Борисъ дерзнулъ осквернить своимъ тщеславіемъ и лицемѣріемъ, заставивъ народъ свидѣтельствовать предъ окомъ Всевидящимъ о добродѣтеляхъ убійцы, губителя и хищника!... Но Годуновъ, какъ бы не страшась Бога, тѣмъ болѣе страшился людей, и

---

[1] Изящный періодъ, въ которомъ протазисъ состоитъ изъ ряда симметричныхъ придаточныхъ предложеній при подлежащихъ. — [2] Палицынъ: «и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть» (пр. Кар.). — [3] Маржеретъ.—[4] Тяжелый періодъ, въ формѣ котораго авторъ намѣренно воспроизвелъ напыщенную молитву, сочиненную по приказанію Бориса. Молитва заимствована Карамзинымъ изъ Хронографовъ.—[5] Описательное выраженіе понятія *молитва*, здѣсь помѣщенное въ виду нижеслѣдующаго сказуемаго, къ которому поставлено въ контрастѣ: «*святое*»—дерзнулъ «*осквернить*»; «*таинственное*»—«заставя *свидѣтельствовать*». Контрастъ же придаетъ силу словамъ: *свидѣтельствовать предъ окомъ Всевидящимъ—о добродѣтеляхъ убійцы* и пр.

еще до ударовъ Судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ.

Сіе внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, обнаружилось въ царѣ несчастными дѣйствіями подозрѣнія, которое, тревожа его, скоро встревожило и Россію. Мы видѣли, что онъ, касаясь рукою вѣнца Мономахова, уже мечталъ о тайныхъ ковахъ противъ себя—ядѣ, чародѣйствѣ: ибо естественно думалъ, что и другіе, подобно ему, могли имѣть жажду къ верховной власти, лицемѣріе и дерзость. Нескромно открывъ боязнь свою, и взявъ съ Россіянъ клятву постыдную, Борисъ столь же естественно не довѣрялъ ей: хотѣлъ быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать, чтобы предупредить злые умыслы; возстановилъ для того бѣдственную Іоаннову систему доносовъ и ввѣрилъ судьбу гражданъ, дворянства, вельможъ сонму гнусныхъ извѣтниковъ[1].

Первою знаменитою жертвою подозрѣнія и доносовъ былъ тотъ, съ кѣмъ Годуновъ жилъ нѣкогда душа въ душу, кто охотно дѣлилъ съ нимъ милость Іоаннову и страдалъ за него при Ѳеодорѣ—свойственникъ царицы Маріи—Бѣльскій. Спасенный Годуновымъ отъ злобы народной во время московскаго мятежа, но оставленный надолго въ честной ссылкѣ, снова призванный ко Двору, но безъ всякаго отличія, и въ самое царствованіе Бориса удостоенный только второстепеннаго думнаго сана, сей главный любимецъ Грознаго, считая себя благодѣтелемъ Годунова, могъ быть или казаться недовольнымъ, слѣдственно виновнымъ въ глазахъ царя, имѣя еще и другую, важнѣйшую за собою: онъ зналъ лучше другихъ глубину Борисова сердца. Въ 1600 году царь послалъ его въ дикую степь строить новую крѣпость Борисовъ на берегу Донца Сѣверскаго[2], безъ сомнѣнія не въ знакъ милости; но Бѣльскій, стыдясь представлять лицо уничиженнаго, ѣхалъ въ отдаленныя пустыни какъ на знатнѣйшее воеводство, съ необыкновенною пышностію, съ богатою казною и множествомъ слугъ; велѣлъ заложить городъ своимъ, а не царскимъ людямъ; ежедневно угощалъ стрѣльцовъ и казаковъ, давалъ имъ одежду и деньги, не требуя ничего отъ государя. Слѣдствіемъ было то, что новую крѣпость построили скорѣе и лучше всѣхъ другихъ крѣпостей; что дѣлатели не скучали работою, любя, славя начальника; а царю донесли, что начальникъ, милостію прельстивъ воиновъ, думаетъ объявить себя независимымъ и говоритъ: «Борисъ царь въ Москвѣ, а я царь въ Борисовѣ[3]!» Сію клевету, основанную, вѣроятно, на тщеславіи и какомъ-

---

[1] т. е. шпіоновъ.—[2] Никон. лѣт.—[3] Беръ.

нибудь неосторожномъ словѣ Бѣльскаго, приняли за истину (ибо Годуновъ желалъ избавиться отъ стариннаго безпокойнаго друга)—и рѣшили, что онъ достоинъ смерти; но царь, хвалясь милосердіемъ, велѣлъ только взять у него имѣніе и выщипать ему всю длинную густую бороду, избравъ шотландскаго хирурга Габріеля для совершенія такой новой казни. Бѣльскій снесъ позоръ и, заточенный въ одинъ изъ низовыхъ городовъ, дожилъ тамъ до случая отмстить неблагодарному хотя въ могилѣ. Умный, опытный въ дѣлахъ государственныхъ, сей преемникъ Малюты Скуратова былъ ненавистенъ Россіянамъ страшными воспоминаніями своихъ дней счастливыхъ, иноземцамъ своею жестокою къ нимъ непріязнію, которою онъ могъ гнѣвить и Бориса, ихъ ревностнаго покровителя. Мало жалѣли о старомъ, безродномъ временщикѣ; но его опала предшествовала другой, гораздо чувствительнѣйшей для знатныхъ родовъ и для всего отечества [1].

Память добродѣтельной Анастасіи и свойство Романовыхъ-Юрьевыхъ съ царскимъ Домомъ Мономаховой крови были для нихъ правомъ на общее уваженіе и самую любовь народа. Бояринъ Никита Романовичъ, достойный сей любви и личными благородными качествами, оставилъ пять сыновей: Θеодора, Александра, Михаила, Ивана и Василія, въ послѣдній часъ жизни моливъ Годунова быть имъ вмѣсто отца[2]. Честя ихъ наружно, давъ старшимъ—Θеодору и Александру—боярство, Михаилу санъ окольничаго, и женивъ своего ближняго, Ивана Ивановича Годунова, на ихъ меньшей сестрѣ Иринѣ [3],—Борисъ внутренно опасался Романовыхъ, какъ совмѣстниковъ для его юнаго сына: ибо началась молва, что Θеодоръ за нѣсколько времени до кончины мыслилъ объявить старшаго изъ нихъ наслѣдникомъ государства[4],—молва, вѣроятно несправедливая, но они, будучи единокровными Анастасіи и двоюродными братьями Θеодора, казались народу ближайшими къ престолу. Сего было достаточно для злобы Борисовой, усиленной насказами родственниковъ[5] царскихъ; но гоненіе требовало предлога, если не для успокоенія совѣсти, то для мнимой безопасности гонителя, чтобы личиною закона прикрыть злодѣйство, какъ иногда поступалъ Грозный, и Борисъ, избавляя себя отъ ненавистныхъ ему людей въ Θеодорово время. Надежнѣйшими извѣтниками считались тогда рабы: желая ободрить ихъ въ семъ предательствѣ, царь не устыдился явно наградить одного изъ слугъ боярина князя Θеодо-

---

[1] Переходная мысль къ изложенію втораго преслѣдованія.—[2] Палицинъ и Никон. лѣт.—Степенная кн. Латухина и Разрядная книга 1600 г.—[3] Ив. Ив. Годуновъ женился на Иринѣ Романовой еще до опалы ея ближнихъ: потому Ирина и не была сослана вмѣстѣ съ ними (пр. Кар.).—[4] Келарь Авраамій: «Глаголютъ, яко зѣло любяше Борисъ волхвы и звѣздочетцы, и тіи сказаша ему, яко отъ рода Никитичевъ Романовыхъ востати имать скипетродержецъ Россійскому государству... Царь же Борисъ таковая слыша отъ волхвовъ, и умысли, яко да потребитъ родъ сей» (пр. Кар.).—[5] Палицынъ.—Разрядн. книга.

ра Шестунова, за ложный доносъ на господина въ недоброхотствѣ къ вѣнценосцу: Шестунова еще не тронули, но всенародно, на площади, сказали клеветнику милостивое слово Государево, дали вольноность, чинъ и помѣстье. Между тѣмъ шептали слугамъ Романовыхъ, что ихъ за такое же усердіе ждетъ еще важнѣйшая милость царская, и главный клевретъ новаго тиранства, новый Малюта Скуратовъ, вельможа Семенъ Годуновъ, изобрѣлъ способъ уличить невинныхъ въ злодѣйствѣ, надѣясь на общее легковѣріе и невѣжество: подкупилъ казначея Романовыхъ, далъ ему мѣшки, наполненные кореньями, велѣлъ спрятать въ кладовой у боярина Александра Никитича и донести на своихъ господъ, что они, тайно занимаясь составомъ яда, умышляютъ на жизнь вѣнценосца. Вдругъ сдѣлалась въ Москвѣ тревога; синклитъ и всѣ знатные чиновники спѣшатъ[1] къ патріарху; посылаютъ окольничаго Михайла Салтыкова для обыска въ кладовой у боярина Александра; находятъ тамъ мѣшки, несутъ къ Іову, и въ присутствіи Романовыхъ высыпаютъ коренья, будто бы волшебные, изготовленные для отравленія царя. Всѣ въ ужасѣ—и вельможи, усердные подобно римскимъ сенаторамъ Тиберіева или Неронова времени, съ воплемъ кидаются на мнимыхъ злодѣевъ, какъ дикіе звѣри на агнцевъ—грозно требуютъ отвѣта и не слушаютъ его въ шумѣ. Отдаютъ Романовыхъ подъ крѣпкую стражу и велятъ судить, какъ судитъ беззаконіе.

Сіе дѣло есть одно изъ гнуснѣйшихъ Борисова ожесточенія и безстыдства. Не только Романовымъ, но и всѣмъ ихъ ближнимъ надлежало погибнуть, чтобы не осталось мстителей на землѣ за этихъ невинныхъ страдальцевъ. Взяли князей Черкасскихъ, Шестуновыхъ, Рѣпниныхъ, Карповыхъ, Сицкихъ: знатнѣйшаго изъ послѣднихъ, князя Ивана Васильевича, намѣстника астраханскаго, привезли въ Москву скованнаго съ женою и сыномъ. Допрашивали, ужасали пыткою, особенно Романовыхъ[2]; мучили, терзали слугъ ихъ безжалостно и безполезно: никто не утѣшилъ тирана клеветою на самого себя или на другихъ; вѣрные рабы умирали въ мукахъ, свидѣтельствуя единственно о невинности господъ своихъ передъ царемъ и Богомъ. Но судіи не дерзали сомнѣваться въ истинѣ преступленія, столь грубо вымышленнаго, и прославили неслыханное милосердіе царя, когда онъ велѣлъ имъ осудить Романовыхъ со всѣми ихъ ближними единственно на заточеніе, какъ уличенныхъ въ *измѣнѣ* и въ злодѣйскомъ намѣреніи извести государя средствами волшебства. Въ іюнѣ 1601 года исполнился приговоръ боярскій[3]: Ѳеодора Никитича Романова (будущаго знаменитаго іерарха), постриженнаго и названнаго Филаре-

---

[1] Здѣсь и далѣе: весьма рѣдкое у Карамз. настоящее вр. вм. прошедшаго.—[2] ... «приводиша не одиново къ пыткѣ» (Ник. лѣт.). —[3] Дѣла о ссылкѣ Романовыхъ.

томъ, сослали въ Сійскую Антоніеву обитель[1]; супругу его Ксенію Ивановну, также постриженную и названную Мареою, въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ; тещу Ѳедорову, дворянку Шестову, въ Чебоксары, въ Никольскій дѣвичій монастырь; Александра Никитича въ Усолье-Луду, къ Бѣлому морю; третьяго Романова, Михаила, въ Пермь, въ Ныробскую волость; четвертаго, Ивана, въ Пелымъ; пятаго, Василья, въ Яренскъ; зятя ихъ князя Бориса Черкасскаго, съ женою и дѣтьми ея брата Ѳедора Никитича, съ шестилѣтнимъ Михаиломъ (будущимъ царемъ) и съ юною дочерью, — на Бѣло-озеро; сына Борисова, князя Ивана, въ Малмыжъ на Вятку; князя Ивана Васильевича Сицкаго въ Кожеозерскій монастырь, а жену его въ пустыню Сумскаго острога; другихъ Сицкихъ, Ѳедора и Владиміра Шестуновыхъ, Карповыхъ и князей Рѣпниныхъ въ темницы разныхъ городовъ; одного же изъ послѣднихъ, воеводу Яренскаго, будто бы за расхищеніе царскаго достоянія, въ Уфу[2]. Вотчины и помѣстья опальныхъ роздали другимъ; имѣніе движимое и домы взяли въ казну.

Но гоненіе не кончилось ссылкою и лишеніемъ собственности; не вѣря усердію или строгости мѣстныхъ начальниковъ, послали съ несчастными московскихъ приставовъ, коимъ надлежало смотрѣть за ними неусыпно, давать имъ нужное для жизни и доносить царю о каждомъ ихъ словѣ значительномъ. Никто не смѣлъ взглянуть на оглашенныхъ *измѣнниковъ*, ни ходить близъ уединенныхъ домовъ, гдѣ они жили, внѣ городовъ и селеній, вдали отъ большихъ дорогъ; нѣкоторые въ землянкахъ, и даже скованные. Въ монастырь Сійскій не пускали богомольцевъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ не доставилъ письма Ѳедору Никитичу, иноку невольному, но ревностному въ благочестіи: коварный приставъ, съ умысломъ заговаривая ему о Дворѣ, семействѣ и друзьяхъ его, доносилъ[3] царю, что Филаретъ не находитъ между боя-

---

[1] *Сійскій монастырь* — въ Архангельской епархіи. — [2] Дѣло о ссылкѣ Романовыхъ. — [3] Въ донесеніи пристава изъ Сійскаго монастыря отъ 25 ноября 1602 года: «Твой, государевъ, измѣнникъ, старецъ Филаретъ Романовъ, мнѣ, холопу твоему, въ разговорѣ говорилъ: «Бояре-де мнѣ великіе недруги: искали-де головъ нашихъ, а иные-де научали на насъ говорити людей нашихъ; а я-де самъ видалъ то не однажды. Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: не станетъ-де ихъ съ дѣло ни съ которое; нѣтъ-де у нихъ разумново; одинъ де у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій: къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ добрѣ досужъ... Коли жену спомянетъ и дѣти, и онъ говоритъ: «Милыя мои дѣтушки маленьки бѣдныя осталися: кому ихъ кормить и поить? А жена моя бѣдная на удачу же жива ли? Чаю, она гдѣ близко таково жъ замчена, гдѣ и слухъ не зайдетъ. Мнѣ уже што надобно? Лихо на меня жена да дѣти: какъ ихъ помянешь, што рогатиной ино въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ: дай Господи то слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ; и язъ бы тому обрадовался: а чаю, и жена моя сама рада, штобъ и Богъ далъ смерть; а мнѣ бы уже не мѣшали: я бы сталъ промышлять одною своею душою». Приставъ Некрасовъ сказалъ Василью Романову: «Кому Божьимъ милосердьемъ и постомъ и молитвою

рами и вельможами ни одного весьма умнаго, способнаго къ дѣламъ государственнымъ, кромѣ опальнаго Богдана Бѣльскаго, и считаетъ себя жертвою ихъ злобныхъ навѣтовъ; что хотя занимается единственно спасеніемъ души, но тоскуетъ о женѣ и дѣтяхъ, не зная, гдѣ они безъ него сиротствуютъ, и моля Бога о скоромъ концѣ ихъ бѣдственной жизни (Богъ не услышалъ сей молитвы, ко счастію Россіи!) Донесли также царю, что Василій Романовъ, отягченный болѣзнію и цѣпями, не хотѣлъ однажды славить милосердія Борисова, сказавъ приставу: „истинная добродѣтель не знаетъ тщеславія". Но Борисъ, какъ бы желая доказать узнику истину своего милосердія, велѣлъ снять съ него цѣпи, объявить за нихъ царскій гнѣвъ приставу, излишно ревностному въ угнетеніи опальныхъ,—перевезти недужнаго Василія въ Пелымъ къ брату Ивану Никитичу, лишенному движенія въ рукѣ и ногѣ отъ удара, и дать имъ печальное утѣшеніе страдать вмѣстѣ. Василій отъ долговременной болѣзни скончался (15 февраля 1602) подъ молитвою брата и великодушнаго раба, который, вѣрно служивъ господину въ чести, служилъ ему и въ оковахъ съ усердіемъ нѣжнаго сына. Александръ и Михайло Никитичи также не долго жили въ темницѣ, бывъ жертвою горести, или насильственной смерти, какъ пишутъ[1]: перваго схоронили въ Лудѣ, втораго въ семи верстахъ отъ Чердыня, близъ села Ныроба, въ мѣстѣ пустынномъ, гдѣ надъ могилою выросли два кедра. Донынѣ въ церкви Ныробской хранятся Михайловы тяжкія оковы, и старцы еще разсказываютъ тамъ о великодушномъ терпѣніи, о чудесной силѣ и крѣпости сего мужа, о любви къ нему всѣхъ жителей, коихъ дѣти приходили къ его темницѣ играть на свирѣляхъ и сквозь отверстіе землянки подавать узнику все лучшее, что имѣли, для утоленія голода и жажды: любовь, за которую ихъ гнали при Годуновѣ и наградили въ царствованіе Романовыхъ милостивою, обѣльною грамотою[2].—Если вѣрить лѣтописцу, то Борисъ, велѣвъ удавить въ монастырѣ князя Ивана Сицкаго съ женою, хотѣлъ

и милостинею Богъ далъ государство, а вы, злодѣи измѣнники, хотѣли царство достать вѣдовствомъ и кореньемъ... И Василей (такъ доносилъ приставъ) учалъ говорити подсмѣхая: Свята-де та милостыня, што мечутъ по улицамъ! Добра-де та милостыня, дати десною рукою, а шуйца бы не слыхала». Вѣрный слуга Вас. Романова назывался Сенькою. Объ Иванѣ Ник. сказано въ донесеніи, что онъ боленъ старою болѣзнью, не владѣетъ рукою и едва приступаетъ на ногу (пр. Кар.).

[1] Ник. лѣт.—[2] См. въ Геогр. словарѣ Р. Г. статью «Ныробъ»—Г. Берхъ сообщилъ мнѣ слѣдующее изъ своихъ любопытныхъ извѣстій о Пермской губерніи: «Въ Ныборѣ еще недавно умеръ столѣтній старецъ, крестьянинъ Максимъ Денисовъ Пономаревъ, который любилъ разсказывать о Михаилѣ Никитичѣ Романовѣ. Сего страдальца привезли туда зимою въ 1601 году Ром. Андр. Тушинъ и шесть сторожей. Въ то время, какъ они копали для него землянку, Романовъ, вышедши изъ саней, обѣими руками схватилъ ихъ и кинулъ въ сторону шаговъ на 10. Въ землянкѣ его были маленькая печь и отверстіе для свѣта. Ему давали

уморить голодомъ и недужнаго Ивана Романова; но бумаги приказныя свидѣтельствуютъ, что послѣдній имѣлъ весьма не бѣдное содержаніе, ежедневно два или три блюда, мясо, рыбу, бѣлый хлѣбъ, и что у пристава его было 90 (450 нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей въ казнѣ, для доставленія ему нужнаго. Скоро участь опальныхъ смягчилась, отъ политики ли царя (ибо народъ жалѣлъ объ нихъ), или отъ ходатайства зятя Романовыхъ, крайчаго Ивана Ивановича Годунова. Въ мартѣ 1602 г. царь *милостиво* указалъ Ивану Романову (оставляя его подъ надзоромъ, но уже безъ имени *злодѣя*) ѣхать въ Уфу *на службу*, оттуда въ Нижній Новгородъ, и наконецъ въ Москву, вмѣстѣ съ племянникомъ княземъ Иваномъ Черкасскимъ; Сицкихъ послалъ воеводствовать въ города Низовскіе (освободилъ ли Шестуновыхъ и Рѣпниныхъ, неизвѣстно): а княгинѣ Черкасской, Маѳѣ Никитичнѣ, овдовѣвшей на Бѣлѣозерѣ, велѣлъ жить съ невѣсткой, сестрою и дѣтьми Ѳедора Никитича, въ отчинѣ Романовыхъ Юрьевскаго уѣзда, въ селѣ Клинѣ, гдѣ лишенный отца и матери, но блюдомый Провидѣніемъ, дожилъ семилѣтній отрокъ Михаилъ, грядущій вѣнценосецъ Россіи, до гибели Борисова племени. Царь хотѣлъ изъявить милость и Филарету[1]: позволилъ ему стоять въ церкви на крылосѣ, взять къ себѣ чернеца въ келлію для услугъ и бесѣды; приказалъ всѣмъ довольствовать своего *измѣнника* (еще такъ называя сего мужа непорочнаго въ совѣсти) и для богомольцевъ отворить монастырь Сійскій, но не пускать ихъ къ опальному иноку; приказалъ наконецъ (въ 1605 году) посвятить Филарета въ іеромонахи и въ архимандриты, чтобы тѣмъ болѣе удалить его отъ міра.

Не одни Романовы были страшилищемъ для Борисова воображенія. Онъ запретилъ князьямъ Мстиславскому и Василію Шуйскому жениться, думая, что ихъ дѣти, по древней знатности своего рода, могли бы также состязаться съ его сыномъ о престолѣ[2].

Между тѣмъ, устраняя будущія мнимыя опасности для юнаго Ѳеодора, робкій губитель трепеталъ настоящихъ: волнуемый подозрѣніями, непрестанно боясь тайныхъ злодѣевъ и равно боясь заслужить народную ненависть мучительствомъ, гналъ и миловалъ: сослалъ воеводу

только хлѣбъ съ водою. Ныробцы научили дѣтей своихъ носить къ узнику въ дудочкахъ квасъ, масло и пр.: какъ будто играя у землянки они впускали въ оную дудочки и питали его. Приставъ увидѣлъ то и послалъ въ Москву 6 человѣкъ изъ Ныробцевъ, какъ людей зломысленныхъ: возвратились двое уже въ царствованіе Шуйскаго; другіе умерли въ пыткахъ. Старецъ Максимъ слышалъ преданіе, что сторожа, ведя жизнь скучную, уморили сего несчастнаго. Землянка весьма тѣсна и сыра.—Мих. Ник. былъ высокъ ростомъ, дороденъ и силачъ. Желѣза его хранятся въ церкви: плечныя, или такъ называемый стулъ, вѣсомъ 39 фунтовъ, ручныя въ 12, кандалы или нижнія желѣза въ 19, замокъ въ 10 ф.» и проч. (пр. Кар.).

[1] «Дѣло о ссылкѣ» и «Исторія Росс. іерархіи».—[2] Маржеретъ.

князя Владиміра Бахтѣярова-Ростовскаго и простилъ его[1]; удалилъ отъ дѣлъ знаменитаго дьяка Щелкалова, но безъ явной опалы; нѣсколько разъ удалялъ и Шуйскихъ, и снова приближалъ къ себѣ: ласкалъ ихъ и въ то же время грозилъ немилостію всякому, кто имѣлъ обхожденіе съ ними. Не было торжественныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Сонмы извѣтниковъ, если не всегда награждаемыхъ, то всегда свободныхъ отъ наказанія за ложь и клевету, стремились къ царскимъ палатамъ изъ домовъ боярскихъ и хижинъ, изъ монастырей и церквей: слуги доносили на господъ; иноки попы, дьячки, просвирницы на людей всякаго званія—самыя жены на мужей, самыя дѣти на отцовъ къ ужасу человѣчества! «И въ дикихъ ордахъ (прибавляетъ лѣтописецъ) не бываетъ столь великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности». Однимъ словомъ, сіе печальное время Борисова царствованія, уступая Іоаннову въ кровопійствѣ, не уступало ему въ беззаконіи и развратѣ: наслѣдство гибельное для будущаго! Но великодушіе еще дѣйствовало въ Россіянахъ (оно пережило Іоанна и Годунова, чтобы спасти отечество): жалѣли о невинныхъ страдальцахъ и мерзили постыдными милостями вѣнценосца къ доносителямъ: другіе боялись за себя, за ближнихъ—и скоро неудовольствіе сдѣлалось общимъ. Еще многіе славили Бориса: приверженники, льстецы, извѣтники утучняемые стяжаніемъ опальныхъ; еще знатное духовенство, какъ увѣряютъ[2], хранило въ душѣ усердіе къ вѣнценосцу, который осыпалъ святителей знаками благоволенія: но гласъ отечества уже не слышался въ хвалѣ частной, корыстолюбивой, и молчаніе народа, служа для царя явной укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: они уже не любили Бориса[3]!

Такъ говоритъ лѣтописецъ современный, безпристрастный и самъ извѣстный въ нашей исторіи своею государственною доблестію — келарь Палицынъ. Народы всегда благодарны: оставляя Небу судить тайну Борисова сердца, Россіяне искренно славили царя, когда онъ подъ личиной добродѣтели казался имъ отцомъ народа; но признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его за настоящее и за минувшее: въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостовѣрились, и кровь Димитріева явнѣе означилась для нихъ на порфирѣ губителя невинныхъ; вспомнили судьбу Углича и другихъ жертвъ мстительнаго властолюбія Годунова; безмолвствовали, но тѣмъ сильнѣе чувствовали въ присутствіи извѣтниковъ—и тѣмъ сильнѣе говорили въ

[1] Разр. кн.—[2] Маржеретъ —[3] Палицынъ: «И таковыхъ ради дѣлъ, иже сотвори, Борисъ въ ненависть бысть всему міру... Отай уже вси поношаху ему крови ради неповинныхъ, и разграбленія имѣній, и нововводимыхъ дѣлъ...» (пр. Кар.).

святилищахъ недоступныхъ для услужниковъ тиранства, коего время бываетъ и царствомъ клеветы и царствомъ ненарушимой скромности: тамъ, въ тихихъ бесѣдахъ дружества, неумолимая истина обнажала, а ненависть чернила Бориса, упрекая его не только душегубствомъ, гоненіемъ людей знаменитыхъ, грабежомъ ихъ достоянія, алчностью къ прибытку беззаконному, корыстолюбивымъ введеніемъ откуповъ, размноженіемъ казенныхъ домовъ питейныхъ, порчею нравовъ, но и пристрастіемъ къ иноземнымъ, новымъ обычаямъ (изъ коихъ брадобритіе особенно соблазняло усердныхъ старовѣровъ), даже наклонностію къ армянской и латинской ереси! Какъ любовь, такъ и ненависть рѣдко бываютъ довольны истиною: первая въ хвалѣ, послѣдняя въ осужденіи. Годунову ставили въ вину и самую ревность его къ просвѣщенію [1]!

Въ сіе время общей нелюбви къ Борису онъ имѣлъ случай доказать свою чувствительность къ народному бѣдствію, заботливость, щедрость необыкновенную[2]; но и тѣмъ уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ.—Среди естественнаго обилія и богатства земли плодоносной, населенной хлѣбопашцами трудолюбивыми, среди благословеній долговременнаго мира, и въ царствованіе дѣятельное, предусмотрительное, пала на милліоны людей казнь страшная: весною, въ 1601 году, небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили въ теченіи десяти недѣль непрестанно [3], такъ что жители сельскіе пришли въ ужасъ: не могли ничѣмъ заниматься, ни косить, ни жать; а 15 августа жестокій морозъ повредилъ какъ зеленому хлѣбу, такъ и всѣмъ плодамъ незрѣлымъ. Еще въ житницахъ и въ гумнахъ находилось не мало стараго хлѣба; но земледѣльцы, къ несчастію, засѣяли поля новымъ, гнилымъ, тощимъ, и не видали всходовъ ни осенью, ни весною: все истлѣло и смѣшалось съ землею. Между тѣмъ запасы изошли, и поля уже остались не засѣянными. Тогда началося бѣдствіе, и вопль голодныхъ встревожилъ царя. Не только гумна въ селахъ, но и рынки въ столицахъ опустѣли, и четверть ржи возвысилась цѣною отъ 12 и 15 денегъ до трехъ (пятнадцати нынѣшнихъ серебряныхъ) рублей[4]. Борисъ велѣлъ отворить царскія житницы въ Москвѣ и въ другихъ городахъ; убѣдилъ духовенство и вельможъ продавать хлѣбные свои запасы также низкою цѣною; отворилъ и казну: въ четырехъ оградахъ, сдѣланныхъ близъ деревянной стѣны московской, лежали кучи серебра

---

[1] Тамъ же: «Ереси же арменстѣй и латынстѣй послѣдствующимъ добръ потаковникъ бысть... и старіи мужи брады своя постризаху и въ юноши применяхуся.»—[2] Переходъ къ повѣствованію о голодѣ 1601 года, связанному здѣсь съ изображеніемъ народнаго настроенія умовъ относительно Бориса Годунова.—[3] См. тамъ же и рукописную «Повѣсть о зломъ еретикѣ Гришкѣ Отрепьевѣ», гдѣ сказано, что сильный морозъ былъ 28 іюля (а не 15 августа, какъ говоритъ келарь Палицынъ).—[4] См. Псковск. лѣт. и Маржерета.

для бѣдныхъ; ежедневно, въ часъ утра, каждому давали двѣ московки, деньгу или копѣйку,—но голодъ свирѣпствовалъ: ибо хитрые корыстолюбцы обманомъ скупали дешевый хлѣбъ въ житницахъ казенныхъ, святительскихъ, боярскихъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать имъ съ прибыткомъ безсовѣстнымъ; бѣдные, получая въ день копѣйку серебряную, не могли питаться. Самое благодѣяніе обратилось во зло для столицы: изъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ земледѣльцы съ женами и дѣтьми стремились толпами въ Москву за царскою милостынею, умножая тѣмъ число нищихъ. Казна раздавала въ день нѣсколько тысячъ рублей, и безполезно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что нельзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. «Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ»—пишетъ одинъ изъ нихъ—«что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно». Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво [1], всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ!... Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду: но преступленія не уменьшались.... И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже!... Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы царь не велѣлъ на свое иждивеніе хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецевъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки, или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ [2]. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ. Пища неестественная также производила болѣзнь и моръ [3], особенно въ Смо-

---

[1] *Стерво*—падаль.—[2] ...«Тогда бысть въ царств. градѣ болѣе 400 церквей: у всѣхъ же тѣхъ не вѣдомо колико погребоша христолюбивцы; а еже во всѣхъ градѣхъ и селѣхъ, никто же исповѣдати можетъ: нѣсть бо сему постиженія; пси бо и звѣріе и птицы небесныя преизобильствоваху сицевою пищею» (Авр. Палицынъ). См. далѣе Бера и Петрея (пр. Кар.).—[3] Асцентини (вене-

ленскомъ уѣздѣ, куда царь въ одно время послалъ 20,000 руб. для бѣдныхъ, не оставивъ ни одного города въ Россіи безъ вспоможенія, и если не спасая многихъ, то вездѣ уменьшая число жертвъ, такъ что сокровищница московская, полная отъ благополучнаго Өеодорова царствованія, казалась неистощимою. И всѣ иныя возможныя мѣры были имъ приняты: онъ не только въ ближнихъ городахъ скупалъ, цѣною имъ опредѣленною, волею и неволею, всѣ хлѣбные запасы у богатыхъ[1]: но послалъ и въ самыя дальнія, изобильнѣйшія мѣста освидѣтельствовать гумна, гдѣ еще нашлися огромныя скирды, въ теченіе полувѣка неприкосновенные и поросшіе деревьями[2]: велѣлъ немедленно молотить и везти хлѣбъ какъ въ Москву, такъ и въ другія области. Въ доставленіи встрѣчались неминуемыя. едва одолимыя трудности: во многихъ мѣстахъ на пути не было ни подводъ[3], ни корму; ямщики и всѣ жители сельскіе разбѣгались. Обозы шли Россіею, какъ бы пустынею Африканскою, подъ мечами и копьями воиновъ, опасаясь нападенія голодныхъ, которые не только внѣ селеній, но въ Москвѣ, на улицахъ и рынкахъ, силою отнимали съѣстное[4]. Наконецъ дѣятельность верховной власти устранила всѣ препятствія, и въ 1603 году. мало-по-малу, изчезли всѣ знаменія ужаснѣйшаго изъ золъ; снова явилось обиліе, и такое, что четверть хлѣба упала цѣною отъ трехъ рублей до 10 копѣекъ, къ восхищенію народа и къ отчаянію корыстолюбцевъ, еще богатыхъ тайными запасами ржи и пшеницы!—Памятникомъ бывшей, безпримѣрной дороговизны осталась навсегда, какъ сказано въ лѣтописяхъ, ею введенная, новая мѣра *четверика*, ибо до 1601 года хлѣбъ продавали въ Россіи единственно *оковами*, *бочками* или *кадками*, четвертями и осьминами.

Бѣдствіе прекратилось, но слѣды его не могли быть скоро изглажены: замѣтно уменьшилось число людей въ Россіи и достояніе многихъ; оскудѣла, безъ сомнѣнія, и казна, хотя Годуновъ, великодушно расточая оную для спасенія народнаго, не только не убавилъ своей обыкновенной пышности царской, но еще болѣе, нежели когда-нибудь, хотѣлъ блистать оною, чтобы закрыть тѣмъ дѣйствіе гнѣва небеснаго, особенно для пословъ иноземныхъ, окружая ихъ на пути отъ границы до Москвы призраками изобилія и роскоши[5]: вездѣ являлись люди,

---

ціанскій ювелиръ, жившій въ Москвѣ 2 года) пишетъ, что отъ голода произошла тогда въ Россіи ужасная болѣзнь, cholera morbus (пр. Кар.).

[1] См. Авр. Палицынъ.—[2] Беръ и Авраамій Палицынъ.—[3] См. въ Архивѣ иностр. дѣлъ Датскія дѣла: ямщики въ Новгородской области должны были держатъ по 3 лошади на человѣка; лошади тогда пали, и люди разбѣжались (пр. Кар.).—[4] Сочинитель «Ядра Росс. Исторіи» пишетъ, что самъ Годуновъ съ холопями разбивалъ тогда дома богатыхъ!! Царь, какъ вѣроятно, по доносу холопей велѣлъ силою брать хлѣбъ у тѣхъ, которые таили его.—[5] Беръ и Петрей. Они говорятъ здѣсь объ императорскомъ посольствѣ въ 1604 году; но тогда уже

богато или красиво одѣтые; вездѣ рынки полные товаровъ, мяса и хлѣба, и ни единаго нищаго тамъ, гдѣ за версту въ сторону могилы наполнялись жертвами голода. Въ сіе-то время Борисъ столь пышно угощалъ своего нареченнаго зятя, герцога датскаго—и въ сіе же время украшенъ древній Кремль новыми зданіями: въ 1600 году воздвигнувъ огромную колокольню Ивана Великаго[1], пристроили въ 1601 и 1602 годахъ, на мѣстѣ сломаннаго дворца Іоаннова, двѣ большія каменныя палаты къ золотой и грановитой, столовую и панихидную, чтобы доставить тѣмъ работу и пропитаніе людямъ бѣднымъ, соединяя съ милостію пользу, и во дни плача думая о великолѣпіи [2])? Однако жъ не московскіе лѣтописцы, а только чужеземные историки упрекаютъ Бориса гордостію неуклонною и въ общемъ бѣдствіи, суетою, тщеславіемъ, разсказывая, что онъ запретилъ тогда Россіянамъ купить весьма умѣренною цѣною знатное количество ржи у Нѣмцевъ въ Иванѣ-городѣ, стыдясь питать народъ свой чужимъ хлѣбомъ. Извѣстіе—конечно несправедливое: ибо наши государственныя бумаги, свидѣтельствуя о приходѣ туда нѣмецкихъ кораблей съ хлѣбомъ въ 1602 году, не упоминаютъ о такомъ жестокомъ запретѣ. Борисъ, оказавъ въ семъ несчастіи столько дѣятельности и столько щедрости, чтобы удостовѣрить Россію въ любви истинно-отеческой царя къ подданнымъ, не могъ явно жертвовать ихъ спасеніемъ тщеславію безумному.

Но Борисъ не обольстилъ Россіянъ своими благодѣяніями: ибо мысль, для него страшная, господствовала въ душахъ—мысль, что небо за беззаконія царя казнитъ царство. „Изливая на бѣдныхъ щедроты"—говорятъ лѣтописцы—„онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ и древнія сокровища царскія оскверннивъ добычею грабежа [3]"—Россія не благоденствовала въ новомъ изобиліи; не имѣла времени успокоиться: открылось новое бѣдствіе, въ коемъ современники непосредственно винили Бориса [4].

Еще Іоаннъ IV, желая населить Литовскую Украйну, землю Сѣ-

миновалось бѣдствіе. Когда датскіе послы съ герцогомъ Іоанномъ въѣзжали въ Россію, тогда свирѣпствовалъ въ ней голодъ. Беръ пишетъ, что царь, ожидая барона Логау, велѣлъ дворянамъ своимъ одѣться въ бархатъ и парчу; что многіе изъ нихъ разорились, и въ богатомъ платьѣ умирали съ голоду.—[1] Надпись на главѣ Ивана Великаго: «Изволеніемъ Св. Троицы, повелѣніемъ Вел. Государя Царя и В. К. Бориса Θеодоровича, всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во 2-е лѣто государства ихъ 108 году». т. е. 1600, слѣд. еще до голода (пр. Кар.).—[2] Въ Никон. лѣт..: «О каменномъ дѣлѣ въ меженину» (въ голодъ) (пр. Кар.).—[3] Авр. Палицынъ. Въ подробной Лѣтописи: «причитаху жъ Борису весь народъ зло беззаконіе быти, и для его разумѣша быти всему тому гнѣву Божію (пр. Кар.).—[4] Здѣсь Карамзинъ оканчиваетъ картину голода и переходитъ затѣмъ къ новому бѣдствію—разбоямъ. Онъ начинаетъ съ происхожденія этого зла во время предшествующихъ царствованій.

верскую, людьми годными къ ратному дѣлу, не мѣшалъ въ ней укрываться и спокойно жительствовать преступникамъ, которые уходили туда отъ казни: ибо думалъ, что они, въ случаѣ войны, могутъ быть надежными защитниками границы. Борисъ, любя слѣдовать многимъ государственнымъ мыслямъ Іоанновымъ, послѣдовалъ и сей, весьма ложной и весьма несчастной[1]: ибо незнаемо изготовилъ многочисленную дружину злодѣевъ въ услугу врагамъ отечества и собственнымъ. „Великій разумъ и жестокость Грознаго“—по словамъ лѣтописца[2]—„не давали двинуться зміямъ; а кроткій, набожный Ѳеодоръ связывалъ ихъ своею молитвою; но Борисъ увидѣлъ зло, и еще увеличилъ другими плодами своего мудрованія, несогласнаго съ вѣчными уставами правды. Издревле бояре наши окружали себя толпами слугъ, вольныхъ и крѣпостныхъ; издревле также любили кабалить первыхъ; законъ, изданный въ Ѳеодорово время, единственно въ угодность знатному дворянству, объ укрѣпленіи всѣхъ людей, служащихъ господамъ не менѣе шести мѣсяцевъ, совершенно прекратилъ родъ вольныхъ слугъ въ нашемъ отечествѣ и наполнилъ домы боярскіе рабами, коими сдѣлались тогда, въ противность Іоаннову Судебнику, даже и многіе люди воинскіе, благородные, отъ нищеты, но безъ стыда служивъ богачамъ именитымъ; законъ недостойный сего имени своею явною несправедливостію[3]! Еще мало: къ его дѣйствію присоединилось и насиліе: знатные и случайные безсовѣстно укрѣпляли и не слугъ, а всякаго беззащитнаго, кто имъ нравился художествомъ, рукодѣліемъ, ловкостію или красотою. Но въ дешевое время охотно умноживъ свою челядь, дворяне во время голода начали распускать ее: воля обратилась въ казнь и мучительство! Люди, еще совѣстные, выгоняли слугъ изъ дому по крайней мѣрѣ съ отпусками: а злые безъ всякаго письменнаго вида, съ намѣреніемъ клепать ихъ въ бѣгствѣ и въ сносѣ, чтобы ябедою суда разорить тѣхъ, которые могли бы изъ человѣколюбія дать имъ у себя дѣло и пищу: ужасъ разврата, обыкновеннаго въ годины бѣдствій! Несчастные гибли или разбойничали вмѣстѣ со многими людьми вельможъ ссыльныхъ, Романовыхъ и другихъ, осужденными вести жизнь бродягъ (ибо никто не смѣлъ принять слугъ опальнаго)—вмѣстѣ съ украинскими бѣглецами, ходившими изъ гнѣзда своего на добычу и внутрь Россіи[4]. Явились шайки на дорогахъ; за-

---

[1] Авр. Палицынъ.—[2] Тамъ же.—[5] Напр. еще по закону Ярослава Великаго всякій человѣкъ вольный дѣлался холопомъ, если шелъ въ слуги или въ ключники безъ условія (пр. Кар.). [4] См. Авр. Палицына: «...иніи сами поминающе благодѣяніе господій своихъ и въ негодованіи Царя пребывающе, по времени ждуще, распыхахуся... а иже воинственному дѣлу искусни, сіи къ великому грѣху уклоняхуся: въ грады же вышереченныя украйныя отхождаху, аще и не вкупь, но болѣ двадесяти тысящъ сицевыхъ воровъ, по мнози времени, въ осадѣ, въ сидѣніи въ Калугѣ и въ Тулѣ обрѣтеся (уже во вр. Шуйскаго) кромѣ тамошнихъ собравшихся старыхъ воровъ».

велись пристани въ мѣстахъ глухихъ и лѣсистыхъ; грабили, убивали подъ самою Москвою. Не боялись и сыскныхъ дружинъ воинскихъ: злодѣи смѣло пускались на сѣчу съ ними, имѣя атаманомъ Хлопка или Косолапа, удальца рѣдкаго. Государь долженъ былъ дѣйствовать съ усиліемъ немаловажнымъ, и въ мирное время отрядить цѣлое войско противъ разбойника! Главный воевода, окольничій Иванъ Ѳеодоровичъ Басмановъ, едва выступилъ въ поле, уже встрѣтилъ Хлопка, врага презрительнаго, но злаго, который, соединивъ свои шайки, дерзнулъ близъ Москвы спорить съ нимъ о побѣдѣ. Упорная битва, безславная и жестокая, рѣшилась смертію Басманова: видя его падающаго съ коня, воины кинулись на разбойниковъ, не жалѣли себя, и наконецъ одолѣли ихъ остервененіе: большую часть истребили, и взяли въ плѣнъ атамана, изнемогшаго отъ тяжкихъ ранъ—злодѣя, коего необыкновенная храбрость достойна была лучшаго заблужденія и лучшей цѣли! Удивленный дерзостію сего опаснаго скопища, Борисъ искалъ, кажется, тайныхъ злоумышленниковъ или наставниковъ Хлопка между людьми значительнѣйшими, зная, что въ его шайкахъ находились слуги господъ опальныхъ, и подозрѣвая, что они могли быть вооружены местію противъ гонителя Романовыхъ. Нарядили слѣдствіе; допрашивали, пытали взятыхъ разбойниковъ, но повидимому ничего не узнали, кромѣ ихъ собственныхъ злодѣяній. Хлопко, вѣроятно, умеръ отъ ранъ или въ мукахъ: всѣхъ другихъ перевѣшали, и Борисъ единственно въ семъ случаѣ уклонился отъ своего человѣколюбиваго обѣта не казнить никого смертію [1].—Еще многіе изъ товарищей Хлопковыхъ спаслися бѣгствомъ въ Украйну, гдѣ воеводы, по указу государеву, ихъ ловили и вѣшали, но не могли истребить гнѣзда злодѣйскаго, которое ждало новаго, гораздо опаснѣйшаго атамана, чтобы дать ему передовую дружину на пути къ столицѣ.

Такъ готовилась Россія къ ужаснѣйшему изъ явленій въ своей исторіи [2]; готовилась долго: неистовымъ тиранствомъ двадцати четырехъ лѣтъ Іоанновыхъ, адскою игрою Борисова властолюбія, бѣдствіями свирѣпаго голода и всемѣстныхъ разбоевъ, ожесточеніемъ сердецъ, развратомъ народа—всѣмъ, что̀ предшествуетъ испроверженію государствъ, осужденныхъ Провидѣніемъ на гибель или на мучительное возрожденіе [3].

Если, какъ пишутъ очевидцы, не было ни правды, ни чести въ лю-

---

[1] Маржеретъ. Онъ говоритъ, что разбойниковъ было человѣкъ 500.— [2] Этимъ заключеніемъ очерка разбоевъ, авторъ указываетъ связь этого явленія съ послѣдующимъ успѣхомъ Самозванца; слѣдующими затѣмъ предложеніями указана связь его съ предшествующими событіями.—[3] Послѣдними словами авторъ указываетъ значеніе событія, къ описанію котораго приготовляетъ читателя, въ общемъ ходѣ русской исторіи. Смутное время указано имъ какъ мучительное возрожденіе русскаго государства.

дяхъ; если долговременный голодъ не смирилъ, не исправилъ ихъ, но еще умножилъ пороки между ними: распутство, корыстолюбіе лихоимство, безчувствіе къ страданію ближнихъ; если и самое лучшее дворянство, и самое духовенство заражалось общею язвою разврата, слабѣя въ усердіи къ отечеству отъ беззаконій царя, уже вообще ненавистнаго: то нужны ли были иныя, чудесныя знаменія для устрашенія Россіи [1]? ибо сіи же лѣтописцы, слѣдуя древнему обыкновенію суевѣрія, разсказываютъ, «что нерѣдко выходили двѣ и три луны, два и три солнца вмѣстѣ; столпы огненные, ночью пылая на тверди, въ своихъ быстрыхъ движеніяхъ представляли битву воинствъ и краснымъ цвѣтомъ озаряли землю; отъ бурь и вихрей падали колокольни и башни; женщины и животныя производили на свѣтъ множество уродовъ; рыбы во глубинѣ водъ и дичь въ лѣсахъ изчезали или, употребляемыя въ пищу, не имѣли вкуса; алчные псы и волки, вездѣ бѣгая станицами, пожирали людей и другъ друга; звѣри и птицы невиданные явились; орлы парили надъ Москвою; въ улицахъ, у самаго дворца, ловили руками лисицъ черныхъ; лѣтомъ (въ 1604 году) въ свѣтлый полдень, возсіяла на небѣ комета, и мудрый старецъ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ вызванный Борисомъ изъ Германіи, объявилъ дьяку государственному (Власьеву), что царству угрожаетъ великая опасность». Оставимъ суевѣріе предкамъ; его мнимые ужасы не столь разнообразны, какъ дѣйствительные въ исторіи народовъ.

Въ сіе время скончалась Ирина, въ келліи Новодѣвичьяго монастыря, около шести лѣтъ не выходивъ изъ своего добровольнаго заключенія никуда, кромѣ церкви, пристроенной къ ея смиренному жилищу,— жена знаменитая и душевными качествами и судьбою необыкновенною; безъ отца, безъ матери, въ печальномъ сиротствѣ взысканная удивительнымъ счастіемъ; воспитанная, любимая Іоанномъ—и добродѣтельная; первая державная царица Россіи, и въ юныхъ лѣтахъ монахиня; чистая сердцемъ предъ Богомъ, но омраченная въ исторіи союзомъ съ злымъ властолюбцемъ, коему она указала путь къ престолу, хотя и невинно, будучи ослѣплена любовію къ нему и блескомъ его наружныхъ добродѣтелей, не зная его тайныхъ преступленій или не вѣря онымъ. Могъ ли Борисъ открыть свою темную душу сердцу, преданному святой набожности? Онъ дѣлилъ съ нѣжною сестрою только добрыя чув-

---

[1] Этимъ реторическимъ вопросомъ авторъ связываетъ упоминаніе лѣтописей о явленіяхъ на небѣ и другихъ необычайныхъ случаяхъ съ своимъ историческимъ повѣствованіемъ. Будучи очеркомъ настроенія умовъ въ описываемую эпоху, эти строки сверхъ того сообщаютъ повѣствованію тонъ живой рѣчи очевидца, проникнутой чувствомъ близкой бѣды — пріемъ художе[illegible]й. См. современную «Повѣсть о Гр. Отрепьевѣ». Беръ пишетъ, что ко[illegible] явилась въ 1604 г. послѣ Троицына дня во 2-е воскресенье, въ самый полдень; а другіе говорятъ о семъ явленіи 3 октября (см. Вагнера Gesch. des Russ. Reichs). (пр. Кар.).

ства: съ нею радовался торжеству отечества [1] и скорбѣлъ о случаяхъ бѣдственныхъ для онаго; повѣрялъ ей, можетъ быть [2], свое великое намѣреніе просвѣтить Россію, жаловался на злую неблагодарность, на злые умыслы, призраки его безпокойной совѣсти, и на горестную необходимость карать вельможъ измѣнниковъ; лицемѣривъ предъ сестрою въ добрѣ, не лицемѣрилъ, можетъ быть, только въ изъявленіяхъ скорби о кончинѣ ея: Ирина не мѣшала ему державствовать и служила ангеломъ хранителемъ, всѣми любимая какъ истинная мать народа и въ келліи. Погребли инокиню съ великолѣпіемъ царскимъ, въ Дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, близъ гроба Іоанновой дочери Маріи—и никогда не раздавалось столько милостыни, какъ въ сей день печали; бѣдные во всѣхъ городахъ россійскихъ благословляли щедрость Борисову.—Ирина была счастлива, смеживъ глаза на вѣки: ибо не видала гибели всего, что̀ еще любила въ жизни.

Настало время явной казни для того, кто не вѣрилъ правосудію Божественному въ земномъ мірѣ, надѣясь, можетъ быть, смиреннымъ покаяніемъ спасти свою душу отъ ада (какъ надѣялся Іоаннъ), и дѣлами достохвальными загладить для людей память своихъ беззаконій. Не тамъ, гдѣ Борисъ стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, имъ гонимые—не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: сіе дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно лежавшаго въ могилѣ... Какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію. Начинаемъ повѣсть, равно истинную и неимовѣрную[3].

Бѣдный сынъ боярскій, Галичанинъ Юрій Отрепьевъ, въ юности лишась отца, именемъ Богдана-Якова, стрѣлецкаго сотника, зарѣзаннаго въ Москвѣ пьянымъ Литвиномъ [4], служилъ въ домѣ у Романо-

---

[1] Съ вѣстію о пораженіи Кучума Борисъ спѣшилъ къ сестрѣ въ монастырь (пр. Кар.). — [2] Историкъ пытается здѣсь воспроизвести отношенія Бориса къ Иринѣ на основаніи общихъ психологическихъ соображеній. — [3] Этими словами начинается в в е д е н і е къ главному предмету повѣствованія этой главы—самозванцу. Для того служатъ: 1) п е р і о д ъ п р о т и в и т е л ь н ы й, заключающій въ протазисѣ краткое напоминаніе о всѣхъ доселѣ описанныхъ дѣйствіяхъ Бориса, въ аподозисѣ же — заявленіе о новомъ фактѣ; 2) м е т а ф о р а («тѣнь Димитріева вышла изъ гроба»). Явленіе самозванца указывается какъ *явная казнь* злодѣя послѣ *тайной* казни мученіями совѣсти, изображенными выше въ дѣйствіяхъ подозрительности Бориса и въ бѣдствіяхъ народныхъ, которыя народъ объяснялъ, какъ наказаніе царства за преступленіе царя.—[4] См. Дѣла Польскія, Собр. госуд. грамотъ и рукописную «Повѣсть о Борисѣ Годуновѣ и растригѣ», хронографъ, Никон. лѣт. и «Сказаніе, еже содѣяся въ Москвѣ, и о растригѣ», Латухин. Степенную книгу и Ростовскую лѣтопись... вотъ главные источники для описанія Лжедимитріевой исторіи; но предпочтительно слѣдую государственнымъ бумагамъ (пр. Кар.).

выхъ и князя Бориса Черкасскаго; зналъ грамотѣ; оказывалъ много ума, но мало благоразумія, скучалъ низкимъ состояніемъ и рѣшился искать удовольствія, безпечной праздности въ санѣ инока, слѣдуя примѣру дѣда, Замятни-Отрепьева, который уже давно монашествовалъ въ обители Чудовской. Постриженный Вятскимъ игуменомъ Трифономъ и названный Григоріемъ, сей юный чернецъ скитался изъ мѣста въ мѣсто; жилъ нѣсколько времени въ Суздалѣ, въ обители св. Евфимія, въ Галицкой Іоанна Предтечи и въ другихъ; наконецъ въ Чудовѣ монастырѣ, въ келліи у дѣда, подъ началомъ. Тамъ патріархъ Іовъ узналъ его, посвятилъ въ діаконы и взялъ къ себѣ для книжнаго дѣла: ибо Григорій умѣлъ не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны святымъ лучше многихъ старыхъ книжниковъ того времени. Пользуясь милостію Іова, онъ часто ѣздилъ съ нимъ во дворецъ; видѣлъ пышность царскую и плѣнился ею; изъявлялъ необыкновенное любопытство; съ жадностію слушалъ людей разумныхъ, особенно когда въ искреннихъ, тайныхъ бесѣдахъ произносилось имя Димитрія царевича; вездѣ, гдѣ могъ, вывѣдывалъ обстоятельства его судьбы несчастной и записывалъ на хартіи. Мысль чудная уже поселилась и зрѣла въ душѣ мечтателя, внушенная ему, какъ увѣряютъ[1], однимъ злымъ инокомъ: мысль, что смѣлый самозванецъ можетъ воспользоваться легковѣріемъ Россіянъ, умиляемыхъ памятію Димитрія, и въ честь небеснаго правосудія казнить святоубійцу! Сѣмя пало на землю плодоносную: юный діаконъ съ прилежаніемъ читалъ россійскія лѣтописи. и нескромно, хотя и въ шутку, говаривалъ иногда чудовскимъ монахамъ: „знаете ли, что я буду царемъ на Москвѣ?“ Одни смѣялись, другіе плевали ему въ глаза, какъ вралю дерзкому. Сіи или подобныя рѣчи дошли до ростовскаго митрополита Іоны, который объявилъ патріарху и самому царю, что „недостойный инокъ Григорій хочетъ быть сосудомъ діавольскимъ“: добродушный патріархъ не уважилъ митрополитова извѣта; но царь велѣлъ дьяку своему Смирному-Васильеву отправить безумца Григорія въ Соловки или въ Бѣлозерскія пустыни, будто-бы за ересь, на вѣчное покаяніе. Смирной сказалъ о томъ другому дьяку, Евфимьеву. Евфимьевъ же, будучи свойственникомъ Отрепьевыхъ, умолилъ его не спѣшить въ исполненіи царскаго указа и далъ способъ опальному діакону спастися бѣгствомъ (въ февралѣ 1602 года), вмѣстѣ съ двумя иноками чудовскими, священникомъ Варлаамомъ и крылошаниномъ[2] Мисаиломъ Повадинымъ. Не думали гнаться за ними и не извѣстили царя, какъ увѣряютъ, о семъ побѣгѣ, коего слѣдствія оказались столь важными.

---

[1] См. Петрея. Беръ называлъ сего злаго совѣтника Отрепьевымъ: ибо, вѣря сказкѣ Поляковъ, думалъ, что самозванецъ, хотя и дѣйствительно обманщикъ, былъ другой человѣкъ, а не Гришка Отрепьевъ (пр. Кар.).—[2] *Крылошанинъ*—лицо, поющее на крылосѣ; въ монастыряхъ такъ зовутъ бѣльцовъ.

Бродяги иноки были тогда явленіемъ обыкновеннымъ; всякая обитель служила для нихъ гостинницею; во всякой находили они покой и довольствіе, а на путь запасъ и благословеніе. Григорій и товавищи его свободно достигли Новагорода Сѣверскаго, гдѣ архимандритъ Спасской обители принялъ ихъ весьма дружелюбно и далъ имъ слугу съ лошадьми, чтобы ѣхать въ Путивль; но бѣглецы, отославъ провожатаго, спѣшили въ Кіевъ, и спасскій архимандритъ нашелъ въ келліи, гдѣ жилъ Григорій, слѣдующую записку: „Я царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего.“ Архимандритъ ужаснулся; не зналъ, что дѣлать; рѣшился молчать.

Такъ въ первый разъ открылся самозванецъ еще въ предѣлахъ Россіи; такъ бѣглый діаконъ вздумалъ ложью низвергнуть великаго монарха и сѣсть на его престолѣ, въ державѣ, гдѣ вѣнценосецъ считался земнымъ Богомъ, — гдѣ народъ еще никогда не измѣнялъ царямъ, и гдѣ присяга, данная государю избранному, для вѣрныхъ подданныхъ была не менѣе священною! Чѣмъ, кромѣ дѣйствія непостижимой судьбы, кромѣ воли Провидѣнія, можемъ изъяснить не только успѣхъ, но и самую мысль такого предпріятія? Оно казалось безуміемъ; но безумецъ избралъ надежнѣйшій путь къ цѣли: Литву.

Тамъ древняя, естественная ненависть къ Россіи всегда усердно благопріятствовала нашимъ измѣнникамъ, отъ князей Шемякина, Верейскаго, Боровскаго и Тверскаго до Курбскаго и Головина; туда устремился и самозванецъ, не прямою дорогою, а мимо Стародуба, къ Луевымъ горамъ, сквозь темные лѣса и дебри, гдѣ служилъ ему путеводителемъ новый спутникъ его, инокъ Днѣпрова монастыря, Пименъ [1], и гдѣ, вышедши наконецъ изъ россійскихъ владѣній близъ литовскаго селенія Слободки, онъ принесъ усердную благодарность Небу за счастливое избѣжаніе всѣхъ опасностей. Въ Кіевѣ, снискавъ милость знаменитаго воеводы Василія Константиновича Острожскаго, Григорій жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, а послѣ въ Никольскомъ и въ Дерманѣ; вездѣ священнодѣйствовалъ какъ діаконъ, но велъ жизнь соблазнительную, презирая уставъ воздержанія и цѣломудрія; хвалился свободою мнѣній, любилъ толковать о законѣ съ иновѣрцами и былъ

---

[1] Ссылка на *Грамоту Патріарха Іова* о Растригѣ: «Чернецъ Пименъ, постриженникъ Днѣпрова монастыря, сказалъ, что онъ съ тѣмъ воромъ да съ Гришкиными совѣтники, съ попомъ Варлаамомъ и съ крылошаниномъ Мисаиломъ познался въ Новѣ-городкѣ С. въ Спасскомъ монастырѣ, а изъ Нова-дей городка взялѣ его съ собою для знатья дороги, и шли къ Стародубу... а онъ проводилъ ихъ за Литовскій рубежъ, до имѣнья пановъ Станислава да брата его Александра, до села Слободки». Въ «*Сказаніи еже содѣяся...*»: «Внидоша (Гришка съ товарищи) въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и сѣдяше за столомъ, вопросиша жену о пути, и глагола жена: путь сей за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на

даже въ тѣсной связи съ Анабаптистами[1]. Между тѣмъ безумная мысль не усыпала въ головѣ прошлеца: онъ распустилъ темную молву о спасеніи и тайномъ убѣжищѣ Димитрія въ Литвѣ; свелъ знакомство съ другимъ отчаяннымъ бродягою, инокомъ Крыпецкаго монастыря Леонидомъ[2]: уговорилъ его назваться своимъ именемъ, то есть Григоріемъ Отрепьевымъ, а самъ, скинувъ съ себя одежду монашескую, явился міряниномъ, чтобы удобнѣе пріобрѣсти навыки и знанія, нужныя ему для ослѣпленія людей. Среди густыхъ камышей днѣпровскихъ гнѣздились тогда шайки удалыхъ Запорожцевъ, бдительныхъ стражей и дерзкихъ грабителей Литовскаго княжества: у нихъ, какъ пишутъ, разстрига Отрепьевъ нѣсколько времени учился владѣть мечомъ и конемъ, въ шайкѣ Герасима Евангелика, старшины именитаго; узналъ и полюбилъ опасность; добылъ первой воинской опытности и корысти[3]. Но скоро увидѣли прошлеца на иномъ ѳеатрѣ: въ мирной школѣ городка Волынскаго, Гащи, за польскою и латинскою грамматикою: ибо мнимому царевичу надобно было дѣйствовать не

томъ пути заставы суть отъ царя: не вѣмъ, кто съ Москвы бѣгу ся ятъ... И Гришка бѣ отъ страху яко мертвъ... Жена же показа имъ путь къ Чернигову. Монахи же шествіе творяху, и отъ солнечнаго жженія возсѣдше подъ древомъ, Гришка откры совѣтъ свой и рече: Вы слышали, братія, яко заставы по всей Сѣверской сторонѣ... насъ ради заставы сія... Да избѣжимъ сѣти; да пойдемъ чащею сею за рубежъ. И постави образъ Богоматери и нача молитися, да избѣгнутъ отъ руки Бориса.. и пройдоша непроходимыя дебри, и идоша 3 дня, и пріидоша на нѣкій боръ...» Описывается, какъ встрѣчный Полякъ на пчельникѣ объяснилъ бѣглецамъ, что они находятся близъ имѣнія пановъ Николая и Яна Виловичей; какъ паны эти угощали бѣглыхъ монаховъ; какъ за тѣмъ были они «любезно приняты» паномъ Прокулицкимъ.—Въ *Хронографѣ*: «быша въ Кіевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ 3 недѣли, и оттуда пріидоша до Острога, до К. Василія Острожскаго, и лѣтоваша у него... Гришка съѣхалъ въ Гощей городокъ, и платье иноческое съ себя скинулъ. «Въ *Сказаніи еже содѣяся*: «Повѣдаша о нихъ Князю Вас. Острожскому, и повелѣ имъ внити въ палаты своя... и видѣхъ благовѣрнаго князя сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрастомъ мала суща, браду имѣя до земли; на колѣнѣхъ же его постланъ бяше платъ, на немъ же лежаше брада» (пр. Кар.).—[1] См. у Нѣмцевича, гдѣ приведено мѣсто изъ письма кн. Острожскаго (Васильева сына) съ короной: Уже нѣсколько лѣтъ знаю Димитрія; онъ прежде былъ въ Дерманѣ монастырѣ отца моего, а потомъ уже у Анабаптистовъ.» См. также *Сказаніе еже содѣяся*: «Видяху же его (Гришкино) житіе скверное, и возвѣстиша кн. Василію; князь же повелѣ его казнити... Онъ же побѣже... и облекся въ мирское платье... и бысть у Князя Адама Вишневецкаго въ простыхъ людехъ.» (пр. Кар.)—[2] Въ *Повѣсти о Борисѣ Г. и Разстригѣ*: «Прельсти собою отъити 3-хъ иноковъ: черньца Мисаила, да черньца Венедикта (вм. Варлаама), да черньца Леонида, Крыпецкаго монастыря—и жилъ въ Печерскомъ м., и повелѣ тому Леониду зватись своимъ именемъ, Гришкою Отрепьевымъ, а самъ ложно наименова себя царевичемъ Дмитріемъ.» Въ *Морозовской лѣт.* то же.—Симъ объясняется сказаніе Маржерета и Гревенбруха, что Отрепьевъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ.—[3] *Сказаніи еже содѣяся*: «Много (у Запорожцевъ) крови разбойнымъ обычаемъ проливалъ...» Въ *Грамотѣ патріарха*: «Воръ Гришка учалъ воровати у Запорожцевъ Черкасовъ» (пр. Кар.).

только оружіемъ, но и словомъ. Изъ школы онъ перешелъ въ службу къ князю Адаму Вишневецкому, который жилъ въ Брагинѣ со всею пышностію богатаго вельможи. Тутъ самозванецъ приступилъ къ дѣлу—и если искалъ надежнаго, лучшаго пособника въ предпріятіи, равно дерзкомъ и нелѣпомъ, то не обманулся въ выборѣ: ибо Вишневецкій, сильный при дворѣ и въ государственной Думѣ многочисленными друзьями и прислужниками, соединялъ въ себѣ надменность съ умомъ слабымъ и легковѣріемъ младенца [1]. Новый слуга знаменитаго пана велъ себя скромно; убѣгалъ всякихъ низкихъ забавъ, ревностно участвовалъ только въ воинскихъ, и съ отмѣнною ловкостію. Имѣя наружность некрасивую, ростъ средній, грудь широкую, волосы рыжеватые, лицо круглое, бѣлое, но совсѣмъ не привлекательное, глаза голубые, безъ огня, взоръ тусклый, носъ широкій, бородавку подъ правымъ глазомъ, также на лбу, и одну руку короче другой,—Отрепьевъ замѣнялъ сію невыгоду живостію и смѣлостію ума, краснорѣчіемъ, осанкою благородною [2]. Заслуживъ вниманіе и доброе расположеніе господина, хитрый обманщикъ притворился больнымъ, требовалъ духовника и сказалъ ему тихо: «Умираю Предай мое тѣло землѣ съ честію, какъ хоронятъ дѣтей царскихъ. Не объявляю своей тайны до гроба; когда же закрою глаза на вѣки, ты найдешь у меня подъ ложемъ свитокъ, и все узнаешь; но другимъ не сказывай. Богъ судилъ мнѣ умереть въ злосчастіи [3]». Духовникъ былъ іезуитъ: онъ спѣшилъ извѣстить князя Вишневецкаго о сей тайнѣ, а любопытный князь спѣшилъ узнать ее: обыскалъ постелю мнимо-умирающаго; нашелъ бумагу, заблаговременно изготовленную, и прочиталъ въ ней, что слуга есть царевичъ Димитрій, спасенный отъ убіенія своимъ вѣрнымъ медикомъ [4]; что злодѣи, присланные въ Угличъ, умертвили одного сына іерейскаго, вмѣсто Димитрія, коего укрыли добрые вельможи и дьяки Щелкановы, а послѣ выпроводили въ Литву, исполняя наказъ Іоанновъ, данный имъ на сей случай. Вишневецкій изумился: еще хотѣлъ сомнѣваться, но уже не могъ, когда хитрецъ, виня нескромность духовника, раскрылъ свою грудь, показалъ золотой, драгоцѣнными каменьями осыпанный крестъ, (вѣроятно, гдѣ нибудь украденный) и со слезами объявилъ, что сія святыня дана ему крестнымъ отцомъ, княземъ Иваномъ Мстиславскимъ.

---

[1] Въ *Хронографѣ*: «Князь же Адамъ бражникъ и безуменъ» (пр. Кар.).— [2] Въ лѣтописцѣ Кубасова: «Разстрига возрастомъ малъ, груди широки имѣя, мышцы толсты, лице не царскаго достоянія, препростое обличеніе, тѣло вельми помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ; дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любяше вельми; на враги ополчителенъ, смѣлъ, храбрость имѣя и силу велію; воинство же зѣло любяше (пр. Кар.).— [3] Въ подробномъ хронографѣ сказано: «призва къ себѣ латинскія вѣры попа» (пр. Кар.) — [4] См. *Отвѣты Мнишка* на вопросы нашихъ бояръ; *Сказаніе еже содѣяся*.

. . . .

Сіи быстрые успѣхи[1] обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку—и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ разстригѣ, но готовымъ сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ литовскій, и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ естественно ожидало мятежа, какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ[2]! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на браннаго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. Присутствіе вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность, безъ сомнѣнія, имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный героемъ, Годуновъ однако жъ съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ хана, будучи только правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній—и Россія на полѣ чести не предала бы царя разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ идти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ бояръ и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ, всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ.

Однимъ словомъ, судъ Божій гремѣлъ надъ державнымъ преступникомъ[3]. Никто изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ теченіи пяти дней орошавъ его тѣло слезами: слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію царевича; но они—*не любили Бориса!* Сіе несчастное расположеніе готовило ихъ быть жертвою обмана. Самъ Борисъ ослабилъ свидѣтельство истины, казнивъ важнѣйшихъ очевидцевъ Димитріевой смерти[4], и явно ложными показаніями затмивъ ея строгія обстоятельства. Еще многіе

---

[1] Нѣкоторыя измѣны Русскихъ, усиленіе войскъ самозванца, согласіе русскаго воеводы Басманова сдаться самозванцу черезъ 2 недѣли (что было съ его стороны хитростію). [2] Одна изъ апофѳегмъ Карамзина, которыя онъ допускаетъ въ своей исторіи (см. о нихъ въ предисловіи).—[3] Мысль—какъ указано выше—заимствованная историкомъ у лѣтописцевъ.—[4] Угличанъ сослали, какъ извѣстно, въ Пелымъ (пр. Кар.).

знали вѣрно сію истину въ Угличѣ, въ Пелымѣ; но тамъ жила въ сердцахъ ненависть къ тирану. Всѣхъ громогласнѣе, какъ пишутъ[1], свидѣтельствовалъ въ столицѣ князь Василій Шуйскій, торжественно, на лобномъ мѣстѣ, о несомнительной смерти царевича; имъ видѣннаго во гробѣ и въ могилѣ. То же писалъ и патріархъ во всѣ концы Россіи, ссылаясь и на мать Димитріеву, которая сама погребала сына[2]. Но безсовѣстность Шуйскаго была еще въ свѣжей памяти; знали и слѣпую преданность Іова къ Годунову; слышали только имя царицы-инокини: никто не видался, никто не говорилъ съ нею, снова заключенною въ пустынѣ Выксинской. Еще не имѣвъ примѣра въ исторіи самозванцевъ и не понимая столь дерзкаго обмана; любя древнее племя царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно какимъ-нибудь чудомъ, достойнымъ Его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни неизвѣстнаго хищника и тирана[3]. По крайней мѣрѣ сомнѣвались и не изъявляли ревности стоять за Бориса. Разстрига съ своими Ляхами уже господствовалъ въ нашихъ предѣлахъ, а воины отечества уклонялись отъ службы, шли неохотно въ Брянскъ подъ знамена, и тѣмъ неохотнѣе, чѣмъ болѣе слышали объ успѣхахъ Лжедимитрія, думая, что самъ Богъ помогаетъ ему. Такъ нелюбовь къ государю рождаетъ нечувствительность и къ государственной чести!

Въ сей опасности, уже явной, Борисъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: къ церкви и къ строгости. Онъ велѣлъ іерархамъ пѣть вѣчную память Димитрію въ храмахъ, а разстригу съ его клевретами, настоящими и будущими, клясть всенародно, на амвонахъ и торжищахъ[4], какъ злаго еретика, умышляющаго не только похитить царство, но и ввести въ немъ латинскую вѣру: слѣдственно Борисъ уже зналъ или угадывалъ обѣтъ, данный Лжедмитріемъ іезуитамъ и легату папскому. Хотя народъ, видѣвъ слабость и потворство святителей въ изслѣдованіи Димитріева убіенія, не могъ имѣть къ нимъ безпредѣльной довѣренности, но ужасъ анаѳемы долженъ былъ тронуть совѣсть людей набожныхъ и вселить въ нихъ омерзеніе къ человѣку, отверженному церковію и преданному ею суду Божію. Второе средство также не осталось безплоднымъ. Издавъ указъ, чтобы съ каждыхъ двухъ сотъ четвертей земли обработанной выходилъ ратникъ въ поле съ конемъ, доспѣхомъ и запасомъ—слѣдственно убавивъ до половины число воиновъ, опредѣленное уставомъ Іоанновымъ[5],—Борисъ требовалъ скорости: писалъ,

---

[1] См. хронографы (пр. Кар.).—[2] Ссылка на грамоту патріарха Іова къ архимандриту Сольвычегодской обители.—[3] Въ хронографѣ: «Людіе же о семъ вѣры не яша, ни патріарху, ни кн. Ив. Шуйскому, глаголюще: сіи сице глаголютъ по наученію Борисову... Аще не сія Борису глаголати, да что ино ему творити? *Мнитъ* бо онъ и до днесь убиша его (Димитрія); но въ его мѣсто инъ убитъ былъ (пр. Кар.).—[4] Ссылка на грамоту патріарха и на «Приговоръ соборный» царя Бориса; въ подлинности послѣдняго историкъ сомнѣвается, находя языкъ его слишкомъ новымъ, и встрѣчая тамъ очевидно невѣрныя даты.—[5] Ссылка на

что владѣльцы богатые живутъ въ домахъ, не заботясь о гибели царства и церкви; грозилъ жестокою казнію лѣнивымъ и безпечнымъ, не упоминая о злонамѣренныхъ, и дѣйствительно велѣлъ наказывать ослушныхъ безъ пощады лишеніемъ имѣнія, темницею и кнутомъ; велѣлъ, чтобы и всѣ слуги патріаршіе, святительскіе и монастырскіе, годные для ратнаго дѣла, спѣшили къ войску подъ опасеніемъ тяжкаго гнѣва царскаго въ случаѣ медленности. «Бывали времена»—сказано въ семъ опредѣленіи Государственнаго Совѣта—„когда и самые иноки, священники, діаконы вооружались для спасенія отечества, не жалѣя своей крови: но мы не хотимъ того: оставляемъ ихъ въ храмахъ, да молятся о государѣ и государствѣ“. Сіи мѣры, угрозы и наказанія недѣль въ шесть соединили до пятидесяти тысячъ всадниковъ въ Брянскѣ[1], вмѣсто полумилліона, въ 1598 году ополченнаго призывнымъ словомъ царя, *коего любила Россія*!

Но Борисъ еще оказалъ тогда великодушіе. Шведскій король, врагъ Сигизмундовъ, услышавъ о самозванцѣ и вѣроломствѣ Ляховъ, предлагалъ царю союзъ и войско вспомогательное. Царь отвѣтствовалъ, что Россія не требуетъ вспоможенія иноземцевъ; что она при Іоаннѣ въ одно время воевала съ султаномъ, Литвою, Швеціею, Крымомъ, и не должна бояться мятежника презрѣннаго[2]. Борисъ зналъ, что въ случаѣ вѣрности Россіянъ горсть Шведовъ ему не нужна, а въ случаѣ невѣрности безполезна, ибо не могла бы спасти его.

Грозный часъ опыта наступалъ[3]: нельзя было медлить, ибо самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре... выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новгородскую крѣпость, которая одна противилась разстригѣ, уже среди подвластной ему страны.—Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за московскими

«Приговоръ соборный» и на «Разрядн. кн.», гдѣ сказано: «посладъ царь (осенью 1604) сбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ, стольниковъ и стряпчихъ по городамъ, наказы имъ даны особные» (пр. Кар.).—[1] Маржеретъ, который самъ тогда былъ въ Борисовомъ войскѣ, сказываетъ, что оно состояло изъ 40.000 или 50.000 ратниковъ. Другіе говорятъ о 60.000. Беръ пишетъ: «Царь послалъ всюду гонцовъ съ указомъ быть всѣмъ князьямъ, боярамъ, стрѣльцамъ, иноземцамъ къ 28 октября въ Москву, подъ опасеніемъ лишиться имѣнія и самой жизни въ случаѣ неповиновенія. Послали и другихъ и третьихъ гонцовъ съ такимъ же указомъ. Въ теченіи мѣсяца собралося болѣе ста тысячъ, коимъ царь велѣлъ идти съ кн. Мстиславскимъ къ Новугороду Сѣверскому, куда гнали изъ деревень и прочихъ людей воинскихъ. Кто не слушался, у того отнимали помѣстье; иныхъ заключали въ темницу или сѣкли плетьми, такъ что на спинѣ у нихъ не оставалось цѣлаго мѣста. Сіи мѣры принудили всѣхъ идти къ войску, которое около Мартинова дня состояло уже изъ 200.000 человѣкъ» (пр. Кар.).—[2] Венедиктова Historia belli Sveco-Moscovitici decennalis (пр. Кар.).—[3] Этой вступительной мыслью авторъ, послѣ очерка дѣйствій обѣихъ сторонъ и мѣръ, принятыхъ Борисомъ, переходитъ къ живому очерку общаго настроенія умовъ.

знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны царя и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго: а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ, то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь царской власти, но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ...

Смятеніе воеводъ московскихъ было столь велико, что они даже медлили извѣстить царя о битвѣ [1]. Узнавъ отъ другихъ всѣ ея печальныя обстоятельства, Борисъ (1 января) послалъ кн. Василія Шуйскаго къ войску, быть вторымъ предводителемъ онаго, а чашника Вельяминова къ раненному Мстиславскому, *ударить* ему *челомъ* за кровь, проліянную имъ изъ усердія къ святому отечеству, и сказать именемъ государя: „Когда ты, совершивъ знаменитую службу, увидишь образъ Спасовъ, Богоматери, Чудотворцевъ московскихъ и наши царскія очи: тогда пожалуемъ тебя свыше твоего чаянія. Нынѣ шлемъ къ тебѣ искуснаго врача, да будешь здравъ и снова на конѣ ратномъ". Всѣмъ инымъ воеводамъ царь велѣлъ объявить свое неудовольствіе за ихъ преступное молчаніе, но войско увѣрить въ милости [2]. Чтобы блестящею наградою мужества оживить доблесть въ сердцахъ Россіянъ, Борисъ, искренно довольный однимъ Басмановымъ, призвалъ его къ себѣ, выслалъ знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ на встрѣчу къ герою и собственныя великолѣпныя сани для торжественнаго въѣзда въ Москву со всею царскою пышностію; далъ ему изъ своихъ рукъ тяжелое золотое блюдо, насыпанное червонцами, и 2000 рублей [3], множество серебряныхъ сосу-

---

[1] О проигранной русскими битвѣ съ Самозванцемъ 21 декабря близъ Новгорода Сѣверскаго.—[2] Въ Разрядахъ 1605 г.: «Дек. въ 21 у Новгородка Сѣверскаго было дѣло съ Растригою... и кн. Ѳед. Ив. по головѣ ранили во многихъ мѣстахъ; и государь послалъ чашника своего, Микиту Дм. Вельяминова-Зернова съ рѣчью, съ милостивымъ словомъ»... (Далѣе Карамзинъ выписываетъ изложенное въ текстѣ мѣсто изъ этой рѣчи)... «Генваря въ 1-й день государь послалъ воеводу кн. В. И. Шуйскаго, и велѣлъ ему въ большомъ полку быти прибыльнымъ воеводою» (пр. Кар.).—[3] т. е. 100,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: см. Бера (пр. Кар.).

довъ изъ казны кремлевской, доходное помѣстье и санъ боярина думнаго. Столица и Россія обратили взоръ на сего новаго вельможу, ознаменованнаго вдругъ и славою подвига и милостію царскою; превозносили его необыкновенныя достоинства—и любимецъ государевъ сдѣлался любимцемъ народнымъ, первымъ человѣкомъ своего времени въ общемъ мнѣніи. Но столь блестящая награда одного была укоризною для многихъ и естественно рождала негодованіе зависти между знатными. Если бы царь осмѣлился презрѣть уставъ боярскаго старѣйшинства и дать главное воеводство Басманову, то, можетъ быть, спасъ бы свой домъ отъ гибели, и Россію отъ бѣдствій—чего судьба не хотѣла. Призвавъ Басманова въ Москву, вѣроятно, съ намѣреніемъ пользоваться его совѣтами въ Думѣ, царь отнялъ лучшаго воеводу у рати и сдѣлалъ, кажется, новую ошибку, избравъ Шуйскаго въ начальники. Сей князь, подобно Мстиславскому, могъ не робѣть смерти въ битвахъ, но не имѣлъ ни ума, ни души вождя истиннаго, рѣшительнаго и смѣлаго. Увѣренный въ самозванствѣ бродяги, не думалъ предать ему отечества, но, угождая Борису, какъ царедворецъ льстивый, помнилъ свои опалы: видѣлъ, можетъ быть, не безъ тайнаго удовольствія муку его тиранскаго сердца и, желая спасти честь Россіи, зложелательствовалъ царю.

Шуйскій, провождаемый множествомъ чиновныхъ стольниковъ и стряпчихъ [1], нашелъ войско близъ Стародуба въ лѣсахъ, между засѣками, гдѣ оно, усиленное новыми дружинами, какъ бы таилось отъ непріятеля, въ бездѣйствіи, въ уныніи, съ предводителемъ недужнымъ; другая запасная рать подъ начальствомъ Ѳедора Шереметева собиралась близъ Кромъ, такъ что Борисъ имѣлъ въ полѣ не менѣе 80,000 воиновъ. Мстиславскій, еще изнемогая отъ ранъ, и Шуйскій немедленно двинулись къ Сѣвску [2], гдѣ Лжедимитрій не хотѣлъ ждать ихъ: смѣлый отчаяніемъ вышелъ изъ города и встрѣтился съ ними въ Добрыничахъ. Силы были несоразмѣрны: у него 15,000 конныхъ и пѣшихъ; у воеводъ Борисовыхъ 60 или 70 тысячъ. Узнавъ, что полки наши тѣснятся въ деревнѣ, онъ хотѣлъ ночью зажечь ее и въ расплохъ нагрянуть на сонныхъ: тамошніе жители взялись подвести его къ селенію незамѣтно; но стражи увидѣли сіе движеніе: сдѣлалась тревога, и непріятель удалился [3]. Ждали разсвѣта (21 января). Самозванецъ молился, говорилъ рѣчь къ своимъ, какъ и въ день Новогородской битвы; раздѣлилъ войско на 3 части: для перваго удара взялъ себѣ 400 Ляховъ и 2000 Россіянъ, всадниковъ, которые всѣ отличались бѣлою одеждою сверхъ латъ, чтобы знать другъ друга въ сѣчѣ [4]; за ними

---

[1] Ссылка на Ник. лѣт., Разрядныя кн. и Маржарета.—[2] Паерле пишетъ, что Самозванецъ, узнавъ о приближеніи воеводъ Борисовыхъ, разсуждалъ съ своими чиновниками, что̀ дѣлать: опасаясь быть стѣсненными въ Сѣвскѣ, лишиться всѣхъ подвозовъ и сообщенія съ городами, которые держали сторону Лжедимитріеву, они рѣшились идти на встрѣчу непріятелю (пр. Кар.)—[3] Ссылка на Маржарета.—[4] Ссылка на Паерле.

должны были идти 8000 казаковъ, также всадниковъ, и 4000 пѣшихъ воиновъ съ пушками. Утромъ началась сильная пальба. Россіяне, столь многочисленные, не шли впередъ съ обѣихъ сторонъ, примыкая къ селенію, гдѣ стояла ихъ пѣхота. Оглядѣвъ устроеніе московскихъ воеводъ, Лжедимитрій сѣлъ на борзаго каряго аргамака, держа въ рукѣ обнаженный мечъ, и повелъ свою конницу долиною, чтобы стремительнымъ нападеніемъ разрѣзать войско Борисово между селеніемъ и правымъ крыломъ. Мстиславскій, слабый и томный, былъ на конѣ, угадалъ мысль непріятеля и двинулъ сіе крыло, съ иноземною дружиною, къ нему на встрѣчу. Тутъ разстрига, какъ истинный витязь, оказалъ смѣлость необыкновенную: сильнымъ ударомъ смялъ Россіянъ и погналъ ихъ; сломилъ и дружину иноземную [1], не смотря на ея мужественное, блестящее сопротивленіе, и кинулся на пѣхоту московскую, которая стояла предъ деревнею съ огнестрѣльнымъ снарядомъ — и не трогалась, какъ бы въ оцѣпенѣніи ждала; ждала—и вдругъ залпомъ изъ 40 пушекъ, изъ 10 или 12 тысячъ ружей поразила непріятеля; множество всадниковъ и коней пало; кто уцѣлѣлъ, бѣжалъ назадъ въ безпамятствѣ страха — и самъ Лжедимитрій. Уже казаки его неслись было во всю прыть довершить легкую побѣду своего героя; но видя, что она не ихъ, обратили тылъ,—сперва Запорожцы, а послѣ и Донцы, и пѣхота. 5000 Россіянъ и Нѣмцы съ кликомъ: Hilf Got! (помоги Богъ!) гнали, разили бѣгущихъ на пространствѣ восьми верстъ, убили тысячъ шесть, взяли не мало и плѣнниковъ, 15 знаменъ, 13 пушекъ; наконецъ истребили бы всѣхъ до единаго, если бы воеводы, какъ пишутъ [2], не велѣли имъ остановиться, думая, вѣроятно, что все кончено, и что самъ Лжедимитрій убитъ. Съ сею счастливою вѣстію прискакалъ въ Москву сановникъ Шеинъ и нашелъ царя, молящагося въ Лаврѣ св. Сергія.

Борисъ затрепеталъ отъ радости; велѣлъ пѣть благодарственный молебенъ, звонить въ колокола и представить народу трофеи: знамена, трубы и бубны Самозванцевы; далъ гонцу санъ окольничаго, послалъ съ любимымъ стольникомъ, княземъ Мезецкимъ, золотыя ме-

---

[1] См. Маржарета: лучше вѣрить ему, нежели Беру, который пишетъ, что Ливонецъ Вальтеръ, фонъ Розенъ и Маржаретъ, начальники двухъ иноземныхъ дружинъ, съ кликомъ: hilf Gott! прогнали Лжедимитрія, отнявъ у него взятыя имъ московскія пушки; что ободренные Россіяне также устремились вслѣдъ за непріятелемъ, также кричали: hilf Gott! и заставляли Нѣмцевъ смѣяться. Маржеретъ признается, что самъ онъ и Розенъ бѣжали: après quelque resistance que firent les dits étrangers tout tourna le dos (послѣ небольшаго сопротивленія этихъ иностранцевъ все обратило тылъ). См. и Паерле, увѣряющаго, что Россіяне умышленно обратили тылъ и заманили непріятеля подъ картечи; что Самозванецъ, когда вѣтромъ разнесло дымъ, снова хотѣлъ ударить на нихъ, но что казаки, подкупленные Годуновымъ, измѣнили царевичу... (пр. Кар.). Ссылка и на хронографъ. — [2] См. Бера. Въ Никон. лѣт.: «одниxъ Черкасъ побиша 7000» (въ нѣкоторыхъ разрядн. кн. 13000). «Съ сеунчемъ (съ вѣстію) послаша къ царю Мих Борис. Шеина» (пр. Кар.).

дали воеводамъ, а войску 80,000 рублей [1], и писалъ къ первымъ, что ждетъ отъ нихъ вѣсти о концѣ мятежа, будучи готовъ отдать вѣрнымъ слугамъ и послѣднюю свою рубашку; въ особенности благодарилъ усердныхъ иноземцевъ, Вальтера Розена, ливонскаго дворянина, и Француза Якова Маржарета; наконецъ изъявлялъ живѣйшее удовольствіе, что побѣда стоила намъ недорого: ибо мы лишились въ битвѣ только 500 Россіянъ и 25 Нѣмцевъ [2].

Но Самозванецъ былъ живъ: побѣдители безвременно веселясь и торжествуя, упустили его: онъ на раненномъ конѣ ускакалъ въ Сѣвскъ и въ ту же ночь бѣжалъ далѣе въ городъ Рыльскъ съ немногими Ляхами, съ княземъ Татевымъ и съ другими измѣнниками. Въ слѣдующій день явились къ нему разсѣянные Запорожцы. Самозванецъ не впустилъ ихъ въ городъ, какъ малодушныхъ трусовъ или предателей [3], такъ что они съ досадою и стыдомъ ушли восвояси. Не видя для себя безопасности и въ Рыльскѣ, Лжедимитрій искалъ ее въ Путивлѣ, лучше укрѣпленномъ и ближайшемъ къ границѣ; а воеводы Борисовы все еще стояли въ Добрыничахъ, занимались казнями: вѣшали плѣнниковъ (кромѣ литовскихъ, посланныхъ въ Москву); мучили, разстрѣливали земледѣльцевъ, жителей Комарницкой, волости за ихъ измѣну [4] безжалостно и безразсудно, усиливая тѣмъ остервененіе мятежниковъ, ненависть къ царю и доброе расположеніе къ обманщику, который миловалъ и самыхъ усердныхъ слугъ своего непріятеля. Сія жестокость, вмѣстѣ съ оплошностію воеводъ, спасли злодѣя...

Досадуя на замедленіе воинскихъ дѣйствій, Борисъ хотѣлъ инымъ способомъ, какъ пишутъ современники, избавить себя и Россію отъ злодѣя. Три инока, знавшіе Отрепьева діакономъ, явились въ Путивлѣ (8 марта) съ грамотами отъ государя и патріарха къ тамошнимъ жителямъ: первый обѣщалъ имъ великія милости, если они выдадутъ ему Самозванца, живаго или мертваго; второй грозилъ страшнымъ дѣйствіемъ церковной анаѳемы. Сихъ монаховъ схватили и привели къ Лжедимитрію, который употребилъ хитрость: вмѣсто его, въ царскомъ одѣяніи, на тронѣ сидѣлъ Полякъ Иваницкій и, представляя лицо Самозванца, спросилъ у нихъ: «знаете ли меня?» Монахи сказали: «нѣтъ; знаемъ только, что ты во всякомъ случаѣ не Димитрій.» Ихъ стали пытать. Двое терпѣли и молчали, а третій спасъ себя объявленіемъ [5], что у нихъ есть ядъ, коимъ они, исполняя волю Борисову, хотѣли уморить Лжецаревича, и что нѣкоторые изъ ближнихъ его людей въ заговорѣ съ ними. Ядъ дѣйствительно нашелся въ сапогѣ у

---

[1] 400,000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей [illegible] Бера (пр. Кар.).—[2] Ссылка на Петрея.—[3] Ссылка на Паерле и дѣла польскія.—[4] Ссылка на Маржарета, Бера и хронографы.—[5] Паерле: «...Двухъ монаховъ, не хотѣвшихъ объявить истины, заключили въ темницу, а третьяго, спасшаго Димитрія отъ смерти, осыпали милостями». Гевенбрухъ пишетъ то же, но иначе (пр. Кар.).

младшаго изъ сихъ иноковъ, и Самозванецъ, открывъ двухъ измѣнниковъ между своими любимцами, предалъ ихъ въ жертву народной мести[1]. Увѣряютъ, что онъ, хвалясь явнымъ небеснымъ къ нему благоволеніемъ, писалъ тогда къ патріарху и къ самому царю; укорялъ Іова злоупотребленіемъ церковной власти въ пользу хищника, а Бориса убѣждалъ мирно оставить престолъ и свѣтъ, заключиться въ монастырѣ и жить для спасенія души, обѣщая ему свою царскую милость[2]. Такое письмо, если дѣйствительно писанное и доставленное Годунову[3], было конечно новымъ искушеніемъ для его твердости!

Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать худшихъ[4]; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою святительскою, ни казнію; ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ.[5]. Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно: второй блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели—и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце; казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаваться въ волю святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія: хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою небесною? Храмы

---

1 Паерле: «Монахъ сказалъ: Всемилостивѣйшій государь! знай, что одинъ изъ моихъ товарищей имѣетъ у себя яды, и самый смертоносный спрятанъ у него въ сапогѣ, между подошвами... Двое изъ твоихъ бояръ взялись смѣшать оный съ ладономъ и посредствомъ куренія отравить тебя въ церкви .. Димитрій велѣлъ привести ихъ къ себѣ..: они во всемъ признались... и были выданы гражданамъ, которые разстрѣляли ихъ на площади...» (пр. Кар.).—2 Ссылка на Гревенбруха и де-Ту. —3 Нынѣ неупотребительное, сокращенное посредствомъ причастія, условное предложеніе (вм.: «если дѣйствительно оно было написано и доставлено Годунову»).—4 *Въ подл.*: худшихъ.—5 *Въ Хронографѣ*: «Борису же глаголы сія» (о томъ, что Лжедимитрій могъ быть истиннымъ Димитріемъ) «во ушеса приношаху; онъ же за сія глаголы языки рѣзаше, и иныхъ многихъ мукамъ смерти предая, но никако отъ людей чаянія сего отъяти не возможе». (пр. Кар.).

были отверсты: Годуновъ молился—Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ—въ бренности нашего естества земнаго [1].

Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ, уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ [2], обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на государство Россійское, воспріять ангельскій образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ боярами и съ иноземцами....

Къ сожалѣнію, потомство не знаетъ ничего болѣе о сей кончинѣ, разительной для сердца. Кто не хотѣлъ бы видѣть и слышать Годунова въ послѣднія минуты *такой* жизни—читать въ его взорахъ и въ душѣ, смятенной внезапнымъ наступленіемъ вѣчности [3]? Предъ нимъ были тронъ, вѣнецъ и могила; супруга, дѣти, ближніе, уже обреченныя жертвы Судьбы; рабы неблагодарные, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ; предъ нимъ и святое золотое знаменіе христіанства: образъ Того, Кто не отвергаетъ, можетъ быть, и послѣдняго раскаянія!... Молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣй-

---

[1] Переходная мысль отъ очерка душевнаго разлада героя къ описанію его смерти.—[2] Въ *Письмѣ Лжедимитрія* къ Минину отъ 11 мая: «По написаніи сего письма гонцы привезли намъ вѣсть изъ Ливенъ отъ тамошняго воеводы, что 29 (13) апрѣля Борисъ торжественно принималъ иноземцевъ» (въ другомъ мѣстѣ сказано: «датскихъ пословъ»); «вдругъ полилась кровь изъ носу, изъ ушей, и нѣкая сила свергла его съ престола, ударила о землю—и такимъ образомъ бѣдно скончалъ дни свои». Въ *Ростовск. Никон. лѣт.* (и въ друг.): «Царю Борису вставшу изъ за стола послѣ кушанья, и внезапно пріиде на него болѣзнь люта, и едва успѣ поновитись и пострищись, и бывъ два часа въ той же болѣзни, и скончася.» См. также *Окружную грамоту патр. Іова:* «Послѣ себя, государя, приказалъ и благословилъ на вся великія Государства Россійскаго царствія сына своего.» Въ *Грамотѣ ростовск. митрополита Кирилла:* «отходя отъ сего свѣта, *при насъ* богомольцахъ своихъ, приказалъ и благословилъ на великія государства сына своего». Въ *Разрядн. кн.*: «Того же апрѣля 13 нарекли на Московское государство патріархъ Іовъ всѣмъ вселенскимъ соборомъ и всякихъ чиновъ люди государемъ царевича Ѳедора Борисовича всея Русіи.» *Паерле* сказываетъ, что Борисъ умеръ въ Золотой палатѣ (пр. Кар.).—[3] Карамзинъ, дорожа всякимъ драматическимъ моментомъ въ жизни героя повѣствованія, пытается воспроизвести душевное состояніе умирающаго властолюбца. Для того онъ сопоставляетъ окружающіе его предметы и лица и пытается угадать дѣйствіе ихъ на душу Годунова въ моментъ смерти.

ствовать одному воображенію [1]. Увѣряютъ, что Годуновъ былъ самоубійцею, въ отчаяніи лишивъ себя жизни ядомъ; но обстоятельства и родъ его смерти подтверждаютъ ли истину сего извѣстія? И сей нѣжный отецъ, сей человѣкъ сильный духомъ, могъ ли, спасаясь ядомъ отъ бѣдствія, малодушно оставить жену и дѣтей на гибель, почти несомнительную? И торжество Самозванца было ли вѣрно, когда войско еще не измѣняло царю дѣломъ; еще стояло, хотя и безъ усердія, подъ его знаменами? Только смерть Борисова рѣшила успѣхъ обмана; только измѣнники, явные и тайные, могли желать, могли *ускорить* ее—но всего вѣроятнѣе, что ударъ, а не ядъ, прекратилъ бурные дни Борисовы [2], къ истинной скорби отечества: ибо сія безвременная кончина была небесною казнію для Россіи еще болѣе, нежели для Годунова: онъ умеръ по крайней мѣрѣ на тронѣ, не въ узахъ предъ бѣглымъ діакономъ, какъ бы еще въ воздаяніе за государственныя его благотворенія; Россія же, лишенная въ немъ царя умнаго и попечительнаго, сдѣлалась добычей злодѣйства на многія лѣта.

Но имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ властителей въ мірѣ, въ теченіи столѣтій было и будетъ произносимо съ омерзѣніемъ, во славу нравственнаго неуклоннаго правосудія. Потомство видитъ лобное мѣсто, обагренное кровію невинныхъ, св. Димитрія, издыхающаго подъ ножомъ убійцъ, героя псковскаго въ петлѣ, столь многихъ вельможъ въ мрачныхъ темницахъ и келліяхъ; видитъ гнусную мзду, рукою вѣнценосца предлагаемую клеветникамъ-доносителямъ; видитъ систему коварства, обмановъ, лицемѣрія предъ людьми и Богомъ [3]... вездѣ личину добродѣтели, и гдѣ добродѣтель? въ правдѣ ли судовъ Борисовыхъ, въ щедрости, въ любви къ гражданскому образованію, въ ревности къ величію Россіи, къ политикѣ мирной и здравой [4]? но сей яркій для ума блескъ хладенъ для сердца, удостовѣреннаго, что Борисъ не усомнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣйствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него такой перемѣны. Онъ *не былъ*, но *бывалъ* тира-

[1] Авторъ неоднократно и въ апоѳегмахъ, и въ объясненіяхъ событій его царствованія указывалъ на нарушеніе нравственнаго закона Годуновымъ, что̀ и поставило его властолюбца въ драматическое положеніе, исполнивъ душу непрестанной борьбы; неоднократно касался авторъ и вопроса о религіозномъ чувствѣ преступнаго героя, отыскивая въ этомъ чувствѣ разрѣшенія этой борьбы.—[2]Извѣстія о самоубійствѣ Бориса, прочитанныя въ хронографахъ, Морозовской лѣтописи и многихъ другихъ сказаніяхъ, авторъ отвергаетъ, находя такой поступокъ противорѣчащимъ личному характеру Бориса, неизбѣжности бѣдствія его семьи въ случаѣ его смерти, положенію дѣлъ, далеко не отчаянному. Потому онъ принимаетъ извѣстіе Маржерета и другихъ, приписывающихъ смерть удару.—[3] Здѣсь указаны всѣ темныя дѣла Бориса.—[4] Въ формѣ вопроса указаны благодѣтельныя дѣйствія Бориса, которыя, будучи совершены преступникомъ, не вызываютъ сочувствія историка, не признающаго заслуги за умомъ, если онъ въ разладѣ съ чувствомъ.

номъ: не безумствовалъ, но злодѣйствовалъ, подобно Іоанну устраняя совмѣстниковъ или казня недоброжелателей [1]. Если Годуновъ на время благоустроилъ державу, на время возвысилъ ее во мнѣніи Европы, то не онъ ли и ввергнулъ Россію въ бездну злополучія, почти неслыханнаго—предалъ въ добычу Ляхамъ и бродягамъ, вызвалъ на ѳеатръ сонмъ мстителей и самозванцевъ истребленіемъ древняго племени царскаго? Не онъ ли, наконецъ, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ уничиженію престола, возсѣвъ на немъ святоубійцею [2]?

22. Бѣдственное положеніе Россіи при Тушинскомъ ворѣ *.

... Когда горсть достойныхъ воиновъ-монаховъ, слугъ и землѐдѣльцевъ, изнуренныхъ болѣзнію и трудами, неослабно боролась съ полками Сапѣги [3], Москва, имѣя кромѣ гражданъ, войско многочисленное, все лучшее дворянство, всю нравственную силу государства, давала владычествовать бродягѣ Лжедимитрію въ двѣнадцати верстахъ отъ стѣнъ кремлевскихъ и досугъ покорять Россію. Москва находилась въ осадѣ: ибо непріятель своими разъѣздами мѣшалъ ея сообщеніямъ. Хотя царскіе воеводы иногда выходили въ поле, иногда сражались, чтобы очистить пути, и въ дѣлѣ кровопролитномъ, въ коемъ былъ раненъ гетманъ Лжедмитріевъ, имѣли выгоду: но не предпринимали ничего рѣшительнаго. Василій ждалъ вѣстей отъ Скопина; ждалъ и ближайшей помощи, давъ указъ жителямъ всѣхъ городовъ сѣверныхъ вооружиться, идти въ Ярославль и къ Москвѣ [4],—велѣвъ и боярину Ѳедору Шереметеву оставить Астрахань, взять людей ратныхъ въ Низовыхъ городахъ и также спѣшить къ столицѣ [5]. Но для сего требовалось времени, коимъ непріятель могъ воспользоваться отчасти и воспользовался къ ужасу всей Россіи.

Не имѣя силъ овладѣть Москвою, не умѣвъ овладѣть и Лаврою, Лжедимитрій съ измѣнниками и Ляхами послалъ отряды къ Суздалю,

---

[1] Сопоставленіе Бориса съ Іоанномъ Грознымъ служитъ къ усиленію осужденія Годунова.—[2] Глава оканчивается отрицаніемъ заслуги Бориса и для государства, такъ какъ слѣдствіемъ его правленія были бѣдствія державы и униженіе такъ недавно воздвигнутой монархической власти,—этого перваго, по мнѣнію историка, условія благоденствія Россіи. Своимъ заключеніемъ Карамзинъ приводитъ повѣствованіе о царствованіи Бориса Годунова въ связь съ главною мыслію своего труда.

* Изъ 2-й гл. XII тома.

[3] *Собр. Госуд. грамотъ.* Помѣщенныя тамъ увѣщательныя грамоты ц. Василія писаны: къ галицкимъ жителямъ 30 ноября, а въ Устюжну желѣзнопольскую 23 дек. 1608 г. (пр. Кар.).—[4] *Ник. лѣт.*—[5] Осаду Троицкой Лавры въ 1608 и 1609 г. см. въ «Хрестоматіи для III и IV кл.»

Владиміру и другимъ городамъ, чтобы дѣйствовать обольщеніемъ, угрозами или силою. Надежда его исполнилась.

....Городъ за городомъ сдавался Лжедимитрію: Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе [1], тѣ самые, откуда Василій ждалъ помощи. Являлась толпа измѣнниковъ и Ляховъ, восклицая: „да здравствуетъ Димитрій!» и жители, отвѣтствуя такимъ же восклицаніемъ, встрѣчали ихъ какъ друзей и братьевъ. Добросовѣстные безмолвствовали въ горести, видя силу на сторонѣ разврата и легкомыслія: ибо многіе, вопреки здравому смыслу, еще вѣрили мнимому Димитрію! Другіе, зная обманъ, измѣняли отъ робости или для того, чтобы злодѣйствовать свободно; приставали къ шайкамъ самозванца и вмѣстѣ съ ними грабили, гдѣ и что̀ хотѣли. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василіевыхъ предковъ, и Кинешма, гдѣ защищался воевода Ѳедоръ Бабарыкинъ, были взяты, разорены Лисовскимъ [2]; взята и вѣрная Тверь: ибо лучшіе воины ея находились съ царемъ въ Москвѣ. Отрядъ легкой Сапѣгиной конницы вступилъ въ отдаленный Бѣлозерскъ, гдѣ издревле хранилась часть казны государственной: Ляхи не нашли казны, но тамъ и вездѣ освободили ссыльныхъ, а въ ихъ числѣ и злодѣя Шаховскаго, себѣ въ усердные сподвижники [3]. Ярославль, обогащенный торговлею англійскою, сдался на условіи не грабить его церквей, домовъ и лавокъ, не безчестить женъ и дѣвицъ; принялъ воеводу отъ Лжедимитрія, шведа греческой вѣры, именемъ Лоренца Біугге, Іоаннова Ливонскаго плѣнника [4]; послалъ въ Тушинскій станъ 30,000 рублей, обязался снарядить 1000 всадниковъ. Псковъ, знаменитый древними и новѣйшими воспоминаніями славы, сдѣлался вдругъ вертепомъ разбойниковъ и душегубцевъ. Тамъ снова начальствовалъ бояринъ Петръ Шереметевъ, не долго бывъ въ опалѣ: вѣрный царю, нелюбимый народомъ за лихоимство [5]. Духовенство, дворяне, гости, были также вѣрны; но лазутчики и письма Тушинскаго злодѣя взволновали *мелкихъ* гражданъ, чернь, стрѣльцовъ, казаковъ, исполненныхъ ненависти къ людямъ сановитымъ и богатымъ. Мятежниками предводительствовалъ дворянинъ Ѳедоръ Плещеевъ: торжествуя числомъ, силою и дерзостью, они присягнули Лжедимитрію: вопили, что Шуйскій отдастъ Псковъ Шведамъ; заключили Шереметева и гражданъ знатнѣйшихъ; расхитили достояніе святительское и монастыр-

---

[1] Объ измѣнѣ Костромы, Галича и Вологды см. *Нѣмцевича и Бера* (пр. Кар.). *Ник. лѣт.*: «Грѣхъ же ради нашихъ грады всѣ Московскаго государства отъ Москвы отступиша. Не многіе грады стоятъ въ твердости» (пр. Кар.).— [2] *Ник. лѣт.*—[3] *Нѣмцевичъ.*—[4] *Беръ.*—[5] *Псковск. лѣт.*: «А. П. Шереметевъ надѣялся на большихъ людей во всемъ, а они ему во всемъ льстили и потакивали, а на мелкихъ наносили и обиду чинили. А мастеровые люди даромъ дѣлали на него всякое рукодѣліе». Тамъ же бѣдствія Псковичей отъ мздоимства, грабительства и неправды (пр. Кар.).

ское. Узнавъ о томъ, Лжедмитрій прислалъ къ нимъ свою шайку: начались убійства. Шереметева удавили въ темницѣ; другихъ узниковъ казнили, мучили, сажали на колъ. Въ сіе ужасное время сгорѣла знатная часть Пскова, и кучи пепла облились новою кровію: неистовые мятежники объявили дворянъ и богатыхъ купцовъ зажигателями; грабили, рѣзали невинныхъ и славили царя Тушинскаго.... Кто могъ въ сихъ изступленіяхъ злодѣйства узнать отчизну св. Ольги, гдѣ цвѣла нѣкогда добродѣтель человѣческая и государственная, гдѣ еще за 26 лѣтъ предъ тѣмъ жили граждане великодушные, побѣдители героя Баторія, спасители нашей чести и славы[1]?

Но кто могъ узнать и всю Россію, гдѣ, въ теченіи вѣковъ, видѣли мы столько подвиговъ достохвальныхъ, столько твердости въ бѣдствіяхъ, столько чувствъ благородныхъ? Казалось, что Россіяне уже не имѣли отечества, ни души, ни вѣры; что государство, зараженное нравственною язвою, въ страшныхъ судорогахъ кончалось!

....Россія бывала пустынею; но въ сіе время, не Батыевы, а собственные варвары свирѣпствовали въ ея нѣдрахъ, изумляя и самыхъ неистовыхъ иноплеменниковъ: Россія могла тогда завидовать временамъ Батыевымъ, будучи жертвою величайшаго изъ бѣдствій, разврата государственнаго, который мертвитъ и надежду на умилостивленіе небесное! Сія надежда питалась только великодушною смертію многихъ Россіянъ: ибо не въ одной Лаврѣ блистало геройство: сіи, по выраженію лѣтописца, *горы могилъ*, всюду видимыя, вмѣщали въ себѣ персть мучениковъ вѣрности и закона: добродѣтель, какъ Фениксъ, возрождается изъ пепла могилы, примѣромъ и памятію; тамъ не все погибло, гдѣ хотя немногіе предпочитаютъ гибель беззаконію. Съ честію умирали и воины, и граждане, и старцы, и жены. Въ духовенствѣ особенно сіяла доблесть. Мы видѣли мужество Филарета. Епископъ тверской Ѳеоктистъ, крестомъ и мечомъ вооруженный, до послѣдняго издыханія боролся съ измѣною и, взятый въ плѣнъ, удостоился вѣнца страдальческаго. Архіепископъ Суздальскій Галактіонъ, не хотѣвъ благословить самозванца, скончался въ изгнаніи. Добродѣтельнаго коломенскаго святителя Іосифа злодѣи влачили привязаннаго къ пушкѣ: онъ терпѣлъ и молилъ Бога образумить Россіянъ[2]. Святитель Псковскій Геннадій, въ тщетномъ усиліи обуздать мятежниковъ, умеръ отъ горести. Немногіе изъ священ-

---

[1] *Псковск. лѣт.*—[2] *Авраамій Палицынъ*: «Также и тверскаго архіепископа Ѳеоктиста обезчестивше, и по многихъ мукахъ на пути ко царствующему граду въ бѣгствѣ смерти предаша, и ратнымъ обычаемъ отъ правовѣрныхъ взято бысть тѣло его, обнажены кости оружіи, и знаменіи животныхъ кровоядныхъ начертаны. Также и суздальской архіепископъ Галактіонъ во изгнаніи скончася; епископа же Коломенскаго Іосифа, на пушкѣ привязавше, не единою подъ грады водяше, и симъ страшаше многихъ» (пр. Кар.).

никовъ, какъ сказано въ лѣтописи, уцѣлѣли, ибо вездѣ противились бунту.

...Сигизмундъ казался новымъ Баторіемъ, съ необыкновенною ревностію готовясь къ походу; собиралъ войско, не имѣя денегъ для жалованья, но тѣмъ болѣе обѣщая, въ надеждѣ, что кончитъ войну одною угрозою, и что Россія изнуренная встрѣтитъ его не съ мечомъ, а съ вѣнцомъ Мономаховымъ, какъ спасителя. Узнавъ толки злословія, которое приписывало ему намѣреніе завоевать Москву и силами ея подавить вольность въ республикѣ—то есть, сдѣлаться обоихъ государствъ самодержцемъ—король окружнымъ письмомъ удостовѣрилъ сенаторовъ въ нелѣпости сихъ разглашеній, клялся не мыслить о личныхъ выгодахъ и дѣйствовать единственно для блага республики; выѣхалъ изъ Кракова въ іюнѣ мѣсяцѣ къ войску, и еще не зналъ, куда вести оное: въ землю ли Сѣверскую, гдѣ царствовало беззаконіе подъ именемъ Димитрія, или къ Смоленску, гдѣ еще царствовали законъ и Василій, или прямо къ Москвѣ, чтобы истребить Лжедимитрія, отвлечь отъ него и Ляховъ и Россіянъ, а послѣ истребить и Шуйскаго, какъ совѣтовалъ умный гетманъ Жолкѣвскій? [1] Сигизмундъ колебался, медлилъ — и наконецъ пошелъ къ Смоленску: ибо Канцлеръ Левъ Сапѣга и Панъ Гонсѣвскій увѣрили Короля, что сей городъ желаетъ ему сдаться, желая избавиться отъ ненавистной власти Самозванца. Но въ Смоленскѣ начальствовалъ доблій Шеинъ!

Границы Россіи были отверсты, сообщенія прерваны, воины разсѣяны, города и селенія въ пеплѣ или въ бунтѣ, сердца въ ужасѣ или въ ожесточеніи, правительство въ безсиліи, царь въ осадѣ и среди измѣнниковъ... Но когда Сигизмундъ, согласно съ пользою своей державы, шелъ къ намъ за легкою добычею властолюбія, въ то время бѣдствія Россіи, достигнувъ крайности, уже являли признаки оборота и возможность спасенія, рождая надежду, что Богъ не оставляетъ государства, гдѣ многіе или немногіе граждане еще любятъ отечество и добродѣтель.

---

23. Крамола въ Москвѣ при Василіи Шуйскомъ*.

...Столица была ѳеатромъ козней и мятежей. Тамъ, гдѣ опасались не измѣны, а доносовъ на измѣну; гдѣ страшились мести Ляховъ и самозванца болѣе, нежели царя и закона; гдѣ власть верховная, ужасаяся явнаго и тайнаго множества злодѣевъ, умышленнымъ

[1] Жолкѣвскій не страшился писать о семъ королю: «Слышно въ народѣ, что Ваше Кор. Вел. не столько думаете въ семъ дѣлѣ о благѣ рѣчи Посполитой, сколько о собственныхъ своихъ выгодахъ. Не только чернь, но и знатные, хотя и неохотно, съ душевною скорбію, говорятъ о семъ замыслѣ Вашемъ» (пр. Кар.).

* Изъ 3-й гл. XII тома.

послабленіемъ хотѣла, казалось, только продлить тѣнь бытія своего и на часъ удалить гибель, — тамъ надлежало дивиться не смятенію, а призраку тишины и спокойствія, когда государство еще существовало, и Москва видѣла себя среди Россіи въ уединеніи, будучи отрѣзана, угрожаема всѣми бѣдствіями долговременной осады, безъ надежды на избавленіе, безъ довѣренности къ правительству, безъ любви къ царю: ибо Москвитяне, нѣкогда усердные къ боярину Шуйскому, уже не любили въ немъ вѣнценосца, приписывая государственныя злополучія его неразумію или несчастію[1]: обвиненіе равно важное въ глазахъ народа! еще какая-то невидимая сила, законъ, совѣсть, нерѣшительность, разномысліе, хранили Василія. Желали перемѣны; но кому отдать вѣнецъ? въ тайныхъ преніяхъ не соглашались. Самозванцемъ вообще гнушались; Ляховъ вообще ненавидѣли, и никто изъ вельможъ не имѣлъ ни столько достоинствъ, ни столько клевретовъ, чтобы обѣщать себѣ державство. Дни текли, и Василій еще сидѣлъ на тронѣ, измѣряя взорами глубину бездны предъ собою, мысля о средствахъ спасенія, но готовый и погибнуть безъ малодушія. Уже блеснулъ лучъ надежды: оружіе царское снова имѣло успѣхи; Лавра стояла непоколебимо; Востокъ и Сѣверъ Россіи ополчились за Москву, и въ сіе время крамольники дерзнули явно, рѣшительно возстать на царя, боясь ли упустить время? боясь ли, чтобы счастливая перемѣна обстоятельствъ не утвердила Василіева державства?

Извѣстными начальниками кова были царедворецъ князь Романъ Гагаринъ[2], Воевода Григорій Сумбуловъ (прощенный измѣнникъ) и дворянинъ Тимоѳей Грязной: знатнѣйшіе, вѣроятно, скрывались за ними до времени. 17 февраля вдругъ сдѣлалась тревога: заговорщики звали гражданъ на лобное мѣсто; силою привели туда и патріарха Ермогена; звали и всѣхъ думныхъ бояръ, торжественно предлагая имъ свести Василія съ царства, и доказывая, что онъ избранъ не Россіею, а только своими угодниками, обманомъ и насиліемъ[3]; что сіе беззаконіе произвело всѣ распри и мятежи, междоусобіе и самозванцевъ; что Шуйскій и не царь, и не умѣетъ быть царемъ, имѣя болѣе тщеславія, нежели разума и способностей, нужныхъ для успокоенія державы въ такомъ волненіи. Не стыдились и клеветы грубой: обвиняли Василія даже въ нетрезвости и распутствѣ. Они умолчали о преемникѣ Шуйскаго и мнимомъ Димитріи; не сказали, гдѣ взять царя, новаго, лучшаго,

---

[1] *Авр. Палицынъ*: «На царя и на святителя вооружаются глаголюще: сія убо гладъ и мечъ царева ради несчастія» (пр. Кар.).—[2] *Ник. лѣт.—Латух. Степ. кн*: «Единъ отъ бояръ, кн. Романъ Гагаринъ, да Григорій Самбуловъ и Тимоѳей Грязной къ боляромъ большимъ пришедше, и начаша имъ говорити, чтобы государя царя Вас. Іоанновича перемѣнити. Боляре же сего не восхотѣша.» То же и въ *хронографѣ Ключарева* (пр. Кар.) —[3] *Хроногр.*: «Согласився съ *потаковники* своими и сѣлъ на московское государство сильно. т. е. насильно

и тѣмъ затруднили для себя удачу. Не многіе изъ гражданъ и воиновъ соединились съ ними; другіе, подумавъ, отвѣтствовали имъ хладнокровно: „Мы всѣ были свидѣтелями Василіева избранія, добровольнаго, общаго; всѣ мы, и вы съ нами, присягали ему, какъ государю законному. Пороковъ его не вѣдаемъ. И кто далъ вамъ право располагать царствомъ безъ чиновъ государственныхъ?“ Ермогенъ, презирая угрозы, заклиналъ народъ не участвовать въ злодѣйствѣ, и возвратился въ Кремль. Синклитъ также остался вѣрнымъ, и только одинъ мужъ думный, старый измѣнникъ, князь Василій Голицынъ—вѣроятно, тайный благопріятель сего кова—выѣхалъ къ мятежникамъ на Красную площадь; всѣ иные бояре, съ негодованіемъ выслушавъ предложеніе свергнуть царя и быть участниками беззаконнаго вѣча, съ дружинами усердными окружили Шуйскаго[1]. Не взирая на то, мятежники вломились въ Кремль, но были побѣждены безъ оружія. Въ часъ опасный, Василій снова явилъ себя неустрашимымъ: смѣло вышелъ къ ихъ сонму; *сталъ имъ въ лице* и сказалъ голосомъ твердымъ: „Чего хотите? Если убить меня, то я предъ вами и не боюсь смерти; но свергнуть меня съ царства не можете безъ Думы земской. Да соберутся Великіе Бояре и чины государственные, и въ моемъ присутствіи да рѣшатъ судьбу отечества и мою собственную: ихъ судъ будетъ для меня закономъ, но не воля крамольниковъ!“[2] Дерзость злодѣйства обратилась въ ужасъ: Гагаринъ, Сумбуловъ, Грязной, и съ ними 300 человѣкъ бѣжали; а вся Москва какъ бы снова избрала Шуйскаго въ государи: столь живо было усердіе къ нему, столь сильно дѣйствіе оказаннаго имъ мужества!

---

24. Бѣдствія Москвы во время междуцарствія*.

Рать Ляпунова и другихъ областныхъ начальниковъ была стран-

(пр. Кар.)—[1] *Латух. Степ, кн.*: «Сія же народи слышаху и тѣмъ мятежникомъ отвѣтъ творяху сице: «Мы вси благочестивому государю царю Василію Іоанновичу покорятися ради, а сѣлъ онъ государь на царство не собою, но выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служилые люди; а когда бы онъ царь вамъ и неугоденъ былъ, то невозможно его государя безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести» (пр. Кар.).—[2] Тамъ же: «...суровіи крамольницы народъ возмутити не возмогоша, но безстудно къ царю государю пріидоша въ полаты съ великимъ воплемъ и наглостію укоряти и поношати его начаша. Царь же Василій I., видя ихъ безстудное устремленіе (въ *Стол*: «и въ лице имъ ста») и рече имъ: что вы законопреступніи людіе нагло пріидосте ко мнѣ? еда ли убити мя хощете, то азъ убо на смерть готовъ есмь; аще ли же отъ царства изгнати мя тщитеся, и того безъ большихъ бояръ и дворянъ невозможно вамъ сотворити, безъ совѣту всея россійскія земли Сія же слышавше мятежницы они, и со срамомъ отъ царя отъидоша и къ воровскому царику отбѣгоша въ Тушино вси» (id).

* Изъ 4-й гл. XII тома.

ною смѣсью людей воинскихъ и мирныхъ гражданъ съ бродягами и хищниками, коими въ сіи бѣдственныя времена кипѣла Россія, и которые искали единственно добычи подъ знаменами силы, законной или беззаконной: грабивъ прежде съ Ляхами, они шли тогда на Ляховъ, чтобы также грабить, и болѣе мѣшать, нежели способствовать добру. Такъ атаманъ Просовецкій, бывъ клевретомъ и ставъ непріятелемъ Лисовскаго, имѣвъ даже близъ Пскова кровопролитную съ нимъ битву, какъ разбойникъ съ разбойникомъ, вдругъ явился въ Суздалѣ, какъ честный слуга Россіи, привелъ къ Ляпунову тысячъ шесть казаковъ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ воеводъ народнаго ополченія! Всѣхъ звали въ союзъ, чтобы только умножить число людей. Приняли князя Дмитрія Трубецкаго, атамана Заруцкаго и всю остальную дружину Тушинскую: ибо сіи долго упорные мятежники вдругъ воспламенились усердіемъ къ государственной чести, отвергнули указъ московскихъ бояръ, не давъ клятвы въ вѣрности Владиславу, и выгнали изъ Калуги посла ихъ, князя Никиту Трубецкаго. Звали и безстыднаго Сапѣгу, который, не хотѣвъ удалиться въ Сѣверскую землю, писалъ изъ Перемышля къ Калужанамъ, что онъ служитъ не королю, не королевичу, а вольности,—не слушаетъ бояръ, убѣждающихъ его идти на Ляпунова, и готовъ стоять за независимость Россіи. Чего надлежало ждать и въ святомъ предпріятіи отъ такого несчастнаго состава? не единства, а раздора и безпорядка. Но кто вѣрилъ таинственной силѣ добра, могъ чаять успѣха благословеннаго, видя, сколь многіе, и сколь ревностно шли умирать за отечество сирое, кинувъ домы и семейства. Раздоръ и безпорядокъ долженствовали уступить великодушію!

Около трехъ мѣсяцевъ готовились—и наконецъ (въ мартѣ) выступили къ Москвѣ: Ляпуновъ изъ Рязани, князь Дмитрій Трубецкой изъ Калуги, Заруцкій изъ Тулы, князь Литвиновъ-Мосальскій и Артемій Измайловъ изъ Владиміра, Просовецкій изъ Суздаля, князь Ѳедоръ Волконскій изъ Костромы, Иванъ Волынскій изъ Ярославля, князь Козловскій изъ Романова, съ дворянами, дѣтьми боярскими, стрѣльцами, гражданами, земледѣльцами, Татарами и казаками, были на пути встрѣчаемы жителями съ хлѣбомъ и солью, иконами и крестами, съ усердными кликами и пальбою; шли бодро, но тихо—и сія, вѣроятно невольная, неминуемая по обстоятельствамъ медленность имѣла для Москвы ужасное слѣдствіе.

Въ то время, когда ея граждане съ нетерпѣніемъ ждали избавителей, бояре, исполняя волю Гонсѣвскаго, въ послѣдній разъ заклинали Ермогена удалить бурю, спасти Россію отъ междоусобія и Москву отъ крайняго бѣдствія: писать къ Ляпунову и сподвижникамъ его, чтобы они шли назадъ и распустили войско. *Ты далъ имъ оружіе въ руки*, говорилъ Салтыковъ: *ты можетъ и смиритъ ихъ.*—«Все смирится»—отвѣтствовалъ патріархъ—«когда ты, измѣнникъ, съ своею Лит-

вою изчезнешь; но въ царственномъ градѣ видя ваше злое господство, въ святыхъ храмахъ кремлевскихъ оглашаясь латинскимъ пѣніемъ», (ибо Ляхи въ домѣ Годунова устроили себѣ божницу) «благословляю достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль отечества и церкви». Дерзнули наконецъ приставить воинскую стражу къ непреклонному іерарху; не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовенства; обходились съ нимъ то жестоко и безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа. Въ недѣлю Вайй велѣли или дозволили Ермогену священнодѣйствовать и взяли мѣры для обузданія жителей, которые въ сей день обыкновенно стекались изъ всѣхъ частей города и ближнихъ селеній въ Китай и Кремль, быть зрителями великолѣпнаго обряда церковнаго. Ляхи и Нѣмцы, пѣхота и всадники, заняли Красную площадь съ обнаженными саблями, пушками и горящими фитилями. Но улицы были пусты! Патріархъ ѣхалъ между уединенными рядами иновѣрныхъ воиновъ; узду его осляти держалъ вмѣсто царя князь Гундуровъ, за коимъ шло нѣсколько бояръ и сановниковъ, унылыхъ, мрачныхъ видомъ. Граждане не выходили изъ домовъ, воображая, что Ляхи умышляютъ внезапное кровопролитіе и будутъ стрѣлять въ толпы народа безоружнаго. День прошелъ мирно, также и слѣдующій. Гонсѣвскій, имѣя только 7000 воиновъ противъ двухъ или трехъ сотъ тысячъ жителей, не хотѣлъ кровопролитія, ни Москвитяне. Первый, слыша, что Ляпуновъ и Заруцкій уже не далеко, мыслилъ идти къ нимъ на встрѣчу и разбить ихъ отдѣльно; а Москвитяне, готовые къ возстанію, откладывали его до появленія избавителей. Но взаимная злоба вспыхнула, не давъ ни Гонсѣвскому выступить изъ Москвы, ни воеводамъ россійскимъ спасти ее. Кто началъ? неизвѣстно; но вѣроятнѣе, Ляхи, съ досадою терпѣвъ насмѣшки, грубости жителей, и думая, что лучше управиться съ ними заблаговременно, нежели поставить себя между ихъ тайно-острымыми ножами и войскомъ городовъ союзныхъ,— наконецъ удовлетворяя своему алчному корыстолюбію разграбленіемъ богатой столицы. Такъ началось и совершилось ея бѣдствіе ужасное.

19 марта, во вторникъ Страстной недѣли, въ часъ обѣдни, услышали въ Китаѣ-городѣ тревогу, вопль и стукъ оружія. Гонсѣвскій прискакалъ изъ Кремля: увидѣлъ кровопролитіе между Ляхами и Россіянами, хотѣлъ остановить, не могъ и далъ волю первымъ, которые дѣйствовали наступательно, рѣзали купцовъ и грабили лавки; вломились въ домъ къ боярину вѣрному, князю Андрею Голицину, и безчеловѣчно умертвили его. Жители Китая искали спасенія въ Бѣломъ городѣ и за Москвою-рѣкою; конные Ляхи гнали, топтали, рубили ихъ, но въ Тверскихъ воротахъ были удержаны стрѣльцами. Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву: князь Дмитрій Пожарскій. Онъ кликнулъ доблихъ; устроилъ дружины, снялъ пушки съ башенъ и

встрѣтилъ Ляховъ ядрами и пулями, отбилъ и втопталъ въ Китай. Иванъ Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ и Колтовскій за Москвою-рѣкою также стали противъ нихъ съ воинами и народомъ. Бились еще въ улицахъ Тверской, Никитской и Чертольской, на Арбатѣ и Знаменкѣ. Гонсѣвскій подкрѣплялъ своихъ; но число Россіянъ несравненно болѣе умножалось: при звукѣ набата старые и малые, вооруженные дрекольемъ и топорами, бѣжали въ пылъ сѣчи; изъ оконъ и съ кровель разили непріятеля камнями и чурбанами: преграждали улицы столами, лавками, дровами; стрѣляли изъ за нихъ и двигали сіе укрѣпленіе впередъ, гдѣ Ляхи отступали. Уже Москвитяне вездѣ имѣли верхъ, когда приспѣлъ изъ Кремля съ Нѣмцами капитанъ Маржеретъ, вѣрный слуга Годунова и Разстриги, изгнанный Шуйскимъ и принятый гетманомъ въ королевскую службу: торгуя вѣрностію и жизнью, сей честный наемникъ ободрилъ Ляховъ неустрашимостію, и нѣкогда ливъ кровь свою за Россіянъ, жадно облился ихъ кровію. Битва снова сдѣлалась упорною; многолюдство однако жъ преодолѣвало, и Москвитяне тѣснили непріятеля къ Кремлю, его послѣдней оградѣ и надеждѣ. Тутъ, въ часъ рѣшительный, услышали голосъ: „огня! огня!“ и первый вспыхнулъ въ Бѣломъ городѣ домъ Михаила Салтыкова, зажженный собственною рукою хозяина; гнусный измѣнникъ уже не могъ имѣть жилища въ столицѣ отечества, имъ преданнаго иноплеменнику! Зажгли и въ другихъ мѣстахъ: сильный вѣтеръ раздувалъ пламя въ лицо Москвитянамъ, съ густымъ дымомъ, несноснымъ жаромъ, въ улицахъ тѣсныхъ. Многіе кинулись тушить, спасать домы; битва ослабѣла, и ночь прекратила ее, къ счастію изнуреннаго непріятеля, который удержался въ Китаѣ-городѣ, опираясь на Кремль. Тамъ все затихло; но другія части Москвы представляли шумное смятеніе. Бѣлый городъ пылалъ; набатъ гремѣлъ безъ умолку; жители съ воплемъ гасили огонь, или бѣгали, искали, кликали женъ и дѣтей, забытыхъ въ часы жаркаго боя. Послѣ такого дня, и предвидя такой же, никто не думалъ успокоиться.

Ляхи въ пустыхъ домахъ Китая-города, среди труповъ, отдыхали; а въ Кремлѣ, при свѣтѣ зарева, бодрствовали и разсуждали вожди ихъ: что дѣлать? Тамъ еще находилось мнимое правительство россійское съ знатнѣйшими сановниками, воинскими и гражданскими: ужасаясь мысли желать побѣды иноплеменникамъ, дымящимся кровію Москвитянъ, но малодушно боясь и мести своего народа, или не вѣря успѣху возстанія, Мстиславскій и другіе легкоумные вельможи, упорные въ вѣрности къ Владиславу, были въ изумленіи и бездѣйствіи: тѣмъ ревностнѣе дѣйствовали измѣнники ожесточенные; прервавъ навѣки связь съ отечествомъ, заслуживъ его ненависть и клятву церковную, пылая адскою злобою и жаждою губительства, они сидѣли въ сей ночной Думѣ Ляховъ и совѣтовали имъ разрушить Москву для ихъ спасенія. Гонсѣвскій принялъ совѣтъ, и въ слѣдующее утро 2000 Нѣмцевъ съ

отрядомъ коннымъ вышли изъ Кремля и Китая въ Бѣлый городъ и къ Москвѣ-рѣкѣ, зажгли въ разныхъ мѣстахъ домы, церкви, монастыри, и гнали народъ изъ улицы въ улицу не столько оружіемъ, сколько пламенемъ. Въ сей самый часъ прискакали къ стѣнамъ уже пылающаго Деревяннаго города отъ Ляпунова воевода Иванъ Плещеевъ, изъ Можайска королевскій полковникъ Струсъ, каждый для вспоможенія своимъ, оба съ легкими дружинами, равными въ силахъ, не въ мужествѣ. Ляхи напали: Россіяне обратили тылъ — и вождь первыхъ кликнувъ: „за мною храбрые!“ сквозь пылъ и трескъ деревянныхъ падающихъ стѣнъ вринулся въ городъ, гдѣ жители, осыпаемые искрами и головнями, задыхаясь отъ жара и дыма, уже не хотѣли сражаться за пепелище; бѣжали во всѣ стороны, на коняхъ и пѣшіе, не съ богатствомъ, а только съ семействами. Нѣсколько сотъ тысячъ людей вдругъ разсыпалось по дорогамъ къ Лаврѣ, Владиміру, Коломнѣ, Тулѣ; шли и безъ дорогъ, вязли въ снѣгу, еще глубокомъ; цѣпенѣли отъ сильнаго холоднаго вѣтра; смотрѣли на горящую Москву и вопили, думая, что съ нею изчезнетъ и Россія! Нѣкоторые засѣли въ крѣпкой Симоновской обители, ждать избавителей. Но оставленная народомъ и войскомъ въ жертву огню и Ляхамъ, Москва еще имѣла ратоборца: князь Дмитрій Пожарскій еще стоялъ твердо въ облакахъ дыма между Срѣтенкою и Мясницкою, въ укрѣпленіи, имъ сдѣланномъ: бился съ Ляхами и долго не давалъ имъ жечь за каменною городскою стѣною; не берегъ себя отъ пуль и мечей, изнемогъ отъ ранъ и палъ на землю. Вѣрные ему до конца немногіе сподвижники взяли и спасли будущаго спасителя Россіи: отвезли въ Лавру.... До самой ночи уже безпрепятственно губивъ огнемъ столицу, Ляхи съ гордостію побѣдителей возвратились въ Китай и Кремль, любоваться зрѣлищемъ, ими произведеннымъ: бурнымъ пламеннымъ моремъ, которое, разливаясь вокругъ ихъ, *обѣщало* имъ *безопасность*, какъ они думали, не заботясь о дальнѣйшихъ, вѣковыхъ слѣдствіяхъ такого дѣла, и презирая месть Россіянъ!

Москва пустая горѣла двое сутокъ. Гдѣ угасалъ огонь, тамъ Ляхи, выѣзжая изъ Китая, снова зажигали, въ Бѣломъ городѣ, въ Деревянномъ и въ предмѣстіяхъ. Наконецъ вездѣ утухло пламя, ибо все сдѣлалось пепломъ, среди коего возвышались только черныя стѣны, церкви и погреба каменные. Сія громада золы, въ окружности на двадцать верстъ или болѣе, курилась еще нѣсколько дней, такъ что Ляхи въ Китаѣ и въ Кремлѣ, дыша смрадомъ, жили какъ въ туманѣ—но ликовали: грабили всю казну царскую: взяли всю утварь нашихъ древнихъ вѣнценосцевъ, ихъ короны, жезлы, сосуды, одежды богатыя, чтобы послать къ Сигизмунду или употребить вмѣсто денегъ на жалованье войску; сносили добычу, найденную въ гостиномъ дворѣ, въ жилищахъ купцовъ и людей знатныхъ; сдирали съ иконъ оклады; дѣлили на равныя части золото, серебро, жемчугъ, камни и

ткани драгоцѣнныя, съ презрѣніемъ кидая мѣдь, олово, холсты, сукна; рядились въ бархаты и штофы; пили изъ бочекъ венгерское и мальвазію. Изобиловали всѣмъ роскошнымъ, не имѣя только нужнаго—хлѣба! Бражничали, играли въ зернь и въ карты, распутствовали, и пьяные рѣзали другъ друга!..... А Россіяне, ихъ клевреты гнусные или невольники малодушные, праздновали въ Кремлѣ Свѣтлое Воскресенье и молились за царя Владислава, съ іерархомъ достойнымъ такой паствы, Игнатіемъ, угодникомъ разстригинымъ, коего вывели изъ Чудовской обители, гдѣ онъ пять лѣтъ жилъ опальнымъ инокомъ, и снова назвали патріархомъ, свергнувъ и заключивъ Ермогена на Кирилловскомъ подворьѣ. Сей мужъ безсмертный, среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ—между памятниками нашей славы, въ оградѣ священной для вѣковъ могилами Димитрія Донскаго, Іоанна III, Михаила Шуйскаго — въ темной келліи сіялъ добродѣтелію, какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу!

Карамзинъ.

Азовскій походъ.

Въ Москвѣ рѣшено было дѣйствовать противъ Крыма, чтобы удержать Татаръ отъ поданія помощи Туркамъ. Два степныхъ похода на Крымъ, соединенные съ страшными тягостями для войска, были неудачны, что наложило пятно на правленіе Софіи, на ея любимца, кн. В. В. Голицина, предпринимавшаго эти походы. Крупныхъ военныхъ дѣйствій не было до тѣхъ поръ, пока въ развитіи Петра не произошелъ поворотъ отъ юношеской мечты, отъ невинныхъ стремленій, неопредѣленныхъ порывовъ къ дѣйствительности, отъ юношеской потѣшной дѣятельности къ труду государя. Надобно было продолжать энергически и кончить съ честію и пользою турецкую войну, тѣмъ болѣе, что восточный вопросъ представлялся уже съ тѣмъ великимъ поэтическимъ и нравственнымъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ въ жизни русскаго народа. Іерусалимскій патріархъ писалъ, что Французы, пользуясь враждою между Россіею и Портою, отнимаютъ святыя мѣста у православныхъ. „Намъ лучше жить съ Турками, чѣмъ съ Французами“, писалъ патріархъ, „но вамъ не полезно, если Турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подолѣ, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ; худой это будетъ миръ, потому что ни одному государству Турки такъ не враждебны, какъ вамъ. Если не будетъ освобождена Украйна и Іерусалимъ, если Турки не будутъ изгнаны изъ Подоліи, не заключайте мира съ ними, но стойте крѣпко. Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, Украйны и Подоліи не уступятъ—не заключайте мира. Помогите Полякамъ и другимъ, пока здѣшніе погибнутъ. Впередъ такого времени не сыщете.

какъ теперь. Вы упросили у Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами; теперь такое благопріятное время, а вы не радѣете! въ досаду вамъ Турки отдали Іерусалимъ Французамъ и васъ ни во что ставятъ. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого.»

Не Петру было слушать, что дѣло не явилось. Дѣло явилось въ 1695 году. Но *шкиперъ* не пойдетъ въ степной походъ; онъ подплыветъ къ сильной турецкой крѣпости Азову, загораживающей дорогу къ морю. Шкиперъ подплылъ подъ Азовъ, преодолѣвъ большія препятствія, задержки: «больше всѣхъ задержка была отъ глупыхъ кормовщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастера, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба,“ писалъ Петръ: «но», продолжалъ онъ, „по молитвамъ св. Апостоловъ, яко на камени утвердясь, несомнѣнно вѣруемъ, яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ». При осадѣ шкиперъ превратился въ бомбардира, самъ чинилъ гранаты и бомбы, самъ стрѣлялъ и записалъ: «зачалъ служить съ перваго Азовскаго похода бомбардиромъ». Но дѣло не сдѣлалось, Азовъ не былъ взятъ.

Петръ возвратился въ Москву, и начинается страшная дѣятельность. Царь вызываетъ изъ-за границы новыхъ мастеровъ, изъ Архангельска иностранныхъ корабельныхъ плотниковъ, хочетъ строить суда, которыя должны плыть къ Азову и запереть его отъ турецкихъ судовъ, дававшихъ помощь осажденнымъ Это было въ ноябрѣ 1695; корабли должны быть готовы къ веснѣ будущаго 1696 года. Возможно ли это? Въ Москвѣ строятъ галеры по образцу привезенной изъ Голландіи; въ лѣсныхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Дону, 26,000 работниковъ рубятъ струги, лодки, плоты. Въ началѣ 1696 года Петръ съ больною ногою ѣдетъ въ Воронежъ. Опять препятствія, задежки; иностранные лѣкаря пьютъ и въ хмѣлю колютъ другъ друга шпагами; подводчики бѣгутъ съ дороги, бросая перевозимыя вещи; лѣса горятъ именно тамъ, гдѣ рубятъ струги; въ Воронежѣ капитанъ кричитъ, что въ кузницѣ уголья нѣтъ; морозъ не во время снова леденитъ рѣки и останавливаетъ работы; но Петръ не отчаивается: «мы», пишетъ онъ, «по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». Этотъ хлѣбъ ѣлъ онъ въ маленькомъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ. И вотъ лѣтомъ въ Москвѣ получаютъ отъ него письмо: „Господь Богъ двалѣтніе труды и крови наши милостію своею наградилъ; Азовцы, видя конечную свою бѣду, сдались“. Неудача, сламывающая слабаго, возбуждаетъ силы сильнаго; неудача перваго Азовскаго похода выказала тѣ громадныя силы, которыми обладалъ Петръ. Здѣсь послѣдовало явленіе великаго человѣка.

Соловьевъ.

Призывъ Петра Великаго.

Знакомые уже съ характеромъ дѣятельности Петра, съ его постояннымъ движеніемъ изъ одного угла обширнѣйшей страны въ другой, то въ Петербургъ, то въ Воронежъ, то въ Азовъ, то въ Литву, мы должны ожидать измѣненій и въ высшемъ управленіи. Прежде царь находился постоянно въ Москвѣ, и Дума, совѣтъ, собиравшійся при немъ изъ трехъ знатнѣйшихъ чиновъ, бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, постоянно была подъ вліяніемъ этого царскаго присутствія; какъ угодно было государю вести совѣщаніе, такъ оно и велось—не было никакихъ формъ, которыя бы опредѣлили степень участія и отвѣтственности членовъ Думы. Но теперь царь часто и по долгу отсутствуетъ изъ Москвы, пріѣдетъ на короткое время, укажетъ на множество необходимыхъ дѣлъ и уѣдетъ. Члены Думы остаются одни съ обязанностію обсудить, какъ что лучше сдѣлать и непремѣнно сдѣлать, и скоро сдѣлать; царь не такой человѣкъ, чтобъ хладнокровно смотрѣть на медленность, на дѣланіе кое-какъ, чтобъ принималъ какія нибудь отговорки. И вотъ старая Дума должна усилить свою дѣятельность; царя нѣтъ, нельзя ждать, какъ онъ укажетъ въ трудномъ дѣлѣ, надобно рѣшить самимъ трудное дѣло и исполнить. Тяжело, непривычно. Одинъ кто-нибудь скажетъ, какъ надобно сдѣлать,—и прекрасно! что долго думать?—сдѣлать такъ! И вдругъ царь разгнѣвался: не такъ. Что жъ дѣлать? кто виноватъ?—никто, всѣ такъ рѣшили. Но царь принимаетъ свои мѣры, приходитъ требованіе, безцеремонное въ выраженіяхъ, какъ всѣ требованія петровскія,—требованіе, чтобъ они всякія дѣла, о которыхъ совѣтуются, записывали, и каждый бы своею рукою подписывалъ, и безъ того никакого дѣла не рѣшать, „ибо этимъ дурость всякаго будетъ извѣстна.“ Каждый, слѣдовательно, долженъ обдумать дѣло, подать свое мнѣніе и подписать его; согласиться съ другими, и это обозначится подписью; каждый, долженъ принять на себя отвѣтственность за свое мнѣніе, ибо уже не скроется, что̀ кто думалъ; надобно думать, да и думать, а то придется объявить свою „дурость“. И вотъ нѣкоторые отзываются съ готовностію на призывъ къ самостоятельной дѣятельности, другіе—болѣе лѣнивые по натурѣ—невольно должны становиться на свои ноги, пріучаться къ самостоятельной дѣятельности, думать, изучать дѣло, справляться, совѣтоваться съ другими; а сфера все болѣе и болѣе расширяется, безпрестанно все слышатся слова: въ такой-то странѣ дѣлается такъ, въ другой иначе, и побужденіе къ дѣятельности не ослабѣваетъ, не ослабѣваетъ царское требованіе—не смѣть свое сужденіе не имѣть. Въ старину если посылали кого нибудь исполнить извѣстное порученіе, то давали ему длинный наказъ, инструкцію, опредѣлявшую съ точностію каждое его движеніе, длинный свивальникъ, которымъ пеленали взрослаго человѣка. Дѣйствія свивальника оказы-

вались тотчасъ же, отнимая всякую свободу движенія: какъ скоро исполнитель порученія, спеленатый указомъ, встрѣчалъ какое нибудь малѣйшее обстоятельство, непредвидѣнное въ наказѣ, онъ останавливался и слалъ изъ дальняго мѣста въ Москву за новымъ наказомъ, между тѣмъ благопріятное время уходило невозвратно. Петръ не могъ равнодушно сносить этой привычки русскихъ людей къ пеленкамъ, и требовалъ, чтобъ посланные съ порученіемъ поступали по своему разсужденію, смотря на оборотъ дѣлъ, ибо «издали», писалъ онъ, «нельзя такъ знать, какъ тамъ (на мѣстѣ) будучи». И повторялъ: «Во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагался на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разсужденіе, что и нынѣ подтверждаю, ибо намъ, такъ отдаленнымъ, невозможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются».

Болѣе десяти лѣтъ старинная Дума привыкала къ новому положенію управлять во время отсутствія царя, привыкала къ самостоятельной дѣятельности, и къ необходимо связанной съ такой дѣятельностію отвѣтственности, отвѣтственности предъ царемъ, о которомъ знала, что не пропуститъ никакого упущенія, не посмотритъ ни на что сквозь пальцы. Между тѣмъ новыя слова для выраженія новыхъ отношеній незамѣтно входятъ въ употребленіе. Высшее правительственное собраніе называется уже *конзиліею*, и члены его *министрами*. Въ 1711 году эта конзилія министровъ получила новое названіе, и болѣе опредѣленное значеніе и устройство: учрежденъ Правительствующій Сенатъ, которому каждый обязанъ былъ послушаніемъ, какъ самому царю, и въ то же время явилась новая форма присяги государю и государству.

Въ этой вѣрѣ въ дѣло и народъ преобразователя поддерживалъ тотъ живой, сильный откликъ, который послышался отвсюду, когда вождь кликнулъ кличъ по дружину, по смѣлыхъ, неутомимыхъ работниковъ. Не все люди были, которые въ началѣ раку подобились въ новомъ дѣлѣ: поднялись и молодые орлята, которые, сгарая нетерпѣніемъ, стали торопить дѣло, забѣгали впередъ, требовали мѣръ рѣшительныхъ и крутыхъ, революціонныхъ, какъ мы теперь называемъ. Сильное движеніе преобразовательной эпохи, новые предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ,—все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, въ самомъ низшемъ—возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. Это движеніе, новости, обхватъ цѣлаго общества какимъ-то другимъ воздухомъ, выразилось еще въ 1694 году однимъ, если угодно, комическимъ, или трагико-комическимъ, но любопытнымъ явленіемъ: явился въ Москву крестьянинъ и потребовалъ у правительства средствъ сдѣлать крылья, потому что онъ сумѣетъ полетѣть какъ журавль. Опытъ кончился неудачно и очень печально для рус-

скаго Икара[1]: но скоро движеніе пошло болѣе серіознымъ образомъ. Преобразованіе имѣло экономическій характеръ; вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, сдѣлать для нея возможнымъ удовлетвореніе громаднымъ издержкамъ преобразованія, предпринимаемаго для усиленія и обогащенія Россіи — этотъ вопросъ былъ на первомъ планѣ для всякаго возбужденнаго движеніемъ человѣка, и вотъ снизу является рядъ людей, способныхъ, бывалыхъ, которые предлагаютъ правительству свои планы относительно увеличенія доходовъ, свои услуги въ этомъ важномъ дѣлѣ. Мысли выслушаны, услуги приняты, и нѣкоторые изъ этихъ людей, отмѣченныхъ въ народѣ названіемъ *прибыльщиковъ*, стали видными дѣятелями эпохи преобразованія. Взглядъ прибыльщиковъ, ихъ ученіе, ихъ теорія высказались въ извѣстномъ сочиненіи крестьянина Посошкова: *о скудости и богатствѣ*, которое самымъ названіемъ своимъ даетъ намъ знать, что̀ въ это время болѣе всего лежало на сердцѣ у мыслящаго русскаго человѣка, пробужденнаго движеніемъ преобразовательной эпохи, — обогащеніе Россіи посредствомъ обезпеченія промышленнаго труда и трудящагося человѣка отъ печальнаго положенія суда, управленія и сословныхъ отношеній, завѣщаннаго древнею Россіею; причемъ Посошковъ предлагаетъ самыя крутыя, восточныя мѣры, показывающія, что самъ авторъ принадлежитъ половиною своего нравственнаго существа древней Россіи; сильное сочувствіе преобразователю, жалоба на то, что онъ въ меньшинствѣ тянетъ въ гору, тогда какъ большинство стремится подъ гору, — вотъ основныя черты сочиненія Посошкова. Въ практической дѣятельности изъ этихъ людей, поднятыхъ снизу вверхъ преобразовательнымъ движеніемъ, былъ знаменитъ прибыльщикъ Курбатовъ. Въ одномъ изъ приказовъ подкинуто было письмо. Вмѣсто извѣта о какомъ-нибудь зломъ умыслѣ, государь нашелъ въ письмѣ проектъ о гербовой или *орленой* бумагѣ. Гербовая бумага, какъ важный источникъ дохода, была немедленно введена. Сочинителемъ проекта оказался Курбатовъ, дворецкій боярина Бор. Петр. Шереметева, человѣкъ очень бывалый и не въ одной Россіи; вмѣстѣ съ господиномъ своимъ онъ путешествовалъ и за границей. Курбатовъ былъ щедро награжденъ, пожалованъ въ дьяки Оружейной палаты и получилъ возможность уже не подметными, но явными письмами сообщать царю свои мнѣнія обо всемъ. Курбатову Петръ поручилъ устроить порядокъ въ московской ратушѣ или бурмистрской палатѣ, въ которой, дѣло шло дурно по непривычкѣ къ новому дѣлу, по неохотѣ заниматься общимъ дѣломъ, не приносящимъ непо-

[1] *Икаръ*—сынъ Дедала, на восковыхъ крыльяхъ освободившійся изъ заключенія въ лабиринтѣ; когда крылья отъ лучей солнца, къ которому онъ приблизился, растопились, онъ упалъ близъ острови Самоса въ море.

средственной выгоды частному человѣку, или по стремленію извлечь изъ общаго дѣла какъ можно больше частныхъ выгодъ, покормиться на счетъ казны.

Онъ призвалъ свой народъ къ великому и тяжкому труду, и ничто не могло его такъ раздражать, какъ тунеядство, стремленіе избѣжать труда.

Соловьевъ.

Гераклій *.

Первая половина седьмаго вѣка почти вся занята страшнымъ кризисомъ, который угрожалъ конечною погибелью Восточной Имперіи. Ея спасеніе, если оно еще было возможно, могло зависѣть только отъ геніальнаго усилія со стороны того, кому ввѣрена была въ то время судьба государства. Нельзя же было ждать великихъ патріотическихъ подвиговъ ни отъ Празиновъ, ни отъ Венетовъ[1], ни отъ войска, потерявшаго всякое довѣріе къ своимъ вождямъ, ни даже отъ цѣлаго народонаселенія, котораго духъ былъ убитъ правленіемъ стольких лѣтъ безъ началъ, безъ сердца и безъ мужества. Бываютъ минуты въ исторіи, когда самая крайность положенія порождаетъ и крайнее усиліе, которое по самой силѣ своего напряженія носитъ на себѣ какъ бы печать геніальности и производитъ результаты, какіе можетъ дать только истинно геніальная дѣятельность. При вступленіи на престолъ, Гераклій не обѣщалъ изъ себя генія. Цѣлыя двѣнадцать лѣтъ прошли потомъ, и не смотря на то, что передъ нимъ постоянно было открыто широкое поле дѣйствія, ничто не заставило подозрѣвать въ немъ человѣка съ необыкновенными силами. Персы безпрестанно подвигались впередъ въ своемъ завоеваніи. Послѣ Антіохіи пала Цезарея, столица Каппадокіи. Іерусалимъ, котораго напрасно домогался Наширванъ[2], былъ взятъ, сожженъ и разграбленъ Хозроемъ[3]. Изъ Палестины побѣдители устремились къ Египту и въ одинъ славный походъ прошли всю долину Нила до самой Эѳіопіи. Въ то же время другая армія глубоко проникла въ Малую Азію. Халкедонъ сдался, и Персы стояли въ виду Константинополя. Между тѣмъ Авары и за ними Славяне не переставали разносить убійства, пожары и опустошенія на сѣверѣ имперіи, гдѣ старый рубежъ давно былъ стертъ ихъ почти непрерывными вторженіями. Они съ другой стороны

---

* Въ I-й части—обозрѣніе положенія Византійской имперіи въ первой половинѣ VII в., необходимое для оцѣнки дѣйствій Гераклія. Начало его царствованія приведено въ связь съ этимъ обозрѣніемъ. Перемѣна, совершившаяся въ Гераклін, поставленная въ контрастъ съ предъидущимъ, оканчиваетъ I-ю часть статьи и служитъ переходомъ ко II-й части—походу противъ Аваровъ и Персовъ.—III-я часть—успѣхи Арабовъ и заключеніе.

[1] *Празины* и *Венеты*—партіи двухъ цвѣтовъ въ Византіи, иначе Зеленые и Синіе.—[2] *Наширванъ* (справедливый)—эпитетъ царя персидскаго Хозроя I (съ 531 г.)—[3] *Хозрой* II съ 590 по 628 г.

подвигались къ Константинополю, и нѣкоторое время вся Восточная имперія заключалась только въ стѣнахъ столицы, въ нѣсколькихъ кантонахъ старой Греціи, Италіи и Африки, и небольшомъ числѣ приморскихъ городовъ Малой Азіи отъ Тира до Требизонда[1]. Что столько лѣтъ удерживало Гераклія поднять руку, чтобы поддержать государство, видимо погибавшее подъ ударами сѣверныхъ и восточныхъ варваровъ — великость ли отчаянія и недовѣрчивость къ своимъ силамъ, или безпечность, овладѣвавшая столькими способными людьми на византійскомъ престолѣ, рѣшить трудно изъ тѣхъ данныхъ, какія сообщаютъ византійскіе историки. Вообще, что касается до личныхъ свойствъ правителей, до внутреннихъ мотивовъ ихъ дѣйствій, обо всемъ этомъ византійскіе историки наименѣе способны сообщить настоящія понятія. Внутреннихъ сторонъ человѣка для нихъ какъ бы не существовало: они вели только запись внѣшнимъ его дѣйствіямъ, и то не довольно исправную[2]. Что не одно только отчаяніе такъ долго удерживало Гераклія, объ этомъ можно судить по его дѣятельности или, лучше сказать, по его недѣятельности послѣ войнъ съ Персами и Аварами. Развлекать интригою и разслаблять нѣгою лучшія силы духа, было однимъ изъ обыкновенныхъ свойствъ византійскаго двора. Вѣроятно подъ тѣмъ же усыпительнымъ вліяніемъ долго ничего не предпринималъ и Гераклій, равнодушно смотря на успѣхи враговъ имперіи[3]. Но когда новая бѣда, язва, пришла искать какъ бы его самого въ Константинополѣ, когда на всѣхъ лицахъ изобразилась безнадежность и уныніе, въ эту минуту крайняго упадка народнаго духа, левъ пробудился и, оставивъ свое прежнее рѣшеніе перенести свою резиденцію въ Карѳагенъ, произнесъ въ храмѣ Св. Софіи торжественную клятву жить и умереть съ своимъ народомъ. Минута великая, какихъ немного въ исторіи восточнаго Рима, ибо она знаменовала пробужденіе великихъ силъ, которымъ недоставало только рѣшимости, чтобы предпринять подвигъ спасенія погибающей имперіи. Отсюда, отъ самой этой рѣшимости, идетъ рядъ великихъ воинственныхъ предпріятій Гераклія, которыя своею напряженностію и своимъ успѣхомъ достаточно показали, что въ немъ жили силы, которыя были въ уровень съ самыми крайними опасностями.

Прежде всего Гераклій положилъ справиться съ однимъ непріятелемъ, съ которымъ по крайней мѣрѣ можно было вести правильную войну, и для того думалъ замирить другаго, то есть хана Аварскаго. Опытъ не удался, но Гераклій не отсталъ отъ своего намѣренія. Онъ

---

[1] *Требизондъ*, или Трапезунтъ, древняя гавань въ Малой Азіи при Черномъ морѣ.—[2] Умѣстная краткая замѣтка о важной особенности византійскихъ историковъ, служившихъ источникомъ автору.—[3] Причина объяснена авторомъ въ сужденіи *гипотетическомъ*, на основаніи общаго духа византійскаго двора. Такой пріемъ оказался необходимымъ въ виду односторонности указанныхъ выше источниковъ.

началъ съ самаго необходимаго: церковь должна была удѣлить часть своихъ сокровищъ для восполненія истощенныхъ средствъ казны, и на эти деньги наняты были варвары, которые должны были составлять главную милицію, — средство самое вѣрное, безъ котораго не могла быть достаточно безопасна имперія. И потомъ, онъ не вдругъ еще открылъ кампанію, но переправился напередъ въ Киликію[1], собралъ тамъ вокругъ себя оставшіеся и растерянные греческіе гарнизоны, старался возстановить между ними дисциплину и воодушевить ихъ новымъ духомъ, самъ подавая примѣръ рвенія къ дѣлу, неутомимаго терпѣнія и ревности къ военнымъ заслугамъ. Войска были вновь обучены, между ними введенъ новый порядокъ и устройство. Тогда только императоръ рѣшился повести ихъ противъ враговъ. Побѣда скоро увѣнчала его усилія. Но этотъ первый успѣхъ былъ важенъ только для ободренія духа въ войскѣ. Непріятель располагалъ огромными средствами. Гераклій понималъ, гдѣ лежитъ конецъ его подвига, и не остановился на его первыхъ успѣхахъ. Пройдя побѣдителемъ до Константинополя, онъ переплылъ моремъ въ Требизондъ, спустился отсюда въ Арменію и искалъ врага въ его собственныхъ владѣніяхъ. Наступившая зима лишь на время остановила успѣхъ его похода. Впрочемъ онъ оставался неподалеку отъ театра войны, не отлучался отъ войска, и едва открылась весна, опять искалъ Хозроя внутри его страны. Высланныя противъ него войска были искусно обойдены или отбиты смѣлыми ударами; Мидія была во власти побѣдителя. Съ открытіемъ второй весны Гераклій уже спускался внизъ по Тигру, и никакія преграды не въ состояніи были остановить его побѣдоноснаго хода.[2] Въ озлобленіи досады Хозрой вдругъ выставилъ три арміи и вступилъ въ тѣснѣйшія сношенія съ ханомъ. Одна изъ персидскихъ армій явилась снова у Халкедона, и въ то же время массы Аваровъ, Славянъ, Булгаровъ, обложили Константинополь. Столица имперіи была въ крайней опасности. Но Гераклій не потерялъ духа и, отправивъ 12,000 надежныхъ ратниковъ на помощь Константинополю, самъ продолжалъ держаться оборонительно противъ вновь направ-

---

[1] *Киликія—въ М. Азіи.*—[2] По словамъ Никифора (Niceph. Hist. ad an.616), Гераклій едва не былъ захваченъ въ плѣнъ Аварами при свиданіи съ ханомъ. Онъ бѣжалъ, и по его слѣдамъ Авары подступили къ самому Константинополю. Они ограбили его окрестности и, уходя, увели съ собою 270,000 плѣнныхъ! По разсказу восточныхъ историковъ, почти нѣтъ возможности слѣдить за Геракліемъ въ его походахъ. Они путаютъ событія, смѣшиваютъ одинъ походъ съ другимъ. Я слѣдовалъ въ моемъ обозрѣніи превосходному изложенію Гиббона (гл. 46). Вообще Византійцы неспособны были даже ни понять ясно, ни разсказать обстоятельно величіе подвига Гераклія (пр. Кудр.) Живость и энергія этого повѣствованія о походѣ Гераклія достигается умѣньемъ автора изъ всего, о немъ извѣстнаго, выбрать лишь рядъ быстрыхъ движеній военачальника. Дабы не нарушить этого художественнаго пріема, авторъ не помѣщаетъ въ текстѣ важный фактъ, указанный имъ въ выноскѣ.

ленныхъ на него дѣйствій Хозроя. Усилія защитниковъ Константинополя скоро увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Авары были отбиты, и Персы съ другой стороны пролива оставались лишь свидѣтелями ихъ отступленія. Но Гераклій хотѣлъ еще полнаго торжества[1]: принявъ вновь въ свою службу 40,000 *варваровъ* (Хозаровъ), онъ снова спустился съ ними отъ Аракса до береговъ Тигра. Тамъ ждалъ его Хозрой съ войскомъ, которое своими размѣрами способно было напомнить ополченіе Ксеркса. На могильной насыпи древней Ниневіи произошла послѣдняя великая битва новыхъ Грековъ съ новыми Персами. Еще разъ рѣшилась судьба двухъ народовъ[2]. Бились отъ утра до глубокой ночи, но искусныя движенія и личное мужество вождя такъ называемыхъ новыхъ Римлянъ наконецъ восторжествовали надъ самымъ отчаяніемъ Персовъ. Своею рукою Гераклій убилъ трехъ лучшихъ персидскихъ вождей и, носясь на своемъ борзомъ конѣ, вездѣ распространялъ ужасъ въ рядахъ непріятельскихъ. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Персы разсѣялись, и вся Ассирія впала въ руки побѣдителей. Гераклій уже приближался къ Ктезифону, какъ однимъ изъ тѣхъ переворотовъ, которые такъ обыкновенны на Востокѣ, Хозрой былъ брошенъ въ темницу, и одинъ изъ его сыновей, Сироэсъ, занялъ мѣсто отца. Переворотъ, стоившій цѣлой побѣды для Гераклія: явившись въ лагерь его, послы новаго обладателя Персіи приносили и мирныя предложенія. Гераклій принялъ ихъ съ великодушіемъ героя; онъ удовольствовался возвращеніемъ провинцій, занятыхъ Хозроемъ. Часть имперіи была возстановлена, цѣлость ея сохранена, и Гераклій съ тріумфомъ возвратился въ Константинополь.

Странное дѣйствіе производилъ Константинополь, въ особенности же дворъ, въ немъ находившійся, на двухъ своихъ правителей! Еще въ то время, какъ Гераклій былъ на обратномъ пути къ своей резиденціи, дошли до него слухи о впаденіи новыхъ враговъ въ юго-восточныя области имперіи. Эти были Арабы. Имперія знала ихъ и прежде, но больше подъ другимъ именемъ; она еще не догадывалась, что, являясь подъ новымъ именемъ они приносили съ собою опасный духъ религіознаго фанатизма. Арабы не ограничивались первыми успѣхами: скоро они заняли всю Сирію и Палестину, отсюда

---

[1] Переходная мысль къ слѣдующему за тѣмъ заключительному эпизоду этого похода, описанному уже значительно подробнѣе. Выборъ изъ цѣлаго ряда фактовъ одного важнѣйшаго, и воспроизведеніе его съ особенною полнотою — есть пріемъ художественный: читатель свободно слѣдуетъ за повѣствователемъ, не утомляясь разнообразіемъ сообщаемаго, и, получая впечатлительную картину важнѣйшаго момента, приводитъ все предшествующее въ прочную ассоціацію съ нею.— [2] Какъ выше повѣствованіе спѣшило переходить отъ одного дѣйствія къ другому: такъ здѣсь, напротивъ, оно медлитъ. Авторъ вводитъ даже напоминаніе о походѣ Ксеркса, желая поднять этимъ сравненіемъ въ глазахъ читателя всю важность исхода описаннаго предпріятія въ самомъ началѣ эпизода. Значеніе его для имперіи заключаетъ эту часть.

распространились въ Египетъ. Области, только-что возвращенныя отъ Персовъ, опять отторгаемы были одна за другою отъ имперіи. Что же побѣдитель Хозроя? Теперь не могъ онъ больше имѣть недовѣрчивости ни къ своимъ собственнымъ силамъ, ни къ духу войска, прославленнаго недавними побѣдами. Но на этотъ разъ опасность не спѣшила подвигаться къ самому Константинополю, и Гераклію все недоставало послѣдняго сильнаго побужденія, чтобы возвратиться къ прежней дѣятельности. Первое время еще не безъ мужества держались войска, имъ образованныя на юго-восточныхъ предѣлахъ имперіи; но ихъ не воодушевляло болѣе присутствіе царственнаго вождя, который до сего времени лично водилъ ихъ къ вѣрнымъ побѣдамъ, и духъ защитниковъ имперіи падалъ по мѣрѣ того, какъ возрастала гордость и самоувѣренность послѣдователей ислама. Гераклій опять полюбилъ праздность. До конца его царствованія Арабы продолжали дѣлать новые успѣхи; Гераклій также до конца продолжалъ оставаться въ Константинополѣ и ничего болѣе не предпринималъ на защиту разъ спасеннаго имъ государства. Благодаря этой недѣятельности, новые, еще болѣе опасные враги могли спокойно утверждаться въ предѣлахъ имперіи [1].

... Странно отдѣляется отъ всего подвигъ Гераклія, по обѣимъ сторонамъ котораго видимъ только не знающее себѣ мѣры тиранство, безплодныя жестокости[2], самыя антихристіанскія изувѣченья и безсмысленныя волненія партій, ликующихъ при видѣ попираемаго ногами счастія! Какъ-будто для того была спасена имперія, чтобы еще разъ обнажить передъ міромъ всю свою нравственную нищету! Если когда могло бы казаться, что исторія возвращается вспять, то это конечно въ Византійской имперіи въ бѣдственную эпоху потомковъ Гераклія[3].

Кудрявцевъ.

Сліяніе Римлянъ съ Лангобардами*.

Изъ всѣхъ завоеваній, которымъ подвергалась Италія, Лангобардское было самое насильственное и самое безпощадное. Новые

---

[1] По тону изложенія эта часть напоминаетъ 1-ю часть. Причина этого— въ самомъ содержаніи ея.—[2] За семьсотъ лѣтъ до турецкаго владычества, христіанствующій Константинополь видѣлъ уже въ своихъ стѣнахъ всѣ сцены самаго грубаго азіатскаго варварства! И это было съ небольшимъ черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ появилось законодательство Юстиніана, заключавшее въ себѣ цвѣтъ всей юридической мудрости стараго Рима! Никогда еще формальное право и событія жизни народной не были въ такомъ явномъ проворѣчіи между собою. (Кудр.).—[3] Заключеніе снова приводитъ разсказанныя событія въ связь съ обычнымъ состояніемъ Византійской имперіи, въ краткомъ обозрѣніи, на этотъ разъ—въ одномъ сложномъ предложеніи (Странно.... несчастія!). Заключеніе оканчивается приговоромъ историка явленію, изложенному въ отрывкѣ.

* Образецъ историческаго обозрѣнія того, что называетя «внутрен-

завоеватели не приносили не только уваженія, но даже снисхожденія къ правамъ туземцевъ и считали ихъ, вмѣстѣ съ землею, своею добычею. Мы видѣли уже изъ многихъ примѣровъ, чѣмъ почти всегда ознаменовано было появленіе ихъ въ той или другой области Италіи. Города подвергались опустошеніямъ, стѣны ихъ были разрушаемы и жители безпощадно отводимы въ плѣнъ. Не скоро укротилась лангобардская ярость даже и послѣ того, какъ установились предѣлы завоеванія. Жители завоеванной земли, много потерпѣвшіе при нашествіи, должны были еще терпѣть подъ управленіемъ побѣдителей. Обезпечивъ себя во владѣніи страною, Лангобарды предпринимали въ ней новые раздѣлы римскихъ земель, при чемъ прежніе собственники лишались не только своихъ имѣній, но и самой жизни. Такъ погибли въ покоренной Лангобардами странѣ, можетъ быть, лучшіе граждане стараго римскаго происхожденія. Тѣхъ, которые остались, ждала самая незавидная участь: хорошо, если нѣкоторые изъ нихъ спасли часть своего достоянія и личную свободу, но большая часть должны были поступить въ полусвободное состояніе альдіевъ; иные даже низойти до рабства. Обнародованный позже лангобардскій законъ какъ будто вовсе не хотѣлъ знать римскаго имени и вѣдалъ только различныя сословія по *лангобардскому* праву. Римлянинъ лишь постольку признаваемъ былъ членомъ государства, поскольку онъ вошелъ въ эти новыя отношенія.

Впрочемъ, какъ ни невыгодно было поставлено римское общество въ отношеніи гражданскомъ, рѣзкое отдѣленіе его отъ лангобардскаго не могло продолжаться долго. Самое подчиненіе, въ которомъ держалъ Римлянъ лангобардскій законъ, ставило ихъ въ ближайшее соприкосновеніе съ Лангобардами. Человѣкъ съ умомъ и честолюбіемъ не могъ иначе удовлетворить своей потребности дѣйствовать, какъ— или вступая въ духовное сословіе, или усвоивъ себѣ лангобардскія

ней стороною народной жизни» въ чертахъ хотя и общихъ, но подъ искуснымъ перомъ автора вполнѣ опредѣленныхъ и въ концѣ статьи сведенныхъ къ основнымъ чертамъ характера слившихся народностей, согласно требованіямъ прагматической исторіи. Опредѣленность достигается 1) противоположеніемъ II-й части I-й, гдѣ дана картина внѣшняго состоянія опустошенныхъ городовъ и ихъ жителей; 2) во II-й части указаніемъ тѣхъ нравственныхъ интересовъ, которые предполагаются въ народѣ: а) стремленія къ дѣятельности политической и б) жизни религіозной; 3) указаніемъ важнѣйшихъ постановленій закона, подъ которымъ жили оба народа («отпущенія» и браки), и вліянія житейскихъ потребностей городской жизни; б) подчиненіемъ въ III-й части описываемаго явленія общему историческому закону: «два общества..., поставленныя рядомъ (т. е. такъ, какъ описано выше)... стремятся слиться въ одно,» а также, хотя и не высказанному, но подразумѣваемому историческому закону, что образованнѣйшій народъ непремѣнно вліяетъ на менѣе образованный. Такимъ образомъ очеркъ состоянія общества хотя и краткій, не страдаетъ фразеологіей общихъ мѣстъ.

понятія и стараясь пробиться въ тѣ классы, съ которыми нераздѣльно соединенъ былъ политическій характеръ. Это послѣднее стремленіе, если только оно не оставалось совершенно безплодно, должно было вести прямо въ лангобардское общество. Одно только еще могло бы поддержать и даже нѣкоторымъ образомъ изострить взаимную исключительность между побѣжденными и побѣдителями, это— религіозное несогласіе; но когда восторжествовалъ католицизмъ, сгладилась и самая рѣзкая черта раздѣленія между Римлянами и Лангобардами. Что же касается до лангобардскаго закона, то къ чести его должно замѣтить, что при всемъ своемъ предубѣжденіи противъ римскаго имени, онъ впрочемъ еще ранѣе отказался отъ совершенной исключительности. Не дѣлая ничего для Римлянина какъ такого, онъ по крайней мѣрѣ не мѣшалъ ему разными законными средствами выбираться изъ прежняго состоянія и искать себѣ фортуны въ иномъ, болѣе близкомъ къ состоянію побѣдителей. Для этого, какъ видно изъ эдикта Ротари [1], были приняты закономъ три рода „отпущеній", которыми Римлянинъ могъ постепенно освобождаться отъ патроната и слѣдовательно занимать мѣсто между свободными гражданами. Особенно полезно было это установленіе для городскихъ жителей, негоціантовъ, нотаріевъ, ремесленниковъ и другихъ, которые такимъ путемъ могли достигать высшихъ гражданскихъ правъ и мало по малу уравниваться съ людьми лангобардскаго происхожденія [2]. Но сверхъ того былъ одинъ еще болѣе живой нервъ, который связывалъ оба общества и облегчалъ переходъ изъ одного въ другое. Строго различая между несвободными и альдіями, законъ лангобардскій предоставилъ послѣднимъ полную свободу относительно браковъ. ...Въ городахъ, гдѣ Римлянамъ было всегда болѣе источниковъ для пріобрѣтенія благосостоянія и выходъ «въ люди», относительное положеніе Римлянъ и Лангобардовъ мѣнялось скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Когда одни пріобрѣтали трудолюбіемъ и экономіей, другіе теряли отъ расточительности и недѣятельности,—источники Лангобардовъ не были же неоскудѣвающіе. Чѣмъ болѣе уравнивались средства Римлянъ и Лангобардовъ, тѣмъ больше спадала спѣсь послѣднихъ, тѣмъ воз-

---

[1] Изданный въ 643 г., семьдесятъ три года послѣ завоеванія. Католичество утверждалось между аріанами Лангобардами въ продолженіи почти трехъ четвертей столѣтія. Вліяніе Григорія I Великаго, епископа римскаго, и королевы Теодолинды, жены короля лангобардскаго Агилульфа, въ концѣ VI вѣка, было началомъ окончательнаго обращенія Лангобардовъ къ католической церкви въ 670 г. при королѣ ихъ Гримоальдѣ.—[2] Между ремесленниками особенно знаменитъ строительный цехъ Magistri Comacini, о которомъ не разъ упоминается въ эдиктѣ Ротари.—Негоціанты, какъ видно изъ одного постановленія Айстульфа, впослѣдствіи были раздѣлены на 3 класса, и первый изъ нихъ по вооруженію совершенно равнялся съ высшимъ классомъ Лангобардовъ: такъ въ одномъ классѣ соединялись уже понятія civis и miles (пр. Кудр.).

можнѣе было сближеніе ихъ съ побѣжденными посредствомъ брачныхъ союзовъ. По мѣрѣ того, какъ поколѣнія, нарождавшіяся изъ такихъ браковъ, вытѣсняли старыя, должна была вымирать и прежняя вражда, раздѣлявшая два народонаселенія, и уступать свое мѣсто совершенному равнодушію къ родовымъ отличіямъ.

...Два общества, нисколько не похожія одно на другое, но поставленныя рядомъ, стремятся, каждое впрочемъ своимъ образомъ, къ тому, чтобы сгладить раздѣляющую ихъ черту и слиться въ одно. Это главная черта, которая проходитъ чрезъ все развитіе, хотя и мало сознается современниками. Но какому закону слѣдуетъ это общее стремленіе? гдѣ для него ценръ тяготѣнія? Не въ римскомъ обществѣ— скажемъ сначала отрицательно. Лангобардъ хочетъ насильственнаго покоренія римскаго общества *своему* закону; Римлянинъ, ищущій для себя полноты гражданскихъ правъ, старается пробиться, болѣе ловкостію, нежели силою, также внутрь *лангобардскаго* общества. Итакъ последнее остается идеаломъ для той и другой стороны; къ его осуществленію направлены общія усилія. Но вступая въ права свободнаго гражданина, или, что̀ то же, занимая мѣсто въ лангобардскомъ обществѣ, Римлянинъ переноситъ сюда свой языкъ, свои нравы, свои понятія; во всемъ этомъ онъ выше окружающихъ его варваровъ, онъ скорѣе самъ служитъ образцомъ для подражанія, чѣмъ подражаетъ другимъ. Нельзя, чтобы, принимая Римлянъ въ свое общество (или, что̀ то же, дѣлая ихъ свободными), Лангобарды не перенимали и ихъ образованныхъ понятій, какъ они усвоивали себѣ ихъ языкъ, обычаи, одежду[1]. Перевѣсъ оставался на сторонѣ *лангобардскаго* общества; *оно* привлекало, притягивало къ себѣ Римлянъ: но входя въ общество Лангобардовъ, Римлянинъ вносилъ въ него съ собою свои народные элементы, которые вытѣсняли или закрывали собою соотвѣтствующіе имъ элементы лангобардскіе. Удерживая свой постъ, сохраняя даже прежнюю силу духа, прежнюю энергію, лангобардское общество въ то же время переработывалось въ своемъ внутреннемъ содержаніи и принимало болѣе или менѣе римскія формы. Новое общество, которое выходило отсюда, не было ни лангобардское, ни римское, но въ немъ былъ элементъ *матеріальный*—лангобардскій, и элементъ *формальный*—римскій, или говоря другими словами, непобѣдимая лангобардская энергія соединялась въ немъ съ тонко-развитымъ римскимъ смысломъ. При такомъ счастливомъ соединеніи матеріальныхъ и формальныхъ силъ нельзя было опасаться за будущую судьбу общества. Пойдетъ ли

---

[1] Перемѣна лангобардскихъ нравовъ началась уже съ принятія христіанства. Необразованный языкъ лангобардскій также рано долженъ былъ уступить преимущество римскому, какъ это видно изъ латинской редакціи законовъ. О томъ, что они даже и въ костюмѣ стали подражать Римлянамъ, см. Paul. Diac. IV 23 (пр. Кудр.).

его жизнь путемъ свободнаго мирнаго развитія, или встрѣтитъ противъ себя всю непримиримость враждебныхъ началъ, ему всегда можно было обѣщать, что оно заслужитъ себѣ почетное мѣсто въ исторіи. Оправданіемъ этой мысли — вся исторія ломбардскихъ городовъ въ эпоху Гогенштауфеновъ.

Кудрявцевъ.

Карлъ V на Вормскомъ сеймѣ*.

Когда Карлъ V провозглашенъ былъ императоромъ, религіозное движеніе охватило уже бо̀льшую часть Германіи. Всѣ глаза были обращены къ Виттенбергу. Раздробленная политически страна находила для себя точку соединенія въ томъ самомъ городѣ, который стоялъ во главѣ всего движенія. Еще никто не могъ сказать, какъ далеко пойдетъ оно; еще не разорваны были связи съ Римомъ, но вопросъ былъ поставленъ, и уклониться отъ рѣшенія его было болѣе невозможно. Вся будущность Германіи зависѣла отъ того, послѣдуетъ ли рѣшеніе въ согласіи съ высшею властію имперіи, или произнесено будетъ въ противорѣчіи съ нею...

Отношенія Карла V ко внутреннему движенію, происходившему въ Германіи, заслуживаютъ вниманія. Прежде всего бросается въ

---

* Сопоставленіе дѣйствій *лица съ общественнымъ движеніемъ* потребовало объясненія и того, и другаго: во вступленіи указанъ смыслъ общественнаго движенія; о размѣрахъ его авторъ намѣренно умалчиваетъ, поднявъ однако въ концѣ вступленія вопросъ о нихъ. Этимъ достигается драматизмъ изложенія, при которомъ повѣствователь, не спѣша сужденіемъ о событіи, представляетъ его прежде всего такимъ, какимъ оно является въ умѣ героя повѣствованія, въ которомъ воплощена одна изъ силъ, пришедшихъ въ столкновеніе. Такой художественный пріемъ есть принадлежность исторіи, повѣствовательной по преимуществу, въ отличіе отъ исторіи, выдвигающей на первое мѣсто сужденія автора о событіяхъ. —Въ I-й части повѣствуется объ отношеніи Карла V къ движенію, и отношеніе это объясняется (личными свойствами Карла) согласно требованіямъ прагматическаго повѣствованія; опредѣленіемъ свойствъ Карлова ума и оканчивается эта часть. Часть II—разсказъ о сеймѣ, который освѣщенъ сравненіемъ съ предшествующими собраніями XV вѣка (Констанцскимъ). Указаніемъ различія между ними и вызовомъ Лютера оканчивается 1-я половина этой части; во 2-й ея половинѣ изложено впечатлѣніе, произведенное подсудимымъ на присутствовавшихъ вообще и Карла V въ особенности, согласно указаннымъ во введеніи двумъ силамъ, составляющимъ предметъ наблюденія. 3) Живость изображенія Карла V много здѣсь выигрываетъ отъ самаго выбраннаго авторомъ событія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ и потому дѣлающаго запросъ нравственнымъ силамъ героя. Такіе-то эпизоды особенно выигрываютъ подъ перомъ историковъ—художниковъ и требуютъ въ повѣствованіи драматизма, заключая его въ самой дѣйствительности. Какъ въ предъидущей статьѣ Гераклій въ подобный моментъ оказался выше среды, его окружавшей, такъ здѣсь Карлъ оказался ниже общества, котораго не понималъ: отъ того сочувствіе автора первому и несочувствіе—второму. И то и другое высказано сдержанно, безъ отступленій въ изложеніи для похвалы и порицанія, но при самомъ повѣствованіи.

глаза равнодушіе его къ новому явленію, которое волновало тогда цѣлую имперію. Ни въ перепискѣ его, ни въ дипломатическихъ актахъ, ближайшихъ ко времени избранія, нигдѣ не видно, чтобы мысль его много занята была событіями, происходившими въ Саксоніи. Онъ какъ бу́дто не замѣчалъ ихъ огромнаго вліянія на общее настроеніе умовъ во всей Германіи. Все вниманіе его на первое время поглощено было дипломатическими сношеніями съ Франціею и Англіею. Даже вступивъ въ предѣлы имперіи и видѣвъ многое своими глазами, онъ по прежнему остается мало озабоченъ происходящимъ вокругъ него волненіемъ умовъ. Самое сожженіе папской буллы въ Лейпцигѣ не подѣйствовало на него очень чувствительно. По крайней мѣрѣ ни изъ чего не видно, чтобы онъ много сокрушался по поводу этого событія или готовился принять сильныя мѣры, чтобы потушить взрывъ пламени, которое явно начинало угрожать всеобщимъ пожаромъ. Нужны были настоятельныя внушенія нѣсколькихъ римскихъ посланныхъ, папскихъ легатовъ, для понужденія его пристальнѣе заняться дѣломъ, отъ неблагопріятной развязки котораго римскій престолъ не безъ причины опасался существеннаго ущерба своимъ матеріальнымъ и другимъ интересамъ. Такое равнодушіе со стороны Карла V нельзя объяснять недостаткомъ постоянныхъ и опредѣленныхъ убѣжденій: оно очевидно происходило изъ другихъ причинъ. Мало также сказать, что Карлъ не хотѣлъ заняться реформаціоннымъ движеніемъ въ Германіи потому, что еще не пришло для того время, и это нарушило бы принятый имъ общій планъ политическихъ дѣйствій, въ которомъ, какъ мы знаемъ, борьба съ религіозными заблужденіями внутри христіанскаго міра занимала послѣднее мѣсто. Намъ кажется сверхъ того: едва ли не главною причиною его равнодушія было то, что съ высоты своего положенія онъ не видѣлъ настоящихъ размѣровъ явленія и не умѣлъ понять всей его важности.

Таково большею частію бываетъ свойство ума съ систематическимъ направленіемъ: нерѣдко случается ему просмотрѣть или не оцѣнить по достоинству важность явленія потому только, что оно еще не нашло себѣ мѣста въ заготовленномъ напередъ планѣ, или что теоретическое понятіе о немъ предшествовало, такъ сказать, наглядному съ нимъ знакомству.

Но уже приближалось то время, когда Карлъ V долженъ былъ лицомъ къ лицу сойтись съ виновникомъ движенія и могъ собственнымъ взглядомъ измѣрить жившія въ немъ душевныя силы. Вскорѣ послѣ Ахенскаго вѣнчанія назначено было собраться имперскому сейму въ городѣ Вормсѣ. Собраніе было первое въ новомъ царствованіи и потому получало особенную важность. Здѣсь имперскіе чины въ полномъ своемъ составѣ должны были впервые представиться новоизбранному императору; здѣсь же долженъ былъ произойти между ними взаимный обмѣнъ не однихъ только чувствованій, но и самыхъ

мыслей и политическихъ видовъ. Какая будетъ впредь внутренняя и внѣшняя политика имперіи, и какое она дастъ направленіе Германіи, это могло опредѣлиться только вормскими рѣшеніями. Кромѣ политической задачи, Вормскому сейму 1521 года впрочемъ предстояло еще рѣшить другой, отнюдь не менѣе важный вопросъ—о религіозномъ движеніи, которое въ то время занимало всѣ умы въ Германіи. Около этихъ двухъ пунктовъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе; ими же изчерпывалось и все содержаніе наступавшихъ совѣщаній. Никто не оспаривалъ настоятельной необходимости немедленно приступить къ рѣшенію втораго вопроса, но долго колебались относительно того, слѣдуетъ ли судить виновника реформы заочно, или призвать его самого къ суду. Съ своей стороны Карлъ V не показывалъ особеннаго желанія видѣть знаменитаго противника Тецеля въ Вормсѣ. Какъ видно, онъ не придавалъ дѣлу большой важности и думалъ, что въ отсутствіи подсудимаго оно можетъ быть рѣшено гораздо скорѣе и проще. Папскіе легаты были прямо противъ призванія на сеймъ теолога, котораго они столько же ненавидѣли, сколько и боялись. Самые поборники реформы, въ томъ числѣ Фридрихъ Мудрый, нѣкоторое время не могли побѣдить въ себѣ всѣхъ сомнѣній: и надобно признаться, что рѣшенія и дѣйствія прежнихъ собраній, направленныя противъ реформаторовъ XV вѣка, не располагали много къ довѣренности. Конечно, была значительная разница между собраніемъ Констанцскимъ и Вормскимъ, изъ которыхъ первое было чисто духовное, а второе, не смотря на присутствіе въ немъ духовныхъ чиновъ, имѣло болѣе политическій характеръ; одно называлось соборомъ, другое—имперскимъ сеймомъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ высшее обезпеченіе для подсудимаго заключалось въ рукахъ императора. Если Сигизмундъ не посовѣстился нарушить даннаго имъ слова, то почему бы можно было положиться болѣе на слово Карла V? Упрекъ, сдѣланный въ свое время Сигизмунду, говорятъ, заставилъ его только покраснѣть: а почему бы Карлъ долженъ былъ поплатиться дороже за нарушеніе своего обѣщанія?

Чѣмъ больше однако вникали въ дѣло, тѣмъ больше чувствовали необходимость не произносить надъ подсудимымъ приговора, не выслушавши напередъ его самого. Когда другіе молчали, онъ самъ этого требовалъ для себя именемъ справедливости. Мало-по-малу его сторону приняли и тѣ, которые считались главными его покровителями. Тогда состоялось рѣшеніе о приглашеніи его на сеймъ для личныхъ объясненій. Въ началѣ XVI вѣка нельзя было не сдѣлать по крайней мѣрѣ этой уступки общественному мнѣнію. Отъ Констанцскаго собора до Вормскаго сейма время сдѣлало значительные успѣхи. Что бы ни таилось въ мысли Карла V, но онъ принужденъ былъ, кромѣ личныхъ увѣреній, данныхъ курфирсту саксонскому, выдать Мартину Лютеру охранный листъ за своимъ подписаніемъ на свободный проѣздъ его въ Вормсъ

и обратно. Получивъ приглашеніе, Мартинъ немедленно собрался въ дорогу и весною 1521 г., въ сопровожденіи императорскаго герольда, отправился къ мѣсту своего назначенія.

Мы не намѣрены пересказывать всю исторію знаменитаго сейма. Читатель найдетъ ее во всякой хорошей монографіи, содержащей въ себѣ подробное изложеніе нѣмецкой реформы. Наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить впечатлѣніе, произведенное на Карла V личнымъ присутствіемъ автора «Вавилонскаго плѣненія» на Вормскомъ сеймѣ. Карлъ нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть его въ собраніи; онъ слышалъ его отвѣты, онъ былъ свидѣтелемъ неотразимаго ихъ дѣйствія на присутствующихъ. Во услышаніе Карла были произнесены и тѣ немногія, но какъ бы изъ стали выкованныя слова [1], въ которыхъ сказалась вся адамантовая сила и крѣпость новаго религіознаго убѣжденія. Живя въ Вормсѣ, Карлъ не могъ также не видѣть, что̀ въ то же время происходило и въ самомъ городѣ, и какъ отражалось въ массѣ собравшагося здѣсь народа все, что̀ говорилось въ стѣнахъ собранія. По крайней мѣрѣ, тѣ огромныя толпы, которыми постоянно была окружена квартира виттенбергскаго монаха, казалось, никакъ не могли ускользнуть отъ его вниманія. Наконецъ не могло остаться незамѣченнымъ то участіе, которое явно показывали ему многіе сильные князья имперіи, одинъ за другимъ появлявшіеся въ его жилищѣ, равно какъ не могли не достигнуть до слуха императора тѣ рѣчи, которыя велись между ними въ присутствіи многихъ свидѣтелей. «Если бы у меня было съ тысячу головъ» —говорилъ между прочимъ Мартинъ Спалатину и нѣкоторымъ другимъ лицамъ—«я скорѣе согласился бы, чтобы мнѣ отсѣкли ихъ всѣ, чѣмъ отказался бы отъ моихъ словъ». Какъ было, казалось, не почувствовать, что въ этомъ человѣкѣ живетъ опасная сила, которою никакъ не должно было пренебрегать? И Карлъ, конечно не остался глухъ и слѣпъ къ тому, что̀ происходило въ его глазахъ и повторялось почти каждый день въ одномъ и томъ же видѣ; но явленіе больше поразило его своею новостію и неожиданностію, чѣмъ своею важностію и внутреннею силою. У него была одна горячая минута, когда онъ въ собственноручной запискѣ князьямъ объявилъ свое твердое намѣреніе поступить съ строптивымъ и непокорнымъ монахомъ по всей строгости законовъ. Но вспышка скоро прошла, и послѣдовавшіе за тѣмъ переговоры съ князьями ведены были безъ всякой особенной энергіи. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ и столько же напрасныхъ попытокъ понудить Мартина къ публичному отреченію отъ его мнѣній, Карлъ согласился отпустить его изъ Вормса и сохранить во всей силѣ данную ему охранную грамоту. Надъ Лютеромъ произнесена была опала, но дѣйствіе ея могло начаться не прежде, какъ по

---

[1] «Здѣсь я стою,—иначе я не властенъ; Богъ мнѣ помощникъ» (см. ст. «Лютеръ» въ отд. Разсужденій).

истеченіи срока, выговореннаго ему въ томъ же охранномъ листѣ. Впрочемъ не было принято никакихъ особенныхъ мѣръ, чтобы положить конецъ движенію, или хотя ограничивать его тѣми предѣлами, въ которыхъ оно держалось до сего времени. Эдиктъ, въ которомъ заключалось послѣднее рѣшеніе сейма, содержалъ въ себѣ множество угрозъ противъ опальнаго монаха и произносилъ безусловное осужденіе всѣхъ его сочиненій, но не былъ подкрѣпленъ никакимъ чрезвычайнымъ распоряженіемъ. Странныя угрозы слышались со стороны папскихъ уполномоченныхъ; но всякій видѣлъ, что онѣ скорѣе внушены были имъ недовольствомъ и происходящимъ отъ того раздраженіемъ, чѣмъ чувствомъ своей силы. Дѣло представлялось Карлу V до такой степени личнымъ, что какъ скоро не было болѣе на лицо самого виновника движенія, онъ уже мало безпокоился за Германію.

Кудрявцевъ.

Францискъ I и Карлъ V *.

Францискъ напрягалъ свои силы, чтобы въ союзѣ съ папою не только снова утвердиться въ сѣверной части полуострова[1], но и завладѣть Неаполемъ; предупреждая своего противника, Карлъ V съ своей стороны поспѣшилъ отпустить папу изъ плѣна и старался оторвать Флоренцію отъ союза съ враждебною ему лигою, для чего предпринялъ возстановленіе въ ней Медичисовъ. Французская армія, подъ начальствомъ Лотрена, проникла до самаго Неаполя и уже приступила къ осадѣ его; но искусныя дѣйствія на морѣ Генуэзца Андрея Доріи, который перешелъ на сторону императора, и заразительныя болѣзни, открывшіяся въ лагерѣ осаждающихъ, были причиною, что предпріятія ихъ не имѣли никакого успѣха. Бо́льшая часть войскъ погибла во время болѣзней, а остальная была истреблена во время отступленія. Тогда Французамъ пришлось ограничить свои дѣйствія одною Ломбардіей. Соперникъ Франциска былъ гораздо счастливѣе его въ своемъ предпріятіи: онъ заставилъ Флорентинцевъ покориться своей волѣ, но эта покорность стоила ему десятимѣсячной осады города.

Гораздо дѣятельнѣе происходила другая война между соперни-

* Художественное воспроизведеніе личнаго столкновенія государей. Для полнаго изображенія выбранъ изъ всей борьбы этотъ эпизодъ, такъ-какъ характеризуетъ оба дѣйствующія лица и нравы эпохи. Подобные эпизоды составляютъ необходимую принадлежность историческаго повѣствованія, которое имѣетъ цѣлію представленіе лицъ и событій. Въ I-й части—краткій очеркъ военныхъ дѣйствій; во II-й вызовъ Франциска; въ III-й отвѣтъ Карла; въ IV-й развязка (воспроизведенная на основаніи источниковъ, съ приведеніемъ подлинныхъ словъ дѣйствующихъ лицъ). V-я часть возвращается къ повѣствованію о военныхъ дѣйствіяхъ и указываетъ слѣдствіе столкновенія обоихъ государей.

[1] Аппенинскаго полуострова. Театромъ войны Франциска I съ Карломъ V была Италія.

ками, состоявшая въ томъ, что они пересылались между собою различными вызовами, одинъ оскорбительнѣе другаго. Не обольщая себя болѣе успѣхами войны, Францискъ хотѣлъ дать почувствовать свое превосходство противнику въ томъ, въ чемъ сознавалъ свою настоящую силу передъ нимъ. Это былъ духъ рыцарской доблести, который дѣйствительно составлялъ самое видное отличіе Франциска передъ современными ему властелинами западной Европы.... Находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, онъ задумалъ воспользоваться своимъ преимуществомъ передъ опаснымъ соперникомъ, который, казалось, менѣе всего могъ похвалиться качествами отважнаго паладина. Поводъ лежалъ въ насмѣшливыхъ упрекахъ Карла V, который нещадно корилъ царственнаго рыцаря за то, что онъ не сдержалъ своего слова, даннаго въ Мадридѣ, и на этомъ основаніи требовалъ отъ него добровольнаго возвращенія въ мадридскую тюрьму. Нельзя было чувствительнѣе затронуть рыцарскую честь Франциска. Даже самое напоминаніе о плѣнѣ было для него невыносимо; но еще оскорбительнѣе почувствовалось ему обвиненіе въ нарушеніи вѣрности. Францискъ не вытерпѣлъ и, не вступая съ своимъ противникомъ въ дальнѣйшія объясненія, отвѣчалъ ему коротко и ясно вызовомъ на бой. „Я требую“ —писалъ онъ Карлу въ заключеніе своего вызова— „чтобы вы назначили мнѣ мѣсто битвы. Все уже сказано между нами. Станемъ же другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ и покончимъ честнымъ боемъ нашу давнишнюю распрю, которая отъ многихъ препирательствъ между нами получила наконецъ видъ смѣшной тяжбы!“ И по своей природѣ, и по характеру своей политики Карлъ V былъ очень далекъ отъ того, чтобы охотно отвѣчать на подобные вызовы. О немъ навѣрное можно сказать, что, будучи поставленъ въ тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ находился тогда Францискъ, онъ однако не употребилъ бы того же самаго средства даже въ крайности. Но когда обращались къ чувству его чести, съ нескромнымъ желаніемъ обличить, можетъ быть, передъ цѣлымъ свѣтомъ недостатокъ ея, онъ находилъ въ своей гордости довольно энергіи и рѣшимости, чтобы отвѣчать на всякій запросъ. Франциску I въ особенности не хотѣлъ онъ уступить никакого преимущества предъ собою. Въ отношеніи къ своему сопернику онъ готовъ былъ забыть самые величавые свои планы, лишь бы не остаться позади его. Не надобно при томъ забывать, что хотя чувство рыцарской чести и не составляло болѣе существенной черты на нравахъ того времени, однако понятія о ней продолжали еще жить въ мысляхъ современниковъ Карла и Франциска. Все это достаточно объясняетъ, почему странное предложеніе французскаго короля не встрѣтило себѣ при мадридскомъ дворѣ никакого противорѣчія. Карлъ объявилъ, что онъ охотно принимаетъ вызовъ, и назначилъ мѣсто и день, гдѣ и когда происходить бою.

Надобно было ожидать невиданнаго доселѣ зрѣлища. Старая распря между двумя царственными соперниками готова была разрѣшиться единоборствомъ между ними. Даже средніе вѣка не простирались такъ далеко въ приложеніи логическихъ выводовъ изъ началъ рыцарства. Не смотря впрочемъ на обоюдное согласіе противниковъ, предположенное ими рѣшеніе не было приведено въ исполненіе. Кто же виноватъ былъ въ томъ, что условленное дѣло не состоялось? Помѣшалъ ли ему здравый смыслъ, во-время проснувшійся въ одномъ изъ соперниковъ, или у кого изъ нихъ не достало мужества? Ни то, ни другое: виною всему было излишество раздраженія на одной сторонѣ, и желаніе спасти только приличія, при отсутствіи истинно-рыцарскаго увлеченія, въ противоположномъ лагерѣ. Искусно скрывши свое оскорбленіе, Карлъ однако умѣлъ не менѣе хитро отмстить за него уже самымъ назначеніемъ мѣста боя: это была рѣка Бидассоа, на берегахъ которой произошло освобожденіе Франциска изъ плѣна. «Вы хорошо знаете это мѣсто»—писалъ къ нему Карлъ въ своемъ отвѣтѣ, не доволяствуясь простымъ упоминаніемъ мѣстности: — «тутъ вы получили свою свободу и тутъ же передали мнѣ вашихъ сыновей—въ залогъ исполненія трактата, который вы нарушили потомъ». Въ этомъ язвительномъ напоминаніи оскорбленное самолюбіе Карла находило себѣ первое удовлетвореніе. Для Франциска же все служило поводомъ къ тому, чтобы все больше и больше оскорбляться поступками своего противника и терять всякое самообладаніе: и скорый отвѣтъ Карла, и его обидные намеки на прошлое, и наконецъ цѣлый рядъ письменныхъ возраженій и оправданій, которыми императоръ сопровождалъ свое отвѣтное посланіе. Францискъ именно требовалъ боя, чтобы положить конецъ всѣмъ бумажнымъ словопреніямъ, которыя всегда были ему не по душѣ. Притомъ же онъ былъ не рыцарь просто, но и король. Сколько ни развиты были въ немъ рыцарскія понятія, чувство королевскаго достоинства однако брало перевѣсъ надъ ними. Какъ не думалъ онъ возвратиться въ плѣнъ потому только, что не могъ сдержать даннаго имъ слова, такъ не считалъ онъ обязательнымъ для себя сдѣланный имъ же самимъ вызовъ, когда, вопреки ясно выраженному имъ желанію, еще разъ потребовалось вступить въ ненавистныя объясненія, столько оскорбительныя для его достоинства. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, скоро созрѣла совсѣмъ иная развязка спорнаго дѣла, нежели можно было ожидать по его началу.

Герольду, который везъ отвѣтъ Франциску съ запасомъ разныхъ объясненій, дѣлали на дорогѣ многія затрудненія. Наконецъ, однако онъ былъ допущенъ въ Парижъ и на другой же день принятъ королемъ въ многочисленномъ собраніи принцевъ крови и первыхъ сановниковъ государства. Тутъ произошла сцена, которая показала, что раздраженіе Франциска достигло высшей степени, и что онъ не вла-

дѣлъ болѣе собой. Прежде чѣмъ герольдъ началъ говорить, король запальчиво спросилъ у него, точно ли онъ приноситъ съ собой опредѣленный отвѣтъ на запросъ относительно назначенія мѣста боя. — „Государь“, отвѣчалъ герольдъ, пораженный страннымъ тономъ рѣчи короля, — „позвольте мнѣ напередъ исполнить мое порученіе и передать все, что̀ императоръ желалъ бы сообщить вамъ черезъ меня.“ — „Я до тѣхъ поръ не стану слушать тебя“, продолжалъ тѣмъ же тономъ король. „пока ты не отдашь мнѣ императорскаго патента, въ которомъ онъ принимаетъ мой вызовъ.“ — Но Испанецъ, нисколько не смущаясь, началъ свою оффиціальную рѣчь словами: „Государь, его величество императоръ...» «Говорю тебѣ» — прервалъ его нетерпѣливо король — «подай мнѣ напередъ патентъ, и потомъ ужъ ораторствуй, сколько себѣ хочешь.“ — „Государь“ — настойчиво отвѣчалъ герольдъ — „мнѣ приказано сначала прочитать вамъ картель, а потомъ уже отдать ее вамъ въ руки.“ — „Какъ!“ воскликнулъ король, вставая въ гнѣвѣ съ своего мѣста: — „такъ“ повелитель твой хочетъ дѣлать нововведенія въ моемъ государствѣ и думаетъ предписывать мнѣ законы даже при моемъ дворѣ? Это что̀ еще за новое лицемѣрство съ его стороны?“ — Затронутый за живое этимъ послѣднимъ выраженіемъ, которое въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не кстати сорвалось у Франциска, герольдъ очень твердо возразилъ ему, что государю его такъ же знакомы правила чести, какъ и всякому другому, и что онъ никогда не отступитъ отъ нихъ въ своихъ дѣйствіяхъ. — „О, о!“ былъ отвѣтъ короля, — „такъ я тому и повѣрю!“ Наконецъ, повторивъ еще разъ свое требованіе герольду, Францискъ сказалъ ему: „Или отдай мнѣ немедленно патентъ, или убирайся откуда ты пришелъ.“ — Тогда посланный объявилъ, что не можетъ исполнить возложеннаго на него порученія, и потребовалъ, чтобы ему дано было письменное свидѣтельство въ отказѣ и охранный листъ для возвращенія въ отечество. — „Я очень радъ,“ отвѣчалъ еще болѣе раздосадованный король: „пусть дадутъ ему, чего онъ требуетъ“. Получивъ требуемыя бумаги, герольдъ возвратился въ Испанію.

Послѣ этой странной сцены соперники были еще дальше отъ примиренія между собою, чѣмъ прежде. Средство, избранное Францискомъ, чтобы ускорить рѣшеніе спора, запутало его еще болѣе. Поединокъ не состоялся, но это самое обстоятельство прибавило много новаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ. Карлъ имѣлъ причины жаловаться на Франциска, а онъ въ свою очередь былъ недоволенъ столько же самимъ собою, сколько и своимъ противникомъ. Споръ принималъ все болѣе и болѣе личный характеръ, что̀ дѣлало мирное окончаніе его почти безнадежнымъ. Опять начались нескончаемые походы въ Италію, наполнившіе послѣдніе мѣсяцы 1528 и первую половину слѣдующаго года.

Кудрявцевъ.

Отреченіе отъ престола Карла V и смерть его *.

Аугсбургскимъ сеймомъ 1555 года довершилась развязка великаго религіознаго спора, нѣсколько десятилѣтій къ ряду державшаго въ напряженіи всѣ умственныя и матеріальныя силы Германіи. И не было ли это вмѣстѣ развязкою цѣлаго царствованія? рѣшеніе Аугсбургскаго сейма не было ли и ему послѣднимъ приговоромъ? На протестантскомъ вопросѣ сосредоточены было въ послѣднее время всѣ усилія Карла; ему пожертвовалъ онъ другими, болѣе привлекательными своими планами; на немъ надѣялся видѣть торжество своей внутренней политики и твердое основаніе для успѣховъ внѣшнихъ предпріятій, а вмѣсто того потерпѣлъ на немъ самое сильное пораженіе. Когда Карлъ надѣялся видѣть вѣнецъ своихъ усилій въ сохраненіи строгаго единства, вопросъ безвозвратно былъ рѣшенъ въ пользу раздѣленія [1]. Всякая попытка измѣнить это рѣшеніе въ противуположномъ смыслѣ отнынѣ была бы безуміемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для Карла закрывалась почти всякая дѣятельность. Ибо, только при условіи крѣпкаго единства Германіи, могъ онъ возобновить свои мечты о всемірномъ владычествѣ; только ея соединенныя силы могли дать ему средство для успѣшной борьбы съ внѣшними врагами, особенно съ Турціей. Ожидать всего отъ времени было уже поздно. Жизнь Карла склонялась уже къ закату, недуги его росли съ каждымъ годомъ, и самая мысль замѣтно теряла свою первоначальную энергію. Ему оставалось только постоянно питаться горькимъ чувствомъ своего униженія, безъ надежды новыми славными подвигами изгладить его изъ памяти современниковъ. Онъ, правда, сохранялъ свою власть въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ; при немъ оставались всѣ прежніе его титла: но къ чему бы они послужили ему впредь? Карлъ вовсе не былъ такъ суетенъ, чтобы довольствоваться одними громкими титлами. Душа его была славолюбива, она жаждала дѣятельности; она успокоивалась только въ стремленіи къ высоко-поставленной цѣли — а какая высокая цѣль еще возможна была въ его положеніи?...

По всему надобно было ожидать какого-нибудь необыкновеннаго оборота. Сильная душа, недовольная міромъ, мститъ ему тѣмъ, что

---

* Рѣшеніе Карла объясняется авторомъ (согласно нѣм. историку Ранке) свойствами его души и предшествующихъ ему событій. Въ своемъ предположеніи онъ опирается на невѣроятность противоположнаго. Ср. объясненіе Карамзинымъ причины смерти Бориса Годунова, гдѣ предположеніе автора опирается на невѣроятность противоположныхъ мнѣній, противорѣчащихъ личнымъ свойствамъ Бориса и положенію дѣлъ (стр. 272).

[1] Аугсбургскимъ сеймомъ предоставлялись протестантскимъ сословіямъ, принявшимъ Аугсбургское исповѣданіе—полная свобода совѣсти и вѣры, политическое равенство правъ съ католиками и владѣніе конфискованными прежде церковными имущестаами.

отворачивается отъ него. Такъ случилось и съ Карломъ послѣ Аугсбургскаго сейма. Въ сентябрѣ произошло это закрытіе. а въ октябрѣ того же года Карлъ писалъ уже брату о намѣреніи своемъ отречься отъ престола, какъ о дѣлѣ, совершенно рѣшенномъ. Если бы это рѣшеніе готовилось издавна, то почему оно созрѣло только теперь?... По нашему разумѣнію, самый удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ предшествующія событія. Только они своею развязкою могли породить въ Карлѣ то отвращеніе отъ власти, которое необходимо должно было предшествовать его отреченію. Не смотря на всѣ настоянія Фердинанда, онъ не хотѣлъ удержать за собою даже никакого титла и выражалъ брату свое сильное желаніе поскорѣе отдѣлаться отъ всего, что́ принадлежитъ ко власти. Читатель видитъ теперь, почему мы не можемъ принять безусловно мнѣнія тѣхъ изъ новыхъ историковъ, которые послѣдній актъ царственной воли Карла V, поражающій своею безпримѣрностію, приписываютъ усилившимся его недугамъ и болѣзненной мечтательности, повидимому доставшейся ему по наслѣдству. Безъ сомнѣнія, эти причины также имѣли свою долю участія въ отреченіи, но онѣ однѣ не въ состояніи были произвести дѣйствіе, которое, какъ бы мы его ни толковали, показываетъ однако полное употребленіе умственныхъ силъ со стороны дѣйствующаго лица. Вообразимъ себѣ другой, болѣе счастливый ходъ событій для Карла: какая есть вѣроятность, что онъ точно также почувствовалъ бы отвращеніе отъ власти и поспѣшилъ бы сбросить ее съ себя, какъ тяжелое бремя?—Отдавая всю справедливость талантамъ новыхъ изслѣдователей, мы въ этомъ случаѣ предпочитаемъ мнѣніе нѣмецкаго историка реформаціи, котораго проницательный умъ и вѣрное сужденіе давно уже угадали истину [1].

Отреченіе совершилось со всею торжественностію въ Брюсселѣ. Сначала—это было еще въ концѣ октября 1555 года—Карлъ V передалъ своему сыну власть надъ Нидерландами; потомъ, въ началѣ слѣдующаго года, въ его же пользу сложилъ съ себя корону Испаніи. Затѣмъ, уже передъ отправленіемъ своимъ въ Испанію, онъ послалъ нѣмецкимъ курфирстамъ грамоту, въ которой отрекался отъ императорскаго достоинства въ пользу своего брата. Себѣ же послѣднимъ убѣжищемъ, какъ извѣстно, Карлъ избралъ монастырь Св. Юста въ Испаніи. Не надобно впрочемъ думать, чтобы, слагая съ себя власть, онъ вмѣстѣ съ нею отрѣшился и отъ всѣхъ земныхъ помысловъ. Слишкомъ глубоко былъ онъ заманенъ въ борьбу съ жизненными силами, дѣйствовавшими въ современности, и не могъ по волѣ изгладить въ себѣ всѣ вынесенныя изъ нея впечатлѣнія. Одно изъ нихъ особенно глубоко запало въ его душу и не переставало приводить ее въ движеніе до самаго конца его дней: это—нерасположеніе къ протестан-

---

[1] Ранке.

тамъ, которое отъ неудачи выросло до чувства неодолимой ненависти къ нимъ. Повидимому онъ нарочно спѣшилъ сдать свою власть въ болѣе крѣпкія руки своего сына въ той надеждѣ, что его молодой умъ и неистощенная энергія всего скорѣе найдутъ средства отмстить тѣмъ, которые нанесли самый чувствительный ударъ гордости отца его. Не отъ Карла зависѣло, что власть его не безъ раздѣла перешла къ Филиппу, и что съ королевскимъ достоинствомъ онъ не могъ передать ему и императорскаго. Тѣ чувства, которыми Карлъ заключилъ свою дѣятельность, послужили основаніемъ политическаго воспитанія Филиппа въ его молодости. Мысль, особенно занимавшая Карла въ послѣдніе годы его жизни, вполнѣ олицетворилась въ его сынѣ. Поэтому на Филиппѣ, какъ политическомъ дѣятелѣ, отразился образъ отца его только въ половину. Въ немъ почти нѣтъ вовсе той свѣтлой стороны Карла, которою отличается, сравнительно со второю, первая половина его царствованія: онъ, напротивъ, весь съ головы до ногъ былъ вѣрнымъ отраженіемъ лишь послѣдней его мысли, мрачной, недовольной, озлобленной и предпріимчивой единственно во вредъ протестантамъ.

Новыя изслѣдованія проливаютъ особенно яркій свѣтъ на послѣдніе годы жизни Карла, проведенные имъ въ монастырѣ. Подробности о нихъ, соединенныя въ одну стройную картину, читатели найдутъ въ сочиненіяхъ Минье и др.; мы же съ своей стороны ограничимся лишь однимъ замѣчаніемъ. Заключившись въ тишинѣ монастырскаго уединенія, Карлъ однако не терялъ изъ виду событій, происходившихъ на сценѣ политическаго міра, и при всякомъ важномъ случаѣ выражалъ свое мнѣніе, или подавалъ совѣты своему сыну. Но одно только явленіе въ состояніи еще было потрясти эту отжившую душу и привести ее въ сильное движеніе: это былъ опять протестантизмъ. Такъ когда признаки его открыты были въ самой Испаніи, Карлъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что требовалъ отъ правительства неотмѣннаго наказанія всѣхъ виновныхъ безъ исключенія. «Ибо», писалъ онъ, «я дозналъ моимъ опытомъ въ Германіи и Фландріи, что тамъ нельзя ожидать ни спокойствія, ни благосостоянія, гдѣ нѣтъ единства религіознаго ученія!» Эта рана была въ немъ такъ глубока, что онъ могъ излѣчиться отъ нея только смертію, послѣдовавшею въ октябрѣ 1558 года.

Кудрявцевъ.

Возвышеніе папской власти.

(Изъ неизданнаго сочиненія П. Н. Кудрявцева: „Папство и Имперія").

Рукопись носитъ заглавіе: «Папство и Имперія въ IX, X, XI и началѣ XII столѣтія. Разсужденіе кандидата Петра Кудрявцева». Подпись членовъ факультета (Ив. Давыдова, Ос. Бодянскаго, Т. Грановскаго, С. Шевырева, А. Чивилева и К. Гофмана) отъ 2 іюля по 6 ноября 1844 г.—Цѣль разсужденія въ предисловіи выражена авторомъ такъ: «Сообразно съ задачею, предложенною мнѣ отъ факультета, избравъ главнымъ предметомъ моего сочиненія

взаимныя отношенія между папскимъ престоломъ и императорскою властію въ средніе вѣка, я вовсе не имѣлъ мысли писать подробную и полную исторію этихъ отношеній, но хотѣлъ показать внутреннюю связь между ними, т. е. отъискать истинную ихъ основу и потомъ прослѣдить ее исторически во всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ, которыми сопровождались отношенія папъ къ императорамъ, и наоборотъ. Эта основа, эта внутренняя сила, которая проходитъ чрезъ всѣ эти явленія, есть сила великой исторической идеи, совершающей свое діалектическое развитіе на почвѣ человѣческаго духа, постепенно переходя отъ одного момента къ другому и находясь въ постоянной борьбѣ съ другими идеями, часто не менѣе сильными и противоположными первой. Въ отношеніи къ власти папской такова въ особенности была идея власти римскаго императора, какъ главы феодальной имперіи, идея, которой стремленія хотя исходили отъ иныхъ началъ, впрочемъ всегда направлялись къ той же самой цѣли, т. е. къ полновластію, и потому приходили въ неизбѣжное столкновеніе съ подобными же стремленіями папскаго...», и далѣе: «Само собою разумѣется, что въ это изслѣдованіе должны были войти всѣ важнѣйшія событія, изъ которыхъ слагаются историческія судьбы папскаго и императорскаго престоловъ; я даже старался дать имъ особенный просторъ въ нѣкоторыхъ частяхъ моего разсужденія, въ томъ твердомъ убѣжденіи, что если съ одной стороны эти событія были выраженіемъ идей, слѣдствіемъ ихъ взаимнаго столкновенія, то съ другой стороны они сами имѣли неоспоримое вліяніе на дальнѣйшее развитіе идей, которымъ служили то опорою, то сильнымъ средствомъ возбудительнымъ. Необходимо было также войти въ нѣкоторыя подробности относительно лицъ дѣйствующихъ, ибо развитіе идей, происходя часто на почвѣ человѣческаго духа, много зависитъ отъ нравственной организаціи тѣхъ личностей, которыя призваны быть его совершителями...» «При этомъ отъ движенія идеи собственно я вездѣ старался отличить, сколько могъ, движеніе теоріи: это тѣ воззрѣнія, къ которымъ мыслящіе современники приходили посредствомъ рефлексіи и анализа, стараясь понять истинное значеніе папской власти и опредѣлить отношеніе ея къ власти императорской». ...«Это вліяніе теоріи особенно становится замѣтнымъ со времени борьбы Григорія VII съ Генрихомъ IV».

Говоря далѣе о планѣ своего сочиненія, Кудрявцевъ прибавляетъ, что оно расположено «согласно съ основною мыслію, по ходу самой идеи, которую должно было представить въ послѣдовательности историческаго развитія». «Всего болѣе», продолжаетъ онъ, «нахожу этой послѣдовательности въ развитіи идеи папства, которая... и остается для меня главною точкою опоры въ цѣломъ сочиненіи». Развитіе ея авторъ опредѣляетъ IX, X, XI, XII и первой половиною XIII-го вѣка и различаетъ въ немъ 4 главные момента. «Первый изъ этихъ моментовъ я вижу въ такъ называемомъ «возстановленіи имперіи», когда папство вступаетъ въ тѣсный союзъ съ новою имперіею на Западѣ и отдѣляется съ нею отъ Востока; 2-й моментъ составляютъ «псевдодекреталіи», которыя подчиняютъ папскому престолу все внутреннее управленіе западною церковію; 3-й, величайшій моментъ образуютъ идеи Григорія VII, который явно стремится не только освободить церковь отъ всякаго свѣтскаго вліянія, но и подчинить ей или папскому престолу даже власть императорскую; подробнѣйшее развитіе этихъ идей и утвержденіе въ католическомъ мірѣ принадлежитъ уже времени и дѣятельности Иннокентія III, при которомъ въ возможной полнотѣ осуществляется высочайшій идеалъ папской власти, что̀ въ развитіи идеи составляетъ 4-й и послѣдній моментъ. Въ сочиненіи, которое представляю теперь, я изложилъ первые три момента со всѣми важнѣйшими обстоятельствами, которыя относятся къ полному ихъ раскрытію; что же касается до послѣдняго момента, который бы долженъ составлять въ моемъ сочиненіи 4-й періодъ, то, собравъ для него сравнительно бо̀льшее число матеріаловъ, нежели сколько я имѣлъ для каждаго изъ 3-хъ первыхъ періодовъ, и сообразно съ важностію этого предмета желая обработать ихъ

съ бо̀льшею отчетливостію, я счелъ необходимымъ отдѣлить изложеніе послѣдняго періода отъ прочихъ частей и составить изъ него особое сочиненіе. Поэтому крайнимъ пунктомъ моей настоящей работы остается Вормскій конкордатъ.

Согласно этому плану сочиненіе раздѣлено авторомъ слѣдующимъ образомъ: «*Вступленіе.* Развитіе идеи папскаго примата въ эпоху отъ начала христіанскаго общества до новой Западной имперіи.

Періодъ І-й. Возстановленіе имперіи на Западѣ. Здѣсь послѣ $2^1/_2$ стр. обозрѣнія новыхъ историческихъ народовъ слѣдуетъ: § 1. Отношенія папъ къ новымъ династіямъ на Западѣ въ VIII в.—§ 2. Рѣшительное соединеніе церкви съ государствомъ при Карлѣ Великомъ. Послѣ небольшаго заключенія полемическаго характера, слѣдуетъ § 3: Значеніе императорской и папской власти на Западѣ и ихъ взаимное отношеніе.

Періодъ ІІ-й. Начало и полное развитіе системы декреталій. § 4. Отношенія папъ къ Каролингамъ.—§ 5. Императоры Саксонскаго дома и отношенія къ нимъ римскихъ епископовъ.—§ 6. Система декреталій.

Періодъ ІІІ-й. Идеи Григорія VII. § 7. Франконскій императорскій домъ и отношеніе его къ папскому престолу [1].—§ 8. Григорій VII и Генрихъ IV [2] (конецъ этого § носитъ особое заглавіе: «Современная исторія о правахъ папской и императорской власти»).—§ 9. Борьба Григорія VII съ Генрихомъ IV.—§ 10. Состояніе вопроса при Генрихѣ V».

Говоря объ источникахъ своего труда, Кудрявцевъ указываетъ на недостатокъ желаемыхъ имъ средствъ, т. е. источниковъ и другихъ необходимыхъ пособій, «недостатокъ, у насъ почти неизбѣжный, когда дѣло коснется исторіи Западной Европы». «Благодаря опытному руководительству Т. Н. Грановскаго», прибавляетъ онъ, «я имѣлъ многое, что̀ было необходимо для моего предмета, и многія событія могъ прослѣдить по источникамъ; но при всемъ томъ оставались еще нѣкоторыя важныя пособія, которыя, къ сожалѣнію, я долженъ былъ относить къ pia desideria».

Цѣль, разъясненная въ предисловіи, и методъ, по которому авторъ старался расположить свое сочиненіе, указываютъ въ немъ юнаго послѣдователя философскаго направленія исторіи. Наложивъ едва замѣтную печать на выборъ фактовъ и ихъ освѣщеніе, такое направленіе не послужило во вредъ художественности изложенія, которая и составляетъ главное достоинство этого сочиненія.

Послѣдованіе автора идеалистической философіи ограничивается неоднократно выражаемымъ въ этомъ сочиненіи взглядомъ на дѣйствія изображаемыхъ лицъ, какъ на проявленіе идей, коимъ суждено чрезъ этихъ людей постепенно раскрыться. Къ такимъ историческимъ идеямъ онъ относитъ идеи императорской и папской власти. Но онъ не доводитъ этого взгляда до произвола, не настаиваетъ на строгомъ предпочтеніи событій, *логически необходимыхъ*, событіямъ *случайнымъ*. Это указаніе развитія идей служитъ у него лишь къ болѣе стройному размѣщенію, почти реторическимъ пріемомъ—для болѣе послѣдовательнаго изложенія фактовъ, изображаемыхъ со всею свободою повѣствовательнаго таланта. Въ этомъ сочиненіи, какъ и во многихъ другихъ, Кудрявцевъ, «переносясь мыслію въ изображаемую эпоху, какъ будто самъ переживаетъ ее, принимая горячо къ сердцу страданія отжившаго поколѣнія [3]», а изображеніе личности Григорія VII можетъ быть разсматриваемо, какъ одно изъ лучшихъ, если не по исторической вѣрности, то по цѣльности образа, по величавости же

---

[1] Этотъ § напечатанъ здѣсь вполнѣ.—[2] Изъ 1-й половины этого § заимствованъ слѣдующій за тѣмъ 2-й отрывокъ.—[3] Слова Ешевскаго о сочиненіяхъ Кудрявцева.

его—какъ одинъ изъ лучшихъ положительныхъ типовъ, сохранившихъ кровь и плоть въ художественномъ изображеніи. Но изъ логическихъ опредѣленій, внесенныхъ авторомъ въ это сочиненіе, нельзя не обратить вниманія на одно, въ которомъ онъ можетъ помѣряться съ другими писателями, касавшимися того же предмета: въ его опредѣленіи «великаго человѣка» (см. отр. 2-й) указаніе существеннаго признака понятія можетъ выдержать съ честію сравненіе съ опредѣленіями другихъ писателей, которыя приведены ниже въ отдѣлѣ «Разсужденій». Эти качества и указали мнѣ умѣстность такого сочиненія въ хрестоматіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

Изъ примѣчаній автора здѣсь исключены тѣ, въ которыхъ онъ обильно приводитъ мѣста изъ источниковъ своего изслѣдованія.

Л. П.

---

1. Франконскій императорскій домъ и отношенія его къ папскому престолу.

1.

Только на почвѣ великихъ нравственныхъ натуръ возможно развитіе великихъ историческихъ идей. Исторія папства служитъ лучшимъ доказательствомъ этой истины[1]. Едва только создалась теорія, которая предавала въ руки папъ всю полноту церковной власти и самымъ прямымъ путемъ приводила къ необходимости разрѣшить послѣдній вопросъ — вопросъ объ отношеніи этой власти къ свѣтской, какъ недостатокъ нравственныхъ натуръ, которыя бы разрѣшеніе этого вопроса поставили для себя подвигомъ жизни, снова останавливаетъ движеніе идеи, такъ что папство, вмѣсто освобожденія, видимымъ образомъ преуспѣваетъ только въ подчиненіи себя свѣтской зависимости. Это превратное направленіе начинается тотчасъ по смерти Сильвестра II[2], когда папскій престолъ становится добычею политическихъ партій, нагло подымающихъ крамольную главу свою всякій разъ, какъ только императоры ослабляютъ непосредственное вліяніе на Римъ своей власти. Если Іоаннъ XVII, Іоаннъ XVIII и Сергій IV, одинъ за другимъ занимавшіе папскій престолъ отъ 1003 до 1012 г., сами и не принадлежали еще рѣшительно къ категоріи папъ, которые, какъ созданія политической партіи, носили бы въ себѣ только ея мелкіе интересы: то своимъ ничтожествомъ они проложили путь къ папскому престолу графамъ Тусколи или Бенедикту VIII, который, какъ членъ этой фамиліи, оставался въ ея рукахъ во все продолженіе своего 12-тилѣтняго правленія[3]. Съ этого времени изчезаютъ всѣ великіе интересы, такъ

---

[1] Ниже авторъ вполнѣ выясняетъ значеніе этой идеи, какъ онъ понимаетъ ее: «Назначеніе *папства* въ средніе вѣка было высокое.... подъ его сѣнію, подъ его нравственною опекою должно было воспитаться новое человѣчество (въ западной Европѣ), укротить въ себѣ первые дикіе порывы своихъ буйныхъ чувственныхъ силъ или дать имъ направленіе, болѣе возвышенное, болѣе благородное, и постепенно приготовиться къ будущимъ, наиболѣе человѣческимъ подвигамъ. Назначеніе *имперіи* было ниже, матеріальнѣе: она должна была только держать въ спасительной уздѣ бурный, безпокойный феодальный міръ, безпрерывно стремившійся къ несвоевременному разъединенію. Назначеніе папства къ дѣлу имперіи относилось почти такъ же, какъ относилась бы обязанность образователя дитяти къ дѣлу его охранителя». — [2] Въ 1603 г. — [3] Бенедиктъ VIII

сильно занимавшіе прежде римскій епископскій престолъ, папство далеко уклоняется отъ своей основной идеи—перваго нравственнаго авторитета на Западѣ, и всѣ виды его стѣсняются въ ничтожной сферѣ одной партіи. Въ этомъ положеніи папство не выказывало даже прежняго честолюбія; въ дѣйствіяхъ его выражалось только честолюбіе графовъ Тусколи, въ рукахъ которыхъ папство было не болѣе, какъ орудіе. То, чего хотѣли графы Тусколи, составляло предѣлъ желаній и для самого папы, и задача состояла уже не въ томъ, чтобы возвышать достоинство престола, но чтобы сохранить его во власти той же фамиліи. Для такой цѣли считались позволительными всѣ средства. Такъ, когда умеръ Бенедиктъ VIII, графамъ Тусколи стоило только купить голоса, чтобы возвести на его мѣсто брата его, извѣстнаго послѣ подъ именемъ Іоанна XIX, не смотря на то, что этотъ братъ не занималъ до того времени ни одной церковной должности; а въ 1033 г., когда не стало Іоанна XIX, они не посовѣстились замѣстить его двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ (Бенедиктъ IX) для того только, чтобы держать на этомъ мѣстѣ своего домашняго человѣка, какъ будто папство было только передовымъ постомъ въ сторожевой линіи дома Тусколи! Паденіе, не могло бы, казалось, быть глубже, но Бенедиктъ IX еще болѣе усилилъ его низкими наклонностями своей чувственной и развращенной природы. При немъ возобновились времена Сергія III, Іоанна XII. Престолъ Григорія, Николая, Адріана былъ опозоренъ всѣмъ, что только могло произвести отвратительнаго отъявленнѣйшее распутство. Даже одинъ изъ преемниковъ Бенедикта IX, Викторъ III, не могъ иначе изобразить его, какъ чертами позорнѣйшими![1] Но не тѣмъ еще кончилось униженіе папскаго престола. Какъ ни унизительно было его положеніе при Бенедиктѣ IX, однако для развращеннаго духа въ немъ все еще оставалась одна привлекательная сторона, которая возбуждала въ другихъ если не зависть, то живое соревнованіе. Это была именно сторона пороковъ, которымъ съ такою легкостію можно было предаваться, оставаясь на папскомъ престолѣ. Съ 1043 г. Бенедикту IX начинаютъ являться совмѣстники. Сабинскій епископъ Іоаннъ, поддерживаемый противною партіею, которая хотѣла *своего* папы, успѣлъ вытѣснить Бенедикта изъ города и занять папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра III. Но не легко было заставить и Бенедикта IX отказаться отъ такой лестной добычи; онъ снова возвратился въ городъ и заставилъ Сильвестра III очистить Латеранскій дворецъ. Не смотря на то, новый папа продолжалъ держаться въ Римѣ, имѣя на своей сторонѣ большую часть города. Бенедиктъ IX не отважился нападать на своего противника и думалъ уже о томъ, чтобы извлечь изъ своего положенія всевозможную выгоду. Предвидя, что рано или поздно ему придется сложить съ себя папское достоинство, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ вознаградить себя деньгами и предложилъ одному пресвитеру, по имени Іоанну, торговую сдѣлку, въ силу которой уступилъ ему Латеранъ и съ нимъ папскій престолъ. Но едва только Іоаннъ, посвященный самимъ Бенедиктомъ, занялъ купленный имъ дворецъ, какъ Бенедиктъ IX, набравъ на вырученныя деньги новыхъ при-

---

былъ братъ тогдашняго римскаго консула и сенатора изъ дома графовъ Тусколи... (пр. Кудр.).—[1] При Бенедиктѣ IX римская церковь сдѣлала, правда, одно изъ важнѣйшихъ своихъ пріобрѣтеній: Польша добровольно признала себя данницею папскаго престола. Но это пріобрѣтеніе было совершенно случайно, и Бенедиктъ IX не виноватъ въ немъ ни душою, ни тѣломъ (пр. Кудр.).

верженцевъ, снова провозгласилъ себя папою. Впрочемъ Іоаннъ не думалъ уступать и твердо держался съ своими клевретами при одной церкви. Между тѣмъ и Сильвестръ III не ослабѣвалъ въ своихъ усиліяхъ. Такимъ образомъ въ одно и то же время въ Римѣ были три человѣка, которые, всего болѣе будучи далеки отъ идеи папскаго достоинства, носили однако званіе папъ (Бенедиктъ IX, Сильвестръ III, Григорій VI [1]) и наперерывъ одинъ передъ другимъ безчестили папскій престолъ своими безчинствами. Въ довершеніе всего безчестнаго позорища Бенедиктъ IX предложилъ своимъ корыстолюбивымъ совмѣстникамъ раздѣлить между собою поровну всѣ выгоды римскаго престола, такъ чтобы каждый мирно пользовался своею частію, и всѣ оставались въ добромъ согласіи. Предложеніе было принято, и въ продолженіи всего 1045 года римскій престолъ, проданный и раздѣленный, оставался въ рукахъ трехъ сборщиковъ податей, которые съ лицемѣрнымъ видомъ принимали приношенія, дѣлаемыя на имя Христа и Его церкви, и тотчасъ спѣшили расточать ихъ на дѣла непотребныя. Потерялись всѣ добрыя начала, изчезла всякая нравственная мысль, и папство постоянно шло далѣе и далѣе отъ своей идеи, почти безъ надежды на возвращеніе.

Исправленіе, безъ сомнѣнія, было возможно и не только возможно—даже необходимо, потому что идея не совершила еще полнаго своего развитія [2]; но это исправленіе могло происходить только изъ идеи же, а въ папствѣ того времени ея не было. Она однако не умерла, но продолжала жить въ сознаніи, и теперь любопытно только наблюдать, откуда возьмется она вновь, чтобы идти на помощь папству, коснѣющему въ своемъ глубокомъ паденіи. Замѣчательно, что на этотъ разъ честь возстановленія папскаго престола предоставлена была имперіи, что власть императорская почувствовала *въ себѣ* присутствіе той самой идеи, которой именно недоставало тогда папству, и поставила себѣ за долгъ—возвратить папскій престолъ къ прежнему его достоинству; обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательное, что императорская власть озаботилась не только возстановленіемъ внѣшняго порядка относительно папскаго престола, но и внутреннимъ его исправленіемъ на основаніи его же собственной идеи. Такъ тѣсно связаны были между собою эти двѣ власти взаимною необходимостію и такъ много было въ нихъ родственнаго, не смотря на обоюдное противорѣчіе! Впрочемъ это обстоятельство было приготовлено особеннымъ развитіемъ со стороны имперіи, къ которому мы и обратимся теперь, не вступая еще въ подробное объясненіе роли, какую приняла на себя имперія въ отношеніи къ папскому престолу.

2.

Въ то самое время какъ папство съ возрастающею скоростію простиралось впередъ по пути своего паденія, имперія тихо, но вѣрно приближалась болѣе и болѣе къ своему идеалу, предначертанному еще геніальною мыслію Карла Великаго. Обстоятельства препятствовавшія этому движенію, устранились сами собою, по мѣрѣ того какъ мысль объ имперіи, сначала заносная, съ лѣтами становилась все болѣе и болѣе національною въ Германіи. Власть герцоговъ, въ половину сокрушенная Отто-

---

[1] Планкъ называетъ на мѣсто Григорія VI—Іоанна XX, но новѣйшіе церковные историки не знаютъ о немъ ничего и заставляютъ Бенедикта IX прямо заключать торгъ съ Григоріемъ VI. (пр. Кудр.)—[2] См. вступительную замѣтку.

номъ, не выходила уже такъ рѣзко изъ общаго уровня имперіи. Перемѣна династіи не только не нарушала этого движенія, но всегда по нѣкоторымъ отношеніямъ была новымъ важнымъ шагомъ къ осуществленію идеала императорской власти, какъ если бы каждый новый домъ приносилъ съ собою и новыя силы, съ которыми уже смѣлѣе шелъ къ предположенной цѣли, нежели всѣ предшественники. Особенно важно было вступленіе дома Франконскаго, въ томъ отношеніи, что онъ, какъ не владѣвшій напередъ никакимъ герцогскимъ леномъ, не приносилъ съ собою на императорскій престолъ понятія ни о какой иной власти, и что въ лицѣ перваго государя этого дома, Конрада II, императорская власть являлась въ самомъ чистомъ своемъ видѣ, рѣзко отдѣленная отъ власти герцогской, которая прежде входила необходимымъ ингредіентомъ въ первую. Съ одной стороны, правда, это обстоятельство уменьшало внѣшнія средства императорскаго престола до такой степени, что онъ не могъ равняться въ матеріальной силѣ даже съ герцогами и маркграфами; но этотъ недостатокъ значительно восполнялся внутреннимъ достоинствомъ дома и нравственною силою самой идеи, которую онъ принялъ въ себя во всей ея чистотѣ и съ полнымъ сознаніемъ ея высокаго значенія. До сихъ поръ идея имперіи была такъ тѣсно связана съ лицомъ императора, что обыкновенно въ его судьбѣ представляли и судьбу самой имперіи; но со вступленіемъ Франконскаго дома эта идея явно отрѣшается отъ личностей и установляется въ понятіи, какъ нѣчто самостоятельное. Конрадъ II былъ первый, который ясно и опредѣленно выговорилъ это значеніе. Въ 1025 г., когда Павійцы, обрадовавшись смерти Генриха II, сожгли у себя императорскій дворецъ, и потомъ извинялись предъ новымъ императоромъ тѣмъ, что они оставались вѣрны Генриху II во все время, пока онъ былъ живъ, Конрадъ отвѣчалъ имъ: „*Не домъ короля* разрушили вы, котораго не было въ живыхъ, но *дворецъ имперіи.* Со смертію кормчаго не погибаетъ еще корабль: умираетъ король, остается имперія. Это было зданіе общественное, не частнаго человѣка; оно принадлежитъ *другому*, а не вамъ. Вы повинны королю, какъ всякій, кто присвоиваетъ себѣ чуждое“. Ясно, что какъ прежде лицо императора скрывало за собою идею имперіи, такъ теперь, во мнѣніи Конрада, идея имперіи возвышалась надъ лицомъ императора. Это значило, оцѣнить идею по достоинству и воздать ей *все должное.* При такомъ пониманіи идеи, ей, какъ общему, естественно должны были подчиняться всѣ личные интересы въ императорѣ. И Конрадъ въ самомъ дѣлѣ постоянно оставался вѣренъ въ своей мысли. Всего болѣе она проявлялась въ немъ горячею ревностію къ правдѣ, которой онъ считалъ себя верховнымъ защитникомъ и поборникомъ съ самой минуты вступленія своего на престолъ. Еще тотчасъ послѣ избранія, отправляясь вмѣстѣ съ торжественною процессіей въ храмъ для коронованія, Конрадъ II остановился на пути, чтобы выслушать трехъ человѣкъ простаго званія, которые просили у него суда, и когда князья осмѣлились напомнить королю, что его ждетъ дѣло болѣе важное, онъ строго отвѣчалъ имъ, что призванный управлять, онъ никогда не позволитъ себѣ откладывать дѣлъ правды и не потерпитъ, чтобы другіе напоминали ему объ его обязанностяхъ [1]. И это не была парадная фраза, сказанная только на тор-

---

[1] Архіепископъ Арибо, по вступленіи Конрада во храмъ, въ рѣчи своей убѣждалъ его—прежде всего хранить въ государствѣ миръ и правосудіе, защищать церковь и духовенство, покровительствовать вдовамъ и сиротамъ (пр. Кудр.).

жественный случай: король остался вѣренъ своему обѣту во все время, пока рука его въ состояніи была держать скипетръ правленія обширной имперіи. Судъ и правда слѣдовали за нимъ всюду, гдѣ только ни являлся онъ, гдѣ только ни призывали на помощь его правосудіе. Опала, произносимая на сеймахъ за государственную измѣну, не щадила даже ближайшихъ родственниковъ императора. Герцогъ Эрнстъ Швабскій, отказавшійся выдать главнаго виновника возмущенія, рыцаря Вернера Фонъ-Кибурга, съ общаго согласія князей подвергнутъ былъ даже отлученію, не смотря на то, что на его сторонѣ была горячая любовь матери-императрицы Гизелы. Въ случаѣ, если приговоръ гражданскаго суда казался недостаточнымъ, Конрадъ призывалъ содѣйствіе духовной власти и свободно направлялъ ея рѣшенія сообразно съ своими видами. За связи съ мятежниками братъ императора, безпокойный Гебгардъ, лишенъ былъ чести носить оружіе и принужденъ былъ принять духовный санъ вслѣдствіе приговора церковнаго собора, который держалъ императоръ во Франкфуртѣ съ 22 епископами (1027). Во всѣхъ подобныхъ распоряженіяхъ Германцы, какъ и естественно, видѣли высшее ручательство свободы и независимости, на которой смѣло опирались даже вопреки внушеніямъ ближайшихъ властей, требовавшихъ себѣ безусловнаго повиновенія. Когда Эрнстъ Швабскій требовалъ отъ своихъ вассаловъ, на основаніи данной ими присяги въ вѣрности, чтобы они не покидали его, не смотря на императорскую опалу, графъ Фридрихъ и Ансельмъ отвѣчали ему отъ лица прочихъ: «Мы не отвергаемъ, что клялись тебѣ въ вѣрности противъ всякаго, но только не противъ того, кто далъ тебѣ власть надъ нами. Если бы король или императоръ отдалъ насъ во власть твою какъ рабовъ, то мы бы не смѣли оставить тебя; но какъ *вольные люди*, которые имѣютъ въ императорѣ верховнаго поручника нашей свободы, мы не можемъ оставить его, не отказываясь тѣмъ самымъ отъ нашей свободы, которую мужъ храбрый теряетъ только вмѣстѣ съ жизнію.“

Еще ярче, еще опредѣленнѣе явился этотъ характеръ императорской власти въ Италіи, которая, какъ бы потерявъ центръ тяжести, вся волновалась крамолами и возстаніями и болѣе, нежели когда нибудь, чувствовала нужду въ смиряющей рукѣ закона или хотя въ какой нибудь внѣшней силѣ, способной провести свой уровень по этому мятежному правленію [1]. Въ первый походъ, впрочемъ, правосудіе императора должно было дѣйствовать только однимъ мечомъ: иного суда и не могло быть среди всеобщаго ожесточенія, съ которымъ встрѣтили императора въ Италіи (Павія, Равенна, Миланъ). Но во второй походъ, когда поле было въ половину очищено, императоръ шелъ уже судить Италію своею законодательною властію, предлагая въ самомъ имени своемъ надежнѣйшее убѣжище всѣмъ ищущимъ правды и защиты отъ несправедливыхъ угнетеній. Въ лицѣ Конрада, казалось, сама правда удостоила Италію своимъ благодѣтельнымъ присутствіемъ. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Павію, императоръ созвалъ на сеймъ всѣхъ князей и торжественно объявилъ имъ, что онъ твердо рѣшился быть защитникомъ всѣхъ утѣсненныхъ и судить

---

[1] Въ 1035 г., передъ вторымъ походомъ въ Италію, все сословіе рыцарей и мелкихъ итал. вассаловъ возстало противъ своихъ феодальныхъ владѣльцевъ, говоря, что, если императоръ не придетъ къ нимъ на помощь, то они сами издадутъ себѣ законы. Узнавъ объ этомъ, императоръ отозвался, что онъ готовъ насытить Италію, если она такъ жаждетъ закона (пр. Кар.).

по человѣческимъ законамъ всѣхъ тѣхъ, которые виновны въ присвоеніи церковныхъ имѣній и другихъ преступленіяхъ, или будутъ обличены въ притѣсненіи вдовъ и сиротъ, а чтобы предотвратить зло на будущее время, повелѣлъ въ скоромъ времени, чтобы всѣ дѣла рѣшались впередъ не иначе, какъ на основаніи опредѣленныхъ законовъ. Вѣсть объ этой волѣ императора быстро промчалась по Италіи, и скоро начали стекаться къ нему вдовы и сироты, князья и епископы, прося его заступленія. Императоръ выслушивалъ ихъ жалобы, возсѣдая во всемъ царскомъ величіи среди своего войска въ Павіи, и немедленно произносилъ судъ надъ виновными. Не было ни потворства, ни лицепріятія. Даже знаменитый Герибергъ, архіепископъ миланскій, содѣйствію котораго императоръ обязанъ былъ успѣшнымъ ходомъ своихъ дѣлъ въ верхней Италіи, по обвиненію нѣкоторыхъ лицъ въ неправильномъ присвоеніи себѣ ихъ мнѣній, подвергся суровому заключенію, и только бѣгствомъ могъ спасти себя отъ окончательнаго приговора. Вскорѣ трое другихъ епископовъ, обвиненныхъ въ заговорѣ противъ императора, были захвачены по его повелѣнію и отосланы въ Германію [1]. Весьма естественно, что подобныя мѣры должны были казаться Итальянцамъ насильственными и возбуждали общее неудовольствіе, которое скоро обнаружилось возстаніемъ Милана. Императоръ снова долженъ былъ поднять мечъ для укрощенія строптивыхъ; но идея порядка, основаннаго на постоянныхъ опредѣленныхъ законахъ, не переставала занимать его даже и въ то время, такъ-что почти подъ самыми стѣнами бунтующаго Милана даны были имъ повелѣнія о возстановленіи ленныхъ законовъ, которыми опредѣлялись какъ обязанности вассаловъ къ леннымъ владѣльцамъ, такъ и отношенія тѣхъ и другихъ ко власти императорской[2]. Дѣйствуя какъ глава феодальной имперіи, Конрадъ простеръ свою власть и на южную Италію, куда явился въ слѣдующемъ году съ войскомъ, принося съ собой ту же любовь къ законному порядку и тотъ же строгій судъ надъ непокорными. Царственною рукою онъ отбиралъ лены отъ однихъ и раздавалъ ихъ другимъ, которые въ глазахъ его были болѣе достойны этой милости, непосредственно исходящей отъ императорской власти [3]. Само собою разумѣется, что при такомъ характерѣ этой власти и при извѣстномъ уже намъ состояніи паденія, въ какомъ находился папскій престолъ, представители его должны были играть роль самую ничтожную: она вся ограничивалась тѣмъ, что папа, по принятому обыкновенію, вѣнчалъ могущественнаго короля Германіи императорскою короною и потомъ торопливо забѣгалъ къ нему на встрѣчу, не дожидаясь даже при-

---

[1] Это были епископы городовъ: Кремоны, Піаченцы и Верчелли, призывавшіе вмѣстѣ съ Герибертомъ на итал. престолъ графа Одона Шампанскаго (пр. Кудр.)—[2] Въ сущности это были старые феодальные законы, въ силу которыхъ всѣ лены, принадлежащіе вассаламъ, должны были оставаться въ ихъ наслѣдномъ владѣніи и отбирались только въ такомъ случаѣ, когда вассалъ приговоромъ равныхъ себѣ былъ обвиненъ въ преступленіи. Но при этомъ получала полное свое значеніе власть императорская, какъ верховная власть феодальнаго міра, ибо ей предоставлялось право принимать аппелляціи на всѣ приговоры феодальныхъ судовъ, въ случаѣ если бы кто былъ недоволенъ ихъ рѣшеніемъ. Многіе владѣльцы въ такомъ случаѣ должны были обращаться къ импер. послу (missus), а прочіе—къ самому императору (пр. Кудр.).—[3] Такъ Пандульфъ, князь Капуи, лишился всѣхъ своихъ владѣній, а Норманъ Раймундъ получилъ, какъ импер. ленъ, графство Аверсу. (пр. Кудр.).

бытія императора въ Римъ. Занятый своими феодальными распоряженіями, Конрадъ мало вниманія обращалъ на папу.

3.

Благодаря такому положенію дѣлъ и отсутствію всякихъ непріязненныхъ отношеній, папа ничего не терпѣлъ отъ императора, но между тѣмъ имперія нечувствительнымъ образомъ проникала въ область духовнаго папскаго владычества. Это было стремленіе прямо, хотя несознательно, противоположное стремленію декреталій. Въ то самое время, какъ декреталіи—ибо это была ихъ настоящая эпоха—старались въ самыхъ предѣлахъ императорской власти выдѣлить, обособить себѣ отдѣльный міръ, свое status, которое бы состояло подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ папскаго престола и было совершенно устранено отъ вліянія власти свѣтской—въ это самое время императоры, побуждаемые отчасти благочестивою набожностію, отчасти необходимою въ ихъ положеніи разсчетливостію, болѣе и болѣе сливали церковь съ своимъ феодальнымъ государствомъ и непримѣтно для самихъ себя сглаживали тѣ рѣзкія границы, которыя съ точки зрѣнія декреталій должны были отдѣлять владѣнія государства, имперіи. Словомъ, идеальное направленіе, исходившее изъ идеи папской власти и усиливавшееся раздѣлить нераздѣлимое, находило себѣ противодѣйствіе въ безсознательномъ стремленіи общества или главныхъ его представителей—слить въ одно безразличное цѣлое разрозненныя части. Это послѣднее направленіе выражалось не всегда одинаково, но было уже явно при Оттонахъ, которые, надѣляя епископовъ ленами, тѣмъ самымъ крѣпче привязывали ихъ къ составу своей имперіи. Благочестивая щедрость Генриха II, иногда не затруднявшаяся въ средствахъ обогащенія церквей и ихъ представителей, прибавила къ этой связи многіе новые узлы. Конрадъ, уступая своему предшественнику въ щедрости, не измѣнялъ однако вкоренившемуся обычаю, и новыми повелѣніями укрѣплялъ за церквами ихъ свѣтскія владѣнія и преимущества. Дѣломъ весьма обыкновеннымъ было также при немъ, что графскія права предоставлялись епископу города. Съ другой стороны, правда, Конрадъ II самъ любилъ пользоваться избытками церкви или ея служителей, принимая, какъ должную себѣ дань, большіе подарки за епископскія и настоятельскія мѣста въ своей имперіи,—обстоятельство, извиняемое только его положеніемъ и вообще недостаткомъ средствъ при обширной дѣятельности; но, какъ ни мало была законна эта мѣра, она опять приводила къ тому же самому результату, то есть болѣе и болѣе утверждала понятія о неотдѣлимости церкви отъ власти государственной. Такимъ образомъ, въ то время, какъ церковь стремилась утвердить свою самостоятельность внутри имперіи, имперія болѣе и болѣе заходила во внутреннюю область церкви и тамъ утверждала свое вліяніе. Стремясь отдѣлиться одна отъ другой, одна надъ другою возвыситься, онѣ перекрещивались въ своихъ направленіяхъ и въ то же время глубже проникли одна въ другую. Словомъ, церковь и имперія крѣпче и крѣпче сплетались въ объятіяхъ другъ друга, чтобы наконецъ, когда между ними уничтожится всякое разстояніе, схватиться на послѣднюю отчаянную борьбу. Время это было уже близко.

Но, какъ бы для того, чтобы передъ этою рѣшительною минутою поставить имперію еще выше, почти на крайнюю степень ея стремленій, и такимъ образомъ дать предстоящей брани полное достоинство великой исторической борьбы двухъ самостоятельныхъ началъ, судьба смѣнила величайшаго дѣятеля этой эпохи—мы разумѣемъ Конрада—скорѣе, неже-

ли можно было бы ожидать, и поставила на его мѣсто другаго, которому дала всѣ средства, чтобы продолжать движеніе далѣе. Генриху III надобно было приступить къ престолу не со стороны: онъ выросъ подъ его сѣнію и еще при жизни отца раздѣлялъ съ нимъ его царственные труды. Великая задача, которая соединена была съ понятіемъ о первой державѣ на Западѣ, была поэтому для Генриха III яснѣе, нежели для Конрада II. Новый императоръ, тѣмъ болѣе, что самая природа не обошла его своими дарами, не могъ остановиться на той точкѣ, на которой застала имперію смерть отца, но долженъ былъ значительно расширить кругъ своей дѣятельности. Первыя дѣйствія Генриха III были, впрочемъ, только продолженіемъ, хотя и блистательнымъ, царствованія его отца, какъ того требовали самыя обстоятельства. Это было расширеніе и возвышеніе имперіи въ смыслѣ чисто феодальномъ. Въ три похода строптивый герцогъ богемскій Бретиславъ, былъ смиренъ совершенно и принужденъ лично явиться передъ императоромъ, чтобы искупить вину свою передъ нимъ покорностію и униженіемъ. Болѣе усилій нужно было употребить, чтобы управиться съ волнуемой междоусобіями Венгріей, но славный конецъ вознаградилъ всѣ труды и вѣнчалъ дѣло совершенно по желанію императора. Послѣ блистательной побѣды въ 1044 г. признательный Петръ, король Венгріи, лично принесъ свою благодарность Генриху II и принялъ отъ него какъ ленъ свое наслѣдственное государство. Внутри имперіи было въ это время спокойнѣе, нежели когда нибудь: по крайней мѣрѣ ея не возмущали болѣе крамолы противъ верховной власти главы имперіи.

Но не для того только судьба назначила Генриха III, чтобы его рукою возвысить внѣшнее величіе имперіи: нѣтъ, въ немъ лежала возможность возвеличенія имперіи болѣе глубокаго, облагороженія болѣе внутренняго—словомъ— возможность возвышенія имперіи въ отношеніи нравственномъ, чего не могли доставить ей никакіе успѣхи ея феодальнаго могущества. Въ натурѣ Генриха III было сильно именно то, чего недостатокъ иногда замѣченъ былъ въ болѣе одностороннемъ Конрадѣ II. Это была натура нравственная, которая искала себѣ удовлетворенія не въ одномъ только соблюденіи внѣшнихъ формъ, не въ одномъ внѣшнемъ торжествѣ или превосходствѣ надъ другими, но въ согласованіи своихъ дѣйствій съ своими нравственными убѣжденіями, въ строгой сообразности идеи съ самымъ ея исполненіемъ. Это нравственное стремленіе Генриха III довольно ясно обозначилось еще въ 1043 году, когда въ Германіи, давно уже изнуряемой безпорядками и насиліями феодальнаго самоуправства—ибо это зло было неразлучно съ феодализмомъ—явился еще новый безпощадный врагъ, страшный голодъ. Въ такомъ безпомощномъ положеніи всякое продолженіе вражды внутренней было для Германіи новымъ ядомъ, проливаемымъ на свѣжія раны, и Генрихъ III, предупреждая всѣхъ, первый великодушно объявилъ на Констанцскомъ синодѣ, послѣ увѣщанія къ миру всѣхъ членовъ именитаго собранія, что онъ прощаетъ съ своей стороны всѣ сдѣланныя ему оскорбленія и оставляетъ всякую вражду, прося и другихъ послѣдовать его примѣру. Такой высокій примѣръ не могъ не подѣйствовать по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, и Германія дѣйствительно успокоилась на нѣсколько времени подъ кроткою сѣнію этого „Божьяго мира [1].“ То же

---

[1] Это благодѣтельное замиреніе, извѣстное подъ именемъ «Божьяго міра,» еще прежде введено было во Францію, Бургундію и даже Англію; но замѣча-

отсутствіе эгоизма отличало Генриха III и въ другихъ отношеніяхъ. Сынъ своего вѣка, носившій въ себѣ его лучшія убѣжденія, онъ вполнѣ преданъ былъ церкви и ея дѣлу, но эта преданность, какъ одно изъ его нравственныхъ убѣжденій, была выше всякой разсчетливости. Только то, что̀ было въ нѣмецкомъ духовенствѣ безукоризненнѣйшаго, имѣло къ нему свободный и открытый доступъ, и никогда рука Генриха не посягнула на принятіе того незаконнаго дара, который, по укоренившемуся обычаю, необходимо слѣдовалъ императору за утвержденіе того или другаго лица въ духовной должности. Печать строгой честности лежала на всѣхъ сношеніяхъ Генриха III съ церковію, какъ и на дѣлахъ его государственныхъ. Было бы непонятно, если бы такая натура не возчувствовала въ себѣ съ одной стороны наклонности, симпатіи къ той высокой нравственности, которая лежала въ самомъ понятіи о папской власти, жившемъ въ общемъ сознаніи вѣка, а съ другой стороны—антипатіи къ тому состоянію, въ какомъ эта власть, наперекоръ своей идеѣ, являлась въ дѣйствительности.

Въ самомъ дѣлѣ, это состояніе, какъ мы уже и видѣли, было нисколько не утѣшительно. И не только римскій престолъ — вся церковь, не поддерживаемая болѣе тѣмъ благодѣтельнымъ вліяніемъ, которое, какъ духовная сила, безспорно исходило на нее отъ этого престола въ продолженіи не одного вѣка, вся церковь представляла въ своемъ внѣшнемъ быту самое неправильное отступленіе отъ своего высокаго идеала[1]. Это была ея повсемѣстная продажность, укоренявшаяся по мѣрѣ того, какъ за недостаткомъ сильныхъ дѣятелей ослабѣвала, вопреки теоріи, напряженность прежде столько дальновидной римской цензуры нравовъ, и какъ церковь болѣе и болѣе приходила въ соприкосновеніе со свѣтскою властію, вообще съ міромъ и его обычаями. Это была симонія, зло тѣмъ болѣе опасное, что почти никто не думалъ о его исправленіи, хотя всѣ упрекали другъ друга въ общемъ грѣхѣ и безнравственности. Нерѣдко самые честные, самые строгіе люди своего времени измѣняли въ этомъ отношеніи своимъ правиламъ и не могли воздержаться отъ общей слабости. Такъ глубоко уже проникала зараза. Римъ впрочемъ первый почувствовалъ недостоинство своего постыднаго положенія, но какъ бы признавая свое безсиліе возвратиться собственными средствами на прежнюю высокую чреду, обратился съ своими желаніями, на этотъ разъ нисколько не лицемѣрными, къ великодушному императору, моля его прекратить господствующій въ церкви соблазнъ. Оборотъ, конечно, унизительный для папскаго престола, который по самой идеѣ своей долженъ былъ служить нравственною опорою для всего христіанскаго Запада, а не искать со стороны изцѣленія своихъ собственныхъ язвъ, но по обстоятельствамъ весьма извиняемый и даже совершенно неизбѣжный: ибо католическій міръ — а это значило весь Западъ — наконецъ долженъ же былъ почувствовать отсутствіе въ себѣ того, что̀ составляло его душу, въ чемъ былъ главный мотивъ всей его духовной дѣятельности; а въ такомъ положеніи, къ кому естественнѣе должно было обра-

---

тельно, что тамъ оно было слѣдствіемъ усилій духовенства, а здѣсь въ Германіи, было дѣломъ самого императора.—[1] Это зло укоренилось не только въ Германіи, гдѣ имераторы всегда были довольно притязательны на право распоряжаться духовными мѣстами, но и во Франціи, и всего болѣе въ самой Италіи. . . Даже самыя низкія церковныя должности въ Римѣ, какова должность остіарія, продавались за деньги (пр. Кудр.).

титься сознаніе, какъ не къ другой верховной власти вѣка, которая по послѣднимъ своимъ отношеніямъ къ папской власти казалась какъ бы другою стороною той же самой идеи? Вѣдь обращались же Миланцы къ императору съ просьбою о назначеніи имъ новаго архіепископа на мѣсто умершаго Герберта, и должны были принять къ себѣ избраннаго имъ Гвидо [1]; стало быть, въ самой Италіи обычай вѣка предоставлялъ императору въ подобныхъ дѣлахъ голосъ рѣшительный, и какъ бы переносилъ на него часть правъ папскаго престола. — Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственной натурѣ Генриха III жило уже убѣжденіе въ необходимости возстановленія папскаго престола въ прежнемъ его достоинствѣ, и потому, едва послѣдовало приглашеніе изъ самаго Рима, походъ въ Италію былъ рѣшенъ окончательно. Походъ императора въ Италію не для защиты папства отъ внѣшнихъ притѣсненій, но для возстановленія его произвольнаго паденія—это было какое-то странное, неслыханное на Западѣ превращеніе обыкновеннаго, прямаго хода событій. Впрочемъ не умерла идея папской власти, хотя и удалилась на время отъ папскаго престола, и мы скоро ощутимъ ея незримое присутствіе и неотразимое вліяніе при рѣшеніи того самаго вопроса, который вызвалъ императора изъ Германіи. Не предоставляя себѣ лично рѣшенія всего дѣла, императоръ, немедленно по прибытіи своемъ въ Италію, созвалъ соборъ въ Павіи, на который сошлось до 40 важнѣйшихъ епископовъ Германіи, Италіи, Бургундіи и Франціи. Какъ по общему мнѣнію собора нельзя было судить папу заочно, не выслушавъ его оправданій, то императоръ вызвалъ къ себѣ изъ Рима папу Григорія VI и потомъ назначилъ новый соборъ въ Сутри. Дѣло было такъ необычайно, что прелаты, составлявшіе соборъ, не знали, какъ приступить къ суду. Если съ одной стороны они видѣли въ Григоріи VI виновнаго, который своими противозаконными дѣйствіями самъ навлекъ на себя справедливый судъ церкви, то съ другой стороны въ лицѣ этого подсудимаго предстояла имъ и сама папская власть, высшая всякаго суда и сама судившая всякую иную власть въ церкви и вообще въ христіанствѣ. Не смотря на присутствіе императора, идея папства тяготѣла надъ всѣмъ именитымъ собраніемъ и налагала на него невольное смиреніе. Въ смущеніи члены собора добровольно отреклись отъ права судить папу и предоставили весь судъ ему самому. Когда Григорій VI, въ смиренномъ сознаніи своихъ ошибокъ, просилъ совѣта у епископовъ, они отвѣчали ему: „Совѣтуй самъ себѣ, самъ изреки судъ надъ собою, ибо лучше тебѣ, подобно св. Петру, жить въ убожествѣ, чтобы пріобрѣсть богатство вѣчное, нежели вмѣстѣ съ Симономъ, котораго примѣръ соблазнилъ тебя, окружить себя мірскими благами и потомъ заслужить вѣчное осужденіе“. Только такъ, въ видѣ совѣта, осмѣлился выговорить соборъ свое рѣшеніе [2]. Но и Григорій VI

---

[1] Это было въ 1045 г. Послы миланскіе представлялись императору въ присутствіи многихъ епископовъ и князей. Императоръ подозвалъ къ себѣ Гвидо, который не задолго передъ тѣмъ явился къ его двору также изъ Милана, и обратившись къ посламъ, спросилъ ихъ, точно ли они хотятъ себѣ архіепископа? Всѣ единогласно отвѣчали: мы просимъ, мы хотимъ, мы желаемъ. — Хорошо — сказалъ императоръ—если вы искренно просите себѣ архіепископа, то вотъ вамъ Гвидо. Миланцы, знавшіе низкое происхожденіе Гвидо, пришли въ ужасъ отъ этого предложенія, но не смѣли противиться волѣ императора. Гвидо сдѣланъ былъ архіепископомъ (пр. Кудр.).—[2] Что благомыслящіе люди того времени, особенно ревностные партизаны правъ церкви, видѣли въ этомъ судѣ надъ Гри-

не могъ не признать надъ собою невидимаго тяготѣнія той же самой нравственной силы, и самъ произнесъ надъ собою судъ, которымъ объявилъ себя виновнымъ въ продажности и симоніи и потому недостойнымъ римскаго епископскаго престола. Прочіе епископы утвердили его приговоръ.

Отрѣшеніе Григорія VI рѣшило дѣло только въ половину. Оставалась важнѣйшая и самая существенная часть вопроса—дѣло законнаго избранія новаго, достойнаго главы церкви, чѣмъ только и могъ окончиться соблазнъ, такъ долго смущавшій западное христіанство въ самомъ его верховномъ представителѣ. Рѣшившись разъ возстановить папство въ прежнемъ его достоинствѣ, Генрихъ III не могъ остановиться на половинѣ дороги, и потому, тотчасъ по окончаніи дѣла съ Григоріемъ VI, отправился въ Римъ, чтобы приступить ранѣе на законныхъ основаніяхъ. Эти законныя основанія, утвержденныя вѣковымъ обычаемъ, которыхъ не осмѣлился преступить и самъ Оттонъ Великій, предоставляли право избранія папы римскому духовенству и народу, оставляя императору въ этомъ дѣлѣ только право окончательнаго утвержденія выбора. Не отъ Генриха III, не отъ его неподкупной любви къ законности и порядку можно было ожидать нарушенія такого обычая; и въ самомъ дѣлѣ, Генрихъ III ни на шагъ не хотѣлъ отступить отъ законнаго порядка, какъ это показали самыя первыя распоряженія, сдѣланныя имъ тотчасъ по прибытіи въ Римъ, для окончательнаго рѣшенія по дѣлу папскаго престола. Первымъ дѣломъ его было созвать еще разъ торжественный соборъ, на который явился и онъ самъ, во всемъ своемъ царственномъ величіи, въ сопровожденіи герцоговъ и князей имперіи, чтобы напомнить собранію о правахъ его на избраніе и пригласить присутствующихъ немедленно приступить къ исполненію. Но—сказалось ли въ епископахъ искреннее чувство ихъ нравственнаго недостоинства, вызванное этимъ высокимъ примѣромъ безкорыстія и чистоты намѣреній, который они видѣли на императорѣ, или они хотѣли угодить ему своею безотвѣтною покорностію—что впрочемъ менѣе кажется вѣроятнымъ—только собраніе единогласно отклонило отъ себя честь, великодушно предложенную ему отъ императора, и предоставило все дѣло его собственному выбору, его волѣ, его рѣшенію. «Въ присутствіи короля»—отвѣчали они Генриху—«мы не имѣемъ никакого права на избраніе; но если бы даже и не было съ нами короля, и тогда лицо его при избраніи папы представлялъ бы собою патрицій, какъ королевскій намѣстникъ; ибо онъ не есть патрицій папы, но короля, отъ него поставляемый, дабы блюсти дѣла государственныя. Мы избирали, но выборъ нашъ палъ на недостойнаго; теперь только отъ тебя ожидаемъ мы устроенія государства по законамъ и крѣпкой защиты для святой апостольской церкви“. Тогда, чтобы придать дѣйствіямъ короля полный видъ законности, провозгласили Генриха и со всѣми его преемниками, по примѣру Карла Великаго, римскимъ патриціемъ, возложивъ на него, при радостныхъ восклицаніяхъ народа, всѣ знаки этого достоинства. Послѣ того всѣ съ новою настойчивостію приступили къ Генриху, прося его назначить преемника осужденному Григорію VI, и чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ неискренности, клятвенно обѣщались и впредь не присвоять себѣ права папскаго избранія безъ его согласія. Генрихъ III согласился. На осно-

---

горіемъ VI чистое беззаконіе, это ясно можно видѣть изъ письма, впрочемъ писаннаго нѣсколько позже, Вацо, епископа Люттихскаго, къ императору по случаю вопроса объ избраніи преемника Клименту II (пр. Кудр.).

ніи вновь предоставленнаго ему права, онъ тутъ же взялъ за руку Сюидгера (Suidger), епископа Бамбергскаго и, въ присутствіи всѣхъ членовъ собора, посадилъ его на папскій престолъ [1]. Не смотря на нарушеніе нѣкоторыхъ церковныхъ положеній этимъ избраніемъ, оно было принято со стороны духовенства со всеобщимъ одобреніемъ, и Сюидгеръ былъ признанъ папою подъ именемъ Климента II [2]. Вслѣдъ за тѣмъ новый папа вѣнчалъ Генриха императорскою короною.

Этимъ актомъ повершено было все дѣло. Со стороны Генриха III нельзя было окончить блистательнѣе. Не долго еще послѣ того оставался онъ въ Римѣ; устроивъ все, что оставалось сдѣлать въ пользу независимости папскаго престола отъ незаконныхъ притязаній римскихъ магнатовъ, императоръ отправился обратно въ Германію, уводя съ собою, для полнаго обезпеченія мира за вновь утвержденнымъ престоломъ, прежняго папу Григорія VI и одного изъ его преданнѣйшихъ приверженцевъ, носившаго темное имя Гильдебранда. Удаленіе Генриха III не произвело въ Италіи никакой замѣтной перемѣны въ теченіи дѣлъ, сила его имени была здѣсь въ то время почти столько же дѣйствительна, какъ и личное его присутствіе. Все уже пошло по направленію, указанному Генрихомъ. Но судьба какъ бы хотѣла подтвердить новыми опытами, что твердо и ненарушимо то новое высокое право, которое императорская власть въ лицѣ Генриха III такъ счастливо успѣла усвоить себѣ во время послѣднихъ распоряженій его относительно папскаго престола. Климентъ II умеръ въ концѣ того же года... Еще былъ живъ Бенедиктъ IX и думалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы снова утвердиться на престолѣ, который недавно еще почиталъ своею неотъемлемою собственностію; но въ Римлянахъ онъ не нашелъ себѣ никакого сочувствія. Вмѣсто потворства ему, они сами добровольно обратились къ императору и, извѣщая его о смерти Климента, просили дать имъ новаго папу. Генрихъ III, вѣрный своимъ правиламъ, потребовалъ напередъ совѣта у епископовъ и потомъ уже назначилъ Поппо, епископа Бресчіанскаго, преемникомъ Клименту. Только одинъ голосъ возвысился, противъ этого самовластнаго распоряженія, какъ будто для того, чтобы напомнить императору, что не изчезла изъ памяти міра мысль, хотя и потемненная обстоятельствами, о главѣ церкви, не терпящемъ надъ собою ни суда, ни милости покровительства, и что есть умы и сердца, готовые тяжелыми пожертвованіями искупить свое крѣпкое убѣжденіе въ непогрѣшимость этого вѣрованія. Это былъ голосъ Вацо, епископа Люттихскаго, замѣчательнѣйшаго ума своего вѣка по глубокой воспріемлемости для современныхъ идей и сочувствію имъ всею полнотою сердца. Генрихъ не обошелъ его, спрашивая совѣта у своихъ епископовъ, и получилъ отвѣтъ, исполненный достоинства и нескрытой укоризны, который указывалъ императору на остающагося въ живыхъ Григорія VI, какъ на явное орудіе Промысла [2]. Но отвѣтъ Вацо пришелъ слишкомъ поздно, хотя и не остался

---

[1] Извѣстіе объ этомъ принадлежитъ епискому Leo von Ostia; то же самое подтверждаетъ и папа Викторъ III. Нѣкоторые впрочемъ утверждаютъ, что избраніе произошло еще въ Сутри, и притомъ съ согласія всѣхъ Римлянъ. Вмѣстѣ съ Штенцелемъ мы вѣримъ болѣе авторитету первыхъ свидѣтелей. — [2] Неправильность избранія состояла въ томъ, что Сюидгеръ былъ епископъ Бамбергскій, а по закону папою могъ быть только священникъ или діаконъ римской церкви.— [3] «Всякій» — писалъ Вацо къ императору, — «долженъ чтить папу не смотря на то, какъ расположилась жизнь его, ибо онъ такъ же не можетъ быть судимъ

безъ обратнаго вліянія[1]. Поппо вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Дамаза II, чтобы черезъ нѣсколько дней снова упразднить его своею раннею смертію. Не безъ вліянія на духъ Римлянъ должны были пройти эти два смертные случая, столько разительные по своей нечаянности: однако они не усомнились снова обратиться къ императору, чтобы просить преемника Дамазу II. На этотъ разъ выборъ, болѣе удачный, палъ на Бруно, епископа von Toul, мужа испытанной честности и неукоризненнаго поведенія, который и занялъ римскій престолъ подъ именемъ Льва IX. Съ нимъ начинается на папскомъ престолѣ новая жизнь, новая дѣятельность.

---

2. Григорій VII и Генрихъ IV.

1.

Лучшая цѣль всей царственной дѣятельности Генриха III была достигнута. Не только имперія, по своему внѣшнему могуществу и достоинству внутреннему, стояла далеко выше всѣхъ другихъ явленій христіанскаго феодальнаго міра — она даже покрыла сѣнію своей власти колеблющійся папскій престолъ и, подавая ему крѣпкую руку помощи, возстановляла его болѣе, нежели изъ простаго паденія—изъ растлѣнія нравственнаго. И на этотъ разъ, на сторонѣ императорской власти дѣйствительно было

никѣмъ, какъ никто не можетъ принять жалобы отъ низшаго лица на высшее. *Папа Климентъ II, поставленный тѣми, кто не имѣлъ на это права*, уже умеръ, а между тѣмъ низложенный Григорій VI еще пользуется жизнію. Нельзя, чтобы императоръ не видѣлъ въ этомъ перста Божія, а въ такомъ случаѣ вѣрно онъ не захочетъ искать преемника еще въ живыхъ находящемуся папѣ, противъ законовъ Божескихъ и человѣческихъ и правилъ Св. Отцовъ. Онъ же, ревностный Вацо, еще рѣшительнѣе отвѣчалъ императору въ другомъ случаѣ, именно когда Генрихъ III по своему обычаю требовалъ мнѣній епископовъ по дѣлу Виттера, еп. равеннскаго. Вотъ его слова: «*Папѣ обязаны мы послушаніемъ, тебѣ же вѣрностію*. Тебѣ должны мы давать отчетъ въ дѣлахъ свѣтскихъ, папѣ— въ духовныхъ. За то, что̀ сдѣлалъ Виттеръ противъ церковныхъ уставовъ, можетъ судить его только папа, подобно тому какъ ты судишь за дѣла гражданскія, тобою ему ввѣренныя». Нельзя не узнать въ этомъ ученіи столько сильной въ то время своимъ вліяніемъ теоріи декреталій (пр. Кудр.).—[1] Это было въ томъ же году (1047) послѣ неудачнаго похода Генриха противъ графа Голландскаго. Вацо, остававшійся за болѣзнію дома и потому не участвовавшій лично въ походѣ, долженъ былъ явиться къ раздраженному императору для оправданія. Это свиданіе императора съ Вацо подало поводъ къ замѣчательной сценѣ. Во время переговоровъ о количествѣ штрафныхъ денегъ, которыми епископъ долженъ былъ поплатиться за свой (мнимый) проступокъ, никто не подумалъ о томъ, что Вацо, дряхлый и больной старикъ, едва держался на ногахъ. Наконецъ онъ, ослабѣвши отъ утомленія, самъ обратился къ императору. «Прошу Ваше Величество, удостойте стуломъ меня, дряхлаго старика, потому что, хоть хилый и слабый Вацо недостоинъ этой чести, а все не пристало бы такъ томить передъ цѣлою толпою народа служителя алтаря, помазаннаго священнымъ мѵромъ». На это гордо отвѣчалъ императоръ: «Я самъ помазанъ св. мѵромъ; да властвую надъ вами.»—Но еще горделивѣе возразилъ епископъ: «Ваше помазаніе дано вамъ къ смерти, а наше—да другихъ творимъ живыми, и какъ жизнь выше смерти, такъ наше помазаніе выше вашего.» (пр. Кудр.).

не одно превосходство внѣшней силы, но и преимущество нравственное. Даже соборъ духовныхъ долженъ былъ принять въ руководство своимъ дѣйствіямъ безукоризненныя внушенія императора, и сами папы, поставляемые его безусловною волею, слѣдовали въ своей дѣятельности *его же* началамъ, употребляли свои усилія на осуществленіе *его же* идей и стремленій. Въ то самое время, какъ неизмѣнный въ своихъ убѣжденіяхъ Генрихъ III ратовалъ въ Германіи противъ грѣховной силы и, созывая цѣлые соборы епископовъ, подымалъ противъ нея всю германскую церковь [1], Климентъ II, вѣрный отголосокъ духовныхъ стремленій императора, начавшій съ того, что еще въ его присутствіи держалъ соборъ въ Римѣ противъ того же злоупотребленія, дѣятельно продолжалъ поддерживать тѣ же самые виды въ Италіи [2]. Когда же на престолѣ папскомъ явился ревностный Бруно, виды Генриха относительно очищенія церкви отъ всѣхъ злоупотребленій получили даже самое полное и блистательное развитіе. Левъ IX явился не просто вѣрнымъ сподручникомъ Генриха III, дѣйствующимъ изъ послушанія власти высшей, но горячимъ его послѣдователемъ, который велъ дѣло съ жаромъ собственнаго глубокаго убѣжденія и по своей ревности къ церкви опережалъ даже самого императора. Всѣ требованія, заключавшіяся въ общемъ вопросѣ объ исправленіи церковныхъ злоупотребленій, одно за другимъ открыто поставляемы были на видъ всему христіанскому міру, каждое въ своей рѣзкой отдѣльности, и всеобщій судъ церкви призывался на каждое отступленіе отъ законнаго устава. Со рвеніемъ не слабѣющимъ преслѣдуя эти планы, неутомимый папа, какъ глава всей церкви, признанный въ этомъ качествѣ всеобщимъ сознаніемъ, не разъ оставлялъ предѣлы Италіи, переходилъ Альпы, являлся въ Бургундіи, Бельгіи, Саксоніи и даже на предѣлахъ Венгріи и всюду воздвигалъ бури церковнаго суда противъ тѣхъ, которые своею жизнію или дѣлами оскорбляли строгость церковныхъ постановленій [3]. При такой горячности къ дѣлу преобразованія церкви со стороны папы, императору оставалось

---

[1] Это было тотчасъ по прибытіи Генриха въ Германію (въ іюнѣ 1047). Собравши епископовъ, Генрихъ началъ говорить къ нимъ: «Съ горькимъ чувствомъ обращаюсь къ вамъ, которые заступаете Его мѣсто въ церкви, искупленной его кровію. Ибо какъ самъ Онъ по неизреченной къ намъ милости Божіей рожденъ изъ нѣдръ Бога Отца отъ Дѣвы Маріи, такъ повелѣлъ Онъ и своимъ Апостоламъ, когда посылалъ ихъ въ міръ для проповѣданія спасенія: туне пріяли вы, туне и дадите. Но васъ губитъ корыстолюбіе, и потому будетъ надъ вами проклятіе, ибо продаете Благодать. Боюсь я за душу Отца моего. Ибо Онъ также во время своей жизни былъ подверженъ этому пагубному корыстолюбію. Итакъ если кто изъ васъ знаетъ себя нечистымъ съ этой стороны, тотъ да сложитъ санъ свой, какъ повелѣваютъ церковныя правила», и проч. (пр. Кудр.).—[2] Бароній и Franc. Pagi говоритъ о путешествіи Климента вслѣдъ за императоромъ въ Германію; но это извѣстіе слишкомъ сомнительно, ибо, какъ полагаетъ Планкъ, основано на ошибкѣ писца въ хроникѣ (пр. Кудр.).—[3] Первый соборъ въ Римѣ, тотчасъ по вступленіи Льва IX на престолъ; на этомъ соборѣ сдѣланы строгія опредѣленія противъ всѣхъ виновныхъ въ симоніи; потомъ въ Реймсѣ, противъ той же ереси; въ Майнцѣ, гдѣ епископъ Шпейерскій только посредствомъ принятія Св. Таинъ могъ очистить себя отъ обвиненій; далѣе въ Сипонтѣ (въ южной Италіи), гдѣ также за симонію два архіепископа лишились своихъ мѣстъ; въ Мантуѣ и т. д. Соборъ въ Майнцѣ особенно замѣчателенъ потому, что на немъ въ первый разъ сказался снова давно забытый вопросъ о безбрачіи духовенства (пр. Кудр.).

только содѣйствовать усиліямъ папскаго престола и, гдѣ нужно, поддерживать его требованія силою своей власти. Такимъ образомъ мы находимъ императора въ 1049 году на соборѣ, который Левъ IX держалъ въ Майнцѣ, а въ 1052 читаемъ даже о страшной казни, которая, по суду императорскому, постигла нѣкоторыхъ еретиковъ въ Госларѣ. Казалось, между церковію, представляемою римскимъ епископскимъ престоломъ, и имперіею начиналось самое тѣсное общеніе, почти единство, ибо ихъ занимала одна мысль, воодушевляла одна и та же идея. Казалось, сглаживались всѣ рѣзкія черты, которыми духъ, оживлявшій церковь, старался обозначить ея особность и самостоятельность въ предѣлахъ самой имперіи, и въ лицѣ римскаго епископа вся церковь не насильственно, а добровольно, какъ бы по сознанію своей немощи, становилась подъ начало императорской власти, входила, какъ подчиненный кругъ, въ ея обширную систему, ибо не только не принимала отъ императора какъ милость блюстителей своего верховнаго престола [1], но и дѣйствовала въ лицѣ ихъ по его же началамъ, стремилась осуществить въ себѣ его же идеалы. Казалось, надобно было только ожидать, что двѣ идеи сольются воедино...

Но не могли слиться воедино двѣ разнокачественныя идеи. Не могло папство, не совершивъ всего круга своего развитія, не раскрывшись вполнѣ, отказаться отъ своей самостоятельности и навсегда стать подъ чужое начало. Не таково было его назначеніе, не таково было его собственное начало, начало глубоко нравственное, на которомъ зиждилось все его несокрушимое могущество, изъ котораго исходили всѣ его необоримыя средства. Назначеніе папства въ средніе вѣка было высокое, всемірно-историческое: подъ его сѣнію, подъ его нравственною опекою, должно было воспитаться новое человѣчество, укротить въ себѣ первые дикіе порывы своихъ буйныхъ чувственныхъ силъ, или дать имъ направленіе, болѣе возвышенное, болѣе благородное, и постепенно приготовиться къ будущимъ, наиболѣе человѣческимъ подвигамъ. Назначеніе имперіи было ниже, матеріальнѣе: она должна была только держать въ спасительной уздѣ бурный, безпокойный феодальный міръ, безпрерывно стремившійся къ несвоевременному разъединенію. Назначеніе папства къ дѣлу имперіи относилось почти такъ же, какъ относилась бы обязанность образователя дитяти къ долгу его охранителя. Отсюда-то проистекали и вѣковыя стремленія папства къ духовному полновластію, стремленія, которыя съ точки зрѣнія самой идеи, дѣйствительно являются не только вполнѣ законными, но даже совершенно необходимыми. Отсюда же и постоянное стремленіе папства держать въ своихъ рукахъ всю строгую цензуру нравовъ, необходимость, которая такъ ощутительна была для общества тѣхъ вѣковъ, вообще не слишкомъ твердаго на пути нравственности, что, какъ скоро ослабѣвали усилія папскаго престола, сама свѣтская власть за долгъ поставляла принять на себя его обязанности. Но если она и принимала на себя это дѣло, то не иначе, какъ на время, ибо собственная идея никакъ не уполномочивала ея на исполненіе подобной обязанности, такъ что, какъ скоро папство при чьей бы то ни было помощи снова возставало во всей своей энергіи,—свѣтской власти по прежнему оставалось только содѣй-

---

[1] Подобно тому, какъ та же самая рука самовластно замѣщала всѣ духовные престолы, находившіеся въ предѣлахъ имперіи, преданными лицами. Во время Генриха III особенно этотъ обычай такъ утвердился въ Германіи, что всякій разъ, какъ только упразднялся епископскій престолъ, императоръ самъ назначалъ новаго епископа, и его воля была закономъ (пр. Кудр.).

ствовать ему въ его нравственныхъ стремленіяхъ своимъ сильнымъ участіемъ, даже одною своею доброю волею. Не удивительно, что едва возстановленный папскій престолъ такъ скоро вошелъ въ виды Генриха III; разъ возвратившись къ своей идеѣ, онъ долженъ былъ почувствовать себя на своей родной почвѣ, узнать въ этихъ видахъ свою неотъемлемую собственность и потомъ приняться за ихъ выполненіе, конечно не изъ желанія угодить императору, но по весьма естественному стремленію осуществить свои собственныя идеальныя представленія. И чѣмъ далѣе впередъ заходило папство въ этихъ своихъ стремленіяхъ, тѣмъ болѣе оно отклонялось отъ видовъ, собственно принадлежавшихъ идеѣ имперіи, тѣмъ болѣе расходилось съ нею въ направленіяхъ, наконецъ—тѣмъ рѣшительнѣе принимало оно въ отношеніи къ ней положеніе непріязненное.

Въ другое время, когда идея папства стояла еще на низшей степени своего развитія, это могло быть нѣсколько иначе: но теперь, когда само современное сознаніе раскрыло идею въ декреталіяхъ болѣе, нежели до половины ея значенія, сліяніе ея съ другою невозможно было ни въ какомъ случаѣ. Ибо жизненная сила исторической идеи возрастаетъ по мѣрѣ ея развитія, и каждый новый моментъ въ развитіи идеи есть вмѣстѣ новое вѣрное ручательство къ независимости и самостоятельности ея положенія на исторической почвѣ. А что папство по возстановленіи своемъ совершенно вошло въ сферу, которую раскрыла для него теорія псевдодекреталій, такъ же какъ оно вошло въ виды Генриха III, доказательство этому—всѣ дѣйствія папъ, со времени Климента II, относительно всеобщаго преобразованія церкви,—дѣйствія, которыя въ такомъ объемѣ могли быть оправданы только теоріею декреталій; ибо только декреталіи распространяли власть папы на всю западную церковь. Что же касается до современнаго сознанія, которое само же и выработало всю эту систему, то оно такъ уже свыклось съ ея началами, что съ его стороны не выразилось даже никакого сомнѣнія, когда папы начали дѣйствовать своею властію въ томъ самомъ объемѣ, какой представляли имъ декреталіи. Не смотря на всеобщее почти неудовольствіе, которое возбуждали въ духовенствѣ и въ самомъ народѣ сильныя мѣры Льва IX противъ симоніи, ни одинъ голосъ не смѣлъ однако оспаривать у него этого права, и все противорѣчіе ограничивалось тѣмъ, что обыкновенно старались поставить папѣ на видъ тѣ вредныя слѣдствія, которыя могли произойти для самой церкви отъ ея же неумѣренной строгости. Но сомнѣніе могло еще таиться въ нѣкоторыхъ упорныхъ головахъ. Чтобы предупредить всякій нечаянный взрывъ его, смѣлый Левъ IX на соборѣ въ Реймсѣ самъ назвалъ собранію вопросъ и вызывалъ всѣхъ желающихъ публично оспаривать права папскаго престола на верховную власть въ церкви. Но не нашлось уже никого, кто бы осмѣлился принять на себя этотъ вызовъ и идти наперекоръ общему сознанію, и весь соборъ единодушно провозгласилъ, что „римскій первосвященникъ есть намѣстникъ апостольскій и вселенскій глава церкви“. Очевидно, что папство стояло въ отношеніи къ предъидущему моменту своего развитія на той самой точкѣ, съ которой ему ужъ оставалось только продолжать свое развитіе и открывать новую эпоху, новый моментъ своего историческаго движенія. Такая ли это была минута, чтобы папство могло слиться съ другою идеею?

Наконецъ не могло оно слиться съ другою идеею и потому, что самый способъ сближенія этой другой идеи съ папствомъ заключалъ въ себѣ столько же обязательной благодѣтельности, сколько и оскорбленія для него, и самъ собою уже возставлялъ идею папства на отомщеніе за свое оскорбленное достоинство. Въ самомъ дѣлѣ, если съ одной стороны пап-

ство обязано было благодарностію имперіи за то, что она великодушно подала ему руку помощи въ минуту опаснаго колебанія, то съ другой стороны оно не могло простить своей услужливой помощницѣ той самоувѣренности и того повелительнаго тона, съ которыми она, свѣтская имперія, взялась учить церковь—источникъ всякой нравственности—ея же нравственнымъ обязанностямъ. Ибо, исправляя церковь, императорская власть, какъ мы знаемъ, дѣйствовала по чужому началу, по началу церкви же, которое перешло въ имперію на время, за недостаткомъ доброй почвы въ настоящемъ своемъ вмѣстилищѣ. Нельзя было папству, еще носящему на себѣ позорные слѣды своего паденія, не принять чужаго урока, но нельзя было ему и забыть эту еще болѣе позорную минуту своего моральнаго униженія предъ великодушнымъ соперникомъ, крѣпкимъ на этотъ разъ чужою силою; по крайней мѣрѣ нельзя было ему, какъ богачу, случайно задолжавшему у бѣдняка, не чувствовать стыда, нося на себѣ этотъ вызванный обстоятельствами долгъ, и не имѣть никакой охоты навсегда отдѣлаться отъ этого низкаго обязательства... Далѣе: помогая папскому престолу, имперія не остановилась на одномъ благодѣяніи, но, пользуясь обстоятельствами и нѣмотою еще безмолвныхъ отъ признательности папъ, не задумалась простереть на папство и свое собственное, свѣтское начало и, подъ видомъ продолженія той же благодѣтельной услуги, обратила временное подчиненіе папскаго престола предъ императорскою властію въ кабалу постоянную и неисходную. Это было уже новое оскорбленіе, тѣмъ болѣе чувствительное для папскаго самолюбія, что дѣлано было не насильственно, не по праву одного только превосходства силы, но какъ бы изъ милости и даже по предварительному прошенію со стороны тѣхъ, которые обрекали себя на эту кабалу. Это было цѣлое плѣненіе папства, исполненное однако съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей чинопочитанія, даже съ видомъ полной законности, уничиженія въ видѣ возданія должной почести. Невозможно, чтобы папство, возвративши свое достоинство, не почувствовало тотчасъ на себѣ всей тяжести, всей тѣсноты этихъ законно-неправедныхъ узъ, чтобъ не замѣтило руки, которая сковала эти узы, чтобы наконецъ не исполнилось оно ненавистью къ этому унизительному для него покровительству и не подвигнулось противъ него съ отомщеніемъ. Ибо на почвѣ человѣчества, въ самой крови и душѣ человѣка живетъ и движется историческая идея, и волею и неволею заражается и всѣми страстями, свойственными человѣческой природѣ. Или все развитіе идеи папства до сего времени былъ одинъ призракъ, или оно должно было теперь болѣе, нежели когда-нибудь, воспылать чувствомъ вражды противъ власти имперіи; этой судьбы не могла уже отвратить никакая человѣческая сила. Еще пока папство связано было съ имперіею въ лицѣ своихъ представителей, ихъ личными интересами, пока на римскій престолъ самими папами приносились изъ Германіи—и почти врожденная преданность императорскому долгу, и духъ повиновенія высшей власти, поддерживаемой сверхъ того чувствомъ благодарности, намѣстники св. Петра могли еще носить личину пріязни къ имперіи и полнаго сочувствія къ ея выгодамъ и стремленіямъ. Но разъ только прекратись эти отношенія, разъ только развяжись папство съ своими родственными обязательствами Германіи, и ничто болѣе не могло удержать его свободнаго, независимаго полета на высоту идеи въ одной изъ крайнихъ степеней ея историческаго развитія.

И оно уже готовилось—это новое движеніе идеи впередъ, къ возвышеннѣйшему ея идеалу; зрѣло великое отмщеніе, котораго требовало оскорбленное достоинство одного начала, такъ неуважительно, такъ легко-

мысленно униженнаго другимъ подъ видомъ великодушнаго покровительства—зрѣло въ тайнѣ отъ міра, сокровенно даже отъ самихъ папъ, которые и потому уже неспособны были глубоко впитать въ себя свою идею, что приносили для нея только дряхлыя силы старости. Не на папскомъ престолѣ, а только подъ его сѣнію, въ душѣ одного преданнаго ему человѣка приготовлялось все это развитіе. Непостижимо-чуденъ этотъ малый міръ человѣческой души, столько тѣсный, что не можетъ совмѣстить въ предѣлахъ своего чувства и двухъ равно сильныхъ привязанностей, и въ то же время способный обнять и носить въ себѣ цѣлыя судьбы человѣчества—и потомъ однимъ маніемъ воли приводить его въ шумное движеніе, или мирно, но твердо вести къ своимъ цѣлямъ по одному неизмѣнному направленію. Не толпами, не во множествѣ встрѣчаются подобные избранники Провидѣнія даже на широкомъ пространствѣ исторіи; но есть они эти крѣпкія, мощныя души, которыя какъ будто для того призываетъ судьба отъ небытія къ бытію, чтобы, поставивъ ихъ на межѣ двухъ эпохъ, сдѣлать изъ нихъ вмѣстилище величайшей идеи вѣка, слить эту идею воедино со всѣмъ ихъ нравственымъ существомъ, ею, какъ единымъ содержаніемъ, наполнить ихъ мысль, волю, чувства и всю духовную жизнь, словомъ—въ ихъ индивидуальномъ образѣ олицетворить самую идею. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ глубокихъ, всеобъемлющихъ умахъ, въ этихъ желѣзныхъ характерахъ, которыхъ не могутъ сломить никакія жизненныя бури, какъ будто не бываетъ ни собственной мысли, ни собственнаго желанія: они только знаютъ волю своей идеи и только для ея цѣлей и видовъ направляютъ всѣ глубочайшія свои соображенія, всю свою мудрость, все разумѣніе. И не только свои способности, свою дѣятельность, физическія и моральныя лишенія,—все, даже оскорбленія собственной своей личности, эти вопіющія язвы души, приноситъ на жертву идеи великій духъ, ощущающій въ себѣ ея живое присутствіе. Если даже когда подобная душа позволяетъ овладѣть собою и страсти, то это—страсть не лица, не субъекта, а той же самой идеи, это ея любовь, ея ненависть, ея непрощающее мщеніе. Оттого такъ глубоки, такъ непримиримы и безжалостны страсти этихъ людей, неспособныхъ ни на какія уступки и всегда требующихъ удовлетворенія полнаго и всесовершеннаго, ибо таково свойство самой идеи, что она не знаетъ ни пощады, ни снисхожденія тому, что̀ не согласно съ ея началами; оттого же и страшное, ничѣмъ необоримое и неотвратимое могущество людей, которые носятъ въ себѣ подобныя страсти, ибо такова сила идеи, идеи всемірноисторической, нерѣдко преклоняющей цѣлый міръ предъ своимъ незримымъ могуществомъ.

2.

Былъ около папскаго престола одинъ такой человѣкъ, крѣпкій и непреклонный духъ, въ соединеніи съ натурою глубокою, страстною, полною тайнаго внутренняго огня, но всегда спокойною, самообладающею и въ высшей степени нравственною. Темно было его происхожденіе [1], безвѣстно самое имя — Гельдебрандъ; но судьба рано угадала въ немъ свое будущее великое орудіе и въ самой первой молодости поставила уже его на прямой путь къ будущему его великому назначенію. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ отецъ Григорія, простой человѣкъ, отдалъ сына на

[1] По мнѣнію достовѣрнѣйшихъ біографовъ Григорія VII, онъ родился въ Saone отъ плотника.—Неизвѣстнымъ остается даже годъ рожденія Григорія.

воспитаніе аббату одного римскаго монастыря. Тамъ, въ стѣнахъ католическаго монастыря, должна была принять въ себя эта юная, свѣтлая душа свои первыя впечатлѣнія; тамъ должны были зарониться въ нее первыя понятія, а эти понятія могли быть только строго католическія и конечно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ знала ихъ современность. Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ не мимо шла юнаго духа и первая идея вѣка, идея абсолютнаго значенія папства во всемъ христіанскомъ мірѣ. Не могъ еще конечно незрѣлый юноша обнять эту идею во всей ея обширности, чтобы тогда же обратить ее въ начало своей дѣятельности; но могъ уже, хотя бы руководясь однимъ нравственнымъ инстинктомъ, почувствовать ея вѣсъ и принять въ себя по крайней мѣрѣ какъ зерно, которое съ лѣтами должно было принести и свой плодъ. Недостойное поведеніе римскихъ епископовъ того времени не могло, правда, никому внушить высокой мысли о папскомъ престолѣ: ибо это была эпоха троепапства; но вѣрное нравствевное чувство Григорія, безъ сомнѣнія, и тогда уже помогло ему отличить идею отъ явленія и оставаться на первой, вопреки ироніи дѣйствительности. Не безъ добрыхъ слѣдствій въ пользу учрежденія той же самой идеи въ душѣ Григорія должна была остаться и поѣздка, предпринятая имъ по выходѣ изъ монастыря во Францію, о чемъ впрочемъ до насъ дошло только темное извѣстіе. Тамъ, конечно, вмѣстѣ съ лѣтами развились и его духовныя силы; тамъ, среди наблюденія и изученія, зрѣли въ глубинѣ душевныхъ помысловъ и высокія идеи, вынесенныя имъ изъ родины католицизма... Какъ бы то ни было, идеи Гильдебранда прежде всего не могли быть ниже того уровня, до котораго достигли уже нравственныя начала въ сознаніи вѣка вслѣдствіе предъидущаго развитія. Это развитіе поставляло римскую церковь на степень начала, господствующаго во всей вообще церкви и въ то же время совершенно не зависящаго ни отъ какого иного начала: отсюда началъ и Григорій [1]. Мы видѣли уже, съ какой твердостію еще въ лѣта молодости слѣдовалъ Григорій своимъ убѣжденіямъ, основаннымъ на этомъ началѣ. Впослѣдствіи, когда время, обстоятельства и въ особенности созерцательная иноческая жизнь заставляли его болѣе углубляться въ идею, онъ вошелъ въ нее всѣмъ своимъ существомъ, всѣми силами своей души, и изъ этого самоуглубленія вынесъ идею болѣе зрѣлою, болѣе мужественною, почти въ полномъ цвѣтѣ ея развитія и притомъ достаточно вооруженною, чтобы выдержать самый упорный бой съ ожесточенными ея противниками. Почти гадательно должны мы судить обо всемъ этомъ развитіи, въ главныхъ своихъ чертахъ совершившемся въ душѣ Гильдебранда, безъ сомнѣнія, еще до вступленія его на открытое поприще историческойдѣятельности,—гадательно, ибо біографъ какъ будто и не подозрѣваетъ, что внѣшней дѣятельности Григорія предшествовала дѣятельность внутренняя, разработавшая идею прежде, нежели проявила ее въ дѣйствіи. Но, по его счастію, мы имѣемъ надежнаго указателя въ послѣдующей жизни Григорія, которая вся со всѣми своими подробностями есть только вѣрное выраженіе идей, приготовленныхъ заранѣе. Слѣдуя такому

---

[1] Мы видѣли уже, какъ это начало обнаруживалось въ дѣйствіяхъ Льва IX, а душою всѣхъ дѣйствій этого папы былъ Гильдебрандъ. То же самое начало Левъ IX ясно выговаривалъ и въ сношеніяхъ своихъ съ константинопольскимъ патріархомъ.—Даже самые противники Григорія VII не оспаривали уже въ то время верховной судебной власти римскаго престола во всей западной церкви; если осуждали Григорія, то не какъ папу, а какъ человѣка извѣстной партіи.

надежному руководителю, мы можемъ указать, хотя приблизительно, главныя черты того идеала, осуществленіе котораго составило подвигъ цѣлой жизни Григорія VII.

Воспитанный вблизи папскаго престола и исполненный всею современною книжною мудростію своего вѣка въ духѣ церкви [1], Гильдебрандъ принялъ въ себя идею папства уже въ той степени ея развитія, на которую она была поставлена теоріею псевдодекреталій. По понятію же вѣка, учрежденному и общимъ согласіемъ церкви, это была верховная власть, равно простиравшаяся на всю церковь, судившая ей, но сама никѣмъ не судимая—независимая въ своей области, какъ власть самого І. Христа, переходившая черезъ ап. Петра и ко всѣмъ его намѣстникамъ. До этой точки возвели идею декреталіи, предоставивъ послѣдующему развитію разрѣшить два болѣе подробные вопроса — о содержаніи этой всеобъемлющей власти и о крайнихъ предѣлахъ, въ которыхъ должна совершиться и дѣятельность. Гильдебрандъ, какъ духъ нравственный, наполнилъ идею власти и содержаніемъ нравственнымъ, т. е. исходнымъ пунктомъ, и послѣднею цѣлію этой власти онъ поставилъ самую нравственность, правду, justitiam, въ томъ ея высокомъ значеніи, какое и тогда ужъ давала ей западная церковь [2]. Дѣло ума великаго и глубокаго. Съ такимъ понятіемъ о римской церкви, она становилась вполнѣ достойной предоставляемой ей власти, и только въ такомъ видѣ могла право служить тому великому назначенію, которое судьбы указали ей въ исторіи. Но съ этой точки зрѣнія, съ точки понятія о папскомъ престолѣ, какъ о неусыпномъ стражѣ и блюстителѣ христіанской правды, предѣлы этой власти далеко расширились за предѣлы церкви, обнимали въ себѣ всякую область и всякое пространство, гдѣ только есть мѣсто правдѣ или неправдѣ, какъ ея отрицанію. Это слѣдствіе необходимо вытекало изъ перваго начала въ системѣ Григорія. По его мнѣнію, всякій, правильно постановленный папа былъ *святъ* самими заслугами св. Петра, святъ потому уже, что былъ намѣстникомъ Петра, святъ, т. е. исполненъ правды и истины; и потомъ ему же, опять какъ намѣстнику св. Петра, принадлежала и власть вязать и рѣшить: что же бы послѣ того, хотя какъ равное, не подлежало папскому суду на землѣ? куда бы еще не простиралась нравственная власть его, и кто бы осмѣлился исключить себя изъ его предѣловъ? Здѣсь уже нѣтъ никакихъ ограниченій, здѣсь церковь не сопоставляется государству, имперіи, но со всѣхъ сторонъ расширяется около нея, обнимаетъ ее въ своихъ предѣлахъ, возвышается надъ нею по силѣ своей нравственной власти. Увѣщаніямъ и наказаніямъ папы подлежатъ столько же цари и императоры, сколько и всѣ другіе члены церкви. Это не только право, но священная обязанность папы, такъ что, если бы существующія узаконенія не благопріятствовали подобнымъ стремленіямъ, то ея же дѣло замѣнить ихъ новыми, лучшими, т. е. болѣе сообразными съ цѣлію, и если бы чья гордость дерзнула стать на пути благотворнымъ намѣреніямъ церкви, то нѣтъ никакого оружія, котораго бы папа, силою данной ему власти, не въ правѣ былъ употребить на ослушника, не смотря ни на лицо его, ни на званіе: ибо ослушникъ повелѣній папскаго престола есть противникъ власти Духа Божія. Только въ такомъ, неограниченномъ никакою земною властію полномочіи верховнаго апостольскаго престола видѣлъ

---

[1] Объ этомъ, какъ мы видѣли, свидѣтельствуетъ Ламбертъ, и часто упоминаетъ самъ Григорій въ своихъ посланіяхъ.—[2] Justitia—это было первое, и второе, и послѣднее слово Гильдебранда.

Григорій VII вѣрное ручательство того благодатнаго мира и спокойствія, котораго онъ столько желалъ для блага церкви и всего христіанства.

Очевидно, что съ этими понятіями о папской власти, разработанными глубоко-нравственнымъ духомъ Григорія, идея папства вступила въ новый, важнѣйшій моментъ своего развитія. Подобныя стремленія обнаруживались, правда, и гораздо ранѣе; почти къ той же самой цѣли направлялись усилія папъ Іоанна VIII, Николая I, Адріана II; но это были только первые, ранніе порывы силы, которая не успѣла еще вполнѣ сознать себя, преждевременныя стремленія, безсильныя произвести что-нибудь и по недостатку твердыхъ началъ, и по своей рѣзкой раздѣльности въ проявленіяхъ. Теперь же въ свѣтломъ умѣ Григорія всѣ эти отдѣльныя стремленія сводились къ одному прочному основанію и образовали собою единую правильную систему, — крѣпкую и твердостію своихъ началъ, и строгою послѣдовательностію выводовъ, что̀ давало усиліямъ папскаго престола характеръ могущества разумнаго, а потому неодолимаго.

Но какъ бы ни высоко поставляло римскій престолъ новое развитіе, во всякомъ случаѣ это былъ только идеалъ, для достиженія котораго дѣйствительно униженное состояніе церкви и въ особенности апостольскаго престола не представляло почти никакихъ надеждъ. Тотъ, чей внимательный взоръ постоянно былъ устремленъ на церковь и всѣхъ важнѣйшихъ ея дѣятелей, не могъ не видѣть этого разительнаго контраста между своимъ высокимъ идеаломъ и дѣйствительнымъ состояніемъ церкви, и тѣмъ сильнѣе долженъ былъ чувствовать въ себѣ желаніе вывести ее изъ этого позорнаго униженія, чѣмъ болѣе углублялся умомъ въ свои возвышенныя идеи. Ибо къ чему бы служили всѣ теоріи, когда бы тѣ не находили себѣ никакого приложенія? Не Гильдебранду было найти полное удовлетвореніе въ отвлеченномъ созерцаніи совершенства своихъ идеаловъ; напротивъ въ томъ-то и рѣдкое величіе этого сильнаго духа, что идея составляла въ немъ столько же жизнь сердца, сколько и головы, и что разъ предавшись мысли, онъ уже всею силою воли устремлялся на ея осуществленіе. Но какое было средство возвратить церковь къ первоначальной ея чистотѣ? Средство самое простое и естественное, выходившее прямо изъ понятія о церкви. Все, что̀ непосредственно исходило изъ нѣдръ самой церкви, что̀ прямо вытекало изъ ея началъ, словомъ — всѣ проявленія ея собственной, независимой дѣятельности не могли положить на нее никакого пятна нечистоты, потому что чисто и свято ея основаніе. Итакъ вся нечистота, омрачавшая свѣтлый ликъ церкви, привходила извнѣ, со стороны, слѣд. отъ міра, отъ его тлетворнаго вліянія. Соблюсти церковь въ чистотѣ и навсегда обезопасить отъ яда этой губительной заразы значило поэтому устранить отъ нея всякое постороннее вліяніе, освободить ее изъ подъ ига всякой мірской власти. Подобное рѣшеніе было уже, безъ сомнѣнія, своего рода крайностію, ибо стремилось разъединить явленія, нераздѣльныя по своей сущности, и потому переходило въ область чистой рефлексіи: но тѣмъ не менѣе оно такъ сообразовалось съ аскетическимъ направленіемъ Григорія и открывало такое обширное поприще его жаждущему дѣятельности духу, что на преслѣдованіе этой, хотя и фантастической цѣли, не могъ онъ не устремить всѣхъ силъ своей души. Первый предметъ, на который вслѣдствіе этого рѣшенія устремлялась вся великодушная заботливость Григорія, были самыя власти церкви, ибо онѣ поставлялись ею, чтобы своимъ примѣромъ и всею своею жизнію свѣтить цѣлому міру на пути его къ нравственному совершенству, и между тѣмъ, по укоренившемуся злому обычаю вѣка, никто болѣе ихъ не зависѣлъ отъ пагубнаго вліянія мірскаго владычества, никто далѣе

ихъ не отступалъ отъ своего назначенія. Разорвать эти узы, которыми церковь въ самыхъ главахъ своихъ связывалась съ міромъ и всѣмъ его зловреднымъ вліяніемъ, и разорвать ихъ въ самомъ источникѣ, тамъ, гдѣ они только начинались, т. е. въ дѣлѣ самого избранія представителей церкви, обыкновенно состоявшаго въ зависимости отъ свѣтскихъ властителей,—въ этомъ, по убѣжденію Григорія, заключалась первая и важнѣйшая задача преобразованія церкви, котораго требовали его возвышенныя идеи. Здѣсь, на этомъ пунктѣ, стремленія Гильдебранда сходились даже съ требованіями имперіи, ибо какъ тѣ, такъ и другія выражались въ рѣшительномъ противодѣйствіи столько усилившемуся злу симоніи; потому и не удивительно, что Григорій VII въ началѣ своей дѣятельности нисколько не думалъ нарушать добраго согласія между церковію и имперіею, или точнѣе, между папскимъ престоломъ и императоромъ; ибо постоянно видѣлъ въ послѣднемъ только вѣрнаго и усерднаго союзника, всегда готоваго способствовать видамъ церкви своимъ вліяніемъ и могуществомъ. Впрочемъ всѣ эти строгія мѣры противъ симоніи шли такъ явно наперекоръ стремленіямъ всего феодальнаго міра, что, не смотря на всю непріязнь императора, должны были нажить себѣ много враговъ среди феодальныхъ властителей. Но, начиная очищеніе церкви отъ самыхъ вершинъ ея, не здѣсь думалъ остановиться Григорій въ осуществленіи идей своихъ. Это было только начало дѣла, а глубокій духъ его требовалъ удовлетворенія полнаго и всесовершеннаго; отъ вершинъ до корня долженъ былъ онъ провести свою любимую систему, отсѣкая всѣ дикіе наросты, нерѣдко отвлекавшіе отъ дерева лучшіе его соки,—и развѣ тогда только могъ успокоиться отъ трудовъ своихъ. Но до этой цѣли было еще далеко. Предполагая даже, что зло симоніи подавлено уже въ самомъ своемъ зародышѣ, Григорій однако могъ ясно видѣть, что хотя бы церковь и свободно возносила главу свою надъ міромъ, но тѣломъ она тѣмъ не менѣе примыкала къ тому же самому міру, питалась его соками, заражалась его дыханіемъ. До тѣхъ поръ, пока церковь цѣлымъ своимъ составомъ не отдѣлилась бы отъ міра и его отношеній, до тѣхъ поръ Григорій не могъ даже мечтать объ осуществленіи своего высокаго идеала. Потребенъ былъ мечъ Александра, чтобы разсѣчь этотъ новый неразрѣшимый узелъ, но для энергическаго духа Гильдебранда ничто не казалось невозможнымъ, и онъ рѣшилъ въ глубинѣ своей души—однимъ оглушительнымъ ударомъ разорвать самыя крѣпкія, самыя естественныя узы, искони вѣковъ связывающія церковь съ міромъ, рѣшилъ разорвать всѣ брачные узы внутри самой церкви и положить между ею и міромъ рубежъ вѣчный, непереходимый[1]. Смотря съ современной точки зрѣнія на это ультро-аскетическое рѣшеніе, нельзя конечно не видѣть, что оно еще болѣе заходило въ область невозможнаго, фантастическаго, и потому рѣшительно было неисполнимо, какъ мечта; но съ другой стороны нельзя и не подивиться непоколебимой твердости этого ума, съ рѣдкою смѣлостію постоянно простирающагося впередъ въ послѣдовательномъ развитіи своихъ идей, и необъятной силѣ этого духа, съ такою безпримѣрною отвагою выступающаго въ открытый бой со всѣми живыми силами своего времени: ибо сильныя мѣры, которыми Григорій

---

[1] Мысль эта была впрочемъ не новая. Самъ Григорій въ своихъ посланіяхъ приводитъ въ подтвержденіе ей постановленія своихъ предшественниковъ, но ни у кого, какъ у Григорія VII, не вытекала она съ такою послѣдовательностію изъ идеи, и никто не устремлялся на исполненіе ея съ такою энергіей (пр. Кудр.).

поддерживалъ свои требованія, вооружали противъ него ненавистію и злобою даже тѣхъ, чей голосъ одинъ могъ бы еще служить опорою его возвышеннымъ стремленіямъ[1]. И однако не здѣсь еще былъ конецъ всему замышленію. Чтобы противъ общаго мнѣнія и наперекоръ всѣмъ страстямъ привести въ исполненіе этотъ исполинскій планъ реформы, не довольно было только духа великаго—надобно еще было имѣть и власть законную, почти неограниченную, по крайней мѣрѣ не зависящую въ своихъ направленіяхъ ни отъ какихъ внѣшнихъ условій. Такою властію могла располагать, по идеѣ Григорія, римская церковь, заключавшая въ себѣ всю полноту власти, данной вообще церкви ея божественнымъ основателемъ и его святыми апостолами. Но тому, что̀ такъ ясно, такъ законно слѣдовало римскому престолу по теоріи, далеко не соотвѣтствовало дѣйствительное его положеніе. Старый, освященный вѣками обычай, въ основаніи котораго лежала мысль, теперь уже ложная, о равенствѣ римскаго епископа въ правахъ съ прочими епископами христіанскаго Запада, поставлялъ избраніе намѣстниковъ Св. Петра болѣе или менѣе въ зависимости отъ власти императора; послѣднія же несчастныя обстоятельства не только дали этому обычаю всю силу закона, но еще простерли вліяніе свѣтской власти на распоряженія папскаго престола гораздо далѣе; со времени низложенія Григорія VI, папы являлись уже только исполнителями воли императорской. Нельзя, чтобы свѣтлый умъ Гильдебранда, въ которомъ сливались въ единство идея и ея проявленіе, не былъ тотчасъ пораженъ этимъ рѣзкимъ противорѣчіемъ, болѣе яркимъ, нежели всѣ прочія, противорѣчіемъ, которое одно въ состояніи было остановить успѣхъ всего огромнаго предпріятія; нельзя, чтобы послѣ того онъ не захотѣлъ уничтожить это противорѣчіе со всею непоколебимою рѣшимостію своей воли и на самомъ дѣлѣ осуществить идеалъ той свободной, независимой, абсолютной власти, къ которой приводило римскій престолъ все предъидущее развитіе и въ которой для Григорія заключалось единственное средство для осуществленія нравственнаго господства церкви надъ цѣлымъ міромъ... Отсюда, съ этой мысли долженъ былъ Григорій даже начать исполненіе всего своего замысла, ибо безъ того всѣ прочія стремленія не имѣли бы ни твердой опоры, ни полнаго значенія. Пока имперія воодушевлена была однимъ духомъ съ церковью, это смѣлое предпріятіе, впрочемъ ясно стремившееся къ униженію всякой свѣтской власти, могло созрѣвать въ тиши, исподволь, даже безъ нарушенія мирныхъ отношеній къ императору; впослѣдствіи же, если бы имперія, угадавъ цѣль этого стремленія, рѣшилась стать на пути ему и враждебно препятствовать его дальнѣйшему движенію, все давало право римскому престолу разорвать прежній союзъ и даже открыто возстать на императора, какъ на врага, съ мечомъ его страшнаго глагола изрекающаго судъ и проклятіе всякому, кто бы дерзнулъ не благоговѣть предъ властію Св. Петра и его намѣстниковъ[2]).

Вотъ какіе колоссальные замыслы приносилъ Григорій изъ своего

---

[1] Не здѣсь мѣсто разсматривать во всей подробности этотъ важный вопросъ, столько занимавшій современниковъ Григорія и возобновляемый почти каждымъ новымъ біографомъ. Замѣчательно, что идеи Григорія прямо вытекали изъ духа времени, и что если даже, увлекаясь своими идеалами, онъ вдавался въ крайности, то это были крайности души великой, исполненной глубочайшей преданности своей идеѣ и неспособной довольствоваться никакими полумѣрами (пр. Кудр.).—[2] Такія мысли Григорій VII высказывалъ уже при самомъ вступленіи своемъ на престолъ (пр. Кудр.).

Клюнійскаго уединенія къ подножію римскаго престола, и вотъ источникъ того горячаго воодушевленія и тѣхъ живыхъ, высокихъ стремленій, которыя вдругъ и такъ неожиданно пробудились на этомъ самомъ престолѣ со времени вступленія на него Льва IX. Изумительно величіе древняго Рима, посылающаго свои повелѣнія во всѣ концы вселенной; но можетъ быть никогда еще не вмѣщалъ онъ въ стѣнахъ своихъ такого великаго духа, ибо этотъ духъ хотѣлъ управлять изъ Рима не только дѣйствіями людей, но—именемъ правды—и самою ихъ волею, совѣстію и всѣми нравственными убѣжденіями. Но страшное могущество древняго Рима опиралось на несокрушимой силѣ воинственныхъ легіоновъ, всегда и на всѣхъ пунктахъ готовыхъ вооруженною рукою поддерживать и мстить за честь своего повелителя; а тотъ, кто сооружалъ въ Римѣ новое могущество, не имѣлъ у себя другой опоры, кромѣ того камня, на которомъ утверждалось все воздвигаемое имъ зданіе, ни другаго оружія, кромѣ меча Св. Петра. Даже самый этотъ Римъ, которому судьба предоставила честь вмѣщать въ своихъ стѣнахъ величайшее могущество новаго міра, онъ-то и показывалъ всего менѣе усердія и ревности къ чести и славѣ своего престола и первый же отлагался отъ него, когда наиболѣе было нужно его пособіе [1]. Число же явныхъ враговъ апостольскаго престола не уменьшалось, но увеличивалось въ страшной прогрессіи по мѣрѣ того, какъ тотъ, кто составлялъ его жизнь и душу, простирался далѣе и далѣе въ стремленіи къ однажды установленной цѣли. Не только власти свѣтскія, даже все большинство церкви, самые служители алтарей ея, тѣ, которыхъ Григорій хотѣлъ вознести вмѣстѣ съ собою на высоту своего идеала, и они всѣ, связанные съ міромъ узами самыми кровными, должны были наконецъ возстать противъ него и толпою новыхъ ожесточенныхъ враговъ умножить число постоянныхъ противниковъ папскаго величія [2]. А тамъ, впереди, грозило еще въ лицѣ императора и самое высшее, крайнее могущество міра, которое рано или поздно также должно было наконецъ обрушиться на римскій престолъ всею своею тяжестію. Какъ бы ни былъ великъ духъ, управлявшій въ такую опасную минуту этимъ престоломъ, но уже и простое благоразуміе требовало отъ него величайшей бдительности и осторожности, чтобы выдержать борьбу съ достоинствомъ и не сдѣлаться жертвою волнъ, со всѣхъ сторонъ устремлявшихся на утлое

---

[1] Въ самомъ дѣлѣ, по привычному ли духу вольности, по непостоянству ли и страсти къ перемѣнамъ, или просто по тому, что всякое могущество страшно только издали и скоро присматривается вблизи, только Римляне всего болѣе благоговѣли передъ папскимъ престоломъ, всего менѣе были его подданные: еще болѣе они были первыми и ближайшими врагами, первыми поносителями этого столько грознаго для другихъ могущества, которое часто трактовали съ легкомысліемъ, равнымъ крайнему презрѣнію. Стоитъ только припомнить поступокъ Ценціуса съ самимъ Григоріемъ (пр. Кудр.)— [2] Мы не думаемъ, чтобы въ наше время могли еще имѣть какое-нибудь значеніе всѣ близорукія, въ высшей степени ограниченныя сужденія, которыя во всей великой, всемірно-исторической дѣятельности Григорія хотѣли видѣть только стремленія какого-то пустаго суетнаго честолюбія; однако не считаемъ лишнимъ указать старовѣрамъ на это важное обстоятельство: пусть они поразсудятъ хотя сами съ собою—какъ же этотъ честолюбецъ могъ такъ неосторожно, совершенно безъ нужды, вооружить противъ себя самыхъ ближайшихъ своихъ сподручниковъ, если у него въ самомъ дѣлѣ не было никакихъ нравственныхъ убѣжденій, и если главнымъ мотивомъ его дѣятельности было одно честолюбіе? (пр. Кудр.).

судно намѣстниковъ Св. Петра. Надобно было собрать всѣ силы, употребить всѣ мѣры, чтобы устоять противъ этого буйнаго напора валовъ. Бдительный кормчій Гильдебрандъ видѣлъ всѣ опасности, угрожавшія одинокому кораблю его, и заранѣе старался укрѣпить его на якорѣ. Послѣдній ударъ однако казался самымъ опаснымъ, и Григорій искалъ вокругъ себя средствъ, чтобы во всякомъ случаѣ имѣть противъ него надежную опору. Этою опорою всего скорѣе могло служить крѣпкое оружіе новыхъ воинственныхъ сосѣдей Рима, стремившихся къ нему съ юга Италіи. Туда устремилъ Григорій дальновидный взоръ свой.... Но возвратимся къ Льву IX, ибо, хотя отнынѣ невидимою душою всѣхъ дѣйствій папскаго престола неизмѣнно оставался тотъ же Григорій, но исторія знаетъ ихъ только подъ именемъ Льва IX, и по смерти его, подъ именемъ другихъ папъ, его преемниковъ.

3.

Смерть Льва IX, послѣдовавшая въ томъ же году, не измѣнила и не могла измѣнить ни въ одной чертѣ духа и направленія папскаго престола: ибо этотъ духъ такъ же твердо стоялъ около него и такъ же твердою рукою направлялъ всѣ его стремленія. Левъ IX чувствовалъ это болѣе, нежели кто другой, и умирая поручилъ церковь попечительству своего мудраго совѣтника.

Много поводовъ къ соблазну было въ теперешнемъ положеніи Гильдебранда: передъ нимъ, почти въ его рукахъ, былъ престолъ, который онъ же самъ старался поставить на чреду перваго престола въ мірѣ; для него, ревнителя свободы папства, представлялся случай произвести новый выборъ мимо прямаго участія власти императорской. Но выше соблазна былъ этотъ крѣпкій духъ, никогда не отдѣлявшій своихъ личныхъ интересовъ отъ интересовъ своей великой идеи. Мудрость врожденная и уже искушенная опытомъ тотчасъ говорила ему, гдѣ и какой шагъ былъ бы несвоевременнымъ и потому ошибочнымъ, и твердая воля давала ему силы удержаться въ предѣлахъ благоразумія. Еще рано и потому крайне неблагоразумно было бы для церкви возбуждать противъ себя ненависть тамъ, откуда еще она могла ожидать себѣ самаго вѣрнаго и вмѣстѣ самаго безкорыстнаго содѣйствія своимъ видамъ: ибо имперіею правилъ тотъ же самый Генрихъ. Искать престола для себя также не имѣлъ нужды Григорій; ибо былъ слишкомъ выше простаго честолюбца, чтобы суетно добиваться титла, когда уже носилъ въ себѣ весь внутренній смыслъ его. Не самая власть нужна была Гильдебранду, а новая форма, новое имя, которымъ бы онъ могъ, какъ именемъ Льва IX, маскировать свои дѣйствія, чтобы вѣрнѣе и безопаснѣе направлять къ своимъ возвышеннымъ цѣлямъ. Итакъ, въ качествѣ повѣреннаго отъ римскаго духовенства отправился онъ къ императору просить его о назначеніи новаго папы [1]. Это значило почти все равно, какъ если бы римское духовенство просило императора дать Гильдебранду на будущіе годы—другое имя, вмѣсто прежняго имени Льва IX... Впрочемъ Григорій не способенъ былъ

---

[1] Съ Григоріемъ были еще два монаха. Въ Германіи, гдѣ хорошо знали, но плохо понимали Григорія, приняли его и прочихъ его спутниковъ за искателей папскаго престола и обязали клятвою не мѣшаться въ избраніе новаго папы. Можно представить себѣ, какъ много ироніи выражало лицо Григорія, когда онъ давалъ это обѣщаніе (пр. Кудр.).

заниматься одними формальностями: всему хотѣлъ онъ дать разумный смыслъ, изъ всего извлечь прямую и существенную пользу для своего престола, сообразно съ своими цѣлями. Не одного только новаго имени хотѣлъ онъ для римскаго престола, нѣтъ, онъ хотѣлъ ему и новыхъ, бодрыхъ силъ мужа, крѣпкаго словомъ и дѣломъ,—и вліяніемъ его, этого самаго Гильдебранда, въ которомъ Германія не подозрѣвала ничего болѣе, кромѣ обыкновеннаго честолюбца, но который въ самомъ дѣлѣ былъ уже самой судьбой папства, выборъ палъ на достойнѣйшаго по общему признанію, духовнаго сановника въ Германіи, совѣтника, друга и родственника императора, Гебгарда, епископа Эйхштедтскаго. Какъ членъ имперіи, Гебгардъ не показывалъ прежде большаго усердія къ интересамъ папскаго престола; но Гильдебрандъ такъ вѣрилъ въ выспреннюю силу идеи, на которой утверждался этотъ престолъ, такъ хорошо зналъ ея способность—покорять себѣ самые негибкіе умы вѣка, что ему довольно было личныхъ достоинствъ человѣка, чтобы вручить ему папскую власть, не смотря ни на какія его прежнія убѣжденія [1]. Не охотно разставался Генрихъ III съ умнымъ своимъ совѣтникомъ, и какъ бы желая выразить всю искренность своей привязанности къ Гебгарду отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Италію [2]. Тамъ на равнинахъ Ронкальскихъ, собралъ онъ князей на совѣтъ и торжественнымъ судомъ надъ маркграфомъ Адельбертомъ напомнилъ Италіи, что не умерла еще эта грозная власть, которая назадъ тому нѣсколько лѣтъ приходила судить самому Риму, и что не ослабѣла еще рука, которая держала скипетръ этого страшнаго могущества. Между тѣмъ Гебгардъ прибылъ въ Римъ и былъ провозглашенъ папою подъ именемъ Виктора II.

Викторъ II въ самомъ дѣлѣ приносилъ съ собою на престолъ только новыя силы. Тотъ же духъ, то же направленіе остались во всей своей значительности. Крѣпкая рука, приводившая въ движеніе всѣ пружины, которыя какъ жилы протягивались отъ римскаго престола во всѣ стороны, не знала себѣ ни малѣйшаго послабленія. Но этого мало: духъ Григорія неспособенъ былъ долго останавливаться на одной точкѣ. Благодаря

---

[1] Это былъ тотъ самый Гебгардъ, который отклонилъ императора подать помощь Льву IX противъ Норманновъ: по его совѣту, войско, назначенное уже въ этотъ походъ, было отозвано назадъ.—Le Bret и затѣмъ Шреккъ хотятъ видѣть въ этомъ поступкѣ Гильдебранда образецъ его тонкой и дальновидной политики, полагая, что возведеніемъ Гебгарда на папскій престолъ онъ хотѣлъ лишить имперію лучшаго ея совѣтника, который болѣе всѣхъ понималъ ея истинныя выгоды и потому могъ быть ей наиболѣе полезенъ. Планкъ оставляетъ это подъ сомнѣніемъ. Но намъ кажется, что приписывать подобную мысль Григорію значитъ обвинять его въ самомъ тонкомъ и почти злобномъ коварствѣ, къ которому онъ по величію своего духа рѣшительно былъ неспособенъ. Ясно, что къ такому ложному мнѣнію привело историковъ излишнее усердіе возвысить, впрочемъ и безъ того высокій, умъ Григорія, хотя бы то съ забвеніемъ другихъ превосходнѣйшихъ качествъ его души (пр. Кудр.).—[2] Другою, чисто политическою причиною втораго похода Генриха III въ Италію были тѣ опасенія, которыя возбуждало въ императорѣ усиленіе могущества Готфрида въ сѣверной Италіи. Впрочемъ Готфридъ спѣшилъ заявленіемъ покорности предупредить гнѣвъ императора. Съ своей стороны Генрихъ, и самъ опасаясь коварнаго Готфрида, хотѣлъ обезоружить его своею снисходительностію и снялъ съ него свою императорскую опалу. Но какъ бы въ залогъ вѣрности мужа, Беатриса должна была отправиться вмѣстѣ съ дочерью въ Германію (пр. Кудр.).

горячей, нетерпиливой рѣшительности Льва IX, мысль о необходимости строжайшей духовной дисциплины, по идеалу, оставленному Гильдебрандомъ, была уже пущена въ духъ и даже успѣла принять видъ общей потребности всей церкви. Но теперь оставалось еще осуществить эту идеальную мысль и провести ее во всѣхъ подробностяхъ вездѣ, гдѣ только успѣло пустить корни папское могущество.

Для достиженія этой цѣли не было средства болѣе вѣрнаго и рѣшительнаго, какъ непосредственное, личное присутствіе самого папы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только надобно было дѣйствовать его именемъ; а между тѣмъ и эта мысль о вездѣ-присутствіи папы также была важною задачею въ своемъ родѣ, которая казалась рѣшительно неисполнимою, какъ по многочисленности тѣхъ пунктовъ, гдѣ требовалось присутствіе папы, такъ и по необходимости постояннаго пребыванія его въ Римѣ. Да къ тому же и личный характеръ папы не всегда могъ выгодно приходиться по этой цѣли: не всѣ были такого горячаго и нетерпѣливаго нрава, какъ Левъ IX. Творческій умъ Григорія помогъ ему однако разрѣшить и эту трудную проблему самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ римской церкви, по частымъ ея сношеніямъ съ государями и епископами мѣстныхъ церквей, еще въ IX вѣкѣ ввелось въ обычай вести эти сношенія и переговоры черезъ особенныхъ чиновниковъ, которые посылались отъ римскаго двора въ качествѣ повѣренныхъ и носили названіе легатовъ. Они не имѣли никакой особенной власти, и все дѣло ихъ обыкновенно ограничивалось исполненіемъ даннаго порученія. Гильдебрандъ какъ нельзя лучше воспользовался этимъ учрежденіемъ для своихъ цѣлей. Оставивъ легатовъ дѣйствовать тѣмъ же именемъ, онъ далъ имъ все полномочіе, какое только могъ давать папа своимъ намѣстникамъ, и такимъ образомъ сдѣлалъ изъ нихъ полныхъ представителей папской власти въ ея современномъ значеніи, которыхъ папа могъ назначать и употреблять для своихъ цѣлей всюду, гдѣ только считалъ онъ нужнымъ дѣйствовать всею своею властію [1],—всюду: потому что, расширяя власть, Гильдебрандъ расширилъ и кругъ дѣйствія папскихъ легатовъ; назначаясь вообще для обозрѣнія епархій, ad visitandas provincias, они становились въ нѣкоторомъ смыслѣ всевидящимъ окомъ папства, равно устремленнымъ на всѣ важнѣйшіе пункты, которые римскій престолъ хотѣлъ подчинить своему единому началу. Казалось бы, что въ этомъ измѣнившемся учрежденіи снова повторялась мысль Карла Великаго: и въ самомъ дѣлѣ, по основной своей мысли, эти легаты были почти то же, что missi великой имперіи Карловой, но съ тѣмъ важнымъ различіемъ, что легаты Григоріевы были уже миссами новой, духовной имперіи, сооружаемой геніемъ того же самаго Гильдебранда надъ областію прежней, феодальной, и что этимъ миссамъ принадлежало право не только ревизіи, но и полновластнаго распоряженія всѣми дѣлами ревизуемой церкви по собственному усмотрѣнію [2]. Само собою разумѣется, что власти митрополитовъ и епископовъ, сохранившихъ еще и послѣ Исидоровыхъ декреталій нѣкоторыя преимущества въ управленіи своими церквами, симъ учрежденіемъ наносился окончательный ударъ. Дѣйствуя въ смыслѣ все-

---

[1] Полное развитіе этой мысли собственно принадлежитъ уже тому времени, когда Гильдебрандъ самъ занималъ папскій престолъ, что впрочемъ доказываетъ только, что эта мысль о легатствѣ вполнѣ принадлежала Григорію. За честь своихъ легатовъ Григорій стоялъ съ такимъ же жаромъ, какъ и за свою собственную. —[2] Такъ въ посланіи Александра II къ Гальскимъ епископамъ сказано, что къ нимъ отправляется въ качествѣ легата кардиналъ Петръ Даміани (пр. Кудр.).

могущества папской власти, легатъ не только предсѣдательствовалъ на соборахъ, очень мало или вовсе не заботясь о правахъ мѣстнаго митрополита, но и по собственному произволу могъ отмѣнять его рѣшеніе и изрекать свой приговоръ, не спрашивая напередъ папскаго согласія. Такъ умно соображены были всѣ обстоятельства и такъ глубоко задумано это новое установленіе! Но послѣ этого оставался еще одинъ важный вопросъ: какимъ образомъ привести эту мысль въ исполненіе? Ибо—одинъ неосторожный шагъ, одинъ неудавшійся опытъ, недостатокъ твердости просто, и все предпріятіе могло потеряться въ самомъ зародышѣ. Гильдебрандъ видѣлъ это и принялъ на себя подвигъ перваго опыта. Облекшись всѣмъ полномочіемъ новой власти, отправился онъ во Францію и держалъ соборъ въ Ліонѣ. Надобно ли прибавлять, что успѣхъ этого перваго опыта былъ полный и совершенный? По приговору неумолимаго легата многіе виновные епископы лишены были своихъ мѣстъ, и между тѣмъ никто не смѣлъ протестовать не только противъ этого рѣшенія, но даже и противъ неслыханнаго права произносить его,—права, будто бы принадлежащаго папскому посланному. Можно бы подумать, что французская церковь догадывалась, кто судилъ ее въ лицѣ этого посланнаго.

Недолго впрочемъ имя Виктора II оставалось въ хроникѣ папскаго престола: въ 1057 не стало этого достойнаго мужа. Послѣдніе дни его были освящены послѣднимъ тѣснымъ и дружественнымъ союзомъ папства съ имперіей. Предчувствуя приближеніе своей смерти, Генрихъ III вызвалъ къ себѣ своего прежняго друга и совѣтника, чтобы поручить ему свое семейство и потомъ спокойно закрыть глаза, въ сладкой увѣренности, что сиротѣющіе не останутся безъ добраго покровителя [1]. Принявъ послѣдній вздохъ Генриха III, Викторъ предпринялъ обратный путь, но и самъ закрылъ глаза, прежде чѣмъ успѣлъ воротиться въ Римъ. Съ жизнію этихъ двухъ друзей какъ будто отлетѣлъ и геній, охранявшій неприкосновенность союза двухъ величайшихъ властей въ зап. христіанствѣ. Въ отсутствіе Гильдебранда тотчасъ сказался и самовольный духъ Римлянъ. Едва заслышавъ о смерти Виктора II, они тотчасъ назвали преемникомъ ему Фридриха, брата Готфрида Лотарингскаго. Подъ именемъ Стефана IX онъ въ самомъ дѣлѣ утвердился на римскомъ престолѣ. Но и новый папа не могъ избѣжать вліянія неизбѣжнаго, какъ судьба, — духа Гильдебрандова; прошло не болѣе года по смерти Виктора II, какъ Гильдебрандъ снова уже отправлялся въ Германію въ качествѣ легата папы Стефана IX. Какъ бы чувствуя, что вмѣстѣ съ этимъ легатомъ удалялся отъ римскаго престола и его животворный геній, папа тогда же издалъ декретъ, которымъ обязывалъ Римлянъ, въ случаѣ скорой своей смерти, не предпринимать ничего до возвращенія Гильдебранда [2]. Смерть въ самомъ дѣлѣ постигла Стефана IX въ то время, когда Гильдебрандъ былъ въ Германіи. Еще разъ думали своевольные Римляне воспользоваться безначаліемъ и уже провозгласили папою одного епископа подъ именемъ Бенедикта X. Но Гильдебрандъ не

---

[1] Неизбѣжный Гильдебрандъ сопровождалъ Виктора въ этомъ путешествіи. Замѣчательно впрочемъ, что нѣкоторые сомнѣваются, точно ли Викторъ предпринималъ это путешествіе, и скорѣе хотятъ вѣрить, что вмѣсто папы отправился къ двору императора одинъ Гильдебрандъ (пр. Кудр.).—[2] Это обстоятельство тѣмъ замѣчательно, что одни уже фамильные интересы должны бы были совершенно отдалить отъ Гильдебранда Стефана IX. Ибо онъ затѣвалъ употребить все свое вліяніе на то, чтобы доставить императорскую корону своему брату Готфриду (пр. Кудр.).

потерпѣлъ болѣе беззаконія на престолѣ, который былъ такъ святъ въ его глазахъ, не потерпѣлъ, ибо имѣлъ законное право не потерпѣть того. Въ силу декрета Стефана IX онъ тотчасъ извѣстилъ императрицу, которая правила именемъ своего сына, о беззаконномъ выборѣ, произведенномъ въ Римѣ, и получилъ отъ нея порученіе отправиться въ Италію и произвести тамъ, при содѣйствіи Готфрида, новый выборъ. Облеченный этимъ полномочіемъ, Гильдебрандъ обошелъ Римъ и остановилъ свою мысль на Гергардѣ, епископѣ Флорентійскомъ. Неизвѣстно, подъ какимъ вліяніемъ тотъ же самый Гергардъ былъ признанъ достойнымъ папскаго престола и совѣтомъ имперскихъ князей въ Германіи: обстоятельство, весьма благопріятное для видовъ Гильдебранда; но онъ умѣлъ еще воспользоваться имъ, чтобы сдѣлать новый, незамѣтный для перваго взгляда, но тѣмъ не менѣе важный и смѣлый шагъ впередъ. Конечно обезпечивъ себя согласіемъ со стороны императорской власти, онъ созвалъ соборъ въ Сіенѣ, осудилъ Бенедикта и съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ провелъ избраніе Гергарда, который съ помощію Готфрида и занялъ престолъ подъ именемъ Николая II [1].

Шагъ былъ смѣлый, потому что въ немъ de facto, хотя безъ словъ, хотя косвенно заключалось пренебреженіе власти императорской; на этотъ разъ, замаскированный предварительнымъ согласіемъ Гильдебранда съ императорскою властію, онъ прошелъ благополучно; впередъ могло выйти совершенно противное. Но Гильдебрандъ и не способенъ былъ дѣйствовать опрометчиво: сдѣлавъ первый опытъ почти на удачу, онъ тѣмъ болѣе спѣшилъ скрѣпить его должнымъ образомъ и обратить этотъ частный случай въ законъ постоянный и непремѣняемый, это незамѣченное покушеніе на право—посвятить въ право истинное, законное, несомнѣнное.

4.

Время же рѣшительныхъ дѣйствій уже приспѣло; мысль о непререкаемости опредѣленій папскаго престола вошла уже глубоко въ сознаніе вѣка; неусыпно бдительнаго Генриха III не было болѣе въ живыхъ, и никто конечно не понималъ столько того, что̀ потеряла въ немъ имперія, сколько Гильдебрандъ. Имперія, какъ и папство, всегда держалась лицомъ, характеромъ, а теперь не было ни характера, ни даже почти лица: императорская власть какъ-то странно была представляема въ одно и то же время, женщиною, вдовою покойнаго императора, и малолѣтнимъ отрокомъ, котораго понятія нисколько не превышали его возраста. О томъ, чтобы поддержать прежній нравственный характеръ, который было приняла на себя имперія въ послѣдніе годы, некому было и думать. Словомъ, Генрихъ III унесъ съ собою въ гробъ болѣе, нежели половину прежняго достоинства имперіи. Еще ли было ждать минуты благопріятнѣйшей характеру рѣшительному, не знающему, что̀ такое отступленіе отъ цѣли или колебаніе на пути къ ней; еще ли было задумываться и медлить, когда всѣ средства идти далѣе были у него въ рукахъ? Ибо ничто не мѣшало римскому престолу обратить свою волю въ постоянный и святой законъ—для этого достаточно было соблюденія только нѣкоторыхъ законныхъ формъ, и ничто

---

[1] Впрочемъ обстоятельства избранія Николая II такъ темны, что почти можно только угадывать мѣру участія Гильдебранда въ этомъ дѣлѣ. Мы держались въ этомъ случаѣ Фохта, который сводитъ отрывочныя указанія лѣтописцевъ (пр. Кудр.).

не даетъ повода думать, чтобы Николай II не былъ такимъ же орудіемъ въ рукахъ Гильдебранда, какимъ былъ Левъ IX и Викторъ II,—онъ, избранный Гильдебрандомъ и конечно заранѣе уже предназначенный для извѣстной цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, дѣло пошло впередъ быстро и рѣшительно. Въ 1058 г. Николай II вступилъ на престолъ, а въ 1059 г. указанъ былъ соборъ въ Латеранѣ для разсужденія о порядкѣ избранія римскихъ епископовъ на будущее время... Вопросъ, казалось, былъ простъ, т. е. не простирался далѣе своего предмета; казалось, онъ не имѣлъ другой цѣли, какъ только опредѣлить норму избранія и такимъ образомъ отдалить отъ римскаго престола недостойнѣйшихъ искателей. Но на самомъ дѣлѣ вопросъ и простирался далѣе, и имѣлъ другую дальнѣйшую цѣль. Подъ нимъ скрывалась мысль о конечномъ и законномъ освобожденіи папскаго престола отъ всякаго посторонняго вліянія; то есть Гильдебрандъ хотѣлъ освободить его и отъ своеволія римской знати, для наглости которой упразднившійся папскій престолъ всегда бывалъ любимою ареною, и всего болѣе отъ превозмогающаго все вліянія, или прямѣе, власти императорской. По понятіямъ о римской церкви вѣка и еще болѣе Гильдебранда, она могла, она имѣла право сдѣлать это своею собственною властію, въ обыкновенное время эту власть представляло живое лицо папы: онъ могъ своимъ декретомъ постановить на будущее время независимость избранія папы отъ всякаго посторонняго вліянія. Но послѣ того оставался бы еще важный вопросъ въ томъ — гдѣ было взять власть, которая, безъ этого видимаго главы, еще до избранія ему преемника, была бы въ состояніи исполнить въ точности его декретъ, опираясь на законное основаніе, т. е. произвести выборъ своимъ именемъ. безъ всякаго посторонняго вмѣшательства? Или надобно было предоставить эту власть всему римскому клиру, что̀ значило дать полную свободу всѣмъ прежнимъ вліяніямъ, или создать новую власть, которая бы исключительно имѣла только право избранія... Изобрѣтательный умъ Григорія остановился на послѣднемъ: онъ избралъ для своей цѣли ничтожное доселѣ званіе кардиналовъ и облекъ его тою самою властію, которую исторгалъ изъ рукъ императора и Римлянъ. Папскій декретъ, утвержденный на Латеранскомъ соборѣ, постановилъ, чтобы впредь, „въ случаѣ смерти Римскаго епископа, кардиналы, по зрѣломъ разсужденіи, немедленно приступали къ избранію ему преемника, сохраняя должное почтеніе и уваженіе къ королю Генриху, по Божію изволенію и согласію папскаго престола, будущему императору, и его преемникамъ, которые лично удостоятся получить это право отъ того же престола“. Широкій горизонтъ открывался съ точки зрѣнія этого декрета. Еще не совсѣмъ разорвалась цѣпь, связывавшая папство съ имперіей, еще симъ самымъ декретомъ признаны были права императорской власти на какую-то неопредѣленную долю вмѣшательства въ папское избраніе (salvo debito honore et reverentia); но самая эта уступчивость скрывала уже въ себѣ новыя притязанія и было, такъ сказать, искуснымъ маневромъ, которымъ только прикрывалась мысль почти дерзкая [1]. Важная фраза, въ которой говорилось о должномъ уваженіи къ императору, явно смотрѣла общимъ мѣстомъ и походила больше на комплементъ, чѣмъ на полное внутренняго смысла изреченіе законодателя, между тѣмъ какъ скромное прибавленіе къ ней, какъ бы мимохо-

[1] Впрочемъ въ Римѣ въ то время была уже партія восторженная, образовавшаяся конечно подъ вліяніемъ того же самаго духа, которая уже смотрѣла такъ высоко, что даже декретъ Николая II казался ей излишнимъ. Во главѣ этой партіи стоялъ ревностный Дезидерій, аббатъ Монте-Кассино (пр. Кудр.).

домъ говорившее объ участіи папы въ назначеніи императора, все было полно смысла и значенія. Это уже выводились стѣны того обширнаго зданія, котораго планъ предначертанъ былъ зиждительнымъ духомъ Григорія; это былъ первый манифестъ того великаго духовнаго державства, которое, по мысли своего архитектора, должно было вознести главу свою надъ самою вершиною феодальной имперіи. Ибо говорить въ декретѣ о соизволеніи папы на удостоеніе того или другаго лица императорскою короною значило прямо подчинять папской волѣ избраніе императора, какъ во времена Карла, наоборотъ, согласіемъ императора на выборъ римскаго епископа означалось подчиненіе папы власти императорской. Въ такой прокламаціи со стороны папства заключался уже, безъ сомнѣнія, и вызовъ имперіи на брань, на ту кровавую, безъисходную брань, на которую судьба обрекла эти двѣ великія власти еще въ самомъ ихъ зародышѣ; но минута была избрана папствомъ или его геніемъ такъ счастливо, что имперія, слишкомъ занятая своимъ внутреннимъ неустройствомъ, не имѣла даже времени обратить вниманіе на это дерзкое покушеніе римскаго престола. Или, можетъ быть, имперіи не доставало довольно зоркаго глаза, который бы неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями римскаго политика. Во всякомъ случаѣ—декретъ прошелъ какъ будто незамѣченнымъ.

...Имперія замѣчала, она чувствовала оскорбленіе, но еще молчала. Молчаніе налагали на нее и неувѣренность въ силѣ своего голоса, и недостатокъ болѣе прямаго повода вмѣшаться въ дѣла папскаго престола. Смерть Николая II дала послѣднее и разрѣшила безмолвіе имперіи. — Съ послѣднимъ вздохомъ Николая II открывалась минута кризиса, папство становилось между двухъ крайностей: или предъ цѣлымъ свѣтомъ обнаружить свою тайну, которая до сихъ поръ таилась подъ спудомъ, и не только потерять лучшаго своего союзника, но еще вызвать его въ открытую вражду противъ себя, или сохранить прежнее скромное инкогнито и возвратиться къ прежнему порядку вещей—можетъ быть навсегда. Но Гильдебрандъ также неспособенъ былъ сдѣлать шагъ назадъ, какъ римская церковь не могла сдвинуться съ своего основанія. Опасность угрожала издали, бури подымались въ самомъ Римѣ, но Гильдебрандъ думалъ только о томъ, чтобы исполнить декретъ Николая II. Онъ исполнилъ его во всей силѣ; присутствіе воинственнаго ленника римскаго престола, Роберта Гискара, заставило молчать буйную, строптивую толпу, которая вопіяла противъ распоряженій Гильдебранда, и епископъ луккскій Ансельмъ былъ избранъ собраніемъ кардиналовъ — папою подъ именемъ Александра II. Тогда только нашелъ нужнымъ Гильдебрандъ отправить въ Германію легата отъ имени кардинальскаго собранія, чтобы искать согласія императрицы на утвержденіе Ансельма. Но было уже поздно; внушенія противной партіи образумили императрицу: легатъ не былъ даже допущенъ къ ней на глаза. Это значило дать Гильдебранду полную свободу дѣйствовать самостоятельно: еще разъ собралъ онъ кардиналовъ и знатнѣйшихъ Римлянъ, и Александръ II былъ окончательно утвержденъ на папскомъ престолѣ. Какъ и естественно, такое явное нарушеніе прежнихъ правъ императора возмутило Германію. Ударъ былъ слишкомъ чувствителенъ, чтобы имперія могла пропустить его безъ вниманія; но она плохо поняла, гдѣ былъ исходный пунктъ его, и ошиблась въ средствахъ отраженія. Въ той увѣренности, что избраніе Александра II есть дѣло одной партіи, и нисколько не подозрѣвая, что папство ничего не потеряло съ смертію Николая II, имперія рѣшила, что за неимѣніемъ папы нѣтъ и самаго папства, и что остается только провозгласить преемника Николаю, чтобы возстановить всѣ прежнія отношенія. Выборъ палъ на Кадала, епископа

пармскаго, человѣка весьма неукоризненнаго, который и назвался папою подъ именемъ Гонорія II. Съ помощію партіи, неблагопріятствующей Гильдебранду, Кадалъ прошелъ до самаго Рима и даже одержалъ нѣкоторый верхъ надъ войсками Александра II; но это былъ только минутный успѣхъ: скоро подошелъ Готфридъ Тосканскій и разсѣялъ войска Кадала, такъ что онъ не могъ болѣе держаться въ Римѣ. Между тѣмъ еще къ большему счастію Гильдебранда въ имперіи произошелъ страшный переворотъ, вслѣдствіе котораго почти вся власть перешла въ руки Ганно, архіепископа Кельнскаго. По своимъ соображеніямъ Ганно нашелъ для себя выгоднымъ принять сторону Александра II и взялся устроить все дѣло на соборѣ, который съ этою цѣлію и былъ созванъ въ Осборѣ [1]. Впрочемъ соборъ этотъ представлялъ явленіе довольно странное и ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть особенной важности, тѣмъ менѣе вліянія на современныя отношенія. Онъ нисколько не выходилъ ни изъ интересовъ папства, ни изъ интересовъ имперіи, потому не имѣлъ ни сильныхъ побужденій, ни опредѣленной цѣли, и дѣло было ведено безъ всякой энергіи. Всего болѣе занимало соборъ чтеніе письма неизвѣстнаго защитника римской церкви [2], который совершенно въ духѣ Гильдебранда доказывалъ положеніе, что императоръ не имѣетъ въ нѣй никакой власти, и въ заключеніе подтверждалъ необходимость самаго тѣснаго союза между папствомъ и имперіею, впрочемъ такъ, чтобы папа не терялъ отъ того своего существеннаго преимущества. Какъ бы то ни было, впрочемъ соборъ единогласно произнесъ осужденіе Кадала и призналъ законность Александра II. Еще Кадалъ держался въ Италіи и въ 1063 г. посредствомъ нечаяннаго ночнаго нападенія, едва не овладѣлъ самымъ Римомъ; онъ проникъ уже въ Ватиканъ, но, принужденный народнымъ возстаніемъ, долженъ былъ искать спасенія въ замкѣ Ангела, гдѣ и оставался до 1065 г. Между тѣмъ безпокойные Норманны снова начали обнаруживать непріязнь къ римскому престолу; преданность Готфрида Тосканскаго также стала оказываться сомнительною. Тогда Гильдебранду и Александру II не оставалось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ рѣшенію собора, который и былъ назначенъ въ Мантуѣ. Нападенія со стороны Норманновъ заставили отложить это дѣло на нѣсколько времени: только въ 1067 г. могъ состояться предположенный соборъ. Ломбардскіе епископы были уже на сторонѣ Александра II; Кадалъ не явился, и противнику его не трудно было оправдаться противъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій [3].

Всѣ эти смуты нисколько не мѣшали Гильдебранду простираться въ даль съ тою безуклончивою послѣдовательностію, съ тою неизмѣнною энергіею, которыми всегда запечатлѣна дѣятельность духа геніальнаго...

---

[1] Это извѣстіе основано на показаніи Петра Даміани (пр. Кудр.).—[2] Его обыкновенно приписываютъ Петру Даміани.—[3] По вызову Даміани, имперія также нашла нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло и отправила отъ себя посломъ къ римскому престолу того же Ганно, поручивъ ему блюсти интересы имперіи въ случаѣ новыхъ выборовъ. Но Ганно не способенъ былъ дѣйствовать энергически. Онъ, правда, началъ тѣмъ, что приступилъ къ Александру II со всею важностію Императорскаго посла и спрашивалъ у него, по какому праву занялъ онъ римскій престолъ безъ согласія императора; но стоило только Гильдебранду принять на себя оправданіе этого поступка, Ганно почти былъ уже удовлетворенъ.— Предоставивъ дѣло рѣшенію будущаго собора, онъ возвратился въ Германію. Впрочемъ въ 1067 г. снова прибылъ въ Италію и на соборѣ въ Мантуѣ говорилъ въ пользу Александра.

Наступилъ годъ 1073, одинъ изъ тѣхъ великихъ годовъ, которые исторія яркими чертами отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ. Не стало Александра II; имя его смѣнилось именемъ Григорія VII. Отнынѣ не было болѣе рядомъ съ папою кардинала Гильдебранда; силою нравственною высшаго самого папы, и римскій престолъ не раздѣлялся уже душою и тѣломъ: мысль становилась одно съ исполненіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ падала и та преграда, которая до сихъ поръ мѣшала папѣ и императору сойтись на близкое разстояніе и узнать другъ въ другѣ враговъ непримиримыхъ, соперниковъ на жизнь и смерть, незнающихъ одинъ къ другому ни малѣйшаго состраданія. Грозою должны были разразиться неминуемыя слѣдствія. Поводъ къ неоконченной враждѣ заключался было уже въ самомъ способѣ избранія Гильдебранда: вполнѣ законный съ точки зрѣнія римскаго престола — ибо произведенъ былъ на основаніи его постановленій [1] — этотъ выборъ казался имперіи явнымъ нарушеніемъ ея правъ, ея закона. Такъ уже расходились двѣ власти въ точкѣ зрѣнія на этотъ предметъ. Имперія, которая глазами молодаго короля опять начинала довольно зорко смотрѣть на все окружающее, спѣшила принять свой важный тонъ и протестовать противъ того, въ чемъ видѣла прямое злоупотребленіе, падавшее очевидно на одно изъ ея существенныхъ преимуществъ. Съ ея стороны это было не только необходимо—даже справедливо. Столько же необходимо было и то, чтобы этотъ протестъ принялъ форму требованія, которымъ предписывалось виновнымъ возвратиться къ своему долгу, по крайней мѣрѣ дать отчетъ въ своихъ незаконныхъ дѣйствіяхъ. Этимъ тономъ обыкновенно начинаетъ господствующая власть свои сношенія съ новою силою, которая внезапно возникаетъ въ ея предѣлахъ и ищетъ утвердить здѣсь свою собственную самостоятельность. Вражда могла бы закипѣть теперь же, ибо самое это требованіе было уже оскорбленіемъ для идеи, противъ которой оно было направлено. Но Гильдебрандъ былъ слишкомъ высокъ духомъ для того, чтобы, еще не обнаруживъ всего содержанія идей своихъ, давать уже такой вѣсъ формальностямъ, — чѣмъ въ самомъ дѣлѣ на этотъ разъ и были требованія имперіи—и мимо настоящаго дѣла приниматься за нихъ со всею горячностію, тогда какъ онъ могъ очень просто отдѣлаться отъ нихъ, нисколько не нарушая законности своихъ дѣйствій даже съ своей точки зрѣнія. Формула папскаго избранія, постановленная Николаемъ II, требовала же, послѣ всего, сохраненія должнаго уваженія къ правамъ будущаго императора. Въ избраніи Гильдебранда это послѣднее требованіе оставалось еще неисполненнымъ. Мы не знаемъ какъ бы поступилъ Гильдебрандъ, если бы имперія не вступилась въ свои права, но теперь, когда ею предъявлены были эти требованія, онъ отвѣчалъ, что, хотя и избранный Римлянами, ни въ какомъ случаѣ впрочемъ не согласился бы онъ принять посвященіе (ordinatio), не извѣстившись напередъ о согласіи главы нѣмецкой имперіи.

---

[1] Согласно съ постановленіемъ Николая II, Гильдебрандъ былъ избранъ кардиналами и торжественно провозглашенъ папою отъ клира и народа въ церкви св. Петра. Народъ, правда, предварилъ выборъ кардиналовъ, провозгласивъ Гильдебранда еще до ихъ рѣшенія: это обстоятельство нисколько не нарушило законности дѣйствія: ибо только согласіе кардиналовъ дало силу народному избранію.— Впрочемъ въ письмахъ своихъ Гильдебрандъ прямо говоритъ, что это произошло противъ всякаго съ его стороны желанія... Вѣримъ нелживости великой души, понимая, что она движима была не тщетнымъ честолюбіемъ, а жаждою дѣятельности... (пр. Кудр.).

Генрихъ IV, который еще неспособенъ былъ видѣть что-нибудь далѣе формы, удовлетворился отвѣтомъ Гильдебранда, и вопроса на папскій престолъ больше не было.

Преступивъ этотъ порогъ. Гильдебрандъ явился на римскомъ престолѣ съ именемъ Григорія VII, какъ бы въ упрекъ той власти, которая когда-то хотѣла изгладить изъ списка римскихъ епископовъ имя Григорія IV. Теперь было ему и время и мѣсто развернуть свой планъ во всей его полнотѣ и обширности; теперь это становилось его долгомъ, его первою, священною обязанностію, и признавъ это своимъ долгомъ однажды, Григорій VII не отступилъ уже отъ него ни на шагъ.

5.

Настало то время, когда римская церковь должна была разоблачить передъ міромъ свою глубочайшую тайну, которой она сама долго не подозрѣвала въ себѣ, но которая была положена еще при ея основаніи. Мы знаемъ уже, что̀ новый папа приносилъ съ собою на римскій престолъ; это была идея высокаго духовнаго державства, утверждающагося на основаніи римской апостольской церкви, какъ высочайшаго нравственнаго авторитета, котораго правда одна достойна господствовать во всемъ христіанскомъ мірѣ. Нѣтъ другаго царства, кромѣ царства Божія, царства правды; но на землѣ это царство представляется церковію, изъ церкви же исходитъ и всякая правда. Она есть перстъ Божій, который указуетъ путь къ правдѣ; потому ей принадлежитъ вся власть надъ міромъ. Есть въ мірѣ другія власти, какъ на небѣ есть многія свѣтила; но они свѣтятъ заимствованнымъ свѣтомъ, какъ луна, которая заимствуетъ свѣтъ свой отъ солнца. Это солнце земное есть церковь. эта луна, заимствующая отъ него свѣтъ свой, есть императоръ, и какъ онъ, такъ и всѣ другія власти подчиняются единому солнцу міра—церкви. Глава, вершина этой церкви—есть папа; онъ на землѣ намѣстникъ св. Петра, намѣстникъ самого Бога; ему поэтому принадлежитъ и вся сущность на землѣ, да творитъ миръ въ мірѣ, да преслѣдуетъ онъ зло и нечестіе и да будетъ первымъ поборникомъ правды и истины, хотя бы міръ вооружался противъ него всею своею злобою и ненавистію. Въ этихъ чертахъ состояла сущность идеи Григорія VII, а въ идеѣ была и вся жизнь его. Теперь ту жизнь идею долженъ былъ онъ раскрыть передъ глазами міра во всей ея очевидности.

Подвигъ былъ великъ и многотруденъ, какъ всякій подвигъ, предпринимаемый во имя великой всемірно-исторической идеи. Трудамъ и брани не видно было конца, а награда за подвигъ была не на землѣ, а развѣ на небѣ. Самъ Григорій VII чувствовалъ тяжесть бремени, которое долженъ былъ подъять на плечахъ своихъ, и хотя безъ смущенія, но съ чувствомъ тяжелымъ писалъ къ Готфриду, отвѣчая на его поздравительное привѣтствіе: „Возвышеніе наше, которое такъ радуетъ тебя вмѣстѣ съ прочими вѣрными служитъ для насъ источникомъ глубокаго внутренняго огорченія и соболѣзнованія неизмѣримаго. Ибо вижу подвигъ, предстоящій мнѣ, и уже чувствую тягость подъятаго мною бремени; душа, потрясенная сознаніемъ своей слабости, проситъ лучше покоя смертнаго, чѣмъ жизни, исполненной толиками треволненіями. Такъ тревожусь я духомъ, помышляя о великости воспринятой мною обязанности, что если бы не поддерживала меня надежда на молитвы людей благочестивыхъ, изнемогъ бы самый умъ мой въ безднѣ помысловъ“. Но это чувство не было страхъ, ибо не знаетъ его великая душа, а

чувство невольнаго изумленія ея передъ величіемъ того необозримаго поприща, которое теперь открывалось передъ нимъ въ нескончаемой дали будущаго и на которое Генрихъ VII смѣло дѣлалъ первый шагъ въ томъ же посланіи. Ибо это посланіе извѣщало также Готфрида, что новый папа, озабоченный всего болѣе поведеніемъ короля, готовитъ уже къ нему своихъ пословъ для должнаго увѣщанія, предоставляя себѣ, въ случаѣ непослушанія Генриха, дѣйствовать противъ него, какъ противъ ослушника, всею властію, данною свыше св. Петру и его намѣстникамъ [1]. Это значило, что Григорій VII не зналъ уже себѣ на землѣ ни высшаго, ни равнаго.

Слово Григорія VII никогда не было праздно; то, о чемъ писалъ онъ къ Готфриду, было немедленно приведено въ исполненіе; къ удивленію всей Германіи легаты папскаго престола явились къ Генриху и именемъ папы требовали отъ него исправленія въ поведеніи. Но что всего удивительнѣе—Генрихъ преклонился передъ этимъ неслыханнымъ требованіемъ, униженно сознавъ свои проступки передъ церковію и далъ торжественный обѣдъ новымъ усерднымъ служеніемъ ея истиннымъ выгодамъ исправить все прежнее зло, которое претерпѣла она отъ его худомыслія [2]. Король французскій, который получилъ подобное же наставительное увѣщаніе, также не прекословилъ вліяніямъ апостольскаго престола и также обѣщалъ оказывать церкви все свое послушаніе[3]. Изъ какого бы источника не происходила эта неожиданная покорливость папѣ двухъ важнѣйшихъ державныхъ властителей христіанскаго Запада, она давала разумѣть во всякомъ случаѣ, что въ общемъ сознаніи утверждалось уже понятіе о существованіи какой-то высшей нравственной силы, которой хотя бы только для вида, но всѣ безъ исключенія должны были оказывать послушаніе, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ.

Но это было только началомъ дѣйствій, первою пробою тѣхъ силъ, которыя сосредоточивались теперь на римскомъ престолѣ въ лицѣ новаго папы. Дѣло Григорія VII было направлено не противъ лицъ: какъ человѣкъ, который живетъ только жизнію своей идеи, онъ не зналъ иныхъ личностей, кромѣ тѣхъ, которыя возбуждала противъ себя его идея своимъ смѣлымъ выходомъ. Но истинное дѣло Григорія VII было противъ понятій, противъ всего современнаго ему общества, которое въ его глазахъ носило на себѣ всѣ печальные признаки превратнаго устройства и которое онъ хотѣлъ вновь перестроить отъ самаго основанія по законамъ правды, сообразно съ требованіями своей идеи... Эта новая правда могла утвердить престолъ свой только на развалинахъ прежней. Дорожа судьбою любимой идеи, цѣлый годъ провелъ Григорій VII въ приготовленіяхъ къ брани, и наконецъ рѣшился открыть свой верховный трибуналъ на судъ цѣлому міру [4]. Въ Римѣ былъ объявленъ вселенскій (General-concilium) соборъ.

---

[1] О томъ же и въ тоже время писалъ онъ къ Матильдѣ и Рудольфу Швабскому. Къ Матильдѣ онъ писалъ, что намѣренъ вызвать Генриха въ Римъ, дабы научить его достойно управлять имперіей (пр. Кудр.).—[2] Ссылаемся на Планка, который относитъ именно къ этому случаю отвѣтъ Генриха IV папѣ, находящійся въ книгѣ писемъ Григорія VII, между 29 и 30. По его мнѣнію, этотъ отвѣтъ только и идетъ къ одному обстоятельству, а въ другихъ случаяхъ онъ былъ бы совершенно неумѣстенъ. Того же мнѣнія и Фохтъ (пр. Кудр.).—[3] Объ этомъ говоритъ Григорій VII въ письмѣ (пр. Кудр.).—[4] Въ томъ же (1073) и въ слѣдующемъ 1074 году Григорій VII успѣлъ облетѣть орлинымъ взоромъ всѣ важнѣйшіе пункты Европы и вездѣ далъ уже почувствовать ту силу,

Особеннымъ посланіемъ приглашались къ нему и епископы ломбардскіе. Многія владѣтельныя лица въ Италіи также почтили его своимъ присутствіемъ. Неизмѣнно вѣрный своей цѣли и всегда послѣдовательный въ своихъ дѣйствіяхъ, Григорій VII началъ съ постановленій относительно того самаго общества, которое онъ по всѣмъ правамъ могъ уже считать непосредственно состоящимъ подъ своею духовною властію: это общество были всѣ лица, носившія какія бы то ни было церковныя должности. Результатомъ всѣхъ совѣщаній собора были четыре опредѣленія, которыми на основаніи древнихъ каноновъ и изреченій отцовъ церкви прямо и рѣшительно воспрещалось полученіе церковной должности посредствомъ денегъ, или чрезъ симонію, и повелѣвалось самое строгое безбрачіе между всѣми лицами, принадлежащими къ духовному сословію. Косвенный намекъ давалъ въ то же самое время разумѣть, что и сторонніе участники въ дѣйствіяхъ, противныхъ этимъ постановленіямъ, не должны льститься избѣгнуть церковнаго осужденія [1]. Итакъ, по волѣ Григорія VII, церковь должна была однимъ ударомъ вдругъ разорвать два крѣпкіе узла, затянутые цѣлыми столѣтіями и самымъ тѣснымъ образомъ связывавшіе ее съ міромъ! Взмахъ руки исполинской Григорія VII не спрашивалъ церковь, надъ которою хотѣлъ совершить эту страшную операцію, способна ли она ее вынести: онъ этого хотѣлъ, онъ этого требовалъ; о немощи малыхъ братій своихъ неспособна была вѣдать воля великаго. Такова всегда сила крѣпкихъ внутреннихъ убѣжденій: рѣдко съ вѣрнымъ разсчетомъ, но всегда съ энергіей устремляются они въ міръ явленій, не разбирая того, покоритъ ли имъ это стремленіе новыхъ адептовъ или вооружитъ противъ нихъ же и послѣднихъ приверженцевъ. Зналъ, безъ сомнѣнія, Григорій, что, налагая новый тяжелый крестъ на тѣхъ, которыхъ, казалось, сама судьба назначала быть его сподвижниками, онъ даетъ пищу ропоту, негодованію и такимъ образомъ самъ отнимаетъ у себя свою дальнѣйшую опору; зналъ — и не хотѣлъ ни на шагъ отступить отъ своихъ требованій, смягчить ихъ хоть малыми ограниченіями. Воля его была тверда и непреложна.

которая скрывалась подъ его именемъ. Первымъ дѣломъ были сношенія съ Норманнами. Чтобы вѣрнѣе обезопасить себя отъ этой стороны, Григорій VII самъ предпринималъ путешествія въ южную Италію и успѣлъ взять съ норм. князей новую клятву въ вѣрности римск. престолу. Въ то же время возобновилъ онъ сношенія съ визант. дворомъ о соединеніи церквей. — Сюда же относятся первыя рѣшительныя дѣйствія Григорія VII противъ симоніи во Франціи по дѣлу епископа маконскаго (Macon): не обращаясь еще къ самому королю, Григорій однако рѣшительнымъ тономъ писалъ къ совѣтникамъ Филиппа, чтобы они внушили ему остерегаться симоніи.—Испаніи еще нѣсколько прежде напомнилъ онъ особеннымъ посланіемъ, что по древнимъ правамъ она принадлежитъ какъ ленъ престолу Св. Петра.—Наконецъ посланіе къ нѣмецк. епископамъ и князьямъ внушало имъ желаніе папы видѣть сохраненіе мира въ Германіи.—
[1] Пользуясь этимъ случаемъ, Григорій не забылъ еще разъ подтвердить мірянамъ, что ему, папѣ, они обязаны большимъ послушаніемъ, нежели ближайшимъ къ нимъ епископамъ.

Изъ біографическаго очерка „М. В. Ломоносовъ"*.

I.

Родина Ломоносова Двинская земля, какъ и вся нынѣшняя Архангельская губернія, первоначально занята была одною Чудью, населявшею, хотя и очень неплотно, не только весь нашъ сѣверъ, но и ту Ростовско-суздальскую землю, которая послужила ядромъ Московскаго государства. Впрочемъ, славяно-русскія поселенія изъ Новгорода уже существовали въ XI вѣкѣ въ Матигорахъ и Ухтъ-Островѣ, нынѣшнихъ волостяхъ города Холмогоръ, впервые упоминаемаго лѣтописью подъ 1417 г. По слѣдамъ ли финскихъ инородцевъ, первыхъ насельниковъ края, или сами непосредственно, только новгородскіе поселенцы, Двиняне, рано вступили въ постоянныя сношенія съ Ростовско-суздальскою землею. Этимъ сношеніямъ не могъ не благопріятствовать самый составъ населенія нынѣшней Вологодской губ., въ западную часть которой проникла стихія славянская не только изъ Новгорода, но и изъ Ростова. Подобно всѣмъ вообще колоніямъ новгородскимъ, Двинская земля рано обнаружила стремленіе къ независимости, и въ борьбѣ, начатой въ XII вѣкѣ съ Новгородомъ князьями суздальскими и оконченной въ 1478 г. великими князьями московскими, мы не разъ встрѣчаемъ Двинянъ на сторонѣ послѣднихъ, такъ что уже Новгороду приходилось усмирять ихъ силою. При паденіи великаго Новгорода Двиняне поддались Москвѣ безъ всякаго сопротивленія, безъ особенныхъ какихъ нибудь условій. Они издавна имѣли съ нею торговыя дѣла, ежегодно поставляя къ великокняжескому двору и сбывая на тамошніе рынки мѣха, рыбу, сало и проч. Двинская земля сохранила въ цѣлости свое самоуправленіе, въ этомъ отношеніи едва не болѣе другихъ уѣздовъ поморскихъ городовъ отличаясь отъ прочихъ областей Московскаго государства, гдѣ въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ черносошныя волости, свободныя крестьянскія общины по большей части упразднялись, были приписываемы къ монастырямъ, обращаемы въ дворцовыя волости и еще болѣе раздаваемы въ помѣстья и вотчины. Новая власть четвертей, приказовъ, воеводъ пользовались сравнительно

---

* Въ этой біографіи повѣствованію о жизни Ломоносова авторъ предпосылаетъ—какъ введеніе—*очеркъ родины его*, Двинской земли, дабы показать ту обстановку и условія окружающей среды, которыя имѣли вліяніе на личность Ломоносова (свойства населенія, къ которому принадлежалъ онъ по своему происхожденію, торговое движеніе и сношенія съ иностранцами, живая связь и съ средней Россіей, память о пребываніи здѣсь Петра В.). Введеніе оканчивается главной мыслію его: «вся послѣдующая дѣятельность Ломоносова есть сознаніе и развитіе тѣхъ представленій и образовъ, которые сложились въ его душѣ» и заключеніемъ, что эти представленія были разнообразны и «оказали плодотворное и живительное вліяніе на Ломоносова».

очень слабымъ вліяніемъ на сѣверѣ. Построеніе Архангельска, черезъ который со второй половины XVI вѣка завязались у насъ постоянныя прямыя сношенія съ Западомъ, съ Англичанами, Голландцами и Нѣмцами изъ Бремена и Гамбурга, промыслы поморовъ на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ, поѣздки ихъ въ Норвегію, на Новую землю, Колгуевъ и Грумантъ—всѣ эти обстоятельства не могли не дѣйствовать особенно благопріятно на ихъ внѣшнее благосостояніе и умственное развитіе. Извѣстно, что береговые жители преимущественно отличаются живостію и воспріимчивостію, отвагою и рѣшимостію, словомъ—всегда бываютъ прогрессивнѣе жителей внутреннихъ областей. До открытія постояннаго судоходства по Волгѣ и Камѣ, вся наша торговля съ Сибирью шла черезъ нынѣшнюю Вологодскую губернію. Устюгъ, Тотьма, Сольвычегодскъ славились своими богатствами. Въ Вологдѣ Англичане содержали торговыя конторы и тамъ же, при Алексѣѣ Михайловичѣ, заведена была таможня для товаровъ, шедшихъ къ Архангельску, который оживлялся со вскрытіемъ (въ первой половинѣ мая) Двины, наполнявшейся тогда плотами съ хлѣбомъ, скотомъ и смолою изъ Мезенскаго и другихъ уѣздовъ, барками съ разнымъ хлѣбомъ, говяжьимъ саломъ, пенькою, рогожею, льнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ изъ нынѣшней Казанской губ., Устюга, Тотьмы, Яренска и проч. Двинская земля постоянно находилась въ живыхъ сношеніяхъ съ жителями средней Россіи, такъ что, не утративши старыхъ новгородскихъ преданій, она въ то же время совершенно была проникнута умственными и матеріальными интересами города Москвы и всѣхъ подмосковныхъ жителей, которые питали такое же глубокое уваженіе къ Соловецкой обители, какъ и Поморы къ святынямъ московскимъ. Двинская земля и въ смутное время, и послѣ не отстаетъ отъ Москвы, тянетъ къ ней, считаетъ ее своимъ средоточіемъ. Расколъ, образовавшійся на Москвѣ, быстро распространяется на всемъ Поморьѣ. Поѣздка туда Петра I и тамошняя его дѣятельность необыкновенно оживили весь край, сообщили ему, особенно Двинской землѣ, небывалое дотолѣ движеніе.

Итакъ въ цѣлой Россіи, въ началѣ XVIII вѣка, едва ли была какая иная область, кромѣ Двинской земли, благопріятною историческою почвою съ болѣе счастливыми мѣстными условіями для произведенія такого общественнаго дѣятеля, какимъ былъ Ломоносовъ. Даже немногихъ и отрывочныхъ, дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ его дѣтствѣ, отрочествѣ и юности слишкомъ достаточно для того, чтобы видѣть ложь чувствительныхъ возгласовъ и удивленій[1], ибо вся послѣдующая дѣятельность Ломоносова собственно есть не что иное, какъ отчетливое возведеніе въ сознаніе и развитіе тѣхъ преимущественно представленій и образовъ, которые сложились въ его душѣ. Взвѣсивъ

[1] Что нерѣдко встрѣчается въ плохихъ біографіяхъ Ломоносова.

и сообразивъ эти свѣдѣнія какъ слѣдуетъ, мы перестанемъ удивляться, какъ могъ явиться геніальный родоначальникъ нашей словесности на пустомъ, холодномъ сѣверѣ, а напротивъ—даже придемъ къ тому убѣжденію, что еще никто изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей не испытывалъ въ своей юности такихъ богатыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, не подвергался такому плодотворному и живительному вліянію, какъ Ломоносовъ.

Подлинный годъ его рожденія неизвѣстенъ[1]. Приблизительно можно указывать на 1711[2] годъ. Василій Дороѳеичъ Ломоносовъ, по словамъ сомаго сына, «имѣлъ довольство, по тамошнему состоянію». По извѣстіямъ, собраннымъ на мѣстѣ Озерецковскимъ[3], „оказывается явною ложью чувствительное прозваніе Ломоносова «сыномъ бѣднаго рыбака». «Его отецъ промыселъ имѣлъ на морѣ по Мурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лова рыбы, трески и палтусины[4], на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гуккоръ съ корабельною оснасткою. Всегда имѣлъ въ томъ промыслѣ счастіе, а собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ». Онъ самъ грамотѣ не зналъ, но былъ въ родствѣ и водилъ дружбу съ грамотными. Его первая жена, мать единственнаго сына Михайлы, была изъ духовнаго званія, дочь матигорскаго дьякона. Михайлу онъ хотѣлъ женить и уже сговорилъ въ Колѣ на дочери „неподлаго человѣка“—должно быть, изъ духовныхъ или приказныхъ—который во всякомъ случаѣ не рѣшился бы породниться съ какимъ-нибудь голышомъ.

Особенную любовь къ „книжному четью-пѣтью церковному“, къ храму Божію и къ молитвамъ Михайло могъ получить отъ матери и ея родныхъ. Впрочемъ въ ихъ же волости были грамотные крестьяне, напр. Иванъ Шубный, который, кажется, особенно любилъ даровитаго парня и выучилъ его грамотѣ, когда онъ однажды пришелъ съ моря уже взрослымъ; онъ же далъ Михайлѣ 3 рубля и китайчатое полукафтанье при побѣгѣ его въ Москву. Положительно неизвѣстно, на которомъ именно году выучился онъ грамотѣ; вѣрно только, что въ два года онъ уже выучился проворно читать псалмы и каноны. Со страстью ходить въ церковь—она стояла въ 150 саженяхъ отъ ихъ избы—читать на клиросѣ, собирать около себя кружокъ слушателей и пересказывать имъ житіе какого-нибудь святаго угодника, Ми-

[1] Здѣсь начинается повѣствованіе о дѣтствѣ и юности Ломоносова, при чемъ факты, на которые обращаетъ вниманіе авторъ, приводятся въ связь съ мыслями, занимавшими Ломоносова въ позднѣйшее время: потому такъ часто разсказъ прерывается цитатами изъ различныхъ его сочиненій.—[2] Въ подлинн. 1710. Въ матеріалахъ для біогр. Ломоносова Пекарскаго указывается съ достовѣрностію 1712 г.—[3] Академикъ Озерецковскій посѣтилъ въ своемъ путешествіи родину Ломоносова.—[4] *Палтусина*—рыба.

хайло не могъ конечно не соединять такой же страстной охоты къ слушанію разсказовъ и поученій стариковъ и людей бывалыхъ. Въ то время господствовало въ Поморьѣ особенно возбужденное настроеніе умовъ; самые высшіе вопросы жизни, вопросы религіозные, глубоко занимали народное вниманіе. По городамъ, селамъ, деревнямъ поморскимъ ходили ближайшіе ученики Аввакума и страдальцевъ соловецкихъ, съ энтузіазмомъ горячей искренней вѣры всюду проповѣдывали противъ Никона и, „присно и всебодро утверждали людей, да въ древле-отеческомъ православіи непоколебимо пребываютъ, да новопрозябшихъ, многосмущенныхъ новинъ стрегутся". Михайло 12-ти лѣтъ былъ увлеченъ въ расколъ, въ безпоповщину, исполненную духа крайняго отрицанія, отвергавшую іерархію, бракъ, проклинавшую царей Алексѣя, Ѳеодора и Петра, проповѣдывавшую явленіе антихриста...

Неизвѣстно долго ли Михайло оставался въ расколѣ; съ вѣроятностью однако можно предполагать, что вліяніе матери и его родныхъ, свѣтлыя преданія о Петрѣ Великомъ, живо сохранившіяся въ сосѣдствѣ въ селѣ Вавчугѣ и Холмогорахъ, много содѣйствовали его выходу изъ раскола. Но его ученіе не могло не имѣть вліянія на даровитаго мальчика и, взволновавъ его душу сомнѣніями, должно было разбудить дотолѣ спавшія въ немъ силы, развить въ немъ мысль и наблюдательность, привычку къ анализу и преніямъ. Дерзость прежняго отрицанія и добровольный сознательный переходъ въ православіе должны были утвердить въ геніальномъ юношѣ крѣпость нравственныхъ убѣжденій, поселить въ немъ всегдашнюю готовность и рѣшимость жертвовать всѣмъ для высшихъ цѣлей духа.

Одаренный отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, богатыми физическими силами, съ ранняго дѣтства знакомый съ разсказами о промыслахъ на морѣ и океанѣ, Михайло не могъ не привязаться со страстью своей пылкой души къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его съ собою на промыслы. Въ превосходномъ и малоизвѣстномъ у насъ сочиненіи „Описаніе сѣверныхъ путешествій" Ломоносовъ однажды упоминаетъ объ этихъ плаваніяхъ. Говоря о направленіи вѣтровъ, дующихъ въ сѣверныхъ поморскихъ земляхъ, онъ прибавляетъ: „Съ половины мая господствуютъ тамъ вѣтры больше отъ сѣвера, что мнѣ искусствомъ (т. е. на опытѣ) пять разъ увидѣть случилось, ибо отъ города Архангельскаго до становища Кекурскаго всего пути—едва не 700 верстъ; скорѣе около онаго не поспѣвалъ, какъ въ 4 недѣли, а одинъ разъ и 6 недѣль на одну ѣзду положено, за противными вѣтрами отъ Нордъ-Оста. Около Иванова и Петрова дня по большей части случаются вѣтры отъ полудня и имъ побочные и простираются до половины іюля, а иногда и до Ильина дня и т. д. Сіе примѣтилъ я и по всему берегу Нормандскаго моря, отъ св. Носа до Килдина острова". Эти плаванія Ломоносова развили въ немъ то

необыкновенное живое чувство природы, которымъ онъ, какъ ученый, превосходитъ большую часть современныхъ ему натуралистовъ... Эти плаванія, постоянные разговоры о морѣ, чудные разсказы стариковъ мореходовъ объ ихъ приключеніяхъ на Новой Землѣ, Грумантѣ, словомъ, вся жизнь Ломоносова въ деревнѣ были для него превосходною школою, воспитавшею въ немъ будущаго физика и географа. Излагая свои теоріи электричества, воздушныхъ теченій, сѣверныхъ сіяній, Ломоносовъ говоритъ между прочимъ: „Оныя искры, которыя за кормою выскакиваютъ, повидимому то же происхожденіе имѣютъ съ сѣвернымъ сіяніемъ. Многократно въ Сѣверномъ океанѣ около 70 градусовъ ширины я примѣтилъ, что оныя искры круглы". Если не будемъ помнить о той школѣ, которую прошелъ Ломоносовъ у себя на родинѣ, мы никогда вѣрно не оцѣнимъ и не поймемъ его значенія и достоинствъ, какъ натуралиста. Такъ у Ломоносова весьма замѣчательно прекрасно изложенное имъ ученіе его объ образованіи земной коры. Оно основано на его самостоятельныхъ наблюденіяхъ. Въ этомъ отношеніи очень важно слѣдующее мѣсто изъ втораго прибавленія къ „Металлургіи" (§ 106). Оно между прочимъ знакомитъ насъ съ его прекраснымъ способомъ изложенія ученыхъ предметовъ: „Проѣзжая неоднократно Гессенское ландграфство, примѣтить мнѣ случилось между Касселемъ и Марбургомъ ровное песчаное мѣсто, горизонтальное, луговое; кромѣ того, что занято невысокими горками или буграми, въ перпендикулѣ отъ 4 до 6 саженъ, кои обросли мелкимъ скуднымъ лѣскомъ, и то больше по подолу, при коемъ лежитъ великое множество мелкихъ цѣлыхъ и ломанныхъ морскихъ раковинъ, въ вохрѣ соединенныхъ. *Смотря на сіе мѣсто и вспомнивъ многіе отмѣлые берега Бѣлаго моря ·Сѣвернаго океана, когда они во время отлива наружу выходятъ, не могъ себѣ представить ничего подобнѣе, какъ сіи двѣ части земной поверхности въ разныхъ обстоятельствахъ, т. е. одну въ морѣ, другую на возвышенной матерой землѣ лежащую.* Тутъ—бугры, скудные прозябаніемъ на песчаномъ горизонтальномъ полѣ; тамъ—голыя каменныя луды[1] на равнинѣ песчанаго дна морскаго. Здѣсь ржавою землею соединенныя въ садахъ черепокожныя; тамъ—держащіяся за обсохлую туру и за самый камень морскія раковины. Не указываетъ ли здѣсь сама натура, увѣряя о силахъ, въ земномъ сердцѣ заключенныхъ, отъ коихъ зависятъ повышенія и пониженія наружности? Не говоритъ ли она, что равнина, по которой нынѣ люди ѣздятъ, обращаются, становятъ деревни и города, въ древнія времена было дно морское, хотя теперь отстоитъ отъ нея около трехсотъ верстъ, и отдѣляется отъ него Гарцскими и другими горами?.....".

Созерцаніе величавыхъ явленій сѣверной природы, морскія плава-

---

1 *Луды*—камень, высунувшійся изъ воды.

нія, постоянное обращеніе съ мореходами. словомъ—всѣ дѣтскія, отроческія и юношескія впечатлѣнія, представленія и опыты Ломоносова были, такъ сказать, зародышами, которые созрѣли въ немъ впослѣдствіи, при соприкосновеніи его съ западною образованностію, и при формальномъ его развитіи выродились въ замѣчательныя теоріи: о теплѣ и стужѣ, объ образованіи льдовъ, о дѣйствіяхъ внутренняго, подземнаго огня, о возможности проникнуть Сѣвернымъ океаномъ въ Америку, теоріи электричества, магнетизма и т. д., часто весьма ошибочныя, но безспорно имѣющія важное историческое значеніе и свидѣтельствующія о несомнѣнномъ, великомъ дарованіи Ломоносова, какъ естествоиспытателя.

Деревенская жизнь Михайлы, его морскія плаванія, борьба съ суровою природою, страшныя физическія лишенія, съ которыми неразлучна жизнь поморовъ, не только развила въ Ломоносовѣ необычайныя физическія, но и нравственныя силы, закалили его характеръ, приготовили его къ борьбѣ, подвигамъ и испытаніямъ, ожидавшимъ его на другихъ поприщахъ. Ломоносовъ еще юношею такъ часто видалъ и испытывалъ великія опасности, такъ близко бывалъ къ смерти, что страхъ ея былъ ему совершенно незнакомъ, и всю свою жизнь онъ оставался вѣренъ этому чисто христіанскому воззрѣнію на смерть, которое вообще глубоко проникло въ русскаго крестьянина.

Непреклонная сила. мужество, безстрашіе, всегдашняя готовность ринуться въ борьбу—таковы всегда были высшія идеальныя требованія Ломоносова, природа котораго исполнена этой суровой энергіи жителя сѣвера.

«Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портитъ въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
Лишаетъ долгій зной здоровья и ума,
А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама» («Петръ В.»)

Къ любимымъ образамъ Ломоносова принадлежалъ образъ величавой. несокрушимой силы....

Итакъ явленіе Ломоносова, натуралиста и общественнаго дѣятеля, среди поморовъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго и удивительнаго; но тѣмъ болѣе исторически законно крестьянское происхожденіе Ломоносова, какъ отца русской словесности въ ея тѣсномъ значеніи и образователя русскаго литературнаго языка, творца русской грамматики, автора риторики, похвальныхъ рѣчей и историческаго труда. Дѣйствительно, никто изъ нашихъ писателей по настоящее время включительно не обладалъ такимъ, какъ Ломоносовъ, живымъ, непосредственнымъ знаніемъ русскаго языка и народнаго быта. Та народность рѣчи, которой путемъ долгаго, сознательнаго изученія достигла наша литература въ своихъ позднѣйшихъ дѣятеляхъ, какъ напр. въ Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, Тургеневѣ, Аксаковѣ и

проч., никогда не была для Ломоносова чѣмъ-то искомымъ и слѣдовательно внѣшнимъ. До 20 слишкомъ лѣтъ Ломоносовъ и говорить не умѣлъ иначе, какъ чисто по-народному, ибо все это время онъ жилъ, мыслилъ и чувствовалъ совершенно по крестьянски. Любознательный, воспріимчивый парень Михайло, конечно, слыхалъ, если не самъ зналъ наизусть, больше и лучше своихъ ровесниковъ, различныя пѣсни и былины о кіевскихъ и новгородскихъ богатыряхъ, о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Судя по тому, какъ еще во многихъ отношеніяхъ свѣжо сохранилась народная старина въ современномъ Поморьѣ, смѣло можемъ заключать, что въ началѣ прошлаго столѣтія въ ней жило множество пѣсенъ, былинъ, сказокъ и различныхъ народныхъ преданій, которыя теперь уже утрачены или сильно искажены. Во время Ломоносова въ Двинской землѣ еще безъ сомнѣнія сохраняли свою свѣжесть различныя преданія, напримѣръ: о борьбѣ славянской стихіи съ финскою, о господинѣ Великомъ Новгородѣ, о Маѳѣ Посадницѣ, имѣвшей здѣсь свои помѣстья, о митрополитѣ Филиппѣ, о панькахъ литовскихъ. Ломоносовъ въ дѣтствѣ, въ юности долженъ былъ видать много стариковъ, отцы которыхъ живо помнили смутное время, которые сами были участниками или очевидцами всѣхъ смутъ по дѣлу патріарха Никона, соловецкой осады и другихъ важнѣйшихъ событій царствованія Алексѣя Михайловича, стрѣлецкихъ бунтовъ.... О Петрѣ Великомъ Ломоносовъ слыхалъ самые разнообразные толки и разсказы: съ одной стороны—проклятія безпоповщинцевъ, прозывавшихъ его антихристомъ, а съ другой—самыя свѣтлыя и любовныя воспоминанія о немъ, объ его простомъ обращеніи съ народомъ, объ его неутомимой дѣятельности въ сосѣдней Вавчугѣ, въ Холмогорахъ, Архангельскѣ, гдѣ онъ разъ прожилъ болѣе шести недѣль, и самъ собственными руками заложилъ корабль на островѣ Саломбалѣ....

Въ своихъ поѣздкахъ для промысла и по торговымъ дѣламъ Ломоносовъ имѣлъ случай ознакомиться съ бытомъ и нравами нашихъ сѣверныхъ инородцевъ: Лопарей, Самоѣдовъ, Зырянъ и, быть можетъ, отчасти даже и съ ихъ нарѣчіями. Это знакомство отразилось на филологическихъ и историческихъ трудахъ Ломоносова. Его поѣздки въ Архангельскъ должны были производить на него самое глубокое впечатлѣніе, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ на самого Петра, въ которомъ видъ Архангельска въ 1693—1694 годахъ не могъ не возбудить сильнаго желанія съѣздить въ Европу, преимущественно въ Голландію и Англію. Архангельскъ въ лѣтнее время, когда и бывалъ въ немъ Ломоносовъ, былъ всегда необыкновенно оживленъ. Къ успенской ярмаркѣ приходило къ Архангельску до 100 кораблей голландскихъ, англійскихъ, гамбурскихъ, бременскихъ, съ разными произведеніями европейской промышленности: съ сукнами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, золочеными и серебряными издѣліями, винами,

аптекарскими матеріалами, галантерейными вещами; иностранные купцы, жившіе въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и въ другихъ городахъ, раннею весною съѣзжались въ Архангельскъ и оставались въ немъ до зимняго пути. Торговые иностранцы съ своими семействами занимали въ Архангельскѣ двадцать четыре дома. Въ теченіе 1668—1684 г. для склада товаровъ русскихъ и заграничныхъ выстроено было, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, иностранцами Марселисомъ и Шарфомъ огромное каменное зданіе, болѣе версты въ окружности, съ валомъ, палисадомъ, съ башнями и бойницами со стороны Двины. Внутри находились кладовыя и амбары, по сторонамъ — гостиные дворы: на правой сторонѣ отъ Двины—русскій, на лѣвой—нѣмецкій. Въ Архангельскѣ, слѣдовательно еще крестьяниномъ, наглядно ознакомился Ломоносовъ съ нѣкоторыми результатами наукъ и плодами образованности. Онъ видалъ довольно близко жизнь тамошнихъ иностранцевъ, понималъ вмѣстѣ съ своими земляками ихъ хорошія стороны, цѣнилъ ихъ умъ, знанія, трудолюбіе и образованность, но узналъ въ то же время и дурныя стороны, за которыя давно уже упрекали ихъ Поморы и всѣ Русскіе, имѣвшіе съ ними какія-либо дѣла: ихъ корпоративный духъ, исключительное національное и цѣховое направленіе, ихъ постоянное стремленіе всячески, въ правдѣ и неправдѣ, поддерживать другъ друга и при всякомъ удобномъ случаѣ вредить Русскимъ. И такъ ненависть Ломоносова, академика и гражданина, къ владычеству иностранцевъ, Нѣмцевъ, могла зачаться въ немъ еще на родинѣ, точно также какъ и любовь къ знанію, уваженіе къ западной образованности и то высокое безпристрастіе, которымъ всегда отличался Ломоносовъ въ оцѣнкѣ заслугъ иностранцевъ. Вообще въ немъ въ высшей степени замѣчательно соединеніе страстной, восторженной любви къ Петру Великому съ ненавистью къ игу иностранцевъ. Это опять черта чисто мѣстная, архангельская, ибо конечно нѣтъ въ Россіи другой области, въ которой оба эти чувства такъ крѣпко срослись вмѣстѣ и такъ глубоко проникли въ народъ, какъ на родинѣ Ломоносова...

Обратимся къ первымъ учебнымъ пособіямъ Ломоносова. То были грамматика Мелетія Смотрицкаго, псалтирь Симеона Полоцкаго и ариѳметика Магницкаго. О книгѣ Смотрицкаго нѣкоторыя извѣстія даже умалчиваютъ. Во всякомъ случаѣ она не могла на Ломоносова юношу имѣть большое вліяніе, ибо самый ея предметъ не могъ интересовать крестьянина, даже геніальнаго. Притомъ ея польско-русскій языкъ былъ мало понятенъ помору[1]. Грамматика Смотрицкаго была чрезвычайно полезна Ломоносову уже впослѣдствіи своимъ содержаніемъ.

---

[1] Вотъ образецъ изложенія Смотрицкаго: «Вшелякій пожитокъ, который колвекъ преречоныхъ языковъ грамматики чинити звыклы, безъ вонтпеня и словенская въ своемъ языцѣ словенскомъ учинити можетъ».

Безобразный же языкъ ея принесъ ему потомъ одну развѣ пользу отрицательную, указавъ на необходимость стремиться къ чистотѣ языка и ясности изложенія. Не столько содержаніе, сколько безобразіе языка грамматики Смотрицкаго было главнѣйшею причиною, что на юношу Ломоносова она не могла имѣть никакого вліянія. Такъ западно-русское общество своимъ подчиненіемъ польской образованности само отнимало у себя возможность благотворно дѣйствовать на восточную Великую Русь. За то огромное вліяніе имѣло на Ломоносова переложеніе псалмовъ Симеона Полоцкаго, который въ своей псалтыри именно старался ближе держаться славянскаго текста, какъ онъ выражался не безъ пренебреженія западно-русскаго схоласта къ московской грубости и простотѣ, „снисходя обычаю рода и страны". Эта книга вышла въ Москвѣ, въ 1680 г. Заглавіе ея слѣдующее: „Псалтырь царя и пророка Давида художествомъ риѳмотворнымъ равномѣрно слоги и согласно конечно, по различныхъ стиховъ родомъ преложенная"... Книгѣ этой выпала счастливая доля, которой бы позавидовалъ всякій отличный педагогъ: она была долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ геніальнѣйшихъ людей. Ломоносовъ зачитывался ея, училъ ее наизусть, вникалъ въ каждое ея слово и выраженіе. Съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги. Ломоносовъ, конечно, потомъ читалъ и находилъ въ ней то, чего никогда не бывало ни на умѣ, ни въ душѣ Симеона Полоцкаго.

Нельзя также безъ особенной благодарности и уваженія вспоминать о книгѣ Магницкаго. Заглавіе ея слѣдующее: „Ариѳметика сирѣчь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на славянскій языкъ преведеная и во едино собрана и на 2 книги раздѣлена.... въ Москвѣ ради обученія мудролюбивыхъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена, 1703". Большой томъ въ листъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, эта книга представляетъ родъ энциклопедіи, составлена въ духѣ и по примѣру старинныхъ нашихъ учебниковъ, алфавитовъ, ариѳметикъ. По приноровленности къ русскимъ потребностямъ, по характеру изложенія и языка, ариѳметика Магницкаго, замѣняющая собою и геометрію, и физику, и географію, стоитъ неизмѣримо выше множества позднѣйшихъ нашихъ учебниковъ. Предисловіе Магницкаго въ стихахъ:

Пріими, юне, премудрости цвѣты,
Разумныхъ наукъ обтецая верты.
Ариѳметикѣ любезно учися,
Въ ней разныхъ правилъ и штукъ предержися:
Ибо въ гражданствѣ къ дѣламъ есть потребно
Лечити твой умъ, аще числитъ вредно.
Та пути въ небѣ рѣшитъ и на мори,
Еще на войнѣ полезна и въ поли,
Обще всѣмъ людямъ образъ даетъ знати,

Дабы исправно въ размѣрахъ ступати.
Опей ты цвѣты, какъ кринъ благовонный,
Равно и къ инымъ наукамъ будь охотный.

Къ книгѣ приложена гравюра, изображающая Архимеда, Пиѳагора и земной глобусъ, а надъ ними—гербъ. Въ стихахъ на предлежащій гербъ говорится объ Архимедѣ и Пиѳагорѣ:

Первіи бывше снискатели
Сицевыхъ наукъ писатели,
Равно бо водамъ изліяша,
Многи бо науки въ міръ издаша.
Елицы же ихъ восприіяша,
Многу си пользу отъ нихъ взяша.
Сія же польза ко гражданству
Требна каждому государству.
Въ древнихъ бо лѣтахъ цари Грецки
И нынѣшніи вси Нѣмецки
Единако се пріимаютъ
И царство свое управляютъ.
Такожде и людей учатъ выну
Въ жительствѣ имѣть все по чину,
Любить же мудрость и науки,
Чѣмъ богатство имъ придетъ въ руки.

Взглядъ Магницкаго на науки выражается въ его замѣчаніи, что „умъ словесный долженъ упражняться въ познаваніи и величаніи Бога“. Эту мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, постоянно проводитъ Ломоносовъ въ своихъ трудахъ...

Магницкій говоритъ, что онъ всячески старался, чтобы читатель могъ его понимать безъ учителя. Не трудно себѣ представить, какое вліяніе должны были имѣть на Ломоносова всѣ такія и подобныя замѣчанія и мысли Магницкаго, въ книгѣ котораго въ отдѣлѣ геометріи, физики, астрономіи, навигаціи, встрѣчаются слѣдующія главы и статьи: „О земномъ общеразмѣреніи, и яже къ мореплаванію принадлежитъ“, „О полуденномъ колеси и линіи“, „Таблица о склоненіи магнита“, „Таблица широты востока и запада солнца“, „Таблица рефракціа или преломленіа лучей солнца, луны и звѣздъ“, „О количествѣ дне различныхъ мѣстъ и о раздѣленіи всего земноводнаго глебуса въ климаты“, „О именованіи климатъ сѣверныхъ“, „Каталогъ сіе есть описаніе мѣстъ и градовъ“, „О изобрѣтеніи времене наводненія морскаго нѣкіихъ поморскихъ мѣстъ“, „О сравненіи верстаній разныхъ государствъ“ и проч.

Съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣлъ Михайло эти книги, онъ уже просиживалъ надъ ними по зимамъ цѣлые дни. Москва, къ которой издавна тянуло Поморье, какъ къ своему духовному средоточію, все болѣе и болѣе занимала теперь его помыслы. Дома, въ деревнѣ, онъ уже не находилъ прежнихъ радостей. Мать его умерла, отецъ же-

нился на другой. „Мачиха", по словамъ самого Ломоносова, „злая и завистливая, всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока ушелъ въ Спасскія школы". Отецъ Ломоносова, человѣкъ умный и добрый, но неграмотный и упрямый, тѣмъ легче поддавался навѣтамъ жены, что и безъ того уже былъ сердитъ на сына за то, что тотъ его не слушался и не хотѣлъ жениться. Разъ уже онъ сговорилъ сына на Колѣ у „неподлаго" человѣка, но Михайло притворился тогда больнымъ. Кажется, до конца жизни Ломоносовъ не могъ равнодушно вспоминать объ этихъ принужденіяхъ и всегда питалъ глубокую ненависть къ насильственнымъ бракамъ.

«Когда родители обманчивой корысти,
На жертву отдаютъ и совѣсть и дѣтей». («Тамара и Селимъ»).

Козни мачихи, ворчанье и попреки отца все болѣе и болѣе становились Михайлѣ невыносимыми, а между тѣмъ годы дѣйствительно уже подошли; за него, единственнаго сына зажиточнаго крестьянина, парня умнаго, смирнаго, красиваго, съ радостью бы пошла любая дѣвка въ околоткѣ, „хорошіе отцы охотно выдавали своихъ дочерей". Но Михайлу больше всего на свѣтѣ занимали книги. Надо было наконецъ на что нибудь рѣшиться—и вотъ тайный, внутренній голосъ, демонъ Ломоносова, давно уже не дававшій ему покоя, манившій его куда-то въ даль, обѣщавшій ему славное будущее, внушаетъ ему мысль, рѣшительно заставляетъ его покинуть деревню, отца, товарищей, друзей, могилу матери—все, что было на родинѣ дорогаго и милаго для него. Онъ ушелъ въ Москву, о которой уже давно мечталъ, знакомый съ нею изъ разсказовъ жившихъ въ ней земляковъ, изъ своихъ любимыхъ книгъ. Онъ ушелъ изъ дому, какъ часто уходили на Руси избранные люди, которымъ дома становилось тѣсно, какъ за сто лѣтъ до него ушелъ изъ села Вельдеманова такой же крестьянскій сынъ Никита (Никонъ), отъ козней мачихи и изъ любви къ книгамъ, съ помыслами о будущемъ своемъ величіи. Ломоносовъ, благодаря своимъ учителямъ, Полоцкому и Магницкому, шелъ въ Москву не безцѣльно. Жажда знанія, смутное чувство славы, гордыя мечты не только сравниться „съ премудрыми мужами, добрѣ еллинскимъ книгамъ изученными", по выраженію Полоцкаго, но и далеко оставить ихъ за собою, твердое упованіе на Бога и несомнѣнная увѣренность, что „Богъ все за труды намъ платитъ, все трудами отъ него пріобрѣсти возможно"—вотъ, кажется, чувства и представленія, волновавшія и наполнявшія умъ и сердце Ломоносова, когда онъ въ 1729—30 г. оставлялъ свою родину. Этимъ дерзкимъ чаяніямъ, отважнымъ и смѣлымъ надеждамъ и мечтамъ онъ нашелъ впослѣдствіи выраженіе:

«Владѣетъ нашихъ дней Всевышній силъ предѣломъ,
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ,
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть.
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тьмѣ безславія кончаютъ долгій вѣкъ?
Добротами всходитъ на верхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человѣкъ». («Там. и Сел.»)

II.

....Вступая въ первое тогдашнее русское училище, Ломоносовъ отрекся отъ крестьянства [1] и въ него уже никогда не возвращался. Я отмѣчаю только фактъ и, кажется, знаменательный въ исторіи русскаго просвѣщенія. Крестьянство, выславъ отъ себя Ломоносова, ссудило высшія сословія одною изъ своихъ силъ и сомкнуло свои ряды. Ломоносовъ положилъ твердое начало русской литературѣ и наукѣ, сталъ начальникомъ новаго періода русской образованности, въ концѣ котораго общество, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ своихъ дѣятеляхъ, пришло къ сознанію необходимости тѣснаго сближенія съ крестьянствомъ, съ народомъ.... Стараясь объ открытіи университета въ Петербургѣ, Ломоносовъ писалъ однажды И. И. Шувалову: „Видя изъ вашего письма, что вы уже моего обидчика защищаете, едва принимаю смѣлость послать къ вамъ сіи строки: иначе бы не послалъ, если бы меня общая польза отечества къ тому не побуждала. Мое единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вожделѣнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленные Ломоносовы“ [2]. Ломоносовъ былъ правъ: они бы дѣйствительно произошли, если бы удались его планы. Народъ могъ бы выслать многихъ Ломоносовыхъ, если бы измѣнился тотъ складъ нашей гражданственности, который заставлялъ двадцатилѣтняго Ломоносова изъ любви къ наукѣ и просвѣщенію прибѣгнуть ко лжи и обману.

Ломоносовъ не утратилъ черезъ это своей крестьянской натуры. Никогда не презиралъ онъ своего званія, изъ котораго вышелъ и которое всегда вѣрно представлялъ какъ своимъ характеромъ, такъ и складомъ своего ума. Собственно крестьянина-Ломоносова мы знаемъ только до 20-ти лѣтъ, до прихода его въ Москву. Затѣмъ мы видимъ его семинаристомъ, нѣмецкимъ студентомъ и наконецъ россійскимъ академикомъ, придворнымъ піитомъ, ораторомъ и ученымъ, бритымъ, въ напудренномъ парикѣ, въ манжетахъ, камзолѣ, башмакахъ съ штиб-

---

[1] Явившись въ Москвѣ къ архіерею, Ломоносовъ выдалъ себя за поповскаго, а по другимъ—за дворянскаго сына, желающаго учиться греко-латинскимъ наукамъ въ Заиконоспасскомъ училищѣ (въ Москвѣ, на Никольской улицѣ), потому что по тогдашнему указу Св. Синода помѣщиковыхъ людей и крестьянскихъ дѣтей не дозволялось принимать въ эту школу.—[2] Письмо отъ 17 апр. 1760 г.

летами. Въ латинско-нѣмецкомъ тонѣ воспѣваетъ онъ императрицъ Анну, Елисавету, Екатерину II, даже Петра III... Для русскаго народа, среди котораго онъ выросъ до 20-ти лѣтъ, его оды такъ же странны и чужды, какъ и его нарядъ. Но крестьянская натура Ломоносова всегда видна: и изъ-подъ длиннаго кафтана семинариста, и нѣмецкаго мундира, и французскаго камзола. Такъ и тяжелыя, условныя правила ложнаго классицизма не могли совершенно сковать живыхъ, поэтическихъ движеній богатой сильной души.... Ломоносовъ, статскій совѣтникъ, чрезвычайно любитъ свое званіе, гордится своимъ рангомъ и всѣми внѣшними знаками отличій, страшно дорожитъ всѣмъ декорумомъ Россійской имперіи; за священный долгъ себѣ считаетъ воспѣвать подвиги россійскаго оружія, сочинять надписи въ стихахъ для придворныхъ иллюминацій и маскарадовъ, торжественныя оды на всевозможные царскіе дни и праздники, хлопотать о сооруженіи намятника императрицѣ Екатеринѣ II черезъ 2 года по вступленіи ея на престолъ, въ торжественныхъ рѣчахъ прославлять мудрость законодательства и администраціи въ Россійской имперіи, даже хвалить академію наукъ за ея ревностное попеченіе о россійскомъ просвѣщеніи. Таковъ Ломоносовъ въ парадномъ мундирѣ, въ засѣданіяхъ конференціи и канцеляріи Академіи Наукъ — и уже совершенно иной у себя дома, въ своемъ китайскомъ халатѣ, безъ парика — тогда ли, какъ онъ ходитъ у себя по саду и подчищаетъ, и подрѣзываетъ свои деревья, самъ лѣчитъ свою больную дочку или сидитъ за книгами и бумагами, забывая съ ними объ обѣдѣ и только время отъ времени посылая свою бойкую племянницу на погребъ за мартовскимъ пивомъ, которое, по ея словамъ, онъ всегда жаловалъ прямо со льду; или тогда, когда бывало остановится въ Морской, передъ его домомъ, парадная карета въ шестерку, съ гайдуками, и выйдетъ изъ нея И. И. Шуваловъ и, ласково поздоровавшись съ его женою, дочкою и племянницею, прямо безъ докладу войдетъ въ рабочій кабинетъ Михайлы Васильевича—а онъ въ это время занятъ своими ретортами или какими нибудь физическими опытами. Въ запискахъ же и письмахъ къ своему меценату, въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ или своими пріятелями Рихманомъ и Брауномъ, Поповымъ и Красильниковымъ, съ своими любимыми учениками, даже съ безпутнымъ, но даровитымъ академическимъ канцеляристомъ Барковымъ—словомъ, совершенно запросто, неоффиціально—Ломоносовъ является чисто русскимъ человѣкомъ, до такой степени народнымъ, что едва ли кто изъ всѣхъ нашихъ позднѣйшихъ дѣятелей сколько нибудь приблизился къ нему въ этомъ отношеніи. Если бы Ломоносовъ имѣлъ своего Босвеля [1], то конечно

---

[1] *Босвелъ*—англійскій писатель (1740—1795)—написалъ біографію Самуеля Джонсона, англійскаго журналиста, историка литературы и сатирика и автора знаменитаго «Словаря англійскаго яз.» (1755).

такая книга была бы для насъ драгоцѣннѣе множества его стиховъ, которые такъ высоко цѣнили современники, не умѣвшіе уважать человѣка ихъ написавшаго. Но вотъ раскрывается предъ нами картина, можно сказать, единственная въ исторіи русскаго общества: первый русскій писатель и ученый, на котораго любимцы обѣихъ императрицъ, первыя силы въ государствѣ, И. И. Шуваловъ и Григорій Орловъ, смотрятъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, этотъ самый статскій совѣтникъ, піита и ораторъ, угощаетъ у себя въ домѣ своихъ земляковъ, поморовъ, которые, ежегодно по 2 раза пріѣзжая въ Петербургъ по своимъ торговымъ дѣламъ, всегда завернутъ къ своему чиновному и ученому земляку, привозятъ ему деревенскіе гостинцы, морошки, рыбы и, по его порученіямъ, разныя камни, воду Сѣвернаго океана и т. д. Дружеская, веселая, шумная пирушка продолжается иногда всю ночь:

«И чиста совѣсть рветъ притворствъ гнилу завѣсу» [1].

Словомъ, Ломоносовъ — дома, въ своихъ запискахъ не для печати уже не тотъ, что въ своей парадной, оффиціальной жизни. Тутъ онъ уже не стѣсняется, ворчитъ и негодуетъ нерѣдко на то, что̀ воспѣваетъ въ мундирѣ: онъ ропщетъ и жалуется на непроизводительныя траты огромныхъ суммъ, на безполезныя войны, на всюду господствующее воровство и грабежъ, на жалкое состояніе народной производительности, на невѣжество духовенства, на отвратительное состояніе академіи и подъ конецъ своей жизни все болѣе свыкается съ мыслью, что „нѣтъ благословенія Божія на то, чтобы науки распространились въ Россіи“. Онъ умираетъ съ полною увѣренностью, что всѣ его планы будутъ надолго забыты, и только еще утѣшается мыслью, что *дѣти отечества* объ немъ *вспомянутъ*, съ благодарностью почтятъ его „терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ“....

III.

Только благодаря горячей любви къ наукѣ и вѣрѣ въ свое призваніе 20—25 лѣтній Ломоносовъ могъ себя облекать въ броню суроваго стоицизма, а иначе бы онъ не устоялъ противъ разнообразныхъ представившихся ему искушеній... Лѣтъ черезъ двадцать послѣ, въ Москвѣ, И. И. Шуваловъ разъ какъ-то выразилъ ему свое опасеніе, чтобы съ обезпеченнымъ состояніемъ онъ не охладѣлъ къ наукамъ. Въ отвѣтномъ на это письмѣ Ломоносовъ такъ вспоминаетъ свою жизнь въ московской академіи. „Не примите, Ваше Превосходительство, мнѣ въ самохвальство, что я въ свое защищеніе предста-

---

[1] «Письмо о пользѣ стекла».

вить смѣлость принимаю. Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны—несказанная бѣдность; имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку кваса, прочее—на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ—и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыхъ и въ мою бытность тамъ предлагали; съ другой стороны—школьники, малыя ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латынѣ учиться".

Такъ еще въ Ломоносовѣ-семинаристѣ образовался строгій суровый взглядъ на жизнь, какъ на рядъ личныхъ подвиговъ и самопожертвованій. Впрочемъ онъ умирялся въ немъ его живымъ, пылкимъ нравомъ, его доброю и страстною натурою. Вообще въ Ломоносовѣ въ высшей степени замѣчательно удивительное сочетаніе этого суроваго и вмѣстѣ свѣтлаго взгляда на жизнь, любви къ веселью и радостямъ, къ пиру жизни, съ постоянною готовностью къ такимъ лишеніямъ, подвигамъ и борьбѣ. Это сочетаніе двухъ противоположныхъ особенностей составляетъ отличительную черту характера Ломоносова....

Ламанскій.

Изъ „Опыта біографіи Н. В. Гоголя".

Періодъ второй.

I.

Гоголь окончилъ курсъ наукъ въ 1828 году [1], съ правомъ на четырнадцатый классъ (отличные воспитанники выпускались съ правомъ на чинъ двѣнадцатаго класса), и уѣхалъ на родину, а оттуда, въ началѣ 1829 года, въ Петербургъ. Переселеніемъ его съ юга на сѣверъ начинается новый періодъ его существованія. Изъ его писемъ мы уже знаемъ, что его привлекали въ Петербургъ служба, театръ и поѣздка за границу. Какъ ни разнородны были эти влеченія, но каждое изъ нихъ брало свое начало въ чувствахъ, общихъ всѣмъ геніальнымъ людямъ — въ сознаніи внутреннихъ силъ, въ стремленіи проявить ихъ, въ жаждѣ славы. Гоголь не зналъ, какимъ путемъ выйти ему изъ неизвѣстности. Всѣ пути къ общей пользѣ были для него равны, и потому—его мечты о духовныхъ наслажденіяхъ столичной жизни. Неопытному мальчику столица представлялась какимъ-то эдемомъ, гдѣ ожидаютъ однѣ радости. „Зачѣмъ намъ такъ

---

[1] Въ Нѣжинской гимназіи кн. Безбородко, въ іюнѣ.

хочется видѣть наше счастіе?" —говоритъ онъ — „мысль о немъ и днемъ и ночью мучитъ, тревожитъ мнѣ сердце; душа моя хочетъ вырваться изъ тѣсной своей обители, и я весь—нетерпѣнье".

Наконецъ желаніе его исполняется: онъ въ Петербургѣ.

Я думаю мои читатели по гимназическимъ письмамъ Гоголя [1] составили себѣ понятіе о немъ, какъ о юношѣ, замѣчательно симпатичномъ, но въ то же время высокомѣрномъ и углубленномъ въ самого себя.

Будучи однимъ изъ слабѣйшихъ воспитанниковъ въ гимназіи, не обладая даже и умѣреннымъ запасомъ свѣдѣній по какой бы то ни было отрасли знанія, не умѣя даже написать безъ орѳографическихъ ошибокъ страницы,—на чемъ онъ могъ основывать свою надежду на успѣхи въ столицѣ?

Но людямъ, съ которыми онъ соприкоснулся впервые въ столицѣ, не было никакого дѣла до высокихъ стремленій. Его, безъ сомнѣнія, приняли вездѣ съ тою холодностью, которая такъ непріятно поражаетъ здѣсь всякаго новичка изъ провинціи, и которая есть не что иное, какъ усвоенная опытомъ осторожность столичнаго жителя въ выборѣ себѣ сотрудниковъ по службѣ, въ литературѣ или въ какой бы то ни было сферѣ дѣятельности. Какъ долженъ былъ подѣйствовать на пламеннаго мечтателя такой пріемъ, предоставляю судить каждому, кто находился когда-либо въ его положеніи. Можетъ быть, со временемъ изданы будутъ его письма къ матери или къ какому нибудь другому довѣренному лицу о тогдашнихъ его ощущеніяхъ. Теперь мы только знаемъ, что, явясь въ Петербургъ въ началѣ 1829 года съ пламеннымъ желаніемъ служить государю и отечеству, онъ только черезъ годъ (16 апрѣля 1830) поступилъ на службу въ Департаментъ Удѣловъ.

Въ продолженіи этого года онъ пытался открыть себѣ извѣстность другими путями—литературою и сценическимъ искусствомъ. Но та и другая попытка были безуспѣшны, такъ какъ способности будущаго знаменитаго писателя не получили еще тѣхъ граней, которыми онъ сверкалъ въ глазахъ каждому, и нужно было ему встрѣтиться съ глубокимъ знатокомъ талантовъ, чтобы обратить на себя особенное вниманіе. Ничего подобнаго покамѣстъ не случилось,—тѣмъ болѣе, что Гоголь самъ боялся гласности и прокладывалъ себѣ дорогу къ литературнымъ успѣхамъ тайкомъ даже отъ ближайшихъ друзей своихъ. Онъ написалъ стихотвореніе „Италія" и отправилъ incognito къ издателю „Сына Отечества", можетъ быть, для того только, чтобы узнать, удостоятъ ли его стихи печати. Стихи были напечатаны, и вотъ эти первыя черты пера, которому предназначено было создать столько художественныхъ образовъ. Не смотря на крайнюю молодость поэта, въ нихъ замѣтно дарованіе:

Италія.

Италія, роскошная страна!
По ней душа и стонетъ и тоскуетъ.
Она вся рай, вся радости полна,
И въ ней любовь роскошная веснуетъ.
Бѣжитъ, шумитъ задумчиво волна
И берега чудесные цѣлуетъ;
Въ ней небеса прекрасныя блестятъ;
Лимонъ горитъ, и вѣетъ ароматъ.
. . . .

[1] Въ описаніи всего 1-го періода жизни Гоголя.

вая свой истинный путь. Прежде всего обратите вниманіе на предисловіе; какъ ребячески авторъ ухищряется заинтересовать въ свою пользу публику:

«Предлагаемое сочиненіе никогда бы не увидѣло свѣта, если бъ обстоятельства, важныя для одного только автора, не побудили его къ тому. Это произведеніе его восемнадцатилѣтней юности. Не принимаясь судить ни о достоинствѣ, ни о недостаткахъ его, и предоставляя это просвѣщенной публикѣ, скажемъ только то, что многія изъ картинъ сей идилліи, къ сожалѣнію, не уцѣлѣли; онѣ, вѣроятно, связывали болѣе нынѣ разрозненные отрывки и дорисовывали изображеніе главнаго характера. По крайней мѣрѣ мы гордимся тѣмъ, что по возможности споспѣшествовали свѣту ознакомиться съ созданіемъ юнаго таланта».

Что касается до самой поэмы, то она, очевидно, была внушена неопытному школьнику чтеніемъ „Луизы" Фосса, въ переводѣ Теряева [1]); даже героиня поэмы называется Луизою,—а пасторъ, ея отецъ, списанъ довольно рабски съ Фоссова «добросердаго пастора Гринарскаго [2])». Дѣйствіе вертится на борьбѣ Ганца между любовью къ простенькой деревенской дѣвушкѣ и жаждою славы. Онъ покидаетъ свою возлюбленную, пускается въ широкій свѣтъ, узнаетъ, что люди холодны, и возвращается къ своей Луизѣ. Авторъ не напрасно оговорился въ предисловіи касательно несвязности этого „созданія юнаго таланта", будто бы спасеннаго какъ-то отъ утраты. Оно состоитъ изъ кусковъ, которые едва кой-какъ держатся вмѣстѣ. Силы поэта были еще слишкомъ слабы для произведенія чего нибудь стройнаго, цѣлаго. Онъ былъ способенъ вдохновляться только отрывочными представленіями и извлекалъ поэзію не изъ жизни, а изъ того, что поражало его воображеніе въ наукѣ и литературѣ. Замѣтно, что классическій міръ возбудилъ въ немъ особенное сочувствіе.

...Не снискавъ извѣстность на поприщѣ литературномъ, Гоголь обратился къ театру. Успѣхи его на гимназической сценѣ внушали ему надежду, что здѣсь онъ будетъ въ своей стихіи. Онъ изъявилъ желаніе вступить въ число актеровъ и подвергнуться испытанію. Неизвѣстно какую роль долженъ былъ онъ играть на пробномъ представленіи, только игру его забраковали начисто, и я не знаю, приписать ли это робости молодаго человѣка, не видавшаго свѣта. Какъ бы то ни было, Гоголь долженъ былъ отказаться отъ театра послѣ первой неудачной репетиціи [3] и оставался нѣсколько времени въ самомъ непріятномъ положеніи—въ положеніи басеннаго муравья, въѣхавшаго въ городъ на возу съ сѣномъ.

Къ неудачамъ въ литературѣ и на сценѣ присоединилось еще одно горе, тяжеле всего налегающее на молодое сердце. Онъ влюбился въ какую-то дѣвушку или даму, недоступную для него въ его положеніи. При своей врожденной скрытности и при своемъ расположеніи къ мрачному отчаянію онъ могъ дойти до страшнаго душевнаго разстройства, но его спасла мысль—ѣхать за границу. Мы знаемъ изъ гимназическаго его письма, что эта мысль давно уже его занимала; но, видно, неудобства, къ ея осуществленію переодолѣвали въ немъ силу желанія видѣть чудныя мѣста, о

---

[1] С.-Петербургъ 1820. *Луиза*—идиллія Фосса, нѣмецкаго поэта и ученаго (1751—1826).—[2] Странно, что даже въ предисловіи употреблена та же уловка вызвать участіе публики, что и у Теряева; ибо и Теряевъ говоритъ о томъ, что это только «первый шагъ на поприщѣ словесности» пр. (Н. М.).—[3] Проба комическаго таланта Гоголя происходила въ кабинетѣ директора театровъ,) князя С. С. Гагарина, въ присутствіи актеровъ—Каратыгина и Брянскаго (пр. Н. М.).

которыхъ онъ начитался въ книгахъ. Теперь всѣ препятствія изчезли передъ желаніемъ бѣжать изъ края, въ которомъ онъ не можетъ быть счастливъ, въ которомъ живетъ недоступная для него красота, и проч. и проч., какъ обыкновенно говорятъ и думаютъ молодые влюбленные. Поэтъ нашъ находился въ такомъ трагическомъ или мечтательномъ расположеніи души, что даже не сообразилъ своихъ средствъ съ поѣздкою въ чужіе краи; онъ бросился опрометью изъ Россіи и очнулся только тогда, когда англійскій пароходъ привезъ его въ Любекъ. Тамъ онъ увидѣлъ, что у него слишкомъ мало денегъ для предпринятаго имъ путешествія, и, не теряя времени, поспѣшилъ возвратиться въ Россію. А можетъ статься и то, что, выпорхнувъ на просторъ и взглянувъ на нѣмую для него чужбину, онъ оробѣлъ передъ собственнымъ замысломъ, потерялъ увѣренность въ возможности достиженія своихъ цѣлей, встосковался по друзьямъ и людямъ, понимавшимъ его рѣчь и понятнымъ для него, ужаснулся своего одиночества среди иноплеменниковъ и бросился назадъ въ Россію. Какъ бы то ни было, но онъ только трое сутокъ прожилъ въ Любекѣ и воротился на томъ же самомъ пароходѣ, который умчалъ его изъ Россіи.

Гоголь передъ отъѣздомъ за границу жилъ въ Мѣщанской[1], противъ Столярнаго переулка, въ домѣ каретника Іохима, въ четвертомъ этажѣ, вмѣстѣ съ Н. Я. Прокоповичемъ. Каково было удивленіе Прокоповича, когда онъ возвращаясь вечеромъ отъ знакомаго, встрѣтилъ Якима, идущаго съ салфеткою къ булочнику, и узналъ отъ него, что у нихъ «есть гости»! Когда онъ вошелъ въ комнату, Гоголь сидѣлъ облокотясь на столъ и закрывъ лицо руками. Разспрашивать, какъ и что, было бы напрасно, и такимъ образомъ обстоятельства, сопровождавшія фантастическое путешествіе, какъ и многое въ жизни Гоголя, остаются до сихъ поръ тайною.

Это было самое трудное время для нашего поэта. Отецъ его умеръ еще до выхода его изъ гимназіи; имѣніе, поддерживаемое дѣятельностію опытнаго хозяина, приносило теперь доходъ, едва достаточный для содержанія вдовы и четырехъ дочерей его. Гоголь не требовалъ изъ дому денегъ, перебивался въ Петербургѣ кое-какъ и долженъ былъ, оставя артистическія затѣи, обратиться къ жизни болѣе положительной. 10 апр. 1830 г. онъ опредѣлился на службу въ Департаментъ Удѣловъ и занялъ мѣсто помощника столоначальника,—но не прослужилъ здѣсь и году. Онъ досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодаго человѣка на руки П. А. Плетневу, съ просьбою позаботиться о немъ. Плетневъ былъ тогда инспекторомъ Патріотическаго Института и исходатайствовалъ у Ея Имп. Величества для Гоголя въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго учителя исторіи, которое онъ и занялъ съ 10 марта 1831 г. Чтобъ доставить ему больше средствъ для жизни, Плетневъ ввелъ его наставникомъ дѣтей А. В. Васильчикова и П. И. Балабина, къ которымъ поэтъ до конца жизни сохранилъ самыя дружескія чувства.

Въ Департаментѣ Удѣловъ Гоголь былъ плохимъ чиновникомъ и, по собственнымъ словамъ, извлекъ изъ службы въ этомъ учрежденіи только развѣ ту пользу, что научился сшивать бумагу. Объ этомъ упоминалъ онъ не разъ, показывая сшитыя въ тетради письма Пушкина, Жуковскаго и другихъ, которыми онъ дорожилъ (и не выпуская этихъ тетрадей изъ рукъ, въ буквальномъ смыслѣ слова). Но и въ качествѣ преподавателя онъ не отличался большими достоинствами. Только въ первое время онъ

---

[1] Въ Петербургѣ.

принялся за исполненіе обязанностей своего званія съ жаромъ юноши, жаждавшаго найти достойное поприще для своей дѣятельности, и, забывая, подъ вліяніемъ этого чувства, о матеріальныхъ выгодахъ новой своей обязанности, смотрѣлъ на нее, какъ на цѣль своего существованія, какъ на призваніе свыше. Но мало по малу занятія литературныя отвлекали его отъ однообразныхъ трудовъ учителя. Въ продолженіе 1830 и 1831 годовъ появилось въ журналахъ и газетахъ нѣсколько безъименныхъ его статей, которыя можно назвать пробою пера, устремленнаго къ широкой дѣятельности. Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны безъ всякой подписи, другія — подъ разными псевдонимами.

Такъ въ февралѣ 1830 г., въ № 118 «Отечественныхъ Записокъ», и въ мартѣ, въ № 119, явилась безъ подписи повѣсть Гоголя „Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала", а въ апрѣлѣ 1830 г., въ № 130 „Отеч. Зап." напечатана его статья: „Полтава". Въ заглавіи ея сказано: „Изъ живописнаго путешествія по Россіи издателя Отечеств. Записокъ", но я знаю отъ Н. Я. Прокоповича, что статья „Полтава" писана Гоголемъ и, можетъ быть, только передѣлана издателемъ журнала, подобно тому, какъ и «Басаврюкъ», появившійся почти черезъ годъ, въ собраніи Гоголевыхъ повѣстей, съ нѣкоторыми перемѣнами въ содержаніи и въ слогѣ. Прочтите внимательно предисловіе къ этой повѣсти въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». Гоголь самъ въ шутливомъ тонѣ, разсказываетъ исторію этой передѣлки:

«Разъ одинъ изъ тѣхъ господъ—говоритъ онъ—которые напросятъ, накрадутъ всякой всячины да выпускаютъ книжечки не толще букваря каждый мѣсяцъ или недѣлю,—одинъ изъ этихъ господъ и выманилъ у Ѳомы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только пріѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый паничъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я.... привозитъ съ собою небольшую книжечку и, развернувши посрединѣ, показываетъ намъ. Ѳома Григорьевичъ готовъ ужъ былъ осѣдлать носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ повернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. «Постойте! напередъ скажите мнѣ, что вы читаете»? Признаюсь, я немного пришелъ въ тупикъ отъ такого вопроса. «Какъ что читаю, Ѳома Григорьевичъ? вашу быль, ваши собственныя слова».—«Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?—«Да чего лучше, тутъ и напечатано: разсказанная такимъ-то дьячкомъ».—«Кто это напечаталъ? Такъ ли я говорилъ? Слушайте, я вамъ разскажу ее сей-часъ...»

Въ концѣ 1830 г. напечатана была въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1831 г. глава историческаго романа (стр. 225), подъ которою выставлены буквы *оооо*, потому (какъ объяснилъ намъ г. Гаевскій), что *о* встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи автора: *Николай Гоголь-Яновскій*. Заглавіе романа было «Гетманъ». Въ примѣчаніи сказано, что первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ. Кромѣ этой главы уцѣлѣла еще одна подъ заглавіемъ: «Плѣнникъ», и была напечатана сперва въ одномъ изъ періодическихъ изданій, а потомъ вошла вмѣстѣ съ первою въ составленный Гоголемъ изъ собственныхъ сочиненій альманахъ «Арабески». Эти два отрывка написаны уже со всѣми признаками несомнѣннаго таланта и могли обратить на себя вниманіе такихъ людей, какъ Дельвигъ и Пушкинъ, которые дѣйствительно приняли въ это время Гоголя подъ свое покровительство и, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Плетневымъ и другими, содѣйствовали дальнѣйшимъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ.

Въ первомъ нумерѣ «Литературной Газеты» на 1831 годъ, напечатана несравненно слабѣйшая піеса его «Учитель“, изъ малороссійской повѣсти: «Страшный кабанъ». Она признана даже составителемъ «Арабесокъ» недостойною занять мѣсто въ этомъ сборникѣ, равно какъ и второй отрывокъ изъ той же повѣсти, подъ заглавіемъ: «Успѣхъ посольства», напечатанный въ 17 № «Литературной Газеты» 1831 года. Употребленный здѣсь псевдонимъ *П. Глечикъ* (по объясненію г. Гаевскаго) имѣетъ то основаніе, что въ историческомъ романѣ, изъ котораго напечатана глава въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», одно изъ дѣйствующихъ лицъ—миргородскій полковникъ Глечикъ.

Въ томъ же нумерѣ другая статья Гоголя: «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи», подписанная именемъ *Г. Яновъ*, т. е. *Гоголь-Яновскій*. Это была первая подпись, обнаруживающая готовность робкаго и недовѣрчиваго къ самому себѣ Малороссіянина объявить настоящее свое имя. Подъ статьею читаемъ: „Продолженіе обѣщано“; но обѣщаніе не исполнено. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ, Гоголь, подъ вліяніемъ тогдашняго своего увлеченія педагогіей, а можетъ быть и по какому нибудь болѣе тайному побужденію, говоритъ слѣдующее:

„Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣнія ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность и понятность для дѣтей“.

Далѣе, въ 4 № „Литературной Газеты“ на 1831 г., мы находимъ статью „Женщина“ уже съ подписью *Н. Гоголь*. Авторъ очевидно писалъ съ сильнымъ сердечнымъ увлеченіемъ и потому, вѣроятно, считалъ это молодое произведеніе вполнѣ достойнымъ своего имени [1].

Въ эти первые годы литературной своей дѣятельности онъ работалъ очень много, потому что къ маю 1831 г. у него уже готово было нѣсколько повѣстей, составившихъ первый томъ „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“. Не зная, какъ распорядиться съ этими повѣстями, Гоголь обратился за совѣтомъ къ П. А. Плетневу. Плетневъ хотѣлъ оградить юношу отъ вліянія литературныхъ партій и въ то же время спасти повѣсти отъ предубѣжденія людей, которые знали Гоголя лично или по первымъ его опытамъ и не получили о немъ высокаго понятія. Поэтому онъ присовѣтовалъ Гоголю, на первый разъ строжайшее incognito и придумалъ для его повѣстей заглавіе, которое бы возбудило въ публикѣ любопытство. Такъ появились въ свѣтъ „Повѣсти, изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ“, который будто бы жилъ возлѣ Диканьки, принадежавшей князю Кочубею. Книга была принята огромнымъ большинствомъ любителей литературы съ восторгомъ, и не прошло года, какъ уже появилась въ печати вторая часть „Вечеровъ на хуторѣ“. Пасичникъ Рудый Панько очевидно былъ ободренъ первымъ пріемомъ и разболтался въ предисловіяхъ ко второй книжкѣ еще любезнѣе [2].

---

[1] Чтобъ не возвращаться къ изчисленію неподписанныхъ Гоголемъ статей, укажу еще на двѣ, напечатанныя въ первой книжкѣ Пушкинскаго «Современника» 1836 г., подъ заглавіемъ: «О движеніи журнальной литературы въ 1834 и въ 1835 годахъ,» и во второй книжкѣ «Современника» (изданной по смерти Пушкина) 1837 года: «Петербургскія замѣтки 1836 г.» (пр. Н. М.).—[2] Въ первый разъ Гоголь былъ введенъ въ кругъ литераторовъ, какъ авторъ «Вече-

Литературные успѣхи Гоголя и самое направленіе его таланта зависѣли во многомъ отъ его сближенія съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, и въ этомъ отношеніи ранняя утрата Пушкина, великая сама по себѣ, принимаетъ для русской литературы еще горестнѣйшее значеніе. Посмотрите, какъ вѣрно оцѣнилъ великій поэтъ своего еще неопытнаго въ творчествѣ собрата по первымъ его произведеніямъ:

„Сейчасъ я прочелъ „Вечера близь Диканьки"—писалъ онъ, тотчасъ по выходѣ этой книги, къ издателю „Литературныхъ Прибавленій къ Инвалиду",—они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія! Какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей нынѣшней литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались Вечера, то наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору желаю сердечно дальнѣйшихъ успѣховъ.

Если вѣрить разсказамъ Гоголева слуги Якима, о которыхъ упоминаетъ въ своей статьѣ г. Данилевскій, то Пушкинъ проводилъ цѣлыя ночи въ литературныхъ бесѣдахъ съ Гоголемъ въ его квартирѣ, въ то время, когда у нашего поэта иногда не случалось и собственныхъ свѣчей. Слѣдовательно, это не было сближеніе людей одинаковаго или соразмѣрнаго состоянія, одинаковыхъ свѣтскихъ связей, съ одинаковыми удовольствіями жизни. Авторъ «Цыганъ» спѣшилъ въ четвертый этажъ къ неотшлифованному и убогому еще питомцу украинскихъ степей и въ свѣжихъ его рѣчахъ, не чуждыхъ дикаго провинціализма, находилъ вѣроятно, столько же пищи для своего таланта, сколько и самъ доставлялъ своему воспріимчивому пріятелю. Вчитайтесь въ «Повѣсти Бѣлкина» и въ «Капитанскую дочку» Пушкина, писанныя около того времени, когда у Гоголя вырабатывался «Тарасъ Бульба» и нѣкоторыя другія миргородскія повѣсти. Въ произведеніяхъ обоихъ поэтовъ вы найдете нѣчто отмѣнное отъ ихъ предшествовавшихъ сочиненій. У Пушкина вамъ почуется что-то степное и, такъ сказать, простонародно-художественное; въ сочиненіяхъ Гоголя вы замѣтите небывалую до тѣхъ поръ стройность плана и доконченность созданія.

Это были наши Гёте и Шиллеръ. наши Вальтеръ Скоттъ и Байронъ. Оба поэта сильно подѣйствовали одинъ на другаго; но существованіе Пушкина было несравненно важнѣе для его младшаго брата. Будучи скрытенъ отъ природы и не находя никого въ литературѣ, какъ не находилъ въ школѣ, «съ кѣмъ бы могъ слить долговременныя думы свои, кому бы могъ ввѣрить мышленія свои», Гоголь по смерти Пушкина «осиротѣлъ, сдѣлался чужимъ» въ Петербургѣ, какъ нѣкогда чувствовалъ себя въ Нѣжинѣ [1]. Онъ могъ опять повторять—и, вѣроятно, повторялъ не разъ въ

ровъ на хуторѣ» 19 февр. 1832 г., на извѣстномъ обѣдѣ А. Ф. Смирдина, по случаю перенесенія его книжнаго магазина отъ Синяго моста на Невскій проспектъ. Гости подарили хозяина разными піесами, составившими альманахъ «Новоселье,» въ которомъ помѣщена и Гоголева «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (пр. Н. М.).

[1] «Обо мнѣ много толковали—говоритъ онъ—разбирая кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ *одинъ только Пушкинъ*. См. «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», стр. 141.

душѣ — то, чтò было сказано имъ задолго до его знакомства съ Пушкинымъ:

«Я иноземецъ, забредшій на чужбину искать того, что только находится въ одной родинѣ, и тайны сердца вырывающіяся на лицѣ, жадныя откровенія, печально опускаются въ глубь его, гдѣ такое же мертвое безмолвіе».

Въ Пушкинѣ Гоголь лишился совѣтника и сильнаго помощника въ исполненіи литературныхъ своихъ предпріятій. Мы знаемъ изъ «Переписки съ друзьями», что первыя главы «Мертвыхъ душъ» читаны были уже Пушкину; слѣдовательно можно предположить, что Пушкинъ много содѣйствовалъ Гоголю въ созданіи если не типовъ, то плана первой части этой поэмы. Вспомните теперь, какъ скоро были написаны одно за другимъ такія созданія, какъ «Тарасъ Бульба», «Ревизоръ» и первая часть «Мертвыхъ душъ,» вмѣстѣ съ другими, менѣе замѣчательными піесами, и посмотрите, чтò дѣлаетъ Гоголь по смерти Пушкина: пишетъ и жжетъ. У него нѣтъ ободряющаго авторитета, нѣтъ равносильнаго генія, который бы указалъ ему прямой путь поэтической дѣятельности. Словомъ, смерть Пушкина положила въ жизни Гоголя такую рѣзкую грань, какъ и переѣздъ изъ Малороссіи въ столицу. При жизни Пушкина Гоголь былъ однимъ человѣкомъ, послѣ его смерти сдѣлался другимъ. Я имѣю письмо его, писанное имъ къ П. А. Плетневу, отъ 16 марта 1837 г. изъ Рима, по случаю смерти Пушкина. Вотъ чтò онъ пишетъ:

«Чтò мѣсяцъ, чтò недѣля, то новая утрата; но никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи. Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе изчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта, ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Чтò скажетъ онъ, чтò замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ чтò меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.... Боже! нынѣшній трудъ мой, внушенный имъ, его созданіе... Я не въ силахъ продолжать его. Нѣсколько разъ принимался за перо—и перо падало изъ рукъ моихъ. Невыразимая тоска!»

Рядомъ съ этими горячими строками, приведу нѣсколько словъ изъ письма поэта, адресованнаго къ Н. Д. Бѣлозерскому въ то время, когда, совершивъ одну поѣздку въ чужіе края и почувствовалъ свое одиночество, Гоголь готовился снова оставить Россію:

«Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, а главное моя бѣдная душа: ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта, куда бы не доходили до нея волненія. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской».

Н. Д. Бѣлозерскій, посѣщая бывшаго инспектора Гимназіи Князя Безбородко въ Нѣжинѣ, г. Бѣлоусова, видалъ у него студента Гоголя, который былъ хорошо принятъ въ домѣ своего начальника и часто приходилъ къ его племяннику, тоже студенту г. Божко, для ученическихъ занятій. Онъ описываетъ будущаго поэта въ то время немножко сутуловатымъ и съ походкою, которую всего лучше выражаетъ слово *пѣтушкомъ*. Впослѣдствіи они встрѣтились уже какъ старые знакомые, въ Петербургѣ, въ эпоху «Вечеровъ на хуторѣ» и «Миргорода.» Бѣлозерскій нашелъ Гоголя уже пріятелемъ Пушкина и Жуковскаго, у которыхъ онъ проживалъ иногда въ Царскомъ Селѣ. Это была самая цвѣтущая пора въ характерѣ поэта. Онъ писалъ все сцены изъ воспоминаній родины, трудился надъ «Исторіею Малороссіи» и любилъ проводить время въ кругу земляковъ.

Тутъ-то чаще всего видѣли его такимъ оживленнымъ, какъ разсказываетъ г. Гаевскій, въ своихъ «Замѣткахъ для біографіи Гоголя.» Г. Прокоповичъ вспоминаетъ съ восхищеніемъ объ этой порѣ жизни своего друга. У него я видѣлъ портретъ Гоголя, рисованный и литографированный Венеціановымъ, и который, по словамъ владѣльца, можно назвать портретомъ автора «Тараса Бульбы.»

II.

Для полноты извѣстій о второмъ, цвѣтущемъ періодѣ жизни нашего поэта, мнѣ надобно возвратиться нѣсколько назадъ и разсказать о дальнѣйшей педагогической службѣ его. Состоя въ чинѣ титулярнаго совѣтника со дня вступленія въ должность старшаго учителя исторіи при Патріотическомъ Институтѣ, Гоголь «въ награду отличныхъ трудовъ» былъ пожалованъ отъ Ея Величества, 9 марта 1834 г., брильянтовымъ перстнемъ. А между тѣмъ, при содѣйствіи своихъ покровителей и силою собственнаго авторитета онъ проложилъ себѣ путь къ высшему посту.

Нѣкоторые изъ тогдашнихъ знакомыхъ Гоголя утверждаютъ, что онъ обязанъ своими успѣхами по службѣ и въ жизни не однимъ дѣйствительнымъ заслугамъ своимъ, что онъ, при всѣхъ высокихъ свойствахъ своей души, не былъ чуждъ ни мелочности характера, ни даже хитрости, когда нужно было достигнуть какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ, что онъ въ своихъ ученыхъ статьяхъ прикидывался ревностнымъ жрецомъ науки, которымъ никогда не былъ, и дѣлалъ вездѣ, гдѣ могъ, намеки на свои глубокія познанія въ исторіи, которыхъ никогда не имѣлъ; наконецъ, что онъ заставилъ говорить въ свою пользу такихъ людей, какъ Пушкинъ и Жуковскій, и съ помощію ихъ получилъ мѣсто по каѳедрѣ всеобщей исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Какъ вѣрный повѣствователь всего, что́ мнѣ извѣстно о Гоголѣ, я не могъ умолчать объ этихъ мнѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что ихъ раздѣляютъ люди съ большимъ авторитетомъ. Но я боюся, чтобы въ этомъ указаніи на слабыя стороны, или лучше сказать, на юношескіе грѣхи писателя, не стали подозрѣвать другаго чувства, кромѣ желанія представить его такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, — намѣренія рисовать его съ тѣми нравственными недостатками, которые, по собственному его признанію, онъ бралъ изъ себя и, отвергаясь ихъ, предавалъ на всенародное посмѣяніе въ своихъ жалкихъ герояхъ [1]. Я не довѣряю собственному суж-

---

[1] «Никто изъ читателей моихъ не зналъ—говорилъ онъ—что смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною. Во мнѣ не было какого нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую нибудь картинную наружность; но за то, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ недостатковъ, каждаго понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ... Я не любилъ никогда моихъ дурныхъ качествъ... По мѣрѣ того, какъ они стали мнѣ открываться, чуднымъ высшимъ внушеніемъ усиливалось во мнѣ желаніе избавляться отъ нихъ... Съ этихъ поръ я сталъ надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ недостатковъ, моими собственными. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе

денію о человѣкѣ, каковъ покойный Гоголь, и привожу мнѣніе о немъ современниковъ.... Но не могу не прибавить отъ себя, что „едва ли поэтъ нашъ былъ когда-либо способенъ къ *хитрости* въ точномъ значеніи этого слова. Если Гоголь говорилъ о своихъ ученыхъ занятіяхъ и познаніяхъ, то, конечно, искренно вѣрилъ, что имѣетъ ихъ или скоро будетъ имѣть. Жуковскаго же или Пушкина не нужно было ему заставлять говорить о немъ: безъ сомнѣнія, они сами обманывались или, лучше сказать, обольщались его историческими взглядами, его глубокимъ пониманіемъ исторіи и его учеными статьями". Высшаго мѣста онъ искалъ вовсе не изъ честолюбія или корыстныхъ видовъ. Честолюбіе его было выше мелочнаго тщеславія ступенью, занимаемою въ обществѣ, а матеріальныя выгоды никогда не составляли цѣли его жизни; онѣ были въ его глазахъ только средствами для осуществленія плановъ, постоянно занимавшихъ его душу. Письма его къ М. А. Максимовичу о каѳедрѣ всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, которой онъ напрасно домогался, покажутъ, для чего ему нужно было получить мѣсто профессора. Встрѣтивъ въ этомъ исканіи препятствія, онъ ограничился званіемъ адъюнкта въ столичномъ университетѣ. „Здѣсь онъ не переставалъ работать по мѣрѣ данныхъ ему Богомъ силъ, не переставалъ учиться и постоянно имѣлъ въ виду цѣль сдѣлаться наконецъ ученымъ, хорошимъ профессоромъ, именно историкомъ. Но его художническая природа мѣшала постоянно той пассивной дѣятельности, которая нужна для обогащенія себя свѣдѣніями. Его пониманіе исторіи не могло обратиться въ спокойное преподаваніе. Тѣмъ не менѣе съ юныхъ лѣтъ Гоголь дѣлалъ постоянныя усилія образовать себя, которыя тѣмъ болѣе имѣютъ въ себѣ заслуги, что для художника они тяжеле, нежели для всякаго другаго. Доказательствомъ этому служитъ его книга, находящаяся у его друга С. Т. А. и принадлежащая, очевидно, самой первой юности поэта. Въ этой книгѣ записывалъ онъ все для него нужное. Такія записныя книги видали у него постоянно. Чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе заставлялъ онъ себя заниматься, изучать, работать. Коротко его знавшіе могутъ это засвидѣтельствовать. Быстрота соображенія, геніальная отгадка смысла вещей и событій мѣшаетъ также заниматься послѣдовательно. Человѣкъ, для котораго смыслъ событія является выводомъ, часто тяжело добываемымъ долгими трудами, видитъ всю цѣну и необходимость для него этихъ трудовъ. Но для того, чей острый взоръ проникаетъ въ смыслъ событія, не дожидаясь полной окончательной работы, для того не составляетъ она той необходимости, какъ для медленно идущаго ума. Не хочу сказать, чтобы даръ прозрѣнія освобождалъ человѣка отъ труда, я хочу сказать только то, что этотъ даръ, предупреждая выводъ постепенный, мѣшаетъ послѣдовательности работы [1]. Вотъ почему Гоголь, желая служить какъ истинный гражданинъ своего отечества на поприщѣ преподаванія наукъ, далеко не достигъ своей цѣли, и когда въ концѣ 1835 г. вышло постановленіе, по которому онъ долженъ былъ выдержать испытаніе на степень доктора философіи, если бы пожелалъ занять профессорскую должность,—онъ предпочелъ лучше оставить государственную службу и служить отечеству исключительно на поприщѣ писателя.

О томъ, какъ онъ исполнялъ обязанности званія адъюнкта всеобщей

преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало» и проч. См. «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», стр. 143—144).

[1] Два мѣста въ этомъ оправданіи характера Гоголя, отмѣченныя кавычками, заимствованы авторомъ изъ письма къ нему С. Т. А.

исторіи и каково читалъ свои университетскія лекціи, мы имѣемъ прекрасный мемуаръ одного изъ его слушателей, г. Иваницкаго.

„Гоголь читалъ исторію Среднихъ вѣковъ“—говоритъ г. Иваницкій—„для студентовъ 2-го курса филологическаго отдѣленія. Началъ онъ въ сентябрѣ 1834 г., а кончилъ въ концѣ 1835 г. На первую лекцію онъ явился въ сопровожденіи инспектора студентовъ. Это было въ 2 часа. Гоголь вошелъ въ аудиторію, раскланялся съ нами и, въ ожиданіи ректора, началъ о чемъ то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать лекцію. Въ продолженіе этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно входилъ по ступенямъ каѳедры; сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ—на вторую, потомъ—на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать. Мнѣ кажется, однако жъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, развивалась совершенно логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ ужъ на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевлялся. Вотъ въ эту-то минуту ему и начать бы лекцію, но вдругъ вошелъ ректоръ... Гоголь долженъ былъ оставить на минуту свой постъ, который занялъ такъ ловко, и даже можно сказать, незамѣтно для самого себя. Ректоръ сказалъ ему нѣсколько привѣтствій, поздоровался со студентами и занялъ приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впалъ въ прежнее тревожное состояніе: опять лицо его поблѣднѣло и приняло болѣзненное выраженіе. Но медлить ужъ было нельзя; онъ вошелъ на каѳедру, и лекція началась...

„Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужъ Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова въ слово напечатана въ „Арабескахъ“, кажется, подъ заглавіемъ: „О характерѣ исторіи Среднихъ вѣковъ“. Ясно, что въ такомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но уже не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ, и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова.

Лекція продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышелъ изъ аудиторіи, мы окружили его въ сборной залѣ и просили, чтобы онъ далъ намъ эту лекцію въ рукописи. Гоголь сказалъ, что она у него набросана только вчернѣ, но что со временемъ онъ обработаетъ ее и дастъ намъ, а потомъ прибавилъ: на первый разъ я старался, господа, показать вамъ только главный характеръ исторіи Среднихъ вѣковъ; въ слѣдующій разъ мы примемся за самые факты и должны будемъ вооружиться для этого анатомическимъ ножемъ“.

„Мы съ нетерпѣніемъ ждали слѣдующей лекціи. Гоголь пріѣхалъ довольно поздно и началъ ее фразой: „Азія была всегда какимъ-то народовержущимъ вулканомъ. Потомъ поговорилъ немного о великомъ переселеніи народовъ, но такъ вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не вѣрили сами себѣ, тотъ ли это Гоголь, который на прошлой недѣлѣ прочелъ такую блестящую лекцію. Наконецъ, указавъ

намъ на какіе-то курсы, гдѣ мы можемъ прочесть объ этомъ предметѣ, онъ раскланялся и уѣхалъ. Вся лекція продолжалась 20 минутъ. Слѣдующія лекціи были въ томъ же родѣ, такъ что мы совершенно наконецъ охладѣли къ Гоголю; аудиторія его все больше и больше пустѣла.

Но вотъ однажды—это было въ октябрѣ—ходимъ мы по сборной залѣ и ждемъ Гоголя. Вдругъ входятъ Пушкинъ и Жуковскій. Отъ Швейцара, конечно, они ужъ узнали, что Гоголь еще не пріѣхалъ, и потому, обратясь къ намъ, спросили только, въ которой аудиторіи будетъ читать Гоголь. Мы указали на аудиторію. Пушкинъ и Жуковскій заглянули въ нее, но не вошли, а остались въ сборной залѣ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ Гоголь, и мы вслѣдъ за тремя поэтами вошли въ аудиторію и сѣли по мѣстамъ. Гоголь вошелъ на каѳедру, и вдругъ, какъ говорится, ни съ того, ни съ другаго, началъ читать взглядъ на исторію Аравитянъ. Лекція была блестящая, въ такомъ же родѣ какъ и первая. Она вся изъ слова въ слово напечатана въ „Арабескахъ". Видно, что Гоголь зналъ заранѣе о намѣреніи поэтовъ пріѣхать къ нему на лекцію, потому приготовился угостить ихъ поэтически. Послѣ лекціи Пушкинъ заговорилъ о чемъ-то съ Гоголемъ, но я слышалъ одно только слово: „увлекательно .."

„Всѣ слѣдующія лекціи Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событіе, ни одно лицо историческое не вызвало его на бесѣду живую и одушевленную... Какими-то сонными глазами смотрѣлъ онъ на прошедшіе вѣка и отжившія племена. Безъ сомнѣнія, ему самому было скучно, и онъ видѣлъ, что скучно и его слушателямъ Бывало, пріѣдетъ, поговоритъ съ полчаса съ каѳедры, уѣдетъ, да ужъ и не показывается цѣлую недѣлю, а иногда и двѣ. Потомъ опять пріѣдетъ, опять та же исторія. Такъ прошло время до мая".

„Наступилъ экзаменъ. Гоголь пріѣхалъ подвязанный чернымъ платкомъ: не знаю ужъ, зубы у него болѣли, что ли. Вопросы предлагалъ бывшій ректоръ И. П. Ш. Гоголь сидѣлъ въ сторонѣ и ни во что не вступался. Мы слышали ужъ тогда, что онъ оставляетъ университетъ и ѣдетъ на Кавказъ. Послѣ экзамена мы окружили его и изъявили сожалѣніе, что должны разстаться съ нимъ. Гоголь отвѣчалъ, что здоровье его разстроено, и что онъ долженъ перемѣнить климатъ:

„Теперь я ѣду на Кавказъ: мнѣ хочется застать тамъ еще свѣжую зелень; но я надѣюсь, господа, что мы когда-нибудь еще встрѣтимся".

Поѣздка эта, однако-жъ, не состоялась, не знаю почему.

2.

До сихъ поръ мы видѣли Гоголя-писателя то въ его сношеніяхъ съ журналистами, то въ хлопотахъ объ уничтоженіи неудавшейся поэмы. то въ фантастической поѣздкѣ за море, то на службѣ, то у его покровителей; но все это не болѣе, какъ видѣть человѣка внѣ дома. Войдемъ теперь въ его кабинетъ и посмотримъ, каковъ онъ у себя дома, посреди своихъ любимыхъ занятій, съ своими скрытыми отъ свѣта горестями и наслажденіями. Эта часть втораго періода его жизни довольно полно высказалась въ перепискѣ его съ извѣстнымъ писателемъ М. А. Максимовичемъ. Максимовичъ, будучи сперва профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ, а потомъ профессоромъ русской словесности въ университетѣ св. Владиміра, имѣлъ много слушателей, разсѣянныхъ теперь по всей Россіи. Его знаютъ не по однимъ его сочиненіямъ и изданіямъ, и потому письма къ нему Гоголя должны быть гораздо интереснѣе, не-

жели если бъ они были обращены къ лицу, о которомъ читатель не составилъ себѣ никакого предварительнаго понятія.

Знакомство ихъ началось съ 1829 г., когда г. Максимовичъ, посѣтивъ Петербургъ, видѣлъ Гоголя за чаемъ у одного общаго ихъ земляка, гдѣ собралось еще нѣсколько Малороссіянъ. По словамъ его, Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдался изъ круга собесѣдниковъ, и онъ не сохранилъ въ памяти даже наружности будущаго замѣчательнаго писателя. Потомъ, уже въ 1832 г., когда Гоголь проѣзжалъ черезъ Москву, Максимовичъ пріѣхалъ къ нему въ гостинницу познакомиться съ авторомъ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки». Гоголь встрѣтилъ своего гостя, какъ стараго знакомаго, видѣвъ его три года тому назадъ не болѣе какъ въ продолженіи двухъ часовъ, и Максимовичу стоило большаго труда не дать замѣтить поэту, что онъ совсѣмъ его не помнитъ. По словамъ Максимовича, Гоголь былъ тогда хорошенькимъ молодымъ человѣкомъ, въ шелковомъ архалукѣ вишневаго цвѣта. Оба они заняты были въ то время Малороссіею: Гоголь готовился писать исторію этой страны, а Максимовичъ собирался печатать свои «Украинскія народныя пѣсни", и потому они нашли другъ друга очень интересными людьми. Немного времени провели они вмѣстѣ, но съ этой поры начинается рядъ писемъ Гоголя къ Максимовичу въ высшей степени замѣчательныхъ.

Въ первомъ изъ нихъ, отъ 12 декабря 1832 г., дѣло идетъ о виньеткѣ къ „Украинскимъ народнымъ пѣснямъ". Гоголь не можетъ отыскать какого-то художника „Малоросса въ обоихъ смыслахъ", который, по его словамъ, „одинъ могъ бы сдѣлать національную виньетку", и жалѣетъ, что задержалъ этимъ издателя пѣсенъ.

„Я до сихъ поръ не пересталъ досадовать на судьбу", говоритъ онъ между прочимъ, „столкнувшую насъ мелькомъ на такое короткое время. Не досталось намъ ни покалякать о томъ и о семъ, ни помолчать, глядя другъ на друга".

Уже однѣ эти строки показываютъ, что Гоголя нельзя было упрекнуть въ холодности къ друзьямъ, въ которой упрекаютъ его многіе. Обширный планъ литературной дѣятельности, начертанный имъ въ третьемъ періодѣ его существованія, поглотилъ всѣ его нравственныя силы, набросилъ на его лицо покровъ холодности и наложилъ печать молчанія на уста его; но были минуты, когда его душевный жаръ къ человѣку вообще и товарищамъ ранней молодости въ особенности обнаруживался во всей весенней свѣжести, и это, я увѣренъ подтвердится впослѣдствіи множествомъ его писемъ.

Слѣдующее изъ писемъ Гоголя къ г. Максимовичу, находящихся у меня въ рукахъ, писано черезъ семь мѣсяцевъ послѣ перваго, именно 2 іюля 1833 года. Въ немъ Гоголь жалуется на изнурительный петербургскій климатъ.

Въ промежутокъ между іюлемъ и ноябремъ съ Гоголемъ случилось нѣчто необыкновенное. Можетъ быть, то были непріятности по службѣ или по предмету его литературныхъ занятій...

Обратите вниманіе на строки, напечатанныя курсивомъ въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ изъ Петербурга, отъ 9 ноября.

„Я чертовски досадую на себя за то, что ничего не имѣю, чтобы прислать вамъ въ вашу „Денницу". У меня есть сто разныхъ началъ и ни одной повѣсти, и ни одного даже отрывка полнаго, годнаго для альманаха. Смирдинъ изъ другихъ уже рукъ досталъ одну мою старинную

повѣсть [1]), о которой я совсѣмъ было позабылъ, и которую я стыжусь назвать своею; впрочемъ, она такъ велика и неуклюжа, что никакъ не годится въ вашъ альманахъ. Не гнѣвайтесь на меня, мой милый, и отъ всей души и сердца любимый мой землякъ. Я вамъ въ другой разъ непремѣнно приготовлю, что вы хотите. Но не теперь: *еслибы вы знали, какіе со мной происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня. Боже, сколько я пережилъ, сколько перестрадалъ! Но теперь я надѣюсь, что все успокоится, и я буду снова дѣятельный, движущійся*. Теперь я принялся за исторію нашей Украины. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили".

«Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! моя радость, жизнь моя пѣсни! какъ я васъ люблю! что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!... Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними—прелесть. Я вамъ ихъ спишу [2]... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да! я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю. Это все равно если бы кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ и не объявилъ бы ей. Велите переписать четкому, красивому писцу въ тетрать in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дождаться печатнаго; притомъ я тогда буду знать, какія присылать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни [3]. Даже не историческія—онѣ все даютъ по

---

[1] То была «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная Смирдинымъ въ «Новосельѣ».—[2] Это обѣщаніе было исполнено. У М. А. Максимовича хранится тетрадь пѣсенъ, переписанныхъ Гоголемъ собственноручно (Н. М.).—[3] Въ началѣ 1834 г. Гоголь напечаталъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 34) и въ «Московскомъ Телеграфѣ» (№ 3, стр. 523) слѣдующее объявленіе: *Объ изданіи исторіи малороссійскихъ казаковъ*:—«До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частію не полныхъ и не указавшихъ до нынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое она получила политическое устройство, находясь подъ чужимъ владѣніемъ; какъ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностію характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; какъ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи, какъ изчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; какъ мало по малу вся страна получила новыя, взамѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіею. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ боль-

новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе прошедшую жизнь и прошедшихъ людей,—велите сдѣлать это скорѣе. Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ сотъ, и, что замѣчательно, что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые.

Прощайте милый землякъ, не забывайте меня, какъ я не забываю васъ... [1] Лучше вычеркнуть...

Пишите ко мнѣ. Вѣчно вашъ Н. Гоголь».

Читатель теперь видитъ, что я не напрасно распространился о первоначальныхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался Гоголь въ родной своей сферѣ: они были могущественны и дали его чувствамъ, мыслямъ и словамъ поэтическій строй, показавшійся столь оригинальнымъ всей Россіи. Письма его, при всей небрежности его языка и изложенія, обнаруживаютъ яснѣе, нежели печатныя сочиненія, изъ какого жерла лился потокъ его вдохновенія, и у кого учился онъ дивному своему искусству одной строкой выражать цѣлый образъ. Итакъ, будемъ продолжать ихъ чтеніе.

Въ то время Кіевскій университетъ только что начиналъ организоваться. М. А. Максимовичъ желалъ поступить на каѳедру русской словесности, а къ Гоголю писалъ, чтобъ онъ искалъ для себя каѳедры всеобщей исторіи. (вспомнимъ, что Гоголь тогда былъ еще старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ). На это-то письмо Гоголь отвѣчалъ ему, не выставя числа:

„Благодарю тебя за все: за письмо, за мысли въ немъ, за новости и проч. Представь, я тоже думалъ: туда! туда! въ Кіевъ! въ древній, въ прекрасный Кіевъ! тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Да, я работаю. Я всѣми силами стараюсь; но на меня находитъ страхъ: „можетъ быть, и не успѣю!“ Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или лучше, не онъ, но несносный климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! тамъ можно обновиться всѣми силами. Развѣ это малость? Но меня смущаетъ, если это не исполнится!... Если же исполнится, да ты надуешь, тогда одному пріѣхать въ этотъ край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не имѣть съ кѣмъ заговорить языкомъ души—это страшно! хорошо если бъ попалъ туда кто-нибудь изъ извѣстныхъ людей, истинно просвѣщенныхъ и также чистыхъ и добрыхъ душою, какъ мы съ тобою. Я говорилъ Пушкину о стихахъ. Онъ написалъ путешествуя двѣ большія піесы, но отрывковъ изъ нихъ не хочетъ давать, а обѣщается написать нѣсколько маленькихъ. Я съ своей стороны употреблю стараніе его подгонять.

„Прощай до слѣдующаго письма. Жду съ нетерпѣньемъ отъ тебя

шимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ) имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіеся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то по крайней мѣрѣ въ копіяхъ». (Н. М.). — [1] Далѣе $2^1/_2$ стр. въ письмѣ зачеркнуты.

обѣщанной тетради пѣсенъ, тѣмъ болѣе, что безпрестанно получаю новыя, изъ которыхъ много есть историческихъ, еще больше прекрасныхъ. Впрочемъ, я нетерпѣливѣе тебя, и никакъ не могу утерпѣть, чтобы не выписать здѣсь одной изъ самыхъ интересныхъ, которой вѣрно у тебя нѣтъ"....

Въ числѣ писемъ Гоголя къ Максимовичу есть письма довольно обыкновенныя; но въ нихъ мѣстами вспыхиваетъ искра чувства, или ума, или юмора. При томъ же изъ нихъ видны отношенія нашего поэта къ современнымъ писателямъ, взглядъ его на тогдашнія литературныя явленія, манера его обращаться съ людьми, и т. д.

Одно письмо замѣчательно по признанію поэта въ чувствахъ, привязывающихъ его къ Петербургу. Гоголь рѣдко, даже и настолько, обнаруживалъ передъ кѣмъ бы то ни было сердечныя дѣла свои. Люди, которыхъ дружба удерживала его на сѣверѣ, безъ сомнѣнія, были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетневъ. Въ его письмахъ мѣстами проглядываетъ, мимо вѣдома писавшаго, истинный языкъ этого тѣснаго кружка поклонниковъ прекраснаго, какъ въ этомъ согласится каждый, кто близко зналъ хоть одного изъ нихъ. Они благоухаютъ ароматами святилища, въ которое открытъ былъ доступъ украинскому барду.

Въ другомъ письмѣ Гоголь хвалится, что пишетъ исторію Среднихъ вѣковъ, которой никогда не суждено было быть оконченною, и ни слова не говоритъ о „Тарасѣ Бульбѣ" и прочихъ миргородскихъ повѣстяхъ, которыя занимали его умъ въ это время. Впрочемъ, въ письмѣ отъ 23-го авг. 1834 г., онъ говоритъ, что „трудится какъ лошадь надъ собственно своими вещами"; видно это-то и были миргородскія повѣсти. Онъ до тѣхъ поръ строилъ и перестраивалъ свою „ИсторіюМалороссіи", пока изъ мертваго хлама лѣтописныхъ сказаній поднялся живой энергическій образъ Тараса Бульбы. Эта размашистая фигура высказала яснѣе всевозможныхъ томовъ, какова была старинная жизнь Малороссіи, и какъ понималъ ее Гоголь. Кажется и самъ авторъ „Миргорода" созналъ эту истину, потому что, напечатавъ „Тараса Бульбу", отложилъ попеченіе объ исторіи Малороссіи и уже никогда къ ней не возвращался....

Одно письмо выражаетъ ликующее состояніе его души по совершеніи долгаго, и по собственному его признанію, тяжелаго труда. Вѣроятно, такіе судьи, какъ Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и Плетневъ, не замедлили увѣнчать чело поэта свѣжими, вполнѣ заслуженными лаврами, и подъ вліяніемъ восторженнаго сознанія своего успѣха онъ, вѣроятно, дѣлалъ не разъ то, что совѣтуетъ въ этомъ письмѣ г. Максимовичу, и что потомъ въ каррикатурномъ видѣ уступилъ Чичикову. Это будетъ письмо автора „Тараса Бульбы", еще не совсѣмъ отрѣшившагося отъ своего бурно-веселаго, заунывно-разгульнаго идеала. Уже одно начало показываетъ, что авторъ только что воротился съ Запорожской Сѣчи.

Марта 22 (1835, изъ С.-Петербурга).

«Ой чи живы, чи здоровы,
«Всѣ родичи гарбузовы? [1])

„Благодарю тебя за письмо. Оно меня очень обрадовало, во-первыхъ

---

[1] Изъ народной комической пѣсни:
«Ходыть гарбузъ по городу,
Пытаецца свого рода.... (Н. М.).

потому, что не коротко, а во-вторыхъ потому, что я изъ него больше гораздо узналъ о твоемъ образѣ жизни.

Посылаю тебѣ „Миргородъ". Авось-либо онъ тебѣ придется по душѣ. По крайней мѣрѣ я бы желалъ, чтобы онъ прогналъ хандрическое расположеніе духа, которое, сколько я замѣчаю, иногда овладѣваетъ тобой и въ Кіевѣ. Ей Богу, мы всѣ странно отдалились отъ нашихъ первосозданныхъ элементовъ. Мы никакъ не привыкнемъ (особенно ты) глядѣть на жизнь какъ на трынъ-траву, какъ всегда глядѣлъ казакъ. Пробовалъ ли ты когда-нибудь, вставши по утру съ постели, дернуть въ одной рубашкѣ по всей комнатѣ трепака? Послушай, братъ: у насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть новая веселость..."

Гоголь исполнилъ обѣщаніе, данное земляку и другу въ письмѣ отъ 20 іюля 1835 года. Онъ посѣтилъ его въ Кіевѣ, на пути въ столицу, и прожилъ у него около пяти сутокъ. Г. Максимовичъ занималъ тогда квартиру въ домѣ Катеринича, на Печеркѣ.[1] Отсюда Гоголь отправлялся на разныя прогулки по Кіеву и его окрестностямъ, въ сопровожденіи г. Максимовича или кого-нибудь изъ товарищей по Нѣжинской гимназіи, служившихъ въ Кіевѣ. На лаврской колокольнѣ, откуда открывается панорама гористаго Кіева и его окрестностей, можно видѣть собственноручную его надпись. Онъ долго просиживалъ на горѣ у церкви Андрея Первозваннаго и разсматривалъ видъ на Подолъ и на днѣпровскіе луга. Въ то время въ немъ еще не было замѣтно мрачнаго сосредоточенія въ самомъ себѣ и сокрушенія о своихъ грѣхахъ и недостаткахъ; онъ былъ еще живой и даже немножко вѣтреный юноша. У г. Максимовича хранятся пѣсни записанныя въ Кіевѣ отъ его знакомыхъ и относящіяся къ нѣкоторымъ кіевскимъ мѣстностямъ. Безотчетная склонность его къ юмору, которой онъ только впослѣдствіи далъ опредѣленное направленіе, ни въ чемъ не находила столько пищи, какъ въ этомъ весьма обширномъ отдѣлѣ малороссійской народной поэзіи...

Здѣсь кстати указать аналогію между характеромъ Гоголя и характеромъ украинской пѣсни. Никто изъ современныхъ писателей русскихъ и иностранныхъ не бросалъ на жизнь такого грустнаго взгляда какъ Гоголь. Самъ Байронъ слабѣе его чувствовалъ паденіе натуры человѣческой. Гордый своими достоинствами Англичанинъ раздражался ничтожествомъ ближняго или общественными пороками. Гоголь, напротивъ, съ смиреніемъ христіанина, сознавалъ на своей душѣ ужасавшіе его отпечатки соприкосновеній съ людьми, которые его окружали, и страдалъ отъ своего дара измѣрять всю глубину бездны, въ которую онъ былъ повергнутъ [2]. Его сердечные вопли были вопли души, низринутой въ адъ съ высоты самообольщенія и очнувшейся посреди грѣховныхъ страшилищъ. Невозможно взять ноты болѣе грустной тѣхъ, какія онъ бралъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрите, съ какимъ дѣтскимъ увлеченіемъ предавался онъ са-

---

[1] Недалеко отъ стараго Никольскаго монастыря съ одной и Царскаго суда съ другой стороны (Н. М.).—[2] Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ—говоритъ онъ въ своемъ «Завѣщаніи»—но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ сего міра, но о своей собственной чернотѣ. *Страшна душевная чернота*, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть стоитъ передъ глазами. («Выбр. мѣста изъ переписки съ друзьями» стр. 9).

мой беззаботной веселости, даже и не въ первые періоды своей жизни,—даже и тогда, когда онъ смѣялся уже горькимъ смѣхомъ. То не было, однако жъ, въ немъ признакомъ довольства жизнью и собою; онъ никогда не бывалъ доволенъ ни собою, ни другими вполнѣ; съ школьной скамейки онъ уже возсталъ противъ того, что онъ называлъ тогда „корою земности и ничтожнаго самодоволія", которыя подавляли въ его ближнихъ „высокое назначеніе человѣка" и это безпокойное чувство было залогомъ постояннаго развитія его духа. То было инстинктивное побужденіе природы—вознаграждать утрату главнаго элемента жизни, сердечной веселости, смѣхомъ, проистекающимъ извнѣ человѣка и замѣняющимъ для нашего сердца только въ слабой степени тотъ животворный смѣхъ, которымъ смѣется ребенокъ, или неопытная дѣвушка, не вкусившая въ жизни еще никакой отравы. То была строгая необходимость отдыха и забытья для тяжко напряженной нравственной жизни.

Если мы предложимъ себѣ вопросъ, откуда въ Гоголѣ явился такой оригинальный строй духа, если мы пройдемъ вверхъ по теченію его жизни, станемъ разсматривать всѣ сильныя вліянія, которымъ онъ подвергался въ разные ея моменты, станемъ доискиваться, не встрѣчалъ ли онъ когда-либо чего-нибудь однороднаго съ тономъ и складомъ своего творчества: то ни его сближеніе съ такими поэтами, какъ Пушкинъ и Жуковскій, ни изученіе твореній Гомера, Шекспира, Шиллера и Вальтеръ-Скотта, отпечатлѣвшееся на его сочиненіяхъ, ни положеніе его въ школѣ, посреди немногихъ друзей и, такъ называемыхъ имъ, „существователей," ни домашняя жизнь въ Яновщинѣ, гдѣ онъ, по собственнымъ словамъ, былъ „окруженъ съ утра до вечера веселіемъ." ни внушеніе отца, ни любовь матери, ни неизбѣжное баловство со стороны такихъ „кроткихъ, безхитростныхъ душъ", каковы были его Аѳанасій Иванычъ и Пульхерія Ивановна,—ничто это, по крайнему разумѣнію, не должно было назнаменовать въ его душѣ тотъ дивный путь, которымъ пошелъ его природный геній. Гораздо ранѣе разумнаго сознанія своихъ ощущеній подвергнулся онъ вліянію, которое дѣйствуетъ на поэтическую душу сильнѣе, нежели что-либо впослѣдствіи, и даетъ ей неизмѣнное направленіе. То была народная поэзія племени, котораго нравственныя свойства въ такой полнотѣ отразила въ себѣ Гоголева натура.

„Я думаю—говоритъ Вальтеръ-Скоттъ, описывая свое дѣтство—что дѣти получаютъ могущественныя и важныя для ихъ послѣдующей жизни побужденія, слушая такія вещи, которыхъ они не въ состояніи вполнѣ понимать, и оправдываетъ это глубокомысленное замѣчаніе изложеніемъ весьма раннихъ вліяній, которымъ онъ былъ обязанъ господствующимъ направленіемъ своего генія.

Зная, какъ развивался въ дѣтствѣ шотландскій бардъ, зная, что всего прежде, всего рѣшительнѣе и всего могущественнѣе увлекало его поэтическую душу, и даже находя между нимъ и Гоголемъ много общаго въ энтузіазмѣ, съ которымъ тотъ и другой предавались изученію своей національной поэзіи, въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, я не безъ основанія буду утверждать, что голоса украинскихъ пѣсенъ, поражавшія слухъ Гоголя еще въ колыбели, и содержаніе ихъ, рано сдѣлавшееся для него доступнымъ въ общемъ своемъ характерѣ, дали еще неподвижному зародышу его творчества характеръ трагической грусти и лирическаго смѣха, развившійся впослѣдствіи до такой поразительной силы. Ибо ни у одного народа пѣсни не выходятъ изъ такой мрачной душевной глубины, какъ у Малороссіянъ, и ни одно племя на землѣ не способно послѣ горькаго плача, послѣ разрывающаго сердце отчаянія, смѣяться такимъ всепобѣждаю-

щимъ смѣхомъ, какимъ смѣются они въ своихъ комическихъ и саркастическихъ пѣсняхъ. Переходъ отъ горести къ смѣху и отъ смѣха къ горю въ ихъ поэзіи и натурѣ такъ быстръ и такъ естественъ, что вся ихъ жизнь похожа на мрачную ткань, затканную блестящимъ шелкомъ, который, рисуя на одной сторонѣ яркіе цвѣты, тою же ниткою выражаетъ на оборотѣ по сіяющему полю траурные узоры. Отсюда происходитъ, что „подъ видимымъ смѣхомъ" у Гоголя всегда „скрываются незримыя, невѣдомыя міру слезы", а по мрачной ткани его фантазіи вездѣ разсыпаны сверкающіе цвѣты восторга и яснаго сердечнаго хохота.

Возвратясь осенью 1835 г. въ Петербургъ, Гоголь почувствовалъ сильнѣе прежняго необходимость поправить свое здоровье въ тепломъ климатѣ и началъ готовиться къ путешествію на Кавказъ или въ другой подобный край заблаговременно. Второе изданіе «Вечеровъ на Хуторѣ» и постановка на сцену «Ревизора» доставили ему къ тому средства. Но кто бы могъ думать, что авторъ такой смѣшной (я не говорю: веселой) комедіи, какъ „Ревизоръ", страдалъ отъ нея не только во время ея представленія, но и за долго до него? Причины его страданій объяснить трудно. Довольно, впрочемъ, сказать, что онъ самъ ставилъ на сцену свою комедію и усиливался образовать для нея актеровъ—подвигъ требующій усилій продолжительныхъ и авторитета непреложнаго. До какой степени удались ему хлопоты, видно отчасти изъ «Письма къ одному литератору", напечатаннаго имъ впослѣдствіи (съ сокращеніями) въ приложеніяхъ къ «Ревизору».

«Ревизоръ сыгранъ—говоритъ онъ—и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно тягостное облекало меня. Мое же созданіе мнѣ показалось противно, дико и какъ будто вовсе не мое».

Далѣе:

«И такъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ—просто блѣдное лицо, а я въ порывѣ минутнаго горделиваго расположенія, думалъ, что когда нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта? И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно.—Съ самаго начала представленія піесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся,—и этотъ судья былъ я самъ. Внутри себя слышалъ я упреки и ропотъ противъ моей же піесы, которые заглушали всѣ другія ... Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣла меня тоска.... Я усталъ душою и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя піеса. Я хотѣлъ бы бѣжать теперь Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего.

Это было писано 25 мая 1836 года. Прочитавъ этотъ отрывокъ, каждый почувствуетъ, до какой степени душевныя силы поэта были истощены стараніями выразить своею комедіею непонятное для ея исполнителей и непріятными столкновеніями съ людьми, которые не знали цѣны его таланту и не щадили его сердца. Имъ овладѣла тоска, которую долженъ былъ бы почувствовать каждый художникъ, обманувшійся въ своихъ гордыхъ надеждахъ, и тѣмъ сильнѣе она одолѣла его, что здоровье его было изнурено множествомъ написанныхъ имъ съ 1829 г. сочиненій, трудами

по службѣ и приготовленіями къ такимъ работамъ, какъ «Исторія Малороссіи» въ шести и „Исторія Среднихъ вѣковъ“ въ девяти томахъ. Ему необходимо было вырваться изъ своей сферы и искать спокойствія и изцѣленія вдали отъ отечества, среди нѣмыхъ для него племенъ, среди посторонних для него интересовъ, среди памятниковъ минувшаго времени, столь успокоительно говорящихъ поэтической душѣ [1], среди безсмертныхъ созданій кисти и рѣзца, среди вѣчной весны, которой онъ такъ жаждалъ бывало въ Петербургѣ, и о которой писалъ своему другу въ Кіевъ: „Дай мнѣ ее одну, одну,—и никого больше я не желаю видѣть!“

Такъ слѣдовало заключить о немъ изъ извѣстныхъ доселѣ внутреннихъ и внѣшнихъ его обстоятельствъ. Но, сообразивъ первыя стремленія къ общей пользѣ съ практическимъ направленіемъ его литературной дѣятельности, высказавшемся въ «Перепискѣ съ друзьями» и въ самыхъ «Мертвыхъ Душахъ,» невольно остановишься на мысли, что приведенныя выше обстоятельства не могли бы еще подвинуть его на увольненіе отъ службы и переѣздъ за границу. Государственную службу Гоголь съ самой юности считалъ цѣлью своего существованія и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, перепробовалъ нѣсколько родовъ ея, ища поприща на которомъ онъ могъ бы всего больше приносить пользы. Наконецъ наблюденія надъ самимъ собою, а можетъ быть, и внушенія Пушкина убѣдили его, что настоящее его призваніе литература, и что только на этомъ поприщѣ онъ будетъ истинно полезенъ своему отечеству. „Ревизоръ“ при всей неудовлетворительности постановки на сцену этой піесы, показалъ ему, что можетъ сдѣлать писатель, возгорѣвшійся любовію къ добру и сатирическимъ „гнѣвомъ“ къ недостойному въ человѣкѣ. Съ первымъ наброскомъ „Мертвыхъ душъ,“ читанныхъ Пушкину, въ головѣ его явилась неясная, но предчувствуемая силою вдохновенія мысль цѣлаго созданія, которымъ „можно устремить общество или даже все поколѣніе къ прекрасному;“ почувствовавъ все величіе подобнаго подвига, онъ убѣдился окончательно, что поступитъ „честно.“ если перемѣнитъ службу государственную на службу царю и отечеству посредствомъ литературы. Но чтобы выносить въ душѣ идею задуманнаго созданія, ему было необходимо такое мѣсто, куда бы, какъ выражался онъ, „не доходили до него волненія.“ Такого мѣста онъ не имѣлъ въ Россіи. Здѣсь на него многіе имѣли права, которыхъ онъ не могъ и не желалъ отвергнуть. Онъ безпрестанно прикасался здѣсь къ мелкой ежедневной дѣйствительности, а ему нужно было провести много времени наединѣ съ Богомъ, съ природой и съ своей душой. Этого мало: сама Россія не могла предстать его уму во всей громадности своего образа, пока онъ находился посреди соотечественниковъ. Онъ долженъ былъ отойти отъ нея, чтобы обнять ее всю своимъ духовнымъ взоромъ, и чтобы въ удаленіи отъ отечества возгорѣться свѣжею къ нему любовью. Такимъ образомъ желаніе послужить вѣрою и правдою своему царю и народу, а не какіе нибудь мелкіе эгоистическіе разсчеты заставили Гоголя выйти въ отставку и уѣхать изъ Россіи. Это можно сказать рѣшительно, основываясь на его письмахъ, на его душевныхъ призваніяхъ и на всѣхъ его поступкахъ до конца жизни. Онъ былъ примѣрный гражданинъ земли своей, отъ юности до смерти оставшійся вѣрнымъ одной благородной цѣли—приносить пользу обществу; ибо, чтобы онъ не предпринималъ, чѣмъ бы не увлекался, мысль о службѣ отечеству и верхов-

---

[1] Вспомнимъ слова Гоголя въ письмѣ къ Максимовичу отъ 9 ноября 1833 г.: «Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія.

ному представителю отечества, царю, выражаясь его словами, „пребывала неотлучно въ головѣ его впереди всѣхъ его дѣлъ и занятій“.

Изъ „Воспоминаній“.

I.

Я не знаю болѣе отраднаго воспоминанія изъ моей ранней молодости, какъ воспоминаніе жизни у Григорія Ивановича [1]). Она продолжалась два года съ половиной, и хотя въ концѣ ясность ея помутилась, но въ благодарной памяти моей сохранились живѣе и отчетливѣе только утѣшительныя картины. Долго не соглашался Григорій Ивановичъ взять меня; но за то, согласившись, посвятилъ мнѣ всего себя. Ученье въ классахъ, съ успѣхомъ продолжаемое, было однако дѣломъ второстепеннымъ: главнымъ дѣломъ были упражненія домашнія. Я постоянно ходилъ только къ нѣкоторымъ учителямъ; классы же ариѳметики, рисованья и калиграфіи посѣщались мною рѣдко; въ эти часы я работалъ дома подъ руководствомъ моего разумнаго наставника. Странное дѣло, что математика рѣшительно не шла мнѣ въ голову! Григорій Ивановичъ сначала усердно занимался со мною, и нельзя сказать, чтобъ я не понималъ его необыкновенно ясныхъ толкованій, но я сейчасъ забывалъ понятое, и Григорій Ивановичъ подумалъ, что я даже не понимаю ничего. Зная, что я былъ друженъ съ лучшимъ студентомъ математики Александромъ Княжевичемъ, онъ предложилъ ему попробовать заняться со мною, и что же? У Княжевича я понималъ гораздо лучше, чѣмъ у Григорія Ивановича, и дольше помнилъ. Но все это ни къ чему не повело: чрезъ нѣсколько дней не оставалось въ головѣ моей ни одного предложенія, ни одного доказательства. Отличная память моя—относительно математики оказывалась чистымъ листомъ бѣлой бумаги, на которомъ не сохранилось ни одного математическаго знака! А потому наставникъ мой, сообразно моимъ природнымъ наклонностямъ и способностямъ, устроилъ планъ моего образованія: общаго, легкаго, преимущественно литературнаго. Онъ выписалъ для меня немедленно множество книгъ. Сколько могу припомнить, это были: Ломоносовъ, Державинъ [2], Дмитріевъ, Капнистъ и Хемницеръ. У меня былъ уже Сумароковъ и Херасковъ, но Григорій Ивановичъ никогда не читалъ ихъ со мною. На французскомъ языкѣ были выписаны: Массильонъ, Флешье и Бурдалу, какъ проповѣдники; сказки Шехеразады, Донъ-Кихотъ, смерть

---

[1] *Григорій Ивановичъ Карташевскій*, старшій учитель Казанской гимназіи (гдѣ С. Т. Аксаковъ обучался), преподававшій чистую математику.—[2] Тогда находился въ печати только одинъ томъ одъ Державина и еще небольшой томикъ анакреонтическихъ стихотвореній (пр. Акс.).

Авеля, Геснеровы Идилліи, Векфильдскій священникъ, двѣ натуральныя исторіи, и въ томъ числѣ одна съ картинками, какихъ авторовъ — не знаю. Натуральная исторія была для меня самой привлекательной наукой. Другихъ книгъ не припомню, но были и еще какія-то. Воспитатель мой прежде всего занялся со мною иностранными языками, преимущественно французскимъ, въ которыхъ я, да почти и всѣ ученики, былъ очень слабъ; въ три мѣсяца я могъ свободно читать и понимать всякую французскую книгу. Ученье вокабулъ, грамматики и разговоръ шло само по себѣ въ классѣ; но дома я ничего не училъ наизусть. Григорій Ивановичъ бралъ книгу, заставлялъ меня читать и переводить словесно. Сначала я ровно ничего не понималъ, и это было мнѣ дико и скучно; но учитель мой упорно продолжалъ свою методу, и скорый успѣхъ удивилъ и обрадовалъ меня. Неизвѣстныя слова я записывалъ особо, потомъ словесный переводъ, всегда повторенный два раза, писалъ на бумагѣ; при моей свѣжей памяти я, не уча, всегда зналъ наизусть на другой же день и французскій оригиналъ, и русскій переводъ, и всѣ отдѣльно записанныя слова. Первая прочитанная и переведенная мною статья была изъ французской хрестоматіи: Les aventures d' Aristonoy; непосредственно послѣ нея я началъ читать и переводить Шехерезаду, а потомъ Донъ-Кихота. Нѣкоторыя мѣста мнѣ не позволялось читать и я съ точностію исполнялъ приказаніе. Боже мой! какъ было мнѣ весело учиться по такимъ веселымъ и увлекательнымъ книгамъ! Даже теперь, по прошествіи пятидесяти лѣтъ, я вспоминаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ объ этихъ чтеніяхъ, помню, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидался я назначеннаго для нихъ времени, почти всегда немедленно послѣ обѣда!

Григорій Ивановичъ серьзно занимался своей наукой и, пользуясь трудами знаменитыхъ тогда ученыхъ по этой части, писалъ собственный курсъ чистой математики для преподаванія въ гимназіи: онъ читалъ много нѣмецкихъ писателей, философовъ, и постоянно совершенствовалъ себя въ латинскомъ языкѣ. Читая же со мною Шехерезаду и Донъ-Кихота, онъ отдыхалъ отъ своихъ умственныхъ трудовъ и отъ души хохоталъ вмѣстѣ со мною, какъ совершенный мнѣ ровесникъ, или лучше сказать, какъ дитя, чѣмъ сначала приводилъ меня въ большое изумленіе: въ это время нельзя было узнать моего наставника; вся его сухость и строгость изчезали, и я полюбилъ его такъ горячо, какъ роднаго старшаго брата, хотя въ то же время очень его боялся. Но когда я довольно успѣлъ во французскомъ языкѣ, чтеніе русскихъ писателей, преимущественно стихотворцевъ, сдѣлалось главнѣйшимъ нашимъ занятіемъ. Григорій Ивановичъ такъ хорошо, такъ понятно объяснялъ мнѣ красоты поэтическія, мысль автора и достоинство выраженій, что моя склонность къ литературѣ скоро обратилась въ страстную любовь. Безъ всякаго усилія съ моей стороны я выучивалъ всѣ лучшіе стихи изъ Державина, Ломоносова и Капниста, которые выбиралъ для меня мой

строгій воспитатель; стихотворенія же Ив. Ив. Дмитріева, какъ образцовыя тогда по чистотѣ и правильности языка, я зналъ наизусть почти всѣ. Мы очень мало читали русской прозы, вѣроятно отъ того, что мой наставникъ не былъ доволенъ тогдашними прозаиками. Достойно замѣчанія, что онъ не читалъ со мною Карамзина, кромѣ нѣкоторыхъ „Писемъ русскаго путешественника" и не позволилъ мнѣ имѣть въ моей библіотекѣ „Моихъ бездѣлокъ" [1]. Я читалъ уже прежде все, написанное Карамзинымъ, зналъ на память и съ жаромъ декламировалъ „Прощаніе Гектора съ Андромахой" и „Опытную Соломонову мудрость." Я поспѣшилъ было похвастаться этимъ предъ своимъ наставникомъ, но онъ наморщился и сказалъ, „что первая піеса не дастъ понятія о Гомерѣ, а вторая объ Эклезіастѣ", и прибавилъ что „Карамзинъ не поэтъ, и что лучше эти піесы совсѣмъ позабыть". Я былъ очень изумленъ, обѣ піесы мнѣ нравились, и я продолжалъ декламировать ихъ потихоньку, когда мнѣ случалось одному гулять по саду. Сочинять мнѣ не дозволялось, и я наслаждался этимъ удовольствіемъ или въ классѣ у Ибрагимова [2], или дома, также потихоньку. Я слышалъ одинъ разъ изъ своей комнаты, которая отдѣлялась тонкою дверью отъ гостиной, служившей ученымъ кабинетомъ и спальней для Григорія Ивановича, какъ онъ разговаривалъ обо мнѣ съ Ибрагимовымъ. Ибрагимовъ очень меня хвалилъ и показалъ моему воспитателю мое классное сочиненіе, въ видѣ письма къ пріятелю, „О красотахъ весны" и прибавилъ, что не худо бы занимать меня побольше сочиненіями. Григорій Ивановичъ, сохранившій всегда надъ своими товарищами какое-то превосходство, весьма рѣшительно ему отвѣчалъ: „Все это, братецъ, совершенные пустяки. Сочиненіе его состоитъ изъ чужихъ фразъ, нахватанныхъ имъ изъ разныхъ книгъ, а потому даже и нельзя судить, имѣетъ ли онъ свое собственное дарованіе. Охота у него большая, и я знаю, что онъ скоро начнетъ марать бумагу, но я буду держать его на вожжахъ, какъ можно дольше: чѣмъ позже начнетъ сочинять мой Телемакъ[3], тѣмъ лучше. Надобно, чтобы молодой человѣкъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовалъ свой вкусъ, читая сочинителей, пишущихъ стройно и правильно. Ты думаешь, я всего Державина даю ему читать? Напротивъ, онъ знаетъ стихотвореній двадцать не больше, а Дмитріева знаетъ всего. Я думаю, ты у меня его портишь. Вѣроятно, „Бѣдная Лиза", „Наталья, Боярская дочь" и драматическій отрывокъ „Софья"—не выходятъ у тебя въ классѣ изъ рукъ? Ибрагимовъ обидѣлся и возразилъ, „что онъ хорошо понимаетъ, что эти піесы, не смотря на ихъ прелесть, неприличны для учениковъ".— „Хорошо, что такъ, продолжалъ мой наставникъ; а нашъ Эрихъ [4]

---

[1] Сочиненія въ стихахъ Карамзина.—[2] Русскій учитель.—[3] Такъ звали меня въ шутку всѣ товарищи Григ. Ив., величая его въ то же время Менторомъ и Минервой.—[4] Эрихъ былъ большой лингвистъ, какъ въ новѣйшихъ, такъ и въ

именно эти піесы заставлялъ переводить на французскій языкъ". Разговоръ продолжался довольно долго, и какъ я ни былъ молодъ, но понималъ разумность рѣчей моего воспитателя. Онъ не зналъ, что я дома, и отъ того такъ громко разговорился обо мнѣ: я воротился изъ гимназіи ранѣе обыкновеннаго, потому что учителя не было въ классѣ, и прошелъ въ свою комнату ни кѣмъ не замѣченный. Тутъ я услышалъ также, какъ высоко Григорій Ивановичъ цѣнилъ мою мать.... Странное дѣло! Разсуждая теперь о прошедшемъ, я не умѣю себѣ объяснить, отчего я былъ такъ горячо привязанъ къ Григорію Ивановичу. По молодости, я не могъ тогда понимать вполнѣ, что его сухое обращеніе прикрывало глубокое участіе и душевное расположеніе ко мнѣ. Онъ ни разу не приласкалъ меня, не польстилъ моему самолюбію какою нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и совсѣмъ тѣмъ, я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услышалъ я, что онъ смѣется: я заглянулъ въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгій наставникъ, держа въ рукѣ какую-то математическую книгу, хохочетъ какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ.... Лицо у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позавидовалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой—и прежняя спокойная холодность, даже какая-то суровость, выразилась на его лицѣ.

Такъ шло мое время. Григ. Ив. становился по временамъ доступнѣе, и рѣчи его, если не были ласковы, то по крайней мѣрѣ иногда дѣлались шутливы, но только наединѣ, преимущественно во время чтенія Донъ-Кихота, въ которомъ Санхо-Панса былъ для насъ неистощимымъ источникомъ смѣха....

II.

Уже около года носились слухи, что въ Казани будетъ основанъ университетъ. Слухи стали подтверждаться, и въ декабрѣ 1804 г. получили оффиціальное извѣстіе, что уставъ университета 5-го ноября подписанъ государемъ. Попечителемъ былъ назначенъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, который и пріѣхалъ въ Казань. Это событіе взволновало весь городъ, еще болѣе гимназію и преимущественно старшій классъ. Конференція собиралась каждый день; въ ней предсѣдательствовалъ Румовскій и засѣдали пріѣхавшіе съ нимъ два профессора, Германъ и Цеплинъ, директоръ гимназіи Яковкинъ и всѣ старшіе учители. Что происходило тамъ—я и

древнихъ языкахъ. Въ гимназіи онъ училъ въ высшемъ классѣ французскому и нѣмецкому языкамъ, а въ университетѣ былъ сдѣланъ адъюнктомъ латинской и греческой словесности. (С. А.).

товарищи ничего не знали. Вдругъ въ одинъ вечеръ собралось къ Григорію Ивановичу много гостей: двое новыхъ пріѣзжихъ профессоровъ, правитель канцеляріи попечителя П. И. Соколовъ и всѣ старшіе учители гимназіи, кромѣ Яковкина; собрались довольно поздно, такъ что я ложился уже спать; гости были веселы и шумѣли; я долго не могъ заснуть и слышалъ всѣ ихъ громкіе разговоры и взаимныя поздравленія: дѣло шло о новомъ университетѣ и о назначеніи въ адъюнкты и профессоры гимназическихъ учителей. На другой день Евсеичъ сказалъ мнѣ, что гости просидѣли почти до трехъ часовъ, что выпили очень много пуншу и вина, и что многіе уѣхали очень навеселѣ. Онъ прибавилъ, что и „нашъ" (такъ онъ называлъ Гр. Ив.) принужденъ былъ много пить, но что онъ не былъ хмѣленъ „ни въ одномъ глазѣ". У насъ въ домѣ никакой пирушки никогда не бывало, и мы съ Евсеичемъ очень дивились такой новости, хотя причина теперь была очевидна. Евсеичъ самъ вслушался, да и я разсказалъ ему, что Григорій Ивановичъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ въ новомъ университетѣ вмѣстѣ съ Иваномъ Ипатовичемъ, Левицкимъ и Эрихомъ. Изъ разговоровъ ихъ я также узналъ, что Яковкинъ былъ прямо сдѣланъ ординарнымъ профессоромъ русской исторіи и назначался инспекторомъ казенныхъ студентовъ, о чемъ всѣ говорили съ негодованіемъ, считая такое быстрое повышеніе Яковкина незаслуженнымъ, по ограниченности его ученыхъ познаній. Я вслушался также, что, говоря о студентахъ, Григорій Ивановичъ громко сказалъ: „За своего Телемака, господа, я ручаюсь." Я догадался, что и меня хотятъ сдѣлать студентомъ, чего я никакъ не могъ надѣяться, потому что еще не дослушалъ курса въ высшихъ классахъ и ничего не зналъ въ математикѣ. На другой день, поутру, Григорій Ивановичъ еще спалъ, когда я уѣхалъ въ гимназію. Я спѣшилъ сообщить новость своимъ товарищамъ, но тамъ уже все знали черезъ сына Яковкина. Это былъ страшный толстякъ и весьма ограниченныхъ способностей. Онъ хвастался, что и его сдѣлаютъ студентомъ, надъ чѣмъ всѣ смѣялись. Лучшіе ученики въ высшемъ классѣ, слушавшіе курсъ уже во второй разъ, конечно надѣялись, что они будутъ произведены въ студенты; но обо мнѣ и нѣкоторыхъ другихъ никто и не думалъ. Въ тотъ же день сдѣлался извѣстенъ списокъ назначаемыхъ въ студенты; изъ него узнали мы, что всѣ ученики старшаго класса, за исключеніемъ двухъ или трехъ, поступятъ въ университетъ; между ними находились мы съ Яковкинымъ. Въ строгомъ смыслѣ, человѣкъ съ десять, разумѣется въ томъ числѣ и я, не стоили этого назначенія, по неимѣнью достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по-латыни, и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, а съ будущей осени надобно было слушать нѣкоторыя лекціи на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе шумная радость одушевляла всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ

неутишимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ намъ не стыдно было называться настоящими студентами.—Сейчасъ былъ устроенъ латинскій классъ, и большая часть будущихъ студентовъ принялись за латынь. Я не послѣдовалъ этому похвальному примѣру, по какому-то глупому предубѣжденію къ латинскому языку. До сихъ поръ не понимаю, отчего Григорій Ивановичъ, будучи самъ сильнымъ латинистомъ, позволилъ мнѣ не учиться по-латыни.

Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить, какою любовью къ просвѣщенію, къ наукамъ было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвинуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ и занимались съ ними не только въ классахъ, но во всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. Григорій Ивановичъ читалъ на дому для лучшихъ математическихъ студентовъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе учителя. Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытія университета. Прекрасное, золотое время! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи.

...Университетъ нашъ былъ скороспѣлка, потому что черезъ 1½ мѣсяца, т. е. 14 февраля 1805 года, его открыли. Преподавателей было всего шестеро: два профессора—Яковкинъ и Цеплинъ, и четыре адъюнкта: Карташевскій, Запольскій, Левицкій и Эрихъ...

С. Аксаковъ.

ПОВѢСТВОВАНІЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ.

ИЗЪ ПОВѢСТИ „ТАРАСЪ БУЛЬБА".

1. Послѣдняя ночь въ отеческомъ домѣ.

„Ну, дѣти, теперь надобно спать, а завтра будемъ дѣлать то, что̀ Богъ дастъ. Да не стели намъ постель! намъ не нужна постель; мы будемъ спать на дворѣ".

Ночь еще только-что обняла небо; но Бульба всегда ложился рано. Онъ развалился на коврѣ, накрылся бараньимъ тулупомъ, потому что ночной воздухъ былъ довольно свѣжъ, и потому что Бульба любилъ укрыться потеплѣе, когда былъ дома. Онъ вскорѣ захрапѣлъ, и за нимъ послѣдовалъ весь дворъ; все, что̀ ни лежало въ разныхъ его углахъ, захрапѣло и запѣло. Прежде всего заснулъ сторожъ, потому что болѣе всѣхъ напился для пріѣзда паничей.

Одна бѣдная мать не спала. Она приникла къ изголовью дорогихъ сыновей своихъ, лежавшихъ рядомъ; она разчесывала гребнемъ ихъ молодыя, небрежно всклокоченныя кудри и смачивала ихъ слезами; она глядѣла на нихъ вся, глядѣла всѣми чувствами, вся превратилась въ одно зрѣніе и не могла наглядѣться. Она вскормила ихъ собственною грудью; она возрастила, взлелѣяла ихъ и только на одинъ мигъ видитъ ихъ передъ собою! - „Сыны мои, сыны милые! что будетъ съ вами? что ждетъ васъ?" говорила она, и слезы становились въ морщинахъ, измѣнившихъ прекрасное когда-то лицо ея.

Въ самомъ дѣлѣ, она была жалка, какъ всякая женщина того удалаго вѣка. Она мигъ только жила любовью, только въ первую горячку страсти, въ первую горячку юности, и уже суровый прельститель ея покидалъ ее для сабли, для товарищей, для бражничества. Она видѣла мужа въ годъ два, три дня, и потомъ нѣсколько лѣтъ о немъ не было слуха. Да и когда видѣлась съ нимъ, когда они жили вмѣстѣ, что̀ за жизнь ея была? Она терпѣла оскорбленія, даже побои; она видѣла ласки, оказываемыя только изъ милости: она была какое-то странное существо въ томъ сборищѣ безженныхъ рыцарей, на которыхъ разгульное Запорожье набрасывало суровый колоритъ свой. Молодость безъ наслажденія мелькнула передъ нею, и ея прекрасныя свѣжія щеки безъ лобзаній отцвѣли и покрылись преждевременными морщинами. Вся любовь, всѣ чувства, все, что̀ есть нѣжнаго и страстнаго въ женщинѣ, все обратилось у нея въ одно материнское чувство. Она съ жаромъ, со страстью, со слезами, какъ степная чайка, вилась надъ дѣтьми своими. Ея сыновей, ея милыхъ сыновей берутъ отъ нея,—берутъ для того, чтобы ей не увидѣть ихъ никогда! Кто знаетъ? можетъ быть, при

первой битвѣ Татаринъ срубитъ имъ головы, и она не будетъ знать, гдѣ лежатъ брошенныя тѣла ихъ, которыя расклюетъ хищная подорожная птица, а за каждую каплю крови ихъ она отдала бы себя всю. Рыдая, глядѣла она имъ въ очи, когда всемогущій сонъ начиналъ уже смыкать ихъ, и думала: „Авось-либо Бульба, проснувшись, отсрочитъ денька на два отъѣздъ: можетъ быть, онъ задумалъ оттого такъ скоро ѣхать, что много выпилъ.“

Мѣсяцъ съ вышины неба давно уже озарялъ весь дворъ, наполненный спящими, густую кучу вербъ и высокій бурьянъ, въ которомъ потонулъ частоколъ, окружавшій дворъ. Она все сидѣла въ головахъ милыхъ сыновей своихъ, ни на минуту не сводила съ нихъ глазъ и не думала о снѣ. Уже кони, чуя разсвѣтъ, всѣ полегли на траву и перестали ѣсть; верхніе листья вербъ начали лепетать, и мало-по-малу лепечущая струя спустилась по нимъ до самаго низа. Она просидѣла до свѣта, вовсе не утомилась, и внутренно желала, чтобы ночь протянулась какъ можно дольше.

Со степи понеслось громкое ржаніе жеребенка; красныя полосы ясно сверкнули на небѣ.

Бульба вдругъ проснулся и вскочилъ. Онъ очень хорошо помнилъ все, что приказывалъ вчера. „Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А гдѣ стара? (такъ онъ обыкновенно называлъ жену свою). Живѣе, стара! готовь намъ ѣсть: путь лежитъ великій!“

Бѣдная старушка, лишенная послѣдней надежды, уныло поплелась въ хату.

Между тѣмъ какъ она со слезами готовила все, что нужно къ завтраку, Бульба раздавалъ свои приказанія, возился въ конюшнѣ и самъ выбиралъ для дѣтей своихъ лучшія убранства.

Бурсаки вдругъ преобразились. На нихъ явились, вмѣсто прежнихъ запачканныхъ сапоговъ, сафьянные красные, съ серебряными подковами; шаровары, шириною въ Черное море, съ тысячью складокъ и со сборами, перетянулись золотымъ очкуромъ [1]; къ очкуру прицѣплены были длинные ремешки, съ кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакинъ алаго цвѣта, сукна яркаго, какъ огонь, опоясался узорчатымъ поясомъ; чеканные турецкіе пистолеты засунуты за поясъ; сабля брякала по ногамъ. Ихъ лица, еще мало загорѣвшія, казалось, похорошѣли и побѣлѣли; молодые, черные усы теперь какъ то ярче оттѣняли бѣлизну ихъ и здоровый мощный цвѣтъ юности; они были хороши подъ черными бараньими шапками съ золотымъ верхомъ.

Бѣдная мать, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея.

„Ну, сыны, все готово! нечего мѣшкать,“ произнесъ наконецъ

---

[1] *Очкуръ*—поясъ.

Бульба. „Теперь, по обычаю христіанскому, нужно передъ дорогою всѣмъ присѣсть.“

Всѣ сѣли, не выключая даже и хлопцевъ, стоявшихъ почтительно у дверей.

„Теперь благослови, мать, дѣтей своихъ!“ сказалъ Бульба: моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую[1], чтобы стояли всегда за вѣру Христову, а не то—пусть лучше пропадутъ, чтобы и духа ихъ не было на свѣтѣ! Подойдите, дѣти, къ матери: молитва материнская и на водѣ и на землѣ спасаетъ!“

Мать, слабая какъ мать, обняла ихъ, вынула двѣ небольшія иконы, надѣла имъ, рыдая, на шею. „Пусть хранитъ васъ... Божья матерь.... не забывайте, сынки, мать вашу.... пришлите хоть вѣсточку о себѣ....“ далѣе она не могла говорить.

„Ну, пойдемъ, дѣти!“ сказалъ Бульба.

У крыльца стояли осѣдланные кони. Бульба вскочилъ на своего Чорта, который бѣшено отшатнулся, почувствовавъ на себѣ двадцати-пудовое бремя, потому что Тарасъ былъ чрезвычайно тяжелъ и толстъ.

Когда увидѣла мать, что уже и сыны ея сѣли на коней, она кинулась къ меньшому, у котораго въ чертахъ лица выражалось болѣе какой-то нѣжности[2]; она схватила его за стремя, она припала къ сѣдлу его и, съ отчаяньемъ въ глазахъ, не выпускала его изъ рукъ своихъ. Два дюжихъ казака взяли ее бережно и унесли въ хату. Но когда выѣхали они за ворота,—со всею легкостію дикой козы, несообразною лѣтамъ, обняла одного изъ сыновей съ какою-то помѣшанною, безчувственною горячностію. Ее опять увели[3]).

Молодые казаки ѣхали смутно и удерживали слезы, боясь отца, который, съ своей стороны, былъ нѣсколько смущенъ, хотя старался этого не показывать. День былъ сѣрый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали какъ-то въ разладъ. Они проѣхавши оглянулись назадъ. Хуторъ ихъ какъ-будто ушелъ въ землю; только видны были надъ землей двѣ трубы скромнаго ихъ домика, да вершины деревъ, по сучьямъ которыхъ они лазили, какъ бѣлки; еще стлался передъ ними тотъ лугъ, по которому они могли припомнить всю исторію своей жизни, отъ лѣтъ, когда валялись по росистой травѣ его... Вотъ уже одинъ только шестъ надъ колодцемъ, съ привязаннымъ вверху колесомъ отъ телѣги, одиноко торчитъ въ небѣ; уже равнина, которую они проѣхали, кажется издали горою и все собою закрыла..... Прощайте, и дѣтство, и игры, и все, и все!

---

[1] Рыцарскую.—[2] Андрій, младшій сынъ Бульбы (Остапъ—старшій).—[3] Представленія этой сцены заимствованы изъ народныхъ пѣсенъ. См. одну изъ нихъ на стр. 71.

ПОВѢСТВОВАНІЕ ВЪ ОТЛИЧІИ ОТЪ ОПИСАНІЯ.

(ГРУППИРОВКА И РАСПОЛОЖЕНІЕ ПОВѢСТВОВАНІЙ. ИХЪ СОДЕРЖАНІЕ).

Разсматривая части описанія, мы находили между ними ту связь, что въ нихъ изображались одинъ и тотъ же предметъ или явленіе. Въ описаніи Днѣпра Гоголя (стр. 66) всѣ части изображаютъ намъ одну и ту же рѣку при условіяхъ, дѣлающихъ ее «чудною» (въ лѣтній день и въ теплую лѣтнюю ночь) и дѣлающихъ ее «страшною» (во время бури). Въ описаніи Урала Пушкина (стр. 7) мы видѣли, что части его даютъ намъ понятіе о разныхъ мѣстностяхъ этой рѣки, постепенно отъ истока до впаденія. Раздѣлимъ же на части и отрывокъ «Послѣдняя ночь въ отеческомъ домѣ» и поищемъ связи между ними.

Здѣсь изображаются: 1) спящіе, 2) бодрствующая мать, 3) ночь, 4) разсвѣтъ, 5) молодые казаки, 6) просыпающаяся мать и собирающійся въ путь Бульба, 7) хуторъ.

Напрасно стали бы мы искать предмета, который былъ бы описанъ во всѣхъ этихъ частяхъ, и для изображенія котораго онѣ всѣ были бы необходимы. Хуторъ описанъ сперва въ его части, ближайшей къ дому, при ночномъ освѣщеніи и при разсвѣтѣ (части 3 и 4); въ послѣдней части онъ представленъ днемъ и уже издали; точка зрѣнія постепенно удаляется отъ него, такъ что наконецъ хуторъ не виденъ вовсе. Если будемъ искать связи между этими частями, зависящими отъ времени сутокъ (ночь, утро, день), то этимъ еще не объясняется причина измѣненія точекъ зрѣнія при описаніи хутора. Прочія части вовсе не нужны для лучшаго представленія хутора: и такъ не хуторъ главный предметъ описанія.—Молодые казаки изображены всего подробнѣе въ 5-й части. Здѣсь описана ихъ наружность въ извѣстный моментъ; въ 1-й, 3-й, и 4-й частяхъ о нихъ не упоминается вовсе: 2-я часть ничего не прибавляетъ къ изображенію ихъ; въ 7-й же узнаемъ о душевномъ состояніи молодыхъ казаковъ.—Отецъ изображенъ въ 1-й части ложащимся спать, въ 6-й садящимся на коня. Итакъ, различныя части останавливаются на различныхъ предметахъ. Есть предметы общіе нѣкоторымъ изъ нихъ, но нѣтъ такого предмета, который бы изображался всѣми ими.

Слѣдовательно нужно искать другаго основанія связи между частями.

Если разсмотримъ внимательнѣе эти части, то увидимъ, что ихъ можно раздѣлить на группы: *I-я группа*: 1) изображеніе спящихъ жителей хутора; 2) матери, которая бодрствуетъ и плачетъ всю ночь надъ своими сыновьями и 3) картина ночи. *II-я группа*: 1) изображеніе разсвѣта; 2) сыновей, собравшихся въ путь и переодѣвшихся въ другую одежду; 3) картина прощанія. *III-я группа:* 1) отъѣздъ и 2) послѣдній взглядъ на родной хуторъ.

Первая группа изображаетъ сцены, предшествовавшія сборамъ въ путь, прощанью (что описано во II-й группѣ) и отъѣзду (что описано въ III-й группѣ). Здѣсь изображено бодрствованіе матери, любящей своихъ дѣтей, которая не дорожитъ своимъ покоемъ для того, чтобы насмотрѣться на нихъ, *передъ прощаніемъ* съ ними, быть можетъ, на вѣки. Итакъ связь этой группы съ прочими основана на временной послѣдовательности. Картина *спящихъ* обитателей хутора, съ которой начинается эта группа, дана въ свою очередь въ связи съ послѣдующей частью: контрастъ этого безмятежнаго сна безпечныхъ Малороссовъ съ тревожною *заботой матери* усиливаетъ впечатлѣніе ея на читателя. Вотъ связь между этими двумя частями 1-й группы. Наконецъ послѣдняя часть этой группы—картина ночи—нужна для того, чтобы представить, *какъ долго* оставалась мать въ этомъ положеніи: до поздней поры ночи, когда мѣсяцъ стоялъ уже на *вышинѣ* неба и *давно* озарялъ весь хуторъ. Итакъ, въ этой

I-й группѣ *бодрствованіе матери* главная часть, а 1-я и 3-я второстепенныя.— Во II-й группѣ *прощаніе матери*—главная часть; первая же часть—*разсвѣтъ*—нужна для того, чтобы показать, какъ не долго досталась матери радость видѣть дѣтей своихъ: «едва начали лепетать верхніе листья вербъ, едва красныя полосы сверкнули на небѣ», какъ неотступный Бульба вскочилъ и сталъ торопить всѣхъ къ сборамъ въ путь. Слѣдующая часть—*изображеніе молодыхъ казаковъ*—представляетъ намъ въ самомъ привлекательномъ видѣ этихъ дорогихъ ея сердцу дѣтей. Эта картина нужна для того, чтобы ярче выразить чувства матери. Эта минута, когда они предстали ей впервые мощными юношами, въ полномъ разцвѣтѣ юной красоты, должна быть и послѣднею минутою ея свиданія съ ними. «Бѣдная мать! говоритъ Гоголь: «она, какъ увидѣла ихъ, и слова не могла промолвить, и слезы остановились въ глазахъ ея».... Вотъ связь частей этой группы.

Теперь ясно и то, почему такъ, а не иначе изображенъ *хуторъ* въ послѣдней группѣ: сама картина дана для изображенія душевнаго состоянія уѣхавшихъ. Важно не то, что они, оглянувшись увидѣли хуторъ, но важно то, что они вспомнили дѣтство.

Не трудно видѣть, что общее всѣмъ частямъ отрывка заключается въ *дѣйствіяхъ* лицъ. Итакъ группировка произведена авторомъ сообразно съ описываемыми дѣйствіями, и самое расположеніе группъ основано на послѣдовательности дѣйствій. Такое сочиненіе называется повѣствовательнымъ, въ отличіе отъ такихъ, гдѣ группировка и расположеніе производились сообразно цѣли—изображенію *предметовъ* съ разныхъ сторонъ ихъ, и которыя называются *описательными*.

Если мы всмотримся въ изображаемыя дѣйствія, то замѣтимъ, что болѣе другихъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Бульба, потомъ сыновья его и наконецъ сама мать, хотя она и занимаетъ болѣе мѣста въ повѣствованіи. Ея участіе въ общемъ ходѣ дѣйствія *страдательное* (пассивное). Тѣмъ не менѣе она занимаетъ главную роль въ этомъ отрывкѣ повѣствованія. Но такъ какъ она не проявляла вліянія на ходъ дѣйствія, совершавшагося безъ ея воли, то говоря строго, весь этотъ отрывокъ правильнѣе не называть изображеніемъ *дѣйствія*, потому что дѣйствіе *производится*, а здѣсь оно относительно главнаго лица *совершалось*. Это точнѣе выражается словомъ событіе, которое включаетъ въ себѣ и понятіе о дѣйствіяхъ.

Итакъ содержаніе описанія—*предметы*, повѣствованія же—*событія*.

---

2. Сборы въ походъ *).

Въ тотъ же часъ отправились нѣсколько человѣкъ на противоположный берегъ Днѣпра, въ войсковую скарбницу, гдѣ въ неприступныхъ тайникахъ, подъ водою и въ камышахъ, скрывалась войсковая казна и часть добытыхъ у непріятеля оружій. Другіе всѣ бросились къ челнамъ осматривать ихъ и снаряжать въ дорогу. Въ мигъ толпою наполнился берегъ. Нѣсколько плотниковъ явились съ топорами въ рукахъ. Старые, загорѣлые, широкоплечіе дюженогіе Запо-

* Сличи прозаическое изложеніе (въ *историческомъ* сочиненіи, (стр. 174) такихъ же событій, какія здѣсь (въ *повѣсти*) воспроизведены въ формѣ живыхъ представленій, помощію вымышленныхъ лицъ.

рожцы, съ просѣдью въ усахъ и черноусые, засучивъ шаровары, стояли по колѣно въ водѣ и стягивали челны крѣпкимъ канатомъ съ берега. Другіе таскали готовыя сухія бревна и всякія деревья. Тамъ обшивали досками челнъ; тамъ, переворотивши его вверхъ дномъ, конопатили и смолили; тамъ привязывали къ бокамъ другимъ челновъ, по казацкому обычаю, связки длинныхъ камышей, чтобы не затопило челновъ морскою волною; тамъ дальше по всему прибрежью разложили костры и кипятили въ мѣдныхъ казанахъ смолу на заливанье судовъ. Бывалые и старые поучали молодыхъ. Стукъ и рабочій крикъ подымался по всей окружности; весь колебался и двигался живой берегъ.

Въ это время большой паромъ началъ причаливать къ берегу. Стоявшая на немъ толпа людей еще издали махала руками. Это были казаки въ оборванныхъ свиткахъ. Безпорядочный нарядъ (у многихъ ничего не было, кромѣ рубашки и коротенькой трубки въ зубахъ) показывалъ, что они или избѣгнули какой-нибудь бѣды, или же до того загулялись, что прогуляли все, что̀ ни было на тѣлѣ. Изъ среды ихъ отдѣлился и сталъ впереди приземистый, плечистый казакъ, лѣтъ пятидесяти. Онъ кричалъ и махалъ рукою сильнѣе всѣхъ; но за стукомъ и крикомъ рабочихъ не было слышно его словъ.

„А съ чѣмъ пріѣхали“? спросилъ кошевой[1]), когда паромъ приворотилъ къ берегу. Всѣ рабочіе, остановивъ свои работы и поднявъ топоры и долота, смотрѣли въ ожиданіи.

„Съ бѣдою“! кричалъ съ парома приземистый казакъ.

„Съ какою“?

„Позвольте, панове Запорожцы, рѣчь держать“!

„Говори“!

„Или хотите, можетъ быть, собрать раду [2])“?

„Говори; мы всѣ тутъ“.

Народъ весь стѣснился въ одну кучу.

„А вы развѣ ничего не слыхали о томъ, что̀ дѣлается въ гетманщинѣ“?

„А что“? спросилъ одинъ изъ куренныхъ атамановъ.

„Э! что? Видно вамъ Татаринъ заткнулъ клейтухомъ уши, что вы ничего не слыхали“.

„Говори же, что тамъ дѣлается“?

„А то дѣлается, что и родились, и крестились еще не видали такого“.

„Да говори намъ, что дѣлается, собачій сынъ“! закричалъ одинъ изъ толпы, какъ видно, потерявъ терпѣніе.

---

[1] *Кошъ*—казацкое селеніе, станица. *Кошевой атаманъ*—начальникъ коша.—
[2] *Рада*—народное собраніе запорожскихъ казаковъ.

„Такая пора теперь завелась, что уже церкви святыя теперь не наши".

„Какъ не наши?"

„Теперь у жидовъ онѣ на арендѣ. Если жиду впередъ не заплатишь, то и обѣдню нельзя править".

„Чтò ты толкуешь?"

„И если разсобачій жидъ не положитъ значка нечистою своею рукою на святой пасхѣ, то и святить пасхи нельзя".

„Вретъ онъ, паны-братцы, не можетъ быть того, чтобы нечистый жидъ клалъ значокъ на святой пасхѣ".

„Слушайте! еще не то разскажу: и ксензы[1] ѣздятъ теперь по всей Украйнѣ въ таратайкахъ. Да не то бѣда, что въ таратайкахъ, а то бѣда, что запрягаютъ уже не коней, а православныхъ христіанъ. Слушайте! еще не то разскажу: уже, говорятъ, жидовки шьютъ себѣ юбки изъ поповскихъ ризъ. Вотъ какія дѣла водятся на Украйнѣ, панове! А вы тутъ сидите на Запорожьи, да гуляете, да, видно, Татаринъ такого задалъ вамъ страха, что у васъ уже ни глазъ, ни ушей, ничего нѣтъ, и вы не слышите, чтò дѣлается на свѣтѣ".

„Стой, стой!" прервалъ кошевой, дотолѣ стоявшій, потупивъ глаза въ землю, какъ и всѣ Запорожцы, которые въ важныхъ дѣлахъ никогда не отдавались первому порыву, но молчали и между тѣмъ въ тишинѣ совокупляли грозную силу негодованія. „Стой! и я скажу слово. А что жъ вы,—такъ бы и эдакъ поколотилъ чортъ вашего батька,—чтò жъ вы дѣлали? развѣ у васъ сабель не было, чтò ли? Какъ же вы попустили такому беззаконію?"

„Э, какъ попустили такому беззаконію? а попробовали бы вы, когда пятьдесятъ тысячъ было однихъ Ляховъ, да и нечего грѣха таить, были тоже собаки между нашими—ужъ приняли ихъ вѣру."

„А гетманъ вашъ, а полковники что дѣлали?"

„Надѣлали полковники такихъ дѣлъ, что не приведи Богъ никому."

„Какъ?"

„А такъ, что ужъ теперь гетманъ, зажаренный въ мѣдномъ быкѣ, лежитъ въ Варшавѣ, а полковничьи руки и головы развозятъ по ярмаркамъ на показъ всему народу. Вотъ чтò надѣлали полковники!"

Всколебалась вся толпа. Сначала пронеслось по всему берегу молчаніе, подобное тому, какъ бываетъ передъ свирѣпою бурею, а потомъ вдругъ поднялись рѣчи, и весь заговорилъ берегъ: „Какъ! чтобы жиды держали на арендѣ христіанскія церкви! чтобы ксензы запрягали въ оглобли православныхъ христіанъ! Какъ! чтобы попустить такія мученія на русской землѣ отъ проклятыхъ недовѣрковъ! чтобы вотъ такъ поступали съ полковниками и гетманомъ! Да не будетъ

---

[1] *Ксензъ*—польскій католическій священникъ.

же сего, не будетъ!“ Такія слова перелетали по всѣмъ концамъ. Зашумѣли Запорожцы и чуяли свои силы. Тутъ уже не было волненій легкомысленнаго народа; волновались все характеры тяжелые и крѣпкіе, которые не скоро накалялись, но накалившись, упорно и долго хранили въ себѣ внутренній жаръ.

...Бульба отправился на площадь, потому что давно уже собиралась туда вся толпа. Всѣ бросили въ мигъ берегъ и снарядку челновъ, ибо предстоялъ теперь сухопутный, а не морской походъ, и не суда да казацкія чайки[1],—а понадобились телѣги и кони. Теперь уже всѣ хотѣли въ походъ, и старые и молодые, всѣ съ совѣта старшинъ, куренныхъ[2], кошеваго и съ воли всего запорожскаго войска, положили идти прямо на Польшу, отомстить все зло и посрамленье вѣры и козацкой славы, набрать добычи съ городовъ, зажечь пожаръ по деревнямъ и хлѣбамъ, пустить далеко по степи о себѣ славу. Все тутъ же опоясывалось и вооружалось. Кошевой выросъ на цѣлый аршинъ. Это уже не былъ тотъ робкій исполнитель вѣтреныхъ желаній вольнаго народа: это былъ неограниченный повелитель; это былъ деспотъ, умѣвшій только повелѣвать. Всѣ своевольные и гульливые рыцари стройно стояли въ рядахъ, почтительно опустивъ головы, не смѣя поднять глазъ; кошевой раздавалъ повелѣнія: раздавалъ онъ ихъ тихо, не вскрикивая, не торопясь, но съ разстановкою, какъ старый глубоко опытный въ дѣлѣ казакъ, приводившій не въ первый разъ въ исполненіе разумно задуманныя предпріятія.

„Осмотритесь, всѣ осмотритесь хорошенько,“ такъ говорилъ онъ: „исправьте возы и мазницы, испробуйте оружье. Не забирайте много съ собой одежды: по сорочкѣ и по двое шароваръ на казака, да по горшку саламаты[3] и толченаго проса—больше чтобъ и не было ни у кого! Про запасъ на возахъ будетъ все, что нужно. По парѣ коней чтобы было у каждаго казака! Да паръ двѣсти взять воловъ, потому что на переправахъ и топкихъ мѣстахъ нужны будутъ волы. Да порядку держитесь, панове, больше всего. Я знаю, есть между васъ такіе, что чуть Богъ пошлетъ какую корысть—пошли тотъ же часъ драть китайку [4] и дорогіе оксамиты[5] себѣ на онучи. Бросьте такую чортову повадку, прочь кидайте всякія юбки, берите одно только оружье, коли попадется доброе, да червонцы или серебро, потому что они емкаго свойства и пригодятся во всякомъ случаѣ. Да вотъ вамъ, панове, впередъ говорю: если кто въ походѣ напьется, то никакого нѣтъ на него суда: какъ собаку за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу, кто бы онъ ни былъ, хоть бы наидоблестнѣйшій казакъ изъ всего войска; какъ собака будетъ онъ застрѣленъ на мѣстѣ и кинутъ

---

[1] *Чайка*—лодка.—[2] *Куренные атаманы*—выборные отъ сотенъ (*куренъ*—нѣсколько хатъ или землянокъ).—[3] *Саламата*—кисель изъ гречневой или пшеничной муки.—[4] *Китайка*—простая бумажная ткань.—[5] *Оксамитъ*—дорогая ткань.

безъ всякаго погребенья на поклевъ птицамъ, потому что пьяница въ походѣ недостоинъ христіанскаго погребенья. Молодые, слушайте во всемъ старыхъ! Если цапнетъ пуля, или царапнетъ саблей по головѣ или по чему-нибудь иному, не давайте большаго уваженья такому дѣлу: размѣшайте зарядъ пороха въ чаркѣ сивухи, духомъ выпивайте, и все пройдетъ—не будетъ и лихорадки; а на рану, если она не слишкомъ велика, приложите просто земли, замѣсивши ее прежде слюною на ладони, то и присохнетъ рана. Ну-те же за дѣло, за дѣло, хлопцы, да не торопясь, хорошенько принимайтесь за дѣло!“

Такъ говорилъ кошевой, и какъ только окончилъ онъ рѣчь свою, всѣ казаки принялись тотъ же часъ за дѣло. Вся Сѣчь отрезвилась, и нигдѣ нельзя было сыскать ни одного пьянаго, какъ-будто бы ихъ не было никогда между казаками. Тѣ исправляли ободья колесъ и перемѣняли оси въ телѣгахъ; тѣ сносили на возы мѣшки съ провіантомъ, на другіе валили оружье; тѣ пригоняли коней и воловъ. Со всѣхъ сторонъ раздавались топотъ коней, пробная стрѣльба изъ ружей, бряканье сабель, мычанье быковъ, скрыпъ поворачиваемыхъ возовъ, говоръ и яркій крикъ и понуканье,—и скоро далеко, далеко вытянулся казачій таборъ по всему полю. И много досталось бы бѣжать тому, кто бы захотѣлъ пробѣжать отъ головы и до хвоста его. Въ деревянной небольшой церкви служилъ священникъ молебенъ, окропилъ всѣхъ святою водою; всѣ цѣловали крестъ. Когда тронулся таборъ и потянулся изъ Сѣчи, всѣ Запорожцы обратили головы назадъ: „прощай, наша мать!“ сказали они почти въ одно слово: „пусть же тебя хранитъ Богъ отъ всякаго несчастія!“

Проѣзжая предмѣстье, Тарасъ Бульба увидѣлъ, что жидокъ Янкель уже разбилъ какую-то ятку съ навѣсомъ и продавалъ кремни, завертки, порохъ и всякія войсковыя снадобья, нужныя на дорогу, даже калачи и хлѣбы. «Каковъ чортовъ жидъ!» подумалъ про-себя Тарасъ и, подъѣхавъ къ нему на конѣ, сказалъ: «Дурень, что ты здѣсь сидишь? развѣ хочешь, чтобы тебя застрѣлили, какъ воробья?»

Янкель, въ отвѣтъ на это, подошелъ къ нему поближе и, сдѣлавъ знакъ обѣими руками, какъ будто хотѣлъ объявить что-то таинственное, сказалъ: «Пусть панъ только молчитъ, никому не говоритъ: между казацкими возами есть одинъ мой возъ; я везу всякій нужный запасъ для казаковъ и по дорогѣ буду доставлять всякій провіантъ по такой дешевой цѣнѣ, по какой еще ни одинъ жидъ не продавалъ: ей Богу такъ, ей Богу такъ».

Пожалъ плечами Тарасъ Бульба, подивившись жидовской натурѣ, и отъѣхалъ къ табору:

3. Атаманъ.

...Тарасъ видѣлъ, какъ смутны стали казацкіе ряды и какъ уныніе, неприличное храбрымъ, стало тихо обнимать казацкія головы; но молчалъ: онъ хотѣлъ дать время всему, чтобы свыклись они и съ уныніемъ, наведеннымъ прощаньемъ съ товарищами [1]; а между тѣмъ въ тишинѣ готовился разомъ и вдругъ разбудить ихъ всѣхъ, гикнувши по-казацки, чтобы вновь и съ большею силою, чѣмъ прежде, воротилась бодрость каждому въ душу, на что способна одна только славянская порода, широкая, могучая порода, передъ другими, что море передъ мелководными рѣками. Коли время бурно, все превращается оно въ ревъ и громъ, бугря и подымая валы, какъ не поднять ихъ безсильнымъ рѣкамъ; коли же безвѣтренно и тихо,—яснѣе всѣхъ рѣкъ разстилаетъ оно свою необъятную стеклянную поверхность, вѣчную нѣгу очей.

И повелѣлъ Тарасъ распаковать своимъ слугамъ одинъ изъ возовъ, стоявшій особнякомъ. Больше и крѣпче всѣхъ другихъ онъ былъ въ казацкомъ станѣ; двойною крѣпкою шиною были обтянуты дебелыя колеса его; грузно былъ онъ навьюченъ, укрытъ попонами, крѣпкими воловьими кожами и увязанъ туго засмоленными веревками. Въ возу были все баклаги и боченки стараго добраго вина, которое долго лежало у Тараса въ погребахъ. Взялъ онъ его про-запасъ на торжественный случай, чтобы, если случится великая минута, и будетъ всѣмъ предстоять дѣло, достойное на передачу потомкамъ, то чтобы всякому казаку, до единаго, досталось выпить заповѣднаго вина, чтобы въ великую минуту великое чувство овладѣло бы человѣкомъ. Услышавъ полковничій приказъ, слуги бросились къ возамъ, палашами перерѣзывали крѣпкія веревки, снимали толстыя воловьи кожи и попоны и стаскивали съ воза баклаги и боченки.

„А берите всѣ“, сказалъ Бульба, „всѣ, сколько ни есть, берите, что̀ у кого есть: ковшъ или черпакъ, которымъ поитъ коня, рукавицу или шапку, а коли что, то и просто подставляй обѣ горсти“.

И казаки всѣ, сколько ни было, брали у кого былъ ковшъ, у кого черпакъ, которымъ поилъ коня, у кого рукавица, у кого шапка, а кто подставлялъ и такъ обѣ горсти [2]. Всѣмъ имъ слуги Тарасовы, расхаживая промежъ рядами, наливали изъ баклагъ и боченковъ. Но не приказалъ Тарасъ пить, пока не дастъ знака, чтобы выпить имъ всѣмъ разомъ. Видно было, что онъ хотѣлъ что-то сказать. Зналъ Тарасъ, что какъ ни сильно само по себѣ старое доброе вино и какъ ни способно оно укрѣпить духъ человѣка, но если къ нему да при-

---

[1] Нападеніе татаръ на Сѣчь во время похода противъ Поляковъ повлекло за собою раздѣленіе казацкихъ войскъ; часть ихъ отряжена была для защиты Сѣчи.—[2] *Повтореніе* обычное въ народной поэзіи.

соединится еще приличное слово, то вдвое крѣпче будетъ сила и вина, и духа.

«Я угощаю васъ, паны-братья», такъ сказалъ Бульба: „не въ честь того, что вы сдѣлали меня своимъ атаманомъ, какъ ни велика подобная честь; не въ честь также прощанья съ нашими товарищами: нѣтъ, въ другое время прилично то и другое; не такая теперь предъ нами минута. Предъ нами дѣло великаго поту, великой казацкой доблести! Итакъ выпьемъ, товарищи, разомъ, выпьемъ напередъ всего за святую православную вѣру; чтобы пришло наконецъ такое время, чтобъ по всему свѣту разошлась и вездѣ была бы одна святая вѣра, и всѣ сколько ни есть бусурмановъ, всѣ бы сдѣлались христіанами! Да за однимъ уже разомъ выпьемъ и за Сѣчь, чтобы долго она стояла на погибель всему бусурманству, чтобы съ каждымъ годомъ выходили изъ нея молодцы, одинъ другаго лучше, одинъ другаго краше. Да уже вмѣстѣ выпьемъ и за нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тѣхъ внуковъ, что были когда-то такіе, которые не постыдили товарищества и не выдали своихъ. Такъ за вѣру, панебратове, за вѣру!“

«За вѣру!» загомонѣли всѣ стоявшіе въ ближнихъ рядахъ, густыми голосами. «За вѣру!» подхватили дальніе—и все, что ни было и старое и молодое, выпили за вѣру.

„За Сѣчь!“ сказалъ Тарасъ и высоко поднялъ надъ головою руку.

„За Сѣчь!“ отдалося густо въ переднихъ рядахъ. «За Сѣчь!» сказали тихо старые, моргнувши сѣдымъ усомъ, и встрепенувшись, какъ молодые соколы, повторили молодые: «за Сѣчь!» И слышало далече поле, какъ понимали казаки свою сѣчь.

«Теперь послѣдній глотокъ, товарищи, за славу и всѣхъ христіанъ, какіе живутъ на свѣтѣ!»

И всѣ казаки, до послѣдняго, выпили послѣдній глотокъ за славу и всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ. И долго еще повторялось по всѣмъ рядамъ промежъ всѣми куренями: «За всѣхъ христіанъ, какіе ни есть на свѣтѣ!“

Уже пусто было въ ковшахъ, а все еще стояли казаки, поднявши руки; хоть весело глядѣли очи ихъ всѣхъ, просіявшія виномъ, но сильно задумались они. Но не о корысти и военномъ прибыткѣ теперь думали они; не о томъ, кому посчастливится набрать червонцевъ, дорогаго оружія, шитыхъ кафтановъ и черкесскихъ коней: задумались они, какъ орлы, сѣвшіе на вершинахъ каменистыхъ горъ, обрывистыхъ, высокихъ горъ, съ которыхъ далеко видно разстилающееся безпредѣльное море, усыпанное, какъ мелкими птицами, галерами, кораблями и всякими судами, огражденное по сторонамъ чуть видными тонкими поморьями, съ прибрежными, какъ мошки, городами и склонившимися, какъ мѣлкая травка, лѣсами. Какъ орлы, ози-

рали они вокругъ себя очами все поле и чернѣющую вдали судьбу свою[1]. Будетъ, будетъ все поле съ облогами и дорогами покрыто ихъ бѣлыми торчащими костями, щедро обмывшись казацкою ихъ кровью и покрывшись разбитыми возами, расколотыми саблями и копьями; далече раскинутся чубатыя головы съ перекрученными къ низу усами; будутъ орлы, налетѣвъ, выдирать и выдергивать изъ нихъ казацкія очи. Но добро великое въ такомъ широкомъ и вольно разметавшемся смертномъ ночлегѣ! не погибаетъ ни одно великодушное дѣло, и не пропадетъ, какъ малая порошинка съ ружейнаго дула, казацкая слава[2]. Будетъ, будетъ бандуристъ, съ сѣдою по грудь бородою, а можетъ быть, полный зрѣлаго мужества, но бѣлоголовый старецъ, вѣщій духомъ, и скажетъ онъ про нихъ свое густое, могучее слово. И пойдетъ дыбомъ по всему свѣту о нихъ слава, и все, что ни народится потомъ, заговоритъ о нихъ, ибо далеко разносится могучее слово, будучи подобно гудящей колокольной мѣди, въ которую мастеръ много повергнулъ дорогаго, чистаго серебра, чтобы далеко по городамъ, лачугамъ, палатамъ и весямъ разносился красный звонъ, сзывая равно всѣхъ на святую молитву[3].

---

4. Смерть Андрія.

Отворились ворота[4], и вылетѣлъ оттуда гусарскій полкъ, краса всѣмъ конныхъ полковъ. Подъ всѣми всадниками были всѣ, какъ

---

1 Распространенное сравненіе, подобное сравненіямъ Гомера.

2 Здѣсь авторъ воспользовался народною малороссійскою думою.

«А що (что), якъ наше козачество, мовъ у пекли (какъ въ аду) Ляхи спалять,
Да зъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье зварять!
А що, якъ наши головы козацки по степу-полю поляжуть,
Да ще (еще) родною кровью вмыются,
Поперерасколотыми шаблями покрыются!
Пропаде, мовъ порошина зъ дула, тая казацкая слава,
Що по всему свѣту дыбомъ стала,
Що по всему свѣту степомъ розляглась, простяглась,
Да по всему свѣту луго́вымъ го́мокомъ (шумомъ) раздала́сь,
Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знати дала́сь,
Да й Ляха̀мъ-врагамъ на списъ (копье) отдалась...»
Закряче во́ронъ, загруе (закаркаетъ), зашумуе,
Да й полетитъ у (въ) чужую землю...
Анъ-ба! костки, шаблюки (сабли) сторчать;
Костки хрустять, шаблюки поперероскол
они бряжчать!...
А що головы козацки—то мовъ швецъ-Семенъ (словно швецъ) шкуру загубивъ;
А що чубы—мовъ чортяка (чортъ) джутье поробивъ (жгуты повилъ):
У (въ) крови усѣ, да и позасыхали—
От-то й славы набрали!...

3 Сознаніе грядущей славы неоднократно выражается у Гомера и въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ.—4 Польскаго города.

одинъ, бурые аргамаки; впереди другихъ понесся витязь всѣхъ бойче, всѣхъ красивѣе; такъ и летѣли черные волосы изъ-подъ мѣдной его шапки; вился завязанный на рукѣ дорогой шарфъ, шитый руками первой красавицы. Такъ и оторопѣлъ Тарасъ, когда увидѣлъ, что это былъ Андрій. А онъ между тѣмъ, объятый пыломъ и жаромъ битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарокъ, понесся, какъ молодой борзой песъ, красивѣйшій, быстрѣйшій и младшій всѣхъ въ стаѣ. Атукнулъ на него опытный охотникъ—и онъ понесся, пустивъ прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись набокъ всѣмъ тѣломъ, взрывая снѣгъ и десять разъ выпереживая самого зайца въ жару своего бѣга[1]. Остановился старый Тарасъ и глядѣлъ на то, какъ онъ чистилъ передъ собою дорогу, разгонялъ, рубилъ и сыпалъ удары направо и налѣво. Не вытерпѣлъ Тарасъ и закричалъ: „Какъ? своихъ? своихъ? чортовъ сынъ, своихъ бьешь!“ Но Андрій не различалъ, кто передъ нимъ былъ, свои или другіе какіе: ничего не видѣлъ онъ...

„Эй, хлопьята! заманите мнѣ только его къ лѣсу, заманите мнѣ только его!“ кричалъ Тарасъ. И вызвалось тотъ же часъ тридцать быстрѣйшихъ казаковъ заманить его. И поправивъ на себѣ высокія шапки, тутъ же пустились на коняхъ, прямо на перерѣзъ гусарамъ. Ударили съ боку на переднихъ, сбили ихъ, отдѣлили отъ заднихъ, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватилъ палашомъ по спинѣ Андрія, и въ тотъ же часъ пустились бѣжать отъ нихъ, сколько достало казацкой мочи. Какъ вскинулся Андрій! какъ забунтовала по всѣмъ жиламъ молодая кровь! Ударивъ острыми шпорами коня, во весь духъ полетѣлъ онъ за казаками, не глядя назадъ, не видя, что позади только всего двадцать человѣкъ поспѣвало за нимъ, а казаки летѣли во всю прыть на коняхъ и прямо поворотили къ лѣсу. Разогнался на конѣ Андрій и чуть было уже не настигнулъ Голокопытенка, какъ вдругъ чья-то сильная рука ухватила за поводъ его коня. Оглянулся Андрій: передъ нимъ Тарасъ! Затрясся онъ всѣмъ тѣломъ и вдругъ сталъ блѣденъ. Какъ школьникъ, неосторожно задравшій своего товарища и получившій за то отъ него ударъ линейкою по лбу, вспыхиваетъ, какъ огонь, бѣшеный вскакиваетъ съ лавки и гонится за испуганнымъ товарищемъ своимъ, готовый разорвать его на части, и вдругъ наталкивается на входящаго въ классъ учителя; въ мигъ притихаетъ бѣшеный порывъ, и упадаетъ безсильная ярость: подобно тому въ одинъ мигъ пропалъ, какъ бы не бывалъ вовсе, гнѣвъ Андрія[2]. И видѣлъ онъ передъ собою одного только страшнаго отца.

„Ну, что жъ мы теперь будемъ дѣлать?“ сказалъ Тарасъ, смот-

---

[1] Распространенное сравненіе. См. вып. 3-ю на стр. 397.—[2] То же въ формѣ періода сравнительнаго (союзъ: *какъ—подобно тому.*)

ря прямо ему въ очи. Но ничего не могъ сказать на то Андрій и стоялъ, потупивши въ землю очи.

„Что, сынку? помогли тебѣ твои Ляхи?"

Андрій былъ безотвѣтенъ.

„Такъ продать? продать вѣру? продать своихъ? Стой же, слѣзай съ коня!"

Покорно, какъ ребенокъ, слѣзъ онъ съ коня и остановился ни живъ, ни мертвъ передъ Тарасомъ.

„Стой и не шевелись! Я тебя породилъ, я тебя и убью!" сказалъ Тарасъ и, отступивши шагъ назадъ, снялъ съ плеча ружье. Блѣденъ, какъ полотно, былъ Андрій; видно было, какъ тихо шевелились уста его, и какъ онъ произносилъ чье-то имя; но это не было имя отчизны или матери, или братьевъ—это было имя прекрасной Полячки. Тарасъ выстрѣлилъ.

Какъ хлѣбный колосъ, подрѣзанный серпомъ, какъ молодой барашекъ, почуявшій подъ сердцемъ смертельное желѣзо, повисъ онъ головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова [1].

Остановился сыноубійца и глядѣлъ долго на бездыханный трупъ. Онъ былъ и мертвый прекрасенъ: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобѣдимаго очарованія, все еще выражало чудную красоту; черныя брови, какъ траурный бархатъ, оттѣняли его поблѣднѣвшія черты. „Чѣмъ бы не казакъ"? сказалъ Тарасъ: „и станомъ высокій, и чернобровый, и лицо какъ у дворянина, и рука была крѣпка въ бою! Пропалъ! пропалъ безславно, какъ подлая собака"!

Батько, что ты сдѣлалъ? это ты убилъ его"? сказалъ подъѣхавшій въ это время Остапъ.

Тарасъ кивнулъ головою.

Пристально поглядѣлъ мертвому въ очи Остапъ. Жалко ему стало брата, и проговорилъ онъ тутъ же: „Предадимъ же, батько, его честно землѣ, чтобы не наругались надъ нимъ враги и не растаскали бы его тѣла хищныя птицы".

„Погребутъ его и безъ насъ"! Сказалъ Тарасъ: „будутъ у него плакальщицы и утѣшницы"!

И минуты двѣ думалъ онъ: кинуть ли его на расхищенье волкамъ-сиромахамъ [2], или пощадить въ немъ рыцарскую доблесть, которую храбрый долженъ уважать въ комъ бы то ни было.

„На коня, Остапъ"! сказалъ Тарасъ и спѣшилъ, чтобы застать еще казаковъ, чтобы наглядѣться еще на нихъ, и чтобы они взглянули передъ смертью на своего отамана. Но не выѣхали они еще

---

1 Періодъ сравнительный: протазисъ состоитъ изъ двухъ членовъ, соотвѣтственно двумъ предметамъ, съ которыми сдѣлано сравненіе.—2 *Сиромаха* (областн.)—сирота.

изъ лѣсу, а ужъ непріятельская сила окружила со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и между деревьями вездѣ показались всадники съ саблями и копьями. „Остапъ, Остапъ! не поддавайся“! кричалъ Тарасъ, а самъ, схвативши саблю на голо, началъ честить первыхъ попавшихся на всѣ боки. А на Остапа уже наскочило вдругъ шестеро; но не въ добрый часъ видно наскочило: съ одного полетѣла голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьемъ въ ребро третьяго; четвертый былъ поотважнѣе, уклонился головой отъ пули, и попала въ конскую грудь горячая пуля—вздыбилъ бѣшеный конь, грянулся о землю и задавилъ подъ собою всадника. „Добре, сынку! Добре, Остапъ!“ кричалъ Тарасъ: „вотъ я слѣдомъ за тобою“. А самъ все отбивался отъ наступавшихъ. Рубится и бьется Тарасъ, сыплетъ гостинца тому и другому на голову, а самъ глядитъ все впередъ на Остапа и видитъ, что уже вновь схватилось съ Остапомъ мало не восьмеро разомъ. „Остапъ, Остапъ! не поддавайся“! Но уже одолѣваютъ Остапа; уже одинъ накинулъ ему на шею арканъ, уже вяжутъ, уже берутъ Остапа. „Эхъ, Остапъ, Остапъ“! кричалъ Тарасъ, пробиваясь къ нему, рубя въ капусту встрѣчныхъ и поперечныхъ. „Эхъ Остапъ, Остапъ“!... Но какъ тяжелымъ камнемъ хватило его самого въ ту же минуту. Все закружилось и повернулось въ глазахъ его. На мигъ смѣшанно сверкнули предъ нимъ головы, копья, дымъ, блескъ огня, сучья съ древесными листьями. И грохнулся онъ, какъ подрубленный дубъ, на землю. И туманъ покрылъ его очи.

---

5. Казнь казаковъ *).

Площадь, на которой долженствовала производиться казнь, не трудно было отыскать: народъ валилъ туда со всѣхъ сторонъ. Въ тогдашній грубый вѣкъ это составляло одно изъ замѣчательнѣйшихъ зрѣлищъ не только для черни, но и для высшихъ классовъ. Множество старухъ самыхъ набожныхъ, множество молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ самыхъ трусливыхъ, которымъ послѣ всю ночь грезились окровавленные трупы, которыя кричали съ-просонья такъ громко, какъ только можетъ крикнуть пьяный гусаръ, не пропускали однако же случая полюбопытствовать. „Ахъ, какое мученье“! кричали изъ нихъ многія съ истерическою лихорадкою, закрывая глаза и отворачиваясь, однако же простаивали иногда довольно времени. Иной, и ротъ разинувъ, и руки вытянувъ впередъ, желалъ бы вскочить всѣмъ на головы, чтобы оттуда посмотрѣть повиднѣе. Изъ толпы узкихъ, небольшихъ и обыкновенныхъ головъ высовывалъ свое толстое лицо

* Ср. съ прозаическимъ повѣствованіемъ «Борьба казаковъ съ Поляками» (стр. 174).

мясникъ, наблюдалъ весь процессъ съ видомъ знатока и разговаривалъ односложными словами съ оружейнымъ мастеромъ, котораго называлъ кумомъ, потому что въ праздничный день напивался съ нимъ въ одномъ шинкѣ. Иные разсуждали съ жаромъ, другіе даже держали пари; но большая часть была такихъ, которые на весь міръ и на все, что̀ ни случается въ свѣтѣ, смотрятъ, ковыряя пальцемъ въ своемъ носу. На переднемъ планѣ, возлѣ самыхъ усачей, составлявшихъ городовую гвардію, стоялъ молодой шляхтичъ или казавшійся шляхтичемъ, въ военномъ костюмѣ,—который надѣлъ на себя рѣшительно все, что̀ у него ни было, такъ что на его квартирѣ оставалась только изодранная рубашка, да старые сапоги. Двѣ цѣпочки, одна сверхъ другой, висѣли у него на шеѣ съ какимъ-то дукатомъ. Онъ стоялъ съ коханкою своею Юзысею и безпрестанно оглядывался, чтобы кто-нибудь не замаралъ ея шелковаго платья. Онъ ей растолковалъ совершенно все, такъ что уже рѣшительно не можно было ничего прибавить. „Вотъ это, душечка Юзыся", говорилъ онъ, „весь народъ, что вы видите, пришелъ за тѣмъ, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ казнить преступниковъ. А вотъ тотъ, душечка, что вы видите, держитъ въ рукахъ сѣкиру и другіе инструменты, то палачъ, и онъ будетъ казнить. И какъ начнетъ колесовать и другія дѣлать муки, то преступникъ еще будетъ живъ; а какъ отрубятъ голову, то онъ, душечка, тотчасъ и умретъ. Прежде будетъ кричать и двигаться, но какъ только отрубятъ голову, тогда ему не можно будетъ ни кричать, ни ѣсть, ни пить, отъ того, что у него, душечка, уже больше не будетъ головы". И Юзыся все это слушала со страхомъ и любопытствомъ. Крыши домовъ были усѣяны народомъ. Изъ слуховыхъ оконъ выглядывали престранныя рожи, съ усами и въ чемъ-то похожемъ на чепчики. На балконахъ, подъ балдахинами, сидѣло аристократство. Хорошенькая ручка смѣющейся, блистающей, какъ бѣлый сахаръ, панны, держалась за перила. Ясновельможные паны, довольно плотные, глядѣли съ важнымъ видомъ. Холопъ, въ блестящемъ убранствѣ съ откидными назадъ рукавами, разносилъ тутъ же разные напитки и съѣстное. Часто шалунья съ черными глазами, схвативши свѣтлою ручкою своею пирожное и плоды, кидала въ народъ. Толпа голодныхъ рыцарей подставляла на подхватъ свои шапки, и какой-нибудь высокій шляхтичъ, высунувшійся изъ толпы своею головою, въ полиняломъ красномъ кунтушѣ, съ почернѣвшими золотыми шнурками, хваталъ первый, съ помощію длинныхъ рукъ, цѣловалъ полученную добычу, прижималъ ее къ сердцу и потомъ клалъ въ ротъ. Соколъ, висѣвшій въ золотой клѣткѣ подъ балкономъ, былъ также зрителемъ: перегнувши на бокъ носъ и поднявши лапу, онъ, съ своей стороны, разсматривалъ также внимательно народъ. Но толпа вдругъ зашумѣла, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Ведутъ! ведутъ! казаки"!

Они шли съ открытыми головами, съ длинными чубами: бороды

у нихъ были отпущены. Они шли ни боязливо, ни угрюмо, но съ какою-то тихою горделивостію; ихъ платья, изъ дорогаго сукна, износились и болтались на нихъ ветхими лоскутьями; они не глядѣли и не кланялись народу. Впереди всѣхъ шелъ Остапъ.

Чтò почувствовалъ старый Тарасъ, когда увидѣлъ своего Остапа? Чтò было тогда въ его сердцѣ? Онъ глядѣлъ на него изъ толпы и не проронилъ ни одного движенія его. Они приблизились уже къ лобному мѣсту. Остапъ остановился. Ему первому приходилось выпить эту тяжелую чашу. Онъ глядѣлъ на своихъ, поднялъ руку вверхъ и произнесъ громко: „Дай же, Боже, чтобы всѣ, какіе тутъ ни стоятъ еретики, не услышали, нечестивые, какъ мучится христіанинъ! чтобы ни одинъ изъ насъ не промолвилъ ни одного слова!“ Послѣ этого онъ приблизился къ эшафоту.

„Дòбре, сынку, дòбре!“ сказалъ тихо Бульба и уставилъ въ землю свою сѣдую голову.

Палачъ сдернулъ съ него ветхіе лохмотья; ему увязали руки и ноги въ нарочно-сдѣланные станки, и.... Не будемъ смущать читателей картиною адскихъ мукъ, отъ которыхъ дыбомъ поднялись бы ихъ волосы. Онѣ были порожденіе тогдашняго грубаго, свирѣпаго вѣка, когда человѣкъ велъ еще кровавую жизнь однихъ воинскихъ подвиговъ и закалился въ ней душою, не чуя человѣчества. Напрасно нѣкоторые, немногіе, бывшіе исключеніями изъ вѣка, являлись противниками сихъ ужасныхъ мѣръ. Напрасно король и многіе рыцари, просвѣтленные умомъ и душой, представляли, что подобная жестокость наказаній можетъ только разжечь мщеніе казацкой націи. Но власть короля и умныхъ мнѣній была ничто предъ безпорядкомъ и дерзкой волею государственныхъ магнатовъ, которые, своею необдуманностью, непостижимымъ отсутствіемъ всякой дальновидности, дѣтскимъ самолюбіемъ и ничтожною гордостью, превратили сеймъ въ сатиру на правленіе. Остапъ выносилъ терзанія и пытки, какъ исполинъ. Ни крика, ни стона, не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на рукахъ и на ногахъ кости, когда ужасный хряскъ ихъ слышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои — ничто похожее на стонъ не вырвалось изъ устъ его, не содрогнулось лицо его. Тарасъ стоялъ въ толпѣ, потупивъ голову, и въ то же время, гордо приподнявъ очи, одобрительно говорилъ: „Добре, сынку, добре!

Но когда привели его къ послѣднимъ смертнымъ мукамъ, казалось, какъ-будто стала подаваться его сила. И повелъ онъ очами вокругъ себя. Боже! все невѣдомыя, все чужія лица! Хоть бы кто-нибудь изъ близкихъ присутствовалъ при его смерти! Онъ не хотѣлъ бы слышать рыданій и сокрушенія слабой матери или безумныхъ воплей супруги, исторгающей волосы и біющей себя въ бѣлыя груди; хотѣлъ бы онъ теперь увидѣть твердаго мужа, который бы разум-

нымъ словомъ освѣжилъ его и утѣшилъ при кончинѣ. И упалъ онъ силою и воскликнулъ въ душевной немощи: «Батько! гдѣ ты? слышишь ли ты все?

«Слышу!» раздалось среди всеобщей тишины, и весь милліонъ народа въ одно время вздрогнулъ. Часть военныхъ всадниковъ бросилась заботливо разсматривать толпы народа. Янкель поблѣднѣлъ, какъ смерть, и когда всадники немного отдалились отъ него, онъ со страхомъ оборотился назадъ, чтобы взглянуть на Тараса; но Тараса уже возлѣ него не было: его и слѣдъ простылъ.

6. Судьба Тараса.

Отыскался слѣдъ Тарасовъ. Сто двадцать тысячъ казацкаго войска показалось на границахъ Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отрядъ, выступившій на добычу или на угонъ за Татарами. Нѣтъ, поднялась вся нація, ибо переполнилось терпѣніе народа; поднялась отомстить за посмѣяніе правъ своихъ, за позорное униженіе своихъ нравовъ, за оскорбленіе вѣры предковъ и святаго обычая, за посрамленіе церквей, за безчинства чужеземныхъ пановъ, за угнетенье, за унію, за позорное владычество жидовства на христіанской землѣ, за все, что копило и сугубило съ давнихъ временъ суровую ненависть казаковъ. Молодой, но сильный духомъ, гетманъ Остраница предводилъ всею несмѣтной казацкой силою. Возлѣ былъ виденъ престарѣлый, опытный товарищъ его и совѣтникъ Гуня. Восемь полковниковъ вели двѣнадцатитысячные полки. Два генеральные осаула и генеральный бунчужный ѣхали вслѣдъ за гетманомъ. Генеральный хорунжій предводилъ главное знамя; много другихъ хоругвей и знаменъ развѣвалось вдали; бунчуковые товарищи несли бунчуки. Много также было другихъ чиновъ полковыхъ, обозныхъ, войсковыхъ товарищей, полковыхъ писарей и съ ними пѣшихъ и конныхъ отрядовъ; почти столько же, сколько было реестровыхъ казаковъ, набралось охочекомонныхъ и вольныхъ. Отвсюду поднялись казаки: отъ Чигирина, отъ Переяслава, отъ Батурина, отъ Глухова, отъ низовой стороны днѣпровской и отъ всѣхъ его верховій и острововъ. Безъ счету кони и несмѣтные таборы телѣгъ потянулись по полямъ. И между тѣми-то казаками, между тѣми восемью полками, отборнѣе всѣхъ былъ одинъ полкъ; и полкомъ тѣмъ предводилъ Тарасъ Бульба. Все давало ему перевѣсъ предъ другими: и преклонныя лѣта, и опытность, и умѣнье двигать своимъ войскомъ, и сильнѣйшая всѣхъ ненависть къ врагамъ. Даже самимъ казакамъ казалась чрезмѣрною его безпощадная свирѣпость и жестокость. Только огонь да висѣлицу опредѣляла сѣдая голова его, и совѣтъ его въ войсковомъ совѣтѣ дышалъ только истребленіемъ.

Нечего описывать всѣхъ битвъ, гдѣ показали себя казаки, ни всего постепеннаго хода кампаніи: все это внесено въ лѣтописныя страницы. Извѣстно, какова въ Русской землѣ война, поднятая за вѣру: нѣтъ силы сильнѣе вѣры. Непреоборима и грозна она, какъ нерукотворная скала среди бурнаго, вѣчно-измѣнчиваго моря. Изъ самой средины морскаго дна возноситъ она къ небесамъ непреложныя свои стѣны, вся созданная изъ одного цѣльнаго, сплошнаго камня. Отовсюду видна она и глядитъ прямо въ очи мимо бѣгущимъ волнамъ. И горе кораблю, который нанесется на нее! Въ щепы летятъ безсильныя его снасти; тонетъ и ломится въ прахъ все, что̀ ни есть на немъ, и жалкимъ крикомъ погибающихъ оглашается пораженный воздухъ.

А что̀ же Тарасъ? А Тарасъ гулялъ по всей Польшѣ съ своимъ полкомъ, выжегъ восьмнадцать мѣстечекъ, близъ сорока костеловъ и уже доходилъ до Кракова. Много избилъ онъ всякой шляхты, разграбилъ богатѣйшіе и лучшіе за̀мки; распечатали и поразливали по землѣ казаки вѣковые меды и вина, сохранно сберегавшіеся въ панскихъ погребахъ; изрубили и пережгли дорогія сукна, одежды, утвари, находимыя въ кладовыхъ. «Ничего не жалѣйте!» повторялъ только Тарасъ. Не уважали казаки чернобровыхъ панянокъ; у самыхъ алтарей не могли спастись онѣ; зажигалъ ихъ Тарасъ вмѣстѣ съ алтарями. Не однѣ бѣлоснѣжныя руки подымались изъ огненнаго пламени къ небесамъ, сопровождаемыя жалкими криками, отъ которыхъ бы подвигнулась сама сырая земля, и степная трава поникла бы отъ жалости долу. Но не внимали ничему жестокіе казаки и, поднимая копьями съ улицъ младенцевъ ихъ, кидали къ нимъ же въ пламя. «Это вамъ, вражьи Ляхи, поминки по Остапѣ!» приговаривалъ только Тарасъ. И такія поминки по Остапѣ отправлялъ онъ въ каждомъ селеніи, пока польское правительство не увидѣло, что поступки Тараса были побольше, чѣмъ обыкновенное разбойничество, и тому же самому Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса.

Шесть дней уходили казаки проселочными дорогами отъ всѣхъ преслѣдованій: едва выносили кони необыкновенное бѣгство и спасали казаковъ. Но Потоцкій на сей разъ былъ достоинъ возложеннаго порученія: неутомимо преслѣдовалъ онъ ихъ и настигъ на берегу Днѣстра, гдѣ Бульба занялъ для роздыха оставленную развалившуюся крѣпость.

Надъ самой кручей у Днѣстра-рѣки виднѣлась она своимъ оборваннымъ валомъ и своими развалившимися остатками стѣнъ. Щебнемъ и разбитымъ кирпичомъ усѣяна была верхушка утеса, готовая всякую минуту сорваться и слетѣть внизъ. Тутъ-то, съ двухъ сторонъ, прилежащихъ къ полю, обступилъ его коронный гетманъ Потоцкій. Четыре дня бились и боролись казаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы; рѣшился Тарасъ пробиться сквозь

ряды. И пробились бы уже казаки и, можетъ быть, еще разъ послужили бы имъ вѣрно быстрые кони, какъ вдругъ, среди самаго бѣгу, остановился Тарасъ и вскрикнулъ: «Стой! выпала люлька[1]) съ табакомъ; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьимъ Ляхамъ!» И нагнулся старый отаманъ и сталъ отыскивать въ травѣ свою люльку съ табакомъ, неотлучную сопутницу на моряхъ и на сушѣ, и въ походахъ, и дома. А тѣмъ временемъ набѣжала вдругъ ватага и схватила его подъ могучія плечи. Двинулся было онъ всѣми членами, но уже не посыпались на землю, какъ бывало прежде, схватившіе его гайдуки. „Эхъ, старость, старость“! сказалъ онъ, и заплакалъ дебелый старый казакъ. Но не старость была виною: сила одолѣла силу. Чуть не тридцать человѣкъ повисло у него по рукамъ и по ногамъ. „Попалась ворона“! кричали Ляхи. „Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собакѣ, лучшую честь воздать“. И присудили, съ гетманскаго разрѣшенья, сжечь его живаго въ виду всѣхъ. Тутъ же стояло голое дерево, вершину котораго разбило громомъ. Притянули его желѣзными цѣпями къ древесному стволу, гвоздемъ прибивши ему руки и приподнявъ его повыше, чтобы отовсюду былъ виденъ казакъ, и принялись тутъ раскладывать подъ деревомъ костеръ. Но не на костеръ глядѣлъ Тарасъ, не объ огнѣ онъ думалъ, которымъ собирались жечь его: глядѣлъ онъ, сердечный, въ сторону, гдѣ отстрѣливались казаки,—ему съ высоты все было видно, какъ на ладони. „Занимайте, хлопцы, занимайте скорѣе“, кричалъ онъ, „горку, что за лѣсомъ: туда не подступятъ они“! Но вѣтеръ не донесъ его словъ. „Вотъ пропадутъ, пропадутъ ни за что“! говорилъ онъ отчаянно и взглянулъ внизъ, гдѣ сверкалъ Днѣстръ. Радость блеснула въ очахъ его. Онъ увидалъ выдвинувшіяся изъ-за кустарника четыре кормы, собралъ всю силу голоса и зычно закричалъ: „Къ берегу, къ берегу, хлопцы! спускайтесь подгорной дорожкой, что налѣво. У берега стоятъ челны: всѣ забирайте, чтобы не было погони“.

На этотъ разъ вѣтеръ дунулъ съ другой стороны, и всѣ слова были услышаны казаками. Но за такой совѣтъ достался ему тутъ же ударъ обухомъ по головѣ, который переворотилъ все въ глазахъ его.

Пустились казаки во всю прыть подгорной дорожкой; а ужъ погоня за плечами. Видятъ: путается и загибается дорожка и много даетъ въ сторону извивовъ. „А, товарищи! не куда пошло“! сказали всѣ, остановились на мигъ, подняли свои нагайки, свистнули—и татарскіе ихъ кони, отдѣлившись отъ земли, распластавшись въ воздухѣ, какъ змѣи, перелетѣли черезъ пропасть и бултыхнули прямо въ Днѣстръ. Двое только не попали въ рѣку, грянулись съ вышины объ каменья и пропали тамъ на вѣки съ конями, даже не успѣвши издать крику. А казаки уже плыли съ конями въ рѣкѣ и отвязывали

[1] *Люлька*—трубка.

челны. Остановились Ляхи надъ пропастью, дивясь неслыханному казацкому дѣлу и думая: прыгать ли имъ, или нѣтъ? Одинъ молодой полковникъ, живая, горячая кровь, родной братъ прекрасной Полячки, обворожившей бѣднаго Андрія, не подумалъ долго и бросился со всѣхъ силъ съ конемъ за казаками. Перевернулся три раза въ воздухѣ съ конемъ своимъ и прямо грянулся на острые утесы. Въ куски изорвали его острые камни, пропавшаго среди пропасти, и мозгъ его, смѣшавшись съ кровью, обрызгалъ росшіе по неровнымъ стѣнамъ провала кусты.

Когда очнулся Тарасъ Бульба отъ удара и глянулъ на Днѣстръ, уже казаки были на челнахъ и гребли веслами; пули сыпались на нихъ сверху, но не доставали. И вспыхнули радостныя очи у старaго отамана.

„Прощайте, товарищи"! кричалъ онъ имъ вверху, „вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что̀ взяли, чортовы Ляхи? думаете, есть что нибудь на свѣтѣ, чего бы побоялся казакъ? Постойте же, придетъ время, будетъ время, узнаете вы, что̀ такое православная русская вѣра! Уже и теперь чуютъ дальніе и близкіе народы: подымается изъ Русской земли свой царь, и не будетъ въ мірѣ силы, которая бы не покорилась ему"!.... А уже огонь подымался надъ костромъ, захватывалъ его ноги и разостлался пламенемъ по дереву.... Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу!

Не малая рѣка Днѣстръ, и много на ней заводьевъ, рѣчныхъ густыхъ камышей, отмелей и глубокихъ мѣстъ; блеститъ рѣчное зеркало, оглашенное звонкимъ ячаньемъ лебедей, и гордый гоголь быстро несется по немъ, и много куликовъ, краснозобыхъ турухтановъ и всякихъ иныхъ птицъ въ тростникахъ и прибрежьяхъ. Казаки быстро плыли на узкихъ двухрульныхъ челнахъ, дружно гребли веслами, осторожно миновали отмели, всполашивая подымавшихся птицъ, и говорили про своего ота̀мана.

Гоголь.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

РАЗСУЖДЕНІЕ.

ТЕОРІЯ.

Что̀ такое разсужденіе?—Раздѣленіе понятія. — Разчлененіе. — Опредѣленіе субстанціальное и генетическое, реальное и вербальное.—Недостатки опредѣленія.—Полное опредѣленіе.—Опредѣленіе отношеній.—Неполное опредѣленіе (Locatio, различеніе, объясненіе, логич. описаніе, характеристика). Доказательство.—Дедукція и индукція.—Основныя формы темъ разсужденій. Доказательство прямое и непрямое.—Провѣрка доказательства.—Изслѣдованіе. -- Примѣръ. — Свидѣтельство.

§ 1. Разсужденіе есть прозаическое сочиненіе, цѣль котораго—или выяснить какое-нибудь понятіе или доказать истинность какого-нибудь сужденія.

Выяснить понятіе значитъ раскрыть его объемъ и содержаніе (см. § 3, стр. II).

§ 2. Раздѣленіе. Раскрытіе объема есть раздѣленіе (divisio) понятія, состоящее въ перечисленіи всѣхъ видовъ какого-нибудь родоваго понятія. При раздѣленіи наблюдается, чтобы оно было сдѣлано во вниманіи къ одному роду признаковъ, называемому основаніемъ раздѣленія. Такъ напр. при раздѣленіи *строеній* на *каменныя* и *деревянныя* раздѣленіе сдѣлано по *матеріалу*; при раздѣленіи на *большія* и *малыя*—по *величинѣ*.—Одно правильное раздѣленіе должно имѣть непремѣнно одно основаніе (такъ: раздѣленіе строеній на *каменныя* и *малыя* или на *деревянныя* и *большія* было бы ошибочнымъ).—Одно и то же понятіе можетъ быть подвергнуто нѣсколькимъ раздѣленіямъ, въ виду различныхъ основаній. Таково раздѣленіе *сужденій* по качеству, количеству отношенію и степени достовѣрности (см. «Теорію слога», § 8). По числу членовъ (видовъ) раздѣленіе бываетъ дихотоміей (при 2-хъ членахъ), трихотоміей (при 3-хъ членахъ), и политоміей (при числѣ членовъ болѣе 3-хъ). Изъ указанныхъ выше раздѣленій понятія «сужденіе» одно дихотомическое (по качеству), прочія—трихотомическія.

Послѣдовательное рездѣленіе всѣхъ видовъ дѣлимаго высшаго понянія до самыхъ низшихъ наз. классификаціей.

Если раздѣленіе понятія входитъ въ разсужденіе какъ часть его, то основаніе дѣленія должно быть выбираемо въ необходимомъ отношенія

къ той точкѣ зрѣнія, съ которой авторъ касаетси дѣлимаго предмета въ своемъ разсужденіи. Такъ раздѣленіе строеній на деревянныя и каменныя вполнѣ умѣстно, когда разсуждаютъ объ опасностяхъ отъ пожара; раздѣленіе ихъ на готическія, византійскія и т. д.—тогда, когда идетъ рѣчь объ архитектурѣ...

Отъ раздѣленія понятія должно отличать разчлененіе (partitio), состоящее въ указаніи частей предмета, разумѣемаго подъ понятіемъ. Раздѣленіе понятія «дерево»: лиственное, хвойное; разчлененіе: корень, стволъ, вѣтви, листья...

§ 3. Опредѣленіе. Раскрытіе содержанія понятія есть его опредѣленіе (definitio). Оно состоитъ изъ указанія: 1) ближайшаго рода, къ которому принадлежитъ опредѣляемое понятіе какъ видъ (физика есть *наука*) и 2) тѣхъ признаковъ, которыми онъ отличается отъ всѣхъ другихъ видовъ того же рода (физика есть наука *о неорганической природѣ*).

Такое опредѣленіе, называемое субстанціальнымъ должно отличать отъ опредѣленія генетическаго. Первое указываетъ признаки предмета, которыми объясняется бытіе его (таково напр. опредѣленіе *круга*, какъ „правильной фигуры, въ коей всѣ точки окружности находятся на одинаковомъ разстояніи отъ центра“); генетическое—указываетъ признаки, объясняемые происхожденіемъ предмета („если точка движется на одной плоскости около другой неподвижной точки, находясь постоянно въ одинаковомъ отъ нея разстояніи, то образуется *кругъ*.

Различается также опредѣленіе реальное отъ вербальнаго. Первое указываетъ признаки самаго *предмета* (res): таковы вышеприведенныя опредѣленія; второе разъясняетъ лишь значеніе *слова* (verbum), именующаго предметъ. Сюда относятся такъ называемыя этимологическія толкованія словъ: „*анализъ*, отъ ἀναλύω [1], есть разложеніе сложнаго цѣлаго на части“; „географія отъ γῆ, земля и γράφω, пишу, есть описаніе земли“; „психологія, отъ ψυχή, душа и λόγος, слово, наука,—есть наука о душѣ“; «*предубѣжденіе*, какъ показываетъ самое слово, есть убѣжденіе, составленное преждевременно» и т. п. Этимологическое толкованіе слова можетъ служить дополненіемъ къ опредѣленію реальному, если не противорѣчитъ ему, но не можетъ служить надежною точкою отправленія, ибо слово въ своемъ позднѣйшемъ употребленіи нерѣдко измѣняетъ и даже совсѣмъ утрачиваетъ свое первоначальное значеніе: напр. современное значеніе слова *легенда* (вымыселъ въ области религіозныхъ преданій) имѣетъ уже мало общаго съ первоначальнымъ значеніемъ лат. *legenda* (назначенная для ежедневнаго поученія въ монастыряхъ книга отъ *lego* читаю).

Въ каждую науку, какъ полную систему всѣхъ познаній о предметахъ извѣстнаго рода, входитъ рядъ полныхъ опредѣленій тѣхъ понятій, которыя составляютъ ея содержаніе (напр. въ зоологію—о животныхъ, въ юридическія науки—о правовыхъ отношеніяхъ между людьми). Полное опредѣленіе имѣетъ въ виду указать всѣ существенные признаки предмета, т. е. такіе признаки, съ уничтоженіемъ которыхъ уничтожается и самое понятіе о предметѣ (такъ напр. всемогущество, всевѣдѣніе и благость... суть существенные признаки понятія *Богъ*). Отъ существенныхъ признаковъ должно отличать несущественные, которые 1) происходятъ отъ существенныхъ и называются производными

---

[1] Развязываю, разрѣшаю.

признаками, или свойствами (attributum) предмета; напр. *способность говорить*—свойство человѣка (вытекающее изъ его тѣлесной и духовной организаціи), и 2) такіе, которые, если даже и составляютъ постоянную принадлежность предмета, не происходятъ отъ существенныхъ его признаковъ и называются потому акциденціями; сюда относятся напр. внѣшнее положеніе лица въ жизни (напр., что Сократъ былъ сынъ ваятеля), иногда внѣшній видъ предметовъ (напр., что Сократъ былъ курносъ). Нерѣдко признакъ, считавшійся акциденціей, будучи объясненъ изъ существенныхъ, признается свойствомъ предмета (положеніе золота въ глубокихъ слояхъ земли могло считаться акциденціей, пока оно не было объяснено какъ слѣдствіе его удѣльнаго вѣса). Указаніе акциденцій, постоянно замѣчаемыхъ въ предметѣ, входитъ въ описательную часть наукъ, но главное стремленіе ихъ—раскрытіе причинной связи признаковъ предмета, слѣд. опредѣленіе понятій признаками существенными [1].

Въ числѣ опредѣляемыхъ понятій должно различать такъ называемыя отношенія (relatio) между двумя или многими отдѣльно мыслимыми понятіями (напр. *торговля*, какъ отношеніе между продающими и покупающими.

При опредѣленіи такихъ понятій должно имѣть въ виду и тѣ понятія, благодаря которымъ они произошли. Опредѣленіе отношенія всегда зависитъ отъ пониманія тѣхъ понятій, которыхъ признаки порождаютъ это отношеніе, и которые наз. условіями (conditio): условія *тѣни* — темный, непрозрачный предметъ, другой предметъ, свѣтящійся, и плоскость, на которой возможна тѣнь. Вотъ почему при опредѣленіи отношенія, если такія вспомогательныя понятія предполагаются неизвѣстными, нельзя обойтись безъ указанія и ихъ признаковъ, конечно лишь тѣхъ, которые участвуютъ въ опредѣляемомъ отношеніи. Сюда принадлежатъ всѣ понятія изъ нравственной области человѣка (напр. любовь, любознательность, мужество и т. п.). Они предполагаютъ и самую личность (субъектъ), отъ понятія коей отвлекаются какъ ея признаки, ставшіе самостоятельными понятіями, и тѣ предметы (объекты), отношенію къ которымъ такія понятія обязаны своимъ происхожденіемъ. Потому въ опре-

---

[1] Правила опредѣленія: 1) указываемое родовое понятіе должно быть ближайшимъ родомъ опредѣляемаго понятія (напр. недостаточно указать, что параллелограмъ есть геометрическая фигура; слѣдуетъ сказать, что онъ есть четырехугольникъ); 2) опредѣленіе должно быть утвердительное (т. е. указывать, что предметъ есть, а не то, что онъ не есть: «исторія не поэзія»); 3) оно должно быть полно, т. е. указывать и родъ, и перечислить всѣ существенные признаки предмета.—Важнѣйшіе недостатки опредѣленія: 1) оно слишкомъ узко или обширно, когда его сказуемое не тождественно съ опредѣляемымъ понятіемъ («логика есть наука *объ умозаключеніяхъ*»—узко, «логика есть наука *о мышленіи*»—обширно, ибо мышленіе, какъ явленіе душевное, есть предметъ психологіи); 2) тавтологія въ опредѣленіи, когда оно лишь повторяетъ опредѣляемое понятіе («животное есть существо живое»); 3) кругъ въ опредѣленіи, когда одно понятіе опредѣляется другимъ, которое въ свою очередь опредѣляется этимъ первымъ («необходимо то, чего не можетъ не быть; не можетъ не быть то, что необходимо») или ὕστερον πρότερον, когда одно понятіе опредѣляется другимъ, которое само только и мыслится, благодаря первому («сужденіе есть составная часть умозаключенія»); 4) если опредѣленіе состоитъ лишь изъ раздѣленія (или расчлененія).

дѣленія такихъ понятій входитъ указаніе субъекта и объекта, а нерѣдко и вспомогательное ихъ неполное опредѣленіе (см. разборъ разсужденія Карамзина: «О любви къ отечеству»).

Во всякое разсужденіе, какая бы ограниченная область понятій ни была его предметомъ, можетъ входить опредѣленіе понятій. Но здѣсь полнота каждаго опредѣленія зависитъ отъ цѣлей разсужденія. Главные виды неполнаго опредѣленія суть:

1) Только указаніе мѣста даннаго понятія въ объемѣ ближайшаго рода (locatio): «земля есть планета». При этомъ могутъ быть изчислены признаки этого *рода*, но это бываетъ цѣлесообразнымъ лишь въ томъ случаѣ, если опредѣляемый видъ указывается какъ лучше другихъ представляющій (характеризующій) этотъ родъ (какъ типъ). (см. «Левъ»).

2) Различніе (distinctio) показываетъ отличіе понятія не отъ всѣхъ однородныхъ понятій, но только отъ одного или нѣкоторыхъ сходныхъ съ нимъ или же, помимо признаковъ принадлежащихъ самому опредѣляемому понятію, лишь указываетъ его отношеніе къ какому-нибудь другому понятію («разумъ есть способность, отличающая человѣка отъ животныхъ").

3) Объясненіе (explanatio) опредѣляетъ предметъ понятія лишь съ одной стороны, съ извѣстною цѣлію (см. вын. къ ст:. „Служеніе истинѣ").

4) Логическое описаніе (descripio). Оно отличается отъ описанія въ собственномъ смыслѣ (см. примѣры ихъ въ I отд. хрестоматіи) тѣмъ, что въ самомъ порядкѣ изложенія руководствуется внутренней (причинной) связью признаковъ, возведенныхъ къ существеннымъ признакамъ предмета, тогда какъ описанія въ собственномъ смыслѣ руководствуются внѣшнимъ порядкомъ расположенія признаковъ въ предметѣ и частяхъ его (см. „описанія простыя") [1] или впечатлѣніями лица описывающаго (см. „описанія художественныя"), или порядкомъ наблюденія ихъ (см. тѣ и другія описанія). Слѣдов. въ нихъ входятъ и акциденціи.— Логическое описаніе отличается отъ опредѣленія тѣмъ, что въ первое входятъ не только признаки существенные, но и производные (т. е. свойства); потому логическое описаніе замѣняетъ опредѣленіе для единичныхъ понятій, которыя не могутъ быть подвергнуты полному опредѣленію.

Къ логическому описанію относится и характеристика. Слово это имѣетъ двоякое значеніе; въ тѣсномъ смыслѣ имъ обозначается логическое описаніе нравственныхъ свойствъ личности (человѣка или народа). Прим. см. въ ст: „Два характера", „Луд. XIV", „Лафонтенъ и Крыловъ", „Алкивіадъ", „Іоаннъ III", „Луд. XI", „Карлъ V„ и „Лютеръ"); въ обширномъ смыслѣ этимъ словомъ обозначается и всякое логическое описаніе, возводящее всѣ признаки предмета къ одному господствующему признаку. Въ этомъ смыслѣ возможна и поэтическая характеристики (см. въ I отд. „Жизнь" „Видѣнія").

§ 4. Доказать истинность сужденія значитъ привести достаточныя

---

[1] Описанія извѣстнаго рода предметовъ, въ которыхъ соблюдается какой-нибудь однообразный, разъ принятый порядокъ, называемыя систематическими (таковъ однообразный порядокъ въ описаніи животныхъ, растеній и минераловъ—по частямъ ихъ), могутъ и не удовлетворять требованіямъ строго логическаго описанія (см. въ I отд. «Гагара», «Новая земля»).

основанія **возможности** или **необходимости** явленія или общаго закона, которыя этимъ сужденіемъ высказаны [1].

При всемъ разнообразіи словеснаго выраженія **темъ** разсужденій, онѣ могутъ быть приведены къ тремъ основнымъ формамъ:

1) даны и подлежащее и сказуемое сужденія („устройство внутреннее утверждаетъ могущество государства») [2].
2) дано сказуемое, и спрашивается о подлежащемъ („что̀ утверждаетъ могущество государства?“ или: „чѣмъ утверждается могущество государства?“)
3) дано подлежащее, и спрашивается о сказуемомъ („что̀ производитъ паденіе нравовъ въ государствѣ?“ или: „что̀ производится паденіемъ нравовъ въ государствѣ?“

Въ первомъ случаѣ тема есть выраженіе доказываемаго сужденія, т. е. **тезисъ**, и разсужденіе состоитъ въ цѣлесообразномъ выясненіи (слѣд. опредѣленіи и раздѣленіи) подлежащаго и сказуемаго или понятій, входящихъ въ подлежащее и сказуемое (иногда и тѣхъ понятій, *въ отношеніи* къ которымъ подлежащее и сказуемое мыслится). Показать, что *содержаніе* подлежащаго и сказуемаго совмѣстимо и значитъ доказать сужденіе. Такое доказательство называется **прямымъ**. Напр. прямое доказательство темы: „устройство внутреннее утверждаетъ могущество государства“ должно состоять въ опредѣленіи понятія, входящаго въ сказуемое (*могущество государства*), при чемъ должны быть указаны и существенные признака *государства* вообще; затѣмъ должно быть опредѣлено

---

[1] При познаніи мы или переходитъ отъ фактовъ къ общимъ началамъ или законамъ, которыми эти факты объясняются, или изъ общихъ законовъ, уже составляющихъ достояніе нашего ума, выводимъ эти факты. Первый путь (или методъ) изслѣдованія назыв. **индуктивнымъ** (наведеніемъ), второй — **дедуктивнымъ** (выведеніемъ). Само собою разумѣется, что и тѣ общіе законы, отъ которыхъ мы исходимъ при дедукціи, были добыты наблюденіемъ фактовъ (слѣд. индуктивно), но при дедукціи можетъ и не быть сознаваемо такое ихъ происхожденіе, такъ что факты, подтверждающіе законъ, отыскиваются путемъ соображенія.—Заключеніе отъ частнаго къ частному наз. **аналогіей** (отъ ἀνάλογος, подобный): при аналогіи мы заключаемъ отъ сходства двухъ предметовъ въ какихъ-либо существенныхъ признакахъ къ сходству ихъ и въ другихъ признакахъ, производныхъ: степень достовѣрности заключеній по аналогіи зависитъ отъ большей или меньшей ясности той причинной связи, какую имѣютъ производные признаки съ существенными. Будучи вспомогательнымъ пріемомъ при ученыхъ изслѣдованіяхъ, аналогія можетъ имѣть мѣсто какъ подтвержденіе мысли и въ частномъ разсужденіи о какомъ-либо предметѣ (см. у Карамзина: «О любви къ отечеству»). Отъ аналогіи должно отличать **сравненіе**, какъ средство выразительности или изобразительности слога. Сравненіе допускается нерѣдко и въ разсужденіяхъ на ряду съ метафорой (напр. какъ способъ выраженія признаковъ опредѣляемаго понятія): см. Кудр. «Лютеръ», Гоголя: «Языкъ русскихъ поэтовъ»; Жук.: «Важнѣйшее условіе перевода поэтовъ.»—[2] При сказуемомъ-глаголѣ переходящемъ, въ формѣ дѣйствительнаго залога. Измѣненіе дѣйствительнаго залога въ страдательный должно быть принимаемо лишь за измѣненіе словеснаго выраженія («устройствомъ внутреннимъ утверждается могущество государства»). Въ данномъ случаѣ стилистическія цѣли заставляютъ предпочесть страдательный оборотъ, такъ какъ при дѣйствительномъ—одинокія формы подлежащаго и прямаго дополненія могутъ допустить двоякое толкованіе сужденія.

подлежащее *внутренее устройство* (*государства*). Выводомъ будетъ, указаніе совмѣстимости обоихъ главныхъ понятій темы (см. разсужденіе Жуковскаго: „Что утверждаетъ могущество государства").

Совмѣстимость эта можетъ быть доказана и такъ: послѣ правильнаго раздѣленія, въ которомъ подлежащее составитъ одинъ членъ раздѣленія, опредѣляются понятія *противоположныя* данному подлежащему, и показывается ихъ несовмѣстимость по содержанію съ даннымъ сказуемымъ: тогда обязательно признать совмѣстимость даннаго подлежащаго съ сказуемымъ. Или тѣмъ же путемъ производится обмѣнъ противоположныхъ сказуемыхъ при данномъ подлежащемъ. Такое доказательство наз. непрямымъ, или косвеннымъ. Въ данномъ примѣрѣ косвенное доказательство должно состоять изъ опредѣленія понятія *внѣшній успѣхъ государства* (какъ противоположнаго данному. Противорѣчіе такого подлежащаго содержанію сказуемаго обяжетъ признать истинность сужденія съ подлежащимъ, даннымъ въ темѣ.

Примѣчаніе. Косвенное доказательство предпочитается въ томъ случаѣ, если извѣстно, что сужденіе, противоположное тезису, было высказано кѣмъ-либо, слѣд. представляетъ заблужденіе нѣкоторыхъ лицъ. Помощію косвеннаго доказательства, слѣдовательно, опровергается ложное мнѣніе, получающее названіе антитезиса. Которому изъ обоихъ членовъ сужденія выбрать понятіе противоположное—зависитъ отъ содержанія ихъ. Въ данномъ примѣрѣ для того было выбрано подлежащее, потому что опровергаемое мнѣніе составляетъ сужденіе съ такимъ подлежащимъ („внѣшній успѣхъ утверждаетъ могущество государства")

Во 2-мъ случаѣ (если дано сказуемое и спрашивается о подлежащемъ), по опредѣленіи понятій сказуемаго, разсматриваются всѣ возможные виды изъ той области, которую укажетъ сказуемое, и въ тезисѣ, какъ отвѣтѣ на данный вопросъ, утверждается совмѣстимость съ однимъ изъ нихъ (такъ же, какъ и въ темѣ 1-го вида): такъ послѣ опредѣленія понятія *могущество государства* разсматриваются оба противоположныя направленія государственнаго устройства, и при доказательствѣ прямомъ опредѣляется нормальное состояніе принадлежностей государства (власти, подданныхъ, закона) и правильное отношеніе членовъ государства между собою. Мысль останавливается именно на этой области понятій, ибо данное понятіе (могущество государства) указываетъ на нее, т. е. вопросъ: „*что* утверждаетъ..." понимается такъ: „*какое направленіе государственнаго устройства* утверждаетъ..."

Въ 3-мъ случаѣ (если дано подлежащее и спрашивается о сказуемомъ) разсужденіе сводится или къ опредѣленію одного понятія (см. ст.: „Что такое феодализмъ?") или же должно состоять въ указаніи слѣдствій. Въ послѣднемъ случаѣ словесное выраженіе вопросительною формою отмѣчаетъ какой-либо членъ предложенія при сказуемомъ, выражающемъ лишь общую категорію; такъ сужденіе «развращеніе нравовъ *производитъ* что?»—направляетъ мысль къ исканію *слѣдствій* словомъ «производитъ». Искомое сказуемое можетъ быть найдено изъ опредѣленія (неполнаго «объясненія», explanatio) даннаго подлежащаго, опредѣленія, болѣе или менѣе ограниченнаго, смотря по тому, *въ отношеніи къ чему* будетъ мыслиться это подлежащее. Въ данномъ примѣрѣ объясненіе цѣлесообразно сдѣлать въ отношеніи къ судьбѣ всего общества, въ которомъ развращены нравы (а не отдѣльнаго лица): на это указываетъ выборъ въ темѣ слова *нравы* (множ. ч. этого слова).

Лучшимъ руководителемъ при выясненіи понятій темы служитъ то общее сужденіе, изъ котораго можетъ быть выведена она, какъ заключеніе изъ большей посылки. Провѣркою доказательства прямаго служитъ категорическій силлогизмъ [1].

Государство (какъ сложный организмъ) могуществено при цѣлесообразномъ дѣйствіи всѣхъ частей его.

Цѣлесообазное дѣйствіе частей государства возможно только при внутреннемъ его устройствѣ.

Слѣд. устройство внутреннее утверждаетъ могущество государства.

Но не слѣдуетъ считать доказательство оконченнымъ, какъ скоро пріискана большая посылка. Вся сила доказательства лежитъ въ меньшей посылкѣ; въ данномъ примѣрѣ—опредѣленіе подлежащаго темы есть именно развитіе меньшей посылки.

Сверхъ того должно замѣтить, что большая посылка можетъ оказать услугу доказательству лишь въ томъ случаѣ, если выражаемая ею общая мысль имѣетъ силу закона, т. е. истины всеобщей (выражающей то, что должно быть всегда и вездѣ), неизмѣнной, необходимой. Примѣнимость же этой истины къ данному случаю показываетъ меньшая посылка.

Освѣщая такимъ образомъ доказываемую мысль общимъ закономъ (дедукція), съ другой стороны слѣдуетъ входящія въ нее понятія провѣрять явленіями частными, которыя обобщены въ нихъ (индукція). Такъ при выясненіи понятія „внутреннее устройство государства" слѣдуетъ обозрѣть возможно большее число историческихъ данныхъ, представляющихъ выражаемое этимъ понятіемъ явленіе.

Встрѣчная повѣрка сужденія дедукціей и индукціей есть единственно вѣрное ручательство въ правильности[2] и полнотѣ[3] выясненія понятій доказываемаго сужденія.

§ 5. При литературномъ изложеніи разсужденія нѣтъ необходимости вносить въ него всѣ сіи соображенія: нерѣдко общая истина (большая посылка) есть истина столь общеизвѣстная, что легко можетъ быть подразумѣваема и авторомъ, и читателемъ; что же касается до фактическихъ потдвержденій данной истины, то изложеніе всего запаса фактовъ, давшихъ матеріалъ для сужденія, можетъ имѣть мѣсто лишь въ ученомъ изслѣдованіи, цѣль котораго открыть самые факты по достовѣрнымъ источникамъ, слѣд. которое предлагаетъ факты, нерѣдко никому дотолѣ неизвѣстные. Въ разсужденіи же, которое не имѣетъ этой цѣли, изчисленіе всѣхъ извѣстныхъ автору фактовъ было бы излишне. Тѣмъ не менѣе изложеніе разсужденія значительно выигрываетъ въ ясности, если выясняемыя понятія оживляются нѣкоторыми фактами. Выборъ фактовъ съ этою цѣлью, или примѣровъ, составляетъ важную, хотя и не главную, заботу автора разсужденія. Выборъ этотъ долженъ производиться отнюдь не случайно, но непремѣнно въ виду тѣхъ признаковъ, которые выдвигаются при опредѣленіи понятій доказываемаго сужденія: слѣд. примѣръ долженъ быть характеристиченъ. Такъ какъ примѣры не составляютъ глав-

---

[1] Провѣркою доказательства косвеннаго служитъ умозаключеніе раздѣлительное (разсужденіе Кар: „О счастливѣйшемъ времени жизни», Баратынскаго «Нравственность литературныхъ произведеній»—могутъ быть кратко выражены въ формѣ такихъ умозаключеній.—[2] Благодаря дедукціи.—[3] Благодаря индукціи.

наго предмета разсужденія, то должно отдавать предпочтеніе такому примѣру, который выдвигаетъ требуемую черту предмета въ наибольшей простотѣ: изложеніе примѣра должно быть кратко. Приведеніе нѣсколькихъ примѣровъ оправдывается лишь различными сторонами выясняемаго ими понятія (напр. различными видами его, если при выясненіи сдѣлано *раздѣленіе*) или же различными признаками опредѣляемаго понятія, изъ коихъ каждый и потверждается особымъ примѣромъ. Если авторъ приводитъ одинъ примѣръ, выбранный столь удачно, что имъ указываются всѣ виды или признаки выясняемаго понятія, данные въ *раздѣленіи* и *опредѣленіи* темы: то примѣръ можетъ быть названъ изящнымъ (см. примѣръ въ ст. „Темпераменты“). Особенную силу примѣру сообщаетъ выборъ такого факта, который съ очевидностію противорѣчитъ толкованію, противоположному тому, какое даетъ ему авторъ (см. примѣръ въ разсужденіи Карамзина: „О любви къ отечеству“, имѣющій силу доказательства непрямаго).

§ 6. Нерѣдко авторы подтверждаютъ свои мысли словами другихъ. Приводимыя съ этою цѣлію чужія слова наз. свидѣтельствомъ. Умѣстность свидѣтельства и выборъ лица, слова котораго могутъ имѣть надлежащій авторитетъ, опредѣляются самою мыслію, для подтвержденія которой оно приводится (см. въ разсужденіи Карамзина „О любви къ отечеству“ и Грановскаго: „Древніе и новые историки“). Приводя цитату изъ какого-либо писателя, должно наблюдать, чтобы она имѣла въ контекстѣ, откуда извлечена, тотъ же самый смыслъ, какой придаетъ ей приводящій ее авторъ.

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Семейство кошекъ. *

Коснемся общей классификаціи кошачьяго рода, самаго хищнаго изъ хищныхъ, котораго высшіе, т. е. сильнѣйшіе представители — левъ и тигръ, особенно тигръ. При равномъ ростѣ и силѣ, онъ гибче и проворнѣе льва, представляетъ самый полный, самый совершенный типъ хищнаго звѣря. Ниже его и льва, въ ряду кошекъ, стоятъ барсы, еще ниже—кошки и рыси.

Такимъ образомъ являются у насъ четыре подраздѣленія въ семействѣ кошекъ, отличающихся выпускными когтями. Гепардъ, у котораго зубы и голова кошачьи, а когти и лапы собачьи, составляетъ особый видъ; это переходная форма между гіеной и барсомъ.

Всѣ настоящія кошки съ выпускными когтями—ночные звѣри. Всѣ отличаются чрезвычайной гибкостью хребта и подвижностью лапъ, которыя относительно хребта могутъ принимать всевозможныя положенія: на переднихъ ногахъ плечевая кость можетъ такъ вертѣться въ суставной полости лопатки, что локоть поднимается выше спины; самая лопатка весьма подвижна. Кошка вьется какъ змѣя, крадется, ползая на брюхѣ, сгибается, выпрямляется, произвольно измѣняетъ и длину, и вышину, и толщину своего тѣла, принимаетъ самыя разнообразныя формы и позы, дѣлаетъ изумительные прыжки, лазитъ—но именно по своей излишней гибкости и подвижности всѣхъ суставовъ плохо бѣгаетъ, даже не можетъ бѣжать рысью, и послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ прыжковъ перестаетъ преслѣдовать добычу... При такой организаціи всѣ кошки ловятъ добычу, прыгая на нее изъ засады. У всѣхъ переднія лапы — болѣе оружіе, органъ хватанія и раздиранія добычи, нежели органъ движенія. Коренные зубы у всѣхъ кошекъ остры и рвутъ, а не жуютъ; клыки длинные и острые; ими и ког-

---

* Въ I части—раздѣленіе *семейства кошекъ*, которое въ свою очередь, на ряду съ медвѣдями, куницами, виверрами, собаками и гіенами, составляетъ объемъ понятія *хищные* (одинъ изъ 14-ти порядковъ класса млекопитающихъ). Во II части полное опредѣленіе семейства кошекъ признаками, отличающими ихъ отъ другихъ хищныхъ.

тями переднихъ лапъ кошка хватаетъ добычу, или же удерживаетъ ее, когда несетъ что нибудь во рту. Глазъ видитъ и днемъ и ночью, и всякая кошка, особенно въ неволѣ, изъ ночнаго звѣря легко дѣлается деннымъ.

Сѣверцовъ.

Левъ. *

Важнѣйшій признакъ льва, указывающій ему мѣсто въ общей естественно-исторической классификаціи, состоитъ въ томъ, что левъ — большое хищное животное. Почти всѣ, какъ физическія, такъ и нравственныя его свойства вытекаютъ изъ этого важнѣйшаго признака, какъ изъ источника.

Разсматривая льва съ физической стороны, мы видимъ, что зубы его остры какъ ножи, челюсть какъ бы нарочно устроена для разрыванія и разжевыванія добычи; это необходимо для хищника, питающагося мясомъ и живой добычей. Чтобы приводить въ движеніе эти страшныя клещи, ему необходимы огромныя мышцы, а для помѣщенія этихъ мышцъ — височныя впадины соразмѣрной величины. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще другія клещи на ногахъ — ужасные выпускные когти, страшно упругія лядвеи, способствующія его легкой походкѣ на цыпочкахъ и подбрасывающія его какъ пружина, глаза, ясно видящіе и ночью, потому что ночь — лучшее время для охоты.

---

* Эта статья есть неполне опредѣленіе, locatio. Авторъ подводитъ льва подъ родовое понятіе (хищное животное), описываетъ части и свойства льва только со стороны принадлежности его къ ближайшему роду—семейству кошекъ, какъ наиболѣе характерному въ указанномъ родѣ (хищныхъ), безъ различенія его отъ другихъ животныхъ того же семейства, чѣмъ эта статья и отличается отъ строго-логическаго опредѣленія; съ другой стороны она отличается и отъ описанія, въ которое вошло бы указаніе и цвѣта шерсти, и гривы, и формы хвоста и многихъ другихъ заслуживающихъ вниманія признаковъ (ср. описанія *гиппопотама*, *крокодила*, *гагары* въ отд. Описаній простыхъ», стр. 22—24).

Расположеніе статьи. Послѣ введенія (гдѣ указанъ родъ), слѣдуетъ изчисленіе признаковъ, сначала 1) внѣшнихъ, потомъ 2) внутреннихъ. При расположеніи признаковъ принята во вниманіе зависимость одного отъ другаго: *мышцы* послѣ *челюсти*, *височныя впадины* послѣ *мышцъ*, *походка на цыпочкахъ* послѣ *упругихъ лядвей; сонливость* послѣ *горячности)*. При указаніи внѣшнихъ признаковъ льва сначала даны они по частямъ, затѣмъ важнѣйшіе изъ нихъ—въ совокупности (слова натуралиста въ концѣ 1-й части); указаніе внутреннихъ признаковъ оканчивается краткимъ упоминаніемъ объ образѣ жизни животнаго.

Выраженіе. Логическимъ цѣлямъ опредѣленія въ этой прозаической статьѣ не противорѣчатъ изобразительныя выраженія, украшающія изложеніе и дѣлающія его доступнымъ не спеціалистамъ по естествознанію: эпитеты—*страшные* клещи, *ужасные* когти, *угрюмое* бездѣйствіе; сравненія: зубы — *какъ ножи*, лядвеи *какъ пружина*, челюсть и когти—*клещи*; синекдоха — въ словахъ натуралиста о скелетѣ льва (это челюсть...). Эти выраженія допущены въ такой мѣрѣ, при которой они не затемняютъ понятій.

Одинъ натуралистъ, показывая мнѣ скелетъ льва, сказалъ: «Это — челюсть, поднятая на четыре лапы».

Внутреннія свойства льва соотвѣтствуютъ другъ другу не менѣе физическихъ; прежде всего — кровожадный инстинктъ, потребность свѣжаго мяса, отвращеніе отъ всякой другой пищи; затѣмъ сила и нервная горячность, благодаря которымъ онъ сосредоточиваетъ громадную массу силъ въ короткій моментъ нападенія или защиты, и какъ бы въ противоположность этому — сонливыя привычки, спокойное и угрюмое бездѣйствіе въ минуты отдыха, протяжные зѣвки послѣ увлеченій охоты.

Тэнъ (съ фр.)

Сенъ-Бернардская собака *.

Безчисленны видоизмѣненія и породы домашнихъ, порабощенныхъ собакъ; всѣ онѣ возможны были только потому, что родичъ ихъ по природѣ своей смышленое, въ признакахъ своихъ весьма измѣнчивое подвижное животное. Хотя все, начиная отъ наружныхъ признаковъ и до внутреннихъ, безконечно измѣнилось въ порабощеніи, но одно изъ наружныхъ чувствъ—чутье собаки—едва ли не составляетъ главное звено, связующее ее съ человѣкомъ. Здѣсь оно направлено на звѣря такого или инаго, тамъ на данный видъ птицы, въ другомъ мѣстѣ на рыбу, еще въ другомъ на подземный грибъ, здѣсь на отыскиваніе слѣда Индійца, а тамъ на отысканіе человѣка вообще.

Этимъ-то чутьемъ, весьма сильно развитымъ, отличается и Сенъ-Бернардская собака. Живя съ человѣкомъ въ самой тѣсной и необходимой дружбѣ, она чувствуетъ себя привольнѣе въ семьѣ его, нежели въ семьѣ себѣ равныхъ; отъ дозорнаго она ни на шагъ, пока не почуетъ близкаго сосѣдства человѣка: тогда-то пойдетъ она на поискъ его еще съ большимъ стремленіемъ, нежели лягавая на искъ дичи. Отыщетъ, отогрѣетъ его, если можетъ, своимъ языкомъ и длинной шерстью, и глоткомъ вина, подвязаннаго подъ шею ея въ фляжкѣ или въ боченкѣ, укрѣпитъ его. Будь то дитя, оно невольно обниметъ ее ручками, уцѣпится въ нее, и она, рослая, сильная, вынесетъ его изъ горной пропасти и понесетъ по направленію въ обитель, а тамъ готовая братія приметъ и малаго и великаго, и богатаго и бѣднаго, докончитъ его спасеніе...

Происхожденіе Бернардской собаки достовѣрно неизвѣстно. Въ свойствахъ своихъ она соединяетъ признаки двухъ извѣстныхъ по-

* Въ I части раздѣленіе понятія *домашняя собака*, какъ родоваго въ отношеніи къ видовому *С. Бернардская собака*, которая и опредѣляется во II части. Здѣсь неполное опредѣленіе сдѣлано въ виду назначенія, какое далъ человѣкъ этой собакѣ. Отличительные ея признаки даны въ описаніи ея службы человѣку и въ сравненіи.

родъ: по силѣ и формамъ головы, она напоминаетъ мордашку меделянскую или вообще датскаго дога, по общему складу тѣла и шерсти—ньюфаундлендскую, которая въ свою очередь положительно происходитъ отъ англійскаго дога. Говорятъ, что какой-то итальянскій графъ вывезъ датскаго дога въ Швейцарію, и что отъ него-то произошли Бернардскія собаки.

Рулье.

Дичь *.

Дичью называется дикая птица и звѣрь, употребляемые въ пищу человѣкомъ, добываемые разными родами ловли, и преимущественно стрѣльбою изъ ружья. Слово „дикая", въ смыслѣ вольная, независимая, придается обыкновенно тѣмъ породамъ, которыя не покорены человѣкомъ и не сдѣлались домашними, ручными.

Всю дичь пернатую по мѣсту ея жительства, хотя оно и измѣняется временами года и необходимымъ добываніемъ корма, можно раздѣлить на четыре разряда: болотную, водяную и степную, или полевую, и лѣсную. Изъ звѣрей принадлежащихъ къ числу дичи, чаще другихъ встрѣчаются зайцы, медвѣди, олени, дикія козы и кабаны.

С. Аксаковъ.

Древнегреческія галеры **.

Галеры должно представлять себѣ, какъ нѣчто, соотвѣтствующее нашимъ пароходамъ. Главная цѣль была одна и та же — возможность

* Статья начинается опредѣленіемъ. Затѣмъ указано различіе въ значеніи словъ: *дичь* и *дикая порода*. Остальная часть статьи есть раздѣленіе понятія: *дичь пернатая* и *дичь изъ числа звѣрей*. Первый видъ подраздѣленъ на 4 вида (основаніе раздѣленія — мѣстонахожденіе). Объемъ втораго вида не раскрытъ полнымъ раздѣленіемъ; здѣсь названы лишь нѣкоторыя, «чаще другихъ встрѣчающіяся» породы.

** Эта статья есть неполное опредѣленіе понятія *древне-греческая галера*,—такъ называемое различеніе (distinctio). Сначала понятіе подведено подъ родъ чрезъ указаніе сходства съ другимъ видомъ того же рода (пароходомъ). Родовой признакъ указанъ по цѣли предмета (ибо это предметъ искусственный, обязанный самимъ происхожденіемъ своимъ этой цѣли): *независимому отъ вѣтра плаванію*. Затѣмъ даны 2 видовыхъ признака (чрезъ указаніе различія только отъ одного предмета того же рода): *весла* и *небольшой размѣръ*, соотвѣтствующій силѣ веселъ. Всѣ эти признаки—существенные. Производный отъ нихъ признакъ (или свойство предмета): *легкость* на ходу, а потому примѣнимость къ военнымъ цѣлямъ (для морскихъ сраженій).

Для сравненія выбранъ предметъ, знакомый современному читателю болѣе, нежели предметъ, понятіе котораго опредѣляется.

Расположеніе статьи слѣдуетъ вышеуказанной логической послѣдовательности признаковъ.

Выраженіе. Вмѣсто *веселъ* именованы *руки*, движущія ихъ—метонимія (вызванная сравненіемъ съ машиною парохода). Примѣненіе галеры на войнѣ

независимаго отъ вѣтра плаванія. Устройство древней галеры весьма было похоже на устройство пароходовъ: мѣсто нынѣшнихъ машинъ занимали человѣческія руки, которыя сообщали судну силу, необходимую для плаванія противъ вѣтровъ и теченій. Галеры были весьма легкія суда, назначенныя для скораго бѣга, съ какъ можно меньшею массою, дабы движущая сила находилась какъ можно въ большемъ отношеніи къ этой массѣ. Въ своемъ родѣ онѣ представляли нѣчто ужасное.

Грановскій (по Нибуру).

Формы общественной жизни въ Греціи и Римѣ *.

Надобно полагать, что три формы общественной жизни — родъ, фратрія и фила, какъ говорили Греки, или родъ, курія и триба, какъ говорили Римляне, — возникли первоначально на основѣ естественнаго родоваго быта. Нѣсколько родовъ, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ родичей, находившихся между собою въ кровномъ родствѣ, могли сблизиться одинъ съ другимъ, побрататься между собою и составить фратрію, то есть братственное соединеніе нѣсколькихъ родовъ. Изъ нѣсколькихъ фратрій могли далѣе произойти колѣно, фила или триба. Такимъ образомъ должны были возникнуть эти формы общественной жизни во времена незапамятной древности; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что уже въ весьма отдаленное время должны были образоваться соединенія людей, основанныя только отчасти на кровномъ родствѣ и наряду съ этой древнѣйшею связію обязанныя своимъ происхожденіемъ произвольному желанію нѣсколькихъ людей жить и дѣйствовать вмѣстѣ. Въ такихъ соединеніяхъ высказалось уже другое начало, которое противоположно кровному и въ своемъ полномъ явленіи можетъ быть выразительно названо дружиннымъ. Такъ какъ эта новая сила начинала дѣйствовать среди быта, формы котораго были опредѣлены началомъ кровнаго родства, и въ такое время, когда не было извѣстно другихъ соединеній кромѣ родовыхъ, то не смотря на ея противоположность кровному или родовому началу, ея продукты принимали по необходимости формы древнихъ, исключительно кровныхъ соединеній. Поэтому, какъ только составлялись товарищества или дружины изъ лицъ, принадлежавшихъ разнымъ родамъ и колѣнамъ, то эти новыя группы людей тотчасъ же чувствовали потребность устроиться такъ, какъ были устроены племена, среди которыхъ онѣ происходили. Такимъ образомъ должны были явиться колѣна, фратріи и роды, состоявшіе изъ людей, не находившихся между собою ни въ какомъ родствѣ. Эти новыя формы отличаются отъ древнихъ, какъ искусственныя отъ естественныхъ, и легко замѣтить,

---

обозначено именованіемъ впечатлѣнія, производимаго на враговъ (нѣчто *ужасное*) — также метонимія.

* Опредѣленіе генетическое нѣсколькихъ понятій одного рода.

что онѣ имѣютъ уже въ нѣкоторой степени политическій характеръ. Таково-то именно и было, по нашему мнѣнію, значеніе филъ, фратрій и родовъ, находимыхъ нами въ древней Греціи, а равно и трибъ, курій и родовъ, на которые раздѣлялись римскіе патриціи. Это были искусственныя политическія формы, составленныя по образцу естественныхъ родовъ.

Леонтьевъ.

Феодализмъ *.

Существенное отличіе быта, называемаго феодальнымъ, можетъ быть приведено къ тремъ чертамъ: 1) особое значеніе поземельной собственности, собственности осязательной, полной, наслѣдственной и въ то же время полученной отъ высшаго лица, налагающей на своего владѣтеля, подъ страхомъ ея лишеній, извѣстныя личныя обязательства, и далеко не представляющей той независимости, какою пользуется собственность въ настоящее время; 2) тѣсное сліяніе понятія собственности съ понятіемъ о верховной власти, т. е. присвоеніе владѣтелю земли надъ ея обитателями всѣхъ, или почти всѣхъ [1] правъ, совокупность которыхъ составляетъ верховную власть, принадлежащую въ наше время одному правительству, публичной силѣ, и — 3) стройный чинъ [2] постановленій законодательныхъ, судебныхъ, военныхъ, связующій между собою поземельныхъ владѣтелей и превращающій ихъ такимъ образомъ въ органическое общество.

Гизо.

Рабство*.

Происхожденіе рабства, происхожденіе разныхъ видовъ частной зависимости человѣка можно прослѣдить въ преданіяхъ народовъ. Конечно, война должна была доставить значительное число рабовъ; побѣдитель имѣлъ право или убить побѣжденнаго или подарить ему жизнь, и въ послѣднемъ случаѣ побѣжденный дѣлался рабомъ, собственностію побѣдителя. Экономическая неразвитость первоначальныхъ обществъ содѣйствовала сильно къ распространенію рабства: для человѣка было чрезвычайно удобно имѣть разумное орудіе, разумную животную силу для работъ всякаго рода при невозможности вольнонаемнаго труда. Скоро оцѣнили выгоду охотиться за человѣ-

---

* Полное опредѣленіе понятія.

[1] Галламъ (L'Europe au moyen âge, par Henry Hallam, 3 éd. II. 229) указываетъ слѣдующія важнѣйшія привиллегіи пэровъ и бароновъ Франціи: 1) привиллегію чеканить монету, 2) привиллегію частной войны и 3) изъятіе отъ всякихъ общественныхъ налоговъ, исключая des aides féodales; 4) исключительное право суда и расправы въ ихъ владѣніяхъ. — [2] Чинъ — порядокъ.

* Въ I части — генетическое опредѣленіе понятія; во II-й — субстанціальное опредѣленіе понятія *рабъ*.

комъ, добывать его съ оружіемъ въ рукахъ и торговать имъ. Но кромѣ захвата и купли, число рабовъ увеличилось и другимъ способомъ: обѣдненіе отъ холода или другаго физическаго бѣдствія, лишеніе семьи или рода, *безсемейность* и *безродность*, страшное бѣдствіе въ древнемъ обществѣ, гдѣ человѣкъ могъ держаться самостоятельно только съ помощію первоначальнаго кровнаго союза,—всѣ эти бѣдствія должны были принуждать человѣка просить принятія въ чужую семью или родъ для полученія средствъ къ существованію; но единственное условіе, при которомъ онъ могъ быть принятъ, это — работа, рабство; молодой человѣкъ, для полученія руки дѣвушки, долженъ былъ работать будущему тестю нѣсколько лѣтъ, какъ мы это видимъ въ исторіи патріарха Іакова. Рабство продолжалось и въ новомъ, христіанскомъ мірѣ; мы съ нимъ хорошо знакомы; но все же въ христіанствѣ, поднявшемъ личное значеніе человѣка, какъ храмъ Духа Св., какъ существа, искупленнаго кровію Спасителя, мы все болѣе и болѣе отвыкали отъ представленія о рабѣ, господствовавшаго въ языческой древности. Въ древности мы видимъ, напримѣръ, такое явленіе: когда раба родитъ мужу госпожи ребенка, то госпожа въ восторгѣ принимаетъ его на колѣни и говоритъ, что Богъ далъ ей сына. Поймемъ ли мы теперь это явленіе?

Оно объясняется только такимъ представленіемъ, что рабъ не имѣетъ совершенно никакой личности и составляетъ часть господина, имѣетъ съ нимъ совершенно одно существованіе. Знаменитый наблюдатель надъ общественными явленіями древняго міра—Аристотель—приходитъ къ намъ на помощь; онъ говоритъ: „Рабъ есть одушевленная собственность и какъ бы органъ. Собственность есть какъ бы часть, ибо часть есть не только часть другаго, но имѣетъ съ нимъ одно существованіе. Подобно тому и собственность; поэтому рабъ не только есть рабъ своего господина, но и имѣетъ съ нимъ одно существованіе“.

Соловьевъ.

Греческій царь героическаго періода.

Во главѣ общества героической Греціи стоитъ владыка, въ которомъ тѣлесное и душевное превосходство всегда соединено съ наслѣдственнымъ правомъ. Его окружаетъ ограниченное число вождей, которые также называются царями, также имѣютъ наслѣдственный почетъ и также отличаются доблестью: за ними слѣдуетъ масса народа.... Выдающаяся черта въ гомерическомъ изображеніи царя, — это его личное превосходство. Народъ съ подобострастіемъ внимаетъ голосу царя, съ ревностію принимаетъ его предложенія и повинуется его приказаніямъ; не только сопротивленіе, но и порицаніе его дѣйствій изображается у Гомера, какъ нѣчто непозволительное и ненавистное. Такое уваженіе къ царю основывалось на особенномъ бла-

говоленіи боговъ, которымъ былъ осчастливленъ самъ царь и весь его родъ; очень часто оно основывалось кромѣ того и на прямомъ происхожденіи отъ боговъ. Но чтобы поддержать его, гомерическій царь долженъ былъ обладать въ необыкновенной степени разными душевными и тѣлесными свойствами. „Дряхлаго старца безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ“ перестаютъ чтить народы. Почетъ и право связаны съ предводительствомъ. Гомерическіе цари мужественны въ полѣ, мудры въ думѣ и краснорѣчивы на вѣчѣ. Они одарены тѣлесною силою и дѣятельностью болѣе прочихъ людей и опытны не только въ употребленіи оружія, но и въ атлетическихъ упражненіяхъ... Когда проявленія силы внушаютъ удивленіе, тогда легко сносится довольно много насилія, причудъ и жадности. Нравственное сужденіе не прилагается къ героямъ, ослѣпляющимъ своею силой и ловкостью. Герою всѣ повинуются безпрекословно.

Леонтьевъ.

Древне-греческое вѣче.

Вѣчу (ἀγορά) у Гомера дается еще меньшее значеніе, нежели другому совѣщательному собранію — царской думѣ (βουλή). Оно является какъ старинное учрежденіе, въ которомъ уже установились нѣкоторыя обычныя формальности. Глашатаи сзываютъ вѣче; собравшійся народъ долженъ сѣсть; стоящее вѣче признается признакомъ безпорядка или чего-нибудь особеннаго. Равнымъ образомъ требуется, чтобы собравшійся народъ молчалъ. Царь открываетъ совѣщаніе сообщеніемъ своего предложенія; потомъ начинаютъ разсуждать вожди и старики и воодушевляютъ народъ къ ревностному исполненію царской воли. Этимъ вѣче и оканчивается. Собиранія голосовъ Гомеръ не упоминаетъ; вѣче есть не болѣе, какъ средство гласности, и вызвано необходимостью времени, не знавшаго письма. Цѣль собранія узнать мнѣнія вождей и самого царя.

Леонтьевъ.

Древне-русское вѣче.

Русское вѣче не имѣетъ ничего общаго съ тою формою народнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которую представляетъ англійскій парламентъ и подражанія этому учрежденію на европейскомъ континентѣ.

Народъ участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому „мужу“ права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью. Присутствуя на вѣчѣ въ силу личнаго права, народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ не чрезъ пред-

ставителей, а поголовно; а съ другой стороны, онъ неограниченъ въ предметахъ своего разсужденія: онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Собраніе, каждый отдѣльный членъ котораго представляетъ только себя и говоритъ только во имя своихъ личныхъ интересовъ, составляетъ цѣлое только въ случаѣ соглашенія *всѣхъ*. Если этого соглашенія нѣтъ, оно распадается на части, между которыми возгорается война.

Такимъ образомъ, характеръ нашего вѣча опредѣляется двумя условіями: слабостью княжеской власти и всемогуществомъ личной свободы, столь обыкновеннымъ въ первоначальномъ обществѣ.

Сергѣевичъ.

Апоѳеоза.

Апоѳеоза не была явленіемъ исключительно римскимъ, ибо коренилась въ нравахъ обоихъ народовъ классической древности и составляла существенно необходимый элементъ въ ихъ религіи. Боги языческой старины вообще были, между прочимъ, ничто иное, какъ люди, обоготворенные за ихъ услуги человѣчеству. Въ такомъ отношеніи къ своей родинѣ находились основатели городовъ и другіе ея благодѣтели, которые, какъ высшія существа, и послѣ смерти своей неослабно радѣли, по убѣжденію древняго человѣка, о пользахъ того или другаго дѣла, стоившаго имъ столько труда и заботъ. Такое представленіе много способствовало развитію религіи древнихъ народовъ. Подъ именемъ божества (δαίμων, numen) они часто понимали высшее, могущественное, безсмертное, не человѣкообразное существо, своими благодѣяніями роду человѣческому упрочившее себѣ право на благодарность и почитаніе смертныхъ. Такъ возникло у Грековъ почитаніе *героевъ*, т. е. избранныхъ людей, которые своими доблестями возвышались до самыхъ боговъ. Между героемъ и богомъ часто не было никакого различія. Герою такъ же, какъ и богу, воздвигались храмы и приносились жертвы. Для примѣра укажемъ на поклоненіе Ахейцевъ Арату.

При такомъ вѣрованіи разстояніе между человѣкомъ и божествомъ не могло быть особенно значительнымъ. Греки, какъ извѣстно, боготворили даже своихъ атлетовъ за красоту и силу ихъ тѣла. Очевидно, что при такихъ условіяхъ отъ могущественнаго правителя до божества былъ только одинъ шагъ.

Были другіе пути, которыми апоѳеоза необходимо должна была проникнуть въ религію Римлянъ. Они уже съ глубокой древности чтили души своихъ предковъ подъ именемъ *ларовъ* (lares). Это были домашніе боги. Они, по вѣрованію Римлянъ, никогда не переставали принимать живое участіе въ тѣхъ семействахъ, къ которымъ когда-то сами принадлежали. Лары приносили этимъ семействамъ счастіе и

старались отвратить отъ нихъ невзгоду. Такъ, между прочимъ, возникло въ Римѣ обоготвореніе человѣка.

Наконецъ апоѳеоза имѣла тѣсную связь съ почитаніемъ *геніевъ*, которое перешло въ Римъ отъ Этрусковъ. Подъ именемъ генія Римляне разумѣли общность нравственной природы человѣка. Образъ его дѣйствія, направленіе и характеръ — словомъ, духовная индивидуальность человѣка, все это, по древнему вѣрованію, относилось къ вліянію на него генія. Горацій называетъ его въ одномъ мѣстѣ «богомъ человѣческой природы.» Геній вводилъ человѣка въ жизнь и, какъ хранительное божество, не разлучался съ нимъ во все ея продолженіе[1]. Такъ какъ въ религіи Грековъ и Римлянъ не было опредѣленныхъ догматовъ, и о каждомъ божествѣ господствовало нѣсколько мнѣній, то и въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые вѣрили въ существованіе при каждомъ человѣкѣ двухъ геніевъ, добраго и злаго (находившихся въ постоянной между собою борьбѣ), а другіе, какъ Горацій, принимали одного генія, который, смотря по дѣйствіямъ человѣка, былъ то благосклоненъ къ нему, то неблагосклоненъ. Потому первою заботою человѣка было расположить къ себѣ своего генія, жить съ нимъ въ согласіи, веселить его и мирить съ собою, если это было нужно, жертвами, возліяніями[2]. Чѣмъ сильнѣе, возвышеннѣе былъ геній, тѣмъ совершеннѣе и счастливѣе считался человѣкъ, находившійся подъ его руководствомъ. Если геній постоянно и неуклонно велъ человѣка къ славѣ и къ великимъ подвигамъ, то онъ считался существомъ вышечеловѣческимъ, божественнымъ (δαιμόνιος)

Апоѳеоза возникла въ Римѣ задолго до Августа. Уже Ромулъ былъ обоготворенъ Римлянами подъ именемъ Квирина. Точно также и Эней. Въ періодъ республики мы встрѣчаемъ въ Римѣ множество примѣровъ самой странной апоѳеозы. Жители провинцій нерѣдко воздвигали въ это время алтари и храмы въ честь самыхъ безпутныхъ римскихъ проконсуловъ, которые открыто грабили страны, ввѣренныя ихъ управленію.

Благовѣщенскій.

Кліентство.

Слово *кліентъ*[3] непріятно звучитъ въ наше время: мы уже перешли ту степень общественнаго развитія, которая выражается этимъ

[1] Геніи женщинъ назывались юнонами. Рабы клялись геніями, а служанки юнонами своихъ господъ. Римляне клялись геніемъ Августа, и впослѣдствіи—его преемниковъ (Бл.)

[2] Отсюда извѣстныя выраженія: indulgere genio и defraudare genium (Бл.).

[3] Слово cliens происходитъ отъ древн. лат. формы cluere (κλύειν, то же, что ἀκούειν) и въ этимологическомъ своемъ составѣ совершенно соотвѣтствуетъ нашему слову *послушникъ*.

словомъ, и подобное отношеніе, по справедливости, кажется теперь унизительнымъ для человѣка, надѣленнаго хотя малою долею самоуваженія.

Не такъ было въ древнемъ Римѣ. Обычай кліенства коренился тамъ въ нравахъ народа и имѣлъ столь твердую историческую основу, что освободить себя отъ этого отношенія, въ особенности для молодаго человѣка, было невозможно. Почти все римское народонаселеніе состояло изъ кліентовъ, которые съ ранняго утра обходили своихъ патроновъ, дежурили у нихъ въ пріемныхъ залахъ, сопровождали ихъ на форумъ, и за всѣ свои труды получали такъ называвшуюся *спортулу*[1].

Начало кліентства относится ко времени доисторическому. Это отношеніе образовалось не въ Римѣ, а было древнѣйшимъ учрежденіемъ многихъ итальянскихъ племенъ и, между прочимъ, тѣхъ, которыя вошли въ составъ народа римскаго при самомъ началѣ его исторіи (т. е. Сабинянъ и Этрусковъ). Между всѣми мнѣніями о происхожденіи кліентовъ самое вѣроятное то, что они образовались изъ покоренныхъ народовъ древнѣйшей Италіи. Предки кліентовъ принадлежали къ первобытнымъ обитателямъ этой страны. Покоренные побѣдоносными племенами, они продолжали послѣ нихъ свое существованіе подъ особаго рода покровительствомъ, исходившимъ изъ той охраны, которую даетъ человѣку сама религія. Религіозная основа кліентства облагородила это учрежденіе и не допустила его развиться въ рабство[2]. Вотъ почему римскіе кліенты существенно отличаются отъ ѳессалійскихъ пенестовъ, аттическихъ тетовъ, критскихъ кларотовъ, спартанскихъ илотовъ и другихъ подобныхъ рабствовавшихъ сословій древняго міра, которыя также образовались изъ народовъ покоренныхъ, жившихъ рядомъ съ побѣдителями въ отношеніи строгой подчиненности.

Кліентство было въ Римѣ отношеніемъ наслѣдственнымъ. Кліентъ носилъ родовое имя своего патрона и вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ принадлежалъ его семейству и роду. Кліенты при самомъ началѣ утратили свою поземельную собственность и сдѣлались наслѣдственными арендаторами патриціевъ, т. е. патриціи, во владѣніи которыхъ

---

[1] Сначала кліенты обѣдали обыкновенно за столомъ своихъ патроновъ, но съ развитіемъ кліенства этотъ обычай, разумѣется, долженъ былъ изчезнуть и вмѣсто обѣда кліенты начали получать *спортулу*. Слово sportula (то же, что sportella, уменьшит. отъ sporta) означаетъ собственно корзиночку, въ которой патроны ежедневно отпускали каждому изъ своихъ кліентовъ различныя, безъ сомнѣнія холодныя кушанья, а иногда эти кушанья замѣнялись небольшою суммою денегъ.—[2] Вначалѣ кліентство считалось въ Римѣ выше даже родственныхъ отношеній. Обидѣть своего кліента считалось для патрона большимъ преступленіемъ, или, вѣрнѣе грѣхомъ. Потому и Виргилій (Aen. VI. 608), при описаніи тартара, говоритъ, что въ самомъ ужасномъ его мѣстѣ между грѣшниками мучатся также души вѣроломныхъ патроновъ (Бл.).

находился ager publicus, представляли имъ свои поля не въ собственность, а для воздѣлыванія на извѣстныхъ условіяхъ. Кромѣ этого воздѣлыванія земли своихъ патроновъ, кліенты преимущественно занимались въ Римѣ ремеслами и торговлею. Ряды ихъ постоянно пополнялись отпущенниками и обѣднѣвшими плебеями. Съ теченіемъ времени кліентство охватило собою всѣ классы римскаго народа и мало-помалу окончательно утратило свой религіозный характеръ. Каждый молодой человѣкъ, желавшій упрочить себѣ положеніе въ римскомъ обществѣ и подвинуться впередъ на военномъ или гражданскомъ поприщѣ, избиралъ для себя руководителемъ и наставникомъ одного изъ знаменитыхъ государственныхъ людей, съ которымъ потомъ уже не разлучался во всю свою жизнь. Молодой человѣкъ сопровождалъ своего патрона на форумъ, въ курію, въ деревню, въ провинцію, въ походъ и постоянно былъ его секретаремъ, довѣреннымъ лицомъ, помощникомъ и собесѣдникомъ.

Въ такомъ отношеніи къ своимъ современникамъ были и римскіе литераторы, особенно тѣ изъ нихъ, которыхъ судьба надѣлила умственными благами щедрѣе, чѣмъ вещественными, напр. Энній и Луцилій—къ фамиліи Сципіоновъ, Лукрецій — Мемміевъ, Виргилій—къ Азинію Полліону, Тибуллъ—къ Валерію Мессалѣ Корвину, Проперцій—къ Волкацію Туллу, Горацій—къ Меценату. Конечно, во взаимныхъ отношеніяхъ означенныхъ благородныхъ представителей римскаго общества является намъ свѣтлая сторона патроната и кліентства. Отъ этихъ писателей, разумѣется, далеко до голодной и жалкой толпы кліентовъ, которые съ ранняго утра осаждали переднія римскихъ богачей и такъ живо обрисованы Ювеналомъ въ первой его сатирѣ.

Благовѣщенскій.

Баобабъ *.

Очевидна глубокая, разумная и необходимая связь баобаба съ жителями его отечества; онъ, чудо-великанъ, только одинъ могъ удовлетворить нуждамъ жителей; а въ числѣ ихъ — палящая засуха въ сыпучихъ равнинахъ, лишенныхъ тѣни и влаги, смѣняющаяся періодическими ливнями и предшествующимъ имъ потокомъ знойно сухаго удушливаго самума; въ числѣ нуждъ жителя—защита отъ губительныхъ воспаленій глазъ, кровавыхъ теченій и горячекъ, какъ слѣд-

* Авторъ указываетъ лишь тѣ отличительные признаки баобаба, которые опредѣляютъ *значеніе его для жителей* его отечества. Потому въ статью входитъ, какъ часть, указаніе нуждъ этихъ жителей. Порядокъ, въ которомъ передаются признаки баобаба, подчиненъ этому перечисленію нуждъ, чѣмъ статья и отличается отъ описанія въ собственномъ смыслѣ (ср. описаніе баобаба, стр. 21), гдѣ они расположены по частямъ растенія.

ствій быстрыхъ климатическихъ перемѣнъ, которымъ не въ силахъ противостоять мѣстные жители, а тѣмъ менѣе пришлецы. За то, говоритъ Ковалевскій, „въ пустыняхъ Кордофанской и Дарфурской кочующіе Арабы высматриваютъ баобабъ, укрываются въ тѣни его лѣса, подъ навѣсомъ его листвы и сучьевъ; въ душистой верхушкѣ водятся пчелы, медъ которыхъ вынимаютъ Арабы, предоставляя дупло дальнѣйшей обработкѣ періодическихъ дождей. Дожди въ короткое время производятъ разрушеніе въ деревѣ, образуя настоящіе колодцы, въ которыхъ сохраняется вода. Такое дерево составляетъ предметъ богатства кочующей семьи, которая дорогою цѣною продаетъ страннику воду“. Арабъ, прибавляетъ гр. д' Эскайракъ, взберется на макушку ствола, черпаетъ изъ дупла воду кожанымъ сосудомъ и передаетъ ее близъ стоящимъ товарищамъ. Въ Конго жители еще искуснѣе: они просвѣрливаютъ стволъ и выпускаютъ воду по мѣрѣ надобности, заткнувъ плотно отверстіе, чего не дѣлаютъ въ Суданѣ, гдѣ вода гораздо дороже, потому что такимъ образомъ она дѣлается доступною первому встрѣчному. Въ сочной мякоти плодовъ житель находитъ утоленіе въ знойное время; пережженныя сѣмена употребляютъ въ питье въ родѣ кофе; изъ перезрѣвшей мякоти, смѣшанной съ прогорклымъ пальмовымъ масломъ, они приготовляютъ мыло. Заболѣетъ ли климатическими болѣзнями—воспаленіемъ глазъ, теченіемъ крови, горячкою,—Арабъ въ листьяхъ и цвѣтѣ баобаба имѣетъ мягчительное средство, а въ корѣ вяжущее. Но и до болѣзни, прогоняя ее отъ себя, Арабъ толчетъ листья въ порошокъ, примѣшиваетъ его къ своему кушанью, не для вкуса или густоты, а единственно съ цѣлію придать пищѣ смягчительное, успокоивающее свойство, предохраняющее его отъ болѣзней знойнаго климата.—Наконецъ въ душистой пещерѣ баобаба, напоминающей, какъ говоритъ Гумбольдтъ, пещеру въ стволѣ Ливійскаго чинара, гдѣ консулъ Луциній Муціанъ угощалъ обѣдомъ 21 человѣка и дуплу котораго Плиній приписываетъ довольно щедро 80 римскихъ футовъ поперечника,—мѣстные жители держатъ временныя сходки, укрываются отъ непогодъ (зноя и ливня) и отъ преслѣдованія непріятеля. Въ дуплѣ баобаба хоронятъ и фокусника, и всякаго знахаря, которыми заживо тѣшится Арабъ, но которымъ послѣ смерти отказываетъ въ землѣ, почитая исходящимъ отъ злаго духа все то, чего не понимаетъ. Оставитъ ли Негръ волею-неволею свое отечество, и тогда онъ помнитъ о своемъ баобабѣ, и сѣмена его, какъ другихъ полезныхъ деревьевъ, увозитъ съ собою въ мѣшечкѣ, повѣшенномъ на шеѣ. Нынѣ баобабъ разведенъ уже въ Азіи и въ Америкѣ.

Да, баобабъ, чудо-великанъ растительнаго міра, дѣйствительно символъ Судана, какъ финиковая пальма—символъ оазиса.

Рулье.

Нидерланды *.

Важнѣйшій признакъ этой страны заключается въ томъ, что ея территорія образовалась посредствомъ наносовъ, т. е. большихъ осадковъ земли, которые приносятся рѣками и разстилаются близъ ихъ устьевъ. Изъ этого основнаго признака проистекаетъ безконечное множество частностей: не только наружный видъ страны и то, что̀ она есть сама по себѣ, но также складъ ума, нравственныя и физическія качества жителей и свойства ихъ произведеній.

Во первыхъ, въ неодушевленной природѣ—влажныя и плодоносныя равнины [1]. Это необходимое слѣдствіе множества рѣкъ, ширины ихъ и огромнаго осадка растительной земли. Эти равнины всегда зелены, потому что большія, спокойныя рѣки, лѣниво катящія свои воды, безчисленные каналы, легко выкапываемые въ плоской и сырой почвѣ [2], поддерживаютъ постоянную свѣжесть [3]. Легко вывести изъ этого и наружный видъ этой страны [4]: блѣдное, дождливое небо, безпрестанно полосуемое ливнями и даже въ хорошіе дни покрытое легкими какъ газъ испареніями, которыя поднимаются съ мокрой почвы и образуютъ прозрачный сводъ, воздушную ткань, словно изъ мельчайшихъ снѣжинокъ, надъ огромною зеленою корзиною, края которой теряются за горизонтомъ.

Въ одушевленной природѣ [5] это множество и богатство пастбищъ привлекаетъ многочисленныя мирныя стада. Отсюда — обиліе молока и говядины, которыя вмѣстѣ съ зерномъ и овощью, доставляемыми плодоносною землею, снабжаютъ жителей обильною и де-

---

* Опредѣленіе понятія здѣсь замѣнено описаніемъ (descriptio), такъ какъ предметъ единичный. Авторъ указываетъ индивидуальные признаки Нидерландовъ въ слѣдующей логической системѣ, которая даетъ статьѣ свойства разсужденія и тѣмъ отличаетъ ее отъ описанія въ собственномъ смыслѣ (см. отд. «Описаній»):

Признаки разгрупированы въ 3-хъ рядахъ по тремъ принадлежностямъ страны (территорія, жители и ихъ произведенія). Указывая признаки перваго ряда, авторъ приводитъ нѣкоторые изъ нихъ въ причинную зависимость отъ существенныхъ признаковъ того рода (наносная равнина), подъ который онъ подвелъ единичное понятіе. Затѣмъ признаки втораго ряда приведены имъ въ такую же зависимость отъ признаковъ перваго ряда, а признаки третьяго ряда—отъ признаковъ перваго и втораго.

[1] Первый индивидуальный признакъ территоріи, какъ слѣдствіе трехъ другихъ (числа рѣкъ, ширины ихъ и осадка растительной земли).—[2] Родовой признакъ, какъ благопріятное условіе для образованія *большихъ рѣкъ* и для проведенія *каналовъ* (5-й и 6-й индив. признаки).—[3] 7-й индивидуальный признакъ, какъ слѣдствіе двухъ предъидущихъ, равно какъ и *зеленый цвѣтъ* равнины (8-й признакъ).—[4] Переходная мысль къ части описательной въ собственномъ смыслѣ (см. «Описанія»), гдѣ авторъ, руководствуясь указанными признаками, воспроизводитъ нидерландскій пейзажъ и даетъ новые признаки, характеризующіе *климатъ* страны. Слогъ этой части изобразительный.—[5] Признаки втораго ряда.

шевою пищей. Можно сказать, что въ этой странѣ вода производитъ траву, трава—скотъ, скотъ—сыръ, масло и говядину, а эти продукты вмѣстѣ съ пивомъ производятъ—Голландца [6]. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этой сытной жизни и организмовъ, проникнутыхъ влажнымъ воздухомъ, рождаются фламандскій характеръ, флегматическій темпераментъ [7], правильныя привычки, спокойствіе ума и нервовъ, способность понимать жизнь разсудительно и благоразумно, постоянное довольство всѣмъ, вкусъ къ житейскимъ удобствамъ, а отсюда—господство опрятности и комфорта.

Самая внѣшность городовъ [8] обнаруживаетъ то же вліяніе. Въ странѣ наносовъ нѣтъ песчаниковыхъ кряжей; вмѣсто камня употребляютъ обожженную глину, кирпичи или черепицу, такъ-какъ дожди обильны и часты, то крыши дѣлаются очень покатыми; такъ-какъ сырость постоянна, то фасады домовъ кроются поливой, или глазурью. Отъ того фламандскій городъ представляется [9] намъ сѣтью красноватыхъ или бурыхъ строеній, всегда опрятныхъ, часто блестящихъ, съ остроконечными крышами; тамъ и сямъ высятся старыя церкви, построенныя изъ валуна [10] или мелкихъ камней, сплоченныхъ цементомъ; улицы, тщательно содержимыя, тянутся между двумя нитями тротуаровъ безукоризненной чистоты. Въ Голландіи они дѣлаются изъ кирпича и часто въ перемежку съ фаянсомъ; въ пять часовъ утра служанки, ползая на колѣняхъ, моютъ ихъ тряпками. Бросьте взглядъ сквозь эти блестящія стекла; войдите въ какой-нибудь клубъ, убранный зелеными деревьями, гдѣ паркетъ усыпанъ постоянно перемѣннымъ пескомъ; посѣтите эти таверны, расписанныя свѣтлыми и мягкими красками, гдѣ тянутся ряды темныхъ толстопузыхъ бочекъ, гдѣ желтоватая пѣна поднимается надъ краями стакановъ вычурной формы. Во всѣхъ этихъ мелочахъ обыденной жизни, во всѣхъ этихъ проявленіяхъ домашняго довольства и прочнаго благополучія вы увидите

---

[6] Гиперболическое выраженіе, какъ средство выдвинуть признакъ народнаго темперамента, описаннаго ниже.—[7] См. ниже статью «Темпераменты».—[8] Переходъ къ III-й части, указывающей индивидуальные признаки 3-й принадлежности страны (поселенія и постройки). Они приведены въ связь съ вышеуказанными свойствами почвы (матеріалъ построекъ) и климата (форма крышъ, полива).—[9] Снова часть описательная въ собственномъ смыслѣ, гдѣ воспроизведена на основаніи даннаго неполнаго опредѣленія картина фламандскаго города, обстановки клуба и сцена въ тавернѣ, при чемъ каждая черта или повторяетъ или приводитъ на память какой нибудь признакъ, уже вошедшій въ неполное опредѣленіе: красноватые и темные камни (кирпичныхъ строеній), опрятность, остроконечныя крыши (покатыя), церкви изъ валуна или мелкаго камня на цементѣ (за неимѣніемъ песчаника), чистыя улицы и тротуары, блестящія стекла (вкусъ къ благосостоянію, чистота и опрятность жителей), песокъ на паркетѣ (сырость обуви отъ постоянныхъ дождей). Собственно описательная часть отличается отъ опредѣленія по расположенію признаковъ, которое подчинено случайному требованію картины.—[10] *Валунъ*—камень, заносный изъ Швеціи или Норвегіи.

слѣдствіе основнаго признака страны, который отпечатлѣлся въ климатѣ и почвѣ, въ царствѣ растительномъ и животномъ, человѣкѣ и его произведеніяхъ, въ обществѣ и отдѣльной личности. [1]

Тенъ (съ фр).

Нилъ *.

Древній Египетъ, замкнутый съ востока и юга хотя не высокими. но безплодными горами, которыя прорѣзаны только съ юга прерывающими ихъ волнами Нила, а къ западу непримѣтно переходящій въ сухую степь, покрытъ моремъ красноватаго песку, который высокими волнами и смерчами разносится бурными вѣтрами, преобладающими въ этой странѣ во время, соотвѣтствующее нашей глубокой зимѣ. Только въ подолѣ Нила быстрымъ теченіемъ его водъ нанесено плодородной растительной почвы, иногда до 36 фут. толщиною.

Служа единственнымъ водохранилищемъ всѣхъ водъ снѣжныхъ и атмосферныхъ отъ верховья, теряющагося въ Лунныхъ горахъ, до Средиземнаго моря, онъ приноситъ обиліе въ страны ея, совершенно почти лишенныя рѣкъ и дождей именно въ то время, когда всеобщая засуха грозитъ вѣрною смертію и выступаетъ отъ періодическихъ дождей верховья изъ своихъ береговъ, тогда, когда прочія рѣки стоятъ на низшихъ предѣлахъ своего уровня. Ни одна рѣка въ мірѣ не имѣла такого глубокаго, опредѣляющаго вліянія на географію и исторію человѣка, какъ Нилъ, говоритъ Риттеръ [2]. Время раскрытія всеобщаго растительнаго ковра, время цвѣтенія и созрѣванія плодовъ, какъ и время легкой, привольной и роскошной жизни селянина, хлѣбопашца и пастуха, какимъ первоначально долженъ быть человѣкъ, и что̀ въ болѣе развитомъ гражданственномъ быту составляетъ основаніе его, наступало однажды въ годъ, непосредственно послѣ и именно по причинѣ наплыва прѣсныхъ водъ изъ верхнихъ, сравнительно болѣе южныхъ, высоколежащихъ странъ. Эти воды потопляли на время площадь въ 750 кв. миль, изъ которой $^3/_5$ долей приходилось на многоустный втокъ, или дельту. Такимъ образомъ воды заливали рѣшительно все пространство, на которомъ раскидывались пашни, пажити и пастбища, селенія и города, которые мелькали въ одномъ сливномъ прѣсномъ морѣ, удерживаемомъ и направляемомъ искусными водопроводами и шлюзами: все отъ этихъ водъ получало жизнь, все безъ

---

[1] Въ заключеніи авторъ возстановляетъ логическій порядокъ мыслей, нарушенный описаніемъ, перечисляя принадлежности *страны*, природа (почва, флора и фауна) и народонаселеніе, на основаніи которыхъ онъ и раздѣлилъ свою статью.

* Ср. съ описаніемъ «Плаваніе по Нилу“ (стр. 14) и съ разсужденіемъ «Баобабъ» (стр. 428).

[2] D. Erdkunde. 1817.

нихъ томилось и выгорало засухою, а съ нею наступало и для человѣка время томленія и лишеній, заразительныхъ болѣзней и нашествія изъ сосѣднихъ степей полчищъ всепожирающей саранчи—этихъ трехъ бичей гражданственнаго быта въ Египтѣ. Затѣмъ еще оставалось исключительно для египетскаго лѣта временное появленіе всеистреблявшихъ полевыхъ мышей, повальнаго воспаленія глазъ и слѣпоты, получившихъ печальную извѣстность подъ именемъ египетскихъ. Проходитъ это тяжкое время испытаній, это лѣто въ Египтѣ, начнутъ собираться дожди и таять снѣга въ южныхъ горахъ верховья Нила, и стремительно потекутъ волны прѣсной воды, съ шумомъ понесутся клубы пѣнистаго Нила, широко обхвативъ по обѣ стороны себя заселенную почву, жаждущую влаги, затопятъ ее и въ полномъ смыслѣ напоятъ и накормятъ: напоятъ—надѣливъ ее сыростію, накормятъ—покрывъ ее иломъ и растительнымъ жирнымъ тукомъ. Прибываніе водъ начинается въ Габешѣ около весенняго равноденствія (въ апрѣлѣ), а достигаетъ высшаго стоянія 25, 26 фут. около осенняго, при вѣтрахъ, дующихъ на встрѣчу и мѣшающихъ стоку водъ въ море. Повсюду направляются или удерживаются тогда воды Нила водопроводами, шлюзами и плотинами, отъ которыхъ еще донынѣ сохранились развалины, пощаженныя временемъ. Сойдутъ воды, настанетъ кратчайшій день и зима въ Египтѣ, и все оживаетъ.

Къ существеннымъ отличіямъ Нила относится, по замѣчанію Гумбольта и Риттера, и то обстоятельство, что на всемъ своемъ теченіи въ Египтѣ и еще много выше (почти на 2500 верстъ) онъ имѣетъ одинъ рукавъ [1]; прибавимъ, что на всемъ этомъ пространствѣ встрѣчается только солоноватая вода, такъ что человѣкъ могъ пить воду только нильскую или дождевую, и мы поймемъ, почему разлитіе Нила составляло искони явленіе, сосредоточивавшее всѣ тревожныя желанія мѣстныхъ жителей, между которыми естественно сложилось понятіе, что ихъ земля *есть даръ Нила*,—чтò и повторяетъ Геродотъ,—столь же естественно, какъ и убѣжденіе, что Голландія есть *даръ Рейна*, геологически и исторически совершенно подтверждаемое. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ русла всѣхъ рѣкъ вообще протекаютъ во впадинѣ, нильскіе берега, напротивъ того, возвышены и покаты не къ ложу рѣки, а отъ него въ стороны, отчего воды и илъ Нила, едва поднявшіеся на высоту береговъ, быстро разливаются по сторонамъ, неся за собою обиліе края.

Не одною почвою обязанъ былъ Египтянинъ дарамъ Нила; напротивъ, какъ превосходно замѣчаетъ Риттеръ, въ строгой связи съ нимъ развились ремесла, искусства, науки, миѳологія, вся сфера матеріальная и духовная, которая положила такую рѣзкую печать на

---

[1] Атбару. Ковалевскій пишетъ, что онъ открылъ другой притокъ съ лѣвой стороны *Абудъ* (пр. Рулье).

этотъ въ высшей степени обособленный, въ тѣсныхъ предѣлахъ нильской долины заключенный народъ древняго міра. Не даромъ называли Египтяне свой Нилъ *благословеннымъ*, *изобильнымъ*, и хотя въ различныхъ мѣстахъ имѣли своихъ мѣстныхъ боговъ, но всѣ жители вообще воздавали почести Озирису, какъ символу оплодотворяющаго Нила, какъ плодонесущей землѣ [1].

Не одному человѣку разлитіе Нила доставляло довольство: давало оно его и всѣмъ животнымъ: гагамъ, выходившимъ изъ Нила и покрывавшимъ его подолъ, звѣрямъ хищнымъ и пернатому люду, прилетавшему изъ разныхъ странъ въ подолъ Нила во время его разлитія и на зимнее время. Налеталъ пернатый людъ дѣйствительно съ разныхъ сторонъ, — съ сѣвера, изъ Европы, прилетали вереницами тамъ лѣтовавшія птицы и проводили здѣсь время, соотвѣтствующее европейской зимѣ: для нихъ подолъ Нила служилъ мѣстомъ зимовья.

Рулье.

Русская государственная область *.

Извѣстны выгодныя условія для историческаго развитія, которыя европейскіе народы находятъ въ географическихъ формахъ своей ча-

[1] Относительно живительнаго и опредѣляющаго вліянія на мѣстныхъ жителей Риттеръ сближаетъ Нилъ съ Рейномъ и Волгою (пр. Р.).

* Неполное опредѣленіе понятія *Русская госуд. область* здѣсь сдѣлано въ виду вопроса: соединимо ли это понятіе съ другимъ (*страна, выгодная для историческаго развитія*), также опредѣленнымъ въ I-й части. Отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ въ статьѣ отрицательный. Слѣд. тема статьи должна быть выражена въ *сужденіи*: «Русская государственная область не выгодна для историческаго развитія».

Въ этой статьѣ два опредѣленія: неполнота каждаго зависитъ отъ главной мысли статьи, во имя которой оба понятія сводятся вмѣстѣ. — Такая неполнота есть необходимое свойство каждаго опредѣленія, которое входитъ какъ служебная часть въ какое нибудь разсужденіе. Такая односторонность есть даже достоинство опредѣленія, ибо происходитъ отъ его цѣлесообразности. Цѣль автора сей статьи, какъ историка, произнести сужденіе, о выгодности русской госуд. области для историческаго развитія: опредѣляя первое понятіе, онъ ограничивается лишь тѣми признаками, которые имѣютъ отношеніе къ признакамъ втораго.

1-е неполное опредѣленіе, называемое объясненіемъ (explaпatio). Опредѣляемое понятіе: *страна, выгодная для историческаго развитія*. Признаки страны раскрыты на основаніи понятія *историческое развитіе*, принятаго за извѣстное читателю. Выгодное отношеніе моря къ сушѣ — 1-й признакъ (въ виду большой береговой линіи, облегчающей мореплаваніе — какъ 1-го условія историч. развитія); защищенныя границы — 2-й признакъ (въ виду внѣшней безопасности, какъ 2-го условія истор. развитія), но не отчуждающія отъ сосѣднихъ странъ — 3-й признакъ въ виду сухопутныхъ сношеній, (какъ 3-го условія истор. развитія).

2-е опредѣленіе, замѣненное описаніемъ (ср. ст. «Нидерланды»). Понятіе индивидуальное — *Русская госуд. область*. Родъ (госуд. область) обо-

сти свѣта: выгодное для промышленнаго и торговаго развитія отношеніе моря къ сушѣ; выгодное для быстроты историческаго развитія раздѣленіе на многія небольшія, хорошо защищенныя государственныя области; раздѣленіе, а не отчужденіе, производимое въ другихъ частяхъ свѣта степями и слишкомъ высокими горами; умѣренность климата и т. д. Но всѣ эти благопріятныя условія сосредоточены въ западной части Европы, а нѣтъ ихъ у насъ въ восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствіемъ моря и близостію степей. Причины задержки развитія въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ ясны слѣдовательно для насъ съ перваго взгляда. При первомъ же взглядѣ на карту насъ поражаетъ громадность русской государственной области; но обширность государственной области имѣетъ важное значеніе при извѣстныхъ условіяхъ, при единствѣ народонаселенія, при достаточномъ количествѣ его сравнительно съ обширностью и при образованности народа; понятно, что при равенствѣ этихъ условій—изъ двухъ государствъ сильнѣе то, которое больше другаго; но при отсутствіи этихъ условій обширность государства не только не даетъ ему силы сравнительно съ небольшимъ государствомъ, обладающимъ этими условіями, но и служитъ главнымъ препятствіемъ народному развитію. Въ исторіи нашего народа это тѣмъ болѣе чувствительно, что Россія родилась съ обширною государственною областію и съ ничтожнымъ сравнительно народонаселеніемъ. Понятно, что общая жизнь, общая дѣятельность въ народѣ можетъ быть только тогда сильна, когда народонаселеніе сосредоточено на такихъ пространствахъ, которыя не препятствуютъ частому сообщенію, когда существуетъ въ большомъ разстояніи другъ отъ друга много такихъ мѣстъ, гдѣ сосредоточивается большое народонаселеніе, мѣстъ, называемыхъ городами, въ которыхъ развитіе происходитъ быстрѣе, чѣмъ среди сельскаго народонаселенія, живущаго небольшими группами на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Россія и въ XVII вѣкѣ передъ эпохой преобразованія, представляетъ намъ на огромномъ пространствѣ небольшое число городовъ съ поразительно ничтожнымъ количествомъ промышленнаго народонаселенія: эти города не иное что, какъ большія огороженныя села, крѣпости, имѣющія болѣе военное значеніе, чѣмъ промышленное и торговое; они удалены другъ отъ друга обширностію разстояній и чрезвычайною труд-

---

значенъ въ самомъ именованіи понятія.—Индивидуальные признаки Русской области: отсутствіе моря и близость степей, громадность, рѣдкое населеніе, а потому небольшое число городовъ и недостатокъ промышленнаго и торговаго населенія въ городахъ; трудность сообщеній; отсутствіе природной защиты съ трехъ сторонъ.

III-я часть статьи повѣствовательная. Здѣсь обозрѣніе русской исторіи, при чемъ упоминаются тѣ событія, которыя вызваны указанными выше индивидуальными признаками страны.

ностію сообщеній, особенно весною и осенью. Такимъ образомъ Россія въ своей древней исторіи представляла страну преимущественно сельскую, земледѣльческую, а такія страны необходимо бываютъ бѣдны и развиваются чрезвычайно медленно. Но подлѣ этого главнаго неблагопріятнаго условія видимъ еще другія: Россія есть громадное континентальное государство, не защищенное природными границами, открытое съ востока, юга и запада. Русское государство основалось въ той странѣ, которая до него не знала исторіи, въ странѣ, гдѣ господствовали дикія, кочевыя орды, въ странѣ, которая служила широкою открытою дорогою для бичей Божіихъ, для дикихъ народовъ Средней Азіи, стремившихся на опустошеніе Европы.

Основанное въ такой странѣ Русское государство изначала осуждалось на постоянную черную работу, на постоянную тяжкую изнурительную борьбу съ жителями степей: вскорѣ послѣ основанія государства четвертый русскій князь, самый храбрый, погибаетъ отъ кочевыхъ хищниковъ; изъ черепа Святослава пьетъ вино печенѣжскій князь, и только въ концѣ XVII вѣка, въ концѣ нашей древней исторіи, Русское государство успѣло выговорить освобожденіе отъ посылки постоянныхъ обязательныхъ даровъ крымскому хану, т. е. попросту дани. Но едва только Россія начала справляться съ Востокомъ, какъ на западѣ явились враги, болѣе опасные по своимъ средствамъ. Наша многострадальная Москва, основанная въ срединѣ земли русской и собравшая землю, должна была защищать ее съ двухъ сторонъ, съ запада и съ востока, боронить отъ латинства и бесерменства, по старинному выраженію, и должна была принимать бѣды съ двухъ сторонъ: горѣла отъ Татарина, горѣла отъ Поляка. Такимъ образомъ бѣдный, разбросанный на огромныхъ пространствахъ народъ долженъ былъ постоянно съ неимовѣрнымъ трудомъ собирать свои силы, отдавать послѣднюю тяжело добытую копѣйку, чтобъ избавиться отъ враговъ, грозившихъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ сохранить главное благо, народную независимость; бѣдная средствами сельская, земледѣльческая страна должна была постоянно содержать большое войско.

Соловьевъ.

Способности души *.

Душа имѣетъ три основныя способности: первая—способность представленія или познанія; вторая—способность чувствованія; третья—

* Послѣ раздѣленія понятія на 3 вида и различенія ихъ по отношенію къ объектамъ (истина, красота и добро) слѣдуетъ неполное опредѣленіе каждаго вида по отношенію къ субъекту («не затрогивающее насъ», «затрогиваетъ насъ», «усиліе») Ср. прим. * на стр. 439.—Затѣмъ указаны выраженія русскаго языка (*въ насъ*, *съ нами*, *чрезъ насъ*), которыя послѣ данныхъ опредѣленій служатъ къ выразительному ихъ повторенію въ сжатой формѣ. Въ

способность желанія, или воли. Эти три способности соотвѣтствуютъ троякому нашему призванію—къ истинѣ, красотѣ и добру. Онѣ называются также разумъ, сердце и воля.

Представленіе есть образъ предмета внутри насъ, есть знаніе, какъ бы внутреннее видѣніе предмета, насъ самихъ не затрогивающее. Чувствованіе всегда заговариваетъ насъ самихъ: оно всегда есть пріятное или непріятное возбужденіе. Желаніе, или воля обнаруживается стремленіемъ и усиліемъ производить перемѣну внутри насъ и внѣ насъ.

Когда дѣйствуетъ первая способность, то нѣчто происходитъ *въ насъ*, когда вторая—то нѣчто происходитъ *съ нами*, когда третья — то нѣчто происходитъ *чрезъ насъ*.

Познанія мы имѣемъ, чувствованія мы испытываемъ, а воля есть— мы сами [1]; въ волѣ соединяются и познанія, и чувствованія; нельзя желать того, чего мы не знаемъ, или не представляемъ, но представляемаго нельзя желать, если оно не дѣйствуетъ на чувствованія пріятнымъ образомъ. Поэтому воля есть средоточіе нашей личности. Вотъ почему образованіе воли или образованіе нравственно-доблестнаго характера есть высшая цѣль воспитанія.

Юркевичъ.

Твердость и упрямство *.

Твердость есть сила, основанная на союзѣ разума съ волею и на ихъ равновѣсіи. *Упрямство* есть слабость, имѣющая видъ силы; она происходитъ отъ нарушенія равновѣсія въ союзѣ воли съ разумомъ. Въ первомъ случаѣ разумъ и воля употребляютъ совокупно силу свою на пользу. Во второмъ случаѣ воля, въ разрывѣ съ разумомъ, или не пользуется силою, или употребляетъ во зло; и то, и другое слабость. *Твердый* непоколебимо держится своихъ убѣжденій, пока они для него оправданы его разумомъ. Но онъ или измѣняетъ ихъ, или отъ нихъ отрекается, когда находитъ ихъ противорѣчащими разуму. Въ этомъ произвольномъ, необходимомъ, принимаемомъ волею отреченіи столько же твердости, сколько въ прежней произвольной вѣрности убѣжденію. *Упрямый*, напротивъ, держится своего убѣжденія, но такъ сказать, механически; онъ не терпитъ противорѣчія, ибо слишкомъ лѣнивъ или пристрастенъ, чтобы повѣрять свои мысли; ему

послѣдней части указывается взаимная связь и относительное значеніе каждой изъ способностей души. Въ заключеніи авторъ говоритъ о примѣненіи выраженной выше истины къ дѣлу воспитанія.

[1] Метонимія.

* Различеніе (distinctio) двухъ понятій указаніемъ той стороны каждаго, по которой оно противоположно другому: для того они искусственно подведены подъ два противоположные рода (*сила и слабость*).

легче сохранять ихъ такими, какими онѣ разъ вошли въ его голову, нежели замѣнять прежнія, ложныя новыми, истинными. Убѣжденія *упрямаго* суть мертвый капиталъ, никакого барыша не приносящій. Мнѣнія *твердаго* суть капиталъ, пущенный въ оборотъ: онъ въ безпрестанномъ движеніи, и это движеніе не есть непостоянство, напротивъ—сила, дѣйствующая постоянно.

Жуковскій.

Юность и старость *.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ съ мыслію: „тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца"! Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе поневолѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное счастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: „и мы, и мы были въ Аркадіи [1]", и тогда, тогда единственно, научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей утратѣ [2]; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ извлекаютъ изъ глазъ слезы благодарности.

---

* Неполное опредѣленіе, различеніе—distinctio—двухъ видовыхъ понятій одного рода (юность и старость). Въ началѣ указанъ родъ (эпохи жизни); за тѣмъ оба возраста различаются по *направленію желаній* человѣка въ каждую изъ этихъ эпохъ (къ будущему и прошедшему) и по *отношенію человѣка къ утратамъ* («потери мало огорчаютъ.... до крайности чувствительны къ самомалѣйшей утратѣ»). Авторъ избралъ для своего различенія исключительно только положеніе человѣка въ горести (при перенесеніи утратъ), какъ наиболѣе характеризующее область чувствъ въ опредѣляемыхъ возрастахъ.

Статья кончается указаніемъ третьяго признака обоихъ возрастовъ—отсутствія рѣзкихъ границъ между ними: это признакъ данъ путемъ сравненія, въ повѣствовательной формѣ.

Когда признакъ какого либо конкретнаго одушевленнаго предмета отвлекается отъ него, образуя особое понятіе, то при опредѣленіи этого понятія опредѣляется съ большею или меньшею полнотою и тотъ предметъ, отъ котораго оно отвлечено (субъектъ). Вотъ почему при изъясненіи понятій *юность* и *старость* авторъ разсматриваетъ человѣка—область его *желаній* и *чувствованій* (области *мысли* онъ не коснулся, равно не коснулся и физической природы человѣка).

[1] *Аркадія*—внутренняя часть Пелопонеза, которая была населена пастухами, восхваленная поэтами, какъ страна, доставлявная покойную и счастливую жизнь жителямъ.—[2] *Въ подл.* тратѣ.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи — ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе утро, господинъ.“ Что со мною было далѣе, не помню, но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: „добрый вечеръ!“ Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ о человѣкѣ: „какъ онъ молодъ!“ и вдругъ скажутъ о немъ: „какъ онъ старъ“!

Карамзинъ.

Непостоянство и привычка *.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше къ новымъ предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ старымъ; одну называютъ *непостоянствомъ*, любовью къ новостямъ, а другую — *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ, однако мы, раставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Счастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую перевыситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша все то же да то же, грубѣетъ въ чувствахъ и наконецъ

---

* Нерѣдко отъ субъекта отвлекается такой признакъ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ отношенію субъекта къ какому-либо другому предмету (объекту). Тогда понятіе опредѣляется въ связи не только съ субъектомъ, но непремѣнно и съ этимъ объектомъ. Такъ при опредѣленіи понятій *непостоянство* и *привычка*, отвлеченныхъ отъ *человѣка*, какъ его признаки,—разсматриваются какъ человѣкъ, такъ и тѣ предметы (объектъ), въ отношеніи къ которымъ онъ непостояненъ и къ которымъ онъ привыкаетъ.

Потому *кто* (или *каковъ тотъ, кто*...) непостояненъ или привыкаетъ? и *къ чему* онъ непостояненъ и привыкаетъ? суть важнѣйшіе вопросы, подлежащіе рѣшенію въ сочиненіи о непостоянствѣ и привычкѣ. (Ср. ниже всѣ три опредѣленія въ статьѣ «Любовь къ отечеству» Карамзина).

Здѣсь дано неполное опредѣленіе (различеніе—distinctio) двухъ видовъ понятій одного рода (*непостоянство* и *привычка*). Въ началѣ указанъ родъ (склонности человѣка); за тѣмъ оба понятія различаются по объекту («новые» и «старые предметы») и по субъекту: сначала разсматривается субъектъ, въ которомъ обѣ склонности равносильны, за тѣмъ—въ которомъ 1-я превышаетъ 2-ю, за тѣмъ—въ которомъ 2-я превышаетъ 1-ю: въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ разсмотрѣны всѣ три душевныя области человѣка: умъ («мелкимъ», «не можетъ углубиться», «разсѣяннымъ»), чувство («безпокойнымъ», «холоднымъ», «нечувствительнымъ» «слабѣетъ сердцемъ», «грубѣетъ»), и воля («вѣтреннымъ», «лѣнивымъ», «засыпаетъ»). Въ заключеніи («Такимъ образомъ...) авторъ указываетъ признакъ, общій обоимъ понятіямъ — по отношенію къ субъекту («ослабляютъ душу»).

засыпаетъ душою. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія.

Карамзинъ.

Теорія и практика *.

Что такое *теорія* и что *практика?* Теорія есть знаніе того, что̀ *должно* дѣлать *всегда* и чего *не должно* дѣлать *никогда;* практика есть знаніе того, что̀ должно дѣлать въ *настоящую* минуту, или умѣніе во-время примѣнять *знаніе къ дѣлу.*

Компасъ и *карта* на кораблѣ суть теорія; *руль* корабля есть практика; безъ компаса и карты, какъ бы ни сильно владѣлъ рулемъ капитанъ, его корабль собьется съ дороги; безъ руля ни компасъ, ни карта ни къ чему не годится; *вмѣстѣ* они и руководство, и спасеніе для корабля, для капитана и для экипажа.

Жуковскій.

Идеалисты и скептики**.

Есть два рода людей, у насъ и вездѣ: одни вѣрятъ силѣ и легкимъ успѣхамъ добра, радуются намѣреніямъ его, какъ дѣлу, и—мимо всѣхъ возможныхъ или необходимыхъ препятствій—летятъ мыслію къ счастливому исполненію плана; другіе трясутъ головою при всякой новой идеѣ человѣколюбія, тотчасъ находятъ невозмомности, съ удивительною методою раздѣляютъ ихъ на классы и статьи, улыбаются и заключаютъ обыкновеннымъ припѣвомъ лѣниваго ума: *какъ не мудри, а все будетъ по старому!* Въ доказательство нашего безпристрастія согласимся, что первые нерѣдко обманываются; согласимся даже, что вторые чаще бываютъ правы: но скажемъ и то, что люди не преуспѣвали[1] бы, если бы всѣ имѣли такой образъ мыслей; смѣлые законодатели, творцы государственнаго блага, не сіяли бы тогда въ исторіи, и мы не научились бы судить о великихъ людяхъ по трудностямъ, которыя они преодолѣваютъ.

Карамзинъ.

Вдохновеніе и восторгъ***.

Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно и объясненію ихъ.

---

*) Различеніе двухъ понятій, дополненное сравненіемъ.

**) Опредѣленіе двухъ противоположныхъ понятій. Противоположеніе выводится чрезъ указаніе отношенія къ третьему понятію (добро). Затѣмъ произнесено сужденіе о каждомъ родѣ людей.

[1] *Въ подл.* не успѣли.

***) Различеніе понятій, изъ коихъ первое (вдохновеніе) опредѣлено полно; 2-е (восторгъ) опредѣлено лишь отрицательно. Затѣмъ—примѣры

Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго; восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому; восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно не въ силахъ произвесть истинно великое совершенство. Гомеръ неизмѣримо выше Пиндара. Ода стоитъ на низшихъ ступеняхъ творчества: она исключаетъ трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго; трагедія, комедія, сатира—всѣ болѣе ея требуютъ творчества, воображенія, знанія природы; и плана не можетъ быть въ одѣ: единый планъ Дантова „Ада“ есть уже плодъ высокаго генія; какой планъ въ одахъ Пиндара? какой планъ въ „Водопадѣ“, лучшемъ произведеніи Державина?

Пушкинъ.

Темпераменты*.

Разности душевныхъ явленій зависятъ въ весьма значительной степени отъ неодинаковаго смѣшенія веществъ въ тѣлѣ человѣка, отъ неодинаковой подвижности крови, возбудительности нервовъ, раздражительности мускуловъ и вообще отъ неодинаковаго состава и способа дѣйствій тѣла. Отъ этого происходитъ то, что въ различныхъ людяхъ мысли текутъ быстрѣе или медленнѣе, богаче или бѣднѣе, переходятъ въ чувства и желанія легче или труднѣе. Такія особенности принято называть темпераментами. Ихъ четыре.

Сангвиническій: онъ отличается пріимчивостію извнѣ легкою, быстрою, преобладающею надъ душевнымъ воздѣйствіемъ извнутри, ощущеніями живыми, но мгновенными и часто перемѣняющимися, желаніями сильными, но также измѣнчивыми. Онъ открытъ со всѣхъ сторонъ для множества внѣшнихъ впечатлѣній, легко уступаетъ имъ и вслѣдствіе такого постояннаго притока новыхъ элементовъ отличается настроеніемъ свѣжимъ, свѣтлымъ и веселымъ. Этотъ темпераментъ господствуетъ особенно въ дѣтскомъ возрастѣ. Сангвиникъ способенъ къ многостороннему образованію; его можно убѣдить, тронуть и подчинить различнымъ вліяніямъ. Но опасности для него заключаются въ томъ, что впечатлѣнія не глубоко западаютъ въ его душу. Легкомысліе, разсѣянность, зависимость отъ обстоятельствъ настоящаго мгно-

---

поэтическихъ родовъ (поэма, трагедія, комедія, сатира съ одной стороны, и ода — съ другой), въ коихъ выражаются оба расположенія души.

*) Опредѣленіе пяти темпераментовъ. При каждомъ указаны отличительные признаки по одному плану: 1) опредѣляются свойства *чувствъ*; 2) свойства *воли*; 3) оцѣнивается каждый темпераментъ (т. е. указываются достоинства и недостатки каждаго), при чемъ указываются и свойства *ума*. Опредѣленіе оканчивается примѣромъ, гдѣ въ одной евангельской сценѣ указаны лица всѣхъ темпераментовъ, и изъ словъ Спасителя легко извлекается слабая сторона каждаго. Эта двоякая сила примѣра, вполнѣ соотвѣтствующая I-й части разсужденія, придаетъ ему особенную цѣну.

венія, недостатокъ твердой воли, наклонность къ чувственнымъ наслажденіямъ, отсутствіе общаго плана жизни—вотъ тѣ нравственныя уклоненія, которыя слѣдуетъ предотвращать въ сангвиникѣ.

Холерическій: онъ отличается быстрою, но вмѣстѣ сильною пріимчивостію извнѣ, преимущественно же сильнымъ, напряженнымъ воздѣйствіемъ изнутри. Сильныя ощущенія переходятъ у него въ порывъ къ дѣйствію, въ рѣшимость и энергическую волю. Это темпераментъ дѣла, подвига, борьбы. Человѣкъ, имѣющій этотъ темпераментъ, легко получаетъ увѣренность въ себѣ и въ своихъ силахъ, способенъ къ риску, къ преслѣдованію смѣлыхъ замысловъ и къ мужеству. Но съ другой стороны въ немъ можетъ развиться эгоизмъ и упрямство [1].

Меланхолическій: онъ отличается преобладаніемъ воздѣйствія надъ возбудительностію; но это воздѣйствіе, какъ ни сильно оно, заключается въ предѣлахъ душевной жизни и состоитъ въ обширной, глубокой и многосторонней внутренней переработкѣ мыслей, фантазій, воспоминаній. Это происходитъ отъ того, что внѣшнія возбужденія врѣзываются въ душу сильно, глубоко и надолго, вслѣдствіе чего вниманіе и сосредоточивается на внутреннихъ состояніяхъ души, отрѣшаясь отъ внѣшнихъ впечатлѣній и обнаруживая къ нимъ слабую, вялую пріимчивость. Тонкая чувствительность, служащая источникомъ особенной нѣжности и задушевности, углубленіе всей душевной жизни, сосредоточенность на мысляхъ, а не на вещахъ, наклонность повторять, воспоминать, передвигать и перестраивать свои представленія, ощущенія и мечты — эти добрыя качества располагаютъ меланхолика къ наукѣ и искусству, какъ холерикъ расположенъ къ дѣятельности на сценѣ внѣшняго міра. Но односторонность, угрожающая этому темпераменту, состоитъ въ преувеличенной оцѣнкѣ внѣшнихъ препятствій и опасностей—и это отъ того, что онъ не пытается бороться съ ними и не пробуетъ своихъ силъ, — въ осторожности, переходящей въ подозрительность и недовѣріе, и во взглядѣ на жизнь печальномъ, который долженъ бы оставаться только серьезнымъ.

Флегматическій: онъ представляетъ среднюю мѣру возбудительности сангвиника, энергіи холерика и сосредоточенности меланхолика. Онъ отличается нерасположенностію къ сильнымъ, внезапнымъ и перемѣнчивымъ ощущеніямъ, также къ энергическимъ желаніямъ: покой, равновѣсіе душевныхъ силъ, дѣятельность ровная, безстрастная, разсчитанная, согласіе съ собою, неподатливость на увлеченія, составляютъ выгодную сторону человѣка этого темперамента. Но ему угрожаетъ опасность сдѣлаться равнодушнымъ ко всему, что лежитъ внѣ круга его ближайшихъ занятій, получить одностороннее узкое умственное образованіе, предаться бездѣятельности, отвращаться отъ всего новаго и слѣпо привязаться къ рутинѣ. Дисциплину онъ уже

---

[1] См. стр, 437.

носитъ въ самомъ себѣ. Обученіе и пробужденіе многосторонняго интереса особенно нужны для него.

Изъ этихъ темпераментовъ, относительно чувствованій, сангвиническій противоположенъ меланхолическому, а относительно стремленій и дѣйствій во внѣ, флегматическій—холерическому.

Одинъ ученый указалъ примѣры всѣхъ четырехъ темпераментовъ въ IX главѣ Евангелія Луки. Іисуса Христа не приняли въ одной самарянской деревнѣ. „Видя то, ученики его Іаковъ и Іоаннъ сказали: Господи! хочешь ли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ, какъ Илія то сдѣлалъ"? (53, 54). Это душевныя движенія холериковъ, воздѣйствующихъ на внѣшнее впечатлѣніе быстро, круто и съ крайней энергіею. Такую рѣшимость, въ которой выражается только натуральная энергія воли, Іисусъ Христосъ останавливаетъ необыкновенно сильнымъ словомъ: «вы не знаете, какого вы духа. Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать» (55, 56).—Сангвиническій темпераментъ открывается въ томъ человѣкѣ, который, слѣдуя мгновенному доброму увлеченію, неожиданно сказалъ Іисусу Христу: «Господи! я пойду за тобою, куда бы ты ни пошелъ» (57). Это говоритъ мгновенный энтузіазмъ, который не различаетъ между *хочу* и *могу*. Іисусъ Христосъ не только не усиливаетъ этого увлеченія, но успокоиваетъ и какъ бы охлаждаетъ его, указывая доброму сангвинику на трудности, съ какими придется бороться ему при исполненіи его рѣшимости. «Лисицы», отвѣчалъ Іисусъ Христосъ, «имѣютъ норы, и птицы небесныя гнѣзда, а сынъ человѣческій не имѣетъ, гдѣ преклонить голову» (59). Но вотъ другой человѣкъ самъ не вызывается идти за Іисусомъ Христомъ, за то самъ Христосъ вызываетъ и возбуждаетъ его рѣшительнымъ словомъ: «слѣдуй за мною» (59). Какъ сангвиника необходимо останавливать, чтобы онъ подумалъ, такъ флегматика нужно возбуждать, чтобы онъ рѣшился. Но и возбужденіямъ флегматикъ уступаетъ не легко и не сразу: онъ не любитъ разставаться съ прежнимъ порядкомъ жизни. Онъ находитъ предлогъ медлить. Онъ отвѣчаетъ на призывъ Іисуса Христа: «Господи, позволь мнѣ прежде пойти и похоронить отца моего» (59). У него всегда оказываются препятствія, не позволяющія рѣшиться сразу на новое: нужно еще сдѣлать и то, и это; нужно еще докончить старое, успокоить родителей, подождать, пока они сойдутъ въ могилу, и только тогда думать о новомъ. Такая натура, тяжелая на подъемъ и любящая рутину, нуждается во вторичномъ и притомъ сильномъ и чувствительномъ возбужденіи: «предоставь», отвѣчаетъ Іисусъ Христосъ, «мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди, благовѣствуй царствіе Божіе» (60).—Еще другой сказалъ: „я пойду за тобою, Господи: но прежде позволь мнѣ проститься съ домашними моими". (61). Здѣсь мы имѣемъ опредѣленную черту меланхолика, который обнаруживаетъ обдуманную рѣшимость слѣдовать за Іи-

сусомъ Христомъ, и въ то же время уступаетъ задушевнымъ чувствамъ и привязанностямъ. При умственномъ обзорѣ предстоящаго дѣйствія все для него ясно и несомнѣнно; въ душевной жизни событіе уже рѣшено, но сдѣлать первый шагъ въ дѣйствительности трудно; знакомыя чувства возстаютъ противъ этого. Надобно еще подумать кое о чемъ; будущность темна, полна опасностей; еще разъ хочется повидаться съ родными и близкими сердцу; еще разъ хочется обнять ихъ. Такой человѣкъ страдаетъ отъ противорѣчія душевныхъ движеній. Необходимо вывести его на одинъ путь; помочь ему сдѣлать только первый и рѣшительный шагъ. Іисусъ Христосъ говоритъ ему: «никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающій народъ, не благонадеженъ для Царствія Божія» (61). Нужно покончить со всѣми сомнѣніями и колебаніями. Нужно сдѣлать шагъ рѣшительный впередъ и пожертвовать для этого прежними чувствами.

Юркевичъ.

Общеполезныя знанія.

Никогда науки не были столь общеполезны, какъ въ наше время. Языкъ ихъ, прежде трудный и мистическій, сдѣлался легкимъ и яснымъ. Знанія, бывшія удѣломъ особеннаго класса людей, собственно называемаго *ученымъ*, нынѣ болѣе и болѣе распространяются, вышедши изъ тѣсныхъ предѣловъ, въ которыхъ они долго заключались. Великіе геніи, убѣжденные въ необходимости *народнаго* просвѣщенія какъ для частнаго, такъ и для государственнаго блага, старались и стараются заманить людей въ богатыя области наукъ, сообщая имъ важныя истины и свѣдѣнія не только понятнымъ, но и пріятнымъ образомъ. Къ числу сихъ способовъ принадлежатъ и *публичныя лекціи.* Цѣль ихъ та, чтобы тѣмъ людямъ, которые не думаютъ и не могутъ исключительно посвятить себя ученому состоянію, сообщать свѣдѣнія и понятія о наукахъ любопытнѣйшихъ.

Двѣ изъ нихъ заслуживаютъ по справедливости имя *важнѣйшихъ* для человѣка: одна представляетъ природу во всей безчисленности ея твореній, описывая видъ, образъ жизни или бытія существъ; другая наука знакомитъ насъ съ судьбой человѣческаго рода, изображая великія картины государствъ и вникая въ причины ихъ славы, счастія и паденія. Я говорю объ исторіи естественной и еще ближайшей къ намъ—исторіи народовъ: знаніе той и другой необходимо для человѣка и гражданина, если онъ желаетъ называться просвѣщеннымъ.

Карамзинъ.

Сила науки.

Наука есть богатство ума человѣческаго, есть хранилище пріобрѣтенныхъ имъ умственныхъ сокровищъ.

Открытія ума, приведенныя въ систему, составляютъ науку. Изъ соединенія наукъ и ихъ вліянія на жизнь человѣческаго рода истекаетъ то, что мы называемъ образованіемъ, *гражданственностію*; гражданственность есть результатъ примѣненія знаній къ практической, общественной жизни, къ жизни человѣческой въ границахъ земнаго. Въ наукѣ, созданной человѣкомъ, заключается истинное земное величіе человѣка, его владычество надъ природою, его личное первенство передъ всѣми ея живыми созданіями. Мы должны благоговѣть передъ наукою, благоговѣть передъ ея могучимъ, образовательнымъ дѣйствіемъ на родъ человѣческій, передъ ея животворящимъ вліяніемъ на человѣческую душу. Что можетъ быть живѣе жизни человѣка, который всюду съ собою носитъ сокровище знаній, всѣми вѣками пріобрѣтенныхъ, который въ минуту уединенія, никому непримѣтный, на непримѣтной точкѣ, имъ занимаемой въ пространствѣ, можетъ просвѣщеннымъ умомъ своимъ обхватывать цѣлый міръ, которому все на землѣ—знакомецъ, все собесѣдникъ: живое, мертвое, давнопрошедшее, возможное, матеріальное и духовное?

Жуковскій.

Сила науки *.

Наука теряетъ часть своего могущества, когда ею пользуются односторонне. Наука есть великое могущество, есть наставница и благодѣтельница людей и народовъ, когда изучаетъ прежде всего человѣка, когда знаетъ условія, законы и потребности его природы, когда имѣетъ сохранить гармонію между началами, въ его природѣ дѣйствующими, умѣрять одно другимъ, положить границы между ними, когда умѣетъ умѣрять гордыню знанія и алчность пытливости разума и отвести должную область чувству, когда умѣетъ опредѣлить границы, гдѣ оканчивается область знанія, и гдѣ начинается область вѣры. Наука достигаетъ полнаго могущества не тогда только, когда изученіемъ законовъ видимой природы увеличиваетъ удобства жизни: она достигаетъ полнаго могущества, когда воспитываетъ человѣка, развиваетъ всѣ начала его природы для ихъ правильнаго и согласнаго проявленія.

Соловьевъ.

Необходимость различенія существеннаго отъ случайнаго при сужденіи о человѣкѣ **.

Мольеръ имѣлъ полное право говорить, что порокъ, выведен-

---

* Опредѣленіе понятія сила науки въ виду объекта и субъекта.

** Послѣ введенія—различеніе двухъ понятій (*лицемѣръ* и *человѣкъ съ высшими стремленіями, но слабый*), сходныхъ по признаку, существенному для одного и несущественному для другаго. Въ заключеніи указана важность такого различенія.

ный имъ въ „Тартюфѣ“ [1], вредитъ государству болѣе, чѣмъ всякій другой. Дѣйствительно, человѣкъ замаскированный есть самый опасный членъ общества, которое для правильности всѣхъ своихъ отношеній и отправленій требуетъ правды, открытости. Но добросовѣстный писатель долженъ касаться лицемѣрія съ большою осторожностію, ибо часто принимается за лицемѣріе совершенно другое.

Есть люди съ высшими стремленіями, послушные призыву религіи, старающіеся сообразовать свои поступки съ ея требованіями, и вотъ эти люди, какъ люди, не всегда выходятъ побѣдителями въ борьбѣ съ искушеніями, падаютъ; они несчастны отъ сознанія своего паденія, и при этомъ имѣютъ еще слабость всѣми средствами скрывать это паденіе отъ другихъ; но когда скрыть его не могутъ, то со всѣхъ сторонъ раздаются крики: лицемѣръ! обманщикъ! фарисей! Крики раздаются тѣмъ громче, что толпа людей мелкихъ рада паденію человѣка, выходившаго изъ ряду; нравственное превосходство его кололо ее, и она теперь съ торжествомъ заявляетъ, что и этотъ человѣкъ такой же, какъ и всѣ, а только притворялся лучшимъ, святошею изъ корыстныхъ цѣлей.

Въ человѣкѣ чистыя побужденія бываютъ такъ переплетены съ нечистыми, что самъ онъ съ большимъ трудомъ можетъ различить ихъ и опредѣлить долю участія тѣхъ или другихъ въ извѣстномъ поступкѣ; отсюда частыя ошибки поэтовъ и историковъ въ представленіи характеровъ, ошибки, состоящія въ стремленіи дать единство побужденіямъ, окрасить дѣйствующее лицо одною краскою; высокая цѣль искусства сказать намъ правду о человѣкѣ не достигается.

Соловьевъ.

Необходимость различенія существеннаго отъ случайнаго при сужденіи о человѣкѣ *.

Всякіе недостатки въ дѣлахъ человѣческихъ бываютъ двухъ родовъ: одни, которые губятъ самую цѣль и характеръ дѣла, и слѣдовательно трудъ, предпринятый для нея, дѣлается тщетнымъ; другіе мѣшаютъ достиженію абсолютнаго совершенства, въ которомъ, какъ извѣстно, отказано человѣку и всѣмъ его дѣйствіямъ. Одни наказываются общимъ невниманіемъ или, пожалуй, чѣмъ нибудь худшимъ, такъ какъ отъ человѣка зависѣло избѣжать ихъ, не принимаясь за дѣло, для котораго онъ не обладаетъ надлежащими силами; другіе прощаются ихъ виновнику изъ уваженіи къ тому, что̀ онъ успѣлъ сдѣлать, не смотря на общее человѣческое несовершенство. Есть дурное, при которомъ очевидно невозможно ничто хорошее; но есть ху-

---

[1] *«Тартюфъ»*—герой извѣстной комедіи Мольера, лицемѣръ и ханжа.

* Различеніе двухъ понятій. (Ср. съ предъидущей статьей).

доe, до того превозмогаемое хорошимъ, что надобно уже быть крайне взыскательнымъ и несправедливымъ, чтобы изъ-за него не видѣть и не признавать послѣдняго.

Никитенко.

Въ чемъ состоитъ новизна высказываемаго? *.

Это ужъ не ново, это было ужъ сказано—вотъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ обвиненій критики. Но все уже было сказано, всѣ понятія выражены и повторены въ теченіи столѣтій: что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что духъ человѣческій уже ничего новаго не производитъ? Нѣтъ, не станемъ на него клеветать: разумъ неистощимъ въ *соображеніи* понятій, какъ языкъ неистощимъ въ соединеніи словъ. Всѣ слова находятся въ лексиконѣ; но книги, поминутно появляющіяся, не суть повтореніе лексикона. *Мысль* отдѣльно никогда ничего новаго не представляетъ; *мысли же* могутъ быть разнообразны до безконечности.

Пушкинъ.

Идеалъ **.

Идеалъ есть синтезъ, въ который слагаются результаты наблюденій, опытовъ, изслѣдованій, и служитъ нормою для дѣятельности. Онъ разграничиваетъ мысль отъ дѣла, теорію отъ практики, стоитъ на перепутьи между созерцаніемъ, которымъ заканчивается процессъ познаванія, и стремленіемъ осуществить на дѣлѣ, воплотить дознанное. Дѣятельность, въ которую замѣшаны умственные процессы, немыслима безъ идеала; онъ ставитъ ей цѣль и даетъ норму, и потому, отрицая идеалъ, мы отрицаемъ дѣятельность въ принципѣ. Отъ того-то и крайніе идеалисты и крайніе реалисты несутъ съ собою идеалы, хотя они у тѣхъ и другихъ различны.

Кавелинъ.

Утопія [1].

Подъ именемъ утопіи мы разумѣемъ чистый идеалъ, въ которомъ все частное, раздѣльное, составляющее содержаніе дѣйствительности, оставляется безъ вниманія или отрицается во имя высшаго единства. Здѣсь идеализмъ перестаетъ быть соглашеніемъ противоположностей; онъ становится чистымъ согласіемъ, отрицающимъ противоположно-

* Послѣ введенія—опредѣленіе, объясненное аналогіей.

** Здѣсь опредѣленіе состоитъ въ указаніи отношенія идеала къ умственной и нравственной жизни человѣка.

[1] *Утопія*— вымышленный Томасомъ Морусомъ (канцлеромъ Генриха VIII англ., † 1535) островъ, на которомъ общество людей вело блаженную жизнь, въ сочин.: De optimo reipublicae statu, deque nova insula Utopia (1516).

сти. Самостоятельность раздѣльнаго бытія изчезаетъ въ цѣломъ; лицо дѣлается страдательнымъ органомъ.

Чичеринъ.

Служеніе истинѣ *.

Истина выше человѣка, какъ личности; чтобъ быть достойнымъ имени человѣка, онъ долженъ сдѣлаться сосудомъ истины. Но истина не дается человѣку вдругъ, какъ его законное обладаніе: онъ долженъ достигать ее трудомъ, борьбою, лишеніями и страданіемъ, и вся жизнь его должна быть стремленіемъ къ истинѣ. Личность человѣческая есть частность и ограниченность: только истина можетъ сдѣлать ее общимъ и безконечнымъ. Поэтому первое и основное условіе достиженія истины есть для человѣка отлученіе отъ самого себя въ пользу истины. Отсюда происходятъ добровольныя лишенія, борьба съ желаніями и страстями, неумолимая строгость къ своему самолюбію, готовность къ самообвиненію предъ истиною, самоотверженіе и самопожертвованіе: кто не зналъ и не испыталъ въ своей жизни ничего этого, тотъ не жилъ въ истинѣ, не жилъ въ любви.

Бѣлинскій.

Великіе люди **.

Тотъ, для кого исторія является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному росту, видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что̀ лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны для обнаруженія себя претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облекаютъ въ живое слово то, что̀ до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ.

Конечно не всегда ясно намъ мѣсто, принадлежащее великому мужу въ цѣпи явленій, не всегда ясна задача его дѣятельности. Проходятъ вѣка, а онъ остается кровавою и скорбною загадкою, и мы не знаемъ, зачѣмъ приходилъ онъ, зачѣмъ возмутилъ народы. Толки, имъ вызванные, до такой степени противоположны между собою, что нельзя даже съ точностію опредѣлить вліянія, имъ обнаруженнаго. Но раз-

---

* Въ опредѣленіе понятія *служеніе истинѣ* входитъ, какъ часть, опредѣленія субъекта (*человѣкъ*) — неполное.

** Ср. слѣдующія статьи того же содержанія, а также стр. 326.

вѣ то, что̀ намъ непонятно сегодня, должно остаться непонятнымъ и завтрашнему дню? Развѣ каждое новое событіе не проливаетъ свѣта на событія, повидимому давно уже совершившіяся и замкнутыя? Смыслъ отдѣльныхъ явленій иногда раскрывается только по прошествіи вѣковъ и даже тысячелѣтій. Наука въ такихъ случаяхъ не въ состояніи опередить самой жизни и должна терпѣливо ждать новыхъ фактовъ, безъ которыхъ былъ бы не полонъ кругъ извѣстнаго развитія. Историческое значеніе Сократа оцѣнено должнымъ образомъ только въ XIX столѣтіи, на разстояніи двадцати двухъ вѣковъ отъ приговора, произнесеннаго надъ нимъ Аѳинскимъ народомъ.

Грановскій.

Великіе люди.

Великіе люди познаются потому, что въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточиваются всѣ стремленія, всѣ нужды ихъ народа и времени. Они, болѣе чѣмъ кто бы то ни было, живутъ съ народомъ, отзываются на всѣ его радости и горести, идутъ на встрѣчу всѣмъ его требованіямъ, умѣютъ облечь въ плоть и кровь всѣ его стремленія и осуществить ихъ по мѣрѣ возможности; поэтому они имѣютъ право дать эпохѣ свое имя. Мы понимаемъ, что значатъ выраженія: время Петра Великаго, эпоха Лютера, Фридриха II и т. д. Наоборотъ въ нихъ болѣе, чѣмъ въ комъ нибудь другомъ, отражаются всѣ особенности ихъ народа. Люди посредственные, мелкіе, вездѣ представляютъ одинъ и тотъ же типъ. Различія между англійскими и французскими, нѣмецкими и русскими посредственностями чисто внѣшнія. Посѣтители салоновъ Парижа, Лондона и Петербурга представляютъ поразительное сходство. Но фигура великаго человѣка не укладывается въ общепринятыя формы: Лютера[1] никакъ нельзя смѣшать съ Кальвиномъ[2]; между Вашингтономъ[3] и Лафайеттомъ[4], Кантомъ[5] и Адамомъ Смитомъ[6], Тюрго[7] и Штейномъ[8] нельзя не замѣтить глубокой разницы. Разница опредѣляется не временемъ (я сопоставляю современниковъ или почти современниковъ), не различіемъ занятій (я сопоставляю людей, преслѣдовавшихъ одинакія цѣли), даже не индивидуальными особенностями, а тѣмъ фактомъ, что каждое изъ названныхъ лицъ воплощало въ себѣ особенности своего народа въ данную эпоху его исторической жизни.

А. Градовскій.

[1] *Лютеръ* (1483—1546). — [2] *Кальвинъ* (1409—1564). — [3] *Вашингтонъ* (1732—1799).—[4] *Лафайеттъ* (1757—1834).—[5] *Кантъ* (1724—1804).—[6] *Адамъ Смитъ* (1723—1790).—[7] *Тюрго* (1727—1781).—[8] *Штейнъ* (Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ)—прусскій государственный человѣкъ (1757—1831).

Великіе люди.

Люди, дѣйствующіе по внушенію своихъ страстей, имѣютъ въ виду личныя цѣли; но какъ они одарены способностью познавать и мыслить, то въ ихъ цѣли часто входятъ различныя существенныя нормы права, долга, добродѣтели. Въ частной жизни не трудно знать эти нормы; онѣ большею частію опредѣлены законами государства или обычаями той среды, въ которой живетъ человѣкъ. Другое мы видимъ на поприщѣ исторіи. Тутъ могутъ произойти столкновенія между существующими, признанными правами и обязанностями и между новыми, которыя противоположны старой системѣ, разрушаютъ ее, но въ то же время представляютъ другія выгодныя и необходимыя стороны. То, что было прежде только возможнымъ, съ теченіемъ времени осуществляется, дѣлается историческимъ фактомъ. Этотъ новый порядокъ включаетъ въ себѣ другую общую идею, чѣмъ та, которая составляла основанія стараго. Люди, въ частныхъ цѣляхъ которыхъ заключался этотъ новый моментъ исторіи, называются великими историческими людьми.

Сюда, напримѣръ, относится Цезарь. Онъ подвергался опасности потерять свое высокое положеніе въ государствѣ. Его враги, которые хотѣли вытѣснить его, преслѣдовали личныя цѣли, но они имѣли за себя формальную законность. Цезарь сражался за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами вручила ему власть надъ всею имперіей; но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и древняго міра. Такимъ образомъ личный интересъ Цезаря совпалъ съ историческою необходимостью.

Великіе люди въ исторіи именно тѣ, частныя цѣли которыхъ совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Ихъ можно назвать героями, ибо они почерпаютъ свое призваніе не изъ стараго, освященнаго временемъ, порядка, а изъ источника, который еще не обнаружился, но бьется наружу и разрушаетъ окружающую его скорлупу. Они такимъ образомъ черпаютъ какъ будто изъ себя, и новый порядокъ, осуществляемый ими, кажется ихъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Ихъ можно также назвать практическими людьми, ибо они понимаютъ потребности своего времени. Ихъ оправданіе заключается въ томъ, что они понимаютъ слѣдующій необходимый моментъ исторіи и со всею энергіей предаются осуществленію его. Оттого они передовые люди своего времени; рѣчи и дѣйствія ихъ составляютъ лучшее достояніе этого времени. Они доводятъ до общаго сознанія то, что безсознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Послѣдніе слѣдуютъ за ними какъ за вождями, потому что чувствуютъ неотразимую силу своего собственнаго духа, который олицетворился передъ ними.

Герье (по Гегелю).

Великіе люди.

Правда ли, что назначеніе великихъ людей только тяготѣть надъ человѣческимъ родомъ и удивлять его? Неужели ихъ дѣятельность, при всей своей силѣ, при всемъ блескѣ, не имѣетъ никакого прочнаго результата? Присутствовать при этомъ зрѣлищѣ обходится очень дорого, а когда опущенъ занавѣсъ, неужели не остается ничего? Должны ли мы разсматривать этихъ могучихъ и славныхъ вождей вѣка или народа только какъ безплодное бремя или тягостную роскошь? Развѣ Карлъ Великій напр. не представляетъ ничего больше?

На первый взглядъ оно какъ будто дѣйствительно такъ; правда какъ будто на сторонѣ общаго мѣста. Эти побѣды, завоеванія, учрежденія, реформы, планы, все это величіе и слава Карла изчезли вмѣстѣ съ нимъ; онъ—словно метеоръ, появившійся вдругъ изъ мрака варварства, чтобы пропасть и тотчасъ погаснуть во мракѣ феодализма. И это не единственный примѣръ въ исторіи; міръ не одинъ разъ видѣлъ, мы сами видѣли подобную имперію[1], съ особеннымъ удовольствіемъ приравнивавшую себя имперіи Карла Великаго и имѣвшую на это право: мы видѣли, что она тоже пала вмѣстѣ съ однимъ человѣкомъ.

Въ дѣятельности великаго человѣка есть двѣ стороны, онъ играетъ двѣ роли; въ поприщѣ его можно отмѣтить двѣ эпохи. Онъ болѣе всякаго другаго понимаетъ нужды своего времени, истинныя, дѣйствительныя нужды, то, чтѣ необходимо для современнаго ему общества, чтобы оно могло жить и правильно развиваться. Онъ понимаетъ это лучше всего другаго, сказалъ я, и кромѣ того лучше другаго умѣетъ овладѣть общественными силами и направить ихъ къ этой цѣли. Отсюда его слава и власть; оттого, какъ скоро онъ появился, его понимаютъ, признаютъ; за нимъ слѣдуютъ всѣ; отдаются и споспѣшествуютъ его дѣятельности, направленной на пользу всѣхъ.

Но онъ не ограничивается этимъ: какъ скоро истинныя и общія нужды его времени нѣсколько удовлетворены, мысль и воля великаго человѣка идутъ далѣе. Онъ выступаетъ изъ круга дѣйствительныхъ фактовъ, предается чисто личнымъ соображеніямъ, находитъ удовлетвореніе въ болѣе или менѣе обширныхъ и заманчивыхъ комбинаціяхъ, не основанныхъ однако, подобно первымъ его трудамъ, на дѣйствительномъ бытѣ, на общихъ стремленіяхъ, на опредѣленныхъ желаніяхъ общества; онъ тратитъ свои силы въ далекихъ и своевольныхъ затѣяхъ; хочетъ, однимъ словомъ, овладѣть будущимъ, какъ владѣлъ настоящимъ.

Тутъ начинаются эгоизмъ и мечта: нѣсколько времени, въ силу

[1] Французскую.

пріобрѣтеннаго великимъ человѣкомъ довѣрія, за нимъ слѣдуютъ и по этому новому пути; ему вѣрятъ и повинуются; поддаются, такъ сказать, его фантазіямъ; льстецы и ослѣпленные даже дивятся имъ и считаютъ ихъ величайшими его созданіями. Однако общество обманывается не надолго; оно какъ разъ замѣчаетъ, что его влекутъ туда, куда ему совсѣмъ не хочется идти, что его обманываютъ и злоупотребляютъ его довѣріемъ. Прежде великій человѣкъ служилъ своимъ высокимъ умомъ и могущественной волею общей мысли и общему стремленію; теперь онъ старается подчинить общественную силу своей собственной мысли и желанію; онъ одинъ знаетъ и хочетъ, что дѣлаетъ. Сначала это вызываетъ безпокойство, потомъ надоѣдаетъ; нѣсколько времени за нимъ идутъ медленно, неохотно; потомъ возражаютъ, жалуются; наконецъ всѣ расходятся; великій человѣкъ остается одинъ, падаетъ, и все, что онъ одинъ замышлялъ и чего желалъ, вся чисто личная и произвольная часть его трудовъ падаетъ съ нимъ вмѣстѣ [1].

Не откажусь занять у нашего времени свѣтъ, который оно намъ доставляетъ въ этомъ случаѣ, чтобы озарить имъ отдаленное и темное время. Судьба и время Наполеона принадлежатъ теперь исторіи; я буду говорить объ этомъ безъ всякаго затрудненія и съ полной свободой.

Всякій знаетъ, что въ тотъ моментъ, когда онъ захватилъ власть во Франціи, преобладающей, настоятельной потребностью нашего отечества [2] было обезпеченіе извнѣ—національной независимости, внутри—гражданской жизни. Среди революціонной передряги внѣшняя и внутренняя судьба страны, государство и общество подверглись одинаковой опасности. Внести новую Францію попрежнему въ европейскій союзъ, добиться ея признанія и принятія другими державами, устроить ее внутри мирно и правильно, однимъ словомъ—даровать ей независимость и порядокъ, единственные залоги долгаго будущаго,—таковы были общее стремленіе и мысль страны. Наполеонъ понялъ ее и осуществилъ; консульство было посвящено этой задачѣ.

Разрѣшивъ ее болѣе или менѣе, Наполеонъ поставилъ себѣ тысячу другихъ: одаренный могучею и пылкою фантазіей, въ одно и то же время—эгоистъ и мечтатель, затѣйникъ и поэтъ, онъ какъ бы вылилъ свою дѣятельность въ произвольныхъ, гигантскихъ предпріятіяхъ, задуманныхъ имъ однимъ и чуждыхъ истиннымъ нуждамъ нашей эпохи и нашей Франціи. Она слѣдовала за нимъ нѣсколько времени, и съ большими жертвами, по этому не избранному ею пути; насталъ день, когда не захотѣла идти за нимъ далѣе, и императоръ

---

[1] Вся эта часть («Тутъ... вмѣстѣ») есть примѣръ логической ошибки: обобщенія безъ *достаточнаго основанія*: что̀ составляетъ признакъ индивидуума (Наполеона) приписано всему роду (всѣмъ великимъ людямъ)—[2] Франціи.

остался одинъ; имперія изчезла, и все возвратилось къ своему естественному состоянію и ходу.

Гизо (съ фр.).

Мѣрило при сужденіи о великихъ людяхъ.

Посланникъ Провидѣнія въ мірѣ, чѣмъ выше геній, тѣмъ менѣе подходитъ онъ къ уставу уѣзднаго суда, непремѣнному для людей обыкновенныхъ. Ему другой законъ и другой судъ—законъ въ объемѣ историческаго мѣста, имъ занимаемаго; судъ—въ слѣдствіяхъ его историческаго бытія. Но здѣсь опредѣляется опять мѣра излишняго распространенія. Александръ Македонскій, Юлій Цезарь, Ришелье, Фридрихъ Великій, Наполеонъ—какъ политическіе дѣйствователи, Шекспиръ, Данте, Гете, Рафаэль—какъ дѣйствователи міра изящнаго, Платонъ, Декартъ, Спиноза, Кантъ—какъ дѣйствователи міра философическихъ идей, не подлежатъ кодексу обыкновенныхъ условій. Неужели будете называть безуміемъ походъ Александра въ Индію, осуждать Цезаря, что онъ перешелъ за Рубиконъ и вопреки Катону уничтожилъ римскую республику, или утверждать, что Фридрихъ былъ не правъ, нападая на Австрію? Переходя въ міръ изящнаго, заспорите ли о томъ, что Рафаэль невѣрно изображалъ костюмы, Данте смѣшивалъ миѳологію съ библейскими преданіями, а Гете не былъ національнымъ поэтомъ?—Смотрите, какую идею въ человѣчествѣ преображали они, эти геніи, и забывайте, что Ришелье писалъ дурные стихи, Фридрихъ нюхалъ табакъ изъ кармана, Юлій Цезарь съ радостью взялъ лавровый вѣнокъ для прикрытія лысой головы своей. Они были посланниками Провидѣнія, формы, въ которыхъ отливало Провидѣніе судьбы свои, совершилось ихъ предзнаменованіе, формы разбиты—дивитесь, что вылилось изъ этихъ формъ для человѣчества, и помните, что, бывши *людьми судебъ*, они были въ то же время и *просто людьми*, человѣками. Они были временны, преходящи; каждый совершилъ въ свой чередъ, въ свое время, предназначенное ему; окрестъ каждаго создавалось его пространство во времени, и опредѣлялось время его на извѣстномъ пространствѣ. Прешли Греція и Римъ, прешли и Александръ и Цезарь, какъ люди, совершившіе подвигъ свой для исторіи Греціи и Рима. Вѣчнаго, всемірнаго генія не было и быть не можетъ. Вслѣдствіе сего каждый геній носитъ необходимо отпечатокъ своего времени, своего мѣста, своего назначенія, облекается въ свою характеристику, въ свой костюмъ. Вѣчнымъ остается отъ нихъ только тотъ слѣдъ, какой проложили они въ предназначенномъ имъ мѣстѣ и времени, и чѣмъ огромнѣе это время и это мѣсто, тѣмъ долговѣчнѣе и обширнѣе слѣдъ ихъ въ океанѣ человѣчества. Такъ тысячами верстъ пролегаютъ по землѣ Амазона, Миссисипи, Ангара; такъ возвышаются къ небесамъ Девалагири и Шимборазо. Благословляйте кроткую рѣчку, орошающую ваше поле, и усѣянную садами

гору, заслоняющую отъ бури вашу пажить. Но осудите ли дикую снѣжность Гималая и вулканы Кордильера за то, что на нихъ нѣтъ пріюта вашему винограднику и вашей хижинѣ? Осудите ли, что въ разливахъ своихъ Амазонка и Ангара топятъ жилища людей и губятъ тысячи животныхъ? У васъ жизнь вашего поля—тамъ жизнь земнаго шара. Другъ людей Говардъ[1] есть благодѣтельный ручеекъ, Юлій Цезарь и Наполеонъ—Амазонка; добродѣтельный Ласъ-Казасъ[2]—цвѣтущій холмикъ, Ришелье и Фридрихъ—Шимборазо человѣчества.

Такъ, и только такъ разсуждая, вы оцѣните и разгадаете нашего великаго, безсмертнаго Петра, дивное явленіе своего вѣка, своего народа, далеко пролетѣвшее волнами въ исторіи человѣчества, великана, на которомъ отражалась вѣковая тѣнь прешедшей до него исторіи Россіи, когда въ то же время чело его озарено было лучами будущей исторіи нашей. Измѣрьте величіе Россіи въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ—вы измѣрите величіе Петра.

Н. Полевой.

Критикъ *.

Истинный критикъ, будучи одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, имѣетъ проницательный и вѣрный умъ, которымъ руководствуется въ своихъ сужденіяхъ; чувство показываетъ ему красоту тамъ, гдѣ она есть во всѣхъ ея оттѣнкахъ и самыхъ нѣжныхъ, и самыхъ нечувствительныхъ. Разсудокъ опредѣляетъ истинную цѣну ея и не даетъ ему ослѣпляться ложнымъ блескомъ, иногда замѣняющимъ прямо изящное. Онъ знаетъ всѣ правила искусства, знакомъ съ превосходнѣйшими образцами изящнаго; но въ сужденіяхъ своихъ не подчиняется рабски ни образцамъ, ни правиламъ: въ душѣ его существуетъ собственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника, идеалъ *возможнаго*, служащій ему вѣрнымъ указателемъ для опредѣленія степеней превосходства. Этого не довольно: чтобы судить о произведеніяхъ искусства, надлежитъ хорошо быть знакомымъ и съ природою. Возьмите въ примѣръ самый высокій изъ всѣхъ родовъ поэзіи: эпическую поэму. Въ ней видите нравственный міръ со всѣми его страстями, и міръ физическій

---

[1] *Говардъ*—извѣстный филантропъ, Англичанинъ, посвятившій свою дѣятельность улучшенію тюремъ (1727—1790).—[2] *Ласъ-Казасъ*—извѣстный филантропъ, Испанецъ, посвятившій себя облегченію участи Американскихъ Индѣйцевъ (1474—1566).

* Опредѣленіе понятія. Въ I-й и II-й частяхъ указаны существенные признаки истиннаго критика (во II-й части помощію различенія критика отъ поэта).—Въ III-й части свойства критика.

со всѣми его прелестями и великолѣпіемъ. Спрашиваю: будетъ ли въ состояніи критикъ опредѣлить достоинство стихотворца въ изображеніи страстей и характеровъ, если ни дѣйствія страстей, ни тайны характеровъ, которые надлежитъ наблюдать въ самомъ человѣкѣ, ему неизвѣстны? Замѣтитъ ли онъ вѣрность или невѣрность въ изображеніяхъ физической природы, если иногда самъ не восхищался ея красотами, если очарованія вечера, или спокойное величіе утра, или пріятность тѣнистыхъ долинъ, или ужасы дикихъ утесовъ, неподвижныхъ посреди ниспадающихъ съ вершины ихъ водопадовъ, не имѣютъ ничего привлекательнаго для его сердца? Наконецъ хочу найти въ немъ пламенную любовь къ искусству: онъ долженъ имѣть о немъ понятіе высокое; въ противномъ случаѣ никогда не составится въ головѣ его тотъ идеалъ совершенства, безъ котораго мысли его не будутъ ни живы, ни убѣдительны. Само по себѣ разумѣется, что критиковъ, близкихъ къ моему идеалу, весьма немного: Лонгины, Джонсоны, Лагарпы, Лессинги, [1] такъ же рѣдки, какъ и великіе художники, которыхъ твореніямъ они научили насъ удивляться.

Хорошій артистъ не можетъ не быть и хорошимъ судьей своего искусства, это правда; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы способность разсматривать произведенія искусства непремѣнно соединена была съ способностію производить изящное. Лагарпъ посредственный трагикъ; но кому лучше его извѣстна теорія драматическаго искусства? И его примѣчанія на трагедіи Расина и Вольтера не лучше ли несравненно примѣчаній, которыя великій Корнель [2], сей превосходный трагикъ, написалъ на собственныя свои трагедіи? Творецъ дѣйствуетъ по вдохновенію: онъ быстро угадываетъ тѣ красоты, которыя критикъ, руководствуемый чувствомъ изящнаго, съ медлительностію разсудка разсматриваетъ въ самомъ ихъ происхожденіи. Сія медлительность въ работѣ *разбирающаго* вкуса едва ли сообразна съ быстротою *творческаго* духа; и мы не всегда находимъ ихъ соединенными въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Способность восхищаться красотою, способность угадывать тотъ путь, по которому творческій геній дошелъ до своей цѣли, то есть, до произведенія изящнаго, не есть еще творческій геній,—она степенью ниже; не всякому дано отъ природы производить великое; но тотъ всѣхъ ближе къ великому, кто лучше другихъ угадываетъ его тайны. И если бы надлежало выбирать, то я поручилъ бы послѣднему быть толкователемъ перваго, ибо онъ способнѣе входить въ такія подробности, которыя первый, объемлющій все однимъ взглядомъ и въ цѣломъ, пренебрегъ бы, какъ безпо-

---

[1] *Лонгинъ*—греческій критикъ III в. по Р. Х.—*Джонсонъ*—см. стр. 357, вып. 1-ю.—*Лагарпъ*—французскій критикъ (1759—1803).—*Лессингъ*—нѣмецкій критикъ (1729—1781).—[2] *Корнель*—франц. трагикъ (1606—1684).

лезныя, а потому и не объяснилъ бы намъ удовлетворительно своего образа дѣйствій.

Званіе критика соединено само по себѣ съ нѣкоторыми неизбѣжными опасностями: критикъ имѣетъ дѣло съ самолюбіемъ, и, что̀ всего важнѣе, съ самолюбіемъ авторскимъ (которое по своей раздражительности занимаетъ первую ступень между всѣми родами самолюбія): слѣдственно онъ всегда подверженъ опасности оскорблять и самымъ скромнымъ и самымъ умѣреннымъ сужденіемъ. Въ такомъ случаѣ спасутъ его одни слѣдующія правила: пусть будетъ онъ совершенно безпристрастенъ (безпристрастіе можно назвать *честностью* критика); пускай имѣетъ въ виду единую пользу искусства, остерегается предубѣжденія и не позволяетъ себѣ быть судьею въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ какая нибудь личность нечувствительно можетъ замѣшать въ приговоръ его — пристрастіе. Думаю, что также разбирая произведенія изящныя, онъ долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ, и замѣчая только однѣ важныя ошибки, возставлять превосходное: всякая новая красота есть пріобрѣтеніе искусства, есть новый шагъ его къ совершенству. Наконецъ языкъ его долженъ быть важенъ и простъ, и только въ необходимыхъ случаяхъ (когда простое убѣжденіе недостаточно) позволяется ему употребить орудіе насмѣшки. Насмѣшка производитъ не убѣжденіе, а предубѣжденіе! она должна быть только пособіемъ здравой логики, и тѣмъ болѣе опасна, что можетъ унизить самое превосходное.

Жуковскій.

Свойства поэта.

Нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы ни воспользовался поэтъ. Какъ прекрасное, такъ и ужасное должно быть родственно его воображенію; поэту должно быть близко какъ поразительно великое, такъ и изящное малое. Садовыя растенія, лѣсныя животныя, минералы въ нѣдрахъ земли, воздушныя явленія — все обогащаетъ его воображеніе неизчерпаемымъ разнообразіемъ: каждый изъ такихъ образовъ можетъ сообщить силу и красоту истинамъ нравственнымъ и религіознымъ; и тотъ, кто знаетъ больше, будетъ имѣть болѣе возможности разнообразить свои картины и награждать своего читателя поразительными сближеніями и неожиданными назиданіями.

Долгъ поэта замѣчать не индивидуумы, но типы, общія свойства, крупныя явленія. Онъ не долженъ изчислять всякую полоску тюльпана или описывать различные оттѣнки лѣсной зелени. Онъ долженъ въ своихъ картинахъ природы передавать разительныя и рѣзкія черты, которыя вызывали бы въ душѣ каждаго представленіе оригинала; долженъ презрѣть мелочами, которыя одинъ можетъ замѣтить, а другой совсѣмъ оставить безъ вниманія, но за то поэтъ долженъ вы-

ставить на видъ черты характеристическія, которыя равно бросаются въ глаза какъ внимательному, такъ и небрежному наблюдателю.

Но знаніе природы есть лишь половина требованій отъ поэта; всякій образъ жизни людей долженъ быть знакомъ ему. Поэтъ долженъ отзываться на радость и горе людей, въ какой бы обстановкѣ они ни были; онъ долженъ наблюдать силу всѣхъ страстей во всѣхъ ихъ комбинаціяхъ и подмѣчать мельчайшія движенія въ человѣческомъ духѣ, въ ихъ зависимости отъ различныхъ учрежденій, случайныхъ вліяній климата, обычаевъ, отъ веселаго дѣтства до угрюмой старости. Поэтъ долженъ отрѣшиться отъ предразсудковъ своего вѣка и страны; онъ долженъ созерцать добро и зло въ ихъ общемъ и неизмѣнномъ значеніи; онъ долженъ стать выше правилъ и мнѣній своего времени и возвыситься до тѣхъ общихъ и вѣчныхъ истинъ, которыя пребудутъ неизмѣнными навсегда: вотъ почему онъ не долженъ желать себѣ быстраго успѣха во мнѣніи общества: долженъ презирать одобреніе современниковъ и основать награду на справедливости потомства. Поэтъ долженъ писать, какъ истолкователь природы и законодатель человѣчества, и смотрѣть на себя, какъ на существо, господствующее надъ мыслями и нравами будущихъ поколѣній; какъ на существо, не зависящее отъ времени и мѣста.

Самуилъ Джонсонъ.

Живопись.

Всѣ искусства имѣютъ одну задачу. Эта задача состоитъ въ томъ, чтобы въ различныхъ формахъ возстановлять предъ нами идеалъ красоты.

Искусство имѣетъ идею и форму.

Форма живописи опредѣляется тремя частями: рисункомъ, свѣтотѣнью и колоритомъ.

Что такое рисунокъ? По словамъ Вазари, ученика Микель-Анжело, рисунокъ, отецъ трехъ искусствъ: зодчества, ваянія и живописи, есть такое дѣйствіе нашего разума, посредствомъ котораго онъ сознаетъ въ предметахъ, существующихъ въ пространствѣ, гармонію цѣлаго и частей: какъ частей между собою, такъ и цѣлаго съ частями, и воспроизводитъ это на дѣлѣ. Указываютъ на дѣйствіе естествоиспытателя, посредствомъ котораго онъ, видя органъ какого-нибудь животнаго, возстановляетъ всѣ его размѣры. Это дѣйствіе, въ позднѣйшее время открытое вновь Кювье, въ древности, дружившей искусство и науку, равно принадлежало художникамъ и мудрецамъ. Извѣстная поговорка Грековъ: узнать по когтю льва (ex ungue leonem) сказалась тогда, когда геній, увидѣвъ изваянный изъ мрамора коготь, отгадалъ разумомъ, по этой мѣркѣ и формѣ всѣ прочія части животнаго и самое цѣлое такъ, какъ будто бы онъ имѣлъ его пе-

редъ глазами [1]. О Пиѳагорѣ разсказываютъ, что онъ, зная, сколько разъ ступня Геркулеса, измѣрившаго арену цирка Олимпійскаго, укладывалась въ длинѣ его, опредѣлилъ мѣру ступни, а по ней и мѣру всего Геркулесова тѣла.

Но рисунокъ даетъ только очеркъ картины, опредѣляетъ форму въ пространствѣ. Надобно, чтобы онъ выступилъ съ холстины или съ бумаги передъ нами: этого достигаетъ искусство *свѣтотѣнью*. Сліяніе свѣта и тѣни даетъ рельефъ фигурамъ. Изученіе свѣтотѣни сопровождается уже изученіемъ анатоміи и перспективы. Художникъ изображаетъ человѣческое тѣло одною поверхностью, но движенія самаго тѣла не понятны будутъ ему безъ внутреннихъ причинъ: потому костякъ и мускулы для него необходимы; но и внутреннее долженъ онъ изучать въ отношеніи ко внѣшнему, и потому анатомія принимаетъ для него характеръ пластическій. — Перспектива бываетъ двоякая: линейная и воздушная. Первою обозначается постепенность предметовъ въ отдаленіи, относительно ихъ величины; она основана на геометріи и имѣетъ самыя опредѣленныя правила; воздушная перспектива обозначаетъ постепенность предметовъ въ отдаленіи относительно большей или меньшей ихъ ясности; но такъ какъ степень ясности предметовъ зависитъ отъ воздушной атмосферы, безпрерывно измѣняющейся, то здѣсь правила не могутъ быть строго опредѣлены.

Рисунокъ обозначилъ предметъ; свѣтотѣнь дала ему рельефъ; но здѣсь все еще нѣтъ нашего искусства, нѣтъ живописи. Чѣмъ же искусство наше становится *живописью* и оправдываетъ свое прекрасное русское имя? что придаетъ жизнь этому искусству? что дѣлаетъ его живымъ?—Колоритъ, краски—душа живописи.

Отъ формы перейдемъ къ идеѣ.

Идея живописи проявляется въ композиціи.

Композиція имѣетъ три части: изобрѣтеніе, расположеніе и выраженіе. Что касается до *изобрѣтенія*, то здѣсь надобно обратить вниманіе на то, чтобы идея, изобрѣтенная художникомъ, была живописная. Не всякая картина, прекрасная въ поэзіи, будетъ прекрасна на холстѣ. Величавъ образъ звѣзднаго неба въ стихахъ Ломоносова:

Открылась бездна, звѣздъ полна:
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна!

но онъ слишкомъ неизмѣримъ для картины. Вотъ еще стихи Державина:

Орелъ, по высотѣ паря,
Ужъ солнце зритъ въ лучахъ полдневныхъ.

---

[1] Аристотелево опредѣленіе художественнаго произведенія, «какъ живаго единаго цѣлаго».

Перенесите на холстъ орла, солнце, высоту небесную,—и картины не будетъ. Но вотъ три стиха Пушкина:

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой,
Владиміръ-солнце пировалъ.

Здѣсь поэтъ не блещетъ живописью, но живописецъ могъ бы изъ этихъ трехъ стиховъ извлечь чудную картину.

Расположеніе въ живописи имѣетъ особенный терминъ и называется *группировкою*. Очевидная ясность живописной идеи въ расположеніи фигуръ—первое правило: ни одной лишней, ни одной безъ значенія, но всѣ, какъ живые члены одного тѣла. Параллельное дѣленіе картины на двѣ части встрѣчается у Рафаэля, но не можетъ быть принято за общее правило. Здѣсь не столько предписывать можно правила, сколько изучать дѣйствія великихъ художниковъ. Прослѣдите всѣ рисунки Рафаэля, какими достигалъ онъ изображенія идеи въ Аѳинской школѣ [1]; вотъ лучшій способъ изучать группировку въ живописи.

Идея въ композиціи вѣнчается *выраженіемъ*. Мы говоримъ: картана холодна. Что это значитъ? Рисунокъ въ ней можетъ быть правиленъ, группировка разумно разсчитана, но картина холодна. Это значитъ, что нѣтъ въ ней выраженія. Живопись должна говорить. Это такой же языкъ, какъ и поэзія. Онѣ относятся другъ къ другу, какъ свѣтъ къ слову. „Да будетъ свѣтъ“! навело краски на весь міръ и опредѣлило предметы. Когда человѣкъ божественною силою создалъ слово, тогда освѣтилась передъ нимъ его мысль, и разуму его все стало ясно.

Да, надобно, чтобы картины говорили. Говорятъ ландшафты Айвазовскаго. И бездушная природа нашла подъ его кистію слово. Но какимъ же образомъ живописецъ заставитъ говорить свою картину? Для того надобно, чтобы онъ самъ былъ полонъ того идеала красоты, который влечетъ его къ кисти. Гдѣ же этотъ идеалъ? гдѣ найти его? Леонардо-да-Винчи искалъ его въ природѣ видимой. Спросимъ перваго изъ живописцевъ; что скажетъ о томъ Рафаэль? Онъ говоритъ, что изображая предметы прекрасные, не довольствуется тѣми образами, какіе предлагаетъ ему природа, но что стремится всегда воплотить идею, которая является уму его, и что это стóитъ ему большихъ трудовъ.

Но живопись ограничиваетъ ли свой идеалъ идеаломъ красоты тѣлесной? Нѣтъ, выше красоты тѣлесной—красота духа. Сліяніе красоты тѣла съ красотою духа: вотъ высшій идеалъ живописи. Самыя лучшія ея творенія оправдываютъ эту мысль.

---

[1] *Аѳинская школа*—извѣстная картина Рафаэля.

Рафаэль на высшемъ произведеніи, которымъ завершилъ свое поприще [1], изобразилъ бѣснующагося, самое дикое безобразіе, какое только представить себѣ можно. Красоту и гармонію этой картины могъ бы разрушить такой образъ, если бы на ней же мы не созерцали преображенный ликъ Того, кто въ силахъ изцѣлить бѣсноватаго, возстановить равновѣсіе членовъ тѣла и обратить въ красоту это безобразіе.

Другой славный живописецъ, Доминикино, на высшемъ своемъ произведеніи изобразилъ столѣтняго старца, предсмертныя развалины тѣла человѣческаго, тотъ возрастъ, когда красота уже не можетъ принадлежать намъ; но посмотрите, какъ чудесно благодать осѣняетъ ликъ причащающагося Іеронима! какая духовная красота пролита по членамъ ветхаго тѣла! Доминикино изобразилъ намъ блаженнаго Іеронима въ минуту того предсмертнаго общенія съ Богомъ, когда самое безобразное лицо, подъ осѣненіемъ благодати, можетъ показаться прекраснымъ, и когда самое прекрасное лицо, холодное къ этой благодати, потускнѣетъ въ блескѣ красоты своей.

Шевыревъ.

Искусство и промышленность.

Когда народъ отмѣрилъ себѣ землю, покорилъ на ней стихіи, овладѣлъ животными, устроился въ общество, опредѣлилъ свои отношенія къ Богу, отграничилъ и обезопасилъ себя отъ сосѣдей, сложился въ одно цѣлое и крѣпкое государство и объявилъ свое сочувствіе другимъ народамъ во имя просвѣщенія: тогда, въ числѣ благородныхъ потребностей человѣческихъ, сильнѣе сказывается въ немъ и потребность искусства. Весьма рано, еще въ самомъ первомъ возрастѣ жизни, выражаетъ народъ эту потребность, но вполнѣ, во всѣхъ видахъ, удовлетворить ей онъ можетъ только тогда, когда приготовитъ всѣ для того необходимыя общественныя и государственныя условія: кочевые народы не могутъ имѣть живописи; феодальная Европа не знала драмы и театра.

Говорятъ, что искусство будто бы дѣло прошлое, что промышленность убила его.

Если это правда, то неблагодарна промышленность. Искусство всегда ее развивало и конечно не затѣмъ, чтобы принять отъ нея смерть. Такъ говоритъ исторія. Аѳины въ древности славились искусствомъ,—славились и мануфактурами: Лизиппы и Парразіи [2] чертили рисунки для греческихъ кубковъ и вазъ; серебро и золото переливалось въ ихъ чудныя формы. Въ средніе вѣка Византія и Венеція равно дружатъ искусство и мануфактуры: отсюда первые удары кисти, отсюда и прелесть шелковыхъ тканей. Въ новое время тоже пред-

---

[1] См. стр. 59.—[2] Имена художниковъ.

ставляла Флоренція: Медичисы, продавцы шерсти, первые промышленники Италіи — и первые меценаты искусства. Во Франціи, при Франциске I, живопись пересажена изъ Италіи, и вмѣстѣ съ нею начинаетъ процвѣтать и мануфактура. Такъ и вездѣ искусство оживляло промышленность, и не умерщвлялось ею; оно проливало свѣтъ красоты своей на всѣ ея формы. Не можетъ ремесло возвыситься до искусства, но оно процвѣтаетъ, когда искусство низойдетъ къ нему. Художники образовывали и ремесленниковъ, искусство оживляетъ промышленность.

Шевыревъ.

Поэзія въ ряду другихъ искусствъ.

Всѣ искусства идутъ въ порядкѣ историческаго движенія народовъ. Сначала, вмѣстѣ съ племенами Азіи и Египта, выходятъ зодчіе, которые въ сооруженіи храмовъ и пирамидъ соревновали горамъ, зданіямъ Божіимъ. Затѣмъ Греція ведетъ своихъ ваятелей, и несутъ они мраморныя изваянія боговъ и героевъ. За Греціей идетъ Италія, въ окруженіи своихъ живописцевъ: къ ней примкнулись нѣкоторыя страны юга и сѣвера. За живописцами слѣдуютъ музыканты Италіи и Германіи, разнося по всему міру звуки того искусства, которое въ наше время наиболѣе волнуетъ сердца и потрясаетъ чувство. Но гдѣ же поэзія?

Она всегда была при человѣкѣ. Она, какъ искусство слова, есть искусство всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Она слышится въ звукахъ и реченіяхъ первобытнаго языка, она раздается первою народною пѣснію. Въ историческомъ движеніи искусствъ она дружелюбно откликается имъ всѣмъ и принимаетъ тотъ или другой характеръ, смотря по характеру искусства, которое сопровождаетъ; но въ христіанскую эпоху, въ лицѣ Шекспира, достигла она своего высшаго назначенія, какъ искусство слова—выражать душу и духъ человѣка въ дѣйствіи.

Шевыревъ.

Благородное, пошлое и низкое.

Пошлое и благородное суть понятія, которыя во всѣхъ случаяхъ означаютъ участіе или неучастіе духовной стороны человѣка въ какомъ либо дѣйствіи или произведеніи его. Мы говоримъ о человѣкѣ, что онъ дѣйствуетъ пошло, когда слѣдуетъ внушеніямъ только чувственныхъ своихъ побужденій; прилично—когда руководствуется только требованіемъ общественныхъ законовъ; благородно — когда онъ подчиняется только требованіямъ духа, не обращая вниманія на свои чувственныя побужденія. Мы называемъ лицо пошлымъ, когда на немъ нѣтъ никакихъ признаковъ нравственнаго развитія интеллигенціи; выразительнымъ, когда его черты оживляетъ умъ; благород-

нымъ—когда въ этихъ чертахъ присутствуетъ особенно-чистый духъ. Произведеніе архитектуры мы называемъ пошлымъ, когда видимъ въ немъ только матеріальныя цѣли, и благороднымъ — когда оно, независимо отъ всѣхъ матеріальныхъ цѣлей, есть въ то же время воспроизведеніе идеи. Пошлымъ называется все то, что̀ не трогаетъ души и не возбуждаетъ никакого другаго интереса, кромѣ внѣшняго. Есть тысячи вещей пошлыхъ уже по своей сущности или содержанію. Пошлый умъ можетъ самый высокій предметъ опятнать неумѣлою обработкой; напротивъ, высокій умъ, благородный духъ сумѣетъ возвысить даже пошлое, и именно тѣмъ, что поставитъ его въ связь съ чѣмъ-нибудь духовнымъ и откроетъ въ немъ важную сторону. Такъ историкъ пошлаго пошиба будетъ намъ излагать съ такою же заботливостію незначительныя дѣйствія героя, какъ и его благороднѣйшіе подвиги, и такъ же долго останавливаться на его родословной, великолѣпіи одеждъ и на домашнемъ бытѣ, какъ и на его планахъ и предпріятіяхъ; величайшіе его подвиги онъ разскажетъ такъ, что никто не увидитъ въ нихъ ихъ значенія. Напротивъ того, историкъ съ умомъ и возвышенной душой придастъ даже частной жизни и незначительнѣйшимъ поступкамъ своего героя интересъ и содержаніе, которые и сдѣлаютъ ихъ важными. Пошлый вкусъ въ образовательныхъ искусствахъ показали нидерландскіе художники; благородный и высокій вкусъ — Итальянцы, еще болѣе — Греки. Послѣдніе стремились всегда къ идеалу, отбрасывая всякую обыденную черту, и никогда не выбирая обыденнаго содержанія. Поэтъ дѣлаетъ свой предметъ пошлымъ, когда изображаетъ незначительныя дѣйствія и бѣгло касается важнаго. Онъ дѣлаетъ его высокимъ, когда приводитъ въ связь съ возвышеннымъ. Гомеръ сумѣлъ прекрасно изобразитъ щитъ Ахилла, хотя изготовленіе щита по своей сущности есть нѣчто весьма пошлое.

Ступенью ниже пошлаго находится низкое, отличающееся отъ перваго тѣмъ, что представляетъ не только нѣчто отрицательное, не только отсутствіе возвышеннаго и благороднаго, но нѣчто положительное, именно грубость сердца, дурные нравы и презрѣнныя чувства. Пошлое представляетъ только отсутствіе такого достоинства, которое можетъ быть желаемо; низкое представляетъ недостатокъ какого-нибудь качества, котораго требовать можно отъ всякаго. Такъ напр. месть для христіанина сама по себѣ, гдѣ бы она ни встрѣтилась и какъ бы она ни выражалась, есть нѣчто пошлое, такъ-какъ указываетъ на недостатокъ благородства; но отличаютъ месть низкую, когда человѣкъ пользуется презрѣнными средствами, чтобы удовлетворить ей. Тотъ человѣкъ дѣйствуетъ пошло, который занятъ только своими нуждами, и въ этомъ онъ противоположенъ человѣку благородному, могущему забыть самого себя, чтобы доставить радость другому. Но тотъ же самый человѣкъ сталъ бы поступать низко,

если бы стремился къ своей пользѣ въ ущербъ своей чести. Должно различить низкое чувство отъ низкаго положенія. Первое ниже всякаго эстетическаго достоинства; послѣднее же можетъ весьма часто съ нимъ согласоваться. Рабство — низко, но рабское чувство у свободнаго презрѣнно; не таково однако рабское занятіе безъ подобнаго чувства; напротивъ, низкое состояніе, соединенное съ высокимъ чувствомъ, можетъ перейти въ возвышенное. Господинъ Эпиктета [1], бившій его, поступалъ низко, а терпѣвшій рабъ являлъ возвышенную душу. Истинное величіе тѣмъ ярче блещетъ въ низкой участи, и художникъ не долженъ бояться выводить своего героя среди презрѣнной обстановки, если онъ увѣренъ, что сумѣетъ дать герою выраженіе внутренняго достоинства.

Изъ Шиллера.

Вѣра.

Ничего истинно-великаго не совершилось и не совершается безъ вѣры.

Посмотрите. Въ обыкновенной жизни, среди толпы людей, живущихъ изо дня въ день единственно по впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ или по безотчетнымъ движеніямъ сердца, живущихъ какъ бы видимостію жизни, а не жизнью, являющихъ въ себѣ только нѣкоторые, а не всѣ признаки жизни,—кто, какіе люди, во всякомъ состояніи и званіи, представляютъ собою зрѣлище жизни полной и послѣдовательной, воли дѣятельной и твердой, труда живаго и плодотворнаго? Не тѣ ли, которые, будучи проникнуты извѣстною мыслію, поставили ее себѣ какъ бы центромъ дѣйствія, цѣлію стремленія, и идутъ къ ея достиженію съ мужествомъ, съ увѣренностію, однимъ словомъ, съ вѣрою?

Взгляните на жизнь болѣе высшаго порядка. Что сдѣлало знаменитыми нѣкоторыхъ людей на разныхъ поприщахъ жизни, людей, которые заслужили названіе великихъ за тѣ или другія великія дѣла, или великія открытія? Гдѣ тайна ихъ могущества, успѣха, тайна ихъ генія, если не въ той великой идеѣ, которая обняла ихъ всецѣло и сосредоточила всѣ силы ихъ духа въ одинъ живительный центръ, какъ извѣстнаго рода зеркало сосредоточиваетъ въ своемъ центрѣ разсѣянные лучи свѣта и теплоты?

Если вы подниметесь еще выше, — ибо есть нѣчто болѣе великое, чѣмъ могущество и самый геній, — какъ всегда и вездѣ образовывались великіе характеры, высокія души, преданнѣйшіе служители всего святаго, благородные мученики науки, отечества, человѣчества? Не такъ же ли, не по преимуществу ли они образовывались вели-

---

[1] *Эпиктетъ*—римскій стоикъ (род. въ 50 г. до Р. Х. во Фригіи).

кою идеею того самого дѣла, которому они посвящали себя, вѣрою въ его правду, въ его истину, въ его силу,—вѣрою, въ которой они поставляли свою жизнь, а все остальное считали за ничто? Міръ, который, пожалуй, готовъ считать энтузіазмъ глупостію, не можетъ, однако, отказать ему въ величіи: онъ удивляется ему болѣе, нежели чему другому, и горе міру, если источникъ этого удивленія изсякнетъ въ немъ! Въ то же самое время изчезнетъ въ немъ все, что̀ есть благороднаго и прекраснаго, все, что̀ составляетъ цѣну жизни, честь и достоинство природы человѣческой.

Такъ вѣра на всѣхъ ея степеняхъ есть благо, и чѣмъ возвышеннѣе ея предметъ, чѣмъ она глубже проникаетъ въ сердце человѣка, и чѣмъ больше ея сила, тѣмъ драгоцѣннѣйшіе и обильнѣйшіе плоды она приноситъ.

Но вѣра, которая видимо и невидимо господствуетъ надъ всякою другою вѣрою и обнимаетъ собою всѣ безъ исключенія силы и способности человѣка, конечно, есть та, которая утверждаетъ свое основаніе въ безконечномъ и вѣчномъ. Эта вѣра—религіозная и по преимуществу христіанская, такъ какъ, по свидѣтельству самого невѣрія или индифферентизма, подлѣ или внѣ христіанства уже нѣтъ другой возможной религіи.

Сергіевскій.

Человѣкъ чувства и человѣкъ ума [1]. *

Духъ системы заставлялъ разумныхъ людей утверждать многія странности и даже нелѣпости: такъ нѣкоторые писали и доказывали, что наши природныя способности и свойства одинаковы, что обстоятельства и случаи воспитанія не только образуютъ или развиваютъ, но и даютъ характеръ человѣку, вмѣстѣ съ особеннымъ умомъ и талантами; что Александръ въ другихъ обстоятельствахъ могъ быть миролюбивымъ Браминомъ, Эвклидъ авторомъ чувствительныхъ романовъ, Аттила нѣжнымъ пастушкомъ, а Петръ Великій — обыкновеннымъ человѣкомъ! Если бы надобно было опровергать явную ложь, то мы представили бы здѣсь множество хорошо воспитанныхъ, множество ученыхъ людей, которые имѣютъ все, кромѣ—чувства и разума... Нѣтъ, одна природа творитъ и даетъ: воспитаніе только образуетъ. Одна природа сѣетъ: искусство или наставленіе только поливаютъ сѣмя, чтобы оно лучше и совершеннѣе распустилось. Какъ умъ, такъ и характеръ людей есть дѣло ея: отецъ, учитель, обстоятельства мо-

---

[1] *Въ подл.* чувствительный и холодный.

* Опредѣленіе двухъ типовъ. Послѣ введенія (гдѣ опровергается мнѣніе о равенствѣ способности всѣхъ людей) въ I-й части опредѣляются оба типа указаніемъ отличительныхъ признаковъ каждаго. Во II-й части указаны преимущества того и другаго типа.

гутъ помогать его дальнѣйшему развитію, но не болѣе.—Привязываетъ ли природа [1] умственныя способности и нравственныя свойства къ нѣкоторымъ особеннымъ формамъ или дѣйствіямъ физическаго состава, мы не знаемъ: это ея тайна. Система Лафатера [2] и доктора Галля [3] кажется намъ по сіе время одною игрою воображенія. Самъ почетный и благоразумный Кабанисъ [4], изъясняя свойствомъ твердыхъ частей и жидкостей счастіе и несчастіе жизни—нравъ, страсти, печаль и веселье — не берется размѣрить и развѣсить по - аптекарски, сколько чего надобно для произведенія генія, математика, философа, стихотворца, злодѣя или добродѣтельнаго мужа.

Какъ бы то ни было, мы видимъ въ свѣтѣ людей умныхъ и чувствительныхъ, умныхъ и холодныхъ, отъ *колыбели до гроба*, согласно съ русскою пословицею [5], и нравственное свойство ихъ такъ независимо отъ воли, что всѣ убѣжденія разсудка, всѣ твердыя намѣренія перемѣниться нравомъ остаются безъ дѣйствія. Лафонтенъ сказалъ:

Мы вѣчно то, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено.
Гони природу въ дверь: она влетитъ въ окно!

Правда, что сію неволю знаютъ одни люди чувства; люди ума всегда довольны собою, и не желаютъ перемѣниться. Одно такое замѣчаніе не доказываетъ ли, что выгоды и счастіе на сторонѣ послѣднихъ? Первые безъ сомнѣнія живѣе наслаждаются, но какъ въ жизни болѣе горестей, нежели удовольствій, то слабѣе чувствовать тѣ и другія есть выигрышъ. *Боги не даютъ, а продаютъ намъ удовольствія*, сказалъ греческій трагикъ—и *слишкомъ дорого*, можно примолвить, такъ что мы съ покупкою остаемся въ глупцахъ.

Однако жъ, любя справедливость, замѣтимъ и свойственныя первымъ преимущества. Равнодушные люди бываютъ во всемъ благоразумнѣе, живутъ смирнѣе въ свѣтѣ, менѣе дѣлаютъ бѣдъ и рѣже разстроиваютъ гармонію общества; но одни люди чувства приносятъ великія жертвы добродѣтели, удивляютъ свѣтъ великими дѣлами, для которыхъ, по словамъ Монтаня, нужна всегда небольшая примѣсь безразсудности, un peu de folie; они-то блистаютъ талантами воображенія и творческаго ума: поэзія и краснорѣчіе—дарованія ихъ...

Карамзинъ.

---

[1] *Въ подл.* Натура.—[2] *Лафатеръ*—швейцарскій священникъ, пытавшійся возвести физіономику на степень науки (✝ 1799).—[3] *Галль*—анатомъ и физіологъ, прославившійся ученіемъ о черепахъ (краніологіей 1828).—[4] *Кабанисъ*—франц. врачъ и философъ матеріалистъ (1808).—[5] «Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ».

Два характера *.

Эрастъ и Леонидъ учились въ одномъ пансіонѣ и рано сдѣлались друзьями. Первый могъ назваться красавцемъ; второй обращалъ на себя вниманіе людей отмѣнно умнымъ лицомъ. Въ первомъ съ самаго младенчества обнаруживалась рѣдкая чувствительность; второй, казалось, родился благоразумнымъ. Эрастъ удивлялъ своимъ понятіемъ, Леонидъ прилежаніемъ. Казалось, что первый не учится, а только воспоминаетъ старое; второй же никогда не забывалъ того, что̀ узнавалъ однажды. Первый изъ излишней самонадѣянности[1], откладывая всякое дѣло до послѣдней минуты, иногда не выучивалъ урока; второй зналъ его всегда заблаговременно, все еще твердилъ и не вѣрилъ своей памяти. Эрастъ дѣлалъ иногда маленькія проказы, ссорился съ товарищами и нерѣдко заслуживалъ наказанія; но всѣ его любили. Леонидъ велъ себя тихо, примѣрно и не оскорблялъ никого, но его только хвалили. Одного считали искреннимъ, добродушнымъ; таковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Другаго подозрѣвали въ хитрости и даже въ лукавствѣ; но онъ былъ только остороженъ. Ихъ взаимная дружба казалась чудною; столь были они не сходны характерами! Но сія дружба основывалась на самомъ различіи свойствъ. Эрастъ имѣлъ нужду въ благоразуміи, Леонидъ въ живости мыслей, которая для его души имѣла *прелесть удивительнаго*. Чувство [2] одного требовало сообщенія; равнодушіе и хладность другаго искали занятій. Когда сердце и воображеніе пылаютъ въ человѣкѣ, онъ любитъ говорить; когда душа безъ дѣйствія, онъ слушаетъ съ удовольствіемъ.

Эрастъ еще въ дѣтствѣ плѣнялся романами, поэзіей, а въ исторіи болѣе всего любилъ чрезвычайности, примѣры геройства и великодушія. Леонидъ не понималъ, какъ можно заниматься небылицами, то есть романами! Стихотворство казалось ему трудною и безполезною игрою ума, а стихотворцы людьми, которые хотятъ прытко бѣгать въ кандалахъ. Онъ читалъ исторію съ великимъ прилежаніемъ [3], но единственно

---

* Въ I-й части послѣ вступительной мысли, объясняющей поводъ, по которому оба лица здѣсь характеризуются вмѣстѣ, начинается самая характеристика съ краткаго описанія ихъ *наружности;* потомъ указывается различіе ихъ *душевныхъ свойствъ* (чувства, ума и воли). Затѣмъ повѣствуется о дѣйствіяхъ ихъ въ отношеніи другихъ лицъ и мнѣніе о нихъ этихъ лицъ. I-я часть оканчивается объясненіемъ причины сближенія обоихъ лицъ, на основаніи данной характеристики.

II-я часть сопоставляетъ взгляды обоихъ лицъ на литературу (поэзію и исторію), какъ фактическое подтвержденіе противоположности ума и чувства обоихъ, что̀ и обобщено въ заключительной мысли статьи, гдѣ лица подведены подъ два взаимно противоположные типа.

[1] *Въ подл.* надежности на себя.—[2] *Въ подл.* чувствительность.—[3] прилежностію.

для того, чтобы знать ее, не для внутренняго наслажденія, но какъ вокабулы или грамматику. Мудрено ли, что мнѣнія друзей о герояхъ ея были несогласны? Эрастъ превозносилъ до небесъ Александра; Леонидъ называлъ его отважнымъ безумцемъ. Первый говорилъ: онъ побѣдилъ вселенную; второй отвѣтствовалъ: не зная для чего! Эрастъ обожалъ Катона, добродѣтельнаго самоубійцу; Леонидъ считалъ его помѣшаннымъ гордецомъ. Эрастъ восхищался бурными временами греческой и римской свободы; Леонидъ думалъ, что свобода есть зло, когда она не даетъ людямъ жить спокойно. Эрастъ вѣрилъ въ исторіи всему чрезвычайному; Леонидъ сомнѣвался во всемъ, что не было согласно съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей. Одинъ руководился воображеніемъ пылкимъ, а другой флегматическимъ своимъ характеромъ.

Карамзинъ.

Людовикъ XIV, какъ полный представитель своего народа. *.

Всюду играть самую видную роль, овладѣвать всеобщимъ вниманіемъ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ, производить самое сильное впечатлѣніе—главная цѣль Француза: отсюда—стремленіе къ внѣшности, къ изяществу въ манерахъ, одеждѣ, языкѣ; мастерство показать себя и свой товаръ лицомъ, отсюда театральное мастерство—мастерство играть роль, соотвѣтствующую положенію. И вотъ Людовикъ XIV, истый Французъ умѣетъ съ неподражаемымъ искусствомъ разыгрывать роль короля. Прельщенные этою мастерскою игрою, другіе государи тщетно стараются подражать великому королю; но никто не въ состояніи такъ наслаждаться мастерскою игрою, мастерскою постановкою пьесы, въ такомъ восторгѣ рукоплескать великому актеру, какъ сами Французы, знатоки и мастера дѣла. Людовикъ XIV, полный представитель своего народа, явился въ глазахъ послѣдняго великимъ королемъ; блеску и славы было много; Франціи дано было первое мѣсто, и славолюбивѣйшій, страстный къ блеску народъ не могъ оставаться неблагодарнымъ къ Людовику, точно такъ же, какъ столѣтіе спустя остался прикованъ къ имени человѣка, покрывшаго славою Францію, хотя исходъ дѣятельности того и другаго вовсе не соотвѣтствовалъ началу.

Соловьевъ.

Лафонтенъ и Крыловъ **.

Лафонтенъ и Крыловъ—оба вѣчно останутся любимцами своихъ

---

* Краткая характеристика. Авторъ ограничился родовыми признаками (національными свойствами) лица.

** То же относительно двухъ лицъ.

единоземцевъ. Нѣкто справедливо замѣтилъ, что простодушіе [1] есть врожденное свойство французскаго народа; напротивъ того, отличительная черта въ нашихъ нравахъ есть какое-то веселое лукавство ума, насмѣшливость и живописный способъ выражаться: Лафонтенъ и Крыловъ—представители духа обоихъ народовъ.

Пушкинъ.

Алкивіадъ.

Имя Алкивіада принадлежитъ къ числу самыхъ громкихъ именъ древняго міра; объ немъ много толкуютъ, не показывая обыкновенно его характеристическихъ отличительныхъ свойствъ. Большею частію говорятъ объ его красотѣ, объ его любезности, забывая то, что въ немъ главное, что составляетъ его значеніе. Его внѣшнія качества до такой степени бросались въ глаза, что вредили ему, заслоняя собою его блестящія дарованія. Мы вообще представляемъ себѣ Алкивіада, какъ человѣка, любующагося собственною красотою, выше всего ставящаго безумныя забавы, и упускаемъ изъ виду ту сторону его характера, которую намъ раскрыла исторія. Весьма немногіе понимаютъ его настоящимъ образомъ; новые писатели часто отзываются о немъ не только непріязненно, но даже съ пренебреженіемъ: весьма извѣстныя сочиненія содержатъ въ себѣ непростительно опрометчивыя, даже презрительныя сужденія объ Алкивіадѣ. По мнѣнію древнихъ, онъ былъ человѣкъ необыкновенный и принадлежалъ къ числу тѣхъ демоническихъ явленій, которыя иногда показываются въ исторіи, опредѣляя участь цѣлыхъ народовъ и странъ и перевѣшивая вліяніемъ одной своей личности счастіе и политику цѣлыхъ государствъ. Ѳукидидъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Алкивіаду, говоритъ положительно, что онъ него зависѣла судьба Аѳинъ, и что еслибы Алкивіадъ не отдѣлилъ сначала поневолѣ, потомъ добровольно, своей участи отъ участи роднаго города, то ходъ Пелопонезской войны принялъ бы совсѣмъ другой оборотъ, и что одно это лицо могло рѣшить споръ въ пользу Аѳинянъ. Это господствующее мнѣніе всей древности; всѣ значительные писатели древняго міра смотрѣли на Алкивіада съ этой точки зрѣнія. Только новые писатели думаютъ о немъ иначе и говорятъ о немъ, какъ о безумномъ гулякѣ, котораго никакъ нельзя поставить наряду съ великими государственными мужами древности. Аристофанъ, который по уму не уступаетъ Ѳукидиду, но безконечно расходится съ нимъ во всемъ остальномъ, выразилъ свое сужденіе объ Алкивіадѣ въ «Лягушкахъ» въ видѣ шутки, но въ такое время, когда Алкивіада надобно было снова поднять въ общественномъ мнѣніи. Это сужденіе со-

---

[1] naïveté, bonhomie (пр. Пушкина).

держитъ въ себѣ все, что можно сказать объ Алкивіадѣ. По словамъ Аристофана, появленіе такого чудовищнаго демоническаго существа въ республикѣ составляетъ, конечно, несчастіе и опасность: но тамъ, гдѣ есть подобное существо, надобно ему подчиниться и не оказывать ему безполезнаго сопротивленія.

У Алкивіада совсѣмъ особенный характеръ. Во всей древней исторіи я не знаю никого, съ кѣмъ бы его можно было сравнить. Правда, мнѣ приходилъ Цезарь въ голову. Онъ также рано началъ позволять себѣ политическія вольности, нарушавшія строгую, обычную законность; но въ немъ есть нѣчто другое; онъ несравненно разсудительнѣе Алкивіада. У Алкивіада была (въ этомъ всѣ согласны) не политическая, а тираническая натура, φύσις τυραννική. Онъ не могъ никакъ приноравливаться къ государству и законамъ, не могъ спокойно довольствоваться тѣмъ положеніемъ, которое отведено ему было политическими учрежденіями его родины. Цезарь былъ не таковъ. Онъ, конечно, также иногда уклонялся отъ законности и стремился выше, но это стремленіе у него было прикрыто, стояло на второмъ планѣ до извѣстной поры его жизни; вообще онъ до самаго своего консульства былъ гражданиномъ республики; къ тому же Цезарь былъ практическій человѣкъ, дѣйствовавшій въ формахъ даннаго государства. У Алкивіада, напротивъ, не было смысла для такой дѣятельности: онъ былъ страшный эгоистъ, заботился только о себѣ и о своей власти; республика должна была повиноваться. Аѳины вынесли отъ него много такого, чего не стерпѣли бы отъ другаго гражданина; но дѣлать было нечего, — только при такихъ условіяхъ можно было разсчитывать на Алкивіада. Нельзя впрочемъ не признать, что съ лѣтами онъ становится значительно лучше, и что въ послѣдніе годы его жизни, послѣ его вторичнаго разрыва съ родиною, въ немъ обнаружились патріотическія чувства, показывающія, что въ зрѣломъ возрастѣ онъ сталъ несравненно лучшимъ гражданиномъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ съ самой ранней юности наглымъ образомъ обнаружилъ притязаніе на ту же власть и то же положеніе въ государствѣ, какими пользовался его опекунъ — Периклъ. Всѣ сознавали, что онъ былъ великій полководецъ и великій государственный человѣкъ, но онъ не любилъ ничего, что требовало тщательной работы, строгой добросовѣстности и постоянства: въ этомъ отношеніи онъ былъ безсовѣстенъ. Но тамъ, гдѣ надобно было дѣйствовать на сердца, въ Аѳинахъ или внѣ Аѳинъ, тамъ, гдѣ надобно было запугать или убѣдить народъ, направить къ своимъ цѣлямъ политику другихъ государствъ, или начальствовать надъ войсками,—тамъ онъ былъ великій художникъ. Въ войскѣ онъ не имѣлъ себѣ равнаго; онъ былъ рѣшительно великій полководецъ. Въ личности его было нѣчто въ самомъ дѣлѣ очаровательное, подчинявшее ему все, что его окружало. Онъ сознавалъ эту власть и пользо-

вался ею, какъ хотѣлъ. Такія истинно демоническія натуры рѣдко употребляютъ свое могущество на добро. Ничто имъ не противится, всѣ сознаютъ ихъ превосходство надъ собою: онѣ же не признаютъ надъ собою ни божественнаго, ни человѣческаго закона; порою онѣ добровольно подчиняются этимъ законамъ, являются благородными, великодушными, исполненными любви, но при первомъ требованіи эгоизма сбрасываютъ съ себя принужденіе. Тогда люди кажутся имъ насѣкомыми, которыхъ они ставятъ ни во что. Таковъ былъ Алкивіадъ. Въ новѣйшія времена подобнымъ могуществомъ обладалъ въ большей степени Мирабо, въ меньшей Фоксъ. Они причаровывали къ себѣ все, что къ нимъ приближалось, но оба уступали Алкивіаду. Подобныя лица рѣдко остаются чистыми; большею частію они отдаются дьяволу.

Грановскій.

Пирръ*.

Есть люди, которымъ врождена сила, чарующая сердца другихъ; иногда это замѣтно уже въ дѣтяхъ, но изчезаетъ вмѣстѣ съ дѣтствомъ. Такого рода могуществомъ надъ сердцами обладалъ Пирръ. Во все продолженіе своей жизни онъ привлекалъ къ себѣ людей открытымъ умомъ, добродушіемъ, прекрасными свойствами воина: ни у одного государя военныя свойства не представляются намъ съ такой поэтической стороны. Прелести двухлѣтняго ребенка не могъ противостоять варваръ, къ которому онъ былъ принесенъ по смерти своего отца. Дѣятельность была постоянною и главною цѣлію Пирровой жизни; война была его главнѣйшимъ дѣломъ. Онъ велъ ее какъ художникъ; выиграть битву, воспользоваться побѣдою доставляло ему художественное наслажденіе; поворотъ военнаго счастія, неудача никогда не лишали его мужества. Онъ постоянно надѣялся воротить все потерянное. Онъ былъ похожъ на игрока, которому нѣтъ дѣла до того проигрываетъ или выигрываетъ. Я не знаю другаго полководца, который бы такъ любилъ войну ради наслажденія, ею доставляемаго. Разумѣется, въ томъ заключалось нѣчто страшное для его подданныхъ: Пирръ былъ бы ужаснымъ явленіемъ, если бы въ немъ не было такъ много благородства и истинно-человѣческихъ свойствъ. Другіе вели войну изъ корыстныхъ или властолюбивыхъ разсчетовъ: онъ воевалъ ради своего таланта, вслѣдствіе внутренней потребности, такъ, какъ поетъ поэтъ и творитъ художникъ; скорое окончаніе войны было ему непріятно. Такъ настоящій охотникъ доволенъ оленемъ или лисицей, только по мѣрѣ трудностей, какія представляла охота. У Пирра было правило никогда не доводить побѣды до по-

---

* *Пирръ*—царь эпирскій († 272 до Р. Х).

слѣднихъ крайностей, чтобы не положить слишкомъ скораго конца охотѣ. Не смотря на упадокъ Пирра въ послѣдніе годы его жизни, онъ единственный человѣкъ того времени, на котораго можно смотрѣть съ радостію. Среди всеобщаго разврата онъ не обнаруживаетъ строгихъ правилъ, но тѣмъ не менѣе является благороднымъ человѣкомъ. Даже сообщество Димитрія Поліоркета[1] не могло испортить его. Дурные поступки его исходятъ не изъ порочныхъ или корыстныхъ побужденій, какъ напримѣръ у македонскихъ государей, а изъ пылкости. Онъ чувствовалъ потребность дружбы, былъ откровененъ, прямодушенъ. Древность вообще отдавала ему должную справедливость. Недостатокъ его заключался въ его непостоянствѣ; у него не было никакой цѣли; онъ жилъ только для дѣятельности. Онъ не думалъ объ обязанностяхъ государя и дѣйствовалъ, какъ частный человѣкъ, не связанный никакимъ долгомъ. Молодость его была богата наслажденіями и благородными подвигами, но онъ ничего не оставилъ, ничѣмъ не запасся къ старости. Такая жизнь не позволительна государю. Подобно Карлу XII, онъ существовалъ не столько для государства, сколько для себя. Только у него, да у Алкивіада [2], между древними, встрѣчаемъ мы истинно рыцарскій характеръ. Пирръ велъ войну противъ Римлянъ такъ, какъ рыцари, которые на турнирахъ бились на жизнь и на смерть для того только, чтобы получить награду изъ прекрасныхъ рукъ. Онъ скоро забылъ о своихъ побѣдахъ и такъ плѣнился прекрасными сторонами римскаго характера, что поступилъ несправедливо со своими союзниками. Желательно было бы, чтобы такія δορυξενίαι[2], какая образовалась между Пирромъ и Римлянами, возникали почаще между политическими и литературными партіями. Этотъ благородный мужъ обладалъ также высокою образованностію: онъ писалъ свои записки, и хотя не былъ самъ поэтомъ, но далъ содержаніе нѣсколькихъ эпиграммъ, обличающихъ истинно поэтическій умъ и не носящихъ на себѣ характера того времени [3].

Грановскій (изъ Нибура).

Петръ Великій.

Петръ Великій съ головы до ногъ — великорусская натура, великорусская душа [4]. Удивительная живость, подвижность, смѣтливость; складъ ума практическій, безъ всякой тѣни мечтательности, резонер-

---

[1] *Дмитрій Поліоркетъ* (покоритель городовъ)—сынъ Антигона, одного изъ полководцевъ Алаксандра Македонскаго, по смерти котораго получилъ Памфилію, Ликію и верхнюю Фригію. Дмитрій отличался гордымъ и распутнымъ нравомъ († 285 г. до Р. Х.). — [2] См. предъидущую статью. — [3] отъ δερύξενος— изъ врага ставшій другомъ.—[4] Ихъ приписываютъ Леониду Тарентскому.—[4] Ср. краткую характеристику: «Лудовикъ XIV, какъ полный представитель своего народа».

ства, отвлеченности и фразы; находчивость въ бѣдѣ; рядомъ съ тѣмъ неразборчивость въ средствахъ для достиженія практическихъ цѣлей; безграничный разгулъ, отсутствіе во всемъ мѣры—и въ трудѣ, и въ страстяхъ, и въ печали. Кто не узнаетъ въ этихъ чертахъ близкую и родную намъ природу Великорусса?

Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ она въ немъ высказалась! Не смотря ни на какія свидѣтельства, все какъ-то не вѣрится и до сихъ поръ, чтобы въ самомъ дѣлѣ могъ жить на свѣтѣ такой человѣкъ. Разъ почуявши свое дѣло, свое призваніе,—а до этого онъ дошелъ не черезъ книгу или раздумье, а практикой, опытомъ, — Петръ отдался ему всей душой, всѣмъ помысломъ, безъ колебаній и оглядки, на всю жизнь. Труженикъ въ благороднѣйшемъ смыслѣ слова, онъ не зналъ устали и только передъ смертью догадался, „коль слабое твореніе есть человѣкъ". Невозможнаго для него не было, все казалось ему возможнымъ, чего онъ хотѣлъ, а хотѣлъ онъ ни больше, ни меньше, какъ пересоздать Московское царство въ европейскую монархію, съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ, администраціей, науками, искусствами, промышленностію, ремеслами, торговлею, сухопутными и морскими силами, даже съ европейской общественностію, нравами и формами, — и разсчитывалъ выполненіе этого плана не на сотни лѣтъ, а на свой вѣкъ, желалъ самъ насладиться плодами своего „насажденія".

Съ этой стороны Петръ Великій есть полнѣйшій представитель своей эпохи, ея преобразовательныхъ стремленій. Формы, въ которыхъ они осуществились, принадлежатъ безраздѣльно времени, въ которое онъ жилъ. Петру принадлежитъ необычайная сила, энергія, съ которою велось дѣло, страстность,—если можно такъ выразиться, темпераментъ реформы.

Кавелинъ.

Петръ Великій.

Обратимся прямо къ этому человѣку, пусть онъ самъ скажетъ намъ о себѣ. Вотъ первое его письмо къ матери изъ Переяславля, когда ему было 17 лѣтъ. Форма письма обычная въ то время, съ употребленіемъ уменьшительныхъ, уничижительныхъ словъ, какъ потогдашнему слѣдовало писать дѣтямъ къ родителямъ: „Сынишка твой, въ работѣ пребывающій Петрушка благословенія прошу, и о твоемъ здравіи слышать желаю: а у насъ молитвами твоими здорово все. А озеро все вскрылось, и суда всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ". И такъ вотъ первое слово намъ отъ Петра, котораго мы зовемъ Великимъ, первое, имъ самимъ себѣ сдѣланное опредѣленіе: „въ работѣ пребывающій." Это первое опредѣленіе останется навсегда за нимъ и дружно умѣстится подлѣ опредѣленія Великій. Прошло много времени, — и знаменитый поэтъ, который прозвучалъ

намъ столько роднаго, который далъ намъ столько народныхъ откровеній, не нашелъ лучшаго опредѣленія для Петра: „на тронѣ вѣчный былъ работникъ“. Петръ работникъ, Петръ съ мозольными руками—вотъ олицетвореніе всего русскаго народа въ такъ называемую эпоху преобразованія....

Надъ чѣмъ же прежде всего и больше всего работаетъ царь-работникъ, представитель своего времени, выразитель его потребности? Онъ работаетъ надъ кораблемъ—это его любимая работа; вода его любимая стихія; онъ ищетъ все бо́льшаго простора на ней; изъ подмосковнаго пруда переходитъ на озеро, съ одного меньшаго озера на большое, отъ послѣдняго къ морю. — Богатырю древней Россіи было тѣсно въ городѣ; онъ рвался въ широкую степь, но зачѣмъ? для безплоднаго гулянья, для того, чтобъ гулять на счетъ тѣхъ, которые трудились? Человѣкъ, одаренный страшными силами, богатырь новой Россіи, Петръ рвется также на широкій просторъ, но это просторъ моря; въ степи богатырь могъ встрѣтить дикаго кочевника, и упражнять надъ нимъ свою физическую силу; нравственныя и умственныя его силы не развивались отъ этой борьбы; новый богатырь можетъ быть безопасенъ, можетъ успѣшно бороться съ грозою, стихіею, моремъ—не иначе, какъ посредствомъ знанія, искусства; на морѣ, на его берегахъ онъ встрѣтилъ людей противоположныхъ кочевымъ варварамъ, людей богатыхъ знаніемъ, искусствомъ, отъ которыхъ есть чѣмъ позаимствоваться, и когда придется вступить съ ними въ борьбу, то для ней понадобится не одна физическая сила, понадобится чрезвычайное напряженіе умственныхъ силъ...

Когда понадобилось новое, чего русскіе люди не знали, не умѣли дѣлать, всего легче было бы призвать знающихъ, умѣющихъ иностранцевъ и поручить имъ веденіе всего новаго; но тогда именно народъ нашелся бы въ страдательномъ положеніи, полной зависимосту, духовномъ приниженіи. Безъ иностранцевъ обойтись было нельзя; но чтобъ сохранить къ нимъ свободное, независимое, мало того, властелинское, хозяйское отношеніе, надобно было пріобрѣсти способность на́дзора, повѣрки, а такую способность Петръ и, по его примѣру и побужденію, его сотрудники могли пріобрѣсти только этою неутомимою работою, этимъ немедленнымъ практическимъ приложеніемъ всего узнаннаго. Чтобъ сохранить свободное и хозяйское отнокъ иностранцамъ, нельзя было допуститъ ихъ къ себѣ и дать имъ дѣлать, что̀ хотятъ и какъ хотятъ; нужно было побывать у нихъ самихъ, въ ихъ земляхъ, посмотрѣть, какъ тамъ дѣлается, до какой степепи совершенства можетъ достигать то или другое дѣло, и съ этимъ соразмѣрять свои требованія. Но главная забота состояла въ томъ, чтобъ дать пройти русскому народу хорошую школу, т. е. дѣятельную, практическую, приложительную съ самаго начала, чтобы не дать ему привыкнуть къ страдательному положенію относительно ино-

странныхъ учителей, не дать потерять сознанія народнаго достоинства. Школа, какъ уже сказано, была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; всѣ отправленія государственной и народной жизни входили въ нее; всюду русскій человѣкъ долженъ былъ учиться и одновременно прилагать изученное, узнанное къ дѣлу. Легко ли это? Самъ вождь возвышался надъ уровнемъ человѣческихъ способностей, былъ человѣкъ геніальный; но какъ человѣкъ, и онъ долженъ былъ ошибаться, особенно въ такомъ трудномъ дѣлѣ...

Такимъ образомъ уясняется для насъ историческое значеніе этого образа, въ какомъ Петръ является въ первый разъ передъ нами и въ какомъ видимъ его въ продолженіе всей жизни: «въ работѣ пребывающій», царь работникъ, царь съ мозольными руками. Исторія ставитъ народъ въ исключительное, чрезвычайное положеніе, крайне опасное; для избѣжанія этихъ опасностей требовалось чрезвычайное напряженіе силъ, чрезвычайный трудъ. Какая же роль великаго человѣка, народнаго героя и прирожденнаго вождя, царя? Онъ первый двигается, первый принимаетъ это чрезвычайное положеніе, первый принимаетъ на себя чрезвычайный трудъ, первый проходитъ эту дѣятельную школу, которая одна могла развить самостоятельныя силы народа, поставить его на ноги, привести въ положеніе, которое бы возбуждало въ немъ уваженіе къ самому себѣ и внушало уваженіе къ нему въ другихъ народахъ. Нельзя было говорить другимъ: двигайтесь, работайте, учитесь дѣятельно, самостоятельно, не отчаявайтесь, когда чего не умѣете; начинайте только дѣлать, сами увидите, что сумѣете; нельзя было говоритъ это только другимъ и ждать успѣха отъ слова: надобно было показать на примѣрѣ, на дѣлѣ, надобно было для начинающаго народа употребить наглядный способъ обученія, и Петръ, становясь работникомъ, ученикомъ, дѣлался чрезъ это великимъ народнымъ учителемъ. Движеніе началось, благодаря сильной рукѣ; но чтобъ оно шло съ возможною быстротою, успѣхомъ, нуженъ былъ, глазъ, надзоръ заводчика, хозяина, начавшаго громадное производство, а что̀ такое глазъ, надзоръ, безъ собственнаго знанія и опыта надзирающаго? Вотъ почему въ этой неутомимой работѣ, въ стремленіи все узнать и сдѣлать самому, мы видимъ необходимое приготовленіе къ той царственной дѣятельности, которая выпадала Петру во время движенія его народа на новую дорогу.

Соловьевъ.

Петръ I и Екатерина II*.

Петръ преобразовалъ, создалъ или подготовилъ новую политическую государственную Россію. Но суровость нравовъ, но пробуж-

---

* Краткая сравнительная характеристика. Здѣсь указано по одному

деніе умовъ, общая потребность въ образованности худо повиновались богатырской и самовластительной рукѣ его. Нравы не смягчились. Благородныя, нравственныя и умственныя побужденія и стремленія мало и рѣдко прорывались изъ общаго застоя. Общество еще не нуждалось въ свѣтѣ дня, въ свѣжести живительнаго воздуха. Екатерина внесла въ русское общество просвѣтительныя и животворныя стихіи, и внесла ихъ не крутыми мѣрами, не насильствуя личной воли. Она, такъ сказать, самодержавно просвѣщала общество, но чистымъ и женскимъ искусствомъ направляла она общее настроеніе, общее мнѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ ней женщина много содѣйствовала силѣ самодержца. Въ преданности волѣ ея много было рыцарства и воодушевленія. Она не только продолжала дѣло, начатое Петромъ, но облекла его большею законностію, округлила, смягчила пружины, которыя приводили его въ движеніе.

Петръ былъ натуры суровой, многосносливой: онъ себя не берегъ, думалъ, что и другихъ беречь не для чего. Онъ былъ сложенія, желѣзомъ окаваннаго; къ вещамъ и людямъ прикасался онъ желѣзною рукою. Екатерина къ тѣмъ и другимъ приложила женскую руку, почти не менѣе твердую, равно искусную и жизнедательную, но, разумѣется, болѣе мягкую и ласковую. Она умѣла облечь силу самодержавія пріемами сочувственными, не пугающими, не оскорбляющими нравственнаго достоинства, нравственной независимости каждаго лица.

Мы здѣсь выхваляемъ Екатерину не въ ущербъ Петру. Петръ былъ дѣятель своего времени, дѣятель пылкій, нетерпѣливый, какъ будто предчувствовавшій, что ему нужно спѣшить, нужно все перевернуть, чтобы успѣть сдѣлать всему по крайней мѣрѣ починъ: прорубить дремучій лѣсъ и поставить вѣхи для означенія, гдѣ, какъ и куда должна быть направлена задуманная имъ дорога. Екатерина—дѣятель эпохи, уже болѣе подготовленной къ воспріятію новыхъ понятій, новыхъ порядковъ: крутая ломка и передѣлка были уже совершены Петромъ. Онъ на свою личную отвѣтственность и на отвѣтственность памяти о себѣ передъ потомствомъ принялъ съ самоотверженіемъ всю неблаговидную и часто прискорбную сторону дѣйствій, которыя почиталъ онъ, ошибочно или нѣтъ, нужными и необходимыми. Дорога передъ Екатериной была уже разчищена: съ природою бороться ей

существенному признаку каждаго изъ сравниваемыхъ лицъ; для сравненія выбраны признаки противоположные. Слогъ мѣстами изобразительный. Украшающіе эпитеты и метафоры находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ выраженіями, точно опредѣляющими свойства характеризуемыхъ личностей (напр. *желѣзомъ окованнаго* соотвѣтствуетъ понятіямъ: *натуры суровой многосносливой*; *руку... болѣе мягкую, ласковую*—понятіямъ: *пріемами сочувственными, не пугающими, не оскорбляющими*... и т. п.).

уже не было потребно, или менѣе потребно было, да и Европа Петра не была еще Европою Екатерины.

Кн. Вяземскій.

Іоаннъ Грозный. *

Не смотря на всѣ умозрительныя изъясненія, характеръ Іоанна, героя добродѣтели въ юности, неистоваго кровопійцы въ лѣтахъ мужества и старости, есть для ума загадка, и мы усомнились бы въ истинѣ самыхъ достовѣрныхъ о немъ извѣстій, если бы лѣтописи другихъ народовъ не являли намъ столь же удивительныхъ примѣровъ; если бы Калигула, *образецъ государей* и *чудовище*, если бы Неронъ, питомецъ мудраго Сенеки, *предметъ любви*, *предметъ омерзѣнія*, не царствовали въ Римѣ. Они были язычники; но Людовикъ XI былъ христіанинъ, не уступая Іоанну ни въ свирѣпости, ни въ наружномъ благочестіи, коимъ они хотѣли загладить свои беззаконія: оба набожные отъ страха, оба кровожадные и женолюбивые, подобно азіатскимъ и римскимъ мучителямъ. Изверги внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка, сіи ужасные метеоры, сіи блудящіе огни страстей необузданныхъ озаряютъ для насъ, въ пространствѣ вѣковъ, бездну возможнаго человѣческаго разврата, да видя содрагаемся! Жизнь тирана есть бѣдствіе для человѣчества, но его исторія всегда полезна для государей и народовъ: вселять омерзѣніе ко злу есть вселять любовь къ добродѣтели—и слава времени, когда вооруженный истиною дѣеписатель можетъ въ правленіи самодержавномъ выставить на позоръ такого властителя, да не будетъ уже впредь ему подобныхъ! Могилы безчувственны; но живые страшатся вѣчнаго проклятія въ исторіи, которая, не исправляя злодѣевъ, предупреждаетъ иногда злодѣйства, всегда возможныя, ибо страсти дикія свирѣпствуютъ и въ вѣка гражданскаго образованія, веля уму безмолствовать или рабскимъ гласомъ оправдывать свои изступленія.

Такъ Іоаннъ имѣлъ разумъ превосходный, не чуждый образованія и свѣдѣній, соединенный съ необыкновеннымъ даромъ слова, чтобы безстыдно раболѣпствовать гнуснѣйшимъ похотямъ. Имѣя рѣдкую память, зналъ наизусть библію, исторію греческую, римскую, нашего отечества, чтобы нелѣпо толковать ихъ въ свою пользу тиранства; хвалился твердостію и властію надъ собою, умѣя громко смѣяться въ часы страха и безпокойства внутренняго; хвалился милостію и щедростію, обогащая любимцевъ достояніемъ опальныхъ бояръ и гражданъ; хвалился правосудіемъ, карая вмѣстѣ, съ равнымъ удовольствіемъ, и заслуги, и преступленія; хвалился *духомъ царскимъ*, *соблюденіемъ дер-*

---

* Здѣсь приводятся 4 характеристики Іоанна Грознаго. См. слѣдующія статьи.

жавной чести, велѣвъ изрубить присланнаго изъ Персіи въ Москву слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна, и жестоко наказывая бѣдныхъ царедворцевъ, которые смѣли играть лучше державнаго въ шашки или въ карты; хвалился наконецъ глубокою мудростію государственною, по системѣ, по эпохамъ, съ какимъ-то хладнокровнымъ размѣромъ истребляя знаменитые роды, будто бы опасные для царской власти—возводя на ихъ степень роды новые, подлые, и губительною рукою касаясь самыхъ будущихъ временъ: ибо туча доносителей, клеветниковъ, кромѣшниковъ, имъ образованныхъ, какъ туча гладоносныхъ насѣкомыхъ, изчезнувъ, оставила злое сѣмя въ народѣ; и если иго Батыево унизило духъ Россіянъ, то безъ сомнѣнія не возвысило его и царствованіе Іоанново.

Но отдадимъ справедливость и тирану: Іоаннъ въ самыхъ крайностяхъ зла является какъ бы призракомъ великаго монарха, ревностный, неутомимый, часто проницательный въ государственной дѣятельности; хотя любилъ всегда равнять себя въ доблести съ Александромъ Македонскимъ, не имѣлъ ни тѣни мужества въ душѣ, но остался завоевателемъ; въ политикѣ внѣшней неуклонно слѣдовалъ великимъ намѣреніямъ своего дѣда; любилъ правду въ судахъ, самъ не рѣдко разбиралъ тяжбы, выслушивалъ жалобы, читалъ всякую бумагу, рѣшалъ немедленно; казнилъ утѣснителей народа, сановниковъ безсовѣстныхъ, лихоимцевъ, тѣлесно и стыдомъ (рядилъ ихъ въ великолѣпную одежду, сажалъ на колесницу и приказывалъ живодерамъ возить изъ улицы въ улицу); не терпѣлъ гнуснаго пьянства (только на святой недѣлѣ и въ Рождество Христово дозволялось народу веселиться въ кабакахъ; пьяныхъ во всякое иное время отсылали въ темницу). Не любя смѣлой укоризны, Іоаннъ не любилъ иногда и грубой лести. Представимъ доказательство. Воеводы, князья Іосифъ Щербатый и Юрій Борятинскій, выкупленные царемъ изъ Литовскаго плѣна, удостоились его милости, даровъ и чести съ нимъ обѣдать. Онъ разспрашивалъ ихъ о Литвѣ: Щербатый говорилъ истину; Борятинскій лгалъ безсовѣстно, увѣряя, что король не имѣетъ ни войска, ни крѣпостей и трепещетъ Іоаннова имени. „Бѣдный король!" сказалъ тихо царь, кивая головою: „какъ ты мнѣ жалокъ!" и вдругъ, присхвативъ посохъ, изломалъ его въ мелкія щепы о Борятинскаго, приговаривая: „вотъ тебѣ, безстыдному, за грубую ложь!"—Іоаннъ славился благоразумною терпимостію вѣръ (за исключеніемъ одной Іудейской); хотя, дозволивъ Лютеранамъ и Кальвинистамъ имѣть въ Москвѣ церковь, лѣтъ черезъ пять велѣлъ сжечь ту и другую (опасаясь ли соблазна, слыша ли о неудовольствіи народа?); однако жъ не мѣшалъ имъ собираться для богослуженія въ домахъ у пасторовъ; любилъ спорить съ учеными нѣмцами о законѣ и сносилъ противорѣчія: такъ (въ 1570 году) имѣлъ онъ въ кремлевскомъ дворцѣ торжественное преніе съ лютеранскимъ богословомъ Роцитою, уличая его въ ереси:

Роцита сидѣлъ передъ нимъ на возвышенномъ мѣстѣ, устланномъ богатыми коврами; говорилъ смѣло, оправдывалъ догматы Аугсбургскаго исповѣданія, удостоился знаковъ царскаго благоволенія и написалъ книгу о сей любопытной бесѣдѣ. Нѣмецкій проповѣдникъ, Каспаръ, желая угодить Іоанну, крестился въ Москвѣ по обрядамъ нашей церкви и вмѣстѣ съ нимъ, къ досадѣ своихъ единоземцевъ, шутилъ надъ Лютеромъ; но никто изъ нихъ не жаловался на притѣсненіе. Они жили спокойно въ Москвѣ, въ новой Нѣмецкой слободѣ, на берегу Яузы, обогащаясь ремеслами и художествами.—Іоаннъ изъявлялъ уваженіе къ искусствамъ и наукамъ, лаская иноземцевъ просвѣщенныхъ: не основалъ академіи, но способствовалъ народному образованію размноженіемъ школъ церковныхъ, гдѣ и міряне учились грамотѣ, закону, даже исторіи, особенно готовясь быть людьми приказными, къ стыду бояръ, которые еще не всѣ умѣли тогда писать.—Наконецъ Іоаннъ знаменитъ въ исторіи какъ законодавецъ и государственный образователь.

Карамзинъ.

Іоаннъ Грозный.

Свойства личностей, къ разряду которыхъ принадлежитъ Іоаннъ Грозный, могутъ быть весьма различны, начиная очень талантливыми и кончая тупоумными, но при всемъ различіи они имѣютъ общіе признаки. Главное ихъ общее свойство—чрезвычайная чувствительность къ внѣшнимъ ощущеніямъ и, вслѣдствіе этого, быстрая смѣна впечатлѣній. Поэтому воля у нихъ обыкновенно слабая; великими дѣятелями они быть неспособны; устойчивости у нихъ нѣтъ; терпѣнія у нихъ очень мало. Сердечныя движенія ихъ очень сильны, но лишены глубины, крѣпости и постоянства чувства. Воображеніе у нихъ сильнѣе и разсудка и сердца. Они безпрестанно создаютъ себѣ образы, увлекаются ими и, при первой возможности, готовы ихъ осуществлять, но легко покидаютъ ихъ, когда являются препятствія, или когда другіе образы овладѣваютъ ихъ душою. Если природа одаритъ такую личность недюжиннымъ умомъ, то умъ этотъ не можетъ свободно и спокойно дѣйствовать подъ сильнымъ гнетомъ ощущеній, управляемыхъ воображеніемъ, и не рѣдко жизнь такихъ существъ представляетъ безпрерывную смѣну умныхъ поступковъ глупыми и наоборотъ; нерѣдко, однако, послѣдніе берутъ верхъ надъ первыми; умъ притупляется, привыкая уступать господству внезапныхъ побужденій. Эти личности неспособны къ самостоятельности, и нуждаются въ опекѣ надъ собою, хотя обыкновенно не замѣчаютъ этого; они не надолго привязываются къ тѣмъ, которые имѣютъ на нихъ вліяніе, и вообще они не любятъ послѣднихъ; они покоряются, воображая, что никому не покоряются, что дѣйствуютъ по своему усмотрѣнію: когда же они почуютъ унизительность своей зависимости, то ненавидятъ

тѣхъ, которые управляли ими, но по слабости воли и по трусости, и тутъ не сразу освобождаются, а только тогда, когда помогаетъ имъ иное вліяніе. Они чрезвычайно самолюбивы, потому что чрезмѣрная чувствительность побуждаетъ ихъ безпрестанно и постоянно обращаться къ себѣ и, въ то же время, крайняя трусость—ихъ неизбѣжное свойство, потому что та же чувствительность къ впечатлѣніямъ опасности слишкомъ охватываетъ все ихъ существо. Съ трусостью всегда соединяется подозрительность и недовѣрчивость. Успѣхъ чрезмѣрно поднимаетъ ихъ; неудача повергаетъ въ прахъ. Отъ этого—они высокомѣрны, самонадѣянны въ счастіи и малодушно теряются въ несчастіяхъ. Эти люди бываютъ сильно и горячо воспріимчивы ко всему доброму, но еще чаще къ злу и порокамъ, потому что для добра на практикѣ всегда окажется необходимо терпѣніе, котораго у нихъ не хватаетъ. Чаще всего выходитъ, что они плѣнительно добры, возвышенны, благородны на словахъ и со всѣмъ не таковы на дѣлѣ; слова легче дѣлъ, и при извѣстной долѣ способностей изъ нихъ выработываются превосходные риторы, способные увлекать и привлекать къ себѣ, обольщать собою на нѣкоторое время, пока не откроется, что, кромѣ краснорѣчія, у нихъ мало достоинствъ. Хорошее воспитаніе сдерживаетъ ихъ, способнымъ изъ нихъ даетъ возможность сдѣлаться полезными до извѣстной степени, а мало способныхъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ безвредными нулями; всего болѣе можетъ обуздать и даже отчасти переродить ихъ нужда, но за то многихъ изъ нихъ она убиваетъ, и никто такъ легко и безпомощно не падаетъ подъ гнетомъ нужды, какъ люди этого рода. Чѣмъ ихъ воспитаніе небрежнѣе, чѣмъ существованіе ихъ безбѣднѣе, тѣмъ сильнѣе развиваются ихъ природныя свойства. Горе, если такія личности получаютъ неограниченную власть; возможность осуществлять образы, творимые воображеніемъ, вслѣдствіе чрезвычайной чувствительности къ разнымъ ощущеніямъ, доводитъ ихъ до всевозможнаго безумія. Многіе тираны, прославленные исторіей за свою кровожадность и вычурныя злодѣйства, принадлежали къ такимъ натурамъ.

Такимъ типическимъ лицомъ въ исторіи императорскаго Рима былъ Неронъ; такимъ былъ и нашъ Иванъ Васильевичъ. Онъ представляетъ поразительное сходство съ Нерономъ, при всѣхъ отличіяхъ, наложенныхъ на судьбу того и другаго несходными обстоятельствами и различною средою. Подобно Нерону, Иванъ былъ испорченъ въ дѣтствѣ; какъ Неронъ попалъ подъ опеку Сенеки и Бурра, и подъ ихъ вліяніемъ, показались признаки мудраго и добраго правленія: такъ Иванъ Васильевичъ попалъ подъ опеку Сильвестра и его кружка, и его именемъ совершено было не мало блестящихъ и полезныхъ дѣлъ; какъ Неронъ, освободившись отъ опеки своихъ менторовъ, такъ и Иванъ, удаливши и перемучивши людей, которыхъ прежде во всемъ слушался, пустились во вся тяжкая, не зная предѣловъ своимъ раз-

вратнымъ и кровожаднымъ прихотямъ. Злодѣянія Нерона и Ивана облекались характеромъ вычурности, иногда театральности. Неронъ въ началѣ своихъ злодѣяній убилъ мать; Иванъ не убивалъ матери, которой лишился въ младенчествѣ, за то убилъ сына въ концѣ своихъ злодѣяній. Неронъ сжегъ (какъ говорятъ) Римъ, а потомъ мучилъ невинныхъ христіанъ, обвиняя ихъ напрасно въ поджогѣ, а себя выставляя праведнымъ судьею; Иванъ не сжегъ Москвы: ее сжегъ Девлетъ-Гирей страхомъ своего появленія, по безразсудству и трусости Ивана, за то Иванъ разорилъ Новгородъ и перемучилъ гораздо болѣе русскихъ христіанъ, чѣмъ Неронъ римскихъ, и подобно послѣднему, обвинялъ свои жертвы въ небывалыхъ преступленіяхъ, а себя показывалъ грознымъ, но праведнымъ судьею. Неронъ уѣхалъ въ Грецію, дурачился тамъ съ художествами и науками, а Римъ предоставилъ произволу своихъ вольноотпущенниковъ; Иванъ уѣхалъ въ Алексанровскую слободу, разыгрывалъ тамъ комедію монашества, а Русь отдалъ на волю опричнинѣ. Неронъ и Иванъ были одинаково жадны и корыстолюбивы, грабили области и не спускали—первый языческимъ храмамъ, второй—христіанскимъ монастырямъ. Неронъ хвастался, что онъ одинъ изъ римскихъ императоровъ могъ довести произволъ владыки до крайнихъ предѣловъ; Иванъ толковалъ о безпредѣльности своей царской власти, и неограниченный произволъ самовластія былъ его идеаломъ, цѣлью его дѣйствій и помысловъ. Неронъ былъ трусъ, и при концѣ жизни показалъ такое малодушіе, что не могъ нанести себѣ смертельнаго удара; Ивану не приходилось спасать себя отъ опасности испытать то, чему онъ подвергалъ другихъ, за то во все свое царствованіе онъ многоѳобразно и многократно показывалъ крайнюю трусость и малодушіе. Нашъ почтенный исторіографъ, при оцѣнкѣ характера царя Ивана воздержался отъ сравненія его съ Нерономъ, замѣтивъ, что одинъ былъ христіанинъ, другой язычникъ. Правда, Иванъ каялся и посылалъ въ монастыри поминовенія по тѣмъ, каторыхъ самъ убилъ, но это дѣлалось не потому, чтобы чудовище возненавидѣло зло и обратилось на путь добра: то было проявленіе трусости; московскій царь боялся Царя небеснаго и хотѣлъ его умилостивить, но безсердечіе было одинаково какъ у русскаго, такъ и у римскаго тирана, только римскій—не боялся своихъ боговъ, —и правду сказать: этимъ отличіемъ русскій тиранъ дѣлается еще омерзительнѣе римскаго. Наконецъ, Неронъ хвастался великими способностями поэта, пѣвца, художника; Иванъ щеголялъ реторикой, богословствованіемъ, знаніемъ исторіи, вообще резонерствомъ. Но по странному стеченію—московскій царь въ этомъ отношеніи оказался счасливѣе римскаго императора. Нерона, сколько извѣстно, потомство не оцѣнило за его литературные и художественные труды, а московскаго тирана превозносятъ теперь за „блескъ, юморъ, огромную начитанность, логичность изслѣдованія и признаютъ однимъ изъ лучшихъ писателей своего времени“.

Костомаровъ.

Іоаннъ IV.

Іоаннъ IV былъ—природа художественная, художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести,—и наконецъ самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ, но суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны, оно не допуститъ человѣка испытать ни одного чувства правдиво, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою чувства, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно; онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло. Вотъ отъ чего и въ исторіи, и въ частной жизни, встрѣчаемъ мы такія явленія, что человѣкъ, напримѣръ, плачетъ умиленными слезами, слыша разсказъ о кротости и великодушіи, — и въ то же время самъ мучитъ и терзаетъ ближняго;—и онъ не обманываетъ: эти слезы не притворны; но онъ тронутъ, какъ художникъ, съ художественной стороны,—а одно это еще ничего не значитъ; на дѣйствительность это не имѣетъ вліянія. Человѣкъ довольствуется здѣсь однимъ благоуханіемъ добра, а добро, само по себѣ, вещь для него слишкомъ грубая, тяжелая и черствая. Это человѣкъ, безнравственный на дѣлѣ, но понимающій художественную красоту добра и приходящій отъ нея въ умиленіе. Дѣло самое добра ему не нужно и не подъ силу; онъ чувствуетъ только, какъ оно изящно хорошо — и довольствуется этимъ. Такое состояніе почти безнадежно. Ибо тотъ, кто не понимаетъ добра и не чувствуетъ его, можетъ понять, почувствовать и преобразиться нравственно. Тотъ же, кто чувствуетъ добро, но только художественно, кто наслаждается его благоуханіемъ, а дѣло самое откидываетъ, — тотъ едва ли можетъ исправиться. Здѣсь мы имѣемъ въ виду не художественное чувство вообще, а одно художественное чувство отвлеченное, безъ нравственныхъ основаній, что встрѣчается въ жизни чаще, чѣмъ можетъ быть думаютъ. Тогда и самое дѣло добра, если захотятъ его совершить, является, лишь какъ картина, безъ своей истины и существенности...

Въ Іоаннѣ была такая художественная природа, не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ,—и эти картины любилъ онъ осуществлять себѣ въ жизни. То представлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь, стоящій торжественно, подъ осѣненіемъ крестовъ, на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу; то представлялось ему торжественное собраніе духовенства, и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы; то являлись ему, и тоже съ художественной стороны, площадь уставленная орудіями пытки, страшное

проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы... и вотъ — ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода; то являлся передъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны,—картина царскаго смиренія,—и увлеченный ею, онъ обращалъ и себя и опричниковъ въ отшельниковъ, а дворецъ свой — въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ красоту покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ!

Мы не говоримъ, что эта художественность была одна движущею силою въ Іоаннѣ (человѣкъ вообще есть явленіе сложное). Нѣтъ, много было двигателей его духа; но такова была его природа, и она брала, разумѣется, сильное участіе въ каждомъ его дѣйствіи, на многое имѣла вліяніе, и многое психологически въ немъ объясняетъ.

К. Аксаковъ.

35. Іоаннъ Грозный *.

Въ то время, когда одни, преклоняясь предъ его величіемъ, старались оправдать Іоанна въ тѣхъ поступкахъ, которые назывались и должны называться своими очень не лестными именами, другіе хотѣли отнять у него всякое участіе въ событіяхъ, которыя даютъ его царствованію безпрекословно важное значеніе. Эти два противоположныя мнѣнія проистекали изъ обычнаго стремленія дать единство характерамъ историческихъ лицъ. Умъ человѣческій не любитъ живаго многообразія, ибо трудно ему при этомъ многообразіи уловить и указать единство, да и сердце человѣческое не любитъ находить недостатковъ въ предметѣ любимомъ и достоинствъ въ предметѣ, возбудившемъ отвращеніе. Прославилось извѣстное историческое лицо добромъ — и вотъ повѣствователи о дѣлахъ его не хотятъ допустить ни одного поступка, который бы нарушалъ это господствующее представленіе объ историческомъ лицѣ: если источники указываютъ на подобный поступокъ, то повѣствователи стараются, во что бы то ни стало, оправдать своего героя; и наоборотъ, въ лицѣ, оставившемъ по себѣ дурную славу, не хотятъ признать никакого достоинства.

Такъ случилось съ Іоанномъ IV: явилось мнѣніе, по которому у Іоанна должна быть отнята вся слава важныхъ дѣлъ, совершенныхъ въ его царствованіе, ибо при ихъ совершеніи царь былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ мудрыхъ совѣтниковъ своихъ — Сильвестра и Адашева. Мнѣніе это основывается на тѣхъ

* Эта характеристика, имѣющая цѣлью исправить одностороннія мнѣнія другихъ писателей, приводитъ факты, противорѣчащіе ихъ выводамъ. Потому авторъ останавливается преимущественно на тѣхъ чертахъ Іоанна, которыя, по мнѣнію его, искажены одностороннимъ и поспѣшнымъ обобщеніемъ безъ достаточнаго основанія (см. ст. Костомарова, стр. 478).

мѣстахъ въ перепискѣ съ Курбскимъ, гдѣ Іоаннъ, повидимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти. Но читая эту знаменитую переписку, мы не должны забывать, что оба, какъ Іоаннъ, такъ и Курбскій, пишутъ подъ вліяніемъ страсти, и потому оба преувеличиваютъ, впадаютъ въ противорѣчія. Если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Іоанна состоитъ въ томъ, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію царской воли собственной; такое стремленіе, въ глазахъ Іоанна, есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестію его онъ хочетъ обременить Сильвестра и его приверженцевъ: вотъ почему онъ приписываетъ имъ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности—самовольство, самоуправство; говоритъ, что вмѣсто него они владѣли царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ неограниченною своею довѣренностію.

Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ, щеголявшій остроуміемъ, ловкостію въ словопреніи, низлагаетъ Курбскаго слѣдующею уверткою, не думая, что послѣ можно будетъ употребить его адвокатскую тонкость правъ противъ него же самого: «Ты говоришь, что для военныхъ отлучекъ мало видалъ мать свою, мало жилъ съ женою, отечество покидалъ, всегда въ дальнихъ городахъ противъ враговъ ополчался, претерпѣвалъ естественныя болѣзни и ранами покрывался отъ варварскихъ рукъ, и сокрушенно уже ранами все тѣло имѣешь; но все это случилось съ тобою тогда, когда вы съ попомъ и Алексѣемъ владѣли. Если это вамъ было не угодно, то зачѣмъ же такъ дѣлали? Если же дѣлали, то зачѣмъ, своею властію сдѣлавши, на насъ вину вскладываете?» Приводятъ еще третье мѣсто въ доказательство, что походъ на Казань предпринятъ не Іоанномъ, что приверженцы Сильвестра везли туда насильно царя: «Когда мы съ крестоносною хоругвію всего православнаго христіанскаго воинства двинулись на безбожный языкъ казанскій и, получивъ неизреченнымъ Божіимъ милосердіемъ побѣду, возвращались домой, то какое доброхотство къ себѣ испытали мы отъ людей, которыхъ ты называешь мучениками? Какъ плѣнника посадивши въ судно, везли съ ничтожнымъ отрядомъ чрезъ безбожную и невѣрную землю». Но здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго указанія на невольный походъ, ибо Іоаннъ прямо говоритъ: „когда мы двинулись"; потомъ Іоаннъ говоритъ ясно, что не заботились о его безопасности, везли какъ плѣнника уже на возвратномъ пути, по взятіи Казани. Курбскій обвиняетъ Іоанна въ недостаткѣ храбрости во время казанскаго похода, въ желаніи, поскорѣе возвратиться въ Москву; Іоаннъ возвращаетъ ему всѣ эти обвиненія и такъ описываетъ свое поведеніе и поведеніе бояръ въ казанскихъ войнахъ: «Когда мы посылали на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем. Ив. Микулинскаго съ товарищами, то что̀ вы говорили? Вы говорили, что мы

послали ихъ въ опалѣ своей, желая ихъ казнить, а не для своего дѣла! Неужели эта храбрость службу ставитъ въ опалу? Такъ ли покоряются прегордыя царства? Сколько потомъ ни было походовъ въ Казанскую землю, когда вы ходили безъ понужденія, охотно? Когда Богъ покорилъ христіанству этотъ варварскій народъ,—и тогда вы не хотѣли воевать, и тогда съ нами не было больше пятнадцати тысячъ, по вашему нехотѣнію. Во время осады всегда вы подавали дурные совѣты: когда запасы перетонули, то вы, простоявши три дня, хотѣли домой возвратиться! Никогда не хотѣли вы подождать благопріятнаго времени; вамъ и головъ своихъ не было жаль, и о побѣдѣ мало заботились: побѣдить или потерпѣть пораженіе, только бы поскорѣе домой возвратиться. Для этого скораго возвращенія войну вы оставили, и отъ этого послѣ много было пролитія христіанской крови. На приступѣ, если бъ я васъ не удержалъ, то вы хотѣли погубить православное воинство, начавши дѣло не во время". Какъ согласить эти слова: «я посылалъ», «если бъ я васъ не удержалъ», съ словами: «вы государились, а я ничѣмъ не владѣлъ?». Эти несогласія показываютъ намъ ясно, съ какого рода памятникомъ мы имѣемъ дѣло, и какъ мы имъ должны пользоваться.

Важное значеніе Сильвестра и Адашева, проистекавшее изъ полной довѣренности къ нимъ Іоанна въ извѣстное время, безспорно, явственно изъ всѣхъ источниковъ; но вмѣстѣ явно также, что Іоаннъ никогда не былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ этихъ близкихъ къ нему людей. Война ливонская была предпринята вопреки ихъ совѣтамъ: они совѣтовали покорить Крымъ. Послѣ взятія Казани, говоритъ Курбскій, всѣ мудрые и разумные (т. е. сторона Сильвестра) совѣтовали царю остаться еще нѣсколько времени въ Казани, дабы совершенно окончить покореніе страны; но царь „совѣта мудрыхъ воеводъ своихъ не послушалъ, послушалъ совѣта шурей своихъ". Слѣдовательно Іоаннъ имѣлъ полную свободу поступать по совѣту тѣхъ или другихъ, не находясь подъ исключительнымъ вліяніемъ какой-нибудь одной стороны. Когда, въ 1555 году, царь выступилъ противъ крымскаго хана, и пришла къ нему вѣсть, что одинъ русскій отрядъ уже разбитъ Татарами, то многіе совѣтовали ему возвратиться; но храбрые настаивали на томъ, чтобъ встрѣтить Татаръ, и царь склонился на совѣтъ послѣднихъ, т. е. на совѣтъ приверженцевъ Сильвестра, потому что, когда Курбскій хвалитъ, то хвалитъ своихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Іоаннъ въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ по совѣту однихъ, въ другомъ другихъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ слѣдуетъ независимо своей мысли, выдерживая за нее борьбу съ совѣтниками. О могущественномъ вліяніи Сильвестра говорятъ единогласно всѣ источники; но мы имѣемъ возможность не преувеличивать этого вліянія, установить для него настоящую мѣру, ибо до насъ дошелъ любопытный памятникъ, въ которомъ очень ясно можно видѣть отно-

шеніе Сильвестра и къ митрополиту, и къ царю. Это—посланіе Сильвестра къ митрополиту Макарію по поводу дѣла о ереси Башкина. Здѣсь, съ одной стороны, видна высокая степень довѣрія, которою пользовался Сильвестръ: его посылалъ царь къ Артемію испытать, годится ли послѣдній занять мѣсто троицкаго игумена; но, съ другой стороны, ясно видно, что Сильвестръ долженъ былъ обо всемъ докладывать Іоанну, и тотъ самъ распоряжался, какъ вести дѣло, самъ вникалъ въ него и своимъ разумомъ и смысломъ подмѣчалъ то, чего не могъ замѣтить Сильвестръ. Когда Іоаннъ уѣзжалъ изъ Москвы—дѣла останавливались. Какъ же послѣ этого можно буквально принимать слова Іоанна и думать, что Сильвестръ владѣлъ государствомъ, оставляя ему одно имя царя! Всего страннѣе предполагать, чтобъ человѣка съ такимъ характеромъ, какой былъ у Іоанна, можно было держать въ удаленіи отъ дѣлъ. Наконецъ мы считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о поведеніи Іоанна относительно крымскаго хана послѣ сожженія Москвы Девлетъ-Гиреемъ, потомъ относительно короля шведскаго и особенно относительно Баторія: непріятно поражаетъ насъ этотъ скорый переходъ отъ гордости къ униженію; мы готовы, и по своимъ понятіямъ имѣемъ право видѣть здѣсь робость. Но мы не должны забывать разности понятій, въ какихъ воспитываемся мы, и въ какихъ воспитывались предки наши XVI вѣка; мы не должны забывать, какъ воспитаніе въ извѣстныхъ правилахъ, образованность укрѣпляютъ насъ теперь, не позволяютъ намъ обнаруживать этихъ рѣзкихъ переходовъ, хотя бы они происходили внутри насъ. Но люди вѣковъ предшествовавшихъ не знали этимъ искусственныхъ укрѣпленій и сдерживаній, и потому не стыдились рѣзкихъ переходовъ отъ одного чувства къ другому, противоложному; эту рѣзкость переходовъ мы легко можемъ подмѣтить и теперь въ людяхъ, которые, по степени образованія своего, болѣе приближаются къ предкамъ. Притомъ относительно Іоанна IV-го мы не должны забывать, что это былъ внукъ Іоанна III-го, потомокъ Всеволода III-го; если нѣкоторые историки заблагоразсудили представить его въ началѣ героемъ, покорителемъ царствъ, а потомъ человѣкомъ постыдно робкимъ, то онъ нисколько въ этомъ не виноватъ. Онъ предпринялъ походъ подъ Казань по убѣжденію въ его необходимости, подкрѣпился въ своемъ намѣреніи религіознымъ одушевленіемъ, сознаніемъ, что походъ предпринятъ для избавленія христіанъ отъ невѣрныхъ, но вовсе не велъ себя Ахиллесомъ: сцена въ церкви на разсвѣтѣ, когда уже войска пошли на приступъ, сцена, такъ просто и подробно разсказанная лѣтописцемъ, даетъ самое вѣрное понятіе объ Іоаннѣ, который является здѣсь вовсе не героемъ. Іоаннъ самъ предпринималъ походъ подъ Казань, потомъ подъ Полоцкъ, въ Ливонію; по убѣжденію въ необходимости этихъ походовъ, въ возможности счастливаго ихъ окончанія, и тотъ же самый Іоаннъ спѣшилъ какъ

можно скорѣй прекратить войну съ Баторіемъ, ибо видѣлъ недостаточность своихъ средствъ для ея успѣшнаго веденія: точно такъ, какъ дѣдъ его Іоаннъ III самъ ходилъ съ войскомъ подъ Новгородъ, подъ Тверь, разсчитывая на успѣхъ предпріятія, и обнаружилъ сильное нежеланіе сразиться съ Ахматомъ, потому что успѣхъ былъ вовсе невѣренъ. Таковы были всѣ эти московскіе или вообще сѣверные князья-хозяева, собиратели земли.

Но если, съ одной стороны, странно желаніе нѣкоторыхъ отнять у Іоанна значеніе важнаго самостоятельнаго дѣятеля въ нашей исторіи; если, съ другой стороны, странно выставлять Іоанна героемъ въ началѣ его поприща и человѣкомъ постыдно робкимъ въ концѣ: то болѣе чѣмъ странно желаніе нѣкоторыхъ оправдать Іоанна; болѣе чѣмъ странно смѣшеніе историческаго объясненія явленій съ нравственнымъ ихъ оправданіемъ. Характеръ, способъ дѣйствій Іоанновыхъ исторически объясняются борьбою стараго съ новымъ, событіями, происходившими въ малолѣтство царя, во время его болѣзни и послѣ; но могутъ ли они быть нравственно оправданы этою борьбою, этими событіями? Можно ли оправдать человѣка нравственною слабостію, неумѣньемъ устоять противъ искушеній, неумѣньемъ совладать съ порочными наклонностями своей природы? Безспорно, что въ Іоаннѣ гнѣздилась страшная болѣзнь; но зачѣмъ же было позволять ей развиваться? Мы обнаруживаемъ глубокое сочувствіе, уваженіе къ падшимъ въ борьбѣ, но когда мы знаемъ, что они пали, истощивъ всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства къ защитѣ: въ Іоаннѣ же этой борьбы съ самимъ собою, съ своими страстями мы вовсе не видимъ. Мы видимъ въ немъ сознаніе своего паденія: „я знаю, что я золъ“, говорилъ онъ; но это сознаніе есть обвиненіе, а не оправданіе ему. Мы не можемъ не уступить ему большихъ дарованій и большой, возможной во то время начитанности; но эти дарованія, эта начитанность не оправданіе, а обвиненіе ему. Его жестокости хотятъ оправдать суровостію нравовъ времени: и дѣйствительно, нравственное состояніе общества во времена Іоанна IV представляется намъ вовсе не въ привлекательномъ видѣ; мы видѣли, что борьба между старымъ и новымъ шла уже давно, и давно уже она приняла такой характеръ, который не могъ содѣйствовать умягченію нравовъ, не могъ пріучить къ осторожному обхожденію съ жизнію и честію человѣка; дѣйствительно, жестокость нравовъ выражается и въ письменныхъ памятникахъ того времени: требуя установленія наряда, прекращенія злоупотребленій, указывали на жестокія средства, какъ на единственно способныя прекратить зло. Но возможность найти оправданіе въ современномъ обществѣ не есть оправданіе для историческаго лица; да и не смѣемъ мы сложить вину дѣлъ Грознаго на русское общество XVI вѣка: русское общество, выставивъ

св. Филиппа [1], провозгласивъ устами этого пастыря требованія своего основнаго начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророка, очистилось, оправдалось предъ исторіею, вслѣдствіе чего Іоаннъ, не послушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ. Іоаннъ сознавалъ ясно высокость своего положенія, свои права, которыя берегъ такъ ревниво: но онъ не сознанъ одного изъ самыхъ высокихъ правъ своихъ, права быть верховнымъ наставникомъ, воспитателемъ своего народа: какъ въ воспитаніи частномъ и общественномъ, такъ и въ воспитаніи всенародномъ могущественное вліяніе имѣетъ примѣръ наставника, человѣка вверху стоящаго; могущественное вліяніе имѣетъ духъ словъ и дѣлъ его. Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ; надобно было отучать отъ этого: но что сдѣлалъ Іоаннъ? Человѣкъ плоти и крови, онъ не сознанъ нравственныхъ, духовныхъ средствъ для установленія правды и наряда или, что̀ еще хуже, сознавши, забылъ о нихъ; вмѣсто цѣленія, онъ усилилъ болѣзнь, пріучилъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ и плахамъ; онъ сѣялъ страшными сѣменами, и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы смутнаго времени! Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку: онъ можетъ произнести только слово сожалѣнія, если, вглядываясь внимательно въ страшный образъ, подъ мрачными чертами мучителя, подмѣчаетъ скорбныя черты жертвы; ибо и здѣсь, какъ вездѣ, историкъ обязанъ указать на связь явленій: своекорыстіемъ, презрѣніемъ общаго блага, презрѣніемъ жизни и чести ближняго сѣяли Шуйскіе съ товарищами,—выросъ Грозный.

Соловьевъ.

Василій Іоанновичъ.

Василій стоитъ съ честью въ памятникахъ нашей исторіи между двумя великими характерами, Іоаннами III и IV, и не затмѣвается ихъ сіяніемъ для глазъ наблюдателя; уступая имъ въ рѣдкихъ природныхъ дарованіяхъ — первому въ обширномъ, плодотворномъ умѣ государственномъ, второму въ силѣ душевной, въ особенной живости разума и воображенія, опасной безъ твердыхъ правилъ добродѣтели, — онъ шелъ путемъ, указаннымъ ему мудростію отца, не устранился, двигался впередъ шагами размѣренными, благоразуміемъ, безъ порывовъ страсти, и приблизился къ цѣли, къ величію Россіи, не оставивъ преемникамъ ни обязанности, ни славы исправлять его ошибки; былъ не геніемъ, но добрымъ правителемъ; любилъ государство болѣе собственнаго вели-

---

[1] См. статью Карамзина «Митрополитъ Филиппъ» въ «Хрестоматіи для III и IV классовъ».

каго имени, и въ семъ отношеніи достоинъ истинной вѣчной хвалы, которую немногіе вѣнценосцы заслуживаютъ. Іоанны III творятъ, Іоанны IV прославляютъ и нерѣдко губятъ, Василіи сохраняютъ, утверждаютъ державы, и даются тѣмъ народамъ, коихъ долговременное бытіе и цѣлость угодны Провидѣнію.

Василій имѣлъ наружность благородную, станъ величественный, лицо миловидное, взоръ проницательный, но не строгій; казался и былъ дѣйствительно болѣе мягкосердеченъ, нежели суровъ, по тогдашнему времени. Читая письма его къ Еленѣ, видимъ нѣжность супруга и отца, который, будучи въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми, непрестанно обращается къ нимъ въ мысляхъ, изъясняемыхъ простыми словами, но внушаемыми только чувствительнымъ сердцемъ. Рожденный въ вѣкъ еще грубый и въ самодержавіи новомъ, для коего строгость необходима, Василій по своему характеру искалъ средины между жестокостію ужасною и слабостію вредной: наказывалъ вельможъ и самыхъ ближнихъ, но часто и миловалъ, забывалъ вины. Умный бояринъ Беклемишевъ заслужилъ его гнѣвъ: удаленный отъ двора, жаловался на великаго князя съ нескромною досадою; находилъ въ немъ пороки и предсказывалъ несчастіе для государства. Беклемишева судили, уличили въ дерзости и казнили смертію на Москвѣ рѣкѣ; а дьяку Өедору Жареному отрѣзали языкъ за лживыя слова, оскорбительныя для государевой чести. Тогда не отличали словъ отъ дѣлъ и думали, что государь, какъ земный Богъ, можетъ наказывать людей и за самыя мысли ему противныя! Опасались милосердія въ такихъ случаяхъ, гдѣ святая особа вѣнценосца могла унизиться въ народномъ мнѣніи; боялись, чтобы вина отпускаемая не показалась народу виною малою.

Карамзинъ.

Іоаннъ III *.

Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной Орды, подобной нынѣшнимъ киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ; чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ, безъ ученія, безъ наставленія, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу

---

* I-я часть—очеркъ внѣшней политики.—II-я часть очеркъ внутренней его политики. III-я часть характеристика Іоанна. Черты характера: жестокость, умѣряемая разумомъ и осторожностью. IV-я часть—заключеніе: мнѣнія о значеніи Іоанна въ русской исторіи современниковъ, новѣйшихъ историковъ и самого автора. Послѣднее изложено черезъ различеніе отъ другой личности (Петра Великаго) послѣ подведенія подъ одинъ родъ («оба *велики*»).

и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства [1]. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; принималъ союзы, но съ условіемъ явной пользы для Россіи; искалъ орудія для собственныхъ замысловъ и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда, какъ свойственно великому, хитрому монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа [2]. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри и не боясь враговъ внѣшнихъ [3].

... Онъ не только учредилъ единовластіе, до времени оставивъ право князей владѣтельныхъ однимъ украинскимъ или бывшимъ литовскимъ, чтобы сдержать слово и не дать имъ повода къ измѣнѣ, но былъ первымъ истиннымъ самодержцемъ Россіи, заставилъ благоговѣть предъ собою вельможъ и народъ, восхищая милостію, ужасая гнѣвомъ, отмѣнивъ частныя права, несогласныя съ полновластіемъ вѣнценосца [4]. Князья племени Рюрикова и св. Владиміра служили ему наравнѣ съ другими подданными и славились титломъ бояръ, дворецкихъ, окольничихъ, когда знаменитою, долговременною службою пріобрѣтали оное... Предсѣдательствуя на соборахъ церковныхъ, Іоаннъ всенародно являлъ себя главою духовенства; гордый въ сношеніяхъ съ царями, величавый въ пріемѣ ихъ посольствъ, любилъ пышную торжественность: уставилъ обрядъ цѣлованія монаршей руки въ знакъ лестной милости; хотѣлъ и всѣми наружными способами возвышаться предъ людьми, чтобы сильно дѣйствовать на воображеніе [5]; однимъ

---

[1] Рядъ періодовъ винословныхъ. Протазисы имѣютъ форму придаточныхъ предложеній, сокращенныхъ посредствомъ причастія. 1) *Рожденный* и *воспитанный* (при аподозисѣ со сказуемымъ *сдѣлался*... 2) *чтимый*, *ласкаемый*, *не уступая*, *руководствуемый* (при аподозисѣ: *далъ себѣ*); 3) *возстановляя*, *тѣсня*, *обрывая*, *сокрушая*, *захватывая*, *разширяя* (при аподозисѣ: *изобрѣлъ*...). [2] Періодъ противительный, гдѣ аподозисъ также въ формѣ сокращенныхъ дѣепричастныхъ прид. предложеній: *обративъ*, *раздравъ*, *обозрѣвая* (при аподозисѣ: *не хотѣлъ*, *принималъ*, *искалъ*, за коимъ слѣдуютъ снова придаточныя предложенія,—[3] Заключительная мысль I части.—[4] Періодъ соединительный (союзъ: *не только—но и*),—[5] Снова рядъ періодовъ винословныхъ съ протазисами въ формѣ сокращенныхъ прид. предложеній 1) *предсѣдательствуя* (при аподозисѣ *являлъ*); 2) *гордый величавый* (вм. буду-

словомъ, разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для Россіянъ, которые въ его времена начали удивлять всѣ иные народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей [1].

Ему первому дали въ Россіи имя Грознаго, но въ похвальномъ смыслѣ: грознаго для враговъ и строптивыхъ ослушниковъ. Впрочемъ не будучи тираномъ, подобно своему внуку Іоанну Васильевичу IV, онъ безъ сомнѣнія имѣлъ природную жестокость во нравѣ, умѣряемую въ немъ силою разума. Рѣдко основатели монархій славятся нѣжною чувствительностію, и твердость, необходимая для великихъ дѣлъ государственныхъ, граничитъ съ суровостію. Пишутъ, что робкія женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго, пламеннаго взора Іоаннова; что просители боялись идти къ трону; что вельможи трепетали и на пирахъ во дворѣ не смѣли шепнуть слова, ни тронуться съ мѣста, когда государь, утомленный шумною бесѣдою, разгоряченный виномъ, дремалъ по цѣлымъ часамъ за обѣдомъ: всѣ сидѣли въ глубокомъ молчаніи ожидая новаго приказа веселить его и веселиться... Іоаннъ, какъ человѣкъ, не имѣлъ любезныхъ свойствъ ни Мономаха, ни Донскаго, но стоитъ, какъ государь, на вышней степени величія. Онъ казался иногда боязливымъ, нерѣшительнымъ, ибо хотѣлъ всегда дѣйствовать осторожно. Сія осторожность есть вообще благоразуміе; она не плѣняетъ насъ, подобно великодушной смѣлости, но успѣхами медленными, какъ-бы неполными, даетъ своимъ твореніямъ прочность. Что оставилъ міру Александръ Македонскій?—славу. Іоаннъ оставилъ государство, удивительное пространствомъ, сильное народами, еще сильнѣйшее духомъ правленія, то, которое нынѣ съ любовію и гордостью именуемъ нашимъ любезнымъ отечествомъ. Россія Олегова, Владимірова, Ярославова погибла въ нашествіе Моголовъ: Россія нынѣшняя образована Іоанномъ; а великія державы образуются не механическимъ сцѣпленіемъ частей, какъ тѣла минеральныя, но превосходнымъ умомъ державныхъ.

Уже современники первыхъ счастливыхъ дѣлъ Іоанновыхъ возвѣстили въ исторіи славу его: знаменитый лѣтописецъ польскій Длугошъ въ 1480 году заключилъ свое твореніе хвалою сего непріятеля Казимірова. Нѣмецкіе, шведскіе историки шестагонадесять вѣка согласно приписали ему имя Великаго, а новѣйшіе замѣчаютъ въ немъ разительное сходство съ Петромъ Первымъ: оба, безъ сомнѣнія, велики; но Іоаннъ, включивъ Россію въ общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованныхъ народовъ,

---

чи гордъ, величавъ) при аподосисѣ: *любилъ* (понятіе развитое послѣдующими за двоеточіемъ двумя остальными сказуемыми аподозиса: *уставилъ* и *хотѣлъ возвышаться*).—[1] Заключительный періодъ (II-й части), связанный съ предыдущими реченіемъ: *однимъ словомъ*. Форма періода одинакая съ предыдущими (протазисъ: *разгадавъ*, аподозисъ: *сдѣлался*...)

не мыслилъ о введеніи новыхъ обычаевъ, о перемѣнѣ нравственнаго характера подданныхъ; не видимъ также, чтобы пекся о просвѣщеніи умовъ науками; призывая художниковъ для украшенія столицы и для успѣховъ воинскаго искусства, хотѣлъ единственно великолѣпія, силы; и другимъ иноземцамъ не заграждалъ пути въ Россію, но единственно такимъ, которые могли служить ему орудіемъ въ дѣлахъ посольскихъ или торговыхъ; любилъ изъявлять имъ только милость, какъ пристойно великому монарху,—къ чести, не къ униженію собственнаго народа. Не здѣсь, но въ исторіи Петра должно изслѣдовать, кто изъ сихъ двухъ вѣнценосцевъ поступилъ благоразумнѣе или согласнѣе съ истинною пользою отечества. Карамзинъ.

Людовикъ XI *.

Кромѣ золъ феодализма, бѣдствія, происходившія отъ продолжительныхъ войнъ между Французами и Англичанами, усугубляли несчастія растерзанной Франціи. Многочисленныя сборища солдатъ, соединявшихся шайками подъ начальствомъ выбранныхъ ими самими предводителей изъ числа храбрѣйшихъ и успѣшнѣйшихъ искателей приключеній, сформировались въ разныхъ частяхъ Франціи изъ сбора всѣхъ другихъ націй. Эти наемники продавали свои мечи на время всякому, кто готовъ былъ платить имъ дороже; когда имъ не удавалось пристроить свои услуги выгоднымъ образомъ, они вели войну отъ себя, захватывали башни и замки, служившіе имъ мѣстами убѣжища, добывали плѣнниковъ и брали съ нихъ выкупъ, взыскивали дань съ беззащитныхъ деревень и сосѣднихъ съ ними странъ и всевозможными притѣсненіями пріобрѣли себѣ вполнѣ оправдываемое ихъ поступками названіе «стригуновъ» и „живодеровъ“.

Въ этотъ періодъ, какъ-будто для спасенія прекраснаго государства отъ различныхъ угрожавшихъ ему бѣдъ, вступилъ на потрясенный престолъ Франціи Людовикъ XI. Характеръ его, какъ ни былъ дуренъ самъ по себѣ, встрѣтилъ, поборолъ и въ сильной степени подавилъ зло тѣхъ смутныхъ временъ. Такъ по сказанію старинныхъ

---

* Статья начинается введеніемъ, гдѣ 1) данъ очеркъ Франціи въ смутное время, 2) указано значеніе Лудовика XI для государства въ такое время. Въ слѣдующей части—характеристика Лудовика. Въ ней приведены черты человѣка, у котораго умъ и воля преобладаютъ надъ чувствами; это показано въ отношеніи Людовика 1) къ людямъ: а) равнымъ, б) подвластнымъ; 2) къ собственности и 3) къ наслажденіямъ. Эта (I-я) часть оканчивается опредѣленіемъ свойствъ его ума. Въ II-й части опредѣлена нравственная сторона Людовика.

Въ заключеніи авторъ возвращается къ мыслямъ о значеніи Людовика для Франціи, высказаннымъ во 2-й половинѣ введенія, присоединивъ къ нимъ общій выводъ о характерѣ Людовика—«могучемъ и благоразумномъ» (выводъ изъ I й части) «не привлекательномъ» (выводъ изъ II й части).

медицинскихъ книгъ, противоположные по своимъ свойствамъ яды имѣютъ силу противодѣйствовать другъ другу.

Достаточно храбрый для каждаго полезнаго и политическаго предпріятія, Людовикъ не имѣлъ ни искры той романтической доблести или всегда сопровождающей ее гордости, которая заставляетъ сражаться только для чести, когда польза уже давно достигнута. Хладнокровный, хитрый и глубоко-внимательный къ своимъ собственнымъ выгодамъ, онъ жертвовалъ гордостью и страстями своими, которыя могли бы мѣшать его предначертаніямъ. Онъ осторожно скрывалъ свои настоящія чувства и намѣренія отъ всѣхъ, къ нему приближавшихся, и часто говаривалъ, что „король, не умѣющій притворяться, не умѣетъ царствовать, и что если бъ онъ подозрѣвалъ, что даже носимая имъ шапка знаетъ его тайны, онъ бросилъ бы ее въ огонь“. Ни въ его время, ни въ другое, ни одинъ человѣкъ не умѣлъ лучше его пользоваться слабостями другихъ или избѣгать случая доставить противнику какую-нибудь выгоду, некстати предавшись своимъ собственнымъ пользамъ.

Людовикъ XI былъ отъ природы жестокъ и мстителенъ, до того даже, что находилъ удовольствіе въ частыхъ казняхъ, совершавшихся по его повелѣнію. Но такъ же точно, какъ ни малѣйшее чувство милосердія не побуждало его къ пощадѣ, никакое чувство мщенія не могло подвигнуть его къ преждевременной жестокости. Онъ рѣдко бросался на свою добычу, не увѣрившись напередъ, что она дѣйствительно въ его рукахъ и лишена уже всякой надежды на спасеніе; всѣ движенія его были такъ изысканно скрытны, что только успѣхъ его предпріятія всегда возвѣщалъ свѣту о цѣли, къ которой онъ стремился.

Такъ точно скупость его уступала наружной расточительности, когда нужно было подкупить любимца или министра соперничествующаго съ нимъ государя, чтобъ отвратить какое нибудь предстоящее на него нападеніе или разстроить образующійся противъ него союзъ. Онъ любилъ разсѣянность и удовольствія; но ни красота, ни охота,— хотя страсть къ той и другой была въ немъ преобладающею,—никогда не отвлекали его отъ самаго регулярнаго попеченія объ общественныхъ дѣлахъ королевства.

Онъ глубоко зналъ сердце человѣческое и добылъ это знаніе наблюденіями надъ частною жизнію, въ которую нерѣдко самъ лично вмѣшивался; будучи отъ природы гордъ и надмененъ, онъ часто, не обращая вниманія на различіе сословій государства,—а это считалось тогда чудовищно-неестественнымъ,—извлекалъ изъ самаго низкаго званія людей, которымъ поручалъ важнѣйшія дѣла, и всегда такъ искусно умѣлъ выбирать ихъ, что рѣдко ошибался въ ихъ достоинствахъ. Не смотря на то, замѣчались однако противорѣчія въ характерѣ этого хитраго и умнаго государя, потому что человѣческая природа рѣдко

бываетъ одностороннею. Будучи самъ въ высшей степени лицемѣренъ и вѣроломенъ, онъ нерѣдко ошибался именно отъ того, что слишкомъ довѣрялъ честности и неподкупности другихъ. Подобнаго рода ошибки, повидимому, происходили отъ перехитренной системы, которая заставляла Людовика притворяться безусловно-вѣрующимъ въ тѣхъ, кого онъ намѣревался обмануть,—потому что во всѣхъ своихъ поступкахъ онъ обнаруживалъ себя такимъ же подозрительнымъ и недовѣрчивымъ, какими когда-либо бывали тираны.

Для дополненія очерка этого грознаго характера нужно прибавить еще двѣ черты, чтобъ вполнѣ обозначить человѣка, поднявшагося изъ среды грубыхъ рыцарскихъ государей своего времени на степень сторожа дикихъ звѣрей, который посредствомъ благоразумія и ловкости, искусно умѣя раздавать кормъ и, когда нужно, удары, доходитъ наконецъ до владычества надъ тѣми, которые могли бы растерзать его на части, если бъ онъ былъ не такъ смѣтливъ и ловокъ [1].

Первое изъ этихъ качествъ было крайнее суевѣріе Людовика XI—болѣзнь, которой Небо часто караетъ тѣхъ, кто отказывался внимать внушеніямъ религіи. Людовикъ никогда не пытался отступленіемъ отъ своихъ макіавелевскихъ козней укротить голосъ совѣсти, возмущавшейся противъ дурныхъ его поступковъ; онъ тщетно старался успокоить и утишить это горькое чувство суевѣрными обрядами, строгимъ покаяніемъ и щедрыми дарами духовенству. Второе свойство была наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ и грубому разврату.

Посредствомъ могучаго и благоразумнаго, хотя и вовсе не привлекательнаго характера этого монарха, Небу, котораго орудіями бываютъ бури, равно какъ и мелкіе дожди, угодно было даровать великой французской націи благо гражданскаго правительства, бывшее почти неизвѣстнымъ ей при возшествіи на престолъ Людовика XI.

Вальтеръ-Скоттъ.

Карлъ V *.

Дѣятельность историческихъ лицъ опредѣляется большею частію тѣми общими началами, которыми они сами руководятся въ своей жизни. Въ этихъ началахъ заключается главное условіе единства

[1] Переходная мысль къ II-й части.

* Въ I части опредѣляется величіе историческаго дѣятеля — умѣніемъ его подчинять личныя начала высшимъ требованіямъ времени.

Въ слѣдующей затѣмъ характеристикѣ индивидуальныя свойства Карла V-го опредѣляются въ виду этого мѣрила. Личныя начала его сложились помимо чувствъ: а) умъ руководился политическимъ разсчетомъ; б) нравственность правилами католицизма.

Въ III-й части прилагается это опредѣленіе личныхъ началъ Карла къ требованіямъ времени, согласно мысли I-й части. Результатъ—отрицательный.

дѣйствій; ими же часто объясняются и кажущіяся противорѣчія въ дѣятельности одного и того же лица. Лишь немногіе, какъ Генрихъ IV Бурбонъ, въ состояніи бываютъ подчинить свои постоянныя начала высшимъ требованіямъ времени или обстоятельствъ, сознавши напередъ ихъ разумность. Оттого, можетъ быть, такъ рѣдко истинное величіе, хотя и довольно часто повторяется извѣстное явленіе, что въ однихъ рукахъ собираются огромныя средства.

Въ Карлѣ V чувствуется прежде всего недостатокъ первыхъ привязанностей, безъ которыхъ никто почти не пускается въ жизненное море. По странному стеченію обстоятельствъ, у него было только мѣсто рожденія, но не оказывалось истиннаго отечества. Болѣе всего онъ былъ Нидерландецъ, но и то скорѣе по силѣ привычки, чѣмъ по глубокому сочувствію всѣмъ важнѣйшимъ интересамъ страны. Мало было дано мѣста въ его воспитаніи кровнымъ, родственнымъ чувствамъ. Согрѣвающая сердце семейная любовь осталась почти вовсе чужда ему, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока онъ самъ не обзавелся своею семьею. Но привязанность къ нисходящему племени гораздо болѣе эгоистична, чѣмъ та, которая обращена къ старшимъ членамъ семьи. Начала семейныя и національныя рано замѣнены были у Карла болѣе отвлеченными началами — политическими. Они сказались въ первой его государственной дѣятельности; ими же опредѣлились его первыя отношенія во внѣшней политикѣ. Наконецъ они же, въ той или другой степени, замѣшаны и во всѣ послѣдующія рѣшенія Карла V. При всемъ различіи обстоятельствъ, въ которыхъ онъ находился въ различное время своей жизни, образъ его дѣйствій постоянно запечатлѣнъ былъ однимъ и тѣмъ же характеромъ, сообразно съ духомъ школы, которой онъ принадлежалъ своимъ воспитаніемъ.

Изъ одной политики никогда впрочемъ нельзя надѣяться объяснить себѣ всего человѣка. Она одна не въ состояніи наполнить собою всего нравственнаго существа его. Есть сверхъ того цѣлый міръ постоянныхъ потребностей души, которыя охватываютъ болѣе обширную сферу и хотятъ себѣ иного удовлетворенія. Это говоря вообще, потребность религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, безъ которыхъ неполно никакое существованіе. У Карла V ихъ нельзя отрицать; какъ и у другихъ славныхъ его современниковъ. Въ его время нельзя было иначе и воспитаться, какъ въ католическихъ понятіяхъ, но въ немъ они сверхъ того легли въ основу всего его будущаго образа мыслей и служили мѣрою для оцѣнки людей и явленій. Оттого что Карлъ былъ воспитанъ въ Нидерландахъ, а не въ Испаніи, католицизмъ не развился въ немъ до испанскаго фанатизма, но нашелъ себѣ всегда неизмѣннаго и усерднаго поборника. Внѣ круга этихъ понятій Карлъ ничего не умѣлъ понять, и во всякомъ отступленіи отъ нихъ не хотѣлъ ничего болѣе видѣть, кромѣ непростительнаго

заблужденія. Его умственные органы какъ бы срослись съ тѣми понятіями, которыя вложены были въ него первоначальнымъ воспитаніемъ, и потеряли способность дальнѣйшаго развитія въ области тѣхъ же идей.

Это основное воззрѣніе не могло не проникнуть и въ самую политику Карла. Не обнимая ее сполна, оно однако въ той или другой степени проникало во всѣ ея направленія и большею частію составляло въ ней самую душу. Католицизмъ былъ почти единственною живою цѣпью, привязывающею Карла къ его подданнымъ въ Испаніи и Италіи; на католическомъ воззрѣніи основаны были и самые ранніе его политическіе планы. Оно же потомъ служило главнымъ возбудительнымъ средствомъ для его фантазіи, которая, не довольствуясь дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, строила въ томъ же духѣ новыя обширныя предпріятія мечтательнаго свойства. Однимъ словомъ, въ то самое время, когда цѣлый вѣкъ, въ лицѣ лучшимъ своихъ представителей, неудержимо рвался впередъ, мысль Карла V все больше и больше погружалась въ туманное средневѣковое созерцаніе, почерпая изъ него не только силу для своихъ личныхъ убѣжденій, но и побужденіе для своей политической дѣятельности въ самомъ обширномъ смыслѣ слова.

Кудрявцевъ.

Лютеръ *.

Еще былъ живъ Максимиліанъ, дѣдъ Карла V, какъ уже вся Германія чутко прислушивалась къ одному голосу, который повелительно будилъ ее изъ вѣковаго усыпленія. Призывный голосъ раздавался на всю страну и въ короткое время, не смотря на свою малоизвѣстность, привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе и участіе. Неудивительно: изъ долгой умственной работы, занимавшей предшествующія поколѣнія, въ Германіи наконецъ сложилось убѣжденіе крѣпкое, сильное, непоколебимое. Оно ожидало себѣ только вѣрнаго органа и съ увлеченіемъ отдалось ему, какъ скоро, прислушиваясь къ его словамъ, почувствовало въ нихъ всю силу своихъ собственныхъ требованій. Не было ни соумышленія и никакого общаго плана дѣйствій: было только, съ одной стороны, вѣрное и энергическое выраженіе тѣхъ требованій, которыя давно лежали на сердцѣ каждаго, и съ другой — полное имъ сочувствіе и искренняя поддержка. Никогда еще общественное мнѣніе не совпадало въ такой степени съ индивидуальнымъ стремленіемъ одного лица. Оттого, безъ сомнѣнія, и воз-

---

* Въ I-й части указано значеніе Лютера, какъ великой общественной силы. Во II-й—краткая характеристика Лютера, въ которой путемъ сравненій и метафоръ выдвинута одна черта, нравственная сила. Заключеніе объясняетъ цѣль статьи.

можно было это неслыханное явленіе, что простая личность одного человѣка, незначащаго по своему происхожденію и мало замѣтнаго по своему положенію, въ весьма краткій срокъ времени могла превратиться въ великую общественную силу въ цѣлой обширной имперіи. Надобно впрочемъ сказать и то, что сосудъ, которому суждено было носить въ себѣ душевныя нужды народа былъ удивительно крѣпкій и вмѣстительный. Нѣмецкая природа какъ будто поработала надъ нимъ съ особенною любовію. Онъ, казалось, весь былъ сложенъ изъ желѣза или какого другаго крѣпкаго маталла. Широкая кость его точно выкована была молотомъ рудокопа. Какъ могучъ былъ его физическій организмъ, такъ металлически крѣпко, звучно и сильно было его слово. Въ немъ какъ будто вовсе не было мѣста мягкимъ и нѣжнымъ звукамъ; оно ничѣмъ не льстило изнѣженному слуху и даже непріятно поражало его какою-то первобытною грубостію, жесткостію и рѣзкостію; но за то оно съ неотразимою силою проникало въ сознаніе и, какъ острый ножъ, прокладывало въ немъ путь себѣ до самой глубины духа. Когда Германія узнала имя виттенбергскаго теолога въ знаменитомъ спорѣ съ Тецелемъ, онъ уже прошелъ въ своей скромной частной жизни чрезъ множество тяжелыхъ внутреннихъ испытаній. Какихъ бурь, какихъ страшныхъ смятеній не вынесъ онъ въ своей тревожной юности! Какихъ глубокихъ сотрясеній не испыталъ его волновавшійся сомнѣніями духъ, прежде чѣмъ установились въ немъ твердыя убѣжденія! Его желѣзная природа, казалось, готова была изнемочь, но послѣ минутнаго паденія неутомимый духъ его опять возрождался къ новой, усиленной дѣятельности. Когда же въ трудной борьбѣ съ самимъ собою закалились навсегда его убѣжденія, ничто не въ состояніи было сокрушить ихъ адамантовой силы. Можно было разбить сосудъ на части, но нельзя было насильственно измѣнить его содержаніе. Новое убѣжденіе нашло себѣ свою незыблемую формулу: «Здѣсь я стою, иначе я не властенъ, Богъ мнѣ помощникъ [1]».

Не беремся взвѣсить и оцѣнить по достоинству то содержаніе, которое наполняло собою новое убѣжденіе: въ немъ безъ сомнѣнія были свои излишества, ибо и развилось оно изъ противодѣйствія крайности. Мы хотѣли только поставить на видъ его соотвѣтствіе требованіямъ національнаго сознанія и его отличительный характеръ. Крѣпкое столько же своею внутреннею силою, сколько и общимъ сочувствіемъ, оно было выше всѣхъ внѣшнихъ принужденій и неспособно изогнуться ни подъ какимъ внѣшнимъ давленіемъ.

Кудрявцевъ.

---

[1] «Hier stehe ich: kann nicht anders: Gott helfe mir.»

Юстиніанъ.

На престолѣ Константинопольскомъ не доставало человѣка, который бы въ себѣ самомъ и въ средствахъ, какія представляла тогда имперія, нашелъ довольно вдохновенія, чтобы возобновить и по возможности возвысить еще болѣе ея старую славу, значительно потемненную безславнымъ правленіемъ послѣднихъ императоровъ.

Впрочемъ такой человѣкъ былъ очень близко. Это былъ племянникъ императора Юстина, носившій римское имя Юстиніана, которое было переводомъ его родоваго славянскаго имени „Управда". Онъ очень рано былъ вызванъ дядею въ Константинополь, впослѣдствіи назначенъ наслѣдникомъ престола, а, благодаря своему уму и талантамъ, еще при жизни Юстина, успѣлъ снискать себѣ расположеніе народа и пріобрѣсти большое вліяніе на дѣла. Онъ нравился народу своею щедростію, онъ угоденъ былъ духовенству и сенату чистотою, и, какъ казалось, постоянствомъ своихъ религіозныхъ убѣжденій. Чѣмъ болѣе ослабѣвалъ Юстинъ духомъ и тѣломъ, тѣмъ дѣйствительнѣе становилась власть наслѣдника престола, такъ что наконецъ Юстину принадлежало только имя императора, а всѣ права его власти были въ рукахъ Юстиніана. Когда Юстинъ умеръ, наслѣднику оставалось принять развѣ только титло императора. Переходъ былъ самый легкій и спокойный; никакая интрига не осмѣлилась возмутить мирнаго вступленія Юстиніана на престолъ.

Это было въ 527 году, Юстиніану было тогда 45 лѣтъ—возрастъ самаго зрѣлаго мужества, когда человѣкъ трудно рѣшается вновь на большія и опасныя предпріятія, когда сохраненіе пріобрѣтеннаго начинаетъ занимать первое мѣсто въ его дѣятельности. Но Юстиніанъ не принадлежалъ къ числу людей обыкновенныхъ; на его духъ лѣта имѣли мало вліянія. Казалось, онъ приносилъ съ собою на престолъ свѣжія, неутомленныя силы юности. Никто изъ его предшественниковъ, кромѣ Константина, не былъ столько способенъ къ самымъ широкимъ замысламъ, никто не могъ поравняться съ нимъ въ величіи и смѣлости предпріятій,—хотя впрочемъ онъ вовсе не былъ изъ числа людей, которые для исполненія своихъ любимыхъ плановъ готовы на всѣ пожертвованія. Величественныя предпріятія легко давались Юстиніану; превосходное соображеніе облегчало ему трудъ постиженія ихъ; но трудныя подробности самаго исполненія онъ любилъ поручать заботливости другихъ. Можетъ быть, онъ приносилъ съ собою на престолъ и готовые замыслы, постигнутые имъ еще въ прежнее правленіе, для которыхъ теперь только наступило время совершенія; можетъ быть и то, что неясные зачатки прежнихъ идей зрѣли и укрѣплялись въ немъ по мѣрѣ того, какъ благопріятствовали обстоятельства: какъ бы то ни было, новое царствованіе открывало собою блестящую эпоху для Восточной имперіи.

Кудрявцевъ.

Маргарита Нидерландская.

Есть душевныя раны, которыя не излѣчиваются цѣлую жизнь. Дочь Максимиліана была еще въ порѣ первой молодости, когда, безъ всякой вины съ ея стороны, во Франціи нанесено было глубокое оскорбленіе ея лицу и достоинству. Назначенная невѣста Карла VIII, она, вслѣдствіе одной домашней и вмѣстѣ политической интриги при французскомъ дворѣ, должна была уступить свое законное мѣсто другой принцессѣ и съ незаслуженнымъ стыдомъ возвратиться на родину. Съ той минуты жизнь потеряла для нея свою поэзію, свое очарованіе. Маргарита еще не хотѣла отказаться вовсе отъ счастія семейной жизни: два раза вступала она въ бракъ, сначала съ инфантомъ испанскимъ, потомъ съ Филибертомъ Савойскимъ, и два раза осуждена была оплакивать преждевременную смерть мужа. Счастіе обмануло ее во всемъ; ей оставалось одно утѣшеніе — во власти. Управленіе нидерландскими провинціями открывало ей довольно широкое поле дѣятельности. Какъ женщина, она не могла принимать непосредственнаго участія въ воинственныхъ предпріятіяхъ своего времени: гибкая рука правительницы гораздо больше приспособлена была выводить тонкіе узоры и вязать сложные узлы въ тишинѣ домашняго уединенія. Маргарита дѣятельно взялась за дипломатику. Если въ душѣ ея была какая пустота, то она съ избыткомъ наполнялась этою новою дѣятельностію, требовавшею многихъ соображеній и поглощавшею много времени. Изъ Нидерландовъ мысль правительницы свободно обнимала современныя политическія отношенія. Пока другіе двигали другъ противъ друга военныя силы, Маргарита въ тылу воюющихъ ткала свои тонкія дипломатическія сѣти. Въ нихъ хотѣла она поймать и запутать Францію. Въ то время, какъ политическое дѣйствіе все болѣе и болѣе стягивалось къ югу, она первая обратила вниманіе на Англію и старалась вовлечь ее въ союзъ съ континентальными державами. Побѣды, которыя Франція выигрывала на югѣ, не разъ уравновѣшивались дѣйствіемъ искусной политики на сѣверѣ. Она не спускала глазъ съ Англіи и потомъ, когда составился великій политическій союзъ между Австріею, Англіею и Испаніею, никому не хотѣла уступить чести его созданія. Послѣдствія извѣстны каждому; Людовикъ XII не въ состояніи былъ сохранить свое завоеваніе и принужденъ былъ очистить сѣверную Италію.

Кудрявцевъ.

Василій Іоанновичъ Шуйскій.

Если всякаго вѣнценосца избраннаго судятъ съ большею строгостію, нежели вѣнценосца наслѣдственнаго; если отъ перваго требуютъ обыкновенно качествъ рѣдкихъ, чтобы повиноваться ему охотно, съ усердіемъ и безъ зависти: то какія достоинства для царствованія мир-

наго и непрекословнаго надлежало имѣть новому самодержцу Россіи, возведенному на тронъ болѣе сонмомъ клевретовъ, нежели отечествомъ единодушнымъ, вслѣдствіе измѣнъ, злодѣйствъ, буйности и разврата?

Василій, льстивый царедворецъ Іоанновъ, сперва явный непріятель, а послѣ безсовѣстный угодникъ и все еще тайный зложелатель Борисовъ, достигнувъ вѣнца успѣхомъ кова, могъ быть только вторымъ Годуновымъ—лицемѣромъ, а не героемъ добродѣтели, которая бываетъ главною силою и властителей и народовъ въ опасностяхъ чрезвычайныхъ. Борисъ, воцаряясь, имѣлъ выгоду: Россія уже давно и счастливо ему повиновалась, еще не зная примѣровъ въ крамольствѣ; но Василій имѣлъ другую выгоду; не былъ святоубійцею, обагренный единственно кровію ненавистною и заслуживъ удивленіе Россіянъ дѣломъ блестящимъ, оказавъ въ низложеніи самозванца и хитрость, и неустрашимость, всегда плѣнительную для народа. Чья судьба въ исторіи равняется съ судьбою Шуйскаго? Кто съ мѣста казни всходилъ на тронъ и знаки жестокой пытки прикрывалъ на себѣ хламидою царскою? Сіе воспоминаніе не вредило, но способствовало общему благорасположенію къ Василію: онъ страдалъ за отечество и вѣру! Безъ сомнѣнія, уступая Борису въ великихъ дарованіяхъ государственныхъ, Шуйскій славился, однако жъ, разумомъ мужа думнаго и свѣдѣніями книжными, столь удивительными для тогдашнихъ суевѣровъ, что его считали волхвомъ; съ наружностію невыгодною (будучи роста малаго, толстъ, не сановитъ и лицомъ смуглъ, имѣя взоръ суровый, глаза красноватые и подслѣпые, ротъ широкій), даже съ качествами вообще нелюбезными, съ холоднымъ сердцемъ и чрезмѣрною скупостію, умѣлъ какъ вельможа снискивать любовь гражданъ честною жизнію, ревностнымъ наблюденіемъ старыхъ обычаевъ, доступностію, ласковымъ обхожденіемъ. Престолъ явилъ для своихъ современниковъ слабость въ Шуйскомъ: зависимость отъ внушенія, склонность и къ легковѣрію, коего желаетъ зломыслie, къ недовѣрчивости, которая охлаждаетъ усердіе. Но престолъ же явилъ для потомства и чрезвычайную твердость души Василіевой въ бореніи съ неодолимымъ рокомъ: вкусивъ всю горесть державства несчастнаго, условленнаго властолюбіемъ, и свѣдавъ, что вѣнецъ иногда бываетъ не наградою, а казнію, Шуйскій палъ съ величіемъ въ развалинахъ государства.

Карамзинъ.

Англичане, Нѣмцы, Итальянцы, Испанцы и Французы XVII вѣка. *

Въ XVII вѣкѣ главные изъ западно-европейскихъ народовъ, по

---

* Краткія характеристики 5-ти *народовъ*. Онѣ не отличаются отъ характеристики *лицъ*, такъ какъ народы «олицетворены,» т. е. представлены въ

характеру своей дѣятельности, по отношенію другъ къ другу, могли быть олицетворены такимъ образомъ:

Одинъ человѣкъ очень умный, дѣятельный и дѣловой; онъ постоянно занятъ, и занятъ исключительно своими ближайшими интересами, отлично обдѣлалъ свои дѣла, разбогатѣлъ страшно; но онъ при этомъ не общителенъ, держитъ себя въ сторонѣ, неуклюжъ, не представителенъ, не возбуждаетъ къ себѣ сочувствія въ другихъ, принимаетъ участіе въ общихъ дѣлахъ только тогда, когда тутъ замѣшаны его собственныя выгоды, да и въ такомъ случаѣ не любитъ дѣйствовать непосредственно, но заставляетъ работать за себя другихъ, давая имъ деньги, какъ разбогатѣвшій мѣщанинъ нанимаетъ вмѣсто себя рекрута: таковъ Англичанинъ, таковъ Англійскій народъ.

Другой человѣкъ — очень почтенный, но односторонне развившійся, ученый, сильно работающій головою, но еще не могшій, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло и потому неспособный къ сильной физической дѣятельности, безъ средствъ отбивать нападеніе могущественныхъ сосѣдей, безъ средствъ поддержать свое значеніе, заставить уважать свою неприкосновенность при борьбѣ сильныхъ: это Нѣмецкій народъ.

Третій человѣкъ, подобно второму, не могъ, по обстоятельствамъ, укрѣпить свое тѣло, но южная, живая, страстная натура, кромѣ занятій наукою и особенно искусствомъ, требовала практической дѣятельности. Не имѣя способовъ удовлетворить этимъ потребностямъ у себя дома, онъ часто уходитъ къ чужимъ людямъ, предлагаетъ имъ свои услуги и не рѣдко имя его блеститъ на чужбинѣ славными подвигами, обширною, славною дѣятельностію: таковъ Итальянскій народъ.

Четвертый человѣкъ смотритъ истомленнымъ; но, какъ видно, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, способенъ къ сильной дѣятельности: и дѣйствительно, онъ велъ долгую, ожесточенную борьбу за извѣстные интересы, и никто въ это время не считался храбрѣе и искуснѣе его. Борьба, въ которую онъ страстно ушелъ весь, истощила его физическія силы, а между тѣмъ интересы, за которые онъ боролся, ослабѣли, смѣнились другими для остальныхъ людей; но онъ не запасся другими интересами, не привыкъ ни къ какимъ другимъ занятіямъ; истомленный и праздный, онъ погрузился въ долгій покой, по временамъ судорожно обнаруживая свое существованіе, безпокойно прислушиваясь къ призывамъ новаго и въ то же время оттягиваясь закоренѣлыми привычками къ старому: это народъ Испанскій.

Но больше всѣхъ этихъ четырехъ членовъ нашего общества обращаетъ на себя вниманіе пятый, ибо никто изъ нихъ не одаренъ такими средствами и не употреблялъ такихъ усилій возбужденія къ себѣ

типическихъ личностяхъ (что̀ и высказано авторомъ въ введеніи). Согласно съ этимъ и слогъ статьи мѣстами изобразительный.

всеобщаго вниманія, какъ онъ. Энергическій, страстный, быстро воспламеняющійся, способный къ скорымъ переходамъ отъ одной крайности къ другой, онъ употребилъ всю свою энергію на то, чтобы играть видную роль въ обществѣ, приковывать къ себѣ взоры всѣхъ. Никто больше и лучше его не говоритъ; онъ выработалъ себѣ такой легкій, такой удобный языкъ, что всѣ принялись усвоивать его себѣ, какъ языкъ болѣе другихъ общественный. У него такая представительная наружность; онъ такъ прекрасно одѣтъ; у него такія прекрасныя манеры, что всѣ невольно смотрятъ на него, перенимаютъ у него и платье, и прическу, и обращеніе. Онъ весь ушелъ во внѣшность; дома ему не живется; долго внимательно заниматься своими домашними дѣлами онъ не въ состояніи; начнетъ ихъ улаживать—надѣлаетъ множество промаховъ, побурлитъ, побушуетъ, какъ выпущенный на свободу ребенокъ, устанетъ, потеряетъ изъ виду цѣль, къ которой началъ стремиться, и, какъ ребенокъ даетъ себя вести кому нибудь. Но за то никто такъ чутко не прислушивается, такъ зорко не приглядывается ко всему, что̀ дѣлается въ обществѣ, у другихъ. Чуть гдѣ шумъ, движеніе — онъ уже тутъ; поднимается гдѣ какое нибудь знамя — онъ первый несетъ это знамя; выскажется какая нибудь идея—онъ первый усвоитъ ее; впереди другихъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ движеніи, вожакъ, застрѣльщикъ и въ крестовомъ походѣ, и въ революціи, опора католицизма и невѣрія, увлекающіяся и увлекающій, легкомысленный, непостоянный, часто отвратительный въ своихъ увлеченіяхъ, способный возбуждать къ себѣ сильную любовь и сильную ненависть — странный народъ Французскій. Среди угловатаго и занятаго постоянно своимъ дѣломъ Англичанина, ученаго, трудолюбиваго, но вовсе не привлекательнаго Нѣмца, живаго но неряшливаго, разбросавшагося Итальянца, молчаливаго, полусоннаго Испанца, — Французъ движется неутомимо, говоритъ безъ умолку, говоритъ громко и хорошо, хотя и сильно хвастаетъ, толкаетъ, будитъ, никому не даетъ покоя; другіе начнутъ борьбу нехотя, по нуждѣ, — Французъ бросается въ борьбу изъ любви къ борьбѣ, изъ любви къ славѣ; всѣ сосѣди его боятся, всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ, что̀ онъ дѣлаетъ. Иногда кажется, что онъ угомонился, истомленный внѣшнею борьбой, занялся своими домашними дѣлами; но эти домашнія занятія непродолжительны и неугомонный народъ опять является на первомъ планѣ и опять волнуетъ всю Европу.

Соловьевъ.

Караванъ послѣ самума*.

Самумъ пронесся, кажется, благополучно, прикрывъ караванъ только

* Въ этомъ описаніи каравана послѣ Самума *наглядно* указано разли-

тонкою полостью песку. Люди и животныя поднимаются; изсохшія уста жаждутъ воды; всѣ кидаются къ кожанымъ мѣшкамъ съ водою.... О, ужасъ! воды ни капли. Самумъ въ одинъ мигъ изсушаетъ мѣшки, полные водою, если не успѣютъ ихъ убрать и закрыть цыновками или землею; трудно предузнать приближеніе самума. Положеніе каравана, отдалившагося отъ воды, ужасно. Обыкновенно вотъ что̀ дѣлается въ немъ.

Невольники, которыхъ цѣлыя толпы проводятъ черезъ пустыню, садятся въ кружокъ, и въ молчаніи ожидаютъ смерти; вожатые Арабы разсчитываютъ очень вѣрно, часто по опыту, могутъ ли они дойти до воды съ запасомъ верблюжьей крови или нѣтъ, и принимаютъ свои мѣры: если могутъ, то каждый убиваетъ своего верблюда и отправляется, немедля, впередъ; если нѣтъ, то никто изъ нихъ не станетъ понапрасну безпокоиться, и каждый, съ покорностью и вѣрою въ судьбу, обрекаетъ себя смерти. Тогда въ этой таинственной пустынѣ раздаются пѣсни, которыми обыкновенно отпѣваютъ покойниковъ, и вопли, сопровождающіе въ другую жизнь: это страшнѣе тишины Негровъ. Но Турки никогда не погибаютъ безъ борьбы со смертію, борьбы отчаянной, до послѣдней минуты жизни; большею частію это владѣльцы каравана; отыскавши гдѣ-нибудь между вьюками нѣсколько глотковъ воды или водки, запасшись также верблюжьей кровью и выбравши лучшаго дромадера въ караванѣ, они скачутъ по направленію къ Нилу; никто не противится имъ, потому что вожатые Арабы и въ самомъ отчаяніи сохраняютъ уваженіе къ господину. На этомъ переѣздѣ большею частію погибаютъ они въ страшныхъ мукахъ.

Ковалевскій.

Черты русскаго народа въ личностяхъ русскихъ поэтовъ.

Поэзія наша не выразила намъ нигдѣ русскаго человѣка вполнѣ, ни въ томъ *идеалѣ*, въ какомъ онъ долженъ быть, ни въ той *дѣйствительности*, въ какой онъ и нынѣ есть. Она собрала только безчисленные оттѣнки разнообразныхъ качествъ нашихъ; она совокупила только въ одно казнохранилище отдѣльно взятыя стороны нашей разносторонней природы. Поэты наши слышали, что еще не приспѣло время живописать себя цѣликомъ и хвастаться собою, что еще нужно намъ самимъ прежде организоваться, стать собою и сдѣлаться Русскими. Еще только размягчена и приготовлена наша природа къ тому, чтобы принять ей принадлежащую форму; еще не успѣли мы вывести итоговъ изъ множества всякихъ элементовъ и началъ, нанесенныхъ отовсюду на нашу землю; еще во всякомъ изъ насъ безтолковая встрѣча чужеземнаго съ своимъ и неразумное извлеченіе того самаго вывода, для котораго повелѣна Богомъ эта встрѣча. Слыша это, поэты какъ бы заботились только о томъ, чтобы не пропало въ этой борьбѣ лучшее изъ нашей природы. Это лучшее забирали они отовсюду, гдѣ

чіе лицъ трехъ національностей, проявляющееся въ опасную минуту жизни. На основаніи этой картины можетъ быть написана краткая характеристика въ формѣ разсужденія.

находили, и спѣшили его выносить на свѣтъ, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ его поставить. Такъ бѣдный хозяинъ изъ обхваченнаго пламенемъ дома старается выхватить только то, что̀ есть въ немъ драгоцѣннѣйшаго, не заботясь о прочемъ.

Наши собственныя сокровища станутъ намъ открываться больше и больше, по мѣрѣ того, какъ мы станемъ внимательнѣе вчитываться въ нашихъ поэтовъ. По мѣрѣ бо́льшаго и лучшаго ихъ узнанія, намъ откроются и другія ихъ высшія стороны, доселѣ почти никѣмъ незамѣчаемыя: увидимъ, что они были не одними казначеями сокровищъ нашихъ, но отчасти даже и строителями нашими, или дѣйствительно имѣя о томъ мысль, или ея не имѣя, но показавши своею высшею отъ насъ природою которое-нибудь изъ нашихъ народныхъ качествъ, которое въ нихъ развилось виднѣе, затѣмъ именно, чтобы блеснуть предъ нами во всей красѣ своей.

Это стремленіе Державина начертать образъ *непреклоннаго*, твердаго мужа въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величіи, не было стремленіемъ произвольнымъ; начала ему онъ услышалъ въ нашемъ народѣ. Широкія черты человѣка величаваго носятся и слышатся по всей Русской землѣ такъ сильно, что даже чужеземцы, заглянувшіе во внутрь Россіи, ими поражаются еще прежде, нежели успѣваютъ узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно одинъ изъ нихъ, издавшій свои записки съ тѣмъ именно, чтобы показать Европѣ съ дурной стороны Россію[1], не могъ скрыть изумленія своего при видѣ простыхъ обитателей деревенскихъ избъ нашихъ. Какъ пораженный, останавливался онъ передъ нашими маститыми, бѣловласыми старцами, сидящими у пороговъ избъ своихъ, которые казались ему величавыми патріархами древнихъ библейскихъ временъ. Но одинъ разъ сознался онъ, что нигдѣ въ другихъ земляхъ Европы, гдѣ ни путешествовалъ онъ, не представлялся ему образъ человѣка въ такомъ величіи, близкомъ къ патріархально-библейскому. И эту мысль повторилъ онъ нѣсколько разъ на страницахъ своей растворенной ненавистью къ намъ книги.

Свойство *чуткости*, которое въ такой высокой степени обнаружилось въ Пушкинѣ, есть наше народное свойство. Вспомнимъ только одни названія, которыми народъ самъ характеризуетъ въ себѣ это свойство, напримѣръ, названіе *ухо*, которое дается такому человѣку, въ которомъ всѣ жилки горятъ и говорятъ, который мигъ не постоитъ безъ дѣла, *удача*—всюду поспѣвающій[2] и вездѣ успѣвающій; и множество есть у насъ другихъ названій, опредѣляющихъ различные оттѣнки и уклоненія этого свойства. Свойство это велико: неполонъ и суровъ выйдетъ мужъ, если не будетъ въ немъ чутья откликнуться

---

[1] Маркизъ Кюстинъ.—[2] *Въ подл.*: спѣющій.

живо на всякій предметъ въ природѣ, изумляясь на всякомъ шагу красотѣ Божьяго творенія.

Этотъ умъ, умѣющій найти законную середину всякой вещи, который обнаружился въ Крыловѣ, есть нашъ *истинно-русскій умъ*. Только въ Крыловѣ отразился тотъ вѣрный тактъ русскаго ума, который, умѣя выразить истинное существо всякаго дѣла, умѣетъ выразить его такъ, что никого не оскорбитъ выраженіемъ и не возстановитъ ни противъ себя, ни противъ мысли своей, даже несходныхъ съ нимъ людей, однимъ словомъ—тотъ вѣрный тактъ, который мы потеряли среди нашего свѣтскаго образованія и который сохранился доселѣ у нашего крестьянина. Крестьянинъ нашъ умѣетъ говорить со всѣми себя высшими, даже съ царемъ, такъ свободно, какъ никто изъ насъ, и ни однимъ словомъ не покажетъ неприличія, тогда какъ мы часто не умѣемъ поговорить даже съ равнымъ себѣ такимъ образомъ, чтобы не оскорбить его какимъ-нибудь выраженіемъ. За то уже, въ комъ изъ насъ дѣйствительно образовался этотъ сосредоточенный, вѣрный, истинно-русскій тактъ ума—онъ у насъ пользуется уваженіемъ всѣхъ; ему всѣ позволятъ сказать то, чего никому другому не позволятъ; на него никто ужъ и не сердится. У всѣхъ нашихъ писателей бывали враги, даже у самыхъ незлобнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ душою (стóитъ вспомнить Карамзина и Жуковскаго): но у Крылова не было ни одного врага.

Эта молодая *удаль* и отвага рвануться на дѣло добра, которая такъ и буйствуетъ въ стихахъ Языкова, есть удаль нашего Русскаго народа, то чудное свойство, ему одному свойственное, которое даетъ у насъ вдругъ молодость и старцу, и юношѣ если только представится случай рвануться всѣмъ на дѣло, невозможное ни для какого другаго народа, которая вдругъ сливаетъ у насъ всю разнородную массу, между собою враждующую, въ одно чувство, такъ что и ссоры, и личныя выгоды каждаго—все позабыто, и вся Россія—одинъ человѣкъ.

Всѣ эти свойства, обнаруженныя нашими поэтами, суть наши народныя свойства, въ нихъ только виднѣе развившіяся; поэты берутся не откуда же нибудь изъ-за моря, но исходятъ изъ своего народа. Это — огни, изъ него же излетѣвшіе, передовые вѣстники силъ его.

Гоголь.

Спарта *.

Для завоевателей единственнымъ средствомъ поддержанія своего положенія было сохраненіе своего первоначальнаго военнаго, дружин-

* Отъ характеристики народа должно отличать описаніе его быта, хотя бы и приводимое авторомъ въ связи съ какою-либо чертою его характера. Въ

наго устройства во всей его чистотѣ и строгости; Спарта представляла военное поселеніе, казацкую сѣчь со своими общими столами, съ раздѣленіемъ членовъ по палаткамъ, по нашему буквально *сотовариществу* (ибо *товаръ* въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ палатка); женщина была допущена въ эту сѣчь, но употреблены всѣ старанія, чтобъ приспособить ее къ лагерной жизни, отнять у нея какъ можно болѣе женственности.

Прочность спартанскаго устройства была относительная: въ государственной жизни Спарты мы видимъ перемѣны, которыя изобличаютъ борьбу, именно стремленіе царей, не смотря на невыгодное условіе двойственности, усилить свою власть, противъ чего аристократія спѣшила принять свои мѣры. Первоначально цари назначали себѣ пять намѣстниковъ или посадниковъ, такъ-называемыхъ эфоровъ, или надзирателей для суда и полиціи; но какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ городахъ посадники, назначавшіеся первоначально княземъ, потомъ стали сановниками народными, отъ вѣча избираемыми, и стали подлѣ князя въ качествѣ блюстителей народныхъ интересовъ противъ него, такъ и въ Спартѣ эфоры перестали назначаться царями, стали избираться на вѣчѣ или въ народномъ собраніи и получили обязанность надзирать надъ всѣмъ и надъ всѣми, не исключая и царей; эфоры имѣли право требовать у царей отчета въ ихъ поведеніи, ежемѣсячно брать съ нихъ присягу, что они будутъ управлять согласно съ законами, доносить на нихъ собранію стариковъ, сажать ихъ подъ арестъ; двое изъ эфоровъ сопровождали войско въ походѣ для надзора за поведеніемъ царя и полководцевъ.

Такими средствами спартанская аристократія охраняла себя и свое устройство отъ тѣхъ волненій и перемѣнъ, которыя происходили въ другихъ греческихъ государствахъ, особенно въ Аѳинахъ.

Соловьевъ.

Аѳиняне времени Перикла *.

Мы смѣло можемъ назвать эпоху Перикла самымъ свѣтлымъ пунктомъ древней исторіи. Да и вообще едва ли какой народъ достигалъ такого гармоническаго и всесторонняго развитія своихъ силъ, какого достигли тогда Аѳиняне. Образованность, которая обыкновенно бываетъ принадлежностію немногихъ, поставленныхъ въ особенно выгодное положеніе, гражданъ была въ Аѳинахъ доступна всѣмъ

статьѣ «Спарта» имѣемъ очеркъ быта Спарты. Свойства разсужденія въ этомъ очеркѣ находимъ въ причинной связи указываемыхъ признаковъ: въ I части черты быта возведены къ главному признаку быта (*военному устройству*), какъ его слѣдствія; во II части: измѣненія въ государственномъ бытѣ приведены въ связь съ цѣлью: охраненіемъ государственнаго устройства.

*См. примѣчаніе къ предъидущей статьѣ.

и каждому и сдѣлалась общимъ достояніемъ. Воспитаніе Аѳинянина совершалось жизнію, а не въ школѣ. Онъ могъ обойтись безъ грамотности, и не смотря на то, стать на ряду съ самыми просвѣщенными людьми своего времени, потому что жилъ въ такой умственной средѣ, которой вліяніе было неотразимо. Глазъ его привыкалъ съ дѣтства къ изящнымъ формамъ пластической красоты, его со всѣхъ сторонъ окружавшей въ памятникахъ искусства; сужденіе его изощрялось постояннымъ участіемъ въ судебныхъ и политическихъ преніяхъ, въ которыхъ расточали свое краснорѣчіе величайшіе ораторы Греціи; происходившія подъ открытымъ небомъ, приглашавшія всѣхъ къ участію, бесѣды философовъ, непрерывные толки объ искусствѣ, составлявшемъ одинъ изъ главныхъ интересовъ общественной жизни, наконецъ дѣйствія драматическихъ представленій, которыя имѣли цѣлію не простую забаву, а соединенное съ эстетическимъ наслажденіемъ назиданіе, довершали умственное развитіе Аѳинянина, которому обстоятельства отказали въ возможности учиться въ молодости. Одна способность чувствовать красоты Эсхиловыхъ и Софокловыхъ трагедій свидѣтельствуетъ о высокомъ просвѣщеніи и строгомъ вкусѣ Аѳинянъ того времени. Имъ не нужно было сложной завязки хитро веденной интриги, однимъ словомъ тѣхъ средствъ, къ которымъ принуждены бываютъ прибѣгать величайшіе драматическіе писатели для возбужденія любопытства въ своихъ зрителяхъ. Ко всему сказанному, къ необыкновенной воспріемлемости богато-одареннаго природою южнаго племени, надобно прибавить историческія обстоятельства, въ высшей степени благопріятныя. Аѳины были торговое и промышленное государство; ихъ жители предавались самой разнообразной дѣятельности, но въ итогѣ у аѳинскаго гражданина было несравненно болѣе досуга, нежели у живущаго такимъ же трудомъ человѣка нашего времени. Причина этого явленія заключается въ условіяхъ частной жизни, далеко не столь сложной, какъ наша. Жена и рабы снимали съ аѳинскаго гражданина большую часть домашнихъ заботъ. Дома онъ жилъ мало. Вся его дѣятельность, какъ общественная, такъ и частная, проходила подъ открытымъ небомъ, въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и впечатлѣній съ другими согражданами.

Такой бытъ неминуемо усиливалъ вліяніе значительныхъ личностей, которыя со всѣхъ концовъ греческаго міра собирались въ Аѳины. Со временъ Перикла Аѳины дѣлаются средоточіемъ эллинской умственной жизни. Остальная Греція обѣдняла великими художниками, которые шли за вѣнцами своими въ единственный городъ, который давалъ и утверждалъ права на славу. Въ Коринѳѣ еще процвѣтала техническая часть искусства: но высшее, духовное начало развивалось въ Аѳинахъ, по словамъ Нибура. Богатство, естественное слѣдствіе торговли и промышленности, еще не находило приложенія къ цѣлямъ частной жизни, сохранившей до пелопоннезской войны преж-

нюю простоту свою. За то аѳинскіе богачи гордились красотою оснащенныхъ ими на свой счетъ государственныхъ галеръ, великолѣпіемъ хоровъ, выставленныхъ ими для драматическихъ представленій, и другими обязательными приношеніями (λειτουργίαι), которыя въ эпоху, нами описываемую, еще не считались тягостными, но служили доказательствомъ почетнаго положенія въ республикѣ.

Конечно, не Периклъ вызвалъ въ жизни всѣ изящныя и великія явленія, которыя въ совокупности означаются его именемъ, но онъ стоялъ въ средоточіи этихъ явленій и болѣе, нежели кто либо, сознавалъ ихъ значеніе. Власть его основана была на безпримѣрномъ дарѣ сообщать свои убѣжденія другимъ и на дѣйствительныхъ дарованіяхъ государственнаго мужа.

Грановскій.

Важнѣйшая черта государственной жизни Китая.

Одно трудолюбіе при однообразной будничной жизни не разовьетъ народа: для развитія необходимъ не трудъ только, но подвигъ, сильное, широкое движеніе, которое условливается внѣшними столкновеніями. Въ Китаѣ всего лучше можно видѣть вліяніе на народъ исключительно внутренней жизни, какъ бы она сильно развита ни была, вліяніе труда безъ подвига, необходимаго для вскрытія и упражненія высшихъ способностей человѣка; въ Китайцахъ мы видимъ людей, въ высшей степени способныхъ къ труду и нисколько неспособныхъ къ подвигу, трусливыхъ, легко подлегающихъ внѣшнему натиску. Преобладаніе внутренней жизни ведетъ къ тому, что государство становится похожимъ на муравейникъ или на пчелиный улей: трудолюбія очень много въ муравьяхъ и пчелахъ.

Чтобы работа была обезпечена, нуженъ самый строгій порядокъ, нужно, чтобъ все было опредѣлено съ необыкновенною точностію, чтобъ никто не позволялъ себѣ ни въ чемъ ни малѣйшаго произвола, ни малѣйшей перемѣны, чтобъ все происходило одинаково, какъ разъ заведено: китайское законодательство отличается точностію, обстоятельностію опредѣленій всего, относящагося къ поведенію человѣка, къ его нравственнымъ дѣйствіямъ и отношеніямъ, формамъ общественныхъ приличій, къ покрою одежды и стрижкѣ волосъ. Законъ соблюдается строго, произвола нѣтъ. Демократическое начало господствуетъ; всѣ Китайцы равны другъ передъ другомъ; наслѣдственныхъ сословій нѣтъ; подняться на высшія мѣста, мѣста надзирателей за рабочими, блюстителей установленнаго порядка на этой громадной фабрикѣ, называемой Китаемъ, можно только посредствомъ испытаннаго знанія, пріобрѣтаемаго испытаннымъ трудомъ. Цѣль управленія сознана ясно: „Хорошее управленіе должно доставить народу необходимыя для жизни вещи: воду, огонь, металлы, дерево и хлѣбъ; потомъ должно сдѣлать его добродѣтельнымъ и научить полезному употре-

бленію всѣхъ этихъ вещей, должно остеречь его отъ всего того, что̀ можетъ повредить его здоровью и жизни."

И больше ничего не нужно для Китайца. Громадная фабрика, наполненная трудолюбивыми работниками, идетъ вѣка, по разъ заведенному порядку, подъ строгимъ надзоромъ знающихъ дѣло людей. Все, что̀ можетъ нарушить этотъ порядокъ, необходимый для спокойной и потому богатой результатами работы, отстранено: рабочій не развлеченъ ничѣмъ: мысль его съ малолѣтства пріучена вращаться въ тѣсномъ кругу однихъ и тѣхъ же предметовъ и направлять къ одной цѣли — исканію удовлетворенія матеріальнымъ потребностямъ; всякій выходъ отдѣльнаго лица изъ очерченнаго круга, всякое проявленіе личности, личной самодѣятельности, новой мысли и взгляда не позволяются, невозможны.

Китай испытывалъ потрясенія, нарушенія спокойствія и установленнаго порядка вслѣдствіе слабости и недостоинства богдыхановъ. Но эти потрясенія, не могшія, по характеру своему, повести ни къ какимъ живительнымъ преобразованіямъ, не могшія расширить горизонтъ народной жизни, возбуждали только въ народѣ желаніе возвратиться какъ можно скорѣе къ спокойной и потому счастливой старинѣ, возстановить все, какъ прежде было. Отсюда понятно, что имя человѣка, особенно потрудившагося надъ такимъ возстановленіемъ старины въ области мысли, знанія и самопознанія народа, будетъ особенно популярно. Таково знаменитое имя Конфуція (жившаго отъ 550 —479 г. до Р. Х.), собравшаго и приведшаго въ порядокъ древнія народныя преданія.

Соловьевъ.

Общество передъ судомъ поэта *.

Оглянись вокругъ: все теперь предметы для лирическаго поэта; всякъ человѣкъ требуетъ лирическаго воззванія къ нему; куда ни поворотишься, видишь, что нужно или попрекнуть или освѣжить когонибудь.

Попрекни же прежде всего сильнымъ упрекомъ умныхъ, но унывшихъ людей. Проймешь ихъ, если покажешь имъ дѣло въ настоящемъ видѣ, т. е., что человѣкъ, предавшійся унынію, есть дрянь во всѣхъ отношеніяхъ, каковы бы ни были причины унынія, потому что уныніе проклято Богомъ. Истинно русскаго человѣка поведешь на брань даже и противъ унынія, поднимешь его превыше страха...

Воззови къ прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ свою бѣдную

---

* Статья моральнаго содержанія въ формѣ воззванія къ поэту, *основанная на* характеристикѣ Русскаго человѣка вообще и общества его времени въ особенности, черезъ ихъ противопоставленіе.

душу. Уже онъ далеко отъ берега, уже несетъ его ничтожная верхушка свѣта, несутъ обиды, ноги плясавицъ, ежедневное опьяненіе; нечувствительно облекается онъ плотію и сталъ уже весь плоть, и уже почти нѣтъ въ немъ души...

Опозорь новѣйшаго лихоимца нынѣшнихъ временъ и его проклятую роскошь, и скверную жену его, погубившую щеголяньями и тряпками и себя и мужа, и презрѣнный порогъ ихъ богатаго дома, и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышутъ, чтобы, какъ отъ чумы, отъ нихъ побѣжало все бѣгомъ и безъ оглядки.

Возвеличь незамѣтнаго труженика, какой, къ чести высокой породы русской, находится посреди отважнѣйшихъ лихоимцевъ, который не беретъ даже и тогда, какъ все беретъ вокругъ него. Возвеличь и его, и семью его, и благородную жену, которая лучше захотѣла стать предметомъ насмѣшекъ другихъ, нежели допустить своего мужа сдѣлать несправедливость и низость. Выставь ихъ прекрасную бѣдность такъ, чтобы, какъ святыня, она засіяла у всѣхъ въ глазахъ, и каждому захотѣлось бы самому быть бѣднымъ.

Ублажи гимномъ того исполина, какой выходитъ только изъ русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна и становится вдругъ другимъ: плюнувши въ виду всѣхъ на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ ратникомъ добра. Покажи, какъ совершается это богатырское дѣло въ истинно русской душѣ, но покажи такъ, чтобы невольно затрепетала въ каждомъ русская природа, и чтобы все, даже въ грубомъ и низшемъ сословіи, вскрикнуло: эхъ, молодецъ! почувствовавши, что и для него самого возможно такое дѣло.

Много, много предметовъ для лирическаго поэта—въ книгѣ не вмѣстишь, не только въ письмѣ. Всякое истинно русское чувство глохнетъ—и не кому его вызвать! Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло, дремлетъ наша крѣпость и сила, дремлетъ умъ нашъ среди вялой и бабьей свѣтской жизни. Стряхни же сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ.

Гоголь.

О любви къ отечеству.

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы и должна быть названа физическою. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе—а начало всякаго благополучія имѣетъ для на-

шего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту: яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество!

Самое расположеніе [1] нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лѣчиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ: говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ [2]. Душа ихъ сообразуется съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими-нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ или звеньевъ.—На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который,

---

[1] *Расположеніе*—въ значеніи: «приспобленіе» «привычка».—[2] *Привыкаемъ*—въ значеніи «привязываемся».

по ненависти къ штатгалтеру и оранистамъ[1], выѣхалъ изъ отечества, поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомившись съ нимъ въ Женевѣ, я сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не можетъ быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть людей и образовало свои любимыя привычки. Никакимъ народомъ нельзя замѣнить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ: трудно пріучить себя къ новостямъ и мнѣ скучно".

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія—и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава, и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшее время болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Карамзинъ.

ЛОГИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ КАРАМЗИНА.

Тема разсужденія выражена именемъ существительнымъ (любовь); понятіе, имъ выражаемое, какъ одно изъ чувствъ человѣка, предполагаетъ предметъ, на который направляется это чувство—объектъ, который и обозначенъ въ заглавіи словами: „къ отечеству".

Понятіе „отечество" предполагается извѣстнымъ читателю. Изъ послѣдующаго извлекается такое его опредѣленіе: *мѣсто* нашего рожденія и воспитанія, населенное *согражданами*, соединенными стремленіемъ къ общему *благу*. Соотвѣтственно 3-мъ признакамъ объекта (мѣсто, сограж-

---

[1] Политическая партія.

дане и благо) въ разсужденіи сдѣлано и раздѣленіе главнаго понятія темы.

Въ 1-й части—опредѣленіе перваго вида (любовь физическая). Видовое отличіе указано 1) въ объектѣ (мѣсто), 2) въ субъектѣ (всѣ люди).

Затѣмъ указаны два основанія привязанности къ мѣсту рожденія и воспитанія: а) духовное и б) физическое. По послѣднему дано именованіе виду („физическая").

Духовное основаніе этой любви усматривается въ привязанности къ плѣнительнымъ воспоминаніямъ, которыя связаны съ мѣстомъ рожденія и воспитанія; физическое—въ зависимости отъ климата. Согласно съ этимъ І-я часть и дѣлится на 2 отдѣла.

1-й отдѣлъ (духовное основаніе любви къ мѣсту рожденія и воспитанія) заключаетъ доказательство. Тезисъ: человѣкъ любитъ плѣнительныя воспоминанія, связанныя съ мѣстомъ рожденія и воспитанія.

Путь доказательства дедуктивный; форма—силлогизмъ (энтимема):

Большая посылка: Воспоминаніе о началѣ счастія намъ особенно мило.

Меньшая посылка: Жизнь есть счастіе.

1-й выводъ (подразумѣваемый): Воспоминаніе о началѣ жизни намъ особенно мило.

Этотъ выводъ принятъ въ свою очередь за большую посылку 2-й энтимемы, при меньшей посылкѣ (подразумѣваемой):

Воспоминаніе о началѣ жизни есть въ то же время воспоминаніе о родинѣ.

2-й выводъ: (тезисъ) воспоминаніе о родинѣ намъ особенно мило.

Изъ посылокъ 1-го силлогизма меньшая (жизнь есть счастіе) принята за аксіому (какъ мнѣніе автора-оптимиста, не требующее доказательства); большая же посылка подтверждена сравненіемъ (съ воспоминаніемъ о началѣ дружбы). Во 2-мъ силлогизмѣ большая посылка доказана 1-мъ силлогизмомъ; меньшая (подразумѣваемая) не требуетъ доказательства, какъ общеизвѣстная истина.

1-й отдѣлъ кончается примѣромъ (Лапландецъ). Примѣръ выбранъ въ виду опроверженія мысли, противоположной тезису (что милы не воспоминанія о родинѣ, а красоты ея), ибо избрано лицо, родина котораго не имѣетъ этихъ красотъ, и предположено переселеннымъ въ страну, полную красотъ. Такимъ образомъ здѣсь примѣръ имѣетъ силу втораго доказательства—доказательства непрямаго.

2-й отдѣлъ (физическое основаніе любви къ мѣсту рожденія и воспитанія). Авторъ избѣгнулъ здѣсь доказательства, сославшись на авторитетъ (свидѣтельство медиковъ), но подтвердилъ примѣромъ (жителя горной Швейцаріи). Кромѣ того мысль разъяснена аналогіей (человѣка съ растеніемъ, какъ организмомъ).

І-я часть оканчивается указаніемъ той доли вліянія, какую имѣютъ и красоты отечества на любовь къ нему: отъ нихъ зависитъ *степень любви* къ мѣсту рожденія и воспитанія.

ІІ-я часть начинается опредѣленіемъ втораго вида (любовь нравственная). Видовое отличіе указано 1) въ объектѣ (сограждане) и 2) въ субъектѣ (всѣ люди въ извѣстномъ возрастѣ).

Къ доказательству (большая посылка подразумѣвается: мы привязываемся къ предмету или средству удовольствія) присоединены примѣръ, сравненіе (цѣпь) и свидѣтельство. Для примѣра, дабы онъ имѣлъ силу доказательства, избрано явленіе общеизвѣстное (радость единоземцевъ при встрѣчѣ на чужбинѣ). Свидѣтельство приведено

изъ устъ такого лица, отъ котораго менѣе всего можно было бы ожидать высказанной имъ истины (житель, добровольно оставившій отечество по неудовольствіямъ отъ согражданъ и живущій среди удобствъ и прекрасной природы на чужой сторонѣ). Это свидѣтельство изложено въ формѣ повѣствовательной.

III-я часть. Послѣ переходной мысли слѣдуетъ опредѣленіе 3-го вида (любви политической). Видовое отличіе указано: 1) въ объектѣ (благо и слава отечества) и 2) въ субъектѣ (люди, способные къ „разсужденію").

Далѣе слѣдуетъ доказательство. Путь его—дедуктивный. Форма—силлогизмъ:

Большая посылка:	Мы стремимся къ собственному благу.
Меньшая —	Благо отечества есть наше благо.
Тезисъ:	Мы стремимся къ благу отечества.

Изъ посылокъ 1-я есть истина, раздѣляемая послѣдователями философіи, которая основываетъ долгъ на счастіи, о чемъ авторъ и предупреждаетъ читателя, приступая къ доказательству; авторъ принимаетъ рѣшеніе этого нравственно-философскаго ученія за исходную точку и лишь ссылается на него, какъ на авторитетъ. 2-я пояснена развитіемъ ея помощію раздѣленія понятій *личное счастіе* и *благо отечества:* личное счастіе—просвѣщенныя удовольствія, семейныя наслажденія и добрая слава; благо отечества—его тишина, добрые нравы и слава; аналогіей сына семьи съ сыномъ отечества, и примѣромъ изъ древняго міра (Греки и Римляне) и новаго (Англичане).

Важность воспитанія въ предѣлахъ отечества.

Всякій долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату, обычаямъ, характеру жителей, образу жизни и правленія; мы знаемъ, что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Русскимъ — а намъ, для государственнаго счастья, не надобно ни Французовъ, ни Англичанъ! Пусть въ нѣкоторыя лѣта молодой человѣкъ, приготовленный къ основательному разсужденію, ѣдетъ въ чужія земли узнать европейскіе народы, сравнить ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ, чувствовать даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ! Я не боюсь за него; сердце юноши оставляетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ своихъ; оно будетъ стремиться къ намъ изъ отдаленія; подъ яснымъ небомъ южной Европы онъ скажетъ: *хорошо; но въ Россіи семейство мое, друзья, товарищи моего дѣтства*! Онъ будетъ многому удивляться, многое хвалить, но не полюбитъ никакой стороны болѣе отечества. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; *но всегда, всегда любитъ ту, въ которой воспитывался*; истина—важная для отцовъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впечатлѣнія юности составляютъ главную драгоцѣнность души; они всегда для насъ любезнѣе, подобно какъ самый простой весенній цвѣтъ радуетъ насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него пріятнѣйшимъ

мѣстомъ въ свѣтѣ. Если отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына отечествомъ: она дастъ ему первыя нравственныя, сильныя чувства, и сама природа [1] привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узами. Возрастъ отрока—есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшится судьба нашей жизни и чувствъ.

Карамзинъ.

Что утверждаетъ могущество государства.

Что утверждаетъ могущество государства? Устройство внутреннее, плодъ долговременнаго мира. Подъ сѣнію мира мужаетъ *власть* верховная; твердою *законностью* утверждается на *частномъ* благоденствіи благоденствіе *общее*; становятся ясны взаимныя отношенія между государемъ и подданными: любовь и уваженіе властителя къ народу производитъ и уваженіе народа къ властителю; тогда глубоко врѣзывается въ сердца и любовь къ отечеству [2]—не то естественное чувство, коимъ Лапландецъ прикованъ къ снѣжнымъ сугробамъ сѣвера, а Бедуинъ къ раскаленнымъ пескамъ пустыни, но высокое чувство благороднаго гражданина, для котораго въ одно слово *отечество* соединяется все, что драгоцѣнно душѣ человѣческой—и небо отчизны, и счастливая подъ нимъ страна отцовъ и братьевъ, и величіе властителя, неразлучное съ величіемъ народа, съ благоденствіемъ всѣхъ, съ достоинствомъ каждаго, и свобода, хранимая закономъ, и просвѣщеніе, болѣе и болѣе объясняющее высокое назначеніе человѣка, и религія, на все кладущая лучезарную печать свою, и въ минувшемъ—славный примѣръ отцовъ, великихъ гражданскою доблестью, или мужествомъ браннымъ или творческою мыслію, и въ настоящемъ—чувство высокой, дѣятельно-полезной, ничѣмъ не стѣсняемой жизни, и въ будущемъ—спокойное ожиданіе лучшаго. Съ такою любовію къ отечеству въ душѣ государя благоденствіе народное твердо, въ душѣ народа могущество государя непотрясаемо.

Жуковскій.

Что разрушаетъ государство.

Паденіе всякаго могущественнаго государства происходитъ отъ внутреннихъ причинъ, разлагающихъ его силу, а не отъ внѣшнихъ ударовъ, весьма часто служащихъ, пока внутренняя сила велика, лишь къ большему развитію могущества государства. Этому историческому закону подчинялись въ разное время многія державы не только азіатскія, но и европейскія. Испанія, Португалія, Швеція, Австрія, развѣ не потеряли значительной части своихъ владѣній, какъ скоро расша-

[1] *Въ подл.*: натура.—[2] Ср. съ предъидущею статьею Карамзина.

тались внутреннія силы этихъ государствъ? Развѣ сильная нѣкогда Польша пала не отъ внутреннихъ причинъ? Въ подобныхъ случаяхъ и внѣшняя поддержка не помогаетъ, и мы видѣли разительный примѣръ тому на попыткѣ поддержанія той же Польши Наполеономъ I, и при томъ во время самаго страшнаго развитія его могущества. Кто и когда могъ обезпечить вѣчную неприкосновенность владѣній какому либо государству? Удерживай, пока можешь дѣлать это, своею силою, а ужъ если государство ищетъ помощи у другаго для защиты своихъ владѣній, то этимъ самымъ оно признаетъ потерю своей независимости.

Основной законъ здравой политики.

Все въ политикѣ получаетъ свое основаніе и пріобрѣтаетъ свое право. То, что совершается въ *настоящую* минуту, есть необходимое слѣдствіе прошедшаго, есть послѣднее звено неразрывной цѣпи событій, въ которой ни одного изъ этихъ, одно въ другое входящихъ звеньевъ никакою силою исторгнуть не можно. Это прошедшее указываетъ намъ какъ дѣйствовать, не нарушая правды въ настоящемъ, дабы построить нѣчто прочное для будущаго. Должно однако сказать, что намъ не дано ничего строить *особеннаго* и *особственному* плану; мы можемъ только дѣлать *пристройки* къ зданію вѣковъ, котораго планъ не нами начертанъ и намъ даже неизвѣстенъ въ цѣломъ; мы можемъ только *пристроивать* къ тому мѣсту вѣковаго, всемірнаго зданія, близъ котораго стоимъ въ настоящемъ, и должны согласоваться съ мѣстностію такъ, чтобы наша *частная пристройка* гармонически входила въ цѣлое, не была бы отъ него отдѣльнымъ, а потому и легко разрушимымъ зданіемъ. Чтобы понимать *гдѣ*, *какъ* и *что* нужно пристроить, мы должны справляться съ исторіею; она одна раскрываетъ намъ планъ Провидѣнія, котораго мы должны держаться, но обозрѣніе котораго только по ея указаніямъ для насъ возможно. Если мы будемъ хотѣть не *пристроивать*, *а самобытно строить*, то мы только будемъ *разстроивать*, то есть, набрасывать развалины. Это самовольное набрасыванье развалинъ есть то, что называется *революціею*. И характеръ всякой революціи есть эта *отрывочность* вновь созидаемаго, которымъ хотятъ насильственно замѣнить часть зданія вѣковаго, вырвать эту часть изъ общаго плана и на ея развалинахъ воздвигнуть нѣчто отдѣльное вмѣсто того, чтобы, отдѣливъ обветшалое (само собою уже полуотдѣленное) отъ существующаго твердаго, замѣнить его соотвѣтствующимъ новымъ и тѣмъ только дать новую крѣпость всемірному, вѣковому.

Жуковскій.

Значеніе великихъ умовъ прошлыхъ временъ для образованнаго человѣка.

Долгъ его этимъ умамъ неизчислимъ. Они направили его къ истинѣ. Они наполнили его умъ благородными и изящными образами. Они сопутствовали ему во всѣхъ превратностяхъ, были утѣшителями въ горѣ, помощниками въ болѣзни, товарищами въ одиночествѣ. Такого рода дружба не подвержена никакой опасности со стороны случайностей, отъ которыхъ другія привязанности слабѣютъ или разрываются. Время уходитъ; счастіе измѣняетъ; характеры дѣлаются раздражительными; связи, которыя казались ненарушимыми, ежедневно расторгаются изъ-за выгодъ, соперничества или капризовъ. Но ни одна изъ подобныхъ причинъ не можетъ влiять на тихую бесѣду нашу съ величайшими изъ умовъ человѣческихъ. Спокойное общеніе это не нарушается никакими ревнивыми или злобными чувствами. Это старые друзья, у которыхъ лицо никогда не мѣняется, которые всегда тѣ же—въ богатствѣ и въ бѣдности, въ славѣ и въ неизвѣстности. Съ умершими нѣтъ соперничества. Умершіе не могутъ для насъ измѣниться.

Маколей.

Изъ предисловія къ „Исторіи Государства Россійскаго“.

Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ; главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.

Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ, согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастіе.

Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; она питаетъ нравственное чувство и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества.

Вотъ польза: сколько же удовольствій для сердца и разума! Любопытство сродно человѣку, и просвѣщенному, и дикому. На славныхъ

играхъ Олимпійскихъ умолкалъ шумъ, и толпы безмолствовали вокругъ Геродота, читающаго преданія вѣковъ. Еще не зная употребленія буквъ, народы уже любятъ исторію: старецъ указываетъ юношѣ на высокую могилу и повѣствуетъ о дѣлахъ лежащаго въ ней героя. Первые опыты нашихъ предковъ въ искусствѣ грамоты были посвящены вѣрѣ и дѣеписанію; омраченный густою сѣнію невѣжества народъ съ жадностію внималъ сказаніямъ лѣтописцевъ. И вымыслы нравятся; но для полнаго удовольствія должно обманывать себя и думать, что они истина. Исторія, отверзая гробы, поднимая мертвыхъ, влагая имъ жизнь въ сердца и слово въ уста, изъ тлѣнія вновь созидая царства и представляя воображенію рядъ вѣковъ съ ихъ отличными страстями, нравами, дѣяніями, расширяетъ предѣлы нашего собственнаго бытія; ея творческою силою мы живемъ съ людьми всѣхъ временъ, видимъ и слышимъ ихъ, любимъ и ненавидимъ; еще не думая о пользѣ, уже наслаждаемся созерцаніемъ многообразныхъ случаевъ и характеровъ, которые занимаютъ умъ или питаютъ чувствительность.

Если всякая исторія, даже и неискусно писанная, бываетъ пріятна, какъ говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане, въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи: личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть Греки, Римляне, плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ,—но имя русское имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Ѳемистокла или Сципіона. Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ мы живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда знаемъ, чтò въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича, дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины передъ нами.

Кромѣ особеннаго достоинства для насъ, сыновъ Россіи, ея лѣтописи имѣютъ общее. Взглянемъ на пространство сей единственной державы: мысль цѣпенѣетъ; никогда Римъ въ своемъ величіи не могъ равняться съ нею, господствуя отъ Тибра до Кавказа, Эльбы и песковъ африканскихъ. Не удивительно ли, какъ земли, раздѣленныя вѣчными преградами естества, неизмѣримыми пустынями и лѣсами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, какъ Астрахань и Лапландія, Сибирь и Бессарабія, могли составить одну державу съ Москвою? Менѣе ли чудесна и смѣсь ея жителей, разноплеменныхъ, разновидныхъ и столь удаленныхъ другъ отъ друга въ степеняхъ образованія? По-

добно Америкѣ Россія имѣетъ своихъ дикихъ; подобно другимъ странамъ Европы являетъ плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русскимъ: надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостію и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому дотолѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи, и просвѣтилъ Божественною вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго.

Согласимся, что дѣянія, описанныя Геродотомъ, Ѳукидидомъ, Ливіемъ, для всякаго не Русскаго вообще занимательнѣе, представляя болѣе душевной силы и живѣйшую игру страстей: ибо Греція и Римъ были народными державами и просвѣщеннѣе Россіи, однако жъ смѣло можемъ сказать, что нѣкоторые случаи, картины, характеры нашей исторіи, любопытны не менѣе другихъ. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, возстаніе Россіянъ при Донскомъ, паденіе Новгорода, взятіе Казани, торжество народныхъ добродѣтелей во время Междуцарствія. Великаны сумрака, Олегъ и сынъ Игоревъ; простосердечный витязь, слѣпецъ Василько; другъ отечества, благолюбивый Мономахъ; Мстиславы Храбрые, ужасные въ битвахъ и примѣръ незлобія въ мирѣ; Михаилъ Тверскій, столь знаменитый великодошною смертію; злополучный, истинно мужественный Александръ Невскій; герой юноша, побѣдитель Мамаевъ, — въ самомъ легкомъ начертаніи сильно дѣйствуютъ на воображеніе и сердце. Одно государствованіе Іоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ. Лучи его славы падаютъ на колыбель Петра. И между сими двумя самодержцами удивительный Іоаннъ IV; Годуновъ, достойный своего счастія и несчастія; странный лже-Димитрій, а за сонмомъ доблестныхъ патріотовъ, бояръ и гражданъ, наставникъ трона, первосвятитель Филаретъ съ державнымъ сыномъ, свѣтоносцемъ во тмѣ нашихъ государственныхъ бѣдствій, и царь Алексѣй, мудрый отецъ императора, коего назвала великимъ Европа. Или вся новая исторія должна безмолвствовать, или россійская имѣетъ право на вниманіе.

Знаю, что битвы нашего удѣльнаго междоусобія, гремящія безъ умолку въ пространствѣ пяти вѣковъ, маловажны для разума; что сей предметъ не богатъ ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца: но исторія не романъ, и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно: она изображаетъ дѣйствительный міръ. Видимъ на землѣ величественные горы и водопады, цвѣтущіе луга и долины: но сколько песковъ безплодныхъ и степей унылыхъ! Однако путешествіе вообще любезно человѣку съ живымъ чувствомъ и воображеніемъ; въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные.

Историкъ Россіи могъ бы конечно, сказавъ нѣсколько словъ о про-

исхожденіи ея главнаго народа, о составѣ государства, представить важныя, достопамятнѣйшія черты древности въ искусной картинѣ и начать обстоятельное повѣствованіе съ Іоаннова времени, или съ XV вѣка, когда совершилось одно изъ величайшихъ государственныхъ твореній въ мірѣ: онъ написалъ бы легко 200 или 300 краснорѣчивыхъ, пріятныхъ страницъ, вмѣсто многихъ книгъ, трудныхъ для автора, утомительныхъ для читателя. Но сіи обозрѣнія, сіи картины не замѣняютъ лѣтописей, и кто читалъ единственно Робертсоново введеніе въ исторію Карла V, тотъ еще не имѣетъ основательнаго, истиннаго понятія о Европѣ среднихъ временъ. Мало, что умный человѣкъ, окинувъ глазами памятники вѣковъ, скажетъ намъ свои примѣчанія: мы должны сами видѣть дѣйствіе и дѣйствующихъ: тогда знаемъ исторію. Хвастливость авторскаго краснорѣчія и нѣга читателей осудятъ ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу нашихъ предковъ? Они страдали и своими бѣдствіями изготовили наше величіе: а мы не захотимъ и слушать о томъ, ни знать, кого они любили, кого обвиняли въ своихъ несчастіяхъ? Иноземцы могутъ пропустить скучное для нихъ въ нашей древней исторіи; но добрые Россіяне не обязаны ли имѣть болѣе терпѣнія, слѣдуя правилу государственной нравственности, которая ставитъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гражданину образованному?... Такъ я мыслилъ, и писалъ объ Игоряхъ и Всеволодахъ, какъ современникъ, смотря на нихъ въ тусклое зеркало древней лѣтописи съ неутомимымъ вниманіемъ, съ искреннимъ почтеніемъ; и если, вмѣсто живыхъ, цѣлыхъ образовъ, представлялъ единственно тѣни, въ отрывкахъ,—то не моя вина: я не могъ дополнить лѣтописи.

Есть три рода исторіи: первая—современная, напримѣръ Ѳукидидова; гдѣ очевидный свидѣтель говоритъ о произшествіяхъ; вторая, какъ Тацитова, основывается на свѣжихъ словесныхъ преданіяхъ въ близкое къ описываемымъ дѣйствіямъ время; третья извлекается только изъ памятниковъ, какъ наша до самаго XVIII вѣка. Въ первой и второй блистаетъ умъ, воображеніе дѣеписателя, который избираетъ любопытнѣйшее, цвѣтитъ, украшаетъ, иногда творитъ, не боясь обличенія; скажетъ: я такъ видѣлъ, такъ слышалъ—и безмолвная критика не мѣшаетъ читателю наслаждаться прекрасными описаніями. Третій родъ есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты къ извѣстному; нельзя вопрошать мервыхъ; говоримъ, что передали намъ современники, молчимъ, если умолчали—или справедливая критика заградитъ уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что̀ сохранилось отъ вѣковъ въ лѣтописяхъ, въ архивахъ. Древніе имѣли право вымышлять рѣчи согласно съ характеромъ людей, съ обстоятельствами: право неоцѣненное для истинныхъ дарованій, и Ливій, пользуясь имъ, обогатилъ свои книги силою ума, краснорѣчія, мудрыхъ наставленій.

Но мы, вопреки мнѣнію Аббата Мабли, не можемъ нынѣ витійствовать въ исторіи. Новые успѣхи разума дали намъ яснѣйшее понятіе о свойствѣ и цѣли ея; здравый вкусъ уставилъ неизмѣнныя правила и навсегда отличилъ дѣеписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія, оставивъ въ удѣлъ первому быть вѣрнымъ зерцаломъ минувшаго, вѣрнымъ отзывомъ словъ, дѣйствительно сказанныхъ героями вѣковъ. Самая прекрасная выдуманная рѣчь безобразитъ исторію, посвященную не славѣ писателя, не удовольствію читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истинѣ, которая уже сама собою дѣлается источникомъ удовольствія и пользы. Какъ естественная, такъ и гражданская исторія не терпитъ вымысловъ, изображая, что̀ есть или было, а не что̀ быть могло. Но исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однако жъ характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ. Тѣмъ взыскательнѣе и строже критика; тѣмъ непозволительнѣе историку, для выгодъ его дарованія, обманывать добросовѣстныхъ читателей, мыслить и говорить за героевъ, которые уже давно безмолвствуютъ въ могилахъ. Что жъ остается ему, прикованному, такъ сказать, къ сухимъ хартіямъ древности? — порядокъ, ясность, сила, живопись. Онъ творитъ изъ даннаго вещества: не произведетъ золота изъ мѣди, но долженъ очистить и мѣдь: долженъ знать всему цѣну и свойство; открывать великое, гдѣ оно таится, и малому не давать правъ великаго. Нѣтъ предмета столь бѣднаго, чтобы искусство уже не могло въ немъ ознаменовать себя пріятнымъ для ума образомъ.

Доселѣ древніе служатъ намъ образцами. Никто не превзошелъ Ливія въ красотѣ повѣствованія, Тацита въ силѣ: вотъ главное! Знаніе всѣхъ правъ на свѣтѣ, ученость нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни самое глубокомысліе Макіавелево въ историкѣ не замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. Англичане славятся Юмомъ, Нѣмцы Іоанномъ Мюллеромъ, справедливо: оба суть достойные совмѣстники древнихъ, — не подражатели: ибо каждый вѣкъ, каждый народъ даетъ особенныя краски искусному бытописателю. „Не подражай Тациту, но пиши, какъ писалъ бы онъ на твоемъ мѣстѣ“ — есть правило генія. Хотѣлъ ли Мюллеръ, часто вставляя въ разсказы нравственныя апоѳегмы, уподобиться Тациту? не знаю, но сіе желаніе блистать умомъ или казаться глубокомысленнымъ, едва ли не противно истинному вкусу. Историкъ разсуждаетъ только въ объясненіе дѣлъ, тамъ, гдѣ мысли его какъ бы дополняютъ описаніе. Замѣтимъ, что сіи апоѳегмъ бываютъ для основательныхъ умовъ или полуистинами или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ. Искусное повѣствованіе есть долгъ бытописателя, а хорошая отдѣльная, мысль—

даръ: читатель требуетъ перваго и благодаритъ за второе, когда уже требованіе его исполнено. Не такъ ли думалъ благоразумный Юмъ, иногда весьма плодовитый въ изъясненіи причинъ, но до скупости умѣренный въ размышленіяхъ—историкъ, коего мы назвали бы совершеннѣйшимъ изъ новыхъ, если бы онъ не излишне чуждался Англіи, не излишне хвалился безпристрастіемъ, и тѣмъ не охладилъ своего изящнаго творенія? Въ Ѳукидидѣ видимъ всегда Аѳинскаго Грека, въ Ливіи всегда Римлянина, и плѣняемся ими, и вѣримъ имъ. Чувство: мы, наше — оживляетъ повѣствованіе, и какъ грубое пристрастіе, слѣдствіе ума слабаго или души слабой, несносно въ историкѣ: такъ любовь къ отечеству даетъ его кисти жаръ, силу, прелесть. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и души.

Карамзинъ.

Трудности изученія исторіи.

Изученіе исторіи отдѣльнаго народа и цѣлаго человѣчества, или такъ называемой всеобщей исторіи, представляетъ одинакія общія трудности. Внѣшній, окружающій насъ міръ легко поддается нашему изученію: вооруженныя могущественными орудіями, мы проникаемъ и въ небо, и въ море, и въ нѣдра земли; посредствомъ телескопа приближаемъ къ себѣ тѣла, отстоящія отъ насъ на громадное разстояніе; посредствомъ микроскопа наблюдаемъ за жизнію существъ, невидимыхъ простымъ глазомъ; но существо человѣка для насъ темно; завѣса, скрывающая тайны его жизни, едва приподнята, а исторія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, съ его жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ. Притомъ въ исторіи мы не можемъ наблюдать явленій непосредственно; мы смотримъ здѣсь чужими глазами, слушаемъ чужими ушами. Внимательное изученіе внѣшней природы уяснило для насъ многое относительно вліянія этой природы на жизнь человѣка, на жизнь человѣческихъ обществъ; но это только одна сторона дѣла, ограничиться которою и увлекаться опасно для науки. Другая причина трудности при изученіи исторіи заключается въ близости ея къ нашимъ существеннымъ интересамъ. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ сознанія, что исторія есть объяснительница настоящаго и потому наставница жизни, magistra vitae, человѣкъ однако хлопочетъ часто изо всѣхъ силъ, чтобы высвободиться изъ-подъ руководства этой наставницы. Покорствуя интересамъ настоящей минуты, онъ старается исказить историческія явленія, затемнить, извратить законы ихъ. Понимая важность исторіи, онъ хочетъ ея указаніями освятить свои мнѣнія, свои стремленія, и потому видитъ, ищетъ въ исторіи только того, что ему нужно, не обращая вниманія на многое другое: отсюда односторонность взгляда, часто ненамѣренная. Исторія—это свидѣтель, отъ котораго зависитъ рѣшеніе дѣла, и понятно стремленіе подкупить этого свидѣтеля, заставить его говорить только то, что̀ намъ нужно. Такимъ образомъ, изъ

самаго стремленія искажать исторію всего яснѣе видна ея важность, необходимость; но отъ этого наукѣ не легче.

Успѣхъ въ изученіи исторіи зависитъ именно отъ внимательности этихъ наблюденій, многосторонности взгляда; ошибки происходятъ не отъ неправильности только взгляда вообще, но отъ того, что мы глядимъ на одну сторону явленія и спѣшимъ изъ этого разсматриванія вывести наши заключенія, вывести общіе законы, объявляя другіе взгляды, т. е. взгляды на другія стороны явленія, ложными. Взглядъ вполнѣ правильный есть взглядъ всесторонній; разумѣется, онъ можетъ принадлежать существу совершенному, божеству; человѣкъ не можетъ имѣть притязаній на всесторонность взгляда, но долженъ стремиться къ возможному для него совершенству, къ многосторонности изученія. Иногда идетъ долговременная и ожесточенная борьба между учеными, между цѣлыми школами, идетъ борьба не отъ того, что одни смотрятъ правильно, а другіе неправильно на явленіе, а отъ того, что одни смотрятъ на одну, а другіе на другую сторону явленія, и не догадаются соединить свои взгляды, дополнить одинъ другимъ. Многостороннее наблюденіе, разумѣется, легче относительно явленій внѣшней природы, къ которымъ мы относимся непосредственно; оно крайне трудно относительно историческихъ явленій, къ которымъ непосредственно мы относиться не можемъ, а должны ограничиваться чужими наблюденіями; но отъ труднаго до невозможнаго еще далеко.

Соловьевъ.

Сознаніе Русскими пользы ученія самобытно.

Священное преданіе о необходимости просвѣщенія звучитъ изъ глубины XII вѣка; оно пришло къ намъ не изчужа, оно пришло съ свѣтомъ Божественной истины, и изъ вѣка въ вѣкъ передавалось оно, какъ завѣтъ предковъ потомкамъ. Когда только образовалось русское общество, когда части его находились еще въ броженіи и борьбѣ: тогда въ тѣсной кельѣ монастыря началась наша лѣтопись, и вотъ лѣтописецъ, начавъ разсказъ о томъ, какъ пошла Русская земля, какъ образовалось русское общество, на первыхъ страницахъ своего труда написалъ эти простыя, но безсмертныя слова: „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго“. Вотъ священный завѣтъ, полученный нами отъ предковъ, и историкъ русскій XIX вѣка, если хочетъ быть вѣренъ своему народу, своей исторіи, долженъ повторить слова лѣтописца XII вѣка: „велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго и велика бываетъ польза отъ народнаго самопознанія!“

Соловьевъ.

О счастливѣйшемъ времени жизни.

Человѣколюбіе, безъ сомнѣнія, заставило Цицерона [1] хвалить старость; однако жъ не думаю, чтобы трактатъ его въ самомъ дѣлѣ утѣшилъ старцевъ: остроумію легко плѣнить разумъ, но трудно побѣдить въ душѣ естественное чувство.

Можно ли хвалить болѣзнь? а старость—сестра ея. Перестанемъ обманывать себя и другихъ; перестанемъ доказывать, что всѣ дѣйствія натуры и всѣ феномены ея для насъ благотворны. Въ общемъ планѣ, можетъ быть; но какъ онъ извѣстенъ одному Богу, то человѣку и нельзя разсуждать о вещахъ въ семъ отношеніи. Оптимизмъ есть не философія, а игра ума [2]. Философія занимается только ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную. Творецъ не хотѣлъ для человѣка снять завѣсы съ дѣлъ своихъ, и догадки наши никогда не будутъ имѣть силы удостовѣренія. Вопреки Жанъ-Жаку Руссо младенчество, сіе всегдашнее бореніе слабой жизни съ алчной смертію, должно казаться намъ жалкимъ; вопреки Цицерону, старость печальна; вопреки Лейбницу и Попу [3], здѣшній міръ остается училищемъ терпѣнія. Не даромъ всѣ народы имѣли древнее преданіе, что земное состояніе человѣка есть его паденіе или наказаніе: сіе преданіе основано на чувствѣ сердца. Болѣзнь ожидаетъ насъ здѣсь при входѣ и выходѣ, а въ срединѣ, подъ розами здоровья, кроется змѣя сердечныхъ горестей. Живѣйшее чувство удовольствія имѣетъ въ себѣ какой-то недостатокъ; возможное на землѣ счастіе, столь рѣдкое, омрачается мыслію, что или мы оставимъ его, или оно оставитъ насъ.

Однимъ словомъ, вездѣ и во всемъ окружаютъ насъ недостатки. Однако жъ слова: благо и счастіе справедливо занимаютъ мѣсто свое въ лексиконѣ здѣшняго свѣта. Сравненіе опредѣляетъ цѣну всего: одно лучше другаго — вотъ благо; одному лучше, нежели другому— вотъ счастіе!

Какую же эпоху жизни можно назвать счастливѣйшею по сравненію? Не ту, въ которую мы достигаемъ до физическаго совершенства (ибо человѣкъ не есть только животное), но послѣднюю степень физической зрѣлости—время, когда всѣ душевныя способности дѣйствуютъ въ полнотѣ своей, а тѣлесныя силы еще не слабѣютъ примѣтно, когда мы уже знаемъ свѣтъ и людей, ихъ отношенія къ намъ, игру страстей, цѣну удовольствій и законъ природы, для нихъ устав-

---

[1] Въ сочиненіи De senectute.—[2] Противорѣчіе мрачнаго взгляда на жизнь въ этой статьѣ съ оптимистическимъ взглядомъ того же автора въ статьѣ: «О любви къ отечеству» («жизнь есть первое счастіе») объясняется не задолго передъ тѣмъ пережитымъ семейнымъ несчастіемъ. — [3] *Попъ* (т. е. Попе) — англ. поэтъ (1688—1744).

ленный: когда разумъ нашъ, богатый идеями, сравненіями, опытами, находитъ истинную мѣру вещей, соглашаетъ съ нею желанія сердца и даетъ жизни общій характеръ благоразумія. Какъ плодъ дерева, такъ и жизнь бываетъ всего сладостнѣе передъ началомъ увяданія... .

...Жребій брошенъ: состояніе избрано, утверждено; стараемся возвеличить его достоинства пользою для общества; хотимъ оставить въ мірѣ благодѣтельные слѣды бытія своего. Воспитаніе дѣтей, хозяйство, государственныя должности обращаются для насъ въ душевное удовольствіе, а дружба и пріязнь въ сладкое отдохновеніе..... Здоровье, столь мало уважаемое въ юныхъ лѣтахъ, дѣлается въ лѣтахъ зрѣлости истиннымъ благомъ; самое чувство жизни бываетъ гораздо милѣе тогда, когда уже пролетѣла ея быстрая половина. Такъ остатки ясныхъ осеннихъ дней располагаютъ насъ живѣе чувствовать прелесть натуры: думая, что скоро все увянетъ, боимся пропустить минуту безъ наслажденія! Юноша неблагодаренъ: волнуемый темными желаніями, безпокойный отъ самагo избытка силъ своихъ, съ небреженіемъ ступаетъ онъ на цвѣты, которыми природа и судьба украшаютъ стезю его въ мірѣ: человѣкъ, искушенный опытами, въ самыхъ горестяхъ любитъ благодарить Небо со слезами за малѣйшую отраду.

Въ сіе же время дѣйствуетъ и торжествуетъ геній. Ясный взоръ на міръ открываетъ истину; воображеніе сильное представляетъ ея черты живо и разительно, вкусъ зрѣлый украшаетъ ее простотою, и творенія ума человѣческаго являются въ совершенствѣ, и творецъ дерзнетъ наконецъ простирать руку къ потомству, быть современникомъ и гражданиномъ вселенной. Молодость любитъ въ славѣ только шумъ, а душа зрѣлая—справедливое, основательное признаніе ея полезной для свѣта дѣятельности. Истинное славолюбіе не волнуетъ, не терзаетъ, но сладостно покоитъ душу, среди монументовъ тлѣнія и смерти открывая ей путь безсмертія талантовъ и разума: мысль утѣшительная для существа, которое столько любитъ жить и дѣйствовать, но столь не долговѣчно своимъ бытіемъ физическимъ!

Дни цвѣтущей юности и пылкихъ желаній, не могу жалѣть о васъ! Помню восторги, помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастія: его не было въ сей бурной стремительности чувствъ къ безпрестаннымъ наслажденіямъ, которая бываетъ мукою; его нѣтъ и теперь для меня въ свѣтѣ; но не въ лѣтахъ кипѣнія страстей, а въ полномъ дѣйствіи ума, въ мірныхъ трудахъ его, въ тихихъ удовольствіяхъ жизни единообразной, успокоенной, хотѣлъ бы я сказать солнцу: остановися! если бы въ то же время могъ сказать и мертвымъ: возстаньте изъ гроба!

Карамзинъ.

Два условія развитія личности

Средствомъ для пріобрѣтенія развитія прежде всего служитъ переходъ изъ узкаго замкнутаго круга, изъ узкаго замкнутаго общества въ болѣе широкій кругъ, въ болѣе многочисленное общество. Сельскій житель отличается меньшею развитостію, потому что живетъ въ тѣсномъ уединенномъ кругу, гдѣ видитъ всѣ одни и тѣ же предметы и явленія, гдѣ господствуетъ простота быта, простота отношеній, и отсюда—дѣтская простота взглядовъ на все окружающее, привычка останавливаться на внѣшности, не углубляться въ сущность явленій. Горожанинъ развитѣе сельскаго жителя, потому что кругъ, въ которомъ обращается горожанинъ, шире, общество людей многочисленнѣе. Одиночество останавливаетъ развитіе; общеніе съ другими людьми, уясняя мысль, условливаетъ развитіе: но чтобъ плодотворно мѣняться мыслями, надобно о чемъ-нибудь думать, надобно, чтобъ мысли возбуждались широтою круга и разнообразіемъ предметовъ; городъ даетъ именно эту широту и разнообразіе, и потому горожанинъ развитѣе сельчанина.

Другое могущественное средство развитія даетъ школа, наука, посредствомъ которыхъ человѣку дѣлается доступенъ весь міръ, и не только настоящее этого міра, но и его прошедшее.

Этими двумя средствами развивается каждый отдѣльный человѣкъ; ими развиваются и цѣлые народы.

Соловьевъ.

Условія исторической жизни народовъ.

Первый вопросъ въ исторіи каждаго народа: гдѣ живетъ народъ? Сильное вліяніе мѣстности, ея природныхъ условій на жизнь народа безспорно, но здѣсь должно избѣгать односторонности. Если народъ, особенно во время своего младенчества, сильно подчиняется природнымъ условіямъ обитаемой имъ мѣстности, то съ постепеннымъ развитіемъ его духовныхъ силъ замѣчается обратное дѣйствіе, измѣненіе природныхъ условій подъ вліяніемъ народной дѣятельности: мѣста непроходимыя являются проходимыми, пути неудобные удобными, пространства сокращаются, изсушаются болота, рѣдѣютъ лѣса, являются новыя растенія, животныя, прежнія изчезаютъ, климатъ измѣняется, природныя условія продолжаютъ дѣйствовать, но это уже другія природныя условія, на которыя воздѣйствовалъ человѣкъ. Народный характеръ, нравы, обычаи, занятія народа мы не усомнились бы разсматривать какъ произведеніе вліянія природныхъ условій, если бъ имѣли основаніе считать каждый народъ автохтонами[1]; но если бы мы даже

---

[1] *Автохтоны*—первобытные жители страны.

предположили не одного, а нѣсколько родоначальниковъ для человѣчества, то и тогда движеніе и переселеніе родоначальниковъ народныхъ и цѣлыхъ народовъ должны заставить насъ взглянуть на дѣло съ другой стороны. Если въ установившихся уже и развитыхъ обществахъ человѣкъ избираетъ себѣ дѣятельность по своимъ личнымъ наклонностямъ, по условіямъ своей личной природы, то это же самое долженствовало быть и во времена отдаленныя, времена разселенія племенъ и народовъ: неизвѣстная мѣстность своими природными условіями первоначально создала характеръ ея жителей; но люди выбрали извѣстную страну мѣстомъ своего жительства по своимъ наклонностямъ, по своему характеру. Народъ, принужденный двинуться изъ прежняго мѣста жительства, вступаетъ въ степи, приглашающія его къ кочевому быту; но онъ останется въ степи и предастся кочевому быту только въ томъ случаѣ, если чувствуетъ внутреннее влеченіе къ нему; въ противномъ случаѣ онъ пройдетъ степь и устремится на исканіе другихъ странъ, именно соотвѣтствующихъ его природнымъ наклонностямъ. Живетъ одинъ народъ у моря, и море не отказываетъ на него никакого вліянія, не тянетъ его къ торговой дѣятельности; другой народъ пользуется близостью моря, стремится на окрытіе новыхъ земель, новыхъ рынковъ для себя. Слѣдовательно, народъ носитъ въ самомъ себѣ способность подчиняться и не подчиняться природнымъ вліяніямъ и отношенія потому измѣняются, являются болѣе свободными.

Но откуда въ народѣ эти внутреннія условія, вслѣдствіе которыхъ онъ подчиняется или не подчиняется вліянію природы, и подчиняется въ той или другой мѣрѣ, ранѣе или позднѣе выходитъ изъ своего подчиненія и начинаетъ бороться и преодолѣвать условія обитаемой имъ страны? Мы отличаемъ племена, мы говоримъ, что извѣстный народъ принадлежитъ къ племени, болѣе даровитому, болѣе способному къ развитію, другой къ менѣе способному; но откуда такое различіе съ племенахъ? Для рѣшенія этого вопроса справимся съ преданіями, которыя, кромѣ всякаго другаго авторитета, находятъ подтвержденіе въ ежедневномъ опытѣ. У патріарха Исаака двое сыновей: они близнецы, и не смотря на то съ противоположными характерами; между ними возникла борьба, вмѣстѣ они жить не могутъ, расходятся и становятся родоначальниками двухъ разныхъ народовъ. Въ еврейскомъ народѣ, въ его характерѣ, стремленіяхъ, историческомъ значеніи, нельзя не признать потомства Авраама, Исаака и Іакова. Народъ похожъ на своего родоначальника, не вслѣдствіе одного физическаго происхожденія отъ него: народъ воспитывается въ преданіяхъ, которыя идутъ отъ этого родоначальника, и въ которыхъ отразилась его личная природа, его взгляды и отношенія; эти преданія составляютъ святыню, которой вѣрятъ, которую хранить считаютъ главною обязанностію. Такъ составляется народный образъ; природа страны, гдѣ народъ основываетъ свое пребываніе, и многія другія условія обнаруживаютъ болѣе или менѣе

сильное участіе при этомъ составленіи; но вліяніе природы родоначальника и преданія, отъ него идущія и отражающія эту природу, необходимо должны быть предполагаемы, если не могутъ быть указаны. Что справедливо относительно народовъ, то должно быть справедливо и относительно цѣлыхъ племенъ. При нашей миѳоманіи [1], при нашей дурной привычкѣ заставлять народы все жить ложью, мы говоримъ, что они создаютъ образъ своего родоначальника по себѣ, приписываютъ ему тѣ качества, которыя сознаютъ въ себѣ; но при этомъ забывается наслѣдственность качествъ, переходъ ихъ отъ предка къ потомству.

Обращая вниманіе на воспитаніе племени или народа мы должны различать, воспитывается ли народъ сиднемъ на одномъ мѣстѣ, вдали отъ другихъ народовъ, въ странѣ обширной и богатой, при жирномъ питаніи? Въ этомъ случаѣ народъ необходимо представитъ намъ вялость, отсутствіе энергіи, отсутствіе широты взгляда, отсутствіе высшихъ побужденій къ подвигу, и далеко въ своемъ развитіи не пойдетъ. Другой народъ воспитывается въ хорошей школѣ: нужда заставляетъ его двигаться изъ одной страны въ другую, что̀ развиваетъ его физическія и нравственныя силы, расширяетъ его горизонтъ, дѣлаетъ его народомъ смышленымъ, бывалымъ, заставляетъ преодолѣвать препятствія природныя и бороться съ другими народами, которыхъ онъ встрѣтитъ на пути: крѣпость душевная и тѣлесная, энергія, способность къ сильному развитію, являются естественными слѣдствіями такого воспитанія. Но пріобрѣтенныя силы сохраняются и развиваются посредствомъ упражненія: поэтому важно, народъ, хорошо воспитанный въ школѣ подвига, поселяется ли въ такой странѣ и при такихъ условіяхъ, которыя приглашаютъ его успокоиться, прекратить движеніе, борьбу? Въ такомъ случаѣ и народъ, хорошо воспитанный, подвергается съ теченіемъ времени вліянію покоя, жирѣетъ и нейдетъ далѣе извѣстныхъ ступеней развитія. Слѣдовательно, для народа мало еще получить хорошее воспитаніе въ подвигѣ: нужно еще, чтобъ при окончательномъ поселеніи въ извѣстной странѣ народъ не успокоивался, не жирѣлъ и не засыпалъ; надобно, чтобъ подвигъ, борьба продолжались, и пріобрѣтенныя силы получали постоянное упражненіе.

Соловьевъ.

Необходимость исторіи для характеристики народа.

Физіономія народа опредѣляется только его исторіею.

Напрасно думаютъ, что достаточно нѣсколькихъ частныхъ наблюденій, чтобъ судить о народномъ характерѣ. Наблюдатели народныхъ нра-

---

[1] Т. е. при пристрастіи ученыхъ во всемъ видѣть миѳологію.

вовъ никогда не могутъ поручиться, что они не смѣшиваютъ постояннаго съ случайнымъ. Нѣкоторыя постоянныя свойства, принадлежащія одному народу въ особенности, можно вездѣ встрѣтить въ видѣ исключеній; и если не отличать строго частныя явленія отъ общихъ, то произойдетъ смѣшеніе понятій, противъ котораго не устоитъ никакая народность. Проѣзжайте какую угодно страну, и вы навѣрное встрѣтите нѣсколько лицъ, которымъ знакомы понятія о чести: слѣдуетъ ли отсюда заключить, что они укоренены и въ самыхъ нравахъ народа? Вы попали на одного честнаго человѣка, и неужели по немъ будете судить о цѣломъ обществѣ, среди котораго онъ живетъ? По нашему мнѣнію, только то качество надобно считать постояннымъ въ народѣ, которое можно провѣрить его исторіею. Возвращаясь нѣсколько разъ къ народной жизни, въ различныя эпохи, оно тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей неизмѣнности. Обыкновенная логика, любящая брать свои посылки отъ одного настоящаго, сама напрашивается на превратныя заключенія. Не видя ничего далѣе своей современности и о ней судя лишь по одностороннимъ извѣстіямъ, она подчасъ готова бываетъ пожалуй отвергать у иной народности и ея прошедшее значеніе. Ей иногда ничего не стóитъ провозгласить ничтожество отжившихъ великихъ дѣятелей на томъ единственно основаніи, что за дальностію разстоянія она не можетъ болѣе различить ихъ настоящихъ размѣровъ.

Знаніе, которому дорогà истина, никогда не пойдетъ этою фальшивою дорогою. Оно наоборотъ располагаетъ свои умозаключенія согласно съ самымъ ходомъ исторіи. Какъ въ ней настоящее есть обыкновенно результатъ всего предшествующаго жизненнаго процесса, такъ и знаніе ищетъ въ прошедшей жизни народа твердыхъ посылокъ для заключенія о послѣдующихъ ея явленіяхъ. Подобно большимъ монументальнымъ постройкамъ, великія историческія народности сооружаются цѣлыми вѣками. Каждое вновь приходящее поколѣніе строитъ на одномъ и томъ же данномъ основаніи; каждый вновь выводимый ярусъ есть естественное продолженіе одного и того же зданія. Иногда мѣшается стиль, допускаются чужіе орнаменты, но основа остается неизмѣнно та же самая. Чтобъ опредѣлить характеръ цѣлаго зданія, необходимо посмотрѣть на него съ низу. Крайнія линіи, которыми заканчивается вся постройка, обыкновенно опредѣляются направленіемъ и формою нижнихъ частей ея. Готическій храмъ не могъ быть заключенъ вершиною египетской пирамиды, и наоборотъ. Послѣдніе строители Миланскаго собора, допустивъ въ постройкѣ нѣкоторыя отступленія въ новѣйшемъ вкусѣ, завершили однако зданіе согласно съ общимъ его характеромъ. Если наши современники берутся достроивать нѣкоторые готическіе храмы, оставшіеся недоконченными еще отъ среднихъ вѣковъ, то они продолжаютъ только выводить далѣе линіи, начатыя давно отжившими основателями тѣхъ же сооруженій. Такъ и

въ исторіи все разнообразіе явленій сводится къ одному первоначальному очерку, котораго крайнія линіи большею частію совпадаютъ съ очертаніемъ или характеристикою самой народности. Поэтому и одна изъ главныхъ задачъ историка состоитъ въ томъ, чтобъ собрать разсѣянныя во множествѣ періодическихъ явленій черты одного народнаго образа и, по возможности, соединить ихъ въ одинъ наглядный очеркъ.

Кудрявцевъ.

Нравственность литературнаго произведенія*.

Что такое нравственная цѣль литературнаго произведенія? Въ чемъ состоитъ она? Есть люди, называющіе нравственными сочиненіями только тѣ, въ которыхъ наказывается порокъ и награждается добродѣтель. Мнѣніе это нѣкоторымъ образомъ противно нравственности, истинѣ и религіи. Ежели бы добродѣтель всегда торжествовала, въ чемъ было бы ея достоинство? Этого не хотѣло Провидѣніе, и здѣшній міръ есть міръ испытаній, гдѣ большею частію добродѣтель страждетъ, а порокъ блаженствуетъ. Изъ этого наружнаго безпорядка въ видимомъ мірѣ и теологи и философы выводятъ необходимость другой жизни, необходимость загробныхъ наградъ и наказаній, обѣщаемымъ намъ откровеніемъ.

Нравственное сочиненіе не состоитъ ли въ выводѣ какой-нибудь философической мысли, вообще полезной человѣчеству? Но чтобы въ самомъ дѣлѣ быть полезною, мысль должна быть истинною, слѣдственно извлеченною изъ общаго, а не изъ частнаго: какъ же, изображая только добродѣтель, играющую довольно второстепенную роль въ свѣтѣ, и минуя торжествующій порокъ, я достигну этого вывода? Я скажу мысль блестящую, но необходимо ложную, слѣдственно вредную.

Нѣтъ, скажутъ наши противники, мы не требуемъ, чтобы вы изображали однихъ добродѣтельныхъ; изображайте и порочныхъ, но первыхъ привлекательными, вторыхъ отвратительными.

Мы погрѣшимъ противъ истины: не всѣ пороки имѣютъ видъ рѣшительно гнусный. По большей части наши добрыя и злыя начала такъ смежны, что нельзя провести раздѣляющей линіи между ними. Нѣтъ человѣка совершенно добродѣтельнаго, т. е. чуждаго всякой слабости, ни совершенно порочнаго, т. е. чужаго всякаго добраго побужденія. Жалѣть объ этомъ нечего: одинъ былъ бы добродѣтеленъ по необходимости, другой порочен по той же причинѣ; въ одномъ не было бы заслуги, въ другомъ вины; слѣдственно ни въ томъ, ни въ другомъ ничего нравственнаго.

Характеры смѣшанные одни естественны и одни нравственны: ихъ двойственность и составляетъ ихъ нравственность. Одно и то же

* Образецъ доказательствъ непрямыхъ.

лицо является намъ попеременно добродѣтельнымъ и порочнымъ, попеременно ужасаетъ насъ и привлекаетъ. Федра [1], оплакивающая незаконную страсть свою, и Федра, ей уступающая, двѣ противоположныя Федры: мы любимъ добродѣтельную, ненавидимъ порочную и здѣсь мы не можемъ ошибиться, не можемъ принять добродѣтель за порокъ и порокъ за добродѣтель: дѣйствія не смѣшаны, какъ характеры; дѣйствіе добродѣтельное совершенно прекрасно, дѣйствіе порочное совершенно безобразно, и нравственный выводъ внушаетъ намъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній, всякое лицо, вѣрно снятое съ природы.

Но не безнравственно ли, скажутъ, то участіе, которое возбуждаетъ въ насъ, герой трагедіи, романа, поэмы, въ ту минуту, когда онъ уступаетъ преступному побужденію? Не говоритъ ли намъ наше сердце, что и мы охотно совершили бы то же преступленіе, надѣясь возбудить то же участіе? Если означенное лицо безъ борьбы уступаетъ искушенію, оно не возбуждаетъ участія; не возбуждаетъ его, и тогда, когда мы чувствуемъ, что оно не употребило всего могущества воли своей на побѣду преступной наклонности и позволило побороть себя, а не пало подъ силою обстоятельствъ, превышающихъ нравственную его силу. Побѣжденные Трояне возбуждаютъ наше участіе потому, что они защищались до послѣдней крайности; побѣжденные, они не ниже побѣдителей; разсчетливая сдача какой-нибудь крѣпости не восхищаетъ насъ, подобно падшей Троѣ, и никто не сравниваетъ ея коменданта съ божественнымъ Гекторомъ.

Должно прибавить, что творенія, развивающія чувствительность, въ то же время просвѣщаютъ совѣсть...

...Разсматривая литературныя произведенія по правиламъ моралистовъ [2], всякую книгу найдемъ мы безнравственною. Что, напримѣръ, хуже Квинта-Курція? Онъ изображаетъ привлекательно неистоваго честолюбца [3], жаднаго битвъ и побѣдъ, стóящихъ такъ дорого роду человѣческому; кровь его не ужасаетъ: чѣмъ больше ея прольетъ, тѣмъ онъ будетъ счастливѣе; чѣмъ далѣе простретъ онъ опустошеніе, тѣмъ онъ будетъ славнѣе. И эту книгу будутъ читать юные властители! Что хуже Гомера? Въ первомъ стихѣ Иліады онъ уже показываетъ безнравственную цѣль свою, намѣреніе воспѣвать порокъ:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!

Подобнымъ образомъ можно неопровержимо доказать вредное вліяніе всякаго сочиненія и изъ слѣдствія въ слѣдствіе заключить съ логическою основательностію, что въ благоустроенномъ государствѣ должно запретить литературу.

---

[1] *Федра*—героиня трагедіи Расина того же имени.—[2] *Въ подл.*: нашихъ журналовъ—[3] *Кв. Курцій*—римск. историкъ, авторъ исторіи Александра Македонскаго.

Въ такомъ случаѣ должно запретить и человѣка. Но природа одарила его разумомъ не для невѣжества, одарила словомъ не для молчанія. Запретить человѣку пользоваться своимъ разумомъ значитъ унизить его до животныхъ, его лишенныхъ[1].

Изъ соч. Баратынскаго.

Отвѣтственность писателя.

Пушкинъ, когда прочиталъ слѣдующіе стихи изъ оды Державина къ Храповицкому:

За слова меня пусть гложетъ,
За дѣла сатирикъ чтитъ,

сказалъ такъ: „Державинъ не совсѣмъ правъ: слова поэта суть уже его дѣла". Пушкинъ правъ. Поэтъ на поприщѣ слова долженъ быть такъ же безукоризненъ, какъ и всякій другой на своемъ поприщѣ. Если писатель станетъ оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, бывшими причиною неискренности или необдуманности, или поспѣшной торопливости его слова, тогда и всякій несправедливый судья можетъ оправдаться въ томъ, что бралъ взятки и торговалъ правосудіемъ, складывая вину на свои тѣсныя обстоятельства, на жену, на большое семейство — словомъ, мало ли на что можно сослаться? У человѣка вдругъ явятся тѣсныя обстоятельства. Потомству нѣтъ дѣла до того, кто былъ виною, что писатель сказалъ глупость или нелѣпость, или же выразился вообще необдуманно и незрѣло. Онъ не станетъ разбирать, кто толкалъ его подъ руку — близорукій ли пріятель, подстрекавшій его на рановременную дѣятельность, журналистъ ли, хлопотавшій только о выгодѣ своего журнала. Потомство не приметъ въ уваженіе ни кумовства, ни журналистовъ, ни собственной его бѣдности и затруднительнаго положенія. Оно сдѣлаетъ упрекъ ему, а не имъ. Зачѣмъ ты не устоялъ противу всего этого? Вѣдь ты же почувствовалъ самъ честность званія своего; вѣдь ты же умѣлъ предпочесть его другимъ выгоднѣйшимъ должностямъ и сдѣлалъ это не вслѣдствіе какой-нибудь фантазіи, но потому, что въ себѣ услышалъ на то призваніе Божіе; вѣдь ты же получилъ въ добавку къ тому умъ, который видѣлъ подальше, пошире и поглубже дѣла, нежели тѣ, которые тебя подталкивали! Зачѣмъ же ты былъ ребенкомъ, а не мужемъ, получа все, что нужно для мужа? Словомъ, еще какой-нибудь обыкновенный писатель могъ бы оправдываться обстоятельствами, но не Державинъ. Онъ слишкомъ повредилъ себѣ тѣмъ, что не сжегъ по крайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ. Эта половина одъ представля-

---

[1] Ср. «Безнравственное сочиненіе есть то, коего цѣлію или дѣйствіемъ бываетъ потрясеніе правилъ, на коихъ основано общественное счастіе или достоинство человѣческое». Пушкинъ. (Записки стр. 47).

етъ явленіе поразительное: никто еще доселѣ такъ не посмѣялся надъ самимъ собою, надъ святыней своихъ лучшихъ вѣрованій и чувствъ, какъ сдѣлалъ это Державинъ въ этой несчастной половинѣ своихъ одъ. Точно какъ бы онъ силился здѣсь намалевать каррикатуру на самого себя: все, что въ другихъ мѣстахъ у него такъ прекрасно, такъ свободно, такъ проникнуто внутреннею силою душевнаго огня, здѣсь холодно, бездушно и принужденно; а что хуже всего — здѣсь повторены тѣ же самые обороты, выраженія и даже цѣликомъ фразы, которыя имѣютъ такую орлиную замашку въ его одушевленныхъ одахъ и которые тутъ просто смѣшны и походятъ на то, какъ бы карликъ надѣлъ панцырь великана, да еще и не такъ, какъ слѣдуетъ. Сколько людей теперь произноситъ сужденіе о Державинѣ, основываясь на его пошлыхъ [1] одахъ; сколько усомнилось въ искренности его чувствъ потому только, что нашли ихъ во многихъ мѣстахъ выраженными слабо и бездушно; какіе двусмысленные толки составились о самомъ его характерѣ, душевномъ благородствѣ и даже неподкупности того самаго правосудія, за которое онъ стоялъ! И все потому, что не сожжено то, что должно быть предано огню.

Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними; иначе—онѣ вдругъ обратятся въ общія мѣста, а общимъ мѣстамъ уже не вѣрятъ. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемѣрные или даже просто неприготовленные проповѣдыватели Бога, дерзавшіе произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться съ словомъ нужно честно. Оно есть высшій подарокъ Бога человѣку. Бѣда произносить его писателю въ тѣ поры, когда онъ находится подъ вліяніемъ страстныхъ увлеченій досады или гнѣва, или какого-нибудь личнаго нерасположенія къ кому бы то ни было, словомъ, въ тѣ поры, когда не пришла еще въ стройность его собственная душа: изъ него такое выйдетъ слово, которое всѣмъ опротивѣетъ. И тогда съ самымъ чистѣйшимъ желаніемъ добра можно произвести зло.

Гоголь.

Слова поэта суть уже дѣла его.

Выраженіе Пушкина: *слова поэта суть уже дѣла его* заключаютъ въ себѣ смыслъ глубокій. Такъ: слова поэта—дѣла поэта. Поэтъ творитъ словомъ, и это творческое слово, вызванное вдохновеніемъ изъ идеи, могущественно владѣвшей душою поэта, стремительно переходя въ другую душу, производитъ въ ней такое же вдохновеніе и ее такъ же могущественно объемлетъ; это дѣйствіе не есть ни умственное, ни нравственное,—оно просто власть, которой мы ни силою воли, ни силою разсудка отразить не можемъ. Поэзія, дѣйствуя на ду-

[1] См. опредѣленіе *пошлаго* (стр. 461).

шу, не даетъ ей ничего опредѣленнаго: это не есть ни пріобрѣтеніе какой нибудь новой, логически обработанной идеи, ни возбужденіе положительнымъ правиломъ; нѣтъ, это есть тайное, всеобъемлющее, глубокое дѣйствіе откровенной красоты, которая всю душу обхватываетъ и въ ней оставляетъ слѣды неизгладимые, благотворные или разрушительные, смотря по свойству художественнаго произведенія, или, вѣрнѣе, смотря по духу самого художника!

Не въ томъ, чтò составляетъ содержаніе поэтическаго произведенія, заключается его нравственно-образовательное на насъ вліяніе, а въ томъ, чтò есть самъ поэтъ: увлекаемые прелестью его созданія, мы нечувствительно проникаемся его вѣрою, его любовію, его возвышенностію и чистотою, и онѣ по тайному сродству остаются въ сліяніи съ нами, какъ послѣдній результатъ поэтическаго наслажденія. Поэтъ въ выборѣ предмета не подверженъ никакому обязующему направленію. Поэзія живетъ свободною; утративъ непринужденность (похожую часто на причудливость и своевольство), она теряетъ прелесть; всякое *намѣреніе* произвести то или другое опредѣленное, но стороннее дѣйствіе нравственное, поучительное или (какъ нынче мода) политическое, даетъ движеніямъ фантазіи какую-то неповоротливость и неловкость—тогда какъ она должна легкокрылою ласточкою, съ криками радости, летѣть между небомъ и землею, посѣщать всѣ климаты и уносить за собою нашу душу въ этотъ чистый эфиръ высоты, на освѣжительную, беззаботную прогулку по всему поднебесью.

Но поэтъ, свободный въ выборѣ предмета, не свободенъ отдѣлить отъ него самого себя: что скрыто внутри его души, то будетъ вложено, тайно, безнамѣренно и даже противонамѣренно и въ его созданіе: что *онъ самъ*, то будетъ его созданіе. Если онъ чистъ, то и мы не осквернимся, какіе бы образы, нечистые или чудовищные, ни представлялъ онъ намъ, какъ художникъ; но и самое святое подѣйствуетъ на насъ какъ отрава, когда оно намъ выльется изъ сосуда души отравленой. Съ благодарностію сердца укажу на нашего современника Вальтеръ-Скотта. Поэтъ въ прямомъ значеніи сего званія—онъ будетъ жить во всѣ времена благотворителемъ души человѣческой. Какой разнообразный міръ обхваченъ его геніемъ! Онъ до всего коснулся, отъ самаго низкаго и безобразнаго, до самаго возвышеннаго и божественнаго, и все изобразилъ съ простодушною вѣрностію, нигдѣ не нарушилъ намѣренія истины, нигдѣ не оскорбилъ красоты, во всемъ удовлетворилъ требованіямъ искусства. Но посреди этого очарованнаго міра, самое очаровательное есть онъ самъ—его свѣтлая, чистая, младенчески вѣрующая душа; ея присутствіе разлито въ его твореніяхъ, какъ воздухъ на высотахъ горныхъ, гдѣ дышется такъ легко, освѣжительно и цѣлебно. Его поэзіи предаешься безъ всякой тревоги, съ нимъ вмѣстѣ вѣруешь святому, любишь добро, постигаешь красоту и знаешь, какое назначеніе души твоей; онъ представляетъ

тебѣ во всей наготѣ и зло и развратъ, но ты ими не заражаешься: съ тобой, сквозь толпу очумленную, идетъ проводникъ, заразѣ ея недоступный и тебя сопутствіемъ своимъ берегущій. Цѣль художественнаго произведенія достигнута: ты былъ пораженъ, приведенъ въ ужасъ, смѣялся, плакалъ, словомъ—ты насладился красотою созданія поэтическаго; но въ то же время душа твоя проникнута довольствомъ другаго рода; она вполнѣ спокойна, какъ будто болѣе утвержденная въ томъ, что все ея лучшее вѣрно.

Изъ всего сказаннаго выше легко опредѣлить, что такое *дѣло* поэта какъ въ тѣсномъ, такъ и обширномъ его значеніи. Съ одной стороны, то есть въ тѣсномъ смыслѣ *художественнаго произведенія*, оно состоитъ въ одномъ *исполненіи*, болѣе или менѣе совершенномъ, *условій искусства*; съ другой, то есть въ обширномъ смыслѣ самаго *художества*, оно заключаетъ въ себѣ и дѣйствіе, производимое духомъ поэта.

Жуковскій.

Польза поэзіи.

Въ мірѣ духовномъ замѣчается такое же точно соотношеніе между различными силами, какъ и въ мірѣ физическомъ: приведите въ движеніе одну—всѣ другія, съ нею сходныя и къ ней близкія, пробудятся, придутъ въ сотрясеніе, начнутъ дѣйствовать, и такъ какъ въ натурѣ ничто не прекращается вдругъ, не оставляя по себѣ слѣдствій, болѣе или менѣе ощутительныхъ, то и сіе движеніе никогда не бываетъ совершенно безплоднымъ для движимыхъ силъ; дѣятельность, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ мірѣ, способствуетъ къ усовершенствованію дѣйствующей силы: дѣйствуя теперь, становится она способнѣе дѣйствовать послѣ.

Наша фантазія съ каждою новою картиною поэта пріобрѣтаетъ что-нибудь новое; умъ нашъ, руководствуемый его остротою, обогащается новымъ тонкимъ замѣчаніемъ, новою необыкновенною связію мыслей; наше сердце, увлеченное его чувствами, трогается; но этого не довольно; все наше воображеніе становится живѣе, все наше остроуміе дѣятельнѣе, все наше сердце чувствительнѣе и нѣжнѣе. Силы сіи, будучи неоднократно въ насъ пробуждаемы, пріобрѣтаютъ чрезъ то болѣе готовности, напряженія, совершенства для будущей дѣятельности.

Счастіе человѣка заключено въ совершенствѣ его натуры, а натура его не иное что, какъ сумма тѣхъ силъ, которыми одарилъ его Создатель, и тотъ, кто возвышаетъ въ немъ ту или другую силу, какая бы она впрочемъ ни была, тотъ безъ сомнѣнія дѣйствуетъ для его блага, ускоряетъ его стремленіе къ совершенству. Мыслить, что удовольствіе, получаемое отъ чтенія поэтовъ, можетъ быть однимъ простымъ удовольствіемъ, не имѣющимъ никакого вліянія на будущее,

есть, по моему мнѣнію, грубая ошибка. Нѣтъ, оно имѣетъ вліяніе и вліяніе *полезное*. Жуковскій.

Личная и народная самостоятельность, какъ силы, движущія общества и народы.

Если мы внимательно вглядимся въ движенія, происходившія на памяти исторіи въ человѣческихъ обществахъ, то главную причину этихъ движеній найдемъ въ стремленіи опредѣлить отношенія личности къ обществу. Природа человѣка требуетъ жизни въ обществѣ; но, входя въ общество, человѣкъ долженъ отказаться отъ извѣстной доли своей самостоятельности и свободы въ пользу другихъ, въ пользу общества. „Отъ извѣстной доли",—но отъ какой именно?—вотъ вопросъ, который и рѣшается въ продолженіи всей исторіи человѣчества, ибо для успѣховъ человѣческой, т. е. общественной жизни, личность должна сохранять извѣстную и значительную долю самостоятельности и свободы.

Для охраненія своей самостоятельности и свободы, личность имѣетъ прежде всего свою внутреннюю, духовную природу, посредствомъ которой сносится съ высшимъ міромъ, гдѣ находитъ высшую повѣрку всѣмъ дѣйствіямъ и отношеніямъ; понятно, какъ вѣрованіе въ загробную жизнь, въ вѣчное существованіе каждой отдѣльной личности способствуетъ къ тому, чтобъ дать послѣдней свободное и независимое положеніе; понятно, какія средства даетъ ей это вѣрованіе въ борьбѣ съ матеріальною силою и случайностями. Кромѣ религіи, кромѣ вѣрованія въ вѣчное самостоятельное существованіе личности, послѣдняя, для своей охраны, имѣетъ еще семейство и собственность, которыя даютъ ей возможность устроивать въ обществѣ свой особый и самостоятельный міръ.

Семейство есть самостоятельное общество въ обществѣ, необходимое для поддержанія въ человѣкѣ его самостоятельности: въ это убѣжище стремится онъ отъ порабощенія и поглощенія, которымъ грозитъ ему общество, если онъ постоянно пребываетъ въ немъ; здѣсь онъ чувствуетъ себя не частію огромнаго цѣлаго, въ которомъ онъ изчезаетъ, не колесомъ. не винтомъ въ машинѣ, но существомъ самостоятельнымъ, центромъ особаго міра, здѣсь онъ *самъ*, по русскому народному выраженію. Въ обществахъ неразвитыхъ семейство имѣетъ уже слишкомъ большое значеніе; здѣсь оно слишкомъ обширно, развиваясь въ родъ, который заслоняетъ для человѣка общество, суживаетъ сферу его дѣятельности, его отношеній и сдерживаетъ развитіе его силъ. Общество, развиваясь, тѣснитъ родъ, обрываетъ его, переводитъ обязанности человѣка къ роду на обязанности къ себѣ; все это очень хорошо, но есть предѣлъ обществу въ этомъ отношеніи; горе ему если оно захочетъ перейти законную грань и

нарушить святыню семейства. Что̀ касается собственности отдѣльной, то она неразрывно связана съ семействомъ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживаетъ самостоятельность человѣка, давая ему сильное побужденіе къ дѣятельности въ возможности располагать результатами этой дѣятельности. Семейство и собственность будутъ всегда отличіемъ совершеннолѣтняго человѣка. Такимъ образомъ религія, семейство и собственность составляютъ три крѣпости, посредствомъ которыхъ личность отстаиваетъ свою свободу и самостоятельность...

На поприщѣ болѣе обширномъ мы видимъ движеніе, столкновеніе народныхъ личностей. Очевидно, что благородная натура европейско-христіанскихъ народовъ влечетъ ихъ къ жизни сообща, вслѣдствіе чего международныя отношенія сильно измѣнились, особенно въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. По единству интересовъ, по возможности наблюдать за жизнію другъ друга, не разъ являлись у народовъ общія дѣйствія, общія распоряженія; народная личность почувствовала со стороны общества народовъ посягновеніе на свои права, на свободу и независимость дѣйствій. Народъ объявляетъ другому войну; но нѣсколько другихъ народовъ вмѣшиваются и требуютъ прекращенія войны, составляя общій интересъ, сохраненіе политическаго равновѣсія и т. п. Свобода народной личности явно ограничивается обществомъ народовъ, интересами этого общества. Но этого мало, что свобода ограничивается дѣйствіями извѣстной народной личности по отношенію къ другой личности: одинъ народъ вмѣшивается во внутреннія дѣла другаго народа, напр. протестантскіе государи считаютъ своимъ правомъ и обязанностью поддерживать протестантскихъ подданныхъ другихъ державъ противъ ихъ правительствъ; наконецъ, государства, на основаніи общей пользы и безопасности, на основаніи политическаго равновѣсія, начали считать себя въ правѣ, съ общаго согласія, дѣлить владѣнія извѣстнаго государства, какъ напр. раздѣлены были владѣнія Испаніи. Разумѣется, что при такомъ движеніи международной европейской жизни, народная личность должна была протестовать, и необходимо поднимался вопросъ о вмѣшательствѣ чужихъ державъ въ дѣла извѣстнаго государства, вопросъ: насколько народная личность должна отказаться отъ своихъ правъ въ пользу общей международной жизни; гдѣ должны быть поставлены границы вмѣшательству?

Соловьевъ.

Историческіе законы и историческія лица.

Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своенравному вліянію личной воли и личныхъ страстей. Исходя изъ этого

начала, нетрудно было прійти къ убѣжденію, что въ исторіи, преданной господству случая, нѣтъ ничего несбыточнаго, что для цѣлыхъ народовъ возможны salti mortali—скачки изъ одного порядка вещей въ другой, отдѣленный отъ него длиннымъ рядомъ ступеней развитія. Наше время перестало вѣрить въ безсмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ или, лучше сказать, необходимость. Вмѣстѣ со случаемъ утратила большую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей только честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди къ исполненію историческихъ идей. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія событія получили иной, болѣе строгій и величавый характеръ: они явились не результатомъ человѣческаго произвола, а неизбѣжнымъ, роковымъ выводомъ прошедшаго, началомъ, напередъ опредѣляющимъ будущее.... потому не станемъ отрицать достоинствъ новаго воззрѣнія, конечно болѣе разумнаго, чѣмъ предшествовавшее ему, но не можемъ не замѣтить, что оно также одностороннe.

Жизнь человѣчества подчинена тѣмъ же законамъ, какимъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи. Растеніе цвѣтетъ и даетъ плодъ въ данную, намъ заранѣе извѣстную пору; животное не можетъ ни растянуть, ни сократить возрастовъ своей жизни. Такого правильнаго, опредѣленнаго развитія нѣтъ въ исторіи. Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ: десять лѣтъ или десять вѣковъ—все равно. Законъ стоитъ какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество; но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много ли потратитъ времени на пути. Здѣсь-то вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона, и принимаетъ на себя по праву отвѣтстенность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій. Вотъ почему его характеръ, страсти, внутреннее развитіе становится для мыслящаго историка важнымъ и глубоко знаменательнымъ предметомъ изученія. Къ сожалѣнію, историки нашего времени слишкомъ мало обращаютъ вниманія на психологическій элементъ въ своей наукѣ.

Грановскій.

Ученіе софистовъ и Сократа.

Разрушеніе народныхъ и религіозныхъ вѣрованій, произведенное философіей, которая на ихъ мѣсто не могла поставить ничего прочнаго, освященнаго, имѣющаго всеобщій авторитетъ, дающаго правила жизни, но породила множество разнородныхъ, спорныхъ мнѣній о важнѣйшихъ вопросахъ, должно было естественно навести многихъ на мысль, что

всеобщихъ истинъ нѣтъ, нѣтъ и общихъ нравственныхъ правилъ, сдерживающихъ каждаго человѣкъ и опредѣляющихъ его дѣятельность; слѣдовательно, каждый человѣкъ составляетъ отдѣльный, вполнѣ независимый міръ, имѣетъ свой собственный взглядъ на все и свои исключительныя личныя цѣли, достиженіе которыхъ есть главная его задача; объективной истины нѣтъ; истинно то, что̀ отдѣльный человѣкъ въ извѣстное время считаетъ истиннымъ; средства отдѣльнаго человѣка составляютъ мѣрило всего; если средства отдѣльнаго человѣка велики въ сравненіи со средствами другихъ людей, то онъ имѣетъ полное право стремиться къ господству надъ ними, къ тираніи. Таковъ былъ необходимый результатъ, къ которому должно было прійти крайнее развитіе личности въ Греціи, и преимущественно въ Аѳинахъ.

Разумѣется, подобныя мнѣнія, какъ всякія мнѣнія, должны были распространяться между людьми мыслящими, способными останавливать свое вниманіе на высшихъ вопросахъ жизни, должны были распространиться между людьми, посвятившими себя наставленію, обученію другихъ, преимущественно въ ораторскомъ искусствѣ, которое такъ надобилось въ Греціи, и особенно въ Аѳинахъ. Такіе люди назывались софистами, отъ которыхъ изложенное ученіе и получило свое названіе.

Но разрушительное вліяніе на общество такъ называемаго софистическаго ученія вызвало противодѣйствіе, которое явилось изъ среды тѣхъ же софистовъ, т. е. людей, занимавшихся наставленіемъ другихъ. Сократъ, въ школѣ котораго обнаружилось это противодѣйствіе, являлся для современниковъ тѣмъ же софистомъ, какой выведенъ былъ и на сцену Аристофаномъ [1], не смотря на все старапіе его выдѣлиться изъ среды софистовъ ученіемъ и поведеніемъ: напримѣръ, онъ не бралъ деньги за свое ученіе и не странствовалъ изъ города въ городъ, подобно другимъ знаменитымъ софистамъ. Противодѣйствуя господствовавшему между софистами ученію, Сократъ долженъ былъ вооружиться противъ доведеннаго до крайности развитія личности, т. е. долженъ быть утверждать, что есть общія, непреложныя истины, есть нравственныя правила, обязательныя для всѣхъ, правила, безъ признанія и соблюденія которыхъ общество не можетъ существовать; онъ полагалъ различіе между благочестіемъ и безбожіемъ, благородствомъ и неблагородствомъ, справедливостію и несправедливостію, храбростію и трусостію и т. д., разсматривалъ все это независимо, признавая въ каждомъ человѣкѣ врожденную способность дойти до правильнаго различенія всего этого, при хорошемъ руководствѣ, тогда какъ въ господствующемъ между софистами ученіи все это смѣшивалось, могло переходить одно въ другое, смотря по обстоятельствамъ, и въ человѣкѣ не признавалась способность различенія хорошаго отъ дурнаго независимо отъ его непосредственнаго чувства. Послѣдователь такъ называемаго уче-

---

[1] Въ комедіи «Облака».

нія софистовъ говорилъ: „Въ большинствѣ вещей природа и законъ находится въ противоположномъ отношеніи другъ къ другу; по природѣ хуже всего претерпѣть несправедливость, а по закону хуже всего сдѣлать несправедливость. Претерпѣть несправедливость отъ другаго недостойно свободнаго человѣка; несправедливость можетъ снести только рабъ, которому лучше умереть, чѣмъ жить, ибо, претерпѣвая несправедливости и оскорбленія, онъ не въ состояніи защитить себя и тѣхъ, кого любитъ. Законы—произведеніе людей слабыхъ личными средствами, но многочисленнѣйшихъ; постановляя законы, они думали только о себѣ, о своихъ интересахъ; чтобъ испугать людей сильныхъ личными средствами, которые могли бы пріобрѣсти власть надъ другими, они говорятъ, что преимущество есть вещь нехорошая и несправедливая, и что человѣкъ, стремящійся къ могуществу, поступаетъ несправедливо; по своей слабости они стремятся къ равенству. Такимъ образомъ, по закону несправедливо пріобрѣтать власть надъ другими; но по природѣ справедливо, чтобъ лучшій и сильнѣйшій имѣлъ болѣе, чѣмъ худшій и слабѣйшій. Мы беремъ съ дѣтства лучшихъ и сильнѣйшихъ между нами, образуемъ ихъ и укрощаемъ, какъ львятъ, внушаемъ имъ, что надобно чтить равенство, и что въ этомъ заключается прекрасное и справедливое. Но какъ скоро явится человѣкъ съ могущественною природою, разобьетъ онъ всѣ эти оковы, потопчетъ ногами наши писанія, наши законы, противные природѣ, и возвысится надъ всѣми какъ господинъ, онъ, котораго мы сдѣлали рабомъ,—тогда-то возсіяетъ справедливость по закону природы. Для счастія жизни нужно разнуздывать свои страсти, а не сдерживать ихъ и посредствомъ своего мужества и ловкости быть въ состояніи удовлетворить имъ. Большинство людей не въ состояніи этого сдѣлать, и потому-то они осуждаютъ тѣхъ, которые этого достигнуть могутъ. Они говорятъ, что неумѣренность есть вещь дурная, сковываютъ людей, имѣющихъ лучшую природу, и не будучи въ состояніи удовлетворять своимъ страстямъ, воспѣваютъ умѣренность и справедливость. А для тѣхъ, которые имѣли счастіе родиться въ семействахъ царскихъ, или которые получили отъ природы способность сдѣлаться вождями, тиранами или царями, — для такихъ что̀ можетъ быть постыднѣе и вреднѣе умѣренности? Тогда какъ они могутъ безпрепятственно наслаждаться всѣми благами жизни, неужели сами свяжутъ себя законами, сужденіями и порицаніями толпы?“

Сократъ и его ученики именно хотѣли овладѣть львенкомъ, укротить разнуздавшуюся личность, которая, опираясь на природу, грозила разрушеніемъ обществу. Софисты поставили вопросъ о противоположности между природою и закономъ, т. е. между стремленіями общества, вопросъ, который вызоветъ знаменитый отвѣтъ, что человѣкъ есть животное общественное, что общество условливается природою человѣка, и потому природа не можетъ находиться въ проти-

воположности съ закономъ. Вслѣдствіе крайнаго развитія личности и ея неумѣренныхъ требованій, высказанныхъ софистами, поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, великій вопросъ, который находится на первомъ планѣ въ исторіи человѣчества. Вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія его мы не можемъ ждать на землѣ при сознаніи несовершенства всякаго дѣла человѣческаго. Мы можемъ только наблюдать, какъ и гдѣ вопросъ рѣшался болѣе или менѣе удовлетворительно. Мы должны признать за греческими мыслителями заслугу постановки вопроса, при чемъ они сейчасъ же и принялись за его рѣшеніе, но сколько нибудь удовлетворительнаго рѣшенія мы ожидать не въ правѣ, потому что мы присутствуемъ здѣсь при борьбѣ мнѣній и направленій, изъ которыхъ каждое, доведенное до крайности, вызывало реакцію. Реакція крайнему развитію личности, выразившемуся въ ученіи софистовъ, высказалась въ ученіи Сократовой школы.

Въ политическомъ устройствѣ, предложенномъ этою школою, дуга была перегнута въ противоположную сторону; желая противодѣйствовать крайнему развитію личности, перешли должныя границы и не признали правъ личности, слишкомъ стѣснили ее въ пользу общества; на человѣка взглянули, какъ на несовершеннолѣтняго, неспособнаго имѣть семейство и собственность, и устроили общество, какъ школу съ учителемъ, философомъ въ челѣ управленія. Понятно, что это устройство, предложенное знаменитымъ ученикомъ Сократа, должно было остаться въ числѣ утопій [1], но мысль о подобномъ устройствѣ не умираетъ, а заявляетъ себя всякій разъ, когда умъ человѣческій, истомленный трудностію задачи, опредѣлитъ сколько нибудь правильно отношенія отдѣльнаго лица къ обществу прибѣгаетъ къ отчаяннымъ средствамъ выйти изъ затрудненія.

Человѣкъ, по природѣ своей, долженъ жить въ обществѣ, но вступая въ связь съ другими людьми, онъ необходимо долженъ поступиться частію своей свободы, частію своихъ правъ въ пользу другихъ, въ пользу общества. Но сколько онъ долженъ уступить и сколько оставить за собою для сохраненія равновѣсія между личностію и обществомъ,—въ этомъ весь вопросъ [2]. Софисты говорили, что человѣкъ не долженъ ничего уступать обществу; если онъ родился львомъ въ сравненіи съ другими, то и долженъ брать львиную часть, не дѣлясь съ другими, слабѣйшими; Сократъ и его ученики, вооружаясь противъ этого ученія, заставили человѣка уступить слишкомъ много, заставили его идти въ кабалу къ обществу за обезпеченное содержаніе. Эта обезпеченность содержанія такъ привлекательна, что въ обществахъ неразвитыхъ заставляла свободнаго человѣка продаваться въ рабство, идти въ кабалу; въ обществахъ же развитыхъ, гдѣ раб-

---

[1] См. стр. 447.—[2] См. ст. того же автора на стр. 535.

ство человѣка другому человѣку уже не мыслимо, заставляетъ мечтать о рабствѣ, болѣе благовидномъ, рабствѣ обществу. При опредѣленіи отношеній отдѣльнаго лица къ обществу не должно упускать изъ виду, что для благосостоянія этого общества права личности должны быть строго охранены, чтобъ отдѣльное лицо, ведя общественную жизнь, служа обществу, сохраняло при этомъ свою самостоятельность, свой отдѣльный, независимый міръ. Сократова школа въ своемъ политическомъ ученіи перешла законную грань, стремясь сдержать безграничное развитіе личности; въ пылу спора съ поборниками этого развитія, она не замѣтила, какъ вмѣсто сдержки провозгласила порабощеніе личности; въ республикѣ Платона нѣтъ ни семейства, ни собственности. Но Платонъ имѣетъ дѣло съ одними воинами, и тѣмъ даетъ знать, что при построеніи своей республики онъ имѣлъ въ виду военное братство, лагерь или казацкій кошъ, называющійся Спартою. Философъ предполагалъ и уравненіе половъ, указывая на собакъ, у которыхъ самцы и самки одинаково пригодны на охотѣ и для охраненія стада. Философъ забылъ, что человѣкъ не собака, что онъ подчиняется закону развитія, по которому различіе половъ необходимо предполагаетъ раздѣленіе занятій.

Въ исторіи Греціи, и преимущественно Аѳинъ, Сократова школа имѣетъ то значеніе, что въ ней высказалась реакція національному направленію, которое состояло именно въ развитіи личности. Въ этомъ отношеніи греческая жизнь представляла противоположность жизни восточной. Слабость движенія, подвига, родовой бытъ и обширность государствъ, не допускающая народонаселеніе до общей дѣятельности, требующая внѣшней силы для соединенія разбросаннаго въ обширныхъ пространствахъ народонаселенія для общихъ цѣлей—суть главныя условія порядка вещей на Востокѣ; въ Греціи—сильное и продолжительное движеніе, развившее личныя силы, дружинная форма, въ какой это движеніе совершалось, и размельченность небольшой приморской страны высвободили отрасль сильнаго, даровитаго племени изъ азіатскихъ формъ жизни, представили благопріятное условіе для развитія личности,—и вотъ греческая исторія представляетъ намъ это постепенное развитіе, представляетъ и то обычное въ человѣческой дѣятельности явленіе, что начало, долго сдерживаемое, разнуздавшись, перешло должные предѣлы и вызвало реакцію. Реакція высказывалась съ одной стороны въ аристократическомъ стремленіи, тѣсно связанномъ съ спартанофильствомъ (ибо въ спартанскомъ устройствѣ личность была сдержана строгимъ подчиненіемъ, рабствовала государству, тогда какъ развитіе личности въ Аѳинахъ было тѣсно связано съ демократическимъ движеніемъ); съ другой стороны реакція явилась въ области мысли, высказалась именно въ Сократовомъ ученіи. Это ученіе не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ греческой жизни, во первыхъ потому, что оно не было прямо поли-

тическимъ ученіемъ, не было достояніемъ сильной политической партіи. Основатель ученія погибъ, какъ врагъ господствовавшаго въ Аѳинахъ демократическаго направленія, которое взяло снова силу послѣ сверженія аристократическаго правительства, поддерживающаго Спарту; онъ погибъ какъ врагъ народной религіи. Ученіе Сократа, именно какъ философское ученіе, не могло удержать Аѳинъ и вообще Грецію отъ паденія.

Соловьевъ.

Вечеръ у Кантемира *.

Антіохъ Кантемиръ, посланникъ русскій при дворѣ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго двора. Свободное время отъ должности онъ посвящалъ наукамъ и поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плутарха, Горація и Виргилія: „Счастливъ, кто, довольствуясь малымъ, свободенъ, чуждъ зависти и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ:

.... съ вами, Греки и Латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины[1].

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, точность и воображеніе. Часто, углубленный въ изчисленія алгебраическія, Кантемиръ искалъ истины и—подобно мудрецу Сиракузъ—забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющіеся. Онъ занимался науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суетномъ кругу ученыхъ женщинъ или академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ науки для наукъ, поэзію—для поэзіи—рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знатнаго человѣка можетъ собирать безпрестанно похвалы и привѣтствія за малѣйшій успѣхъ въ словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, даютъ право гражданства въ республикѣ словесности, Кантемиръ... писалъ русскіе стихи. И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый математика и стихотворца, говорилъ Даламберъ: первый будетъ проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуется его наблюденіями; второй перестанетъ сочинять стихи, ибо некому хвалить ихъ: слѣдственно поэзія и поэтъ, заключаетъ *разсудительный* философъ, питаются суетностью. Парижъ былъ сей необитаемый островъ для Кантемира. Кто понималъ его? Кто восхищался его *русскими* стихами?— Въ самой Россіи, гдѣ общество, науки и словесность были еще въ пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, находилъ мало цѣнителей своего таланта. Душою и умомъ выше времени и обстоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ поправлялъ ихъ безпрестанно, желая достигнуть возможнаго совершенства, и, казалось, завѣщалъ благородному потомству и книгу и славу свою. Талантъ питается хвалою, но истинный и великій талантъ и безъ

* Разсужденіе въ формѣ діалога.

1 Стихъ Кантемира.

нея не умираетъ. Поэтъ можетъ быть суетнымъ—равно какъ и ученый;—но истинный любитель всего прекраснаго не можетъ существовать безъ дѣятельности, и то, что̀ было сказано нашимъ Катулломъ о нашемъ Бавіи:

Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издастъ послѣдній стихъ,

почти то же можно сказать о великомъ стихотворцѣ. На одрѣ смерти Сервантесъ не покидалъ пера своего. Камоэнсъ писалъ Лузіяду посреди племенъ дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ, въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ музами. Державинъ, за часъ предъ смертію хладѣющими перстами извлекалъ звуки изъ безсмертной лиры своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ суетности?... Но возвратимся къ Кантемиру.

Однажды по вечеру Монтескье [1] и Аббатъ В., извѣстный остроумецъ, навѣстили нашего стихотворца. Онъ бесѣдовалъ съ своею музою и не примѣтилъ входящихъ друзей, которые имѣли къ нему свободный доступъ. Нѣсколько минутъ Кантемиръ перечитывалъ начало посланія своего къ князю Никитѣ Трубецкому, всегда съ новымъ жаромъ и удовольствіемъ. При чтеніи, спокойное и даже холодное лицо Кантемира примѣтнымъ образомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорались, и рука его ударяла тактъ по отверстой предъ нимъ книгѣ. Монтескье взглянулъ на аббата, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли безпокоить министра, полагая что онъ занятъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шерохъ, оглянулся—и бросился обнимать неожиданныхъ гостей.—Мы вамъ помѣшали: мы пришли не въ пору?—Ни мало!—Вы читали важныя бумаги?—Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія.—Но какіе? мы ни слова не поняли.—Русскіе.—Русскіе стихи! Восклицалъ аббатъ, пожимая плечами отъ удивленія: русскіе стихи! Это любопытно....

Кант. Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою страсть къ древнимъ писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними поэтами Рима, я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ. Вы никогда не писали стиховъ, г. президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называютъ метроманіею.

Монт. Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ столько же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ—хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ сатиры и посланія Горація: онѣ знакомятъ насъ съ Римомъ, со нравами, съ образомъ жизни переродившихся потомковъ Брутовъ, Коріолановъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ: прямой Римлянинъ душою! Онъ то же въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю творенія сихъ поэтовъ, какъ памятникъ языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразительнаго: почтеннаго родителя языковъ новѣйшихъ.

Абб. В. И г. президентъ конечно сожалѣетъ, что вы пишете русскіе стихи. Зная совершенно языкъ латинскій и нашъ французскій, столь ясный, точный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

Монт. Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать на языкѣ необразованномъ? Вы пишете по-русски, а вашъ языкъ и нація—еще въ пеленахъ.

Кант. Справедливо, русскій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ,

---

1 *Монтескье* франц. политическій философъ (1689—1755).

выразителенъ, какъ языкъ латинскій, и современемъ будетъ точенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фонтенеля и глубокомысленнаго Монтескье. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими трудностями, принужденъ изобрѣтать безпрестанно новыя слова, выраженія и обороты, которые безъ сомнѣнія обветшаютъ чрезъ нѣсколько годовъ. Переводя „Міры Фонтенелевы" я создавалъ новыя слова: Академія Петербургская часто одобряла мои опыты. Я очищалъ путь для моихъ послѣдователей.

Абб. В. Но скажите, Бога ради, какъ же вы могли присвоить всѣ тонкія выраженія и обороты перваго щеголя языка французскаго, нашего семидесятилѣтняго Фонтенеля?

Кант. Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ, грубъ, невѣренъ. Скиѳы заставили плѣннаго Грека изваять Венеру, и обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дурной ваятель; въ Скиѳіи не было ни паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣзцовъ; за неимѣніемъ ихъ—соотечественникъ Праксителевъ употребилъ грубый гранитъ, молотъ, простую пилу и создалъ нѣчто похожее на Венеру, слѣдуя заочно образцу, столь славному не только въ Греціи, но даже въ земляхъ варваровъ. Скиѳы были довольны, ибо не знали божественнаго подлинника, и поклонялись новой богинѣ съ дѣтскимъ усердіемъ.—Скиѳы—мои соотечественники, Праксителева статуя—книга безсмертнаго Фонтенеля, а я—сей Грекъ, неискусный ваятель.

Абб. В. О! вы слишкомъ скромны, почтенный князь!

Кант. Не довольствуясь опытомъ моимъ надъ Фонтенелемъ, я принялся за „Персидскія письма [1]".

Абб. В. „Персидскія письма" по-русски!

Монт. Могъ-ли я ожидать, что первое, слабое произведенія моего пера отниметъ у васъ столько драгоцѣннаго времени?

Абб. В. Теперь Гиперборейцы узнаютъ, какъ вѣтрены и малодушны обитатели береговъ Сены.

Кант. И какъ остроумны.

Абб. В. Я давно на вечерахъ г-жи Жофрень—которая васъ превозноситъ, но въ душѣ своей ненавидитъ—давно предсказывалъ вашу славу, г. Монтескье. Въ землѣ своей никто пророкомъ не бывалъ.

Но мое пророчество сбылось, какъ видите. Легко быть можетъ, что въ эту самую минуту, на берегахъ Ледовитаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пустыняхъ Татаріи—читаютъ ваши остроумныя письма, и имя Монтескье гремитъ въ становищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

Монт. Читаютъ „Персидскія письма" при свѣтѣ лампады, налитой рыбьимъ жиромъ....

Абб. В. Или при свѣтѣ сѣвернаго сіянія... Конечно странно, чудесно! —А мы говоримъ съ такимъ пренебреженіемъ о великой Московіи.

Кант. Калмыки и Самоѣды не читаютъ философскихъ книгъ, и конечно долго читать не будутъ. Но въ Москвѣ многолюдной, въ рождающейся столицѣ Петра, въ монастыряхъ малой и великой Россіи, есть люди просвѣщенные и мыслящіе, которые умѣютъ наслаждаться прекрасными произведеніями музъ.

Монт. Число такихъ людей должно быть весьма ограничено. До сихъ поръ я думалъ и думаю, что климатъ вашъ суровый и непостоянный, земля по большей части безплодная, покрытая въ зиму глубокими снѣгами,

---

[1] *Персидскія письма*—соч. Монтескье.

малое населеніе, трудность сообщеній, образъ правленія почти азіатскій, закоренѣлые предразсудки и рабство, утвержденные вѣками навыка—все это вмѣстѣ надолго замедлитъ ходъ ума и просвѣщенія. Власть климата есть первая изъ властей.

Абб. В. Я съ вами согласенъ; и полагаю, что всѣ усилія исполинскаго царя, все, что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все разрушится, упадетъ, изчезнетъ. Природа, обычаи, древнее суевѣріе, неизцѣлимое варварство—возьмутъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ: и вся полудикая Московія—снова будетъ дикою Московіею, и вѣчный туманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

Кант. Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцомъ книги: *О существѣ законовъ,* и съ вами, любезный аббатъ. Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великолѣпный полдень и ясный вечеръ: вотъ мое пророчество!

Абб. В. Но это не заря—сѣверное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

Монт. Остроумный аббатъ сказалъ великую истину. Положимъ— трудное предположеніе, едва-ли сбыточное дѣло!—положимъ, что правительство откроетъ всѣ пути къ просвѣщенію, что будетъ безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юношества, построитъ теплые домы для училищъ, и изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберетъ нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что правительство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣсколько мореходцевъ, небольшое число артиллеристовъ, инженеровъ и проч. Но скажите, можетъ-ли правительство вдохнуть вкусъ къ изящному, къ наукамъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можетъ вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

*Абб. В.*И новое солнце? Какъ можно сѣять науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на бороздахъ, потомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою отъ холоду чугунъ распадается, и топоръ жидкости рубитъ?

Монт. Холодный воздухъ сжимаетъ желѣзо: какъ же не дѣйствовать ему на человѣка? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость, крѣпкую надежду на себя; она есть тайная пружина многихъ прекрасныхъ свойствъ характера; но она же лишаетъ чувствительности, необходимой для наукъ и искусствъ. Теплота, напротивъ того, расширяя тончайшую плену кожи, раскрываетъ оконечности нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную раздражительность. Въ земляхъ холодныхъ наружная кожа столь сильно сжата воздухомъ, что нервы, такъ сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія свои мозгу. Вы знаете, что отъ безчисленнаго количества слабыхъ ощущеній зависитъ воображеніе, вкусъ, чувствительность и живость. Надобно содрать кожу съ Гиперборейца, чтобъ заставить его что-нибудь почувствовать.

Абб. В. Что можете отвѣчать на это? Вы станете защищать соотечественниковъ вашихъ, какъ министръ, и на сильные, неотразимые силлогизмы президента отвѣчать дипломатическими, отклоняющими истину фразами.

Кант. Я родился въ Константинополѣ. Праотцы мои происходятъ отъ древней фамиліи, нѣкогда обладавшей престоломъ Восточной имперіи.

Слѣдственно, во мнѣ играетъ еще кровь греческая, и я непритворно люблю голубое небо и вѣчно зеленыя оливы странъ полуденныхъ. Въ молодости я странствовалъ съ отцомъ моимъ, неразлучнымъ сопутникомъ, искреннимъ другомъ Петра Великаго, и видѣлъ обширныя долины Россіи отъ Днѣпра до Кавказа, отъ Каспійскаго моря до береговъ величественной Москвы. Я знаю Россію и обитателей ея. Хижина земледѣльца и теремъ боярина мнѣ равно извѣстны. Руководимый наставленіями отца моего, просвѣщеннѣйшаго человѣка въ Европѣ, съ раннихъ лѣтъ воспитанный въ училищѣ философіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпрестанныя и тѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ* и привыкъ смотрѣть на новое отечество мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетѣ короля вашего, въ присутствіи министровъ, я—представитель великаго народа и всемогущей его монархини: но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ геніемъ Европы, поставляю обязанностію говорить откровенно: и вы, г. аббатъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжествѣ, нежели въ пристрастіи или нечистосердечіи. Вотъ мой отвѣтъ: вы знаете, что Петръ сдѣлалъ для Россіи: онъ создалъ людей,—нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылѣчилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества, и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человѣка, доказали въ короткое время, что таланты *свойственны всему человѣчеству*. Не прошло пятнадцати лѣтъ—и великій монархъ наслаждался уже плодами знаній своихъ сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военнаго дѣла процвѣли внезапно въ государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣстили Европѣ, что имѣемъ, артиллерію, флотъ, инженеровъ. ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотите отъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ наукахъ отвлеченныхъ, въ изящныхъ искусствахъ, въ краснорѣчіи, въ поэзіи?—Дайте намъ время, продлите благопріятныя обстоятельства, и вы не откажете намъ въ *лучшихъ* способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ безсмертной книгѣ своей) это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россіи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что *Московія* покрыта вѣчными снѣгами, населена дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россіи; они забываютъ, что въ то время, когда житель влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходитъ за куницею на быстрыхъ лыжахъ своихъ, — счастливый обитатель устьевъ Волги собираетъ пшеницу и благодатное просо. Самый сѣверъ не столь ужасенъ взорамъ путешественника; ибо онъ даетъ все потребное воздѣлывателю полей. Плугъ есть основаніе общества, истинный узелъ гражданства, опора законовъ; а гдѣ, въ какой странѣ Россіи не оставляетъ онъ благодѣтельныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людскости и просвѣщенія, сѣверъ безпрестанно измѣняется и, если смѣю сказать, прирастаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажите: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли когда Тацитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Панноніи и Норикѣ родятся свѣтильники ума человѣческаго? Нѣтъ конечно! Но Петръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслію, что на берегахъ Невы древо наукъ будетъ процвѣтать подъ тѣнію его державы, и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, г. Монтескье, наблюдаете безпрестанно міръ политическій: на развалинахъ протекшихъ вѣковъ, на прахѣ гордаго Рима и прелестной

Греціи, вы постигли причины настоящихъ явленій, изучились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняются явнымъ и непремѣннымъ образомъ всѣ формы правленія: вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Русской. Время все разрушаетъ и созидаетъ, портитъ и усовершаетъ. Можетъ быть чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ генія, который постигнетъ вполнѣ великую мысль Петра—и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по творческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы, на нихъ основанной, нравовъ, дающихъ постоянство законамъ, однимъ словомъ—хранилищемъ просвѣщенія. Лестныя надежды! вы сбудетесь конечно. Благодѣтель семейства моего,—благодѣтель Россіи почиваетъ во гробѣ; но духъ его, сей дѣятельный, сей великій духъ—не покидаетъ страны ему любезной: онъ всюду присутствуетъ, все оживляетъ, всему даетъ душу, новую жизнь и новую силу; онъ, кажется мнѣ, безпрестанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною отверстомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

Монт. Но искусства? Могутъ ли они процвѣтать въ туманахъ невскихъ, или подъ суровымъ небомъ московскимъ?

Абб. В. Искусства... Ахъ! имъ-то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады, или умѣренный климатъ нашей Франціи.

Кант. Полуденныя страны были родиною искусствъ; но сіи прелестныя дѣти воображенія были часто вытѣсняемы изъ родины своей варварствомъ, суевѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ быстрыя волны разлились по лицу земному. Музыка, живопись и скульптура любятъ свое древнее отечество, а еще болѣе многолюдные города, роскошь, нравы изнѣженные. Но поэзія свойственна всему человѣчеству: тамъ, гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, питается плодами земли—тамъ, гдѣ онъ существуетъ—тамъ же онъ наслаждается и чувствуетъ добро или зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ и ласкаетъ, веселится и страдаетъ. Сердце человѣческое есть лучшій источникъ поэзіи...

Абб. В. Такъ! но оно, признайтесь, не столь чувствительно на сѣверѣ.

Монт. Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ Италіи. Отъ музыки, которую Англичане слушаютъ спокойно, Италіянцы бываютъ внѣ себя и прыгаютъ, какъ Пиѳія на пророческомъ треножникѣ.

Кант. Что доказываетъ это? что чувствительность народовъ южныхъ раздражительнѣе, сообщительнѣе: но едва ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ горныхъ соотечественниковъ: онѣ напоминаютъ древняго Гомера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія музы итальянской.

Абб. В. Невѣроятно!

Кант. Мы, русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышетъ нѣжность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной музы.

Абб. В. Чудесно! по чести невѣроятно!

Кант. Скажите, если грубыя дѣти сѣвера умѣютъ чувствовать и изъясняться столь живо и пріятно, то чего нельзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ?

Абб. В. Но... почтенный защитникъ сѣвера... вы знаете, что народныя пѣсни... лепетаніе младенцевъ!

Кант. Младенцевъ, которые со временемъ возмужаютъ. Какъ знать? можетъ быть, на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги возникнутъ великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажете, г. президентъ, что скажете, услыша, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ, родился великій геній, что онъ прошелъ исполинскими шагами все поле наукъ; какъ философъ, какъ ораторъ и поэтъ преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Что̀ скажете, если...

Абб. В. Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, что Русскіе взяли приступомъ Парижъ и уничтожили всѣ крѣпости, Вобаномъ построенныя!!! *Впрочемъ для чудесъ нѣтъ законовъ*, говорилъ мнѣ Фонтенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ оракулахъ. Всѣ надежды ваши, можетъ быть, и сбудутся, или вы найдете ихъ въ царствѣ луны, съ утраченными надеждами Астольфа. Но, простите моему чистосердечію... признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ удивленіемъ, и не могу постигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнеля—писать русскіе стихи.

Кант. Это напоминаетъ: какъ можно быть Персіяниномъ?

Монт. Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацію и Ювеналу: слѣдственно пишете сатиры,—сатиры на нравы... которые еще неустановились. Горацій и Ювеналъ осмѣивали пороки народа развратнаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Боало писалъ при дворѣ великаго короля, въ самую блестящую эпоху монархіи французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе закоренѣлыхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, татарскихъ обычаевъ съ нѣкоторымъ блескомъ роскоши азіатской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія европейскаго! Какая тутъ пища для поэта сатирическаго! Могутъ ли проникнуть тонкія стрѣлы эпиграммы сквозь тройную броню невѣжества и уязвить сердце окаменѣлое отъ пороковъ, закаленное въ невѣжествѣ? И что значатъ сіи стрѣлы въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы нравовъ, едва начинаютъ освобождаться изъ-подъ ига мужей своихъ; въ землѣ, гдѣ общественное мнѣніе еще шатается, еще не установилось и не можетъ наказывать своимъ приговоромъ того, что̀ не подлежитъ суду законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно смѣяся говорить истину властелинамъ или рабамъ? Первымъ—опасно, другимъ—безполезно.

Кант. Пользуясь покровительствомъ монарховъ и вельможъ, занимающихъ первыя степени въ государствѣ, я безъ страха говорилъ истину, и мои сатиры принесли нѣкоторую пользу. Петръ Великій, преобразуя Россію, старался преобразовать и нравы: новое поприще открылось наблюдателю человѣчества и страстей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ стихіи въ безпрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя платья, новый родъ жизни, новый языкъ не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое платье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и тѣмъ казались еще страннѣе: другіе, отложа бороду и длинный кафтанъ праотеческій, съ платьемъ европейскимъ надѣвали всѣ пороки, всѣ слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людскости занять не умѣли. Частыя перемѣны при дворѣ возводили на высокія степени государственныя людей низкихъ и недостойныхъ: они являлись и—изчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и

низость, суевѣріе и кощунство, лицемѣріе и явный развратъ, скупость и расточительность неимовѣрная: однимъ словомъ, страсти, по всему противоположныя, сливались чудеснымъ образомъ, и представляли новое зрѣлище равнодушному наблюдателю и философу, который только ощупью, и съ Гораціемъ въ рукахъ, могъ отыскать счастливую средину вещей. Я старался изловить нѣкоторыя черты сихъ временъ; скажу болѣе: я старался явить порокъ во всей наготѣ его и намекнуть соотечественникамъ истинный путь честности, благихъ нравовъ и добродѣтели. Ученый Ѳеофанъ, архимандритъ Кроликъ, оба достойные пастыри, Никита Трубецкій и другіе вельможи одобрили мои слабые опыты, мое перо неискусное, но смѣлое, чистосердечное. Я первый осмѣлился писать такъ, какъ говорятъ: я первый изгналъ изъ языка нашего грубыя слова славянскія, чужестранныя, не свойственныя языку русскому,—и открылъ новую дорогу для грядущихъ талантовъ. Сатиры мои будутъ имѣть нѣкоторую цѣну для потомковъ нашихъ, подобно древнимъ картинамъ первыхъ живописцевъ, предшественниковъ Рафаэля: въ нихъ они найдутъ изображеніе вѣрное нравовъ и языка русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи—отъ временъ Петра до царствованія счастливой, обожаемой нами Елисаветы;—и имя мое (простите мнѣ авторское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе потому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ музъ и философіи, нежели потому, что занималъ важное мѣсто при дворѣ вашемъ.

Абб. В. Прекрасно! Вы говорите, какъ истинный философъ.

Монт. Мы желали бы видѣть ваши сатиры на французскомъ языкѣ. Отчасти я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но... вотъ и аббатъ Гуаско, вашъ пріятель.

Вы очень кстати навѣстили насъ, сказалъ Кантемиръ, обнимая аббата. Вы перевели мои сатиры на французскій языкъ: прочитайте что нибудь въ угожденіе г. президенту; а у васъ, господа, прошу терпѣнія и снисхожденія....

Чтеніе и разговоръ продолжились даже за полночь. Наконецъ Монтескье и аббатъ В. откланялись министру и разстались.... довольны ли имъ - не знаю.

Знаю только, что Кантемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ аббату Гуаско: признайся, любезный другъ, Монтескье умный человѣкъ, великій писатель.... но....

Но говоритъ о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ аббатъ Гуаско.— Скромный Кантемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи аббату, и они разстались.

Батюшковъ.

Взаимодѣйствіе явленій природы.

> При полномъ совершенствѣ наблюденій, дѣйствіе песчинки, брошенной въ Южный океанъ, должно быть замѣтно на берегахъ Балтики. (Лихтенбергъ).

... Первое движеніе первоначальнаго человѣка изъ мѣста его родины показало ему, что онъ переходилъ постепенно въ другія условія какъ относительно поверхности земли, такъ и климата. Дальнѣйшія путешествія убѣдили въ томъ человѣка окончательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратили его вниманіе и на то, что, сообразно различной поверхности земли и кли-

матическимъ условіямъ, необходимо измѣняется и то, что̀ ими условливается—жизнь растеній, животныхъ и самого человѣка. Нынѣ мы, не придавая особеннаго тому значенія, повторяемъ, что распались климаты, а съ ними и органическая жизнь на землѣ. Нынѣ почти скучно повторять избитое наблюденіе, что Новый Свѣтъ относительно растеній и животныхъ совершенно не похожъ на Старый, что большіе материки Стараго Свѣта имѣютъ много отличнаго въ томъ же отношеніи, что ихъ горы, лѣса, степи, суша и воды имѣютъ особенную физіономію, выражаемую многоразличными сторонами жизни растеній и животныхъ. Но ежели остановимся на этомъ обстоятельствѣ, мы въ немъ увидимъ глубокій смыслъ—необходимую органическую связь между физическими условіями и жизнію въ данной мѣстности, и ежели бъ не было другихъ указаній на эту органическую связь то одного физическаго и географическаго размѣщенія растеній, животныхъ и самого человѣка на землѣ было бы достаточно, чтобъ убѣдить въ непреложности этой истины.

Ежели не замѣтно повсемѣстныхъ измѣненій въ физическихъ условіяхъ, за то очевидны менѣе общія, менѣе рѣзкія, продолжительныя измѣненія, ограничивающіяся обыкновенно тѣсными пространствами. Соотвѣтственно имъ измѣняется необходимо и самая жизнь животныхъ. Эти условія либо измѣняютъ постепенное развитіе животнаго, либо состоятъ во вліяніи періодически измѣняющихся условій атмосферы, либо во вліяніи человѣка на животныхъ....

Иногда измѣненія животныхъ въ постепенномъ развитіи такъ рѣзки во внѣшнихъ формахъ, что непривычный глазъ затрудняется отнести ихъ къ различному возрасту одного и того же животнаго. Головастикъ и лягушка, яичко, личинка, куколка и бабочка шелковичнаго червя, конечно, отличнѣе другъ отъ друга, нежели многія дѣйствительно различныя, другъ въ друга не переходящія животныя. Такіе ряды образованія животныхъ назвали *превращеніемъ*. Хотя въ общемъ смыслѣ превращеніе принадлежитъ безъ исключенія всѣмъ животнымъ, измѣняющимся по возрасту, однако жъ въ тѣсныхъ границахъ установившагося значенія, это явленіе извѣстно нынѣ въ большей части безпозвоночныхъ животныхъ, и даетъ ключъ къ объясненію какъ ихъ почти безконечнаго многоразличія, такъ и существованія животныхъ, примѣненныхъ ко всѣмъ многоразличнымъ оттѣнкамъ физическихъ условій. И здѣсь наука выработала нѣсколько общихъ данныхъ. Всѣ животныя, какъ и растенія, образуются первоначально изъ клѣточки, и только впослѣдствіи выдѣляются свойственныя имъ отличія, такъ что чѣмъ животныя ближе къ своему началу, тѣмъ меньше въ нихъ разнообразія...

Замѣтимъ притомъ обстоятельство, которое имѣетъ особенное значеніе. Если бы кто-либо усомнился относительно участія внѣшнихъ условій жизни въ превращеніи животныхъ или вообще въ ихъ

измѣненіи по возрасту, тому указали бы на то, что превращеніе нѣкоторыхъ животныхъ, напр. лягушекъ, можно замедлить или ускорить, смотря по тому, какъ будемъ допускать до нихъ пищу, тепло и сырость. Въ нѣкоторыхъ лягушкахъ, дышущихъ одновременно и жабрами и легкими, развиваются преимущественно жабры, когда воспрещаютъ животнымъ всплывать на поверхность воды и дышать чистымъ воздухомъ; въ противномъ случаѣ, когда животное по необходимости должно держаться близъ поверхности воды, развиваются особенно легкія въ ущербъ жабрамъ...

Наконецъ, животное окончательно образовалось, оно возмужало, — но и тогда оно не освободилось отъ вліянія внѣшнихъ условій. Напротивъ того, состоя всегда во взаимодѣйствіи съ ними, и только въ немъ находя источникъ жизни и приволья, животное непрестанно измѣняется какъ въ вещественномъ, такъ и невещественномъ отношеніяхъ, и совершенно справедливо говорятъ, что нынѣ въ тѣлѣ и въ жизни животнаго, какъ и въ тѣлѣ и душѣ человѣка, находится не то, что̀ находилось въ нихъ вчера. Тѣло съ своей стороны непрестанно обновляется принимаемыми пищею, питьемъ и воздухомъ. Не менѣе необходимо измѣняется и жизненная сфера животнаго. Доказательства того мы находимъ на каждомъ шагу; избираемъ самое очевидное.

Въ умѣренной странѣ, въ которой мы живемъ, замѣчается весьма очевидно правильная перемежаемость, или періодичность въ напряженіи физическихъ условій. Съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо правильно перемежается жизнь животныхъ, растеній и человѣка. Не безъ основанія почитаютъ періодичность въ явленіяхъ растеній и одушевленныхъ существъ признакомъ органической жизни.—Въ физическихъ условіяхъ замѣчается троякая перемежаемость—суточная, мѣсячная и годовая. И въ животныхъ и въ растеніяхъ, какъ и въ человѣкѣ, столь же разнообразна періодичность. Иныя животныя бодрствуютъ днемъ, другія ночью и соотвѣтсвенно тому имѣютъ различное устройство; иныя растенія раскрываются днемъ, другія ночью и притомъ одинаково при одинакихъ физическихъ условіяхъ, такъ что еще Линней предложилъ устроить цвѣточные часы... Мѣсячная періодичность въ органической жизни менѣе очевидна, однако же и она замѣтна въ жизни растеній, въ болѣзняхъ, особенно нервныхъ, человѣка, въ жизни внутренностныхъ животныхъ. За то несомнѣнна годовая періодичность, которая выражается многоразлично. Съ приближеніемъ зимняго холода многія животныя мѣняютъ легкій яркій покровъ лѣтняго или брачнаго платья на зимній, болѣе скромный и теплый — однообразно-бѣлый или сѣрый, при корнѣ котораго является подшерстокъ или пухъ, гдѣ его часто не было въ лѣтнемъ одѣяніи. Все готовится къ холодному, скудную пищу обѣщающему времени года. Многія животныя, снискивающія пищу только въ водѣ, ло-

жатся въ илъ, какъ лягушки, или въ глубину водъ, какъ наша большая красная рыба, гдѣ засыпаютъ зимнею спячкою. Иныя, подобно медвѣдю и сурку, проводятъ зиму, засыпая въ логовищахъ и норахъ. Только тѣ, которымъ дарованы средства быстрыхъ и продолжительныхъ перемѣщеній—нѣкоторые звѣри, рыбы и особенно птицы—переселяются на зимовье въ теплыя страны, въ которыхъ однако жъ не выводятъ дѣтей, что̀ дѣлаютъ у насъ на своей родинѣ, гдѣ лѣтуютъ. Лишь только разступятся мертвящія оковы зимы, какъ прилетаютъ къ намъ грачи, вѣстники окончанія зимы. За ними, съ растаяніемъ ледянаго черепка и обозначеніемъ проталинъ на землѣ, сплошными дружными кучами прибываетъ жаворонокъ, игривый и скромный пѣвецъ первой весны. Почти тутъ же, когда ледъ на водахъ поотстанетъ отъ берега, и на немъ обозначатся полыньи, посѣщаютъ ихъ гуси, утки, за ними зерноядныя птицы, а потомъ, съ появленіемъ насѣкомыхъ, и насѣкомоядныя пташки, длинными, часто другъ друга смѣняющими вереницами, и въ концѣ ихъ ласточка, предвѣстница лѣта въ нашей полосѣ. Точныя наблюденія показываютъ, что эти пернатые гости прилетаютъ и размѣщаются совершенно сообразно физическимъ условіямъ мѣстности. Пролетѣвъ съ большою трудностію и часто съ потерею многихъ товарищей Черное море, птицы влетаютъ въ Россію южными воротами, находящимися между Крымскими и Бессарабскими возвышенностями, а ежели зимовали въ Малой Азіи, то Кавказскими воротами — Дарьяльскимъ ущельемъ, и ежели ихъ путь еще не конченъ, то поднимаются на сѣверъ не прямолинейно, а преимущественно по теченію большихъ рѣкъ, гдѣ находятъ и пищу, и пріютъ.

Оставивъ на пути пролета передовыхъ, затѣмъ слѣдующіе пернатые гости посѣщаютъ нашу полосу и размѣщаются въ ней сообразно различнымъ физическимъ условіямъ: одни въ лѣсахъ и притомъ въ лѣсахъ опредѣленнаго свойства, другіе на полянахъ, на водахъ и въ подолахъ рѣкъ, ограничиваясь притомъ или побережьемъ, или останавливаясь въ среднемъ ярусѣ въ лиственныхъ лѣсахъ, или въ верхнемъ — въ хвойныхъ. Тогда начинается пріискиваніе мѣста родины стараго гнѣзда или по крайней мѣрѣ обычнаго урочища, въ которомъ животное родилось, и гдѣ ему привольнѣе жить, къ которому оно *пріурочено*. Начинается скликиваніе подругъ, пѣнье, заботы о поправкѣ и витьѣ гнѣзда, высиживаніе и кормленіе птенцовъ, время полнаго приволья и роскошной жизни пернатыхъ гостей нашей полосы. Въ степныхъ мѣстахъ животная жизнь раскрывается ранѣе весною, течетъ быстрѣе, но за то и ранѣе гаснетъ. Съ первыми днями ранней весны закишатъ степи насѣкомыми, гадами и птицами, а съ наступаніемъ лѣта первыя скрываются въ землю, а послѣднія сосредоточиваются около немногихъ степныхъ водъ или откочевываютъ на ближайшія возвышенности, изъ южныхъ степей въ Бессарабію, Мингрелію и Абхазію, изъ восточныхъ на Уральскія и Алтай-

скія. Въ сѣверныхъ тундровыхъ степяхъ, медвѣдь, олень и птицы потянутъ отъ мошкары на сѣверъ. Все живое движущееся, прилетѣвъ въ Россію чрезъ ея естественныя ворота, течетъ по ея естественнымъ жиламъ или рѣкамъ, къ ея внѣшнимъ естественнымъ предѣламъ, или возвышенностямъ. Съ наступленіемъ зимнихъ оковъ, животная жизнь начинаетъ стягиваться къ средоточію и югу Россіи, и наши пернатые гости откочевываютъ отъ насъ въ порядкѣ, обратномъ прилету. Первымъ, украдкою, подымается отъ насъ ночью стрижъ, лишь только въ первую треть августа сколько нибудь быстро падетъ температура, хоть на весьма короткое время; за тѣмъ начнетъ стаиться ласточка, защебечетъ свою прощальную пѣсенку, и наконецъ, за быстрокрылою щебетуньею потянетъ вся вереница веселыхъ Божьихъ созданій. Настанетъ вновь весна, и вновь къ намъ покатится колесо изъ теплыхъ странъ, какъ зимой катитъ холодъ съ сѣвера.

Такова общая картина періодичности въ явленіяхъ животной жизни, которая, вызванная внѣшними условіями, измѣняется различнымъ наступаніемъ ихъ въ различные года и въ различныхъ мѣстахъ въ теченіи одного года, и тѣмъ доказываетъ вполнѣ взаимную зависимость ихъ. Такая очевидная періодичность и взаимная зависимость явленій, конечно, не можетъ укрыться отъ вниманія человѣка, и дѣйствительно, онъ ее всегда замѣчалъ, и притомъ тѣмъ легче и точнѣе, чѣмъ менѣе у него естественное чувство было менѣе измѣнено искусственною жизнью, чѣмъ его вниманіе было менѣе занято заботами развивающагося общества. Вояжеръ необитаемыхъ лѣсовъ или скиталецъ по пустынямъ Америки, звѣровщикъ Сибирскихъ лѣсовъ или кочевникъ Киргизскихъ и Барабинскихъ песчаныхъ равнинъ знаетъ лучше мелочные оттѣнки въ явленіяхъ природы, вѣрнѣе отгадываетъ будущее, нежели искусственно живущій горожанинъ...

Конечно человѣкъ имѣетъ относительно небольшое значеніе въ природѣ, какъ матеріальный ея дѣятель, однако жъ и онъ вліяетъ на жизнь животныхъ. Съ одной стороны, онъ измѣняетъ физическія условія, посреди которыхъ живутъ растенія и животныя—почву, болота, воды, лѣса, а тѣмъ измѣняетъ приволье въ пищѣ, пріютѣ и климатѣ для животныхъ. Такъ достовѣрно извѣстно, что въ приволжскихъ губерніяхъ, съ примѣтнымъ уменьшеніемъ лѣсовъ примѣтно измѣнился и характеръ временъ года—лѣто сдѣлалось жарче, а зима холоднѣе, и это конечно должно отразиться на количествѣ, на качествѣ и на образѣ жизни приволжскихъ животныхъ, по крайней мѣрѣ тѣсно привязанныхъ къ приволжской мѣстности. То же произошло съ Московскимъ краемъ, который нынѣ не оправдываетъ оставшагося за нимъ историческаго названія Залѣсья, котораго рѣка—только историческая рѣка, въ которой жили осетры—нынѣ едва не рѣченка. Въ Москвѣ жили многія животныя, въ томъ числѣ и бобры, о которыхъ на-

родъ сохранилъ преданіе. Во многихъ мѣстахъ средней и южной Россіи существовали *бобровые гоны, бобровники.* Въ другихъ отводили заповѣдныя *ловища*, въ которыхъ производили *ловы* князья, пріѣзжавшіе въ свои владѣнія на полюдье и гнали звѣря, который нынѣ тамъ уже не живетъ. Такъ между прочимъ Мономахъ подъ Черниговымъ нѣсколько разъ охотился на *тура*, и даже однажды былъ имъ поднятъ на рога, какъ говоритъ въ своемъ поученіи дѣтямъ. Во время Римлянъ, *туръ* жилъ въ Герцинскихъ горахъ, въ средніе вѣка въ Бургундіи, въ концѣ прошлаго столѣтія—въ Венгріи, Пруссіи, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ Молдавіи; нынѣ онъ живетъ только въ заповѣдной Бѣловѣжской пущѣ Гродненской губерніи и на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта. Служилые люди, посѣщавшіе нѣкогда впервые различныя мѣста Сибири, встрѣчали иновѣрцевъ, пріѣзжавшихъ на лыжахъ, подбитыхъ соболями; еще нѣсколько позже иновѣрцы платили за чугунный горшокъ столько шкурокъ пушнаго звѣря, сколько можно было ихъ умѣстить въ такомъ горшкѣ. Нынѣ все это очень и очень измѣнилось, и о прошедшемъ хранитъ указанія только исторія.

Съ другой стороны, человѣкъ иногда дѣйствуетъ и непосредственно на само животное, находя въ немъ или врага или пищу. При этомъ часто сокращается число животныхъ, а иногда оно изчезаетъ и всѣмъ родомъ—*вырождается.* Такъ, въ 1742 году, у береговъ Берингова острова, въ Камчатскомъ морѣ, открыта была морская *капустница*, особенный родъ травоядныхъ китовъ, которая въ большомъ количествѣ приближалась къ острову и питалась морскими сочными водорослями, и почти не боялась человѣка, котораго увидала въ первый разъ, такъ что камчатскіе звѣровщики, нуждавшіеся въ мясѣ, скоро извели звѣря, и въ концѣ того же столѣтія никто уже не видалъ капустницы въ живыхъ.

Въ другихъ случаяхъ человѣкъ сближается съ животнымъ, покоряетъ его своей волѣ, завладѣваетъ отдѣльною особью на всю остальную жизнь ея, и дѣлаетъ изъ нея *ручное*, или *прирученное* животное. Часто человѣкъ переноситъ въ домашній бытъ животное со всѣмъ его потомствомъ: это *домашнее* животное. Во всѣхъ сихъ случаяхъ животное, утративъ естественный бытъ и приволье, переходитъ въ искусственный бытъ и въ новыхъ условіяхъ принимаетъ новые признаки какъ матеріальные, такъ и нематеріальные: животное *перерождается*, и это перерожденіе, какъ примѣненіе къ новымъ условіямъ, есть конечно одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, поучительныхъ физіологическихъ явленій, указывая на способъ примѣненія или пріурочиванія живыхъ существъ. Наука извлекла нѣсколько важныхъ результатовъ изъ наблюденій надъ животными, перевезенными изъ Европы въ Америку и тамъ или одичавшими, или значительно переродившимися, но конечно еще болѣе ожидаемъ мы въ будущемъ....

И отрывочное, отдѣльное изученіе природы убѣждаетъ въ постоянномъ тѣсномъ отношеніи явленій между собою и въ глубокомъ значеніи каждаго изъ нихъ. Но вполнѣ разумною и величественною является природа тому, кто, подобно Одюбону, Гумбольдту, Риттеру, наблюдаетъ ее въ разнообразной, всецѣлой ея органической жизни. Такое наблюденіе даритъ человѣка чистымъ, полнымъ, отраднымъ чувствомъ, и столь же далеко отъ впечатлѣній, которымъ отдается человѣкъ, изучающій отрывочныя стороны, разрозненные листки вѣчной природы, какъ далеко все положительное отъ отрицательнаго, какъ все дѣйствительно существующее отъ воображаемаго или недостаточно уясненнаго. Кто изъ насъ въ минуту душевной тишины не благоговѣлъ предъ величіемъ и неизчерпаемымъ благомъ, обнаруживаемымъ въ твореніяхъ Бога силъ и благодати, кто изъ насъ иногда болѣе, иногда менѣе ясно и глубоко, не сознавалъ необходимости собирать творенія природы въ возможной формѣ, чтобы ихъ сохранять и ими дѣйствовать на человѣка? Часто цѣною удобства жизни и самой жизни составляемъ мы кабинеты, музеи, звѣринцы, воображая иногда, что въ нихъ собрали то, что разсыпано въ природѣ. Но отчего такъ усладительно и такъ отрадно смотришь на безъискусственную мать-природу, и отчего такъ неполно, такъ тревожно, такъ безвыходно чувство, которое вселяютъ въ насъ музеи и звѣринцы, необходимыя пособія науки? При входѣ въ музей насъ тотчасъ поражаетъ мертвая тишина собранныхъ животныхъ, живущихъ, какъ говорятъ намъ, нынѣ на землѣ; если бъ они даже были живы, на насъ опять непріятно дѣйствуетъ ихъ противоестественное собраніе въ однихъ физическихъ условіяхъ; ежели бы условія были различны, все-таки эти чучелы—мнимыя животныя, представлены всѣ въ утомительномъ неестественномъ однообразіи покоя и отсутствія всякаго жизненнаго выраженія. Въ музеяхъ для насъ всѣ животныя одинаковы, не тревожатъ насъ опасеніемъ и не влекутъ къ себѣ нашего расположенія; мы передъ ними стоимъ мертвые, какъ они передъ нами. Мы смотримъ на эти набитыя шкуры, какъ на собраніе одеждъ, вывезенныхъ изъ неизвѣстныхъ намъ странъ и расположенныхъ наудачу. Даже въ томъ случаѣ, ежели наполнимъ эти шкурки естественною плотью и посмотримъ на животныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются въ анатомическихъ театрахъ, насъ подавляетъ чувство, еще болѣе безотрадное—отъ живаго вѣетъ смертью. Наконецъ, дѣлаемъ третій шагъ и переходимъ въ звѣринецъ, гдѣ все живое собрано въ живомъ видѣ—но и тутъ нѣтъ выхода безотрадному чувству. Здѣсь живое живетъ не своею, а какою-то искусственною жизнью, живетъ не посреди тѣхъ физическихъ условій мѣстности, пищи, враговъ и друзей, посреди которыхъ каждое орудіе животнаго становится необходимымъ и разумнымъ, жизнь животнаго—привольною для него и необходимою для внѣшней природы и возможною только посреди ея. Цари звѣрей и птицъ

болѣютъ въ клѣткѣ и кажутся жалко слабыми; тигръ кажется напрасно увертливымъ животнымъ, слонъ неестественно неуклюжимъ чурбакомъ, а казуаръ, жирафа и верблюдъ—смѣшно безобразными твореніями. Ядовитыя змѣи лежатъ въ оцѣпенѣніи, лишенныя силы и яда; обезьяна, живущая въ тропическихъ лѣсахъ, питается картофелемъ, попугай жаркаго климата—коноплею умѣренной полосы. Все не такъ, все на-изворотъ. За то и природа, вѣчно себѣ равная, вѣчно оберегающая живое твореніе, поступаетъ съ животными, которыхъ мы поставили въ искусственныя условія—не какъ чадолюбивая мать, а какъ злая мачиха; смотритъ на нихъ, какъ на своихъ уродовъ, которымъ не даетъ ни жизни, ни потомства. Чрезвычайно рѣдко плодятся животныя, содержимыя въ звѣринцахъ; многія поѣдаютъ свой плодъ, которымъ они такъ дорожатъ на волѣ; многія, какъ гады, даже неохотно и только при особенномъ усилiи человѣка, принимаютъ пищу, и всѣ отъ мала до велика, влачатъ жалкую жизнь, оканчивающуюся всегда почти преждевременною, болѣзненною смертью.

Совсѣмъ иное испытываемъ мы, когда переносимся въ естественную среду жизни животнаго и растенія, изъ кабинета въ открытую природу...

Жизнь какъ животныхъ, такъ и растеній представляетъ безконечную цѣпь разнообразныхъ явленій, связанныхъ между собою въ одно стройное, органическое цѣлое, цѣлое, которое какъ само въ себѣ, такъ и въ отношеніяхъ своихъ со всѣми внѣшними дѣятелями на нашей планетѣ, поражая мыслящаго человѣка и безконечнымъ числомъ, безконечнымъ разнообразіемъ, и внутреннимъ, органическимъ строемъ частныхъ явленій, заставляетъ насъ благоговѣть передъ безконечною мудростію и благостію Творца. Это благоговѣйное чувство поглощаетъ всю нашу душу, когда мы отъ настоящаго перенесемся мыслію къ давноминувшимъ судьбамъ нашей планеты и ея обитателей: и здѣсь, какъ мы уже показали, *нынѣ* существующее составляетъ только продолженіе *нѣкогда* существовавшаго, а вмѣстѣ они составляютъ части одного цѣлаго.

Рулье.

Языкъ.

Членораздѣльнымъ языкомъ, какъ высшимъ даромъ, отличается человѣкъ отъ животнаго. Преданіе и цивилизація основываются на томъ, что посредствомъ слова духовное сокровище одного поколѣнія передается другому.

Эта необыкновенная способность членораздѣльнаго языка имѣетъ свое основаніе въ разумномъ духѣ, въ органѣ слуха и въ особенно сильномъ резонансѣ голосовыхъ органовъ. Послѣднее доказывается тѣмъ, что человѣческое дитя безъ всякаго намѣренія выражаетъ свои душевныя состоянія чаще и скорѣе всего криками; второе—тѣмъ, что глу-

хіе обыкновенно бываютъ и нѣмыми; первое—тѣмъ, что нѣкоторыя животныя способны произносить цѣлые ряды человѣческихъ членораздѣльныхъ словъ, но однако же не говорятъ.

Въ дѣтствѣ душевныя состоянія человѣка выражаются криками какъ символическими, ненамѣренными движеніями голосовыхъ органовъ. Этимъ языкомъ, невольнымъ языкомъ междометія, и ограничиваются животныя, не переводя его въ языкъ членораздѣльный, потому что для образованія этого языка нужно не только имѣть способность произносить членораздѣльные звуки, но главнѣе всего—нужно различать эти звуки, то есть судить о нихъ и сравнивать ихъ, чтобы выдѣлять ихъ изъ массы криковъ и нечленораздѣльныхъ тоновъ, которыми изобилуетъ человѣческое горло не менѣе животнаго; нужно совершенно безсвязнымъ элементарнымъ звукамъ сообщать единство, въ силу котораго они составляютъ одно слово, а это единство гласныхъ и согласныхъ есть не что нибудь ощущаемое, но выраженіе мысли духа; избирающаго и признающаго многіе элементы за одинъ знакъ; нужно имѣть понятіе о вещахъ, чтобы давать имъ имя. «Животныя не говорятъ, потому что имъ говорить не о чемъ»; попугай словомъ «дуракъ» встрѣчаетъ каждаго безъ разбора, и такъ съ словомъ не соединяетъ никакого понятія. Нужно имѣть логическія способности, чтобы различать существительное, прилагательное, глаголъ и т. д., потому что безъ этихъ различій и членораздѣльные звуки никакъ не превратятся въ слова; «человѣкъ говоритъ, потому что онъ мыслитъ».

Юркевичъ.

Важнѣйшее условіе хорошаго перевода поэтовъ.

Главная должность переводчика, которой подчинены всѣ другія, состоитъ въ томъ, чтобы онъ вездѣ въ переводѣ своемъ старался произвести то дѣйствіе, которое производитъ подлинникъ. Онъ обязанъ, сколько возможно, представить намъ, если не тѣ же самыя красоты, то, по крайней мѣрѣ, такое же количество красотъ. Переводчика, можно сравнить съ должникомъ, который обязывается заплатить, если не тою же монетою, то по крайней мѣрѣ ту же сумму. Напримѣръ: ему невозможно въ переводѣ своемъ сохранить того или другаго образа; пускай, замѣнитъ его мыслію: онъ не можетъ живописать для слуха, пускай живописуетъ для ума; не можетъ быть силенъ, пускай замѣнитъ силу гармоніею; не можетъ быть кратокъ, пусть будетъ богатъ; предвидитъ, что принужденъ будетъ ослабить оригиналъ свой въ этомъ мѣстѣ, пускай усилитъ его въ другомъ и возвратитъ въ концѣ похищенное въ началѣ; словомъ, онъ непремѣнно долженъ держаться системы строгаго вознагражденія, стараясь однако, сколько возможно, быть близкимъ къ главному характеру подлинника. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что никогда не должно сравнивать отдѣльныхъ сти-

ховъ перевода со стихами, соотвѣтствующими имъ въ подлинникѣ: о достоинствѣ перевода надлежитъ судить по главному дѣйствію цѣлаго.

Жуковскій.

Языкъ русскихъ поэтовъ.

Не знаю, въ какой другой литературѣ показали стихотворцы такое безконечное разнообразіе оттѣнковъ звука, чему отчасти, разумѣется, способствовалъ самъ поэтическій языкъ нашъ. У каждаго свой стихъ и свой особенный звонъ. Этотъ металлическій, бронзовый стихъ Державина, котораго до сихъ поръ не можетъ еще позабыть наше ухо; этотъ густой, какъ смола, или струя столѣтняго токая, стихъ Пушкина; этотъ сіяющій, праздничный стихъ Языкова, влетающій какъ лучъ въ душу, весь сотканный изъ свѣта; этотъ облитый ароматами полудня стихъ Батюшкова, сладостный, какъ медъ изъ горнаго ущелья; этотъ легкій, воздушный стихъ Жуковскаго, порхающій, какъ неясный звукъ эоловой арфы; этотъ тяжелый, какъ бы влачащійся по землѣ, стихъ Вяземскаго, проникнутый подъ часъ ѣдкою, щемящею русскою грустью: всѣ они, точно разнозвонные колокола, или безчисленныя клавиши одного великолѣпнаго органа, разнесли благозвучіе по русской землѣ. Благозвучіе не такъ пустое дѣло, какъ думаютъ тѣ, которые незнакомы съ поэзіею. Подъ благозвучіе, какъ подъ колыбельную, прекрасную пѣсню матери, убаюкивается народъ-младенецъ еще прежде, нежели можетъ входить въ значеніе словъ самой пѣсни, и нечувствительно сами собою стихаютъ и умираютъ его дикія страсти. Оно такъ же бываетъ нужно, какъ во храмѣ куренье кадильное, которое уже невидимо настрояетъ душу къ слышанію чего-то лучшаго, еще прежде, нежели началось самое служеніе. Поэзія наша пробовала всѣ аккорды, воспитывалась литературами всѣхъ народовъ, прислушивалась къ лирамъ всѣхъ поэтовъ, добывала какой-то всемірный языкъ—затѣмъ, чтобы приготовить всѣхъ къ служенію.

Гоголь.

Григорій Турскій.

Пали въ римскомъ мірѣ историческія произведенія; исторія, въ великомъ смыслѣ этого слова—поэтическая, политическая и философская, исторія Тита Ливія, Полибія и Тацита,—изчезла; теперь умѣли только вести запись, болѣе или менѣе точную, болѣе или менѣе полную, событіямъ и людямъ, не слѣдя за ихъ сцѣпленіемъ и нравственнымъ характеромъ, не ставя ихъ въ связь съ жизнью государства, не отыскивая въ нихъ ощущеній драмы или эпопеи, ставшихъ дѣйствительностью. Однимъ словомъ, исторія была хроникой, не болѣе. Послѣдніе римскіе историки, Лампридій, Вопискъ, Аврелій Викторъ, Евтропій, даже Амміанъ Марцеллинъ—чистые лѣтописцы. Лѣтопись

была послѣднею формою проявленія исторіи въ свѣтской литературѣ древности.

Въ той же формѣ появляется она снова въ зарождающейся христіанской литературѣ; первые христіанскіе лѣтописцы, Григорій Турскій между прочимъ, только копируютъ и продолжаютъ своихъ языческихъ предшественниковъ.

Главный трудъ Григорія Турскаго, трудъ, сохранившій его имя до нашего времени—„Церковная исторія Франковъ". Уже одно заглавіе этой книги замѣчательно, потому что оно указываетъ на ея характеръ—свѣтскій и духовный въ то же время: авторъ не хотѣлъ написать просто церковную исторію Франковъ: онъ разсудилъ, что судьбы мірянъ и духовныхъ не должны быть отдѣльны другъ отъ друга.

„Я передамъ въ перемежку", говоритъ онъ, „и не придерживаясь другаго порядка кромѣ хронологическаго, добродѣтели святыхъ и бѣдствія народовъ. Не думаю, чтобы сочли неблагоразумнымъ, что я смѣшиваю въ этомъ разсказѣ, не для облегченія работы, а для того, чтобы сообразоваться съ ходомъ событій, произшествія блаженной жизни святыхъ съ несчастіями грѣшниковъ. Евсевій, Северъ, Іеронинъ и Орозій точно такъ же смѣшали въ своихъ лѣтописяхъ войны царей съ добродѣтелями мучениковъ".

Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Такъ какъ занятія словесностью и свободными науками приходили въ упадокъ, погибали въ городахъ Галліи, среди добрыхъ и злыхъ дѣяній, тамъ совершавшихся, въ то время какъ варвары предавались дикости своихъ нравовъ, а короли своему бѣшенству... въ то время, когда церкви попеременно или обогащались благочестивыми людьми или предавались ограбленію невѣрныхъ,—тогда не нашлось ни одного грамматика, искуснаго въ діалектикѣ, который попытался бы описать эти произшествія прозой или стихами. По этому многіе сѣтовали, говоря: „горе намъ! занятія словесностію погибаютъ среди насъ, и нѣтъ никого, кто бы могъ разсказать въ своихъ сочиненіяхъ дѣла нашего времени". Видя это, я счелъ своевременнымъ сохранить, хотя бы и на грубомъ языкѣ, память о прошедшемъ, чтобы оно дошло до свѣдѣнія будущихъ поколѣній.

О чемъ сѣтуетъ писатель? Объ упадкѣ наукъ, грамматики, діалектики. Тутъ не было ничего христіанскаго: христіане не прилагали тутъ своей мысли. Тамъ же, гдѣ господствовалъ христіанскій духъ, напротивъ презирали то, что Григорій называетъ словесностью, называли занятіе его занятіями житейскими. Епископъ сожалѣетъ о паденіи древней литературы и желалъ бы подражать ей, насколько позволитъ его небольшой талантъ; онъ почитаетъ древнюю литературу и льститъ себя надеждой продолжать ее. Здѣсь выступаетъ характеръ свѣтскій. Повидимому, въ его сочиненіи есть все, что́ можетъ поставить его въ рядъ сочиненій по духовной литературѣ: оно носитъ заглавіе „Церковной исторіи", наполнено религіозными вѣрованіями и преданія-

ми: тѣмъ не менѣе въ него одинаково записаны свѣтскія дѣла; это лѣтопись, довольно похожая на послѣднія языческія лѣтописи, и уваженіе къ языческой литературѣ, сожалѣніе о ней высказаны явно, равно какъ и стремленіе подражать этой литературѣ.

Независимо отъ самаго содержанія, книга очень любопытна по этой двойственности, которая ставитъ ее въ связь съ обѣими эпохами и обозначаетъ переходъ отъ одной къ другой. Надо сказать впрочемъ, что она совершенно лишена искуснаго распредѣленія частей, какого-бы то ни было порядка: хронологическій порядокъ, которому Григорій обѣщаетъ слѣдовать, безпрестанно нарушается или забывается имъ. Это просто трудъ человѣка, который собралъ все, что̀ слышалъ, все совершившееся въ его время, всякаго рода преданія и памятники, и кое-какъ соединилъ это въ рамкахъ одного разсказа.

Гизо.

Русскіе лѣтописцы.

Лѣтописцы наши не Тациты: не судили государей, разсказывали не всѣ дѣла ихъ, а только блестящія — воинскіе успѣхи, знаки набожности и проч., и самъ ужасный царь Иванъ Васильевичъ могъ съ удовольствіемъ читать описаніе своихъ побѣдъ, путешествій къ Троицѣ и въ другіе монастыри. Только славный бояринъ Курбскій не утѣшилъ бы его своими записками.

Однако жъ мы обязаны вѣчною благодарностію добрымъ монахамъ за русскія лѣтописи. Безъ ихъ труда изчезла бы и память о старой Руси; они сохранили по крайней мѣрѣ нить случаевъ — и когда время Петра Великаго и строгія, взятыя имъ мѣры противъ монаховъ отняли у нихъ не только охоту, но и самую возможность продолжать лѣтописи, исторія наша не обогатилась лучшими собраніями матеріаловъ. Кто у насъ думалъ заготовлять ихъ для описанія временъ Екатерины I, Петра II, Анны, Елисаветы? Правда, есть Архивъ иностранныхъ дѣлъ; но собраніе трактатовъ и дипломатическихъ бумагъ не довольно для историка. Надобно будетъ читать иностранцевъ; а какъ вѣрно описываютъ они случаи и людей, мы знаемъ, по ихъ извѣстіямъ о нашихъ временахъ. Надобно будетъ обратиться къ преданіямъ: но скоро изчезнетъ слѣдъ ихъ. Гдѣ старцы, которые еще недавно говаривали со слезами о Петрѣ Великомъ? Не много уже и такихъ, которые говорятъ о правленіи Анны, о несчастіи Долгорукихъ, о лютостяхъ Бирона, о веселіяхъ двора Елисаветы.

Карамзинъ.

Древніе и новые историки.

Греки и Римляне смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою. Такое

воззрѣніе естественнымъ образомъ вытекало изъ цѣлаго порядка вещей и основныхъ началъ античной образованности. Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія. Съ этою цѣлію соединялась нерѣдко другая, болѣе положительная. Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ. „Я буду удовлетворенъ“, говоритъ Ѳукидидъ [1], „если трудъ мой окажется полезнымъ тому, кто ищетъ достовѣрныхъ свѣдѣній о прошедшемъ, а равно и о томъ, что̀ по ходу дѣлъ человѣческихъ можетъ повториться снова [2].“ Это практическое направленіе выразилось еще съ большею силою въ произведеніяхъ римскихъ историковъ; но въ лучшія времена римской литературы оно всегда соединялось съ нравственно-эстетическими цѣлями. Тѣсная связь исторіи съ жизнію, черпавшей изъ нея многостороннее назиданіе, сообщала нашей наукѣ важность, которой она, при всѣхъ сдѣланныхъ ею съ тѣхъ поръ успѣхахъ, не имѣетъ въ настоящее время. Назвавъ ее наставницею жизни [3], Цицеронъ выразилъ господствовавшее у древнихъ воззрѣніе. Они вѣрили въ могущество примѣровъ. Ихъ жизнь, далеко не такъ сложная, какъ жизнь новыхъ народовъ, не рѣдко повторяла одни и тѣ же явленія и такимъ образомъ открывала возможность прилагать къ дѣлу опыты минувшаго. Римскому гражданину, особенно въ послѣдній періодъ республики, во время ея высочайшаго могущества, нельзя было обойтись безъ обширной исторической образованности. Безъ нея невозможна была никакая политическая дѣятельность. Такое понятіе о практическомъ значеніи исторіи сохранилось при императорахъ. Самое рѣзкое и вполнѣ подтверждающее наши слова свидѣтельство находится въ біографіи Александра Севера, написанной Эліемъ Лампридіемъ [4]. «Северъ особенно пользовался совѣтами мужей, знавшихъ исторію, и спрашивалъ у нихъ какъ поступали въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ шла рѣчь, древніе римскіе императоры или вожди другихъ народовъ [5]».

При господствѣ такихъ направленій, произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученыя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы. Историки Греціи и Рима принадлежали преимущественно къ высшимъ сословіямъ общества и часто описывали такія событія, въ которыхъ были личны-

[1] *Ѳукидидъ*—греч. историкъ (471—400 до Р. Хр.).—[2] I, 22.—[3] Historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae *magitsra vitae* nuntia vetustatis. Cicero de orat. II, 9.—[4] *Элій Лампридій*—римскій историкъ IV в. по Р. Х.—[5] Maxime Severus ad consulendum adhibuit eos *qui historîam norant*, requirens quid in talibus causis, quales in disceptatione versabantur, imperatores vel Romani, vel aliarum gentium fecissent. Aelius Lampridius in Sev. c. 16. Можно подумать, что эти опытные въ исторія мужи составляли родъ тайнаго совѣта при императорѣ (пр. Гр.).

ми участниками или свидѣтелями. Они старались сообщить разсказамъ своимъ какъ можно бо́льшую красоту и ясность, сдѣлать ихъ доступными для сколько можно бо́льшаго числа читателей. Изящная форма составляла необходимое условіе значительнаго успѣха. Но подъ изяществомъ формы разумѣлась не одна красота изложенія, а художественное, на основаніи общихъ законовъ искусства совершенное построеніе матеріаловъ. Исторія, по словамъ Лукіана [1], родственница поэзіи, а историкъ долженъ походить на ваятеля, который не создаетъ мрамора или металла, но творчески сообщаетъ имъ прекрасный образъ [2]. Въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ о формахъ, свойственныхъ историческимъ сочиненіямъ, и объ отношеніи ихъ къ искусству вообще, высказался складъ ума обоихъ народовъ классической древности. Греки требовали преимущественно поэтической, Римляне реторической стихіи. Послѣдняя впрочемъ была неизбѣжна вслѣдствіе того значенія, какое краснорѣчіе имѣло въ античной государственной жизни.

Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Изслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ, почти не существовали. Ихъ мѣсто заступали у великихъ писателей природная, укрѣпленная способность отличать истинныя извѣстія отъ ложныхъ и вѣрный взглядъ на произшествія. Къ тому же лучшія произведенія древнихъ историковъ суть монографіи, объемлющія одно какое-нибудь великое событіе, или рядъ связанныхъ между собою внутреннимъ единствомъ явленій. Понятіе о всеобщей исторіи, соединяющей въ одно цѣлое разрозненныя семьи человѣческаго рода, было чуждо языческому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства. Замѣчательная мысль Полибія [3] о недостаточности частныхъ исторій, по которымъ, говоритъ онъ, также мало можно судить объ общемъ ходѣ исторіи, какъ по отдѣльнымъ членамъ тѣла о красотѣ цѣлаго организма, не отозвалась даже въ его собственномъ трудѣ [4], равно какъ осталось безъ исполненія обѣщаніе Діодора Сицилійскаго [5] разсказать судьбы всего міра какъ исторію одного государства. За то простота и опредѣленность содержанія ставили древняго писателя въ весьма свободное отношеніе къ предмету. Одушевленіе, съ какимъ онъ приступалъ къ дѣлу, не охлаждалось предвари-

---

[1] *Лукіанъ*—греч. писатель (род. 125 г. по Р. Х.).—[2] Quomodo historia, sit conscribenda (cap. 45 et 51).—[3] *Полибій*—греч. историкъ (204—121 до Р. Х.).—[4] «Исторія Рима, Греціи и Востока» въ 40 книгахъ, изъ коихъ сохранилось лишь 5 первыхъ книгъ и отрывки изъ прочихъ.—[5] *Діодоръ Сицилійскій*—греч. историкъ, авторъ «Исторической библіотеки» въ 40 кн., современникъ Цезаря и Августа.

тельною повѣркою многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствуетъ свои свѣдѣнія новый историкъ. Ѳукидидъ передалъ намъ въ безсмертномъ твореніи своемъ весь ходъ Пелопонезской войны, но не счелъ нужнымъ упомянуть о внутренней жизни Аѳинъ въ то время, о блестящемъ развитіи искусствъ и науки. Недостатокъ полноты искупается у него единствомъ содержанія и возможною только при такомъ условіи строгою красотою формы. При современныхъ понятіяхъ о задачѣ историка, подобное ограниченіе предмета едва ли можетъ быть допущено. Но древніе, какъ сказано выше, разсматривали событія не со всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія, не допускали другой связи явленій, кромѣ такъ называемой прагматической [1], и не входили въ разборъ безчисленныхъ пружинъ, которыми движутся человѣческія общества. Они безъ труда поднимали легкую ношу историческихъ матеріаловъ, завѣщанныхъ имъ предшественниками, и смѣло подчиняли ее своимъ личнымъ нравственно-эстетическимъ или гражданскимъ цѣлямъ. Греческій или римскій историкъ не скрывается за описываемыми имъ событіями; напротивъ, онъ вноситъ въ разсказъ свою личность и употребляетъ все доступное ему искусство для передачи читателямъ собственнаго воззрѣнія на данный предметъ. Не возвышаясь до созерцанія общихъ судебъ человѣчества, древніе свели исторію на степень эпизодическаго изложенія и оставили въ этой сферѣ великолѣпные памятники, которыхъ недосягаемая красота не должна служить укоромъ новому историку, имѣющему предъ собою рѣшеніе другихъ, болѣе сложныхъ вопросовъ.

Необозримая масса накопившихся въ теченіи тысячелѣтій источниковъ нашей науки можетъ навести страхъ на самаго смѣлаго и предпріимчиваго изслѣдователя. Кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется. Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной пѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусства и вообще всѣ произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное время или народъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ всеобщей исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества. Но изнемогая съ одной стороны подъ обременительнымъ богатствомъ матеріаловъ, которыхъ одолѣть вполнѣ не въ силахъ никакое трудолюбіе, историкъ часто поставленъ съ другой стороны въ необходимость замѣнять собственными предположеніями и догадками совершенное отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ. Ясно, что при настоящемъ состояніи исторіи она должна

---

[1] См. стр. 172.

отказаться отъ притязаній на художественную оконченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т. е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подъ одно единство науки.

Грановскій.

Исторія Карамзина.

Карамзинъ есть первый нашъ историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею критикой онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго происшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его неудовлетворителенъ, тамъ недоставало ему источниковъ; онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его размышленія, своею иноческою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употреблялъ, какъ краски, но не полагалъ въ нихъ никакой существенной важности. „Замѣтимъ, что сіи апофѳегмы“, говоритъ онъ въ предисловіи, столь много критикованномъ и столь еще мало понятомъ, „бываютъ для основательныхъ умовъ или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которыя не имѣютъ большой цѣны въ исторіи, гдѣ ищемъ дѣйствія и характеровъ“. Не должно видѣть въ отдѣльныхъ размышленіяхъ насильственнаго направленія повѣствованія къ какой-нибудь извѣстной цѣли. Историкъ, добросовѣстно разсказавъ происшествіе, выводитъ одно заключеніе, вы—другое.

Пушкинъ.

Значеніе и польза изученія классической древности.

Противники классическихъ литературъ нападаютъ на нихъ съ разныхъ сторонъ. Одни говорятъ, что поле этихъ изслѣдованій до такой степени воздѣлано или, лучше сказать, истощено, что новымъ труженикамъ остается только безплодная переработка стараго, отвлекающая ихъ силы отъ занятій болѣе полезныхъ. Другіе, не ограничиваясь такимъ отрицательнымъ обвиненіемъ, идутъ далѣе и утверждаютъ, что изученіе греко-римской древности отрываетъ умъ отъ дѣйствительности и вноситъ въ него понятія, принадлежащія чуждому намъ по своимъ направленіямъ міру. Замѣтимъ впрочемъ, что между порицателями классической древности рѣдко встрѣчаются люди, основательно съ нею знакомые и способные произнести самостоятельный приговоръ въ спорѣ, отъ котораго зависитъ образованіе будущихъ поколѣній.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый, христіанскій міръ отдѣленъ отъ языческаго огромнымъ разстояніемъ, которое измѣряется не одними вѣками. По ту сторону Евангелія остался быть естественнаго человѣка, носившаго въ себѣ самомъ источники неполнаго знанія и самонадѣянной силы. Созданные его воображеніемъ, призрачные боги не могли ни спасти отъ разрушенія, ни пережить порядка вещей, ввѣрившаго имъ свое существованіе. Духовная жизнь и политическія формы Аѳинъ и Рима прошли невозвратно. Всякая попытка воскресить ихъ была бы признакомъ историческаго безумія, которое можетъ овладѣвать лишь устарѣлыми, безсильными къ живому творчеству народами. Съ другой стороны, это замкнутое въ себѣ, вполнѣ совершившееся время богато высокими и благородными назиданіями. Мы не считаемъ нужнымъ повторять здѣсь то, что̀ уже много разъ было сказано о красотѣ античнаго искусства, наслажденіе которымъ само по себѣ можетъ быть достаточною цѣлью, оправданіемъ изученія древности. Умолчимъ также о наукѣ, которой представителями были Платонъ и Аристотель, не изчерпанные двадцатью двумя вѣками источники умозрительнаго вѣдѣнія. Проповѣдники иной высшей мудрости, отцы нашей церкви, разрушая язычество, бережно вынимали изъ его развалинъ великія произведенія писателей, непросвѣщенныхъ христіанствомъ, но силою благодатной мысли неослабно искавшихъ высшей истины. Не должно забывать, что мы обязаны церкви сохраненіемъ уцѣлѣвшихъ памятниковъ древнихъ литературъ. Почти такое же право имѣютъ на наше вниманіе политическія судьбы Греціи и Рима. Образованіе и упадокъ древнихъ гражданскихъ обществъ были не даромъ предметомъ постоянныхъ размышленій для величайшихъ умовъ послѣдующихъ временъ. Они не искали въ прошломъ примѣровъ и формъ, неприложимыхъ къ настоящему, а напротивъ, укрѣпляли себя созерцаніемъ явленій, которыя раскрылись въ античномъ мірѣ, уже столь отдаленномъ, что онъ можетъ служить предметомъ совершенно спокойнаго изученія, свободнаго отъ всякихъ практическихъ увлеченій.

Грановскій.

Значеніе и польза изученія классической древности *.

Всякому приходится по временамъ слышать, что заниматься исторіей древняго языческаго человѣчества вовсе излишнее дѣло. Чему

---

* Статья эта представляетъ въ I-й части образецъ опроверженія. Во II-й части различеніе (строгой науки отъ науки прикладной въ области естествозванія). Въ III-й ч. приложеніе того же опредѣленія строгой науки къ исторіи. Въ IV-й части устанавливается задача исторіи. Въ V-й части доказывается, что наука о классической древности наиболѣе удовлетворяетъ этой задачѣ. Здѣсь объясняется эта задача на примѣрѣ (въ приложеніи къ исторіи Греціи).

говорятъ, можно научиться у древнихъ, которые въ своемъ образѣ жизни и понятіяхъ такъ далеко разошлись съ нами? Не потеря ли времени изучать то, чѣмъ нельзя воспользоваться, чего нельзя перенять? И не вредно ли даже увлекаться явленіемъ, которое уже оказалось несостоятельнымъ въ движеніи всемірной исторіи; съ любовью слѣдить за успѣхомъ того, въ чемъ такъ много ошибочнаго, что было устранено, какъ ошибочное, самою исторіей человѣчества; съ жаромъ заниматься эпохою, изъ которой, къ счастію, человѣчество вышло; возвышать и ставить на пьедесталъ то, что не заслуживаетъ возвышенія? Не значитъ ли это самому впадать въ ошибку, отъ которой насъ освободила исторія, возвращаться назадъ за нѣсколько тысячелѣтій и, что еще болѣе, за ту великую грань, которою отдѣляется христіанскій міръ отъ языческаго?

Во всѣхъ этихъ вопросахъ есть и своя правда, и своя ложь. Кто полагаетъ, что изучающіе древность предпочитаютъ ее современной дѣйствительности и изучаютъ ее, чтобы ею одною питаться, тотъ весьма справедливо осуждаетъ такое направленіе и въ полномъ правѣ дивиться ослѣпленію людей, заблуждающихся до такой степени, что не замѣчаютъ поразительной превратности своихъ мыслей и стремленій. Всякій человѣкъ съ какой-нибудь долею смысла согласится съ нимъ безъ оговорокъ и будетъ вмѣстѣ съ нимъ дивиться близорукости людей, имъ порицаемыхъ. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но съ другой стороны, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія и въ томъ, что всякій человѣкъ съ какою нибудь долею смысла весьма усомнится, чтобы могло быть много людей, заблуждающихся такимъ диковиннымъ образомъ. Порицаемое заблужденіе такъ невѣроятно-неразумно, что, говоря безъ преувеличенія, заслуживаетъ мѣсто не столько между заблужденіями рода человѣческаго, какъ они ни безчисленны, сколько между душевными болѣзнями. Въ самомъ дѣлѣ, скажите сами, какъ вы назвали бы человѣка, который напримѣръ сталъ бы давать языческимъ богамъ какое-нибудь другое значеніе для нашего времени, сверхъ художественнаго или поэтическаго? Какой интересъ возбудилъ бы въ васъ такой человѣкъ, кромѣ психологическаго или психіатрическаго; или если бы старался онъ убѣдить васъ въ своей идеѣ, какое опасеніе за себя могло бы возникнуть въ васъ, если вы только ничего не читали о повальныхъ душевныхъ болѣзняхъ? Конечно, этотъ примѣръ рѣзокъ. Другія заблужденія, происходящія изъ порицаемаго направленія, не такъ рѣзко бросаются въ глаза своими несообразностями. Не легко замѣтить несостоятельность подобныхъ фантазій и относительно другихъ сферъ жизни, кромѣ религіозной сферы. Очень трудно предположить, чтобы кому-нибудь серьезно вздумалось пожелать возвращенія къ быту, существовавшему за 2000 лѣтъ и принадлежавшему другимъ народамъ. Мы безпрестанно слышимъ во всѣхъ литературахъ упреки въ странномъ романтизмѣ, обращенные противъ людей, мечтательно преданныхъ

старинѣ своего народа. Имъ всѣ говорятъ, что такія мечтанія безплодны, и что старина никогда не воротится. А тутъ вздумали бы прельщать стариною даже не своего, а чужаго народа, и при томъ народа, процвѣтавшаго за 2000 лѣтъ, въ другомъ климатѣ, при совершенно другихъ внѣшнихъ условіяхъ. Не странно ли и не неожиданно ли было бы подобное желаніе, и вѣроятно ли, чтобы много такихъ оригиналовъ нашлось между людьми серьезными и учеными?

Уже эти соображенія значительно ослабляютъ силу вопросовъ, выставленныхъ выше, и приводятъ къ новому вопросу, болѣе сильному: ужъ не противъ ли собственнаго фантастическаго представленія воюютъ тѣ, кто ихъ предлагаетъ; уже не ратуютъ ли они противъ представленія, вовсе не соотвѣтствующаго дѣйствительности? Знакомство съ настоящимъ положеніемъ дѣла, мы надѣемся, превратитъ это предположеніе въ убѣжденіе. Оно покажетъ, что порицанія вѣрныя, ежели бы относились къ существующему, теряютъ всю свою силу, потому что предметъ, противъ котораго они направлены, есть не болѣе какъ собственный фантомъ порицающихъ и не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью.

Правда, было время, когда вообще исторіею занимались съ практическимъ интересомъ, съ желаніемъ заимствовать у давнопрошедшихъ временъ хорошее и научиться избѣжать вреднаго. Тогда и изъ древней исторіи выводили разныя нравоученія и назидательныя истины, искали въ ея великихъ людяхъ примѣровъ доблести, любви къ отечеству, знакомствомъ съ ея превратностями хотѣли возбудить омерзѣніе къ пороку. Иные изучали для подобной цѣли учрежденія древности и старались отличить въ нихъ хорошее отъ дурнаго, заслуживающее заимствованія отъ того, что̀ къ нашему быту неприложимо. Но и тогда не было безусловныхъ поклонниковъ древности: всѣ хвалили только нѣкоторыя стороны, нѣкоторыя явленія жизни древнихъ народовъ. Изучали, правда, древность, чтобы учиться у ней, но никому не приходило въ голову всему учиться у древности. Сто̀итъ бросить бѣглый взглядъ на сочиненія этого рода, отъ Макіавелли до Монтескье, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Но теперь взглядъ на изученіе древняго міра значительно перемѣнился. Легко замѣтить, что всякое изученіе, вызываемое и поддерживаемое одними практическими интересами, не можетъ имѣть научнаго характера. Наука не могла бы существовать, если бы въ человѣкѣ не было другихъ болѣе широкихъ и безкорыстныхъ интересовъ. Сталъ ли бы естествоиспытатель съ такою настойчивостію употреблять годы на изслѣдованіе какихъ-нибудь микроскопическихъ насѣкомыхъ, если бы искалъ только знаній, имѣющихъ практическое приложеніе? Зачѣмъ было бы астроному гоняться съ своею трубой за едва видною звѣздой третьей величины, или палеонтологу изучать изчезнувшія формаціи стародавней органической жизни нашей планеты? Они изучаютъ

все это только потому, что оно есть или было, съ чистымъ интересомъ знанія, безъ всякой мысли о практическомъ примѣненіи, которое можетъ послѣ прійти, но можетъ и не прійти, что̀ совершенно все равно. Точно такое же чисто-теоретическое направленіе установилось теперь и въ исторіи. Оно-то и сообщило ей научный характеръ. Теперь изучаютъ историческое явленіе, сколько позволяютъ средства, въ его настоящемъ видѣ, стараются разгадать его въ его собственномъ, а не относительномъ значеніи. Съ этой точки зрѣнія можно любоваться какою-нибудь эпохой и говорить о ней съ жаромъ и увлеченіемъ, не унижая нисколько современной себѣ эпохи. Любуемся же мы красивою мѣстность или какимъ-нибудь великолѣпнымъ физическимъ зрѣлищемъ, не переставая ясно сознавать своего превосходства надъ природою, поражающею или плѣняющею стоящаго выше ея человѣка. Точно также мы можемъ съ наслажденіемъ разсматривать какое-нибудь замѣчательное историческое явленіе. Мы видимъ, напримѣръ, поразительно-правильное движеніе греческой исторіи, и ежели мы удивляемся ему, ежели съ энтузіазмомъ слѣдимъ за его малѣйшими фазами, то неужели это значитъ, что мы забываемъ себя и ту истину, которою мы обладаемъ, а Греки не обладали? Натуралистъ предается весь изученію какого-нибудь животнаго, и вы не предполагаете, что отъ этого терпитъ его человѣческое достоинство; что же побуждаетъ предполагать подобное объ историкѣ, о человѣкѣ, изучающемъ напр. классическую древность? Зачѣмъ предполагать, что онъ изъ созерцателя, покоряющаго разуму предметъ своего изученія, становится безсмысленнымъ рабомъ этого предмета; что онъ забываетъ въ себѣ члена новаго, христіанскаго человѣчества?

Намъ скажутъ, что есть различіе между изученіемъ природы и изученіемъ прошлыхъ историческихъ эпохъ, что природа слѣдуетъ неизмѣннымъ законамъ физической необходимости, а въ исторіи сильнымъ дѣятелемъ является зло, заблужденіе, ошибка. Но и на это замѣчаніе легко отвѣтить. Мы допустимъ, что зло встрѣчается только въ исторіи человѣчества и только на нее можетъ дѣйствовать; допустимъ, что во всякомъ историческомъ явленіи есть примѣсь ошибочнаго. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь человѣкъ остается и теперь человѣкомъ; онъ и теперь можетъ ошибаться, и теперь имѣетъ свободу избирать между добромъ и зломъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что человѣку, при его натурѣ, болѣе всего нужно сохранять твердое воспоминаніе о прежнихъ заблужденіяхъ, чтобы оставаться въ настоящемъ отъ нихъ свободнымъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что человѣчество должно въ высшей степени дорожить своими опытами, чтобы постоянно видѣть передъ собою ложные пути, уже испытанные имъ, и вслѣдствіе того все болѣе и болѣе цѣнить путь истинный? Самое существо человѣческой свободы дѣлаетъ опытность драгоцѣннѣйшимъ изъ человѣческихъ пріобрѣтеній. Итакъ, пусть историкъ и самую ошибку изучаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ и вноситъ плоды своего изученія въ общее

умственное достояніе человѣчества. Пусть онъ изучаетъ постепенное и медленное освобожденіе человѣка отъ заблужденій и радуется, сравнивая позднѣйшую эпоху съ предшествовавшею. Его заслуга будетъ великая, онъ будетъ на пути къ истинѣ, если только будетъ изучать дѣло просто, безъ предубѣжденія, не прикасаясь къ самостоятельности изучаемаго имъ явленія, не желая доказать какихъ-нибудь прежде составленныхъ положеній или вывести какія-нибудь выводы практической важности. Конечно, и тутъ онъ не останется совершенно свободенъ отъ ошибки, какъ человѣкъ, но его трудъ послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ трудомъ и облегчитъ исправленіе заключающихся въ немъ ошибокъ, а не поведетъ къ новымъ.

Прежде пользовались исторіею для доказательства истинъ, найденныхъ на другомъ пути. Занятые болѣе тѣмъ, что̀ нужно было доказать, нежели тѣмъ, чѣмъ хотѣли доказывать, ученые, не замѣчая, можетъ быть, того, дѣлали разныя натяжки, опускали, что̀ не подходило къ ихъ цѣли, преувеличивали, что̀ подтверждало ихъ положеніе. Отъ этого страдала исторія, и еще болѣе страдало то, что̀ слѣдовало доказать. Какъ скоро открывалась какая-нибудь историческая невѣрность, то являлось сомнѣніе и въ истинѣ положенія, которое доказывалось исторіей, но можетъ быть, вовсе не нуждалось въ историческомъ доказательствѣ. Такія недоразумѣнія становятся невозможными, когда исторія перестала быть средствомъ, а сдѣлалась сама себѣ цѣлію, т. е. когда она приняла научный характеръ.

Другіе, замѣчая ошибочный элементъ какого-нибудь историческаго явленія, принимали тотчасъ обличительный тонъ и вступали, такъ сказать, въ полемику съ историческимъ фактомъ. Такая манера также совершенно противна научному направленію. Историческія явленія опровергаются и устраняются самымъ ходомъ событій. Повторять дѣло, совершенное исторіей, совсѣмъ безполезно. Но понять и объяснить ошибку, открыть, какъ она произошла, какіе были виды ея явленія, какая сила ее устранила—вотъ задача весьма важная, и за нее-то берется научное излѣдованіе. Наука исторіи хочетъ понять явленіе, а не судить его. Она изучаетъ, а не произноситъ приговоры.

Въ томъ-то, между прочимъ, и состоитъ привлекательность и интересъ изученія давно прошедшихъ эпохъ, что мы, изучая ихъ, легко остаемся отъ нихъ свободными. Размышляя объ исторіи близкихъ къ намъ временъ, трудно быть совершенно безпристрастнымъ, трудно не увлекаться одною изъ дѣйствующихъ партій, не становиться на ея сторону. А становясь на сторону одной партіи или одного лица, мы утрачиваемъ свободный обзоръ цѣлаго, утрачиваемъ нашу самостоятельность. Мы уже не обладаемъ событіемъ, но сами находимся подъ его властію. Событіе ослѣпляетъ насъ своимъ близкимъ блескомъ, подавляетъ своимъ величіемъ, заслоняетъ отъ насъ все другое. Лица, дѣйствовавшія въ событіи, такъ близки къ намъ, интересы, ихъ одушевлявшіе, такъ

похожи на наши интересы, что мы не можемъ смотрѣть на нихъ глазомъ спокойнаго созерцателя: то мы приходимъ въ восторгъ, то сожалѣемъ, то негодуемъ. Совсѣмъ иное бываетъ при изученіи отдаленныхъ эпохъ. Здѣсь мы въ состояніи сохранить полное спокойствіе, въ состояніи замѣтить въ каждомъ событіи и лицѣ и положительную и отрицательную сторону. И это ничуть не дѣлаетъ насъ холодными и равнодушными; участіе наше къ дѣятелямъ не уменьшается; но мы сохраняемъ свободу духа. Какъ изъ созерцанія великой художественной драмы, мы выносимъ изъ нашего изученія успокоеніе, очищеніе раздраженныхъ практическою дѣятельностію страстей. Мы укрѣпляемся духомъ, видя гибель односторонняго, страннаго и ошибочнаго и торжество должнаго, всеуспокоивающаго, всеумѣряющаго.

Трагическій поэтъ изображаетъ паденіе своихъ героевъ, но не осуждаетъ ихъ; напротивъ онъ возбуждаетъ участіе къ нимъ, и не боится вредныхъ послѣдствій того, что односторонность и ошибочность становятся у него на время привлекательными. Онъ твердо знаетъ, что конецъ драмы вполнѣ возстановитъ истину. (См. II ч., стр. 28). Точно такъ же и историкъ не долженъ лишать прелести плѣнительное, не долженъ изображать прекраснаго цвѣтка поблекнувшимъ, только потому, что цвѣтку было суждено поблекнуть.

Нѣжный, изящный цвѣтъ греческой жизни не имѣлъ въ себѣ силъ цвѣсти долго, но кратковременное цвѣтеніе его было прекрасно. Не долженъ ли историкъ всѣми силами стараться вѣрно изобразить короткое время роскошнаго цвѣтенія, чтобы потомъ тѣмъ внимательнѣе слѣдить за продолжительнымъ увяданіемъ?

Неожиданное увяданіе Греціи тѣмъ болѣе заставляетъ задуматься, чѣмъ болѣе извѣстна вся красота ея процвѣтанія. Чѣмъ для кого дороже свѣтлое изящество греческаго міра, тѣмъ глубже должна быть потребность понять смыслъ его паденія. Стало быть, не истинная была основа всего развитія древней исторіи, когда высшій и прекраснѣйшій его плодъ былъ осужденъ на такой короткій вѣкъ. Стало быть, въ это изящество формъ греческой жизни было облечено что-нибудь такое, что не имѣло въ самомъ себѣ силъ, нужныхъ для самостоятельнаго существованія. Стало быть, чего нибудь существеннаго, чего нибудь внутренняго и основнаго не доставало всему древнему міру. Вотъ къ какимъ великимъ вопросамъ ведетъ древняя исторія, разсматриваемая, какъ она есть. Здѣсь не нужно ни похвальныхъ ни обличительныхъ словъ: здѣсь самое дѣло погружаетъ въ глубочайшую думу.

Будьте довѣрчивы къ дѣлу исторіи; раскрытое въ настоящемъ своемъ видѣ оно приведетъ васъ къ истинѣ. Не бойтесь знать ложь и заблужденіе, которыми такъ богата исторія человѣчества; бойтесь остановиться на нихъ и успокоиться. Тотъ свѣтъ, который доступенъ новому христіанскому человѣчеству, оградитъ отъ всякой тьмы обращающаго къ нему свои взоры.

Итакъ можно, кажется, сказать, что научная, спокойная и совѣстливая разработка древности стоитъ выше всякихъ возможныхъ порицаній, а ее-то единственно и имѣютъ въ наше время въ виду всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди, обратившіе свой трудъ на эту отрасль знаній Они изучаютъ древность не для того, чтобы учиться у ней, а чтобъ ее изучить и постигнуть. Они изображаютъ ее въ изящномъ видѣ, потому что она въ дѣйствительности была изящна. Они показываютъ въ Грекахъ и Римлянахъ то, чѣмъ они дѣйствительно были, т. е. высшее явленіе въ исторіи языческаго міра.

Леонтьевъ.

Значеніе идей въ исторіи.

Въ жизни народа играютъ главную роль не климатъ, не пища и физическія условія, а такія силы, о которыхъ не можетъ дать отчета никакой естествоиспытатель. Какое напримѣръ, громадное вліяніе имѣютъ на судьбу народовъ и на ходъ цивилизаціи *идеи!* Историческія идеи могутъ быть чрезвычайно разнообразны по своему содержанію. Онѣ могутъ принадлежать къ области религіи и политики; онѣ могутъ имѣть нравственное или эстетическое содержаніе; онѣ могутъ способствовать развитію цивилизаціи и задерживать ее. Мы не станемъ заниматься здѣсь классификаціею и опредѣленіемъ историческихъ идей, а только обратимъ вниманіе на ихъ важность для историка.

Какое, напримѣръ, имѣла огромное вліяніе въ западной Европѣ въ теченіи среднихъ вѣковъ идея *всемірной христіанской имперіи?* Эта имперія никогда не существовала, она всегда осталась идеей, но тѣмъ сильнѣе воспаляла она воображеніе своихъ приверженцевъ, чѣмъ менѣе была достижима. Всѣмъ извѣстно, какое она имѣла вліяніе на ходъ исторіи Германскаго народа. Немногіе ясно сознавали ее, другіе повиновались ей какъ-то смутно и безсознательно; въ массѣ Нѣмецкаго народа она никогда не пользовалась особенною популярностью, и тѣмъ не менѣе тысячи сражались и умирали за нее. Историку легко указать возникновеніе этой идеи. Величественное, неизгладимое впечатлѣніе, которое производила Римская имперія на варваровъ, вторгавшихся въ ея предѣлы, породило ее, и она созрѣла подъ кровомъ католической церкви.

Эта идея опиралась хотя сколько-нибудь на прошедшее на историческія данныя, но гдѣ, напримѣръ, искать начало другой идеи, которая волновала болѣе близкое къ намъ время, — идеи *о равенствѣ людей между собой?* Выдумка это философовъ, или вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы? Намъ нѣтъ дѣла здѣсь до ложныхъ толкованій, которымъ она подвергнулась, и до злоупотребленій, которыя она порождала: мы указываемъ только на силу ея вліянія на

исторію міра съ половины прошлаго столѣтія до послѣдней кровопролитной войны, окончившейся политическою эманципаціей Негровъ.

Существенное различіе между явленіями физической природы и дѣйствіями человѣка заключается въ томъ, что послѣднія сопровождаются сознательностью, и что въ основаніи ихъ лежитъ понятіе цѣли. Уже это одно не позволяетъ примѣнять къ нимъ методъ, который употребляется въ изслѣдованіи физическихъ явленій.

Герье.

Рафаэлева Мадонна *.

Я смотрѣлъ на нее нѣсколько разъ, но видѣлъ ее только однажды такъ, какъ мнѣ было надобно. Въ первое мое посѣщеніе я даже не захотѣлъ подойти къ ней: я увидѣлъ ее издали, увидѣлъ что предъ нею торчала какая-то фигурка съ пудренною головою, что эта проклятая фигурка еще держала въ своей дерзкой рукѣ кисть и безпощадно ругалась надъ великою душою Рафаэля, которая вся въ этомъ чудесномъ твореніи. Въ другой разъ испугалъ меня чичероне галлереи (который за червонецъ показываетъ путешественникамъ картины, и къ которому я не разсудилъ прибѣгнуть); онъ стоялъ предъ нею съ своими слушателями и, какъ попугай, болталъ вытверженный наизусть вздоръ. Наконецъ однажды, только было я расположился дать волю глазамъ и душѣ, подошла ко мнѣ одна моя знакомка и принялась мнѣ нашептывать на ухо, что она передъ Мадонною видѣла Наполеона, и что ея дочери похожи на Рафаэлевыхъ ангеловъ. Я рѣшился прійти въ галлерею какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось.

Я сѣлъ на софу противъ картины и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее. Надобно признаться, что здѣсь поступаютъ съ нею такъ же непочтительно, какъ и со всѣми другими картинами. Во первыхъ, она, не знаю, для какой готтентотской причины, уменьшена: верхняя часть полотна, на которомъ она написана, и съ нею верхняя часть занавѣса, изображеннаго на картинѣ, загнуты назадъ; слѣдовательно и пропорція и самое дѣйствіе цѣлаго теперь уничтожены и не отвѣчаютъ намѣренію живописца. Второе, она вся въ пятнахъ, не вычищена, худо поставлена, такъ что сначала можешь подумать, что копіи, съ нея сдѣланныя, чистыя и блестящія, лучше самаго оригинала. Наконецъ (что̀ не менѣе досадно) она, такъ сказать, теряется между другими картинами, которыя, окружая ее, развлекаютъ вниманіе: напримѣръ, рядомъ съ нею стоитъ портретъ сатирическаго поэта Аретина, Тиціановъ, прекрасный—но какое сосѣдство для Ма-

---

[1] Отрывокъ изъ письма. Въ послѣдней части («Не понимаю...») предложено объясненіе картины.

донны! И такова сила той души, которая дышетъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ.

Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что̀ на немъ будетъ: вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой нибудь ангелъ разбудилъ его. Онъ вскочилъ; «она здѣсь»! вскричалъ онъ, указавъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе; чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія: оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ. Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную. Вы не имѣете о ней понятія, видѣвши ее только въ спискахъ или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ; но, увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія...

Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное: предъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ: оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ, но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихій, неестественный свѣтъ, полный ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ; не таковъ ли былъ и Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ? Будь младенцемъ, будь ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной.

И какъ мало средствъ нужно было живописцу, чтобы произвести нѣчто такое, чего нельзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ въ мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая, чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, не примѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе кажется, что она приближается. На лицѣ

ея ничто не выражено, т. е. на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное* имя, но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной. Въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть призракъ чего-то случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось): но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота: въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно не устремленный, но какъ будто видящій необъятное. Она не поддерживаетъ младенца: но руки ея смиренно и свободно служатъ ему престоломъ: и въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И онъ, какъ царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ. И въ его глазахъ есть тотъ же никуда не устремленный взоръ: но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, но блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ огнемъ, котораго ни что ни произвести, ни измѣнить не можетъ. Одна рука младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми свершается это видѣніе, Св. Сикстъ и мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ. Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что̀ на картинѣ его видятъ одни Ангелы и Святые, онъ или далъ бы ему выраженіе изумленнаго восторга (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: оно на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго), или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное мыслію, постигнувшей тайны неба. И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны): все въ размышленіи: и Святые, и Ангелы. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ; это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта...

Жуковскій.

„Недоросль" и „Горе отъ ума".

Трудно найти русскаго человѣка, въ которомъ бы не соединялось, вмѣстѣ съ умѣніемъ предъ чѣмъ нибудь истинно возблагоговѣть, свойство надъ чѣмъ-нибудь истинно посмѣяться. Всѣ наши поэты заключали въ себѣ это свойство. Державинъ крупною солью разсыпалъ его у себя въ большей половинѣ одъ своихъ. Оно есть у Пушкина, у Крылова, у князя Вяземскаго; оно слышно даже у такихъ поэтовъ, которые въ характерѣ своемъ имѣли нѣжное, меланхолическое расположеніе: у Капниста и Жуковскаго, у Карамзина, у князя Долгорукаго;

оно есть что-то сродное намъ всѣмъ. Естественно, что у насъ должны были развиться писатели собственно сатирическіе. Уже въ то время, когда Ломоносовъ настраивалъ свою лиру на высокій лирическій ладъ, князь Кантемиръ находилъ пищу для сатиры и хлесталъ ею глупости едва начинавшагося общества. Въ разныя эпохи появлялось у насъ множество сатиръ. Но сатира скоро попросила себѣ поприща обширнѣйшаго и перешла въ драму. Театръ начался у насъ такъ же, какъ и повсюду, сначала подражаніями; потомъ стали пробивать черты оригинальныя. Въ трагедіи явились нравственная сила и познаніе человѣка. Имена: Озерова, Княжнина, Капниста, князя Шаховскаго, Хмѣльницкаго, Загоскина, А. Писарева помнятся съ уваженіемъ: но все это поблѣднѣло передъ двумя яркими произведеніями: передъ комедіями Фонъ-Визина „Недоросль" и Грибоѣдова „Горе отъ ума", которыя весьма остроумно назвалъ князь Вяземскій двумя современными трагедіями. Въ нихъ уже не легкія насмѣшки надъ смѣшными сторонами общества, но раны и болѣзни нашего общества, тяжелыя злоупотребленія внутреннія, которыя безпощадною силою ироніи выставлены въ очевидности потрясающей. Обѣ комедіи взяли двѣ разныя эпохи. Одна поразила болѣзни отъ непросвѣщенія, другая отъ дурно-принятаго просвѣщенія.

Комедія Фонъ-Визина поражаетъ огрубѣлое звѣрство человѣка, происшедшее отъ долгаго, безчувственнаго, непотрясаемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи. Она выставила такъ страшно эту кору огрубенія, что въ ней почти не узнаешь русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи, не могло образоваться такое существо. Эта безумная любовь въ своему дѣтищу есть наша сильная русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ что чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина — другой типъ огрубѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую-то болѣе спокойную, въ своемъ родѣ художественную любовь къ скотинѣ, на мѣсто человѣка: свиньи сдѣлались для него то же, что для любителя искусствъ картинная галлерея. Потомъ супругъ Простаковой—несчастное, убитое существо, въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забиты понуканіями жены,—полное притупленіе всего! Наконецъ самъ Митрофанъ, который, ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо несчастіе, становится нечувствительно, съ помощью угожденій и баловства, тира-

номъ всѣхъ, и всего болѣе тѣхъ, которые его сильнѣе любятъ, то есть матери и няньки, такъ что наносить имъ оскорбленіе—сдѣлалось ему уже наслажденіемъ. Все въ этой комедіи кажется чудовищною каррикатурою на русское, а между тѣмъ нѣтъ ничего въ ней каррикатурнаго; все взято живымъ съ природы и провѣрено знаніемъ души. Это тѣ неотразимо-страшные идеалы огрубѣнія, до которыхъ можетъ достигнуть только одинъ человѣкъ русской земли, а не другаго народа.

Комедія Грибоѣдова взяла другое время общества, выставила болѣзни отъ дурно-понятаго просвѣщенія, отъ принятія глупыхъ свѣтскихъ мелочей на мѣсто главнаго, словомъ, взяла донкишотскую сторону нашего европейскаго образованія, не связавшуюся смѣсь обычаевъ, сдѣлавшую Русскихъ не Русскими, но иностранцами. Типъ Фамусова такъ же глубоко постигнутъ, какъ и Простаковой. Такъ же наивно, какъ хвастается Простакова своимъ невѣжествомъ, онъ хвастается полупросвѣщеніемъ, какъ собственнымъ, такъ и всего того сословія, къ которому принадлежитъ: хвастается тѣмъ, что московскія дѣвицы верхнія выводятъ нотки, въ простотѣ словечка два не скажутъ, все съ ужимкой; что дверь у него отперта для всѣхъ, какъ званыхъ, такъ и незваныхъ, особенно для иностранныхъ; что канцелярія у него набита ничего не дѣлающей родней. Онъ благопристойный, степенный человѣкъ и волокита, и читаетъ мораль, и мастеръ такъ пообѣдать, что въ три дни не сварится. Онъ даже вольнодумецъ, если соберется съ подобными себѣ стариками, и въ то же время готовъ не допустить на выстрѣлъ къ столицамъ молодыхъ вольнодумцевъ, которыхъ именемъ честитъ всѣхъ, кто не подчинился принятымъ свѣтскимъ обычаямъ ихъ общества. Въ существѣ своемъ это одно изъ тѣхъ вывѣтрившихся лицъ, въ которыхъ, при всемъ ихъ свѣтскомъ comme il faut, не осталось ровно ничего, которыя своимъ пребываніемъ въ столицѣ и службою такъ же вредны обществу, какъ другіе ему вредны своею неслужбою и огрубѣлымъ пребываніемъ въ деревнѣ. Вредны, во первыхъ, собственнымъ имѣніямъ своимъ тѣмъ, что, предавъ ихъ въ руки наемниковъ и управителей, требуя отъ нихъ только денегъ для своихъ баловъ и обѣдовъ, званыхъ и незваныхъ, они разрушили истинно-законныя узы, связавшія помѣщиковъ съ крестьянами; вредны, во вторыхъ, на служащемъ поприщѣ тѣмъ, что, доставляя мѣста однимъ только ничего не дѣлающимъ родственникамъ своимъ, отняли у государства истинныхъ дѣльцовъ и отвадили охоту служить у честнаго человѣка; вредны, наконецъ, втретьихъ, духу правительства своею двусмысленною жизнью тѣмъ, что, подъ личиною усердія къ царю и благонамѣренности, требуя поддѣльной нравственности отъ молодыхъ людей и развратничая въ то же время сами, возбудили негодованіе въ молодежи, неуваженіе къ старости и заслугамъ и наклонность къ вольнодумству, дѣйствительному у тѣхъ,

которые имѣютъ некрѣпкія головы, и способны вдаваться въ крайности. Не меньше замѣчателенъ другой типъ: отъявленный мерзавецъ Загорецкій, вездѣ ругаемый и, къ изумленію, всюду принимаемый, лгунъ, плутъ, но въ то же время мастеръ угодить всякому сколько-нибудь значительному или сильному лицу доставленіемъ ему того, къ чему онъ грѣховно падокъ, готовый въ случаѣ надобности сдѣлаться патріотомъ и ратоборцемъ нравственности, зажечь костры и на нихъ предать пламени всѣ книги, какія ни есть на свѣтѣ, а въ томъ числѣ и сочинителей даже самыхъ басенъ за ихъ вѣчныя насмѣшки надъ львами и орлами, и симъ обнаружившій, что не боясь ничего, даже самой позорнѣйшей брани, боится однако же насмѣшки, какъ чортъ креста. Не меньше замѣчателенъ третій типъ: глупый либералъ Репетиловъ, рыцарь пустоты во всѣхъ ея отношеніяхъ, рыскающій по ночнымъ собраніямъ, радующійся, какъ Богъ вѣсть какой находкѣ, когда удается ему пристегнуться къ какому-нибудь обществу, которое шумитъ о томъ, чего онъ не понимаетъ, чего и разсказать даже не умѣетъ, но котораго бредни слушаетъ онъ съ чувствомъ, въ увѣренности, что попалъ наконецъ на настоящую дорогу, и что тутъ кроется дѣйствительно какое-то общественное дѣло, которое, хотя еще не созрѣло, но какъ разъ созрѣетъ, если только о немъ пошумятъ побольше, станутъ почаще собираться по ночамъ да позадористѣе между собою спорить. Не меньше замѣчателенъ четвертый типъ: глупый фрунтовикъ, Скалозубъ, понявшій службу единственно въ умѣньи различать форменныя отлички, но, при всемъ томъ, удержавшій какой-то свой особенный философскій либеральный взглядъ на чины, признающійся откровенно, что онъ ихъ считаетъ какъ необходимые каналы къ тому, чтобы попасть въ генералы, а тамъ ему хоть трава не расти; всѣ прочія тревоги ему ни почемъ, а обстоятельства времени и вѣка для него неголоволомная наука: онъ искренно увѣренъ, что весь міръ можно успокоить, давши ему въ Вольтеры фельдфебеля. Не меньше замѣчательный также типъ и старуха Хлестова, жалкая смѣсь пошлости двухъ вѣковъ, удержавшая изъ старинныхъ временъ только одно пошлое, съ притязаніями на уваженіе отъ новаго поколѣнія, съ требованіями почтенія къ себѣ отъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ она презираетъ, готовая выбранить вслухъ и встрѣчнаго и поперечнаго за то только, что не такъ къ ней сѣлъ, или передъ нею оборотился, ни къ чему не питающая никакой любви и никакого уваженія; но покровительница арапчонокъ, мосекъ и людей въ родѣ Молчалина, словомъ, старуха-дрянь въ полномъ смыслѣ этого слова. Самъ Молчалинъ — тоже замѣчательный типъ. Мѣтко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покамѣстъ тихомолкомъ пробирающееся въ люди, но въ которомъ, по словамъ Чацкаго, готовится будущій Загорецкій. Такое скопище уродовъ общества, изъ которыхъ каждый окаррикатурилъ какое нибудь мнѣніе,

правило, мысль, извративъ по своему законный смыслъ ихъ, должно было вызвать въ отпоръ ему другую крайность, которая обнаружилась ярко въ Чацкомъ. Въ досадѣ и въ справедливомъ негодованіи противу ихъ всѣхъ, Чацкій переходитъ также въ излишество, не замѣчая, что черезъ это самое и черезъ этотъ невоздержный языкъ свой онъ дѣлается самъ нестерпимъ и даже смѣшонъ. Всѣ лица комедіи Грибоѣдова суть такія же дѣти полупросвѣщенія, какъ Фонвизиновы—дѣти непросвѣщенія, русскіе уроды, временныя преходящія лица, образовавшіяся среди броженія новой закваски. Прямо русскаго типа нѣтъ ни въ комъ изъ нихъ: не слышно русскаго гражданина. Зритель остается въ недоумѣніи на счетъ того, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ. Даже то лицо, которое взято, повидимому, въ образецъ, то есть самъ Чацкій, показываетъ только стремленіе чѣмъ-то сдѣлаться, выражаетъ только негодованіе противъ того, что̀ презрѣнно и мерзко въ обществѣ, но не даетъ въ себѣ образца обществу.

Гоголь.

„Эдипъ царь" Софокла.*

Художественное достоинство этой трагедіи стоитъ выше всѣхъ противорѣчій. Мы могли бы сказать даже болѣе: по нашему крайнему разумѣнію, геній искусства въ древности не простирался далѣе въ тонкости и послѣдовательности художественнаго развитія. Сравните начало и конецъ трагедіи: гдѣ больше чувства самоувѣренности, основаннаго на глубокомъ сознаніи личнаго достоинства, чѣмъ въ началѣ, и однако какое внутреннее паденіе можетъ сравниться съ тѣмъ, которымъ оканчивается трагедія, хотя главное дѣйствующее лицо остается одно и то же?

Художникъ взялъ на себя одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, какія только представляются въ искусствѣ: не просто изобразить, но представить въ самомъ дѣйствіи переходъ одного и того же лица отъ глубокаго чувства самой безукоризненной невинности къ полному и притомъ добровольному сознанію вины въ смыслѣ нарушенія самыхъ первыхъ и священныхъ обязанностей человѣка. Сравнительно даже невинный Макбетъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ гораздо ближе къ мысли о томъ злодѣйствѣ, которымъ онъ впослѣдствіи погубилъ себя, чѣмъ Эдипъ, хотя уже и преступникъ, къ малѣйшему предчувствію того ужаснаго сознанія прошедшей вины, которое должно было отравить все остальное время его жизни. Чтобы удовлетворительно рѣшить задачу, надобно было съ величайшею постепенностію провести Эдипа черезъ нѣсколько психическихъ состояній, вовсе не

* Русскій переводъ этой трагедіи помѣщенъ ниже (см. II ч., отд. «драматическихъ произведеній».

похожихъ одно на другое, такъ, чтобы вниманіе зрителя въ отношеніи къ нему ни разу не раздѣлялось между искреннимъ участіемъ къ его положенію и сомнѣніемъ въ возможности его. Тамъ, гдѣ эти необходимые переходы не даны напередъ и даже не указаны самою легендою, которая составляетъ зерно произведенія, ихъ должно создать собственное воображеніе художника. Въ этомъ неподражаемомъ искусствѣ (ибо оно можетъ быть только самородное) Софоклъ не имѣетъ равнаго себѣ между драматургами древности. Мало того, чтобы создать характеръ, вдохнуть въ него жизнь, наполнить его паѳосомъ, Софоклъ, сверхъ того, знаетъ тайну тѣхъ внутреннихъ паденій и возвышеній, которыми непремѣнно сопровождается всякое чрезвычайное душевное движеніе въ человѣкѣ, и съ рѣдкою тонкостію кисти оттѣняетъ всѣ малѣйшіе переходы изъ одного нравственнаго состоянія въ другое. Вопросъ зрителя предупрежденъ самымъ ходомъ дѣйствія, и никакая рефлексія не нарушаетъ его вниманія: увлеченное послѣдовательностію развитія, оно отдается на волю художника и неослабно остается за нимъ не только въ минуту рѣшительнаго кризиса, но даже и послѣ, до послѣдняго вздоха страсти, до того крайняго предѣла, на который дѣйствіе болѣе не простирается, и гдѣ для него начинается уже прошедшее. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ всмотрѣться во внутреннюю архитектонику „Эдипа царя“ и отдать себѣ отчетъ во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ главнаго дѣйствующаго лица, легко можетъ повѣрить эти замѣчанія своимъ собственнымъ опытомъ.

Поколѣнія, которыхъ эстетическій вкусъ образовался на чтеніи первостепенныхъ художниковъ новаго времени, какъ Гёте и Вальтеръ-Скоттъ, едва ли могутъ быть менѣе самыхъ современниковъ Софокла чувствительны къ художественнымъ красотамъ его трагедіи. Художественность до такой степени вошла въ обычаи нашего эстетическаго пониманія, что иногда, злоупотребляя этимъ именемъ, мы готовы бываемъ пропустить мимо глазъ и ушей многіе существенные недостатки произведенія: доказательство неопытности вкуса, который, схвативъ внѣшнимъ образомъ одно изъ главныхъ современныхъ опредѣленій изящнаго, никакъ не можетъ перейти этой первой черты и равнодушно останавливается у самаго порога содержанія. Но, по счастію, есть въ современной критикѣ другой элементъ, собственно гуманическій, который освобождаетъ ее отъ односторонности чисто-формальнаго воззрѣнія. Оставляя пока въ сторонѣ прямо художественныя достоинства „Эдипа царя“, попробуемъ и мы войти въ кругъ тѣхъ идей, на которыхъ главнымъ образомъ держатся какъ нравственный характеръ самого Эдипа, такъ и существенный интересъ всего дѣйствія. Быть можетъ, намъ удастся такимъ образомъ показать на этомъ произведеніи, сверхъ прогресса чисто художественнаго и успѣхи нравственнаго со-

знанія между современниками величайшаго изъ трагиковъ классической древности.

Поражаетъ прежде всего своими особенностями характеръ главнаго дѣйствующаго лица. Возвратившись къ нему еще разъ послѣ внимательнаго чтенія, мысль читателя напрасно ищетъ другаго, параллельнаго ему явленія во всей предшествующей литературѣ. Эдипъ не знаетъ себѣ предшественника въ греческой поэзіи. Герои, которые были передъ нимъ, и большая часть послѣдовавшихъ за нимъ въ области гелленскаго искусства, блистали юностью, красотою, необозримою силою, быстротою, ловкостію движеній; если же въ комъ лѣта и сокрушили первоначальную отвагу, тотъ находилъ еще много новыхъ средствъ для своей предпріимчивости въ изгибахъ своего многоопытнаго и изворотливаго ума. Или наконецъ онъ носилъ въ груди, какъ искру небеснаго огня, какъ залогъ высшаго бытія, неробкій духъ, который посмѣвался надъ всѣми усиліями судьбы связать его свободную волю, и даже находясь въ узахъ, гордо, самонадѣянно продолжалъ вызывать на бой сверхъестественныя силы. Въ одномъ Эдипѣ нѣтъ никакого внѣшняго блеска, да недолго приходится ему хвалиться и внутренними достоинствами. Поднявшись въ образѣ Прометея[1] до самаго высокаго идеала, греческое искусство какъ-будто вдругъ потеряло равновѣсіе и пало въ лицѣ его ниже своихъ первыхъ зачатковъ. Посмотрите на Эдипа, какимъ знаетъ его трагическая муза; всмотритесь особенно въ его внѣшнюю постановку: онъ ужъ давно изжилъ лучшіе годы своей жизни; онъ не только мужъ, но и отецъ довольно значительной семьи; съ самаго зарожденія отмѣченный рукою судьбы, онъ испыталъ на себѣ много превратностей, но не вынесъ изъ нихъ ни тонкости ума Улисса и его знанія людей, ни Пріамова благодушія. До тѣхъ поръ, пока ему не открыли глазъ, онъ не подозрѣваетъ ни своего преступленія, ни своего несчастія. Когда надобно было оправдывать себя, онъ нагло, безъ всякихъ доказательствъ, обвиняетъ другихъ. Удостовѣрившись потомъ изъ непреложныхъ свидѣтельствъ, что сама истина говорила устами его мнимыхъ клеветниковъ, онъ не находитъ въ себѣ довольно мужества и спокойствія, чтобы терпѣливо перенести тяжелое испытаніе, и самъ налагаетъ на себя руки. Есть на памяти Ѳивянъ одно славное дѣло Эдипа, которое доставило ему и самую власть надъ ними; это былъ подвигъ не столько физической силы, сколько ума прозорливаго, которому Ѳивы одолжены были своимъ спасеніемъ отъ злаго и безпощаднаго чудовища, но та счастливая прозорливостъ какъ-будто прошла вмѣстѣ съ лѣтами Эдипа и оставила по себѣ мѣсто въ душѣ его лишь ложной самонадѣянности. Трагедія очевидно знала Эдипа, цвѣтущаго молодостію и душевными силами, но она предпочла Эдипа,

---

[1] «Прометей»—трагедія Эсхила (V в. до Р. Х.).

въ половину уже отжившаго и неспособнаго болѣе спасти не только свой народъ, но и самого себя отъ тяготѣвшей надъ нимъ судьбы. Зачѣмъ такое предпочтеніе?

Еще больше поражаетъ выборъ самаго дѣйствія, составляющаго главное содержаніе трагедіи и, такъ сказать, ея душу. Софоклъ не изобрѣлъ его самъ, какъ вообще греческіе художники не выдумывали изъ своей головы сюжета для своихъ произведеній, но взялъ, или лучше сказать, выбралъ изъ мѣстныхъ преданій полумиѳическаго свойства. Что же на этотъ разъ привлекло къ себѣ его воображеніе? Это не подвигъ юнаго, предпріимчиваго героизма, ищущаго себѣ славы или добычи, какихъ не мало въ древнихъ преданіяхъ о героическихъ временахъ Греціи: это и не высокій гражданскій подвигъ, направленный на защиту родной страны, ея правъ и самостоятельности, требующій отъ подвижниковъ личнаго самоотверженія; это наконецъ не одно изъ тѣхъ кровавыхъ дѣлъ семейной вражды и мести, которыя узаконены были почти всею древностію не только какъ право, но и какъ одно изъ первыхъ обязанностей человѣка, и долгое время занимали самое видное мѣсто между любимыми темами греческой драматической поэзіи. Въ нашей трагедіи, напротивъ, все дѣйствіе основано на такомъ событіи, въ которомъ, вольно или невольно, попраны самыя священныя права, нарушены и оскорблены самыя первыя обязанности человѣка, напечатлѣнныя въ немъ самою природою и навсегда утвержденныя его же разумомъ, однимъ словомъ—на событіи, которое оставляло на совѣсти дѣйствующаго лица самую тяжелую нравственную отвѣтственность, какъ самое непотребное изъ человѣческихъ преступленій. По древнему преданію, Эдипъ при первой встрѣчѣ убилъ собственною рукою неузнаннаго отца и потомъ еще на-вѣки запятналъ себя кровосмѣшеніемъ съ своею матерью, имъ также не узнанною. Если миѳическое сознаніе и могло вмѣстить въ себѣ подобные вымыслы, то какое наслажденіе они могли доставить поэтической фантазіи? Между тѣмъ весь „Эдипъ-царь", отъ перваго явленія и до послѣдняго, есть не что иное, какъ художественное развитіе фатальныхъ слѣдствій несчастнаго и ничѣмъ неизгладимаго преступленія. Къ дѣйствію, уже совершившемуся, здѣсь присоединяется другое, равно неотвратимое, которое мало по малу вскрывается въ душѣ, въ самомъ сознаніи невольнаго преступника: вина сама ведетъ за собою свои неизбѣжныя слѣдствія. Еще не касаясь лично виновника, они сначала подходятъ къ нему только издали, проступаютъ въ его окруженіи. По винѣ Эдипа городъ Ѳивы постигнутъ страшною язвою. Религіозное изслѣдованіе причины общенароднаго бѣдствія скоро наводитъ слѣдователей на ужасное подозрѣніе. Напрасно душа Эдипа возмущается при мысли о томъ, что есть дерзкіе языки, которые позволяютъ себѣ выражать сомнѣніе въ его чистотѣ и невинности: ему не уйти отъ роковаго сознанія, какъ не ушелъ онъ отъ предназначеннаго ему преступленія. Чѣмъ больше онъ

усиливается передъ самимъ собою и передъ глазами страдающаго за него народа освободиться отъ чернаго подозрѣнія, способнаго убить всякое душевное спокойствіе, тѣмъ съ большею силою это подозрѣніе вторгается во внутреннія убѣжища его совѣсти и называетъ ей себя какъ ничѣмъ неизмѣнимое убѣжденіе. Напрасно Эдипъ, поколебавшись въ своихъ собственныхъ мысляхъ, ищетъ себѣ послѣдней опоры въ показаніяхъ очевидцевъ преступленія или его современниковъ. Чѣмъ больше онъ выпытываетъ отъ нихъ, тѣмъ поразительнѣе возстаетъ предъ нимъ образъ преступника, и всматриваясь въ него, онъ все больше и больше распознаетъ въ немъ его собственныя черты. Переживъ съ Эдипомъ всѣ его сомнѣнія, зритель долженъ еще присутствовать при раздражающемъ сердце зрѣлищѣ, какъ погибаетъ подъ неизбѣжнымъ давленіемъ рока самое глубокое чувство невинности, и вмѣстѣ съ нимъ рушится вѣра во внутреннее достоинство человѣка. Хаоса чувствъ, наступающаго послѣ такой страшной катастрофы, не въ состояніи вынести никакая личность, хотя бы и много уже испытанная жизнію, — и зритель, прошедши одно за другимъ всѣ потрясѣнія Эдиповой души, въ заключеніе долженъ узнать, что преступникъ, разбитый внутренними терзаніями, наконецъ объявляетъ вражду самъ противъ себя и казнитъ себя лишеніемъ дневнаго свѣта, какъ если бы душевный мракъ былъ при немъ еще невыносимѣе. Жизнь остается Эдипу тяжелая, страдальческая жизнь, лишенная всякой отрады; но и зритель, присутствовавшій при всемъ дѣйствіи, что̀ выноситъ изъ него, кромѣ этого несчастнаго образа, неумолимо преслѣдуемаго рокомъ въ враждѣ съ самимъ собою, разорвавшаго почти всѣ связи съ обществомъ людей, съ природою, и погруженнаго лишь въ безъисходный мракъ своего отчаянія? Что̀ еще, кромѣ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, можетъ оставить въ душѣ его подобное драматическое представленіе?

Художникъ воленъ былъ избрать тотъ или другой предметъ въ обширной области миѳическихъ и историческихъ преданій, которая была открыта его воображенію. Почему было ему не остановиться на предметѣ, если не болѣе увлекательномъ, по крайней мѣрѣ болѣе возвышающемъ душу, болѣе способномъ поддержать въ ней вѣру въ нравственное достоинство человѣка? Примѣръ почти всѣхъ предшествующихъ художниковъ могъ бы, кажется, служить ему прекраснымъ поощреніемъ. Далеко не истощивши всего поэтическаго матеріала, они однако открыли дорогу своимъ послѣдователямъ и установили образцы. Хотѣлъ ли Софоклъ тѣмъ сильнѣе впечатлѣть въ воображеніи зрителей идею неумолимой судьбы и показать имъ хотя на одномъ разительномъ примѣрѣ, что съ нею не въ силахъ бороться никакая человѣческая рѣшимость? Болѣе чѣмъ сомнительно. Идея судьбы и безъ Софокла довольно прочно заложена была въ религіозномъ сознаніи Грековъ. Она-то произвела сказаніе о безсознательныхъ преступленіяхъ Эдипа гораздо прежде, чѣмъ оно сдѣлалось предметомъ художественной обра-

ботки. Притомъ же не оно само составляетъ главный предметъ дѣйствія, а его отдаленныя слѣдствія. Въ „Гамлетѣ“ тоже довольно подробно разсказывается смерть его отца, но никто конечно не смѣшаетъ этого разсказа съ самимъ дѣйствіемъ, которому онъ служилъ лишь необходимымъ драматическимъ поводомъ или основаніемъ для завязки. Чтобы изобразить неотвратимую силу рока (если ужъ это было непременно нужно), Софоклъ не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ представить въ дѣйствіи первую и самую важную часть сказанія. Здѣсь воочію совершается то, что̀ послѣдующая часть подразумѣваетъ, какъ давно прошедшее. Въ трагедіи также есть внѣшнее дѣйствіе, но надъ нимъ беретъ рѣшительный перевѣсъ внутреннее, которое въ то же самое время происходитъ въ сознаніи главнаго дѣйствующаго лица. Взявши въ соображеніе послѣднее и ту катастрофу, которою оно разрѣшается, не трудно удостовѣриться, что результатъ этого дѣйствія совсѣмъ иной, нежели тотъ, какого мы въ правѣ были бы ожидать отъ трагедіи, если бы она выражала собою идею судьбы. Убѣдившись въ неумолимости рока, въ неотмѣнимости его предопредѣленій, зачѣмъ было бы Эдипу такъ терзать себя? Если бы въ немъ не брало перевѣсъ иное чувство, иное сознаніе, онъ не могъ бы сослаться на ту же самую неумолимость рока и успокоиться. Итакъ позволительно думать, что побужденія совсѣмъ инаго рода руководили художникомъ древности, когда онъ избралъ Эдипа темою для одного изъ своихъ драматическихъ произведеній.

Новые примѣры нерѣдко могутъ быть употреблены съ пользою для объясненія древнихъ. Мы воспользуемся этимъ правиломъ въ приложеніи къ искусству. Говоря вообще, было бы очень странно думать, что искусство, заимствуя свой матеріалъ отъ преданія, удерживаетъ и его воззрѣніе на предметъ, не видитъ ничего далѣе ни въ лицахъ, ни въ событіяхъ. Такое понятіе отнимаетъ у искусства всякую внутреннюю самостоятельность и, оставляя за нимъ привилегію техническаго превосходства, пластики,—въ нравственномъ отношеніи впрочемъ ставитъ его совершенно на одной степени съ младенческимъ преданіемъ. Всякій, знакомый съ старымъ преданіемъ о Гамлетѣ, хорошо знаетъ, какъ далеко ушелъ отъ него извѣстный художественный типъ, также носящій имя Гамлета, не смотря на то, что внѣшнія черты событія остались почти однѣ и тѣ же въ разсказѣ и въ драмѣ. Тамъ, гдѣ преданіе болѣе всего занимало мысль о кровавой мести, поэтъ, предупреждая самое время, первый замѣтилъ неясныя черты весьма важнаго и въ высшей степени интереснаго психическаго явленія, на которое до него едва существовали темные намеки и которое гораздо позже, вслѣдствіе особенныхъ условій историческаго развитія, сдѣлалось довольно обыкновенною нравственною болѣзнію въ европейскомъ обществѣ. Нисколько не касаясь вопроса объ исторической вѣроятности или невѣроятности событія, Шекспиръ взялъ его для себя, какъ положительный фактъ, и подъ

широкою тканію внѣшняго дѣйствія психическими чертами изобразилъ то глубоко внутреннее распаденіе между сознаніемъ и волею человѣка, котораго онъ уже уловилъ самые первые признаки. Однажды понявши Гамлета, мы поняли лучше всѣхъ философическихъ опредѣленій одно изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нравственной человѣческой природы. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ оспаривать, что Гамлетъ, какъ герой драмы, лишенъ всякаго блеска; но кто же не согласится и въ томъ, что даже во всей области новаго искусства немного еще можно указать типовъ, которые бы равнялись съ нимъ во внутренней занимательности?

Время кладетъ свою печать на все—на искусство столько же, сколько и на самую жизнь. Отсюда то глубокое различіе, которое проходитъ въ характерѣ древняго и новаго искусства. Въ сущности, впрочемъ, натура искусства неизмѣнно остается одна и та же. Чтò сказали мы объ отношеніи его къ преданію въ новое время, то же самое безъ труда можетъ быть приложено и къ древнему художнику. Софоклъ не былъ бы художникомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ слова, еслибы не умѣлъ стать своею мыслію и всѣмъ созерцаніемъ выше преданія, которое доставляло ему первый грубый матеріалъ для его поэтической производительности. Эдипъ преданія и Эдипъ трагедіи конечно одно и то же лицо: между тѣмъ не надобно имѣть много особеннаго тонкаго смысла, чтобы узнать въ послѣднемъ собственное созданіе Софокла. Безспорно, что выборъ сдѣланъ былъ художникомъ внѣ обыкновенныхъ условій, такъ что съ перваго раза можетъ показаться довольно своенравнымъ. Эдипъ преданія, какъ и Гамлетъ, не блеститъ никакими внѣшними качествами; не видно также, чтобы оно приписывало ему высокія доблести душевныя; наконецъ, чтó касается до его положенія, оно также не можетъ быть названо привлекательнымъ. Нельзя не сознаться и въ томъ, что искусство Софокла, избравши себѣ такой предметъ, тоже ничего не сдѣлало съ своей стороны, чтобы поднять Эдипа въ этомъ отношеніи; трагедія не позволила себѣ съ нимъ никакого превращенія, напримѣръ, хоть бы въ родѣ того, какому подверглось лицо Эгмонта [1] подъ руками новаго поэта. Пройдя черезъ мастерскую древняго художника, Эдипъ вышелъ изъ нея безъ всякихъ прикрасъ. Пусть такъ,—и мы готовы со всею силою настаивать на этомъ положеніи, но что отсюда слѣдуетъ? То, очевидно, что художникъ вовсе и не думалъ о прикрасахъ, нисколько не заботился придать внѣшній блескъ герою своей трагедіи, что слѣдовательно, мысль его работала надъ иного рода задачею: потому что никто же конечно не подумаетъ, что работа его не была проникнута никакою особенною мыслію. Возьмемъ героя трагедіи такъ, какъ онъ есть—

[1] «Эгмонтъ» трагедія Гете.

безъ внѣшняго блеска, безъ высокихъ душевныхъ доблестей, безъ всякихъ преувеличеній: неужели въ немъ не останется ничего такого, что̀ бы могло привязать къ нему интересъ мыслящаго человѣка? Нельзя поручиться за современниковъ не только Гомера, но даже и Геродота: другіе идеалы занимали ихъ воображеніе: несчастія Эдипа могли возбудить ихъ любопытство, но личный характеръ его едва ли могъ удовлетворить требованіямъ ихъ вкуса. Рѣдкій успѣхъ Софокла между его современниками доказываетъ, напротивъ, что они уже достаточно созрѣли для того, чтобы прямо наслаждаться его оригинальными поэтическими созданіями и, можетъ-быть, даже отдавать имъ предпочтеніе передъ прежними. Интересъ, который привязывалъ автора къ лицу, имъ созданному, живо отзывался и въ нихъ. Эдипъ не могъ занять ихъ тѣмъ, чего въ немъ не было,—что не вложено было въ него ни преданіемъ, ни искусствомъ художника: и такъ Эдипъ долженъ былъ привязать къ себѣ ихъ интересъ именно тою стороною, которой мы не находимъ близкой параллели во всемъ предшествующемъ искусствѣ. Это—с т о р о н а н р а в с т в е н н а я; иначе говоря, Эдипъ могъ занять ихъ воображеніе развѣ только какъ нравственный характеръ. Съ этой точки зрѣнія удивительно какъ оправдывается выборъ художника. Для подобной мысли въ самомъ дѣлѣ трудно было бы найти другое лицо, которое бы по самой натурѣ своей было больше способно служить ей полнымъ и яснымъ выраженіемъ. Еслибы зритель и старался отъискать въ личности Эдипа другую сторону, которою бы могъ занять свое воображеніе, онъ не достигъ бы своей цѣли безъ обмана предъ самимъ собою, безъ натяжекъ во вредъ истинѣ: Эдипа какъ ни повороти, но послѣ того, какъ совершено его безсознательное преступленіе, онъ занимателенъ лишь тѣми сильными потрясеніями и переворотами, которые происходятъ въ самой душѣ его, въ рѣшеніяхъ его воли, однимъ словомъ, въ нравственномъ его состояніи. Кто не почувствовалъ интереса къ этимъ явленіямъ въ духовной природѣ Эдипа, тотъ далекъ еще отъ того, чтобы войти въ мысль поэта и понять истинныя красоты трагедіи.

Путемъ весьма естественнаго развитія гелленское сознаніе дошло до той высокой точки, на которой явленія внутренней природы человѣка получаютъ гораздо болѣе цѣны для испытующей мысли, чѣмъ блестящія дѣла внѣшнія, и становятся на первомъ планѣ въ искусствѣ. Софоклу принадлежитъ честь перваго производителя, который усвоилъ искусству это важное направленіе, впервые отыскавъ вполнѣ соотвѣтствующій ему образъ. На той же самой дорогѣ находился и его ближайшій предшественникъ, но увлекаемый высокимъ полетомъ своей мысли, Эсхилъ иногда уносился слишкомъ далеко отъ земли; величайшій образъ, созданный его исполинскимъ воображеніемъ, не только своимъ происхожденіемъ, но и своими наклонностями скорѣе обличаетъ въ себѣ натуру титана, нежели человѣка. Искусство слиш-

комъ долго пребывало въ сферѣ боговъ и боговидныхъ героевъ; пора было ему наконецъ низойти до обыкновенной человѣческой дѣятельности и въ ней поискать новаго матеріала, достойнаго занять мысль художника и вдохновить трудъ его. Никто не перешелъ этой черты съ такою рѣшимостью, какъ авторъ Эдипа. Только глубокій поэтическій тактъ могъ навести его на предметъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій умственнымъ потребностямъ его современниковъ, и внушить ему смѣлость подобнаго выбора. Говоря, что Софоклъ нашелъ въ лицѣ Эдипа образъ, который могъ служить для его мысли самымъ полнымъ выраженіемъ, мы, можетъ быть, не совсѣмъ точно выразили нашу собственную мысль. Мы вовсе не хотѣли сказать, употребляя этотъ столько обыкновенный оборотъ рѣчи, что Софоклъ дошелъ до своего выбора посредствомъ яснаго сознанія одной изъ важнѣйшихъ цѣлей искусства; наша мысль была только та, что въ Эдипѣ, какимъ представляетъ его преданіе. Софоклъ съ удивительною мѣткостію взгляда угадалъ возможность того характера, который онъ потомъ съ такимъ совершенствомъ воспроизвелъ въ своей трагедіи: процессъ, совершенно однородный съ тѣмъ, посредствомъ котораго творческій геній Шекспира открылъ своего Гамлета въ убогомъ преданіи, съ которымъ онъ познакомился, прежде чѣмъ замыслилъ свое безсмертное произведеніе. Дѣлаемъ эту оговорку, чтобы кто не подумалъ, что въ произведеніяхъ Софокла мы видимъ плодъ дѣятельности столько же философической, сколько и поэтической. Наше убѣжденіе то, что натура Софокла, какъ и вся его дѣятельность, есть чисто художническая, безъ всякой посторонней примѣси.

Нравственный характеръ, какъ и героическій, узнается въ дѣйствіи. Не то лицо называемъ мы нравственнымъ, которое имѣетъ прекрасныя правила и гласно ихъ высказываетъ, но то, которое въ поведеніи своемъ прежде всего руководствуется нравственными побужденіями, хоть бы, впрочемъ, они и не были ясно выговорены. Побужденія будутъ нравственны, когда внушены чувствомъ истины, добра и правды. Тотъ особенно достигаетъ въ нашихъ глазахъ идеала житейской нравственности, въ комъ потребность истины и правды беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими чувствами, кто въ рѣшительныя минуты жизни не задумается пожертвовать ей своими собственными интересами, ни даже своею личною безопасностію. Впрочемъ, какъ отказать въ нравственномъ характерѣ и тому, въ комъ первая мысль, слѣдующая за сознаніемъ вины, есть необходимость добровольнаго очищенія, хотя бы оно сопряжено было съ тяжкими и ничѣмъ не вознаградимыми лишеніями? Древніе: какъ ни превратны были во многомъ ихъ понятія, также знали нравственные инстинкты, и нельзя сказать, чтобы эти инстинкты оставались совершенно безплодны между ними. Не все страсть къ пріобрѣтенію, любовь къ славѣ, жажда мщенія: имъ знакомы были и другія, высшія и благороднѣйшія

побужденія, какъ-то: патріотизмъ, гражданская честь, наконецъ любовь къ истинѣ. Въ древнемъ греческомъ искусствѣ никто столько, какъ Софоклъ, не былъ чувствителенъ къ этимъ струнамъ практической жизни, никто не ввелъ этого элемента въ такомъ широкомъ объемѣ въ свои поэтическія произведенія. Здѣсь получаетъ свое полное значеніе и то дѣйствіе, которое составляетъ главное содержаніе нашей трагедіи. Ничего нельзя было лучше придумать, чтобы, остановившись на извѣстномъ лицѣ, дать несомнѣнную пробу его нравственнаго характера, если не въ смыслѣ высокаго идеальнаго совершенства, то въ смыслѣ духовной природы, которой врождены нравственные инстинкты. Герой трагедіи, даже взятый съ внутренней своей стороны, дѣйствительно человѣкъ не безъ слабостей и недостатковъ. Если онъ по природѣ своей чуждъ несправедливости, то не чуждъ самонадѣянности, которая почти не менѣе первой ведетъ къ разнымъ излишествамъ; если онъ отечески любитъ свой народъ и вполнѣ сочувствуетъ ему въ бѣдствіи, то онъ также подверженъ самолюбію, и нѣтъ для него оскорбленія чувствительнѣе того, которое устремлено противъ него лично; въ такомъ случаѣ онъ способенъ увлечься до несправедливаго гнѣва, до забвенія всякой умѣренности и благоразумія. Вообще, въ немъ есть мѣсто страсти и ея увлеченіямъ. Нельзя быть чувствительнѣе Эдипа къ собственной чести, нетерпѣливѣе въ желаніи сбросить всякую тѣнь подозрѣнія съ своего добраго имени: онъ не довольствуется внутреннимъ чувствомъ своей правоты, но болѣзненно раздражается всякій разъ, какъ только слышитъ упрекъ или нареканіе себѣ со стороны и, не успокоиваясь, идетъ до послѣднихъ предѣловъ возможной повѣрки, такъ что наконецъ самъ съ ужасомъ видитъ себя въ самомъ безвыходномъ положеніи — лицомъ къ лицу съ преступленіемъ. Но этимъ самымъ онъ и впадаетъ въ настоящую трагическую коллизію! здѣсь-то собственно и должно раскрыться, въ какой степени онъ владѣетъ нравственными силами. Дѣло тутъ не только въ самомъ преступленіи, которое, когда еще открывается дѣйствіе, есть уже достояніе минувшаго, сколько въ томъ, какъ относится къ нему совѣсть преступника: коллизія [1] совершенно внутренняя. Внѣшняя постановка Эдипа не такова, чтобы, совершивъ преступленіе, онъ волею или неволею, но неизбѣжно принужденъ былъ понести на себѣ и всю тяжесть наказанія. Важно то, что въ немъ самомъ есть голосъ, который, сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ понужденій, требуетъ отъ него, по сознаніи вины, и строжайшаго возмездія за нее. Это голосъ, заложенный въ самой природѣ человѣка, не подавленный и самою страстію. Въ немъ-то заключалось главное побужденіе для Эдипа — подвергнуть себя тому

[1] Коллизія—столкновеніе.

ужасному лишенію, которое должно было отравить всю остальную жизнь его. Можно бы даже утверждать, что та же самая сила, хотя косвенно, участвовала и въ предъидущемъ непреклонномъ рѣшеніи Эдипа — во что бы то ни стало разогнать всякую тѣнь сомнѣній относительно своего добраго имени, дойти до самаго источника обвиненій, рѣшеніи, которое такъ много способствовало къ тому, чтобы приблизить катастрофу. Что же такое была эта сила: неутомимый ли рокъ, который постоянно увлекалъ Эдипа въ одномъ направленіи къ назначенной напередъ развязкѣ, или другая, равно неотступная, но болѣе внутренняя и потому гораздо болѣе близкая человѣческому сознанію, какова, напримѣръ, сила нравственнаго чувства? Отвѣтъ могъ бы быть сомнителенъ, если бы мы имѣли дѣло съ чистымъ миѳическимъ сказаніемъ; но какъ скоро оно прошло черезъ руки художника и пропиталось его собственною мыслію, едва ли мы будемъ въ правѣ отказаться въ нашемъ толкованіи отъ разумнаго, что̀ одинаково доступно и нашей мысли и нашему внутреннему чувству, и отдать свой голосъ въ пользу слѣпаго и случайнаго, въ томъ предложеніи, что оно управляетъ извнѣ самою волею человѣка. Или, въ нашемъ пониманіи искусства, поэтическая дѣятельность ограничивалась бы только одною внѣшнею обработкою даннаго матеріала, безъ всякаго отношенія къ внутреннему его смыслу. Весьма значительно, что древнее сказаніе, которое послужило основою «Эдипу», вовсе не знало той страшной развязки, которою оканчивается трагедія: такъ въ «Эдиподіи», одномъ эпическомъ произведеніи древности, которое все было посвящено дѣламъ Эдипа, разсказывалось, что онъ не только пережилъ безъ особенныхъ потрясеній смерть первой жены, но еще женился на другой, отъ которой имѣлъ четырехъ дѣтей; тотъ же образъ представленія усвоила себѣ и греческая живопись. Неизбѣжныя послѣдствія преступнаго сознанія въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ въ подробности развиты только драматическою поэзіею. Ясно, что эпическое, равно какъ и миѳическое сознаніе, занято было преимущественно внѣшнимъ дѣйствіемъ и оставалось довольно равнодушнымъ къ тому, что̀ въ то же самое время происходило въ самой душѣ героя легенды, между тѣмъ какъ трагическая муза обратила главное свое вниманіе на нравственныя явленія: иначе мы не могли бы объяснить себѣ, почему художникъ рѣшился на такое значительное измѣненіе въ первоначальномъ сказаніи и позволилъ себѣ развить несчастныя послѣдствія преступленія совершенно по своему. Вообще трагедія въ Греціи предполагаетъ новую важную степень въ развитіи гелленскаго сознанія: герой древней легенды только и могъ имѣть для него занимательность, какъ лицо нравственное. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, и тайна того участія, которое судьба его, хотя и преступника, возбуждаетъ даже въ зрителѣ новаго времени. Эдипъ, дѣйствующій въ счастіи и несчастіи лишь какъ слѣпое орудіе судьбы, теряетъ всякую

цѣну, не заслуживаетъ даже простаго состраданія; только какъ человѣкъ, до послѣдней минуты движимый побужденіями болѣе или менѣе нравственными, имѣетъ онъ полное право на сочувствіе зрителей въ своихъ дѣйствіяхъ и еще болѣе въ своемъ добровольномъ наказаніи. Пусть впечатлѣніе отъ безпримѣрныхъ несчастій Эдипа и будетъ подавляющее; въ глубинѣ души зрителя тѣмъ не менѣе остается возвышающее чувство, что въ природѣ человѣка живутъ ничѣмъ неизгладимые инстинкты истины и правды, которыхъ не заглушатъ никакія несчастія, ни даже самые жестокіе удары судьбы.

Кудрявцевъ

Басни Крылова.

Въ то время, когда наша поэзія совершала быстро своеобразный ходъ свой, воспитываясь поэтами всѣхъ вѣковъ и націй, обвѣваясь звуками всѣхъ поэтическихъ странъ, пробуя всѣ тоны и аккорды, одинъ поэтъ оставался въ сторонѣ. Выбравши себѣ самую незамѣтную и узкую тропу, шелъ онъ по ней почти безъ шуму, пока не переросъ другихъ, какъ крѣпкій дубъ переростаетъ всю рощу, вначалѣ его скрывавшую. Этотъ поэтъ Крыловъ.

Выбралъ онъ себѣ форму басни, всѣми пренебреженную, какъ вещь старую, негодную для употребленія и почти дѣтскую игрушку, и въ сей баснѣ умѣлъ сдѣлаться народнымъ поэтомъ. Это наша крѣпкая русская голова, тотъ самый умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ, умъ выводовъ, такъ называемый задній умъ. Пословица не есть какое нибудь впередъ поданное мнѣніе, или предположеніе о дѣлѣ, но уже подведенный итогъ дѣла, отсѣдъ, отстой уже перебродившихъ и кончившихся событій, окончательное извлеченіе силы дѣла изъ всѣхъ сторонъ его, а не изъ одной. Это выражается и въ поговоркѣ: *одна рѣчь не пословица*. Вслѣдствіе этого задняго ума, или ума окончательныхъ выводовъ, которымъ преимущественно надѣленъ передъ другими русскій человѣкъ, наши пословицы значительнѣе пословицъ всѣхъ другихъ народовъ. Сверхъ полноты мыслей, уже въ самомъ образѣ выраженія въ нихъ отразилось много народныхъ свойствъ нашихъ; въ нихъ все есть: издѣвка, насмѣшка, попрекъ, словомъ —все шевелящееся и задирающее за живое. Какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ изъ нихъ каждая на человѣка. Всѣ великіе люди отъ Пушкина до Суворова и Петра, благоговѣли передъ нашими пословицами. Уваженіе къ нимъ выразилось многими поговорками: пословица *не даромъ молвится* или *во вѣкъ не сломится*. Извѣстно, что если сумѣешь замкнуть рѣчь ловко прибранною пословицею, то симъ объяснишь ее вдругъ народу, какъ бы сама по себѣ ни была она свыше его понятія.

Отсюда ведетъ свое происхожденіе Крыловъ. Его притчи—достояніе народное и составляютъ книгу мудрости самого народа. Звѣри

у него мыслятъ и поступаютъ слишкомъ по-русски: въ ихъ продѣлкахъ между собою слышны продѣлки и обряды производствъ внутри Россіи. Кромѣ вѣрнаго звѣринаго сходства, которое у него до того сильно, что не только лисица, медвѣдь, волкъ, но даже самъ горшокъ поворачивается какъ живой, они показали въ себѣ еще и русскую природу. Даже оселъ, который у него до того опредѣлился въ характерѣ своемъ, что стóитъ ему высунуть только уши изъ какойнибудь басни, какъ уже читатель вскрикиваетъ впередъ: «это оселъ Крылова!“—даже оселъ, не смотря на свою принадлежность климату другихъ земель, явился у него русскимъ человѣкомъ. Нѣсколько лѣтъ производя кражу по своимъ огородамъ, онъ возгорѣлся вдругъ честолюбіемъ, захотѣлъ ордена и заважничалъ страхъ, когда хозяинъ повѣсилъ ему на шею звонокъ, не размысля того, что теперь всякая кража и пакость его будутъ видны всѣмъ и привлекутъ отовсюду побои на его бока. Словомъ, всюду у него Русь и пахнетъ Русью. Всякая басня его имѣетъ сверхъ того историческое происхожденіе. Не смотря на свою неторопливость и, повидимому, равнодушіе къ событіямъ современнымъ, поэтъ однако же слѣдилъ всякое событіе внутри государства: на все подавалъ свой голось, и въ голосѣ этомъ слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ до своего полнаго совершенства. Строго взвѣшеннымъ и крѣпкимъ словомъ, такъ разомъ онъ и опредѣлитъ дѣло, такъ и означитъ, въ чемъ его истинное существо. Когда нѣкоторые черезъ-чуръ военные люди стали было уже утверждать, что все въ государствахъ должно быть основано на одной военной силѣ, и въ ней одной спасеніе, а чиновники штатскіе начали, въ свою очередь, притрунивать надъ всѣмъ, чтò ни есть военнаго, изъ-за того только, что нѣкоторые обратили военное дѣло въ одни погончики да петлички, онъ написалъ знаменитый споръ пушекъ съ парусами, въ которомъ вводитъ обѣ стороны въ ихъ законныя границы симъ замѣчательнымъ четверостишіемъ:

Держава всякая сильна,
Когда устроены въ ней мудро части:
Оружіемъ врагамъ она сильна,
А паруса—гражданскія въ ней власти.

Какая мѣткость опредѣленія! Безъ пушекъ не защитишься, а безъ парусовъ и вовсе не поплывешь. Когда у нѣкоторыхъ доброжелательныхъ, но недальнозоркихъ начальниковъ утвердилось было странное мнѣніе, что нужно опасаться бойкихъ, умныхъ людей и обходить ихъ въ должностяхъ изъ-за того единственно, что нѣкоторые изъ нихъ были когда-то шалуны и замѣшались въ безразсудное дѣло, онъ написалъ не меньше замѣчательную басню: «Двѣ Бритвы», и въ ней справедливо попрекнулъ начальниковъ, которые

Людей съ умомъ боятся
И держатъ при себѣ охотнѣй дураковъ.

Особенно слышно, какъ онъ вездѣ держитъ сторону ума, какъ проситъ не пренебрегать умнаго человѣка, но умѣть съ нимъ обращаться. Это отразилось въ баснѣ «Музыканты», которую заключилъ онъ словами:

По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй.

Не потому это онъ сказалъ, чтобы хотѣлъ похвалить пьянство, но потому, что заболѣла его душа при видѣ, какъ нѣкоторые, набравши къ себѣ, на мѣсто мастеровъ дѣла, людей Богъ вѣсть какихъ, еще и хвастаются тѣмъ, говоря, что хоть мастерства они не смыслятъ. но за то отличнѣйшаго поведенія. Онъ зналъ, что съ умнымъ человѣкомъ все можно сдѣлать, и не трудно обратить его къ хорошему поведенію, если сумѣешь умно говорить съ нимъ, но дурака трудно сдѣлать умнымъ, какъ ни говори съ нимъ. *Въ ворѣ что въ морѣ, а въ дуракѣ что въ прѣсномъ молокѣ*, говоритъ наша пословица. Но и умному дѣлаетъ онъ также крѣпкія замѣтки, сильно попрекнувши его въ баснѣ «Прудъ и Рѣка» за то, что далъ задремать своимъ способностямъ, и строго укоривши въ баснѣ «Сочинитель и Разбойникъ» за развратное и злое ихъ направленіе. Вообще его занимали вопросы важные. Въ книгѣ его всѣмъ есть уроки, всѣмъ степенямъ въ государствѣ, начиная отъ главы, которому говоритъ онъ:

Властитель, хочешь ли народы удержать?
Держи бразды не вкруть, но мощною рукою,

и до послѣдняго труженика, работающаго въ низшихъ рядахъ государственныхъ, которому указываетъ онъ на высокій удѣлъ въ видѣ пчелы, не ищущей отличать своей работы:

Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Слова эти останутся доказательствомъ вѣчнымъ, какъ благородна была душа Крылова.

Ни одинъ изъ поэтовъ не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ найдено и такъ усвоено крѣпко вещи, что даже и опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймешь его слога. Предметъ,

какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собою, натурою передъ глаза. Стиха его также не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ-ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется, крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ какъ муха, являясь вдругъ въ длинномъ, шестистопномъ стихѣ, то въ быстромъ, одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ она ощутительно самую невыразимую ея духовность. Стоитъ вспомнить величественное заключеніе басни «Двѣ Бочки»:

Великій человѣкъ лишь виденъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпко думу
Безъ шуму.

Тутъ отъ самаго размѣщенія словъ, какъ бы слишится величіе ушедшаго въ себя человѣка.

Гоголь.

Сочиненія Александра Пушкина.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ отразились въ такой чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится Русскій и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью; гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подоблачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на мысляхъ. Его плѣнила полная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость,

которая такъ дивила и поражала только что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку Чеченца съ казакомъ — слогъ его молнія; онъ такъ же блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всею душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными крымскими ночами и садами. Можетъ быть, отъ того и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и отъ того произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную магическую силу; имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и пространнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ни чья слава не распространилась такъ быстро. Всѣ кстати и не кстати считали обязанностію проговорить, а иногда исковеркать какіе нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое, и стòило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду.

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами своего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая піеса всегда стòитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой піесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облакъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ, — его поэмы уже не всѣхъ поразили

тою яркостію и ослѣпительной смѣлостью, какими дышетъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, Горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить; будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, требовали на перерывъ, чтобъ отечественныя и историческія произшествія являлись предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ; представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были. Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было,—она тотчасъ заговоритъ: это вяло, это слабо, это не хорошо, это ни мало не похоже на то, что̀ было. Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій: но горе ему если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ. Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того, характеръ народа большею частію былъ безцвѣтенъ. Поэтъ не виноватъ; но и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что̀ само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара,—тогда толпа почитателей, толпа народа на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги: или—быть вѣрну одной истинѣ, быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ произшествіе. Но въ этомъ случаѣ, прощай толпа! ея не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, потому что хотѣлъ остаться поэтомъ, и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, есть тонкая разборчивость, непозволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ.

Гоголь.

О сценическомъ художествѣ.

Всякая художественная дѣятельность слагается изъ двухъ сторонъ: *изобрѣтенія идеала* и его *осуществленія*. Въ первомъ случаѣ сценическій художникъ много зависитъ отъ поэта. Онъ получаетъ отъ него готовое содержаніе, которому долженъ дать приличную форму. Это готовое содержаніе составляетъ для него необходимость—необходимость,

отъ коей сама даже бездарность поэта едва ли можетъ освободить его. Но и здѣсь остается еще обширное поле для его художественной дѣятельности. Онъ долженъ принять въ себя созданіе поэта и силой собственной фантазіи пересоздать, такъ сказать, еще разъ созданное первымъ. Этимъ конечно ограничивается трудъ изобрѣтенія для сценическаго художника. Но созданія поэта всегда говорятъ только для внутренняго представленія; они всегда болѣе или менѣе суть чисто отвлеченные образы, которые только въ воображеніи читателя принимаютъ опредѣленный видъ. Отсюда рождается необходимость собственнаго творчества для сценическаго художника. Проникнутый духомъ созданія поэта, полный впечатлѣній, полученныхъ при внимательномъ чтеніи онаго, художникъ силою фантазіи сливаетъ разбросанныя поэтомъ черты характера въ одно полное и цѣлостное представленіе, въ одинъ полный и сомкнутый идеалъ. Какъ часто долженъ онъ пополнять пропуски, примирять противорѣчія и въ распадающихся повидимому стихіяхъ открывать зоркимъ окомъ глубоко иногда таящееся единство. Здѣсь конечно онъ уже не рабъ своего подлинника, но такой же почти самостоятельный творецъ, какъ и поэтъ. Оттуда справедливо приписываютъ честь созданія характеровъ великимъ художникамъ театра. Такъ напр. говорятъ, что Тальма создалъ характеръ Магомета, Девріентъ характеръ Шейлока, Зейдельманъ характеръ Кромвеля. Что свобода художника не нарушается здѣсь нисколько—это видно уже изъ той самостоятельности и разнообразія, съ которыми два художника схватываютъ одинъ и тотъ же характеръ. Всякій живой характеръ есть совокупность нѣсколькихъ отдѣльныхъ сторонъ; возьмите двѣ разныя стороны и каждую изъ нихъ поставьте точкою тяготѣнія прочихъ—и тогда вы получите два совершенно различныхъ образа одного и то́го же характера. Такъ, напримѣръ, въ характерѣ Гамлета сдѣлайте нравственнымъ средоточіемъ или его тихую мечтательность, или душевное безсиліе, и вы будете имѣть предъ собою двухъ нѣсколько различныхъ Гамлетовъ. Обѣ стороны равно принадлежатъ Гамлету; но возвысьте напр. послѣднюю надъ первою, и вмѣсто несчастнаго Гамлета, котораго тихая, мечтательная душа изнемогаетъ подъ бременемъ ввѣреннаго ей судьбою кроваваго дѣла, вы получите жалкаго, слабодушнаго Гамлета, и даже можетъ быть вмѣстѣ съ Тикомъ будете предпочитать ему бездушнаго Клавдія. Но эта-то самая свобода художника и налагаетъ на него тяжкую отвѣтственность предъ судомъ критики. Только даровитымъ художникамъ удается понять вѣрно представленную роль; а между тѣмъ это почти главное, ибо кто не понялъ роли, тотъ не въ силахъ вѣрно изобразить ее.

Когда трудъ изображенія конченъ, когда идеалъ даннаго характера возсозданъ, тогда начинается другой важнѣйшій трудъ осуществленія идеала. Здѣсь положеніе сценическаго художника рѣзко отли-

чается отъ положенія живописца, ваятеля и музыканта; ибо для нихъ средствомъ осуществленія идеала служитъ чуждая и неопредѣленная матерія, мраморъ и металлъ, краски и звуки. Сценическій художникъ для осуществленія своего идеала употребляетъ свое собственное тѣло, свою рѣчь и свое тѣлодвиженіе. Въ это тѣло воплощаетъ онъ свой прекрасный идеалъ или, лучше сказать, самъ становится его тѣломъ. Здѣсь прежде всего необходимо, чтобы матеріалъ вполнѣ соотвѣтствовалъ художественной цѣли, чтобы напередъ художественная дѣятельность преобразовала его и приготовила въ этомъ тѣлѣ достойное жилище для идеала. *Мимика и декламація*—вотъ тѣ два искусства, которыя преобразуютъ художественно тѣлесную внѣшность актера... Обѣ вмѣстѣ составляютъ впрочемъ только начальную основу и, такъ сказать, азбуку сценическаго искусства. Но эта азбука необходима, ибо художественное не есть грубое подражаніе природѣ: оно должно просвѣтлить ее и очистить отъ всего случайнаго и грубаго, усвоивши ей характеръ необходимости и идеальности. Но мимика и дикція суть только первыя стихіи сценическаго искусства... Остается еще важнѣйшая обязанность — приложить эту внѣшнюю технику произношенія и мимики къ осуществляемому идеалу. Для достиженія этой цѣли художнику предстоятъ два средства: наблюденіе, какъ человѣкъ дѣйствуетъ въ подобномъ положеніи, и приложеніе этихъ наблюденій къ данному характеру, или наконецъ живое творчество изъ видѣнныхъ гдѣ-нибудь образовъ и наблюденіемъ добытыхъ воззрѣній, прямо, непосредственно создающее новый, совершенно индивидуальный, не идеальный образъ. Немногіе умѣютъ соединять наблюдательность съ творчествомъ; это соединеніе есть верхъ сценическаго таланта; одна же наблюдательность безъ творчества создаетъ односторонніе образы, слишкомъ обнаруживающіе стараніе актера быть выразительнымъ. Если простое приложеніе наблюденій къ данному характеру и удается въ простыхъ и одностороннихъ характерахъ, каковы напр. Гарпагонъ, Тартюфъ, Неронъ, то эта наблюдательность совершенно уже недостаточна въ характерахъ сложныхъ, каковы напр. Людовикъ XI, Ричардъ III, Кромвель, Фальстафъ и вообще всѣ Шекспировскіе характеры, дышущіе такою полнотою и разнообразіемъ жизни. Здѣсь одно творчество въ силахъ сплавить всѣ разнородныя стихіи въ цѣлое, и здѣсь-то особенно во всей силѣ является талантъ художника-актера.

Д. Крюковъ.

Сценическое искусство.

Что такое сценическое искусство? Какъ всякое искусство, оно есть творчество. Въ чемъ же заключается творчество актера, котораго талантъ и сила состоятъ въ умѣніи вѣрно осуществить уже созданный поэтомъ характеръ? Въ словѣ „осуществить“ заключается твор-

чество актера. Вы читаете Гамлета, понимаете его, но не видите его передъ собою, какъ лицо, имѣющее извѣстную физіономію, извѣстный цвѣтъ волосъ, извѣстный органъ голоса, извѣстныя манеры, словомъ, конкретную, живую личность. Это какая-то статуя, съ выраженіемъ страсти въ лицѣ, но которой и волоса, и лицо, и глаза одного цвѣта—цвѣта мрамора. Конечно всю эту видимую личность вы создаете сами, или лучше сказать, ее представляете себѣ, но независимо отъ Шекспира и сообразно съ вашей субъективностью. Если, съ одной стороны, вы не имѣете права человѣку холодному и медленному придать физіономіи живой, пламенной, то съ другой стороны, совершенно отъ васъ зависитъ, не измѣняя характера лица, придать ему черты по своему идеалу, потому что каждое драматическое лицо Шекспира конкретно и живо, какъ лицо, дѣйствующее свободно и реально, но черезъ своего творца; вы вездѣ видите его присутствіе, но не видите его самого; вы читаете его слова, но не слышите его голоса, и этотъ недостатокъ пополняете собственною своею фантазіею, которая, будучи совершенно зависима отъ автора, въ то же время и свободна отъ него. Драматическая поэзія не полна безъ сценическаго искусства: чтобы вполнѣ понять лицо, мало знать, какъ оно дѣйствуетъ, говоритъ, чувствуетъ—надо видѣть и слышать, какъ оно дѣйствуетъ, говоритъ и чувствуетъ. Два актера, равно великіе, равно геніальные, играютъ роль Гамлета: въ игрѣ каждаго изъ нихъ будетъ виденъ Гамлетъ, шекспировскій Гамлетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ это будутъ два различные Гамлета, т. е. каждый изъ нихъ, будучи вѣрнымъ выраженіемъ одной и той же идеи, будетъ имѣть свою собственную физіономію, созданіе которой принадлежитъ уже сценическому искусству.

Сущность каждаго искусства состоитъ въ его свободѣ; безъ свободы же искусство есть ремесло, для котораго не нужно родиться, но которому можно выучиться. Свобода сценическаго искусства, какъ искусства самостоятельнаго, хотя и связаннаго съ драматическимъ, безгранична, потому что возможность давать различныя физіономіи одному и тому же лицу заключается не въ субъективности актера, но въ степени его таланта и въ степени развитія его таланта; одинъ и тотъ же актеръ можетъ съиграть двухъ шекспировскихъ и, въ то же время, двухъ различныхъ Гамлетовъ, и никогда не можетъ съиграть роли Гамлета двухъ разъ совершенно одинаково. Сила и сущность сценическаго генія совершенно тожественна съ геніемъ прочихъ искусствъ, потому что, подобно имъ, она состоитъ изъ этой всегдашней способности, понявши идею, найти вѣрный образъ для ея выраженія. Но между поэтомъ и актеромъ, вслѣдствіе индивидуальности ихъ искусствъ, есть и большая разница. Чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ спокойнѣе творитъ онъ: образы и явленія проходятъ предъ нимъ, вызываемые волшебными заклинаніями его творческой силы, но они живутъ въ немъ, а не онъ живетъ въ нихъ, онъ понимаетъ ихъ объективно, но живетъ въ той

жизни, которую образуютъ они всѣ своею гармоническою цѣлостію, а не въ какомъ-нибудь изъ нихъ особенно, и его наслажденіе этою жизнію—естественно, спокойно. Актеръ, напротивъ, живетъ жизнію того лица. Взявши на себя роль, онъ уже—не онъ, онъ уже живетъ не своею жизнію, но жизнію представляемаго имъ лица; онъ страдаетъ его горестями, радуется его радостями, любитъ его любовію; всѣ прочіе актеры, играющіе вмѣстѣ съ нимъ, становятся на это мгновеніе его друзьями или его врагами, по свойству роли каждаго. И, Боже мой, сколько средствъ требуетъ сценическое дарованіе! Мы не говоримъ уже о средствахъ матеріальныхъ, но необходимыхъ, каковы: крѣпкое сложеніе, стройный, высокій станъ, звучный и гибкій голосъ; для этого нужна еще организація огненная, раздражительная, мгновенно воспламеняющаяся, лицо подвижное, истинное зеркало всѣхъ чувствъ, проходящихъ по душѣ; способность любить и страдать, глубокая, безконечная. Вы читаете драму съ участіемъ, она васъ волнуетъ, но вы ни на минуту не забываете, что вы не Гамлетъ, не Отелло, и вамъ отъ этого чтенія остается одно только наслажденіе, послѣ котораго вы здоровы и душою и тѣломъ; а актеръ?—о, онъ не Русскій, не Москвичъ, не Мочаловъ въ эту минуту, а Гамлетъ или Отелло, чувствующій въ своей душѣ всѣ раны ихъ души. Если вы прочли драму вслухъ, то чѣмъ съ большимъ одушевленіемъ прочли вы ее, тѣмъ большее стѣсненіе чувствуете вы у себя въ груди и изнеможеніе въ цѣломъ организмѣ: что же долженъ чувствовать послѣ своей игры актеръ, пережившій въ нѣсколько часовъ цѣлую жизнь, составленную изъ борьбы и мукъ страстей великой души?—И не потому ли такъ мало геніальныхъ актеровъ?

Мы сказали, что актеръ есть художникъ, слѣдовательно творитъ свободно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы сказали, что онъ и зависитъ отъ драматическаго поэта. Эта свобода и зависимость, связанные между собою неразрывно, не только естественны, но и необходимы: только чрезъ это соединеніе двухъ крайностей актеръ можетъ быть великъ. Какъ всякій художникъ, актеръ творитъ по вдохновенію, а вдохновеніе есть внезапное проникновеніе въ истину. Драматическій поэтъ, какъ всякій художникъ, выражаетъ своимъ произведеніемъ извѣстную истину, и каждый образъ его есть конкретное выраженіе извѣстной истины, слѣдовательно актеръ можетъ вдохновляться только истиною, и слѣдовательно, чѣмъ выше поэтъ, тѣмъ вдохновеннѣе долженъ быть актеръ, играющій созданную имъ роль, такъ какъ чѣмъ глубже истина, тѣмъ глубже должно быть и проникновеніе въ нее, а слѣдовательно, и вдохновеніе. Поэтому мы не вѣримъ таланту тѣхъ актеровъ, которые всякую роль, какимъ бы поэтомъ она ни была создана—великимъ или малымъ, превосходнымъ или дурнымъ—играютъ равно хорошо.

Бѣлинскій.

Различіе между изящными искусствами и науками.

Изящныя искусства и науки составляютъ два различныхъ рода произведеній человѣческаго ума. Сколько различіе сіе съ одной стороны считается извѣстнымъ, столько съ другой кажется неопредѣленнымъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начинаемъ различать вещи, всѣ мы знаемъ, что камни не суть растенія, а растенія не животныя; но испытатели природы на семъ знаніи не останавливаются: они изслѣдованія свои касательно различія тѣлъ естественныхъ отселѣ только начинаютъ. Такъ не довольно знать, что науки не суть изящныя искусства и наоборотъ. Ежели есть предметы различные, необходимо должно быть и то, что различными ихъ дѣлаетъ; другими словами: каждаго различія должно быть основаніе. Что же служитъ основаніемъ различія между изящными искусствами и науками?

Вникая въ составъ наукъ, легко замѣтить, что каждая изъ нихъ есть система понятій о какомъ-либо предметѣ. Посему для возможности каждой науки необходимы три условія:

1. Предметъ, или понимаемое.
2. Разумѣніе, или понимающее.
3. Содержаніе, или понятія.

Именемъ предмета означается все дѣйствительное, подлежащее нашему изслѣдованію, какъ физическое, такъ и умственное, напр. естественныя тѣла, явленія въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, произведенія искусствъ, самое разумѣніе, какъ предметъ изслѣдованія, словомъ—все, что̀ дѣйствительно есть и можетъ быть понимаемо.

Разумѣніемъ называется способность познавать. Мыслящій духъ, умъ, разумъ: эти слова употребляются большею частію какъ синонимы разумѣнія.

Человѣкъ, сіе олицетворенное разумѣніе, поставленный въ противоположности съ предметами, не остается равнодушнымъ зрителемъ оныхъ, но стремится къ ихъ познанію; причемъ, замѣчая въ предметахъ существенныя принадлежности, опредѣляющія ихъ особность, видъ, родъ и т. д., частныя ихъ изображенія оставляетъ въ забвеніи и удерживаетъ въ умѣ только то, что̀ въ каждомъ родѣ подобныхъ предметовъ находитъ общаго. Это общее, отвлеченное отъ предметовъ подобныхъ, есть *понятіе*, напр. красота, животное, бытіе; за понятіями слѣдуютъ мысли. Предметы не приносятся съ понятіями въ разумѣніе дѣйствительно, но изображаются въономъ отвлеченно, такъ однако жъ, что предметы, по измѣняемости своей, могутъ разрушаться, изчезать, возрождаться, а понятія—ихъ изображенія—остаются постоянно одинаковыми. Такъ, познавая предметы, человѣкъ образуетъ новый міръ, гдѣ понимаемое дѣлается понятіемъ, дѣйствительное является умственнымъ, предметы превращаются въ мысли. Этотъ міръ понятій, отраженіе предметовъ въ умѣ, есть область наукъ; другими

словами: науки суть умственныя картины предметовъ нашего познанія. Положимъ, напр., что мы познали во всей подробности механизмъ неба; движеніе тѣлъ небесныхъ со всею точностію измѣрено, масса ихъ взвѣшена, законы и причины движенія открыты, словомъ—все изслѣдовано и опредѣлено, за тѣмъ не осталось ни малѣйшаго недоумѣнія: что представила бы система таковыхъ свѣдѣній—астрономія? Вѣрный умственный списокъ небеснаго механизма, въ коемъ движеніе міровъ было бы представлено въ понятіяхъ такъ точно, какъ оно есть дѣйствительно. Положимъ съ другой стороны, что мы нашли средство проникнуть до центра земли и составъ материка изслѣдовали во всѣхъ направленіяхъ: что̀ представили бы наши свѣдѣнія, въ такомъ случаѣ пріобрѣтенныя и приведенныя въ систему? что̀, говорю, представила бы тогда геогнозія? Картину материка, или самый материкъ, изображенный въ понятіяхъ такъ, какъ онъ есть дѣйствительно. Положимъ, наконецъ, что всѣ дѣйствія разумѣнія изслѣдованы, законы онаго опредѣлены и самая возможность понятій постигнута: что̀ были бы въ семъ случаѣ наши свѣдѣнія? Изображеніе разумѣнія въ томъ самомъ видѣ, какъ оно есть; разумѣніе, какъ особое бытіе, какъ предметъ познанія, при изслѣдованіи также превращается въ понятія; и логика, наука о разумѣніи, доведенная до высшей степени совершенства, не другое бы что была, какъ самое разумѣніе, вѣрно изображенное въ понятіяхъ.

Сказанное объ астрономіи, геогнозіи, логикѣ—принадлежитъ всѣмъ наукамъ безъ исключенія; всѣ науки не другое что суть, какъ списки своихъ предметовъ, составляемые изъ понятій и мыслей.

Перейдемъ къ изящнымъ искусствамъ. Вникая въ произведенія оныхъ, легко замѣтить, что каждое изъ нихъ выражаетъ собою какое-либо понятіе или мысль; въ произведеніяхъ искусствъ образовательныхъ это очевидно. Каждая картина, каждая статуя, занимаетъ знатока не веществомъ, изъ коего составлена, но мыслію, которая въ ней посредствомъ вещества или опредѣленнаго образа даетъ себя разумѣть, мыслію, которая въ мраморѣ статуи или въ краскахъ картины отвердѣвъ, такъ сказать, получила особное существованіе, какъ предметъ самостоятельный. И произведенія другихъ искусствъ имѣютъ то же основаніе своей занимательности. Что̀ значитъ ораторія Гайдна «Сотвореніе міра»? Мысль, отпавшая отъ своего творца и въ звукахъ принявшая особное, предметное существованіе. Гдѣ Гомеръ? Уже протекли столѣтія, какъ сошелъ онъ съ позорища міра, а его творенія, какъ предметы самостоятельные, существуютъ доселѣ. Что жъ послѣ сего Иліада, Одиссея и всѣ произведенія словесности? Мысли, отдѣлившіяся отъ своего начала, ума, и посредствомъ слова обращенныя въ предметы.

Если каждое произведеніе изящныхъ искусствъ изображаетъ собою мысль или понятіе, то что̀ представятъ намъ всѣ произведенія,

вмѣстѣ взятыя, подведенныя умственно подъ одну точку зрѣнія? Особый міръ, міръ понятій и мыслей, обращенныхъ въ предметы. Міръ сей отличенъ отъ цѣлой вселенной, принадлежащей къ одной эпохѣ творенія. Это позднѣйшее созданіе, новая природа; зиждитель оной—человѣкъ, вѣнецъ, краса природы творческой, отраженіе премудрости и всемогущества Зиждителя вселенной.

Впрочемъ мысли человѣка не осуществляются по одному его мановенію; какъ же онѣ обращаются въ предметы?

Мы удивляемся человѣку, когда мысленно слѣдуемъ за нимъ на поприще его умственной дѣятельности. Занимая только одну точку въ неизмѣримомъ царствѣ творенія, познающимъ духомъ своимъ онъ объемлетъ сію неизмѣримость: то нисходитъ во внутренность земли и разгадываетъ тайну ея строенія; то возносится къ небесамъ и дѣлаетъ счетъ миріадамъ міровъ, опредѣляя ихъ вѣсъ, пути, разстоянія и величину; то погружается въ самого себя и въ самопознаніи раскрываетъ начало всякаго знанія. Успѣхомъ его въ мірѣ физическомъ изумлена, кажется, сама природа: то дробитъ стихіи и, составляя ихъ вновь, воздвигаетъ громады; то срываетъ горы и уравниваетъ для себя пути; то переводитъ рѣки и на хребтѣ водъ ихъ переноситъ богатства одной страны въ другую; то ловитъ искры молній и обезоруживаетъ громы; то обуздываетъ вѣтры и на ихъ дуновеніе налагаетъ дани, нужныя для его отважныхъ предпріятій. Какъ могущественъ человѣкъ, разсматриваемый съ сей точки зрѣнія, и какъ слабъ онъ въ отношеніи къ самымъ производящимъ силамъ и веществу! Сей повелитель стихіи не въ состояніи произвести вновь ни одного атома вещества, ни одной новой силы; для созданія своей природы—изящныхъ искусствъ—долженъ прибѣгать онъ къ природѣ творческой; изъ нея долженъ заимствовать элементы, нужные для осуществленія его понятій и мыслей, для превращенія ихъ въ предметы.

Само собою разумѣется, что цѣль изящныхъ искусствъ тѣмъ лучше достигается, чѣмъ приличнѣе выборъ средствъ, чѣмъ естественнѣе помощію ихъ обнаруживается мысль творца-художника. Эта необходимость въ выборѣ приличныхъ средствъ и естественности ихъ употребленія, кажется, и была поводомъ къ тому, что изящныя искусства названы подраженіемъ природѣ. Художникъ дѣйствительно подражаетъ природѣ, но не въ изображеніи, составленіи идеаловъ, а въ употребленіи средствъ, изъ нея заимствуемыхъ для осуществленія оныхъ, для превращенія мыслей въ предметы самостоятельные.

Основаніе изящныхъ искусствъ—мысль; цѣль—обращеніе мысли въ предметъ; начальныя главныя средства — звуки, ѳбразы и слово. Въ отношеніи къ основанію и цѣли изящныя искусства составляютъ ѳдно (родъ), а въ отношеніи къ средствамъ три главныхъ отрасли (виды), какъ бы три царства природы: музыку, искусства образовательныя, словесность. Въ сихъ-то видахъ является природа, созидаемая

человѣкомъ. Она, какъ и природа творческая, дѣлается также въ свою очередь предметомъ изслѣдованія, какъ міръ дѣйствительный. Списки сей новой природы суть науки словесныя, и теоріи изящныхъ искусствъ вообще столько же отличны отъ самыхъ изящныхъ искусствъ, сколько различны прочія науки и ихъ предметы. Въ наукахъ предметы обращаются въ мысли; въ искусствахъ мысли дѣлаются предметами; науками дѣйствительное, изъемлясь изъ пространства и времени, дѣлается идеальнымъ; искусствами идеальное вводится въ сферу дѣйствительнаго, вставляется въ какой-либо образъ, облекается въ звуки или слово; науки умъ производитъ изъ предметовъ, искусства порождаетъ изъ себя; тамъ все многоразличіе въ умѣ сосредоточивается, здѣсь—умъ обращается въ многоразличіе; тамъ предметы отражаются въ умѣ, здѣсь умъ отражается въ предметахъ; тамъ природа дѣйствительная представляется мысленною, здѣсь мысли являются природою.

М. Павлевъ.

О границахъ живописи и поэзіи.

I.

Если справедливо, что живопись и поэзія въ своихъ подражаніяхъ природѣ употребляютъ орудія и средства, совершенно отличныя другъ отъ друга, а именно, первая—тѣла и краски въ пространствѣ, вторая же—членораздѣльные звуки во времени; если безспорно, что знаки должны быть въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что̀ изображаютъ: то отсюда необходимо слѣдуетъ, что знаки, располагаемые другъ подлѣ друга, должны представлять только такіе предметы, которые въ дѣйствительности представляются расположенными другъ подлѣ друга; наоборотъ, знаки другъ за другомъ слѣдующіе, могутъ изображать только то, что̀ и въ дѣйствительности представляется намъ въ послѣдовательности времени.

Предметы, которые сами по себѣ, или которыхъ части, существуютъ другъ подлѣ друга, называются тѣлами. Слѣдовательно тѣла съ ихъ видимыми свойствами составляютъ собственно предметъ живописи.

Дѣйствія же, которыя слѣдуютъ одно за другимъ во времени, составляютъ настоящій предметъ поэзіи.

Но всѣ тѣла существуютъ не только въ пространствѣ, но и во времени. Существованіе ихъ длится, и въ каждое мгновеніе своего бытія они могутъ являться въ другомъ видѣ и въ иныхъ сочетаніяхъ. Каждая изъ этихъ мгновенныхъ формъ и каждое ихъ сочетаніе есть слѣдствіе предшествующихъ и можетъ сдѣлаться въ свою очередь причиной послѣдующихъ перемѣнъ, т. е. стать какъ бы центромъ дѣйствія. Слѣдовательно живопись можетъ подражать также и дѣйствіямъ, но только посредственно, помощью тѣлъ.

Съ другой стороны, дѣйствія не могутъ происходить сами собою, но должны производиться какими-либо существами. Итакъ, по скольку эти существа суть дѣйствительныя тѣла или должны быть представляемы въ видѣ тѣлъ, поэзія необходимо должна изображать также и тѣла, но лишь посредственно, помощію дѣйствій.

Живопись въ своихъ произведеніяхъ, гдѣ все представляется лишь одновременно, можетъ изобразить только одинъ моментъ дѣйствія и должна поэтому выбирать самый плодотворный, изъ котораго бы становились наиболѣе понятными и предъидущіе и послѣдующіе.

Точно также поэзія, гдѣ все представляется лишь въ послѣдовательномъ развитіи, можетъ уловить только одно какое-либо свойство тѣла и потому должна избирать такое свойство, которое бы возбуждало самое живое представленіе о той сторонѣ каждаго тѣла, которая нужна для ея цѣли.

Отсюда вытекаетъ необходимость, чтобы предметъ опредѣлялся не болѣе, какъ однимъ живописующимъ эпитетомъ; отсюда же необходимость поэту быть умѣреннымъ въ описаніяхъ тѣлесныхъ предметовъ.

II.

Но могутъ возразить мнѣ: конечно знаки, употребляемые поэзіею, могутъ быть сами излагаемы только въ послѣдовательности времени, одинъ за другимъ; но будучи кромѣ того знаками произвольными, они точно также не лишены возможности представлять тѣла и въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ пространствѣ. У самаго Гомера встрѣчаются тому примѣры, и его описаніе щита Ахиллесова можетъ служить самымъ поразительнымъ доказательствомъ, какъ подробно и въ то же время поэтично можно изобразить всѣ части какой либо вещи въ томъ именно видѣ, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности, т. е. въ ихъ совокупности въ пространствѣ.

Постараюсь отвѣчать на это двойное возраженіе. Я называю его двойнымъ потому, что во-первыхъ логическій выводъ имѣетъ цѣну даже и безъ примѣра, а во-вторыхъ примѣръ изъ Гомера уже самъ по себѣ представляетъ для меня значительную важность, хотя бы и не подтвержденный никакимъ теоретическимъ положеніемъ.

Дѣйствительно, такъ какъ знаки, употребляемые рѣчью, суть знаки произвольные, мы можемъ посредствомъ ихъ исчислить послѣдовательно всѣ части какого либо предмета, въ дѣйствительности являющіяся намъ одновременно, въ пространствѣ. Но такое свойство есть только одно изъ свойствъ, принадлежащихъ вообще рѣчи и употребляемымъ ею знакамъ, изъ чего еще не слѣдуетъ, чтобы оно было наиболѣе выгоднымъ для особенныхъ цѣлей поэзіи. Поэтъ заботится не о томъ только, чтобы быть понятнымъ, изображенія его должны быть не только ясны и отчетливы; этимъ удовлетворяется про-

заикъ. Поэтъ хочетъ, напротивъ, сдѣлать идеи, возбуждаемыя имъ въ насъ, столь живыми, чтобы мы воображали, будто воспринимаемъ дѣйствительно чувственныя представленія изображаемыхъ предметовъ и въ это время забывали совершенно объ употребленномъ для того средствѣ—словѣ. Такъ какъ поэтъ долженъ живописать, то посмотримъ, насколько годны для его живописи тѣла въ ихъ пространственныхъ отношеніяхъ.

Какимъ образомъ достигаемъ мы яснаго представленія какой либо вещи въ пространствѣ? Сначала разсматриваемъ мы порознь ея части, потомъ связь этихъ частей и наконецъ цѣлое. Чувства наши совершаютъ эти различныя операціи съ столь удивительною быстротой, что онѣ сливаются для насъ какъ бы въ одинъ пріемъ, и эта быстрота безусловно необходима для того, чтобы мы могли составить себѣ представленіе цѣлаго, которое есть не что иное, какъ результатъ представленій отдѣльныхъ частей и ихъ связи. Положимъ, что поэтъ можетъ въ самомъ стройномъ порядкѣ вести насъ отъ одной части къ другой; положимъ, что онъ сумѣетъ съ возможной ясностью показать намъ связь этихъ частей: сколько времени потребуется для этого? То, чтò глазъ видитъ сразу,—поэтъ долженъ медленно показывать намъ по частямъ, и часто случается, что при послѣдней чертѣ мы уже совершенно забыли о первой. А между тѣмъ мы должны составлять себѣ идею цѣлаго лишь изъ всѣхъ этихъ частей. Для глаза разсматриваемыя части остаются постоянно на виду; онъ можетъ не разъ обозрѣть ихъ снова; для слуха, напротивъ, слышанныя уже части изчезаютъ, если только не сохранятся памятью. Но положимъ даже, что память удержала ихъ вполнѣ: какой трудъ, какое напряженіе нужны для того, чтобы всѣ впечатлѣнія, прошедшія чрезъ слухъ, вызвать снова воображеніемъ въ прежнемъ порядкѣ и живости, перечувствовать ихъ всѣ, хотя бы съ умѣренною быстротою, чтобы наконецъ получить приблизительное представленіе цѣлаго?

Пусть попробуетъ это всякій на слѣдующемъ примѣрѣ, который можетъ назваться образцовымъ въ своемъ родѣ [1]):

«Тамъ благородная энціана высоко поднимаетъ свою головку надъ пресмыкающеюся толпою низшихъ растеній: цѣлый рой цвѣтовъ сталъ подъ ея знамя, и самъ голубой братъ ея склонился и какъ бы отдаетъ ей честь. Золотые цвѣты расположились лучами вокругъ стебля и вѣнчаютъ его сѣрую одежду; блестящая бѣлизна листьевъ, изборожденныхъ темною зеленью, сверкаетъ разноцвѣтными огнями брилліанта. Справедливѣйшій законъ, что сила сочетается съ красотою и въ прекрасномъ тѣлѣ обитаетъ прекраснѣйшая душа».

«Здѣсь, подобно сѣрому туману, стелется по землѣ низкорастущій злакъ, на который природа наложила листы въ формѣ креста; прелестный цвѣтокъ выставилъ два золотистыхъ клюва, которые поддерживаются какъ бы изъ аметиста сдѣланною птичкой: тамъ блестящій листъ, какъ бы протягивающій свои пальцы,

---

[1] T. des Herr. v. Haller Alpen.

смотритъ на свое зеленое изображеніе въ свѣтломъ ручьѣ. Снѣговая бѣлизна листьевъ, окрашенныхъ нѣжнымъ пурпуромъ, окружаетъ разноцвѣтную звѣзду бѣлыми лучами. Изумрудъ и розы цвѣтутъ даже и на измятой травѣ, и самыя скалы покрыты пурпурною одеждой».

Здѣсь видимъ мы травы и цвѣты, которые ученый поэтъ изобразилъ съ большимъ стараніемъ и очевидно съ натуры, но изобразилъ безъ всякаго очарованія. Я не хочу сказать этимъ, чтобы тотъ, кто не видалъ прежде этихъ травъ и цвѣтовъ, не могъ составить себѣ о нихъ по этому описанію никакого понятія. Очень можетъ быть, что всякая поэтическая картина требуетъ отъ читателя предварительнаго знакомства съ описываемыми предметами. Я не стану также отрицать, чтобы тотъ, кто знакомъ съ этими травами и цвѣтами, не получилъ отъ нѣкоторыхъ частей этого описанія весьма живыхъ представленій. Но что̀ сказать о цѣломъ? Если и оно должно представлять живую картину, то ни одна часть его не должна выдаваться впередъ, но сильное освѣщеніе должно быть равномѣрно распредѣлено по всѣмъ частямъ: воображеніе наше съ одинакою скоростью должно обѣжать ихъ всѣ, для того, чтобы наконецъ соединить изъ нихъ въ одно цѣлое то̀, что̀ въ природѣ обозрѣвается разомъ. Но такъ ли здѣсь? А если нѣтъ, то можно ли сказать про эту картину, что самое сходное изображеніе живописца показалось бы блѣднымъ и туманнымъ передъ этою поэтическою картиной? Она остается безконечно ниже того, что̀ могли бы представить линіи и краски на полотнѣ, и критикъ, сказавшій сей столь преувеличенную похвалу, конечно смотрѣлъ на нее съ совершенно ложной точки зрѣнія. Вѣроятно, онъ обратилъ болѣе вниманія на постороннія украшенія, вплетенныя сюда поэтомъ: на возвышенную точку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на растительную жизнь, на развитіе въ растеніяхъ внутреннихъ совершенствъ, которымъ наружная красота служитъ лишь оболочкой и т. п. А между тѣмъ именно на этой-то наружной красотѣ онъ долженъ былъ бы остановиться. Она здѣсь главная цѣль. Дѣйствительно, о чемъ можетъ быть вопросъ при сравненіи произведеній живописца и поэта, какъ не о степени живости и сходства изображеній? Но кто же скажетъ, чтобы слѣдующія строки:

«золотыя цвѣты расположились лучами вокругъ стебля и вѣнчаютъ его сѣрую одежду; блестящая бѣлизна листьевъ, изборожденныхъ темною зеленью, сверкаетъ разноцвѣтными огнями брилліанта»,

чтобы эти строки относительно производимаго ими впечатлѣнія, могли соперничать съ живописнымъ изображеніемъ? Развѣ тотъ, кто или никогда не совѣтовался со своими непосредственными чувствами или кто намѣренно отрекается отъ нихъ. Эти стихи могутъ быть прочтены съ большимъ успѣхомъ, когда держишь въ рукахъ описываемый цвѣтокъ; сами же по себѣ они не производятъ никакого или очень

слабое впечатлѣніе. Въ каждомъ словѣ я вижу трудъ поэта, но самую вещь нисколько не вижу.

Повторяю еще разъ: я не отрицаю нисколько у рѣчи вообще способности изображать какое-либо тѣлесное цѣлое по частямъ: она имѣетъ къ тому возможность, ибо знаки ея, хотя и могутъ только быть передаваемы въ послѣдовательности времени, суть однако знаки условныя: но я отрицаю эту способность у рѣчи, какъ орудія поэзіи, ибо всякое изображеніе словомъ тѣлесныхъ предметовъ нарушаетъ то очарованіе, которое составляетъ одну изъ главныхъ задачъ поэзіи. Это очарованіе, повторяю, нарушается потому, что сопоставленіе въ пространствѣ тѣлъ сталкивается здѣсь съ послѣдовательностью рѣчи во времени. При этомъ, когда пространственныя отношенія замѣняются послѣдовательными, тогда разложеніе цѣлаго на его составныя части, хотя и облегчается для насъ, но окончательное возстановленіе цѣлаго изъ частей становится несравненно труднѣйшею и часто даже невыполнимою задачею.

Вообще тамъ, гдѣ объ очарованіи поэтическомъ нѣтъ и рѣчи, гдѣ писатель имѣетъ дѣло лишь съ разсудкомъ своихъ читателей и старается лишь о сообщеніи имъ ясныхъ и по возможности полныхъ понятій, — тамъ эти исключаемыя изъ поэзіи описанія тѣлесныхъ предметовъ могутъ имѣть мѣсто. Ими можетъ пользоваться даже съ большимъ успѣхомъ не только прозаикъ, но и поэтъ дидактическій (ибо тамъ, гдѣ онъ поучаетъ, онъ уже не поэтъ).

Такъ напр. Виргилій въ своихъ Георгикахъ изображаетъ корову, годную для приплода:

Если по виду судить о коровѣ, то лучшій видъ—дикой—
Тотъ видъ, когда голова безобразна, шея огромна,
Космы висятъ изъ подъ морды, отъ шеи до голеней самыхъ.
Нѣтъ тогда мѣры долгому боку; все велико здѣсь:
Даже ступня, подъ кривыми рогами косматыя уши;
Также не худо, какъ если разсыпаны бѣлыя пятна....
Иль изъ ярма она рвется, порою и рогомъ дохватитъ.
Мордой же ближе походитъ на тура, себя держитъ гордо,
Нижнею частью хвоста заметаетъ слѣды, выступая [1],

или красиваго жеребенка:

Шея крута (у него), и востра голова, и короткое брюхо;
Тучны заднія части, груди отважно богаты
Мускулы....

---

[1] Georg. lib. III, v. 51: Optima torvae.
Forma bovis, cui turpe caput, cui plurima cervix,
Et crurum tenus a mento palearia pendent;
Tum longo nullus lateri modus: omnia magna,
Pes etiam; et camuris hirtae sub cornibus aures.
Nec mihi displiceat maculis insignis et albo,

Кто не видитъ, что поэтъ заботится здѣсь болѣе объ изложеніи частей, нежели о впечатлѣніи цѣлаго? Онъ хочетъ изчислить признаки хорошаго жеребенка или доброй коровы для того, чтобы дать возможность намъ самимъ судить о достоинствѣ этихъ животныхъ, еслибы пришлось дѣлать выборъ ихъ; но о томъ, слагаются ли легко всѣ эти признаки въ живое представленіе, до этого ему нѣтъ дѣла.

Исключая это употребленіе, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ подробныя картины тѣлесныхъ предметовъ—если только указанный выше пріемъ Гомера не превращаетъ вмѣстѣ существующія части ихъ въ последовательно образующіяся,—считаются лучшими знатоками всѣхъ временъ за пустую забаву, для которой нужно очень мало или даже и совсѣмъ не нужно таланта. „Когда плохой поэтъ“, говоритъ Горацій, „не въ силахъ ничего сдѣлать, онъ начинаетъ описывать рощу, жертвенникъ, ручей, вьющійся по злачнымъ лугамъ, шумящій потокъ, радугу“:

. . . . . Lucus et ara Dianae,
Et properantis aquae per amoenos ambitus agros,
Aut flumen Rhenum, aut pluvius describitur arcus.

Въ пору своего мужества Попе весьма презрительно смотрѣлъ на описательные опыты своей поэтической жизни. Онъ высказываетъ положительное требованіе, чтобы тотъ, кто хочетъ достойно носить имя поэта, отказался какъ можно ранѣе отъ стремленія къ описаніямъ, и сравниваетъ стихотворенія, не заключающія въ себѣ ничего, кромѣ описаній, съ обѣдомъ, приготовленныхъ изъ однихъ соусовъ. Чтó касается до Клейста, я могу поручиться, что онъ очень мало гордился своей Весной. Онъ далъ бы ей конечно совсѣмъ другую форму, еслибы прожилъ долѣе... и конечно онъ сдѣлалъ бы то же самое, что Мармонтель совѣтуетъ многимъ (безъ сомнѣнія по поводу его эклогъ) нѣмецкимъ поэтамъ: изъ ряда образовъ, лишь кое-гдѣ перемѣшанныхъ съ чувствованіями, онъ сдѣлалъ бы рядъ чувствованій, лишь изрѣдка перемѣшанныхъ съ образами[1].

Aut juga detractans, interdumque aspera cornu,
Et faciem tauro propior; quaeque ardua tota.
Et gradiens ima verrit vestigia cauda.
О жеребенкѣ:...... Illia ardua cervix
Argutumque caput, brevis alvus, obesaque terga,
Luxuriatque toris animosum pectum.... (80).

1 Poétique francais, T. II, 501. «Я писалъ эти замѣчанія, прежде нежели сдѣлались у насъ извѣстными опыты Нѣмцевъ въ этомъ родѣ (эклогѣ). Они исполнили то, о чемъ я думалъ; и если успѣютъ дать болѣе простора нравственному чувству, нежели подробностямъ физическихъ описаній, они достигнутъ высокой степени въ этомъ родѣ, болѣе богатомъ, обширномъ, плодотворномъ и безконечно болѣе естественномъ и нравственномъ, нежели приторная пастушеская поэзія».

III.

Но, говорятъ, что самому Гомеру случалось впадать въ эти холодныя описанія тѣлесныхъ предметовъ...

Прежде всего я льщу себя надеждой, что у него найдется очень мало мѣстъ, на которыя можно бы сослаться въ этомъ случаѣ, но кромѣ того я увѣренъ, что даже эти немногія мѣста таковы, что скорѣе подтверждаютъ общее правило, изъ котораго повидимому служатъ исключеніемъ.

Итакъ остается неприкосновеннымъ слѣдующее положеніе: послѣдовательность времени есть область поэта, какъ пространство есть достояніе живописца.

Изображать на одной картинѣ два необходимо удаленные другъ отъ друга момента,—какъ напр. сдѣлалъ Фр. Маццуоли, изобразивъ похищеніе сабинскихъ дѣвушекъ и примиреніе ихъ мужей съ ихъ родственниками, или какъ Тиціанъ, изобразивъ цѣлую исторію блуднаго сына—его развратную жизнь, бѣдственное положеніе и раскаяніе—значитъ живописцу вторгаться въ чужую область поэзіи, чего здравый вкусъ никогда не потерпитъ.

Изчислять читателю одну за другой различныя части или вещи, которыя въ дѣйствительности я необходимо долженъ увидѣть разомъ, для того, чтобы представить себѣ образъ цѣлаго; думать, что такимъ способомъ можно успѣть дать читателю полный и живой образъ описываемой вещи,—значитъ поэтому вторгаться въ область живописца, при чемъ поэтъ тратитъ понапрасну много воображенія.

Но какъ два дружелюбные сосѣда, не позволяя себѣ неприличнаго самоуправства внутри владѣній другаго, въ то же время оказываютъ другъ другу на соприкасающихся предѣлахъ взаимное снисхожденіе и миролюбиво вознаграждаютъ одинъ другаго, если кому по обстоятельствамъ случится нарушить чуждое право владѣнія: такъ же точно должны относиться другъ къ другу поэзія и живопись.

Я не стану указывать въ этомъ случаѣ на большія историческія картины, въ которыхъ одинъ законный для живописца моментъ, почти всегда нѣсколько распространяется. Извѣстно, что, можетъ быть, нѣтъ ни одной обильной фигурами картины, въ которой каждое лицо сохраняло бы то положеніе и выраженіе, какое должно было имѣть въ минуту совершенія главнаго дѣйствія: одной фигурѣ обыкновенно дается положеніе нѣсколько предшествующее, другая представлена въ мгновеніе уже послѣдующее. Это одна изъ тѣхъ вольностей, которыя художникъ легко можетъ оправдать нѣкоторыми тонкостями въ расположеніи фигуръ, размѣщая ихъ такъ, что участіе, принимаемое ими въ дѣйствіи, можетъ быть не совершенно одновременно. Я хочу только воспользоваться по этому случаю однимъ замѣчаніемъ, кото-

рое г. Менгсъ дѣлаетъ о драпировкахъ Рафаэля[1]. „Каждая складка", говоритъ онъ, „имѣетъ у Рафаэля основаніемъ или собственную тяжесть, или движеніе членовъ ею закрываемыхъ. Часто видишь въ нихъ, какое расположеніе имѣли эти члены въ моментъ предшествовавшій. Рафаэль умѣлъ дать смыслъ и этому. По складкамъ можно видѣть у него, была ли рука или нога прежде настоящаго положенія впереди или сзади, переходитъ ли какой нибудь членъ или перешелъ уже изъ изогнутаго положенія въ прямое или сгибается, бывъ прежде протянутымъ. Здѣсь художникъ безспорно соединяетъ въ одно два отдѣльныя мгновенія. Естественно, что драпировка должна необходимо повиноваться движенію членовъ, и если нога или рука двигается впередъ, непосредственно за ней слѣдуетъ и та часть ткани, которая ее покрываетъ, развѣ только допустить слишкомъ жесткую ткань, что̀ именно не годится въ живописи. Поэтому не можетъ быть ни одного мгновенія, когда складка одежды лежала бы иначе, нежели того требуетъ настоящее положеніе члена. Если же допустить подобную разницу, то получимъ въ картинѣ два момента: одинъ, представляющій положеніе одежды въ предъидущій моментъ, другой — настоящее положеніе члена. Но кто же будетъ такъ строго придирчивъ къ живописцу, находящему свои выгоды въ томъ, чтобы представить намъ одновременно два разные момента? Кто, напротивъ, не похвалитъ его за умъ и вкусъ, давшіе ему смѣлость умышленно допустить эту небольшую погрѣшность, отъ которой такъ много выиграло выраженіе?"

Такого же снисхожденія требуетъ и поэтъ. Имѣя въ своей власти лишь преемственность времени, онъ, собственно говоря, можетъ показать за одинъ разъ только одну сторону, одно качество изображаемыхъ имъ тѣлесныхъ предметовъ. Но если счастливое свойство его языка позволяетъ ему выразить это качество однимъ словомъ, почему не могъ бы онъ прибавить еще одного такого слова? Почему даже не прибавить три, если это сто̀итъ труда? Или наконецъ четыре? Для Гомера корабль есть или черный корабль, или полый корабль, или быстрый корабль, по большей части доброснастный черный корабль. Такова вообще его манера. Но кое-гдѣ можно встрѣтить мѣста, гдѣ онъ прибавляетъ третій живописный эпитетъ: Καμπύλα κύκλα, χάλκεα ὀκτάκνημα [2] —круглыя, мѣдныя осмиспичныя колеса; иногда также четвертый: ἀσπίδα πάντος εἴσην, καλὴν, χαλκείην, ἐξήλατον [3] —гладкій, прекрасный, мѣдный, кованный щитъ. Кто же осудитъ его за это? Кто не поблагодаритъ его скорѣе за эту небольшую роскошь, чувствуя, какъ кстати она въ немногихъ приличныхъ мѣстахъ?

Въ подобныхъ случаяхъ настоящее оправданіе живописца, равно

---

[1] Gedanken über die Schönheit und über den Geschmack in der Malerei. S. 69.—[2] Иліада, пѣснь V, ст. 722.—[3] Иліада, пѣснь XII, ст. 296.

какъ и поэта, я вывожу впрочемъ не изъ приведеннаго выше сравненія ихъ съ двумя дружелюбными сосѣдями. Простое сравненіе ничего не доказываетъ и не оправдываетъ. Но вотъ въ чемъ настоящее ихъ оправданіе. Какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ у живописца два различные момента слѣдуютъ такъ близко и непосредственно одинъ за другимъ, что безъ натяжки могутъ быть приняты за одинъ,—такъ точно здѣсь у поэта многія черты изображающія различныя части и качества въ пространствѣ, слѣдуютъ другъ за другомъ во времени въ такой быстротѣ, что мы ихъ слышимъ, какъ будто всѣ разомъ.

И здѣсь-то, повторяю я, превосходный языкъ Гомера такъ удачно приходитъ ему на помощь. Онъ не только оставляетъ ему всевозможную свободу въ количествѣ и сочетаніи прилагательныхъ, но еще и располагаетъ эти скучныя прилагательныя такъ счастливо, что мы ни минуты не остаемся въ непріятной неизвѣстности о предметѣ, къ которому они относятся.

Новѣйшіе языки по большей части не имѣютъ совсѣмъ нѣкоторыхъ изъ этихъ преимуществъ. Такъ, напр. французскій языкъ для передачи греческаго выраженія—круглыя, мѣдныя, осмиспичныя колеса—долженъ употребить описательный оборотъ: круглыя колеса, которыя были изъ мѣди и имѣли восемь спицъ. Но, выражая понятія оригинала, онъ совсѣмъ уничтожаетъ картину. А между тѣмъ именно понятія здѣсь не имѣютъ никакого значенія, а вся сила въ картинѣ, и смыслъ, переданный безъ живописной картины, дѣлаетъ самаго одушевленнаго поэта скучнымъ болтуномъ. Такой жалкой участи часто подвергался добрый Гомеръ подъ перомъ добросовѣстной г-жи Дасье. Напротивъ, нашъ нѣмецкій языкъ по большей части способенъ передать Гомеровы прилагательныя въ столь же краткихъ и равносильныхъ прилагательныхъ, но не можетъ подражать греческому въ необыкновенно выгодномъ ихъ распредѣленіи. Мы можемъ сказать также: „круглыя, мѣдныя, осьмиспичныя"... но „колеса" тащатся у насъ сзади. А кто же не чувствуетъ, что три различныя прилагательныя представляютъ намъ, пока мы еще не слышимъ существительнаго, лишь смутный, шаткій образъ? Грекъ соединяетъ подлежащее съ первымъ прилагательнымъ и потомъ уже слѣдуютъ у него остальныя; онъ говоритъ: круглыя колеса, мѣдныя, осьмиспичныя. Такимъ образомъ знаемъ мы съ-разу, о чемъ онъ говоритъ и, согласно естественному ходу мышленія, знакомимся сначала съ самою вещью и потомъ уже съ случайными ея свойствами. Этого преимущества не имѣетъ нашъ, нѣмецкій, языкъ. Или, точнѣе сказать, имѣетъ, но рѣдко можетъ пользоваться имъ, не подвергаясь двусмысленности. Въ этой формѣ наши прилагательныя легко могутъ быть отнесены къ ближайшему глаголу, чтó не рѣдко представляетъ совершенно превратный и во всякомъ случаѣ неточный смыслъ.

Но я заговорился о мелочахъ и, повидимому, забылъ о щитѣ, о щитѣ Ахиллесовомъ, этой прославленной картинѣ, по которой Гомеръ издревле и по преимуществу считается великимъ учителемъ живописи. Конечно щитъ, могутъ мнѣ сказать, есть единичный тѣлесный предметъ, котораго подробное описаніе по частямъ не можетъ быть дозволено, если слѣдовать вашему правилу. А между тѣмъ Гомеръ употребилъ на его описаніе болѣе сотни стиховъ и притомъ съ такимъ падробнымъ и точнымъ указаніемъ матеріала, изъ котораго онъ сдѣланъ, его формы, наконецъ, всѣхъ фигуръ, изображенныхъ на его огромной поверхности, что новѣйшимъ художникамъ было не трудно сдѣлать рисунокъ его, сходный до послѣднихъ мелочей.

На это частное возраженіе я отвѣчу, что Гомеръ не описываетъ щитъ, какъ вещь уже совсѣмъ готовую, оконченную, но какъ вещь дѣлающуюся. Слѣдовательно онъ и здѣсь употребляетъ свой прославленный художественный пріемъ, именно, превращаетъ совмѣстно данное въ послѣдовательно являющееся и чрезъ это дѣлаетъ изъ скучной рисовки тѣла оживленную картину дѣйствія. Мы видимъ у него не щитъ, но божественнаго мастера, дѣлающаго щитъ. Мы видимъ, какъ подходитъ онъ съ молоткомъ и клещами къ своей наковальнѣ; выковываетъ сначала полосы изъ грубаго металла, и за тѣмъ передъ нашими глазами начинаютъ являться одинъ за другимъ образы, возникающіе изъ металла подъ его мастерскими ударами. Мы не теряемъ его изъ виду до самаго конца. Тогда мы начинаемъ дивиться самому произведенію, но дивимся какъ самовидцы, видѣвшіе какъ оно дѣлалось.

Нельзя сказать того же про щитъ Энеевъ у Виргилія. Римскій поэтъ или не могъ понять всей ловкости пріемовъ своего образца,— или изображенія, которыя хотѣлъ онъ сдѣлать на своемъ щитѣ, были такого рода, что ихъ исполненіе не могло совершаться передъ нашими глазами. Дѣйствительно, это были пророчества, которыя конечно было бы не совсѣмъ ловко богу изображать передъ нами такъ же ясно, какъ это дѣлаетъ потомъ поэтъ. Пророчества, какъ пророчества, требуютъ нѣсколько темнаго языка, въ который не могутъ входить собственныя имена, тѣхъ будущихъ людей, къ коимъ они относятся. А объ этихъ настоящихъ именахъ и заботился всего болѣе поэтъ, какъ ловкій царедворецъ. Но если бы даже это обстоятельство и могло служить оправданіемъ Виргилію, онъ не въ силахъ однако уничтожить дурное впечатлѣніе, производимое этимъ отступленіемъ его отъ Гомеровой манеры. Всякій читатель, одаренный тонкимъ вкусомъ, конечно, согласится со мной. Приготовленія, дѣлаемыя Вулканомъ къ работѣ, у Виргилія почти тѣ же самыя, какъ и у Гомера; но вмѣсто того, чтобы показать намъ не только приготовленія, но и самую работу, Виргилій, изобразивъ въ общей картинѣ бога, работающаго съ своими циклопами:

Щитъ огромный куютъ, одинъ предназначенный противъ
Всѣхъ латинскихъ мечей: семь кратъ сопряженные круги
Кругъ составляли его. Тамъ мѣхъ раздувальный вдыхаетъ
И выдыхаетъ вѣтры; тамъ мѣдь, погруженная въ воду,
Стонетъ шипучая; стонетъ пещера отъ тяжкихъ ударовъ
Молота. Въ ладъ поднимаются сильныя руки, и снова
Въ ладъ въ наковальню гремятъ и въ клещахъ раскаленную массу
Держатъ, вращаютъ, куютъ....[1]

опускаетъ разомъ завѣсу на самую работу Вулкана и за тѣмъ прямо переноситъ насъ совсѣмъ въ другую сцену, откуда постепенно переходитъ въ долину, гдѣ уже Венера передаетъ Энею приготовленное между тѣмъ его вооруженіе. Она ставитъ это вооруженіе къ стволу дуба и уже послѣ того, какъ герой успѣлъ налюбоваться имъ, осмотрѣть, примѣрить, начинается описаніе, или картину щита Энеева, которое съ своими постоянными: „*здѣсь*, *тамъ*, *вблизи этого*, *недалеко оттуда* видно"—выходитъ такимъ холоднымъ и скучнымъ, что всѣмъ поэтическимъ украшеніямъ, на какія только способенъ Виргилій, едва удается сдѣлать его сноснымъ. Не мѣшаетъ замѣтить, притомъ, что картину эту рисуетъ не Эней, который любуется въ ней одними фигурами, не понимая [2] ихъ значенія, не Венера, хотя бы впрочемъ она могла знать о будущей судьбѣ своего любезнаго потомства не менѣе, чѣмъ ея добродушный супругъ: но весь разсказъ идетъ отъ собственнаго лица поэта. Поэтому очевидно, что во все его продолженіе въ поэмѣ собственно дѣйствія нѣтъ никакого. Ни одно изъ лицъ ея не принимаетъ участія въ этомъ рядѣ картинъ и даже для послѣдующаго дѣйствія поэмы рѣшительно все равно, изображено ли на щитѣ то или другое. Во всемъ, однимъ словомъ, виденъ остроумный придворный, украшающій свой разсказъ лестными намеками, а не великій геній, который опирается лишь на внутреннюю силу самого созданія и пренебрегаетъ всѣми побочными средствами къ возбужденію интереса. Поэтому щитъ Энеевъ есть настоящій вводный разсказъ, имѣющій единственною цѣлью польстить національной гордости Римлянъ; это чуждый источникъ, который поэтъ вводитъ въ свой потокъ для того, чтобы усилить его теченіе. Напротивъ, щитъ Ахиллесовъ есть роскошное произведеніе самой плодородной почвы; ибо щиту надлежало быть сдѣланнымъ, а такъ-какъ даже и предметы необходимости не могутъ выйти изъ божественныхъ рукъ иначе какъ въ изящномъ видѣ, то щитъ долженъ былъ имѣть и украшенія. Искусство состояло въ томъ, чтобы умѣть употребить ловко эти украшенія, воткать ихъ въ самое содержаніе, и показать ихъ лишь тамъ, гдѣ это содержаніе само подавало къ тому поводъ; но всего этого можно достигнуть, лишь сохраняя Гомеровскій пріемъ. У Гомера Вулканъ дѣлаетъ укра-

---

[1] Энеида, VIII, ст. 447—454.—[2]... rerumque ignarus imagine gaudet.

шенія на щитѣ потому, что онъ долженъ сдѣлать щитъ, достойный себя, и эти украшенія онъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ щитомъ. Напротивъ Виргилій заставляетъ повидимому дѣлать щитъ лишь ради его украшеній, ибо считаетъ ихъ столь важными, что описываетъ отдѣльно, послѣ того какъ самый щитъ представилъ уже давно готовымъ.

IV.

Нападки, сдѣланныя на щитъ Ахиллесовъ старшимъ (Юліемъ) Скалигеромъ, Перрò (Perrault), Террассономъ и др., извѣстны; извѣстно также, чтò отвѣчали на эти нападки г-жа Дасье, Боавенъ и Попе. Мнѣ кажется однако, что послѣдніе въ своей защитѣ зашли уже слишкомъ далеко и, увлеченные правотою своего дѣла, доказывали вещи несправедливыя и мало служащія къ оправданію поэта.

Въ опроверженіе главнаго обвиненія, будто Гомеръ наполнилъ свой щитъ такимъ множествомъ фигуръ, которое не могло помѣститься на его поверхности, Боавенъ рѣшился нарисовать этотъ щитъ, съ соблюденіемъ приличныхъ размѣровъ. Предположеніе его о нѣсколькихъ концентрическихъ кругахъ на поверхности щита весьма остроумно, хотя ни въ словахъ самого поэта, ни гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы у древнихъ существовали щиты, раздѣленные такимъ образомъ. Такъ какъ самъ Гомеръ называетъ его σάκος πάντοσε δεδαιδαλμένον, щитомъ со всѣхъ сторонъ искусно отдѣланнымъ, то дабы выиграть болѣе пространства, я скорѣе призвалъ бы на помощь его вогнутую сторону; ибо извѣстно, что древніе художники не оставляли ее пустою, какъ доказываетъ щитъ Минервы, работы Фидія [1]. Но мало того, что Боавенъ не хотѣлъ воспользоваться этой выгодой: онъ увеличилъ еще кромѣ того безъ нужды количество изображеній, которыя долженъ былъ умѣстить на своемъ, такимъ образомъ вдвое уменьшенномъ пространтвѣ, ибо разбивалъ на двѣ и даже на три отдѣльныя картины то, чтò у поэта очевидно составляло одну картину. Я очень хорошо понимаю, чтò побудило его къ этому; но по моему мнѣнію, побужденіе это не совсѣмъ основательно, и вмѣсто того, чтобы стараться удовлетворить требованіямъ своихъ противниковъ, онъ долженъ былъ бы показать имъ, что эти требованія несправедливы.

Постараюсь понятнѣе выразить мою мысль на примѣрѣ. Когда Гомеръ говоритъ объ одномъ городѣ [2]:

Далѣе много народа толпятся на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся, спорили тамъ два человѣка о пенѣ,

---

[1] «На выпуклой сторонѣ щита этого изобразилъ битву Амазонокъ; на вогнутой же поверхности борьбу боговъ и гигантовъ». Plin. lib. XXXVI.—[2] Иліада XVIII, ст. 497—608.

Мздѣ за убійство; и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе
Молча на тесанныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга;
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосныхъ,
Съ ними встаютъ, и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ, предъ ними, лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ...

мнѣ кажется, что онъ хочетъ представить здѣсь только одну картину: именно картину всенароднаго суда о спорной уплатѣ значительной выкупной суммы за убійство. Художникъ, желающій воспользоваться этимъ сюжетомъ, можетъ взять изъ него лишь одинъ моментъ: моментъ обвиненія, или выслушиванія свидѣтелей, самаго произнесенія приговора или, наконецъ, такой изъ предшествовавшихъ или послѣдующихъ моментовъ, какой вообще найдетъ удобнѣйшимъ. Этотъ единый моментъ долженъ онъ выставить какъ можно разительнѣе и употребить при этомъ въ дѣло всѣ средства для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, какія только его искусство имѣетъ преимущественно предъ поэзіею въ изображеніи видимыхъ образовъ. Но, уступая далеко живописи въ этомъ отношеніи, что̀ можетъ сдѣлать поэтъ, обработывающій этотъ же сюжетъ, какъ не воспользоваться преимуществами, собственно поэзіи принадлежащими? А какія это преимущества? Свобода распространять какъ на предъидущее, такъ и на послѣдующее свое описаніе того момента, который одинъ находится во власти живописца. Отсюда проистекаетъ возможность показать намъ не одно то, что̀ можетъ изобразить и художникъ, но и то, о чемъ послѣдній оставляетъ насъ лишь догадываться. Только эта свобода, только эта возможность уравниваетъ вновь поэта и художника, ибо произведенія ихъ должны быть цѣнимы и сравниваемы только по одинаковой живости производимаго на насъ впечатлѣнія, а не потому, равное или нѣтъ количество предметовъ и моментовъ доставляютъ они намъ,—поэзія посредствомъ слуха, живопись посредствомъ глаза. Вотъ съ какой точки долженъ былъ взглянуть Боавенъ на это мѣсто у Гомера, и тогда онъ, конечно, не разбилъ бы его на столько отдѣльныхъ картинъ, сколько нашелъ въ нихъ различныхъ моментовъ. Правда, что разсказанное Гомеромъ въ вышеприведенныхъ стихахъ нельзя изобразить на одной картинѣ. Обвиненіе и запирательство, представленіе свидѣтелей и крики народа, раздѣлившагося на стороны, усилія герольдовъ утишить шумъ и наконецъ произнесеніе суда—все это сцены, слѣдующія одна за другою, которыя не могутъ быть изображены разомъ. Но, употребляя школьныя выраженія, чего не было въ картинѣ actu (дѣйствительно), то заключалось въ ней virtute (въ возможности) и единственный способъ для поэта изобразить словомъ

матеріальную картину состоитъ въ томъ, чтобы соединить съ дѣйствительно даннымъ въ картинѣ и то, что въ ней подразумѣвается. Однимъ словомъ, подражая картинѣ, поэтъ долженъ выйти изъ предѣловъ, поставленныхъ живописи. Оставаясь въ нихъ, онъ можетъ только изложить данныя для картины, но никогда не воспроизведетъ самой картины.

Такимъ же образомъ Боавенъ разбиваетъ изображеніе осажденнаго города на три отдѣльныя картины. Съ равнымъ правомъ онъ могъ бы раздѣлить его и на двѣнадцать картинъ. Ибо, не понявъ однажды духа поэта и требуя отъ него, чтобы критикъ подчинился требованіямъ единства, необходимымъ въ живописи, онъ могъ бы найти еще болѣе нарушеній этого единства, такъ что для каждой черты поэта, можетъ быть, потребовалось бы на щитѣ особое поле. По моему же мнѣнію, Гомеръ изобразилъ на всемъ щитѣ не болѣе 10-ти картинъ, изъ которыхъ каждую онъ начинаетъ или словами: ἐν μεν ἔτευξε [1], или ἐν γὲ ποίησε [2] или ἐν δ' ετίθει [3] или ἐν δε ποίκιλλε Ἀμφιγυήεις [4]. Гдѣ нѣтъ этихъ вступительныхъ словъ, тамъ нѣтъ никакого основанія искать отдѣльной картины; напротивъ, все заключающееся въ каждой изъ Гомеровыхъ картинъ должно быть разсматриваемо какъ одно цѣлое, которому только не достаетъ намѣреннаго сосредоточенія въ одинъ моментъ времени. Но этого, конечно, не могъ имѣть цѣлью Гомеръ. Напротивъ, если бы онъ старался объ этомъ и былъ точенъ въ этомъ отношеніи, если бы онъ не допустилъ въ свой разсказъ ни одной черты, которая бы не могла войти въ живописное изображеніе, однимъ словомъ — если бы онъ поступилъ такъ именно, какъ требуютъ его критики: эти господа, конечно, не нашли бы ничего выкинуть изъ него, но за то для человѣка со вкусомъ не осталось бы въ такомъ описаніи ничего достойнаго удивленія.

Попе не только одобрилъ дѣленіе Боавеново, но вѣроятно думая оказать важную услугу, старался еще доказать, что каждая изъ этихъ столь раздробленныхъ картинъ задумана у самого Гомера по строжайшимъ законамъ современной живописи. Контрастъ, перспектива, три единства,—все это, по его мнѣнію, соблюдено здѣсь точнѣйшимъ образомъ. Но такъ какъ, говоритъ онъ далѣе, извѣстно, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, что живопись во времена Троянской

---

[1] «Онъ представилъ на немъ». - [2] «Онъ сдѣлалъ на немъ».—[3] «Онъ помѣстилъ на немъ».—[4] «Красиво выдѣлалъ на немъ хромоногій (Гефестъ)».—Первая картина начинается съ 483 стиха и идетъ до 489; вторая отъ 490 до 509; третья отъ 510—540; четвертая отъ 541—549; пятая отъ 550—560; шестая отъ 561—572; седьмая отъ 573—586; восьмая отъ 587-589; девятая отъ 590-605 и наконецъ десятая отъ 606—608. Только третья картина не отдѣлена какимъ-либо изъ вышеприведенныхъ выраженій; но уже изъ второй картины,— ἐν δὲ δύω ποίησε πόλεις (тамъ онъ представилъ два города)—и изъ самаго содержанія явно, что это должна быть особая картина.

войны была еще въ колыбели, то остается предположить одно изъ двухъ: или что Гомеръ, при помощи своего божественнаго генія, не столько сообразовался съ современнымъ ему состояніемъ живописи, сколько умѣлъ предугадать высшее ея значеніе, или что свидѣтельства, о которыхъ сказано выше, не заслуживаютъ такого довѣрія, чтобы предпочесть ихъ очевидной живописности щита Ахиллесова. Первое предположеніе пусть принимаетъ, кто хочетъ! Что же касается втораго, то конечно въ справедливости его нельзя убѣдить никого, знающаго въ исторіи искусства нѣсколько болѣе, чѣмъ разсказы историковъ. Ибо о томъ, что живопись во времена Гомера была еще въ младенчествѣ, знаетъ онъ не на основаніи только словъ Плинія или кого другаго. Соображаясь съ художественными произведеніями, о которыхъ упоминаютъ древніе, онъ видитъ, что нѣсколько столѣтій спустя живопись еще нисколько не подвинулась впередъ. Такъ, напримѣръ, картины какого-нибудь Полигнота далеко не выдерживаютъ той критики, которой, по мнѣнію Попе, совершенно удовлетворяютъ картины на Гомеровомъ щитѣ. Гдѣ большія картины этого художника въ Дельфахъ, картины, которыхъ такое подробное описаніе оставилъ намъ Павзаній, были очевидно безъ всякой перспективы. Въ этой сторонѣ искусства мы должны совершенно отказать древнимъ и все, приводимое Попе въ доказательство, будто Гомеръ имѣлъ о ней нѣкоторое понятіе, доказываетъ лишь то, какъ слабы его собственныя понятія въ этомъ дѣлѣ. „Гомеръ", говоритъ онъ, „очевидно не былъ чуждъ понятій о воздушной перспективѣ, ибо онъ ясно показываетъ разстояніе одного предмета отъ другаго. Онъ замѣчаетъ напримѣръ, что лазутчики помѣщаются нѣсколько поодаль другихъ фигуръ, и что дубъ, подъ которымъ приготовляютъ трапезу для жнецовъ, стоитъ нѣсколько въ сторонѣ. То, что̀ онъ говоритъ о долинѣ, усѣянной стадами, хижинами и хлѣвами, естъ безъ всякаго сомнѣнія описаніе большаго пейзажа въ перспективѣ. Прямымъ доказательствомъ этого можетъ служить уже то множество фигуръ на щитѣ, которыя не могли быть изображены всѣ въ полную величину; откуда очевидно слѣдуетъ, что искусство уменьшать ихъ, сообразно требованіямъ перспективы, было уже извѣстно въ то время". Одно только соблюденіе оптическаго закона, по которому каждый предметъ представляется въ отдаленіи меньшимъ, нежели вблизи, далеко еще не дѣлаетъ картины перспективною. Условія перспективы требуютъ одной точки зрѣнія, извѣстнаго кругозора, а этого-то именно и не было въ древнихъ картинахъ. Почва въ картинахъ Полигнота была изображена не горизонтально, но въ задней части поднята такъ высоко, что фигуры, которыя должны были представляться стоящими одна за другой, казались стоящими одна надъ другою. И если такое размѣщеніе фигуръ и цѣлыхъ группъ было общимъ для того времени, какъ это видно изъ древнихъ барельефовъ, гдѣ заднія фигуры всегда

стоятъ выше переднихъ и смотрятъ чрезъ нихъ: то естественно, что то же самое должно быть принимаемо въ соображеніе и при Гомеровыхъ описаніяхъ. Поэтому нѣтъ никакой надобности отдѣлять безъ нужды другъ отъ друга тѣ изъ его изображеній, которыя при сказанномъ условіи могутъ быть соединены въ одну картину. Двойная сцена въ мирномъ городѣ, по улицамъ котораго проходитъ веселая свадебная процессія, между тѣмъ какъ на площади рѣшается важная тяжба, не требуетъ поэтому двухъ отдѣльныхъ картинъ, и Гомеръ, конечно, видѣлъ здѣсь только одну картину, ибо представлялъ себѣ цѣлый городъ съ такой высокой точки зрѣнія, откуда видны были разомъ и улицы, и площадь.

Я того мнѣнія, что истинная перспектива въ картинахъ образовалась лишь при помощи сценической живописи; но даже, когда эта послѣдняя достигла уже высшей степени совершенства, было еще не легко перенести ея правила и законы на одну плоскость. Доказательствомъ тому служатъ значительно позднѣйшія картины, найденныя между древностями Геркуланума, на которыхъ встрѣчаются еще такія грубыя ошибки противъ перспективы, какихъ нынѣ не простили бы ученику [1]. Но я избавлю себя отъ труда собирать здѣсь всѣ мои отрывочныя замѣтки о такомъ предметѣ, котораго совершенно удовлетворительное разъясненіе надѣюсь встрѣтить въ обѣщанной Винкельманомъ исторіи искусства [2].

V.

Возвращаюсь опять на свой путь, если только есть опредѣленный путь у прогуливающагося.

То, что̀ сказано мной о тѣлесныхъ предметахъ вообще, прилагается еще въ бо̀льшей степени къ прекраснымъ тѣлеснымъ предметамъ.

Тѣлесная красота есть стройное сочетаніе разнообразныхъ частей, которыя могутъ быть усмотрѣны однимъ взглядомъ. Она требуетъ, слѣдовательно, чтобы эти части были одна подлѣ другой; и такъ какъ предметы, которыхъ части лежатъ одна подлѣ другой, составляютъ истинный предметъ живописи, то именно она, и она только можетъ изображать красоту.

Поэтъ, который можетъ представлять элементы красоты лишь одинъ за другимъ, долженъ, слѣдовательно, совершенно отказаться отъ изображенія красоты, какъ красоты. Онъ долженъ чувствовать, что эти элементы, изображенные въ послѣдовательности времени, никакъ не могутъ произвести того дѣйствія, какое производятъ, будучи представлены одновременно, одинъ возлѣ другаго; что сосредоточи-

---

[1] Batrachtungen über die Malerei стр. 185.—[2] Писано въ 1763 году.

вающій взглядъ, который мы бы хотѣли обратить на нихъ назадъ, по ихъ изчисленіи, не соберетъ намъ стройнаго образа; что задача представить себѣ, какой эффектъ произвели бы такой-то ротъ, носъ и такіе-то глаза, соединенные вмѣстѣ, превосходитъ силы человѣческаго воображенія,—развѣ только мы имѣемъ въ природѣ или въ произведеніи искусства готовое сочетаніе подобныхъ частей.

И въ этомъ отношеніи Гомеръ является мастеромъ первой руки. Онъ говоритъ: Нирей былъ прекрасенъ; Ахиллъ былъ еще прекраснѣе; Елена обладала божественной красотой. Но нигдѣ не пускается онъ въ подробное описаніе красоты. А между тѣмъ содержаніемъ всей поэмы служитъ красота Елена. Какъ бы распространился по этому поводу новѣйшій поэтъ!

Греческій монахъ Константинъ Манассей вздумалъ украсить свою сухую хронику изображеніемъ Елены. Я глубоко благодаренъ ему за эту попытку, ибо трудно было бы найти другой примѣръ, который столь же удачно показывалъ бы, какъ неразумно браться за что нибудь, мудро обойденное Гомеромъ. Когда я читаю у него:

«Была жена вся красота, съ прекрасными бровями, прекрасною кожей,
Съ прекрасными ланитами, прекраснымъ лицомъ, съ большими очами, бѣлоснѣжная,
Со взоромъ живымъ, нѣжная,—роща, полная харитъ,
Бѣлокурая, роскошная, точно дышущая красота,
Бѣлое лицо, розовая ланита,
Лицо прелестное, цвѣтущій взоръ;
Красота недостижимая, неподкрашенная, самоцвѣтная;
Розовая кость придала бѣлизнѣ такую же краску,
Какъ если бы кто покрылъ слоновую кость блестящей порфирой.
Длинная бѣлая шея, откуда и въ баснѣ
Прозванье прекрасной Елены—рожденною лебедемъ»—

мнѣ кажется, будто я вижу, какъ катятъ камень за камнемъ на гору, съ тѣмъ, чтобы построить изъ нихъ на вершинѣ прекрасное зданіе, а между тѣмъ эти камни скатываются сами собой съ другаго склона горы. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за образъ даетъ намъ эта масса словъ? Видно ли изъ нихъ, какова была собой Елена? Если тысяча человѣкъ будетъ читать это описаніе, не составитъ ли себѣ каждый своего особаго образа?

Правда, что вирши какого нибудь монаха не составляютъ еще поэзіи. Но послушаемъ Аріосто, когда онъ описываетъ чарующую красоту своей Альцины:

«Такъ очаровательно была создана она по наружности, что едва ли когда вымышляли что-нибудь подобное живописцы, самые изобрѣтательные. Нѣтъ такого золота, которое бы сіяло и блестѣло ярче, нежели золотистые ея волосы, длинные и завитые въ кудри. По нѣжнымъ щекамъ разливался смѣшанный цвѣтъ розъ и лилій. Радостное ея чело, заключенное въ пространство надлежащей мѣры, было какъ будто выточено изъ слоновой кости».

«Подъ двумя черными, тончайши дугами сверкали два черные глаза, или скорѣе два яркія солнца,—сущее блаженство для созерцателей,—медленныя въ своихъ движеніяхъ. Вокругъ нихъ самъ Амуръ, казалось, порхалъ и забавлялся; изъ нихъ онъ опустошалъ весь колчанъ свой и видимо похищалъ сердца. Ниже, посрединѣ лица, опускался носикъ, до того правильный, что и самая завистъ ничего не нашла бы въ немъ, что бы можно было поправить».

«Подъ нимъ, какъ будто между двухъ долинокъ, алѣли уста естественнымъ карминомъ; въ нихъ бѣлѣли два ряда отборныхъ жемчужинъ, то закрываемыхъ, то обнажаемыхъ прелестными, сладостными губками; изъ нихъ-то исходятъ тѣ привѣтливыя рѣчи, которыя такъ способны смягчать сердца самыя грубыя и твердыя; тамъ же образуется и та очаровательная улыбка, которая по произволу низводитъ рай на землю и т. д.

...Дольче въ своемъ „Разговорѣ о живописи“ заставляетъ Аретино превозносить до небесъ вышеприведенные стансы Аріосто; я напротивъ, привожу ихъ, какъ примѣръ картины, ничего не рисующей. Оба мы правы. Дольче съ своей стороны удивляется тонкости знанія, какое обнаруживаетъ поэтъ въ тѣлесной красотѣ; я расматриваю только дѣйствіе, какое производятъ на мое воображеніе эти знанія, выраженныя словами. Дольче, на основаніи этихъ знаній, заключаетъ, что хорошіе поэты суть и не менѣе искусные живописцы; а я изъ дѣйствія, производимаго на меня описаніемъ, вижу, что легко выражаемое живописцемъ посредствомъ линій и красокъ, въ то же время не можетъ быть передано словами. Дольче рекомендуетъ описаніе Аріоста всѣмъ живописцамъ, какъ совершеннѣйшій идеалъ прекрасной женщины; я вижу въ немъ лучшее предостереженіе для поэтовъ избѣгать того ложнаго пути, на которомъ не имѣлъ никакого успѣха самъ Аріосто. Очень можетъ быть, что въ словахъ Аріосто видно глубокое изученіе и пониманіе пропорцій, выведенное изъ наблюденій красоты въ природѣ и въ античныхъ произведеніяхъ. Допустимъ даже, что въ немногихъ словахъ онъ показалъ себя мастерскимъ колористомъ, равнымъ Тиціану. Изъ того, что онъ волосы Альцины только сравниваетъ съ золотомъ, а не называетъ золотыми, можно, пожалуй, справедливо заключить, что онъ понимаетъ фальшивость употребленія въ живописи настоящаго золота. Наконецъ въ его стихѣ о носѣ Альцины, можно конечно видѣть тотъ античный греческій профиль, который потомъ греческіе художники передали и римскимъ. Но какую пользу приноситъ все это изученіе и знаніе намъ, читателямъ, которые хотимъ живо вообразить себѣ прекрасную женщину, ощутить хотя отчасти, то сладкое волненіе, которое производится дѣйствительнымъ созерцаніемъ красоты? Если поэтъ знаетъ, изъ какихъ чертъ и какими сочетаніями ихъ образуется прекрасное лицо, развѣ передаетъ онъ намъ свое знаніе? А еслибы и такъ; развѣ онъ даетъ намъ видѣть эти сочетанія? Или облегчаетъ ли онъ намъ сколько-нибудь наши усилія вообразить ихъ себѣ живо и наглядно? Правильно очерченный лобъ, „носъ, въ которомъ сама завистъ не нашла бы ни-

чего исправить", рука, продолговатая и тонкая,—всѣ эти общія мѣста даютъ ли намъ сколько-нибудь ясный образъ? Въ устахъ рисовальнаго учителя, объясняющаго своимъ ученикамъ красоты академической модели, они еще могутъ имѣть какое-либо значеніе; достаточно одного взгляда на стоящую передъ глазами модель, чтобы увидѣть и правильныя очертанія свѣтлаго чела, и изящную линію носа, и прелесть узкой и продолговатой руки. Но при описаніи поэта я не вижу ничего этого и съ досадою чувствую тщету всѣхъ моихъ усилій увидѣть что-либо.

Самъ Виргилій подражалъ довольно удачно Гомеру въ этомъ отношеніи, такъ какъ все подраженіе здѣсь заключалось въ воздержности. И у него Дидона не болѣе, какъ pulcherrima Dido (прекраснѣйшая Дидона). Когда же онъ начинаетъ описывать въ ней что-либо обстоятельнѣе, это описаніе относится преимущественно къ ея богатому наряду, величественной поступи:

«Вотъ наконецъ выходитъ царица съ блестящею свитой;
Мантія ткани Сидонской на ней съ вырѣзной бахромою,
И золотой колчанъ на плечѣ, и легкія стрѣлы;
Пышную косу ея золотое колечко свиваетъ,
И золотая пряжка держитъ багряное платье [1]».

Если бы кто-нибудь вздумалъ по этому поводу примѣнить къ Виргилію извѣстныя слова древняго художника ученику, написавшему черезчуръ разряженную Венеру: „ты не умѣлъ написать ее прекрасною, потому и написалъ ее богато наряженною", Виргилій съ своей стороны могъ бы совершенно справедливо отвѣтить: „вина не моя, что я не могъ изобразить ее прекрасною; вина лежитъ въ ограниченности средствъ моего искусства; моя заслуга состоитъ въ томъ, что я удержался въ этихъ границахъ."

Я не могу по этому случаю не упомянуть о друхъ одахъ Анакреона, въ которыхъ онъ описываетъ красоту своей возлюбленной и своего Баѳилла [1]. Пріемъ, употребленный имъ длн этого, чрезвычайно искусенъ. Онъ воображаетъ предъ собой живописца и заставляетъ его работать на своихъ глазахъ. Вотъ такъ, говоритъ онъ, сдѣлай мнѣ волосы. такъ лобъ, такъ глаза, такъ ротъ, такъ шею и грудь, такъ руки! Такимъ образомъ очень естественно, что, соображаясь съ пріемами живописца, онъ описываетъ ему постепенно различныя части. Цѣль его не въ томъ, чтобы этимъ устнымъ толкованіемъ дать намъ увидѣть и почувствовать красоту обожаемой женщины; онъ самъ чувствуетъ недостаточность слова для этой цѣли и потому призываетъ на помощь средства живописи, которой дѣйствіе онъ ставитъ такъ высоко, что вся ода кажется скорѣе похвальною

---

[1] Энеида, к. IV, ст. 136.—[1] Оды XXVIII, XXIX.

одою живописи, нежели его возлюбленной. Онъ уже не видитъ портрета, онъ видитъ ее самоё, и ему кажется, что она уже готова открыть уста и заговорить.

VI.

Но не потеряетъ ли слишкомъ много поэзія, если мы исключимъ изъ ея области всякое изображеніе тѣлесной красоты? Никто и не покушается на это!—Если мы хотимъ заградить для нея одинъ путь, гдѣ она ищетъ образовъ, рабски слѣдуя по стопамъ родственнаго ей искусства, съ которымъ никогда не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи: слѣдуетъ ли изъ этого, что мы думаемъ заслонить ей всѣ другіе пути, на которыхъ искусство, напротивъ, должно будетъ уступить ей?

Тотъ же Гомеръ, который такъ упорно избѣгаетъ всякаго подробнаго описанія тѣлесной красоты, который не болѣе одного раза и то мимоходомъ, упоминаетъ, что у Елены были бѣлыя руки [1] и прекрасные волосы [2],—тотъ же поэтъ умѣетъ однако дать намъ такое высокое понятіе о ея красотѣ, которое далеко превосходитъ все, чтò могло бы передать намъ объ этомъ искусство. Вспомнимъ только о томъ мѣстѣ, гдѣ Елена вступаетъ въ собраніе старѣйшинъ Троянскаго народа. Увидѣвъ ее, почтенные старцы говорятъ одинъ другому:

«Нѣтъ, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жены и бѣду столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна [3]».

Что можетъ дать болѣе живое понятіе объ этой чарующей красотѣ, какъ не сознаніе холодной старости, что она достойна войны, стòящей столько крови и слезъ?

Другое средство, которымъ поэзія можетъ сравниться съ искусствами въ изображеніи тѣлесной красоты, состоитъ въ томъ, что она превращаетъ красоту въ грацію. Грація есть красота въ движеніи, и потому она болѣе доступна поэту, нежели живописцу. Живописецъ можетъ лишь заставить насъ угадывать движеніе, въ дѣйствительности же фигуры его остаются неподвижными. Отъ того граціозное вышло бы у него гримасою. Но въ поэзіи оно можетъ оставаться тѣмъ, чтò есть, т. е. переходною формою красоты, которой повторенія мы бы желали. Оно живетъ и движется передъ нами; и такъ какъ мы вообще способны легче и живѣе припоминать движеніе, нежели просто формы и краски, то граціозное должно дѣйствовать на насъ въ той же степени сильнѣе, чѣмъ неподвижная красота. Все, чтò еще и донынѣ нравится намъ и привлекаетъ насъ въ изображеніи Альцины, есть грація. Глаза ея производятъ на насъ впечатлѣ-

---

[1] Ил. III, ст. 121.—[2] Ст. 319.—[3] Ст. 157—158.

ніе не потому, что они черны и пламенны, но потому, что они кротки и медленны въ своихъ движеніяхъ, что амуръ порхаетъ около нихъ и разстрѣливаетъ оттуда весь свой колчанъ. Ротъ ея нравится не потому, что губы—цвѣта прекрасной киновари и закрываютъ два ряда изящныхъ перловъ, но потому, что здѣсь рождается та очаровательная улыбка, которая одна уже можетъ доставить райское блажество; ибо оттуда вылетаютъ тѣ сладкія рѣчи, которыя способны смягчить самыя жестокія сердца. Я увѣренъ, что подобныя черты (прелестнаго), собранныя въ одинъ или два станса, производили бы гораздо бо́льшее дѣйствіе, нежели всѣ пять стансовъ, на которые Аріосто растянулъ ихъ, перемѣшавъ съ холодными чертами красоты, слишкомъ учеными для нашего чувства.

VII.

Зевксисъ написалъ Елену и имѣлъ смѣлость поставить подъ ней тѣ знаменитыя строки Гомера, въ которыхъ очарованные старцы передаютъ другъ другу свои впечатлѣнія. Никогда поэзія и живопись не вступали въ болѣе равную борьбу. Побѣда осталась нерѣшенною, и обѣ заслужили быть увѣнчанными.

Какъ мудрый поэтъ, чувствуя, что онъ не въ силахъ описать красоту по частямъ, показалъ намъ ее лишь въ дѣйствіи: такъ точно не менѣе мудрый живописецъ изобразилъ намъ только красоту и счелъ неприличнымъ для своего искусства прибѣгать къ какимъ-либо пасторроннимъ пособіямъ. Картина его состояла изъ одной фигуры нагой Елены. Ибо весьма вѣроятно, что именно эту картину написалъ онъ для Кротонцевъ.

Любопытно сравнить съ этимъ картину, которую рекомендуетъ новѣйшимъ живописцамъ Кайлусъ на основаніи тѣхъ же строкъ Гомера: „Елена закутанная въ бѣлое покрывало, является среди различныхъ старцевъ, въ числѣ которыхъ находится также Пріамъ, который легко узнается по своему величественному царскому виду. Художникъ особенно долженъ стараться передать намъ торжество красоты въ жадныхъ взорахъ и во всѣхъ проявленіяхъ восторженнаго удивленія на лицахъ этихъ холодныхъ старцевъ. Сцена происходитъ надъ одними изъ воротъ города; въ глубинѣ картины можетъ быть или чистое небо или высокія строенія города; первое было бы смѣлѣе, но то и другое одинаково умѣстно“.

Что̀ подумать о такой картинѣ, исполненной лучшимъ художникомъ нашего времени и поставленной рядомъ съ картиною Зевксиса? Которая изъ нихъ будетъ истиннымъ выраженіемъ торжества красоты? Эта ли, гдѣ я увижу самую красоту, или та, гдѣ я долженъ догадываться о ней по гримасамъ разчувствовавшихся сѣдыхъ бородъ? Такіе взгляды дѣлаютъ смѣшными самая почтенныя лица. Го-

меровымъ старцамъ нельзя сдѣлать этого упрека, ибо впечатлѣніе, ими испытанное, есть мгновенная искра, которая тотчасъ же и утушается мудростью; это невольное движеніе только возвышаетъ въ нашихъ глазахъ красоту Елены, не дѣлая безчестія самимъ старцамъ; они сознаются въ своемъ чувствѣ, но тотчасъ же прибавляютъ:

„Но и столько прекрасная пусть возвратится къ Гелладу;
Пусть удалится отъ насъ и отъ чадъ намъ любезныхъ погибель[1]".

Безъ этого мудраго рѣшенія они были бы старыми сластолюбцами, т. е. тѣмъ, чѣмъ они должны казаться въ картинѣ Кайлуса. И на что же наконецъ устремляютъ они свои взоры! На закутанную, покрытую фигуру. Это Елена? Я рѣшительно не понимаю, какъ могъ Кайлусъ оставить здѣсь покрывало. Правда, что Гомеръ положительно говоритъ о покрывалѣ:

„Встала она и, сребристыми тканями вкругъ осѣняся,
Быстро изъ терема шествуетъ"...

но Елена надѣваетъ его только затѣмъ, чтобы пройти по улицамъ; и когда старцы у Гомера обнаруживаютъ удивленіе къ красотѣ Елены, прежде даже, чѣмъ она успѣла снять покрывало, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго. Старцы видятъ ее не въ первый разъ: вырвавшееся у нихъ признаніе не есть, стало быть, слѣдствіе теперешняго мгновеннаго созерцанія Елены; они, конечно, не разъ уже испытывали то, въ чемъ сознаются теперь. Совсѣмъ другое дѣло въ картинѣ. Если я вижу въ ней восхищенныхъ старцевъ, то естественно—хочу въ то же время видѣть, чѣмъ они восхищаются, и буду непріятно пораженъ, если не увижу ничего болѣе, кромѣ закутанной, покрытой фигуры, на которую они мещутъ взоры. Чтò есть Еленинова въ этой фигурѣ? Ея бѣлое покрывало и лишь очеркъ тѣла, насколько онъ можетъ быть виденъ сквозь складки. Но, можетъ быть, графъ не думалъ, что лицо ея должно быть закрытымъ, и упоминаетъ о покрывалѣ, просто какъ объ одной изъ частей одежды. Если это правда, (слова его впрочемъ не допускаютъ такого толкованія, онъ прямо говоритъ— Hélène couverte d'un voile blanc), то изумленіе наше возрастетъ еще болѣе. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что о выраженіяхъ на лицахъ стариковъ толкуетъ онъ артисту съ крайнею заботливостью, о красотѣ же лица Елены не говоритъ ни слова? Какъ? ни слова объ этой величественной, но скромной красотѣ, приближающейся робко, съ глазами, влажными отъ слезъ раскаянія...? Неужели же высшая красота есть нѣчто столь обыкновенное и простое для нашихъ художниковъ, что о ней не стòитъ и упоминать? Или выраженіе выше красоты? Или, наконецъ, мы привыкли уже и въ картинахъ, подоб-

---

[1] Ил. II, ст. 158—159.

но тому, какъ на сценѣ, принимать отвратительнѣйшую актрису за восхитительную красавицу, если только возлюбленный ея принцъ выражаетъ къ ней страстную любовь?

Въ древности Гомера читали, безъ сомнѣнія, больше и внимательнѣе, чѣмъ нынѣ, и однако мы не видимъ, чтобы древніе художники извлекли изъ него много сюжетовъ для своихъ картинъ. Они въ этомъ отношеніи пользовались преимущественно указаніями поэта на особую физическую красоту; такую физическую красоту любили они изображать, ибо хорошо чувствовали, что на этомъ только полѣ позволено имъ вступать въ соперничество съ поэтомъ. Кромѣ Елены Зевксисъ написалъ также Пенелопу, и Діана, написанная Апеллесомъ, была Діана Гомерова въ сопровожденіи своихъ нимфъ. По этому случаю я считаю нужнымъ упомянуть, что мѣсто въ Плиніи, гдѣ идетъ рѣчь о послѣдней, требуетъ поправки. Писать же дѣйствія, взятыя изъ Гомера, потому только, что они представляютъ богатую композицію, счастливые контрасты, искусное освѣщеніе, казалось древнимъ артистамъ несообразнымъ истинному вкусу, и это дѣйствительно было такъ, пока искусство не выходило изъ тѣсныхъ границъ своего высшаго призванія. За то они питались духомъ поэта, наполняли свое воображеніе высокими чертами его поэзіи; огонь его одушевленія воспламенялъ и ихъ; они видѣли и чувствовали какъ онъ; и такимъ образомъ ихъ произведенія дѣлались его копіями или скорѣе порожденіями. Сходство здѣсь не было сходствомъ портрета съ оригиналомъ, но скорѣе сына съ отцомъ: похожъ, а между тѣмъ другой. По большей части послѣднее сходство заключается лишь въ одной чертѣ, съ которою всѣ остальныя гармонируютъ одинаково въ обоихъ лицахъ, хотя сами по себѣ эти остальныя черты не имѣютъ между собою ничего общаго.

Съ другой стороны, такъ какъ высокіе образцы Гомеровой поэзіи были старѣе всякаго образцоваго произведенія другихъ исскусствъ, и Гомеръ ранѣе успѣлъ взглянуть поэтическимъ окомъ на природу, нежели Фидій или Апеллесъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что художники находили у Гомера уже готовыми различныя, особенно нужныя имъ, наблюденія, прежде чѣмъ успѣли сдѣлать ихъ въ самой природѣ, и что они горячо хватались за эти черты, подражая такимъ образомъ въ Гомерѣ самой природѣ. Фидій сознавался, что стихи:

> «Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
> Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
> Окрестъ безсмертной главы; и потрясся Олимпъ многохолмный[1]»

послужили ему образцомъ при созданіи его Юпитера Олимпійскаго, и что только при помощи ихъ удалось ему это божественное лицо, ко-

[1] Иліада, I, 528.

торое казалось какъ бы сошедшимъ съ неба (*prope modum ex ipso coelo petitum*). Толковать это сознаніе такъ, что фантазія художника, одушевленная возвышеннымъ образомъ поэта, сама получила способность къ высокимъ представленіямъ, значитъ, по моему, упускать изъ виду существеннѣйшее и удовлетворяться чрезвычайно общимъ объясненіемъ тамъ, гдѣ необходимо видѣть смыслъ болѣе прямой и болѣе удовлетворяющій насъ. По моему мнѣнію, Фидій признается здѣсь, что изъ приведеннаго мѣста Гомера онъ въ первый разъ замѣтилъ, какъ много выраженія заключается въ бровяхъ и какъ много души (*quanta pars animi* [1]) открывается въ нихъ. Очень можетъ быть, что тѣ же стихи заставили его обратить бо̀льшее вниманіе на волосы и стараться выразить, насколько возможно, именно то, что̀ Гомеръ называетъ амброзіальными волосами. Ибо извѣстно, что древніе художники до Фидія мало понимали выразительность и значеніе физіономіи и особенно пренебрегали отдѣлкою волосъ. Чему Фидій учился у Гомера, тому другіе художники научились у Фидія.

Я приведу еще одинъ примѣръ подобнаго же рода, который всегда мнѣ особенно нравился. Припомнимъ, что̀ говоритъ Гогартъ объ Аполлонѣ Бельведерскомъ [2]. „Этого Аполлона, «замѣчаетъ онъ,» и Антиноя можно видѣть въ Римѣ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Но если Антиной наполняетъ зрителя восторженнымъ удивленіемъ, то Аполлонъ поражаетъ напротивъ изумленіемъ, и это въ особенности потому, какъ говорятъ путешественники, что видъ его представляетъ нѣчто сверхъ-человѣческое, такое, чего бо̀льшая часть изъ нихъ описать или передать не въ силахъ. Дѣйствіе это, по словамъ ихъ, тѣмъ удивительнѣе, что при ближайшемъ изслѣдованіи, непропорціальность статуи становится ясною самому обыкновенному глазу. Одинъ изъ лучшихъ нашихъ англійскихъ скульпторовъ, ѣздившій недавно въ Римъ, подтвердилъ мнѣ сейчасъ сказанное, а именно, что ноги и бедра статуи слишкомъ длинны и толсты въ отношеніи къ верхнимъ частямъ. Андрей Сакки (Sacchi), одинъ изъ величайшихъ италіанскихъ живописцевъ, былъ повидимому того же мнѣнія; иначе трудно было бы понять, зачѣмъ онъ въ своей знаменитой картинѣ (которая теперь находится въ Англіи), изображающей вѣнчаніе врача Пасквилини Аполлономъ, далъ своему Аполлону пропорціи Антиноя, между тѣмъ какъ въ остальномъ вся фигура его есть копія съ Аполлона Бельведерскаго. Но хотя мы дѣйствительно часто видимъ въ величайшихъ произведеніяхъ, что какая-нибудь неважная часть упущена въ нихъ изъ виду. однако это не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ случаѣ, ибо въ изящной статуѣ соразмѣрность есть одно изъ важнѣйшихъ условій красоты. И такъ необходимо заключить, что нижніе члены увеличены умышленно: въ противномъ случаѣ легко было бы избѣжать этого

---

[1] Plinius lib X.—[2] „Анализъ красоты“.

недостатка. Дѣйствительно, при болѣе глубокомъ изученіи красотъ этой фигуры, мы приходимъ къ основательному убѣжденію, что это невыразимо прекрасное въ цѣломъ статуи, о которомъ говорятъ всѣ, происходитъ именно отъ той несоразмѣрности частей, которая кажется на первый разъ недостаткомъ.» Все это чрезвычайно вѣрно и остроумно. Я прибавлю только съ своей стороны, что уже самъ Гомеръ чувствовалъ и указывалъ на то, что простое увеличеніе размѣровъ ногъ и бедръ придаетъ фигурѣ болѣе величественный видъ. Ибо когда Антенoръ сравниваетъ видъ Улисса съ видомъ Менелая, онъ замѣчаетъ между прочимъ:

«Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался:
Сидя же вмѣстѣ, почтеннѣе былъ Одиссей благородный[1]».

Итакъ, если сидя Улиссъ выигрывалъ въ наружности, между тѣмъ, какъ Менелай терялъ, то не трудно понять, какое отношеніе верхняя часть туловища имѣла у обоихъ къ ногамъ и бедрамъ. У Улисса она была велика въ сравненіи съ нижними членами, у Менелая—наоборотъ.

Лессингъ.

---

[1] Иліада, III, 210—211.

ОРАТОРСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ОРАТОРСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ОБЩІЯ ПРАВИЛА КРАСНОРѢЧІЯ.

1. Цѣль ораторскаго произведенія — не только убѣдить умъ слушателей, но и подѣйствовать на ихъ чувства и направить волю ихъ къ какому-либо рѣшенію

2. Таковы рѣчи рода совѣщательнаго (γένος συμβουλευτικόν, genus deliberativum древнихъ), имѣющія цѣлію напр. побудить къ объявленію войны или заключенію мира, къ утвержденію новаго закона или отмѣнѣ его; рѣчи рода *судебнаго* (γένος δικανικόν genus judicale древнихъ), имѣющія цѣлію побудить къ обвиненію или оправданію подсудимаго, и церковныя проповѣди, имѣющія цѣлію наставлять церковную паству въ духѣ вѣры христіанской.

Ораторскія произведенія предназначаются для устнаго произношенія, откуда—ихъ наименованіе [1].

Къ ораторскимъ произведеніямъ относятся и рѣчи рода изобразительнаго (γένος ἐπιδεικτικόν genus demonstrativum древнихъ), имѣющія цѣлію похвалу или порицаніе какого-либо лица; въ первомъ случаѣ рѣчь называется похвальною; цѣль ея возбудить въ слушателяхъ чувство почтенія или благоговѣнія къ лицу. Большая похвальная рѣчь называлась у древнихъ панегирикомъ (λόγος πανηγυρικός). Это имя получила она отъ рѣчей, произносившихся при панегирѣ [2] передъ народомъ, собравшимся на празднество, и состоявшихъ въ восхваленіи божества, въ честь котораго празднество совершалось, города, гдѣ оно совершалось, и его основателя — бога или героя. Къ тому же роду относятся и привѣтственныя рѣчи.

Академическія рѣчи новаго времени причисляются къ ораторскимъ произведеніямъ лишь на томъ основаніи, что также произносятся устно; по содержанію же своему онѣ суть ученые трактаты.

3. Подробное ученіе объ ораторскомъ краснорѣчіи представляютъ древніе (Исократъ, Аристотель, Цицеронъ, Квинтиліанъ и др.). Оно носило названіе реторики (ἡ ῥητορική) и раздѣлялось на ученіе объ изобрѣтеніи мыслей (inventio), ученіе о расположеніи (dispositio) и ученіе о выраженіи (elocutio). Реторика древнихъ не только оказала значительное вліяніе на новѣйшую ораторскую рѣчь (въ особенности же на церковное краснорѣчіе), но подъ ея вліяніемъ сложилась и вообще

---

[1] Отъ лат. orare (публично говорить). —[2] Πανήγυρις, народное празднество.

проза новаго времени. Сверхъ того, такъ-какъ первыя наблюденія надъ слогомъ не только прозы, но и поэзіи сдѣланы реторикою, то ея терминологія усвоена и новѣйшему ученію о слогѣ (см. важнѣйшія средства изобразительности въ примѣчаніяхъ къ художественному описанію „Днѣпръ" Гоголя (стр. 67 и къ другимъ статьямъ того же отдѣла). Средства слога изобразительнаго получили въ реторикѣ названіе тропъ и фигуръ.

4. Устнымъ произношеніемъ ораторскихъ произведеній опредѣляется одно изъ свойствъ ихъ — музыкальный элементъ рѣчи.

Древніе реторы наблюдали, чтобы ораторское произведеніе, какъ всесторонне обдуманное произведеніе искусства, представляло особенную красоту и въ выборѣ, и въ соединеніи словъ. Вотъ важнѣйшія правила ихъ:

Рѣчь не должна быть ни исключительно періодическою, ни исключительно отрывистою, но должна представлять соединеніе и того и другаго. Преобладаніе періодической рѣчи приличествуетъ, по словамъ Исократа, изобразительному роду рѣчей; въ судебномъ же и совѣщательномъ родѣ — тамъ, гдѣ восхваляется что-либо, въ повѣствованіи же тамъ, гдѣ содержаніе представляетъ что-либо величавое, а также при амплификаціи [1].

Члены періода должны слагаться съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка словъ, соединенія ихъ и ритма.

Что касается порядка словъ, то при безсоюзіи должно всегда соблюдать законъ градаціи (gradatio): не допускать ослабленія рѣчи; послѣ менѣе яснаго должно слѣдовать болѣе ясное, послѣ малаго — бо̀льшее и т. п. Естественное словорасположеніе можетъ быть измѣняемо: такъ Квинтиліанъ осуждаетъ тѣхъ, кто требуетъ постановки имени сущ. непремѣнно передъ глаголомъ, а глагола передъ нарѣчіемъ, имени сущ. передъ прилагательнымъ и мѣстоимѣніемъ, или кто требуетъ чтобы обо всемъ, что̀ по времени предшествовало, непремѣнно упоминалось и въ рѣчи прежде послѣдовавшаго; по возможности предложеніе должно оканчиваться глаголомъ, ибо въ глаголѣ — главная сила рѣчи; тѣмъ не менѣе ради ритма можно и отступать отъ этого правила и позволить себѣ перестановку (hyperbaton). Если какое нибудь слово должно получить особую силу, которую оно затеряло бы въ срединѣ предложенія, то его перемѣщаютъ на конецъ, дабы обратить на него особенное вниманіе слушателей.

Что касается соединенія словъ, то должно наблюдать, чтобы заключительный гласный звукъ одного слова не образовалъ съ начальнымъ звукомъ слѣдующаго слова — зіянія (hiatus). Особенно порицалось при этомъ стеченіе гласныхъ *a*, *o* и *u*, менѣе — *e* и *i*; не столь грубый промахъ — когда за долгимъ гласнымъ при этомъ слѣдуетъ краткій или за краткимъ долгій, еще менѣе — когда сталкиваются 2 краткихъ гласныхъ. Не должно однако же доводить опасенія зіянія до педантической осторожности. Иногда зіяніе можетъ даже сообщить словамъ особую силу, побуждая произносящаго сдѣлать при немъ остановку (напр. publica oratione acta). Квинтиліанъ предостерегаетъ также отъ стеченія въ концѣ одного слова и при началѣ другаго согласныхъ *s* и *x*, *s* и *s*; порицается и повтореніе одного и того же согласнаго (какъ въ стихѣ Эннія: o Tite, tute Tati, tibi tanta tyranne tulisti). Изъ подобныхъ погрѣшностей указываетъ іотацизмъ (стеченіе зв. *i*, какъ въ стихѣ Горація: iam satis terris nivis atque dirae grandinis misit pater), лабдацизмъ (тоже относительно зв. *l* (какъ у Горація: unde loquaces lymphae desiliunt tuae);

---

[1] *Амплификація* — распространеніе мысли съ цѣлію возбудить чувства слушателя.

митацизмъ (зв. *m*), полисигма (*s*). У поэтовъ это подобіе аллитераціи можетъ имѣть особое значеніе; проза же, въ особенности ораторская, должна остерегаться его. Къ нарушенію же благозвучія относится соединеніе многихъ словъ съ одинакими окончаніями, напр. многихъ родительныхъ мн. ч. (ὁμοιόπτωτον). Погрѣшнымъ считалось иповтореніе слова, безъ намѣренія употребить особую *фигуру повторенія*, еще хуже—созвучіе конечныхъ слоговъ предъидущаго слова съ предъидущимъ (напр. plenіore ore). Въ особенности порицается стеченіе многихъ односложныхъ словъ.

Ритмъ, или теченіе рѣчи (ῥυθμός, numerus oratorius). Метръ есть принадлежность одной поэзіи; ритмъ же въ извѣстной степени свойственъ и прозѣ. Исократъ требуетъ отъ рѣчи ритма и благозвучія, называемаго эвритмическимъ (εὐρυθμία), т. е. соблюденія извѣстной музыкальной равномѣрности въ чередованіи долгихъ и краткихъ слоговъ, при чемъ замѣтно вытекаютъ отдѣльныя стопы, но въ прозаической рѣчи должно избѣгать сложенія цѣлыхъ стиховъ. Въ особенности ритмъ требуется въ концѣ періода, гдѣ полагается остановка, потому что слушатель успѣваетъ обратить на него вниманіе; по той же причинѣ не меньшаго тщанія требуетъ и начало періода; но и средина должна соотвѣтствовать началу и концу: т. е. и въ ней должно избѣгать неповоротливости или скачковъ, что̀ бываетъ при стеченіи многосложныхъ или многихъ краткихъ словъ; наконецъ весь періодъ долженъ составлять связный ритмическій рядъ (какъ-бы музыкальную фразу), замыкающуюся при концѣ періода.

Рѣчи рода изобразительнаго въ особенности должны были отличаться тщательнымъ соблюденіемъ ритма.

5. Устнымъ произношеніемъ вызываются и особенности расположенія ораторскихъ произведеній,

Части ораторской рѣчи слѣдующія:

I. Приступъ (προοίμιον, exordium). Онъ имѣетъ въ виду возбудить вниманіе слушателей (напр. указаніемъ новизны или важности предмета рѣчи), иногда—вызвать расположеніе слушателей (captatio benevolentiae [1]), или указать поводъ, вызвавшій слово.

II. Предложеніе (πρόθεσις propositio). Въ немъ кратко указывается предметъ рѣчи, тема ея.

III. Раздѣленіе (διαίρεσις, partitio) есть предварительное указаніе частей и порядка, въ какомъ будетъ слѣдовать главная часть рѣчи. Оно не должно быть слишкомъ дробно; члены его должны рѣзко разграничиваться другъ отъ друга.

IV. Главная часть, иногда называемая изложеніемъ. Въ нее входятъ:

а) Повѣствованіе (διήγησις, narratio) — изложеніе обстоятельствъ, которыя служатъ къ разъясненію предмета рѣчи. Оно помѣщалось иногда передъ предложеніемъ.

б) Доводы (πίστις, argumentatio или probatio)— доказательства истины, положенной въ основаніе рѣчи.

Доводы различались: безъискусственные, опиравшіеся на законы, свидѣтелей (въ судебныхъ рѣчахъ) и т. п., и искусственные, по силлогизму или индукціи (т. е. состоявшіе изъ энтимемъ—

[1] Древніе называли этотъ вызовъ расположенія слушателей *инсинуаціей* (insinuatio), если ораторъ прибѣгалъ къ нему преднамѣренно при защитѣ неправаго дѣла.

ἐνθύμημα—реторическихъ умозаключеній, или примѣровъ — παράδειγμα—реторической индукціи). Энтимемы различались прямыя (соотвѣтствующія доказательству прямому) и непрямыя (соотвѣтствующія доказательству отъ противнаго).

Для изобрѣтенія доводовъ и амплификаціи реторика въ топикѣ перечисляетъ общія понятія, τόποι, loci, изъ объема которыхъ предлагаетъ черпать частныя понятія.

в) Опроверженіе (λύσις, refutatio), имѣвшее мѣсто въ судебныхъ рѣчахъ, гдѣ при защитѣ оно получало большое распространеніе.

V. Патетическая часть. Цѣль ея подѣйствовать на воображеніе и сердце слушателей; потому она отличается краткостію.

VI. Заключеніе (ἐπίλογος, peroratio). Въ этой части ораторы обыкновенно повторяютъ въ сжатомъ видѣ мысли главной части, дабы напомнить слушателямъ обо всемъ выслушанномъ (ἀνακεφαλαίωσις, enumeratio) и заканчиваютъ рѣчь мыслями сильными, выраженными украшенно, нерѣдко съ помощію амплификаціи; здѣсь часто помѣщается „фигура моленія“ (молитвенное обращеніе).

ПРАВИЛА ЦЕРКОВНАГО КРАСНОРѢЧІЯ.

Предметомъ церковнаго краснорѣчія можетъ быть изъясненіе священнаго писанія и изложеніе вѣроученія (со стороны догматической или нравственной).

Въ основу проповѣди (слова) обыкновенно полагается текстъ изъ св. писанія, изъ символическихъ или богослужебныхъ книгъ церкви или же изъ писаній отеческихъ. Текстъ не долженъ служить только эпиграфомъ проповѣди; обыкновенно не только главная мысль, но и частныя мысли слова вытекаютъ изъ него. Полагать въ основаніе текстъ—обычай древній: цѣль его та, чтобы слушатели съ перваго раза видѣли, что имъ предлагается слово Божіе или ученіе церкви, а также, чтобы проповѣдники руководились надежнымъ началомъ въ своихъ поученіяхъ.

Полный составъ проповѣди слѣдующій:

I. Приступъ. Содержаніе его: а) предварительное обозрѣніе текста для вывода изъ него опредѣленнаго предложенія, или б) указаніе важности и пользы избраннаго предмета, или же в) изложеніе какого-либо обстоятельства, вызвавшаго слово.

II. Предложеніе. Здѣсь выражается тема проповѣди. Когда въ основаніе слова положенъ текстъ, то тема или тождественна съ нимъ или зависитъ отъ него: въ 1-мъ случаѣ текстъ повторяется (по большей части онъ произносится въ самомъ началѣ проповѣди); во 2-мъ случаѣ предлагается или сокращеніе текста (когда въ текстѣ болѣе мыслей, чѣмъ сколько требуется для предложенія слова) или же видоизмѣненіе его (внутреннее—когда главное понятіе текста расширяется или сокращается по объему или по содержанію: внѣшнее—когда ясность или теченіе рѣчи требуетъ измѣненія формы вопросительной въ утвердительную, отрицательной въ утвердительную, иносказательной въ простую и т. п.); или же отвлеченіе отъ текста—когда онъ имѣетъ форму повѣствовательную, а въ предложеніи выводится изъ него поученіе или правило.—Предложеніе не должно предвосхищать раскрытія мыслей, принадлежащаго раздѣленію и изложенію. Предложеніе не всегда стоитъ отдѣльно отъ другихъ частей слова: нерѣдко оно примыкаетъ къ вступленію, будучи выводомъ изъ него.

III. Раздѣленіе. Такъ какъ предметъ проповѣди можетъ быть или теоретическій или историческій, то при раздѣленіи этого принимается во вниманіе: при теоретическомъ содержаніи проповѣдникъ руководствуется общими правилами раздѣленія и тѣмъ путемъ, которому имѣетъ въ виду послѣдовать въ главной части; при историческомъ — тѣми же правилами или же порядкомъ хронологическимъ (напр. эпохами жизни лица, повѣствованіе о жизни котораго имѣетъ въ виду предложить ораторъ).

IV. Главная часть (изложеніе). Согласно съ темою эта часть состоитъ изъ повѣствованія или изъ доводовъ, или же изъ того и другаго вмѣстѣ. Доводы состоятъ въ раскрытіи темы:

а) аналитическомъ. Сюда входятъ: 1) толкованіе смысла словъ, входящихъ въ текстъ, выясненіе ихъ значенія въ контекстѣ его, объясненіе ихъ параллельными мѣстами изъ св. Писанія; 2) изслѣдованіе входящихъ въ тему понятій, ихъ видовъ и свойствъ.

б) синтетическомъ. Здѣсь указывается отношеніе однихъ понятій къ другимъ, слѣд. доказывается истинность мыслей, на которыя разлагается тема проповѣди. Доказательства употребляются какъ прямыя, такъ и непрямыя, и располагаются по силлогизму. Аргументы подтверждаются свидѣтельствами св. Писанія съ примѣрами изъ св. Писанія и исторіи Церкви [1].

V. Приложеніе. Здѣсь дѣлается ближайшее примѣненіе къ слушателямъ того, что̀ высказано въ изложеніи. Въ проповѣди это необходимая часть, потому что цѣлію церковнаго собесѣдованія служитъ приложеніе истинъ слова Божія къ жизни человѣка. — Оно можетъ сливаться съ изложеніемъ или заключеніемъ.

VI. Заключеніе. Содержаніе его: а) краткое обозрѣніе главныхъ мыслей и наставленій слова, или б) пастырское увѣщаніе не забывать того, что̀ предложено было въ назиданіе, или в) молитвенное обращеніе къ Богу и святымъ Его, или же г) краткое повтореніе начальнаго текста. Заключеніе слова должно быть кратко и сильно и ни въ какомъ случаѣ не расширять темы ни по объему, ни по содержанію.

Слово по освященіи храма явленія Божіей матери Преподобному Сергію.

устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея въ Святотроицкой Сергіевской лаврѣ, въ 27 день сентября 1812 года.

Благодатію всесвятаго и всеосвящающаго Духа совершилось нынѣ священное обновленіе сего храма, созданнаго прежде насъ въ честь и память явленія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Преподобному и Богоносному Отцу нашему Сергію, чему очевиднымъ свидѣтелемъ былъ и Преподобный Михей, во благоуханіи святыни здѣсь почивающій. Праведно было память сего благодатнаго событія

---

[1] Для изобрѣтенія и расположенія доводовъ реторика указывала также хрію χρεία (условная форма, руководящая изобрѣтеніемъ мыслей). Части хріи: предложеніе (тезисъ), причина, противное, подобіе, примѣръ, свидѣтельство, заключеніе (повтореніе тезиса или выводъ изъ него слѣдствія).

почтить освященнымъ храмомъ, хотя впрочемъ и вся обитель сія есть памятникъ сего чуднаго посѣщенія; потому что вся судьба ея въ продолженіи вѣковъ есть исполненіе обѣтованія небесной Посѣтительницы: *неотступна буду отъ мѣста сего.*

Но если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталище святыни, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ Твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, не поколебавшіяся и тогда, когда поколебалась было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева, и пустыня Сергіева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть Божіею благодатію, которая обитала въ преподобномъ Сергіи, въ его пустыни, и еще обитаетъ въ немъ и въ его помощахъ, въ его Лаврѣ: но при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ Лаврою. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ воздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошенъ дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчественныхъ, чудодѣйственныхъ. Дайте мнѣ облобызать прагъ ея сѣней, который истертъ ногами Святыхъ, и чрезъ который однажды переступили стопы Царицы Небесныя. Укажите мнѣ еще другія сѣни другой келліи, которыя въ одинъ день своими руками построилъ Преподобный Сергій, и, въ награду за трудъ дня и за гладъ нѣсколькихъ дней, получилъ укрухъ согнивающаго хлѣба. Посмотрѣлъ бы я, какъ, позже другихъ насажденный въ сей пустынѣ, Преподобный Никонъ спѣшно растетъ и созрѣваетъ до готовности быть преемникомъ Преподобнаго Сергія. Послушалъ бы молчанія Исаакіева, которое безъ сомнѣнія поучительнѣе моего слова. Взглянулъ бы на благоразумнаго архимандрита Симона, который довольно рано понялъ, что полезнѣе быть послушникомъ у Преподобнаго Сергія, нежели начальникомъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь это все здѣсь: только закрыто временемъ, или заключено въ сихъ величественныхъ зданіяхъ, какъ высокой цѣны сокровище въ великолѣпномъ ковчегѣ. Откройте мнѣ ковчегъ; покажите сокровище; оно непохитимо и неистощимо; изъ него, безъ ущерба его,

можно заимствовать благопотребное, напримѣръ безмолвіе молитвы, простоту жизни, смиреніе мудрованія.

Иль это вамъ кажется только мечтаніемъ воображенія! О, если бы мы достойны были болѣе очищеннымъ окомъ ума созерцать сіе въ болѣе существенныхъ явленіяхъ свѣта духовнаго, а не въ представленіяхъ только собственнаго воображенія!—Но, мнѣ кажется, лучше хотя мечтать такимъ образомъ, нежели любомудрствовать противнымъ сему образомъ.

Братія сей обители! вы пришли сюда, когда пустыня уже облечена нѣкоторымъ образомъ въ подобіе града обительнаго: но не града же искать пришли вы сюда; слѣдственно пришли вы искать пустыни. Если она нѣсколько закрыта, тѣмъ внимательнѣе надлежитъ ее искать. Если шумъ житейской молвы не вдалекѣ слышенъ: тѣмъ нужнѣе заграждать отъ него слухъ. Если образы суетнаго міра движутся предъ лицемъ пустыни: тѣмъ ревностнѣе должно намъ преднаписывать себѣ предъ очами образъ чистаго пустынножительства и постоянно на него взирать и съ нимъ сообразовать житіе наше.

И для сего хочу я показать вамъ теперь, не человѣческимъ художествомъ, но словомъ Божественнымъ начертанный образъ духовнаго любителя пустыни. Смотрите, какъ онъ самъ себя изображаетъ: *и рѣхъ: кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію. Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни. Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури* (Псал. 54. 7—9.)

Правда, тотъ, кто говорилъ сіе въ псалмѣ, былъ только временный пришлецъ пустыни по нуждѣ, а не постоянный житель ея по обѣту: но сіе не препятствуетъ намъ усматривать въ словахъ его черты добраго пустынножителя; и даже тѣмъ болѣе примѣчательна любовь его къ пустынѣ и правильное изображеніе пустынножительства. Духъ Божій, который носился надъ Давидомъ отъ дня помазанія Самуиломъ, велъ его чрезъ разныя состоянія внѣшнія такъ и для того, чтобы въ нихъ показать намъ поучительные образы духовныхъ состояній.

И такъ первая черта духовнаго пустынножителя есть желаніе пустыни, или усердіе къ благочестивому отшельническому и уединенному жительству. *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу, и почію*?

Желаніе есть сѣмя, или зародышъ всякаго свободнаго дѣла, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Какъ отъ души зависитъ жизнь, сила, достоинство тѣла: такъ жизнь, сила, достоинство всякаго дѣла зависитъ отъ желанія. Если желаніе нечисто: дѣло недостойно. Если желаніе слабо: и дѣло не сильно достигнуть своего совершенства. Если духовнаго желанія нѣтъ: дѣло есть мертвое. Дѣла, которыя мы дѣлаемъ безъ искренняго желанія, не утѣшаютъ насъ самихъ и не приносятъ удовольствія другимъ. Если такъ судятъ и чувствуютъ люди, которые дѣла только видятъ, а о желаніяхъ только

догадываются: что̀ сказать о судѣ Бога всевидящаго, испытующаго сердца и утробы? — *Дастъ ти Господь по сердцу твоему*, а не по наружному твоему дѣлу (Псал. 19. 5).

Посему кто желаетъ пустынножительствовать или монашествовать съ утѣшеніемъ и пользою для себя и со благоугожденіемъ Богу: тотъ долженъ какъ начать сіе дѣло съ искреннимъ духовнымъ и божественнымъ желаніемъ, такъ и продолжать съ неослабнымъ усердіемъ. Надобно, чтобы еще въ мірѣ сказалъ онъ себѣ: *Кто дастъ ми крилѣ, яко голубинѣ; и полещу и почію?* И когда чистое и горячее желаніе дѣйствительно, какъ на крилахъ голубиныхъ, принесло его въ пустыню или въ обитель отшельничествующихъ: онъ долженъ часто вновь возбуждать себя, расширять и приводить въ движеніе сіи крила, что̀бы онѣ имѣли довольно легкости и крѣпости нести его далѣе,—изъ пустыни на небо.

Другая черта добраго пустынножителя или отшельника есть рѣшительное и совершенное удаленіе отъ міра. *Се удалихся бѣгая.*

Если бы не было нужно удаляться отъ міра: то не для чего было бы и водворяться въ пустынѣ, избирать отшельническое одиночество преимущественно предъ обыкновеннымъ образомъ жизни семейственнымъ и гражданскимъ. Не Богъ ли, сотворившій пустыню, созидаетъ и хранитъ грады, и самую пустыню не для того ли сотворилъ Онъ, чтобы населить ее? Не живутъ ли въ городахъ Его рабы и чада, которыхъ пустыня едва ли достойна имѣть, подобно какъ напротивъ того другіе, которыхъ *не достоинъ весь міръ, въ пустыняхъ скитаются, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастяхъ земныхъ*. (Евр. 11. 38)? Не обиталъ ли самъ Господь во градѣ такъ же, какъ и въ пустынѣ, и не далъ ли граду Іерусалиму своего храма, подобно какъ пустынѣ далъ свою скинію? Не на всякомъ ли мѣстѣ можно поставлять Ему обитель въ душѣ и поклоняться Ему духомъ и истиною? *На всякомъ мѣстѣ владычествія Его: благослови душе моя Господа*. (Пс. 102, 22).

Но что дѣлать, если сіе благословенное приглашеніе всюду и всегда благословлять Господа неуспѣшно повторяю я къ душѣ моей отъ того, что міръ въ то же время, не переставая, оглашаетъ и оглушаетъ ее своими разнообразными гласами требованій, прещеній, прельщеній, смущенія, развлеченія, нуждъ, заботъ, страстей, похотей, и она не находитъ довольно силы противоборствовать сему, или утомленная противоборствомъ, жаждетъ приблизиться къ Богу безъ препятствій со стороны тварей, служить Ему безъ развлеченія?—Въ семъ случаѣ не остается иного, какъ расторгнуть всякіе узы, привязывающія насъ къ міру, бѣжать изъ него, какъ Израильтяне изъ Египта, какъ Лотъ изъ Содома, и учредить для себя въ пустынѣ новое жительство добровольнаго изгнанничества, въ которомъ бы все внушало намъ, что *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13. 4).

Такимъ образомъ истинное отшельничество и пустынножительство есть также истинное и совершенное отреченіе и удаленіе отъ міра, по заповѣди Апостола: *не любите міра, ни яже въ мірѣ* (1 Іоанна 2. 15).

Кто приходитъ въ пустынножительство или отшельническое братство, какъ переселенецъ, желающій перенести сюда выгоды и удобство прежняго жительства, или замѣнить ихъ другими, а не какъ бѣглецъ, бросившій все, чтобы только избавиться отъ того, что̀ было причиною бѣгства: тотъ не вполнѣ отшельникъ, не въ совершенствѣ пустынножитель.

Кто въ пустынножительствѣ ропщетъ на скудость въ чемъ-либо и, пользуясь необходимымъ, требуетъ излишняго, подъ благовиднымъ именемъ утѣшенія: тотъ еще не удалился отъ роскоши міра. Онъ подобенъ Израильтянамъ, которые въ пустынѣ воздыхали о мясныхъ котлахъ египетскихъ; и долженъ вспомнить, что были нѣкоторые, которые, спасшись изъ погибающаго Египта, погибли въ спасительной пустынѣ, въ гробахъ похотѣнія.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе желаетъ поступать по своей волѣ или даже повелѣвать, нежели покоряться: тотъ еще не удалился отъ гордости и честолюбія міра. Заботливо надлежитъ ему осмотрѣться, чтобы не приблизиться къ сонму Корея, котораго конецъ показалъ, что чистая пустынная земля не хочетъ носить на себѣ властолюбивыхъ и мятежныхъ.

Кто въ братствѣ отшельническомъ болѣе радѣетъ себѣ, нежели братству и обители, усвояетъ, что̀ не благословлено, или болѣе, нежели что̀ благословлено; послѣ обѣта нищеты думаетъ богатиться для себя, а не для Бога, не для братства, не для нищихъ: тотъ не удалился отъ корыстолюбія міра. Въ какой образъ образуетъ онъ себя? Не въ образъ ли пророческаго ученика Гіезія, который, восхотѣвъ тайно неблагословенно усвоить сребро Неемана, явно усвоилъ себѣ его проказу?

Кто, вышедъ изъ міра въ отшельническое жительство, пристрастнымъ окомъ озирается на оный подъ предлогомъ невинной любви къ приснымъ, друзьямъ, знаемымъ: тому не безполезно взглянуть на жену Лотову, которая озрѣлась на оставленный ею Содомъ, и, какъ говоритъ Премудрый, *стоитъ столпъ сланъ, невѣрныя души память* (Прем. Сол. 10. 7).

Третія черта благонадежнаго пустынножителя есть упованіе на Бога. *Чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури.*

Образъ духовнаго пустынничества былъ бы довольно страшенъ, еслибы столь суровая черта его, какою представляется совершенное отреченіе отъ міра, не умягчалась и не покрывалась пріятною и свѣтлою чертою совершеннаго упованія на Бога.

Не случается ли даже, что удалившіеся отъ міра съ намѣреніемъ избѣжать трудностей и опасностей для души, сверхъ ожиданія встрѣ-

чаютъ для нея новыя трудности и самыя опасности въ отшельническомъ и пустынномъ уединеніи или общежительствѣ? И не должно сему дивиться. Израильтяне въ пустынѣ сколько перенесли трудностей, сколько видѣли опасностей! Едва ли не болѣе, нежели въ самомъ Египтѣ. Самъ начальникъ нашего спасенія и совершеннѣйшій для насъ образъ онаго, гдѣ испыталъ сильнѣйшую брань противъ врага душъ, какъ не въ пустынѣ? Гдѣ болѣе перенесъ духовныхъ страданій, какъ не въ уединеніи вертограда геѳсиманскаго?

Но если такъ: то для чего же, скажутъ, и удаляться отъ міра въ пустыню, отъ трудностей къ трудностямъ, отъ опасностей къ опасностямъ?—Отвѣтствую: для того же, для чего Израильтяне вышли изъ Египта въ пустыню: ибо въ пустынѣ испытали они трудности и опасности, но очистились, научились и спаслись, вмѣсто того, что въ Египтѣ погибли бы въ мерзостяхъ язычества: и если бы они не вышли въ пустыню, то не пришли бы въ землю, текущую медомъ и млекомъ. Для того же, говорю, для чего и Спаситель Духомъ Святымъ возведенъ былъ въ пустыню, и для чего удалялся Онъ въ уединеніе геѳсиманское: ибо въ пустынѣ побѣдилъ Онъ не побѣжденнаго дотолѣ врага душъ нашихъ, а въ Геѳсиманіи принесъ Онъ за преслушаніе человѣковъ духовную жертву послушанія волѣ Бога Отца Своего и крѣпкую о нашеимъ спасеніи молитву, въ которой и *услышанъ отъ благоговѣинства* (Евр. 5. 7). Такъ и для насъ, если и трудна и не безопасна пустыня: то все же полезно и спасительно бѣжать въ нее отъ міра погибельнаго.

А дабы и трудности преодолѣть, и опасности пройти невредимо, для сего не болѣе требуется, какъ только не быть нетерпѣливу, не унывать, не отчаяваться, но, каково бы ни было наше положеніе, непрестанно *чаять Бога, спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури*. Если произвольнымъ нашимъ непостоянствомъ или нетерпѣливостію не прервемъ сего чаянія; *упованіе не посрамитъ* (Рим. 5. 5), и помощь свыше пріидетъ непремѣнно тогда, и въ такой мѣрѣ, какъ сіе нужно для искренно желающихъ спасенія, какъ прилично славѣ Спасителя.

Братія святыя обители сея! если пустыня Сергіева, нѣкогда безлюдная, дикая, безплодная, безводная, скудная, беззащитная, безпомощная, населилась, возрасла, процвѣла, благословилась отъ тука земли и отъ росы небесныя и пренебесныя, открыла въ себѣ источники водъ и благодати, возмогла защищать иногда грады и помогать народу: что̀ все сіе значитъ? Не то ли, что поелику ея основатель и его сподвижники *чаяли Бога спасающаго*: то чаяніе ихъ оправдалось, и еще оправдывается, даже свыше чаянія? Какое подкрѣпленіе и для нашего упованія на Бога спасающаго!

Внимайте себѣ и званію вашему, и ходите достойно столь благаго призрѣнія Отца небеснаго. Воскриляйте себя благочестивымъ желаніемъ, дабы летѣть во внутреннюю пустыню, — то есть въ духовную

область *Царствія Божія*, которое *внутрь васъ есть* (Лук. 17. 21). Отвращайте очи сердецъ вашихъ, еже не видѣти суеты міра, вами оставленнаго. Возбуждайте себя къ неослабнымъ подвигамъ для спасенія душъ вашихъ, упованіемъ на Бога спасающаго.

Мнѣ же, который недолго бесѣдую съ пустынею и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ,—*кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ*; *и полещу и почію?* Могу ли сказать себѣ, — или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни*! Когда облегчуся отъ бременъ чужихъ, чтобы обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, *да не како инымъ проповѣдуя*, *самъ неключимъ буду?* (1 Кор. 9. 27). О, дающій иному крилѣ, яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному гласъ *кокоши*, чтобы созывать Твоихъ *птенцовъ* подъ Твои крилѣ! собирай Самъ и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея благости, и, стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни, приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню. Аминь.

РАЗБОРЪ СЛОВА ФИЛАРЕТА.

Составъ этого слова:

I. Приступъ („Благодатію... житіе наше") Здѣсь упоминается обстоятельство, вызвавшее слово: освященіе храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію. Мысль оратора отъ храма переходитъ къ древней пустынѣ Сергіевой и даетъ живую картину жизни отшельниковъ въ ней; затѣмъ указываетъ онъ, какъ важно и поучительно выяснить *образъ чистаго пустынножительства*, что̀ и составляетъ главный предметъ проповѣди.

II. Предложеніе. („И для сего.... состояній"). Здѣсь выражается тема проповѣди: „хочу я показать вамъ... образъ духовнаго любителя пустыни"; вслѣдъ за тѣмъ приводится текстъ (изъ псалма 54), заключающій этотъ образъ; объясненіемъ примѣнимости текста къ избранной темѣ оканчивается предложеніе.

III. Раздѣленіе не составляетъ отдѣльной части этого слова (какъ и во многихъ другихъ проповѣдяхъ того же оратора). Оно замѣняется рѣзкимъ обозначеніемъ каждой части изложенія (для чего ораторъ начинаетъ ихъ выраженіями: „*первая черта* пустынножителя", „*другая* черта"... „*третія* черта").

IV. Изложеніе. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, согласно тремъ чертамъ пустынножителя, извлеченнымъ изъ текста: потому передъ каждымъ отдѣломъ повторяется та часть текста, изъ которой извлекается разсматриваемая здѣсь черта пустынножителя.

Отдѣлъ 1. („Итакъ первая черта.... на небо"). Состоитъ въ синтетическомъ объясненіи первой черты пустынножителя; доказательство прямое: общее свойство *желанія* прилагается къ желанію пустынножительствовать; опредѣленіе *желанія вообще* сопровождается аналитическимъ раскрытіемъ этого понятія.

Отдѣлъ 2. („Другая черта.... память"). Доводы состоятъ въ син-

тетическомъ объясненіи второй черты пустынножителя; доказательство непрямое; антитезисъ: „еслибы не было нужды удаляться отъ міра" (раскрытъ аналитически въ цѣломъ рядѣ вопросительныхъ предложеній); изъ него выводится слѣдствіе, противорѣчащее закону Божію; этимъ утверждается тезисъ, что должно „удалиться отъ міра" (вторая черта пустынножительства). За тѣмъ отреченіе отъ міра раскрывается аналитически въ пяти относительныхъ періодахъ, которые согласно непрямому доказательству указываютъ различные случаи *нарушенія* второй черты пустынножителя.

Отдѣлъ 3. („Третія черта.... геѳсиманскаго"). Раскрытіе третьей черты пустынножительства аналитическое.

V. Приложеніе. („Но если такъ.... въ славѣ Спасителя"). Оно выясняется помощію примѣровъ (Израильтянъ и Спасителя въ пустынѣ и саду Геѳсиманскомъ); затѣмъ слѣдуетъ назиданіе.

VI. Заключеніе. („Братія...—Аминь"). Оно состоитъ изъ трехъ частей: въ 1-й—кратко обозрѣвается значеніе пустыни; во 2-й—кратко повторяются три черты пустынножительства: обѣ части въ формѣ возванія къ братіи. Въ 3-й—чувство автора, живо выражающее стремленіе его къ пустынѣ, соотвѣтственно приступу, который также отличается субъективнымъ характеромъ. Заключеніе оканчивается моленіемъ.

Слово въ Великій Пятокъ *.

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что-либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ [1], вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: „Братія, давайте плакать", — и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія: но уста мои невольно заключаются при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?.. И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? На Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били *въ перси своя* (Лук. 23. 48). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать. Аминь.

Инокентій.

---

* Слово это, согласно особымъ намѣреніямъ проповѣдника (подѣйствовать исключительно на чувства слушателей) не заключаетъ въ себѣ обычныхъ частей проповѣди.

[1] Св. Антоній.

Изъ Слова похвальнаго Государю Императору Петру Великому, говореннаго апрѣля 26 дня 1755 года.

а) Приступъ.

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство всемилостивѣйшія Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ въ ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ возшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ: однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія отъ положенія планетъ произведенныя, нижѐ другія по теченію натуры бывающія перемѣны и явленія, но ясные признаки Божія провидѣнія послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея великія дщери его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ побѣдителя приходящая въ міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли здѣсь указующій является Промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видите, видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованія благоденства. Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елисавета въ общество человѣческое вступила, для возвращенія себѣ отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха, принесъ безопасную и пресвѣтлую радость: Елисавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбіемъ, кротостію, щедротою. Коль чудныя Божія судьбы видимъ, слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжественное вшествіе; съ пеленами побѣдительныя лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда Елисаветѣ предвозвѣщены отеческія добродѣтели, предвозвѣщено отеческое царство?

Въ доступленіи онаго сколь много всемогущій Промыслъ споспѣшествовалъ ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія во вѣки не умолкнутъ. Ибо Его силою и духомъ подвигшись, героиня наша, Всероссійскому государству, достодолжной его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію и общему блаженству знатной части свѣта принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка: то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чужому языку, и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые, соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила Россійскій народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ Великая Елисавета, но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутренніе болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ: такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опаснось вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы изцѣляются, нежели внутренніе поврежденія. Но сличивъ изцѣленіе Россіи отъ пораженія, варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутрь вреда врачеваніемъ, Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ Тогда для изцѣленія ранъ наружныхъ обагрены были поля и рѣки не меньше россійскою, нежели агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время, и болѣзнующее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ изцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи*; *возстани и ходи*, *Россія*. *Отряси свои сомнѣнія и страхи*; *и радости и надежды исполнена*, *красуйся*, *ликуй*, *возвышайся*.

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что̀ прежде избавленія нашего народа о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, Петра Великаго забыли. За его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ дщерь его на престолъ отеческій; она оставлена, не помогаютъ; она отринута, не возвращаютъ; она пренебрегаема, не отомщаютъ. О, коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная героиня возшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ россійскихъ и предъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало, но сносило ея великодушіе; не на-

ша ревность оскудѣвала, но она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно, но Божескому Промыслу, который благоволилъ показать тѣмъ свою власть, ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Высшій вступленіемъ на отеческій престолъ Великія Елисаветы! Что жъ нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ преждереченныхъ. Вѣнчалъ Господь ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное возшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтеля. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію, и благословилъ громкими побѣдами, восшествію ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови: такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается Монархиня наша въ порфиру; помазуется на царство, вѣнчается, пріемлетъ скипетръ и державу. Радуются Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопостаты и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота; но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; отъ единаго ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясныя предзнаменованія благословеннаго ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и вожделѣнному сбытію ихъ съ радостію чудимся. По примѣру великаго своего родителя даетъ государямъ короны, успокоеваетъ мирнымъ оружіемъ Европу; утверждаетъ россійское наслѣдство; истекаетъ злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ къ ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ тягостей, земля не обагряется россійскою кровію ни внутрь, ни внѣ государства; умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства; повсюду возлюбленная тишина, и монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

И такъ, когда несравненная государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ, и украшенное преславными дѣлами отеческое царство возвысила: то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ его истинная наслѣдница. Слѣдовательно, похваляя Петра, похвалимъ Елисавету.

б) Предложеніе и раздѣленіе.

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали. Ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества.

Однако наконецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими празднственными восклицаніями; наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ Своея къ намъ Божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуда начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неизчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разные государства и городы, которые славою его движимы, во срѣтеніе стекались, и дѣламъ его соотвѣтствующему и великимъ монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа приму начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго не возможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть, и что великій сей мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды его изчислитъ: если бы только изчислить возможно было.

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

в) Трудолюбіе Петра.

За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ его присутствіи дѣла вершили; различныя художества не токмо его присмотромъ, но и рукъ его воспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ его путешествія, или лучше, быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское море; едва путь его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шу-

мятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы, великія рѣки, южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Ренъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу изчислить! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ: такъ онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго морей и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.

г) Патетическая часть.

Съ кѣмъ сравню Великаго Государя? Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда, предъ другими велики; однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства, но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго: но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтелями украшенъ: но вмѣсто чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ, однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ, но къ земли пристать страшился. Иной любилъ науки, но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся: однако человѣческаго достоянія и наслѣдства не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, отъ первой Пунической войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своей жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю?

Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ

предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно: кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

д) ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

За великія къ отечеству заслуги названъ онъ Отцомъ Отечества. Однако малъ ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что онъ родилъ дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческой престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ, Боже, награди, Господи? За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ сестры, двѣ дщери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненныя всѣхъ въ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ.

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: дщерь твоя царствуетъ; внукъ наслѣдникъ; правнукъ по желанію нашему родился; мы тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены: ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Ломоносовъ.

РАЗБОРЪ ПОХВАЛЬНАГО СЛОВА ЛОМОНОСОВА.

Слово это относится къ роду изобразительному. Въ цѣломъ составъ его слѣдующій:

I. Приступъ [1]. Здѣсь указывается поводъ, по которому произносится слово — празднованіе коронаціи императрицы Елизаветы. Главная мысль приступа: Елизавета истинная преемница Петра. Эта мысль развивается въ трехъ отдѣлахъ: 1) *Рожденіе Елисаветы* въ годъ Полтавской битвы даетъ оратору поводъ къ сближенію обстоятельствъ вступленія Елизаветы на престолъ съ обстоятельствами жизни Петра. 2) *Восшествіе на престолъ Елисаветы* есть: а) великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ спасеніе и обновленіе и спасеніе Россіи отъ пораженія извнѣ и отъ «крыющагося внутрь вреда» и б) избавленіе Россіи отъ презрѣнія иностранцевъ за то, что, Россіяне «Петра Великаго забыли» и «не возводятъ дщерь его на престолъ отеческій». Потому праздникъ, вызвавшій слово,— «верхъ и вѣнецъ преждереченныхъ». 3) Дѣянія Елисаветы на престолѣ «по примѣру великаго своего родителя». Общій выводъ приступа: «*слѣдовательно, похваляя Петра, похвалимъ Елисавету*».

II и III части—предложеніе и раздѣленіе [2]. Темою указано: «представить ясными изображеніями» славу Петра и «превознести несравненныя дѣла» его. Порядокъ главной части указанъ слѣдующій: 1) Дѣла

[1] Помѣщенъ вполнѣ въ сей хрестоматіи.—[2] Помѣщены вполнѣ.

Петра, 2) «преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія», 3) «добродѣтели, въ таковыхъ дѣлахъ споспѣшествовавшія».

IV. Главная часть заключается въ повѣствованіи, согласно указанному въ раздѣленіи порядку:

1. *О дѣлахъ Петра*: а) о распространеніи знаній и наукъ въ Россіи, б) объ устройствѣ войска и побѣдахъ на сушѣ, в) объ устройствѣ флота, г) о внутреннихъ учрежденіяхъ: приращеніи доходовъ, улучшеніи путей, учрежденіи Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода и проч. [1].

2. *О препятствіяхъ*, Петромъ преодолѣнныхъ: объ опасностяхъ путешествій, о врагахъ его внѣшнихъ (Шведахъ, Полякахъ, Крымскихъ Татарахъ, Персіянахъ, Туркахъ) и внутреннихъ (стрѣльцахъ, раскольникахъ, казакахъ, разбойникахъ) и измѣнѣ ближнихъ. Отдѣлъ этотъ короче другихъ: ораторъ спѣшитъ перейти къ важнѣйшей части *похвальнаго слова* словами: «къ радости въ радостное время обратимся».

3. *О добродѣтеляхъ* Петра. Здѣсь авторъ предпосылаетъ особое раздѣленіе этого пространнаго отдѣла; Всевышній «споспѣшествовалъ его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительности, трудолюбію [2].

Послѣдняя часть этого отдѣла (о трудолюбіи) по содержанію своему дала возможность въ краткомъ видѣ возобновить въ памяти слушателей важнѣйшіе факты, составляющіе содержаніе 1 отдѣла главной части (о дѣлахъ Петра). При томъ изъ дѣлъ свидѣтельствующихъ о трудолюбіи Петра, желая подѣйствовать болѣе на воображеніе слушателей, ораторъ останавливается долѣе на его путешествіяхъ, такъ какъ они даютъ поводъ къ картинамъ («что же его путешествія.... съ подданными своими»). Заключивъ эту амплификацію сравненіемъ Петра съ небесными свѣтилами и моремъ, ораторъ, прежде чѣмъ перейти къ патетической части и заключенію, *въ третій разъ* сжато въ формѣ одного періода («я въ полѣ... лѣтъ тысяча») даетъ обзоръ дѣлъ Петра. При значительномъ размѣрѣ рѣчи такое возвращеніе къ важнѣйшему предмету повѣствованія, какъ бы въ трехъ концентрическихъ кругахъ, постепенно въ размѣрѣ своемъ уменьшающихся, искусно разсчитано на возбужденіе вниманія слушателей.

---

[1] „Чтобы связать отдѣльныя части повѣствованія о дѣлахъ Петра, Ломоносовъ пользуется разными пріемами. Говоря о распространеніи наукъ и полезныхъ знаній, Ломоносовъ замѣчаетъ, какъ бы безъ особой цѣли, что до Петра Великаго у насъ не было даже своего желѣза, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Благодаря наукѣ, найдены руды, и русское войско могло выступить съ оружіемъ, добытымъ изъ горъ россійскихъ россійскими руками. Этимъ и дѣлается переходъ отъ просвѣщенія и науки къ повѣствованію объ устройствѣ войска и о походахъ Петра. Отъ сухопутнаго войска не трудно было оратору перейти къ флоту; но отъ флота къ гражданскимъ учрежденіямъ переходъ былъ не такъ легокъ. Чтобы сдѣлать его простымъ и естественнымъ, Ломоносовъ дѣлаетъ восклицаніе: «Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ, силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ». Восклицаніе это имѣло цѣлію живѣй представить слушателямъ всю трудность и важность подвиговъ Петра. Но чтобы совершить все сдѣланное Петромъ, ввести просвѣщеніе, устроить сухопутное войско, флотъ, — для всего этого нужны средства, *требуется великая казна*. Этимъ замѣчаніемъ Ломоносовъ дѣлаетъ переходъ ко внутреннимъ преобразованіямъ Петра, приращенію доходовъ и т. п. (Пособіе при изученіи образцовъ русской литературы Андрея Попова, стр. 236). — [2] Послѣдняя часть этого отдѣла (о трудолюбіи) помѣщена вполнѣ въ сей хрестоматіи.

Возбудивъ воображеніе слушателей амплификаціей при изображеніи трудолюбія и запечатлѣвъ въ красивомъ и сильномъ періодѣ эту картину, авторъ переходитъ къ

V. Патетической части[1]. Въ основаніе ея положено смѣлое сравненіе. Подражая языческимъ авторамъ панегириковъ, Ломоносовъ останавливается на мысли сравнить своего героя съ Божествомъ; но онъ не сразу позволяетъ себѣ это сравненіе: какъ бы щадя религіозное чувство своихъ христіанскихъ слушателей, онъ сначала пытается найти для сравненія лицо историческое; соблюдая градацію, онъ на глазахъ слушателей ищетъ такое лицо въ числѣ правителей новаго времени, и ясно показываетъ, что найти равнаго Петру невозможно. Тогда онъ обращается къ обычному источнику при изображеніи доблести — къ римской исторіи, и снова слушатели убѣждаются въ невозможности и тамъ найти такое лицо. Повторяется вопросъ: «Съ кѣмъ же сравню великаго государя?» Но и послѣ всего этого, сравненіе дается не вдругъ: какъ бы отказавшись отъ него, ораторъ обращается повидимому къ другому предмету (словами: «Часто размышлялъ я....»). Предметъ этотъ—Божество. И вотъ изъ ограниченной природы мыслей человѣческихъ выводитъ онъ необходимость олицетворенія Божества, какъ бы независимо отъ какихъ-либо ораторскихъ цѣлей; на встрѣчу этой необходимости предлагаетъ онъ для такого олицетворенія—героя своего похвальнаго слова,—и все же самое сравненіе выражаетъ условно. («И такъ ежели.... не обрѣтаю»).

VI. Въ заключеніи ораторъ возвращается къ поводу своей рѣчи, указанному въ приступѣ, и кончаетъ ее моленіемъ («Услыши насъ, Боже») и обращеніемъ къ духу Петра, гдѣ снова обстоятельства царствованія Елизаветы и дѣла ея сближаются съ дѣлами Петра.

Изъ „Слова похвальнаго Императрицѣ Екатеринѣ II“.

1. Избраніе Румянцова.

Уже воины Екатерины разили Оттомановъ; уже на берегахъ днѣстровскихъ развѣвались наши побѣдоносные знамена.... но взоръ Екатерины еще искалъ полководца, достойнаго ея довѣренности и великихъ намѣреній. Она не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ року. Искала и нашла — Румянцова! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ, и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцова, ускорила паденіе Турецкой имперіи.

2. Законодательство Екатерины.

Екатерина обращаетъ взоръ на три государственныя состоянія:

---

[1] Помѣщается вполнѣ.

земледѣльческое, торговое или ремесленное и воинское. „Первое есть самое необходимое и труднѣйшее: тѣмъ болѣе должно ободрять его.“ Монархиня ставитъ въ примѣръ обычай Китая, гдѣ императоръ ежегодно возвышаетъ прилежнѣйшаго земледѣльца въ санъ мандарина. Сообразуясь съ уставами нашего государства, она предлагаетъ иные способы награды для тѣхъ, которые, пòтомъ лица своего орошая землю, извлекаютъ изъ нѣдръ ея истинныя сокровища людей. гораздо драгоцѣннѣйшія перуанскаго злата и бразильскихъ діамантовъ; „главное же одобреніе сельскаго трудолюбія есть, по словамъ ея, право собственности: всякій печется о своемъ болѣе, нежели о томъ, чтò другому принадлежитъ, или чтò другіе могутъ отнять у него“. Ея человѣколюбивое намѣреніе ясно. Чувствуя, сколь нужно размноженіе народа для Россіи, Екатерина спрашиваетъ: «Отчего болѣе половины младенцевъ, рождаемыхъ въ нашихъ селахъ, умираетъ въ дѣтствѣ?“ Она угадываетъ источникъ сего страшнаго зла: „порокъ въ физическомъ воспитаніи и въ образѣ жизни. Люди, не могущіе о самихъ себѣ имѣть нужнаго попеченія въ болѣзняхъ, могутъ ли имѣть хорошій присмотръ за слабыми существами, находящимися въ безпрестанной болѣзни, то есть въ младенчествѣ? Какое счастіе для Россіи, если найдется способъ отвратить такую гибель!» Однимъ словомъ: она хотѣла благоденствія земледѣльцевъ; хотѣла. чтобы, осыпанные изобиліемъ природы, среди многочисленныхъ семействъ своихъ, они трудились для наслажденія, и подъ смиреннымъ кровомъ сельскихъ хижинъ, гдѣ любитъ обитать спокойствіе. не завидовали великолѣпнымъ градскимъ палатамъ, гдѣ часто праздность и скука изнуряютъ сердце; она хотѣла, чтобы трудолюбіе, златыя нивы, полныя житницы были для нихъ истинною роскошью!

Какъ отъ успѣховъ земледѣлія цвѣтутъ поля и села, такъ *среднее политическое состояніе* украшаетъ города. Обогащая государство торговлею и художествами, представляя ему новые источники общественнаго избытка и силы, оно не менѣе полезно и для успѣховъ земледѣлія. имѣя нужду въ его плодахъ, и щедро награждая за нихъ селянина. Премудрая чувствуетъ необходимость особенныхъ законовъ для городскихъ жителей, для опредѣленія ихъ правъ и выгодъ, для одобренія ихъ промышленности и трудолюбія. Каждая мысль ея о семъ предметѣ есть важная истина для законодателей. „Торговля бѣжитъ отъ притѣсненія и царствуетъ тамъ, гдѣ она свободна; но свобода не есть самовластіе торгующихъ: въ странахъ вольныхъ, напримѣръ въ Англіи, они всего болѣе ограничены законами; но законы сіи имѣютъ единственною цѣлію общее благо торговли, и купечество въ Англіи процвѣтаетъ“.

Сей же родъ людей прославляетъ государство науками, имѣющими вліяніе и на благо другихъ состояній.

Цвѣтущія села и города должны быть безопасны отъ внѣшнихъ

непріятелей, которые огнемъ и мечомъ могутъ превратить ихъ въ гробы богатствъ и людей: образуется воинское состояніе, училище героевъ, древній источникъ гражданскихъ отличій, названныхъ правами дворянства. Гражданинъ, для общаго блага жертвующій не только спокойствіемъ жизни, но и самою жизнію, есть предметъ государственной благодарности; ея мѣра есть мѣра услугъ его. Герои, спасители отечества, были вездѣ первыми знаменитыми гражданами, пользовались вездѣ особыми правами. Честь и слава, по словамъ безсмертнаго Монтескьё, есть сѣмя и плодъ дворянства. Хотя первымъ источникомъ онаго были издревле однѣ воинскія добродѣтели: но какъ правосудіе нужно не менѣе побѣдъ для государственнаго благоденствія, то оно также можетъ быть отличіемъ сего рода людей, сихъ славныхъ стражей отечества внѣ и внутри его. Но славныя права дворянъ, ихъ не менѣе славныя обязанности всегда ли будутъ только жребіемъ нѣкоторыхъ счастливыхъ поколѣній? Нѣтъ; добродѣтель съ заслугою сообщаютъ благородство, вѣщаетъ Екатерина, и такимъ образомъ открывается путь славы для всѣхъ состояній. Что можно пріобрѣсти достоинствами, то можно утратить пороками: Монархиня означаетъ и тѣ и другіе. Если человѣкъ, который долгое время былъ для согражданъ примѣромъ нравственнаго совершенства и любви къ отечеству, рукою государя возводится на степень дворянства: то можно ли стоять на ней измѣннику, вѣроломному, лживому свидѣтелю?

Глава „Наказа" Екатерины о государственной экономіи служитъ наставленіемъ для всѣхъ монарховъ утѣшеніемъ для всѣхъ гражданъ, доказывая первымъ, что они суть только хранители общественнаго сокровища, и могутъ употреблять его единственно для блага народнаго; доказывая послѣднимъ, что они, удѣляя государю часть своего избытка, утверждаютъ тѣмъ собственное ихъ благосостояніе; что они платятъ дань не государю, а самимъ себѣ или другъ другу. Если пастыри и земледѣльцы хотятъ, чтобы стада и поля ихъ были цѣлы, то нужно воинство для отраженія внѣшнихъ хищниковъ; если купечество желаетъ безопасности для кораблей своихъ, то надобенъ флотъ, готовый наказать дерзостнаго оскорбителя ихъ флаговъ. Внутренняя безопасность, полезныя заведенія, удобность пути для сообщенія людей, соединенія рѣкъ, наконецъ самое великолѣпіе двора, изображающаго величіе народа,—однимъ словомъ, всѣ предметы государственныхъ расходовъ имѣютъ въ предметѣ общую пользу.

Самое же вѣрнѣйшее средство умножить государственныя богатства есть умножить народъ и привести въ цвѣтущее состояніе земледѣліе, ремесла, торговлю, художества, науки.

Всякая часть законодательства представляется важною и спасительною подъ мудрымъ перомъ Екатерины.

3. Значеніе народныхъ училищъ.

Многіе государи имѣли славу быть покровителями наукъ и дарованій; но едва ли кто нибудь издавалъ такой основательный, всеобъемлющій планъ народнаго ученія, какимъ нынѣ можетъ гордиться Россія. Петръ Великій учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ. Елизавета—первый университетъ, Великая Екатерина—городскія школы; но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: *да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!* Новая, великая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія въ Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ, не отечества, не народа. Россія, сильная и счастливая во многихъ отношеніяхъ, унижалась еще справедливою завистью, видя торжество просвѣщенія въ другихъ земляхъ и слабый невѣрный блескъ его въ обширныхъ странахъ ея. Римляне, уже побѣдители вселенной, были еще презираемы Греками за ихъ невѣжество и не силою, не побѣдами, но только ученіемъ могли наконецъ избавиться отъ имени варваровъ. Не одно народное славолюбіе—хотя оно, вопреки коварнымъ лицемѣрамъ смиренія, есть душа патріотизма—не одно народное славолюбіе терпитъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: нѣтъ, онъ мѣшаетъ всякому дѣйствію благотворныхъ намѣреній правителя, на всякомъ шагу останавливаетъ его, отнимаетъ силу у великихъ, мудрыхъ законовъ, рождаетъ злоупотребленія, несправедливости и—однимъ словомъ—не позволяетъ государству наслаждаться внутреннимъ, общимъ благоденствіемъ, которое одно достойно быть цѣлію истинно великаго, то есть добродѣтельнаго монарха. Александръ, пылая святою ревностію ко счастію ввѣренныхъ ему милліоновъ, избираетъ вѣрнѣйшее, *единственное* средство для совершеннаго успѣха въ своихъ великодушныхъ намѣреніяхъ. Онъ желаетъ просвѣтить Россіянъ, чтобы они могли пользоваться его человѣколюбивыми уставами, безъ всякихъ злоупотребленій и въ полнотѣ ихъ спасительнаго дѣйствія.

Мы можемъ и должны исполнить надежду монарха, котораго человѣколюбивая политика удаляетъ отъ насъ кровопролитіе войны, но не для того, чтобы мы въ мирной тишинѣ жили только для удовлетворенія прихотямъ безразсудной роскоши, всегда порочной; можемъ стараніями, пріятными для благородной души, и частію доходовъ своихъ способствовать славнѣйшему дѣлу въ свѣтѣ: просвѣщенію народа и благу потомства. Чье сердце не двигается сею великою мыслію, тотъ безъ сомнѣнія живетъ не въ свое время, и намъ остается жалѣть объ его несчастіи. Учрежденіе сельскихъ школъ несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть *важнѣйшій* въ глазахъ философа. Между людьми, кото-

рые умѣютъ только читать и писать, и совершенно безграмотными гораздо болѣе разстоянія, нежели между неучеными и первыми метафизиками въ свѣтѣ. Исторія ума представляетъ двѣ главныя эпохи: изобрѣтеніе буквъ и типографіи; всѣ другія были ихъ слѣдствіемъ. Чтеніе и письмо открываютъ человѣку новый міръ, особливо въ наше время, при нынѣшнихъ успѣхахъ разума.

Можно предвидѣть затрудненія въ началѣ такого новаго для Россіи учрежденія, особливо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ губерніяхъ, но время, опыты и великія выгоды грамотнаго человѣка во всѣхъ отношеніяхъ сельской жизни наконецъ убѣдятъ земледѣльцевъ въ необходимости ученія—и мѣры кроткаго понужденія уступятъ дѣйствію искренней охоты.

Вообще сей великій планъ народнаго просвѣщенія славенъ не только для Россіи и государя ея, но для самаго вѣка; не только Россія, но и Европа и цѣлый свѣтъ должны гордиться монархомъ, который употребляетъ власть единственно на то, чтобы возвысить достоинство человѣка въ неизмѣримой державѣ своей. Если всѣ просвѣщенныя земли съ особеннымъ вниманіемъ смотрятъ на сію имперію, то не одно любопытство рождаетъ его: Европа чувствуетъ, что собственный жребій ея зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ жребія Россіи, столь могущественной и великой...

Здѣсь глубокомысленный, важный умъ долженъ обуздать нетерпѣливость добраго сердца, которое, плѣнясь намѣреніемъ, хочетъ немедленныхъ плодовъ закона благодѣтельнаго. Нѣтъ, великія государственныя творенія бываютъ медленны — такъ угодно Небу — и если Россія въ одномъ смыслѣ удивляетъ насъ своими быстрыми, счастливыми успѣхами, то съ другой стороны она же доказываетъ, сколь трудны, неровны и неспоры шаги государствъ къ цѣли гражданскаго просвѣщенія. Историкъ означаетъ эпохи рожденія и новыхъ силъ: надобны вѣка для полнаго образованія. Какъ безъ надежды нѣтъ счастія, такъ безъ будущаго нѣтъ великихъ дѣлъ: въ немъ хранится вѣнецъ ихъ.

Карамзинъ.

МЕТОДИЧЕСКАЯ
РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

1) Стилистики и теоріи прозы

ВЪ СВЯЗИ

СЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫМЪ КУРСОМЪ

ЛОГИКИ;

2) теоріи поэзіи,

3) пояснительныхъ разборовъ и примѣчаній.

(ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ III-ГО ТОМА «РУССКОЙ ХРЕСТОМАТІИ», ВНОВЬ ДОПОЛНЕННОЕ).

ПОСОБІЕ

при практическомъ изученіи теоріи словесности, логики

и при руководствованіи въ сочиненіяхъ

учениковъ V, VI, VII и VIII классовъ

среднихъ учебныхъ заведеній.

Удостоена м. преміи Императора Петра Великаго.

Часть II.

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ТЕОРІИ ПОЭЗІИ.

МОСКВА.
Типографія М. Н. Лаврова и К°., Леонтьевскій пер., свой домъ.
1883.

ПОЭЗІЯ.

ТЕОРІЯ ПОЭЗІИ.

ПРЕДМЕТЪ И РАЗДѢЛЕНІЕ ПОЭЗІИ.

1. Предметъ поэзіи—человѣкъ; остальной природы она касается лишь постольку, поскольку эта природа имѣетъ отношеніе къ человѣку; изъ жизни же человѣка поэзія вѣдаетъ духовную ея сторону, для раскрытія которой изображаетъ и внѣшнюю.

2. Поэтъ или передаетъ свои мысли и чувства, какъ явленія своей собственной души, или же изображаетъ явленія, внѣ его совершающіяся. Въ первомъ случаѣ поэзія бываетъ лирическою, во второмъ—эпическою или драматическою.

I. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Эпическая поэзія (отъ ἔπος, слово, разсказъ) имѣетъ форму повѣствовательную. Здѣсь изображается событіе изъ жизни лица или народа, какъ нѣчто совершившееся въ прошедшемъ: потому эпическій поэтъ при передачѣ его можетъ сохранить спокойствіе, устраняясь отъ выраженія своихъ личныхъ чувствъ, т. е. относиться къ событію объективно.

Полною объективностію отличается эпическая поэзія въ начальную эпоху народной жизни, будучи безъискусственною. Еще до употребленія письменъ пѣвцы поютъ сложенныя самимъ народомъ эпическія пѣсни.

2. Эпосъ языческой эпохи изображаетъ событіе совершавшимся подъ руководительствомъ высшихъ силъ, олицетворяемыхъ въ образѣ боговъ, при ихъ непосредственномъ участіи въ событіи. Пѣсни, главное содержаніе которыхъ—дѣянія боговъ, называются ѳеогоническими; изображающія мірозданіе—космогоническими: тѣ и другія образуютъ эпосъ миѳологическій. Эпическія пѣсни, дѣйствующія лица которыхъ—*герои*, т. е. люди, отличающіеся богато-одаренной природою и совершающіе дѣянія общенароднаго значенія, образуютъ эпосъ героическій.

3. Если многія пѣсни, относящіяся къ какому-либо одному событію, собраны вмѣстѣ и связаны въ одно цѣлое, то составляютъ, поэму, или эпопею. Таковы древне-греческія поэмы «Иліада» и «Одиссея», приписываемыя Гомеру.

Какъ остатки древнихъ эпическихъ пѣсенъ, донынѣ поются среди Русскаго народа разрозненныя сказанія о вымышленныхъ герояхъ, называемыя былинами, (такъ-какъ народъ считаетъ воспѣваемое въ нихъ былью). Герои былинъ называются *богатырями*, отчего и самыя былины получаютъ названіе богатырскаго эпоса. (См. былину объ Ильѣ Муромцѣ).

4. Эпическія пѣсни о событіяхъ историческихъ наз. историческими пѣснями. Таковы пѣсни о взятіи Казанскаго царства. Историческія пѣсни Малороссіянъ о подвигахъ казаковъ называются думами (образецъ см. въ выноскѣ на стр. 397).

5. Эпическая пѣсня, почерпающая свое содержаніе изъ библіи, житій святыхъ или апокрифическихъ сказаній[1], называется духовнымъ стихомъ. Таковы пѣсни о Лазарѣ, стихъ о Голубиной книгѣ (упомянутый на стр. 71).

Всѣ поименованные виды народнаго эпоса имѣютъ форму стихотворную.

6. Наряду съ эпическими пѣснями, отъ древнихъ временъ, также помощію устной передачи, сохранились остатки миѳологическаго эпоса, получившіе форму сказки. Миѳологическій смыслъ такихъ сказокъ въ настоящее время потерянъ, и народъ не отличаетъ ихъ отъ сказокъ, перешедшихъ къ нему изъ иноземныхъ литературъ путемъ книжнымъ. Слушающій сказку ищетъ въ ней фантастическихъ событій, возбуждающихъ разнообразныя и сильныя чувствованія, или же интереса нравственно-поучительнаго. Въ сказкахъ сохранились и остатки животнаго эпоса, т. е. сказаній, гдѣ дѣйствующими лицами выводятся животныя, одаренныя нѣкоторыми свойствами людей. Таковы сказки о лисѣ, медвѣдѣ и другихъ животныхъ, объ Иванѣ дуракѣ и пр.

7. Эпическія сказанія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются святые и Христосъ, наз. легендами[2].

8. Къ остаткамъ народнаго эпоса относятся загадки (предлагающія указать смыслъ, скрытый въ метафорѣ или сравненіи („и глухъ и нѣмъ, а счетъ ведетъ“ — верстовой столбъ), и пословицы, т. е. краткія изреченія въ формѣ поученія или живой характеристики какого либо предмета („вѣкъ живи, вѣкъ учись; ученье свѣтъ, а неученье тьма“).

Сказки, легенды, загадки и пословицы сохранились по бол. части въ формѣ прозаической, лишь мѣстами сохраняя риѳму («уйдемъ всѣмъ дворомъ, опричь хоромъ, а домъ подопремъ коломъ»); пословицы иногда, сверхъ того, имѣютъ форму аллитераціи, т. е. созвучія начальныхъ слоговъ („*хохлатыя хохоту*шки *хохот*омъ *хохотали*“).

9. Эпическая поэзія искусственная видоизмѣняется не только по времени и національностямъ, но и по личностямъ поэтовъ, такъ какъ составляетъ произведенія отдѣльныхъ лицъ.

Произведеніями, оказавшими господствующее вліяніе на искусственную эпическую поэзію всѣхъ европейскихъ народовъ, были поэмы Гомера, въ особенности же — „Энеида“, поэма Виргилія (римскаго поэта, 70 — 19 г. до Р. Х.). Онѣ оказали вліяніе какъ на содержаніе, такъ и на форму героическихъ поэмъ христіанскаго міра.

Особенности искусственной героической поэмы слѣдующія.

Въ содержаніи:

1) Въ основу поэмы полагается *важное событіе*, имѣющее общенародное или государственное значеніе. Такъ у Виргилія главное содержаніе — основаніе государства въ Лаціумѣ, какъ начало Римскаго государства; въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ» Тасса — 1-й крестовый походъ; въ «Генріадѣ» Вольтера — осада Парижа Генрихомъ IV, завершившая движеніе союзниковъ (Генриха III и Генриха IV) противъ Лиги.

---

[1] *Апокрифическими* (отъ ἀποκρύπτω скрываю), или отреченными наз. такія сказанія религіознаго содержанія, которыя заключаютъ факты, церковью признанные за вымыселъ; церковь, охраняя народъ отъ заблужденій, воспрещала чтеніе ихъ, откуда ихъ именованіе. — [2] *Легенда* (*legenda*) въ древней римской католич. церкви — книга для ежедневнаго чтенія, потомъ — церковное преданіе, и наконецъ — вымыселъ въ области религіозныхъ вѣрованій.

2) *Описательный элементъ* получаетъ значительное распространеніе, чего не представляетъ безъискусственный эпосъ. Таковы описанія въ «Энеидѣ» бури (пѣснь I), ночи (VIII, 314), древняго Лаціума (VIII, 406), жилища Циклоповъ (XI, 536—96), щита Энеева (VIII, 608—73)[1]. Таковы описанія и въ поэмѣ Ломоносова «Петръ Великій»; буря (I. 71—120), картина сѣверной ночи (I. 176—184) и подводнаго царства царя пучины (I. 189—910)

3) Въ изображеніе человѣка вносится *трогательное*. Такъ несчастная любовь Дидоны къ Энею, постепенное зарожденіе этой любви и ея развитіе, наконецъ отчаяніе Дидоны, которое привело ее къ самоубійству, составляютъ содержаніе цѣлой (IV-й) пѣсни „Энеиды". Любовь Дидоны есть отдаленный первообразъ тѣхъ изображеній жизни сердца, которыя стали главнымъ содержаніемъ позднѣйшихъ эпическихъ произведеній. См. въ «Энеидѣ» также IX, 446; X, 501, 507—9 и 791.

4) Въ событіе вносится—*чудесное*: сны, оракулы (такъ странствованія Энея сопровождаются цѣлымъ рядомъ предсказаній; въ „Генріадѣ" Генриху, занесенному бурею на островъ, старикъ-католикъ предсказываетъ перемѣну религіи и вступленіе на престолъ); непосредственное участіе высшихъ существъ (такъ въ „Энеидѣ" гнѣвъ Юноны производитъ странствованія Энея и различныя препятствія къ основанію имъ государства; Венера, мать Энея, покровительствуетъ ему; она является Энею и Ахату, блуждающимъ по берегу въ окрестностяхъ Карѳагена, куда занесены бурею, посланною Юноной; когда Эней уже достигъ наконецъ цѣли своихъ странствованій—Лаціума, фурія Алекто, посланная Юноною, поднимаетъ Турна, царя Рутуловъ, и весь Лаціумъ противъ Энея: пользуясь пребываніемъ Энея у Эвандра, Юнона посылаетъ Ирису къ Турну, побудить его къ нападенію на Троянъ; онъ хочетъ сжечь корабли Троянъ, но они обращаются въ нимфъ и т. п.). Въ христіанскихъ поэмахъ высшія силы, составляющія чудесное эпопеи—Богъ и Ангелы, сатана, злые духи[2], волшебники и волшебницы (см. въ «Освоб. Іерусалимѣ») или аллегорическія олицетворенія отвлеченныхъ понятій (таковы въ „Генріадѣ" Вольтера Раздоръ, Политика, Фанатизмъ и т. п.).

5) Высказываются *личныя вѣрованія и убѣжденія поэта*. Такъ чувственное воззрѣніе на загробную жизнь — въ „Энеидѣ" идеализируется подъ вліяніемъ воззрѣній пиѳагорейцевъ и Платона (VI пѣснь «Энеиды»).

6) Встрѣчаются *намеки на современность*. Таковы въ „Энеидѣ"— игры устроенныя Энеемъ въ Акціумѣ; въ нихъ авторъ изобразилъ игры современнаго ему Рима; въ VI пѣснѣ выводятся души, ожидающія своего появленія въ міръ, и въ ихъ числѣ Августъ и другіе современники Виргилія; см. также «щитъ Энея» (стр. 147). Въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ»—намеки на домъ герцоговъ Эсте.

Въ формѣ:

1) Поэма обыкновенно начинается *вступленіемъ*, въ которомъ указывается содержаніе поэмы: Arma virumque cano въ „Энеидѣ", которая слѣдуетъ образцу Гомера: „Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына" въ Иліадѣ; «Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который странствуя долго...» и проч.—въ «Одиссеѣ»; Тассъ начинаетъ „Освобожденный Іерусалимъ" такимъ же указаніемъ содержанія: «Священнымъ бранямъ пѣсни гласъ и подвигамъ героя, который градъ Господень спасъ»; Вольтеръ въ „Генріадѣ": „Пою героя, царившаго надъ Франціей"... (Je

---

[1]) См. въ отд. «Описаній».—[2] См. отрывокъ 2-й изъ «Осв. Іерус.».

chante ce héros qui régna sur la France...) Ломоносовъ въ поэмѣ „Петръ Великій“:

„Пою премудраго россійскаго героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ попралъ противныхъ,
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивыхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И міръ дѣлами весь и зависть удивилъ“.

2) *Призваніе музы* было обычной принадлежностью искусственнаго эпоса, подражавшаго классическимъ. У Гомера: „Гнѣвъ, *богиня*, воспой“, „*Муза*, скажи мнѣ...“; у Виргилія: „*Муза*, напомни мнѣ...“ (Эн. I. 8).—Въ поэмахъ новаго времени призваніе музы замѣнялось иногда обращеніемъ къ олицетворенньмъ отвлеченнымъ понятіямъ. Таково въ «Генріадѣ» Вольтера обращеніе къ Истинѣ [1] въ «Петрѣ Великомъ» Ломоносова: „Къ тебѣ я вопію, *Премудрость* безконечна, пролей свой лучъ ко мнѣ... Ты мысль мнѣ просвѣти“ (ст. 9 и 23).

3) Такія поэмы имѣютъ *единство*, группируя содержаніе около одного важнѣйшаго событія. Таково основаніе государства въ „Энеидѣ“, завоеваніе Іерусалима въ „Освоб. Іерусалимѣ“. Единство не исключаетъ однако осложненія событій поэмы.

4) *эпизодами*, т. е. такими вводными событіями, которыя, сами составляя цѣлое, тѣмъ не менѣе примыкаютъ къ главному событію поэмы, нерѣдко какъ препятствія, замедляющія его движеніе. Таковы: упомянутая выше IV-я пѣснь „Энеиды“, приключенія рыцарей въ замкѣ Армиды въ „Освоб. Іерусалимѣ“ [2].

5) Начало поэмы по большей части вводитъ читателя *въ средину событія* (in medias res). Такъ въ I пѣснѣ «Энеиды» представляется герой на 7-мъ году пути въ Италію Вольтеръ начинаетъ „Генріаду“ съ посылки своего героя Генриха IV, тогда еще короля Наварскаго, къ Елисаветѣ Англійской съ просьбою о помощи противъ Лиги, начавшей осаду Парижа.—Предшествующія событія читатель узнаетъ изъ.

6) *разсказа* отъ лица героя, для сообщенія большей живости повѣствованію. Такъ въ «Энеидѣ» Эней повѣствуетъ Дидонѣ о разрушеніи Трои, отплытіи и странствованіяхъ; въ «Генріадѣ» Генрихъ разсказываетъ Елисаветѣ о бѣдствіяхъ Франціи; въ «Петрѣ Великомъ» герой повѣствуетъ настоятелю Соловецкаго монастыря о царевнѣ Софіи, о стрѣлецкихъ бунтахъ, о гибели Ивана Нарышкина, о вѣнчаніи Іоанна и Петра, о расколѣ Аввакума и бунтѣ Хованскаго (309—632).

Героическія поэмы, написанныя въ подраженіе классическимъ и имѣвшія наибольшее распространеніе въ XVII — XVIII вв., называются ложноклассическими. Героическія поэмы нашего вѣка сохраняютъ главную задачу—воспѣвать событіе важное, но отступаютъ отъ вышеуказанныхъ свойствъ героической поэмы. Такова «Полтава» Пушкина.

10. Поэма, содержаніе которой почерпается изъ области религіозныхъ идей, наз. религіозною. Таковы: «Божественная комедія» Данта († 1321) у Италіянцевъ (изображающая загробную жизнь въ аду, чистилищѣ и раю); «Потерянный рай» Мильтона († 1674) у Англичанъ (изображающій грѣхопаденіе первыхъ людей); «Мессіада» Клопштока († 1803) у Нѣмцевъ (прославляющая Мессію, торжествующаго надъ кознями Сатаны).

---

[1] Descends du haut des cieux, auguste Verité! Répands sur mes écrits ta force et ta clarté.—[2] См. отр. изъ п. X.

11. Сказанія среднихъ вѣковъ, возникшія въ средѣ романскихъ народовъ, дали начало романтическимъ поэмамъ, главное содержаніе которыхъ — сцены изъ рыцарской жизни; важнѣйшія чувства, здѣсь изображаемыя: *религіозное чувство*, *честь* и *любовь*. Эти поэмы отличаются отсутствіемъ полнаго единства, безпорядкомъ въ изложеніи многообразныхъ приключеній, причудливо сплетенныхъ другъ съ другомъ. Отсюда большое число пѣсенъ: въ „Неистовомъ Роландѣ" италіанскаго поэта Аріосто (✝ 1533) ихъ 46. Въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ" Тасса видимъ слѣды содержанія романтическихъ поэмъ и ихъ формы (обиліе эпизодовъ), при сохраненіи въ общемъ свойствъ героической поэмы.

Въ новое время романтическая поэма получила особую форму подъ перомъ англійскаго поэта Байрона (1788—1824). Такая ново-романтическая поэма у него есть—то краткій, то распространенный стихотворный разсказъ о событіяхъ изъ жизни вымышленнаго лица, не подчиненный никакимъ обычнымъ правиламъ поэмы, съ многочисленными отступленіями лирическаго характера. Главное вниманіе здѣсь обращается на сердечную жизнь героя. Таковы и поэмы Пушкина „Галубъ" (отрывки см. въ Хрестоматіи для III и IV кл.), „Кавказскій плѣнникъ" (тамъ же) „Братья разбойники" (тамъ же), „Цыганы";—Лермонтова „Мцыри".

12. Въ новѣйшее время господствующая эпическая форма—романъ и повѣсть (отличающаяся отъ романа меньшимъ объемомъ). Новѣйшіе романы и повѣсти преимущественно въ прозѣ. Если свое содержаніе они черпаютъ изъ исторіи, то наз. историческими [1]. Они отличаются отъ исторіи тѣмъ, что въ нихъ историческія лица свободно пересоздаются фантазіей поэта, нерѣдко значительно отступающей отъ исторической истины: историческій романъ и повѣсть могутъ изображать и вымышленныя личности, сохраняя лишь общія черты эпохи и нѣкоторыя событія [2]. По большей же части романъ и повѣсть изображаютъ событія вымышленныя, съ сохраненіемъ однако же особенностей нравовъ изображаемой среды. Таковы: „Евгеній Онѣгинъ" Пушкина, „Мертвыя души" Гоголя (по полнотѣ изображенной въ нихъ картины русскаго общества названныя имъ „поэмою"), „Герой нашего времени" Лермонтова и повѣсти Тургенева. Краткія повѣсти италіанскихъ поэтовъ, въ немногихъ рѣзкихъ чертахъ изображающія событія изъ жизни какого либо лица, наз. новеллами (такова новелла италіанскаго поэта Боккачіо (✝ 1375) „Гризельда", переведенная Батюшковымъ).

13. Идиллія (εἰδύλλιον, картинка), также называемая эклогою, есть поэтическое изображеніе сценъ изъ жизни людей, живущихъ въ ограниченной сферѣ интересовъ, вдали отъ общественныхъ и государственныхъ движеній. Пастухи, рыбаки, земледѣльцы и т. п. — вотъ обычныя дѣйствующія лица идиллій. Таковы древне-греческія идилліи Теокрита (III в. до Р. Х,), „Буколики" (эклоги) Виргилія; у насъ: идилліи Гнѣдича, Дельвига, „Старосвѣтскіе помѣщики" Гоголя.

14. Басня есть небольшой поучительный разсказъ, нерѣдко заимствующій свое содержаніе изъ животнаго эпоса, аллегорически представляющій людей подъ видомъ животныхъ или предметовъ неодушевленныхъ—съ цѣлію осмѣянія недостатковъ. По большей части смыслъ басни въ ней же и раскрывается: для того служитъ нравоученіе, помѣщаемое

---

[1] Таковы романы Лажечникова, „Капитанская дочка" и „Арапъ Петра Великаго" Пушкина (см. Хрест. для III и IV кл.), романы Вальтеръ-Скотта и др.—
[2] Такова повѣсть Гоголя „Тарасъ Бульба".

въ началѣ или въ концѣ басни. Знаменитѣйшимъ баснописцемъ древности считается Эзопъ (жизнь котораго относятъ къ VI в. до Р. Х.). Изъ русскихъ баснописцевъ извѣстнѣйшіе Хемницеръ (1744—1784), И. И. Дмитріевъ (1760—1837), и Крыловъ (1768—1844).

15. Баллада есть краткое стихотворное повѣствованіе подъ вліяніемъ возбужденнаго чувства (что́ и сближаетъ его съ лирическими произведеніями) о какомъ либо событіи, изъ котораго здѣсь избираются лишь важнѣйшіе моменты, отличающіеся единствомъ чувства, ими возбуждаемаго. Баллада, какъ и романъ, первоначально черпала свое содержаніе изъ средневѣковыхъ сказаній. Самое имя свое она усвоила отъ имени народныхъ пѣсенъ, называвшихся у Англичанъ и Шотландцевъ ballad, у Провансальцевъ ballade, у Италіанцевъ ballata [1]. И новѣйшая баллада по большей части черпаетъ содержаніе изъ области народныхъ преданій и вѣрованій. Наибольшей извѣстностью пользуются нѣмецкія баллады Бюргера („Ленора“), Уланда, Шиллера (изъ древней и средневѣковой жизни). Гете („Лѣсной царь“); изъ русскихъ балладъ — „Утопленникъ“ и „Бѣсы“ Пушкина [2].

II. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Поэтическое произведеніе, выражающее какое либо сердечное чувствованіе, съ цѣлію вызвать его и въ слушателяхъ или читателяхъ, называется лирическимъ. Первоначально лирическая поэзія бываетъ обрядовымъ выраженіемъ чувства, вызываемаго какимъ-либо явленіемъ быта. Но съ развитіемъ личной жизни, она становится выраженіемъ личнаго чувства поэта:

Лирическая поэзія выражаетъ чувства двояко:

а) Посредственно—повѣствуя о чемъ-либо или описывая предметы, при чемъ останавливается лишь на тѣхъ чертахъ событій и предметовъ, которыя вызываютъ выражаемое чувствованіе. Слѣдовательно повѣствованія и описанія лирическаго поэта вполнѣ субъективны и тѣмъ отличаются отъ эпическихъ, всегда болѣе или менѣе объективныхъ. Нерѣдко поэтъ влагаетъ собственныя чувства въ уста одного изъ изображаемыхъ имъ лицъ. Отсюда возможность трехъ формъ изложенія лирическаго произведенія: повѣствовательной, описательной и діалогической.

б) Непосредственно — когда произведеніе представляетъ прямое изліяніе чувства или выраженіе мысли, подчиненной чувству. Чаще всего лирическій поэтъ избираетъ при этомъ форму обращенія къ какому-либо лицу или предмету.

2. Лирическія произведенія имѣютъ всегда форму стихотворную, сохраняющую за ними музыкальность. Названіе свое они усвоили отъ струннаго инструмента — лиры (λύρα), игрою на которой древніе Греки сопровождали пѣніе большей части этихъ произведеній.

Народныя лирическія произведенія называются пѣснями. Онѣ носятъ названіе или по времени, когда поются (таковы напр. веснянки), или по предмету, который воспѣваютъ (колядки), или по тѣмъ обрядамъ, которые сопровождаются ихъ пѣніемъ (свадебныя, подблюдныя, похоронныя, или заплачки) [3] или по тому кругу, среди котораго поются (дѣтскія, солдатскія, разбойничьи). Лирическія

---

[1] Баллады Испанцевъ наз. романсами.—[2] См. въ хрестоматіи для III и IV классовъ. — [3] Сюда относятся и остатки древнихъ языческихъ моленій — заговоры.

пѣсни, выражающія религіозныя чувства и помышленія, называются духовными.

3. Важнѣйшіе виды искусственныхъ лирическихъ произведеній, носящіе особые термины, суть:

1) Пѣсня, какъ подражаніе народной пѣснѣ. Отъ того она отличается простотой, общедоступностью какъ самаго чувства, такъ и его выраженія, и краткостью. Изъ древнихъ поэтовъ искусственными пѣснями прославился теосскій поэтъ Анакреонъ (560—478 до Р. Х.). Предметъ его пѣсенъ—наслажденіе внѣшними благами жизни. Имя этого поэта усвоено новѣйшимъ стихотвореніямъ, воспѣвающимъ любовь и вино, которыя наз. анакреонтическими.

2) Ода (ᾠδή, пѣснь) отличается отъ пѣсни тѣмъ, что выражаетъ чувства поэта, вызванныя предметомъ, взятымъ не изъ обыденной обстановки, но имѣющимъ исключительную важность, какъ напр.: Божествомъ, величавымъ явленіемъ природы, искусства или государственной жизни, а также лицомъ, возбуждающимъ благоговѣніе [1]). Изъ этого вытекаетъ требованіе, чтобы она не была выраженіемъ единоличнаго чувства, но выражала настроеніе всего народа или общества, для котораго предназначается.

Знаменитѣйшимъ сочинителемъ одъ въ древней Греціи былъ Пиндаръ (род. 520 г. до Р. Х.), прославившійся своими эпиникіями (ἐπινίκια), хвалебными пѣснями въ честь побѣдителей при состязаніяхъ на играхъ; въ древнемъ Римѣ—Горацій (66—8 до Р. Х.). Въ періодъ развитія ложнаго классицизма сложилась теорія оды, возводившая въ правила тѣ свойства ея, какія находила у классическихъ поэтовъ. По этой теоріи ода должна была состоять изъ 1) приступа, внезапнаго или тихаго, смотря по тому, съ самаго ли начала поэтъ выражаетъ въ немъ сильную степень воодушевленія или приходитъ къ нему постепенно; 2) главной части— въ которой необходимымъ условіемъ ставился лирическій безпорядокъ, т. е. расположеніе мыслей вопреки логическому плану; тѣмъ не менѣе между отдѣльными мыслями должна быть тайная связь, состоящая въ единствѣ господствующаго чувства, которое не исключаетъ разнообразія картинъ и чувствъ; лирическій безпорядокъ требовалъ отступленій и порывовъ, выражаемыхъ не только эллипсисомъ отдѣльныхъ словъ, но и опущеніемъ цѣлыхъ мыслей; 3) заключенія, требовавшаго мыслей неожиданныхъ, поразительныхъ.—Языкъ такой оды долженъ быть украшенный сравненіями, олицетвореніями, восклицаніями и другими реторическими фигурами. Для олицетвореній ложноклассическая ода избирала образы изъ классической миѳологіи.

Новѣйшая ода, не слѣдуя этимъ правиламъ построенія и выраженія, остается свободнымъ выраженіемъ чувствъ и мыслей, возбуждаемыхъ предметомъ высокимъ.

3) Элегія. Этимъ именемъ называютъ стихотвореніе, выражающее грустное чувство, возбуждаемое противорѣчіемъ окружающей дѣйствительности съ мечтами поэта. Названіе свое элегія получила отъ одного вида греческихъ заплачекъ, называемаго ἔλεγος (отъ междометія ἒ ἒ (увы! увы!) и глагола λέγειν, говорить). Тибуллъ (43 до Р. Х.—20 по Р. Х.),

---

[1]) Еврейская поэзія представляетъ образцы этого рода пѣсенъ, называемыхъ псалмами.—Древне-греческія пѣсни въ честь языческихъ божествъ наз. гимнами (ὕμνος). У насъ это имя усвоено пѣсни, имѣющей форму молитвы за царя. Древнегреческая пѣснь въ честь божества (преимущ. *Діониса*), отличавшаяся высшей степенью одушевленія, называлась диѳирамбомъ (διθύραμβος).

Проперцій (48—22 до Р. Х.) и Овидій (43 до Р. Х.—17 по Р. Х.)—знаменитѣйшіе римскіе элегики; у насъ лучшія элегіи принадлежатъ Жуковскому, Батюшкову и Пушкину.

4) Сатира. Этотъ родъ стихотвореній получилъ начало у Римлянъ, у которыхъ именемъ сатиры [1]) первоначально назывались піесы, состоявшія изъ смѣшенія разнообразныхъ стихотвореній; позднѣе же, во времена имперіи, этимъ именемъ стали называться стихотворенія преимущественно повѣствовательной формы, въ которыхъ выражается насмѣшка или негодованіе, вызванныя противорѣчіемъ дѣйствительности съ идеаломъ поэта. Таковы сатиры Горація, Персія (34—62 по Р. Х.) и Ювенала (42—120 по Р. Х.). Изъ русскихъ сатиръ лучшія принадлежатъ Кантемиру (1708—1744) и И. И. Дмитріеву.

5) Надписи и эпиграммы. Мадригалъ. Краткое стихотворное изреченіе, мѣтко выражающее проникнутую чувствомъ мысль о какомъ-либо лицѣ, наз. надписью. У Грековъ такъ (ἐπίγραμμα) называлась надпись на памятникѣ, на дарахъ приносимыхъ богамъ; писались также надписи къ произведеніямъ искусства. Онѣ заключали имя того, кому посвящались, и выражали чувства, возбуждаемыя памятникомъ или тѣмъ лицомъ, имя котораго заключалось въ надписи. Онѣ отличались остроуміемъ и фигуральною формою выраженія: антитезой или гиперболой. Въ настоящее время эпиграммой называется краткое насмѣшливое стихотвореніе. Къ надписямъ же относится мадригалъ (съ итал.), нынѣ устарѣвшій родъ краткаго стихотворенія, имѣющій форму обращенія къ какому-либо лицу и выражающій нѣжное чувствованіе.

6) Антологическими стихотвореніями называются такія, которыя какъ по формѣ стиха (преимущественно дактилическаго), такъ и по простотѣ и пластичности образовъ (большею частію заимствуемыхъ изъ античной миѳологіи), напоминаютъ краткія піесы стихотворныхъ сборниковъ въ греческой литературѣ позднѣйшаго періода, носившихъ названіе *антологій* (отъ ἀνθολογία, букетъ цвѣтовъ).

7) Сонетъ (итал. sonetto, пѣсенка) есть лирическое стихотвореніе изъ 14 стиховъ (по большей части ямбическихъ), раздѣляющееся на 2 части, изъ коихъ 1-я состоитъ изъ 2 четырехстишій (кватринъ) съ двумя парами риѳмъ (по формулѣ abba или abab); другая—изъ 2-хъ трехстишій (терцинъ) съ 2 (по ф. aba, bab) или 3-мя (по ф. aab, cbc) риѳмами. Всемірную извѣстность заслужили сонеты итальянскаго поэта Петрарки (1304—1374).

8) Тріолетъ (итал.)—также условная форма лирич. стихотворенія; онъ состоитъ изъ 8 стиховъ, при чемъ 4-й стихъ есть повтореніе 1-го, а два послѣднихъ—повтореніе 2-хъ первыхъ.

III. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. Въ драмѣ изображается событіе совершающимся въ настоящемъ, во-очію, чѣмъ она и отличается отъ эпоса. Цѣль такого изображенія—воздѣйствовать на душу тѣхъ, для кого драма предназначается, чрезъ непосредственное созерцаніе ими дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя избраны поэтомъ къ участію въ изображаемомъ событіи.

Для такого непосредственнаго воздѣйствія необходима близость, на-

[1]) Отъ *satura* (особый родъ кушанья *смѣшаннаго* (Satura et cibi genus dicitur ex rebus conditum. Paul. Diac.).

личность событія. Вотъ почему драма имѣетъ свою особенную форму, при которой поэтъ, не говоря отъ себя, заставляетъ дѣйствовать и говорить лишь самихъ дѣйствующихъ: она имѣетъ форму діалогическую [1]) и предназначается для сценическаго исполненія [2]. (см. объ этомъ статьи Крюкова и Бѣлинскаго въ отд. разсужденій).

2. Если цѣль поэта вызвать въ зрителѣ *страхъ и состраданіе* (см. ниже извлеченіе изъ поэтики Аристотеля), то онъ избираетъ и событіе, способное вызвать эти чувства, т. е. такое, въ которомъ представляется страданіе сильной души; если же цѣль поэта вызвать *смѣхъ* (серьёзный, глубокій, чистый и всепрощающій—см. послѣдній монологъ въ „Разъѣздѣ“ Гоголя), то онъ избираетъ такое событіе, въ которомъ представляются усилія ничтожныхъ людей, движимыхъ низменными чувствами. Въ первомъ случаѣ произведеніе называется трагедіей, во второмъ—комедіей.

Цѣль трагедіи—очищеніе чувствъ зрителя при непосредственномъ созерцаніи величавой борьбы; цѣль комедіи возвышеніе чувствъ при непосредственномъ созерцаніи безплодности пошлыхъ и ничтожныхъ стремленій, неразумно принимаемыхъ за существенное въ жизни.

Чтобы впечатлѣніе отъ изображаемаго событія было полно, то всѣ дѣйствія драмы должны быть сосредоточены вокругъ одного главнаго дѣйствія, не разсѣивая чувствъ зрителя зрѣлищемъ многихъ дѣйствій. Такое условіе драмы называется единствомъ дѣйствія.

Избранное драматургомъ событіе должно быть такое, которое въ состояніи возбудить всѣ нравственныя силы дѣйствующихъ лицъ—слѣдовательно событіе необыденное, но способное совершить важное измѣненіе въ судьбѣ ихъ: въ трагедіи избирается событіе, вызывающее героя на такую борьбу, въ которой онъ погибаетъ; въ комедіи—событіе ставитъ героя въ положеніе, которое грозитъ ему лишеніемъ мнимыхъ благъ, къ коимъ стремится онъ въ жизни.

Положеніе и судьба дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ изображается истекающею изъ характеровъ ихъ („каждый носитъ судьбу свою въ собственной груди.“) Отсюда важность психологическаго элемента драмы. Но проявить себя во всей полнотѣ характеръ можетъ лишь при извѣстномъ столкновеніи (коллизіи), которое ставитъ его въ положеніе, называемое драматическимъ: отсюда—первенствующая важность самаго событія, положеннаго въ основаніе драмы. Изъ жизни героя избирается лишь одна извѣстная эпоха съ того момента, когда начинается подготовленіе событія, которому суждено совершить роковой переломъ въ его жизни. Этимъ объясняется экономія при выборѣ фактовъ изъ жизни дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ, сравнительно съ выборомъ ихъ въ эпическомъ произведеніи, нерѣдко допускающемъ значительное число эпизодовъ, и экономія при избраніи второстепенныхъ лицъ, нужныхъ для цѣлесообразнаго хода дѣйствія.

3. Греческая трагедія образовалась изъ диѳирамба, который пѣлся на празднествахъ въ честь Діониса (діонисіяхъ). Сначала диѳирамбы пѣлись безъ всякаго строго опредѣленнаго порядка, впослѣдствіи же полу-

---

[1]) Дума дѣйствующаго лица высказывается въ монологѣ. Обыкновенно монологъ помѣщается между знаменательными моментами дѣйствія, и въ началѣ монолога выражается душевное состояніе героя, какъ результатъ предшествующаго момента, въ концѣ же—душевное состояніе, какъ условіе дальнѣйшихъ дѣйствій героя. — [2] Описательному элементу эпоса въ драмѣ соотвѣтствуютъ сценическая обстановка (декораціи, освѣщеніе и бутафорскія вещи, костюмы, гримировка); полноту воплощенія лицамъ драмы сообщаютъ актеры помощію мимики (выразительныхъ движеній лица и тѣлодвиженій).

чили форму искусственныхъ пѣснопѣній хора, сопровождавшихся мимическими тѣлодвиженіями. Въ такихъ диѳирамбахъ выражалась и восторженная радость, и глубокая скорбь—послѣдняя при зимнихъ діонисіяхъ. Отъ нихъ-то получила начало трагедія. Слово трагедія (τραγῳδία) происходитъ отъ имени жертвеннаго животнаго (τραγός, козелъ, ᾠδή, пѣснь), которое сжигалось на алтарѣ въ то время, какъ хоръ пѣлъ около него пѣснь, воспѣвавшую страданія Діониса. Въ Аѳинахъ Ѳесписъ (современникъ Солона) ввелъ для исполненія диѳирамба актера, рѣчи котораго чередовались съ пѣніемъ хора. Во время Эсхила, Софокла и Эврипида (V в. до Р. Х.) трагедія обогатилась введеніемъ втораго и третьяго актера[1], при чемъ хоръ значительно сократился. Тогда же введенъ обычай, чтобы трагическіе поэты являлись на состязаніе съ четырьмя драматическими произведеніями (тетралогіей): тремя трагедіями (трилогіей), содержаніе которыхъ заимствовалось изъ одного и того же миѳа,—и одной сатирической піесой. Дѣйствіе воспроизводилось на сценѣ (σκηνή) театра; хоръ же помѣщался въ орхестрѣ (ὀρχήστρα), гдѣ находился жертвенникъ Діониса—θυμέλη. Въ эту эпоху высшаго развитія драматической поэзіи, хоръ, уступившій главное исполненіе трагедіи дѣйствующимъ на сценѣ актерамъ, получилъ значеніе второстепеннаго коллективнаго лица піесы, и наконецъ—зрителя, со стороны наблюдающаго за дѣйствіемъ и время отъ времени выражающаго своимъ пѣніемъ участіе къ судьбѣ дѣйствующихъ на сценѣ лицъ или размышляющаго по поводу того, что совершается на сценѣ; въ этомъ видѣ онъ служилъ руководителемъ чувствами зрителей, представляя какъ бы идеальнаго зрителя. Текстъ древней трагедіи состоитъ изъ пролога (πρόλογος), эпизодовъ (ἐπεισόδιον, выходъ), пародоса (πάροδος)—первой пѣсни, съ которой вступалъ хоръ въ орхестру, стасимоновъ (στάσιμον, стояніе)—послѣдующихъ пѣсенъ хора и эксода (ἔξοδος, выходъ), послѣ котораго уже хоръ не пѣлъ болѣе. Согласно религіозному происхожденію, трагедія поставляла своею цѣлію поэтическое выраженіе высшихъ идей—религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ. Отъ веселыхъ пѣсенъ, сопровождавшихъ празднество въ честь Діониса во время сбора винограда, произошла комедія (κῶμος, увеселеніе, и ᾠδή пѣснь). Высшаго развитія достигла она у Грековъ при Аристофанѣ (V в. до Р. Х.)

Въ средніе вѣка (уже съ V вѣка) въ Западной Европѣ изъ символическаго богослуженія и религіозныхъ процессій развились зрѣлища, въ которыхъ участвовавшіе костюмировались библейскими лицами; такъ замѣнены были первоначально употреблявшіяся въ этихъ зрѣлищахъ куклы или маріонетки (двигающіяся куклы, отъ Marionette, уменьшит. имени Дѣвы Маріи). Изъ церковныхъ обрядовъ (обрядъ—ministerium), произошли духовныя представленія—мистеріи. Такова—рождественская мистерія, образовавшаяся изъ вертепнаго обряда (сценическаго изображенія Рождества Христова въ вертепѣ). Мистеріи, оставивъ стѣны церкви, были перенесены на площадь, гдѣ въ исполненіи ихъ приняли участіе міряне. Содержаніе свое они черпали изъ св. Писанія, житій святыхъ и легендъ. При ихъ исполненіи устраивалась трехъярусная сцена (для изображенія земли, рая и ада). Мало по малу въ духовныя зрѣлища стали входить сцены свѣтскаго содержанія; лица, дѣйствующія въ аду, обратились въ комическія. Но независимо отъ мистерій, странствующіе пѣвцы представляли фарсы, воспроизводившіе сцены обыденной жизни. На-ряду съ эти-

---

[1]) При еще большемъ числѣ лицъ—нѣсколько изъ нихъ исполнялись однимъ актеромъ. Женскія роли исполнялись мужчинами. Актеры надѣвали костюмы, котурны (высокую обувь) и маски.

ми импровизированными піесами является литературная комедія, сначала какъ подражаніе римскимъ комедіямъ Плавта и Теренція. При дворахъ герцоговъ и папъ уже съ XIV в. представлялись подражанія классическимъ драматическимъ произведеніямъ. Въ XVI в. нѣмецкій народный поэтъ Гансъ Саксъ внесъ въ свои произведенія содержаніе изъ свѣтскихъ повѣстей, осмѣивая беззаконіе судей, злоупотребленія духовенства..... Полнаго развитія драма достигла въ Англіи въ лицѣ Вильяма Шекспира (1564—1616).

Въ Россіи обряды, имѣвшіе сценическій характеръ, назывались дѣйствами. Таковы: пещное дѣйство (изображавшее вверженіе трехъ отроковъ въ вавилонскую пещь и избавленіе ихъ ангеломъ), совершавшееся въ храмахъ по многимъ городамъ съ XVI в.; шествіе чрезъ площадь на осляти, совершавшееся въ Москвѣ въ Вербное Воскресенье (оно изображало входъ Спасителя въ Іерусалимъ); въ немъ принимали участіе патріархъ, а и иногда и самъ царь,—архіереи и воеводы; дѣйство страшнаго суда, въ воскресенье передъ масляницей, въ Москвѣ на площади за алтаремъ Успенскаго собора. Изъ Польши перешелъ въ южнорусскія школы обычай исполнять духовныя драмы подъ руководствомъ наставниковъ и ходить съ вертепомъ (небольшимъ кукольнымъ театромъ) по домамъ для представленія рождественской драмы, сопровождая эти представленія соотвѣтствующими діалогами и пѣніемъ кантовъ (религіозныхъ пѣсенъ). Симеонъ Полоцкій (†1682) и Дмитрій Ростовскій (1651—1709) писали духовныя драмы. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ пасторъ Грегори устроилъ въ Москвѣ театральныя представленія и обучалъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей и торговыхъ иноземцевъ „комедійному дѣлу“ для представленія драмъ, преимущественно духовныхъ.

Въ XVIII в. представленія при русскомъ дворѣ водворили ложноклассическую трагедію и комедію, имѣвшіе во Франціи особую теорію.

Сущность ложно-классической теоріи состоитъ въ подражаніи формамъ древнегреческой драмы. Ученіе Аристотеля о драмѣ толковалось этой теоріей крайне односторонне и искажалось: единство дѣйствія понималось какъ соединеніе событій, имѣющихъ отношеніе къ одному лицу, хотя бы они другой связи не имѣли, будучи даже случайны. Что̀ до единства времени, то ложно-классическая теорія, опираясь на замѣчаніе Аристотеля, что *позднѣйшіе* греческіе трагики старались *по возможности* заключать дѣйствіе въ круговоротъ солнца или же немного переступать этотъ предѣлъ времени, поставила это единство непреложнымъ правиломъ, дабы достигнуть правдоподобія; о единствѣ мѣста у Аристотеля не упоминается вовсе; тѣмъ не менѣе и оно сочтено необходимымъ условіемъ, дабы придать сценическому представленію мнимое правдоподобіе. Такія условныя правила породили многія натяжки, нарушавшія живое воспроизведеніе дѣйствія; такъ, многое изъ событія, воспроизводимаго драмой, излагалось *въ разсказъ* кого-либо изъ дѣйствующихъ, для чего выводились безцвѣтныя и для хода дѣйствія не нужныя лица (такъ называемые наперсники и наперсницы героевъ и героинь).

Представителемъ русской ложно-классической трагедіи былъ Сумароковъ (1717—1777). Его трагедіи исполнялись сначала кадетами шляхетскаго корпуса во дворцѣ Императрицы Елисаветы Петровны. Въ 1746 г. ярославскій актеръ Волковъ учредилъ въ Ярославлѣ русскій театръ: вызванный въ Петербургъ Волковъ былъ назначенъ директоромъ вновь основаннаго въ Петербургѣ, въ 1756 г., постояннаго театра. При содѣйствіи Сумарокова былъ вскорѣ основанъ театръ и въ Москвѣ. Знаменитѣйшимъ писателемъ комедій въ XVIII в. былъ Фонъ-Визинъ (1745—1792). Новѣй-

шую русскую трагедію создалъ Пушкинъ („Борисъ Годуновъ“, „Скупой рыцарь“, „Каменный гость“), оставившій путь ложно-классическій и очистившій свой вкусъ изученіемъ произведеній Шекспира. Лучшія комедіи нашего времени—„Горе отъ ума“ Грибоѣдова и „Ревизоръ“ Гоголя.

О ТРАГЕДІИ.

(Извлеченіе изъ поэтики Аристотеля). *

Трагедія есть подражаніе единому, въ себѣ замкнутому дѣйствію,—дѣйствію важному и имѣющему опредѣленную величину; это дѣйствіе не передается посредствомъ эпическаго разсказа, но лица, принимающія въ немъ участіе, являются сами дѣйствующими. Цѣль трагедіи—возбудить состраданіе и страхъ (дабы возбужденіемъ этихъ чувствъ производить очищеніе ихъ).

Поэт. VI, 2: *Трагедія есть подражаніе дѣйствію важному и законченному, имѣющему величину; подражаніе дѣйствующимъ* (во-очію), *а не въ разсказѣ, посредствомъ состраданія* (δὶ ἐλέου) *и страха* (φόβου) *совершающее очищеніе* (κάθαρσιν) *этихъ чувствъ* [1]).

„Подражаніе“—μίμησις. Это слово встрѣчается и у Платона въ значеніи художественнаго „изображенія“ (ὀбразнаго представленія—ἀπεικασία).

Поэт. I, 2: *Эпопея, трагедія и комедія, диѳирамбическая поэзія и большая часть авлетики и киѳаристики* (тотъ родъ музыки, который подражаетъ движеніямъ души)—*всѣ вообще состоятъ въ подражаніи* [2]).

Что̀ же служитъ предметомъ подражанія? Что̀ изображается?—Дѣйствующій человѣкъ.

Поэт. II, 1: *Подражающіе подражаютъ дѣйствующимъ* [3]).

И трагедія представляетъ дѣйствіе. Свойственное трагедіи дѣйствіе состоитъ изъ ряда событій, внутренно связанныхъ между собою; ихъ связываетъ между собой μῦθος, фабула трагедіи.

Поэт. VI, 6: *Подражаніе же дѣйствію есть миѳъ. Миѳомъ называю совокупленіе дѣйствій* [4]).

Для изображенія дѣйствія поэты конечно изображаютъ и характеры; дѣйствующія лица должны выражать свой образъ мыслей; ихъ рѣчи передаются въ метрической формѣ; къ этому присоединяется представленіе на театрѣ и музыка (пѣніе): но все же главная цѣль трагедіи дѣйствіе; главное содержаніе ея жизнь человѣческая—счастіе и несчастіе. Характеры, изреченія и прекрасное произношеніе еще не составляютъ трагедіи: душа и сущность трагедіи, ея задача,

---

* Изложеніе по Лаасу; цитаты по Ордынскому.

1) Ἔστιν τραγῳδία μίμησις πράξεως σπουδαίας καὶ τελείας, μέγεθος ἐχούσης, δρώντων καὶ οὐ δι' ἀπαγγελίας, δι' ἐλέου καὶ φόβου περαίνουσα τὴν τῶν τοιούτων παθημάτων κάθαρσιν.

2) Πᾶσαι (ἐποποιία, ἡ τῆς τραγῳδίας ποίησις, κωμῳδία, ἡ διθυραμβοποιητική, τῆς αὐλητικῆς ἡ πλείστη καὶ κιθαριστικῆς) τυγχάνουσιν οὖσαι μιμήσεις τὸ σύνολον.

3) Μιμοῦνται οἱ μιμούμενοι πράττοντας.

4) Ἔστι τῆς πράξεως ὁ μῦθος ἡ μίμησις. Λέγω γὰρ μῦθον τοῦτον τὴν σύνθεσιν των πραγμάτων.

цѣль, conditio sine qua non—есть дѣйствіе, заключающееся въ фабулѣ. Характеры же занимаютъ второе мѣсто.

Поэт. VI, 7: *Во всякой трагедіи необходимо должно быть шесть условій... Условія эти суть: миѳъ, характеръ, рѣчь, образъ мыслей, сценическая постановка и пѣсенная часть* [1].—9: *Самое важное изъ этихъ условій—совокупленіе дѣйствій (слѣдовательно миѳъ), ибо трагедія есть подражаніе не людямъ, а дѣйствію, жизни—счастію и несчастію* [2] — 10: *Цѣль трагедіи дѣйствіе, а не качество... Итакъ въ трагедіи дѣйствуютъ не для того, чтобы подражать характерамъ, но чрезъ посредство дѣйствій трагедія захватываетъ и характеры: такъ что дѣйствія и миѳъ—цѣль трагедіи. А цѣль важнѣе всего* [3].—11: *При томъ, безъ дѣйствія невозможна трагедія, а безъ характеровъ возможна* [4]... 12: *Если кто расположитъ одну за другой характерныя рѣчи, изреченія, мысли, искусно придуманныя, то конечно выполнитъ назначеніе трагедіи* [5]... 14: *Начало и, такъ сказать, душа трагедіи есть миѳъ; второе за нимъ мѣсто занимаютъ характеры* [6].

Дѣйствію же, характерамъ и образу мыслей, выражающемуся въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, подчинена красота выраженія; слово не должно быть блестящимъ; иначе оно помрачитъ главнѣйшее.

Поэт. XXIV: *Слишкомъ блестящая рѣчь заслоняетъ характеры и мысли* [7].

Подчиненное значеніе имѣетъ и сценическая обстановка. Однако же надо признать, что именно въ созерцаніи развертывающагося во-очію дѣйствія заключается нѣчто очень пріятное, даже чарующее. Кромѣ того, исполненіе на сценѣ даетъ хорошее мѣрило сценичности и правдоподобія дѣйствія; удобнѣе произнести сужденіе о совершающемся, когда рѣзче выступитъ соотвѣтственное и несоотвѣтственное тому, что хотѣлъ выразить поэтъ; впечатлѣніе отъ лицъ костюмированныхъ сильнѣе; иллюзія усиливается.

Поэт. VI, 4: *Такъ какъ подражаніе въ трагедіи производятъ дѣйствуя, то первымъ условіемъ трагедіи необходимо будетъ сценическое представленіе* [8].—XVII, 1,2: *Слѣдуетъ миѳы сочинять и выражать соотвѣтственной рѣчью, представляя ихъ живо передъ глазами. Тогда ясно ви-*

---

[1]) Ἀνάγκη πάσης τραγῳδίας μέρη εἶναι ἕξ· ταῦτα δ'ἐστὶ μῦθος καὶ ἤθη καὶ λέξις καὶ διάνοια καὶ ὄψις καὶ μελοποιία.

[2]) Μέγιστον δὲ τούτων ἐστὶν ἡ τῶν πραγμάτων σύστασις. ἡ γὰρ τραγῳδία μίμησις ἐστὶν οὐκ ἀνθρώπων ἀλλὰ πράξεως καὶ βίου καὶ εὐδαιμονίας καὶ κακοδαιμονίας.—[3]) Τὸ τέλος πρᾶξίς τίς ἐστίν, οὐ ποιότης οὔκουν ὅπως τὰ ἤθη μιμήσωνται πράττουσιν, ἀλλὰ τὰ ἤθη συμπαραλαμβάνουσι διὰ τὰς πράξεις. ὥστε τὰ πράγματα καὶ ὁ μῦθος τέλος τῆς τραγῳδίας· τὸ δὲ τέλος μέγιστον ἁπάντων.—[4]) Ἔτι ἄνευ μὲν πράξεως οὐκ ἂν γένοιτο τραγῳδία, ἄνευ δὲ ἠθῶν γένοιτ' ἄν... [5]) Ἔτι ἐάν τις ἐφεξῆς θῇ ῥήσεις ἠθικὰς καὶ λέξεις καὶ διανοίος εὖ πεποιημένας, οὐ ποιήσει, ὃ ἦν τῆς τραγῳδίας ἔργον.—[6]) Ἀρχὴ μὲν οὖν καὶ οἷον ψυχὴ ὁ μῦθος τῆς τραγῳδίας, δεύτερον δὲ τὰ ἤθη.

[7]) Ἀποκρύπτει ἡ λίαν λαμπρὰ λέξις τά τε ἤθη καὶ τὰς διανοίας.

[8]) Ἐπεὶ πράττοντες (выше δρῶντες) ποιοῦνται τὴν μίμησιν, πρῶτον μὲν ἐξ ἀνάγκης ἂν εἴη τι μόριον τραγῳδίας ὁ τῆς ὄψεως κόσμος.

димъ и, такъ сказать, присутствуемъ при самомъ дѣйствіи [1].... *Даже жестами нужно, сколько возможно, содѣйствовать вымыслу: кто уже по природѣ страстенъ, какъ и выводимое лицо—тотъ болѣе возбуждаетъ довѣрія къ вымыслу* [2].

Тѣмъ не менѣе сценическая постановка лежитъ внѣ области искусства поэта; она показываетъ болѣе искусство режиссера и машиниста. Для того, чтобы оцѣнить трагедію, нѣтъ необходимости при состязаніи ставить ее на сцену.

Поэт. VI. 19: *Сценическое представленіе.. есть вещь, лежащая внѣ области искусства (нами разсматриваемаго) и очень мало относится къ поэзіи; ибо трагедія должна оказать дѣйствіе и безъ сценическаго представленія и безъ актеровъ. Притомъ успѣхъ сценическій требуетъ болѣе искусства машиниста, нежели поэта* [3].

Гораздо достойнѣе поэта—вызвать чувства состраданія и страха самимъ дѣйствіемъ, а не ожидать возбужденія ихъ отъ сценической обстановки; и безъ представленія на сценѣ содержаніе произведенія должно возбуждать въ слушателѣ страхъ и состраданіе, какъ напр. въ Эдипѣ Софокла.

Поэт. XIV, 1: *Ужасное и жалостное можетъ происходить отъ сценическаго представленія, можетъ—и отъ самаго совокупленія дѣйствій: послѣднее выше и обличаетъ болѣе совершеннаго поэта. Миѳъ долженъ быть сочиненъ такъ, чтобъ и безъ помощи наглядности, отъ самаго хода событій, слушающій и содрагался бы и соболѣзновалъ. Это испытаетъ на себѣ всякій, слушая фабулу Эдипа* [4].—2: *Достигать того помощію сценическаго представленія — менѣе художественно...* [5] 3: *А такъ какъ удовольствіе, проистекающее отъ жалости и ужаса, слѣдуетъ поэтому производить посредствомъ подражанія, то очевидно—слѣдуетъ производить его дѣйствіями* [6].

Нѣтъ мѣста въ драматическомъ искусствѣ для тѣхъ, кто стремится роскошью обстановки привести зрителей въ безсмысленное изумленіе; они-то и отвлекаютъ отъ своеобразнаго наслажденія, свойственнаго

---

[1]) Δεῖ τοὺς μύθους συνιστάναι ὅτι μάλιστα προ ὀμμάτων τιθέμενον. οὕτω γὰρ ἂν ἐναργέστατα ὁ ὁρῶν ὥσπερ παρ' αὐτοῖς γιγνόμενος τοῖς πραττομένοις... [2]) Ὅσα δὲ δυνατὸν καὶ τοῖς σχήμασι συναπεργαζόμενον (δεῖ τοὺς μύθους συνιστάναι...). πιθανώτατοι γὰρ ἀπὸ τῆς αὐτῆς φύσεως οἱ ἐν τοῖς πάθεσίν εἰσι καὶ χειμαίνει ὁ χειμαζόμενος καὶ χαλεπαίνει ὁ ὀργιζόμενοσ ἀληθινώτατα.

[3]) Ἡ ὄφις ἀτεχνότατον καὶ ἥκιστα οἰκεῖον τῆς ποιτικῆς· ἡ γὰρ τῆς τραγῳδίας δύναμις καὶ ἄνευ ἀγῶνος καὶ ὑποκριτῶν ἐστιν. ἔτι δὲ κυριωτέρα περὶ τὴν ἀπεργασίαν τῶν ὄφεων ἡ τοῦ σκευοποιοῦ τέχνη τῆς τῶν ποιητῶν ἐστιν.

[4]) Ἔστι τὸ φοβερόν καὶ ἐλεεινόν ἐκ τῆς ὄφεως γίνεσθαι, ἔστι δὲ καὶ ἐξ αὐτῆς τῆς συστάσεως τῶν πραγμάτον, ὅπερ ἐστὶ πρότερον καὶ ποιητοῦ ἀμείνονος. δεῖ γὰρ καὶ ἄνευ τοῦ ὁρᾶν οὕτω συνεστάναι τόν μῦθον ὥστε τὸν ἀκούοντα τὰ πράγματα γινόμενα καὶ φρίττειν καὶ ἐλεεῖν ἐκ τῶν συμβαινόντων· ἅπερ ἂν πάθοι τις ἀκούων τὸν τοῦ Οἰδίροδος μῦθον.—[5]) Τὸ δὲ διὰ τῆς ὄφεως τοῦτο παρασκευάζειν ἀτεχνότερον καὶ χορηγίας δεόμενόν ἐστιν.—[6]) Ἐπεὶ τὴν ἀπ' ἐλέου καὶ φόβου διὰ μιμήσεως δεῖ ἡδονὴν παρασκευάζειν τὸν ποιτήν, φανερὸν ὡς τοῦτο ἐν τοῖς πράγμασιν ἐμποιητέον.

трагедіи, потому что оно состоитъ въ чувствахъ страха и состраданія, которыя должны быть возбуждаемы самимъ дѣйствіемъ.

Поэт. XIV, 2: *А производящіе сценическимъ представленіемъ не ужасное, а только чудесное, и вовсе ничего не смыслятъ въ трагедіи. Отъ трагедіи нужно требовать не всякаго, какое придется, удовольствія, но ей свойственнаго* [1]).

Существенная цѣль трагедіи достигается и безъ актеровъ, безъ матеріальныхъ пособій, безъ тѣлодвиженій—лишь простымъ чтеніемъ.

Поэт. XXVI, 3: *Трагедія и безъ тѣлодвиженій исполняетъ свое дѣло, равно какъ и эпопея; и въ чтеніи открываются ея достоинства и недостатки* [2]).

Итакъ фабула, дѣйствіе—главная задача, душа и основа трагедіи. Въ фабулѣ слѣдуетъ различать завязку и развязку. Въ началѣ піесы представляются извѣстное положеніе, извѣстныя обстоятельства; къ нимъ въ извѣстное отношеніе поставлены охарактеризованныя лица съ различными другъ другу противорѣчащими стремленіями; событія развиваются изъ этихъ отношеній, изъ соприкосновенія этихъ лицъ между собою; возникаетъ сплетеніе обстоятельствъ, которое къ концу разрѣшается, производя глубокое вліяніе на счастіе или несчастіе дѣйствующихъ лицъ; въ продолженіе всей піесы зритель находится въ напряженномъ ожиданіи развязки; совершится ли она къ счастію или несчастію?—вотъ вопросъ, все время стоящій передъ нимъ; съ интересомъ слѣдитъ онъ за теченіемъ событій, пока наконецъ наступаетъ исходъ, по большей части согласно тому, какъ онъ то предвидѣлъ съ чувствомъ радости или опасенія.

Событія, содѣйствующія завязкѣ, частію находятся внѣ сферы дѣйствій піесы; въ Эдипѣ даже совсѣмъ внѣ ея.

Поэт. VII, 1: *Скажемъ, какое должно быть совокупленіе дѣйствій, потому что оно есть первый и самый главный элементъ трагедіи....* [3]). XXVIII, 1: *Во всякой трагедіи двѣ части: завязка и развязка. То, что внѣ трагедіи, иногда же и то, что входитъ въ нее—завязка, прочее—развязка* [4]).

Развязкой называется все, начиная оттуда, гдѣ совершается поворотъ дѣйствія къ катастрофѣ; этому повороту предшествуетъ завязка. Завязка и развязка, сходныя у двухъ трагедій, дѣлаютъ тождественными и самыя трагедіи; отъ различія ихъ происходитъ и различіе самихъ трагедій.

Поэт. XVIII, 1: *Я говорю: завязка есть то, что идетъ отъ начала до того предѣла, откуда совершается переходъ къ несчастію или счастію; развязка—то, что происходитъ отъ начала этого поворота до конца*“ [5]).

---

1) Οἱ μὴ τὸ φοβερὸν διὰ τῆς ὄψεως ἀλλὰ τὸ τερατῶδες μόνον παρασκευάζοντες οὐδὲν τραγῳδίᾳ κοινωνοῦσιν· οὐ γὰρ πᾶσαν δεῖ ζητεῖν ἡδονὴν ἀπὸ τῆς τραγῳδίας, ἀλλὰ τὴν οἰκειαν.

2) Ἡ τραγῳδία καὶ ἄνευ κινήσεων ποιεῖ τὸ αὑτῆς, ὥσπερ ἡ ἐποποιια. διὰ γὰρ τοῦ ἀναγινώσκειν φανερὰ ὁποία τίς ἐστιν.

3) Λέγωμεν μετὰ ταῦτα ποίαν τινὰ δεῖ τὴν σύστασιν εἶναι τῶν πραγμάτων, ἐπειδὴ τοῦτο καὶ πρῶτον καὶ μέγιστον τῆς τραγῳδίας ἐστίν.—4) Ἔστι πάσης τραγῳδίας τὸ μὲν δέσις (πλοκὴ), τὸ δε λύσις, τὰ μὲν ἔξωθεν καὶ ἔνια τῶν ἔσωθεν πολλάκις ἡ δέσις, τὸ δὲ λοιπὸν ἡ λύσις.

5) Λέγω δὲ δέσιν μὲν εἶναι τὴν ἀπ' ἀρχῆς μέχρι τούτο τοῦ μέρους ὃ ἔσχατόν

Трагедія есть подражаніе. Каково же ея отношеніе къ дѣйствительности, къ исторіи, сказанію? Историкъ держится голаго факта, поэтъ передаетъ вѣроятное и внутренне необходимое; онъ даже предпочитаетъ вѣроятное невозможное (физически невозможное) невѣроятному возможному.

Поэт. IX, 1: *Дѣло поэта передавать не столько дѣйствительно случившееся, сколько то, что могло бы случиться, т. е. возможное по вѣроятію или необходимости* [1] — 2: (Историкъ и поэтъ) *различаются тѣмъ, что одинъ передаетъ, что дѣйствительно произошло, другой же—какъ что либо произойти можетъ* [2].—XXV: *Относительно требованій самой поэзіи вѣроятное невозможное предпочтительнѣе невѣроятнаго возможнаго* [3]—XXIV: *Слѣдуетъ и невозможное вѣроятное предпочитать возможному невѣроятному* [4].

Поэзія никогда не даетъ единичнаго, которое часто бываетъ слѣдствіемъ совершенно особенныхъ отношеній, игрою и капризомъ случая, но общее и типическое. Она показываетъ лишь, что такой-то—по всей вѣроятности и необходимости—говоритъ, дѣйствуетъ и переноситъ дѣйствія другихъ именно такъ.

Поэт. IX, 3—5: *Поэзія представляетъ болѣе общее, исторія—частное. Общее есть: такому-то лицу что свойственно говорить или дѣлать, по вѣроятію или по необходимости... Частное: что сдѣлалъ Алкивіадъ, или что съ нимъ случилось* [5].

Хотя имена по большей части заимствуются изъ историческихъ и миѳологическихъ преданій, однако же не для того, чтобы приблизиться къ фактическому, но чтобы возвысить вѣроятность. Въ Агатоновомъ „Цвѣткѣ"—все вымышлено.

Поэт. IX, 6: *Что касается трагедіи,—въ ней держатся именъ историческихъ. Причина та, что возможное вѣроятно; и чего не случилось, въ возможность того мы еще не вѣримъ; но что случилось, то очевидно возможно; будь оно невозможно, такъ и не случилось бы* [6].—7: *Да впрочемъ и въ трагедіяхъ—въ нѣкоторыхъ одно или два имени извѣстныхъ, прочія—вымышлены; въ иныхъ ни одного извѣстнаго, какъ въ „Цвѣткѣ" Агатона—и тѣмъ не менѣе онъ нравится* [7].

ἐστιν, ἐξ οὗ μεταβαίνει εἰς δυστυχίαν ἢ εἰς εὐτυχίαν, λύσιν δὲ τὴν ἀπὸ τῆς ἀρχῆς τῆς μεταβάσεως μέχρι τέλους.

[1]) Οὐ τὸ τὰ γενόμενα λέγειν τοῦτο ποιητοῦ ἔργον ἐστίν, ἀλλ' οἷα ἂν γένοιτο, καὶ τὰ δυνατὰ κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον.—[2]) (ὁ ἱστορικὸς καὶ ὁ ποιητὴς) τούτῳ (διαφέρουσι), τῷ τὸν μὲν τὰ γενόμενα λέγειν, τὸν δέ οἷα ἂν γένοιτο.—[3]) Πρὸς τὴν ποίησιν αἱρετώτερον πιθανὸν ἀδύνατον ἢ ἀπίθανον καὶ δυνατόν.—[4]) Προαιρεῖσθαι δεῖ ἀδύνατα εἰκότα μᾶλλον ἢ δυνατὰ ἀπίθανα.

[5]) Ἡ ποίησις μᾶλλον τὰ καθόλου, ἡ δ' ἱστορία τὰ καθ' ἕκαστον λέγει· ἔστι δὲ καθόλου μέν, τῷ ποίῳ τὰ ποῖα ἄττα συμβαίνει λέγειν ἢ πράττειν κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον, τὸ δὲ καθ' ἕκαστον τί Ἀλκιβιαδης ἔπραξεν ἢ τί ἔπαθεν.

[6]) Ἐπὶ τῆς τραγῳδίας τῶν γενομένων ὀνομάτων ἀντέχονται· αἴτιον δ' ὅτι πιθανόν ἐστι τὸ δυνατόν. τὰ μὲν οὖν μὴ γενόμενα οὔπω πιστεύομεν εἶναι δυνατά, τὰ δὲ γενόμενα φανερὸν ὅτι δυνατά. οὐ γὰρ ἂν ἐγένετο, εἰ ἦν ἀδύνατα.—[7]) Ἐν ταῖς τραγῳδίαις ἐνίαις μὲν ἓν ἢ δύο τῶν γνωρίμων ἐστὶν ὀνομάτων, τὰ δὲ ἄλλα

Правда, обыкновенно требуютъ извѣстнаго, но что извѣстно одному, то другому неизвѣстно: нѣтъ ничего общеизвѣстнаго.

Поэт. IX, 8: *И извѣстное не многимъ извѣстно, а все-таки нравится всѣмъ* [1]).

Впрочемъ поэтъ не простой стихослагатель, но скорѣе же творецъ самой фабулы. Если онъ избираетъ матеріаломъ извѣстное, то это лишь вслѣдствіе его поэтическихъ свойствъ: раскрыть ихъ—вотъ его дѣло, какъ поэта.

Поэт. IX, 2—9: *Историкъ и поэтъ не тѣмъ различаются, что говорятъ—одинъ мѣрною рѣчью, другой—не мѣрною... Поэту надлежитъ быть творцомъ болѣе вымысловъ, нежели метровъ... Даже когда ему приходится возсоздавать случившееся, онъ тѣмъ не менѣе творецъ. Ибо нѣкоторымъ изъ случившихся событій ничто не мѣшаетъ допускать возможность и вѣроятность осуществленія; а потому изобразитель ихъ есть поэтъ* [2]).

Потому-то пониманіе поэта серьезнѣе, глубже, философичнѣе, нежели пониманіе историка.

Поэт. IX, 2: *Поэзія глубже и значительнѣе исторіи* [3]).

Дѣйствіе состоитъ изъ ряда событій, πρᾶξις изъ πράγματα. Множество, вслѣдствіе предначертанной цѣли, замкнуто въ единство; трагедія, какъ и всякое произведеніе искусства, есть въ себѣ замкнутое цѣлое. Всѣ отдѣльныя части стоятъ въ необходимой связи съ печальной катастрофой, служащей цѣлію развитія дѣйствія.

Поэт. XXIII: *Слѣдуетъ миѳы совокуплять около одного дѣйствія цѣлаго и оконченнаго, имѣющаго начало, средину и конецъ, чтобы оно, подобно живому существу единому и цѣлому, доставляло свойственное ему наслажденіе* [4]).

Дѣйствіе, изображаемое въ трагедіи, должно истекать изъ сроднаго ему начала и замыкаться органически послѣ ряда моментовъ развитія, имѣющихъ между собою внутреннюю связь и необходимо слѣдующихъ другъ за другомъ.

Поэт. VII, 3: *Слѣдуетъ, чтобы хорошо составленные миѳы ни начинались откуда придется, ни оканчивались гдѣ придется, а соблюдали бы сказанныя условія* [5]).

πεποιημένα, ἐν ἐνίαις δὲ οὐδέν, οἷον ἐν τῷ Ἀγάθωνος ἄνθει. καὶ οὐδὲν ἧττον εὐφραίνει.

[1]) Καὶ τὰ γνώριμα ὀλίγοις γνώριμά ἐστιν, ἀλλ' ὅμως εὐφραίνει πάντας.

[2]) Ὁ ἱστορικὸς καὶ ὁ ποιητὴς οὐ τῷ ἢ ἔμμετρα λέγειν ἢ ἄμετρα διαφέρουσιν. δῆλον ὅτι τὸν ποιητὴν μᾶλλον τῶν μύθων εἶναι δεῖ ποιητὴν ἢ τῶν μέτρων. κἂν ἄρα συμβῇ γενόμενα ποιεῖν, οὐδὲν ἧττον ποιητής ἐστιν. τῶν γὰρ γενομένων ἔνια οὐδὲν κωλύει τοιαῦτα εἶναι οἷα ἂν εἰκὸς γενέσθαι καὶ δυνατὰ γενέσθαι, καθ' ὃ ἐκεῖνος αὐτῶν ποιητής ἐστιν.

[3]) Διὸ καὶ φιλοσοφώτερον καὶ σπουδαιότερον ποίησις ἱστορίας ἐστίν.

[4]) Δεῖ τοὺς μύθους συνιστάναι περὶ μίαν πρᾶξιν ὅλην καὶ τελείαν, ἵν' ὥσπερ ζῷον ἓν ὅλον ποιῇ τὴν οἰκείαν ἡδονήν.

[5]) Δεῖ ἄρα τοὺς συνεστῶτας εὖ μύθους μήθ' ὁπόθεν ἔτυχεν ἄρχεσθαι μήθ' ὅπου ἔτυχε τελευτᾶν, ἀλλὰ κεχρῆσθαι ταῖς εἰρημέναις ἰδέαις.

Итакъ единство даетъ связь многоразличію. Это единство состоитъ не въ томъ, что ограничиваются однимъ лицомъ. Одно лицо можетъ производить многія дѣйствія, которыя однако же никакъ не могутъ быть соединены въ одно художественное цѣлое. Гераклеида или Тезеида не трагедія, да и не эпопея. Изъ многихъ событій богатой жизни Одиссея Гомеръ могъ воспользоваться лишь возвращеніемъ изъ Трои.

Поэт. VII,1: *Миѳъ бываетъ единъ не тогда, когда, какъ нѣкоторые полагаютъ, около одного лица вращается. Вѣдь вообще можетъ случиться безчисленное множество такихъ событій, которыя, если взять ихъ нѣсколько, единства не составляютъ* [1]).

Гомеръ (въ противоположность поэтамъ Гераклеиды и Тезеиды), *какъ и въ остальномъ предъ другими отличается, такъ и это прекрасно понялъ... Творя Одиссею, онъ не взялъ всего, что съ нимъ случилось... а сложилъ Одиссею вокругъ единаго дѣйствія, въ томъ значеніи, какое мы даемъ этому слову; равно и Иліаду* [2]).

Совсѣмъ иного рода единство историческое. Оно изображаетъ одно время. Но вѣдь по времени совпадаютъ дѣйствія, совершающіяся въ различныхъ краяхъ земли, не имѣющія никакого внутренняго соотношенія, никакого отношенія къ одной цѣли. Въ исторіи совершается многое одно послѣ другаго безо всякой взаимной связи, внѣ всякаго причиннаго отношенія.

Поэт. XXIII: *На повѣствовательную поэзію не похожи обыкновенные разсказы, въ которыхъ приходится дѣлать изложеніе не одного дѣйствія, а одного времени, т. е. такихъ событій, которыя случились въ извѣстное время съ однимъ или со многими, и которыя находятся одно съ другимъ въ случайной связи. Ибо какъ битва при Саламинѣ и морская битва Карѳагенянъ въ Сициліи случились въ одно время, отнюдь не клонясь къ одной цѣли,—такъ и въ разныя, одно за другимъ слѣдующія времена случаются иногда событія, которыя одной цѣли не имѣютъ* [3]).—X,3: *Большая разница, произойдетъ ли что чрезъ что-нибудь или послѣ чего-нибудь.* [4])

Итакъ внутренняя цѣль, и только она, связуетъ и опредѣляетъ единство трагическаго дѣйствія. Она сплачиваетъ части неразрывно. Одно происходитъ не просто послѣ другаго, но есть также его необходимое слѣдствіе. Нѣтъ никакихъ пробѣловъ, нѣтъ и ничего излишняго. Событія развиваются не по внѣшнимъ цѣлямъ, безъ внѣшней чудесной помощи, естественно и необходимо, извнутри, изъ основаній. Слѣдовательно deus ex machina терпимъ быть не можетъ.

---

[1]) Μῦθος ἐστιν εἷς οὐχ ὥσπερ τινὲς οἴονται ἐὰν περὶ ἕνα ᾖ. πράξεις ἑνὸς πολλαὶ εἰσιν, ἐξ ὧν μία οὐδεμία γίνεται πρᾶξις.—[2]) Ὅμηρος ὥσπερ καὶ τὰ ἄλλα διαφέρει, καὶ τοῦτ᾽ ἔοικε καλῶς ἰδεῖν. Ὀδύσσειαν γὰρ ποιῶν οὐκ ἐποίησεν ἅπαντα ὅσα αὐτῷ συνέβη, ἀλλὰ περὶ μίαν πρᾶξιν, οἵαν ἂν λέγοιμεν, τὴν Ὀδύσσειαν συνέστησεν, ὁμοίως δὲ καὶ τὴν Ἰλιάδα.

[3]) Δῆλον μὴ ὁμοίας ἱστορίας τὰς συνήθεις εἶναι, ἐν αἷς ἀνάγκη οὐχὶ μιᾶς πράξεως ποιεῖσθαι δήλωσιν ἀλλ᾽ ἑνὸς χρόνου, ὅσα ἐν τούτῳ συνέβη περὶ ἕνα ἢ πλείους, ὧν ἕκαστον ὡς ἔτυχεν ἔχει πρὸς ἄλληλα. ὥσπερ γὰρ κατὰ τοὺς αὐτοὺς χρόνους ἥ τ᾽ ἐν Σαλαμῖνι ἐγένετο ναυμαχία καὶ ἡ ἐν Σικελίᾳ Καρχηδονίων μάχη, οὐδὲν πρὸς τὸ αὐτὸ συντείνουσαι τέλος, οὕτω καὶ ἐν τοῖς ἐφεξῆς χρόνοις ἐνίοτε γίνεται θάτερον μετὰ θάτερον, ἐξ ὧν ἓν οὐδὲν γίνεται τέλος.—[4]) Διαφέρει γὰρ πολὺ το γίγνεσθαι τάδε διὰ τάδε ἢ μετὰ τάδε.

Поэт. IX, 10: *Изъ простыхъ миѳовъ и дѣйствій самые плохіе — вставочные. Вставочнымъ называю миѳъ, въ которомъ вставки слѣдуютъ одна за другой и безъ вѣроятія, и безъ необходимости. Такими трагедіи выходятъ у плохихъ поэтовъ по ихъ собственной неумѣлости, у хорошихъ же — отъ актеровъ.* [1])

X. 3: *Всему этому слѣдуетъ истекать изъ самаго состава миѳа — такъ, чтобы изъ прежде бывшаго слѣдовало, что все происходитъ или по необходимости, или по вѣроятію* [2]). — XV, 7: *Очевидно, что и развязки миѳовъ должны истекать изъ самаго вымысла, а не такъ, какъ въ Медеѣ отъ машины* [3]).

Фабула (миѳъ) бываетъ или простая или сложная. При фабулѣ втораго рода употребляется по крайней мѣрѣ одно изъ двухъ средствъ возбужденія, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ: узнаніе или то, что Аристотель называетъ перипетіей (переломомъ).

Поэт. X, 2: *Миѳы бываютъ простые и сплетенные. Простымъ дѣйствіемъ называю такое, въ которомъ (при условіи, чтобъ оно, согласно вышесказанному, было непрерывно и едино) происходитъ переходъ безъ перелома и безъ узнанія; сплетеннымъ же такое, въ которомъ переходъ бываетъ или съ узнаніемъ, или съ переломомъ, или съ обоими.* [4])

Перипетія (переломъ) есть вѣроятный или необходимый и обыкновенно внезапный, неожиданный, потрясающій переходъ событій въ противоположное. Какое нибудь промежуточное событіе внушаетъ ожиданіе счастливаго оборота: и вдругъ оно приводитъ къ ужасному, не случайно, но на основаніи предшествовавшихъ событій съ необходимостію; таково напр. въ Эдипѣ раскрытіе, сдѣланное коринѳскимъ вѣстникомъ.

Поэт. XI, 1: *Переломъ есть перемѣна дѣйствія въ противную сторону, и притомъ вѣроятная или необходимая. Напр. въ Эдипѣ пришедшій утѣшить Эдипа и освободить его отъ страха со стороны матери, объявивъ ему, кто онъ, — совершилъ противное тому, чего хотѣлъ* [5]). — XVIII, 5 и 6: *Посредствомъ переломовъ (и простыхъ дѣйствій) поэты удивительно какъ достигаютъ своей цѣли: ибо это и трагично, и возбуждаетъ жа-*

---

[1]) Τῶν μύθων αἱ ἐπεισοδιώδεις εἰσὶ χείρισται· λέγω δὲ ἐπεισοδιώδη μῦθον, ἐν ᾧ τὰ ἐπεισόδια μετ᾽ ἄλληλα οὔτ᾽ εἰκὸς οὔτ᾽ ἀνάγκη εἶναι. τοιαῦται ποιοῦνται ὑπὸ μὲν τῶν φαύλων ποιητῶν δι᾽ αὐτούς, ὑπὸ δὲ τῶν ἀγαθῶν διὰ τοὺς ὑποκριτάς. — [2]) Ταῦτα (переходъ къ катастрофѣ μετάβασις) δεῖ γίνεσθαι ἐξ αὐτῆς τῆς συστάσεως τοῦ μύθου, ὥστε ἐκ τῶν προγεγενημένων συμβαίνειν ἢ ἐξ ἀνάγκης ἢ κατὰ τὸ εἰκὸς γίγνεσθαι ταῦτα. — [3]) Φανερὸν ὅτι τὰς λύσεις τῶν μύθων ἐξ αὐτοῦ δεῖ τοῦ μύθου συμβαίνειν καὶ μὴ ὥσπερ ἐν τῇ Μηδείᾳ ἀπὸ μηχανῆς καὶ ἐν τῇ Ἰλιάδι τὰ περὶ τὸν ἀπόπλουν.

[4]) Εἰσὶ τῶν μύθων οἱ μὲν ἁπλοῖ, οἱ δὲ πεπλεγμένοι· λέγω δὲ ἁπλῆν μὲν πρᾶξιν, ἧς γινομένης ὥσπερ ὥρισται συνεχοῦς καὶ μιᾶς ἄνευ περιπετείας ἢ ἀναγνωρισμοῦ ἡ μετάβασις γίνεται, πεπλεγμένην δὲ, ἐξ ἧς μετ᾽ ἀναγνωρισμοῦ ἢ περιπετείας ἢ ἀμφοῖν ἡ μετάβασις ἐστιν.

[5]) Ἔστι περιπέτεια μὲν ἡ εἰς τὸ ἐναντίον τῶν πραττομένων μεταβολή. καὶ τοῦτο δὲ κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ ἀναγκαῖον· ὥσπερ ἐν τῷ Οἰδίποδι ἐλθὼν ὡς εὐφρανῶν τὸν Οἰδίπουν καὶ ἀπαλλάξων τοῦ πρὸς τὴν μητέρα φόβου, δηλώσας ὃς ἦν, τοὐναντίον ἐποίησεν.

лость. [1]... *Оно и вѣроятно—въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ Агатонъ: вѣроятіе требуетъ, чтобы многое случалось и противно вѣроятію* [2].—IX, 11, 12: Впечатлѣніе ужасныхъ событій усиливается, *когда подобныя дѣйствія происходятъ неожиданно, одно вслѣдствіе другаго*; *такъ дѣйствіе будетъ поразительнѣе, нежели если что нибудь произойдетъ произвольно и случайно* [3].

Узнаніе (ἀναγνώρισις) есть переходъ отъ незнанія къ знанію. Друзья или враги узнаютъ себя таковыми или *до* или *во время* или *послѣ* дѣйствія, имѣющаго отношеніе къ счастію или бѣдствію; узнаніе касается и предметовъ неодушевленныхъ. Вдругъ къ ужасу открывается какое-либо отношеніе, имѣющее роковое значеніе для счастія и всей жизни, дотолѣ скрытое. Лучшее узнаніе есть въ то же время и переломъ (перипетія), потому что оно въ то же время усиливаетъ трагическое воздѣйствіе (страхъ и состраданіе). И узнаніе должно истекать само собою изъ внутреннихъ условій событія, безъ помощи извнѣ.

Поэт. XI, 2, 3, 4: *Узнаніе есть переходъ отъ незнанія къ знанію, ведущій или къ дружбѣ или къ враждѣ тѣхъ, кто обреченъ на счастіе или несчастіе. Самое лучшее узнаніе бываетъ, когда съ нимъ соединяются и переломы, какъ въ Эдипѣ.. Такое узнаніе и такой переломъ производятъ или состраданіе или страхъ, а трагедія и есть подражаніе таковымъ дѣйствіямъ... Случается иногда узнаніе и относительно неодушевленныхъ предметовъ и иныхъ какихъ нибудь. Можно узнать только и то, сдѣлалъ ли кто что-набудь или не сдѣлалъ* [4].—XVI, 8: *Но всѣхъ лучше то узнаніе, которое вытекаетъ изъ самыхъ дѣйствій, когда изъ нихъ истекаетъ изумленіе* (потрясающее дѣйствіе) *вполнѣ естественно. Таково узнаніе въ Софокловомъ Эдипѣ* [5].

Такія средства очень усиливаютъ впечатлѣніе трагедіи; потому сложная трагедія лучше простой.

Поэт. XIII, 2: *Составу самой лучшей трагедіи надлежитъ быть не простымъ, а сплетеннымъ* (πεπλεγμένην) [6].

Трагедія должна не только быть хорошо построена въ своихъ частяхъ, находящихся во взаимной связи, но также имѣть опредѣленную

---

[1]) Когда напр. умнаго обманутъ (какъ Сизифа) или когда мужественнаго одолѣютъ.—[2]) Ἐν ταῖς περιπετείαις (καὶ ἐν τοῖς ἁπλοῖς πράγμασι) στοχάζονται ὧν βούλονται θαυμαστῶς· τραγικὸν γὰρ τοῦτο...—[3]) Ἔστι δὲ τοῦτο εἰκός, ὥσπερ Ἀγάθων λέγει· εἰκὸς γὰρ γίνεσθαι πολλὰ καὶ παρὰ τὸ εἰκός.—[4]) ... ὅταν γένηται παρὰ τὴν δόξαν δι᾽ ἄλληλα· τὸ γὰρ θαυμαστὸν οὕτως ἕξει μᾶλλον ἢ εἰ ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου καὶ τῆς τύχης.

[5]) Ἀναγνώρισις δ᾽ ἐστὶν ἐξ ἀγνοίας εἰς γνῶσιν μεταβολὴ ἢ εἰς φιλίαν ἢ εἰς ἔχθραν τῶν πρὸς εὐτυχίαν ἢ δυστυχίαν ὡρισμένων. καλλίστη ἀναγνώρισις, ὅταν ἅμα περιπέτειαι γίνωνται, οἷον ἔχει ἡ ἐν τῷ Οἰδίποδι.... ἡ γὰρ τοιαύτη ἀναγνώρισις καὶ περιπέτεια ἢ ἔλεον ἕξει ἢ φόβον, οἵων πράξεων ἡ τραγῳδία μίμησις ὑπόκειται· καὶ πρὸς ἄψυχα καὶ τὰ τυχόντα ἔστιν ὅτε συμβαίνει καὶ εἰ πέπραγέ τις ἢ μὴ πέπραγεν ἔστιν ἀναγνωρίσαι... Πασῶν βελτίστη ἀναγνώρισις ἡ ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων, τῆς ἐκπλήξεως γιγνομένης δι᾽ εἰκότων, οἷον ἡ ἐν τῷ Σοφοκλέους Οἰδίποδι.

[6]) Δεῖ τὴν σύνθεσιν εἶναι τῆς καλλίστης τραγῳδίας μὴ ἁπλῆν ἀλλὰ πεπλεγμένην.

величину. Каждое художественное произведеніе, каждый организмъ имѣетъ величину не случайную, но опредѣляемую внутренней цѣлію. Не можетъ быть прекраснымъ очень малое животное. Такое существо обозрѣвается мгновенно; въ немъ нельзя разсмотрѣть различныхъ частей, а красота есть единство многоразличія. Малый размѣръ трагедіи противорѣчилъ бы важности и нравственной высотѣ дѣйствія. Но съ другой стороны, произведеніе искусства не должно имѣть слишкомъ большихъ размѣровъ. Животное въ 10,000 стадій не могло бы быть прекраснымъ. Въ такомъ случаѣ не возможно было бы свести множество къ единству; не доставало бы втораго требованія прекраснаго.

Поэт. VII, 4: *Такъ какъ прекрасному--и животному, и всякому другому предмету, состоящему изъ какихъ либо частей,—не только слѣдуетъ части имѣть въ порядкѣ, но и объемъ не случайный (ибо прекрасное заключается въ величинѣ и порядкѣ); почему ни слишкомъ малое животное не можетъ быть прекраснымъ: созерцаніе его смѣшивается, происходя почти въ незамѣтное время; ни слишкомъ большое: созерцаніе его происходитъ не вдругъ, и у созерцающаго уходитъ изъ виду единство и цѣлость; напр. еслибъ было животное въ десять тысячъ стадій* [1]).

Какова же должна быть величина? Величина прекрасныхъ предметовъ тѣлесныхъ и воспринимаемыхъ зрѣніемъ, должна быть легко обозрѣваемою; у произведеній искусства, воспринимаемыхъ фантазіей, внутренними очами души,—она должна быть легко сохраняемою въ воспоминаніи. Начало и конецъ должны, такъ сказать, быть видимы заразъ.

Поэт. VII, 5: *Слѣдуетъ какъ тѣламъ и животнымъ имѣть величину, но удобно обозрѣваемую,—такъ и миѳамъ—продолжительность, удобно запоминаемую* [2])—XXIV: *Необходимо, чтобы можно было видѣть одновременно и начало и конецъ дѣйствія* [3]).

Размѣръ отнюдь не долженъ быть опредѣляемъ внѣшними соображеніями, напр. числомъ часовъ, нужнымъ для состязанія. Масштабъ лежитъ внутри самой вещи. Въ соображеніе принимается лишь то, какой рядъ событій потребенъ, согласно необходимости и вѣроятію, для завершенія единаго трагическаго дѣйствія. Затѣмъ, при соблюденіи условія, чтобы произведеніе было легко воспринимаемо въ цѣломъ, и была бы сознаваема связь его частей,—можно, въ видахъ важности изображаемаго дѣйствія, только сказать: чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Поэт. VII, 6, 7: *Предѣлъ продолжительности, примѣнительно къ состязаніямъ и къ способности зрителей, не есть дѣло искусства: еслибы понадобилось состязаться ста трагедіями, состязались бы по клепсидрѣ*

---

[1]) Ἐπεὶ τὸ καλὸν καὶ ζῶον καὶ ἅπαν πρᾶγμα, ὃ συνέστηκεν ἔκ τινων οὐ μόνον ταῦτα τεταγμένα δεῖ ἔχειν, ἀλλὰ καὶ μέγεθος ὑπάρχειν μὴ τὸ τυχόν, τὸ γὰρ καλὸν ἐν μεγέθει καὶ τάξει ἐστί, διὸ οὔτε πάμμικρον ἄν τι γένοιτο καλὸν ζῶον (συγχεῖται γὰρ ἡ θεωρία ἐγγὺς τοῦ ἀναισθήτου χρόνου γιγνομένη) οὔτε παμμέγεθες· οὐ γὰρ ἅμα ἡ θεωρία γίνεται, ἀλλ᾽ οἴχεται τοῖς θεωροῦσι τὸ ἓν καὶ τὸ ὅλον ἐκ τῆς θεωρίας, οἷον εἰ μυρίων σταδίων εἴη ζῶον.

[2]) Ὥστε δεῖ καθάπερ ἐπὶ τῶν σωμάτων καὶ ἐπὶ τῶν ζώων ἔχειν μὲν μέγεθος, τοῦτο δὲ εὐσύνοπτον ἔιναι, οὕτω καὶ ἐπὶ τῶν μύθων ἔχειν μὲν μῆκος, τούτο δ᾽ εὐμνημόνευτον εἶναι.

[3]) Δύνασθαι δεῖ συνορᾶσθαι τὴν ἀρχὴν καὶ τὸ τέλος.

(водянымъ часамъ)... *Предѣлъ же продолжительности, сообразный съ самой сущностью предмета, таковъ: чѣмъ болѣе бываетъ предметъ, лишь былъ бы ясенъ,—тѣмъ онъ относительно величины прекраснѣе. Скажемъ проще и опредѣленнѣе: при какомъ объемѣ изъ событій, одно за другимъ по вѣроятію или необходимости слѣдующихъ, вытекаетъ перемѣна несчастія въ счастіе или счастія въ несчастіе,—такой объемъ и достаточенъ* [1]).

Какая же цѣль трагедіи? Какое дѣйствіе имѣетъ намѣреніе произвести она?—Сладкую муку состраданія, которая, по Аристотелю, неразрывна со страхомъ.

Поэт. XIV, 1—3: *Слѣдуетъ, чтобы слушающій, смотря по ходу событій, и содрогался, и соболѣзновалъ... Отъ трагедіи должно требовать не всякаго удовольствія, какое придется, но ей свойственнаго. Удовольствіе, проистекающее изъ состраданія и страха, слѣдуетъ производить поэту* [2])...

Аристотель въ своей „Реторикѣ" такъ опредѣляетъ состраданіе:

Рет. II, 8: *Состраданіе* (ἔλεος) *есть скорбное чувство, возбуждаемое въ насъ видомъ сокрушительнаго и бѣдственнаго злополучія какого-либо существа, которое того не заслужило* [3]), *при чемъ представляется, что это злополучіе можетъ постигнуть и насъ или кого либо изъ нашихъ близкихъ* [4]).

Итакъ трагедія выводитъ передъ нами сокрушительное, бѣдственное злополучіе; трагическимъ мы называемъ печальное дѣйствіе, заслуживающее нашего состраданія, какъ напр. въ Софокловомъ Эдипѣ. Поэтъ представляетъ, какъ люди, взаимно дѣйствуя другъ на друга, втягиваются въ бѣдствіе. По крайней мѣрѣ лучшія трагедіи тѣ, въ которыхъ выводится переходъ отъ счастія къ несчастію, а не наоборотъ. Въ этомъ отношеніи Еврипидъ—поэтъ, наиболѣе трагическій.

Поэт. IX, 6: *Третье условіе—страданіе* (πάθος)... *Страданіе есть дѣйствіе сокрушительное и болѣзненное* (πρᾶξις φθαρτικὴ ἢ ὀδυνηρά) [5]).—XIII, 4: *Необходимо, чтобы правильный миѳъ представлялъ переходъ не къ счастію отъ несчастія, а наоборотъ, отъ счастія къ несчастію* [6]).—XIV, 1: *Слѣдуетъ миѳу быть такъ составленнымъ, чтобы слуша-*

---

[1]) Τοῦ μήκους ὅρος πρὸς μὲν τοὺς ἀγῶνας οὐ τῆς τέχνης ἐστίν. εἰ γὰρ ἔδει ἑκατὸν τραγῳδίας ἀγωνίζεσθαι, πρὸς κλεψύδρας ἂν ἠγωνίζοντο. ὁ δὲ κατ᾽ αὐτὴν τὴν φύσιν τοῦ πράγματος ὅρος ἀεὶ μὲν ὁ μείζων μεχρὶ τοῦ σύνδηλος εἶναι καλλίων ἐστὶ κατά τὸ μέγεθος· ὡς δὲ ἁπλῶς διορίσαντας εἰπεῖν, ἐν ὅσῳ μεγέθει κατὰ τὸ εἰκὸς ἢ τὸ ἀναγκαῖον ἐφεξῆς γιγνομένων συμβαίνει ἐξ εὐτυχίας εἰς δυστυχίαν μεταβάλλειν, ἱκανὸς ὅρος ἐστὶ τοῦ μεγέθους.

[2]) Δεῖ τὸν ἀκούοντα τὰ πράγματα γινόμενα καὶ φρίττειν καὶ ἐλεεῖν ἐκ τῶν συμβαινόντων· οὐ πᾶσαν δεῖ ζητεῖν ἡδονὴν ἀπὸ τραγῳδίας, ἀλλὰ τὴν οἰκείαν· τὴν ἀπὸ ἐλέου καὶ φόβου διὰ μιμήσεως δεῖ ἡδονὴν παρασκευάζειν τὸν ποιητήν.

[3]) въ той мѣрѣ, въ какой его постигло страданіе (см. ниже).

[4]) Ἔστιν ἔλεος λύπη τις ἐπὶ φαινομένῳ κακῷ φθαρτικῷ καὶ λυπηρῷ τοῦ ἀναξίου τυγχάνειν, ὃ κἂν αὐτὸς προσδοκήσειεν ἂν παθεῖν ἢ τῶν αὐτοῦ τινά, καὶ τοῦτο ὅταν πλησίον φαίνηται.

[5]) Τρίτον μέρος (наряду съ ἀναγνώρισις и περιπέτεια) πάθος. πάθος ἐστὶ πρᾶξις φθαρτικὴ ἢ ὀδυνηρά.—[6]) Ἀνάγκη τὸν καλῶς ἔχοντα μῦθον μεταβάλλειν οὐκ εἰς εὐτυχίαν ἐκ δυστυχίας ἀλλὰ τοὐναντίον ἐξ εὐτυχίας εἰς δυστυχίαν.

ющій, смотря по ходу событій, и содрогался и соболѣзновалъ: это всякій испытаетъ на себѣ, слушая вымыселъ Эдипа. [1])—XIII, 6: *Еврипидъ, хотя въ остальномъ не совсѣмъ хорошо распоряжается, —оказывается самымъ трагическимъ изъ поэтовъ* [2]).

То дѣйствіе оказывается потрясающимъ, гдѣ вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ родственники или друзья причиняютъ себѣ горькія страданія, какъ напр. въ Антигонѣ, Электрѣ или Эдипѣ.

Поэт. XIV, 4: *Если ужасающіе поступки произойдутъ между друзьями, напр. если братъ брата, или сынъ отца, или мать сына, или сынъ мать убиваетъ или собирается убить, или что-нибудь подобное,—вотъ чего должно искать* (трагическому поэту) [3]).

Обстоятельства могутъ скрывать отношенія, и они открываются уже послѣ рѣшенія или поступка: узнаніе.

Поэт. XIV, 8, 9: *Лучше не зная совершить что-нибудь, а потомъ узнать: ибо и возмутительнаго нѣтъ, и узнаніе бываетъ поразительно. Всего сильнѣе дѣйствуетъ послѣдній случай; говорю о томъ, какъ напр. въ Кресфонтѣ—Меропа собирается убить сына и не убиваетъ: узнаетъ его; и въ Ифигеніи—сестра брата* [4]).

Мы сострадаемъ тѣмъ, кого знаемъ, близкимъ, равнымъ; потому что въ этомъ случаѣ возбуждается страхъ, соединенный съ состраданіемъ и ему родственный: насъ самихъ можетъ постигнуть подобное [5]). Драматическое представленіе дѣлаетъ намъ выведенныя лица нравственно близкими. Здѣсь достигается полная иллюзія. Когда наступаетъ ужасная катастрофа, мы испытываемъ скорбь какъ бы о комъ-то, давно намъ близкомъ [6]). Лицо, страданіе котораго должно возбудить наше состраданіе, не должно заслуживать несчастія [7]); мы сострадаемъ лишь людямъ нравственно хорошимъ. Потому трагическій поэтъ долженъ, какъ и хорошій портретистъ, удерживая сходство, идеализировать историческій характеръ; онъ долженъ это дѣлать и потому, что его искусство облагораживаетъ и возвышаетъ; пошлое—не его поприще; трагическій ге-

---

1) Ὥστε τὸν ακούοντα τὰ πράγματα γινόμενα καὶ φρίττειν καὶ ἐλεεῖν ἐκ των συμβαινόντων, ἅπερ ἂν πάθοι τις ἀκούων τὸν τοῦ Οἰδίποδος μῦθον. —2) Ὁ Εὐριπίδης, εἰ καὶ τὰ ἄλλα μὴ εὖ οἰκονομεῖ ἀλλὰ τραγικώτατός γε τῶν ποιητῶν φαίνεται.

3) Ὅταν ἐν ταῖς φιλίαις ἐγγένηται τὰ πάθη, οἷον εἰ ἀδελφὸς ἢ υἱὸς πατέρα ἢ μήτηρ υἱὸν ἢ υἱὸς μητέρα ἀποκτείνει ἢ μέλλει ἤ τι ἄλλο τοιοῦτον δρᾷ, ταῦτα ζητητέον.

4) Βέλτιον τὸ ἀγνοοῦντα μὲν πρᾶξαι, πράξαντα δὲ ἀναγνωρίσαι. τό τε γὰρ μιαρὸν οὐ πρόσεστι καὶ ἡ ἀναγνώρισις ἐκπληκτικόν. κράτιστον δὲ τὸ τελευταῖον· λέγω δὲ οἷον ἐν τῷ Κρεσφόντῃ ἡ Μερόπη μέλλει τὸν υἱὸν ἀποκτείνειν, ἀποκτείνει δὲ οὔ, ἀλλ᾽ ἀνεγνώρισεν, καὶ ἐν τῇ Ἰφιγενείᾳ ἡ ἀδελφὴ τὸν ἀδελφόν.

5) „Гдѣ нѣтъ такого страха, тамъ нѣтъ мѣста и состраданію. Ибо ни тотъ, кто подавленъ несчастіемъ такъ глубоко, что уже не видитъ ничего страшнаго для себя впереди, ни тотъ, кто счастливъ до такой степени, что вовсе не понимаетъ, откуда бы могло прійти несчастіе, (ни отчаявшійся, ни возгордившійся своимъ счастіемъ)—не могутъ имѣть состраданія къ другому. Посему Аристотель и объясняетъ страшное и достойное состраданія одно посредствомъ другаго“ (Лессингъ).

6) и 7) Рет. II, 8.

рой не можетъ быть низкимъ человѣкомъ, не можетъ быть и отъявленнымъ злодѣемъ [1]).

Поэт. XV, 1: *Относительно характера нужно имѣть въ виду четыре условія. Первое и главное—чтобы характеръ обладалъ достоинствами* (ὅπως χρηστὰ ᾖ) [2]... *Такъ-какъ трагедія есть подражаніе лучшимъ, то мы должны брать примѣръ съ хорошихъ портретистовъ: передавая кого-нибудь въ настоящемъ видѣ, они дѣлаютъ портретъ похожимъ и вмѣстѣ красивѣе* [3]).

Страданіе людей нравственно достойныхъ, — говоритъ Аристотель, развивая свое положеніе,—вызываетъ не жалость, а отвращеніе; сострадание не сопутствуетъ глубокому оскорбленію всѣхъ человѣческихъ чувствъ слушателя. Самымъ же нетрагическимъ было бы то, еслибъ злодѣй достигалъ счастія, но также и противоположное тому, (т. е. еслибъ достойнаго человѣка поражало несчастіе). Страданіе безусловно дурныхъ людей не возбуждаетъ трагическаго впечатлѣнія, въ строгомъ смыслѣ этого слова: ни состраданія, ни страха; заслуживающій же состраданія долженъ страдать въ извѣстномъ смыслѣ незаслуженно и быть намъ подобнымъ или равнымъ.

Поэт. XIII, 2: *Не слѣдуетъ* 1) *ни чтобы правдивые люди являлись переходящими отъ счастія къ несчастію* (*это не возбуждаетъ ни страха, ни жалости*), 2) *ни чтобы порочные переходили отъ несчастія къ счастію* (*это всего болѣе чуждо трагедіи: тутъ нѣтъ ничего, чему быть слѣдуетъ: ни жалости, ни страха, ни состраданія*); 3) *ни чтобы слишкомъ порочный переходилъ отъ счастія къ несчастію: жалкое* (το φιλάνθρωπον, т. е. вызывающее жалость по человѣчеству) *въ составѣ такого рода еще быть можетъ, но ни состраданія, ни страха: ибо состраданіе возможно къ незаслуженно страдающему, а страхъ—къ равному намъ, такъ что такое событіе не будетъ ни жалостнымъ, ни ужаснымъ* [4]).

---

[1]) Развѣ человѣкъ, впавшій въ тяжкій грѣхъ, не заслуживаетъ страданія? Страданія будутъ не заслужены въ той мѣрѣ, насколько они превышаютъ совершенный грѣхъ, и насколько самый грѣхъ не есть слѣдствіе порочности или безчестности трагическаго героя, но его ошибки, заблужденія, слабости, несовершенства. Другими словами, трагическое лицо должно имѣть право повторить слова Лира: „Я согрѣшилъ менѣе, чѣмъ согрѣшили противъ меня“ (Аверкіевъ).

[2]) Остальныя требованія: 2) характеръ долженъ соотвѣтствовать роли (τὰ ἁρμόττοντα); 3) чтобы былъ естественъ (τὸ ὅμοιον); 4) долженъ быть вѣренъ самому себѣ, быть послѣдовательнымъ (τὸ ὁμαλόν). Περὶ τὰ ἤθη τέτταρά ἐστιν ὧν δεῖ στοχάζεσθαι, ἓν μὲν καὶ πρῶτον, ὅπως χρηστὰ ᾖ.—[3]) Ἐπεὶ μίμησίς ἐστιν ἡ τραγῳδία βελτιόνων, ἡμᾶς δεῖ μιμεῖσθαι τοὺς ἀγαθοὺς εἰκονογράφους· καὶ γὰρ ἐκεῖνοι ἀποδιδόντες τὴν ἰδίαν μορφὴν ὁμοίους ποιοῦντες, καλλίους γράφουσιν.

[4]) Οὔτε τοὺς ἐπιεικεῖς ἄνδρας δεῖ μεταβάλλοντας φαίνεσθαι ἐξ ευτυχίας εἰς δυστυχίαν (οὐ γὰρ φοβερὸν οὐδὲ ἐλλεεινὸν τοῦτο, αλλὰ μιαρόν ἐστιν), οὔτε τοὺς μοχθηροὺς ἐξ ἀτυχίας εἰς εὐτυχίαν (ἀτραγῳδότατον γὰρ τουτ᾽ ἐστὶ πάντων· οὐδὲν γὰρ ἔχει ὧν δεῖ οὔτε γὰρ φιλάνθρωπον οὔτε ἐλεεινὸν οὔτε φοβερόν ἐστιν), οὐδ᾽ αὖ τὸν σφόδρα πονηρὸν ἐξ εὐτυχίας εἰς δυστυχίαν μεταπίπτειν. τὸ μὲν γὰρ φιλάνθρωπον ἔχοι ἂν ἡ τοιαύτη σύστασις, ἀλλ᾽ οὔτε ἔλεον οὔτε φόβον. ὁ μὲν γὰρ περὶ τὸν ἀνάξιόν ἐστι δυστυχοῦντα, ὁ δὲ περὶ τὸν ὅμοιον, ἔλεος μὲν περὶ τὸν ἀνάξιον, φόβος δὲ περὶ τὸν ὅμοιον, ὥστε οὔτε ἐλεεινὸν οὔτε φοβερὸν ἔσται τὸ συμβαῖνον.

Несчастный долженъ быть не виновнымъ, и въ то же время ни хорошъ, ни дуренъ, и эта повидимому противорѣчащая мысль затѣмъ повторяется. Кого же должна изображать трагедія, если не злаго и не добраго? Людей, которые занимаютъ средину между этими двумя крайностями человѣчества, которые не представляютъ ни чуда нравственнаго совершенства, ни изчадія зла; которые въ общемъ—люди нравственно хорошіе, даже представленные нѣсколько идеально, но не свободные отъ грѣха, который и служитъ виною ихъ паденія съ высоты счастія въ глубину страданія. Оно постигаетъ ихъ не вслѣдствіе совершенной испорченности, ставшей ихъ постояннымъ свойствомъ (ἕξις); напротивъ, это люди величавые, достойные, но и не достигшіе до высоты полной, ненарушаемой, всегда себѣ вѣрной добродѣтели. Цари, выводимые въ трагедіи, далеко не такіе философы, какихъ въ этомъ санѣ желалъ видѣть Платонъ; правда, они выше обыденнаго и низменнаго,—благородны, значительны: но имъ присущъ великій, хотя и человѣческій грѣхъ, который и уловляетъ ихъ въ сѣти.

Поэт. XIII, 3: *Остается средній между ними всѣми, а среднимъ будетъ такой, кто не отличается ни добродѣтелью, ни правдивостію; впадаетъ въ несчастіе не по порочности и испорченности, а по какому нибудь грѣху* (δι' ἁμαρτίαν), *и притомъ кто относится къ такимъ людямъ, которые пользовались великимъ почетомъ и счастіемъ, напр. Эдипъ, Θіестъ и другіе знатные люди изъ подобныхъ фамилій* [1]).—4: *Итакъ необходимо, чтобы правильный миѳъ... представлялъ переходъ не къ счастію отъ несчастія, а наоборотъ, отъ счастія къ несчастію, не вслѣдствіе испорченности, но вслѣдствіе какого нибудь великаго грѣха; при этомъ, чтобы лицо было или таково, какъ мы сказали («которое пользовалось великимъ почетомъ») или болѣе хорошее, нежели худое* [2]).

Такой грѣхъ можетъ быть простителенъ, потому что проистекаетъ изъ естественной человѣческой страстности, опрометчивости и ослѣпленія (таковъ грѣхъ Деіанейры въ Трахиніанкахъ). Но разъ этотъ грѣхъ совершенъ,—то изъ него развиваются, безъ особаго содѣйствія внѣшнихъ силъ, въ правдоподобныхъ и необходимыхъ сплетеніяхъ обстоятельствъ, гибельныя послѣдствія,—суровое, неотвратимое страданіе. Во всемъ теченіи событій нѣтъ ничего такого, что можно было бы измѣнить; звенья цѣпи плотно примыкаютъ одно къ другому. При такомъ условіи невольно вырывается единственное, что могло бы еще доставить отраду благородному, но грѣшному человѣку—трагическое состраданіе во всей его силѣ. Скорбь потрясаетъ душу зрителя совмѣстно со страхомъ: вѣдь и его могло бы постигнуть то же самое. И одно ясно: при такихъ обстоятельствахъ, при такой завязкѣ узла, должно произойти это. Нашъ духъ склоняется предъ закономъ необходимости.

---

1) Ὁ μεταξὺ ἄρα τούτων λοιπός. ἔστι δὲ τοιοῦτος ὁ μήτε ἀρετῇ διαφέρων καὶ δικαιοσύνῃ, μήτε διὰ κακίαν καὶ μοχθηρίαν μεταβάλλων εἰς τὴν δυστυχίαν ἀλλὰ δι' ἁμαρτίαν τινὶ τῶν ἐν μεγάλῃ δόξῃ ὄντων καὶ εὐτυχίᾳ, οἷον Οἰδίπους καὶ Θυέστης καὶ οἱ ἐκ τῶν τοιούτων γενῶν ἐπιφανεῖς ἄνδρες.—Ἀνάγκη ἄρα τὸν καλῶς ἔχοντα μῦθον μεταβάλλειν ἐξ εὐτυχίας εἰς δυστυχίαν μὴ διὰ μοχθηρίαν ἀλλὰ δι' ἁμαρτίαν μεγάλην, ἢ οἵου εἴρηται (τῶν ἐν μεγάλῃ δόξῃ κ. τ. λ.) ἢ βελτίονος μᾶλλον ἢ χείρονος.

Въ *трагедіи* изображается нарушеніе требованій высшей правды и, какъ его слѣдствіе, страданіе виновнаго и наконецъ его гибель. Зритель съ *участіемъ* слѣдитъ за усиліями мощнаго лица, впавшаго въ ослѣпленіе, и однако же въ концѣ концовъ *примиряется* съ высшею необходимостію его гибели; зритель испытываетъ нравственное удовлетвореніе, видя въ исходѣ трагическаго зрѣлища торжество высшей правды. Такому примиренію въ наиболѣе художественныхъ трагедіяхъ способствуетъ то *нравственное просвѣтленіе*, которое посѣщаетъ душу погибающаго нарушителя правды. Смерть является въ такой трагедіи не насиліемъ жестокаго палача, но зрѣлищемъ таинственнаго жертвоприношенія высшей правдѣ и искупленіемъ ея нарушенія. Потому актеръ, старающійся въ моментъ смерти героя выразить лишь ужасъ жертвы и ея мучительныя содроганія (а тѣмъ болѣе—физическую сторону страданій), противорѣчитъ сущности трагедіи, которая „подобно копью Пелея, наноситъ рану, и сама же изцѣляетъ ее" [1]). Очищеніе чувствъ зрителя, производимое трагедіей, совершается по окончаніи зрѣлища въ душѣ зрителей, когда всепримиряющая смерть закроетъ глаза измученнаго борьбою нарушителя правды. Только такое зрѣлище производитъ *очищеніе чувствъ* зрителя: онъ уноситъ изъ театра глубокую думу о значеніи высшаго нравственнаго начала и утѣшительную вѣру въ то, что міръ управляется законами нравственнаго порядка.

Названіе же *драмы* въ новѣйшее время усвоено такимъ произведеніямъ,

1) въ которыхъ очищеніе чувствъ зрителя происходитъ еще въ теченіи самаго зрѣлища, а именно въ концѣ его, гдѣ представлено *разрѣшеніе* противорѣчія человѣческаго заблужденія съ высшей правдой, на коей авторъ основываетъ исходъ событія, счастливый для выводимыхъ лицъ. „Эвмениды" Эсхила, „Филоктетъ" Софокла, „Ифигенія въ Тавридѣ" Эврипида были бы въ наше время названы драмами; древніе же не различали этотъ родъ произведеній отъ перваго, и оба рода называли трагедіей. Въ XVI и XVII вѣкахъ Французы называли піесы втораго рода *траги-комедіями*; таковъ „Сидъ" Корнеля.

2) въ которыхъ изображаются страданія людей обыденныхъ. Событіе изъ ихъ жизни не можетъ произвести впечатлѣнія, называемаго трагическимъ, хотя вызываетъ въ зрителѣ чувство жалости. Такія трогательныя піесы назывались въ XVIII вѣкѣ *мѣщанскими трагедіями*, или *слезными комедіями* (comedies larmoyantes). Такова „Коварство и любовь" Шиллера.

Во французскомъ театрѣ получили названіе *водевилей* драматическія произведенія небольшаго объема, преимущественно комическаго содержанія, съ пѣніемъ (куплетовъ и хоровъ).

Мелодрамами называются трагедіи и драмы, въ которыхъ діалоги и монологи дѣйствующихъ лицъ сопровождаются и прерываются тихой музыкой.

То же названіе усвоено и всякой драмѣ, сила впечатлѣнія которой разсчитана на внѣшній эффектъ, слѣд. которыя приводятъ зрителей въ безсмысленное изумленіе, отвлекаютъ отъ своеобразнаго наслажденія, свойственнаго трагедіи, или, выражаясь словами Аристотеля, представляютъ «не ужасное, а чудесное» (μὴ τὸ φοβερὸν, ἀλλὰ τὸ τερατῶδες).

---

[1]) Ваккернагель.

IV. ДИДАКТИЧЕСКІЯ [1]) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Такъ называются разсужденія о предметахъ нравственности, науки, искусства, ремесла, облеченныя въ стихотворную форму, перемѣшанныя съ описаніями и повѣствованіями. Слѣд., будучи произведеніями поэтическими лишь по формѣ, они имѣютъ цѣль прозаическую. Къ такимъ произведеніямъ относятся «Дни и труды» Гезіода (греч. поэта VIII в. до Р. Х.). предлагающія правила житейской мудрости, экономіи и т. п.; «Георгики» Виргилія—правила земледѣлія, садоводства, скотоводства [2]), пчеловодства; правила стихотворства (Ars poëtica Горація) которымъ подражалъ въ такомъ же дидактическомъ стихотвореніи французскій писатель Буало (Boileau Despréaux 1636—1711). Въ XVIII вѣкѣ его Ars poétique служила всеобщимъ руководствомъ къ поэтикѣ. Къ дидактическому роду принадлежитъ посланіе Ломоносова къ И. И. Шувалову: «О пользѣ стекла».

ВАЖНѢЙШІЕ РАЗМѢРЫ СТИХА.

Высшей степени музыкальности русская рѣчь достигаетъ такимъ ея построеніемъ, при которомъ различается опредѣленный порядокъ удареній. Соблюденіе этого порядка сообщаетъ рѣчи стихотворный размѣръ. Такіе стихи называются тоническими.

Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ стихотворный размѣръ основывается на извѣстномъ порядкѣ слоговъ—долгихъ и краткихъ. Такіе стихи называются метрическими. Русскій искусственный стихъ въ порядкѣ удареній слѣдуетъ образцу метрическихъ стиховъ, замѣняя долгіе слоги стиха метрическаго — слогами съ удареніемь, краткіе же — слогами безъ ударенія [3]).

Сочетанія долгихъ слоговъ съ краткими, періодически повторяющіяся въ метрическомъ стихѣ, называются стопами; слѣдовательно въ тоническомъ стихѣ стопы состоятъ изъ извѣстнаго сочетанія слоговъ ударяемыхъ съ неударяемыми.

Важнѣйшія изъ этихъ сочетаній образуютъ слѣдующіе виды стопъ:

	метрическихъ:	*тоническихъ*:
Двухсложныхъ:	ᴗ — ямбъ: pŏ|tēns	ᴗ ′ ямбъ: Кры|ло́въ.
	— ᴗ хорей (или трохей): fōr|tĭs	′ ᴗ хорей: Пу́|шкйнъ.
	— — спондей: vīr|tūs	замѣняется хореемъ.
Трехсложныхъ:	— ᴗ ᴗ да́ктиль: ōm|nĭ|ă	′ ᴗᴗ да́ктиль: Ба́|тю̆ш|ко̆въ.
	ᴗ ᴗ — анапестъ: mĕ|dĭ|tāns	ᴗᴗ ′ анапестъ: Кӑ|рӑм|зи́нъ.
	ᴗ — ᴗ амфибрахій: ă|mā|rĕ	ᴗ ′ ᴗ амфибрахій: Жў|ко́в|скі̆й.

---

[1]) отъ διδάσκω, учу,—поучительныя.

[2]) Изъ этой части приводитъ Лессингъ выписки въ своемъ разсужденіи „О границахъ живописи и поэзіи“ (отд. „Разсужденій“ въ сей хрестоматіи).

[3]) Стихъ, основательный на числѣ слоговъ безъ вниманія къ ударенію, наз. силлабическимъ. Въ XVII в. по вліянію польскому русскія стихотворенія получили эту несвойственную русскому языку форму и наз. виршами (отъ лат. versus, измѣненнаго въ польскомъ въ вѣршъ, откуда по южно-русскому произношеніе съ перемѣною ѣ на и : вирша).

Отъ числа стопъ и стихъ получаетъ названіе — одностопнаго, двустопнаго и т. д.

Риѳма (т. е. созвучіе окончаній) въ стопѣ, оканчивающейся слогомъ ударяемымъ (ямбомъ и анапестомъ), наз. мужескою; въ стопѣ, оканчивающейся слогомъ неударяемымъ, наз. женскою:

Горныя вер*шины* Тихія дол*ины*
Спятъ во тьмѣ н*очной*, Полны свѣжей *мглой*.

Здѣсь 1-й и 3-й стихи имѣютъ риѳму женскую, 2-й и 4-й—мужескую. Для образованія мужеской риѳмы послѣдняя стопа хорея и амфибрахія отметаетъ одинъ слогъ, для образованія же риѳмы женской къ послѣдней ямбической стопѣ прибавляется одинъ неударяемый слогъ, заканчивающій стихъ хореемъ.

Въ метрическомъ размѣрѣ гексаметромъ (отъ ἕξ, шесть и μέτρον, мѣра) называется стихъ, состоящій изъ шести стопъ, въ числѣ которыхъ находятся дактили и спондеи, при чемъ послѣдняя стопа должна быть спондеемъ, пятая—дактилемъ; въ числѣ же первыхъ четырехъ стопъ могутъ быть и дактили и спондеи.

Сверхъ раздѣленія стиха на стопы, въ немъ еще наблюдается раздѣленіе его на два полустишія (иногда и на три части); раздѣленіе это не совпадаетъ съ предѣлами стопъ. Такое пресѣченіе стиха наз. цезурою (caesura)[1]. Въ гексаметрѣ бываетъ одна или двѣ цезуры. Въ первомъ случаѣ она полагается среди 3-й стопы; во второмъ—среди 2-й и 4-й.

Въ русскомъ гексаметрѣ спондей замѣняется хореемъ. Таковы гекзаметры Гнѣдича и Жуковскаго:

Гнѣвъ бо|гиня во|спой || Ахил|леса Пе|леева|сына.
Такъ онъ въ слѣ|захъ во|пілъ || и | слышала | вопль его | матерь (Ил. II).
Другомъ влѣ|комъ || ужъ по|чти улѣ|тѣлъ || отъ вра|говъ Аб|ба|дона (Мессіада).

Шестистопный ямбическій стихъ наз. александрійскимъ (примѣръ см. на стр. 6, изъ поэмы Ломоносова).

Группа стиховъ, объединенныхъ извѣстнымъ порядкомъ расположенія риѳмъ или комбинаціи размѣровъ, періодически повторяющейся въ стихотвореніи, наз. строфою. Если строфа заключаетъ притомъ и законченный смыслъ, то наз. стансомъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ ПОЭЗІИ.

Поэзія есть искусство, воплощающее идею въ формѣ представленій, выражаемыхъ словомъ изобразительнымъ.

Поэтическіе образы, имѣя видъ представленій дѣйствительности, не составляютъ ея копіи. Образы поэзіи — типическіе, т. е. они суть характеристическіе представители цѣлаго ряда однородныхъ предметовъ, получившіе въ фантазіи поэта индивидуальность. Дѣйствительность не заключаетъ въ себѣ предметовъ, точно соотвѣтствующихъ этимъ типамъ, хотя и доставляетъ матеріалъ, и служитъ образцомъ для ихъ созданія. Слѣд. поэтъ, творя новые образы, пересоздаетъ дѣйствительность. Какой именно родъ предметовъ выбираетъ поэтъ для своей характеристики помощію типовъ — зависитъ отъ тѣхъ идей, которыя побуждаютъ его къ творчеству; по своеобразному складу своего ума онъ и не мыслитъ эти идеи иначе, какъ въ формѣ этихъ образовъ.

---

[1] Обозначается знакомъ ||.

I. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

1. НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

Изъ „Иліады“ Гомера.

ИЗЪ ПѢСНИ I.

Гнѣвъ, богиня [1], воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный который Ахеянамъ тысячи бѣдствій содѣлалъ:
Многія души могучія славныхъ героевъ низринулъ
Въ мрачный Аидъ, и самихъ распростеръ въ корысть плотояднымъ
Птицамъ окрестнымъ и псамъ [2]—совершалася Зевсова воля—
Съ онаго дня, какъ воздвигшіе споръ воспылали враждою
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ благородный [3].
Кто жъ отъ боговъ безсмертныхъ подвигъ ихъ къ враждебному спору?
Сынъ Громовержца и Леты—Фебъ, царемъ прогнѣвленный,
Язву на воинство злую навелъ; погибали народы
Въ казнь, что Атридъ обезчестилъ жреца непорочнаго Хриза.
Старецъ, онъ приходилъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахейскимъ
Плѣнную дочь искупить и, принесши безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ на жезлѣ золотомъ Аполлоновъ
Красный [4] вѣнецъ, умолялъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
Паче жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской:
«Чада Атрея и пышно-поножные мужи Ахейцы!
«О! да помогутъ вамъ боги, имущіе домы въ Олимпѣ,
«Градъ Пріамовъ разрушить и счастливо въ домъ возвратиться;
«Вы жъ свободите мнѣ милую дочь и выкупъ примите,
«Чествуя Зевсова сына, далеко разящаго Феба».
Всѣ изъявили согласіе крикомъ всеобщимъ Ахейцы [5]
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
Только царя Агамѣмнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослалъ и прорекъ ему грозное слово:
«Старецъ, чтобъ я никогда тебя не видалъ предъ судами!
«Здѣсь и теперь ты не медля и впредь не дерзай появляться,
«Или тебя не избавятъ ни скиптръ, ни вѣнецъ Аполлона!
«Дѣвѣ свободы не дамъ я; она обветшаетъ въ неволѣ,
«Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому отъ тебя, отъ отчизны далече—
«Ткальный станъ обходя, иль ложе со мной раздѣляя.
«Прочь удались, и меня ты не гнѣвай, да здравъ возвратишься!»

---

[1] Призваніе музы — [2] Указаніе высшаго бѣдствія, въ виду того значенія, какое имѣло погребеніе у древнихъ Грековъ. — [3] Здѣсь оканчивается указаніе *предмета поэмы*. — [4] Въ I-мъ изд: *свѣтлый*. — [5] Дѣло происходитъ въ народномъ собраніи (о гомеровскомъ вѣчѣ см. стр. 424).

Рекъ онъ; и старецъ трепещетъ [1] и, слову царя покоряся,
Идетъ безмолвный по брегу немолочно-шумящей пучины.
Тамъ, отъ судовъ удалившися, старецъ взмолился печальный
Фебу царю, лѣпокудрыя Леты могущему сыну:
«Богъ сребролукій, внемли мнѣ: о, ты, что хранящій обходишь
«Хризу, священную Киллу, и мощно царишь въ Тенедосѣ,
«Сминѳей [2]! если когда я храмъ твой священный украсилъ,
«Если когда предъ тобой возжигалъ я тучныя бедра
«Козъ и тельцовъ,—услышь и исполни одно мнѣ желанье:
«Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими!»
Такъ вопіялъ онъ, моляся; и внялъ Аполлонъ сребролукій.
Быстро съ Олимпа вершинъ устремился, пышущій гнѣвомъ,
Лукъ за плечами неся и колчанъ со стрѣлами, отвсюду закрытый;
Громко крылатые стрѣлы, біясь, за плечами звучали
Въ шествіи гнѣвнаго бога: онъ шествовалъ, ночи подобный.
Сѣвъ наконецъ предъ судами, пернатую быструю мечетъ;
Страшный звонъ издаетъ среброблещущій лукъ Аполлоновъ.
Въ самомъ началѣ на месковъ [3] напалъ онъ и псовъ празднобродныхъ;
Послѣ постигъ и народъ, смертоносными прыща стрѣлами;
Частые труповъ костры непрестанно пылали по стану.
Девять дней на воинство божіи стрѣлы летали;
Въ день же десятый Пелидъ на собраніе созвалъ Ахеянъ.
Въ мысли ему то вложила богиня державная Гера;
Скорбью терзалась она, погибающихъ видя Ахеянъ.
Быстро сходился народъ, и когда воедино собрался,
Первый въ сонмѣ возставъ, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Должно, Атридъ, какъ вижу, обратно исплававши море,
«Въ домы свои возвратиться, когда лишь отъ смерти спасемся,
«Вдругъ и война и погибельный моръ истребляетъ Ахеянъ.
«Но испытаемъ, Атридъ, и вопросимъ жреца иль пророка,
«Или гадателя сновъ (и сны отъ Зевеса бываютъ):
«Пусть намъ повѣдаютъ, чѣмъ раздраженъ Аполлонъ небожитель;
«Онъ за обѣтъ несвершенный, за жертву ль стотельчую гнѣвенъ?
«Или отъ агнцевъ и избранныхъ козъ благовоннаго тука
«Требуетъ богъ, чтобъ Ахеянъ избавить отъ пагубной язвы?»
Такъ произнесши, возсѣлъ Ахиллесъ; и мгновенно отъ сонма
Калхасъ возсталъ Ѳесторидъ, верховный птицегадатель.
Мудрый, вѣдалъ онъ все, что минуло, что есть, и что будетъ,
И Ахеянъ суда по морямъ предводилъ къ Иліону
Даромъ предвидѣнья, свыше ему вдохновеннымъ отъ Феба.
Онъ благомыслія полный, вѣщалъ передъ сонмомъ Ахеянъ:
«Царь Ахиллесъ! возвѣстить повелѣлъ ты, любимецъ Зевеса,
«Праведный гнѣвъ Аполлона, далеко разящаго бога.
«Я возвѣщу, но и ты согласись, поклонись мнѣ, что вѣрно
«Самъ ты меня защитить и словами готовъ и руками.
«Я опасаюсь, прогнѣваю мужа, который, верховный
«Царь Аргивянъ и которому всѣ покорны Ахейцы.
«Слишкомъ могущественъ царь, на мужа подвластнаго гнѣвный:
«Вспыхнувшій гнѣвъ онъ на первую пору хотя и смиряетъ,

---

[1] О значеніи царя см. стр. 423—[2] *Сминѳей*—одинъ изъ эпитетовъ Аполлона, которымъ сопровождалось имя этого божества въ Хризѣ и другихъ городахъ и островахъ Малой Азіи.—[3] *Мескъ*—лошакъ.

«Но сокрытую злобу, доколѣ ея не исполнитъ,
«Въ сердцѣ хранитъ. Разсуди-жъ и отвѣтствуй; заступникъ ли ты мнѣ?»
Быстро ему отвѣчая, вѣщалъ Ахиллесъ благородный:
«Вѣрь и дерзай; возвѣсти намъ оракулъ, какой бы онъ не былъ!»
«Фебомъ клянуся я, Зевса любимцемъ, которому, Калхасъ,
«Молишься ты, открывая Данаямъ вѣщанія бога:
«Нѣтъ, предъ судами никто, покуда живу я и вижу,
«Рукъ на тебя дерзновенныхъ, клянусь, никто не подыметъ
«Въ станѣ Ахеянъ; хотя бы назвалъ самого ты Атрида,
«Властію нынѣ верховной гордящагось въ рати Ахейской».
Рекъ онъ; и сердцемъ дерзнулъ и вѣщалъ имъ пророкъ непорочный:
«Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертву стотельчую гнѣвенъ
«Фебъ, но за Хриза жреца: обезчестилъ его Агамемнонъ,
«Дщери не выдалъ ему, и моленье и выкупъ отринулъ.
«Фебъ за него покаралъ и бѣдами еще покараетъ,
«И отъ пагубной язвы разящей руки не удержитъ
«Прежде, доколѣ къ отцу не отпустятъ безъ платы свободной
«Дщери его черноокой, и въ Хризу святой не представятъ
«Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклонимъ.»
Слово скончавши, возсѣлъ Ѳесторидъ; и отъ сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнонъ,
Гнѣвомъ волнуемъ; ужасной въ груди его мрачное сердце
Злобой наполнилось; очи его засвѣтились какъ пламень.
Калхасу первому, смотря свирѣпо, вѣщалъ Агамемнонъ:
«Бѣдъ предвѣщатель, пріятнаго ты никогда не сказалъ мнѣ!
«Радостно, вѣрно, тебѣ человѣкамъ бѣды лишь пророчить;
«Добраго слова еще не измолвилъ ты намъ, ни исполнилъ.
«Се и теперь ты для насъ какъ глаголъ проповѣдуешь бога,
«Будто народу бѣды дальномечущій Фебъ устрояетъ,
«Мстя, что блестящихъ даровъ за свободу принять Хризеиды
«Я не хотѣлъ; но въ душѣ я желалъ черноокую дѣву
«Въ домъ мой ввести; предпочелъ бы ее и самой Клитемнестрѣ [1],
«Дѣвой взятой въ супруги; ея Хризеида не хуже
«Прелестью вида, пріятствомъ своимъ и умомъ и дѣлами!
«Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требуетъ польза:
«Лучше хочу я спасеніе видѣть, чѣмъ гибель народа.
«Вы жъ мнѣ въ сей день замѣните награду, да въ станѣ Аргивскомъ
«Я безъ награды одинъ не останусь; позорно бъ то было;
«Вы же то видите всѣ — отъ меня отходитъ награда.
Первый ему отвѣчалъ Пелеіонъ Ахиллесъ быстроногій:
«Славою гордый Атридъ, безпредѣльно корыстолюбивый!
«Гдѣ для тебя обрѣсти добродушнымъ Ахеямъ награду?
«Мы не имѣемъ нигдѣ сохраняемыхъ общихъ сокровищъ;
«Что въ городахъ разоренныхъ мы добыли, все раздѣлили:
«Снова жъ, что было дано, отбирать у народа—позорно!
«Лучше свою возврати, въ угожденіе богу. Но послѣ
«Втрое и вчетверо мы, Аргивяне, тебѣ то заплатимъ,
«Если даруетъ Зевесъ крѣпкостѣнную Трою разрушить».
Быстро къ нему обратяся, вѣщалъ Агамемнонъ могучій:
«Сколько ни доблестенъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,

[1]) *Клитемнестра*—жена Агамемнона.

«Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успѣешь.
«Хочешь, чтобъ самъ обладалъ ты наградой; а я, чтобъ лишенный
«Молча сидѣлъ? и совѣтуешь мнѣ ты, чтобъ дѣву я выдалъ?...
«Пусть же меня довольствуютъ новою мздою Ахейцы,
«Столько жъ пріятною сердцу, достоинствомъ равною первой.
«Если жъ откажутъ, предстану я самъ и изъ кущи исторгну
«Или твою, иль Аяксову мзду, иль мзду Одиссея;
«Самъ я исторгну, и горе тому, предъ кого я предстану!
«Но объ этомъ бесѣдовать можемъ еще мы и послѣ.
«Нынѣ, черный корабль на священное морениспустимъ,
«Сильныхъ гребцовъ изберемъ, на корабль гекатомбу [1] поставимъ.
«И сведемъ Хризеиду, румяноланитную дѣву.
«Въ немъ да возсядетъ начальникомъ мужъ отъ Ахеянъ совѣтныхъ,
«Идоменей, Одиссей Лаертидъ, иль Аяксъ Теламонидъ,
«Или ты самъ, Пелеіонъ, изъ мужей въ ополченьи страшнѣйшій!
«Шествуй, и къ намъ Аполлона умилостивь жертвой священной».
Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
«Царь, облеченный безстыдствомъ, коварной душою мздолюбецъ!
«Кто изъ Ахеянъ захочетъ твои повелѣнія слушать?
«Кто иль походъ совершитъ иль съ враждебными храбро сразится?
«Я за себя ли пришелъ, чтобъ Троянъ, укротителей коней,
«Здѣсь воевать?—Предо мною ни въ чемъ не виновны Трояне:
«Мужъ ихъ ни коней моихъ, ни тельцовъ никогда не похитилъ;
«Въ счастливой Фѳіи моей, многолюдной, плодами обильной,
«Нивъ никогда не топталъ; безпредѣльныя насъ раздѣляютъ
«Горы, покрытыя лѣсомъ, и шумныя волны морскія.
«Нѣтъ, за тебя мы пришли, веселимъ мы тебя, на Троянахъ
«Чести ища Менелаю, тебѣ, человѣкъ псообразный!
«Ты же, безстыдный! считаешь ничѣмъ то и все презираешь;
«Ты угрожаешь и мнѣ, что мою ты награду похитишь,
«Подвиговъ тягостныхъ мзду, драгоцѣннѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ!
«Но съ тобой никогда не имѣю награды я равной,
«Если Троянскій цвѣтущій Ахеяне градъ разгромляютъ.
«Нѣтъ, не смотря, что тягчайшее бремя томительной брани
«Руки мои подымаютъ,—всегда, какъ раздѣлъ наступаетъ,
«Даръ богатѣйшій тебѣ; а я, и съ малымъ, пріятнымъ
«Въ станъ не ропща возвращаюсь, когда истомленъ ратоборствомъ.
«Нынѣ во Фѳію иду; для меня несравненно пріятнѣй
«Въ домъ возвратиться на быстрыхъ судахъ; посрамленный тобою,
«Я не намѣренъ тебѣ умножать здѣсь добычъ и сокровищъ.»
Быстро воскликнулъ къ нему повелитель мужей Агамемнонъ:
«Что же, бѣги, если бѣгства ты жаждешь! тебя не прошу я
«Ради меня оставаться: останутся здѣсь и другіе;
«Честь мнѣ окажутъ они, а особенно Зевсъ промыслитель.
«Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ царями, питомцами Зевса!
«Только тебѣ и пріятны споры, раздоры, да битвы.
«Храбростью ты знаменитъ; но она дарованіе бога.
«Въ домъ возвратись, съ кораблями бѣги и съ дружиной своею;
«Властвуй своими Ѳессальцами! я о тебѣ не забочусь;
«Гнѣвъ твой вмѣняю въ ничто; а напротивъ, грожу тебѣ такъ я:

---

[1] *Гекатомба*—стотельчая жертва.

«Требуетъ богъ Аполлонъ, чтобы я возвратилъ Хризеиду;
«Я возвращу; и въ моемъ кораблѣ и съ моею дружиной
«Дѣву пошлю, и къ тебѣ приду и изъ кущи твоей Бризеиду
«Самъ увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понялъ,
«Сколько я властію выше тебя, и чтобъ каждый страшился
«Равнымъ себя мнѣ считать и дерзко верстаться со мною»!
  Рекъ онъ; и горько Пелиду то стало: могучее сердце
Въ персяхъ героя власатыхъ межъ двухъ волновалося мыслей:
Или, не медля исторгнувши мечъ изъ влагалища острый,
Встрѣчныхъ разсыпать ему и убить властелина Атрида,
Или—свирѣпство смирить, обуздавъ огорченную душу.
Въ мигъ, какъ подобными думами разумъ и душу волнуя,
Страшный свой мечъ изъ ноженъ извлекалъ онъ,—явилась Аѳина,
Съ неба слетѣвъ; ниспослала ее златотронная Гера,
Сердцемъ любя и храня обоихъ браноносцевъ; Аѳина,
Ставъ за хребтомъ, ухватила за русыя кудри Пелида,
Только ему лишь явленная, прочимъ незримая въ сонмѣ.
Онъ ужаснулся и, вспять обратяся, позналъ несомнѣнно
Дочь Громовержца; страшнымъ огнемъ ея очи горѣли.
Къ ней обращенный лицомъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
«Что ты, о дщерь Эгіоха, сюда низошла отъ Олимпа?
«Или желала ты видѣть царя Агамемнона буйство?
«Но реку я тебѣ, и реченное скоро свершится:
«Скоро сей смертный своею гордынею душу погубитъ!»
  Сыну Пелея рекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:
«Бурный твой гнѣвъ укротить я, когда ты безсмертнымъ покоренъ,
«Съ неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
«Васъ обоихъ равномѣрно и любитъ она и спасаетъ.
«Кончи раздоръ, Пелеіонъ, и довольствуя гнѣвное сердце,
«Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
«Я предрекаю, и оное скоро исполнено будетъ:
«Скоро трикраты тебѣ знаменитыми столько жъ дарами
«Здѣсь за обиду заплатятъ: смирися и намъ повинуйся.»
  Къ ней обращаяся вновь, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
«Должно, о Зевсова дщерь, соблюдать повелѣнія ваши;
«Какъ мой ни пламененъ гнѣвъ, но покорность полезнѣе будетъ:
«Кто безсмертнымъ покоренъ, тому и безсмертные внемлютъ».
  Рекъ, и на сребряномъ черенѣ стиснулъ могучую руку,
И огромный свой мечъ въ ножны опустилъ, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася къ Олимпу,
Въ домъ Эгіоха отца, небожителей къ свѣтлому сонму.
Но Пелидъ быстроногій суровыми снова словами
Къ сыну Атрея вѣщалъ, и отнюдь не обуздывалъ гнѣва:
  «О, винопійца, со взорами пса, но съ душою еленя!
«Ты никогда ни въ рѣшительный бой ополчиться съ народомъ,
«Ни пойти на засаду съ храбрѣйшими рати мужами
«Сердцемъ твоимъ не дерзнулъ: для тебя то кажется смертью.
«Лучше и легче стократъ по широкому стану Ахеянъ
«Грабить дары у того, кто тебѣ прекословить посмѣетъ.
«Царь, пожиратель народа! Зане надъ презрѣнными царь ты:
«Или, Атридъ, ты нанесъ бы обиду, послѣднюю въ жизни!
«Но тебѣ говорю, и великою клятвой клянуся,
«Скипетромъ симъ я клянуся, который ни листьевъ, ни вѣтвей

«Вновь не испуститъ, однажды оставивъ свой корень на холмахъ,
«Вновь не прозябнетъ: на немъ изощренная мѣдь обнажила
«Листья и кору; и нынѣ который Ахейскіе мужи
«Носятъ въ рукахъ судіи, уставовъ Зевесовыхъ стражи:
«Скиптръ сей тебѣ предъ Ахейцами будетъ великою клятвой.
«Время придетъ, какъ Данаевъ сыны пожалѣютъ Пелида
«Всѣ до послѣдняго; ты жъ, и крушася, безсиленъ имъ будешь
«Помощь подать, какъ толпы ихъ отъ Гектора мужеубійцы
«Свергнутся въ прахъ; и душой ты своей истерзаешься, бѣшенъ
«Самъ на себя, что Ахейца храбрѣйшаго такъ обезславилъ».
Такъ произнесъ, и на землю стремительно скипетръ онъ бросилъ,
Вкругъ золотыми гвоздями блестящій, и сѣлъ межъ царями.

ИЗЪ ПѢСНИ VIII.

Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всею землею,
Какъ боговъ на соборъ призвалъ молньелюбецъ Кроніонъ;
И на высшей главѣ многохолмнаго сидя Олимпа,
Самъ онъ вѣщалъ, а безсмертные окрестъ безмолвно внимали:
«Слушайте слово мое, и боги небесъ и богини:
«Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
«И никто отъ богинь и никто отъ боговъ да не мыслитъ
«Слово мое ниспровергнуть; покорные всѣ, совокупно
«Мнѣ споспѣшайте, да я безпрепятственно дѣло исполню!
«Кто жъ изъ безсмертныхъ мятежно захочетъ, и я то узнаю,
«Съ неба сойти, пособлять Иліонянамъ или Данаямъ,
«Тотъ, пораженный позорно, страдать на Олимпъ возвратится!
«Или восхичу его и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
«Въ пропасть далекую, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна:
«Гдѣ и мѣдяный помостъ и ворота желѣзныя, Тартаръ,
«Столько далекій отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ дола!
«Тамъ онъ почувствуетъ, сколько могучѣе всѣхъ я безсмертныхъ!
«Или дерзайте, извѣдайте боги, да всѣ убѣдитесь:
«Цѣпь златую теперь же спустивъ отъ высокаго неба,
«Всѣ до послѣдняго бога и всѣ до послѣдней богини
«Свѣсьтесь по ней: но совлечь не возможете съ неба на землю
«Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились!
«Если же я, разсудивши за благо, повлечь возжелаю,
«Съ самой землею, и съ самимъ моремъ ее повлеку я,
«И моею десницею окрестъ вершины Олимпа
«Цѣпь привяжу; и вселенная вся на высокихъ повиснетъ!
«Столько превыше боговъ и столько превыше я смертныхъ!»
Такъ онъ вѣщалъ; и молчанье глубокое боги хранили,
Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщалъ онъ;
Но наконецъ свѣтлоокая такъ возгласила Аѳина:
«О, всемогущій отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыко!
«Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна;
«Но милосердуемъ мы объ Ахеянахъ, доблестныхъ вояхъ,
«Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ.
«Всѣ мы однако отъ брани воздержимся, если велишь ты;
«Мы лишь совѣты внушимъ Аргивянамъ, да храбрые мужи
«Въ Троѣ погибнутъ не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ!
Ей улыбаясь, отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:

«Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! съ намѣреньемъ въ сердцѣ
«Я говорю: и съ тобою милостивъ быть я желаю».
Такъ произнесъ онъ, и впрягъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вкругъ золотыя;
Золотомъ самъ онъ одѣлся; въ руку художествомъ дивный
Бичъ захватилъ золотой, и на блещущей сталъ колесницѣ;
Коней погналъ, и послушные быстро они полетѣли,
Между землею паря и звѣздами усѣяннымъ небомъ.
Онъ устремлялъ ихъ на Иду, звѣрей многоводную матерь,
Къ Гаргару холму, гдѣ роща его и алтарь благовонный.
Тамъ коней удержалъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ,
И отъ ярма отрѣшивъ, окружилъ ихъ мракомъ великимъ.
Самъ на вершинѣ Идейской возсѣлъ, величаяся славой,
Градъ созерцая Троянъ и суда мѣднобранныхъ Данаевъ.
Тою порой укрѣпилися снѣдью Ахейскіе мужи
Быстро по кущамъ, и въ битву оружіемъ всѣ покрывались.
Трои сыны на другой сторонѣ ополчались по граду,
Въ меньшемъ числѣ, но и такъ готовые крѣпко сражаться,
Нуждой влекомые кровной, сражаться за женъ и дѣтей ихъ.
Всѣ растворились ворота; изъ оныхъ зарѣяли рати
Конныя, пѣшія; шумъ между толпъ ихъ воздвигся ужасный.
Рати, на мѣсто одно устремляяся, быстро сошлися;
Разомъ сразилися кони, сразилися копья и силы
Воиновъ, мѣдью одѣянныхъ; выпукло-бляшные разомъ
Сшиблись щиты со щитами; громъ поднялся ужасный.
Вмѣстѣ смѣшались побѣдные крики и смертные стоны
Воевъ губящихъ и гибнувшихъ; кровью земля заструилась.
Долго, какъ длилося утро и день возрасталъ свѣтоносный,
Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали, и падали вои.
Но, лишь сіяющій Геліосъ сталъ на срединѣ небесной,
Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій Троянъ конеборныхъ, и мѣдноружныхъ Данаевъ;
Взялъ по срединѣ и поднялъ: Данайскихъ сыновъ преклонился
День роковой; Данайскихъ сыновъ до земли многоплодной
Жребій спустился: Троянъ же до звѣзднаго неба вознесся.
Страшно грянулъ отъ Иды Кронидъ, и перунъ по лазури
Пламенный бросилъ въ Ахейскія рати; Ахейцы, увидя,
Всѣ изумились; покрылися лица ихъ ужасомъ блѣднымъ.
Идоменей оставаться не смѣлъ, ни Атридъ Агамемнонъ;
Ни Аяксы вожди не остались, клевреты Арея.
Несторъ одинъ средь побоища, стражъ Аргивянъ, оставался
Волей недоброю: конь пострадалъ, пораженный стрѣлою:
Ранилъ его Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Въ голову, въ самое темя, гдѣ первые волосы коней
Идутъ отъ черепа къ выѣ: опасное мѣсто; отъ боли
Конь поднялся[1] на дыбы: пернатая въ мозгъ погрузилась:
Коней смутилъ и другихъ онъ, крутяся вкругъ пагубной мѣди.
Тою порою, какъ старецъ къ коню пораженному бросясь,
Припряжь отсѣчь напрягается: Гектора быстрые кони

---

[1] Въ под.: заскакалъ.

Скачутъ сквозь волны бѣгущихъ, отважнаго мча властелина,
Гектора! Тутъ бы старецъ жизнь погубилъ неизбѣжно,
Если бъ его не узрѣлъ Діомедъ, воеватель могучій.
Страшно воскликнулъ герой, призывая царя Одиссея:
«Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
«Что ты бѣжишь, обращая хребетъ, какъ въ толпѣ малодушный?
«Пику тебѣ, берегися, вонзятъ бѣгущему въ плечи.
«Стань, Одиссей, отразимъ мы отъ старца свирѣпаго мужа».
Рекъ; не услышалъ его Одиссей благородный страдалецъ;
Мимо промчался, бѣжа къ кораблямъ многомѣстнымъ Ахейскимъ.
Но Діомедъ, и одинъ оставаясь, впередъ устремился....

Гнѣдичъ.

Изъ Одиссеи Гомера. *

.... Мы въ землю
Прибыли сильныхъ, свирѣпыхъ, не знающихъ правды Циклоповъ.
Тамъ беззаботно они подъ защитой безсмертныхъ имѣя
Все, ни руками не сѣютъ, ни плугомъ не пашутъ: земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ имъ
Рожь, и пшено, и ячмень, и роскошныхъ кистей винограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вершинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно тамъ каждый
Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не заботясь.
Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; лежитъ онъ на темномъ
Лонѣ морскомъ, ни далеко, ни близко отъ брега Циклоповъ,
Лѣсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ дикія козы
Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ человѣка
Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣроловецъ за дичью,
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада, и земли не касаются плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года ни сѣютъ, ни пашутъ; людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконогія козы,
Ибо Циклопы еще кораблей красногрудыхъ не знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ хитромъ строеньи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый, моря обтекая,
Разныхъ народовъ страны посѣщалъ, какъ бываетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дружелюбно знакомясь.
Дикій тотъ островъ могли обратить бы въ цвѣтущій Циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно рождалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга тамъ густые,
Влажные, мягкіе; много бъ вездѣ разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой
Рожью, и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ которой не нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое судно;
Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не поднимется вѣтеръ попутный.
Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается въ море

---

* Изъ пѣсни IX.

Ключъ, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію тополей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не свѣтила Селена
Съ неба высокаго; тучи его покрывали густыя;
Острова было нельзя различить намъ глазами во мракѣ;
Видѣть и длинныхъ широко на берегъ отлогій бѣгущихъ
Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулися брега,
Но лишь коснулися брега они, паруса мы свернули;
Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно волнами,
Сну предались въ ожиданьи восхода на небо денницы.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ пустынный...
. . . .
Съ острова жъ въ области близкой Циклоповъ намъ ясно былъ виденъ
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ могли мы
Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло, и тьма наступила.
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Вѣрныхъ товарищей я на совѣтъ пригласилъ и сказалъ имъ:
«Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оставайтесь;
«Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми удаляся,
«Свѣдать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ обитаетъ:
«Дикій ли, нравомъ свирѣпый, не знающій правды,
«Или привѣтливый, богобоязненный, гостепріимный?»
Такъ я сказалъ и, вступивъ на корабль, повелѣлъ, чтобъ за мною
Люди мои на него всѣ взошли и канатъ отвязали;
Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ, мы открыли
Въ крайнемъ, у самаго моря стоявшемъ, утесѣ пещеру,
Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ собирался
Мелкій во множествѣ скотъ; тамъ высокій стѣной изъ огромныхъ,
Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ отведенъ, и стояли
Частымъ заборомъ вокругъ черноглавые дубы и сосны.
Мужъ великанскаго роста въ пещерѣ той жилъ; одиноко
Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ другихъ не водился;
Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, никакого не вѣдалъ закона;
Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ приводя, онъ несходенъ
Былъ съ человѣкомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и казался лѣсистой,
Дикой вершиной горы, надъ другими воздвигшейся грозно.
Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остаться на брегѣ
Близъ корабля и его сторожить неусыпно; съ собой же
Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отважныхъ, пошелъ я
Съ ними; и мы запаслися вина драгоцѣннаго полнымъ
Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ, Эвантеевъ
Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ надѣлилъ насъ
Въ даръ благодарный за то, что его мы съ женою и съ сыномъ—
Санъ уважая жреца—пощадили во градѣ, гдѣ жилъ онъ
Въ рощѣ густой Аполлона; меня жъ одарилъ онъ особо:
Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь полныхъ талантовъ;
Далъ сребролитную дивной работы кратеру, и налилъ
Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей виномъ, драгоцѣннымъ,

Крѣпкимъ, божественно-сладкимъ напиткомъ, о немъ же не вѣдалъ
Въ домѣ никто изъ рабовъ и рабынь, и никто изъ домашнихъ,
Кромѣ хозяина, умной хозяйки и ключницы вѣрной.
Если когда тѣмъ пурпурно-медвянымъ виномъ насладиться
Въ комъ пробуждалось желанье, то, въ чашу его нацѣдивши,
Въ двадцать разъ болѣ воды подбавляли, и запахъ изъ чаши
Былъ несказанный: не могъ тутъ никто отъ питья воздержаться.
Взялъ я съ собой тѣмъ напиткомъ наполненный мѣхъ и съѣстнаго
Полный кошель: говорило мнѣ вѣщее сердце, что встрѣчу
Страшнаго мужа чудовищной силы, свирѣпаго нравомъ,
Чуждаго добрымъ обычаямъ, чуждаго вѣрѣ и правдѣ.
Шагомъ поспѣшнымъ къ пещерѣ приблизились мы, но его въ ней
Не было; козъ и барановъ онъ пасъ на лугу недалекомъ.
Начали все мы въ пещерѣ пространной осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ; въ отдѣльныхъ закутахъ
Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные, старшіе съ старшими, средніе подлѣ
Среднихъ, и съ младшими младшіе; ведра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.
Спутники стали меня убѣждать, чтобъ, запасшись сырами,
Болѣе я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и барашковъ, съ добычей
Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ исполнить;
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что насъ угостивши,
Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ не на радость намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву; добывши
Сыру, потомъ насытивъ свой голодъ, остались въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечернія пищи, явился
Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ входомъ пещеры
Бросилъ; объятые страхомъ, мы спрятались въ уголъ; пригнавши
Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ барановъ къ пещерѣ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцовъ, и козловъ, и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворѣ передъ входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно великій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза четыреколесныхъ
Съ мѣста бъ не сдвинули, поднялъ; подобенъ скалѣ необъятной
Былъ онъ. Его подхвативши и входъ изъ пещеры задвинувъ,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока въ плетеницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустѣло для сыра;
Все жъ молоко остальное разлилъ по сосудамъ, чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо пригнавши.
Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою, наконецъ онъ
Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо сказалъ намъ:
«Странники, кто вы? откуда пришли водяною дорогой?
«Дѣло-ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь всюду,
«Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники вольные, мчася,
Жизнью играя своей и бѣды приключая народамъ?»
Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло милое сердце:
Голосъ гремящій и образъ чудовища въ трепетъ привелъ насъ.

Но, ободрясь, напослѣдокъ отвѣтствовалъ такъ я Циклопу:
«Всѣ мы Ахейцы, плывемъ отъ далекія Трои; сюда же
«Бурею насъ принесло по волнамъ безпредѣльнаго моря.
«Въ милую землю отцовъ возвращаясь, съ прямаго пути мы
«Сбились; такъ было конечно угодно могучему Зевсу.
«Служимъ мы въ войскѣ Атрида царя Агамемнона: онъ же
«Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ несказанною славой,
«Городъ великій разрушивъ и много враговъ истребивши.
«Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ, мы тебя умоляемъ
«Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять и подарокъ
«Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей надѣляютъ.
«Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ покрова;
«Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго небесный Кроніонъ,
«Богъ гостелюбецъ, священнаго странника вождь и заступникъ».
Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью Циклопъ отвѣчалъ мнѣ:
«Видно, что ты издалека, иль вовсе безумецъ, пришелецъ,
«Если могъ думать, что я побоюсь иль уважу безсмертныхъ.
«Намъ Циклопамъ нѣтъ нужды ни въ богѣ Зевесѣ, ни въ прочихъ
«Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ всѣхъ знаменитѣй;
«Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать—меня не принудитъ
«Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому то угодно.
«Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на которомъ пришли вы
«Къ намъ? Далеко ли иль близко отсюда стоитъ онъ? То вѣдать
«Долженъ я». Такъ искушая, онъ хитро спросилъ. Остерегшись,
Хитрыми самъ я словами отвѣтствовалъ злому Циклопу:
«Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль уничтожилъ,
«Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго брега на камни
«Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало.
«Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спастись удалося».
Такъ я сказалъ, и, отвѣта не давъ никакого, онъ быстро
Прянулъ, какъ бѣшеный звѣрь и, огромныя вытянувъ руки,
Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ, подхватилъ и ударилъ
О земь; ихъ черепъ разбился, обрызгало мозгомъ пещеру.
Онъ же, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ свой ужасный
Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ разъяренный гладомъ,
Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ не оставивъ.
Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со стономъ
Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился отъ скорби.
Чрево наполнивъ свое человѣческимъ мясомъ и свѣжимъ
Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ беззаботно
Между козловъ и барановъ на голой землѣ растянулся.
Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ намѣреньемъ сердца,
Острый свой мечь обнаживши, чудовищу мстящею мѣдью
Тѣло въ томъ мѣстѣ пронзить, гдѣ подъ грудью находится печень.
Мечъ мой ужъ былъ занесенъ, но иное на мысли пришло мнѣ;
Съ нимъ неизбѣжно и насъ бы постигла вѣрная гибель:
Всѣ совокупно мы были бъ не въ силахъ отъ входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодвинуть.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественной Эосъ:
Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
Всталъ онъ, огонь разложилъ и доить принялся по порядку
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна; окончивши съ заботливымъ спѣхомъ работу,

Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ темной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный, имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ запираютъ.
Съ свистомъ погналъ онъ на горное пастбище тучное стадо.
Я жъ, въ заключеньи оставленный, началъ выдумывать средство,
Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ Палладу.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ наконецъ я удобнымъ и вѣрнымъ:
Въ козьей закутѣ стояла дубина Циклопова, свѣжій
Стволъ имъ обрубленный маслины дикой; его онъ, очиствиъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобы послѣ гулять съ нимъ; подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многовесельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ бываетъ;
Былъ онъ конечно какъ мачта длиной, толщиною и вѣсомъ.
Взявши тотъ стволъ и мечомъ отъ него отрубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубокъ велѣлъ я товарищамъ; скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его заострилъ я:
Послѣ, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы поспѣшно
Колъ, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ навозѣ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной пещерѣ Циклопа.
Кончивъ, своихъ я пригласилъ сопутниковъ жеребій кинуть:
Кто межъ ними коломъ обожженнымъ поможетъ пронзить мнѣ
Глазъ людоѣду, какъ скоро глубокому сну онъ предастся.
Жеребій далъ четырехъ мнѣ и самыхъ надежныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не по жеребью пятый.
Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоѣдъ возвратился;
Но, отворивши пещеру, въ нее ужъ полное стадо
Ввелъ, не оставивъ на внѣшнемъ дворѣ ни козла, ни барана.
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Демонъ его надоумилъ).
Снова пещеру задвинувъ скалой необъятно тяжелой,
Сѣлъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой безпощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и по прежнему съѣлъ ихъ.
Тутъ подошелъ я отважно и рѣчь обратилъ къ людоѣду,
Полную чашу вина золотаго ему предлагая:
«Выпей, Циклопъ, золотого вина, человѣчьимъ насытясь
«Мясомъ; узнаешь, какой драгоцѣнный напитокъ на нашемъ
«Былъ кораблѣ; для тебя я его сохранилъ, уповая
«Милость въ тебѣ обрѣсти: но свирѣпствуешь ты нестерпимо.
«Кто же впередъ, безпощадный, тебя посѣтитъ изъ живущихъ
«Многихъ людей, о твоихъ беззаконныхъ поступкахъ услышавъ?»
Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ, и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой попросилъ онъ
Чаши. «Налей мнѣ», сказалъ онъ, «еще, и свое назови мнѣ
«Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный подарокъ.
«Есть и у насъ, у Циклоповъ, роскошныхъ кистей винограда
«Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ орошаетъ;
«Твой же напитокъ—амврозія чистая съ нектаромъ сладкимъ».
Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ искрометнымъ
Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу я подалъ.
Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людоѣда.
Я обратился къ нему съ обольстительно-сладкою рѣчью:

«Славное имя мое ты, Циклопъ, любопытствуешь свѣдать,
«Съ тѣмъ, чтобъ, меня угостивъ, и обычный мнѣ сдѣлать подарокъ?
«Я называюсь *Никто*; мнѣ такое названіе дали
«Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня величаютъ».
Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоѣдъ звѣронравный:
«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый послѣдній
«Съѣденъ, когда я раздѣлаюсь съ прочими; вотъ мой подарокъ».
Тутъ повалился онъ навзничъ, совсѣмъ опьянѣлый; и на бокъ
Свисла могучая шея, и всепобѣждающей силой
Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго мяса
Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру напившись.
Колъ свой доставъ, мы его остріемъ на огонь положили;
Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей выбранныхъ кликнувъ,
Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были въ опасномъ
Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья колъ нашъ
Пламя давать разгорѣвшись, хотя и сырой былъ; поспѣшно
Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ обоихъ
Стали боковъ,—божество въ нихъ конечно вложило отважность;
Колъ охватили они и его остріемъ раскаленнымъ
Втиснули спящему въ глазъ: и, съ конца приподнявши, его я
Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ корабельный строитель,
Толстую доску пронзая; другіе жъ ему помогаютъ, ремнями
Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь, визжитъ онъ.
Такъ мы, его съ двухъ боковъ охвативши руками, проворно
Колъ свой вертѣли въ пронзенномъ глазу; облился онъ горячей
Кровью; истлѣли рѣсницы; шершавыя вспыхнули брови:
Яблоко лопнуло; выбрызнулъ глазъ, на огнѣ зашипѣвши.
Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль сѣкиру,
Въ воду металлъ (на огнѣ раскаливши его, чтобъ двойную
Крѣпость имѣлъ) погружаетъ, и звонко шипитъ онъ въ холодной
Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остріемъ раскаленнымъ пронзенный.
Дико завылъ людоѣдъ—застонала отъ воя пещера.
Въ страхѣ мы кинулись прочь; съ несказанной свирѣпостью вырвавъ
Колъ изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею кровью,
Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырнулъ; въ изступленьи
Началъ онъ крикомъ Циклоповъ сзывать, обитавшихъ въ глубокихъ
Гротахъ окрестъ и на горныхъ, лобзаемымъ вѣтромъ вершинахъ.
Громкіе вопли услышавъ, отвсюду сбѣжались Циклопы;
Входъ обступили пещеры они и спросили: «Зачѣмъ ты
«Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось? На что ты
«Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи божественной прервалъ?
«Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похитилъ? Иль самъ ты
«Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль силою губитъ?»
Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно дикимъ
Ревомъ: «*Никто*! Но своей я оплошностью гибну; *Никто* бы
«Силой не могъ повредить мнѣ.» Въ сердцахъ закричали Циклопы:
«Если никто, для чего же одинъ такъ ревешь ты? Но если
«Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.
«Въ помощь отца своего призови Посидона владыку».
Такъ говорили они, удаляясь. Во мнѣ же смѣялось
Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти удалося.
Охая тяжко, съ кряхтѣньемъ и стономъ ошаривъ руками
Стѣны, Циклопъ отодвинулъ отъ входа скалу, передъ нею

Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь, что въ стадѣ,
Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловитъ; конечно
Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ онъ, безъ разсудка.
Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обдумывалъ средство,
Какъ себя и товарищей бодрыхъ избавить отъ вѣрной
Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно
Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было ужъ близко.
Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣйшимъ мнѣ показалось:
Были бараны большіе, покрытые длинною шерстью,
Жирные, мощные въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ волновалось.
Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками, вырвавъ
Ихъ изъ рогожи, служившей постелью злому Циклопу,
По три барана связалъ; человѣкъ былъ подвязанъ подъ каждымъ
Среднимъ, другими двумя по бокамъ защищенный; на каждыхъ
Трехъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ. А самъ я?... Дебелый,
Рослый, съ роскошною шерстью былъ въ стадѣ баранъ; обхвативши
Мягкую спину его, я повисъ на рукахъ подъ шершавымъ
Брюхомъ; а руки (въ руно несказанно-густое впустивъ ихъ)
Длинною шерстью обвилъ и на ней терпѣливо держался.
Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья божественный Эосъ.
Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ:
Къ выходу всѣ побѣжали самцы и козлы, и бараны;
Матки жъ, еще недоенныя, жалко блеяли въ закутахъ,
Брызжа изъ длинныхъ сосцовъ молокомъ; господинъ ихъ, отъ боли
Охая, щупалъ руками у всѣхъ пробѣгающихъ мимо,
Пышныя спины; но, глупый, онъ былъ угадать неспособенъ,
Что у иныхъ подъ волнистой скрывалося грудью; послѣдній
Шелъ мой баранъ; медленнымъ шагомъ онъ шелъ, отягченный
Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ то время о многомъ.
Спину ощупавъ его, съ нимъ Циклопъ разговаривать началъ:
«Ты ль, мой прекрасный любимецъ? зачѣмъ же пещеру послѣдній
«Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медлителенъ не былъ.
«Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выходилъ ты
«Сладкоцвѣтущей травою питаться; ты въ полдень къ потоку
«Первый бѣжалъ, и у всѣхъ впереди возвращался въ пещеру
«Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать чувствуешь самъ ты,
«Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ: лишенъ я
«Свѣтлаго зрѣнія гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ виномъ мнѣ
«Умъ отуманилъ; его называютъ Никто; но еще онъ
«Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы, мой другъ, говорить ты
«Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ ненавистный; я черепъ
«Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы мозгъ по пещерѣ;
«О земь ударивъ его и на части раздернувъ, отмстилъ бы
«Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбойникъ,
«Здѣсь мнѣ нанесъ». Такъ сказавъ, онъ барана пустилъ на свободу.
Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и внѣшней ограды
Первый ставъ на ноги, путниковъ всѣхъ отвязалъ, и не медля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ барановъ
Собралъ; обходами многими мы ихъ погнали на взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ погибшихъ
Плакать они; но мигнувъ имъ глазами, чтобъ плачъ удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль нашъ не медля

Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.
Люди мои собралися, и сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отплывъ разстоянье, въ какомъ человѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ я Циклопу:
«Слушай, Циклопъ безпощадный, впередъ беззащитныхъ гостей ты
«Въ гротѣ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь: святотатнымъ
«Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную гибель;
«Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой домъ посѣтившихъ,
«Звѣрски сожрать—наказали тебя и Зевесъ, и другіе
«Боги блаженные». Такъ я сказалъ; онъ ужасно взбѣшенный,
Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и съ размаха
На голосъ кинулъ; утесъ, пролетѣвши надъ судномъ, въ пучину
Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черноостраго носа
Чуть не расшибъ; всколыхалося море отъ падшей громады;
Хлынувъ большая волна побѣжала стремительно къ брегу;
Схваченный ею, обратно къ землѣ и корабль нашъ помчался.
Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и судно
Прочь отвалилъ, а товарищамъ, молча, кивнувъ головою,
Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ избѣгнуть
Близкой бѣды; всѣ, нагнувшися, разомъ ударили въ весла.
Бывъ на двойномъ разстояньи отъ страшнаго брега, опять
Началъ кричать, вызывая Циклопа. Товарищи въ страхѣ
Всѣ убѣждали меня замолчать и его не тревожить.
«Дерзкій,» они говорили, «зачѣмъ ты чудовище дразнишь?
«Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кораблемъ насъ не бросилъ
«На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная гибель.
«Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое услышитъ,
«Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ куски изломаетъ,
«Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно доброситъ».
Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ сердцемъ,
Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью Циклопа:
«Если, Циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ кто спроситъ,
«Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты на это отвѣтствуй:
«Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Лаэрта
«Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкололъ глазъ мой».
Такъ я сказалъ. Заревѣлъ онъ отъ злости и громко воскликнулъ:
«Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо мною;
«Нѣкогда былъ здѣсь одинъ предсказатель великій и мудрый
«Телемъ, Евритіевъ сынъ, знаменитѣйшій въ людяхъ всевидецъ;
«Жилъ и состарѣлся онъ, прорицая въ землѣ у Циклоповъ.
«Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ, предрекъ онъ
«Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничтожитъ.
«Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный, высокій
«Ростомъ, божественной силой мышцъ обладающій смертный....
«Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко хилый
«Зрѣнья лишилъ, напередъ вѣроломно виномъ опьянивши.
«Если жъ ты впрямь Одиссей, возратись: я, тебя одаривши,
«Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ ты безбѣдно
«По морю; сынъ я ему; онъ отцомъ мнѣ слыветъ; и одинъ онъ
«Если захочетъ, погибшее зрѣнье мое возвратить мнѣ
«Можетъ—одинъ онъ, никто изъ людей и никто изъ безсмертныхъ».
Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко воскликнулъ:

«О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную вырвать
«Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвернуть, какъ вѣрно
«То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ глаза!»
Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звѣздному небу поднявши
Руки, молиться отцу своему Посидону владыкѣ:
«Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурнокудрявый,
«Если я сынъ твой, и ты мнѣ отецъ, то не дай, чтобъ достигнулъ
«Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель, Лаэртовъ
«Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда же
«Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой губитель, чтобъ въ домъ свой
«Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю отцовъ возвратился,
«Дай, чтобъ во многихъ напастяхъ, утративъ сопутниковъ, поздно
«Прибылъ туда на чужомъ кораблѣ онъ и встрѣтилъ тамъ горе.»
Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ услышанъ.
Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ и съ размаху
Въ море его съ непомѣрною силой швырнулъ; загудѣвши
Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ великимъ
Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва не расплюснулъ
Нашей кормы; всколыхалося море отъ падшей громады;
Судно жъ волною помчало впередъ къ недалекому брегу
Острова Козъ; и вошли мы обратно въ ту пристань, гдѣ наши
Въ мѣстѣ защитномъ оставлены были суда, гдѣ печально
Спутники въ скукѣ сидѣли и ждали, чтобъ мы воротились.
Къ брегу приставъ, быстроходный корабль на песокъ мы втащили;
Сами же вышли на брегъ, поражаемый шумно волнами.
Тучныхъ Циклоповыхъ козъ и барановъ собравши, добычу
Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный достался участокъ:
Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ сопутниковъ въ даръ былъ особо
Главный назначенъ баранъ, и его принесли мы на брегѣ
Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу владыкѣ.
Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли, но, отвергнувъ онъ жертву,
Сталъ замышлять, чтобъ, бѣды претерпѣвъ, напослѣдокъ и всѣхъ я
Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпкозданныхъ лишился.
Жертву принесши, мы цѣлый тамъ день до вечерняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣшались.
Тою порою померкнуло солнце, и тма наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяющихъ въ берегъ.
  Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я велѣлъ, чтобы они на проворныхъ
Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали канаты.
Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавкахъ у веселъ,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.
Далѣе поплыли мы въ сокрушеньи великомъ о милыхъ
Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спаслися отъ смерти.

Жуковскій.

БЫЛИНА
объ Ильѣ Муромцѣ.

Во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Во селѣ Карачаровѣ,
Тутъ жилъ-былъ [1] старикъ Иванъ Тимоѳеичъ.

---

[1] *Жилъ-былъ* — тавтологія синонимическая (соединеніе двухъ синонимовъ).

У нихъ сынъ былъ Илья Муромецъ.
Онъ просилъ у родимаго батюшки
Благословенья великаго,
На вѣки нерушимаго [1].
Еще съѣздить ему да посмотрѣть
Земли свято-русскія
И кружала [2] государева,
Чернаго корабля, яснаго сокола [3],
Во всѣ государевы вотчины.
Говоритъ ему батюшко:
«Ужъ ты свѣтъ мое чадо порожденное!
«Потеряешь ты свою буйную голову,
«Вмѣсто мѣдныя пуговки ни за денежку;
«Еще той дорогой никто не бывалъ,
«Никто не ѣзжалъ ровно тридцать лѣтъ,
тридцать годовъ;
«Тамъ засѣлъ Соловей воръ-разбойничекъ,
«Онъ съ дѣтками и со дѣвками [4].
«Еще той дорогой человѣку идти ровно два года,
«А конному ѣхать полтора года.»
А Ильѣ захотѣлось проѣхать въ полтора часа,
Между обѣднею ранней и утренней,
И поспѣть къ столу княженевскому
И къ тому обѣду воскресенскому.
И оттудова пошелъ Илья за Дунай-рѣку,
За широкую да за глубокую,
Къ тому онъ къ Миколѣ Заручевскому;
Онъ служилъ обѣдни запрестольныя,
Клалъ завѣты великіе,
Ставилъ свѣчу двадцати пяти рублевъ,
Впередъ еще сулилъ пятьдесятъ рублевъ:
«Ты поправь меня, Господи,
«Во путѣ во дороженькѣ,
«Во южной дальной сторонѣ,
«Во Сибирскихъ во украинахъ [5].»
Еще видѣли—Илья на коня-то сѣлъ [6];
А не видали—куда поѣздку далъ [7].
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
По крутымъ бедрамъ, промежду ушей [8]:
У него конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ [9],
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ;
Хвостомъ поля устилаются.
Старши богатыри [10] дивуются:
«Нѣтъ на поѣздку [11] Илья Муромца!
«У него поѣздка молодецкая,
«Вся поступочка богатырская!»
Завидѣлъ его Соловей воръ-разбойничекъ,
Воръ-разбойничекъ да воръ Ахматовичъ:
«Вонъ, де, ѣдетъ въ полѣ дѣтина, шатается,
«Подъ нимъ конь подтыкается».
Засвисталъ Соловей по соловьиному,
Забилъ въ долони по богатырскому,
Заревѣлъ вѣдь онъ по звѣриному,
Зашипѣлъ по змѣиному [12]:
Темны лѣсы отъ его реву къ землѣ преклонилися;
Мать-рѣка Смородина [13] со пескомъ сомутилася;
Въ то время подъ Ильей конь на колѣнки палъ.
Илья бьетъ коня по крутымъ бедрамъ,
Еще самъ онъ коню приговариватъ [14]:
«Ахъ ты конь, ты конь, да травяной мѣшокъ,
«Травяной мѣшокъ, да лошадь добрая!
«Будь заступчива, да не уступчива.
«Чего ты, лошадь, перепалася?
«Не слыхала ли ты экова реву коровьяго,
«Писку-верезгу дроздоваго?»

---

[1] *Великаго* и *нерушимаго*—эпитеты постоянные (какъ и ниже при многихъ существительныхъ).—[2] *Кружало*—питейный домъ.—[3] *Сокола*—эпитетъ въ формѣ существительнаго.—[4] И ниже упоминается одна изъ дочерей Соловья.—[5] Географическая невѣрность, обычная въ народной поэзіи.—[6] Въ обоихъ этихъ стихахъ—эллипсисъ.—[7] *Поѣздку далъ* описательное выраженіе.—[8] Повтореніе 2-й половины предъидущаго стиха съ добавленіемъ новымъ полустихомъ.—[9] Сравненіе—вообще рѣдкое въ былинахъ.—[10] Илья Муромецъ принадлежитъ къ младшимъ богатырямъ; Вольга Святославичъ, Микула Селяниновичъ, Святогоръ—*старшіе богатыри*, превосходящіе младшихъ и величиною, и силою.—[11] Эллипсисъ.—[12] Четыре стиха образуютъ параллелизмъ, т. е. имѣютъ одинаковое словорасположеніе.—[13] *Смородина*—эпитетъ рѣки (саморожденная).—[14] Звукъ *е* (приговариватъ) уподобился предъидущему звуку *а* и съ нимъ слился—особенность просторѣчія.

Вынималъ Илья Муромецъ
Изъ кармана изъ лѣваго
Свой тугой лукъ, калены стрѣлы:
Онъ натягивалъ свой тугой лукъ,
Калены стрѣлы да накладывалъ.
Еще самъ стрѣламъ приговаривалъ:
«Полетите, мои стрѣлы каленыя,
«Всѣ переныя да начиненыя[1],
«Повыше лѣсу дремучаго,
«Пониже облака ходучаго;
«Вы падите Соловью вору-разбойнику
«Во тепло гнѣздо, да во буйну голову,
«И во самый во правый глазъ,
«И вередите ему сердце ретивое!»
Полетѣли стрѣлы каленыя
Всѣ переныя, да начиненыя,
Повыше лѣсу дремучаго,
Пониже облака ходучаго,
Еще пали Соловью вору-разбойнику
Во тепло гнѣздо, да во буйну-голову,
И во самый во правый глазъ,
Вередили ему сердце ретивое[2].
И убилъ Илья Муромецъ Соловья
Вора-разбойника да воръ-Ахматова[3].
Пріѣзжалъ онъ ко городу да[4] ко Кидишу.
Кругомъ города да кругомъ Кидиша
Залегла сила поганая,
Вся литва некрещеная:
Еще всю силу онъ ихъ повыбилъ,
До наслѣдья повыбилъ да до единаго,
Никого не оставилъ на сѣмена,
И поѣхалъ впередъ подъ восточную сторону,
Во Сибирскія во украины.
У города да было Кеива [5].
Застава была великая:
Семь сыновъ вора-разбойничка.
Еще малый-отъ [6] сынъ завидѣвши возговорилъ:
«Вонъ, де, ѣдетъ нашъ да батюшко!»
А большой-отъ сынъ да завидѣвши:
«Охъ вы, глупые да неразумные!
«Это ѣдетъ сильный могучій богатырь
«Илья Муромецъ;
«Онъ везетъ нашего батюшка [7]
«Да у [8] лѣваго стремени у [8] булатнаго.»
Тутъ всѣ братья да взбунтовалися,
Взбунтовалися да перепалися;
Во яростяхъ да во великіихъ
Въ пятьсотъ пудъ палку подъ облакъ мечутъ.
Соловей кричитъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ вы, дѣточки да голубчики,
«Ихъ [9] вы глупые да неразумные!
«Не вашъ кусъ—не вамъ и ѣсть его:
«Я не могъ выстоять, а супротивъ меня
«Всѣмъ и вамъ уже не выстоять.
«Вы берите да спаены [10] ключи,
«Отпирайте да погреба глубокіе;
«Вы берите много злата и серебра,
«И скатнаго [11] жемчугу:
«Не отдастъ ли онъ, Илья Муромецъ,
«На выкупъ вамъ вашего батюшка?»
Илья на злато, на серебро не зарится;
Онъ впередъ ѣдетъ да въ восточную сторону,
Во Сибирскія да украины.
У Ильи конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ;
Хвостомъ поля укрываются.
Старши богатыри дивуются:
«Нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
«У его поѣздочка да молодецкая,
«Вся поступочка да богатырская [12]!
Пріѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ [13]
Ко широкою да ко глубокою [14].

---

[1] *Переныя да начиненыя*—пернатыя и насаженныя копейцами. — [2] Повтореніе, обычное въ языкѣ народной эпической поэзіи. Во *путь* (вм. пути) во *дороженкѣ*—тавт. синонимическая.—[3] Здѣсь оканчивается изображеніе 1-го подвига Ильи Муромца. — [4] Союзъ *да*—ради благозвучія въ стихѣ. — [5] Кеивъ вм. Кіевъ — въ просторѣчіи. — [6] Прибавленіе частицы *тъ*, *та*, *то* въ формѣ, не имѣющей гласнаго окончанія, согласованной съ словомъ муж. р., къ коему относится (тъ); *о* въ началѣ его—благозвучное.—[7] Батюшка—вин. п. по 1-му скл. — [8] Повтореніе предлога какъ при опредѣляемомъ, которымъ управляетъ, такъ и при опредѣленіи.—[9] *Ихъ* (эхъ)—междометіе.—[10] Эпитетъ постоянный при сущ. *ключи*. —[11] Эпитетъ постоянный при сущ. *жемчугъ*.—[12] Эпическое повтореніе (см. выше вып. 2-ю).—[13] *Дунай*—весьма обычный эпитетъ рѣки. —[14] Продолженная форма предложнаго падежа (вм.-ой).

За ту рѣку да за широкую,
За широкую да за глубокую
Перевощичкомъ была да Соловьева дочь,
Дочь большая да Катюшенька.
Соловей кричитъ ей своимъ зычнымъ голосомъ:
«Не вези, дочь любимая, Татарина [1] да великаго,
«За Дунай-рѣку ты въ тѣ-поръ его вези,
«Когда дастъ тебѣ батюшку [2] на выкупъ твоего:
«Ты въ тѣ-поръ его вези да за Дунай-рѣку,
«За Дунай-рѣку, да за широкую,
«За широкую, да за глубокую.»
Илья на то не вѣруетъ [3].
Сходилъ онъ со добра коня
На сыру землю да на матушку;
Онъ въ лѣву взялъ въ руку да шелковъ поводъ;
Правой рукой рветъ дубы съ кореньема [4]
Онъ мосты мостилъ [5] крѣпко-на-крѣпко,
Крѣпко-на-крѣпко да дѣльно-на-дѣльно;
Онъ самъ перешелъ да и коня переведъ:
Еще взялъ изъ лѣваго кармана плетку шелкову,
Плетку шелковую да подорожную,
О семи хвостахъ да съ проволокой;
Дѣвкѣ стежъ-то далъ [6] — съ ногъ валилася,
Онъ другую далъ—дѣвка скору смерть приняла;
Онъ Илья-то тутъ да и былъ и нѣтъ [7],
Онъ впередъ ѣдетъ подъ восточную сторону
Во Сибирскія да во украины.
У Илья конь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ,
Рѣки, озера промежъ ногъ беретъ,
Хвостомъ поля да укрываются.
Старши богатыри дивуются:
«Еще нѣтъ на поѣздку Ильи Муромца!
«Поѣздочка у его да молодецкая!
«Вся поступочка да богатырская!»
Пріѣзжалъ онъ ко городу да до Кеиву,
Становилъ коня да середи цвора,
Становилъ онъ да не привязывалъ,
Никому держать не приказывалъ:
Онъ пошелъ во свѣтлыя свѣтлицы,
Въ княженецкія горницы;
Онъ не спрашивалъ у воротъ у приворотничковъ,
У дверей да у придверничковъ:
Онъ беретъ двери за скобу,
Отпираетъ двери да на пяту [8].
Онъ и крестъ кладетъ да по писаному,
Онъ поклонъ ведетъ [9] да по ученому [10],
Онъ и кланяется на всѣ на четыре стороны,
Еще князю-то да на особицу.
«Еще здравствуй, князь славный Кіевскій,
«Славный Кіевскій да Владимірскій» [11]
— «Еще здравствуй ты, дѣтина сельщина,
«Ты дѣтина сельщина да деревенщина!
«Ты откуль ѣдешь да откуль идешь?
«Ты какихъ родовъ да какихъ городовъ?»
Онъ отвѣтъ держалъ князю славному:
«Еще города Мурома [12]», а села Карачарова,
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ.
«Я пріѣхалъ ко вашею [13] ко милости;

---

[1] *Татаринъ*—бранное именованіе; выше самому Соловью пѣвецъ даетъ татарское отечество (Ахматовичъ).—[2] *Батюшку*—согласно съ формой им. п. *батюшка* (3-го скл.) Ср. выше.—[3] Особенность въ управленіи глагола.—[4] Народн. ф. твор. п. мн. ч.—[5] *Мосты мостилъ*—тавтологія звуковая (соединеніе двухъ словъ одного корня для созвучія. Должно отличать отъ тавтологіи синонимической.—[6] *Стежъ далъ* (стегнулъ) — описательное выраженіе ср. ниже вын. 9-ю.—[7] Сопоставленіе прошедшаго (*былъ*) съ настоящимъ (*нѣтъ*) служитъ къ выразительному представленію внезапности дѣйствія.—[8] *На пяту*—на *пятъ*, которая вставляется въ гнѣздо порога у крестьянской избы. *Отворить на пяту*—отворить настежъ.—[9] Описательное выраженіе.—[10] Параллелизмъ. *По писаному по ученому* — тавтологія синонимическая (см. выше); — [11] Пѣвецъ такъ называетъ князя Владиміра-красное солнышко, къ которому и пріѣхалъ въ Кіевъ.—[12] Род. падежъ, обозначающій мѣсто происхожденія.—[13] *Вашею* — про-

«Прочищалъ я дороженьку да прямо-
хожую,
«Прямохожую да прямоѣзжую,
«А изъ Мурома да до Кидаша,
«А изъ Кидаша да до Кеива,
«Все до вашею да до милости [1]:
«Я убилъ Соловья вора-разбойничка,
«Воръ-разбойничка да воръ-Ахматова,
«Да привезъ его къ вамъ на пока-
занье».
—«Еще врешь ты, дѣтина, сельщина,
да полыгаешься,
«Надо мной надъ княземъ насмѣхаешь-
ся».
—«Ты изволь идти на свой широкій
на полый дворъ,
«Ты изволь смотрѣть Соловья-вора-
разбойничка».
Обувалъ сапожки князь сафьяновы,
Оболокалъ кошулю [2] соболюю [3]
Еще та ли кошля въ пятьсотъ рублевъ,
Зарукавья серебряныя,
Ожерелья жемчужныя.
Повели его слуги подъ руки
На свой [4] на широкій на полый дворъ.
У Ильи конь стоитъ какъ гора лежитъ [5];
Онъ стоитъ да не привязанный,
Никому держать не приказанный [6],
А у лѣваго стремени да у булатнаго
Привязанъ Соловей воръ-разбойничекъ,
Воръ-разбойничекъ да воръ-Ахмато-
вичъ.
Еще тутъ-то князь да и конается [7]:
«Соловей ты, воръ да воръ-разбойни-
чекъ,
«Воръ-разбойничекъ да воръ-Ахмато-
вичъ!
«Ты посвищи-ка по прежнему да по
соловьиному!»

Соловей да отвѣтъ держитъ [8],
Онъ отвѣтъ держитъ князю славному.
«Я не твой хлѣбъ и кушаю,
«Не тебя князя-вора и слушаю».
Еще тутъ князь Ильѣ да и конается:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
«Поленица [9] великая!
«Ты заставь Соловья вора-разбойника
«Посвистать по прежнему да по соловьи-
ному».
Онъ отвязалъ Соловья вора-разбойника
Отъ лѣваго стремени.
И засвисталъ Соловей по соловьиному,
И забилъ въ долони по богатырскому,
Зашипѣлъ вѣдь онъ по змѣиному,
Заревѣлъ онъ да по звѣриному [10];
Темны лѣсы къ землѣ преклонилися,
Мать-рѣка Смородина со пескомъ со-
мутилася.
Потряслись всѣ палаты бѣлокаменны,
Полетѣло изъ дымолокъ [11] кирпичье
заморское,
Полетѣли изъ окольницъ стекла аглиц-
кія [12],
Еще князь-отъ стоитъ да въ худой
душѣ,
Еще тутъ онъ да и конается:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Ты уйми да супостата великаго,
«Соловья вора-разбойничка,
«Воръ-разбойничка да воръ-Ахматова».
Сталъ Илья унимать его по свойскому:
Онъ схватилъ его да за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю о ма-
тушку;
Онъ въ подвергъ его кидалъ [13]
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ [14] о сѣрой
камень;

долженная форма дат. п. (вм. *вашей*).—[1] Сочетаніе союза *да* съ предлогомъ *до* при сущ. Кидашъ—ради созвучія.—[2] *Кошуля* — рубашка съ прямымъ воротомъ. Такъ же шились и шубы.—[3] *Соболюю* — окончаніе вин. п. необычное въ литературномъ языкѣ для прилагательныхъ притяжательныхъ на *ій*, *ья*, *ье*, (*соболью*).—[4] Особенность въ употребленіи мѣстоим. *свой* для означенія принадлежности 3-му лицу, при другомъ подлежащемъ. Такое употребленіе въ литер. яз. не допускается.—[5] Сравненіе.—[6] Особенность въ употребленіи страдат. залога при дополненіи неопр. накл.—[7] *Конатъся*—добиваться.—[8] *Отвѣтъ держитъ*—описательное выраженіе (отвѣчаетъ).—[9] *Поленица*—богатырь, выѣзжающій въ *поле* для подвиговъ.—[10] Эпическое повтореніе.—[11] *Дымолокъ*—проходъ дымовой трубы.—[12] Анахронизмъ (хронологическая несообразность). —[13] *Въ подвергъ* (подбросъ) *кидалъ*—описательное выраженіе («подвергалъ», подбрасывалъ).—[14] Со-

Соловью отъ себя скоро смерть пришла.

Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Въ княженецкія горницы,
И садили его да по край стола,
По край стола да по край скамьи.
«Еще ты славный князь Кеивскій да Владимірскій!
«Ты неси-ка чашу бо́льшую да обѣручную,
«Зелена [1] вина да полтора ведра!»
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ.
Еще все-то ему мало кажется:
«Ты неси еще, князь, чашу большую,
«Чашу бо́льшую да обѣручную,
«Еще два ведра да зелена вина».
Илья примается да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на одиный [2] духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабурило:
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться,—
Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
А у князя въ ту пору да въ то времячко
Еще столъ идетъ да во полу столѣ,
Еще пиръ идетъ да во полу-пирѣ;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговые,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято русскіе воины.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да во большой уголъ.
Еще князь Ильѣ рѣчь проговорилъ:
«Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ!
«Помѣшалъ всѣ мѣста да ученыя,
«Погнулъ ты у нихъ сваи да всѣ желѣзныя:
«У меня промежъ каждымъ богатыремъ
«Были сваи желѣзныя,
«Чтобъ они въ пиру да напивалися:
«Напивалися да не столкалися.»
Еще тутъ вѣдь князь да Ильѣ кланяется:
«Ты изволь у насъ да попить-поѣсть,
«Ты изволь у нашей милости
«Да воеводой жить».
—«Не хочу я у васъ ни пить ни ѣсть,
«Не хочу я у васъ воеводой жить!»
Онъ ставалъ на ножки на рѣзвыя,
Онъ вымалъ свою плетку шелковую
О семи хвостахъ да со проволокой,
Еще взялъ онъ плеткой да помахивать,
Еще взялъ гостей да поколачивать,[3]
Еще взялъ гостей да поворачивать.
Еще бьетъ онъ, самъ приговариваетъ:
«На пріѣздѣ гостя не употчивали!
«На поѣздинахъ да не учествовали!
«Эта ваша мнѣ честь не въ честь!»
Еще онъ всѣхъ прибилъ да до наслѣдья,
Да до наслѣдья прибилъ до единаго,
Не оставилъ никого да на сѣмена.
Еще царь-то [4] въ ту пору да въ то времячко
За печку закинулся,
Собольей шубкой задвинулся.
Илья-то тутъ и былъ и нѣтъ.
Нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти
Нынѣ и до вѣку.

поставленіе вида однократнаго съ несовершеннымъ служитъ для выразительнаго представленія быстроты дѣйствія (ср. сопоставленіе временъ выше). — [1] *Зелено* — эпитетъ постоянный при сущ. *вино*. — [2] Полная форма числ. *одинъ*. — [3] *Взялъ поколачивать*, *поворачивать* — соверш. начинат. видъ съ глаголомъ *взять* какъ вспомогательнымъ (*сталъ* поколачивать и пр.). — [4] Обмолвка пѣвца вм. *князь*. — [4] Въ этой картинѣ избіенія гостей обращаетъ на себя вниманіе особенное сочетаніе временъ и видовъ глаголовъ въ значительно болѣе распространенной части, нежели то указано было выше (стр. 49 вын. 7; стр. 50 вын. 14). Здѣсь этими формами глагола различены три момента живой картины: 1) центральный моментъ, долженствующій болѣе остановить вниманіе слушателя, отмѣченъ глаголами въ настоящемъ времени (бьетъ, приговариваетъ); 2) предшествующій ему моментъ представляетъ два оттѣнка помощію глагольныхъ формъ: а) дѣйствія, предшествующія избіенію (*ставалъ*, *вымалъ* — видъ несовершенный, въ прош. вр.) и б) быстрое начало ударовъ (взялъ поколачивать, поворачивать —

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Взятіе Казани.

Середи было Казанскаго царства,
Что стояли бѣлокаменны палаты.
А изъ спальни, бѣлокаменной палаты,
Ото сна тутъ царица пробуждалася,
Царица Елена Симеону царю она сонъ разсказала:
»А и ты встань, Симеонъ царь, пробудися!
Что ночесь мнѣ царицѣ мало спалося,
Въ сновидѣньицѣ много видѣлося;
Какъ отъ сильнаго Московскаго царства
Кабы сизой орлище встрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась.
Что на наше вѣдь царство наплывала;
А изъ сильнаго Московскаго царства
Подымался великій князь Московскій
А Иванъ сударь Васильевичъ, прозритель,
Со тѣми ли пѣхотными полками,
Что со старыми славными казаками.
Подходили подъ Казанское царство за пятнадцать верстъ,
Становились они подкопью подъ Булатъ рѣку,
Подходили подъ другую, подъ рѣку подъ Казанку,
Съ чернымъ порохомъ бочки закатали,
А и подъ гору ихъ становили,
Подводили подъ Казанское царство;
Воску яраго свѣчу становили,
А другую вѣдь на полѣ въ лагерѣ;
Еще на полѣ свѣча та сгорѣла,
А въ землѣ-то идетъ свѣча тишѣе.
Воспалился тутъ великій князь Московскій,
Князь Иванъ сударь Васильевичъ, прозритель,
И зачалъ канонеровъ тутъ казнити,
Что началася отъ канонеровъ измѣна;
Что большой за меньшаго хоронился,
Отъ меньшаго ему князю отвѣту нѣтъ;
Еще тутъ ли молодой канонеръ выступался:
«Ты великій, сударь, князь Московскій!
Не вели ты насъ канонеровъ казнити:
Что на вѣтрѣ свѣча горитъ скорѣе,
А въ землѣ-то свѣча идетъ тишѣе».
Позадумался князь Московскій,
Онъ и сталъ тѣ-то рѣчи размышляти собою,
Еще какъ бы это дѣло оттянути.
Они тѣ-то рѣчи говорили,
Догорѣла въ землѣ свѣча воску яраго
До тоя-то бочки съ чернымъ порохомъ.
Принималися бочки съ чернымъ порохомъ,
Подымало высокую гору,
Разбросало бѣлокаменны палаты.
И бѣжалъ тутъ великій князь Московскій
На тое ли высокую гору,
Гдѣ стояли царскія палаты.
Что царица Елена догадалась,
Она сыпала соли на ковригу,
Она съ радостью Московскаго князя встрѣчала,
А того ли Ивана сударь Васильевича, прозрителя;
И за то онъ царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещеную вѣру,
Въ монастырь царицу постригали.
И за гордость царя Симеона,
Что не встрѣтилъ великаго князя онъ,
И вынялъ ясны очи косицами;
Онъ взялъ съ него царскую корону
И снялъ царскую порфиру,
Онъ царскій костыль въ руки принялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ на Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася;
И съ тѣхъ поръ великая слава.

видъ совершенный начинат. прошедшаго вр.); затѣмъ 3-й моментъ: результатъ главнаго дѣйствія, выраженный совершеннымъ видомъ окончательнымъ прош. вр. (прибилъ, не оставилъ). Для глаголовъ, выражающихъ дѣйствія князя, сохранена та же форма, внезапно уступающая мѣсто рѣзкому переходу отъ формы несов. в. прошедшаго вр. къ настоящему (и *былъ* и *нѣтъ*).

ДУХОВНЫЙ СТИХЪ.

О богатомъ и Лазарѣ.

Жилъ себѣ на землѣ славенъ богатъ:
Пилъ-ѣлъ богато—сахаръ воскушалъ,
Дороги одежды богатъ надѣвалъ.
По двору богатый похаживаетъ.
Выходилъ богатый самъ за ворота;
Инъ предъ воротами предъ богачевыми,
Лежитъ же убогій во Божьемъ труду,
Во Божьимъ труду, самъ весь во гною.
Вскричалъ же убогій брату своему:
«Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!
«Сошли Христа ради хошь милостину,
«Хлѣба и соли, чѣмъ душу питать;
«Про имене Христово напой, накорми!
Вскричалъ богатый на брата своего:
—«Лежишь ты, убогій, во Божьемъ труду,
«Въ Божьемъ труду, самъ весь во гною;
«Что ты мнѣ за братецъ, что за родной?
«Есть у меня братья, каковъ я и самъ,
«Каковъ я и самъ—князья-бояра».
Былъ у богатаго почестный пиръ;
Пили же и ѣли друзья и братія;
Были у богатаго два лютые псы:
Псы по подстольямъ похаживали,
Обронныя крошечки собирывали,
Къ убогому Лазарю принашивали.
Владыко съ небесъ ему самъ душу питалъ,
А псы ему раны зализывали.
Вышелъ убогій въ чистое поле
Вскричалъ убогій громкимъ голосомъ:
«О Господи, Господи, Спасъ милостливый!
Услыши, Господь Богъ, молитву мою,
Молитву мою неправедную:
Сошли ты мнѣ, Господи, грозныхъ ангеловъ,
Понесли бы душеньку во огонь во смолу!
Мнѣ нечѣмъ убогому въ рай превзойти,
Нечѣмъ въ убожествѣ душу спасти!»
Выслушалъ Господь молитву его,
Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
По его душеньку по Лазареву.
Вознесли они душу на небеса,
Да отдали душу къ Богу въ рай,
Ко святому Авраамію къ праведному.
Охочъ былъ богатый торгомъ торговать,
Прохладенъ былъ богатый, въ бесѣдахъ сидитъ;
Гуляетъ богатый день до вечера.
Шелъ же богатый путемъ ко двору;
Найдетъ на богатаго Божья скорбь,
Злая хворыбонька, зла-уродлива смерть;
Не взвидитъ богатый пути предъ собой,
Не узрѣлъ богатый двора своего,
Не спозналъ богатый жены и дѣтей.
Самъ лежа богатый молитву творитъ;
—«О Боже, Владыко, Спасъ милостливый!
«Услыши, Господь Богъ, молитву мою,
«Молитву мою всю праведную:
«Сошли ты мнѣ, Господи, тихихъ ангеловъ,
«По мою по душеньку по праведную:
«Понесли бы душеньку къ самому Христу,
«Къ самому Христу, къ Авраамію въ рай!
«Мнѣ есть чѣмъ, богатому, въ рай превзойти,
«Мнѣ есть чѣмъ, богатому, душу спасти:
«Много у богатаго имѣнья-житья,
«Хлѣба и соли, злата и сребра!»
Не слушалъ же Господь молитву его,
Молитву его неправедную:
Сослалъ къ нему Господь грозныхъ ангеловъ,
По его душу по богачеву,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,
Въ тое злую муку, въ геенскій огонь.
Взираетъ богатый очами на небо:
Узрѣлъ богатый Авраамія въ раю;
Возлѣ Авраамія брата своего,
Меньшаго брата Лазаря.
Вскричалъ богатый во тьмѣ сидючи:
—«Братецъ мой, братецъ, убогій Лазарь!
«Какъ я то чаялъ, ты въ превѣчной мукѣ:
«Анъ ты, мой родимый, въ пресвѣтломъ раю!
«Не напомни, братецъ, грубости моей!
«Моги, мой родимый, мнѣ пособить:

«Есть у тебя, братецъ, правая рука,
«У правой у рученьки мизинный твой перстъ,
«Обмочи ты, мой братецъ, въ студеной водѣ,
«Промочи ты мнѣ, братецъ, кровавы уста!
«Сократи ты, родимый, геенскій огонь».
Отвѣтъ къ нему держитъ убогій Лазарь:
—«Ой ты, мой братецъ, славенъ-богатъ!
«Нельзя, мой родимый, тебѣ пособить:
«Здѣсь намъ, братецъ, воля не своя,
«Здѣсь намъ воля все Господова.
«Тебя во богатствѣ врагъ уловилъ,
«Меня въ убожествѣ Господь утвердилъ.
«Живи ты, мой братецъ, гдѣ Богъ повелѣлъ:
«А мнѣ жить убогому, въ пресвѣтломъ раю».
Мы нынѣча Лазарю славу поемъ,
Во вѣкъ его слава не минуется!

СКАЗКА.

Изъ сказокъ о лисѣ и волкѣ.

Жилъ себѣ дѣдъ да баба. Дѣдъ говоритъ бабѣ: «Ты, баба, пеки пироги, а я поѣду за рыбой». Наловилъ рыбы и везетъ домой цѣлый возъ. Вотъ ѣдетъ онъ и видитъ: лисичка свернулась калачикомъ и лежитъ на дорогѣ. Дѣдъ слѣзъ съ воза, подошелъ къ лисичкѣ, а она не ворохнется, лежитъ себѣ какъ мертвая. «Вотъ будетъ подарокъ женѣ», сказалъ дѣдъ, взялъ лисичку и положилъ на возъ, а самъ пошелъ впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку изъ воза все по рыбкѣ да по рыбкѣ, все по рыбкѣ да по рыбкѣ. Повыбрасала всю рыбу и сама ушла. «Ну, старуха», говоритъ дѣдъ, «какой воротникъ привезъ я тебѣ на шубу». «Гдѣ»? — «Тамъ на возу—рыба и воротникъ». Подошла баба къ возу: ни воротника, ни рыбы. И начала ругать мужа: «Ахъ ты, старый хрѣнъ! такой-сякой! ты еще вздумалъ обманывать»! Тутъ дѣдъ смекнулъ, что лисичка-то была не мертвая; погоревалъ, погоревалъ, да дѣлать то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дорогѣ рыбу въ кучку, сѣла и ѣстъ себѣ Навстрѣчу ей идетъ волкъ. Здравствуй, кумушка»! — «Здравствуй, куманекъ!»—«Дай мнѣ рыбки!» —Налови самъ да и ѣшь.»—«Я не умѣю.»—«Эка, вѣдь я же наловила; ты, куманекъ, ступай на рѣку, спусти хвостъ въ пролубь [1]—рыба сама на хвостъ нацѣпляется; да смотри сиди подольше, а то не наловишь». Волкъ пошелъ на рѣку, спустилъ хвостъ въ пролубь: дѣло-то было зимою. Ужъ онъ сидѣлъ-сидѣлъ, цѣлую ночь просидѣлъ: хвостъ его и приморозило; попробовалъ было приподняться: не тутъ-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» думаетъ онъ. Смотритъ, а бабы идутъ за водой и кричатъ, завидя сѣраго: «волкъ! волкъ! бейте его! бейте его»! Прибѣжали и начали колотить волка — кто коромысломъ, кто ведромъ—чѣмъ попало. Волкъ прыгалъ прыгалъ; оторвалъ себѣ хвостъ и пустился безъ оглядки бѣжать. «Хорошо же,» думаетъ, «ужъ я тебѣ отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши [2] рыбки, захотѣла попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась въ одну избу, гдѣ бабы пекли блины, да попала головой въ кадку съ тѣстомъ, вымазалась и бѣжитъ. А волкъ ей навстрѣчу: «Такъ-то учишь ты? меня всего исколотили!»—Эхъ куманекъ,“ говоритъ лисичка-сестричка, «у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозгъ: меня больнѣй твоего прибили; я насилу плетусь».—«И то правда!» говоритъ волкъ, «гдѣ тебѣ, кумушка, ужъ идти; садись на меня, я тебя довезу». Ли-

---

[1] *Пролубь* вм. прорубь.—[2] *Покушамши* вм. покушавши.

сичка сѣла ему на спину, онъ ее и понесъ. Вотъ лисичка-сестричка сидитъ, да потихоньку и говоритъ: «битый небитаго везетъ, битый небитаго везетъ.» — —«Что, кумушка говоришь?» — «Я, куманекъ, говорю: битый битаго везетъ!» — «Такъ кумашка, такъ [1]!»

Медвѣдь.

Жилъ былъ старикъ да старука; дѣтей у нихъ не было. Старуха и говоритъ старику: «Старикъ, сходи по дрова.» Старикъ пошелъ по дрова; попался ему навстрѣчу медвѣдь и сказываетъ: «старикъ, давай бороться.» Старикъ взялъ да и отсѣкъ медвѣдю топоромъ лапу; ушелъ домой съ лапой и отдалъ старухѣ: «вари, старуха, медвѣжью лапу». Старуха сейчасъ взяла, содрала кожу, сѣла на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила въ печь вариться. Медвѣдь ревѣлъ-ревѣлъ, надумался и сдѣлалъ себѣ липовую лапу; идетъ къ старику на деревяшкѣ и поетъ: «Скрипи нога! скрипи липовая! И вода-то спитъ, и земля-то спитъ, и по селамъ спятъ, по деревнямъ спятъ; одна баба не спитъ, на моей кожѣ сидитъ, мою шерстку прядетъ, мое мясо варитъ, мою кожу сушитъ!» Въ тѣ поры старикъ и старука испугались. Старикъ спрятался на полати подъ корыто, а старуха закашляла. Медвѣдь нашелъ ихъ, взялъ да и съѣлъ [2]!

Баба-яга.

Жили были мужъ съ женой и прижили дочку. Жена-то и помри. Мужикъ женился на другой, и отъ этой прижилъ дочь. Вотъ жена и не взлюбила падчерицу; нѣтъ житья сиротѣ. Думалъ-думалъ нашъ мужикъ и повезъ

[1] *Варіантъ*: Вотъ въ одной деревнѣ на задворьи стояли зимой стога сѣна, и на одинъ изъ нихъ взобралась лисица: она промыслила гдѣ-то рыбки и кушала себѣ. Тутъ же случилось проходить ночью волку. Онъ увидалъ лису и сказалъ ей: «здорово, кумушка!» — «Здравствуй, куманекъ», отвѣчала она. — «Что ты ѣшь?» — «Рыбку». — «Да гдѣ ты взяла?» — «Наловила въ прудѣ». — «Какимъ бы то способомъ?» — «Коли хочешь, научу». — «Спасибо скажу». — «Ну, пойдемъ». И повела кума къ пролуби: «вотъ садись и хвостъ опусти въ воду, а рыбка и вползетъ на него грѣться». Кумъ сѣлъ и хвостъ опустилъ въ пролубь, а кума ворчитъ: «Ясни, ясни на небѣ, мерзни, мерзни волчій хвостъ!» — «Да что ты, кума, говоришь?» — «И, батько, скликаю рыбку-то тебѣ». — «Ну, спасибо!» Когда лиса увидѣла, что пролубь замерзла, она сказала: «побѣгу въ деревню за медомъ». Побѣжала — и слѣдъ ея простылъ. А волка съ примерзлымъ хвостомъ увидали на прудѣ мужики и убили его. Я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не кануло.

[2] *Варіантъ начала:* Жилъ старикъ со старухой. Захотѣлось старухѣ медвѣжьяго мяса. «Ступай, старикъ, за медвѣжьимъ мясомъ». Старикъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. Приходитъ, глянулъ: лежитъ подъ колодою старый медвѣдь и крѣпко спитъ. Старикъ недолго думалъ, отрубилъ у медвѣдя ногу и понесъ домой.

Варіантъ конца: Увидѣла старуха медвѣдя. «Ну, старикъ! полѣзай въ кузовъ, я тебя повѣшу надъ дверью, а сама залѣзу на печь и за дрова спрячусь». Только медвѣдь въ избу — кузовъ съ старикомъ оборвался и упалъ. Медвѣдь испугался, вонъ изъ избы, да бѣжать!...

свою дочь въ лѣсъ. Ѣдетъ лѣсомъ, глядитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ. Вотъ говоритъ мужикъ: «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ передомъ.» Избушка и поворотилась. Идетъ мужикъ въ избушку; а въ ней баба-яга: впереди голова, въ одномъ углу нога, въ другомъ—другая. «Русскимъ духомъ пахнетъ!» говоритъ яга. Мужикъ кланяется: «Баба-яга, костяная нога: я тебѣ дочку привезъ въ услуженье».—Ну хорошо! служи, служи мнѣ», говоритъ яга дѣвушкѣ, «я тебя за это награжу». Отецъ простился и поѣхалъ домой. А баба-яга задала дѣвушкѣ пряжи съ коробъ, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вотъ дѣвушка хлопочетъ у печи, а сама горько плачетъ. Выбѣжали мышки и говорятъ ей: «Дѣвица, дѣвица! !что ты плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ.» Она дала имъ кашки «А вотъ», говорятъ, «ты на всякое веретенце по ниточкѣ напряди». Пришла баба-яга: «Ну что»? говоритъ, «все ли ты припасла»? А у дѣвушки все готово. «Ну, теперь поди, вымой меня въ банѣ». Похвалила яга дѣвушку и надавала ей разной сряды [1]. Опять яга ушла и еще труднѣе задала задачу. Дѣвушка опять плачетъ. Выбѣгаютъ мышки. «Что ты,» говорятъ, «дѣвица красная, плачешь? дай кашки, мы тебѣ добренько скажемъ». Она дала имъ кашки, и онѣ опять научили ее, что и какъ сдѣлать. Баба-яга опять пришодчи [2] ее похвалила и еще больше дала сряды...

А мачиха посылаетъ мужа провѣдать, жива ли его дочь. Поѣхалъ мужикъ; пріѣзжаетъ и видитъ, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома; онъ и взялъ ее съ собой. Подъѣзжаютъ они къ своей деревнѣ, а дома собачка такъ и рвется: «гамъ, гамъ, гамъ! барыню везутъ! барыню везутъ». Мачиха выбѣжала да скалкой собачку. «Врешь,» говоритъ, «скажи: въ коробѣ косточки гремятъ»! А собачка все свое. Пріѣхали. Мачиха такъ и гонитъ мужа—и ея дочь туда же отвезти. Отвезъ мужикъ.

Вотъ баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Дѣвка такъ и рвется съ досады и плачетъ. Выбѣгаютъ мыши. «Дѣвица, дѣвица! о чемъ ты», говорятъ, «плачешь»? А она не дала имъ выговорить, то тое скалкой, то другую; съ ними и провозилась, а дѣла-то не придѣлала. Яга пришла, разсердилась. Въ другой разъ опять то же; яга изломала ее, да косточки въ коробъ и склала.

Вотъ мать посылаетъ мужа за дочерью. Пріѣхалъ отецъ, и повезъ однѣ косточки. Подъѣзжаетъ къ деревнѣ, а собачка опять лаетъ на крылечкѣ: «гамъ, гамъ, гамъ! въ коробѣ косточки везутъ». Мачиха бѣжитъ со скалкой. «Врешь», говоритъ, «скажи: барыню везутъ.» А собачка все свое: «гамъ, гамъ! гамъ! въ коробѣ косточки гремятъ»! Пріѣхалъ мужъ; тутъ то жена взвыла.

Вотъ тебѣ сказка, а мнѣ крынка масла.

Иванъ-дуракъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ такой старичокъ, который трехъ своихъ сыновъ научилъ граматѣ и всему книжному. «Ну, дѣтки!» говорилъ онъ имъ, «умру я—приходите ко мнѣ на могилу читать».—«Хорошо, хорошо, батюшка»! отвѣчали дѣти.

Старшіе два брата какіе были молодцы; и рослы, и дородны! а меньшой Ванюша, какъ недоросточекъ, какъ защипанный утеночекъ, гораздо поплоше. Старикъ отецъ умеръ. Въ ту пору отъ царя пришло извѣстіе, что дочь его Елена-царевна Прекрасная приказала выстроитъ себѣ храмъ о двѣнадцать столбовъ, о двѣнадцать вѣнцовъ; сядетъ она въ этомъ храмѣ на высокомъ тронѣ

---

[1] *Сряды*—нарядное платье.—[2] *Пришодчи*—пришедши.

и будетъ ждать жениха удалаго молодца, который бы на конѣ-летунѣ, съ одного взмаха, поцѣловалъ ее въ губки. Всполошился весь молодой народъ, облизывается, почесывается и раздумываетъ: кому такая честь выпадетъ? „Братья,» говорилъ Ванюша, «отецъ умеръ; кто изъ насъ пойдетъ на могилу читать“?—„А кого охота беретъ, тотъ пускай и идетъ“! отвѣчали братья. Ваня пошелъ. А старшіе знай себѣ коней объѣзжаютъ, кудри завиваютъ, фабрятся, бодрятся родимые.... Пришла другая ночь. „Братья! я прочиталъ“, говорилъ Ваня: „ваша очередь; который пойдетъ?“—„А кто охочь, тотъ и читай; а намъ дѣла дѣлать не мѣшай“. Сами заломили шапки, гикнули, ахнули, полетѣли понеслись, загуляли въ чистомъ полѣ! Ванюша опять читалъ. На третью ночь то же. А братья выѣздили коней, разчесали усы, собираются нынче-завтра пытать свое удальство предъ очами Елены Прекрасной. „Брать ли меньшаго?“ думаютъ: „нѣтъ, куда съ нимъ! онъ и насъ осрамитъ, и людей насмѣшитъ; поѣдемъ одни“. Поѣхали; а Ванюшѣ очень хотѣлось поглядѣть на Елену-царевну Прекрасную; заплакалъ онъ, больно заплакалъ, и пошелъ на могилу къ отцу. Услышалъ его отецъ въ домовинѣ [1], вышелъ къ нему, отряхнулъ съ чела сверху землю и говоритъ: „Не тужи, Ваня; я твоему горю пособлю“. Тотчасъ старикъ вытянулся, выпрямился, свистнулъ-гаркнулъ молодецкимъ голосомъ, соловейскимъ посвистомъ; откуда ни взялся конь: бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей, изъ ушей пламя пышетъ; порхонулъ и сталъ передъ старикомъ, какъ вкопаный, и спрашиваетъ: „Что велишь?“ Влѣзъ Ваня коню въ одно ушко, вылѣзъ въ другое и сдѣлался такимъ молодцомъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! Сѣлъ на коня, подбоченился и полетѣлъ, что твой соколъ, прямо къ палатамъ Елены-царевны. Размахнулся, подскочилъ—двухъ вѣнцовъ не досталъ; еще закружился, еще завертѣлся, какъ огонь проскочилъ мимо глазъ, мѣтко нацѣлилъ и прямо въ губки чмокнулъ Елену Прекрасную! „Кто? кто? лови, лови!“ — его и слѣдъ простылъ! Прискакалъ на отцову могилу, коня пустилъ въ чистое поле, а самъ въ землю да поклонъ, да проситъ совѣта родительскаго; старикъ и посовѣтовалъ. Домой пришелъ Иванъ, какъ нигдѣ не бывалъ; братья разсказываютъ гдѣ были, что видѣли; а онъ какъ впервой слышитъ.

На другой день опять сборъ; и бояръ, и дворянъ у княжихъ палатъ глазомъ не окинешь! Поѣхали старшіе братья; пошелъ и меньшой братъ пѣшечкомъ, скромно, смирно, словно не онъ цѣловалъ царевну, и сѣлъ въ дальній уголокъ. Елена-царевна спрашиваетъ жениха; Елена-царевна хочетъ его всему свѣту показать, хочетъ ему полъ-царства отдать, а женихъ не является! Его ищутъ между боярами, межъ генералами, всѣхъ перебрали — нѣту! А Ваня глядитъ, ухмыляется, улыбается и ждетъ, что сама невѣста къ нему прійдетъ. „То,» говоритъ, «я полюбился ей молодцомъ, теперь она полюби меня въ кафтанѣ простомъ“. Встала сама, повела яснымъ окомъ, освѣтила всѣхъ, увидѣла и узнала своего жениха, посадила его съ собой, и скоро съ нимъ обвѣнчалась; а онъ-то, Боже мой, какой сталъ умный да смѣлый, а какой красавецъ!... Сядетъ бывало на коня-летуна, сдвинетъ шапочку, подбоченится—король настоящій!...

---

[1] *Домовина*—гробъ.

2. ИСКУССТВЕННЫЙ ЭПОСЪ.

Изъ „Энеиды“ Виргилія. *

ИЗЪ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

. . . .

Много продумалъ Эней, и въ бдѣніи ночь онъ проведши,
Только что стало свѣтать, встаетъ и, въ путь собираясь,
Самъ разсмотрѣть онъ желаетъ прибрежныя страны, къ которымъ
Буря загнала ихъ флотъ, что̀ за народъ обитаетъ
Въ этой землѣ; но видитъ пустыню: можетъ быть только
Звѣри живутъ въ ней. Тутъ надъ нависшимъ утесомъ
Всѣ корабли онъ сокрылъ, гдѣ густыя древесныя вѣтви
Плотно сплетались кругомъ необъятною тѣнью.
Вотъ онъ идетъ ужъ въ путь съ товарищемъ вѣрнымъ Ахатомъ:
Сильной рукою двумя копіями булатными машетъ.
Въ чащу лѣсную вошли: вдругъ матерь встрѣчаетъ Энея:
Видомъ, одеждой она—словно спартанская дѣва,
Словно Гарпàлика, дѣва, когда на своей колесницѣ
Быстрыхъ коней понуждаетъ и въ запуски съ вѣтромъ несется.
Лукъ небольшой на плечахъ у нея, какъ у ловчихъ;
Кудри взвѣваетъ дыханіе вѣтра, а легкой одежды
Волны, плывя, обнажили колѣно и сходятся въ узелъ.
„Юноши, вы не видали-ль случайно“, сказала богиня
„Въ этихъ мѣстахъ подруги моей: у нея за плечами
Легкій колчанъ, а одежда изъ рысьей испятнанной кожи?
Тутъ вотъ, кажется, дикаго вепря въ чащу погнала“.
—„Нѣтъ, не видалъ я подруги твоей“, Эней отвѣчаетъ,
„Какъ мнѣ назвать тебя, не знаю: сладкій твой голосъ,
Взоры твои не смертны: въ нихъ что-то небесное дышетъ.
Или сестра златовласаго Феба, иль юная нимфа,
Кто бы ты ни была, облегчи намъ страданья: скажи намъ,
Это какая страна? въ какой мы землѣ очутились?
Мѣста мы вовсе не знаемъ, и люди намъ незнакомы.
Странники мы; недавно сюда насъ буря пригнала.
Много жертвъ для тебя подъ рукою моею погибнетъ“.
—„Нѣтъ, не мнѣ подобная честь“, отвѣчала богиня.
„Въ этой странѣ всѣ тирскія дѣвы съ колчанами ходятъ.
И обуваются всѣ высокимъ багрянымъ котурномъ.
Это Пунійское царство, Агенора городъ и Тирскій
Видишь народъ, а тамъ на предѣлахъ Либійское племя,
Страшное въ брани. Этой страною царица Дидона
Правитъ; она убѣжала изъ Тира, гонимая братомъ.
Долго было бъ разсказывать всѣ ея приключенья;
Я сообщу вамъ только главнѣйшія части разсказа:
Былъ у Дидоны супругъ: его называли Сихеемъ;
Много имѣлъ онъ полей финикійскихъ и страстно любимъ былъ
Дѣвой несчастной. Ее въ непорочные годы съ супругомъ

---

[1] *Гарпалика*—воинственно воспитанная дочь ѳракійскаго царя,

Первыми узами брака отецъ съединилъ. Но въ городѣ Тирѣ
Царствовалъ братъ Пигмальонъ, извѣстный коварной душою.
Вотъ началися невзгоды, и тутъ Пигмальонъ нечестивый,
Гнѣвомъ и жаждой богатства пылая, Сихея въ святынѣ
Тайно желѣзомъ пронзилъ, и о страсти юной супруги
Вовсе не думая, долго предъ нею таилъ онъ убійство,
Злобно притворствовалъ, долго стараясь льстить ей надеждой.
Но однажды предсталъ ей образъ несчастнаго мужа:
Трупъ, погребенья лишенный, и ликъ помертвѣлый и блѣдный
Дивно поднявши и грудь обнаживъ, обагренную кровью,
Храмъ роковой указалъ и страшную тайну открылъ ей.
Тутъ онъ совѣтуетъ ей спасаться побѣгомъ изъ Тира,
И указалъ ей для этого средства—много сокровищъ,
Золото и сребро, давно ужъ зарытыя въ землю.
Этимъ видѣньемъ вдова, побужденная къ бѣгству, искала
Спутниковъ: много нашлось, которые иль ненавидя,
Или страшась Пигмальона, бѣжать согласились: и вскорѣ
Много судовъ захвативъ, грузятъ и, избравши Дидону
Главнымъ вождемъ, не медля увозятъ добро Пигмальона.
Вотъ и пристали къ этой странѣ. Ты вскорѣ увидишь
Стѣнъ карѳагенскихъ твердыни и городъ, встающій изъ праха.
Землю купили они и назвали Бирсой, пространствомъ
Сколько могли захватить, раскинувъ воловью кожу.
Юноши, кто вы? скажите: откуда пришли вы въ тѣ страны?
Или куда вы идете"?—такъ вопрошала Венера.
Вздохъ изъ груди извлекая, Эней ей такъ отвѣчаетъ:
„Если бы я разсказалъ всѣ приключенія наши,
О, богиня, давно бы ужъ вечеръ спустился съ Олимпа.
Мы изъ древняго города Трои—если, быть можетъ,
Вы о Троянахъ слыхали. По разнымъ морямъ насъ метая,
Страшная буря случайно пригнала къ этой пустынѣ.
Я боговѣрный Эней и славой небесъ досягаю.
Спасши пенатовъ отъ вражьихъ мечей, влеку ихъ съ собою.
Родъ отъ Юпитера мой; ищу я въ Италіи крова.
Мать указала мнѣ путь, и, судьбы повелѣнью послушный,
Я отъ Фригійскихъ полей съ двадцатью кораблями отчалилъ.
Семь лишь осталось отъ флота всего, истерзанныхъ бурей.
Нынѣ, безъ славы, въ нуждѣ, въ Либійской степи я скитаюсь,
Отъ Азіатскихъ земель отдаленный и отъ Европы!..."
Мать не могла ужъ вынести долѣе жалобъ сыновнихъ.
„Кто бы ты ни былъ"—сказала—„но боги къ тебѣ благосклонны,
Кажется мнѣ. И если ты къ нашему берегу прибылъ,
Не предавайся печали, но прямо иди ты къ царицѣ.
Если не тщетно отцы научили меня предсказанью,
Я предвѣщаю тебѣ погибшихъ судовъ возвращенье:
Съ сѣвернымъ вѣтромъ попутнымъ къ пристани всѣ принесутся.
Видишь ли ты, какъ двѣнадцать летитъ лебедей по эфиру;
Какъ громоносецъ орелъ, изъ заоблачныхъ странъ упадая,
По небу свѣтлому стаю разсѣялъ? Смотри, какъ рядами
Тянутся долу и, тихо спускаясь на землю, ликуютъ.
Видишь ли ты, какъ они отъ радости треплютъ крылами?
Какъ опоясали небо кольцомъ и поютъ отъ восторга?
Такъ вотъ и флотъ твой плыветъ въ океанѣ и ратныхъ собратовъ

Парусомъ полнымъ къ пристани мчитъ, иль якорь бросаетъ.
Смѣло иди, и куда поведетъ тебя случай, послѣдуй".
  Тутъ обернулась она, лебединою шейкой блеснула,
Запахъ амврозіи всюду разлился небеснымъ дыханьемъ
Съ кудрей ея, и до самой пяты скатилась одежда:
Въ дивномъ, божественномъ видѣ явилась взорамъ богиня,
И Эней, узнавши матери образъ, воскликнулъ:
  „Какъ ты жестока, о мать! Для чего ты сына такъ часто
Призракомъ ложнымъ терзаешь? За что не могу я свободно
Руку съ рукою твоей съединить и услышать твой голосъ,—
Матери голосъ?"
  Такъ говоря, онъ путь направляетъ
Къ новому городу. Матерь богиня, обнявши ихъ мглою,
Темнымъ покровомъ тумана кругомъ облекла ихъ идущихъ,
Чтобы никто не видалъ пришельцевъ и ихъ не тревожилъ,
Не задержалъ ихъ въ пути, не спросилъ о причинѣ прихода.
Послѣ того сама удаляется въ Паѳосъ, въ восторгѣ
Видитъ свой храмъ и обитель, гдѣ алтари ей святые
И ѳиміамомъ сабейскимъ дымятся и розами дышатъ.
  Вотъ ужъ отправились въ путь, куда повела ихъ тропинка;
Всходятъ на холмъ, который предъ городомъ грозно поднялся:
Видны оттуда всѣ домы, лежащіе ниже въ долинѣ.
Зданьямъ дивится Эней, и гдѣ бѣдныя хижины были,
Тамъ мостовыя теперь, тамъ шумъ и кипѣнье въ народѣ.
Заняты дѣломъ Тирійцы. Одни тамъ стѣны возводятъ;
Тѣ ужъ строятъ бойницы и носятъ громадные камни;
Тѣ избираютъ мѣста и глубокой браздою обводятъ;
Тамъ производится судъ въ собраньи чиновъ и сената;
Здѣсь ужъ строится пристань, а тамъ основаніе роютъ
Зданью театра: иные изъ скалъ истесали колонны,
Будущей сцены красу. Такъ точно въ весеннее время
Пчелы, когда зашумятъ по цвѣтистому полю и дружно
Трудъ совершаютъ; когда иль юные рои выводятъ,
Или янтарные соты обсѣвъ, душистую влагу
Льютъ на ячейки: иль ношу однѣ отъ другихъ принимаютъ;
Или сгущенной толпою напавъ на трутней лѣнивыхъ,
Прочь изгоняютъ изъ ульевъ; кипятъ надъ работою пчелы,
И благовоннымъ тминомъ дышатъ пахучіе соты.
«О, блаженные люди! у васъ ужъ строются стѣны!»
Такъ восклицаетъ Эней, глядя на встающія зданья.
Вотъ онъ идетъ, окруженный туманомъ чудно и дивно;
Вотъ и проходитъ въ толпахъ и никѣмъ не замѣченъ въ народѣ.
  Тутъ по срединѣ роща была съ прохладною тѣнью:
Пуны, гонимые бурей, туда приставши впервые,
По указанью Юноны, тамъ изъ земли ископали
Черепъ коня; и это было предсказаньемъ народу
Славы въ военныхъ дѣлахъ и счастья на долгое время.
Тамъ возвышался и храмъ, посвященный Дидоной Юнонѣ;
Храмъ былъ богатъ и дарами, и дивною силой богини:
Мѣдныхъ ступеней ряды къ нему восходили, и брусья
Кованы мѣдью, и мѣдная дверь скрипѣла на крючьяхъ.
Въ этой рощѣ взорамъ представилось новое чудо;
Тамъ впервые Эней ободрился, и свѣтлой надежды

Лучъ пробѣжалъ по очамъ и послалъ утѣшеніе въ горѣ.
Тамъ, когда онъ разсматривалъ части великаго храма,
Ждалъ появленья царицы, дивился величію зданій,
Чуднымъ твореньямъ искусной руки, трудолюбью народа,
Вдругъ примѣчаетъ въ картинахъ знакомыя битвы у Трои,—
Битвы, молвой разнесенныя въ страны далекія міра.
Сталъ и, рыдая, сказалъ онъ Ахату: «Какія, о другъ мой,
Страны, какія мѣста не наполнены славой Троянцевъ!
Вотъ и Пріамъ—и здѣсь умѣютъ цѣнить добродѣтель;
Плачутъ и здѣсь, и дѣянія смертныхъ трогаютъ сердце!
Не опасайся же: слава избавитъ тебя отъ несчастья».
Такъ говорилъ онъ, и сердцу было и отрадно и больно.
Долго глядѣлъ онъ, и слезы струею текли по ланитамъ.
Видитъ Эней, какъ, вокругъ пергамской ограды сражаясь,
Тамъ убѣгаютъ Данайцы: троянское войско тѣснитъ ихъ,
Тамъ Трояне бѣгутъ: за ними въ шлемѣ косматомъ
Грозный Ахиллъ; а тамъ и Реза шатеръ бѣлоснѣжный
Онъ узнаетъ и рыдаетъ. Видно, какъ Тидидъ жестокій
Тамъ насыщается кровью во снѣ погруженнаго войска,
Быстрыхъ коней за собою уводитъ, не давъ имъ отвѣдать
Корму съ троянскихъ полей, ни водъ серебристаго Ксанѳа.
Далѣе видно—бѣжитъ безъ оружья Троилъ злополучный,—
Юный Троилъ, не по силѣ ахилловой длани могучей,
Павъ съ колесницы, повиснулъ,—и мчатся быстрые кони:
Страшно влечется, песокъ бороздя копьемъ обращеннымъ.
Жены троянскія тамъ, власы по плечамъ распустивши,
Къ храму гнѣвной Паллады идутъ, дорогую одежду
Въ даръ ей несутъ и въ отчаяньи дланью грудь поражаютъ.
Долу потупивъ очи, стоитъ неподвижно богиня.
Трижды вокругъ пергамской твердыни Гектора тѣло
Грозный влечетъ Ахиллесъ и за тѣло золота проситъ.
Видя оружье, коней и тѣло бездушное друга,
Видя, какъ бѣдный Пріамъ простеръ безоружныя руки,
Горько заплакалъ Эней и не могъ утолить онъ рыданій.
Тамъ онъ узналъ и себя межъ сонмовъ троянскихъ героевъ;
Видитъ восточную рать и чернаго Мемнона войско.
Тамъ со щитомъ полулуннымъ идутъ Амазонокъ дружины:
Пентезилея-царица ведетъ ихъ, сгарая желаньемъ
Битвы кровавой, и, грудь окруживъ золотою повязкой,
Смѣло вступаетъ съ героями въ битву жена героиня.
  Между тѣмъ какъ Троянецъ Эней дивится картинамъ,
Съ чуднаго зрѣлища взоровъ не сводитъ, имъ пораженный,—
Къ храму приходитъ Дидона, царица красы несравненной.
Множество юныхъ подругъ и сопутницъ ее окружаютъ.
На берегахъ Эврота, или на Цинтѣ высокомъ
Хоры Діана ведетъ, а за нею толпами несутся
Тысячи нимфъ, ореадъ; у нея на плечѣ перевѣшенъ
Легкій колчанъ, и ростомъ она всѣхъ богинь превышаетъ;
Чувствомъ покойной отрады волнуются перси Латоны:
Точно Дидона была такова, когда приходила
Въ сонмѣ подругъ и радостнымъ взоромъ своихъ ободряла.
Вотъ и войдя въ святыню, подъ сводомъ храма богини
Сѣвъ на высокій престолъ, окруженная войска рядами,

Начала судъ и законы давать, назначала работы
И раздѣляла между народомъ, иль жребій бросала.

Энеида—поэма Виргилія въ XII пѣсняхъ. Предметъ ея—основаніе государства въ Лаціумѣ троянскимъ выходцемъ Энеемъ, послѣ долгихъ странствованій. Первыя 6 пѣсень составляютъ подражаніе Одиссеѣ, послѣднія 6—Иліадѣ.

Содержаніе: *I пѣснь*: на 7-й годъ плаванія, Эней съ своими спутниками претерпѣваетъ бурю, воздвигнутую Эоломъ по просьбѣ Юноны, и приносится къ африканскому берегу. Венера, мать Энея, жалуется Юпитеру на козни Юноны; Юпитеръ утѣшаетъ ее, обѣщая въ будущемъ большую власть и значеніе ея сыну и его потомству. Подъ видомъ охотницы является Венера Энею и Ахату и направляетъ ихъ въ Карѳагенъ. Съ изумленіемъ осматриваютъ они городъ и входятъ въ храмъ, украшенный изображеніями изъ Троянской войны. Туда же приходитъ карѳагенская царица Дидона. Скрытые облакомъ, они видятъ, какъ благосклонно принимаетъ царица прочихъ спутниковъ, спасшихся отъ бури; ободренные этимъ, они выступаютъ изъ облака и встрѣчаютъ также благосклонный пріемъ. Между тѣмъ Венера посылаетъ въ Карѳагенъ Амура.

II пѣснь.[1] Разсказъ Энея Дидонѣ о разореніи Трои, о деревянномъ конѣ, о несчастной судьбѣ жреца Лаокоона, предостерегавшаго Троянъ и поплатившагося жизнью за то, что бросилъ копье въ этого коня; о пожарѣ Трои, о бѣгствѣ Энея съ отцомъ-старцемъ Анхизомъ, котораго онъ вынесъ на плечахъ, женою Креузою и сыномъ Асканіемъ (Юломъ) изъ горящаго города; во время этого бѣгства Эней теряетъ Креузу.

III пѣснь. Продолженіе Энеева разсказа: отплытіе Энея съ 20-ю кораблями изъ Трои во Ѳракію, гдѣ думаетъ онъ основать городъ; смущенный дурными предзнаменованіями плыветъ онъ далѣе. На о. Делосѣ оракулъ Аполлона повелѣваетъ ему искать мѣсто происхожденія его рода. Новыя злыя предзнаменованія вынуждаютъ его удалиться съ острова Крита (первоначальнаго мѣстопребыванія Троянъ), гдѣ онъ заложилъ уже городъ. Въ Акціумѣ устраиваетъ Эней въ честь Аполлона игры; принятъ дружелюбно Геленомъ, царемъ Эпира; мимо Сциллы и Харибды приплываетъ въ Сицилію, гдѣ находитъ одного изъ спутниковъ Одиссея, который разсказываетъ ему о Циклопахъ. На дальнѣйшемъ пути въ Дрепанумѣ умираетъ Анхизъ. Разсказъ Энея оканчивается упоминаніемъ о претерпѣнной имъ по отплытіи изъ Дрепанума бурѣ, которая и занесла его въ Карѳагенъ.

IV пѣснь. Изображеніе любви, которую возжигаетъ въ Дидонѣ Амуръ. Покинутая Энеемъ, отплывшимъ для исполненія своего назначенія по повелѣнію Меркурія, посланнаго Юпитеромъ,—Дидона въ отчаяніи убиваетъ себя.

V пѣснь. Неблагопріятный вѣтеръ заноситъ корабли Энея снова въ Сицилію. Эней посѣщаетъ могилу отца и устраиваетъ въ честь его состязанія. Во время этихъ игръ, оставшіяся на корабляхъ женщины производятъ пожаръ. По совѣту отца, явившагося во снѣ, Эней отсылаетъ женщинъ и стариковъ назадъ и съ остальными спутниками плыветъ въ Италію, покровительствуемый Нептуномъ.

VI пѣснь. Исполняя желаніе явившагося во снѣ Анхиза, въ Кумахъ Эней, сопровождаемый Сивиллой, посѣщаетъ подземный міръ. Здѣсь видитъ онъ тѣни умершихъ и между ними—Дидону и Анхиза. Души до-

---

[1] Эта пѣсня переведена Жуковскимъ.

жидаются истеченія тысячи лѣтъ своего здѣсь пребыванія, очищаясь, дабы, выпивъ воды забвенія изъ Леты, вновь родиться въ міръ. Въ числѣ ихъ Эней видитъ мужей будущаго Римскаго государства, и между ними — Августа.

VII пѣснь. Эней отплываетъ въ Лаціумъ. Царь Латинъ благосклонно принимаетъ его пословъ и по указанію оракула предлагаетъ ему свою дочь Лавинію въ замужество. Между тѣмъ, разгнѣванная успѣхами Троянъ Юнона посылаетъ фурію Алекто, которая возбуждаетъ войну между туземцами и Троянцами.

Во главѣ туземнаго войска вооружается царь Рутуловъ Турнъ, которому Амата, жена Латина, обѣщала руку Лавиніи.

VIII пѣснь. Обѣ стороны ищутъ союзниковъ. Эней плыветъ вверхъ по Тибру къ Эвандру, который основалъ городъ на холмѣ, впослѣдствіи названномъ Палатинскимъ. Онъ застаетъ Эвандра за жертвоприношеніемъ въ честь Геркулеса; Эвандръ разсказываетъ ему о подвигахъ Геркулеса и на слѣдующій день отпускаетъ съ 400 всадниками къ Эструскамъ. Пока Эней такимъ образомъ собираетъ союзниковъ, Венера побуждаетъ Вулкана изготовить вооруженіе своему сыну. Описаніе щита Энея[1].

IX пѣснь. Юнона посылаетъ Ирису къ Латинамъ для возбужденія ихъ противъ Троянъ. Турнъ намѣревается сжечь троянскій флотъ, но Юпитеръ обращаетъ корабли въ нимфъ. Трояне посылаютъ извѣстіе къ Энею и, напоивъ латинскую стражу виномъ, производятъ страшное кровопролитіе, но сами претерпѣваютъ нападеніе Турна, который врывается въ ихъ лагерь, производитъ опустошеніе и окруженный Троянами спасается, бросившись въ пограничную рѣку.

X пѣснь. начинается сценой на Олимпѣ: Юнона защищаетъ Латинянъ, Венера Троянъ. Юпитеръ, дабы не оскорбить ни той, ни другой стороны, обѣщаетъ предоставить рѣшеніе судьбѣ. Между тѣмъ возвращается Эней со вспомогательными войсками и флотомъ изъ Этруріи. Въ битвѣ погибаетъ Паллантъ, сынъ Эвандра; раздраженный этимъ, Эней истребляетъ множество Рутуловъ. Самъ Турнъ едва не погибаетъ; его спасаетъ Юнона, завлекая Энея призракомъ Турна въ ладью.

XI пѣснь. Трупъ Палланта торжественно отправляютъ къ Эвандру. Устанавливается 12-ти-дневное перемиріе. Латинъ предлагаетъ послать къ Энею посольство съ условіями мира. Эней подступаетъ къ городу съ двухъ сторонъ. Рутулы обращаются въ бѣгство. Турнъ спѣшитъ къ нимъ на помощь.

XII пѣснь. Не смотря на просьбы Аматы и Латина, Турнъ устраиваетъ единоборство съ Энеемъ, но Юнона посылаетъ нимфу разстроить это рѣшеніе. Войска снова вступаютъ въ битву. Въ то время, какъ раненый Эней оставляетъ поле сраженія, Турнъ совершаетъ чудеса храбрости. Изцѣленный матерью, Эней возвращается; не смотря на успѣхи своего оружія, не можетъ настигнуть Турна; рѣшается броситься на самый городъ; приближается къ нему и зажигаетъ его. Амата, думая, что Турнъ уже убитъ, повѣсилась.

Получивъ извѣстіе объ этихъ печальныхъ событіяхъ, Турнъ рѣшается на поединокъ, въ которомъ и погибаетъ отъ руки Энея.

Для современниковъ Виргилія Энеида предоставляла интересъ тѣмъ, что прославляла родоначальника важнѣйшихъ римскихъ родовъ, и родъ Цезарей возводила къ Юлу, Энееву сыну; троянское же происхожденіе Рима было оффиціально признано сенатомъ еще въ 472 (282) году.— Эней является лицомъ идеальнымъ: онъ и благочестивъ (pius), и храбръ, и нѣженъ, и мудръ. Такое соединеніе

---

[1] См. въ отд. «Описаній» (ч. I. стр. 147).

всѣхъ совершенствъ въ одномъ лицѣ лишаетъ его жизненной правды, что составляетъ противоположность съ героями поэмъ Гомера.

Изъ поэмы «Освобожденный Іерусалимъ» Тасса.

ИЗЪ ПѢСНИ I.

Священнымъ бранямъ пѣсни гласъ
И подвигамъ героя,
Который Гробъ Господень спасъ!
Мужъ разума и боя—
Онъ много одолѣлъ преградъ
На поприщѣ далекомъ:
И тщетно ополчался адъ
И Ливія съ Востокомъ;
Самъ Богъ герою споборалъ,
И свыше вдохновенный—
Блуждавшихъ спутниковъ собралъ
Подъ знамена священны.

Ты, Муза не надземныхъ мѣстъ,—
Не въ лаврахъ Геликона [1]
Красуясь, но въ вѣнцѣ изъ звѣздъ,
У Божіяго трона,
Гдѣ праведники пьютъ въ тиши
Блажества вѣчны токи,—
Ты, Муза рая, мнѣ внуши,
Вдохни восторгъ высокій,
И свѣтъ на пѣснь мою пролей!
Прости, когда порою
Одеждой чуждой,—не твоей
Я истину прикрою.
Волшебны вымыслы манятъ
Людей къ себѣ толпами;
Имъ истина милѣй сократъ,
Когда ее цвѣтами
Холмовъ Парнасскихъ уберутъ.
Такъ часто мы больному
Младенцу подаемъ сосудъ,
По краю золотому
Распрыскавъ сладкій ароматъ
И—чуждымъ подозрѣнья—
Въ сосудѣ горькій сокъ пріятъ,
Въ обманѣ—даръ спасенья [2].

Альфонсъ [3], благотворитель мой,
Исторгнувшій у рока
Меня спасительной рукой
Изъ бурнаго потока,
Когда, межъ волнъ, межъ скалъ носясь,
Блуждалъ челнокъ мой зыбкій,—
Услышь пѣвца обѣтный гласъ
И ободри улыбкой!
Быть можетъ, грянетъ и тебѣ
Пѣснь Музы прозорливой,
Какъ день придетъ твоей судьбѣ
Исполниться счастливой.
Быть можетъ,—если міръ Христовъ,
Соединивъ десницы,
Пошлетъ на Божіихъ враговъ
Коней и колесницы
И вновь рѣшится возвратить
Святое достоянье,—
Ты будешь строи предводить
На горнее воззванье [4].
Ревнитель въ мирѣ и войнѣ
Великаго Готфреда!
Склонись вниманіемъ ко мнѣ,
Въ твой слухъ гремитъ побѣда.

Уже шестой вращался годъ [5],
Какъ вѣрныхъ цѣль высока
Отъ Западныхъ созвала водъ

---

[1] *Геликонъ*—гора въ Беотіи, посвященная Аполлону и музамъ.—[2] Взглядъ Тасса на усвоенные изъ классической поэзіи образы, какъ на украшеніе повѣствованія.—[3] *Альфонсъ II.* (1559—19) герцогъ феррарскій, изъ дома Эсте, покровитель Тасса.—[4] Мысль о возможности новаго крестоваго похода была раздѣляема многими въ Италіи во время Тасса Не болѣе 100 лѣтъ назадъ папа Юлій II былъ готовъ предпринять такой походъ. Когда Тассъ писалъ эти строки, итальянскіе князья заключили союзъ противъ Турокъ, послѣдствіемъ котораго была знаменатая битва при Лепанто (8 окрября 1571 г.). —[5] Поэтъ вводитъ читателя, подобно Виргилію, въ средину событія.

Въ далекій край востока;
Уже Никейскихъ гордость вратъ
  Предъ ихъ склонилась силой;
Великій Антіоха градъ
  Искусство покорило,
И, взятый, не боялся силъ
  Персиды многолюдной:
Въ Тортозѣ до весны почилъ
  Громъ браней непробудно.

И близокъ былъ конецъ зимы:
  Сіянье небосклона
Сводило радость на холмы:
  Тогда съ святаго трона,
Который выше въ небесахъ
  Блеститъ надъ сферой звѣздной,
Чѣмъ звѣзды въ свѣтлыхъ высотахъ
  Надъ мрачной ада бездной,—
Творецъ, склонившій долу взглядъ,
  Все зритъ; въ мгновенье ока
Весь міръ Всевидящимъ объятъ,
  Вся цѣпь существъ далека.

Въ сей мигъ на западныхъ вождяхъ
  Приникъ предвѣчнымъ окомъ,
Все въ ясныхъ видящихъ лучахъ
  На днѣ сердецъ глубокомъ,—
И зритъ Готфреда; вѣры сынъ
  Одно питалъ желанье [1]:
Невѣрнымъ чадамъ Сарацинъ
  Изъ стѣнъ святыхъ изгнанье;
Другой онъ славы не искалъ;
  Имъ презрѣна порфира
И ослѣпляющій металлъ
  И обольщенья міра.

Кичливый Бальдуина умъ
  Земной лишь славы жаждетъ;
Она—источникъ гордыхъ думъ;
  Танкредъ любовью страждетъ,
И шумный свѣтъ ему не милъ,
  И жизнь—не жизнь, терзанье:
Заботы Боэмондъ склонилъ
  На новое стяжанье:

Онъ свѣтъ познаній разливалъ
  Въ своей Антіохіи,
Христову вѣру водворялъ
  И нравы въ ней благіе.

И мыслью занятый одной,
  Не зналъ другихъ желаній;
Ринальдъ, презрѣвъ души покой,
  Въ пылу своихъ мечтаній
Носился думой по полкамъ
  Межъ строевъ грозной сѣчи,
Когда, приникнувшій къ устамъ,
  Онъ слушалъ Гвельфа рѣчи;
Не злато, не верховна власть
  Въ немъ сердце зажигала,
Но чести пламенная страсть
  Геройскій духъ питала.

Измѣривъ глубину сердецъ
  И ратну вѣрныхъ силу,
Воззвалъ Всевышній [2] наконецъ
  Съ престола къ Гавріилу,
Второму въ свѣтлостяхъ небесъ,
  Въ строяхъ Духовъ служебныхъ.
Переноситель чистыхъ слезъ
  И отзывовъ молебныхъ,
Архангелъ и посредникъ сей
  Межъ правыхъ душъ и Бога,
Съ спасеньемъ сходитъ въ міръ людей
  Отъ горняго чертога.

Къ нему воззвалъ Творецъ: «Теки
  И обрѣти Готфреда,
О имени моемъ реки:
  Гдѣ слава, гдѣ побѣда?
И долго ли Солиму [3] ждать
  Отъ ига избавленья?
Да соберетъ водящихъ рать
  И огнь пробудитъ рвенья;
Да нарекутъ своимъ вождемъ
  Предъизбраннаго Мною;
Сподвижникъ на пути святомъ
  Да будетъ имъ главою!»

---

[1] *Готфредъ* — подобно Энею Виргилія представленъ безукоризненнымъ образцомъ совершенства, согласно понятіямъ автора. Ниже кратко характеризуемые сподвижники его (Бальдуинъ, Танкредъ, Боэмондъ и Ринальдъ) представлены болѣе или менѣе односторонними.—[2] Ср. «Энеиду» (I, 223): «Юпитеръ съ высокаго неба, долу простерши взоры, моря и широкія земли, и берега, и народы всевидящимъ окомъ окинувъ, сталъ на вершинѣ небесъ и на Либію взоръ устремляетъ. Долго глядѣлъ онъ».—[3] *Солимъ*—Іерусалимъ.

Воззвалъ,—и вѣстникъ Бога силъ,
По гласу въ путь готовый,
Незримый образъ свой увилъ
Въ эѳирные покровы;
И Духъ онъ смертный принялъ видъ,
Для чувства постижимый:
Въ цвѣтущей прелести ланитъ
Величье неба зримо;
Въ немъ возрастъ юношескихъ лѣтъ
Съ младенческимъ смежался,
Съ шелковыхъ кудрей солнца свѣтъ
Лучами разливался.
. . . .
И долго думалъ онъ [1] съ собой:
Кто сей пришлецъ безвѣстный?
Отколь велѣнья гласъ святой?
И ревностью небесной
Его затрепетала грудь,
И вспыхнуло желанье
Свершить побѣды главный путь
И оправдать избранье.
Не гордость въ сердцѣ отдалась,—
Въ немъ воля съ Божьей волей,
Какъ искра съ пламенемъ, слилась
И нераздѣльна болѣ.

И спутниковъ онъ наконецъ
Изъ ближнихъ мѣстъ сзываетъ;
И за гонцомъ вослѣдъ гонецъ
Къ ихъ ставкѣ прибѣгаетъ;
И не щадитъ для нихъ герой
Совѣтовъ и моленья;
И все, что сильно надъ душой
Въ минуты вдохновенья,
И все, что можетъ пробудить
Къ великому порывы,
Умѣлъ въ одно совокупить
Готфредъ благочестивый.

Стекаются вожди дружинъ,
За ними вслѣдъ другіе;
Остался Боэмондъ одинъ
Въ своей Антіохіи;
Иныхъ пріемлютъ кровы селъ,
Иныхъ Тортозы стѣны,
Иныхъ шатры; и день сошелъ
На землю незабвенный;
И всѣ собрались на совѣтъ
Въ смиреньи думъ глубокомъ;
Межъ нихъ витійствуетъ Готфредъ,
И льется рѣчь потокомъ...
. . . .
Умолкъ, и шепотъ пробѣжалъ
Въ собраніи героевъ.
Тогда пустынникъ Петръ востсталъ,
Рожденный не для боевъ,
Не вождь, но первый, кѣмъ открытъ
Къ Сіону путь далекій.
«Готфреда рѣчь»—онъ говоритъ—
«Гласъ истины высокой,
И полный мудрости совѣтъ,
И сердца убѣжденье;
Но опытъ мнѣ протекшихъ лѣтъ
Одно внушилъ сомнѣнье.

«Склоняю ль къ нимъ мой тусклый взоръ,
И горькія обиды,
И вѣчный между васъ раздоръ,
И самовластья виды;
И неокончены труды,
Великіе началомъ,
Являютъ мрачные слѣды
Подъ мрачнымъ покрываломъ;
И первая всѣхъ золъ вина—
Раздѣлъ верховной власти;
Гдѣ власть межъ всѣхъ уравнена
Тамъ въ вѣчномъ спорѣ страсти.

Гдѣ не слилася власть въ одномъ,
Могущемъ для боязни
И поощренія—съ судомъ
Творить и мзду и казни
И въ санъ достоинствъ облекать;
Тамъ зыбкій членъ правленья
Невольно осужденъ блуждать
По безднамъ треволненья.
О, будь же въ васъ одинъ вождемъ!
Досель вы были равны.
Отсель ему въ пути святомъ
Вручите скиптръ державный».

Умолкъ благочестивый мужъ.
Но гдѣ, Небесна Сила!
Гдѣ ты не проникала душъ?
Ты старца вдохновила;
Ты рѣчь его въ сердцахъ вождей
Глубоко начертала;
Ты сѣмя древнее страстей,
Ты гордость ихъ попрала.

---

[1] Готфредъ.

Вильгельмъ и Гвельфъ,—дотолѣ имъ
 Всѣхъ болѣ виды льстили,—
Готфреда первые своимъ
 Вождемъ провозгласили.

Ихъ гласъ былъ—всѣхъ сердецъ отвѣтъ.
 И, полный умиленья,
Готфреду витязей совѣтъ
 Ввѣряетъ жезлъ правленья
И власть—рѣшить, повелѣвать
 Другими въ ратномъ полѣ,
Законы плѣннымъ налагать
 И брань вести по волѣ.
И быстро разнеслась кругомъ
 Стоглавою молвою
Громова вѣсть: Готфредъ вождемъ,
 Готфредъ вождей главою!

И онъ предсталъ полкамъ; вся рать
 Восторгомъ встрепетала;
И на челѣ его печать
 Величія сіяла.
Пріявъ привѣтствіе полковъ
 Съ осанкою спокойной,
Отвѣтствуетъ имъ лаской словъ,
 Вождя вождей достойной;
И слышенъ былъ велѣнья гласъ:
 Заутра всей дружинѣ
Въ доспѣхахъ битвъ, въ разсвѣтный часъ
 Собраться на долинѣ.
На утро запылалъ востокъ
 Необычайнымъ свѣтомъ,
И шумный воинства потокъ,
 Съ торжественнымъ резсвѣтомъ
При плескѣ развитыхъ знаменъ,
 Разлился вдоль равнины,
И воздухъ ярко озаренъ
 Доспѣхами дружины.
Предсталъ Готфредъ, далъ знакъ рукой;
 И предъ его очами
Тамъ конныхъ рядъ, тамъ пѣшихъ строй
 Расходится полками [1].

. . . .

Идетъ задумчивый Танкредъ,
 Любимецъ бранной славы,—
И не было въ толпѣ вождей,
 Ринальда не считая,
Искуснѣй въ битвахъ и сильнѣй;
 Одна любовь слѣпая,
Рожденная въ кровавый день,
 Въ коварный мигъ покоя,
Набрасывала легку тѣнь
 На доблести героя.

Есть слухъ: однажды въ день побѣдъ,
 Какъ вѣрные разбили
Персиды грозну рать, Танкредъ
 Въ послѣдній часъ усилій
Преслѣдовалъ толпы враговъ,
 Бѣжавшихъ пораженья;
Усталый—онъ въ тѣни кустовъ
 Искалъ отдохновенья
И струй изсякнувшимъ устамъ;
 Завидѣвъ токъ прозрачный,
Сошелъ съ коня, спѣшилъ къ струямъ,
 Кропившимъ берегъ злачный.

И видитъ дѣву [2]—легкій станъ
 Оружіемъ покрытый.
На раменахъ звенѣлъ колчанъ,
 Но безъ забралъ ланиты,
И шлемъ не прикрывалъ чела.
 Какъ онъ, по волѣ рока
Она, усталая, пришла
 На мшистый брегъ потока.
Танкредъ взглянулъ и... побѣжденъ:
 Любовь ужъ торжествуетъ,
И сердце отдается въ плѣнъ,
 И плѣнное тоскуетъ.

Она шлемъ на главу и—въ даль;
 Не будь вблизи другіе,
Надъ нимъ бы разразилась сталь
 И громы боевые.
Сокрылась дѣва красоты
 Отъ глазъ героя страстныхъ;
Но дѣвы милыя черты,
 И свѣтъ очей прекрасныхъ
Отрисовались ясно въ немъ;
 Игра мечты игривой—
Онъ видитъ въ ночь, онъ видитъ днемъ
 Все, близкое къ ней, живо.

И на челѣ его печать
 Унынія лежала:
Подъ ней внимательная рать
 Любовь его читала;

---

[1] Слѣдующее далѣе перечисленіе войскъ ср. съ Ил. (II) и Энеидой (VII, 641).—[2] Клоринду.

Вездѣ онъ съ бременемъ скорбей,
  Вездѣ съ поникшимъ взоромъ.
Семь тысячъ конницы своей,
  Блистающей уборомъ,
Съ полей роскошныхъ онъ привелъ,
  Гдѣ тучный сынъ Тосканы
Любуется на все: на долъ,
  На холмъ, на лугъ разстланный.

. . . .

Камилловъ строй послѣдній былъ.
  Тогда водящимъ рати
Готфредъ глубоку мысль открылъ
  И тайну предпріятій:
Заутра,—только день взойдетъ,
  И первыми лучами
Востокъ торжественный зажжетъ,—
  Мы двинемся полками
Къ Ерусалимовымъ стѣнамъ,
  И орлей быстротою
Нежданный страхъ примчимъ врагамъ,
  Предавшимся покою.

«Васъ ждетъ и путь, и новый бой!
  И новая побѣда;
Къ нимъ мыслью, сердцемъ и стопой!»
  Сказалъ—и рѣчь Готфреда,
И радость свѣтлаго лица
  Вождей одушевила;
И окрылялись ихъ сердца,
  И пробуждалась сила.
Всѣ ждутъ денницы молодой,
  У всѣхъ во взорѣ ясность;
Лишь въ тайнѣ вождь смущенъ душой,
  Предвидѣвшій опасность.

. . . .

. . . .

Въ тѣ дни царемъ былъ Аладинъ
  На зыблемомъ престолѣ [1],
Тиранъ, подъ бѣлизной сѣдинъ
  Возвысившійся долей;
Заботы и преклонность дней
  Смягчили въ немъ суровость;
Но вѣсть о вспыхнувшей войнѣ,
  Но горестная новость
Въ немъ пробудили новый страхъ
  И древнія коварства;
Его смущалъ и близкій врагъ
  И подданные царства.

Въ стѣнахъ Сіона двухъ племянъ
  Народы обитали:
Большая часть Магометанъ;
  Другіе почитали
Христа Спасителя людей,
  Пришедшаго отъ Бога.
На нихъ въ жестокости своей
  Большую часть налога
Царь новый возложилъ и далъ
  Единовѣрцамъ льготы,
Когда въ Солимѣ скиптръ пріялъ
  И царственны заботы.

И ожидать не могъ тиранъ
  Усердья и любови
Отъ притѣсненныхъ христіанъ.
  Вскипѣла жажда крови;
Жестокость, стихшая отъ лѣтъ,
  Проснулась съ силой новой.
Таковъ выходитъ змѣй на свѣтъ,
  Какъ минетъ хладъ суровый;
Такъ левъ въ неволѣ у людей
  Случайно раздраженный,
Подъемлетъ гриву и съ очей
  Сверкаетъ гнѣвъ врожденный.

ИЗЪ ПѢСНИ IV.

Межъ тѣмъ, какъ въ станѣ христіанъ
  Росли изъ древъ громады,—
Врагъ смертныхъ, обративъ на станъ
  Завистливые взгляды,
Въ неистовствѣ затрепеталъ,
  Заскрежеталъ зубами,
И гнѣвъ безсильный выражалъ
  Кровавыми слезами;
И долго сѣятель крамолъ
  Изъ устъ сквозь брызги пѣнны
Стонъ скорби изрыгалъ, какъ волъ,
  Сѣкирой пораженный.

И замышляетъ онъ собрать
  Всѣ ужасы гоненья
На вѣрную Христову рать,
  И гласомъ повѣленья
Созвать рабовъ своихъ предъ тронъ
  Безсвѣтнаго чертога.
Безумны замыслы!... и онъ
  Дерзнулъ противу Бога?
И онъ предать забвенью могъ—

[1] Авторъ переходитъ къ изображенію враговъ Готфреда.

Преступникъ безотвѣтный,—
Какъ молньи гнѣва мещетъ Богъ
Десницей огнецвѣтной?

Завылъ трубы призывный гласъ
По пропастямъ заклеповъ:
Дремавшій Тартаръ сонъ отрясъ;
И эхо внутрь вертеповъ
Грохочетъ, съ трескомъ раздробясь,
И воздухъ воемъ воетъ.
Не такъ громъ, съ бурей согласясь,
Эѳиръ горящій роетъ;
Не такъ земли трепещетъ грудь,
Когда пары сопрутся
И, силой пробивая путь,
Изъ заключенья рвутся.

И тмами духи безднъ парятъ
Изъ глубины затворовъ;
Стеклись вокругъ высокихъ вратъ
Ужасные для взоровъ;
Съ очей ихъ страхъ и смерть бѣжитъ.
Иныхъ стопы звѣрины
Въ ходу на прахѣ слѣдъ копытъ
Кладутъ; по челамъ длинны
Власы, сходящіе волной,
Змѣями перевиты;
И ошибы, какъ бичъ крутой.
То свиты, то развиты.

Тамъ Гарпій тысячи дробятъ
Крылами воздухъ смрадный;
Тамъ Сфинксовъ и Центавровъ рядъ;
Тамъ Сциллы лаютъ гладны
Неизчислимой тмою темъ;
Тамъ дышутъ милліоны
Химеръ негаснущимъ огнемъ;
Тамъ стонутъ Геріоны,
Тамъ Лернскихъ гидръ стада шипятъ:
Весь родъ тамъ неключимый—
Тамъ всѣ чудовища кишатъ
Неслыханны, незримы.

И всѣ, на строи раздѣлясь.
Вкругъ грознаго владыки
Усѣлись, притаили гласъ;
Межъ нихъ, угрюмо-дикій
Плутонъ, со скипетромъ въ рукахъ
Изъ тяжкаго гебена [1].
Утесы и скалы въ моряхъ,
И Кальпа, и Морена,
И Альпы—были бъ передъ нимъ
Чуть видными холмами:
Такъ станомъ онъ высокъ своимъ,
Главою и рогами!
Черты надменнаго чела
Свирѣпо-величавы:
На нихъ—густая страховъ мгла
И память прежней славы;
Багровый взоръ горитъ бѣдой,
Какъ грозная комета;
Власиста грудь брадой сѣдой
Всклокоченной одѣта;
Уста, съ которыхъ черна кровь
Сливается въ потоки,—
Зіяющей геенны ровъ
Глубокій и широкій.

Клубясь, съ нихъ вихремъ пламя бьетъ
И дымъ и смрадъ дыханья:
Такъ Этна жерлами дохнетъ
И—разольетъ степанья
И сѣрный смрадъ изъ края въ край
И огненныя лавы.
Онъ началъ рѣчь, и унявъ лай,
Смолкъ Церберъ троеглавый;
Уснулъ свистъ Гидры, и Коцитъ
Не отплеснетъ волною;
Содрогся Адъ; и рѣчь гремитъ
По Тартару трубою:

«Вамъ—Боги безразсвѣтныхъ мѣстъ,
Достойнымъ лучшей доли—
Пріявшимъ жизнь превыше звѣздъ,—
Вамъ, въ бездны сей юдоли
Со мной ниспадшимъ съ горнихъ сферъ
Въ борьбѣ для насъ жестокой,—
Извѣстны корни вражьихъ мѣръ
И замыслъ нашъ высокій:
Но врагъ могучій нашъ звѣздамъ
Даетъ законы въ небѣ.
А намъ—изгнанія сынамъ—
Гдѣ жить дано? въ Эребѣ.

«На мѣсто прежнихъ свѣтлыхъ дней
И солнца золотаго
Мы видимъ мракъ темницы сей
И ничего другаго;
Намъ и надежды не дано
На прежней стать степени...

[1] Изъ чернаго дерева.

Но это ли для насъ одно
  Изъ тягостныхъ мученій?
Онъ человѣка отъ земли
  Воззвалъ въ страны небесны;
И зарожденному въ пыли
  Сіяетъ свѣтъ прелестный.

. . . .

«И мы воздремлемъ въ безднахъ тьмы?
  И въ сердцѣ благородномъ
Не отзовется честь? И мы
  Въ бездѣйствіи холодномъ
Врагамъ попустимъ возрасти,
  И Азіи народы
Попрать, и лавръ побѣдъ внести
  За Іордански воды,
И славу нашего врага
  Въ сердечномъ умиленьи
Принесть на дальніе брега
  Въ кумирахъ, въ пѣснопѣньи?

«И наши алтари предъ нимъ
  Зажгутся въ ѳиміамахъ?
И мы попранными узримъ
  Кумиры въ нашихъ храмахъ?...
Ему и злато и ливанъ
  И благовонна мирра;
А намъ, кому отъ странъ до странъ
  Во всѣхъ предѣлахъ міра
Не затворялась храмовъ дверь,—
  Нѣтъ мѣста для коварства?
И будетъ вашъ Плутонъ теперь
  Царемъ пустаго царства?

«О нѣтъ! въ насъ прежняго огня
  Вѣка не угасили;
Вы не забыли, други, дни,
  Какъ мы въ жару усилій
Оружье въ длани—и войной
  Противъ небесъ возстали.
Мы, правда, въ битвѣ роковой
  Побѣждены; мы пали:
Но—не безъ доблести сердецъ.
  Побѣдою кровавой
Счастливѣйшимъ сужденъ вѣнецъ,
  А намъ—отважность съ славой.
«И медлимъ мы?.. Скорѣй, друзья,
  Сподвижники Плутона!
Надежда твердая моя
  И честь и оборона!
Скорѣе на враговъ ударъ,
  Пока не возмужали;
Спѣшите угасить пожаръ,
  Пока не запылали
Всѣ Іорданскіе брега;
  Проникните до стана
И не щадите для врага
  Ни силы, ни обмана.

«Да воля Ада—приговоръ
  Имъ будетъ вѣчный рока!
Однимъ — блуждать межъ рѣкъ, межъ горъ,
  Тѣмъ въ станѣ смерть жестока,
Инымъ—пріятный плѣнъ любви,
  Улыбка, страстны взоры,
Да плавать жаждущи въ крови
  Проснутся заговоры;
Да въ станѣ водворясь вражда,
  Сотретъ съ земли несчастныхъ,
И не останется слѣда
  Развалинъ ихъ ужасныхъ"!

Еще Плутоновъ гласъ не смолкъ—
  И ринулся изъ бездны
Духовъ враждебныхъ черный полкъ
  Взглянуть на своды звѣздны—
На яркій свѣтъ лучей златыхъ.
  Такъ ропщущія бури,
Исторгшись изъ пещеръ родныхъ,
  Стремятся блескъ лазури
Небесной мраками облечь,
  И въ шумѣ завываній
По сушѣ, по морямъ протечь

  Съ опустошеньемъ брани.
И скоро, рѣя на крылахъ
  Волнистаго эѳира,
Они разлились, вѣрнымъ въ страхъ,
  По всѣмъ предѣламъ міра;
Неутомимые не спятъ,
  Коварства вымышляя.
Открой коварствъ ихъ длинный рядъ,
  Открой намъ, Муза Рая!

. . . .

Въ Дамаскѣ Идраотъ владѣлъ—
  Волшебникъ знаменитый;
Досугъ отъ царственныхъ онъ дѣлъ
  Наукѣ, въ тайнѣ скрытой,—
Гаданьямъ дивнымъ посвящалъ
  Отъ раннихъ лѣтъ до позднихъ.
Что пользы? Онъ не предузналъ
  Событій брани грозныхъ....
Онъ взоры къ небу; тамъ блестятъ
  Сомнѣньемъ своды звѣздны;
Онъ чарами вопроситъ Адъ,—
  И безотвѣтны бездны.

Что мудрость гордая людей?
  Безумное мечтанье!
Волшебникъ въ слѣпотѣ своей,
  Увѣровавъ въ гаданье,
Прорекъ паденье христіанъ
  И торжество Востока;
Прорекъ побѣды Египтянъ
  И, провозвѣстникъ рока,
Самъ съ побѣдителемъ хотѣлъ
  Дѣлить борьбу кроваву
И сладкій плодъ геройскихъ дѣлъ—
  Не меркнущую славу.
. . . .
Его наставилъ на дѣла
  Самъ Духъ—губитель Рая.
У старца гордаго была
  Племянница младая [1];
Онъ съ дѣтства тайны чаръ открылъ
  Племянницѣ любимой.
Востокъ ей пальму уступилъ
  Красы непобѣдимой.
И прелести и женскій умъ—
  Все въ ней сердца плѣняло.
Ей царь ввѣряетъ тайну думъ
  И подвиговъ начало:
. . . .
«Иди къ врагамъ и покажи
  Все женское искусство:
Смягчи, разнѣжь, обворожи
  И усыпи въ нихъ чувство;
Въ слезахъ съ рыданьемъ вздохи слей
  И съ жалобой—моленье,
И у безжалостныхъ умѣй
  Исторгнуть сожалѣнье;
На вымыслъ—истины цвѣты,
  На смѣлые порывы—
Невинности и простоты
  Набрось покровъ стыдливый.

«Коль можешь,—мысль останови
  Отважну на Готфредѣ;
Пусть онъ, томясь въ цѣпяхъ любви,
  Забудетъ о побѣдѣ;
Не можешь,—обольсти другихъ
  Великихъ въ бранномъ полѣ,
И отведи въ страну для нихъ
  Неисходиму болѣ».
. . . .
Не много дней прошло; она
  Явилась передъ станомъ;
И тишина пробуждена
  При говорѣ сліянномъ.
Обвороженные красой
  Всѣхъ взоры къ дѣвѣ юной
Склонились, какъ къ звѣздѣ златой,
  Невиданной въ подлунной;
Къ ней тѣснымъ рыцари путемъ—
  Другъ друга вопрошая:
Откуда, отъ кого, зачѣмъ,
  Кто странница младая?

Ни самъ Аргосъ подобныхъ ей,
  Ни Кипръ не зрѣлъ, ни Делосъ:
Волнисто золото кудрей
  То сквозь покровъ глядѣлось,
То, струйкой выбѣжавъ живой,
  Сіяло на свободѣ:
Такъ солнце, выводя порой
  Веселіе погодѣ,
То блѣднымъ свѣтится лучомъ
  Сквозь облака сребристы;
То, выбравшись изъ нихъ, кругомъ
  Разсѣетъ свѣтъ огнистый.

Власы по мрамору плечей
  Паросскому разлиты,
Самой природою у ней
  Въ волнисты кудри свиты;
Взоръ полонъ нѣгъ, но скупъ; онъ ихъ
  Въ тѣни рѣсницъ скрываетъ;
Въ ланитахъ межъ лилей живыхъ
  Румянецъ розъ пылаетъ:
А на устахъ, гдѣ вѣтерокъ
  Любви такъ сладко вѣетъ,
Одинъ, раскинувшись, цвѣтокъ
  Царицы нѣгъ алѣетъ.

. . . .
Что шагъ—Армида торжество
  И похвалы встрѣчала,
И будто въ простотѣ, того
  Совсѣмъ не замѣчала.
Идетъ—по прежнему скромна—
  Въ надеждѣ на побѣду,
И проситъ доступу она
  У витязей къ Готфреду.
. . . .
. . . . . Вождемъ ободрена
  Молчанье прерываетъ;
И рѣчи сладкой тишина

[1] Армида.

Плѣненная внимаетъ:

«Великій крѣпостью раменъ,
И мудростью совѣта.
Ты славою превознесенъ
Во всѣхъ предѣлахъ свѣта:
Тебѣ властители земли
И сильные народы
Отъ сердца дани обрекли
Къ сокровищемъ свободы;
Ты правотой сердца враговъ
Плѣнилъ непримиримыхъ;
Ты всѣмъ—своимъ, чужимъ покровъ,
Ты другъ судьбой гонимыхъ.
. . . .

«Мы дѣти вѣры не одной;
Ты брань ведешь со мною;
По ней ты врагъ жестокій мой:
Но ждать и вѣрить смѣю,—
Ты возвратишь мнѣ тронъ отцовъ
И скипетръ мой законный.
Другіе ищутъ отъ враговъ
У ближнихъ обороны,
А я, несчастная, зову
Изъ вражескаго стана
Мечи на родственну главу—
На кровнаго тирана.
. . . .

«Родитель мой былъ Арбилланъ,
Дамаска повелитель;
Не царскій сынъ, но въ царскій санъ
Облекся мой родитель,
Пріявъ вѣнецъ—и скиптръ съ рукой
Прекрасной Карикліи....
Увы! мнѣ не дано судьбой
Къ ея ласкаться выѣ:
Въ тотъ горькій день, какъ я на свѣтъ
Глаза свои открыла,
Она прелестный міра цвѣтъ—
На вѣкъ свой закрыла.

«Едва минуло десять лѣтъ
Со дня, какъ въ прахъ земные
Покровы сбросивъ, горній свѣтъ
Узрѣла Кариклія,
И мой отецъ за ней сошелъ
Съ земли осиротѣлой,
Оставивъ брату и престолъ
И возрастъ мой незрѣлый.
Родитель мой его любилъ
Любовью друга нѣжной,
И ввѣривъ дочь ему, почилъ
Спокойно, безмятежно.

«Принявъ залогъ сей отъ отца,
Онъ весь былъ занятъ мною;
Онъ трогалъ добрыя сердца
Душевной простотою,
Отцовской нѣжностью ко мнѣ
И рѣдкой правотою.
Не знаю, искренни ль онѣ
Бывали той порою,—
Или, наружностью одной
Прикрывъ души коварство,
Заранѣ онъ съ моей рукой
Готовилъ сыну царство.

«Мы вмѣстѣ—сынъ и я—росли,
И приходили въ годы;
Но съ возрастомъ не разцвѣли
На немъ дары природы.
Родясь не для высокихъ чувствъ,
Онъ презиралъ ученье,
Чуждался прелести искусствъ
И—гордое творенье,
Дитя, достойное отца,—
Неистовый, жестокій,
Онъ съ безобразіемъ лица
Всѣ слилъ въ себѣ пороки.

«И вотъ достойный человѣкъ!
Ему-то мой блюститель
Меня въ супружество обрекъ....
Докучливый родитель
Не преставалъ мнѣ говорить,
Твердилъ одно и то же,
Что съ нимъ должна я раздѣлить
Мой тронъ и брачно ложе.
Онъ все искусство истощилъ,
Чтобъ выманить признанье;
Но мой отвѣтъ всегдашній былъ—
Отказъ или молчанье.

«Однажды на закатѣ дня,
Нахмуренъ мрачной думой,
Одну оставилъ онъ меня;
И видъ его угрюмый
Мнѣ все сказалъ; и съ этихъ поръ
Я мирныхъ сновъ не знала;
И часто по ночамъ, какъ взоръ
Усталый я смежала,
Толпились тѣни у очей
Въ одеждѣ погребальной.
И врѣзали въ душѣ моей
Предвѣстіе печально.
. . . .

«Однажды—къ счастію иль нѣтъ—
Предсталъ ко мнѣ служитель,
Котораго отъ дѣтскихъ лѣтъ
Въ чертогахъ мой родитель
И воспиталъ и отличалъ.
Онъ, тронувшись несчастьемъ
Гонимой жертвы, мнѣ открылъ
Съ заботливымъ участьемъ,
Что смерть моя не вдалекѣ;
Что ядъ рукой преступной
Повѣренъ былъ его рукѣ
Невинной, неподкупной;

«Что нѣтъ другаго средства мнѣ
Спасти остатокъ жизни,
Какъ, ввѣрясь мрачной тишинѣ,
Оставить край отчизны;
И въ то же время предложилъ
Защиту беззащитной,
И робкую уговорилъ
Бѣжать изъ града скрытно;
Когда на вѣжды смертныхъ сны
Налягутъ тяготѣя,—
Бѣжать отеческой страны,
Далеко отъ злодѣя.
День догорѣлъ, и ночь сошла
Со тьмой необычайной;
Я двухъ рабынь съ собой взяла
И въ путь вступила тайно;
Избранныя онѣ со мной
Изгнанье раздѣляли.

. . . .

Блуждая безъ ночлега,
Усталыя—мы къ рубежамъ
Отчизны незабвенной
Приблизились, и въ замокъ тамъ
Вступили укрѣпленный.

«Богатымъ замкомъ тѣмъ владѣлъ
Аронтъ, мой избавитель;
Межъ тѣмъ свирѣпствовалъ, кипѣлъ
Жестокій мой гонитель:
Онъ видѣлъ—жертва изъ подъ рукъ
Кровавыхъ ускользнула
И купленну цѣною мукъ
Надежду обманула.
Злодѣй себѣ не измѣнилъ,
И то, что̀ самъ готовилъ
Несчастной мнѣ, на насъ сложилъ,
И насъ же озлословилъ.

«Онъ слухъ разсѣялъ будто я
Аронта подкупила,
И ядъ съ нимъ въ чашѣ питія
Тирану растворила.

. . . .

Злодѣй! онъ честь мою чернитъ....
Нѣтъ! прежде раздраженный
Перунъ меня испепелитъ,
Чѣмъ презрю долгъ священный!

«Алкай онъ злата, и моей
Невинной жаждай крови,—
Мнѣ бъ легче было: но злодѣй
Дыханіемъ злословій
Невинность чистую мою
Пятнять безстыдно смѣетъ;
Онъ клевету въ моемъ краю,
Въ моей столицѣ сѣетъ,
Чтобъ мнѣ въ защиту не возсталъ
Народъ мой благородный
И діадимы не сорвалъ
Съ главы его коварной.

«Въ сіяньи моего вѣнца
Сѣдящій на престолѣ
Тиранъ неистовствамъ конца
Не полагаетъ болѣ:
Аронту въ замкѣ онъ грозитъ
Огнемъ, когда чрезъ степи
Несчастный самъ не прилетитъ
Принять темничны цѣпи;
А мнѣ и спутницамъ со мной
Отказано въ прощеньи;
Намъ умереть присуждено
Въ неслыханномъ мученьи.

. . . .

«Ты видишь этихъ слезъ ручьи!
О, сжалься, вождь, и грозы
Рукой могущею твоей
Отвѣй отъ дѣвы сирой;
Или—мнѣ пасть во цвѣтѣ дней
Подъ тяжкою сѣкирой.

. . . .

«Изъ стольких витязей-вождей
Дай десять мнѣ—не болѣ;
Они меня въ страну отцовъ
Введутъ стезею славы;
Тамъ ждетъ народная любовь
Наслѣдницу державы.»

. . . .

Умолкла дѣва красоты.
Стоитъ и ждетъ отвѣта;
Но взоръ, движенья и черты—
Все въ ней мольбы примѣта.
Готфредъ, не зная, что̀ начать,

Сомнѣньемъ колебался:
Невѣрнымъ Богу—вѣру дать
И думать онъ боялся.
Но жалость, въ сердцѣ пробудясь,
Сомнѣнье побѣдила;
Она въ торжественный сей часъ
За дѣву говорила.
Сей подвигъ сердца представлялъ
Разсудку лестны виды;
Для пользы личной вождь желалъ
Возставить тронъ Армиды:
Тогда бъ признательность ея
Побѣды облегчила;
Она бъ въ сосѣдніе края
Для вѣрныхъ путь открыла,
Противъ Египта помогла
И вóйсками и златомъ,
Когда бъ чреда борьбы пришла
Съ могущимъ супостатомъ.

. . . .

Минута—и, возвысивъ гласъ,
Герой отвергъ моленья;
Въ устахъ Готфреда и отказъ
Былъ полонъ умиленья.

«Царевна! еслибъ для другихъ—
Важнѣйшихъ предпріятій
Не вызвалъ Богъ изъ странъ родныхъ
Водимой мною рати,—
Ты бъ крѣпкою на насъ могла
Надеждой положиться:
Но намъ, пока изъ-подъ жезла
Тиранствъ не свободится
Градъ Бога и Его народъ,—
Намъ раздѣлиться силой
И задержать побѣды ходъ
Не справедливо бъ было.

«Теперь могу лишь обѣщать,—
И обѣщанья святы:
Ихъ тщетно не обыкъ давать
Христовыхъ силъ вожатый:
Тебя престолу возвратимъ
И вѣрному народу,
Когда отымемъ, отдадимъ
Святымъ стѣнамъ свободу,—
Не прежде, нѣтъ; или Готфредъ,
Подвигнутый слезами,
Нарушилъ бы святой завѣтъ
Межъ небомъ и межъ нами.»

Царевна, взоръ потупивъ свой,
Въ безмолвіи печали
Стоитъ, глядитъ и—вдругъ росой
Въ немъ слезы заблистали:
Движенье, томность на челѣ—
Все было въ ней страданье.

. . . .

. . . .

Притворной скорбію она
Исторгла состраданье;
Кругомъ—унынье, тишина,
Въ сердцахъ кипитъ роптанье:
«Не тронуться ея мольбой
И горькими слезами?...
Готфредъ на свѣтъ рожденъ скалой
Иль бурными волнами,
И въ дикомъ воздоенъ лѣсу
Тигрицей кровожадной.
Жестоко оскорбить красу
Разсчетливостью хладной!»

Такъ всѣ съ собой и межъ собой
Шептали и роптали;
Евстафій юный и живой,
Сострождущій печали
И къ прелестямъ волшебныхъ слезъ
Чувствительный всѣхъ болѣ,
Стопой впередъ—и произнесъ:

. . . .

«Тотъ ратуетъ за Бога силъ,
Кто мститъ за дѣвъ невинныхъ;
Тотъ жертву небу приносилъ,
Кто на поляхъ пустынныхъ
Побѣдный воздвигалъ трофей
Изъ добычей тирана.
Не польза,—честь на подвигъ сей
Зоветъ меня изъ стана:
По долгу рыцарства мы всѣ
Клялися быть защитой
Невинно страждущей красѣ,—
И это все забыто!

«Ахъ, если въ родинѣ моей—
Во Франціи учтивой
Разскажется во тьмѣ вѣстей
Молвою справедливой,
Что дѣва скорби тщетно насъ
Молила о защитѣ!...
Прочь панцырь мой, прочь щитъ отъ глазъ!
Скорѣй съ меня сорвите
И мечъ и шлемъ; съ сего же дня
Вашъ другъ не рыцарь болѣ...
Прости, мой конь, и безъ меня
Блуждай въ широкомъ полѣ!»

Сказалъ. Намѣстники, столпясь
 Вокругъ вождя, подняли
Единодушно громкій гласъ,
 Молили,—заклинали
Принять пріятный имъ совѣтъ
 Героя молодаго.
«Вы просите, сказалъ Готфредъ:
 Я вопреки ни слова;
Отъ васъ она сей даръ, отъ васъ,—
 Не отъ меня пріемлетъ;
Я не хотѣлъ; разсудка гласъ
 Во мнѣ еще не дремлетъ.

«Послѣдній вамъ вождя совѣтъ!
 Умѣрьте пылъ сердечный».
Такъ мудрый говорилъ Готфредъ;
 Но юности безпечной
Совѣтъ его не могъ совлечь,
 Свести съ тропы опасной...

. . . .

ИЗЪ ПѢСНИ X.

. . . .

Все кончивъ, мысли онъ [1] склонилъ
 На тотъ отрядъ могучій,
Который битву довершилъ,
 Разгнавъ невѣрныхъ тучи.
То былъ героевъ пылкій рой,
 Армидой увлеченный.
И съ нимъ Танкредъ, ея рукой
 Въ темницу заключенный.
Ихъ принялъ вождь въ своемъ шатрѣ—
 Сихъ витязей нежданныхъ—
И только при одномъ Петрѣ [2],
 И только при избранныхъ.

«Откройте мнѣ», сказалъ Готфредъ
 «Все, все, что съ вами было;
Какой страны сіялъ вамъ свѣтъ;
 Какою чудной силой
Вы снова къ намъ приведены
 Съ свѣтильникомъ надежды»?
Умолкъ; пришельцы смущены.
 Потуплены ихъ вѣжды.
Но ободрясь и усмиря
 Встревоженную совѣсть,
Вильгельмъ Британецъ—сынъ царя —
 Такъ начинаетъ повѣсть:

«Нашъ жребій въ урнѣ роковой
 Остался какъ прикованъ;
А кто волшебницей младой,
 Кто не былъ очарованъ?
Мы всѣ украдкою за ней
 Ушли не по условью,
А кто какъ вызванъ былъ своей
 Безумною любовью.
Коварная, межъ насъ то взоръ,
 То вздохъ съ полу-словами,
Дѣля, посѣяла раздоръ
 И ревность между нами.

«Мы прибыли въ тотъ край земли,
 Въ который въ древни годы
Перуны мщенія сошли
 За грѣхъ противъ природы.
Все прежде, все на мѣстѣ тамъ
 Цвѣло и улыбалось;
А нынѣ... озеро кругомъ
 Смолистое разстлалось;
Ключи кипучіе со дна
 Встаютъ и бьютъ, и смрадомъ
Разносятся; и вся страна
 Напитана тамъ ядомъ.

«И въ этомъ озерѣ—дивись!—
 Ничто не утопаетъ:
И камень не идетъ на низъ,
 И человѣкъ всплываетъ,
И поверху воды скользитъ
 Какъ пень, какъ ольхи темны.
И замокъ въ лонѣ водъ стоитъ;
 Къ нему есть мостъ подъемный.
Тамъ насъ Армида приняла
 И, какъ—не постигаю,
Очарованья придала
 Безжизненному краю.

«Тамъ нѣгой дышатъ вѣтерки;
 Тамъ кротокъ свѣтъ небесный;
Тамъ сладкозвучны ручейки;
 Тамъ всѣ цвѣты прелестны;
Тамъ шепотъ миртовыхъ вѣтвей
 Наводитъ сонъ спокойный;
Тамъ птицы пѣснію своей
 Переливною, стройной
Плѣняютъ, говоря сердцамъ;
 Тамъ все играетъ чувствомъ;
И мраморы, и злато тамъ
 Оживлены искусствомъ.

«На муравѣ у ручейковъ

---

[1] Готфредъ.—[2] Т. е. при Петрѣ пустынникѣ.

Подъ тѣнію древесной
Былъ убранъ чашами пировъ,
По манію прелестной,
Богатый столъ, и снѣдь давно
Стояла дорогая.
Все было тамъ расточено,
Что̀ кроетъ глубь морская,
Что̀ щедрая земля даритъ,
Повременно чредуясь;
Кругомъ—рой дѣвъ, зарей ланитъ
Въ кристаллѣ водъ рисуясь.

«Намъ былъ пріятнѣй пиръ другой
И болѣе опасный:
Улыбка, разговоръ живой
Волшебницы прекрасной...
Мы пьемъ, сердцами распалясь,
Пьемъ сладкое забвенье;
Она встаетъ, сказавъ: *я васъ
Оставлю на мгновенье*...
И скоро къ намъ, но ужъ съ лицомъ
Разстроеннымъ, вступаетъ,
Съ какой-то книгой и жезломъ;
И шепотомъ читаетъ.

«Она читаетъ,—я межъ тѣмъ
Примѣтно измѣняюсь
Желаньемъ, мыслью, бытіемъ,
Примѣтно забываясь;
Забылся и—сразмаху внизъ,
И въ волны погрузился;
И съ плескомъ волны раздались.
Вотъ станъ мой сократился;
Сошлась, срослась нога съ ногой;
Я только встрепенулся,—
Вотъ обростаю чешуей
И—рыбой я очнулся.

«И всякій то же испыталъ:
Всѣ въ рыбъ перерождались.
Во влажный погрузясь кристаллъ,
Мы рѣзвились, плескались.
Все это въ памяти моей
Теперь какъ сонъ больнаго.
Потомъ волшебницей въ людей
Обращены мы снова.
Еще держалъ въ безмолвьи насъ
И страхъ и удивленье,—
И новое коварной гласъ
Вливаетъ въ насъ смятенье.

«Вы испытали власть мою»,
Армида говорила:
«Махну, скажу: къ небытію!—
И васъ пожретъ могила,
Или—во глубинѣ темницъ
Погибнете нечистыхъ;
Скажу,—и обратитесь въ птицъ
Или въ звѣрей пушистыхъ;
Скажу,—и корни подъ землей
Вы пустите сырою,
Иль твердой станете скалой,
Иль жидкою водою.

«Мой гнѣвъ вы можете смягчить
Одною только мѣрой:
Рѣшитесь въ нашъ законъ вступить,
Разставшись съ прежней вѣрой;
Идите, обагрите мечъ
Готфредовою кровью».
Насъ ужаснула эта рѣчь;
Но къ страшному условью
Одинъ Рамбальдъ свой слухъ склонилъ;
А насъ подъ склепъ темницы
Свели, куда не доходилъ
Отрадный свѣтъ денницы.

«Къ намъ случаемъ былъ приведенъ
Танкредъ и въ плѣнъ попался;
Не много времени нашъ плѣнъ
Печальный продолжался;
Армиду Идраотъ просилъ,—
Такъ въ замкѣ было слышно,—
Съ гонцомъ отправить насъ на Нилъ,
Какъ даръ Судану пышный.
Обезоруженныхъ и въ цѣпь
Закованныхъ жестоко,
Сто зоркихъ стражей черезъ степь
Вели насъ въ край далекій.

«Такъ шли мы; вотъ навстрѣчу намъ
Не чаявшимъ спасенья,
Ринальдъ, великій по дѣламъ,
Посланникъ Провидѣнья.
Онъ снова мужествомъ вѣнчалъ
Себя предъ нашимъ взоромъ;
Стремглавъ на стражей онъ напалъ
Рѣшительнымъ напоромъ;
Сломилъ, разсѣялъ, побѣдилъ
И, съ поля боеваго
Сходя, свободнымъ намъ вручилъ
Оружье наше снова.

Раичъ.

Изъ поэмы „Полтава“.

I *.

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно въ даль
Вождю Украйны [1] не мѣшаетъ.
Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
Онъ съ гордымъ Шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.
Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго сомнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,
На одрѣ мнимаго мученья
Стоная молитъ изцѣленья.
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить,
Святой обрядъ онъ хочетъ править,
Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины;
И на коварныя сѣдины
Елей таинственный течетъ.
Но время шло. Москва напрасно
Къ себѣ гостей ждала всечасно,
Средь старыхъ вражескихъ могилъ
Готовя Шведамъ тризну тайну:
Незапно Карлъ поворотилъ
И перенесъ войну въ Украйну.
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой.
Теперь онъ мощный врагъ Петра.
Теперь онъ, бодрый, предъ полками
Сверкаетъ гордыми очами,
И саблей машетъ—и къ Деснѣ
Проворно мчится на конѣ,
Согбенный тяжко жизнью старой.
Такъ оный хитрый кардиналъ [2],
Вѣнчавшись римскою тіарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.
И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
Украйна смутно зашумѣла:
«Онъ перешелъ, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный!» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.
Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ Царя [3]?
Гремитъ анаѳема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ катъ [4];
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
Другаго гетмана творятъ [5].
Съ бреговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ лаская осыпаетъ
И новой честью и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чичель [6] смѣлый
И запорожскій атаманъ;
И ты, любовникъ бранной славы,
Для плѣна кинувшій вѣнецъ.
Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
Вдали завидѣлъ наконецъ.
И царь туда жъ помчалъ дружины,
Онѣ какъ буря протекли—
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходится боецъ.
И злобясь видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ незыблемый штыковъ.
Но онъ рѣшилъ: заутра бой.
Глубокій сонъ во станѣ Шведа.

---

* Изъ III пѣсни. См. также отрывки въ «Хрест. для III и IV кл.»

[1] Мазепѣ.— [2] Папа Сикстъ V († 1590).— [3] Сильныя мѣры, принятые Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украйну въ повиновеніи.— [4] *Катъ* (малоросс.) — палачъ.— [5] Ноября 7-го 1708 г., по указу государеву, казаки выбрали въ гетманы полковника Скоропадскаго. — [6] *Чичелъ* отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ кн. Меншикова.

Лишь подъ палаткою одной
Ведется шепотомъ бесѣда.
«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ [1] мой,
Поторопились мы не кстати:
Разсчетъ и дерзкій, и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать? далъ я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два-три сраженья разъиграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать [2],
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ [3];
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, казака
И обмѣнять на рану рану [4]:
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ.
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ!
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ.
Сломить ему свои рога!
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ:
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая».
Орликъ. Сраженья
Дождемся. Время не ушло
Съ Петромъ опять войти въ сношенья
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.
Мазепа. Нѣтъ, поздно Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба! Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
Однажды я съ царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ.
Смутились гости молодые—
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее—какъ мать во чревѣ
Младенца носитъ. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежда...
Кому бѣжать, рѣшитъ заря».
Умолкъ, и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ русскаго царя.

—

2.[5]

Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
От сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей[6]?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ изчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.
Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый

---

[1] *Орликъ*—генеральный писарь, наперсникъ Мазепы.—[2] Въ Дрезденъ къ королю Августу.—[3] «Ахъ, Ваше Величество бомба!»—«Что есть общаго между бомбой и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши». Это случилось гораздо послѣ (пр. П).—[4] Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ подскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу (пр. П).—[5] Эпилогъ поэмы.—[6] Въ отвѣтахъ на этотъ вопросъ, приводящій въ связь событія поэмы съ ихъ результатами, указывается основная идея поэмы.

Оградой мирной обступилъ
Бендеръ пустынные раскаты,
Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
Вокругъ воинственныхъ могилъ—
Остатки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени
Гласятъ о Шведскомъ королѣ [1]:
Съ нихъ отражалъ герой безумный,
Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
Турецкой рати приступъ шумный,
И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы Гетманской могилы:
Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ;
Лишь въ торжествующей святынѣ
Разъ въ годъ анаѳемой донынѣ
Грозя гремитъ о ней Соборъ.
Но сохранилася могила,
Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
Ихъ мирно церковь пріютила [2].
Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь-преступница.... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тьмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни Гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Пушкинъ.

Изъ поэмы: „Цыганы".

Земфира. Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ на всегда?
Алеко. Что жъ бросилъ я?
Земфира. Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города.
Алеко. О чемъ жалѣть? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ!
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышатъ утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей.
Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
Предразсужденій приговоръ,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позоръ.
Земфира. Но тамъ огромныя палаты,
Тамъ разноцвѣтные ковры,
Тамъ игры, шумные пиры,
Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!
Алеко. Что шумъ веселій городскихъ?
Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій;
А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
И безъ нарядовъ дорогихъ,
Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій!
Не измѣнись, мой нѣжный другъ!
А я.... одно мое желанье
Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
И добровольное изгнанье.
Старикъ. Ты любишь насъ, хоть и рожденъ
Среди богатаго народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто къ нѣгѣ пріученъ.
Межъ нами есть одно преданье:
Царемъ когда-то сосланъ былъ
Полудня житель къ намъ въ изгнанье
(Я прежде зналъ, но позабылъ
Ему мудреное прозванье) [3].
Онъ былъ уже лѣтами старъ,
Но младъ и живъ душой незлобной:
Имѣлъ онъ пѣсенъ дивный даръ
И голосъ, шуму водъ подобный.
И полюбили всѣ его,

---

[1] Шведскій король Карлъ XII, послѣ бѣгства изъ Россіи, жилъ въ Бендерахъ.—[2] Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ. — [3] Римскій поэтъ *Овидій*, сосланный императоромъ Августомъ.

И жилъ онъ на брегахъ Дуная,
Не обижая никого,
Людей разсказами плѣняя.
Не разумѣлъ онъ ничего,
И слабъ и робокъ былъ какъ дѣти;
Чужіе люди за него
Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти;
Какъ мерзла быстрая рѣка,
И зимни вьюги бушевали,—
Пушистой кожей покрывали
Они святаго старика;
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный.
Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
Его каралъ за преступленье.
Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье,
И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью—чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

Алеко. Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ: что̀ такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

Пушкинъ.

3. РОМАНЪ И ПОВѢСТЬ.

Изъ романа: „Евгеній Онѣгинъ“.

I. ОНѢГИНЪ [1].

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ:
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство—
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лѣкарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей же часъ,
Позвольте познакомить васъ:
Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
Родился на брегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ,
Давалъ три бала ежегодно,
И промотался наконецъ.
Судьба Евгенія хранила:
Сперва madame за нимъ ходила,
Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ;
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя,
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгенію пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,—
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ,
Какъ dandy лондонскій одѣтъ.

[1] Изъ главы I-й.

И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцовалъ
И кланялся непринужденно:
Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу
Чему нибудь и какъ нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но педантъ:
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ;
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
Чтобъ эпиграфы разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить vale,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли:
Но дней минувшихъ анекдоты
Отъ Ромула до нашихъ дней
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Ѳеокрита;
За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ.
Отецъ понять его не могъ
И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что̀ зналъ еще Евгеній,
Пересказать мнѣ недосугъ;
Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
Что̀ зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что̀ было для него измлада
И трудъ, и мука, и отрада,
Что̀ занимало цѣлый день
Его тоскующую лѣнь,—
Была наука страсти нѣжной.

. . . .

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій празд-
никъ.
Куда жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно,
Вездѣ поспѣть немудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ сани онъ садится;
«Поди! поди!» раздался крикъ;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon [1] помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
Вошелъ—и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ;
Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ Лимбурскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ....

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла, все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,

---

[1] Ресторатор̕ъ, бывшій въ модѣ въ 20-хъ годахъ въ Петербургѣ.

Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружитъ,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ совьетъ, то разовьетъ
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ креселъ по ногамъ;
Двойной лорнетъ скосясь наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинувъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся; потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло [1] мнѣ надоѣлъ».

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шипятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подъѣзда спятъ;
Еще не перестали топать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ вьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони;
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрный
Одѣтъ раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ щепетильный
И по Балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной—
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,
Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальныя,
Прямыя ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ —
И для ногтей, и для зубовъ.

. . . .

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло:
Но панталоны, фракъ, жилетъ—
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,
Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣть гораздо меньше бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ академическій словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Передъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ
Блеститъ великолѣпный домъ,
По цѣлымъ окнамъ тѣни ходятъ.
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подъѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо онъ стрѣлой
Взлѣтѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;

---

[1] Знаметый современный балетмейстеръ.

Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шепотъ модныхъ женъ.
. . . .

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужъ барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ Охтянка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой васисдасъ.
. . . .

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленный
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется за полдень,—и снова
До утра жизнь его готова;
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгеній,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслажденій?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
.....Ему наскучилъ свѣта шумъ...

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому сплину,
Короче—русская хандра
Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.

Какъ Child-Harold, угрюмый, томный
Въ гостинныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескром-
ный,—
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
. . . .

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Заимодавцевъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалека
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ,
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ,
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ.
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ свой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ—сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель

Хозяинъ полный, а досель
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—рощи, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ...

....

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ?

....

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
И какъ героя назову,
Покамѣстъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденье
Плоды трудовъ моихъ отдамъ:
Иди же къ Невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань:
Кривые толки, шумъ и брань.

II. ОНѢГИНЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгеній,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы Небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Пріютъ задумчивыхъ Дріадъ [1].

II.

Почтенный зáмокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ
Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостинной штофные обои,
Портреты дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю право почему,
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы отворилъ:
Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой
И календарь осьмаго года:
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній

---

[1] *Дріады*—въ греч. миѳологіи—древесныя нимфы.

Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродитъ,
Онъ фармазонъ [1]; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Всѣ *да*, да *нѣтъ*, не скажетъ *да-съ*
Иль *нѣтъ-съ*» Таковъ былъ общій гласъ.

III. ольга и татьяна [2].

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,
Какъ поцѣлуй любви мила;
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возьмите и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна.
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жъ? оно пріятно, звучно;
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ,
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украшала ей.
Ея изнѣженные пальцы
Не знали иглъ; склонясь на пяльцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
Къ приличію, закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы
Татьяна въ руки не брала,
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; страшные разсказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкій лугъ
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,—

---

[1] *Фармазонъ*—изъ «франкъмазонъ».—[2] Изъ главы II-й же.

Она въ горѣлки не играла:
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ изчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ праздной тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюбилася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо!...

IV. ТАТЬЯНА ВЪ УСАДЬБѢ ОНѢГИНА [1].

XV.

Былъ вечеръ. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
Ужъ расходились хороводы;
Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
Огонь рыбачій. Въ полѣ чистомъ,
Луны при свѣтѣ серебристомъ,
Въ свои мечты погружена
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдругъ передъ собою
Съ холма господскій видитъ домъ,
Селенье, рощу подъ холмомъ
И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
Она глядитъ—и сердце въ ней
Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
«Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?..
Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ...
Взгляну на домъ, на этотъ садъ»!
И вотъ съ холма Татьяна сходитъ,
Едва дыша: кругомъ обводитъ
Недоумѣнья полный взоръ...
И входитъ на пустынный дворъ.
Къ ней, лая, кинулись собаки.
На крикъ испуганный ея
Ребятъ дворовая семья
Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
Мальчишки разогнали псовъ,
Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя ли?»
Спросила Таня. Поскорѣй
Къ Анисьѣ дѣти побѣжали
У ней ключи взять отъ сѣней;
Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На шитомъ канапе лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «А вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вотъ это барскій кабинетъ;
Здѣсь почивалъ онъ, кофей кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ:
Со мной, бывало, въ воскресенье
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой»!

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ,
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живитъ
Полу-мучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груды книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

---

[1] Изъ главы VII-й.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной,
Какъ очарована, стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинѣ. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волненье,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь.
Но прежде проситъ позволенья
Пустынный замокъ навѣщать,
Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
За воротами. Черезъ день
Ужъ утромъ рано вновь явилась
Она въ оставленную сѣнь,
И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася.
Сперва ей было не до нихъ,
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:
И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгеній
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Манафреда и Жуана [1],
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

XXIII.

Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
Глаза внимательной дѣвицы
Устремлены на нихъ живѣй,
Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
Какою мыслью, замѣчаньемъ
Бывалъ Онѣгинъ пораженъ,
Въ чѣмъ молча соглашался онъ.
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша.
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIѴ.

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе—слава Богу—
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбой властной;
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ!
Что жъ онъ? Уже ли подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ [2] плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?...
Ужъ не пародія ли онъ?

XXѴ.

Уже ль загадку разрѣшила?
Уже ли *слово* найдено?
Часы бѣгутъ; она забыла,
Что дома ждутъ ее давно,
Гдѣ собралися два сосѣда,
И гдѣ объ ней идетъ бесѣда.
«Какъ быть? Татьяна не дитя»,
Старушка молвила кряхтя:
Вѣдь Оленька ея моложе.
Пристроить дѣвушку ей ей
Пора; а чтó мнѣ дѣлать съ ней?
Всѣмъ наотрѣзъ одно и то же:
Нейду. И все груститъ она,
Да бродитъ по лѣсамъ одна».

Ѵ. ТАТЬЯНА ВЪ МОСКВѢ [3].

XL.

. . . И вотъ
У Харитонья въ переулкѣ
Возокъ предъ домомъ у воротъ
Остановился. Къ старой теткѣ,
Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
Онѣ пріѣхали теперь.
Имъ настежъ отворяетъ дверь

---

[1] *Манфредъ*—драматическая поэма Байрона. *Донъ-Жуанъ* – поэма его же.—
[2] *Чайльдъ-Гарольдъ*—герой поэмы его же.—[3] Изъ той же главы.

Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ
Съ чулкомъ въ рукѣ, сѣдой калмыкъ,
Встрѣчаетъ ихъ въ гостинной крикъ
Княжны, простертой на диванѣ.
Старушки съ плачемъ обнялись,
И восклицанья полились.

XLI.

Княжна, mon ange! — Pachette — Алина!
—Кто бъ могъ подумать?—Какъ давно!
—На долго ль?—Милая! Кузина!
—Садись—какъ это мудрено!
Ей Богу, сцену изъ романа....
—А это дочь моя, Татьяна.
—Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ—
Какъ будто брежу я во снѣ....
Кузина, помнишь Грандисона [1]?
—Какъ Грандисонъ?... а, Грандисонъ!
Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?
—Въ Москвѣ, живетъ у Симеона [2];
Меня въ сочельникъ навѣстилъ;
Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

«А тотъ.... Но послѣ все разскажемъ.
Не правда ль? Всей ея роднѣ
Мы Таню завтра же покажемъ.
Жаль, разъѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;
Едва-едва таскаю ноги.
Но вы замучены съ дороги;
Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть....
Охъ, силы нѣтъ!... устала грудь....
Мнѣ тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Ужъ никуда не годна я...
Подъ старость жизнь такая гадость..»
И тутъ, совсѣмъ утомлена,
Въ слезахъ раскашлялась она,

XLIII.

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогаютъ; но ей
Не хорошо на новосельѣ
Привыкшей къ горницѣ своей.
Подъ занавѣскою шелковой
Не спится ей въ постелѣ новой,
И ранній звонъ колоколовъ,
Предтеча утреннихъ трудовъ,
Ее съ постели поднимаетъ.
Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ, но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ, по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! давно ль
Я, кажется, тебя крестила?»
—А я такъ на руки брала!
«А я такъ за уши драла!»
«А я такъ пряникомъ кормила!
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
Все въ нихъ на старый образецъ:
У матушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все то же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ. .

. . . .

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младыя граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной,
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ очень недурной;
Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Всбиваютъ кудри ей по модѣ
И повѣряютъ нараспѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,
Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.

[1] *Грандисонъ*—герой сентиментальнаго англійскаго романа. — [2] У церкви Симеона Столпника.

Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего,
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ и слезъ и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ,
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый вздоръ;
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобоумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
Музыки грохотъ, свѣчь блитанье,
Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
Красавицъ легкіе уборы,
Людьми пестрѣющіе хоры,
Невѣстъ обширный полукругъ,—
Все чувство поражаетъ вдругъ.
Здѣсь кажутъ франты записные
Свое нахальство, свой жилетъ
И невнимательный лорнетъ.
Сюда гусары отпускные
Спѣшатъ явиться, погремѣть,
Блеснуть, плѣнить и улетѣть...

LIII.

Шумъ, хохотъ, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотритъ и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь.... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ *онъ* являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забытъ и свѣтъ, и шумный балъ,
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генералъ.
Другъ другу тетушки мигнули
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни налѣво поскорѣй».
—«Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?»
—«Ну, что бы ни было, гляди....
Въ той кучкѣ, видишь? впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое....
Вотъ отошелъ... вотъ бокомъ сталъ...»
—«Кто? толстый этотъ генералъ?»

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою....
Да кстати здѣсь о томъ два слова:
Пою пріятеля младаго
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкосъ и вкривъ.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Пушкинъ.

Изъ „Мертвыхъ душъ".

I. Чичиковъ [1].

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые или личные, Богъ вѣдаетъ.... Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло—непріятно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ

---

[1] Изъ XI гл. I тома.

окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ—больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: «Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ»; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: «опять задурилъ!» отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память.

Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорокѣ тащились они полтора дня слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорока бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя разцвѣтшими яблонями передъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городскаго училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, что гораздо важнѣе, умное наставленіе: «Смотри же, Павлуша: учись, не дури и не повѣсничай, а больше всего—угождай учителямъ и наставникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ, а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой». Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорокѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другаго же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ

способностей къ какой нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличался онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но за то оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны, со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ, онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращеніе, показавъ оборотливость почти необыкновенную. Слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстнаго, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить—признакъ подступающаго голода, — онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи будто невзначай уголъ пряника или булки и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаясь съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозися у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ маленькую деревянную клѣточку, и добился наконецъ до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить другой. Въ отношеніи къ начальсгву онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія, и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ его немилосердно. «Я, братъ, изъ тебя выгоню занозчивость и непокорность!» говорилъ онъ: «я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь»! И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. «Способности и дарованія! это все вздоръ!» говорилъ онъ: «я смотрю только на поведеніе. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!» Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: «По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй», и всегда разсказывавшій съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіе круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника, и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами *за примѣрное прилежаніе и благонадежное поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались четыре за-

ношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накопилъ ее немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишко съ ничтожною землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища за глупость, или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ и пить уже было не на что; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши о жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: «Эхъ ты, жила!» Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ; слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. «При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать», произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: «Эхъ, Павлуша! вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго—шелкъ! Надулъ, сильно надулъ»....

Нельзя однако же сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не трогать; словомъ, отцовское наставленіе: «Береги и копи копѣйку» пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ, имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не они двигали имъ; ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ что безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы наконецъ, потомъ, со-временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени себѣ и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопаный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: «А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!» И все, что ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желанье скорѣе приняться за дѣло и службу. Однако же, не смотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату. И въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція. Мѣстечко досталось ему ничтожное: жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подъ-часъ съ сторожами, и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ....

Переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ и — перешелъ наконецъ въ службу по таможнѣ... Ревностно-безкорыстная

служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти наконецъ до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Разсчетъ бытъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало быть не много получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить какія угодно условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другаго чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, не смотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія слышалъ такъ часто повторяемую давнишнюю исторію объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цыфры не возросли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другаго чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему—обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: «Нѣтъ врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ! А вотъ ты—такъ поповичъ!» И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады: «Да вотъ-молъ что»! Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе, и хотя выраженіе: «вотъ-молъ что!» могло быть сильно; но недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ...

Тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громомъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились они и увидѣли съ ужасомъ, что надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши, но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства. Употребилъ всѣ тонкіе извороты ума, уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ — обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ подъ уголовнаго суда. Но уже ни

капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ, ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про чорный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ,—вотъ и все. Итакъ вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклёкнетъ на вѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую передъ окнами, или для освѣженія пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ, не шумный, но въ своемъ родѣ тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, ропталъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и однако же не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ терпѣнье, передъ которымъ ничто деревянное терпѣнье Нѣмца...

Вновь съёжился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями, осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее; но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему, между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ Опекунскій Совѣтъ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами-приказщиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое, до послѣдней копѣйки, такъ что ужъ не на что было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось наконецъ заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка, или выправка,—все же хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку),—и такъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ.... «Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?» сказалъ секретарь. «Числятся», отвѣчалъ Чичиковъ. «Ну такъ чего же вы оробѣли»? сказалъ серектарь: «одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится». Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риѳму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда либо приходила въ человѣческую голову. «Эхъ, я Акимъ-простота!» сказалъ онъ самъ въ себѣ: «ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, Опекунскій Совѣтъ

дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное! недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало; помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить; имѣнія брошены, управляются какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе: такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ иного и я еще зашибу за это копѣйку...

II. ПЛЮШКИНЪ [1].

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно—была ли то деревушка, бѣдный, уѣздный городишко, село ли, слободка—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что̀ носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ одиношенекъ торчавшій среди бревенчатой тесанной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ, обывательскихъ домиковъ; круглый ли, правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью; рынокъ ли, франтъ ли уѣздный; попавшійся среди города,—ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого нибудь сюртука, и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшею вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ, глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго Богъ знаетъ изъ какой губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо—я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ, въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ [2], или мальчикъ въ толстой курткѣ, принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу, въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ? Подъѣзжая къ деревнѣ какого нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню, или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ издали, сквозь древесную зелень, крашеная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады, и онъ покажется весь, съ своею, тогда увы! вовсе не пошлою наружностью; и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшою сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу?

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору неприютно, мнѣ не смѣшно, и то, что̀ пробудило бы въ прежніе годы живое дви-

---

[1] Изъ VI главы.—[2] *Монисто* (обл.)—ожерелье.

женье въ лицѣ, смѣхъ и немолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность, о, моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину [1], онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однако же, далъ замѣтить ему это порядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и не оберегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо: многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ ребръ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ, бабиться же въ ней не зачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, словомъ—гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже неживописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ: на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой, — опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною, городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги [2]...

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній—людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ,—наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину—ни от-

---

[1] «Заплатанный» (см. гл. V). — [2] Здѣсь слѣдуетъ описаніе сада, помѣщенное въ отд. «Описаній».

ворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома. Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура: баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. «Ой баба!» подумалъ онъ про-себя, и тутъ же прибавилъ: «Ой нѣтъ!—«Конечно баба!» наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у нея за поясомъ ключамъ и по тому что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

«Послушай, матушка,» сказалъ онъ, выходя изъ брички: «что баринъ?..»

«Нѣтъ дома», прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: «А что вамъ нужно?»

«Есть дѣло».

«Идите въ комнаты!» сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою съ большой прорѣхой пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ будто въ домѣ происходило мытье половъ, и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ прислоненный бокомъ къ стѣнѣ шкафъ, съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюро, выложенномъ перламутровою мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало много всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, покрытыхъ мраморнымъ, позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая-то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ, весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, покрытая письмомъ, кусочекъ сургучика; кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву Французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣсно и безтолково нѣсколько картинъ: длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ треугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ средины потолка висѣла люстра

въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что̀ погрубѣе, и что̀ недостойно лежать на столахъ. Что̀ именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно: ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей обитало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. [1]

Пока онъ разсматривалъ все странное убранство, отворилась боковая дверь, и вошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидилъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ напротивъ того брилъ и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣніемъ, что хочетъ ему сказать ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

«Что жъ баринъ? у себя, что ли?»

«Здѣсь хозяинъ», сказалъ ключникъ.

«Гдѣ же?» повторилъ Чичиковъ.

«Что, батюшка, слѣпы-то, что ли?» сказалъ ключникъ: «Эхва! А вить хозяинъ-то я!» [2]

Здѣсь герой нашъ поневолѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей,—даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать, но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, онѣ высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. [3] Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя было докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги: назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, повязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстухъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго

---

[1] Описаніе этой комнаты, равно какъ и предъидущія описанія гуменъ, избъ, господской усадьбы и послѣдующее — рабочаго двора сдѣланы въ виду характеристики хозяина этого имѣнія. Обстоятельностію въ передачѣ всѣхъ мелочей описанія эти напоминаютъ картины фламандской школы. — [2] Первое появленіе героя этой главы авторъ съ намѣреніемъ провелъ въ этой сценѣ недоумѣнія Чичикова. Паденіе человѣка, изображенное въ лицѣ Плюшкина, представлено и въ наружномъ видѣ его: отчужденіе отъ людей лишило одичавшаго скрягу опредѣленнаго образа человѣческаго. — [3] Распространенное сравненіе, весьма обычное у Гоголя.

гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то, вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ; ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно, и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но передъ нимъ стоялъ не нищій, передъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью или губиной [1]. Заглянулъ бы кто нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на заказъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся,—ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ-нибудь въ Москву на Щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственныя запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки[2], ушаты, лагуны[3]; жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкольники [4], куда бабы кладутъ свои мочки [5], и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить даже на два такихъ имѣнія, какое было у него, но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что ни попадалось ему—старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ,—все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. «Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!» говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него не зачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору—шпора эта мигомъ отправлялась въ извѣстную кучу; если баба, какъ нибудь зазѣвавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу,—тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко, и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ, былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости [6]! Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валяльни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни: вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно по

---

[1] Губина (обл.)—губье, съѣдомые грибы, а также и всякаго рода овощь, ягоды и т. под. — [2] Пересѣкъ—кадка изъ распиленной пополамъ бочки. — [3] Лагуна—деревянная посудина меньшаго размѣра. — [4] Мыкольникъ—то же, въ родѣ лукошка.—[5] Мочка—пучокъ пряжи.—[6] Авторъ переходитъ къ той эпохѣ жизни Плюшкина, когда, еще не будучи скупцомъ, онъ проявлялъ лишь нѣкоторыя качества, изъ которыхъ могла развиться скупость. Изображеніе постепеннаго перерожденія Плюшкина, указаніе обстоятельствъ, вызвавшихъ его и содѣйствовавшихъ ему—дѣлаютъ дальнѣйшую часть этой главы образцомъ художественнаго воспроизведенія характера по глубинѣ и правдѣ психологическаго анализа.

всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя Француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешли къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь Александру Степановну онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ Богъ вѣсть какого кавалерійскаго полка, и обвѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ, по странному предубѣжденію, будто всѣ военные картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель Французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны; сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобъ узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку. Весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что называется въ простонародіи—шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, оставшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ, и чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ; наконецъ осталось только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида, болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія; покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ сто-

ялъ у него въ шкафу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ея не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался по прежнему; столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя, и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился наконецъ въ какую то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сыномъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ однако же ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степановна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

.. Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слова: добродѣтель и рѣдкія свойства души можно съ успѣхомъ замѣнить словами: экономія и порядокъ; и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы, ибо зубовъ не было,—что именно, неизвѣстно, но вѣроятно смыслъ былъ таковъ: «А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!» Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: «Прошу покорнѣйше садиться! Я давненько не вижу гостей», сказалъ онъ, «да признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно уже отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась,— начнешь топить, еще пожару надѣлаешь».

„Вонъ оно какъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ ватрушку, да ломоть бараньяго бока“.

„И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!“ продолжалъ Плюшкинъ. „Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по міру!“

„Мнѣ, однако же, сказывали“, скромно замѣтилъ Чичиковъ, „что у васъ болѣе тысячи душъ“.

„А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому,

который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ; видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ баютъ тысячи—душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный кушъ мужиковъ".

„Скажите! и много выморила?" воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

„Да, снесли многихъ".

„А позвольте узнать, сколько числомъ?»

„Душъ восемьдесятъ".

„Нѣтъ?"

„Не стану лгать, батюшка".

„Позвольте еще спросить; вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня послѣдней подачи ревизіи?"

„Это бы еще слава Богу", сказалъ Плюшкинъ: „да ихъ-то, что съ того времени, до ста-двадцати наберется".

„Вправду? цѣлыхъ сто-двадцать"! воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

„Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!" сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

„Да вѣдь соболѣзнованія въ карманъ не положишь", сказалъ Плюшкинъ. „Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся! говоритъ—родственникъ. „Дядюшка, дядюшка!" и въ руку цѣлуетъ, а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актриса выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!"

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его, и не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же объявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него, и наконецъ спросилъ; „Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?"

„Нѣтъ", отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: „служилъ по статской".

„По статской?" повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. „Да вѣдь какъ же? вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ"?

„Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ".

„Ахъ, батюшка! ахъ, благодѣтель мой!" воскликнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма не картинно табакъ, на образецъ густаго кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. „Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! ахъ, Святители вы мои"!... Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ водить себя по верхней губѣ.

„Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать? и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?"

«Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ купчую крѣпость, какъ бы они были живые, и какъ бы вы ихъ мнѣ продали".

„Да, купчую крѣпость"... сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. Вѣдь вотъ купчую крѣпость—все издержки. Приказные такіе безсовѣстные. Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,—такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманіе! Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово. Вѣдь словомъ хоть кого проймешь! Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь".

„Ну, ты, я думаю, устоишь!" подумалъ про себя Чичиковъ, и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а вѣрно былъ въ офицерахъ и волочился за актрисами. При всемъ томъ, онъ однако жъ не могъ скрыть своей радости, и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: Эй, Прошка!" Черезъ минуту было слышно, кто-то вбѣжалъ въ попыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами; наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время, и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

„Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!" сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. „Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что нибудь положить—мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ, скажи, чего? Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. „Поставь самоваръ,—слышишь? да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!... Постой, куда же ты, дурачина? Эхма, дурачина!... Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что-ли, чешется!... Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, испортился, такъ пусть соскоблитъ его ножомъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты: ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка войти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть.— Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять", продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: «Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ быть, онъ просто хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки; навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а по-

томъ и уйдетъ!» А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: «Вѣдь вотъ не съищешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ—такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ?» Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. «Еще покойница дѣлала», продолжалъ Плюшкинъ: «мошенница ключница совсѣмъ было его забросила, и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда; но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку».

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

«Пили уже и ѣли!» сказалъ Плюшкинъ. «Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: «Дядюшка», говоритъ, «дайте чего-нибудь поѣсть! А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть вѣрно нечего, такъ вотъ онъ шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть». Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку, всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто-двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

«Въ городъ?—Да какъ же?... а домъ-то какъ оставить? Вѣдь у меня народъ или воръ или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить».

«Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?»

«Да кого же знакомаго? Вѣдь мои знакомые померли или раззнакомились.... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!» вскричалъ онъ. Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ! Какъ не знать? однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? ужъ такой знакомый!... Такъ ужъ не къ нему ли написать?»

«Конечно къ нему.»

«Какъ же? ужъ такой знакомый! въ школѣ были пріятели.» И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ [1]), выразилось—

---

[1] Эта человѣческая черта Плюшкина сообщаетъ его поэтическому образу правду. Будучи «прорѣхой на человѣчествѣ», онъ все же остается человѣкомъ.

не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему родостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ. Но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина, или утомленныя бореньемъ руки: появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

«Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги,» сказалъ онъ, «да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!» Тутъ сталъ онъ заглядывать и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: «Мавра, а Мавра!» На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю, и между ними произошелъ такой разговоръ;

«Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?»

«Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку.»

«А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила.»

«Да на что жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку въ ней никакого: я грамотѣ не знаю.»

«Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла.»

«Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!»

«Вотъ погоди-ка: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! вотъ посмотришь, какъ припекутъ [1]!»

«Да за что же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ.»

«А вотъ черти-то тебя и припекутъ! скажутъ: «А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!» да горячими-то тебя и припекутъ!»

«А я скажу: «Не за что! ей Богу, не за что; не брала я»... Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда напраслиной попрекаете!»

Плюшкинъ увидѣлъ точно четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: «Ну, что жъ ты расходилась такъ! экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! ты схватишь сальную свѣчу: сало дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ка мнѣ лучинку!»

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку, и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ! могъ такъ измѣниться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Заби-

---

1 См. выше слова Плюшкина: «Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто что ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь».

райте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ — не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, — на могилѣ напишется: здѣсь погребенъ человѣкъ; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

Гоголь.

ИДИЛЛІЯ.

Отставной солдатъ.

СОЛДАТЪ.
Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!
ПАСТУХИ.
Спасибо, служба! хлѣба кушать.
СОЛДАТЪ.
Быть такъ.
Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ!
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.
ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.
А идешь откуда?
СОЛДАТЪ.
А изъ Литвы, изъ виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки Россіи ладно
Мы выгнали гостей незванныхъ! Я
На первой пограничной перестрѣлкѣ —
Бѣда такая — безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ и сѣмъ лѣчили,
И вотъ какимъ злодѣи отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.
ВТОРОЙ ПАСТУХЪ.
На руку; обопрись! да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложися!
СОЛДАТЪ.
Спасибо, другъ. Господь тебѣ заплатитъ.
Ахъ, братцы, что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ, словно чудомъ,
Помолодѣлъ я, въ волю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,
Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я,
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта:
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ ручка генеральши;
И дорого и чудно, да не мило;
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышешь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; словомъ,
Здѣсь нажиться, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.
ТРЕТІЙ ПАСТУХЪ.
И мы бъ, землякъ, играть не отказались,
Да лихъ нельзя! Село далеко, стадо жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, опасно, — самъ ты знаешь.
Какъ быть?.. Но вотъ и кашица поспѣла.
Перекрестяся, примемся за ужинъ.
А послѣ, если къ сну тебя не клонитъ,
То разскажи намъ (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье:
Я чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ —
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба;
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючокъ иль гвоздь, и свой кафтанъ повѣсить
СОЛДАТЪ.
Вздоръ мелешь, малый, уши вянутъ! полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какіе черти
Крещеному солдату захотятъ

Представиться! Да нынѣ жъ человѣкъ
Лукавѣй бѣса. Нѣтъ другое чудо
Я видѣлъ, и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось!
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу,
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ,
А вражьими ватагами покрытой;
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,
Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а Французамъ туго!
И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли:
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочныя хари,
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же. По дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья—
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожженнаго ихъ буйствомъ! Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые Французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ. Тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко, и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

ПАСТУХИ.

Ухъ! страшно, страшно!

СОЛДАТЪ.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ; отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

ПЕРВЫЙ ПАСТУХЪ.

Э, братцы,
Смотрите, вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ;
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей:
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

СОЛДАТЪ.

Помоги
Мнѣ встать: солдату вытянуться надо

ОФИЦЕРЪ (подъѣхавъ).

Огня ребята, закурить мнѣ трубку!

СОЛДАТЪ.

Въ минуту, ваше благородье!

ОФИЦЕРЪ.

Ба?
Товарищъ, ты какъ здѣсь?

СОЛДАТЪ.

Къ женѣ и сестрамъ
Домой тащуся, ваше благородье.
За рану въ чистую уволенъ.

ОФИЦЕРЪ.

Съ Богомъ!
Снеси жъ своимъ хорошее извѣстье.
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей;
Въ Парижѣ Русскіе отмстили честно
Пожаръ Московскій. Ну, прости, товарищъ!

СОЛДАТЪ.

Прощенья просимъ, ваше благородье.
(ОФИЦЕРЪ уѣзжаетъ).
Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку Россію!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно?

Дельвигъ.

БАСНИ.

Пѣтухъ и Жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ Жемчужное зерно
И говоритъ: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ?
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

—

Невѣжды судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Крыловъ.

Свинья подъ дубомъ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ
Наѣлась жолудей до сыта, до отвала;
Наѣвшись, выспалась подъ нимъ,
Потомъ, глаза продравши, встала
И рыломъ подрывать у дуба корни стала.
«Вѣдь это дереву вредитъ,»
Ей съ дубу воронъ говоритъ:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ».
—«Пусть сохнетъ», говоритъ Свинья:
«Ничуть меня то не тревожитъ;
Въ немъ проку мало вижу я;
Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю,
Лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю».
—«Неблагодарная!» примолвилъ Дубъ ей тутъ:
«Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ».

—

Невѣжда также въ ослѣпленьѣ
Бранитъ науки и ученье,
И всѣ ученые труды,
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

Крыловъ.

Мартышка и Очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести Очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ Очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,

То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
«Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ:
Все про Очки лишь мнѣ налгали;
А проку на-волосъ нѣтъ въ нихъ».
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
О камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

—

Къ несчастью, то жъ бываетъ у людей:
Какъ ни полезна вещь,—цѣны не зная ей,
Невѣжда про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжда по-знатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

Крыловъ.

Голикъ.

Запачканный Голикъ попалъ въ большую честь;
Ужъ онъ половъ не будетъ въ кухняхъ месть:
Ему поручены господскіе кафтаны
(Какъ видно слуги были пьяны).
Вотъ развозился мой Голикъ:
По платью барскому безъ устали колотитъ,
И на кафтанахъ онъ какъ-будто рожь молотитъ.
И подлинно, что трудъ его великъ.
Бѣда лишь въ томъ, что самъ онъ грязенъ, неопрятенъ.
Чтò пользы отъ его труда?
Чѣмъ больше чиститъ онъ, тѣмъ только больше пятенъ.

—

Бываетъ столько же вреда,
Когда
Невѣжда не въ свои дѣла вплетется
И поправлять труды ученаго возьмется.

Крыловъ.

БАЛЛАДА.

Das Siegesfest.

1. Priams Veste war gesunken,
Troja lag in Schutt und Staub,
Und die Grichen, siegestrunken,
Reich beladen mit dem Raub,
Sassen auf den hohen Schiffen,
Längs des Hellespontos Strand,
Auf der frohen Fahrt begriffen
Nach dem schönen Griechenland.
Stimmet an die frohen Lieder!
Denn dem väterlichen Herd
Sind die Schiffe zugekehrt,
Und zur Heimath geht es wieder.

Торжество побѣдителей.

1. Палъ Пріамовъ градъ священный;
Грудой пепла сталъ Пергамъ;
И побѣдой насыщенны,
Къ острогрудымъ кораблямъ
Собрались Эллены—тризну
Въ честь минувшаго свершить,
И въ желанную отчизну,
Къ берегамъ Эллады плыть.
Пойте, пойте гимнъ согласный;
Корабли обращены
Отъ враждебной стороны
Къ нашей Греціи прекрасной.

2. Und in langen Reihen, klagend,
Sass der Trojerinnen Schaar,
Schmerzvoll an die Brüste schlagend,
Bleich mit aufgelöstem Haar.
In das wilde Fest der Freuden
Mischten sie den Wehgesang,
Weinend um das eigne Leiden
In des Reiches Untergang.
Lebe wohl, geliebter Boden!
Von der süssen Heimath fern
Folgen wir dem fremden Herrn.
Ach wie glücklich sind die Todten!

3. Und den hohen Göttern zündet
Kalchas jetzt das Opfer an;
Pallas, die die Städte gründet
Und zertrümmert, ruft er an,
Und Neptun, der um die Länder
Seinen Wogengürtel schlingt,
Und den Zeus, den Schreckensender,
Der die Aegis grausend schwingt.
Ausgestritten, ausgerungen
Ist der lange schwere Streit,
Ausgefüllt der Kreis der Zeit,
Und die grosse Stadt bezwungen.

4. Atreus 'Sohn, der Fürst der Schaaren,
Uebersah der Völker Zahl,
Die mit ihm gezogen waren
Einst in des Skamanders Thal.
Und des Kummers finstre Wolke
Zog sich um des Königs Blick;
Von dem hergebrachten Volke
Bracht' er Wen'ge nur zurück.
Drum erhebe frohe Lieder
Wer die Heimath wieder sieht,
Wem noch frisch das Leben blüht!
Denn nicht alle kehren wieder!

5. Alle nicht, die wieder kehren,
Mögen sich des Heimzugs freun,
An den häuslichen Altären
Kann der Mord bereitet sein.
Mancher fiel durch Freundestücke,
Den die blut'ge Schlacht verfehlt!
Sprach's Ulyss mit Warnungsblicke,
Von Athenens Geist beseelt.
Glücklich wem der Gattin Treue
Rein und keusch das Haus bewahrt!
Denn das Weib ist falscher Art,
Und die Arge liebt das Neue!

2. Брегомъ шла толпа густая
Иліонскихъ дѣвъ и женъ:
Изъ отеческаго края
Ихъ вели въ далекій плѣнъ.
И съ побѣдной пѣснью дикой
Ихъ сливался тихій стонъ
По тебѣ, святой, великій,
Невозвратный Иліонъ.
Вы, родные холмы, нивы,
Намъ васъ болѣ не видать;
Будемъ въ рабствѣ увядать....
О, сколь мертвые счастливы!

3. И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ
Жертву самъ Калхасъ заклалъ:
Грады зиждущей Палладѣ
И губящей (онъ воззвалъ),
Буреносцу Посидону,
Воздымателю валовъ,
И носящему Горгону
Богу смертныхъ и боговъ!
Судъ оконченъ; споръ рѣшился;
Прекратилася борьба;
Все исполнила Судьба:
Градъ великій сокрушился.

4. Царь народовъ, сынъ Атрея,
Обозрѣлъ полковъ число:
Вслѣдъ за нимъ на брегъ Сигея
Много, много ихъ пришло....
И незапный мракъ печали
Отуманилъ царскій взглядъ:
Благороднѣйшіе пали....
Мало съ нимъ пойдетъ назадъ.
Счастливъ тотъ, кому сіянье
Бытія сохранено,
Тотъ, кому вкусить дано
Съ милой родиной свиданье!

5. И не всякій насладится
Миромъ, въ свой пришедши домъ:
Часто злобный ковъ таится
За домашнимъ алтаремъ;
Часто Марсомъ пощаженный
Погибаетъ отъ друзей
(Рекъ, Палладой вдохновенный,
Хитроумный Одиссей).
Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены!
Жены алчутъ новизны:
Постоянный миръ имъ страшенъ.

6. Und des frisch erkämpften Weibes
Freut sich der Atrid und strickt
Um den Reiz des schönen Leibes
Seine Arme hochbeglückt.
Böses Werk muss untergehen,
Rache folgt der Frevelthat;
Denn gerecht in Himmels Höhen
Waltet des Chroniden Rath.
Böses muss mit Bösem enden,
An dem frevelnden Geschlecht
Rächet Zeus das Gastesrecht,
Wägend mit gerechten Händen.

7. Wohl dem Glücklichen mag's ziemen,
Ruft Oileus' tapfrer Sohn,
Die Regierenden zu rühmen
Auf dem hohen Himmelsthron!
Ohne Wahl vertheilt die Gaben,
Ohne Billigkeit das Glück;
Denn Patroklus liegt begraben,
Und Thersites kommt zurück!
Weil das Glück aus seinen Tonnen
Die Geschicke blind verstreut,
Freue sich und jauchze heut,
Wer das Lebensloos gewonnen!

8. Ja, der Krieg verschlingt die Besten!
Ewig werde dein gedacht,
Bruder, bei der Griechen Festen,
Der ein Thurm war in der Schlacht.
Da der Griechen Schiffe brannten,
War in deinem Arm das Heil;
Doch dem Schlauen, Vielgewandten
Ward der schöne Preis zu Theil.
Friede deinen heilgen Resten!
Nicht der Feind hat dich entrafft,
Ajax fiel durch Ajax Kraft.
Ach, der Zorn verderbt die Besten!

9. Dem Erzeuger jetzt, dem grossen,
Giesst Neoptolem des Weins:
Unter allen ird'schen Loosen,
Hoher Vater, preis' ich deins.
Von des Lebens Gütern allen
Ist der Ruhm das höchste doch;
Wenn der Leib in Staub zerfallen,
Lebt der grosse Name noch.
Tapfrer, deines Ruhmes Schimmer
Wird unsterblich sein im Lied;
Denn das ird'sche Leben flieht,
Und die Todten dauern immer.

6. И стоящій близъ Елены
Менелай тогда сказалъ:
Плодъ губительный измѣны—
Ею самъ измѣнникъ палъ.
И погибъ виной Парида
Отягченный Иліонъ...
Неизбѣженъ судъ Кронида,
Все блюдетъ съ Олимпа онъ.
Злому злой конецъ бываетъ:
Гибнетъ жертвой Эвменидъ,
Кто безумно, какъ Паридъ,
Право гостя оскверняетъ.

7. Пусть веселый взоръ счастливыхъ
(Оилеевъ сынъ сказалъ)
Зритъ въ богахъ боговъ правдивыхъ;
Судъ ихъ часто слѣпъ бывалъ:
Сколькихъ бодрыхъ жизнь поблекла!
Сколькихъ низкихъ рокъ щадитъ!...
Нѣтъ великаго Патрокла;
Живъ презрительный Терситъ.
Смертный, царь Зевесъ Фортунѣ
Своенравной предалъ насъ:
Уловляй же быстрый часъ,
Не тревожа сердца втунѣ.

8. Лучшихъ бой похитилъ ярый!
Вѣчно памятенъ намъ будь,
Ты, мой братъ, ты, подъ удары
Подставлявшій твердо грудь,—
Ты, который насъ, пожаромъ
Осажденныхъ, защитилъ...
Но коварнѣйшему даромъ
Щитъ и мечъ Ахилловъ былъ.
Миръ тебѣ во тьмѣ Эрева!
Жизнь твою не врагъ отнялъ:
Ты своею силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва.

9. О, Ахиллъ! о, мой родитель!
(Возгласилъ Неоптолемъ)
Быстрый міра посѣтитель,
Жребій лучшій взялъ ты въ немъ.
Жить въ любви племенъ дѣлами—
Благо первое земли;
Будемъ вѣчны именами
И сокрытые въ пыли!
Слава дней твоихъ нетлѣнна;
Въ пѣсняхъ будетъ цвѣсть она;
Жизнь живущихъ невѣрна,
Жизнь отжившихъ неизмѣнна!

10. Weil des Liedes Stimmen schweigen
Von dem überwundnen Mann,
So will ich für Hectorn zeugen,—
Hub der Sohn des Tydeus an,—
Der für seine Hausaltäre
Kämpfend, ein Beschirmer, fiel—
Krönt den Sieger grössre Ehre,
Ehret ihn das schönre Ziel!
Der für seine Hausaltäre
Kämpfend sank, ein Schirm und Hort,
Auch in Feindes Mundes fort
Lebt ihm seines Namens Ehre.

11. Nestor jetzt, der alte Zecher,
Der drei Menschenalter sah,
Reicht den laubumkränzten Becher
Der bethränten Hekuba:
Trink, ihn aus, den Trank der Labe,
Und vergiss den grossen Schmerz!
Wundervoll ist Bacchus, Gabe,
Balsam für's zerrissne Herz!
Trink ihn aus den Trank der Labe,
Und vergiss den grossen Schmerz!
Balsam für's zerrissne Herz,
Wundervoll ist Bacchus Gabe.

12. Denn auch Niobe, dem schweren
Zorn der Himmlischen ein Ziel.
Kostete der Frucht der Aehren,
Und bezwang das Schmerzgefühl.
Denn so lang die Lebensquelle
Schäumet an der Lippen Rand,
Ist der Schmerz in Lethes Welle
Tief versenkt und festgebannt!
Denn so lang die Lebensquelle
An der Lippen Rande schäumt,
Ist der Jammer weggeträumt,
Fortgespült in Lethes Welle.

13. Und von ihrem Gott ergriffen
Hub sich jetzt die Seherin,
Blickte von den hohen Schiffen
Nach dem Rauch der Heimath hin.
Rauch ist alles ird'sche Wesen;
Wie des Dampfes Säule weht,
Schwinden alle Erdengrössen,
Nur die Götter bleiben stät.
Um dass Ross des Reiters schweben,
Um dass Schiff die Sorgen her;
Morgen können wir's nicht mehr,
Darum lasst uns heute leben!

Schiller.

10. Смерть велитъ умолкнуть злобѣ
(Діомедъ провозгласилъ):
Слава Гектору во гробѣ!
Онъ краса Пергама былъ;
Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
Великодушно пролилъ кровь;
Побѣдившимъ—честь побѣды!
Охранявшему—любовь!
Кто, на судъ явясь кровавый,
Славно палъ за отчій домъ:
Тотъ, почтенный и врагомъ,
Будетъ жить въ преданьяхъ славы.

11. Несторъ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина фіалъ
И Гекубѣ сокрушенной
Дружелюбно выпить далъ.
Пей страданій утоленье;
Добрый Вакховъ даръ вино;
И веселость и забвенье
Проливаетъ въ насъ оно.
Пей, страдалица! печали
Услаждаются виномъ:
Боги жалостные въ немъ
Подкрѣпленье сердцу дали.

12. Вспомни матерь Ніобею:
Что извѣдала она!
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена!
Но и съ нею, безотрадной,
Добрый Вакхъ не даромъ былъ:
Онъ струею виноградной
Вмигъ тоску въ ней усыпилъ.
Если грудь виномъ согрѣта,
И въ устахъ вино кипитъ,
Скорби наши быстро мчитъ
Ихъ смывающая Лета.

13. И вперила взоръ Кассандра,
Внявъ шепнувшимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ....
Смертный, Силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи:
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій.

Жуковскій.

Въ этой балладѣ представлена измѣнчивость судьбы человѣка и античный взглядъ на это явленіе жизни.

Въ 1-й и 2-й строфахъ противоположеніе ликованія Грековъ по взятіи Трои—со стонами Троянокъ.

3-я строфа. *Калхасъ* приноситъ богамъ благодарственную жертву, послѣ которой хоръ Грековъ выражаетъ радость, что окончена десятилѣтняя война.—*Паллада* призывается имъ, какъ строительница городовъ и ихъ разрушительница. Гомеръ называетъ ее (Ил. VI, 305) охранительницей городовъ (ἐρυσίπτολις), а разрушительницей ихъ называетъ (Ил. V, 333) богиню Эніо.—*Посейдонъ*—у Гомера γαιήοχος (Од. VIII, 350) „окружающій, опоясывающій землю“. Здѣсь этотъ богъ упоминается, какъ благополучно доведшій корабли въ Трою.—Зевсъ призывается, какъ высшее божество. Эпитетъ его *Эгидодержецъ* (αἰγίοχος, αἰγιδοῦχος): Эгидъ (αἰγίς)— страшный щитъ Зевса, работа Гефеста. Когда Зевсъ правой рукою мечетъ молніи, лѣвой потрясаетъ мохнатымъ эгидомъ: на немъ изображены Раздоръ, Погоня, Могучесть и „глава *Горгоны*, чудовища страшнаго образъ, страшная, грозная, знаменье бога, всесильнаго Зевса“ (Ил. V. 740—2).

4-я строфа. Побѣдная жертва возбуждаетъ въ Агамемнонѣ горькую мысль о потеряхъ подъ стѣнами Трои. *Сынъ Атрея* — Агамемнонъ, Атридъ. — *На брегъ Сигея* (у Шиллера: in des Skamanders Thal), Σίγειον, мысъ подлѣ Трои, сѣверозападная оконечность Азіи; на мысѣ—городъ того же имени.

5-я строфа. Одиссей, по поводу пѣсни хора предъидущей строфы, указываетъ на гибель, которая иногда ожидаетъ возвращающихся домой: намекъ на судьбу Агамемнона, убитаго женою Клитемнестрой по возвращеніи изъ подъ Трои. То же и въ словахъ хора этой строфы. См. разговоръ Одиссея съ Агамемномъ въ преисподней (Од. XI. 391—466).

6-я строфа. Въ противоположность предъидущему хору—радость Менелая объ отвоеваніи Елены и о наказаніи ея похитителей Хоръ выражаетъ общее положеніе, примѣняя его къ нарушенному гостепріимству.— Зевсъ—охранитель гостя (ξένιος, ξεῖνος). Неточность перевода этой строфы повлекла за собою противорѣчіе съ Иліадой, гдѣ не упоминается, чтобы Парисъ мучился угрызеніями совѣсти („жертвой Эвменидъ“); Менелай, по Шиллеру, имѣетъ въ виду видимое наказаніе.

7-я строфа. Сынъ Оилея (царя Локриды), Аяксъ 1-й оплакиваетъ несправедливость счастія вслѣдъ за Менелаемъ, который радуется своему счастію. Эта рѣчь приличествуетъ Аяксу 1-му, потому что онъ и у Гомера изображается мало почитающимъ боговъ: онъ заслужилъ смерть дерзостнымъ словомъ противъ боговъ (Од. IV. 500):

«Съ длинно-весельными въ бурю морскую погибъ кораблями
Сынъ Оилеевъ Аяксъ; Посидонъ ихъ къ великой Гирейской
Бросилъ скалѣ; самого же Аякса изъ водъ онъ исторгнулъ;
Спасся бъ отъ гибели онъ вопреки раздраженной Аѳинѣ,
Еслибъ въ безумствѣ изречь не дерзнулъ святотатнаго слова;
Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжитъ потопленья.
Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано было:
Сильной рукой во гнѣвѣ онъ схватилъ свой ужасный трезубецъ,
Имъ по Гирейской ударилъ скалѣ—скала раздвоилась;
Часть устояла; кусками разсыпавшись, въ море другая
Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотатнымъ Аяксомъ;
Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее море;
Такъ онъ погибъ злополучный, упившись соленою влагой».

Замѣчательно въ этой строфѣ сопоставленіе двухъ лицъ, протестующихъ противъ высшихъ силъ: Самого Аякса, согласно изображенію Гомера и здѣсь, въ своей рѣчи, осуждающаго боговъ—и презрительнаго Терсита, котораго Гомеръ изображаетъ и физически и нравственно безобразнымъ:

«Съ сердцемъ готовымъ всегда на безчинныя, дерзкія рѣчи,
Вѣчно искалъ онъ царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволялъ себѣ, что̀ казалось смѣшно для народа.
Мужъ безобразнѣйшій, онъ изъ Геллады пришелъ къ Иліону:
Былъ косоглазъ, хромоногъ; совершенно горбатыя сзади
Плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась
Вверхъ остріемъ, и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ».

Онъ порицалъ всегда Одиссея и Пелида, съ крикомъ пронзительнымъ поносилъ и Атрида. На него Аргивяне гнѣвались страшно... Къ нему обращается Одиссей: «Смолкни, безумнорѣчивый, хотя громогласный витія! Смертнаго болѣ презрѣннаго, нежели ты, я увѣренъ, нѣтъ межъ Ахеянъ». Ударомъ скипетра «ругателя буйнаго онъ обуздалъ велерѣчье» (Ил. II, 215).

Источникъ протеста у обоихъ противоположный: у Аякса—любовь къ лучшимъ, у Терсита—низкое чувство ненависти къ нимъ; движимый этимъ чувствомъ, онъ въ своихъ «пронзительныхъ крикахъ» не прочь опираться на низменныя чувства толпы. Аяксъ гибнетъ въ своемъ безумномъ возстаніи противъ боговъ, что̀ производитъ трагическое впечатлѣніе; Терситъ за свои рѣчи терпитъ побои—исходъ комическій.

Терситу противопоставленъ «великій Патроклъ» (у Шиллера безъ эпитета)—одинъ изъ благороднѣйшихъ героевъ. У Софокла въ трагедіи „Филоктетъ" Терситъ переживаетъ Ахилла; Шиллеръ имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто трагедіи (ст. 442): Филоктетъ тамъ спрашиваетъ Неоптолема (Ахиллесова сына) о Патроклѣ, любимомъ другѣ его отца, и о недостойномъ Терситѣ; между обоими вопросами Филоктетъ замѣчаетъ, что война не похищаетъ охотно дурныхъ людей, но именно лучшихъ.

Рѣчь Аякса даетъ поводъ хору выразить радость, что ихъ пощадило счастіе, которое такъ слѣпо.

8-я строфа. Тевкръ вспоминаетъ своднаго брата своего, Саламинскаго Аякса, сына Теламонова, который палъ по несправедливости людей. Здѣсь недомолвка автора: не указано лицо говорящее, и лишь изъ содержанія рѣчи оказывается, что она принадлежитъ Тевкру (лучшему стрѣлку изъ Грековъ; онъ не отмстилъ за смерть Аякса, за что и былъ прогнанъ отцомъ Теламономъ: не должно его смѣшивать съ первымъ троянскимъ царемъ того же имени).—«Вѣчно памятенъ намъ будь»—неопредѣленное выраженіе. У Шиллера ясно указано на вѣчную память *въ пѣсняхъ пѣвцовъ*, поющихъ „славу мужей". Долговѣчность памяти о подвигахъ неоднократно выражается въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ (см. вын. 2-ю на стр. 397, I ч.; см. также Ил. VI, 357; Од. VIII, 580).

«Насъ, пожаромъ осажденныхъ, защитилъ». См. Ил. XV: когда Гекторъ, ухвативъ корму корабля, велѣлъ зажигать его, Теламонова сына засыпали стрѣлы; онъ отступалъ, но копьемъ своимъ опрокидывалъ всякаго, кто пытался зажечь корабль, и возбуждалъ Данаевъ:

«Рекъ—и свирѣпый кругомъ нападалъ съ длиннотѣнною пикой.
Каждаго, кто изъ Троянъ къ корабельнымъ кормамъ ни бросался
Съ пламенемъ бурнымъ въ рукахъ, возбуждаемый Гектора крикомъ,
Каждаго онъ прободалъ, принимая огромною пикой:
Такъ ихъ двѣнадцать изъ собственныхъ рукъ закололъ предъ судами».

Послѣ смерти Ахиллеса Өемида опредѣлила его оружіе тому, кто окажетъ наибольшую услугу для спасенія его трупа. Притязаніе на него изъявили Аяксъ и Одиссей: первый—какъ остановившій нападеніе Троянъ, второй—какъ отнесшій трупъ убитаго. Одиссей сумѣлъ склонить рѣшеніе въ свою пользу, а Аяксъ въ безуміи убилъ себя (это послужило Софоклу содержаніемъ для его трагедіи „Аяксъ"). *Коварнѣйшему*—т. е. Одиссею (πολύτροπος)

Хоръ сочувствуетъ Аяксу, но сожалѣетъ, что онъ палъ жертвой гнѣва.

9-я строфа. Похвала Аяксу, который, начиная Гомеромъ, всегда ставился какъ храбрѣйшій, рядомъ съ Ахилломъ, даетъ поводъ Неоптолему, первому изъ всѣхъ героевъ, прославить Ахиллеса, который предпочелъ безсмертную славу долгой жизни.—„Быстрый міра посѣтитель": см. Ил. IX. 410:

„Матерь моя среброногая мнѣ возвѣстила Өетида:
Жребій двоякій меня ведетъ къ гробовому предѣлу:
Если останусь я здѣсь, предъ градомъ Троянскимъ сражаться,
Нѣтъ возвращенія мнѣ, но слава моя не погибнетъ;
Если же въ домъ возвращусь я, въ любезную землю родную,
Слава моя погибнетъ, но будетъ мой вѣкъ долголѣтенъ".

Хоръ вторитъ тѣмъ же мыслямъ, но въ послѣднихъ 2 стихахъ упущено изъ виду, что не всѣ мертвые живутъ вѣчно, но лишь герои. У Шиллера въ первыхъ двухъ стихахъ мысль ограничена, разумѣя лишь „храбрыхъ". У Жуковскаго хоръ поетъ не о храбрыхъ, т. е. герояхъ, но вообще о человѣкѣ, что несогласно съ міросозерцаніемъ языческимъ. (Нѣкоторые критики предполагаютъ въ послѣднихъ двухъ стихахъ и у Шиллера порчу текста: Todten вм. Thaten или Tapfern).

10-я строфа. Діомедъ хочетъ почтить и Гектора, какъ врага, храбро защищавшаго свою родину. Для этой великодушной рѣчи избранъ Діомедъ (Тидидъ), въ виду его разговора съ Главкомъ, свидѣтельствующаго о высоко гуманномъ чувствѣ Діомеда: Ил. VI. 119—212: „Сынъ Гипполоховъ! ты гость мнѣ отеческій, гость стародавній", восклицаетъ онъ, водружая копье въ землю, и соблюдаетъ такимъ образомъ долгъ гостепріимства на войнѣ въ отношеніи ко врагу.

Хоръ повторяетъ ту же мысль.

11-я и 12-я стр. Несторъ дружески приглашаетъ Гекубу, царицу, претерпѣвшую участь ужаснѣйшую всѣхъ, забыть страданіе и усладить себя виномъ.

По Иліадѣ, „Несторъ, старый бражникъ", „три человѣческихъ поколѣнія пережившій"; Жуковскій передаетъ: „жизнью убѣленный".—„Нацѣдилъ вина фіалъ". У Шиллера: „листьями увѣнчанный", у Гомера нѣтъ ничего подобнаго, и Жуковскій опускаетъ эту подробность. „Боги жалостные (вм. жалостливые)... дали" вм. „Вакхова дара" Шиллера. Хоръ повторяетъ причину предложенія Нестора. Здѣсь вѣрно воспроизводится античное воззрѣніе на вино. Ср. предложеніе Пелида Пріаму подкрѣпиться въ горѣ:

„Сынъ твой тебѣ возвращенъ, какъ желалъ ты, божественный старецъ;
Убранъ лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь,
Самъ ты увидишь его, но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.
Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ніоба,
Матерь, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла...
Плачемъ о нихъ истомяся, и мать вспомянула о пищѣ".

И питіемъ, и пищей насытили оба сердце; Пріамъ проситъ позволенія насладиться сномъ животворнымъ, такъ-какъ не смыкалъ очей съ того самаго дня, какъ несчастный его сынъ погибъ отъ рукъ Ахиллеса.

Хоръ повторяетъ мысль Нестора съ нѣкоторымъ измѣненіемъ.

13-я строфа. Кассандра съ горькимъ взоромъ на отеческій городъ, еще дымящійся, высказываетъ непрочность всего земнаго, но хоръ не хочетъ, чтобъ что либо лишило ихъ наслажденія настоящимъ.

„Шепнувшимъ богамъ“ (у Шиллера: вдохновенная богомъ, т. е. Аполлономъ).

Изображеніе заботы извлечено Шиллеромъ также изъ античной поэзіи. У Горація (carm. III 1. 38—40). „Не оставляетъ и мѣдный корабль, садится и позади всадника черная Забота“; см. также конецъ 7 оды I кн. „Отгоните теперь заботы виномъ! А завтра снова пустимся въ могучее море“.—Жуковскій передалъ „Заботу“—„Силой гнетущей“; вмѣсто „носится вокругъ“—„насъ гнетущей“. Слова же: „покоряйся и терпи“—совершенно новая мысль, внесенная Жуковскимъ, равно какъ и слѣдующая: „Спящій въ гробѣ мирно спи.“ Этими прибавленіями Жуковскій противорѣчитъ античному міросозерцанію, нашедшему однако же и въ его переводѣ выраженіе въ послѣднемъ стихѣ хора: „жизнью пользуйся живущій“.

Эта баллада замѣчательна соотвѣтствіемъ рѣчи каждаго изъ героевъ его положенію, и искусными переходами отъ одной рѣчи къ другой и связью ихъ съ хорами, заключающими четырестишіемъ каждую строфу. Рѣчи героевъ соотвѣтствуютъ изображенію каждаго у Гомера: словоохотливый Несторъ даже нарушаетъ порядокъ всего стихотворенія, въ которомъ каждой рѣчи отведена одна строфа: рѣчь Нестора распространена на двѣ строфы.

Въ рѣчахъ всѣхъ героевъ выражена темная и свѣтлая сторона жизни, хвала и порицаніе ея; а такъ какъ всѣ они представители народа, то въ нихъ выраженъ взглядъ самаго народа. Каждый изъ героевъ высказываетъ свою хвалу или обвиненіе съ той стороны, съ которой ему жизнь наиболѣе извѣстна, что придаетъ особенный вѣсъ ихъ сужденіямъ [1].

Ленора.

(Бюргера).

Ленорѣ снился страшный сонъ;
  Проснулася въ испугѣ.
«Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?
  «И вѣренъ ли подругѣ»?
Пошелъ въ чужую онъ страну
За Фридерикомъ на войну;
  Никто объ немъ не слышитъ;
  А самъ онъ къ ней не пишетъ.

Съ императрицею король
  За что-то раздружились;
И кровь лилась, лилась... доколь
  Они не помирились.
И оба войска, кончивъ бой,
Съ музыкой, пѣснями, пальбой
  Съ торжественностью ратной
  Пустились въ путь обратный.

Идутъ! идутъ! за строемъ строй;
  Пылятъ, гремятъ, сверкаютъ;
Родные, ближніе толпой
  Встрѣчать ихъ выбѣгаютъ;
Тамъ обнялъ друга нѣжный другъ,
Тамъ сынъ отца, жену супругъ;
  Всѣмъ радость... А Ленорѣ
  Отчаянное горе.

---

[1] Дунцеръ.

Она обходитъ ратный строй
И друга вызываетъ;
Но вѣсти нѣтъ ей никакой:
Никто объ немъ не знаетъ.
Когда же мимо рать прошла—
Она свѣтъ Божій прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.

Къ Ленорѣ мать бѣжитъ съ тоской:
«Что̀ такъ тебя волнуетъ?
«Что сдѣлалось, дитя, съ тобой»?
И дочь свою цѣлуетъ.
—О, другъ мой, другъ мой, все прошло!
Мнѣ жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Самъ Богъ врагомъ Ленорѣ. .
О горе мнѣ! о горе!

«Прости ее, небесный Царь»!
—Родная, помолися.—
„Онъ благъ, Его руки мы тварь:
«Предъ нимъ душой смирися».
—О, другъ мой, другъ мой, все какъ сонъ...
Немилостивъ со мною Онъ;
Предъ нимъ мой крикъ былъ тщетенъ...
И глухъ и безотвѣтенъ.—

«Дитя, отъ жалобъ удержись;
«Смири души тревогу:
«Пречистыхъ Таинъ причастись,
«Пожертвуй сердцемъ Богу».
—О, другъ мой, что̀ во мнѣ кипитъ,
Того и Богъ не усмиритъ:
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый.—

«Но что̀, когда онъ самъ забылъ
«Любви святое слово,
«И прежней клятвѣ измѣнилъ,
«И связанъ клятвой новой?
«И ты, и ты объ немъ забудь;
«Не рви тоской напрасной грудь;
«Не стоитъ слезъ предатель;
«Ему судья Создатель».

—О, другъ мой, другъ мой, все прошло;
Пропавшее—пропало;
Жизнь безотрадную на зло
Мнѣ Провидѣнье дало...
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Самъ Богъ врагомъ, Ленорѣ...
О горе мнѣ! о горе!—

«Небесный Царь, да ей проститъ
«Твое долготерпѣнье!
«Она не знаетъ, что̀ творитъ:
«Ея душа въ забвеньѣ.
«Дитя, земную скорбь забудь:
«Ведетъ ко благу Божій путь;
«Смиреннымъ—рай награда;
«Страшись мученій ада».

—О, другъ мой, что̀ небесный рай?
Что адское мученье?
Съ нимъ вмѣстѣ—все небесный рай;
Съ нимъ розно—все мученье;
Угасни ты, противный свѣтъ!
Погибни, жизнь, гдѣ друга нѣтъ!
Съ нимъ розно, умерла я
И здѣсь и тамъ для рая.—

Такъ дерзко, полная тоской,
Душа въ ней бунтовала...
Творца на судъ она съ собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, какъ ночь пришла,
И темный сводъ надъ нами
Усыпался звѣздами.

И вотъ... какъ будто легкій скокъ
Коня въ тиши раздался:
Несется по полю ѣздокъ;
Гремя, къ крыльцу примчался;
Гремя, взбѣжалъ онъ на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
Въ ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:

«Скорѣй! сойди ко мнѣ, мой свѣтъ!
«Ты ждешь ли друга, спишь ли?
«Меня забыла ты иль нѣтъ?
Смѣешься ли, грустишь ли?»
—Ахъ! милый... Богъ тебя принесъ!
А я... отъ горькихъ, горькихъ слезъ
И свѣтъ въ очахъ затмился...
Ты какъ здѣсь очутился?—

«Сѣдлаемъ въ полночь мы коней...
«Я ѣду издалека.
«Не медли, другъ; сойди скорѣй;
«Путь дологъ, мало срока».
—На что спѣшить, мой милый, намъ?

И вѣтеръ воетъ по кустамъ,
И тьма ночная въ полѣ;
Побудь со мной на волѣ.—

«Чтò нужды намъ до тьмы ночной!
«Въ кустахъ пусть вѣтеръ воетъ.
«Часы бѣгутъ; конь борзый мой
«Копытомъ землю роетъ;
«Нельзя намъ ждать; сойди, дружокъ;
«Намъ долгій путь, намъ малый срокъ;
«Не въ пору сонъ и нѣга:
«Стѳ миль намъ до ночлега».

—Но какъ же конь твой пролетитъ
Сто миль до утра, милый?
Ты слишишь, колоколъ гудитъ:
Одиннадцать пробило.—
«Но мѣсяцъ всталъ, онъ свѣтитъ намъ...
«Гладка дорога мертвецамъ;
«Мы скачемъ, не боимся;
«До свѣта мы домчимся».

—Но гдѣ же, гдѣ твой уголокъ?
Гдѣ нашъ пріютъ укромный?—
«Далеко онъ... пять, шесть досокъ...
«Прохладный, тихій, темный».
—Есть мѣсто мнѣ?—«Обоимъ намъ.
«Поѣдемъ; все готово тамъ;
«Ждутъ гости въ нашей кельѣ;
«Пора на новоселье»!

Она подумала, сошла
И на коня вспрыгнула,
И друга нѣжно обняла,
И вся къ нему прильнула.
Помчались... конь бѣжитъ, летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И мимо ихъ холмы, кусты,
Поля, лѣса летѣли;
Подъ конскимъ топотомъ мосты
Тряслися и гремѣли.
«Не страшно ль?» — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ!—
«Гладка дорога мертвецамъ!...
«Да что же такъ дрожишь ты?»
—Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

—Но кто тамъ стонетъ? Что за звонъ?
Что ворона взбудило?—
«По мертвомъ звонъ; надгробный стонъ;
Голосятъ надъ могилой».
И виденъ ходъ; идутъ, поютъ,
На дрогахъ тяжкій гробъ везутъ,
И голосъ погребальный
Какъ вой совы печальный.

«Заройте гробъ въ полночный часъ:
«Слезамъ теперь не мѣсто;
«За мной! къ себѣ на свадьбу васъ
«Зову съ моей невѣстой.
«За мной, пѣвцы; за мной, пасторъ;
«Пропой намъ многолѣтья хоръ;
«Намъ дай на обрученье,
«Пасторъ, благословенье».

И звонъ утихъ... и гробъ пропалъ...
Столпился хоръ проворно,
И по дорогѣ побѣжалъ
За ними тѣнью черной.
И далѣ, далѣ!... конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

И сзади, спереди, съ боковъ
Окрестность вся летѣла:
Поля, холмы, ряды кустовъ,
Заборы, домы, села.
„Не страшно ль? — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.—
«Гладка дорога мертвецамъ!
«Да что же такъ дрожишь ты?»
— О мертвыхъ все твердишь ты!—

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушный рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
«Ко мнѣ, за мной, вы, плясуны!
«Вы всѣ на пиръ приглашены!
«Скачу, лечу жениться...
«Ко мнѣ повеселиться!»

И летомъ, летомъ легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими.
И далѣ, далѣ!... Конь летитъ,
Подъ нимъ земля шумитъ, дрожитъ,
Съ дороги вихри вьются,
Отъ камней искры льются.

Вдали, вблизи, со всѣхъ сторонъ,
Все мимо ихъ бѣжало;
И все какъ тѣнь, и все какъ сонъ
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?»—Мѣсяцъ свѣтитъ намъ.—
«Гладка дорога мертвецамъ!
Да что же такъ дрожишь ты?»
—Зачѣмъ о нихъ твердишь ты?—

«Мой конь, мой конь, песокъ бѣжитъ [1];
«Я чую, ночь свѣжѣе;
«Мой конь, мой конь, пѣтухъ кричитъ;
Мой конь, несись быстрѣе....
«Оконченъ путь; исполненъ срокъ:
«Нашъ близко, близко уголокъ;
«Въ минуту мы у мѣста,..
«Пріѣхали, невѣста!»

Къ воротамъ конь во весь опоръ
Примчавшись, сталъ и топнулъ;
Ѣздокъ бичомъ стегнулъ затворъ—
Затворъ со стукомъ лопнулъ;
Они кладбище видятъ тамъ...
Конь быстро мчится по гробамъ;
Лучи луны сіяютъ,
Кругомъ кресты мелькаютъ.

И что жъ Ленора, что потомъ?
О страхъ!... въ одно мгновенье
Кусокъ одежды за кускомъ
Слетѣлъ съ него, какъ тлѣнье;
И нѣтъ ужъ кожи на костяхъ;
Безглазый черепъ на плечахъ;
Нѣтъ каски, нѣтъ колета;
Она—въ рукахъ скелета.

Конь прянулъ... Пламя изъ ноздрей
Волною побѣжало;
И вдругъ... все пылью передъ ней
Разшиблость и пропало.
И вой, и стонъ на вышинѣ;
И крикъ въ подземной глубинѣ:
Лежитъ Ленора въ страхѣ
Полмертвая на прахѣ.

И въ блескѣ мѣсячныхъ лучей,
Рука съ рукой, летаетъ,
Віясь надъ ней, толпа тѣней,
И такъ ей припѣваетъ:
«Терпи, терпи, хоть ноетъ грудь;
«Творцу въ бѣдахъ покорна будь;
«Твой трупъ сойди въ могилу!
«А душу Богъ помилуй!»

Жуковскій.

Свѣтлана.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Тускло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана.
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана.
«Что, подруженька, съ тобой!
Вымолви словечко;
Слушай пѣсни круговой;
Вынь себѣ колечко.
Пой, красавица: «Кузнецъ,
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
«Скуй кольцо златое:
«Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
«Обручаться тѣмъ кольцомъ
«При святомъ налоѣ [2]».

—Какъ могу, подружки, пѣть?
Милый другъ далеко;
Мнѣ судьбина умереть
Въ грусти одинокой.
Годъ промчался вѣсти нѣтъ;
Онъ ко мнѣ не пишетъ;
Ахъ! а имъ лишь красенъ свѣтъ,
Имъ лишь сердце дышетъ...
Иль не вспомнишь обо мнѣ?
Гдѣ, въ какой ты сторонѣ?

---

[1] *Песокъ*—въ песочныхъ часахъ.— [2] См. 2-ю подблюдную пѣсню въ отд „Лирич. Произведеній“.

Гдѣ твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью.
Утоли печаль мою,
Ангелъ-утѣшитель.—

Вотъ, въ свѣтлицѣ столъ накрытъ
Бѣлой пеленою;
И на томъ столѣ стоитъ
Зеркало съ свѣчою.
Два прибора на столѣ.
«Загадай, Свѣтлана:
Въ чистомъ зеркала стеклѣ
Въ полночь, безъ обмана
Ты узнаешь жребій свой:
Стукнетъ въ двери милый твой
Легкою рукою;
Упадетъ съ дверей запоръ,
Сядетъ онъ за свой приборъ
Ужинать съ тобою».

Вотъ красавица одна
Къ зеркалу садится;
Съ тайной робостью она
Въ зеркало глядится;
Темно въ зеркалѣ; кругомъ
Мертвое молчанье;
Свѣчка трепетнымъ огнемъ
Чуть лiетъ сiянье....
Робость въ ней волнуетъ грудь,
Страшно ей назадъ вглянуть,
Страхъ туманитъ очи...
Съ трескомъ пыхнулъ огонекъ,
Крикнулъ жалобно сверчокъ,
Вѣстникъ полуночи.

Подпершися локоткомъ,
Чуть Свѣтлана дышетъ.....
Вотъ.... легохонько замкомъ
Кто-то стукнулъ, слышитъ;
Робко въ зеркало глядитъ:
За ея плечами
Кто-то, чудилось, блеститъ
Яркими глазами....
Занялся отъ страха духъ....
Вдругъ въ ея влетаетъ слухъ
Тихій, легкій шепотъ:
«Я съ тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышанъ ропотъ»!

Оглянулась.... милый къ ней
Простираетъ руки.
«Радость, свѣтъ моихъ очей,
Нѣтъ для насъ разлуки».
Ѣдемъ! Попъ ужъ въ церкви ждетъ
Съ дьякономъ, дьячками;
Хоръ вѣнчальну пѣснь поетъ;
Храмъ блеститъ свѣчами».
Былъ въ отвѣтъ умильный взоръ;
Идутъ на широкій дворъ,
Въ ворота тесовы;
У воротъ ихъ санки ждутъ;
Съ нетерпѣнья кони рвутъ
Повода шелковы.

Сѣли... Кони съ мѣста въ разъ;
Пышутъ дымъ ноздрями;
Отъ копытъ ихъ поднялась
Вьюга надъ санями.
Скачутъ... Пусто все вокругъ,
Степь въ очахъ Свѣтланы;
На лунѣ туманный кругъ;
Чуть блестятъ поляны;
Сердце вѣщее дрожитъ;
Робко дѣва говоритъ:
«Что ты смолкнулъ, милый?»
Ни полслова ей въ отвѣтъ;
Онъ глядитъ на лунный свѣтъ,
Блѣденъ и унылый.

Кони мчатся по буграмъ;
Топчутъ снѣгъ глубокій ..
Вотъ, въ сторонкѣ Божій храмъ
Виденъ одинокій;
Двери вихорь отворилъ—
Тма людей во храмѣ;
Яркій свѣтъ паникадилъ
Тускнетъ въ ѳимiамѣ;
На срединѣ черный гробъ,
И гласитъ протяжно попъ:
«Буди взятъ могилой!»
Пуще дѣвица дрожитъ;
Кони мимо; другъ молчитъ,
Блѣденъ и унылый.

Вдругъ метелица кругомъ?
Снѣгъ валитъ клоками;
Черный воранъ, свистя крыломъ,
Вьется надъ санями;
Воронъ каркаетъ: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну дать,
Подымая гривы;
Брежжетъ въ полѣ огонекъ;
Виденъ мирный уголокъ,
Хижинка подъ снѣгомъ.

Кони борзые быстрѣй;
Снѣгъ взрывая, прямо къ ней
Мчатся дружнымъ бѣгомъ.

Вотъ примчалися... и вмигъ
Изъ очей пропали:
Кони, сани и женихъ
Будто не бывали.
Одинокая, въ потьмахъ,
Брошена отъ друга,
Въ страшныхъ дѣвица мѣстахъ;
Вкругъ метель и вьюга.
Возвратиться—слѣду нѣтъ....
Виденъ ей въ избушкѣ свѣтъ:
Вотъ перекрестилась,
Въ дверь съ молитвою стучитъ....
Дверь шатнулася.... скрипитъ....
Тихо растворилась.

Что жъ?... въ избушкѣ—гробъ; накрытъ
Бѣлою запоной,
Спасовъ ликъ въ ногахъ стоитъ;
Свѣчка предъ иконой....
Ахъ! Свѣтлана, что̀ съ тобой?
Въ чью зашла обитель?
Страшенъ хижины пустой
Безотвѣтный житель.
Входитъ съ трепетомъ, въ слезахъ;
Предъ иконой пала въ прахъ,
Спасу помолилась,
И съ крестомъ своимъ въ рукѣ
Подъ Святыми въ уголкѣ
Робко притаилась.

Все утихло.... вьюги нѣтъ....
Слабо свѣчка тлится,
То прольетъ дрожащій свѣтъ,
То опять затмится....
Все въ глубокомъ, мертвомъ снѣ,
Страшное молчанье....
Чу, Свѣтлана!.... въ тишинѣ
Легкое журчанье....
Вотъ, глядитъ: къ ней въ уголокъ
Бѣлоснѣжный голубокъ
Съ свѣтлыми глазами,
Тихо вѣя, прилетѣлъ,
Къ ней на перси тихо сѣлъ,
Обнялъ ихъ крылами.

Смолкло все опять кругомъ....
Вотъ, Свѣтланѣ мнится,
Что подъ бѣлымъ полотномъ
Мертвый шевелится....
Сорвался покровъ; мертвецъ
(Ликъ мрачнѣе ночи)
Виденъ весь—на лбу вѣнецъ,
Затворены очи.
Вдругъ.... въ устахъ сомкнутыхъ стонъ.
Силится раздвинуть онъ
Руки охладѣлы....
Что же дѣвица?... Дрожитъ....
Гибель близко.... но не спитъ
Голубочекъ бѣлый.

Встрепенулся, развернулъ
Легкія онъ крылы,
Къ мертвецу на грудь вспорхнулъ....
Всей лишенный силы,
Простонавъ, заскрежеталъ
Страшно онъ зубами
И на дѣву засверкалъ
Грозными очами....
Снова блѣдность на устахъ;
Въ закатившихся глазахъ
Смерть изобразилась ...
Глядь, Свѣтлана.... О, Творецъ!
Милый другъ ея—мертвецъ,
Ахъ!... и пробудилась.

Гдѣ жъ? У зеркала одна
Посреди свѣтлицы;
Въ тонкій занавѣсъ окна
Свѣтитъ лучъ денницы.
Шумнымъ бьетъ крыломъ пѣтухъ,
День встрѣчая пѣньемъ;
Все блеститъ.... Свѣтланинъ духъ
Смутенъ сновидѣньемъ.
«Ахъ! ужасный, грозный сонъ;
Не добро вѣщаетъ онъ—
Горькую судьбину.
Тайный мракъ грядущихъ дней,
Что̀ сулишь душѣ моей,
Радость иль кручину?»

Сѣла (тяжко ноетъ грудь)
Подъ окномъ Свѣтлана;
Изъ окна широкій путь
Виденъ сквозь тумана.
Снѣгъ на солнышкѣ блеститъ,
Паръ алѣетъ тонкій....
Чу!... въ дали пустой гремитъ
Колокольчикъ звонкій;
На дорогѣ снѣжный прахъ;
Мчатъ какъ будто на крылахъ,
Санки кони рьяны;
Ближе.... вотъ ужъ у воротъ;

Статный гость къ крыльцу идетъ....
  Кто?... Женихъ Свѣтланы.

Что же твой, Свѣтлана, сонъ,
  Прорицатель муки?
Другъ съ тобой; все тотъ же онъ
  Въ опытѣ разлуки;
Та жъ любовь въ его очахъ,
  Тѣ жъ пріятны взоры;
Тѣ жъ на сладостныхъ устахъ
  Милы разговоры.
Отворяйся жъ, Божій храмъ;
Вы летите къ небесамъ,
  Вѣрные обѣты;
Соберитесь старъ и младъ;
Сдвинувъ звонки чаши, въ ладъ—
  Пойте: многи лѣты!

Улыбнись, моя краса,
  На мою балладу;
Въ ней большія чудеса,
  Очень мало складу;
Взоромъ счастливый твоимъ,
  Не хочу и славы.
Слава—насъ учили—дымъ:
  Свѣтъ—судья лукавый.
Вотъ баллады толкъ моей:
«Лучшій другъ намъ въ жизни сей
  Вѣра въ Провидѣнье;
Благъ зиждителя законъ:
Здѣсь несчастье—лживый сонъ:
  Счастье—пробужденье».

Жуковскій.

Ивиковы журавли.

(Шиллера).

1. Zum Kampf der Wagen und Gesänge,
Der auf Korinthus' Landesenge
Der Griechen Stämme froh vereint,
Zog Jbykus, des Götterfreund.
Ihm schenkte des gesanges Gabe,
Der Lieder süssen Mund Apoll;
So wandert er, an leichtem Stabe,
Aus Rhegium, des Gottes voll.

2. Schon winkt auf hohem Bergesrücken,
Akrokorinth des Wandrers Blicken,
Und in Poseidons Fichtenhain
Tritt er mit frommem Schauder ein.
Nichts regt sich um ihn her, nur Schwärme
Von Kranichen begleiten ihn,
Die fernhin nach des Südens Wärme
In graulichtem Geschwader ziehn.

3. „Seid mir gegrüsst, befreundte Schaaren!
Die mir zur See Begleiter waren,

1. На Поссейдоновъ пиръ веселый [1],
Куда стекались чада Гелы [2]
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ [3], скромный другъ боговъ.
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ:
И съ лирой, съ легкою клюкою,
Шелъ, вдохновенный, къ Истму онъ.

2. Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринѳъ [4] и горы,
Сліянны съ синевой небесъ.
Онъ входитъ въ Посидоновъ лѣсъ...
Все тихо: листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

3. «О, спутники, вашъ рой крылатый,
Досель мой вѣрный провожатый, [5]
Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!

---

[1] *Истмійскія игры* въ честь Посейдона. Веселіе оживляло всѣ греческія празднества; истміи отличались имъ въ особенности.—[2] Эллины.—[3] Ἴβυκος—пѣвецъ-поэтъ изъ Регіума (въ Ю. Италіи), жившій одно время при дворѣ Поликрата. Преданіе о его смерти и чудесномъ открытіи убійцъ, подавшее поводъ къ древне-греческой поговоркѣ: «Ивиковы журавли», составляетъ фабулу этой баллады.—[4] *Акрокоринѳъ*—Коринѳскій акрополь, на вершинѣ горы, у подножія которой лежалъ Коринѳъ.—[5] Журавли сопровождали его и при плаваніи чрезъ море; онъ видѣлъ ихъ во время пути не въ первый разъ.

Zum guten Zeichen nehm' ich euch,
Mein Loos, es ist dem euren gleich.
Von fern her kommen wir gezogen,
Und flehen um ein wirthlich Dach—
Sei uns der Gastliche gewogen,
Der von dem Fremdling wehrt die Schmach!"

4. Und munter fördert er die Schritte
Und sicht sich in des Waldes Mitte;
Da sperren auf gedrangem Steg
Zwei Mörder plötzlich seinen Weg.
Zum Kampfe muss er sich bereiten,
Doch bald ermattet sinkt die Hand,
Sie hat der Leier zarte Saiten,
Doch nie des Bogens Kraft gespannt.

5. Er ruft die Menschen an, die Götter,
Sein Flehen dringt zu keinem Retter;
Wie weit er auch die Stimme schickt,
Nichts Lebendes wird hier erblickt.
"So muss ich hier verlassen sterben,
Auf fremdem Boden, unbeweint,
Durch böser Buben Hand verderben,
Wo auch kein Rächer mir ercheint!"

6. Und schwer getroffen sinkt er nieder,
Da rauscht der Kraniche Gefieder;
Er hört, schon kann er nicht mehr sehn,
Die nahen Stimmen furchtbar krähn.
„Von euch, ihr Kraniche dort oben,
Wenn keine andre Stimme spricht,
Sei meines Mordes Klag' erhoben!"
Er ruft es, und sein Auge bricht.

7. Der nackte Leichnam wird gefunden,
Und bald, obgleich entstellt von Wunden,
Erkennt der Gastfreund in Korinth
Die Züge, die ihm theuer sind.
„Und muss ich so dich wieder finden,
Und hoffte mit der Fichte Kranz
Des Sängers Schläfe zu umwinden,
Bestrahlt von seines Ruhmes Glanz!"

8. Und jammernd hören's alle Gäste,

Сказавъ: прости! родной странѣ,
Чужаго брега посѣтитель,
Ищу пріюта, какъ и вы;
Да отвратить Зевесъ—хранитель [1]
Бѣду отъ странничей главы».

4. И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой....
И зритъ—убійцъ передъ собой.
Готовъ сразиться онъ съ врагами;
Но часъ судьбы его приспѣлъ:
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

5. Къ богамъ и къ людямъ онъ взываетъ....
Лишь эхо стоны повторяетъ,—
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ.
«И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ,
Истлѣю здѣсь безъ погребенья
И не оплаканъ отъ друзей;
И симъ врагамъ не будетъ мщенья
Ни отъ боговъ, ни отъ людей».

6. И онъ боролся ужъ съ кончиной....
Вдругъ... шумъ отъ стаи журавлиной....
Онъ слышитъ (взоръ уже угасъ)
Ихъ жалобно-стенящій гласъ.
«Вы, журавли подъ небесами,
Я васъ въ свидѣтели зову! [2]
Да грянетъ привлеченный вами
Зевесовъ громъ на ихъ главу!»

7. И трупъ узрѣли обнаженный:
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица.
Коринѳскій другъ узналъ пѣвца.
«И ты ль недвижимъ предо-мною?
И на главу твою, пѣвецъ,
Я мнилъ торжественной рукою
Сосновый положить вѣнецъ [3]».

8. И внемлютъ гости Посидона,

---

[1] *Зевсъ-хранитель* (у Шиллера der Gastliche). См. выше прим. къ 6-й строфѣ «Торжества побѣдителей», стр. 113. — [2] Обращеніе къ птицамъ, какъ существамъ разумнымъ, вполнѣ естественно въ устахъ *поэта*, фантазія котораго одухотворяетъ природу.—[3] Наградный вѣнокъ пѣвцу-побѣдителю, ожидавшій его при состязаніяхъ на играхъ.

Versammelt bei Poseidons Feste,
Ganz Griechenland ergreift der Schmerz,
Verloren hat ihn jedes Herz.
Und stürmend drängt sich zum Prytanen
Das Volk, es fordert seine Wuth,
Zu rächen des Erschlagnen Manen,
Zu sühnen mit des Mörders Blut.

Что палъ наперсникъ Аполлона....
Вся Греція поражена!
Для всѣхъ сердецъ печаль одна,
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов[1] окружилъ народъ
И вопитъ: «Старцы, мщенья, мщенья!
Злодѣямъ казнь, ихъ сгибни родъ!»

9. Doch wo die Spur, die aus der Menge,
Der Völker fluthendem Gedränge,
Gelocket von der Spiele Pracht,
Den schwarzen Thäter kenntlich macht?
Sind's Räuber, die ihn feig erschlagen?
That's neidisch ein verborgner Feind?
Nur Helios vermag's zu sagen,
Der alles Jrdische bescheint.

9. Но гдѣ ихъ слѣдъ? Кому примѣтно
Лицо врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Посидоновъ храмъ?
Они ругаются богамъ[2];
И кто жъ—разбойникъ ли призрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ?
Лишь Геліосъ[3] то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

10. Er geht vielleicht mit frechem Schritte
Jetzt eben durch der Griechen Mitte,
Und während ihn die Rache sucht,
Geniesst er seines Frevels Frucht.
Auf ihres eignes Tempels Schwelle
Trotzt er vielleicht den Göttern, mengt
Sich dreist in jene Menschenwelle
Die dort sich zum Theater drängt.

10. Съ подъятой, можетъ быть, главою
Между шумящею толпою
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ;
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой;
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

11. Denn Bankn Banak gedränget sitzen,
Es brechen fast der Bühne Stützen,
Herbei geströmt von fern und nah,
Der Griechen Völker wartend da.
Dumpfbrausend wie des Meeres Wogen,
Von Menschen wimmelnd wächst der Bau
In weiter stets gechweiftem Bogen
Hinauf bis in des Himmels Blau.

11. Гдѣ, устремивъ на сцену взоры
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры),
Пришелъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя, какъ смутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы,
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

12. Wer zählt die Völker, nennt die Namen,
Die gastlich hier zusammen kamen?
Von Theseus' Stadt, von Aulis Strand,
Von Phocis, vom Spartanerland,
Von Asiens entlegner Küste,
Von allen Inseln kamen sie
Und horchen von dem Schaugerüste
Des Chores grauser Melodie,

12. И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ соединенныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Эгейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ...
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ.

13. Der streng und ernst, nach alter Sitte,

13. По древнему обряду, важно,

---

[1] *Пританъ*—въ эпоху, предшествовавшую правленію Кипсела, высшее правительственное лицо. Шиллеръ употребляетъ это имя въ значеніи: *судья*.—[2] Лицемѣрнымъ пресутствіемъ въ храмѣ.—[3] *Геліосъ*—солнце.

Mit langsam abgemessnem Schritte
Hervortritt aus dem Hintergrund,
Umwandelnd des Theaters Rund.
So schreiten keine ird'schen Weiber,
Die zeugete kein sterblich Haus!
Es steigt das Riesenmass der Leiber
Hoch über menschliches hinaus.

14. Ein schwarzer Mantel schlägt die Lenden,
Sie schwingen in entfleischten Händen
Der Fackel düsterrothe Gluth,
In ihren Wangen fliesst kein Blut;
Und wo die Haare lieblich flattern,
Und Menshenstirnen freundlich wehn,
Da sieht man Schlangen hier und Nattern,
Die giftgeschwollnen Bäuche blähn.

15. Und schauerlich, gedreht im Kreise,
Beginnen sie des Hymnus Weise,
Der durch das Herz zerreissend dringt,
Die Bande um den Frevler schlingt.
Besinnungraubend, herzbethörend
Schallt der Erinyen Gesang,
Er schallt des Hörers Mark verzehrend,
Und duldet nicht der Leier Klang:

16. „Wohl dem, der frei von Schuld und Fehle
Bewahrt die kindlich reine Seele!
Ihm dürfen wir nicht rächend nahn,
Er wandelt frei des Lebens Bahn.
Doch wehe, wehe, wer verstohlen
Des Mordes schwere That vollbracht!
Wir heften uns an seine Sohlen,
Das furchtbare Geschlecht der Nacht.

17. „Und glaubt er fliehend zu entspringen,
Geflügelt sind wir da, die Schlingen
Jhm werfend um den flücht'gen Fuss,
Dass er zu Boden fallen muss.
So jagen wir ihn, ohn' Ermatten,

Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада;
Не здѣсь ихъ колыбель была.
Ихъ стана дивная громада [1]
Предѣлъ земнаго перешла.

14. Идутъ съ поникшими главами [2],
И движутъ тощими руками
Свѣчи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ:
Ихъ мертвы лица, очи впалы,
И свитыя межъ ихъ власовъ
Эхидны движутъ съ свистомъ жалы,
Являя страшный рядъ зубовъ [3].

15. И стали вкругъ, сверкая взоромъ,
И гимнъ [4] запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ *казнь*!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И, цѣпенѣя, внемлетъ зритель;
И лира, онѣмѣвъ, молчитъ [4]:

16. «Блаженъ, кто незнакомъ съ виною,
Кто чистъ младенчески душою!
Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ;
Ему чужда дорога бѣдъ....
Но вамъ, убійцы, горе, горе!
Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
Съ грозою мщенія во взорѣ,
Ужасныя созданья тьмы [5].

17. Не мните скрыться — мы съ крылами [6];
Вы въ лѣсъ, вы въ безду—мы за вами;
И, спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ.
Вамъ покаянье не защита;

---

[1] Обыкновенно хоръ былъ безъ котурнъ, безъ онкоса (высокой прически) и безъ масокъ. Но *Эвмениды*, или *Эринніи*—мстительницы за преступленія — являлись на котурнахъ, въ онкосахъ и въ маскахъ. Такими являлись они въ трагедіи Эсхила „Эвмениды".—[2] Образъ ихъ въ Эсхиловыхъ «Эвменидахъ» сравнивается съ изображен:ями Гарпій; ихъ одежда—черная.—[3] Поэтъ изображаетъ хоръ Эвменидъ, сохраняя эту иллюзію, которую онѣ должны были производить на народную массу.—[4] Пѣснь Эринній не сопровождается лирой, какъ то происходило при праздничныхъ пѣснопѣніяхъ.—[5] т. е. дочери Ночи.—[6] въ значеніи: быстры.

Versöhnen kann uns keine Reu,
Jhn fort und fort bis zu den Schatten
Und geben ihn auch dort nicht frei".

18. So singend, tanzen sie die Reigen,
Und Stille, wie des Todes Schweigen,
Liegt überm ganzen Hause schwer,
Als ob die Gottheit nahe wär'.
Und feierlich, nach alter Sitte,
Umwandelnd des Theaters Rund,
Mit langsam abgemessnem Schritte
Verschwinden sie im Hintergrund.

19. Und zwischen Trug und Wahrheit schwebet
Noch zweifelnd jede Brust und bebet
Und huldiget der furchtbarn Macht,
Die richtend im Verborgnen wacht,
Die unerforschlich, unergründet
Des Schicksals dunkeln Knäuel flicht,
Dem tiefen Herzen sich verkündet,
Doch fliehet vor dem Sonnenlicht.

20. Da hört man auf den höchsten Stufen
Auf einmal eine Stimme rufen:
„Sieh da, sieh da, Timotheus!
Die Kraniche des Jbykus!" —
Und finster plötzlich wird der Himmel,
Und über dem Theater hin
Sieht man in schwärzlichtem Gewimmel
Ein Kranichheer vorüberziehn.

21. „Des Jbykus!"—Der theure Name
Rührt jede Brust mit neuem Grame,
Und wie im Mere Well' auf Well',
So läuft's von Mund zum Munde schnell:
„Des Jbykus? den wir beweinen,
Den eine Mörderhand erschlug!
Was ist's mit dem? was kann er meinen?
Was ist's mit diesem Kranichzug?" —

Вашъ стонъ, вашъ плачъ — веселье намъ;
Терзать васъ будемъ до Коцита,
Но не покинемъ васъ и тамъ».

18. И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала,
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой тишина [1].
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

19. И зритель, зыблемый сомнѣньемъ,
Межъ истиной и заблужденьемъ,
Со страхомъ мнитъ о силѣ той,
Которая во мглѣ густой
Скрываяся, неизбѣжимо
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей,
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей [2].

20. И все, и все еще въ молчаньѣ....
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
«Парѳеній, слышишь?... крикъ вдали:
«То Ивиковы журавли!» [3]
И небо вдругъ покрылось тьмою [4];
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ.... черной полосою
Станица журавлей летитъ.

21. «Что? Ивикъ?»... Все поколебалось—
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста... шумитъ народъ,
Какъ бурная пучина водъ.
«Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
Врагомъ незнаемымъ поэтъ!...
Что, что въ семъ словѣ сокровенно?
И что сихъ журавлей полетъ?»

---

[1] Молчаніе несмѣтной толпы зрителей знаменуетъ всю силу нравственнаго впечатлѣнія отъ пѣсни Эвменидъ; потому тишина названа «полною присутствія богинь». —[2] А вотъ и выясненіе самаго воздѣйствія на души зрителей: вся масса подъ вліяніемъ хора трагедіи проникнута какъ нельзя болѣе вѣрою въ неизбѣжность высшаго суда.—[3] Подъ тѣмъ же религіозно-нравственнымъ настроеніемъ и у убійцы, при видѣ журавлей, которыхъ Ивикъ, умирая, призвалъ свидѣтелями будущей кары за убійство,—вырвалось восклицаніе, помимо его воли. —[4] То же настроеніе толпы послужило подготовленною почвою къ тому, чтобы она почуяла въ случайномъ восклицаніи убійцъ открытіе виновниковъ злодѣянія.

22. Und lauter immer wird die Frage,
Und ahnend fliegt's mit Blitzesschlage
Durch alle Herzen: „Gebet Acht,
Das ist der Eumeniden Macht!
Der fromme Dichter wird gerochen,
Der Mörder bietet selbst sich dar—
Ergreift ihn, der das Wort gesprochen,
Und ihn, an den's gerichtet war!“

23. Doch dem war kaum das Wort entfahren,
Möcht er's im Busen gern bewahren;
Umsonst! der schreckenbleiche Mund
Macht schnell die Schuldbewussten kund.
Man reisst und schleppt sie vor den Richter,
Die Scene wird zum Tribunal,
Und es gestehn die Bösewichter,
Getroffen von der Rache Strahl.

Schiller.

22. И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье [3],
Блеснула мысль: «убійца тутъ;
То Эвменидъ ужасный судъ;
Отмщенье за пѣвца готово;
Себѣ преступникъ измѣнилъ.
Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово,
И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ».

23. И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй:
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ,
И тщетный плачъ былъ ихъ отвѣтомъ;
И смерть—была ихъ приговоръ.

Жуковскій.

Шиллеръ воспользовался здѣсь сказаніемъ, которое у лексикографа Свиды открытіе убійства приписываетъ журавлямъ, у Антипатера Сидонія—мщенію Эринній, а у Плутарха — собственной болтливости убійцъ. Шиллеръ перенесъ всю силу разоблаченія на настроеніе и зрителей, и убійцы, просвѣтленныхъ только что выслушаннымъ хоромъ трагедіи (см. теорію, поэзіи, стр. 28) и, слѣдовательно, выразилъ въ своей балладѣ идею о томъ очищеніи чувствъ (κάθαρσις), которое Аристотель поставилъ конечной цѣлію трагедіи (см. теор. поэзіи, стр. 14).

Нѣсколько анахронизмовъ и невѣрностей обстановки, допущенныхъ поэтомъ, частію устранены въ переводѣ Жуковскаго: въ строфѣ 8: «Старцы, мщенья, мщенья!» вм. zu rächen des Erschlag'nen Monen (Маны—у Римлянъ души умершихъ); въ строфѣ 13-й: Хоръ «обходитъ вкругъ ...» вм.: Hervortritt aus dem Hintergrund, umwandelnd....» (хоръ входилъ не изъ глубины сцены, а въ лѣвую боковую дверь). Прочія неточности остались: названіе Пританопъ, уже не употреблявшееся во то время, къ которому относится убіеніе Ивика (стр. 8), и сосновый вѣнокъ вм. плющевый, еще употреблявшійся во время Ивика (стр. 7). Кромѣ этихъ незначительныхъ неточностей, болѣе важная допущена Шиллеромъ въ изображеніи хора (стр. 13): хоръ Эвменидъ согласно съ древнимъ обычаемъ, не входилъ «походкой мѣрной и протяжной» (mit langsam abgemess'nem Schritte), но вторгался озираясь, выглядывая добычу. У Шиллера кромѣ того противорѣчіе съ дальнѣйшимъ описаніемъ: Ein schwarzer Mantel schlägt die Lenden (черная мантія ударяется о бедра, стр. 14). Жуковскій выдержалъ одинъ характеръ описанія въ обѣихъ строфахъ, замѣнивъ этотъ стихъ стихомъ: «Идутъ съ поникшими главами».

II. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Веснянка.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостью:
Съ льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Колядка.

За рѣкою, за быстрою,
Ой колядка! ой колядка!
Лѣса стоятъ дремучіе.
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе;
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя;
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни колядушки.
Ой колядка! ой колядка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ;
Онъ точитъ свой булатный ножъ.
Котелъ кипитъ горючій;
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колядка! ой колядка!

Колыбельныя пѣсни.

I.

Баюшки баю!
Не ложися на краю:
Придетъ сѣренькій волчокъ,
Онъ ухватитъ за бочокъ,
Потащитъ во лѣсокъ,
Подъ ракитывый кустокъ.

2.

Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій,
Онъ по улицѣ ходилъ,
Ночевать къ намъ приходилъ,
Лешеньку попросилъ:
Пусти меня ночевать,
Я стану всю ночь качать!
Ужъ я тебѣ, коту,
За работу заплачу:
Лапки вызолочу,
Хвостикъ высеребрю,
И дамъ тебѣ папы [1]
Въ обѣ лапы.
Ты ѣшь, котикъ, не кроши,
Еще папы не проси!
У котика у кота
Короватка хороша,
А у Лешеньки мово
Есть получше ево.
У котика у кота
Перинка хороша,
У Лешеньки у мово
Есть получше ево.
У котика у кота
Изголовье высоко,
У Лешеньки у мово
Еще выше ево.
У котика у кота

---

[1] *Папа*—хлѣбъ.

Одѣяльце хорошо,
У Лешеньки у мово
Есть получше ево.
На котика на кота
Приходила слѣпота,
А на Лешеньку мово,
Приди сонъ-дремота!
Спи, мой Лешенька, усни,
Угомонъ тебя возьми!

Святочныя подблюдныя пѣсни.

1.

Катилось зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхотномъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою,
Слава!
Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Слава!
Тому сбудется, не минуется,
Слава!

2.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы.
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота,
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ, и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ — золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзочковъ — булавочку,
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать,
Слава!

Семейныя пѣсни.

1.

Ужъ какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй тоска въ ретиво сердце;
Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выйти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковый коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь,
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу;
Отвезу я добра молодца на родну сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду-племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалаго его крѣпка грудь,
Опустились у молодца бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Полилась ручьемъ кровь горячая;
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ, ты конь, мой конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищъ въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое:
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

2.

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали!
Ахъ, кабы на меня не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила!
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я въ чисто поле!...
И я батюшкѣ-то говорила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню,

Не мечись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы:
Не съ богатствомъ мнѣ жить—съ человѣкомъ,
Не въ хоромахъ нужда—а въ совѣтѣ.

Свадебныя пѣсни.

1.

Матушка! Да что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя! Да что запылилось?
Дитятко! Кони разыгрались,
Свѣтъ милая моя! вороные разыгрались.
Матушка! Да чьи жъ это кони?
Сударыня! Да чьи вороные?
Дитятко! Ивановы кони,
Свѣтъ милая моя! Его вороные.
Матушка! Коней-то вѣдь ловятъ,
Сударыня моя! вороныхъ-то ловятъ.
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ милая моя! Не отдамъ въ чужи люди.
Матушка! По дорожкѣ ѣдутъ,
Сударыня моя! по широкой ѣдутъ.
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ милая моя! Не отдамъ тебя въ чужи руки.
Матушка! На дворъ вѣдь въѣзжаютъ,
Сударыня моя! на широкій въѣзжаютъ!
Дитятко, не бось, не пугайся!
Свѣтъ милая моя! Не отдамъ тебя въ чужи люди.
Матушка! Въ горницу входятъ,
Сударыня моя! въ новую входятъ!
Дитятко! Не бось, не пугайся,
Свѣтъ милая моя! Не отдамъ тебя въ чужи люди.
Матушка! За столъ ужъ садятся,
Сударыня моя, за дубовый садятся,
Дитятко! Садися, крестися!
Свѣтъ милая моя! Господь надъ тобою!

2.

Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночки не спалось,
Темной ночки не спалось, много во снѣ видѣлось:
Кабы въ избищѣ старые углы прочь отбивалися,
По той по избушкѣ шла гусыня сыпучая;
На столбѣ сидѣлъ котище усатый,
Въ переду на лавицѣ два ясныхъ сокола,
У судахъ на оконячкѣ двѣ косатки косатыя,
На кроваткѣ во уголушкѣ двѣ лебедки бѣлыя.
Будила побуживала родная матушка:
Вставай, мое дитятко, встань ранешенько!
Встань ранешенько, умывайся бѣлешенько!
Я твой сонъ весь разсужу, пословесно разскажу:
Избища старая—то чужая сторонушка,
Углы прочь отвалилися — незнакомые людишки;
Гусыня сыпучая—то свекровь лихучая,
Котище усатый—то свекрище старый,
Ясные соколы — деверье пересмѣшливые,
Косатки косатыя—позоловки щекатыя,
Лебедушки бѣлыя — то невѣстки бѣдныя

Солдатская.

Какъ и шли-прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родныя,
Во слезахъ пути дороженьки не видятъ.
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
Охъ вы, матушки родныя, да родныя,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

Разбойничья.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, добру молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, добру молодцу, въ допросъ идти,
Передъ грознаго судью самого Царя.
Еще станетъ меня Царь-государь спрашивати:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо.

Ужъ какъ первый мой товарищъ—
темная ночь.
А второй мой товарищъ — булатный
ножъ,
А какъ третій товарищъ—мой добрый
конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой
лукъ,
Что разсыльщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ надёжа православный
Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ
держать:
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

Заплачки.

1. *По мужѣ.*

Потеряла я, бѣднушка,
Многоумную, разсудную,
Удалую головушку.
Какъ куды припокинулъ ты,
Какъ пріоставилъ ты,
Многоумная головушка,
На вѣтрено свиваньице,
Аль на людское смѣяньице!
Уже мнѣ гдѣ искать желаньеца [1]?
Во твоихъ ли сердечныхъ родителяхъ,
Аль во братцахъ ясныхъ соколахъ?
Ужъ не надѣюсь я, бѣднушка,
Найти въ твоихъ братцахъ родимыихъ
И въ родителѣ-батюшкѣ
И въ добротушкѣ-матушкѣ.
Ужъ какъ буду искать, бѣднушка,
Во чужихъ многихъ добрыхъ людяхъ
И въ порядныихъ сосѣдовьяхъ...

2. *По родителѣ.*

Ты на кого меня, родитель, поoставилъ,
Ты на чье больщо-великое желаньеце?
Будутъ вѣтрушки насъ обвѣвати,
Добры [2] людишки вѣдь будутъ обижати.
Ты на чье насъ великое на желаньеце,
Намъ вѣдь гдѣ искать великаго желаньеца,
Намъ въ твоемъ ли роду-племени сердечноемъ,
Аль во своемъ вѣдь во хоромноемъ
строеньецѣ?
Хоть долго намъ плакать унывати,
А родителей въ глаза намъ не видати!

Похвала пустынѣ.

(Духовный стихъ).

О, прекрасная пустыня!
Пріими мя въ свою густыню,
Яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо;
Въ тихую свою, безмолвную
Палату лѣсовольную
Любимая моя мати,
Потщися мя воспріяти.
Всѣмъ сердцемъ желаю тя,
И въ день, и въ нощь возлелѣю тя.
Пустыня моя, пріими мя,
Отъ суетнаго, прелестнаго,
Вѣка маловременнаго,
Да во своя младыя лѣта
Отвращуся отъ сего свѣта.
О, прекрасная пустыня,
Въ любви своей пріими мя.
Не страши мя своимъ страхомъ,
Да не въ радость буду врагомъ.
Пойду я въ твои лузи зрѣти
Различныя твои цвѣти.
О, дивенъ твой прекрасный садъ,
И жити я въ тебѣ всегда радъ;
Древа вѣтви кудрявыя
И листвіе зеленое
Зыблются малыми вѣтры.
Пребуду здѣ своя лѣта,
Оставлю міръ прекрасный,
Сего бо свѣта прелести
Хотятъ душу въ адъ свести.
И буду, аки звѣрь дикій,
Единъ въ пустынѣ бѣгати,
День и нощь работати,
Умильно звати и рыдати:
«Милостивый мой Боже!
Уповая на тя, азъ
Скитаюся въ сей пустынѣ»,

---

[1] *Желанье*—сожалѣніе.—[2] Эпитетъ постоянный—вопреки смыслу контекста.

ОДА.

Ода, выбранная изъ Іова.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!
Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Іову изъ тучи рекъ! [1]
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая
И гласомъ громы прерывая,
Словами небо колебалъ,
И такъ его на распрю звалъ:
«Сбери свои всѣ силы нынѣ,
Мужайся, стой и дай отвѣтъ.
Гдѣ былъ ты, какъ Я въ стройномъ чинѣ
Прекрасный сей устроилъ свѣтъ;
Когда Я твердь земли поставилъ,
И сонмъ небесныхъ силъ прославилъ
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою [2]!
Гдѣ былъ ты, какъ передо Мною
Безчисленны тмы новыхъ звѣздъ,
Моей возженныхъ вдругъ рукою
Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
Мое величество вѣщали [3];
Когда отъ солнца возсіяли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна въ ночи?
Кто море удержалъ брегами
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами
Стремиться далѣ не велѣлъ [4]?
Покрытую пучину мглою
Не Я ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвигнулъ океанъ [5]?
Возмогъ ли ты хотя однажды
Велѣть ранѣе утру быть,
И нивы въ день томящей жажды
Дождемъ прохладнымъ напоить,
Пловцу способный вѣтръ направить,
Чтобъ въ пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть [6]?
Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину,
И счелъ ли чудъ многообразныхъ
Стада, ходящія по дну?
Отверзлись ли передъ тобою
Всегдашнею покрыты тьмою
Со страхомъ смертныя врата?
Ты стеръ ли адовы уста [7]?
Стѣсняя вихремъ облакъ мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздухъ огустить прозрачный,
И молнію въ дождѣ родить [8],
И вдругъ быстротекущимъ блескомъ
И горъ сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебать
И смертнымъ гнѣвъ свой возвѣщать?
Твоей ли хитростью взлетаетъ
Орелъ, на высоту паря [9],
По вѣтру крила простираетъ
И смотритъ въ рѣки и моря?
Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ
Въ водахъ и пропастяхъ глубокихъ
Что Я ему на пищу далъ.
Толь быстро око ты-ль создалъ [10]?

---

[1] Рече Господь Іову сквозѣ бурю и облаки (Кн. Іова XXXVIII, 1). — [2] Препояши яко мужъ чресла твоя: вопрошу же тя, ты же ми отвѣщай. Гдѣ былъ еси, егда основахъ землю? возвести ми, аще вѣси разумъ (3, 4). — [3] Егда (сотворены) быша звѣзды, восхвалиша мя гласомъ велiимъ вси ангели мои (7). — [4] Заградихъ же море враты (8). [5] Положихъ же ему облакъ во одѣяніе, мглою же повихъ е: и положихъ ему предѣлы, обложивъ затворы и врата (9, 10). — [6] Или при тебѣ составихъ свѣтъ утренній? денница же вѣсть чинъ свой ятися крилъ земли, отрясти нечестивыя отъ нея (12, 13). — [7] Пришелъ же ли еси на источники моря? въ слѣдахъ же бездны ходилъ ли еси? отверзаются же ли тебѣ страхомъ врата смертная? вратницы же адовы видѣвше тя убояшася ли? (16, 17). — [8] Призовеши же ли облакъ гласомъ, и трепетомъ воды великія послушаютъ ли тя? Послеши же ли молніи, и пойдутъ? рекутъ же ли ти: что есть? (34,35). — [9] Твоимъ же ли повелѣніемъ возносится орелъ, неясыть же на гнѣздѣ своемъ сѣдя вселяется на версѣ камене и въ сокровенѣ? (27, 28). — [10] Тамо же сый ищетъ брашна, издалеча очи его наблюдаютъ (29).

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.
Какъ верви сплетены въ немъ жилы.
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь;
Кто можетъ рогъ его сотрѣть [1]?
Ты можешь ли Левіаѳана [2]
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ океана
Онъ быстрый простираетъ бѣгъ;
Свѣтящимися чешуями
Покрытъ какъ мѣдными щитами,
Копье и мечъ и молотъ твой
Считаетъ за тростникъ гнилой.
Какъ жерновъ сердце онъ имѣетъ
И зубы, страшный рядъ серповъ:
Кто руку въ нихъ вложить посмѣетъ?
Всегда къ сраженью онъ готовъ;
На острыхъ камняхъ возлегаетъ.
И твердость оныхъ презираетъ.
Для крѣпости великихъ силъ,
Считаетъ ихъ за мягкій илъ.
Когда ко брани устремится,
То море [3] какъ котелъ кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ;
Сверкаютъ очи раздраженны,
Какъ уголь, въ горнилѣ раскаленный.
Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ, гоня.—
Кто можетъ стать противъ Меня?
Обширнаго громаду свѣта
Когда устроить Я хотѣлъ,
Просилъ ли твоего совѣта
Для множества толикихъ дѣлъ?
Какъ перстъ Я взялъ въ началѣ вѣка,
Дабы создати человѣка,
Зачѣмъ тогда ты не сказалъ,
Чтобъ видъ иной тебѣ Я далъ?»
Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителеву власть;
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣньи часть.
Онъ все на пользу нашу строитъ,
Казнитъ кого, или покоитъ.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Ломоносовъ.

Богъ.

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!
Духъ, всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ!
Измѣрить океанъ глубокій,
Сочесть пески, лучи планетъ
Хотя и могъ бы умъ высокій,
Тебѣ числа и мѣры нѣтъ!
Не могутъ духи просвѣщенны,

---

[1] Но убо се звѣріе у тебе, траву яки волове ядятъ... жилы же его (яко ужесплетены суть. Ребра его, ребра мѣдяна, хребетъ же его желѣзо сліяно (XL, 10) 12, 13,) — [2] Подъ именемъ змія (*левіаѳана*) въ книгѣ Іова изображенъ крокодилъ: Извлечеши ли змія удицею, или обложиши узду о ноздрѣхъ его? (XL. 20)... двери лица его кто отверзетъ? окрестъ зубовъ его страхъ. Утроба его щиты мѣдяны, союзъ же его яко же смѵритъ камень, единъ ко другому прилипаютъ, духъ же не пройдетъ его (XLI, 5, 6, 7). Изъ устъ его исходятъ аки свѣщы горящыя, и размѣщутся аки искры огненніи. Изъ ноздрей его исходитъ дымъ пещи горящія огнемъ углія (10, 11). Сердце его ожестѣ яко камень, стоитъ же аки наковалня неподвижна. Обращшуся же ему, страхъ звѣремъ четвероногимъ по земли скачущимъ. Аще срящутъ его копія, ничто же сотворятъ ему копіе вонзено и броня: Вмѣняетъ бо желѣзо аки плевы, мѣдь же аки древо гнило. Не уязвитъ его лукъ мѣдянъ, мнитъ бо каменометную пращу аки сѣно: аки стебліе вмѣнишася ему млатове, ругаетжеся трусу огненосному. Ложе его остни остріи, вся ко же злато морское подъ нимъ яко же бреніе безчиленно. Возживаетъ бездну яко же пещь мѣдную: мнитъ же море яко мѵроварницу (15 — 22). — [3] *Море*, какъ и выше *океанъ*, вм. *рѣка*, что̀ часто встрѣчаемъ въ Библіи.

Отъ свѣта Твоего рожденны,
Изслѣдовать судебъ Твоихъ;
Лишь мысль къ Тебѣ взнестись дерзаетъ,—
Въ Твоемъ величьи изчезаетъ,
Какъ въ вѣчности прошедшій мигъ.
Хаоса бытность довременну
Изъ безднъ Ты вѣчности воззвалъ,
А вѣчность, прежде вѣкъ рожденну,
Въ себѣ самомъ Ты основалъ.
Себя собою составляя,
Собою изъ себя сіяя,
Ты свѣтъ, откуда свѣтъ истекъ.
Создавый все единымъ словомъ,
Въ твореньи простираясь новомъ,
Ты былъ, Ты есь, Ты будешь ввѣкъ!
Ты цѣпь существъ въ себѣ вмѣщаешь,
Ее содержишь и живишь,
Конецъ съ началомъ сопрягаешь
И смертію животъ даришь.
Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнцы отъ Тебя родятся;
Какъ въ мразный ясный день зимой
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.
Свѣтилъ возжженныхъ милліоны
Въ неизмѣримости текутъ;
Твои они творятъ законы,
Лучи животворящи льютъ.
Но огненны сіи лампады,
Иль рдяныхъ кристалей громады,
Иль волнъ златыхъ кипящій сонмъ,
Или горящіе эѳиры,
Иль вкупѣ всѣ свѣтящи міры—
Передъ Тобой, какъ нощь предъ днемъ.
Какъ капля въ море опущенна,
Вся твердь передъ Тобой сія;
Но что мной зримая вселенна?
И что передъ Тобою я?
Въ воздушномъ океанѣономъ
Міры умножа милліономъ
Стократъ другихъ міровъ, и то,
Когда дерзну сравнить съ Тобою,
Лишь будетъ точкою одною,
А я передъ Тобой—ничто.
Ничто!—Но Ты во мнѣ сіяешь
Величествомъ Твоихъ добротъ,
Во мнѣ себя изображаешь,
Какъ солнце въ малой каплѣ водъ.
Ничто!—Но жизнь я ощущаю,
Несытымъ нѣкакимъ летаю
Всегда пареньемъ въ высоты;
Тебя душа моя быть чаетъ,
Вникаетъ, мыслитъ, разсуждаетъ:
Я есмь—конечно есь и Ты!
Ты есь!—Природы чинъ вѣщаетъ,
Гласитъ мое мнѣ сердце то,
Меня мой разумъ увѣряетъ:
Ты есь—и я ужъ не ничто!
Частица цѣлой я вселенной,
Поставленъ, мнится мнѣ, въ почтенной
Срединѣ естества я той,
Гдѣ кончилъ тварей Ты тѣлесныхъ,
Гдѣ началъ Ты духовъ небесныхъ
И цѣпь существъ связалъ всѣхъ мной.
Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества,
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества.
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я царь—я рабъ, я червь—я Богъ!
Но будучи я столь чудесенъ,
Отколѣ произшелъ?—безвѣстенъ,
А самъ собой я быть не могъ.
Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источникъ жизни, благъ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей тò правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе,
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! въ безсмертіе Твое.
Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Державинъ.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія *.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь;
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ:
Такъ я, въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мысльми утомленъ!
Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы Божества
Тамъ равна сила естества.
Но гдѣ жъ, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!
О вы, которыхъ быстрый зракъ
Пронзаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый вещи знакъ
Являетъ естества уставъ:
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что́ насъ такъ мятетъ?
Что зыблетъ ясный нощью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобы мерзлый паръ
Среди зимы раждалъ пожаръ?
Тамъ споритъ жирна мгла съ водой;
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склонясь сквозь воздухъ къ намъ густой;
Иль тучныхъ водъ верхи горятъ,
Иль въ морѣ дуть престалъ зефиръ,
И гладки волны бьютъ эѳиръ.
Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что́ окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите жъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажите жъ, коль великъ Творецъ?

Ломоносовъ.

На день возшествія на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны. (1747 года).

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.
Великое свѣтило міру,
Блистая съ вѣчной высоты
На бисеръ, злато и порфиру,
На всѣ земныя красоты,
Во всѣ страны свой взоръ возводитъ;
Но краше въ свѣтѣ не находитъ
Елисаветы и тебя.
Ты кромѣ той всего превыше,
Душа ея Зефира тише,
И зракъ прекраснѣе рая.
Когда на тронъ она вступила,
Какъ Вышній подалъ Ей вѣнецъ:
Тебя въ Россію возвратила,
Войнѣ поставила конецъ;
Тебя, пріявъ, облобызала:
Мнѣ полно тѣхъ побѣдъ, сказала,
Для коихъ крови льется токъ.
Я Россовъ счастьемъ услаждаюсь,
И ихъ спокойствомъ не мѣняюсь
На цѣлый западъ и востокъ.
Божественнымъ устамъ приличенъ,
Монархиня, сей кроткій гласъ:
О, коль достойно возвеличенъ
Сей день и тотъ блаженный часъ,
Когда отъ радостной премѣны
Петровы возвышали стѣны
До звѣздъ плесканіе и кликъ!
Когда ты крестъ несла рукою

* Эта ода преставляетъ сплошныя мужескія риѳмы.

И на престолъ взвела съ собою
Добротъ твоихъ прекрасный ликъ!
Чтобъ слову съ оными сравняться,
Достатокъ силы нашей малъ;
Но мы не можемъ удержаться
Отъ пѣнія твоихъ похвалъ:
Твои щедроты ободряютъ
Нашъ духъ и къ бѣгу устремляютъ,
Какъ въ понтъ пловца способный вѣтръ
Чрезъ яры волны порываетъ;
Онъ брегъ съ весельемъ оставляетъ;
Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ.
Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свѣтъ:
Здѣсь въ мирѣ расширять науки,
Изволила Елисаветъ.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Ревѣть, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
Въ безмолвіи внимай, вселенна:
Се хощетъ лира восхищенна
Гласить велики имена.
Ужасный чудными дѣлами,
Зиждитель міра искони
Своими положилъ судьбами—
Себя прославить въ наши дни;
Послалъ въ Россію человѣка,
Каковъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Сквозь всѣ препятства онъ вознесъ
Главу, побѣдами вѣнчанну,
Россію, варварствомъ попранну,
Съ собой возвысилъ до небесъ.
Въ поляхъ кровавыхъ Марсъ страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ Нептунъ чудился,
Взирая на россійскій флагъ.
Въ стѣнахъ внезапно укрѣпленна
И зданіями окруженна
Сомнѣнная Нева рекла:
Или я нынѣ позабылась
И съ онаго пути склонилась,
Которымъ прежде я текла?
Тогда божественны науки
Чрезъ горы, рѣки и моря
Въ Россію простирали руки,
Къ сему монарху говоря:
Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды.
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ;
Уже Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.
Но ахъ, жестокая судьбина!
Безсмертія достойный мужъ,
Блаженства нашего причина,
Къ несносной скорби нашихъ душъ,
Завистливымъ отторженъ рокомъ,
Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
Внушивъ рыданій нашихъ слухъ.
Верхи парнасски возстенали,
И музы воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.
Въ толикой праведной печали
Сомнѣнный ихъ шатался путь,
И токмо, шествуя, желали
На гробъ и на дѣла взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петрѣ едина,
Пріемлетъ щедрой ихъ рукой.
Ахъ, еслибъ жизнь ея продлилась,
Давно бъ Севкана постыдилась
Съ своимъ искусствомъ предъ Невой!
Какая свѣтлость окружаетъ
Въ толикой горести Парнассъ?
О, коль согласно тамъ бряцаетъ
Пріятныхъ струнъ сладчайшій гласъ!
Всѣ холмы покрываютъ лики,
Въ долинахъ раздаются клики:
Великая Петрова дщерь
Щедроты отчи превышаетъ,
Довольство Музъ усуглубляетъ
И къ счастью отверзаетъ дверь.
Великой похвалы достоинъ,
Когда число своихъ побѣдъ
Сравнить сраженьямъ можетъ воинъ,
И въ полѣ весь свой вѣкъ живетъ;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,
И шумъ въ полкахъ со всѣхъ сторонъ
Звучащу славу заглушаетъ,
И грому трубъ ея мѣшаетъ
Плачевный побѣжденныхъ стонъ.
Сія тебѣ единой слава,
Монархиня, принадлежитъ.
Пространная твоя держава
О какъ тебѣ благодаритъ!
Воззри на горы превысоки;
Воззри въ поля свои широки,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, гдѣ Обь течетъ;
Богатство, въ оныхъ потаенно,
Наукой будетъ откровенно,
Что щедростью твоей цвѣтетъ.
Толикое земель пространство
Когда Всевышній поручилъ
Тебѣ въ счастливое подданство,

Тогда сокровища открылъ,
Какими хвалится Индія:
Но требуетъ къ тому Россія
Искусствомъ утвержденныхъ рукъ.
Сіе злату очиститъ жилу,
Почувствуютъ и камни силу
Тобой возставленныхъ наукъ.
Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей крылами
Твои взвѣваетъ знамена;
Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:
Тамъ Лена чистою водой,
Какъ Нилъ, народы напаяетъ
И бреги наконецъ теряетъ,
Сравнившись морю широтой.
Коль многи, смертнымъ неизвѣстны,
Творитъ натура чудеса,
Гдѣ густостью животнымъ тѣсны
Стоятъ глубокія лѣса,
Гдѣ въ роскоши прохладныхъ тѣней
На паствѣ скачущихъ еленей
Ловящихъ крикъ не устрашалъ;
Охотникъ гдѣ не мѣтилъ лукомъ,
Сѣкирнымъ земледѣлецъ стукомъ
Поющихъ птицъ не разгонялъ.
Широкое открыто поле,
Гдѣ Музамъ путь свой простирать!
Твоей великодушной волѣ
Что можемъ за сіе воздать?
Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ, и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.
Се мрачной вѣчности запону
Надежда отверзаетъ намъ!
Гдѣ нѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо зиждетъ храмъ!
Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ,
Тамъ влажная стезя бѣлѣетъ
На встокъ плывущихъ кораблей:
Колумбъ россійскій черезъ воды
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Сказать о щедрости твоей.
Тамъ, тмою острововъ посѣянъ,
Рѣкѣ подобенъ океанъ;
Небесной синевой одѣянъ,
Павлина посрамляетъ вранъ,
Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
Что пестротою превышаютъ
Одежду нѣжныя весны;
Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
Не знаютъ строгія зимы.
И се Минерва ударяетъ
Въ верхи Рифейски копіемъ:
Сребро и злато истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ,
Который тамъ натура скрыла;
Отъ блеска дневнаго свѣтила
Свирѣпый отвращаетъ взоръ.
О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.
Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастный случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ;
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на-единѣ,
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.
Тебѣ, о милости источникъ,
О, Ангелъ мирныхъ нашихъ лѣтъ!
Всевышній на того помощникъ,
Кто гордостью своей дерзнетъ,
Завидя нашему покою
Противъ тебя возстать войною.
Тебя Зиждитель сохранитъ
Со всѣхъ путяхъ безпреткновенну
И жизнь твою благословенну
Съ числомъ щедротъ Твоихъ сравнитъ.

Ломоносовъ.

На смерть Гете.

Предстала—и старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,

Что генія черепъ наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что̀ проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
Все дольнее долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Баратынскій.

Клеветникамъ Россіи.

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? волненія Литвы?
Оставьте: это споръ Славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою,—
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.
Уже давно между собою
Враждуютъ эти племена;
Не разъ клонилась подъ грозою
То ихъ, то наша сторона.
Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ:
Кичливый Ляхъ иль вѣрный Россъ?
Славянскіе ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда!
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы насъ...
За что жъ? отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?
За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?
Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!
Иль старый богатырь, покойный на постелѣ,
Не въ силахъ завинтить свой Измаильскій штыкъ?
Иль русскаго царя уже безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль Русскій отъ побѣдъ отвыкъ?
Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?
Такъ высылайте жъ намъ, витіи,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи,
Среди не чуждыхъ имъ гробовъ.

Пушкинъ.

Пророкъ [1].

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ;
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній Ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый.
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей»!

Пушкинъ.

Пророкъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья,—
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.
Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,—
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.
Завѣтъ предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.
Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,—
Тамъ старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:
«Смотрите, вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!
Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его!»

Лермонтовъ.

Стансы*.

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.
Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукій.
Самодержавной рукой

---

1) Пушкинъ заимствовалъ нѣкоторые образы для этого стихотворенія изъ Пророка Исаіи (VI):... «Видѣхъ Господа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнь домъ славы его. И Серафими стояху окрестъ его, шесть крилъ единому, и шесть крилъ другому... И рекохъ: о окаянный азъ, яко умилихся, яко человѣкъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваофа видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ руцѣ своей имяше угль горящъ, егоже клещами взятъ отъ олтаря: И прикоснуся устнамъ моимъ, и рече: се прикоснуся сіе устнамъ твоимъ, и отъиметъ беззаконія твоя, и грѣхи твоя очиститъ. И слышахъ гласъ Господа, глаголюща: кого послю, и кто пойдетъ къ людемъ симъ? И рекохъ: се азъ есмь: посли мя. И рече: иди, и рцы людемъ симъ...»

* Стихотвореніе это названо по формѣ, которая дана ему. (См. Теор. поэз., стр. 30).

Онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье,
Не призиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.
То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.
Семейнымъ сходствомъ будь [1] же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ.

Пушкинъ.

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ лирѣ.

(АНАКРЕОНА).

Хочу я пѣть Атридовъ,
И Кадма пѣть охота,—
А барбитонъ струнами
Звучитъ мнѣ про Эрота.
Недавно перестроилъ
И струны я, и лиру,
И подвиги Алкида
Хотѣлъ повѣдать міру:
А лира, въ новомъ строѣ,
Эрота славитъ вновь.
Простите же, герои!
Отнынѣ струны лиры
Поютъ одну любовь.

Мей

Подражаніе Анакреону.

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Всѣ люди для покою
Сомкнули очеса.
Внезапно постучался
У двери Купидонъ,
Пріятный перервался
Въ началѣ самомъ сонъ.
«Кто такъ стучится смѣло?»
Со гнѣвомъ я вскричалъ.
—«Согрѣй; обмерзло тѣло»,
Сквозь дверь онъ отвѣчалъ:
«Чего ты устрашился?
Я—мальчикъ, чуть дышу;
Я ночью заблудился,
Обмокъ и весь дрожу.»
Тогда мнѣ жалко стало;
Я свѣчку засвѣтилъ,
Не медливши ни мало,
Къ себѣ его пустилъ.
Увидѣлъ, что крылами
Онъ машетъ за спиной;
Колчанъ набитъ стрѣлами;
Лукъ стянутъ тетивой.
Жалѣя о несчастьѣ,
Къ камину посадилъ.
Я теплыми руками
Холодны руки мялъ;
Я крылья и съ кудрями
До суха выжималъ.
Онъ чуть лишь ободрился,
«Каковъ-то», молвилъ, «лукъ?
Въ дождѣ чать повредился.»
И съ словомъ стрѣлилъ вдругъ.
Тутъ грудь мою пронзила
Преострая стрѣла,
И сильно уязвила,
Какъ злобная пчела.
Онъ громко разсмѣялся
И тотчасъ заплясалъ:
«Чего ты испугался?»
Съ насмѣшкою сказалъ:
«Мой лукъ еще годится,
И цѣлъ, и съ тетивой;
Ты будешь вѣкъ крушиться
Отнынь, хозяинъ мой!»

Ломоносовъ.

ЭЛЕГІЯ.

Тѣнь друга.

Я берегъ покидалъ туманный Альбіона:
Казалось, онъ въ волнахъ свинцовыхъ утопалъ;
За кораблемъ вилася гальціона,
И тихій гласъ ея пловцовъ увеселялъ.
Вечерній вѣтръ, валовъ плесканье,
Однообразный шумъ и трепетъ парусовъ,

[1] Обращеніе къ Имп. Николаю 1-му.

И кормчаго на палубѣ взыванье
Ко стражѣ, дремлющей подъ говоромъ валовъ—
Все сладкую задумчивость питало.
Какъ очарованный у мачты я стоялъ,
И сквозь туманъ и ночи покрывало
Свѣтила сѣвера любезнаго искалъ.
Вся мысль моя была въ воспоминаньѣ
Подъ небомъ сладостнымъ отеческой земли,
Но вѣтровъ шумъ и моря колыханье
На вѣжды томное забвенье навели
Мечты смѣнялися мечтами—
И вдругъ.. то былъ ли сонъ?.. предсталъ товарищъ мнѣ,
Погибшій въ роковомъ огнѣ
Завидной смертію, надъ Плейскими струями;
Но видъ не страшенъ былъ: чело
Глубокихъ ранъ не сохраняло,
Какъ утро майское, веселіемъ цвѣло
И все небесное душѣ напоминало.
«Ты ль это, милый другъ, товарищъ лучшихъ дней,
Ты ль это?» я вскричалъ, „о воинъ вѣчно милый!
Не я ли надъ твоей безвременной могилой,
При страшномъ заревѣ Беллониныхъ огней,
Не я ли съ вѣрными друзьями
Мечомъ на деревѣ твой подвигъ начерталъ,
И тѣнь въ небесную отчизну провожалъ
Съ мольбой, рыданьемъ и слезами?
Тѣнь незабвеннаго! отвѣтствуй, милый братъ,
Или протекшее все былъ сонъ, мечтанье:
Все, все, и блѣдный трупъ, могила и обрядъ,
Свершенный дружбою въ твое воспоминанье?
О, молви слово мнѣ! пускай знакомый звукъ
Еще мой жадный слухъ ласкаетъ;
Пускай рука моя, о незабвенный другъ!
Твою съ любовію сжимаетъ ..“
И я летѣлъ къ нему.. Но горній духъ изчезъ
Въ бездонной синевѣ безоблачныхъ небесъ,
Какъ дымъ, какъ метеоръ огнистой полуночи,
Изчезъ—и сонъ покинулъ очи.
Все спало вкругъ меня подъ кровомъ тишины;
Стихіи грозныя казалися безмолвны;
При свѣтѣ облакомъ подернутой луны
Чуть вѣялъ вѣтерокъ, едва сверкали волны;
Но сладостный покой бѣжалъ моихъ очей,
И все душа за призракомъ летѣла,
Все гостя горняго остановить хотѣла—
Тебя, о милый братъ! о лучшій изъ друзей!

Батюшковъ.

Опять на родинѣ.

...Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ [1].
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ смиренный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею [2] моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ. Вотъ
И холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны [3]...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ

[1] Село Михайловское, въ которомъ Пушкинъ провелъ 1825 и 1826 годы по возвращеніи съ юга. — [2] Арина Родіоновна — няня Пушкина. — [3] Берега и волны Чернаго моря.

Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...
На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда
их мимо
Я проѣзжалъ верхомъ при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шерохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шерохъ,
Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась:
Зеленою семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
По прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій поздній возрастъ,
Когда переростешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ пріятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и пріятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Пушкинъ.

19 октября 1831 г.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей
Свою святую годовщину,
Тѣмъ робче старый кругъ друзей
Въ семью стѣсняется едину;
Тѣмъ рѣже онъ, тѣмъ праздникъ нашъ
Въ своемъ веселіи мрачнѣе;
Тѣмъ глуше звонъ заздравныхъ чашъ,
И наши пѣсни тѣмъ грустнѣе.

Давно ль, друзья... Но двадцать лѣтъ
Тому прошло—и что же вижу?
Того царя въ живыхъ ужъ нѣтъ;
Мы жгли Москву, былъ плѣнъ Парижу,
Угасъ въ тюрьмѣ Наполеонъ,
Воскресла Грековъ древнихъ слава,
Съ престола палъ другой Бурбонъ,
Отбунтовала вновь Варшава.

Такъ дуновенья бурь земныхъ
И насъ нечаянно касались,
И мы средь пиршествъ молодыхъ
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья;
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья.

Шесть мѣстъ упраздненныхъ стоятъ;
Шести друзей не узримъ болѣ!
Они, разбросанные, спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ, на ратномъ полѣ,
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой—
И всѣхъ мы братски поминали.

—

И, мнится, очередь за мной...
Зоветъ меня мой Дельвигъ милый,
Товарищъ юности живой,
Товарищъ юности унылой,
Товарищъ пѣсенъ молодыхъ,
Пировъ и чистыхъ помышленій,
Туда, въ толпу тѣней родныхъ,
На вѣкъ отъ насъ ушедшій геній.

Пушкинъ.

Стансы.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ

Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

День каждый, каждую годину
Привыкъ я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.

И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина?
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?

И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Пушкинъ.

Выхожу одинъ я на дорогу.

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно,
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы
Я бъ желалъ на вѣки тамъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы,
Чтобъ дыша вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

Лермонтовъ.

Вечерній звонъ.

Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ,
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ!

Уже не зрѣть мнѣ свѣтлыхъ дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нѣтъ теперь въ живыхъ
Тогда веселыхъ, молодыхъ!
И крѣпокъ ихъ могильный сонъ:
Не слышенъ имъ вечерній звонъ.

Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!
Напѣвъ унылый надо мной
Въ долинѣ вѣтеръ разнесетъ;
Другой пѣвецъ по ней пройдетъ,
И ужъ не я, а будетъ онъ
Въ раздумьи пѣть вечерній звонъ.

Козловъ.

Три ключа.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключъ юности — ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ, сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ;
Послѣдній ключъ — холодный ключъ забвенья:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Пушкинъ.

САТИРА.

Чужой толкъ.

«Что за диковинка? лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ, ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!
Ужели выдалъ Фебъ свой именной указъ,
Чтобъ не дерзалъ никто надѣяться изъ насъ
Быть Флакку [1], Рамлеру [2] и ихъ собратьи равнымъ,
И столько жъ, какъ они, во пѣснопѣньѣ славнымъ?
Какъ думаешь?... Вчера случилось мнѣ сличать
И ихъ, и нашу пѣснь: въ нихъ... нечего читать!
Листочекъ, много три, а любо, какъ читаешь—
Не знаю, какъ-то самъ какъ будто бы летаешь!
Судя по краткости, увѣренъ, что они
Писали ихъ рѣзвясь, а не четыре дни:
То какъ бы намъ не быть еще и ихъ счастливѣй,
Когда мы во сто разъ прилежнѣй, терпѣливѣй?
Вѣдь нашъ начнетъ писать, то всѣ забавы прочь!
Надъ парою стиховъ просиживаетъ ночь,
Потѣетъ, думаетъ, чертитъ и жжетъ бумагу;
И иногда беретъ такую онъ отвагу,
Что цѣлый годъ сидитъ надъ одою одной!
И подлинно, ужъ весь приложитъ разумъ свой!
Ужъ прямо самая торжественная ода!
Я не могу сказать, какого это рода;
Но очень полная, иная въ двѣсти строфъ!
Судите жъ, сколько тутъ хорошихъ есть стишковъ!
Къ тому жъ и въ правилахъ: сперва прочтешь в с т у п л е н ь е,
Тутъ п р е д л о ж е н і е, а тамъ и з а к л ю ч е н ь е—
Точь-въ-точь, какъ говорятъ учены по церквамъ!
Совсѣмъ тѣмъ—нѣтъ читать охоты, вижу самъ.
Возьму ли, напримѣръ, я оды на побѣды,
Какъ покорили Крымъ, какъ въ морѣ гибли Шведы:
Всѣ тутъ подробности сраженья нахожу,
Гдѣ было, какъ, когда,—короче я скажу:
Въ стихахъ реляція! прекрасно!. . а зѣваю!
Я, бросивши ее, другую раскрываю,
На праздникъ, иль на что подобное тому:
Тутъ найдешь то, чего бъ нехитрому уму
Не выдумать и ввѣкъ: з а р и б а г р я н ы п е р с т ы,
И р а й с к і й к р и н ъ, и Ф е б ъ, и н е б е с а о т в е р с т ы!
Такъ громко, высоко!... а нѣтъ, не веселитъ,
И сердца, такъ сказать, ничуть не шевелитъ!»
Такъ дѣдовскихъ временъ съ любезной простотою
Вчера одинъ старикъ бесѣдовалъ со мною.

---

[1] Горацій Флаккъ. — [2] *Рамлеръ* — нѣмецкій поэтъ (1725 — 1798), переводчикъ Горація и авторъ одъ.

Я, будучи и самъ товарищъ тѣхъ пѣвцовъ,
Которыхъ дѣйствію дивился онъ стиховъ,
Смутился и не зналъ, какъ отвѣчать мнѣ должно;
Но къ счастью—ежели назвать то счастьемъ можно,
Чтобъ слышать и себѣ ужасный приговоръ—
Какой-то Аристархъ [1] съ нимъ началъ разговоръ:
«На это,» онъ сказалъ, «есть многія причины;
Не обѣщаюсь ихъ открыть и половины,
А нѣкоторы вамъ охотно объявлю:
Я самъ языкъ боговъ, поэзію люблю,
И нашей, какъ и вы, утѣшенъ такъ же мало;
Однако жъ здѣсъ въ Москвѣ толкался я, бывало,
Межъ нашихъ Пиндаровъ, и всѣхъ ихъ замѣчалъ:
Большая часть изъ нихъ—лейбъ-гвардіи капралъ,
Ассесоръ, офицеръ, какой-нибудь подъячій
Иль изъ кунсткамеры антикъ, въ пыли ходячій,
Уродовъ стражъ—народъ все нужный, должностной;
Такъ часто я видалъ, что истинно иной
Въ два, въ три дни риѳму лишь прибрать едва успѣетъ,
Затѣмъ, что въ хлопотахъ досуга не имѣетъ.
Лишь только мысль къ нему счастливая придетъ,
Вдругъ било шесть часовъ! уже карета ждетъ,
Пора въ театръ, а тамъ на балъ, а тамъ къ Ліону [2],
А тутъ и ночь... когда жъ заѣхать къ Апполлону?
На завтра лишь глаза откроетъ—ужъ билетъ:
На пробу въ пять часовъ... Куда же? Въ модный свѣтъ,
Гдѣ лирикъ нашъ и самъ взялъ Арлекина ролю.
До оды ль тутъ? Тверди, скачи два раза къ Кролю [3];
Потомъ опять домой: здѣсь холься да рядись,
А тамъ въ спектакль, и тутъ со днемъ опять простись!
Къ тому жъ, у древнихъ цѣль была, у насъ—другая:
Горацій, напримѣръ, восторгомъ грудь питая,
Чего желалъ? О! онъ—онъ бралъ не съ высока,
Въ вѣкахъ—безсмертія, а въ Римѣ лишь вѣнка
Изъ лавровъ иль изъ миртъ, чтобъ Делія сказала:
«Онъ славенъ, чрезъ него и я безсмертна стала!»
А нашихъ многихъ цѣль—награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другова,
Кромѣ придворнаго подчасъ мѣсяцослова;
Иль похвала своихъ пріятелей, а имъ
Печатный всякій листъ быть кажется святымъ [4].
Судя жъ, сколь разные и тѣхъ и нашихъ виды,
Навѣрно льзя сказать, не дѣлая обиды
Ретивымъ господамъ, питомцамъ русскихъ Музъ,
Что долженъ быть у нихъ и особливый вкусъ,
И въ сочиненіи лирической поэмы

---

[1] *Аристархъ* — греческій грамматикъ и критикъ въ Александріи, установившій текстъ Гомера (ок. 150 г. до Р. Х). Здѣсь—въ значеніи «строгаго критика» вообще.—[2] Содержатель въ Спб. публичныхъ маскарадовъ.—[3] Модный портной. — [4] Варваризмъ.

Другіе способы, особые пріемы;
Какіе же они, сказать вамъ не могу,
А только объявлю — и право не солгу —
Какъ думалъ о стихахъ одинъ стихотворитель,
Котораго трудовъ Меркурій нашъ и Зритель [1],
И книжный магазинъ, и лавочки полны:
«Мы съ риѳмами на свѣтъ», онъ мыслилъ, «рождены:
Такъ не смѣшно ли намъ, поэтамъ, согласиться
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать однимъ шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ не учась ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ».
И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,
Что Рымникскій Алкидъ [2] Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ [3] ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: Ода!
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: такого дня и года!
«Тутъ какъ?... Пою!... Иль нѣтъ, ужъ это старина!
Не лучше ль: Даждь мнѣ, Фебъ?... Иль такъ: Не ты одна
Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?
Но что же мнѣ прибрать къ ней въ риѳму, кромѣ чорта?
Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу
И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцевъ не устрашаетъ;
Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить:
Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ [4], иль съ Орловымъ
Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ, а съ новымъ —
Не ловко что-то все. — Да просто напишу:
Ликуй, герой! ликуй! Герой ты! — возглашу.
Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: Кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ?
Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта
И то, и то... А тамъ? Извѣстно: многи лѣта!
Брависсимо! и планъ, и мысли — все ужъ есть!»
Да здравствуетъ поэтъ! Осталося присѣсть,
Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ — и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ!
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.
Вотъ какъ пиндарилъ [5] онъ, и всѣ ему подобны,
Едва ли вывѣски надписывать способны!

---

[1] Современные журналы. — [2] Суворовъ. — [3] *Ферзенъ* графъ — взялъ въ плѣнъ Костюшку въ 1794 г. при Мацеіовицахъ, участвовалъ и при взятіи Суворовымъ Праги. — [4] *Грейгъ* — русскій адмиралъ († 1788). Одержалъ блистальную побѣду у Свеаборга надъ Шведами. — [5] *Пиндарилъ* — глаголъ отъ имени *Пиндаръ*. —

Желалъ бы, чтобы Фебъ хотя во снѣ имъ рекъ:
«Кто въ громкій славою Екатерининъ вѣкъ
Хвалой ему сердецъ другихъ не восхищаетъ
И лиры сладкою слезой не орошаетъ,
Тотъ брось ее, разбей, и знай: онъ не поэтъ»!
Да вѣдаетъ же всякъ по одамъ мой клевретъ,
Какъ дерзостный языкъ безславилъ насъ, ничтожилъ,
Какъ лириковъ цѣнилъ. Воспрянемъ! Марсій [1] ожилъ!
Товарищи, къ столу, за перья! Отомстимъ,
Надуемся, напремъ, ударимъ, поразимъ!
Напишемъ на него предлинную сатиру
И оправдаемъ тѣмъ россійску громку лиру.

И. Дмитріевъ

НАДПИСИ.

Къ могилѣ Карамзина [2].

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россіи вѣрный сынъ;
И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы
Святое имя: Карамзинъ.

Жуковскій.

Къ портрету Жуковскаго.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль;
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

Пушкинъ.

ЭПИГРАММЫ.

Исторія стихотворца.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свистъ;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ, и въ Лету—
Бухъ!

Пушкинъ.

Сожалѣніе.

Я разорился отъ воровъ!
—«Жалѣю о твоемъ я горѣ».
Украли пукъ моихъ стиховъ!
—«Жалѣю я о ворѣ».

И. Дмитріевъ.

МАДРИГАЛЪ.

Задумчива ли ты, смѣешься иль поешь,
О, Хлоя милая, ты всѣмъ меня прельщаешь:
Часамъ ты крылья придаешь,
А у любви ихъ похищаешь.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Муза, богиня Олимпа....

Муза, богиня Олимпа, вручила двѣ звучныя флейты
Рощъ покровителю Пану и свѣтлому Фебу.
Фебъ прикоснулся къ божественной флейтѣ—и чудный
Звукъ полился изъ безжизненной трости. Внимали

---

[1] *Марсіасъ*—сынъ Олимпа, славившійся игрой на флейтѣ. Онъ вызвалъ Аполлона на состязаніе, но былъ побѣжденъ.— [2] Изъ «Посланія къ Дмитріеву».

Вкругъ присмирѣвшія воды, не смѣя журчаньемъ
Пѣсни тревожить, а вѣтеръ заснулъ между листьевъ
Древнихъ дубовъ, и заплакали, тронуты звукомъ,
Травы, цвѣты и деревья; стыдливыя нимфы
Слушали, робко толпясь межъ сильвановъ и фавновъ.
Кончилъ пѣвецъ, и помчался на огненныхъ коняхъ
Въ пурпурѣ алой зари, на златой колесницѣ.
Бѣдный лѣсовъ покровитель напрасно старался припомнить
Чудные звуки и ихъ воскресить своей флейтой;
Грустный, онъ трели выводитъ, но трели земныя....
Горькій безумецъ! ты думаешь, небо не трудно
Здѣсь воскресить на землѣ? Посмотри: улыбаясь,
Съ взглядомъ насмѣшливымъ слушаютъ нимфы и фавны.

Майковъ.

—

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустаго тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Пушкинъ.

—

Трудъ.

Мигъ вожделѣнный насталъ: оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга Пенатовъ святыхъ?

Пушкинъ.

—

СОНЕТЪ.

Суровый Дантъ не презиралъ сонета;
Въ немъ жаръ любви Петрарка изливалъ.
Игру его любилъ творецъ Макбета [2];
Имъ скорбну мысль Камоэнсъ [3] облекалъ.
И въ наши дни плѣняетъ онъ поэта:
Вордствортъ [4] его оружіемъ избралъ,
Когда, вдали отъ суетнаго свѣта,
Природы онъ рисуетъ идеалъ.
Подъ сѣнью горъ Тавриды отдаленной,
Пѣвецъ Литвы [5] въ размѣръ его стѣсненный
Свои мечты мгновенно заключалъ.
У насъ еще его не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

Пушкинъ.

—

[1] См. теор. поэзіи: сонетъ. — [2] Шекспиръ. — [3] *Камоэнсъ* — португальскій поэтъ (1524—1579), прославившійся поэмой «Лузіадой». — [4] Вордствортъ — англійскій поэтъ (1770—1850). — [5] *Мицкевичъ* — польскій поэтъ (1798—1855).

ТРІОЛЕТЪ.

«Лизета—чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вздухнувъ, я самъ себѣ сказалъ:
«Красой подобныхъ нѣтъ Лизетѣ;
Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ;
Умомъ зрѣла въ весеннемъ цвѣтѣ»
Когда же злость ея узналъ,—
«Лизета чудо въ бѣломъ свѣтѣ!»
Вздохнувъ, я самъ себѣ сказалъ.

Карамзинъ.

ДИДАКТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ.

Изъ „Письма о пользѣ стекла“ *.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чтутъ ниже минераловъ,
Приманчивымъ лучомъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той [1] съ Парнасскихъ горъ спускаюсь;
И нынѣ отъ нея на верхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ восторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злату, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я счастья представляю.
Не должно тлѣнности примѣромъ тое быть,
Чего и сильный огнь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлитель;
Стекло имъ рождено; огонь его родитель.
Съ натурой нѣкогда онъ произвесть хотя
Достойное себя и оныя дитя
Во мрачной глубинѣ, подъ тягостью земною,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борется съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ и хляби затворилъ,
Въ которы океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И тяготу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь,
И въ ночь ужасную перемѣнился день.
Не баснотворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Этна правдѣ сей свидѣтель вѣчный намъ,
Которая дала путь чуднымъ симъ родамъ.
Изъ ней разжженная рѣка текла въ пучину,
И свѣтъ, отчаясь, мнилъ, что зритъ свою судьбину!
Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
И солнцу ясному рожденіе открыли.

---

* Ломоносовъ однажды обѣдалъ у И. И. Шувалова въ кафтанѣ съ большими стеклянными пуговицами; на чье-то замѣчаніе, что такія пуговицы уже не въ модѣ, Ломоносовъ отвѣчалъ, что носитъ и будетъ ихъ носить изъ уваженія къ стеклу, и горячо доказывалъ великую пользу стекла; Шуваловъ просилъ его изложить эти мысли въ стихахъ. Такъ явилось въ 1752 г. это посланіе («письмо») ему посвященное.

[1] *Той*—пользы. Намекъ на заведенную Ломоносовымъ фабрику стеклянныхъ издѣлій.

Но что жъ отъ нѣдръ земныхъ родясь произошло?
Любезное дитя—прекрасное стекло.
Увидѣвъ, смертные о какъ ему дивились!
Подобное тому сыскать искусствомъ тщились.
И было въ дѣлѣ семъ удачно мастерство:
Превысило своимъ раченьемъ естество [1]...
...По долговременномъ теченьи нашихъ дней
Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
Померкшее того не представляетъ чувство,
Что кажетъ въ тонкостяхъ натура и искусство.
Велика сердцу скорбь лишиться чтенья книгъ;
Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
Тогда противенъ день, веселіе досада!
Одна лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
Оно способствіемъ искусныя руки
Подать намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
Что честь достойную воздать ему коснѣемъ?
. . . .
Хоть острымъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго конецъ имѣетъ сила.
Кромѣ, что вдалекѣ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей,
Коль многихъ тварей онъ еще не досягаетъ,
Которыхъ малый ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ, составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій китъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.
Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
Стекломъ познали мы толики чудеса,
Чѣмъ онъ наполнилъ понтъ, и воздухъ и лѣса.
Прибавивъ, ростъ вещей, оно, коль намъ потребно,
Являетъ травъ разборъ, и знаніе врачебно.
Коль много микроскопъ намъ тайностей открылъ,
Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!
Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры
Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ вѣтры;
Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
Иль, облаки прогнавъ, ихъ солнце осушитъ.
Надежда наша въ томъ обманами не льстится:
Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
Открылись точно имъ движенія свѣтилъ:
Чрезъ то жъ откроется въ погодахъ разность силъ.
Коль могутъ счастливы селяне быть оттолѣ,
Когда не будетъ зной, ни дождь опасенъ въ полѣ!

[1] Упомянувъ различныя предметы, изъ стекла приготовляемые: сосуды для вина, пива и лѣкарствъ, стекло для рамъ, бисеръ (по поводу мѣны на него американскими дикарями драгоцѣнныхъ металловъ Ломоносовъ вводитъ эпизодъ о жестокостяхъ Испанцевъ въ Америкѣ), авторъ переходитъ къ приготовленію изъ стекла очковъ.

Какой способности ждать должно кораблямъ,
Узнавъ, когда шумѣть или молчать волнамъ,
И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
Велико дѣло въ семъ и гортъ златыхъ достойно!
Далече до конца стеклу достойныхъ хвалъ,
На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
За тѣмъ уже слова похвальны оставляю,
И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
Однако при концѣ не можно преминуть,
Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянуть
Что можетъ смертнымъ быть ужаснѣе удара,
Съ которымъ молнія изъ облакъ блещетъ яра?
Услышавъ въ темнотѣ внезапный трескъ и шумъ,
И видя быстрый блескъ, мятется слабый умъ;
Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣ бъ укрыться;
Причины онаго изслѣдовать страшится;
Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ ли то сказать, что вѣтромъ онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
Но блескъ и звукъ его, не давъ главы поднять,
Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толикомъ,
Что въ заблужденіи теряли путь великомъ,
И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
Поколѣ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не нашли.
Вертясь, стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
Съ громовымъ сходственный сверканіемъ и трескомъ,
Дивился сходству умъ: но видя малость силъ,
До лѣта прошлаго сомнителенъ въ томъ былъ,
Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи;
И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ,
Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣлъ;
И видѣлъ часто въ томъ успѣхи вожделѣнны.
О коль со древними дни наши несравненны!
Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ течетъ,
Что отъ громовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
Что та же сила тучъ гремящихъ вракъ наводитъ,
Котора отъ стекла движеніемъ исходитъ;
Что зная правила, изъисканны стекломъ,
Мы можемъ отвратить отъ храминъ нашихъ громъ.
Единство оныхъ силъ доказано стократно:
Мы лѣта нынѣ ждемъ пріятнаго обратно.
Тогда о истинѣ стекло увѣритъ насъ.
Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
Европа нынѣ въ то всю мысль свою вперила,
И махины уже пристойны учредила.
Я, слѣдуя за ней, съ Парнасскихъ горъ схожу.
На время ко стеклу весь трудъ свой приложу.
Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,

Я слышу восхищенъ веселый гласъ
въ народѣ.
Елисаветина повсюду похвала
Гласитъ премудрости и щедрости
дѣла.
Златыя времена! О, кроткіе законы!
Народу своему прощаетъ милліоны;
И пользу общую отечества прозря,
Ученію велитъ расшириться въ моря,
Умноживъ бодрость въ немъ щедротою своею!
А ты, о Меценатъ, предстательствомъ
предъ Нею,
Какой наукамъ путь стараешься открыть,
Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрный быть.
Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
Что тщатся постигать ученія полезны.
Мои посильные и малые труды
Коль часто передъ Ней воспоминаешь ты!
Услышанному быть Ея кротчайшимъ
слухомъ—
Есть новымъ въ бытіи животвориться
духомъ!
Кто кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ
еще младыхъ,
Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ
власовъ сѣдыхъ.
Кто склонность въ счастіи и доброту
являетъ,
Тотъ счастіе себѣ недвижно утверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ тебѣ и хвалитъ
обое,
И небо чаемыхъ покажетъ сбытіе.

Ломоносовъ.

IV. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Эдипъ-царь.

Трагедія Софокла.

Эдипъ.	Вѣстникъ изъ Коринѳа.
Жрецъ.	Лаевъ пастухъ.
Креонтъ.	Слуга изъ д. Эдипа.
Тиресій.	Хоръ Ѳиванскихъ старцевъ.
Іокаста.	

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ въ миѳическое время.

Сцена представляетъ мѣсто передъ дворцомъ Эдипа, въ который ведутъ три двери. Передъ дворцомъ на жертвенникахъ курятся ѳиміамы, и на ступеняхъ жертвенниковъ сидятъ разнаго возраста Ѳивяне съ молитвенными вѣтвями въ рукахъ и обнимаютъ жертвенники, какъ просящіе у боговъ защиты. Со сцены ведетъ лѣстница въ орхестру, по срединѣ которой стоитъ увѣнчанный и курящійся жертвенникъ Діониса, *ѳимела*. Въ орхестрѣ нѣтъ никого.

I.

Эдипъ. О дѣти, Кадма древняго потомки,
Зачѣмъ сошлись вы къ симъ мѣстамъ
и съ вѣтвью
Молитвенной садитесь къ алтарямъ, [1]
А городъ нашъ и жертвеннымъ куреньемъ
И вмѣстѣ пѣньемъ и стенаньемъ полонъ?
Отъ вѣстниковъ узнать я не хотѣлъ
И самъ пришелъ сюда, о дѣти, я,
Извѣстный всѣмъ, прославленный Эдипъ.
Но ты, старикъ, скажи (тебѣ прилично
Всѣхъ прежде слово молвить), вы зачѣмъ
Собрались здѣсь? иль вы чего боитесь,
Иль просите? Скажи, и я исполню.
Безъ сердца былъ бы я, когда бъ не
тронулъ
Меня сей видъ молящихся людей.
Жрецъ. Земли моей властитель, царь
Эдипъ,
Ты видишь насъ, какіе мы собрались
У алтарей твоихъ. Вотъ здѣсь птенцы,
Еще безсильные летать далеко,
А тамъ лѣтами отягченный старецъ,
Жрецы, и я, жрецъ Зевса, и толпа
Отборныхъ юношей. Народъ же прочій
Увѣнчанный, Паллады оба храма
И пеплъ пророческій Исмена бога, [2]
На площадяхъ, толпами окружилъ.

---

[1] Тѣ, которые приходили молить боговъ о защитѣ и избавленіи отъ несчастій, держали въ рукахъ масличныя вѣтви, обвитыя бѣлою шерстью. Садясь у жертвенниковъ, они клали возлѣ себя эти вѣтви и уносили ихъ, если получали просимую помощь; въ противномъ случаѣ оставляли эти вѣтви у жертвенниковъ и уходили.—[2] *Пророческій пеплъ* Исмена бога — храмъ Аполлона на рѣкѣ Исменѣ. Пеплъ, потому что предсказанія дѣлались по сжигаемымъ жертвамъ.

Какъ видишь самъ, взволнованъ городъ весь;
Не можетъ онъ главы поднять изъ безднъ
Волны кровавой; гибнетъ плодъ земной,
И мрутъ стада, и роды женъ безплодны.
Огнемъ палящій богъ, ужасный моръ,
На городъ нашъ стремительно низвергся.
Пустѣетъ Кадма домъ, а черный адъ
Стенаньями и плачемъ богатѣетъ,
Ни юноши, которыхъ видишь здѣсь,
Ни я, не съ тѣмъ пришли мы къ алтарямъ,
Чтобы равнять тебя съ богами, нѣтъ,
Но изъ людей тебя считаемъ первымъ,
Въ дѣлахъ людскихъ и въ томъ, что̀ боги шлютъ. [1]
И прежде ужъ, пришедши въ Кадмовъ городъ,
Отъ подати ты насъ освободилъ,
Которую платили мы пѣвицѣ. [2]
Безъ наставленья нашего ты самъ
Лишь съ помощью боговъ намъ жизнь исправилъ:
Такимъ тебя считаютъ всѣ у насъ.
Теперь, о дорогой намъ всѣмъ Эдипъ,
Пришли къ тебѣ мы съ просьбой и мольбою:
Найди намъ средство, гласу ль бога внявъ,
Иль знаешь какъ-нибудь отъ человѣка:
Затѣмъ что много-опытнаго мужа
Совѣтъ и слово живы, знаю я.
Иди, о лучшій изъ людей, иди,
Заботою своей воздвигни городъ.
Хотя тебя за прежнюю услугу
Спасителемъ земля сія зоветъ,
Но не желали бъ такъ тебя мы помнить,
Что, чрезъ тебя поднявшися однажды,
Потомъ опять упали при тебѣ.
Итакъ спаси отъ бѣдъ ты городъ нашъ!
Какъ прежде ты счастливою судьбой
Далъ счастье намъ, такимъ же будь теперь!
И если, какъ теперь, царемъ ты будешь
Надъ этою землей, то лучше быть
Царемъ людей, а не страны пустой.
Вѣдь если нѣтъ живаго человѣка,
Къ чему корабль, къ чему пустыя башни?

Эд. О дѣти бѣдныя, извѣстно мнѣ,
Не безъизвѣстно все, за чѣмъ пришли вы.
Я знаю, что вы всѣ больны, но, дѣти,
Никто изъ васъ не боленъ такъ, какъ я:
Лишь за себя страдаетъ каждый въ васъ,
Душа жъ моя и за меня страдаетъ,
И за тебя, за весь народъ болитъ.
Не спящаго отъ сна вы разбудили,
Нѣтъ, знайте, много я скорбѣлъ и плакалъ,
И путь большой заботы ужь прошелъ.
Что могъ одно придумать въ долгой думѣ,
То сдѣлалъ я, и сына Менекея,
Креонта, зятя моего, въ пиѳійскій
Домъ Феба я послалъ, чтобъ онъ спросилъ,
Какимъ я словомъ или дѣломъ городъ
Изъ этой бездны золъ могу извлечь.
Пора бъ ему уже назадъ прибыть;
Крушитъ меня забота, что̀ съ нимъ сталось;
Отсутствуетъ онъ больше, чѣмъ бы нужно.
Когда жъ воротится, что̀ богъ прикажетъ,
Я былъ бы злой, когда бъ все не исполнилъ.

(Юноши указываютъ въ лѣвую отъ зрителя сторону, откуда всегда приходили на сцену люди, прибывающіе изъ чужбины).

II.

Жрецъ. Какъ кстати ты сказалъ! Ужъ вотъ они
Мнѣ возвѣщаютъ, что Креонтъ идетъ.

Эд. О Аполлонъ! когда бъ спасенья свѣтъ
Принесъ онъ такъ, какъ свѣтелъ онъ очами.

Жр. Какъ кажется, онъ съ радостью идетъ;
Когда бъ не такъ, вѣнчать главу свою
Не сталъ бы онъ лавровыми вѣтвями. [3]

Эд. Узнаемъ скоро. Близко онъ, и рѣчь
Его мы можемъ ужъ внимать. О князь,
Мой родственникъ, сынъ Менекея славный,
Какое слово бога намъ несешь ты?

---

[1] Въ подлинникѣ: ἔν τε συμφοραῖς βίου, ἔν τε δαιμόνων ξυναλλαγαῖς. Первымъ разумѣются обыкновенные случаи жизни; второе означаетъ болѣе рѣдкіе, выходящіе изъ обычнаго порядка жизни, случаи, какъ напримѣръ, появленіе Сфинкса, моръ. — [2] Пѣвица — Сфинксъ. — [3] Возвращавшіеся отъ Дельфійскаго оракула съ благопріятнымъ отвѣтомъ украшали свою голову лавровыми вѣнками.

Креонтъ. Хорошее: когда конецъ счастливъ,
Тогда и тяжкое ведетъ ко счастью.
Эд. Какое жъ это слово? Изъ того,
Что̀ ты сказалъ, нельзя вѣдь мнѣ пока
Ни смѣлымъ быть, ни ощущать боязнь.
Кр. Сказать готовъ. При всемъ ли здѣсь народѣ
Сказать велишь, или войти намъ въ домъ?
Эд. Скажи при всѣхъ За нихъ вѣдь я страдаю
Сильнѣй и больше, чѣмъ за жизнь свою.
Кр. Такъ я скажу, что̀ слышалъ я отъ бога
Велѣлъ намъ ясно Фебъ, о царь, изгнать
Страны позоръ, воспитанный въ самой
Странѣ, а не питать неизлѣчимый.
Эд. Какое жъ зло? И какъ его очистить?
Кр. Изгнать, иль кровью кровь омыть опять,
Затѣмъ, что кровь волнуетъ городъ нашъ.
Эд. Судьбу какого мужа богъ вѣщаетъ?
Кр. О царь, у насъ до твоего прихода
Былъ прежде Лай властитель сей земли.
Эд. По слуху знаю, не видалъ его.
Кр. Теперь намъ ясно богъ велитъ казнить
Людей, которые его убили.
Эд. Но гдѣ жъ они? И какъ найдемъ теперь
Слѣдъ тайный давняго ужъ преступленья?
Кр. Въ странѣ самой, такъ богъ сказалъ. Что̀ ищешь,
Найти легко; лишь то сокрыться можетъ,
О чемъ заботы мы не прилагаемъ.
Эд. Въ домахъ ли здѣсь, иль въ полѣ гдѣ-нибудь,
Или въ странѣ чужой убитъ былъ Лай?
Кр. Пошелъ онъ въ Дельфы, богъ сказалъ, и къ дому
Съ тѣхъ самыхъ поръ ужъ онъ не возвращался.
Эд. Съ нимъ спутникъ не былъ ли какой, иль вѣстникъ,
Чтобъ отъ него узнать намъ можно было?
Кр. Погибли всѣ, одинъ лишь спасся бѣгствомъ,
И тотъ не могъ намъ ничего сказать
О томъ, что̀ видѣлъ онъ; одно лишь только...
Эд. Что жъ это? вѣдь одно ужъ можетъ насъ
Ко многому вести, малѣйшій только бъ
Надежды слѣдъ намъ удалось найти.
Кр. Онъ говорилъ, что не одной рукой,
А цѣлою толпой воровъ былъ Лай
Убитъ.
Эд. Но какъ могъ воръ столь дерзкимъ быть,
Когда бъ отсюда онъ подкупленъ не былъ?
Кр. Такъ думали. Но Лай когда погибъ,
Въ бѣдахъ никто защитой не былъ намъ.
Эд. Какая же бѣда мѣшала вамъ,
Когда вашъ царь погибъ, узнать все дѣло?
Кр. Загадочныя пѣсни Сфинкса намъ
На близкую бѣду смотрѣть велѣли,
А не искать того, что̀ далеко.
Эд. Но я все самъ раскрою это снова.
Достойно Фебъ, и ты равно достойно
Заботу приняли объ томъ убитомъ.
Соратникомъ меня узрите вы
И за страну, и вмѣстѣ съ тѣмъ за бога.
И не друзей далекихъ только тѣмъ,
Но и себя я отъ бѣды спасу.
Вѣдь кто убилъ его, тотъ также скоро
Меня убить захочетъ той рукой.
Его убійцѣ мстя, себя спасаю.
Скорѣй же, дѣти, встаньте вы съ ступеней,
Молитвы вѣтви поднимите вверхъ.
Одинъ изъ васъ пусть соберетъ народъ.
Я волю бога совершить готовъ:
Иль счастье богъ намъ шлетъ или погибель!
Жр. Такъ встанемъ, дѣти! Мы за чѣмъ пришли,
То намъ обѣщано. Да придетъ Фебъ,
Пророчество сіе пославшій богъ,
Спасти и отъ болѣзни насъ избавить.
(Всѣ уходятъ. Хоръ старцевъ, представляющій собою енче ѳивское, входитъ въ орхестру справа, приближается къ ѳимелѣ и дѣлаетъ около нея разныя движенія).

Хоръ. О сладкогласное Зевсово слово! въ свѣтлыя Ѳивы
Изъ золотаго что принесло ты Пиѳона? [1]
Страшною мыслью смущенъ я и въ трепетъ повергнутъ боязнью,

---

[1] Пиѳонъ—древнее названіе Дельфъ. Золотой—по богатству своего храма.

О изцѣлитель, Делосскій Пеанъ! [1]
Въ ужасѣ благоговѣйномъ смотрю я,
Дѣло какое мнѣ съ бѣгомъ часовъ или
нынѣ свершишь ты.
Слово безсмертное, чадо Надежды златой,
мнѣ повѣдай!
Прежде тебя призываю, богиня Аѳина,
дочь Зевса,
И Артемиду, держащую землю,
Что возсѣдаетъ на славномъ престолѣ на
площади ѳивской, [2]
Также тебя, далеко попадающій Фебъ,
Іо! Іо!
Три защиты отъ смерти явитесь!
Если и прежде на городъ низвергшейся
пагубы пламя
Вы удалили, придите и нынѣ!

***

Моимъ страданьямъ нѣтъ числа,
Народъ мой весь, о боги, боленъ,
И не вижу я въ мысли копья на защиту.
Славной земли ужъ не множится плодъ,
Женщины наши не сносятъ ужъ больше
Мукъ, вынуждающихъ вопли въ родахъ.
Если бъ ты посмотрѣлъ,
Какъ одинъ за однимъ, что крылатыя
птицы,
Все стремятся они къ брегу мрачнаго
бога, [3]
Быстрѣй необоримаго огня.
Потерямъ нашимъ нѣтъ числа;
Отъ нихъ нашъ городъ погибаетъ.
Смертоносные трупы лежатъ безъ призора.
Съ разныхъ сторонъ собрались къ алтарямъ
Всѣ сѣдовласыя матери, жены,
Съ воплемъ отъ бѣдъ избавленія просятъ.
Слышенъ громкій пеанъ,
Вмѣстѣ съ нимъ раздаются согласно ры-
данья.
Зевса дочь золотая! пошли намъ
Отъ бѣдъ защиту и спасенье.

***

Арей губитель безъ оружья
Напалъ на насъ и жжетъ огнемъ. [4]
И стонъ вокругъ.... О Зевса дочь,
Поворoти назадъ его стремленье!
Отъ нашихъ странъ пусть онъ бѣжитъ,—
Въ ложе бѣжитъ Амфитриты,
Иль къ берегамъ непривѣтнымъ
Ѳракіи дальней.
Пощадитъ ли ночь кого,
День беретъ за ней идущій.
Ты, владѣющій громами,
Зевсъ, огнемъ своихъ перуновъ,
Погуби его, отецъ!
Ликійскій царь [5], о еслибъ ты
Свои послалъ на помощь стрѣлы
Съ златокрученой тетивы,
И свѣточи послала Артемида,
Что свѣтятъ ей, когда богиня
Ликіи горы обходитъ;
Митрой вѣнчаннаго бога
Вакха зову я,
Нашей родинѣ роднаго, [6]
Предводителя Менадъ,
Вдохновляющаго бога!
На безславнаго въ богахъ,
Вакхъ, съ огнемъ своимъ приди!

(*При послѣднихъ словахъ выходитъ Эдипъ. Хоръ, окончивъ пѣніе, располагается у ѳимелы. Выше другихъ, на ступеняхъ ѳимелы, стоитъ корифей хора, который отъ лица хора разговариваетъ съ Эдипомъ*).

III.

Эд. Ты просишь силы и отъ бѣдъ спа-
сенья;
И получить, что просишь, можешь ты,
Когда словамъ моимъ захочешь внять
И сдѣлать то, что требуетъ болѣзнь.
Но я скажу, хотя не знаю я
Ни дѣла, ни молвы; а, слѣда не имѣя,
Открыть я могъ бы самъ немного.
Теперь, въ числѣ гражданъ недавно чи-
слясь
Я всѣмъ потомкамъ Кадма объявляю:
Чтобъ тотъ изъ васъ, кто знаетъ, отъ кого

---

[1] Пеаномъ называется Аполлонъ въ томъ же смыслѣ, какъ и цѣлителемъ болѣзней.—[2] Храмъ Артемиды былъ на площади ѳивской.—[3] Ада.—[4] Здѣсь разумѣется Арей, первоначально богъ не только войны, но и всего страшнаго и разрушительнаго. Софоклъ и здѣсь, и въ прологѣ изображаетъ его, какъ бога ненавистнаго, враждебнаго людямъ.—[5] Ликійскій царь—Аполлонъ. Имя это получилъ онъ, по однимъ, отъ своего оракула въ Ликіи, по другимъ, отъ истребленія волковъ (λύκος) въ Сикіонѣ.—[6] Вакхъ есть родной ѳивскій богъ, по матери своей Семелѣ, дочери ѳивскаго царя, Кадма.

Погибъ Лабдаковъ сынъ, мнѣ все сказалъ,
И если самъ себя кто обвинить
Боится, избѣгая наказанья,
Пусть знаетъ тотъ: бѣды другой терпѣть
Не будетъ онъ, но невредимъ страну
Оставитъ. Если жъ кто убійцу знаетъ,
Пусть не молчитъ, укажетъ пусть, и я
Награду дамъ и буду благодаренъ.
Когда жъ молчать вы будете, и слово
Никто не скажетъ изъ боязни мнѣ
За друга, за себя ль, вотъ что тогда
Я сдѣлаю, вы выслушать должны:
Кто бъ ни былъ этотъ человѣкъ, его
Во всей странѣ, которой я владѣю.
Я запрещаю принимать; пусть съ нимъ
Никто не молвитъ слова, пусть къ молитвѣ
Общественной его не допускаютъ,
Ни къ жертвамъ, ни къ чистительной водѣ;
И отъ домовъ его пусть гонятъ всѣ,
Затѣмъ что въ немъ заразы вся причина,
Какъ мнѣ пиѳійскій богъ сказалъ недавно.
А я за бога и за Лая смерть
Такъ ратовать готовъ. Я проклинаю
Того, который совершилъ убійство,
Одинъ ли былъ и скрылся, иль съ другими;
Пусть злой злосчастно жизнь окончитъ онъ.
Обѣтъ даю и самъ снести все то,
Чѣмъ имъ грозилъ недавно, еслибъ онъ
Въ дому моемъ жильцомъ открылся такъ,
Чтобъ зналъ я самъ. А васъ прошу все сдѣлать
Для бога, для меня и для страны,
Которая въ безплодьи гибнетъ вся,
Оставлена богами. Дѣло это
О смерти человѣка и царя
Не слѣдовало вамъ оставить такъ
Безъ очищенья, еслибъ даже богъ
Къ тому не побудилъ, но разузнать.
Теперь, когда я власть имѣю ту,
Что прежде онъ имѣлъ, когда владѣю
Его женой и ложемъ, и за тѣмъ
Дѣтей имѣли бъ общее рожденье,
Когда бы посчастливилось ему
Имѣть дѣтей; теперь, когда судьба
Ударила въ его главу, я долженъ
Такъ ратовать, какъ-будто за отца,
И все испробовать, чтобъ отыскать
Виновника убійства, отъ кого
Погибъ Лабдака сынъ и Полидора,
И Кадма древняго, и Агенора. [1]
Молю боговъ, чтобъ отняли у тѣхъ,
Которые исполнить не хотятъ,
Плодъ жатвы и дѣтей, чтобъ имъ ни поле,
Ни жены не родили; пусть погибнутъ
Отъ смерти злой, теперь народъ губящей,
Иль ихъ еще страшнѣй постигнетъ гибель.
Вамъ всѣмъ другимъ потомкамъ Кадма въ помощь
Пусть Правда будетъ и боговъ всѣхъ милость,
Когда согласны вы съ моею рѣчью.
Хоръ (*за хоръ говоритъ корифей*).
Когда меня связалъ проклятьемъ ты,
Такъ, царь, скажу: и самъ я не убилъ,
И показать убійцу не могу.
Оракулъ намъ пославшій Фебъ былъ долженъ
Рѣшить вопросъ, кто совершилъ убійство.
Эд. Сказалъ ты правду; но боговъ принудить,
Имъ вопреки, не можетъ человѣкъ.
Хоръ. И вовторыхъ еще бъ одно сказалъ я...
Эд. Когда бъ и третье было, не смолчи.
Хоръ. Извѣстно мнѣ, что царственному Фебу
Всѣхъ ближе знаньемъ царственный Тиресій [2].
Его бъ спросить: узнали бъ дѣло ясно.
Эд. Я это по словамъ Креонта сдѣлалъ;
Ужъ двухъ пословъ за нимъ отправилъ я;
Дивлюсь, что онъ давно уже не здѣсь.
Хоръ. А всѣ преданья стары и темны.
Эд. Какія жъ это? Надо всѣ мнѣ знать.
Хоръ. Онъ умеръ отъ прохожихъ, говорили.
Эд. И я то слышалъ, но никто не видитъ
Свидѣтеля.
Хор. Но если хоть частичку
Имѣетъ страха онъ, твои проклятья

---

[1] Родословная ѳивскихъ царей: Белъ, Агеноръ, Кадмъ, основатель Ѳивъ, Лабдакъ, Лай, Эдипъ.—[2] Тиресій, сынъ нимфы Харикло, былъ пораженъ слѣпотой, по обыкновенному сказанію, за то, что видѣлъ Палладу купающуюся, но въ вознагражденіе получилъ даръ пророчества.

Услышавъ, медлить онъ не станетъ больше.
Эд. Кому не страшно дѣло, тотъ предъ словомъ
Не содрогнется.
Хор. Вотъ и обличитель.
Ведутъ сюда пророка вѣщуна;
Ему лишь изъ людей открыта правда.

IV.

Эд. О ты, который знаешь все, Тиресій,
И то, изрѣчь что можно, и чего
Изрѣчь нельзя, небесное, земное;
Хотя не видишь ты, но мыслью знаешь,
Какой болѣзнію страдаетъ городъ.
Въ тебѣ, о князь, одномъ спасенье видимъ.
Царь Фебъ, хоть вѣстниковъ не слышалъ ты,
На нашъ вопросъ прислалъ отвѣтъ такой,
Что́ лишь одно отъ мора избавленье—
Открывъ убившихъ Лая, наказать
Ихъ смертью иль изгнаньемъ изъ земли.
А ты не откажись намъ все повѣдать,
Что птицы скажутъ, иль другой гаданья
Ты знаешь путь. Спаси себя и городъ,
Спаси меня, и казнь за мертваго
Ты отврати отъ города роднаго.
Въ тебѣ мы всѣ: помочь же человѣку,
Чѣмъ можетъ кто, прекрасный плодъ труда.
Тир. Увы, увы! Когда нѣтъ пользы въ знаньи,
Какъ непріятно знать. Вѣдь зналъ я это...
Забылъ, а то бъ сюда я не пришелъ.
Эд. За чѣмъ печаленъ ты? Что это значитъ?
Тир. Домой пусти меня: свою судьбу
И ты, и я, мы легче понесемъ,
Когда меня послушаешься ты.
Эд. Не хорошо, что ты сказать не хочешь
Того, что́ городу полезно бъ было,
Который воспиталъ тебя.
Тир. Увы!
Твои слова тебѣ не будутъ въ пользу,
Я вижу,—и боюсь того жъ себѣ.
Эд. Нѣтъ, именемъ боговъ тебя всѣ молимъ
Не скрыть отъ насъ того, что́ знаешь самъ.
Тир Безумны вы! Нѣтъ! слова моего
Сказать я не рѣшусь, чтобы тебѣ
Твоихъ злосчастныхъ дѣлъ не обнаружить.
Эд. Что молвилъ ты? Не скажешь ты, что знаешь?
Такъ хочешь насъ и городъ погубить?
Тир. Тебя спасти хочу отъ огорченья
И вмѣстѣ съ тѣмъ себя; зачѣмъ еще
Толкуешь ты? Сказать—я не скажу.
Эд. Не скажешь ты, негодный изъ негодныхъ,—
И камень могъ бы ты подвигнуть къ гнѣву,—
Неумолимъ и непреклоненъ будешь?
Тир. Меня ты въ страсти упрекнулъ, а самъ
Не видишь страсть, которая въ тебѣ.
Эд. Кто бъ воздержаться могъ отъ гнѣва, слыша,
Какъ мало ты родной свой городъ чтишь?
Тир. Хоть я молчу, но выйдетъ все само.
Эд. Ну, такъ ты долженъ мнѣ сказать, что выйдетъ.
Тир. Ни слова больше не скажу; пылай,
Пожалуй, самымъ дикимъ гнѣвомъ ты.
Эд. Свой гнѣвъ удерживать не буду я,
Затѣмъ что вижу все. Такъ знай, что ты
Мнѣ кажешься участникомъ злодѣйства,
Хотя не самъ своей рукой убилъ.
Когда бъ ты зрячій былъ, сказалъ бы я,
Что дѣло одного тебя то было.
Тир. Да, да! Такъ я велю тебѣ стоять
На томъ, кто объявилъ, и съ дня сего
Не говорить ни съ ними, ни со мной.
Затѣмъ что ты нечестьемъ осквернилъ
Страну, и бѣдъ ея ты всѣхъ причина.
Эд. Безстыдно такъ, какъ могъ ты слово бросить?
Тир. Но я спасенъ.
Я силу истины въ себѣ ношу.
Эд. Виною словъ твоихъ, конечно, не искусство.
По чьимъ же говорилъ внушеньямъ ты?
Тир. По твоему я говорилъ внушенью:
Ты самъ меня принудилъ.
Эд. Что жъ сказалъ ты?
Скажи еще, чтобъ лучше мнѣ узнать.
Тир. Не понялъ прежде ты? Иль искушаешь?
Эд. Не съ тѣмъ, чтобы извѣстное услышать;
Я повторить прошу.
Тир. Я повторю,
Что ты убійца тотъ, кого ты ищешь.
Эд. Но даромъ дважды скорбнаго не скажешь.
Тир. Сказать еще, чтобъ больше разсердить?

Эд. Что хочешь, говори; все будетъ тщетно.
Тир. Скажу, что ты не знаешь, какъ сквернишь
То, что тебѣ всего на свѣтѣ ближе,
Что ты не видишь, какъ велико зло.
Эд. Что жъ думаешь? Всегда такія вещи
Себѣ на радость будешь говорить?
Тир. Когда есть сила въ истинѣ, конечно.
Эд. Конечно, есть, но ты ея лишенъ.
Въ тебѣ той силы нѣтъ, затѣмъ что слѣпъ
Глазами ты, и ухомъ, и умомъ.
Тир. Несчастный! Оскорблять все хочешь ты,
А скоро, скоро ни одинъ изъ этихъ
Тебя безъ оскорбленья не оставитъ.
Эд. Питаетъ ночь тебя, такъ ты безвреденъ
И мнѣ, и всякому, кто видитъ свѣтъ.
Тир. И не судьба тебѣ пасть отъ меня,
Достаточно заботы Аполлона.
Эд. Креонтъ придумалъ это, или ты?
Тир. Ты самъ себѣ бѣды свои создалъ,
А не Креонтъ.
Эд. Богатство, власть и умъ
Побѣдоносный въ жизненной борьбѣ,
Какую возбуждаете вы зависть,
Когда Креонтъ, сначала вѣрный другъ,
Той власти ради, что мнѣ городъ далъ
Безъ всякаго желанья моего,
Тайкомъ меня столкнуть, подкравшись, хочетъ!
Кудесника для цѣли сей онъ выслалъ,
Способнаго къ обманамъ и злодѣйствамъ,
Который видитъ выгоду одну,
Въ искусствѣ жъ слѣпъ; скажи, пожалуй, мнѣ,
Какъ можешь ты волхвомъ назваться вѣщимъ?
Зачѣмъ, какъ пѣла пѣсни здѣсь собака[1]
Къ спасенью средствъ гражданамъ не открылъ?
А разрѣшить загадку ту легко
Не всякій могъ; тутъ нужны были чары.
Не ты, узнавъ отъ птицъ иль отъ боговъ,
Раскрылъ ее, но я, Эдипъ не вѣщій,
Прибывъ сюда, ее молчать заставилъ;
Умомъ дошелъ, а не отъ птицъ узналъ.
И ты меня изгнать отсюда хочешь,
Надѣясь близко стать къ Креонта трону...
Поплатитесь, какъ кажется, слезами,
И ты, и тотъ, кто это приготовилъ;
Когда бъ не старикомъ тебя я видѣлъ,
То съ болью бъ понялъ, ты, что ты задумалъ.
Его слова, равно какъ и твои,
Намъ кажется, вамъ гнѣвомъ внушены.
Въ нихъ нѣтъ нужды, а нужно посмотрѣть,
Велѣнье бога какъ исполнить лучше.
Тир. Хоть ты и царь, но тѣмъ же отвѣчать
Имѣю я одно съ тобою право.
Я Локсію[2]) служу, а не тебѣ;
Защиты мнѣ Креонтовой не нужно.
Скажу тебѣ, затѣмъ что слѣпотой
Меня ты попрекнулъ: хоть ты и смотришь,
Но бѣдъ твоихъ всей мѣры ты не видишь,
Ни гдѣ живешь, ни съ кѣмъ живешь, не знаешь.
Хоть знаешь ли, кто твой отецъ, кто мать?
Своимъ ты врагъ безъ вѣдома безъ воли,
И тѣмъ, что тамъ, и тѣмъ, что на землѣ.
Отца и матери изъ сей земли
Проклятье страшное тебя погонитъ.
И скоро свѣтъ твоихъ очей затмится,
И огласятся берега стенаньемъ,
На Киѳеронѣ крикъ отдастся твой,
Когда поймешь, въ какой вступилъ ты бракъ.
Пловецъ, счастливо море переплывъ,
Напрасно ты искалъ въ семъ домѣ мѣста,
Гдѣ бъ твой корабль поставить безопасно.
Не чувствуешь другихъ ты бѣдъ толпу,
Которыя тебя съ тобой сравняютъ
И равнымъ сдѣлаютъ дѣтямъ твоимъ.
Теперь лицо Креонта и мое
Ты оскорбляй; изъ смертныхъ вѣдь никто
Не будетъ страшно такъ казненъ, какъ ты.
Эд. Отъ этого ль такія вещи слушать?
Чтобъ ты пропалъ! Иди скорѣй отъ дома!
Ступай назадъ, откуда ты пришелъ!
Тир. Я не пришелъ бы, еслибъ ты не звалъ.
Эд. Вѣдь я не зналъ, что ты безумье скажешь;

---

[1] Сфинксъ: см. введеніе.—[2] Аполлону; имя Локсій относятъ къ таинственной двусмысленности оракуловъ.

Значитъ, чѣмъ я, трудно рѣшить.
Побѣждаетъ хоть мудростью мудрость иной,
Но не прежде я буду согласенъ съ упрекомъ,
Какъ увижу, что онъ справедливъ.
При всѣхъ вышла къ нему та крылатая дѣва,
И призналъ его городъ весь мудрымъ
И полезнымъ на дѣлѣ на самомъ.
Нѣтъ, по мыслямъ моимъ, никогда, никогда
Онъ причастенъ не будетъ винѣ.

V.

(*Креонтъ входитъ изъ львой боковой двери дворца*).

Узнавъ, о граждане, что царь Эдипъ
Словами сильными меня поноситъ,
Не могъ я вынесть и сюда пришелъ.
Когда при нынѣшнихъ несчастьяхъ нашихъ,
Онъ думаетъ, что словомъ или дѣломъ
Я вредъ и скорбь ему хотѣлъ нанесть,
То жизнь не можетъ быть ужъ мнѣ пріятна,
Когда съ такой мнѣ славой жить придется.
Отъ этихъ словъ не мало скорби мнѣ,
Но много впереди, когда и ты,
И всѣ друзья дурнымъ меня сочтутъ.
Хоръ. Намъ кажется, что это оскорбленье
Скорѣе гнѣвомъ внушено, чѣмъ мыслью.
Кр. И онъ сказалъ, что по моимъ совѣтамъ
Пророкъ здѣсь лживыя слова промолвилъ?
Хоръ. Сказалъ; съ какою мыслью, я не знаю.
Кр. Смотрѣлъ ли прямо онъ и прямо ль думалъ,
Когда онъ мнѣ упрекъ подобный дѣлалъ?
Хоръ. Не знаю. Не сужу дѣла царей...
Но вотъ и самъ выходитъ онъ изъ дома.

(*Эдипъ выходитъ изъ главной двери дворца.*)

Эд. Ты здѣсь! Какъ ты осмѣлился прійти?
Уже ли такъ твое лицо безстыдно,
Что можешь ты въ мой домъ войти,
Убійцей человѣка оказавшись,
И посягателемъ на власть мою?
Скажи, пожалуйста, глупцомъ иль трусомъ
Меня считалъ, когда задумалъ это?
Что я узнать змѣиный замыслъ твой
Иль отразить, узнавъ, не въ состояньи?
Не глупо ль безъ народа и друзей
Искать задумалъ ты высокой власти?
Ее приверженцы даютъ за деньги.
Кр. А знаешь ли, тебѣ что нужно сдѣлать?
Ты выслушай за то, что̀ ты сказалъ.
Потомъ ужъ самъ, узнавши все, суди.
Эд. Ты мастеръ говоритъ, я знаю это,
Но слушать мнѣ тебя охоты нѣтъ,
Когда нашелъ себѣ врагомъ тебя.
Кр. Но выслушай сначала, что̀ скажу.
Эд. Не говори лишь то, что ты хорошъ.
Кр. Ошибочно въ упрямствѣ неразумномъ
Ты пользу думаешь себѣ найти.
Эд. Ошибочно ты думаешь, что тотъ,
Кто зло родному человѣку строитъ,
Отъ наказанья и суда спасется.
Кр. Согласенъ я, что правду ты сказалъ.
Какое жъ зло ты терпишь отъ меня,
Скажи.
Эд. Совѣтовалъ ты мнѣ иль нѣтъ
Послать кого-нибудь за тѣмъ пророкомъ?
Кр. Совѣтъ такой готовъ я дать теперь.
Эд Давно ли Лай...
Кр. Не понимаю, кончи.
Эд. Погибъ насильственною смертью тайно?
Кр. Ужъ много времени прошло съ тѣхъ поръ.
Эд. Что жъ? и тогда пророкъ искусство зналъ?
Кр. Равно былъ мудръ, равно былъ всѣми чтимъ.
Эд. Въ то время онъ сказалъ ли обо мнѣ?
Кр. Не говорилъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ.
Эд. Но розыскъ дѣлали о смерти Лая?
Кр. Не дѣлать не могли, но не узнали.
Эд. Такъ ка́къ же не сказалъ мудрецъ тогда?
Кр. Не знаю, и люблю молчать о томъ,
Чего понять—не въ силахъ я.
Эд. Согласенъ.
Скажи жъ, когда уменъ, что̀ знаешь ты.
Кр. Что̀ знаю я, сказать не откажусь.
Эд. Когда бъ съ тобой не встрѣтился пророкъ,
Убійство Лая мнѣ не приписалъ бы.
Кр. Самъ знаешь, если онъ такъ говоритъ;
А я тебя теперь спросить хочу,
Какъ ты меня.

Эд. Спроси. Меня убійцей
Ты не найдешь.
Кр. Скажи мнѣ вотъ что ты.
Вѣдь ты женился на сестрѣ моей?
Эд. Ну, этого отвергнуть мнѣ нельзя.
Кр. И власть ты съ ней и землю дѣлишь ровно?
Эд. Когда захочетъ, отъ меня назадъ
Все можетъ взять.
Кр. Не равенъ ли я вамъ?
Эд. Вотъ тутъ-то ты плохой ужъ другъ.
Кр. Нисколько,
Когда, какъ я, себѣ отдашь отчетъ.
Сперва ты обрати на то вниманье,
Какъ можетъ быть, чтобы кто предпочелъ
Со страхомъ властвовать, чѣмъ спать безъ страха,
Имѣя ту же власть. По-царски жить
Съ моей природою согласно больше,
Чѣмъ быть царемъ; такъ думать долженъ всякій,
Кто только разсуждать умѣетъ здраво.
Теперь вѣдь я, безъ страха, отъ тебя
Могу все получить. Имѣя жъ власть,
Я долженъ многое невольное дѣлать.
Такъ можетъ ли мнѣ царство быть пріятнѣй,
Когда безъ горя силу я имѣю?
Не такъ еще недальновиденъ я,
Чтобы желать не то, въ чемъ польза есть.
Теперь доволенъ всѣми я, и всѣ
Меня теперь привѣтствуютъ, ласкаютъ.
Нужда ль въ тебѣ, меня всѣ вызываютъ;
Имъ получить надежда вся во мнѣ.
Зачѣмъ же стану я того искать,
Чтобъ это потерять? Вѣдь здравый умъ
Не такъ легко рѣшится на дурное.
Такія мысли не люблю я самъ
И не легко бъ ихъ потерпѣлъ въ другихъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться легче было,
Къ пиѳійскому оракулу отправься,
И тамъ узнаешь, что его отвѣтъ
Тебѣ я ясно, вѣрно передалъ.
Потомъ, когда найдешь, что вмѣстѣ я
Съ кудесникомъ хоть что-либо замыслилъ,
Тогда на казнь меня не только твой,
Но вмѣстѣ мой осудитъ приговоръ.
А такъ не обвиняй по подозрѣнью.
Дурныхъ хорошими и добрыхъ злыми
Считать равно несправедливо будетъ.
Вѣдь друга кто хорошаго теряетъ,
Все то же, что теряетъ жизнь свою,
Которая ему всего дороже.
Современемъ узнаешь ясно все:
Одно лишь время честность человѣка
Намъ можетъ показать, а зло и ложь
Въо динъ ужъ даже день узнать ты можешь.
Хоръ. Для всякаго, кто пасть боится, царь,
Онъ хорошо сказалъ; кто скоръ на мысль,
Тотъ безопасенъ быть всегда не можетъ.
Эд. Когда тайкомъ мнѣ козни строятъ скоро,
То долженъ я быть скоръ въ моихъ рѣшеньяхъ.
Спокойно жъ если ждать, ему успѣхъ,
А мнѣ напрасный трудъ.
Кр. Что жъ хочешь ты?
Ужели выгнать изъ страны меня?
Эд. О нѣтъ! Я не хочу, чтобъ ты бѣжалъ,
Хочу, чтобъ умеръ ты.
Кр. Согласенъ я,
Когда покажешь мнѣ ты преступленье.
Эд. Ты уступить и вѣрить мнѣ не хочешь?
Кр. Не хорошо, я вижу, мыслишь ты.
Эд. Вѣдь для себя.
Кр. И для меня бы нужно.
Эд. Но ты-то не хорошъ.
Кр. Не знаешь ты.
Эд. Повиноваться долженъ ты всегда.
Кр. Но не тому, кто властвовать не знаетъ.
Эд. О городъ, городъ!
Креон. Въ городѣ и я
Имѣю часть свою, не ты одинъ.
Хоръ. Пора ужъ кончить вамъ, князья; вотъ кстати
Идущую сюда Іокасту вижу,
Которая вашъ споръ должна уладить.

VI.

Іокаста (*выходитъ изъ правой двери дворца*).
Зачѣмъ, несчастные, раздоръ безумный
Вы начали? Какъ вамъ теперь не стыдно
О частномъ злѣ вопросы поднимать,
Когда земля страдаетъ? Что, Эдипъ,
Домой нейдешь, а ты, Креонтъ, къ себѣ,
Скорбь мелкую чтобы большой не сдѣлать?
Кр. Сестра, готовитъ мнѣ твой мужъ Эдипъ
Изъ двухъ ужасныхъ золъ одно: иль смерть,
Эд. Да, точно такъ. На жизнь мою, жена,
Я замыселъ его открылъ ужасный.
Кр. Пусть добраго не вижу я, съ проклятьемъ

Погибну пусть, когда хоть что-нибудь
Я сдѣлалъ, въ чемъ меня ты обвиняешь.
Іок. О, именемъ боговъ молю тебя, Эдипъ,
Повѣрь словамъ, почти его ты клятву,
Потомъ меня, и тѣхъ, что здѣсь стоятъ.

Хоръ (*поетъ*).

Внемли умомъ и сердцемъ
Совѣту, царь, молю.
Эд. Въ чемъ уступить тебѣ?

Хоръ (*поетъ*).

Неразумнымъ и прежде не бывшаго,
Нынѣ же клятвой великаго
Ты, царь, почти.
Эд. Ты знаешь ли, что̀ просишь?

Хоръ (*говоритъ корифей*)

Знаю.
Эд. Такъ говори, что хочешь ты?

Хоръ (*поетъ*).

Безъ явной причины ты берегись
Винить другаго, давшаго клятву, царь. [1]
Эд. Такъ знай: когда ты этого желаешь,
Ты мнѣ желаешь смерти иль изгнанья.

Хоръ (*поетъ*).

Нѣтъ, пусть Геліосъ, изъ боговъ крайній богъ, [2])
Пусть свидѣтелемъ будетъ Геліосъ:
Не имѣлъ въ себѣ этой мысли я.
Пусть погибну я, смертью злою умру,
Отъ боговъ забытъ, отъ людей забытъ,
Если я въ себѣ помышлялъ о томъ.
Я несчастный скорблю объ отчизнѣ,
Если къ старому злу еще новое
Прибавится отъ васъ.
Эд. Пусть онъ идетъ, хотя бы мнѣ должно было
Навѣрно умереть, или безчестно
Быть выгнану изъ сей страны навѣкъ.
Твои слова внушили жалость мнѣ,
Не онъ; его вездѣ, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Всѣ будутъ ненавидѣть.
Кр. Вижу я,
Съ досадой уступаешь ты, но тяжко
Тебѣ же будетъ, гнѣвъ когда пройдетъ.
Самимъ себѣ бываютъ тяжелы
Съ такимъ несчастнымъ нравомъ люди.
Эд. Какъ!
Меня ты не оставишь, не уйдешь?
Кр. Иду, иду, непонятый тобою,
Для нихъ все тотъ же я, что прежде былъ.

Хоръ (*поетъ*).

Что медлишь ты, жена,
Домой его увесть?
Іок. Хочу узнать, въ чемъ споръ?

Хоръ (*поетъ*).

Было слово неясное брошено;
Сердце жъ и тѣмъ уязвляется,
Въ чемъ правды нѣтъ.
Іок. Отъ нихъ обоихъ?

Хоръ (*говоритъ корифей*).

Да!
Іок. Какое жъ слово?

Хоръ (*поетъ*).

Довольно, молю! Когда гибнетъ земля,
На чемъ споръ ихъ сталъ, на томъ пусть стоитъ.
Эд. Смотри, куда идешь, хоть ты разуменъ,
Когда мой духъ стараешься смягчить.

Хоръ (*поетъ*).

Ужъ не разъ, о царь, я сказалъ тебѣ:
Отъ тебя отпасть невозможно мнѣ.
Безуменъ бы я и безсмысленъ былъ,
Когда бы рѣшился выдать тебя.
Когда дорогая гибла отчизна
Въ трудахъ и страданьяхъ, изъ бѣдъ ты извелъ.
По попутному вѣтру счастливо
Ты направилъ земли моей плаванье.
И нынѣ кормчимъ будь.
Іок. Скажи и мнѣ, о царь, молю богами,
Что̀ такъ тебя озлобило теперь?
Эд. Скажу; тебя, жена, я больше чту,
Чѣмъ ихъ. Креонтъ причина озлобленья;
Недоброе вѣдь онъ замыслилъ мнѣ.
Іок. Скажи, сознал ли ясно ты причину?
Эд. Меня убійцей Лая называетъ.
Іок. То знаетъ самъ, иль отъ другихъ онъ слышалъ?
Эд. Онъ подослалъ гадателя злодѣя,
А самъ съсебя отвѣтственность слагаетъ.
Іок. Теперь, оставивъ, что сказать хотѣлъ,

---

[1] Метръ, употребленный въ этомъ хорѣ, есть дохмій. Его правильная форма слѣдующая: –́ ⏑ –́ ⏑ –́. Въ греческомъ она, смотря по содержанію, разнообразится до безконечности. По-русски дохмію наиболѣе соотвѣтствуютъ анапестоямбъ и ямбоанапестъ. — [2] Крайній, собственно передній изъ боговъ, θεὸς πρόμος.

Послушай ты меня, и научись,
Что мудрости пророческой родъ смертныхъ
Причастенъ мало. Силу словъ моихъ
Признаешь самъ. Вотъ выслушай меня:
Когда-то Лаю было предсказанье.
Я не скажу—отъ Феба самого,
Но отъ служителей его то было,
Отъ сына будто бы ему роднаго,
Который отъ меня ему родится,
Судьба опредѣлила умереть.
И вотъ чужіе воры на распутьи,
Гдѣ три дороги разныя сошлись,
Его убили, какъ молва гласитъ.
А сынъ его не росъ у насъ трехъ дней!
Связавъ ребенку ноги, онъ отдалъ
Чужой рукѣ его въ пустынѣ бросить.
Не сдѣлалъ богъ его отцеубійцей,
И Лаю смерть послалъ не черезъ сына,
Чего боялся онъ по предсказанью.
Вотъ что слова пророковъ назначали,
А ты на нихъ не обращай вниманья.
Легко откроетъ самъ, что богъ захочетъ.
Эд. Что отъ тебя, жена, теперь я слышалъ,
Волнуетъ сердце мнѣ и мысль смущаетъ.
Іок. Что такъ могло твою встревожить душу?
Эд. Вѣдь такъ, мнѣ кажется, сказала ты,
Что Лай на мѣстѣ былъ такомъ убитъ,
Гдѣ три дороги разныя сходились?
Іок. Тогда такъ говорили, и потомъ
Молва нисколько здѣсь не измѣнялась.
Эд. Но гдѣ жъ, гдѣ мѣсто это, мнѣ скажи,
Въ какой странѣ несчастье совершилось?
Іок. Страна Фокидою зовется та;
Изъ Дельфъ и Давліи идутъ дороги,
Которыя распутье образуютъ.
Эд. А сколько времени тому прошло?
Іок. Немного прежде въ городъ вѣсть пришла,
Чѣмъ ты земли властителемъ явился.
Эд. О Зевсъ! Что хочешь ты со мною сдѣлать?
Іок. Что такъ встревожило твой духъ, Эдипъ?
Эд. Не спрашивай. Скажи объ Лаѣ мнѣ,
Какихъ онъ лѣтъ, каковъ онъ видомъ былъ?
Іок. Онъ ростомъ былъ великъ; его глава
Сѣдинами лишь стала покрываться;
Лицомъ же онъ и станомъ отъ тебя
Не много отличался.
Эд. О, несчастный!
Какъ вижу, я не зналъ, что самъ себя
Ужасному проклятью предалъ я.
Іок. Что молвилъ ты? Какъ страшно мнѣ, о царь!
Я на тебя боюсь теперь взглянуть.
Эд. Боюсь, чтобы пророкъ тотъ зрячій не былъ...
Сказавъ еще одно, яснѣй покажешь.
Іок. Боюсь и я; но, спросишь что, скажу.
Эд. Пошелъ ли онъ съ немногими, иль многихъ
Сопутниковъ имѣлъ, какъ мужъ властитель?
Іок. Всѣхъ было пять, и въ томъ числѣ глашатай;
Но колесницу Лай имѣлъ одну.
Эд. О горе мнѣ! Теперь все ясно стало;
Кто жъ вамъ все это разсказалъ, жена?
Іок. Слуга, который лишь одинъ и спасся.
Эд. Не въ домѣ ли, не здѣсь ли онъ теперь?
Іок. Давно ужъ нѣтъ. Какъ воротился онъ,
И видѣлъ, что имѣешь власть ужъ ты,
А Лай погибъ; онъ, руку взявъ мою,
Молилъ послать его въ поля къ стадамъ,
Чтобъ быть ему отъ города подальше.
Его послала я. Какъ рабъ, онъ былъ достоинъ
И большую награду получить.
Эд. Когда бъ онъ къ намъ сюда пришелъ скорѣй!
Іок. Не трудно сдѣлать то. Но для чего?
Эд. Боюсь, жена, не слишкомъ ли ужъ много
Мнѣ сказано о томъ, за чѣмъ его
Хочу я видѣть.
Іок. Онъ придетъ сейчасъ.
Но мнѣ прилично тоже, царь, узнать,
Что мучитъ такъ тебя и безпокоитъ
Эд. Когда къ такой надеждѣ я пришелъ,
Тебѣ все надо знать. Въ такой бѣдѣ
Кому жъ скорѣй сказать, какъ не тебѣ?
Отецъ мой былъ Коринѳянинъ Полибъ,
Дорійка мать Меропа, и считался
Изъ граждан тамошнихъ знатнѣйшимъ я
До той поры, когда со мной былъ случай,
Достойный правда удивленья всѣхъ,

Но недостойный ревности моей. [1]
За пиромъ разъ какой-то опьянѣвшій
Сказалъ, что я отцу не сынъ родной.
Хоть разсердился я, но снесъ въ тотъ
день;
Назавтра я отца и мать спросилъ.
Они сердились на того, кто слово
Неосторожно обронилъ. Ихъ рѣчью
Тогда я былъ утѣшенъ, но глубоко
Запало слово и меня смущало.
Тайкомъ отъ матери и отъ отца
Къ пиѳійскому оракулу пошелъ,
Но Фебъ меня отвѣтомъ не почтилъ
На мой вопросъ, но многія страданья,
Несчастья страшныя мнѣ провѣщалъ,
Что ложе съ матерью я раздѣлю,
Что людямъ ненавистное потомство
Увидѣть дамъ, и что убійцей буду
Отца, родившаго меня. И я,
Услышавъ то, бѣжалъ земли Коринѳской,
Туда свой путь по звѣздамъ направляя,
Гдѣ бъ исполненья страшныхъ предска-
заній
Не могъ я видѣть, мнѣ вѣщавшихъ горе.
Такъ на пути зашелъ я въ тѣ мѣста,
Въ которыхъ, говоришь, убитъ былъ Лай;
И я тебѣ, жена, скажу всю правду.
Когда былъ близко я того распутья,
Тутъ встрѣтился глашатай мнѣ и мужъ.
На колесницѣ конной онъ сидѣлъ,
Тоть въ точь такой, какъ ты мнѣ описала,
Съ дороги гналъ меня его возница
И самъ старикъ. Съ сердцовъ ударилъ я
Возницу, что меня съ дороги гналъ;
Старикъ же, видя то, минуту выждалъ,
Когда я мимо проходилъ, и прямо
Бичомъ двойнымъ меня по головѣ
Ударилъ съ колесницы, но не такъ
Самъ заплатилъ; однимъ ударомъ палки
Вотъ этою рукою пораженный,
Скатился навзничь съ колесницы онъ.
Я всѣхъ убилъ. И если незнакомецъ
Тотъ съ Лаемъ какъ нибудь имѣетъ связь,
То есть ли кто несчастнѣе меня,
Богамъ кто бъ больше ненавистенъ былъ?
Согражданинъ меня въ свой домъ не при-
метъ,
Чужой не станетъ говорить со мной,
Но отъ порога гнать меня всѣ будутъ.
Никто другой, а самъ я на себя
Проклятье это наложилъ, я самъ.
Умершаго я ложе осквернилъ
Рукою той, которой онъ убитъ.
Не злой ли я? не вовсе ль я нечистый?
Бѣжать я долженъ и своихъ не видѣть,
Въ родную землю не входить, иль въ
бракъ
Мнѣ съ матерью вступить, убить отца,
Полиба, кѣмъ рожденъ и вскормленъ я.
Не правъ ли будетъ тотъ, кто объяснитъ
Суровымъ гнѣвомъ божества все это?
Нѣтъ, нѣтъ, о, всѣхъ боговъ святая сила,
Не дай ты мнѣ увидѣть этотъ день!
Пусть прежде я отъ глазъ людей со-
крoюсь,
Чѣмъ видѣть на себѣ такой позоръ!
Хор. Намъ это, царь, все кажется пе-
чальнымъ,
Но не теряй еще надежды ты,
Пока услышишь отъ него ты лично.
Эд. Вотъ только и надежды у меня
Дождаться человѣка пастуха.
Іок. Когда жъ придетъ, какая мысль
твоя?
Эд. Скажу тебѣ: когда его слова
Съ твоими сходны будутъ, я спасенъ.
Іок. Но что жъ особеннаго отъ меня
Услышалъ ты?
Эд. Ты говорила мнѣ,
Что онъ донесъ, что Лай убитъ ворами;
Когда онъ и теперь все то же скажетъ
О шайкѣ, значитъ, что убилъ не я.
Нельзя, чтобы одинъ былъ равенъ мно-
гимъ.
Когда жъ онъ скажетъ, что одинъ тутъ
былъ,
То ясно на меня падетъ ужъ дѣло.
Іок. Но знай: свои слова ужъ онъ ска-
залъ,
Ему нельзя назадъ ихъ взять теперь.
Не я одна, но городъ слышалъ то же.
И если онъ хоть въ чемъ-нибудь отступитъ
Отъ прежнихъ словъ, то все жъ онъ, царь,
не скажетъ

---

[1] Случай, который долженъ былъ предостеречь Эдипа, онъ называетъ не заслуживающимъ и той ревности, которая когда-то была имъ вызвана. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ трагедіи, въ которыхъ иронія поэта высказывается съ особенною силою.

О смерти Лая то, что̀ вѣрно бъ было.
Сказалъ вѣдь Локсій,[1] что ему погибнуть
Отъ сына суждено, а сынъ несчастный
Его убить не могъ, когда онъ самъ
Погибъ давно. Теперь меня гаданье
И повернуть глаза ужъ не заставитъ.
Эд. Ты разсудила хорошо. Но все жъ
Пошли кого-нибудь призвать слугу;
Ты не забудь.
Іок. Я поспѣшу послать;
А между тѣмъ войдемъ пока мы въ домъ.
Вѣть ничего я сдѣлать не рѣшусь,
Тебѣ что̀ было бъ неугодно.
(*Всѣ уходятъ*).
Хоръ (*поетъ*).
Когда бы удѣлъ мнѣ достался такой,
Въ дѣлахъ чтобы святость хранить и словахъ,
Какъ высокоходящій законъ положилъ,
Въ небесномъ эѳирѣ рожденный,
Олимпомъ рожденный однимъ!
Не родъ произвелъ его смертныхъ людей,
Его не схоронитъ забвенье;
Богъ вѣчный великъ въ немъ.
Умъ гордый рождаетъ насилье,
Умъ гордый, когда черезъ мѣру онъ полонъ
Тѣхъ мыслей, въ которыхъ нѣтъ пользы.
Все выше подняться онъ хочетъ
И падаетъ въ пропасть крутую,
Гдѣ твердой ногою нельзя уже стать.
Стремленье жъ полезное городу
Чтобъ богъ не прервалъ, я прошу.
* * *
Кто же надменно, словомъ иль дѣломъ,
Презритъ законъ, безъ страха предъ правдой,
Не уважая святость боговъ,
Злая пусть доля схватитъ его
За злосчастную гордость.
Если неправдой ищетъ онъ прибыли,
И нечестиво онъ поступаетъ,
Если святыни нагло касается,
Можетъ ли стрѣлы боговъ отвратить?
Если подобныя чтимы дѣла,
Что̀ мои пляски, къ чему мои хоры?
Нѣтъ, не пойду ужъ къ сердцу земли,[2]
Къ храму Абасскому я не пойду,[3]
Къ Зевсу въ Олимпію я не пойду,
Если все ясно всѣмъ не откроется.
Міра властитель, когда не напрасно,
Зевсъ, ты зовешься владыкою міра
Скрыться ты дѣлу не дай отъ тебя,
Ни отъ безсмертной власти твоей.
Данное богомъ Лаю пророчество
Вотъ ужъ считаютъ пустымъ,
Честью не свѣтелъ прежнею Фебъ,
Гибнетъ къ святынѣ все уваженье.

VII.

Іокаста, *выходя изъ правой двери дворца, съ ѳиміамами и молитвенной вѣтвью въ рукахъ.*
Князья земли,[4] родилась мысль во мнѣ
Идти съ вѣнками и куреньемъ къ храмамъ —
Молить боговъ. Рой цѣлый скорбныхъ мыслей
Эдипа духъ несчастно возмутилъ.
Изъ прежнихъ дѣлъ онъ новыя выводитъ,
Не какъ разумный мужъ, но лишь тому,
Чья рѣчь страшна ему, онъ отдается.
Когда мои безсильны убѣжденья,
Къ тебѣ, Ликійскій Аполлонъ, къ тебѣ,—
Ты ближе всѣхъ, иду съ молитвой я,
Чтобъ ты сомнѣнье намъ рѣшилъ счастливо
Мы въ страхѣ всѣ, за тѣмъ что въ страхѣ видимъ
Его, который правитъ кораблемъ.
Вѣстникъ *Выходитъ на сцену съ лѣвой отъ зрителя стороны, гдѣ лежитъ дорога, ведущая изъ чужбины.*
Нельзя ли мнѣ отъ васъ узнать, друзья,
Гдѣ домъ царя Эдипа, гдѣ онъ самъ?
Хоръ (*за хоръ говоритъ корифей*).
Вотъ домъ, а самъ онъ, чужестранецъ, въ немъ.
А вотъ жена и мать его дѣтей.
Вѣстн. Счастлива будь, съ счастливыми всегда

---

[1] Аполлонъ.—[2] Къ дельфійскому оракулу. Въ подлинникѣ: Нѣтъ не пойду ужъ къ пупу земли. — [3] Въ Абахъ (Ἄβαι), въ Ликіи, былъ знаменитый храмъ Аполлона, въ Олимпіи—храмъ Зевса.—[4] *Князья земли* — старики, которые въ древнихъ греческихъ государствахъ, какъ первые изъ народа, составляли думу царя.

Живи, когда ему супруга ты.
Іок. И ты будь счастливъ, гость; достоинъ счастья
За доброе желанье ты; теперь скажи,
Зачѣмъ пришелъ, что хочешъ возвѣстить?
Вѣстн. И дому, и супругу твоему
Вѣсть добрую принесъ, жена.
Іок. Какую жъ?
И отъ кого пришелъ?
Вѣстн. Я изъ Коринѳа.
А что скажу, тебѣ пріятно будетъ,
А можетъ быть, и огорчитъ тебя.
Іок. Что жъ это, мнѣ скажи, и отъ чего
Двойную силу вѣсть твоя имѣетъ?
Вѣстн. Тамъ говорили, что его царемъ
Земли Исѳмійской [1] жители поставятъ.
Іок. Старикъ Полибъ не царствуетъ ужъ больше?
Вѣстн. Нѣтъ, имъ уже во гробѣ смерть владѣетъ.
Іок. Что ты сказалъ, старикъ? Полибъ ужъ умеръ?
Вѣстн. Пусть я умру, когда сказалъ неправду.
Іок. Что жъ ты, раба, скорѣе господину
Нейдешь сказать? Пророчества боговъ!
Что вы теперь! Боясь его убить,
Эдипъ съ нимъ встрѣчи избѣгалъ. А онъ
Не отъ него, но отъ судьбы погибъ.
Эд. О милая моя жена, Іокаста,
Зачѣмъ меня сюда призвала ты?
Іок. Послушай вотъ его, и ты увидишь,
Почтенныя пророчества боговъ
Къ чему пришли.
Эд. Кто жъ онъ? Что скажетъ мнѣ?
Іок. Онъ изъ Коринѳа и пришелъ съ извѣстьемъ,
Что твой отецъ, Полибъ, не существуетъ.
Эд. Чтò ты сказалъ? Самъ мнѣ еще, скажи.
Вѣстн. Да, знай, что умеръ онъ, когда сперва [2]
Я долженъ ясно это объявить.
Эд. Отъ злаго умысла, иль отъ болѣзни?
Вѣстн. И легкій вѣдь ударъ довольно силенъ,
Чтобъ тѣло ветхое свалить.
Эд. Несчастный,
Онъ умеръ отъ болѣзни, стало быть.
Вѣстн. Прошелъ не малое онъ жизни поле.
Эд. Увы! И кто жъ теперь, жена, посмотритъ
На жертвенникъ пиѳійскій иль на птицъ,
Кричащихъ въ высотѣ? Вотъ я былъ долженъ,
По предвѣщанью ихъ, убить отца.
Его ужъ мертваго земля покрыла,
А я вотъ здѣсь, не тронувши меча.
Такъ развѣ скорбь по мнѣ его убила;
Лишь такъ причиной смерти могъ я быть.
Лежитъ Полибъ въ землѣ и взялъ съ собой
Пророчества ничтожныя, пустыя.
Іок. Теперь не думай больше ты объ этомъ.
Эд. Но ложа матери какъ не бояться?
Іок. Какая польза въ страхѣ человѣку,
Когда судьба сильнѣй всего надъ нимъ,
Когда ума предвѣдѣнье не ясно?
На счастье лучше жить какъ можетъ кто...
И съ матерью не бойся ты союза:
Не разъ такіе браки снились людямъ;
Но тотъ лишь жизнь легко несетъ свою,
Кому видѣнья ничего не значатъ.
Эд. Прекрасно было бъ все, чтò ты сказала,
Когда бъ ужъ не было въ живыхъ родившей;
Теперь, хоть ты прекрасно говоришь,
Нельзя безъ страха быть, когда жива.
Іок. Но смерть отца большой вѣдь свѣтъ тебѣ.
Эд. Большой, согласенъ я; но мать жива:
Отъ страха мнѣ нельзя свободнымъ быть.
Вѣстн. Какая женщина вамъ страхъ внушаетъ?
Эд. Меропа та, съ которой жилъ Полибъ.
Вѣстн. Какой же можетъ быть вамъ страхъ отъ ней?
Эд. Есть страшное пророчество отъ бога.
Вѣстн. Его мнѣ можно ль знать, или нельзя?
Эд. И очень. Локсій [3] мнѣ сказалъ когда-то,
Что мнѣ судьба отца роднаго кровь
Пролить моей рукой, что мать моя
Со мной раздѣлитъ ложе. Изъ Коринѳа

---

[1] Исѳмійская земля или Коринѳская, на Исѳмійскомъ перешейкѣ, соединяющемъ Гелладу съ Пелопоннесомъ. — [2] Древніе боялись начинать свои извѣстія съ непріятнаго. — [3] Аполлонъ Дельфійской.

Далеко я бѣжалъ по сей причинѣ.
То къ счастью было мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Родившихъ очи зрѣть—большая сладость.
Вѣстн. Такъ, этого страшась, ты жилъ въ чужбинѣ?
Эд. Чтобъ мнѣ не быть, старикъ, отцеубійцей.
Вѣстн. Что жъ медлю я отъ страха, царь, тебя
Освободить, когда пришелъ я другомъ?
Эд. Ты благодарность отъ меня получишь.
Вѣстн. Затѣмъ и я пришелъ, чтобъ быть счастливымъ,
Когда домой къ себѣ ты возвратишься.
Эд. Но я къ родителямъ не возвращусь.
Вѣстн. Дитя, я вижу ясно, ты не знаешь,
Что дѣлаешь.
Эд. Какъ такъ, старикъ? скажи.
Вѣстн. Когда домой не хочешь возвратиться
По той причинѣ ты.
Эд. Но я боюсь,
Чтобъ слово Феба истиннымъ не вышло.
Вѣстн. Чтобъ ложа съ матерью не раздѣлить?
Эд. Вотъ это самое, старикъ, всегда
Меня приводитъ въ страхъ.
Вѣстн. Не знаешь ты,
Что страху твоему нѣтъ основанья.
Эд. Какъ нѣтъ, когда отъ нихъ родился я?
Вѣстн. Въ родствѣ съ тобой Полибъ нисколько не былъ.
Эд. Что ты сказалъ? Такъ я не сынъ Полиба?
Вѣстн. Не болѣе, но столько же, какъ мой.
Эд. Но какъ родившій равенъ можетъ быть
Тому, который не родилъ?
Вѣстн. Да такъ!
Такой же онъ тебѣ отецъ, какъ я.
Эд. За чѣмъ же звалъ меня всегда онъ сыномъ!
Вѣстн. Такъ знай, что принялъ онъ тебя въ подарокъ
Изъ рукъ моихъ.
Эд Но могъ ли бъ такъ любить,
Когда бъ изъ рукъ чужихъ меня онъ принялъ?
Вѣстн. Причиною была его бездѣтность.
Эд. А ты купилъ меня, или нашелъ?
Вѣстн. Нашелъ въ лѣсныхъ долинахъ Киѳерона.
Эд. Зачѣмъ пришелъ ты въ тѣ мѣста?
Вѣстн. Надзоръ имѣлъ я тамъ въ горахъ за стадомъ.
Эд. Такъ пастухомъ ты намъ наемнымъ былъ?
Вѣстн. Я твой, дитя, спаситель былъ тогда.
Эд. Въ какомъ же ты меня нашелъ страданьи?
Вѣстн. Суставы ногъ твоихъ могли бъ сказать.
Эд. Зло старое зачѣмъ напоминать?
Вѣстн. Проколоты твои вѣдь были ноги:
Я развязалъ тебя.
Эд. Я страшный знакъ
Пеленокъ этихъ сохранилъ доселѣ.
Вѣстн. И имя ты отъ этого имѣешь,
Которымъ названъ.[1]
Эд. О, молю тебя,
Скажи, отецъ иль мать назвала такъ?
Вѣстн. Не знаю я. Тебя кто отдалъ мнѣ,
Тотъ лучше долженъ знать, чѣмъ я.
Эд. Такъ развѣ ты меня взялъ отъ другаго,
Не самъ нашелъ?
Вѣстн. Другой пастухъ мнѣ далъ.
Эд. Кто жъ онъ? не можешь ли назвать его?
Вѣстн. Рабомъ онъ Лая называлъ себя.
Эд. Царя ли прежняго земли сей самой?
Вѣстн. Да, именно; его онъ былъ пастухъ.
Эд. Но живъ ли онъ еще, чтобъ видѣть мнѣ?
Вѣстн. Вамъ лучше это можно знать, туземцамъ.
Эд. Не знаетъ ли изъ васъ кто пастуха,
О комъ онъ говоритъ, изъ предстоящихъ,
Не видѣлъ ли его въ поляхъ иль здѣсь?
Скажите, время ужъ всему открыться.
Хоръ (*говоритъ корифей*).
Тотъ самый, мнится мнѣ, никто другой,
Котораго искалъ ты видѣть прежде.
Іокаста впрочемъ лучше всѣхъ то знаетъ.
Эд. Скажи, жена, не думаешь ли ты,
Что вѣстникъ намъ о томъ и говоритъ,
За кѣмъ послали мы, чтобъ онъ пришелъ?
Іок. Кто говоритъ? о комъ? Не безпокойся.

---

[1] Эдипъ значитъ человѣкъ съ распухшими, больными ногами.

Забудь, что̀ сказано напрасно было.
Эд. Того не будетъ, чтобы я свой родъ
Найти не могъ по признакамъ такимъ.
Іок. Молю тебя, оставь ты розыскъ этотъ,
Когда своей ты жизнью дорожишь!
Довольно и того, что я страдаю.
Эд. Не бойся ты. Когда тройнымъ рабомъ
Отъ третьей матери я откажусь,
Достоинство твое все будетъ то же.
Іок. Но я прошу, послушайся меня,
Не дѣлай этого.
Эд. Я не могу;
Я долженъ это ясно все узнать.
Іок. Я говорю тебѣ, что лучше будетъ.
Эд. Но лучшее давно меня ужъ мучитъ.
Іок. О, еслибъ ты не могъ узнать, кто ты!
Эд. Пусть приведутъ сюда мнѣ пастуха.
Ее оставьте утѣшать себя
Своимъ богатымъ родомъ.
Іок. О несчастный!
Лишь такъ тебя могу теперь я звать,
Другаго имени тебѣ не будетъ.
(*Уходитъ.*)

Хоръ (*говоритъ корифей*).
Что значитъ, что жена ушла, Эдипъ,
Въ столь страшномъ горѣ? Я боюсь теперь,
Чтобъ изъ ея молчанья бѣдъ не вышло.
Эд. Пусть будутъ бѣды изъ того, но я
Хочу узнать свое происхожденіе,
Какъ ни было бъ оно ничтожно, низко.
Какъ женщина, она высокомѣрна;
Мой низкій родъ ее приводитъ въ стыдъ.
А я себя Судьбы считаю сыномъ:
Пока она со мной, не буду презрѣнъ.
Судьба мнѣ мать, а мѣсяцы родные [1]
Величія черту и униженья
Мнѣ провели. Таковъ родился я,
И никогда не выду я другимъ,
Чтобъ мнѣ не знать свое происхожденье.

Хоръ (*поетъ*).
Когда пророкъ искусный я,
О Киѳеронъ, клянусь Олимпомъ,
Что завтра полная луна
Не озаритъ еще небесъ,
Какъ мы тебя роднымъ найдемъ
Эдипу и отцомъ кормильцемъ;
И пѣсню въ честь твою споемъ:
Моимъ царямъ несешь ты радость.
Цѣлитель Фебъ! Надежда наша
Да будетъ и тебѣ угодна!
Дитя мое! кто твой отецъ?
Изъ вѣчныхъ кто далъ жизнь тебѣ?
Сошлась ли съ Паномъ горнымъ Нимфа,
Иль съ Локсіемъ сошлася гдѣ?
Елу всѣ горъ вершины—милы.
Киллены ль царь [2] иль Вакхъ то былъ,
На высяхъ горъ живущій богъ?
Отъ Нимфы ль онъ тебя родилъ,
Изъ Геликонскихъ Нимфъ одной,
Съ которыми играетъ часто?

VIII.

Эд. Мнѣ кажется, я вижу пастуха,
Котораго давно мы ищемъ, старцы,
Когда возможно, не видавши прежде,
Догадываться мнѣ. Онъ къ вѣстнику
Такъ старостью глубокою подходитъ,
А въ тѣхъ, которые ведутъ его,
Я узнаю служителей своихъ.
Но ты узнать однако жъ можешь лучше,
Когда видалъ ты прежде пастуха.

Хоръ (*говоритъ корифей*).
Узналъ. Рабомъ онъ вѣрнымъ Лаю былъ,
Какъ можетъ рабъ пастухъ быть вѣрнымъ.

(*Пастухъ показывается съ правой отъ зрителей стороны*).
Эд. Тебя, коринѳскій гость, спрошу всѣхъ прежде,
Объ немъ ли ты намъ говорилъ?
Вѣстн. Объ немъ.
Эд. (*къ пастуху*).
Такъ ты, старикъ, въ лицо смотри мнѣ прямо.
И отвѣчай на то, о чемъ спрошу.
Ты Лаевъ былъ?
Пас. Его я былъ рабомъ;
Родился въ домѣ я, не купленъ былъ.
Эд. Что дѣлалъ ты? Какая жизнь была?
Паст. Ходилъ за стадомъ я по большей части.
Эд. Въ какихъ мѣстахъ ты больше обращался?
Паст. У Киѳирона и въ мѣстахъ окружныхъ.
Эд. (*указывая на вѣстника*).
Ты не знакомъ ли съ этимъ какъ нибудь?

---

[1] Эдипъ называетъ тѣ мѣсяцы родными себѣ, которые онъ прожилъ. — [2] Киллена, гора въ Аркадіи, на которой Майя родила Зевсу Гермія, который называется здѣсь царемъ Киллены.

Паст. О комъ ты говоришь? И что за дѣло?
Эд. Объ этомъ вотъ, что здѣсь. Встрѣчалъ его?
Паст. Я въ скорости припомнить не могу.
Вѣстн. Тутъ чуда нѣтъ, о царь, что онъ забылъ,
Но я сейчасъ ему напомню ясно.
Навѣрно знаю я, что помнитъ онъ,
Какъ мы у Киѳерона, я съ однимъ,
Съ двумя стадами онъ, три цѣлыхъ лѣта
Тамъ отъ весны и до арктура[1] вплоть
Сходились вмѣстѣ мы. Къ зимѣ я гналъ
Свои стада домой, а онъ свои
На скотный Лаевъ дворъ. Вѣдь было такъ,
Какъ говорю, иль нѣтъ?
Паст. Все правда это,
Хоть много времени прошло съ тѣхъ поръ.
Вѣстн. Скажи теперь, ты помнишь ли, что тамъ
Ты далъ дитя на воспитанье мнѣ?
Паст. Что тамъ? Къ чему объ этомъ говорить?
Вѣстн. (*указывая на Эдипа*).
Вотъ тотъ, который былъ еще тогда ребенкомъ.
Паст. Чтобъ ты пропалъ! Не будешь ты молчать?
Эд. Нѣтъ, не брани, старикъ, его; не онъ,
Твои слова достойны больше брани.
Паст. Чѣмъ я грѣшу, о лучшій изъ царей?
Эд. О мальчикѣ не говоришь ни слова,
Что спрашиваетъ онъ.
Паст. Не знаетъ онъ,
Что говоритъ, хлопочетъ понапрасну.
Эд. Когда изъ ласки ты сказать не хочешь,
Такъ съ плачемъ скажешь.
Паст. Нѣтъ, прошу тебя,
Ты зла не дѣлай старику, оставь.
Эд. Но что жъ ему назадъ не вяжутъ руки?
Паст. Несчастный я! За что? Что хочешь знать?
Эд. Ты далъ ему дитя, какъ онъ сказалъ?
Паст. Да, далъ. О еслибъ умеръ я въ тотъ день!
Эд. Но къ этому прійдешь когда неправду
Ты будешь говорить.
Паст. Еще скорѣй
Погибну я, когда скажу всю правду.
Эд. Какъ кажется, онъ ищетъ проволочки.
Паст. О нѣтъ! Вѣдь я сказалъ давно, что далъ.
Эд. Откуда взялъ? Твое или чужое?
Паст. Нѣтъ, не мое; я отъ другаго взялъ.
Эд. Изъ гражданъ отъ кого, и въ чьемъ же домѣ?
Паст. Молю тебя, не спрашивай, царь, больше.
Эд. Бѣда тебѣ, когда еще спрошу.
Паст. Изъ дома Лаева онъ былъ.
Эд. Но рабъ,
Иль Лаевой семьѣ онъ былъ родной?
Паст. О горе мнѣ! Я долженъ то сказать,
Что мнѣ всего страшнѣй.
Эд. Мнѣ слышать страшно,
Но все жъ я долженъ слышать.
Паст. Мальчикъ тотъ
Считался сыномъ Лая. Правда ль это,
Твоя жена могла бъ сказать всѣхъ лучше.
Эд. Она дала тебѣ дитя?
Паст. Она.
Эд. Зачѣмъ.
Паст. Убить.
Эд. О, мать несчастная!
Паст. Отъ страха бѣдъ, предсказанныхъ богами.
Эд. Какихъ же бѣдъ?
Паст. Отъ бога былъ оракулъ,
Что онъ убьетъ родителей своихъ.
Эд. За чѣмъ же отдалъ ты ему ребенка,
Паст. Я пожалѣлъ, о царь, и далъ я съ тѣмъ,
Чтобъ онъ унесъ его въ чужую землю,
Откуда самъ онъ былъ. Онъ спасъ ребенка
Для страшныхъ бѣдъ. И если ты тотъ самый,
Какъ онъ сказалъ: несчастнымъ ты родился!
Эд. Увы, увы! выходитъ все наружу!
О свѣтъ, въ послѣдній разъ тебя я вижу!
Вотъ оказалося, что я родился
Отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ
Не должно бъ было; съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить

[1] До арктура, т. е. до восхожденія арктура осенью. Арктуръ звѣзда въ созвѣздіи Боата.

Не могъ, и тѣхъ убилъ, кого бъ не смѣлъ.

(*Уходитъ съ воплемъ, Вѣстникъ и пастухъ также уходятъ.*)

Хоръ.

Увы! Смертныхъ родъ людей!
Какъ вашу я жизнь не высоко цѣню!
И кто тотъ человѣкъ, и гдѣ онъ,
Кто бы болѣе счастливымъ былъ,
Чѣмъ на столько, чтобъ счастьемъ блеснуть
И, блеснувши, упасть съ высоты?
Твой тогда предъ глазами примѣръ,
Твою видя судьбу, о злосчастный Эдипъ,
Никого изъ людей не сочту я счастливымъ.

О Зевсъ! Въ цѣль удачно попалъ
И достигъ онъ блаженства вполнѣ,
Когда пѣвчую дѣву сгубилъ,
Что съ кривыми когтями была,
И стѣной намъ отъ смерти онъ сталъ.
Съ той поры, царь великихъ Ѳивъ,
Ты всѣхъ большую почесть имѣлъ.

* * *

А послушать теперъ, кто несчастнѣй?
Кто въ трудахъ, кто въ бѣдахъ столь ужасныхъ?
И ему также жизнь измѣнила.
Увы! о славный нашъ Эдипъ!
Одни тебя, одни
Объятья обширныя
Держали сына и супруга!
Какъ это, какъ отцовское ложе, несчастный, тебя,
Не сказавшись, терпѣло такъ долго?

И безъ воли твоей тебя время открыло,
Отъ котораго скрыться не можетъ ничто,
И тотъ бракъ не признаетъ ужъ Правда,
По которому вышелъ рожденный родившимъ.
Увы! несчастный Лаевъ сынъ!
О лучше бъ, лучше бы
Совсѣмъ мнѣ не знать тебя!
Теперь же громкій плачъ и вопль
Съ устъ все бѣжитъ. Но правду сказать, чрезъ тебя я вздохнулъ;
Чрезъ тебя мои очи сомкнулися сномъ.

IX.

Слуга (*выходитъ изъ боковой двери дворца Эдипова*).

О вы, которыхъ въ сей землѣ всегда
Всѣхъ больше чтутъ, ужасныя дѣла
Вамъ предстоитъ услышать и увидѣть.
Какая скорбь васъ ждетъ, когда сердечно
Вы преданы еще Лабдака дому!
Тѣхъ золъ, которыя скрываетъ онъ,
Не смоетъ, думаю, ни Истръ, ни Фасисъ [1];
И скоро выйдетъ все наружу зло,
Которое свободно, но невольно;
А бѣдствія приносятъ больше горя,
Когда причиной ихъ бываемъ сами.

Хоръ (*говоритъ корифей*).

Довольно слезъ и въ томъ, что знали прежде;
Ты что̀ еще намъ новаго принесъ?

Сл. Сказать и выслушать скорѣй что можно,
Скажу: погибла голова Іокасты.

Хоръ.

Несчастная! Но отъ какой причины?

Сл. Своей рукой себя она убила.
Избавленъ ты отъ скорби самой страшной,
Не бывъ свидѣтелемъ того, что̀ было.
Но, сколько памяти во мнѣ достанетъ,
Услышишь ты страданія несчастной.
Съ отчаяньемъ прошла она лишь сѣни,
Къ постели брачной прямо подошла,
Терзая волосы себѣ руками.
Вошла и, двери за собою заперши,
Звала давно умершаго ужъ Лая,
Рожденье прежнее воспоминала,
Отъ коего онъ самъ погибъ, а мать
Оставилъ сыну...
И плакала она
Надъ ложемъ тѣмъ...
За тѣмъ не знаю, какъ она погибла.
Эдипъ вбѣжалъ тутъ съ крикомъ, и за нимъ
Нельзя ужъ было видѣть смерть ея;
Смотрѣли мы теперь, какъ онъ метался.
Вбѣжалъ и требовалъ отъ насъ копья,
И гдѣ найдти жену, что не жена,
Никто изъ насъ, которые тутъ были,
Не молвилъ слова; видно духъ какой
Въ неистовствѣ его ему открылъ.

---

[1] Истръ—Дунай, и Фасисъ - въ Колхидѣ—нынѣ Ріонъ, раздѣляющій Мингрелію и Имеретію.

Какъ будто кто его увлекъ, онъ вскрикнулъ,
Къ двойнымъ дверямъ онъ подскочилъ, сорвалъ
Запоръ и быстро въ горницу вбѣжалъ.
Тутъ видимъ мы висящую жену;
Опутала себя снуркомъ плетенымъ.
Ее увидѣвъ такъ, ужасный крикъ
Несчастный испустилъ и развязалъ
Снурокъ висящій; и когда она
Ужъ на полу лежала, страшно было
Намъ видѣть то, что было съ нимъ потомъ.
Сорвалъ онъ съ платья пряжки золотыя,
Которыми украшена была,
Схватилъ и билъ глаза свои онъ ими,
Такъ говоря: за то, чтобъ не видали,
Ни что терпѣлъ, ни что онъ сдѣлалъ зла,
Чтобы впередъ во мракѣ тѣхъ смотрѣли,
Кого не должно было видѣть имъ,
Не узнавали бъ тѣхъ, кого желали бъ.
Такъ причитая много разъ, не разъ
Глаза онъ билъ свои, поднявши вѣки.
Кровавые зрачки мочили щеки,
И кровь не каплями, ручьемъ лилась.
Причиной бѣдствій были оба вмѣстѣ,
На мужа и жену страданье пало.
И счастье прежнее,—то было счастье;
Теперь проклятье, стонъ, и смерть, и стыдъ,
И всѣ, какія есть названья золъ.

Хоръ.

Теперь въ какой порѣ несчастный зла?
Сл. Кричитъ, чтобъ двери дома отворили,
Чтобъ кто-нибудь потомкамъ Кадма всѣмъ
Отцеубійцу показалъ, который...
Онъ слово нечестивое сказалъ,
Которое не смѣю повторить.
Себя онъ гонитъ изъ земли, и въ домѣ,
Проклявши самъ себя, не остается.
Вожакъ ему теперь и помощь нужны;
Не можетъ онъ одинъ нести страданье.
Но скоро самъ увидишь ты его.
Вотъ отпираются дверей запоры,
И зрѣлище такое ты увидишь,
Что врагъ почувствовалъ бы состраданье.

Хоръ (*поетъ*).

Страшныя муки взору людскому,
Всѣхъ что страшнѣе видѣнныхъ мною!
Что за безумье тобой овладѣло,
Бѣдный страдалецъ? Злобный какой духъ
Новыя бѣды въ долѣ злосчастной
Придалъ твоей. Увы, несчастливецъ!
Много спросить бы, многое слышать,
Многое видѣть мнѣ бы хотѣлось;
Но на тебя взглянуть я не смѣю:
Ты мнѣ внушаешь трепетъ и ужасъ.

Эдипъ (*поетъ*)

Увы, увы! Несчастный я!
Въ какой землѣ я нахожусь?
Куда стремится голосъ мой?
Судьба, судьба, къ чему вела!

Хоръ (*говоритъ корифей*).

Къ ужасному несчастью привела.
И видѣть то, и слышать страшно будетъ.

Эдипъ (*поетъ.*)

О, страшный мракъ,
Ужасный мой мракъ, несказанный мракъ!
Неизбѣжный мракъ, безконечный мракъ!
О горе мнѣ! вторично горе мнѣ!
Какъ жало боли той вошло въ меня
И вмѣстѣ съ нимъ ужасныхъ память золъ!

Хоръ (*говоритъ корифей.*)

Тутъ чуда нѣтъ, когда въ такихъ несчастьяхъ
Вдвойнѣ страдаешь ты, вдвойнѣ несешь.

Эдипъ (*поетъ.*)

О другъ! Увы!
Одинъ вѣрный другъ мнѣ остался ты,
Слѣпаго меня ты не бросилъ, другъ.
Увы, увы! Ты отъ меня не скрылся:
Хоть въ мракѣ я, но голосъ твой
Все жъ ясно узнаю.

Хоръ (*говоритъ корифей*). Что сдѣлалъ ты!
Какъ могъ свои ты очи погасить?
Какое божество тебя подвигло!

Эд. (*поетъ*). Аполлонъ то былъ! Аполлонъ, друзья,
Страданій моихъ строитель и бѣдъ.
Глаза жъ мои, я самъ несчастный билъ...
И что было смотрѣть,
Когда ничто не сладко было видѣть?

Хоръ (*говоритъ корифей*). Такъ точно, было такъ, какъ ты сказалъ.

Эд. (*поетъ*). Что мнѣ видѣть еще, что любить, друзья?
Съ кѣмъ говорить, кого слушать мнѣ?
Скорѣе меня, изъ сихъ мѣстъ скорѣй
Гоните, друзья, великое зло,
Проклятаго прочь гоните, друзья,
Всѣхъ людей богамъ ненавистнѣй онъ.

Хоръ (*говоритъ корифей*). Равно несчастенъ ты своей судьбой
И жалокъ тѣмъ, что есть въ тебѣ сознанье!

О, какъ бы я желалъ не знать тебя!
Эд. (*поетъ*). Проклятье тому, кто изъ
страшныхъ путъ
Развязалъ меня и отъ смерти спасъ.
Отъ смерти спасъ меня, но не къ добру...
Еслибъ умеръ я тамъ,
Не пали бъ на меня такія бѣды,
Друзья мои не знали бъ страшной скорби.
Хоръ (*говоритъ корифей*). И я бъ былъ
радъ, когда бы такъ случилось.
Эд. (*поетъ*). И убійцей отца не пришелъ
бы я,
И женихомъ не звали бъ меня
Родной матери; а нынѣ вотъ я
Безбожный и самъ, и преступныхъ сынъ;
Я дѣтей имѣлъ, ахъ, отъ матери.
Что есть въ мірѣ зла, все Эдипъ ужъ
взялъ.
Хоръ (*говоритъ корифей*). Какъ мнѣ ска-
зать о томъ, что̀ сдѣлалъ ты?
Ужъ лучше бы не жить, чѣмъ жить
слѣпымъ.
Эд. (*говоритъ*) Не говорите мнѣ, совѣтъ
не въ пору,
Что я не доброе съ собою сдѣлалъ.
Сошедши въ адъ, какими бы глазами
Увидѣлъ я отца и мать свою,
Которымъ сдѣлалъ я дѣла такія,
Что петлею загладить ихъ нельзя?
И видъ дѣтей мнѣ могъ ли быть же-
ланнымъ,
Дѣтей родившихся, какъ родились?
Моимъ глазамъ, конечно, никогда
Ни башни города не видѣть мнѣ,
Не видѣть и боговъ святыхъ кумировъ!
Я самъ несчастный, самъ лишилъ себя
Всего, одинъ изъ всѣхъ вскормленныхъ
въ Ѳивахъ,
Я самъ себя всѣмъ отгонять велѣлъ,
Безбожнаго, котораго явили
Убійцею и сыномъ Лая боги.
Какъ могъ бы прямо вамъ въ глаза
смотрѣть,
Пятно такое на себѣ открывши?
Нѣтъ, нѣтъ! Когда бъ я могъ найти
плотину,
Чтобъ уши мнѣ отъ звука оградить,
Презрѣнное не усумнился бъ я
Все тѣло запереть, чтобъ быть слѣпымъ
И ничего не слышать мнѣ. Пріятно
Отъ ощущенья золъ себя избавить....
О, Киѳеронъ! Зачѣмъ меня принялъ?
Зачѣмъ не погубилъ меня тотчасъ,
Чтобы людямъ родъ свой я не могъ
открыть?
Полибъ, Коринѳъ и ты, о древній домъ,
Который я считалъ отцовскимъ домомъ,
Какой красивый плодъ во мнѣ вскормили,
Который страшный ядъ въ себѣ скры-
валъ!
О, три дороги тѣ и долъ сокрытый,
И лѣсъ, и трехъ дорогъ проходъ стѣ-
сненный!
Вы кровь, пролитую рукой моей,
Отца кровь пили моего когда-то.
Вы помните ль, что̀ сдѣлалъ я у васъ,
И что̀ потомъ, сюда пришедши, сдѣлалъ?
О, бракъ, меня родившій и потомъ
Принявшій то же сѣмя и смѣшавшій
Отцовъ, дѣтей и братьевъ, кровь одну,
Невѣстъ, и женъ, и матерей, и все,
Что есть позорнаго между людей!...
И говорить объ томъ ужъ неприлично,
Что̀ дѣлать непристойно и позорно.
Скорѣй меня, скорѣй сокройте гдѣ
нибудь,
Молю богами васъ, или убейте,
Иль въ море бросьте, чтобъ не видѣть
больше.
Идите же, не погнушайтесь вы
Несчастнаго коснуться человѣка;
Послушайтесь, не бойтесь, зло мое
Изъ смертныхъ не раздѣлитъ ни одинъ.
Хоръ (*говоритъ корифей*). Чтобъ обдумать
и устроить то,
О чемъ ты просишь, вотъ Креонтъ здѣсь
кстати:
Вѣдь онъ одинъ земли остался стра-
жемъ.

X.

Эд. О горе мнѣ! Что̀ мнѣ сказать ему?
Надѣяться имѣю ль право я,
Когда съ нимъ прежде я былъ такъ не
правъ?
Кр. Не съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться я
пришелъ,
И не бранить за то, что̀ прежде было.
Но если вамъ передъ людьми не стыдно,
Почтите вы хоть царственное солнце,
Которое все грѣетъ и питаетъ,
И на показъ не выставляйте всѣмъ
Такую страсть, какую ни земля,
Ни свѣтъ не стерпитъ, ни святая влага.
Но поскорѣй его введите въ домъ:
Несчастья близкихъ намъ смотрѣть и
слушать

Всего приличнѣе однимъ роднымъ.
Эд. Когда мой страхъ ты обманулъ,
Креонтъ,
Участьемъ благороднымъ въ человѣкѣ
Негоднѣйшемъ изъ всѣхъ, молю тебя,
Послушайся меня: то, что скажу,
Я для тебя скажу, не для себя.
Кр. Что хочешь ты? О чемъ меня ты
просишь?
Эд. Изъ сей земли меня скорѣе выкинь,
Гдѣ общества людей бѣжать я долженъ.
Кр. Скажу тебѣ, давно бъ я сдѣлалъ
это,
Когда бы не хотѣлъ узнать отъ бога,
Что дѣлать мнѣ велитъ своимъ онъ сло-
вомъ.
Эд. Но вѣдь его давно извѣстно слово:
Погибнуть мнѣ, отцеубійцѣ, должно.
Кр. Такъ онъ сказалъ; но въ нашемъ
положеньи,
Что дѣлать намъ, спросить все жъ лучше
будетъ.
Эд. Ты будешь спрашивать о *мнѣ* не-
счастномъ?
Кр. Но ты теперь даешь намъ вѣру въ
бога.
Эд. А я прошу тебя и заклинаю,
Какъ хочешь, той, которая тамъ въ
домѣ,
Устрой ты погребенье (для своихъ
Тебѣ прилично вѣдь устроить все);
Меня жъ пусть городъ мой родной до-
стойнымъ
Не признаетъ, чтобъ жилъ я въ немъ
живой,
Но жить меня пусти въ горахъ, туда,
Гдѣ Киѳеронъ, тотъ самый Киѳеронъ,
Который мать съ отцомъ живому мнѣ
Могилой собственной опредѣлили,
Чтобъ умеръ я согласно съ волей тѣхъ,
Которые меня хотѣли погубить.
И знаю я, что отъ болѣзни не умру,
Ни отъ другой естественной причины.
Когда бъ для страшныхъ бѣдъ не назна-
чался,
То не былъ бы спасенъ я умиравшій.
Но пусть мой рокъ идетъ, куда идетъ:
Хочу тебѣ сказать, Креонтъ, о дѣтяхъ.
О сыновьяхъ не прилагай заботы;
Они мужчины и лишеній въ жизни
Не будутъ знать, гдѣ бъ ни были они.
О дочеряхъ моихъ несчастныхъ, жалкихъ,
Ты позаботься мнѣ; имъ никогда
Не ставили обѣда безъ меня,
Но что ѣлъ самъ, все то дѣлилъ я съ
ними....
Позволь ты мнѣ коснуться ихъ руками,
Поплакать вмѣстѣ съ ними о несчастьяхъ,
Иди, о царь,
Иди, потомокъ благородной крови,
Когда коснусь руками дочерей,
Казаться будетъ мнѣ, что ихъ держу,
Какъ прежде было то, когда я видѣлъ.
(*Антигона и Исмена входятъ*).
Что говорю?
Не слышу ль я, богами васъ молю,
Слезами плачущихъ моихъ любезныхъ?
Не ты ль изъ жалости прислалъ, Креонтъ;
Тѣхъ, что милѣе мнѣ изъ всѣхъ дѣтей?
Не правда ли?
Кр. Да, правда. Я тебѣ устроилъ это,
Я зналъ ужъ напередъ, какъ радъ ты
будешь.
Эд. Будь счастливъ и за этотъ шагъ
одинъ;
Пусть богъ хранитъ тебя, не какъ меня!
О, дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда, ко мнѣ,
Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
Родившаго отца взоръ прежде свѣтлый
Вотъ какъ онѣ вамъ нынѣ дали видѣть!
Отца, который васъ родилъ, не зная,
Отъ той, которою былъ самъ рожденъ!
Не вижу васъ, но плачу я объ васъ,
Когда подумаю, какъ вамъ придется
Прожить съ людьми остатокъ горькой
жизни.
Въ какое общество пойдете гражданъ?
На праздники какіе вы пойдете,
Чтобъ съ праздникомъ, не съ плачемъ въ
домъ вернуться?
Когда жъ достигнете вы лѣтъ замужства,
Найдется ль, дѣти, человѣкъ такой,
Который бы сталъ выше предразсудка
И принялъ бы сей пагубный позоръ,
Приросшій къ тѣмъ, которые меня,
И къ тѣмъ, которые родили васъ.
Какого зла не достаетъ еще?
Отца убилъ отецъ вашъ и потомъ
Онъ съ матерью своей прижилъ дѣтей.
Упреки въ томъ придется слушать вамъ.
И кто жъ возьметъ васъ за себя? Никто.
Безъ брака, безъ дѣтей умрете вы.
О, Менекея сынъ! Когда мы оба,
Которые родили ихъ, погибли,
И ты одинъ отецъ имъ остаешься:
Не брось ты ихъ—онѣ тебѣ родныя—

Безъ мужа, въ бѣдности чтобъ не скитались,
И не сравняй съ моей и ихъ судьбу,
Но пожалѣй, въ такихъ ихъ видя лѣтахъ,
Всего лишенныхъ, лишь въ тебѣ одномъ
Имѣющихъ надежду всю. О, дѣти!
Когда бъ имѣли вы и смыслъ и разумъ,
Я много бъ вамъ сказалъ. Теперь одно
Мнѣ остается пожелать, чтобъ вамъ
Досталась лучше жизнь, чѣмъ жизнь отца.
Кр. Довольно слезъ. Иди теперь въ свой домъ.
Эд. Я повинуюсь, хоть не сладко мнѣ.
Кр. Все въ пору хорошо.
Эд. Но знай же ты,
Съ чѣмъ я пойду.
Кр. Скажи, и буду знать.
Эд. Съ тѣмъ, чтобъ меня ты выслалъ изъ земли.
Кр. Ты требуешь того, что̀ въ волѣ бога.
Эд. Вѣдь ненавистенъ я богамъ, то видно.
Кр. Такъ тѣмъ скорѣй исполниться желанье.
Эд. Ты думаешь?
Кр. Чего не думаю,
Я не люблю напрасно говорить.
Эд. Такъ уведи меня теперь отсюда.
Кр. Иди, но отпусти дѣтей.
Эд. Молю,
Не отнимай ихъ у меня.
Кр. Нельзя.
Всего не требуй ты. И то, чѣмъ ты
Уже владѣлъ, не вѣкъ съ тобой осталось.
(*Всѣ уходятъ.*)
Хоръ (*постъ, обращаясь къ зрителямъ и удаляясь изъ орхестры.*)
О сограждане Ѳивяне, вы смотрите, какъ Эдипъ
Унесенъ потокомъ бурнымъ страшной, бѣдственной волны!
А умѣлъ рѣшать загадки, былъ онъ высшій изъ людей,
И на счастье гражданъ нашихъ онъ безъ ревности смотрѣлъ.
Потому когда помыслишь ты о томъ послѣднемъ днѣ.
То не прежде звать счастливымъ смертнаго рѣшишься ты,
Какъ пройдетъ границу жизни, не извѣдавъ скорбныхъ бѣдъ.
(*Занавѣсъ поднимается*).

Пер С. Шестаковъ.

Скупой рыцарь.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(ВЪ БАШНѢ).

Альберъ и Иванъ.

Альберъ.

Во что̀ бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.
(*Иванъ подаетъ ему шлемъ*).
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый графъ Делоржъ!

Иванъ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ—и врядъ ли
Оправился.

Альберъ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ!
Его нагрудникъ цѣлъ венеціанскій—
А грудь своя гроша ему не стоитъ,
Другой себѣ не станетъ покупать.

Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!
А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ...
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
А нынче чтó скажу? О, бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
А я съ открытой головой пришпорилъ
Эмира моего, помчался вихремъ
И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
Какъ маленькаго пажа; какъ всѣ дамы
Привстали съ мѣстъ; когда сама Клотильда,
Закрывъ лицо, невольно закричала,
И славили герольды мой ударъ:
Тогда никто не думалъ о причинѣ
И храбрости моей и силы дивной!
Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
Геройству чтò виною было?—Скупость.
Да! заразиться здѣсь не трудно ею
Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
Что бѣдный мой Эмиръ?

Иванъ.

Онъ все хромаетъ
Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

Альберъ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдаго.
Недорого и просятъ за него.

Иванъ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

Альберъ.

Что жъ говоритъ бездѣльникъ Соломонъ?

Иванъ.

Онъ говоритъ, что болѣе не можетъ
Въ займы давать намъ денегъ безъ заклада.

Альберъ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ?

Иванъ.

Я сказывалъ.

Альберъ.

Что жъ онъ?

Иванъ.

Кряхтитъ да жмется.

Альберъ.

Да ты бъ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наслѣдую.

Иванъ.

Я говорилъ.

Альберъ.

Что жъ?

Иванъ.

Жмется да кряхтитъ.

Альберъ.

Какое горе!

Иванъ.

Онъ самъ хотѣлъ прійти.

Альберъ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его. (*Стучатъ въ дверь*).
Кто тамъ? (*Входитъ жидъ*).

Жидъ.

Слуга вашъ низкій.

Альберъ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ.

Жидъ.

Ахъ, милостивый рыцарь,

Клянусь вамъ, радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогая.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

Альберъ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

Жидъ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

Альберъ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

Жидъ.

Клянусь вамъ...

Альберъ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ?—свиную кожу?
Когда бъ я могъ что́ заложить, давно
Ужъ продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

Жидъ.

Ваше слово,

Пока вы живы, много, много значитъ:
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей,
Какъ талисманъ, оно вамъ отопретъ;
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному Еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

Альберъ.

Уже ль отецъ меня переживетъ?

Жидъ.

Какъ знать? дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ десять, двадцать,
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

Альберъ.

Ты врешь, Еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

Жидъ.

Деньги?—Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ, какъ зѣницу ока.

Альберъ.

О! Мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служитъ,
И какъ же служитъ? какъ алжирскій рабъ,
Какъ песъ цѣпной! Въ нетопленной канурѣ
Живетъ, пьетъ воду, ѣстъ сухія корки,
Всю ночь не спитъ, все бѣгаетъ да лаетъ,—
А золото спокойно въ сундукахъ
Лежитъ себѣ. Молчи! когда нибудь
Оно послужитъ мнѣ, лежать забудетъ.

Жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
Прольется больше денегъ, нежель слезъ.
Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

Альберъ.

Amen!

Жидъ.

А можно бъ...

Альберъ.

Что?

Жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство
Такое есть...

Альберъ.

Какое средство?

Жидъ.

Такъ—

Есть у меня знакомый старичокъ,
Еврей, аптекарь бѣдный...

Альберъ.

Ростовщикъ

Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

Жидъ.

Нѣтъ, рыцарь, Товій торгъ ведетъ иной:
Онъ составляетъ капли... прово, чудно,
Какъ дѣйствуютъ онѣ.

Альберъ.

А что мнѣ въ нихъ?

Жидъ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ;
Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно:
А человѣкъ безъ рѣзи въ животѣ,
Безъ тошноты, безъ боли умираетъ.

Альберъ.

Твой старичокъ торгуетъ ядомъ?

Жидъ.

Да—

И ядомъ.

Альберъ.

Что жъ? Въ займы на мѣсто денегъ
Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду—
За стклянку по червонцу. Такъ, что ли?

Жидъ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ,
Что ужъ барону время умереть.

Альберъ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну....
Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!...
Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
На воротахъ повѣшу!

Жидъ.

Виноватъ!

Простите: я шутилъ.

Альберъ.

Иванъ, веревку!

Жидъ.

Я .. я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

Альберъ.

Вонъ, песъ! (*Жидъ уходитъ*).

Вотъ до чего меня доводитъ
Отца роднаго скупость! Жидъ мнѣ смѣлъ
Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
Я весь дрожу... Иванъ, однако жъ деньги
Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ
Возьми его червонцы. Да сюда
Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту

Расписку дамъ. Да не вводи сюда
Іуду этого... Иль нѣтъ, постой:
Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
Какъ сребреники пращура его...
Я спрашивалъ вина.

Иванъ.

У насъ вина
Ни капли нѣтъ.

Альберъ.

А то, что мнѣ прислалъ
Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

Иванъ.

Вечеръ я снесъ послѣднюю бутылку
Больному кузнецу.

Альберъ.

Да, помню, знаю...
Такъ дай воды. Проклятое житье!
Нѣтъ, рѣшено—пойду искать управы
У Герцога: пускай отца заставятъ
Меня держать какъ сына, не какъ мышь,
Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(подвалъ).

Баронъ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще неполный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Не много кажется, но по немногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу,
И гордый холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, чтó мнѣ подвластно.
Чтó не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;

И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,
И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну,—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи воли.
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (*Смотритъ на свое золото*).
Кажется, не много,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ. Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ воя.
Шелъ дождь, и пересталъ, и вновь пошелъ,
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему лѣнивцу, плуту?
Укралъ конечно или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! Если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выпустили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.
(*Хочетъ отперетъ сундукъ*).
Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отперетъ, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (*Отпираетъ сундукъ*).
Вотъ мое блаженство!
(*Высыпаетъ деньги*).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!..

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(*Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ*).

Я царствую!... Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!... Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ! сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ.
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды;
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ,
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми, да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый, эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ, посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что̀ кровью пріобрѣлъ.
О, еслибъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... О, еслибъ изъ могилы
Прійти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(во дворцѣ).

Альберъ, Герцогъ.

Альберъ.

Повѣрьте, Государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услыхали.

Герцогъ.

Я вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинитъ
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало...
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщу наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. (*Смотритъ въ окно*).
Это кто?
Не онъ ли?

Альберъ

Такъ—онъ, Государь.

Герцогъ.

Подите жъ
Въ ту комнату. Я кликну васъ.
(*Альберъ уходитъ; входитъ баронъ*).
Баронъ!
Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

Баронъ.

Я счастливъ, Государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

Герцогъ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

Баронъ.

Я, Государь?
Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были
Ребенокъ рѣзвый.—Мнѣ покойный Герцогъ
Говаривалъ; Филиппъ (онъ звалъ меня
Всегда Филиппомъ), что ты скажешь, а?
Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я,
Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ...
Предъ вами то есть...

Герцогъ.

Мы теперь знакомство
Возобновимъ. Вы Дворъ забыли мой.

Баронъ.

Старъ, Государь, я нынче: при Дворѣ
Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любы
Турниры, праздники. А я на нихъ

Ужъ не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я
Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня;
Еще достанетъ силы старый мечъ
За васъ рукой дрожащей обнажить.

Герцогъ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно:
Вы дѣду были другомъ; мой отецъ
Васъ уважалъ. И я всегда считалъ
Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ.
У васъ, баронъ, есть дѣти?

Баронъ.

Сынъ одинъ.

Герцогъ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу?
Вамъ Дворъ наскучилъ, но ему прилично
Въ его лѣтахъ и званьи быть при насъ.

Баронъ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни:
Онъ дикаго и сумрачнаго нрава—
Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродитъ,
Какъ молодой олень.

Герцогъ.

Не хорошо
Ему дичиться. Мы тотчасъ пріучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь—устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

Баронъ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, Государь, къ несчастью, недостоинъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводитъ въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ...

Герцогъ.

Это потому,
Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И праздность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его; позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

Баронъ.

Простите мнѣ, но право, Государь,
Я согласиться не могу на это...

Герцогъ.

Но почему жъ?

Баронъ.

Увольте старика.

Герцогъ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

Баронъ.

На сына я
Сердитъ.

Герцогъ.

За что?

Баронъ.

За злое преступленье.

Герцогъ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

Баронъ.

Увольте, Герцогъ.

Герцогъ.

Это очень странно!
Или вамъ стыдно за него?

Баронъ.

Да... стыдно...

Герцогъ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

Баронъ.

Онъ... онъ меня
Хотѣлъ убить.

Герцогъ.

Убить! Такъ я суду
Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

Баронъ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

Герцогъ.

Что?

Баронъ.

Обокрасть.
(*Альберъ бросается въ комнату*).

Альберъ.

Баронъ, вы лжете!

Герцогъ (*сыну*).

Какъ смѣли вы?

Баронъ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!...
Ты могъ отцу такое слово молвить!...
Я лгу и передъ нашимъ Государемъ!...
Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?...

Альберъ.

Вы лжецъ!

Баронъ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!
Такъ подыми жъ, и мечъ насъ разсуди!
(*Бросаетъ перчатку; сынъ поспѣшно ее поднимаетъ*).

Альберъ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца.

Герцогъ.

Что видѣлъ я? что было предо мною?
Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!
Въ какіе дни надѣлъ я на себя
Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,
И ты, тигренокъ!—полно (*сыну*), бросьте это:
Отдайте мнѣ перчатку эту (*отнимаетъ ее*).

Альберъ (a parte).

Жаль!

Герцогъ.

Такъ и впился въ нее когтями!... Извергъ!
Подите: на глаза мои не смѣйте
Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ
Не призову васъ (*Альберъ выходитъ*).
Вы, старикъ несчастный,
Не стыдно ль вамъ?

Баронъ.

Простите, Государь...
Стоятъ я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!. . душно! ... Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

Герцогъ.

Онъ умеръ, Боже!
Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

Пушкинъ.

Борисъ Годуновъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Ночь. Келья въ Чудовомъ монастырѣ.—1603 г.—Отецъ Пименъ, Григорій спящій.

Пименъ (*пишетъ передъ лампадой*)

Еще одно, послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И, пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминаютъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья
Спасителя смиренно умоляютъ.
На старости я съизнова живу:
Минувшее проходитъ предо мною!
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуяся, какъ море-окіанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно!...
Но близокъ день—лампада догараетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*)

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? въ третій разъ!
Проклятый сонъ!... А все передъ лампадой

Старикъ сидитъ да пишетъ, и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новогородскомъ вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? Напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

Пименъ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,
Честный отецъ.

Пименъ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во-вѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сномъ не позабылся;
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мутилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось,
И, падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза́ мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

Пименъ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донынѣ—если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой въ ночи,—
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ Дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! А я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?
Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Произнести монашества обѣтъ
И въ тихую обитель затвориться.

Пименъ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
И женская лукавая любовь.
Я долго жилъ и многимъ насладился;
Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
Они его мѣняли на клобукъ.
Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
Его дворецъ, любимцевъ гордыхъ полный,
Монастыря видъ новый принималъ:
Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
Послушными являлись чернецами,
А грозный царь игумномъ богомольнымъ.
Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ—
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадательный,

Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
Мірскихъ суетъ),—здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней.
Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами
Грозный;
Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
«Отцы мои, желанный день придетъ,
Предстану здѣсь алкающій спасенья;
Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты Кириллъ,
Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный:
Пріиду къ вамъ преступникъ окаянный,
И схиму здѣсь честную восприму,
Къ стопамъ твоимъ, святый отецъ,
припадши».
Такъ говорилъ державный государь,
И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
И плакалъ онъ. А мы въ слезахъ молились,
Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
Его душѣ, страдающей и бурной.
А сынъ его Θеодоръ? На престолѣ
Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
Молчальника. Онъ царскіе чертоги
Преобратилъ въ молитвенную келью:
Тамъ тяжкія, державныя печали
Святой души его не возмущали.
Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
И Русь при немъ во славѣ безмятежной
Утѣшилась. А въ часъ его кончины
Свершилося неслыханное чудо:
Къ его одру, царю едину зримый,
Явился мужъ необычайно свѣтелъ,
И началъ съ нимъ бесѣдовать Θеодоръ
И называть великимъ патріархомъ...
И всѣ кругомъ объяты были страхомъ,
Уразумѣвъ небесное видѣнье,
Зане святый владыка предъ царемъ
Во храминѣ тогда не находился.
Когда же онъ преставился, палаты
Исполнились святымъ благоуханьемъ,
И ликъ его какъ солнце просіялъ.
Ужъ не видать такого намъ царя!
О страшное, невиданное горе!
Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ цареубійцу
Мы нарекли.

Григорій.

Давно, честный отецъ,
Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
Димитрія-царевича; въ то время
Ты говорятъ, былъ въ Угличѣ.

Пименъ.

Охъ, помню!
Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній
Угличъ
На нѣкое былъ посланъ послушанье.
Пришелъ я въ ночь. На утро, въ часъ
обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
Крикъ, шумъ... Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
Спѣшу туда жъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица - мать въ безпамятствѣ надъ
нимъ,
Кормилица въ отчаяньи рыдаетъ,
А тутъ народъ, остервенясь, волочитъ
Безбожную предательницу-мамку...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣденъ,
Является Іуда-Битяговскій.
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій
вопль,
И въ мигъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ
убійцамъ:
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца;
И чудо—вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтеся!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ подъ топоромъ злодѣи
Покаялись—и назвали Бориса.

Григорій.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

Пименъ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было
(Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ
больше:
Двѣнадцать лѣтъ)—онъ былъ бы твой
ровесникъ
И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.
Сей повѣстью плачевной заключу
Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій!
Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы,
Свободные отъ подвиговъ духовныхъ,

Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса,
Пророчества и знаменья небесны.
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонятъ
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій. (*уходитъ*).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все предъ тобой трепещетъ.
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда.

Пушкинъ

Ревизоръ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I.

Комната въ домѣ городничаго. Городничій, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ, судья, частный приставъ, лѣкарь, два квартальныхъ.

Городничій. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

Амм. Ѳед. (судья). Какъ, ревизоръ?

Арт. Филипп. (попеч. бог. зав.) Какъ, ревизоръ?

Городничій. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

Амм. Ѳед. Вотъ-те на!

Арт. Филипп. Вотъ не было заботы, такъ подай!

Лука Лукичъ (см. уч). Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаніемъ!

Городничій. Я какъ будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, эдакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*)... «и увѣдомить тебя». А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно поднимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...» (*остановясь*) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито... Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кирилловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кирилловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрипкѣ...» и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

Амм. Ѳед. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

Лука Лукичъ. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

Городничій (*испуская вздохъ*). Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*). До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

Амм. Ѳед. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что: Россія... да... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобъ узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

Городничій. Экъ куда хватилъ! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что онъ—пограничный что ли? Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

Амм. Ѳед. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того... вы не... Начальство имѣетъ тонкіе виды; даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

Городничій. Мотаетъ или не мотаетъ, а я васъ, господа предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ; совѣтую и вамъ, Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде все осмотрѣть подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія—и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по домашнему.

Арт. Филипп. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

Городничій. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-латыни, или на другомъ какомъ языкѣ... это ужъ по вашей части, Христіанъ Ивановичъ, всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда разчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, еслибы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію или къ неискусству врача.

Арт. Филипп. О! на счетъ врачеванья мы съ Христіаномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше,—лѣкарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіану Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться: онъ по-русски ни слова не знаетъ.

Христ. Иванов., лѣкарь (издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву *и*, и нѣсколько на *е*).

Городничій. Вотъ тоже я посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳеодоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ, въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его? только знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но все какъ-то позабывалъ.

Амм. Ѳед. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

Городничій. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ... онъ, конечно, человѣкъ свѣдующій, но отъ него такой запахъ, какъ будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода,—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то развлеченъ. Есть противъ этого сред-

ства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ или чеснокъ, или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіанъ Ивановичъ.

Христ. Иванов. (издаетъ тотъ же звукъ).

Амм. Ѳед. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

Городничій. Да я такъ только замѣтилъ вамъ. На счетъ же внутренняго распоряженія и того, что̀ называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ.

Амм. Ѳед. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ—рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки: но чѣмъ взятки? борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

Городничій. Ну, щенками или чѣмъ другимъ—все взятки.

Амм. Ѳед. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль...

Городничій. Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы... О, знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

Амм. Ѳед. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

Городничій. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, что самъ Богъ ему покровительствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ, какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно на счетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что имѣетъ толстое лицо...не вспомню его фамиліи...никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу: вотъ эдакъ (*дѣлаетъ гримасу*), и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстуха утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего: можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ—объ этомъ я не могу судить; но вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю—это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто, можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти.

Лука Лукичъ. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, когда зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ: зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству

Городничій. То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его; ну, покамѣстъ говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ—еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу

вамъ сказать, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ—ей-Богу! Сбѣжалъ съ каѳедры и, что̀ силы есть, хвать стуломъ объ полъ. Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать? отъ этого убытокъ казнѣ.

Лука Лукичъ. Да, онъ горячъ! Я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ... Говоритъ: «какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.»

Городничій. Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую скроитъ, что хоть святыхъ выноси.

Лука Лукичъ. Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься! Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

Городничій. Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь, голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?—Ляпкинъ-Тяпкинъ.—А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?—Земляника.—А подать сюда Землянику!» Вотъ что худо!

Явленіе II.

Тѣ же и почтмейстеръ.

Почтмейстеръ. Объясните, господа, что̀, какой чиновникъ ѣдетъ?

Городничій. А вы развѣ не слышали?

Почтмейстеръ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

Городничій. Ну что? какъ вы думаете объ этомъ?

Почтмейстеръ. А что думаю? война съ Турками будетъ.

Амм. Ѳед. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

Городничій. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

Почтм. Право, война съ Турками. Это все Французъ гадитъ.

Городн. Какая война съ Турками! просто, намъ плохо будетъ, а не Туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

Почтм. А если такъ, то не будетъ войны съ Турками.

Городн. Ну, что же, какъ вы, Иванъ Кузьмичъ?

Почтм. Да что я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

Городн. Да что я? Страху-то нѣтъ, а такъ немножко. Купечество да гражданство меня смущаютъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся; а я—вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю (*беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузьмичъ, нельзя ли вамъ для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую контору, входящее и исходящее... знаете, эдакъ немножко распечатать и прочитать: не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

Почтм. Знаю, знаю... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства; смерть люблю узнать, что̀ есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь—такъ описываются разные пассажи... а назидательность какая!... лучше, чѣмъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

Городн. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

Почтм. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ; а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однако жъ, что вы не читаете пи-

семъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ, недавно, одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю, и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: „жизнь моя, милый другъ, течетъ"—говоритъ—„въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ..,"—съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

Городн. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

Почтм. Съ большимъ удовольствіемъ.

Амм. Ѳед. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

Почтм. Ахъ, батюшки!

Городн. Ничего, ничего. Другое дѣло, еслибъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

Амм. Ѳед. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собаченкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другаго.

Городн. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь и шасть...

ДѢЙСТВІЕ V.

Явленіе. I.

Городничій, Анна Андреевна [1] *и Марья Антоновна* [2].

Городничій. Что̀, Анна Андреевна? а? думала ли ты что нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось—просто изъ какой нибудь городничихи и вдругъ, фу ты, канальство, съ какимъ дьяволомъ породнились!

Анна Андреевна. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

Городн. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однако жъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? (*Входитъ квартальный*). А, это ты, Иванъ Карповичъ! призови ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ. Постойте жъ, голубчики! прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходили бить челомъ на меня, и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что вотъ-дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то, чтобы за какого-нибудь простаго человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали! Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! ужъ когда торжество, такъ торжество! (*Квартальный уходитъ*).

---

[1] Городничиха.—[2] Дочь городничаго.

Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ жъ мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

Анна Андреевна. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться!

Городничій. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что̀ вѣдь, я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что̀ за городничество?

Городн. Вѣдь оно, какъ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за-панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ; такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно можно.

Городн. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Ужъ конечно голубую лучше.

Городн. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ?—потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь—фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ,—лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ—стой городничій! Хе, хе, хе! (*заливается и помираетъ со смѣху*). Вотъ что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь надо будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои знакомые будутъ не то, что какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

Городн. Что жъ, вѣдь слово не вредитъ!

Анна Андреевна. Да, хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

Городн. Да! тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

Анна Андреевна. Ему бы все только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти, и надо бы только эдакъ зажмурить глаза. (*Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ*). Ахъ, какъ хорошо!

Явленіе VIII.

Тѣ же, гости и почтмейстеръ, въ попыхахъ и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

Почтм. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

Всѣ. Какъ не ревизоръ?

Почтм. Совсѣмъ не ревизоръ,—я узналъ это изъ письма.

Городн. Что вы, что вы, изъ какого письма?

Почтм. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на поч-

ту письмо. Взглянулъ на адресъ — вижу: «въ Почтамтскую улицу [1]». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну», думаю себѣ, «вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство». Взялъ, да и распечаталъ.

Городн. Какъ же вы?...

Почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить съ эстафетой, — но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй, не распечатывай, пропадешь, какъ курица!» а въ другомъ—словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай»! И какъ придавилъ сургучъ — по жиламъ огонь, а распечаталъ — морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ, и все помутилось.

Городн. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтм. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный и не особа!

Городн. Что̀ жъ онъ по вашему такое?

Почтм. Ни сё, ни то; чортъ знаетъ, что̀ такое!

Городн. (*запальчиво*). Какъ ни сё, ни то? Какъ вы смѣете называть его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? я васъ подъ арестъ...

Почтм. Кто? вы?

Городн. Да, я!

Почтм. Коротки руки!

Городн. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

Почтм. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что̀ Сибирь,—далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо!

Всѣ. Читайте, читайте!

Почтм. (*читаетъ*). «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіогноміи и по костюму весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. И я теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшаюсь только, съ которой начать: думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали на шерамыжку, и какъ одинъ разъ было кондитеръ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ на счетъ доходовъ англійскаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ взаймы, сколько угодно. Оригиналы страшные, отъ смѣху ты бы умеръ! Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во первыхъ, городничій—глупъ какъ сивый меринъ»....

Городн. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого!

Почтм. (*показывая письмо*). Читайте сами.

Городн. (*читаетъ*). «Какъ сивый меринъ». Не можетъ быть, вы это сами написали!

Почтм. Какъ же бы я сталъ писать?

Арт. Филипп. Читайте!

Лука Лукичъ. Читайте!

Почтм. (*продолжая читать*). «Городничій — глупъ, какъ сивый меринъ»....

---

[1] Улица въ Петербург

Городн. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

Почтм. (*продолжая читать*). «Хм.... хм.... хм.... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ.... (*оставляя читать*). Ну тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

Городн. Нѣтъ, читайте!

Почтм. Да къ чему жъ?...

Городн. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

Арт. Филипп. Позвольте, я прочитаю (*Надѣваетъ очки и читаетъ*). «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также подлецъ, пьетъ горькую».

Почтм. (*къ зрителямъ*). Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

Арт. Филипп. (*продолжая читать*). «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе....и...и....» (*заикается*).

Коробкинъ. (*одинъ изъ гостей, отставной чиновникъ*). А что̀ жъ вы остановились?

Арт. Филипп. Да нечеткое перо.... впрочемъ, видно, что негодяй.

Кор. Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, получше глаза (*Беретъ письмо*).

Арт. Филипп. (*не давая письма*). Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

Кор. Да позвольте, ужъ я знаю.

Арт. Филипп. Прочитать я и самъ прочитаю,—далѣе, право, все разборчиво.

Почтм. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

Всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! (*Коробкину*). Читайте!

Арт. Филипп. (*отдаетъ письмо*). Вотъ позвольте.... (*закрываетъ пальцемъ*) вотъ отсюда читайте (*всѣ приступаютъ къ нему*).

Почтм. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

Кор. (*читая*). «Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ Земляника—совершенная свинья въ ермолкѣ».

Арт. Филипп. (*къ зрителямъ*). И не остроумно! свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

Кор. (*продолжая читать*). «Смотритель училищъ пропахнулъ насквозь лукомъ».

Лука Лукичъ (*къ зрителямъ*). Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку.

Амм. Өедор. (*въ сторону*). Славу Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

Кор. (*читая*). «Судья»....

Амм. Өедор. Вотъ тебѣ на! (*вслухъ*) Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли въ немъ, дрянь эдакую читать!

Лука Лукичъ. Нѣтъ!

Почтм. Нѣтъ, читайте!

Арт. Филипп. Нѣтъ, ужъ читайте!

Кор. (*продолжаетъ*). «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ».... (*останавливается*). Должно быть, французское слово.

Амм. Өедор. А чортъ его знаетъ, что̀ оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а, можетъ быть, того еще хуже.

Кор. (*продолжая читать*). «А впрочемъ, народъ гостепріимный и

добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкатиловку (*переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ*). Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ № 97, поворотя на дворъ, въ 3-мъ этажѣ, направо».

Одна изъ дамъ. Какой репримантъ неожиданный!

Городн. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего.... Воротить его, воротить его! (*машетъ рукою*).

Почтм. Куда воротить! я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

Жена Коробкина. Вотъ ужъ точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

Амм. Ѳедор. Однако жъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

Арт. Филипп. У меня тоже триста рублей.

Почтм. (*вздыхаетъ*). Охъ! и у меня триста рублей.

Бобч. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

Амм. Ѳедор. (*въ недоумѣніи разставляетъ руки*). Какъ же это, господа? какъ это въ самомъ дѣлѣ мы такъ оплошали?

Городн. (*бьетъ себя по плечу*). Какъ я—нѣтъ, какъ я, старый дуракъ, выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести: мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обобрать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!... что̀ губернаторовъ! (*махнувъ рукою*) нечего и говорить про губернаторовъ....

Анна Андр. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой!...

Городн. (*въ сердцахъ*). Обручился! кукишъ съ масломъ—вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!.. (*Въ изступленіи*). Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіанство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака, старому подлецу! (*Грозитъ самому себѣ кулакомъ*). Эхъ ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вотъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію! мало того, что пойдешь въ посмѣшище,—найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!... Эхъ вы!... (*Стучитъ со злости ногами объ полъ*). Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да къ чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!... (*суетъ кулакомъ въ полъ*).

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*). До сихъ поръ не могу прійти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что̀ было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ: ревизоръ, ревизоръ! Ну, кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

Арт. Филипп. (*разставивъ руки*). Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

Амм. Ѳед. Да кто выпустилъ,—вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! (*показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго*)...

Бобчинскій. Ей-ей, не я! и не думалъ...

Добчинскій. Я ничего, совсѣмъ ничего...

Арт. Филипп. Конечно вы!

Лука Лукичъ. Разумѣется. Прибѣжали какъ сумашедшіе изъ трактира: „Пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платитъ"... Нашли важную птицу!

Городничій. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

Арт. Филипп. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами!

Городничій. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятые, сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

Амм, Ѳед. Пачкуны проклятые!

Лука Лукичъ. Колпаки!

Арт. Филипп. Сморчки короткобрюхіе (*всѣ обступаютъ ихъ*).

Бобчинскій. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

Добчинскій. Э, нѣтъ. Петръ Ивановичъ, вы, вѣдь, первые того ..

Бобчинскій. А вотъ и нѣтъ. Первые-то были вы.

Явленіе послѣднее.

Тѣ же и жандармъ.

Жандармъ. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

(*Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи. Нѣмая сцена*).

Гоголь.

Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи.

Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлереи; по срединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ; съ другой стороны выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій.

I.

Авторъ піесы [1] (*выходя*). Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканія! весь театръ гремитъ!... вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось мое сердце назадъ тому лѣтъ семь, восемь! какъ бы встрепенулось все во мнѣ. Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзкомысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, не давшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь... Но разумный холодъ умудритъ хоть кого. Узнаешь, наконецъ, что рукоплесканья еще не много значатъ и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли—всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье!... Нѣтъ, не рукоплесканій я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ

---

[1] Само собою разумѣется, что авторъ піесы лицо идеальное. Въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ,—комика, избравшаго предметомъ своимъ—осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей (прим. Гоголя).

галлереи, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнія и впечатлѣнія, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока они еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ; всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ; одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель имѣетъ право, всякаго званія человѣкъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки!... Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанья слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой піесѣ. Человѣкъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. (*Отходитъ въ сторону. Показывается нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ, обращаясь къ другому:*) Выйдемъ лучше теперь. Играться будетъ незначительный водевиль. (*Оба уходятъ*)....

II.

Свѣтскій человѣкъ (*щеголевато одѣтый, сходя въ лѣстницы*). Плутъ портной претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны; все время было страхъ неловко сидѣть! за то я намѣренъ еще проволочить его, и годика два не заплачу долговъ (*уходитъ*).

Тоже свѣтскій человѣкъ (*поплотнѣе, говоритъ съ живостью другому*). Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полутораста рублей роберъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой Пафнутьевъ всякій день съ нимъ играетъ.

Авторъ (*про себя*). И все еще ни слова о комедіи!

III.

Одинъ изъ двухъ зрителей. Теперь еще ничего нельзя сказать. Погоди, что̀ скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

Двѣ бекеши (*одна другой*). Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

Другая бекеша (*дѣлая значительныя движенія губами*). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того.. въ своемъ родѣ... Ну, конечно, кто жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и... гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ... (*утвердительно сжимая губами*). Да, да! (*уходятъ*).

Авторъ (*про себя*). Ну эти пока еще немного сказали. Толки однако же будутъ: я вижу—впереди горячо размахиваютъ руками...

IV.

Неизвѣстно какой человѣкъ. Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро!

Литераторъ. Помилуйте, что жъ тутъ остроумнаго? что̀ за низкій народъ выведенъ, что̀ за тонъ? шутки самыя плоскія, просто даже сально!

Неизвѣстно какой человѣкъ. А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что піеса смѣшна, доставила удовольствіе.

Литераторъ. Да и не смѣшна. Помилуйте! Что жъ тутъ смѣшнаго, и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій; все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

Неизвѣстно какой человѣкъ. Ну да, противъ этого я не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

Литераторъ. Да что же есть? помилуйте, и этого даже нѣтъ. Ну что за разговорный языкъ? кто говоритъ эдакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами эдакъ?

Неизвѣстно какой человѣкъ. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ-будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

Литераторъ. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвѣстно какой человѣкъ. Кто жъ хвалитъ? Я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что піеса вздоръ...

V.

Два любителя искусствъ.

1-й... въ піесѣ нѣтъ завязки.

2-й. Да, если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, т. е. въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея точно нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Стóитъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣе завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во чтó бы то ни стало, другаго, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь!

1-й. Все это хорошо. Но и въ этомъ отношеніи все-таки я не вижу въ піесѣ завязки.

2-й. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ піесѣ завязка или нѣтъ. Я скажу только, что вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли уже къ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? точно узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собою, всей своей массой, въ одинъ большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два,—коснуться того, чтò волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и не входящее въ дѣло.

1-й. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими?

2-й. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣе и сильнѣе движутся, ихъ можно назвать главными; но правитъ піесою идея, мысль. Безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все, самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона...

1-й. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе болѣе общее

2-й Да развѣ это не есть ея прямое и настоящее значеніе? Въ самомъ началѣ комедія была уже общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. За то, какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ, какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонною любовью!

3-й (*подходя и слегка ударивъ 2-го по плечу*). Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ войти въ комедію.

2-й. Я и не говорю, чтобъ она не могла войти. Но и любовь и всѣ

другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то, что составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно изчезаетъ.

3-й. Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ?

2-й. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не могутъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лѣчатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному....

VI.

Господинъ А и Господинъ Б.

Б. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услышали замѣчаніе одного очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ подлѣ меня въ креслахъ... Ахъ, вотъ онъ самъ!

А. Кто?

Б. Именно этотъ, очень скромно одѣтый человѣкъ (*Обращаясь къ нему*). Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

Очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все правда, что это насмѣшка надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня припомнить и мысленно обнять всю піесу. И признаюсь, выраженіе комедіи показалось мнѣ теперь еще даже значительнѣй: въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣе и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣріе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость; плутъ, корчащій рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска; и послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не надо выводить этого на сцену! Я слышалъ одно замѣчаніе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, довольно порядочнымъ человѣкомъ: „А что скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какія злоупотребленія"?

А. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ: а что скажетъ народъ нашъ, глядя на все это!

Оч. скр. од. ч. Что скажетъ народъ? (*Посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ*)

Синій армякъ (*сѣрому*). Не бось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! (*оба выходятъ вонъ*).

Оч. скр. од. ч. Вотъ что скажемъ народъ, вы слышали?

А. Что?

Оч. скр. од. ч Скажетъ: «не бось, прыткіе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!" Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? какъ вѣренъ самый про-

стой глазъ, если онъ не отуманенъ теоріями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черпаетъ ихъ изъ самой природы человѣка? Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство?...

А. Но неужели однако жъ существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

О. с. о. ч. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что. Я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда слышу подобный вопросъ. Я могу говорить съ вами откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что̀ располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ вопросъ: „Неужели существуютъ такіе люди"? Но когда было видано, чтобы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: «Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?» Никогда, никогда! Да вотъ что— я буду съ вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ стоило, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся.

А. (*послѣ нѣкотораго молчанія*). Признаюсь, надъ словами вашими призадумаешься... Но простите мою нескромность—вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами—позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

О. с. о. ч. А я ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновниковъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

А. Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

О. с. о. ч. Обидно? А вотъ что я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не останется скрытою или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволитъ показать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи, и ужъ это одно дастъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу...

VII.

Трое мужчинъ.

1-й. Почему жъ не посмѣяться? Смѣяться можно; но что за предметъ для насмѣшки: злоупотребленія и пороки? какая здѣсь насмѣшка?

2-й. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

1-й. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый... Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

2-й. Какіе же другіе предметы?

1-й. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ.

Ну, положимъ, напримѣръ, я отправился на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ на Выборгскую или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

2-й. Т. е. вы хотите отнять у комедіи всякое серьезное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество... поѣзжайте въ театръ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу...

VIII.

Молодыя дамы.

1-я. Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

2-я. Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

Господинъ N (мужъ 1-й). А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

2-я. Признаюсь, мнѣ было точно грустно. Я знаю, все это очень вѣрно, и сама даже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ, мнѣ было тяжело.

Г. N. Стало быть комедія вамъ не понравилась?

2-я. Ну, послушайте, кто жъ это говоритъ? Я вамъ говорю уже, что смѣялась отъ всей души, и даже больше, нежели всѣ другіе; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мнѣ было грустно отъ того, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество и множество низкаго...

IX.

Два зрителя.

1-й. Вотъ что растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо, и характеръ, видишь—все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ кажется уже чѣмъ то громаднымъ, преувеличеннымъ, карикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между тѣмъ вѣдь они не то, чтобы злодѣи.

2-й. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то, какъ говоритъ пословица: „не душой худъ, а просто плутъ.“

1-й. И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было, если не половины, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

2-й. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ[1]. Вы видите—и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вложилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что̀ принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это—сборное мѣсто. Отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда

---

1 Фронтисписъ—средняя, выдающаяся вверхъ часть лицевой стороны зданія.

исключенія изъ правды, заблужденія и злоупотребленія, чтобы послужить одной идеѣ: произвести въ зрителяхъ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа: человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содроганіе. И, смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ бы чувствуя, что близко отъ него то, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: „зачѣмъ лица и герои его не привлекательны", тогда какъ онъ употребилъ все, чтобъ оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всею увлекательностью, то всѣ до одного перешли бы на сторону этого истиннаго лица, и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образцы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые; по окончаніи представленія зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: „Неужели существуютъ такіе люди?"

1-й. Да, но это однако же не вдругъ поймутъ.

2-й. Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по верхамъ и вдругъ,—не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будемъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишко въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная на него (*уходитъ*).

Одинъ чиновникъ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

X.

Появляется группа людей.

1-й. Разсудите: ну, танцоръ—напримѣръ—тамъ все-таки искусство, ужъ того никакъ не сдѣлаешь, что̀ онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я напримѣръ: да у меня просто ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно не учившись Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ, его откуда-то, кажется, выгнали.

2-й. Ну, однако жъ все-таки что-нибудь онъ долженъ знать; безъ этого нельзя писать.

1-й. Да помилуйте, что жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что̀ такое литераторъ?—Пустѣйшій человѣкъ: это всему свѣту извѣстно, ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ?—вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишете, и онъ напишетъ, и всякій напишетъ

2-й. Да, конечно, почему жъ и не написать? Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно

1-й. Да и ума не нужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бъ еще была, положимъ, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь—а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что̀ ни дѣлается,—вотъ и вся штука...

XI.

Авторъ піесы, *выходя*. Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижимую массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго предразсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что̀ человѣкъ, то мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ этомъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа, и въ этомъ высокомъ самоотверженіи забившагося въ глушь чиновника, и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души, и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей, и въ простомъ вѣрномъ чувствѣ народа! Какъ даже въ этихъ недоброжелательныхъ осужденіяхъ много того, что̀ нужно знать комику. Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ—с м ѣ х ъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить не смотря на то, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усомниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ и служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся родникъ его, но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что̀ проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы предъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: „неужели есть такіе люди“—тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ люди хуже. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ! Возмущаетъ только то, что мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но озаренное силою смѣха, несетъ оно уже примиреніе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщеніе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкія движенія души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ; плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенія съ его стороны достаточно, чтобъ этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна глубока-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: «что смѣшно, то низко», говоритъ свѣтъ; только тому, что произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названіе высокаго. Но, Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мірѣ! Все, что̀ ни творилось вдохновеніемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданія Шекспира для нихъ побасенки, высокія движенія

души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбіе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданья были сейчасъ названы побасенками; нѣтъ, я вижу свои недостатки и вижу, что достоинъ упрековъ; но не могла выносить равнодушно душа моя, какъ совершеннѣйшія творенія честились именами пустяковъ и побасенокъ! ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженія отъ того, что̀ повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: „побасенки"! Побасенки!... а вонъ протекли вѣка, города и народы снеслись и изчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что̀ было, а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокіе правители, прекрасный старецъ, и полный благороднаго стремленія юноша. Побасенки! А вонъ: стонутъ балконы и перила театровъ; все потряслось снизу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ однаго человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни?... Побасенки!... А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку,—и брызнули вдругъ освѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и проситъ вновъ у неба горя и страданій, чтобы только жить и заливаться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обмелѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!... О, да пребудутъ же вѣчно священны въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнія былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ,—становилось прежде всего ихъ заступникомъ.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но приметъ благодарно указанія недостатковъ, не омрачаясь даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ, какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но все перемалываетъ время. Какъ шелуха, слетаетъ ложь, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви. И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ насчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ,—въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы,—тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!...

Гоголь.

ОГЛАВЛЕНІЕ II ЧАСТИ.

ПОЭЗІЯ.

Теорія.

	Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Предметъ поэзіи.—Раздѣленіе поэзіи	649	3
I. Эпическая поэзія	—	—
II. Лирическая поэзія	654	8
III. Драматическая поэзія	656	10
О трагедіи изъ „Поэтики“ Аристотеля	—	14
IV. Дидактическія стихотворенія	660	29
Важнѣйшіе размѣры стиха	—	—
Опредѣленіе поэзіи	—	30

I. ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

НАРОДНЫЙ ЭПОСЪ.

Изъ „Иліады“ Гомера, *Гнѣдича*: Изъ пѣсни I	662	31
Изъ пѣсни VIII	667	36
Изъ „Одиссеи“ Гомера, *Жуковскаго* (изъ п. IX)	669	38
Былина объ Ильѣ Муромцѣ	677	46
Историческая пѣсня. Взятіе Казани	682	52
Духовный стихъ. О богатомъ и Лазарѣ	683	53
Сказка. Изъ сказокъ о лисѣ и волкѣ	685	54
Медвѣдь	—	55
Баба яга	686	—
Иванъ-дуракъ	687	56

ИСКУССТВЕННЫЙ ЭПОСЪ.

I. ПОЭМА. Изъ „Энеиды“ Виргилія (изъ I п.) *Шершеневича*	688	58
Обзоръ всей поэмы	692	62

	Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
Изъ „Освобожденнаго Іерусалима“ *Тасса*, Раича:		
Изъ пѣсни I	694	64
Изъ пѣсни IV	698	68
Изъ пѣсни X	705	75
Изъ „Полтавы,“ *Пушкина*:		
1. Изъ III пѣсни	707	77
2. Эпилогъ поэмы	708	78
Изъ „Цыганъ“ *Пушкина*	709	79
II. РОМАНЪ И ПОВѢСТЬ. Изъ „Евгенія Онѣгина,“ *Пушкина*:		
1. Онѣгинъ (изъ гл. I)	710	80
2. Онѣгинъ въ деревнѣ (id.)	714	84
3. Ольга и Татьяна (изъ гл. II)	715	85
4. Татьяна въ усадьбѣ Онѣгина (изъ гл. VI)	716	86
5 Татьяна въ Москвѣ (id.)	717	87
Изъ „Мертвыхъ душъ,“ *Гоголя*:		
1. Чичиковъ (изъ XI гл.)	719	89
2. Плюшкинъ (изъ VI. гл.)	725	95
Изъ „Тараса Бульбы“ (см. I часть стр. 386—406	384	450
III. ИДИЛЛІЯ. Отставной солдатъ, *Дельвига*	736	106
IV. БАСНЯ. Пѣтухъ и Жемчужное зерно, *Крылова*	738	108
Свинья подъ дубомъ, *его же*	—	—
Мартышка и очки, *его же.*	—	—
Голикъ, *его же*	739	109
V. БАЛЛАДА. Торжество побѣдителей. Das Siegesfest (оба текста) Шиллера, пер. *Жуковскаго.*	—	—
Разборъ баллады „Торжество побѣдителей“	743	113
Ленора (Бюргера) пер. *Жуковскаго*	746	116
Свѣтлана, *Жуковскаго*	749	119
Ивиковы журавли Шиллера, *его же* (съ разборомъ	—	—

II. ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ:		
Веснянка	752	128
Колядка	—	—
Колыбельныя пѣсни: I	—	—
II	—	—
Святочныя подблюдныя:		
1. Катилося зерно по бархату	753	129
2. Идетъ кузнецъ изъ кузницы	—	—
Семейныя пѣсни:		
1. Ужъ какъ палъ туманъ на сине море	—	—
2. Ахъ, кабы на цвѣты не морозы	—	—
Свадебныя пѣсни:		
1. Матушка, да что въ полѣ пыльно		
2. Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночки не спалось	754	130
Солдатская	—	—
Разбойничья	—	—
Заплачки:		
1. По мужѣ		
2. По родителѣ	755	131
Духовный стихъ: Похвала пустынѣ	—	—
ОДА.		
Ода, выбранная изъ Іова, *Ломоносова*	756	132
Богъ, *Державина*	757	133
Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія, *Ломоносова*	758	135
На день возшествія на престолъ Имп. Елисаветы Петровны (1747), *Ломоносова*	759	—
На смерть Гёте, *Баратынскаго*	761	137
Клеветникамъ Россіи, *Пушкина*	763	138
Пророкъ, *Пушкина*	—	139
Пророкъ, *Лермонтова*	762	—
Стансы, *Пушкина*	—	—

	Стр. 2 изд.	Стр. 3 изд.
АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ:		
Къ лирѣ (Анакреона), пер. *Мея*	764	140
Подражаніе Анакреону, *Ломоносова*	—	—
ЭЛЕГІЯ.		
Тѣнь друга, *Батюшкова*	—	—
Опять на родинѣ, *Пушкина*	765	141
19 октября (Лицейская годовщина: „Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей...“), *Пушкина*	766	142
Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ, *Пушкина*	—	—
Выхожу одинъ я на дорогу, *Лермонтова*	767	143
Вечерній звонъ, *Козлова*	—	—
Три ключа, *Пушкина*	—	—
САТИРА.		
Чужой толкъ, *Дмитріева*	767	144
НАДПИСИ.		
На могилѣ Карамзина, *Жуковскаго*	770	147
Къ потрету Жуковскаго, *Пушкина*	771	—
ЭПИГРАММЫ.		
Исторія стихотворца, *Пушкина*	—	—
Сожалѣніе, *Дмитріева*	—	—
МАДРИГАЛЪ	—	—
АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.		
Муза, богиня Олимпа... *Майкова*	—	—
Муза, *Пушкина*	—	148
Трудъ, *Пушкина*	777	—
СОНЕТЪ: „Суровый Дантъ не презиралъ сонета“, *Пушкина*	—	—
ТРІОЛЕТЪ, *Карамзина*	—	149

III. ДИДАКТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Изъ „Письма о пользѣ стекла“ *Ломоносова*	—	—

IV. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Эдипъ царь Софокла (вполнѣ) пер. *С. Шестакова*	—	153
Скупой рыцарь, *Пушкина* (вполнѣ):		
Сцена первая	775	175
Сцена вторая	780	180
Сцена третья	783	183
Борисъ Годуновъ, *Пушкина*: Сцена пятая	786	186
Ревизоръ *Гоголя*.		
Дѣйствіе I. Явленіе 1-е и 2-е	791	189
Дѣйствіе V. Явленіе 1-е	797	193
Явленіе 8-е	798	194
Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи *Гоголя* (какъ объясненіе комедіи и комическаго самимъ авторомъ)	804	198